

М о с к в а
А
К
М А Р Б У Р Г
Р
Е
Н
К
П О Л Т А В А

Гётц Хиллиг

В ПОИСКАХ ИСТИННОГО
МАКАРЕНКО

Гётц Хиллиг

В ПОИСКАХ ИСТИННОГО МАКАРЕНКО

Русскоязычные публикации (1976 – 2014)

Götz Hillig

UNTERWEGS ZUM WAHREN MAKARENKO

Russischsprachige Publikationen (1976 – 2014)

Гьотц Хілліг

У ПОШУКАХ ІСТИННОГО МАКАРЕНКА

Російськомовні публікації (1976 – 2014)

Полтава – 2014.

Москва – 2020

УДК 37.091.4:811.163.1

ББК 74.03(2)6-213 X45

Рецензенты:

Л. И. Гриценко – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии развития личности Волгоградской государственной академии повышения квалификации и переподготовки работников образования

Л. Э. Холмс – Почётный профессор истории Университета Южной Алабамы (США)

С. Ф. Клейко – доктор философских наук, доцент, проректор по научной работе Полтавского областного института последипломного педагогического образования имени М. В. Остроградского, главный редактор журнала «Постметодика»

Научное издание

*Российское издание книги отличается
исправлением замеченных опечаток
и подготовлено при участии сотрудников
Украинской ассоциации А. С. Макаренко и
Российской макаренковской ассоциации*

Хиллиг Г.

В поисках истинного Макаренко. Русскоязычные публикации (1976–2014) /

Гётц Хиллиг. М., 2020. – 778 с. Изд. 2-е, испр.

Настоящий сборник объединяет русскоязычные труды марбургского учёного Г. Хиллига (1938–2019) за 1976–2014 годы: статьи и брошюры, написанные в ходе исследования жизни и творчества всемирно известного воспитателя, педагога, писателя и социального предпринимателя А.С. Макаренко.

Для автора не было запретных тем в макаренковедении, но при этом он неизменно выдвигал и придерживался самых высоких требований к подбору и точности воспроизведения источников, а также аккуратности и деликатности их толкования.

Благодаря трудам проф. Хиллига читатель получает возможность познакомиться с Макаренко в заметно большем богатстве и многообразии его достижений, сложностей и противоречий в профессиональной, личной и общественной жизни, с судьбами многих знакомых и друзей А.С. Макаренко в те годы суровых испытаний для всей страны и большинства её граждан. Иными словами, из педагогической иконы или портрета Макаренко превращается в хорошо знакомого, а для многих читателей – и верного друга, жизнь и произведения которого становятся более понятны и воодушевляют к собственной деятельности.

Научная строгость в произведениях автора естественно сочетается с живым и понятным изложением, доступным и интересным не только знатокам, но и заметно более широкому кругу читателей.

Первое издание данного труда по воле и на средства автора любезно осуществлено в Полтавском национальном педуниверситете им. В.Г. Короленко в 2014 г. «в надежде не просто оказать дань уважения к деятельности Макаренко, но открыть важные перспективы сотрудничества между западной школой макаренковедения и отечественной».

Второе, уже в России, издатели и редакторы посвящают также памяти автора, проф. Г. Хиллига (1938–2019), и столетию основания Колонии под Полтавой (1920 г.), позже получившей имя М. Горького.

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ • ЗМІСТ	3
ВІД ВИДАВЦЯ • ОТ ИЗДАТЕЛЯ	9
ОТ АВТОРА	13
№ 01 (Равенсбург/ФРГ, 1976) Марбургское издание «Собрания сочинений» А. Макаренко. – Предисловие	15
№ 02 (Марбург, 1984) Святой Макаренко. К изданию произведений А.С. Макаренко Академией педагогических наук. – Предварительное замечание. От автора	19
№ 03 (Орхус/Дания, 1984) 50-летие публикации «Педагогической поэмы»	21
№ 04 (Марбург, 1985) В Харьков или в Запорожье? Сборник документов о переводе колонии им. Горького из Полтавы на новое место («Завоевание Куряжа») 1925–1926 гг. – От составителя	27
№ 05 (Марбург, 1985) Виталий Макаренко. Мой брат Антон Семёнович. Воспоминания, письма. – От редактора	29
№ 06 (Марбург, 1987) Он родился и вырос в России. Вместо некролога [к кончине В.С. Макаренко]	32
№ 07 (Париж, 1988) «Второе рождение» А.С. Макаренко. Опыт реконструкции процесса канонизации его как педагога (1939–1941 гг.)	45
№ 08 (Москва, 1988) 20 лет лаборатории по изучению наследия А.С. Макаренко	71
№ 09 (Париж, 1989) К вопросу национального самосознания А.С. Макаренко	79
№ 10 (Ташкент, 1989) Упущенный шанс. К статье «Уроки Марбурга» в «Учительской газете»	97
№ 11 (Марбург, 1989) Дополнительные штрихи к портрету А.С. Макаренко	99
№ 12 (Москва, 1990) Сталинские грехи Макаренко	122
№ 13 (Москва, 1990) А.С. Макаренко и НКВД	126

Содержание

№ 14 (Марбург, 1990) Переписка А.С. Макаренко с М. Горьким. Академическое издание. – Предисловие...	135
№ 15 (Париж, 1990) Царапины на образе «святого». Некоторые результаты историко-биографического макаренковедения	139
№ 16 (Марбург, 1991) На вершине «Олимпа». Подборка документов о конфликте Макаренко с представителями украинского «соцвоса» (февраль – март 1928 г.). – Предисловие	155
№ 17 [Москва, 1991] Приукрашивание вместо историзма. По поводу издания сборника «Пионеры макаренковедения»	161
№ 18 (Париж, 1992) Как А.С. Макаренко открыл семью. К истории создания и воздействия «Книги для родителей» 1936–1939 гг.	165
№ 19 (Москва, 1993) Как мы нашли брата А.С. Макаренко	184
№ 20 (Москва, 1994) А.С. Макаренко и Н.К. Крупская (возвращаясь к полузабытому спору 60-х гг.)	188
№ 21 (Москва, 1994) Метаморфозы любовных писем Макаренко	198
№ 22 (Москва, 1994) «Ты научила меня плакать...». Переписка А.С. Макаренко с женой (1927–1939). В двух томах. Том 1. – Введение	200
№ 23 (Марбург, 1995) «Макаренко – педагог, а не писатель!» Переписка А.С. Макаренко с двумя читательницами (1938–1939 гг.). – От составителей	205
№ 24 (Москва, 1996) Макаренко и сталинизм: размышления и комментарии к дискуссионной теме	208
№ 25 (Марбург, 1996) Страдания «украинизированного» завкола. Деловые письма А.С. Макаренко на украинском языке (1924–1925 г.г.). – От издателя	217
№ 26 (Марбург, 1997) Прометей Макаренко и «главбоги» Педолимпа: Соколянский, Залужный, Попов. – От автора	219
№ 27 (Марбург, 1997) Свидетельства искренней дружбы: Воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко. – Предисловие	221
№ 28 (Будапешт-Фот/Венгрия, 1998) Макаренко и Фадеев	228

Содержание

№ 29 (Марбург, 1998) Макаренко в год «Большого террора»	231
№ 30 (Марбург, 2000) Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935–1937 гг.)	284
№ 31 (Полтава, 2000) Григорий Ващенко и Антон Макаренко. Взаимоотношения двух полтавских педагогов	391
№ 32 (Марбург, 2001) «Береги себя!!!». Переписка Г.С. и А.С. Макаренко с сыном (1927–1939 гг.). – От составителей	410
№ 33 (Москва, 2002) Между двух огней. А.С. Макаренко в Полтаве (1919–1920 гг.)	412
№ 34 (Москва, 2002) Макаренко и власть	419
№ 35 (Москва, 2002) Карманные деньги для карманников. Неизвестное письмо «нэпмана» А.С. Макаренко	435
№ 36 (Симферополь, 2003) К истории возникновения колонии им. М. Горького	439
№ 37 (Полтава, 2003) Лиха беда начало: марбургские размышления в связи с полтавской макаренковедческой публикацией	449
№ 38 (Марбург, 2003) Шефы завкола Макаренко (1920–1926 гг.)	459
№ 39 (Полтава, 2003) Колония им. М. Горького – лаборатория и сцена воспитателя А.С. Макаренко	497
№ 40 (Полтава, 2003) Миф о «дипломной работе» выпускника Полтавского учительского института А.С. Макаренко	523
№ 41 (Полтава, 2005) А.С. Макаренко и В.А. Балицкий. Два соратника на службе украинского ГПУ	526
№ 42 (Москва, 2006) На разных берегах... О том, как братья Макаренко в 1930-х годах пытались восстановить контакт друг с другом	531
№ 43 (Москва, 2006) Болшевская коммуна – «старший брат» макаренковской «Дзержинки». К 80-летию основания Первой трудкоммун ОГПУ	540

Содержание

№ 44 (Москва, 2007) [Журналу «Педагогика» – 70 лет] Юбилейное приветствие из Марбурга	570
№ 45 (Полтава, 2008) Это удивительно, коллега Фролов! К изданию нового собрания сочинений А.С. Макаренко	573
№ 46 (Москва, 2008) Макаренко нужно переиздать	580
№ 47 (Ростов-на-Дону, 2010) Антон Макаренко contra Наталья Гирей	585
№ 48 (Москва, 2010) Семь смертей А.С. Макаренко: домыслы и факты	621
№ 49 (Москва, 2010) Творческо-коммерческий альянс – одна из движущих сил канонизации А.С. Макаренко	631
№ 50 (Полтава, 2011) На путях к научной биографии А.С. Макаренко	639
№ 51 (Москва, 2011) Странные выдумки об А.С. Макаренко	663
№ 52 (Ростов-на-Дону, 2012) Как Горький редактировал Макаренко. Работа «пролетарского писателя» над текстом «Педагогической поэмы»	669
№ 53 (Нижний Новгород, 2013) А.С. Макаренко в Горьком	688
№ 54 (Полтава, 2013) В Украину, к Антону Макаренко... 40 лет исследований на родине кумира	693
№ 55 (Полтава, 2013) Вновь открывая Макаренко-оратора. Слово на презентации в Елецком университете книги «А.С. Макаренко. Публичные выступления (1936–1939 гг.)»	701
№ 56 (Полтава, 2013) Как Макаренко добрался до Америки. Об истории брошюры «Дети в стране социализма»	704
№ 57 (Полтава, 2013) А.С. Макаренко – участник празднования 300-летия царствования Дома Романовых	710
№ 58 (Полтава, 2013) Вместо Парижа – в Сталинград. К 80-летию волжско-черноморского похода коммунаров-дзержинцев	713
№ 59 (Ростов-на-Дону, 2013) По следам необыкновенной дружбы: Антон Макаренко – Маргарита Барская	719

Содержание

№ 60 (Полтава, 2013) Макаренко нужно исследовать и сохранить – это наша общая задача	747
№ 61 (Ростов-на-Дону, 2014) Об одной забытой стенограмме	749
ПРИЛОЖЕНИЕ • ДОДАТОК	755
Список научных публикаций Г. Хиллига, вышедших в Украине (1990 – 2013) • Список наукових публікацій Г. Хіллiґа, що вийшли в Україні (1990 – 2013)	755
Автобиография • Автобіографія	758
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН • ПОКАЖЧИК ІМЕН	759

.....

ВІД ВИДАВЦЯ

Канонізація Антона Семеновича Макаренка (1888–1939), який сам сприймав себе перш за все як письменник, в ранг провідного радянського педагога відбувся на початку 1940-х років. Після Великої Вітчизняної війни його оригінальна концепція колективного виховання була «експортована» до соціалістичних країн, а в 1950-і роки стала відомою і в «капіталістичному» світі. Особливо це стосується ФРН. Публікації про Макаренка, що виходили там, в соціалістичному таборі розглядалися як частина так званого «Ostforschung» (дослідження східного блоку) і відповідно заперечувалися як ворожі до справи соціалізму. Не в останню чергу це відноситься до діяльності заснованої в 1968 році при Марбурзькому університеті лабораторії з вивчення А.С. Макаренка («Макаренко-реферат»). Вчені, що працювали там, вважали своїм найважливішим завданням реконструювати істинного Макаренка, тобто виявити і усунути фальсифікації щодо життя і творчості цього класика світової педагогіки з України, що містяться в радянських публікаціях. Аналізуючи минуле, слід зазначити, що марбуржцям це добре вдавалося – більша частина результатів їх досліджень стала поступово загальновизнаною в країнах колишнього СРСР та за його межами.

Найважливішим відкриттям Марбурзьких макаренкознавців було, безсумнівно, те, що вони відшукали у Франції в одному з будинків престарілих молодшого брата А.С. Макаренка, Віталія Семеновича, колишнього «білогвардійця», про якого в Радянському Союзі замовчувалося. Вони змогли переконати його написати спогади про проведені з Антоном Семеновичем дитячі та юнацькі роки. Його мемуари вийшли в світ – ще до публікації російськомовного оригіналу в Москві – в перекладі українською мовою в Києві в 1991 році.

Марбурзькі дослідники брали активну участь у створенні Міжнародної макаренківської асоціації (ММА), що відбулося в 1991 році в Полтаві; її першим президентом став дійсний член Академії педагогічних наук СРСР проф. Микола Дмитрович Ярмаченко (Київ). Взавши до уваги те, що Макаренко, який, як відомо, провів майже все своє життя в Україні, сприймав себе росіянином і писав свої твори, записки та особисті листи виключно російською мовою, остання за рішенням установчої конференції асоціації була визнана в якості ведучої міжнародної мови макаренкознавства. Лише потім (у 2002 році) було створено національну українську асоціацію з українською мовою спілкування.

Доктор філософських наук, приват-доцент історії педагогіки, керівник лабораторії «Макаренко-реферат» Марбурзького університету, колишній президент ММА Гьотц Хілліг є, за словами щойно обраного нового президента асоціації проф. Ніколи Січіліані де Кумісі (Рим), «найвидатнішим вченим-макаренкознавцем». Про нього без перебільшення можна сказати, що все його життя присвячено вивченню педагогічної та письменницької спадщини нашого Антона Семеновича. З 1996 року Гьотц Хілліг – іноземний член Національної Академії педагогічних наук України, а з 2004 року – також і Російської Академії освіти.

Відразу ж після «перевороту» Г. Хілліг надав україномовним періодичним виданням в Києві, Полтаві та Львові для перекладу і передруку деякі свої російськомовні статті – вони були опубліковані в цих виданнях в 1991–2002 роках. Однак більша частина його робіт в Україні після 1999 року виходила російською. Зі Змісту цього збірника стає ясным, що це насамперед відноситься і до публікацій в друкованому органі Полтавського обласного інституту післядипломної педагогічної освіти імені М. В. Остроградського «Постметодіка»; з 2001 року марбурзький учений є членом редколегії – такі публікації в Змісті позначені як ті що вийшли друком у Полтаві.

ВВЕДЕНИЕ

Подолавши вузьку область макаренкознавства, Г. Хіллігу вперше вдалося проаналізувати безліч архівних та друкованих джерел, показати структуру і особливості радянської системи виховання і навчання в УРСР 1920–30-х років, назвати її лідерів, показати їх повсякденне життя. Враховуючи той факт, що таке задовольняюче науковим критеріям пострадянське уявлення, яке б не замовчувало про «ліквідованих» пізніше з політичних причин особистостей та їх внесок у розвиток виховання і навчання в УРСР, до цього часу знаходиться тільки на початковій стадії свого формування, виявленні щодо діяльності Макаренка аспекти цієї книги дають перші вказівки до адекватної та цілісної розробки даної теми – цієї насущної задачі для української історико-педагогічної науки.

Таким чином, видання даної ключової роботи в області макаренкознавства в Полтавському національному педагогічному університеті імені В.Г. Короленка буде не просто даниною поваги щодо діяльності Макаренка, яка почалася саме в нашому місті, але відкріє перед усіма нами важливі перспективи співпраці між західною школою макаренкознавства і вітчизняною. Тепер ми зможемо долучитися до багатого досвіду західних досліджень, зрозуміти особливості сприйняття життя і творчості нашого земляка в Німеччині, щоб дізнатися про ті досягнуті рубежі, на які вийшла світова наука в нашій галузі та засвоїти ці досягнення. А звідси виникає перспектива творчого збагачення дослідницької традиції Макаренка, а з часом і його педагогічного вчення.

Ректор Полтавського національного педагогічного університету
імені В.Г. Короленка – доктор філологічних наук,
професор Микола Степаненко

Полтава

Травень 2014 р.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Канонизация Антона Семёновича Макаренко (1888–1939), который сам воспринимал себя прежде всего как писатель, в ранг ведущего советского педагога последовала в начале 1940-х годов. После Великой Отечественной войны его оригинальная концепция коллективного воспитания «ушла на экспорт» в «социалистические страны», а в 1950-х годах стала известной и в «капиталистическом» мире. Особенно это касается ФРГ. Вышедшие там публикации о Макаренко в социалистическом лагере рассматривались как часть так называемого „Ostforschung“ (исследования восточного блока) и соответственно громились как враждебные делу социализма. Не в последнюю очередь это относится к деятельности основанной в 1968 году при Марбургском университете лаборатории по изучению А.С. Макаренко («Макаренко-реферат»). Учёные, работавшие в ней, считали своей важнейшей задачей реконструировать истинного Макаренко, т.е. обнаружить и устранить содержащиеся в советских публикациях фальсификации в отношении жизни и творчества этого классика мировой педагогики из Украины. Бросив взгляд на прошлое, следует отметить, что марбуржцам это хорошо удавалось – большая часть результатов их исследований стала постепенно общепризнанной в странах бывшего СССР и за его пределами.

Самым важным открытием марбургских макаренковедов было, несомненно, то, что они отыскали во Франции в одном из домов престарелых младшего брата А.С. Макаренко, Виталия Семёновича, бывшего «белогвардейца», о котором в Советском Союзе умалчивалось. Они сумели убедить его написать воспоминания о проведённых с Антоном Семёновичем детских и юношеских годах. Его мемуары вышли в свет – ещё до публикации русскоязычного оригинала в Москве – в переводе на украинский язык в Киеве в 1991 году.

Марбургские исследователи активно участвовали в основании Международной макаренковской ассоциации (ММА), которое произошло в 1991 году в Полтаве; её первым президентом стал действительный член Академии педагогических наук СССР проф. Николай Дмитриевич Ярмаченко (Киев). Принимая во внимание то, что Макаренко, который, как известно, провёл почти всю свою жизнь в Украине, понимал себя как русский и писал свои произведения, записки и личные письма исключительно на русском языке, последний по решению учредительной конференции ассоциации был признан в качестве веду-

щего международного языка макаренковедения. Лишь затем (в 2002 году) последовало основание национальной украинской ассоциации с украинским языком общения.

Доктор философских наук, приват-доцент истории педагогики, руководитель лаборатории «Макаренко-реферат» Марбургского университета, бывший президент ММА Гётц Хиллиг является, по словам только что избранного нового президента ассоциации проф. Николы Сичилиани де Кумиса (Рим), «величайшим учёным-макаренковедом». О нём без преувеличения можно сказать, что вся его жизнь посвящена изучению педагогического и писательского наследия нашего Антона Семёновича. С 1996 года Гётц Хиллиг – иностранный член Национальной Академии педагогических наук Украины, а с 2004 года – также и Российской Академии образования.

Сразу же после «переворота» Г. Хиллиг предоставил украиноязычным периодическим изданиям в Киеве, Полтаве и Львове для перевода и перепечатки некоторые свои русскоязычные статьи – они были опубликованы в этих изданиях в 1991–2002 годах. Однако большая часть его работ в Украине после 1999 года выходила по-русски. Из Содержания настоящего сборника становится ясным, что это прежде всего относится и к публикациям в печатном органе Полтавского областного института последипломного педагогического образования имени М. В. Остроградского «Постметодика»; с 2001 года марбургский учёный является членом редколлегии – такие публикации в Содержании обозначены как вышедшие в свет в Полтаве.

Преодолев узкую область макаренковедения, Г. Хиллигу впервые удалось проанализировать множество архивных и печатных источников, показать структуру и особенности советской системы воспитания и обучения в УССР 1920–30-х годов, назвать её лидеров, их повседневную жизнь. Учитывая тот факт, что такое удовлетворяющее научным критериям постсоветское представление, которое не умалчивало бы о «ликвидированных» позднее по политическим причинам личностях и их вкладе в развитие воспитания и обучения УССР, до сих пор находится только на начальной стадии своего формирования, выявленные относительно деятельности Макаренко аспекты настоящей книги дают первые указания к адекватной и целостной разработке данной темы – этой насущной задачи для украинской историко-педагогической науки.

Таким образом, издание данного ключевого труда в области макаренковедения в Полтавском национальном педагогическом университете имени В.Г. Короленко будет не просто данью уважения к деятельности Макаренко, начало которой было положено именно в нашем городе, но откроет перед всеми нами важные перспективы сотрудничества между западной школой макаренковедения и отечественной. Теперь мы сможем приобщиться к богатому опыту западных исследований, понять особенности восприятия жизни и творчества нашего земляка в Германии, чтобы узнать те достигнутые рубежи, на которые вышла мировая наука в нашей области и усвоить эти достижения. А отсюда возникает перспектива творческого обогащения исследовательской традиции о Макаренко, а со временем и его педагогического учения.

Ректор Полтавского национального педагогического университета
имени В.Г. Короленко – доктор филологических наук,
профессор Николай Степаненко

Полтава
Май 2014 г.

ZUR EINFÜHRUNG

Die vorliegende Edition umfaßt meine russischsprachigen Publikationen aus den Jahren 1976 – 2014: Artikel und Broschüren zu verschiedenen Fragestellungen, die im Verlauf der Erforschung von Leben und Werk des bekannten sowjetischen Pädagogen und Schriftstellers A.S. Makarenko entstanden sind. Es handelt sich um 61 Texte, von denen zehn in Kooperation mit deutschen, russischen bzw. ukrainischen Kollegen geschrieben wurden. Ich bin sehr froh, daß diese Ausgabe, gewissermaßen mein Opus magnum, in Poltava erscheint – dem Ort, an dem Makarenko seine Ausbildung erhielt (Lehrerinstitut, 1914–1917) und der später das wichtigste Zentrum seiner pädagogischen Tätigkeit wurde (M.Gor'kij-Arbeitskolonie, 1920–1926).

Ziel dieses Werkes ist der originale Nachdruck entsprechender Texte (Studien, Berichte, Vorworte zu Quelleneditionen, Rezensionen) in chronologischer Reihenfolge. Auf diese Weise eröffnet sich dem heutigen Leser die Möglichkeit, nicht nur die ständig erweiterte Thematik mei-

ner Arbeiten, sondern auch die wachsende Anzahl zugrundeliegender Archivalien und Publikationen kennenzulernen. Derartige russischsprachige Beiträge eines nichtsovietischen Autors, sofern dieser nicht Mitglied einer kommunistischen Partei war, konnten bis 1987, der damaligen politischen Situation geschuldet, ausschließlich im Westen erscheinen (im vorliegendem Fall vor allem in Marburg, aber auch in Paris) und erst später in der Sowjetunion, in Rußland und der Ukraine. Der ungekürzte Nachdruck der in dieser Edition enthaltenen Texte bringt naturgemäß Wiederholungen mit sich, was auch damit zusammenhängt, daß die Beiträge für unterschiedliche Leserkreise konzipiert waren – Pädagogen, Historiker, Slawisten.

Das Spektrum der Thematik der Texte der vorliegenden Ausgabe erstreckt sich von biographischen Fragestellungen wie soziale Herkunft, Nationalität, Bildung, familiärer Hintergrund und politische Orientierung A.S. Makarenkos, aber auch „weißen Flecken“ auf dessen Lebensweg, über Probleme seiner Erziehungskonzeption, der Edition und linguistischen Bearbeitung seiner Texte durch Dritte, der Genese und Verbreitung seiner literarischen Werke in und außerhalb der Sowjetunion, A.M. Gor'kij's Unterstützung bei der Redaktion des Textes des „Pädagogischen Poems“ bis hin zu Vergleichen von Makarenkos theoretischen Positionen als Schlußfolgerungen aus seinen praktischen Erfahrungen mit Konzepten anderer sowjetischer Pädagogen der 20er–30er Jahre. Dabei gelang es mir, die Umstände der Entstehung des „Laboratoriums“ der Makarenkoschen Pädagogik zu klären – der Poltavaer M.Gor'kij-Arbeitskolonie für die „Umschmiedung“ minderjähriger Rechtsbrecher (1920) und deren Verlegung in die damalige Hauptstadt der Ukr. SSR Char'kov (1926); der Gründung daselbst, zusammen mit ersterer, der F.È.Dzeržinskij-Jugendkommune zur Umerziehung „Verwahrloster“ (1927), einer Aufgabe, die der GPU dieser Republik oblag; Makarenkos Degradierung als Leiter der „Dzeržinka“ im Verlauf der Industrialisierung der Kommune (1932) und seine Versetzung in den Leitungsstab der Abteilung Arbeitskolonien des NKVD der Ukr. SSR in der neuen Hauptstadt Kiev (1935); schließlich Makarenkos Umzug nach Moskau (1937), seine Tätigkeit als „freier Schriftsteller“ und populärer Redner sowie sein früher Tod im Alter von erst 51 Jahren (1939). Darüber hinaus konnte ich anhand von Archivalien und zeitgenössischen Publikationen zahlreiche wichtige Personen aus dem Umfeld des Pädagogen und Schriftstellers ausfindig machen und porträtieren, die in der Forschung zuvor „übergangen“ worden waren. Sofern die entsprechenden Untersuchungsergebnisse als russischsprachige Publikationen vorliegen, fanden sie Aufnahme in diese Edition und eröffnen damit den Zugang für eine breite Leserschaft in und außerhalb der Ukraine, auch für künftige Generationen.

Die Wiedergabe der hier reproduzierten Texte folgt deren Erstveröffentlichung. Das betrifft auch die Konfiguration der Überschriften der einzelnen Beiträge, die Kennzeichnung von Zitaten sowie die Gestaltung von Anmerkungen und den Ort ihrer Reproduktion. Die genauen bibliographischen Angaben zur originalen Version einer jeden Publikation schließen sich dem jeweiligen Text unmittelbar an.

Den Chefredakteuren der betreffenden Zeitschriften bin ich für ihre Erlaubnis zum Wiederabdruck meiner Beiträge in der vorliegenden Edition zu Dank verpflichtet: Vladimir Borisenkov („Pedagogika“, Moskau), Tamara Eregina („Besprizornik“, Moskau), Jurij Katunin („Kul'tura narodov Pročernomorija“, Simferopol'), Sergej Klepko („Postmetodika“, Poltava), Aleksej Kušnir („Narodnoe obrazovanie“, Moskau), Oleg Luk'jančenko („Kovčeg“, Rostov am Don); Vladimir Maksimov („Kontinent“, Paris) und Dominique Négrel („Cahiers du Monde russe et soviétique“, Paris).

An der Überprüfung der gescannten Texte war Natal'ja Vysockaja (Simferopol') maßgeblich beteiligt. Für diese fundamentale Hilfe bin ich ihr in besonderem Maße dankbar.

G.H.

Marburg,
Mai 2014

ОТ АВТОРА

Настоящая книга объединяет мои русскоязычные публикации за 1976 – 2014 годы: статьи и брошюры на различные темы, написанные в процессе исследования жизни и творчества известного советского педагога и писателя А.С. Макаренко. Речь идёт о 61-ти текстах, из которых 10 вышли в соавторстве с немецкими, русскими и украинскими коллегами. Я очень рад, что это издание, так сказать мой *Opus magnum*, выпускается в Полта-

ве – месте, где Макаренко получил своё образование (учительский институт, 1914–1917) и которое потом стало важнейшим центром его педагогической деятельности (трудколония им. М. Горького, 1920–1926).

Цель данной книги – точное переиздание соответствующих текстов (имеются в виду исследования, обзоры, предисловия к изданиям источников, рецензии) в хронологическом порядке. Таким образом, для современных читателей открывается возможность познакомиться не только с постоянно расширяющейся тематикой моих работ, но также и с возрастающим количеством доступных архивных и печатных источников по рассматриваемой теме. До 1987 года такие материалы несоветского автора, если только он не был членом компартии, на русском языке, по понятным причинам, могли быть изданы исключительно на Западе (в данном случае – в первую очередь в Марбурге, а также в Париже) и лишь затем – в Советском Союзе, в России и в Украине. Переиздание включённых в настоящий сборник текстов без сокращений обуславливает, конечно, наличие некоторых повторений отдельных высказываний. Это связано с тем, что материалы были опубликованы в разных печатных органах для разных кругов читателей – педагогов, историков, славистов.

Спектр тематики текстов настоящего издания простирается от биографических вопросов, в т.ч. социального происхождения, национальности, образования, семейного окружения и политической ориентации педагога-писателя, а также «белых пятен» на его жизненном пути, исследований по проблемам его концепции воспитания, издания и лингвистической обработки текстов Макаренко, выполненных редакторами издательств, генезиса и воздействия его литературных произведений, их распространения в Советском Союзе и по всему миру, помощи А.М. Горького в процессе редакции текста «Педагогической поэмы», до сравнений теоретических положений Макаренко как обобщений его опыта с представлениями других советских педагогов 20–30-х гг. При этом мне удалось прояснить обстоятельства создания лаборатории макаренковской педагогики – Полтавской трудовой колонии им. М. Горького для «перековки» несовершеннолетних правонарушителей (1920) и её переезда в тогдашнюю столицу УССР Харьков (1926); учреждения там же, рядом с первой, детской коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, подведомственной ГПУ этой республики, для перевоспитания беспризорных (1927); понижения в должности заведующего «Дзержинки» Макаренко в процессе перевода коммуны на индустриальные рельсы (1932) и перевода его в штат только что организованного Отдела трудколоний НКВД УССР в новую столицу Киев (1935); переезда Макаренко в Москву (1937) и его деятельности как «свободного писателя» и успешного докладчика в столице СССР и, наконец, его ранней смерти в возрасте 51 года (1939). Но, кроме того, мне (с помощью архивных данных и выходявших в нужное время публикаций) удалось отыскать многих важных людей из окружения педагога-писателя, чьи свидетельства ещё не были приняты во внимание в макаренковедении. Поскольку результаты этих исследований изложены в форме русскоязычных публикаций, они сведены воедино в настоящем издании и, таким образом, становятся доступными широкому кругу читателей в Украине и за её пределами, а также и для будущих поколений.

Воспроизведение текстов осуществляется на основе первой публикации. Это относится и к способу расположения заголовков, оформлению кавычек, а также сносок и месту их воспроизведения. Точные библиографические данные к оригинальной версии каждой публикации следуют сразу же после текста.

Я глубоко благодарен главным редакторам соответствующих журналов за их согласие на переиздание включённых в этот сборник статей: Владимиру Борисенкову («Педагогика», Москва), Тамаре Ерёгиной («Беспризорник», Москва), Юрию Катунину («Культура народов Причерноморья», Симферополь), Сергею Клепко («Постметодика», Полтава), Алексею Кушнiru («Народное образование», Москва), Олегу Лукьянченко («Ковчег», Ростов-на-Дону), Владимиру Максимоу («Континент», Париж), Dominique Négrel (Cahiers du Monde russe et soviétique, Paris).

В проверке отсканированных текстов участвовала Наталья Высоцкая (Симферополь). За эту фундаментальную помощь автор выражает ей искреннюю благодарность.

Г.Х.

Марбург
Май 2014 г.

№ 01 (Равенсбург/ФРГ, 1976)

АНТОН МАКАРЕНКО
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Марбургское издание

Первый отдел:
Прижизненные публикации

ПРЕДИСЛОВИЕ К МАРБУРГСКОМУ ИЗДАНИЮ

Лаборатория А.С. Макаренко Научно-исследовательского центра сравнительной педагогики Марбургского университета предлагает вниманию читателей первый том подготовленного ею Собрания сочинений Макаренко. МАРБУРГСКОЕ ИЗДАНИЕ открывает общественности доступ к творчеству видного советского педагога и писателя, к текстам его произведений в более близкой к подлиннику форме и в более широком объёме, чем это было до сих пор. Данное издание является результатом многолетней работы Лаборатории по собиранию произведений Макаренко и восстановлению их первоначального, оригинального текста. Лаборатория надеется, что это издание сможет послужить основой для более глубокого восприятия, изучения и оценки всего творчества Макаренко.

Антон Семёнович Макаренко (1888–1939) развил свою педагогическую концепцию на основе многолетней деятельности в качестве руководителя учреждений для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных на Советской Украине, причём вначале он имел лишь местное значение.

Макаренко-писатель стал известен более широкому кругу читателей после выхода „Педагогической поэмы“ (Москва, 1934–36 гг.), написанной на основе его педагогического опыта. Намеченная Макаренко в общих чертах теория коллективного воспитания лишь после его смерти нашла широкий общественный резонанс, сначала в РСФСР, а затем и в УССР и других союзных республиках. В конкретных исторических условиях концепция Макаренко подверглась догматическому сокращению и в этом виде пропагандировалась как советская теория воспитания. После 1945 г. её начали перенимать и страны, только что преобразовавшиеся в народные демократии. Вначале интерес к творчеству Макаренко на западе был скорее реакцией на широкую пропаганду его концепции в этих странах. В дальнейшем западные учёные-педагоги, в частности в ФРГ, внесли значительный вклад в макаренковедение, получившее со временем международное распространение.

Первые планы по собиранию опубликованных в разное время и в различных местах работ Макаренко и всего его творческого наследия исходили от небольшого круга его близких друзей и единомышленников, в который наряду с его женой, Г.С. Макаренко, входили также писатель В.Г. Финк, литературные критики Н.И. Четунова, В.В. Ермилов и Ю.Б. Лукин, психолог В.Н. Колбановский и бывший воспитанник Макаренко С.А. Калабакин. Эта комиссия („Комиссия по увековечению памяти А.С. Макаренко“), организованная президиумом Союза советских писателей СССР непосредственно после смерти Макаренко, намечала издать его произведения уже в начале 1941 г.: первоначально полное собрание его сочинений в Гослитиздате, а затем избранные произведения в Учпедгизе. Война, очевидно, помешала осуществлению этих планов. До 1945 г. отдельными книгами вышли только три издания лекций, прочитанных им по радио и впервые опубликованных в 1940 г. газетами „Известия“ и „Учительская газета“ (Москва 1940, Махачкала 1941, Сталинград 1941), а также сборник стенограмм выступлений, опубликованных ранее в „Учительской газете“ (Чкалов 1941).

Впервые творчество Макаренко более значительно представлено в его „Избранных педагогических произведениях“ (редакторы – члены Академии Педагогических Наук РСФСР Е.Н. Медынский и И.Ф. Свадковский, составитель И.Ф. Козлов, Москва 1946; нем. перевод: *Ausgewählte pädagogische Werke*, Bukarest 1951). Это однотомное издание содержит – почти исключительно – ранее опубликованные тексты, подвергшиеся частично сокращению. Новые материалы были помещены в книге „Педагогические сочинения“, из-

данной Е.Н. Медынским и составленной А.Г. Тер-Гевондяном (Москва 1948). Однако, несмотря на подзаголовок „Неопубликованные произведения, статьи и стенограммы выступлений“, в эту книгу вошли и ранее опубликованные тексты. Преимущественно переиздания содержат „Избранные педагогические сочинения“, вышедшие в 1949 г. в 4-х томах как приложение к журналу „Совесткая педагогика“ (составлены И.С. Петрухиным под ред. И.А. Каирова и Г.С. Макаренко; 4-ый том переведён на нем. язык: *Ausgewählte pädagogische Schriften*, Berlin 1952).

К десятой годовщине со дня смерти Макаренко было выпущено Академией Педагогических наук РСФСР под редакцией И.А. Каирова, Г.С. Макаренко и Е.Н. Медынского семитомное собрание его работ „Сочинения“ (Москва 1950–52). Текст подготовил к печати, главным образом, В.Е. Гмурман, сотрудник Института теории и истории педагогики АПН РСФСР. Это издание, в котором материал расположен по темам, а внутри их – в хронологическом порядке, должно было, согласно примечанию от редакции к первому тому, содержать „все художественные и педагогические произведения, рассказы, очерки, статьи и другие материалы, опубликованные в печати, а также ряд произведений и материалов, до сего времени не опубликованных“. Работы, впервые включённые в это издание, представляют собой публицистические и литературные материалы, публиковавшиеся ещё при жизни Макаренко в газетах и журналах (тт. 6 и 7), а также и ранее не опубликованные киносценарии (т. 6), наброски и варианты к вышедшим произведениям художественной литературы (тт. 1, 3 и 4) и письма (т. 7).

Это издание было переведено на чешский (Прага 1952–55), украинский (Киев 1953–56), польский (Варшава 1955–57), венгерский (Будапешт 1955–56) и, частично, на немецкий (тт. 5 и 7, Берлин 1956–58), грузинский (т. 1, Тбилиси 1957), словацкий (тт. 6 и 7, Братислава 1957–58) и румынский языки (тт. 6 и 7, Бухарест 1958–59); а вышедшее в 1957–1958 гг. второе, несколько изменённое издание послужило основой для переводов на немецкий (Берлин 1961–64), японский (Токио 1964–65) и грузинский языки (пока 4 тома, Тбилиси 1959–73). В отличие от первого издания тт. 5 и 7 были пополнены следующими материалами: найденными в последнее время работами Макаренко, а также стенограммами докладов, письмами и составленными им документами, относящимися к Колонии им. Горького и Коммуне им. Дзержинского. Не были включены или напечатаны в сокращённом виде публицистические работы 1936–1938 гг., затрагивавшие актуальные политические события (тт. 5 и 7). Подготовленное АПН РСФСР и вышедшее большим тиражом семитомное собрание сочинений является самым обширным собранием творчества Макаренко. На нём основывались, публиковавшиеся впоследствии все сборники и отдельные издания, а также все переводы, сделанные в Советском Союзе и за рубежом. Не в последнюю очередь, именно на основе этого издания на долгое время сложилось представление о Макаренко-педагоге.

Однако это издание АПН РСФСР не выдерживает строгого критического анализа текстов и источников. Работа над текстами, проведённая Лабораторией А.С. Макаренко Марбургского НИИ на основе сравнения первоначальных изданий с последующими, выявила многочисленные не обоснованные авторскими рукописями отклонения в последних из них. Оказалось также, что неоднократно использовались подвергшиеся значительной редакторской правке тексты более ранних изданий, главным образом издания

„Избранные педагогические произведения“ (1946 г., составитель И.Ф. Козлов). Некоторые из установленных разночтений изменяют содержание. Кроме того, в это издание, как уже отмечалось, были включены далеко не все опубликованные ранее работы.

Причины этому различны: некоторые из них были опубликованы в мало известных периодических изданиях, в других не было установлено авторства или же содержание их показалось неприемлемым. Некоторые предусмотренные первоначальным редакционным планом тексты из наследия Макаренко также не были включены в это издание: роман „Пути поколения“, пьесы „Ньютоновы кольца“ и „Забота о человеке“, а также рассказ „Расчёт свободно несущих крыльев“. Всё вышесказанное относится и к переводам на основе издания АПН РСФСР, которые, кроме того, содержат изменения, возникшие в процессе перевода, а также частично в процессе редакционной работы.

После 1958 г. в СССР вышел целый ряд ранее неизвестных материалов, дополняющих это издание Академии. Речь здесь идёт о литературных и педагогических фрагментах, о документах, относящихся к колонии и коммуне, стенограммах выступлений, письмах и выдержках из записных книжек, опубликованных в различных сборниках, педагогических и литературных журналах. Вышеприведённые обстоятельства, а также то, что советскими учёными пока не предусматривается издание критически пересмотренного полного собрания сочинений Макаренко, обусловили подготовку промежуточного издания (Interimsedition), которое отвечало бы научным критериям и было, сколь возможно, полным. МАРБУРГСКОЕ ИЗДАНИЕ, рассчитанное на 20 томов, пытается реализовать эти требования, оно включает все доступные работы педагога и писателя с сохранением близкой к подлиннику формы текста. Деление издания на два отдела (1-ый отд. – Прижизненные публикации – 13 тт., 2-ой отд. – Наследие – 7 тт.) вызвано трудностями доступа к источникам.

МАРБУРГСКОЕ ИЗДАНИЕ приводит оригинал текста Макаренко с параллельным переводом на немецкий язык и обстоятельными комментариями. В первом отделе, охватывающем работы, опубликованные при жизни Макаренко, составители обращались к первому печатному варианту (на русском, украинском, французском или английском языках), и дают его факсимиле. При этом впервые включается несколько ранее неизвестных работ – найденных путём систематического анализа международной литературы о Макаренко, соответствующих библиографий и периодики. Тексты печатаются в хронологической последовательности.

Комментарий к каждому произведению содержит данные об истории его создания и публикации (насколько это известно или удалось установить), сведения о вариантах, напечатанных при жизни Макаренко, и в издании подготовленном АПН РСФСР. В виде примечаний, кроме того, будут, по возможности, включены: дополнительные отрывки из рукописей или из более поздних изданий, важные в научном отношении разночтения, а также пояснения, необходимые для полного понимания всех особенностей текста. Комментарий дополнен указателями имён, топографических названий и произведений Макаренко.

Первый отдел охватывает 13 томов. 1, 7, 9 и 12 тома представляют собой собрание небольших публикаций периодов 1923–31, 1932–36, 1937 и 1938–39 гг. Остальные тома содержат: „Марш 30 года“ (т. 2), „Педагогическая поэма“ (тт. 3–5), „Методика организации воспитательного процесса“ (т. 6), „Книга для родителей“ (т. 8), „Честь“ (т. 10) и „Флаги на башнях“ (т. 11). Том 13 явится общей библиографией произведений Макаренко, напечатанных при его жизни (1923–39 гг.).

Для второго отдела предусматриваются, наряду с педагогическими и литературными произведениями, составленные Макаренко в период его работы в колонии и коммуне документальные материалы, стенограммы выступлений, выдержки из записных книжек и письма, а также биография А. Макаренко, критический очерк его творчества и сводный указатель.

Параллельно с двуязычным изданием выходит также издание только на немецком языке. Немецкий перевод всех текстов или выполнен впервые, или сделан заново.

Данный перевод определён основной тенденцией придерживаться как можно ближе оригинала, сохраняя его синтаксическую структуру и точный смысл содержания. Это относится прежде всего к произведениям чисто педагогического характера, где в особо затруднительных случаях или в местах, важных для содержания, перевод отказывается

Предисловие к марбургскому изданию «Собрания сочинений»

от стилистического выглаживания. Все выражения, связанные со временем написания, передаются также с предельной точностью и, если это необходимо, разъясняются в комментариях; сокращения почти везде даны в их полном звучании. Во всех произведениях, относящихся к беллетристике, проведена попытка сохранить их художественные особенности. В то же время перевод не пытается дать любой ценой полное воспроизведение всех стилистических приёмов писателя Макаренко, таких как употребление жаргона беспризорных, украинизмов, слов местного значения, вульгаризмов или индивидуальных речевых оборотов, используемых писателем для характеристики отдельных персонажей.

Лаборатория А.С. Макаренко выражает глубокую признательность Германскому научно-исследовательскому обществу (DFG), которое с 1969 г. оказывает данному проекту финансовую помощь. Приносим также благодарность всем макаренковедам, которые оказывали нам самую широкую поддержку. Выражаем признательность и библиотекам, которые помогли нам разыскать тексты: Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина в Москве, Славянской библиотеке в Праге, Университетской библиотеке в Хельсинки, Библиотеке конгресса в Вашингтоне, Баварской государственной библиотеке в Мюнхене, Библиотеке мирового хозяйства при университете г. Киль, Государственной библиотеке в Марбурге.

Редакционная коллегия

Марбург, май 1975 г.

Примечание: Во время печатания этого тома стало известно, что АПН СССР начинает подготовку полного собрания сочинений Макаренко в 9–10 томах (Советская педагогика, 1975, № 5, с. 158).

Антон Макаренко. Собрание сочинений. Марбургское издание. Ред. коллегия: З. Вайтс, И. Виль, Л. Фрёзе, Г. Хиллиг. Лаборатория А.С. Макаренко Научно-исследовательского центра сравнительной педагогики Марбургского университета. Первый отдел: Прижизненные публикации. Том 1: Публикации 1923–1931 гг. Ред. и комм. З. Вайтса и Г. Хиллига // Равенсбург: Издательство Отто Майера, 1976. – Предисловие к Марбургскому изданию: с. XVI–XX.

№ 02 (Марбург, 1984)

Гётц Хиллиг

СВЯТОЙ МАКАРЕНКО

К ИЗДАНИЮ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. МАКАРЕНКО
АКАДЕМИЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
РСФСР / СССР (1950 – 1983 гг.)

[ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ]

In Zusammenhang mit dem 100. Todestag Pestalozzis schrieb der Wiener psychoanalytische Pädagoge S. Bernfeld von der „endgültigen Heiligsprechung, die Johann Heinrich Pestalozzi anlässlich des 17. Februar 1927 von der gesamten deutschen Pädagogenschaft zugedacht wird“.

(S. Bernfeld, Sankt Pestalozzi. In: Das Tagebuch, 1927, S.259)

In Zusammenhang mit dem 100. Geburtstag Makarenkos (13. März 1988) beschloß die UNESCO, diesen in die Reihe der „großen Pädagogen der Welt“ aufzunehmen.

(Ankündigungen der neuen, achtbändigen Makarenko-Ausgabe)

По поводу столетия со дня смерти Песталоцци венский педагог-психоаналитик З. Бернфельд писал о «бесповоротном причислении Иоганна Генриха Песталоцци к лику святых, которым его удостоила вся немецкая педагогическая гильдия в связи с 17 февраля 1927 г.»,

(З. Бернфельд в статье «Святой Песталоцци»)

По поводу столетия со дня рождения Макаренко (13 марта 1988 г.) ЮНЕСКО решила включить его имя «в число имён великих педагогов мира».

(Извещения издательства «Педагогика» о новом, восьмитомном издании собрания сочинений А.С. Макаренко, «Новые книги». 1982, № 37, с. 79; «Народное образование», 1983, № 2, с. 94)

ОТ АВТОРА

А.С. Макаренко, как известно, считается и за пределами СССР одним из выдающихся педагогов этого столетия. Однако конкретные обстоятельства, при которых произошла его канонизация, ещё недостаточно выяснены. Одно очевидно: в возведении Макаренко в ранг классика педагогики решающую роль сыграла его вдова – Галина Стахивна Макаренко (1892–1962). Она являлась членом «Комиссии по увековечению памяти А.С. Макаренко», организованной президиумом Союза советских писателей СССР после смерти Макаренко, и заведовала «Лабораторией по изучению педагогического наследства А.С. Макаренко» при Институте теории и истории педагогики АПН РСФСР, существовавшей в 1943–1951 гг.

Звание «классик-педагог» встречается уже в протоколе одного из заседаний «Комиссии» (17.2.1941). Причём внесение его в протокол произошло, совершенно очевидно, по инициативе самой Г.С. Макаренко. Издания избранных произведений Макаренко, редакционно подготовленные «Лабораторией» и вышедшие с 1946 г., внесли значительную лепту в формирование наших представлений о Макаренко-педагоге. В особенности это относится к семитомному изданию «Сочинения» (1950–1952, 2-ое издание 1957–1958), составленному, в значительной мере, Г.С. Макаренко и В.Е. Гмурманом.

Через 15 лет после смерти Г.С. Макаренко вышло впервые сравнительно обширное издание: «Избранные педагогические сочинения» (1977), составитель Л.Ю. Гордин. В этот двухтомник были включены (без изменений) тексты из семитомника; однако имена Сталина и Молотова и вообще любое упоминание об этих государственных деятелях в издании, составленном Гординым, в отличие от «Сочинений» полностью устранены.

На критику в адрес семитомного издания, которая исходила от макаренковедов Харькова и Марбурга, а также в ответ на публикацию проспекта запланированного двухязычного «Марбургского издания» собрания сочинений Макаренко, рассчитанного на 20

томов (1974), – Президиум АПН СССР реагировал решением о подготовке «полного собрания сочинений в 9–10 томах». В действительности же, сейчас предпринимается «более фундаментальное» – в сравнении с семитомным – издание «Педагогических сочинений» в 8-и томах. Первые два тома этого издания, в основном составленного Л.Ю. Гординым и А.А. Фроловым, вышли в конце 1983 г.

В трёх статьях предлагаемой здесь книги рассматриваются вышеназванные три издания АПН. В приложении даётся – в форме синопса – текст одной из лекций Макаренко: публикуется стенограмма и её воспроизведение в семитомнике. (В новом издании этот текст предполагают, как объявлено, поместить в выходящем уже в 1984 г. 4-ом томе.)

Автор видит цель этой книги не только в критике до сих пор вышедших изданий АПН. Ему представляется, что данная работа явится также вкладом в предпринимаемый Марбургской лабораторией опыт реконструкции жизни и творчества Макаренко и тем самым будет способствовать демифологизации и дегероизации образа Макаренко, избавлению его от легендарных черт для того, чтобы показать действительное значение советского педагога. Сотрудники Марбургской лаборатории разделяют при этом точку зрения английского учёного из Бирмингемского университета Джона Данстэна:

«То, что в конечном счёте имеет значение, – это достижения Макаренко, а не то, что некоторые из его современников думали о нём. Любому, о ком после смерти можно с полным основанием утверждать, что он был ведущим в теории и практике педагогики в течение более чем 30 лет, и кто по-прежнему оказывает на неё большое влияние, обеспечено место в пантеоне, и обнаружение отдельных слабостей не может свергнуть его с пьедестала. Кроме того, именно святые с некоторыми недостатками наиболее ясно говорили миру о положении человечества».

Марбург, март 1984 г.

Святой Макаренко. К изданию произведений А.С. Макаренко Академией педагогических наук РСФСР/СССР (1950–1983 гг.) / Гётц Хиллиг // Марбург: Makarenko-Referat. 1984 (Opuscula Makarenkiana, Nr.4). – Предварительное замечание: с. V; От автора: с. X–XII.

50-ЛЕТИЕ ПУБЛИКАЦИИ „ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ“

Гётц Хиллиг (Марбург)

"Это истинная педагогическая поэма, вдохновенная книга о переделке психики. Она, как "Эмиль" Жан Жака Руссо, – ступень в развитии науки о воспитании". (Максим Горький, 1933 г.).

"Я думаю, ни одна история всеобщей литературы, даже самая пристрастная, даже отмеченная антисоветскими предубеждениями, не сможет отныне обойти молчанием "Педагогическую поэму", не нарушая приличия. Ибо книга эта беспрецедентна; это книга нового типа". (Луи Арагон, 1955 г.)

И действительно, "Педагогическая поэма" принесла своему автору – Антону Семёновичу Макаренко (1888–1939) – славу выдающегося педагога и за пределами СССР. Значение опыта Макаренко как для теории, так и для практики педагогики ещё до конца не осмыслено. Высокие литературные достоинства книги "Педагогическая поэма", переведённой теперь уже на 18 языков народов Советского Союза и на 36 иностранных языков, завоевали популярность среди широких читательских кругов.

В основе "Педагогической поэмы" лежат жизненные наблюдения и опыт самого Макаренко – с 1920 по 1928 г. руководителя колонии имени Горького, учреждения для ресоциализации малолетних правонарушителей. Сначала колония находилась под Полтавой, затем – в 1926 г. – её перевели в бывший Куряжский монастырь, недалеко от Харькова. Трудовую колонию имени Горького вскоре сделали из обычной колонии опытно-показательным детским учреждением Наркомпроса УССР. В ней жили и работали дети, потерявшие во время революции, во время гражданской войны и голода своих родителей, – мальчики и девочки, кочевавшие в поисках еды и пристанища по всей стране. Именно таких беспризорных в колонии перевоспитывали в "новых людей" – полноправных членов послереволюционного общества.

В данной редакции, включающей три части, "Педагогическая поэма" была написана в 1933–1935 годах. Опубликована она была несколько позже: первая часть появилась в самом начале 1934 г. (год издания дан 1933-ий) в литературном альманахе "Год Семнадцатый", основанном и издаваемом М. Горьким. Две следующие части опубликованы в том же альманахе соответственно весной 1935 и весной 1936 гг. Вскоре выходит и книжный вариант "Поэмы" (в московском государственном издательстве "Художественная литература" – (ГИХЛ) – вначале трёхтомником, затем – в 1935 г. – появляется однотомник с первой и второй частями "Поэмы", и наконец все три части её выходят однотомным изданием в 1937 г.

При жизни Макаренко вышло на украинском языке двухтомное издание всех трёх частей "Поэмы" (1935–1936 гг.), а за пределами СССР первая часть была переведена на английский (1936 г., 1938 г.), голландский (1938 г.) и французский (1939 г.) языки. По чисто коммерческим соображениям эти издания – как и большинство поздних зарубежных переводов "Поэмы" – вышли под названием "Путёвка в жизнь". Так назывался советский фильм (1931 г.), пользовавшийся на Западе в то время большим успехом. В Великобритании перевод "Поэмы" вышел даже специально с указанием, что это "книга к фильму".

Ранний вариант "Поэмы", возникший сразу же после того, как Макаренко был вынужден уйти из колонии им. Горького, им закончен не был. Позже он включил отдельные главы в окончательный вариант произведения. Целиком же напечатать этот ранний вариант ему ни в Харькове, ни позже в Москве не удалось.

Работу над "Поэмой" Макаренко возобновил в начале 1933 года. Побудило его к этому, по-видимому, два обстоятельства. Первое – счастливое: вышедший осенью 1932 г. его "Марш 30 года" – цикл очерков о детской трудовой коммуне им. Дзержинского ГПУ УССР в Харькове, которой он руководил с 1927 года, – понравился М. Горькому. Горький хвалил Макаренко, советовал продолжать писать, прислал начинающему писателю денег. Другое – менее счастливое – обстоятельство: в 1932 году на посту руководителя коммуны Макаренко сменил присланный из центра ГПУ УССР чекист (в должности "начальника коммуны"), а Макаренко получил менее ответственный пост – стал начальником педагогической части (что значило одновременно – помощник начальника коммуны). В

следствие этого, у Макаренко было теперь гораздо больше времени, он мог серьёзно заняться реализацией своих творческих планов.

Литературные достоинства "Педагогической поэмы" были признаны сразу же после выхода произведения. Нравилось всё: и стройная композиция "Поэмы", и её язык, передающий все оттенки речи отдельных персонажей, и характеры – выведенные живо, увлекательно и лаконично, и мягкий юмористический тон книги. И сегодня "Поэма" находит своих читателей, увлекая их до самой последней страницы. Но чем больше хвалили автора за литературные достоинства его произведения, тем больше спорили по поводу его педагогических идей и выводов, которые он делал из своих наблюдений в колонии.

Ещё до выхода "Поэмы" о Макаренко шла слава педагога авторитарного склада со склонностью военизировать педагогический процесс. После 1945 г., когда педагогические идеи Макаренко стали пропагандировать и за пределами СССР, на Западе лишь очень и очень постепенно прокладывали себе путь объективные представления о Макаренко-педагоге. Не сразу было понято, что за мнимо кажущимся военизированным фасадом жизни в колонии им. Горького, за требованиями Макаренко к колонистам соблюдать кодекс чести, где главные понятия – дисциплина, порядок, долг и ответственность, – за стремлением педагога воспитывать подростков непременно в коллективе и обязательно трудом, а именно производительным трудом, в организации которого дети принимают активное участие, что за всем этим скрываются основополагающие начала его, как выразился Макаренко, "педагогической логики".

Но теперь уже и на Западе Макаренко причислен к классикам мировой педагогики, его имя называют сразу после Песталоцци, и по поводу столетия со дня рождения Макаренко (13 марта 1988 г.) ЮНЕСКО решила включить его имя "в число имён великих педагогов мира".

Однако вряд ли широко известно, что "Педагогическая поэма", главное произведение Макаренко – писателя и педагога, до сих пор имеет хождение в довольно сокращённой редакции 1937 г. Это издание, служащее основой всех поздних, выходивших и на русском, и на иностранных языках, ошибочно называют "последнее авторизованное издание". Ведь в нём нет многих, так называемых "острых мест" и даже целых "острых эпизодов" (как, например, публикуемая здесь глава "Гастроли контралято").

Эти купюры сделаны не самим автором, они проведены по инициативе его жены – Галины Стахиевны Макаренко. Возможно, что она не без оснований считала эти места спорными, даже опасными в годы усиления репрессий. Но в издании "Поэмы" 1937 г. и в других прижизненных изданиях книги нетрудно было обнаружить целый ряд более мелких изменений формы и содержания, которые никак нельзя назвать продуктом творческой воли Макаренко. Все эти изменения были внесены в условиях политической и культурной атмосферы того времени, а также благодаря субъективизму излишне усердных редакторов.

Именно ответу на вопросы: "Какие изменения были сделаны в "Поэме"?", "Кем"? и "Почему"? и подчинена научная деятельность автора этой статьи как сотрудника Лаборатории А.С. Макаренко при Марбургском университете (ФРГ). Это единственный за пределами СССР научно-исследовательский центр, сотрудники которого специально изучают жизнь и творчество Макаренко, международную рецепцию его наследия. По случаю восьмого съезда славистов в Загребе-Любляне в 1978 г. автор подготовил текстологическое исследование "Педагогической поэмы"¹, Работа эта послужила основой для издания "Поэмы", которое вышло среди других томов "Марбургского издания" собрания сочинений Макаренко (тт. 3–5).

Тексты упомянутого издания "Поэмы", выпущенного в 1982 г. штутгартским издательством "Клетт-Котта"², воспроизводятся по первому книжному варианту. Этот вариант, опубликованный в 1934 – 1936 гг. на русском языке, является до сих пор самым пол-

¹ Götz Hillig, A.S. Makarenko, "Pedagogiškaja poëma". Teil 1: Eine textologische Untersuchung. В сборнике: H.-B. Harder, B.E. Scholz (Hrsg.), *Studia Slavica. Beiträge zum VIII. Internationalen Slawistenkongress in Zagreb 1978*. Giessen: W. Schmitz Verlag, 1981, с.267–315.

² Anton Makarenko, *Gesammelte Werke*. Marburger Ausgabe / Антон Макаренко, *Собрание сочинений*. Марбургское издание. Bde. 3 – 5: *Ein pädagogisches Poem, Teil I – 3 / Тт. 3 – 5 : Педагогическая поэма, чч. 1 – 3*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1982.

ным. В соответствии с принципами "Марбургского издания" в каждом из трёх томов "Поэмы" приводится факсимиле печатного варианта оригинала с параллельным переводом на немецкий язык. Дополнительные тексты, варианты из других прижизненных изданий, а также находящиеся в советских архивах рукописи Макаренко и редакционные материалы включены в комментарий; это же относится к изменениям в тексте "Поэмы", внесённым самим Горьким или по его инициативе.

Это трёхтомное издание "Поэмы", в ходе подготовки которого автор данной статьи неоднократно имел возможность работать в библиотеках и архивах СССР, является – и по отзывам некоторых советских макаренковедов – первой попыткой подготовки такого издания "Поэмы", которое отвечало бы самым строгим текстологическим требованиям.

Новое издание этого произведения в Советском Союзе вышло весной 1984 г. – в собрании АПН СССР "Педагогические сочинения в 8 томах" (т. 3)³. В данном случае "Поэма" печатается по тексту, опубликованному в т. 1 второго издания "Сочинений в 7 томах" (1957 г.), т.е. в конце концов вновь по неаутентическому варианту 1937 г. В качестве дополнения в это издание включены некоторые фрагменты из более ранних изданий и авторских материалов. Но это весьма произвольный выбор – "острые места" и "острые эпизоды", в том числе и глава "Гастроли контралято", не публикуются и даже не упоминаются.

Забывая о международном, а также советском текстологическом стандарте, редакторы восьмитомника в комментариях т. 3 обосновывают своё решение о публикации "Поэмы" по тексту, вошедшему в т. 1 "Сочинений", следующим образом: "Этот текст "Поэмы", позднее многократно переиздававшийся у нас в стране и за рубежом, стал привычным для читателей и может считаться каноническим". И, очевидно, по поводу результатов марбургских исследований, в этих же комментариях говорится: "Всё это даёт основания заметить, что попытки некоторых западных макаренковедов обвинить подготовителей семитомника в произвольных сокращениях "Поэмы" лишены сколько-нибудь серьёзных оснований".

Таким образом, шанс на восстановление и для сегодняшнего советского читателя оригинального текста этого произведения мировой литературы, к сожалению, не был использован.

ПРИМЕЧАНИЯ

Педагогическая поэма была переведена на следующие языки:

- 1935–36 украинский
- 1936 английский (ч. 1)
- 1938 голландский (ч. 1)
- 1939 французский (ч. 1)
- 1940 белорусский
- 1941 иврит (чч. 1 – 2)
- 1945 болгарский, испанский, латышский
- 1946 польский, чешский
- 1947 армянский, венгерский, сербский, хорватский
- 1949 немецкий, румынский, словацкий, эстонский
- 1949–52 голландский (чч. 1 – 3)
- 1950 литовский, словенский, французский (отрывок)
- 1951 английский (чч. 1 – 3), казахский
- 1952 азербайджанский, итальянский, японский
- 1953 иврит (чч. 1 – 3), молдавский, французский (чч. 1 – 3)
- 1954 таджикский
- 1954–55 норвежский
- 1955 датский, уйгурский
- 1956 албанский, греческий, китайский, узбекский
- 1956–57 корейский
- 1957 бенгали, бирманский (отрывок), исландский, татарский, телугу, финский

³ А.С. Макаренко, Педагогические сочинения в восьми томах. Т. 3: Педагогическая поэма. Москва: "Педагогика", 1984.

1958 грузинский
1959 каракалпакский, тувинский, хинди
1960–61 арабский
1961 киргизский
1961–63 вьетнамский
1963 туркменский
1973 персидский
1975–76 португальский
1977 шведский
1980 урду
1981–83 суахили

ГАСТРОЛИ КОНТРАЛЬТО

Малоизвестная глава из *Педагогической поэмы*

Что было делать со второй колонией? "Трепкины" выходили плохими колонистами, и дальше терпеть было нельзя. Между ними то и дело происходили драки, всегда они друг у друга крали, – явный признак плохого коллектива.

Пришёл на помощь Черненко:

– Воспитателя нет? Вот чудак, что же ты молчишь? У меня тут есть одна пострадавшая, хорошая, брат, баба, как раз для вас подойдёт. Вот я пришлю.

Прислал.

Приехала в колонию красивая женщина, высокая, говорит шикарным контральто, даже немного совестно такую жемчужину запрягать в педагогическую повозку. Признаюсь, я был смущён такой щедростью природы по отношению к колонии. Самолично проводил Ольгу Самсоновну, – так её звали, – во вторую колонию и устроил целое торжество: протрубили сбор колонистов, и я представил им новую воспитательницу.

Ольга Самсоновна с интересом оглядела толпу "трепкинцев", раза два щедро улыбнулась, а больше всё оглядывалась по сторонам и щурилась.

– Пойдёмте, покажу вам вашу комнату, – сказал я.

– Ах да, интересно, что за комната такая?.. (действительно замечательное контральто!)

В пустой комнате, чистенькой и специально приготовленной для новой воспитательницы, Ольга Самсоновна, улыбаясь, оглядела потолок и вдруг положила руку на моё плечо.

– Здесь у вас прелесть. Правда же, мы будем здесь хорошо жить? Она глянула мне в глаза и прищурилась:

– А вы милый!

Эта самая история колонии имени Горького оттолкнула меня от живой жизни и лишила меня способности быстро и удачно реагировать на некоторые впечатления. Я неловко отодвинулся от Ольги Самсоновны, сдал её скорее Дерюченко с просьбой помочь и устроить... и удрал в свою колонию. А дорогою думал:

"Что это такое? Неужели просто нахальная, распущенная баба, или, может быть, я и в самом деле такой милый и неотразимый человек, что бедные женщины с первой встречи бросаются мне на шею?"

Этот завлекательный вопрос был разрешён почти молниеносно. Не прошло и недели, как Белухин сообщил мне по секрету:

– Там эта Ольга Самсоновна так, неладно очень...

– Что такое? – испугался я.

– Да знаете, Антон Семёнович, как-то даже говорить неприлично... Попросту вам скажу: она, знаете, как это говорится, романическая женщина... даже хуже. У неё в комнате так и мельничные и наши служащие... Опришко тоже, просто зовёт к себе и заставляет ночевать, ну, понимаете, ночуют вдвоём, вот и всё. И пьяная часто, конечно, не шатается, а всё хохочет, и видно, что пьяная. Обнимает всех, кто постарше. А Опришко совсем с ума сошёл, ходит, как лунатик. И на другой же день прилетел в колонию Черненко, заперся со мной и взмолился:

– Голубчик, прости дурака, эта же самая Ольга Самсоновна, знаешь, оказалась проститутка, настоящая уличная, ну, проститутка, понимаешь, не в каком-нибудь ругательном смысле, а профессиональная, уличная стерва. Вот подвели, ироды... Пожалуй-ста, голубчик, сейчас же отправляйся туда и гони её в шею, немедленно гони в шею. А что она тут ничего не наделала?

– Да... так, особенного ничего...

– Ах, дурак старый!

Он уехал, подавленный. Я поспешил во вторую колонию.

Ольга Самсоновна встретила меня сонная, но контральто у неё было попрежнему великолепно.

– Ну, что же, Ольга Самсоновна, вы же понимаете, работать вам уже довольно.

Она улыбнулась смущённо:

– Довольно, говорите? Кто это придумал, что я буду здесь работать? Скучные люди какие. Так что же? Уезжать?

– Да. И скорее.

– Сегодня?

– Хорошо бы и сегодня.

– Хорошо. Только вы ребят из-за меня не наказывайте. Славные есть пареньки...

Через час Сорока подъехал на возу. Ольга Самсоновна ласково со мной простилась:

– А вы всё-таки милый.

Колонисты не пришли её провожать, боялись неприятных разговоров со мной.

Возвращаясь в колонию, я уже не трудился над разрешением интересных жизненных вопросов. Вопросы занимали меня, по-старому, педагогические:

– Где найти людей для этого проклятого дела? Настоящих людей?

Настоящих людей? Это не так мало, чорт его подери!

А. Макаренко: *Педагогическая поэма. Год семнадцатый. Альманах третий*. Москва, 1933, стр. 199–201.

50-летие публикации «Педагогической поэмы» / Гётц Хиллиг // Svantevit. Dansk tidsskrift for slavistik (Århus). – 1984. – Nr. 1–2. – С. 181–188.

**В ХАРЬКОВ
ИЛИ В ЗАПОРОЖЬЕ ?
СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ О ПЕРЕВОДЕ
КОЛОНИИ ИМ. ГОРЬКОГО ИЗ ПОЛТАВЫ НА НОВОЕ МЕСТО
("ЗАВОЕВАНИЕ КУРЯЖА")
1925 – 1926 гг.**

Составитель Гётц Хиллиг

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Обусловленный экономическими и педагогическими мотивами перевод колонии им. Горького на новое место, известный под названием "Завоевание Куряжа", до сих пор мало исследован. Ниже приводятся, наряду с ранее опубликованными документами (переписка Макаренко с Горьким), также и новые источники, которые составителю удалось разыскать в советских архивах и библиотеках. Хронологическое расположение этих материалов делает наглядными существующие ещё проблемы; в то же время приведённые здесь материалы дают многочисленные новые сведения и тем самым оправдывают данную публикацию. Это издание представляет собой также попытку с помощью воспроизведения имеющих значение источников в оригинале и в параллельном переводе их на немецкий язык впервые полнее осветить один из этапов в истории макаренковских воспитательных учреждений.

Ставшие известными новые архивные материалы свидетельствуют, прежде всего, о настойчивом стремлении Макаренко использовать свой пятилетний опыт, добытый в колонии им. Горького, для организации крупного, основанного на производительном труде, центрального (общеевропейского) учреждения для перевоспитания малолетних правонарушителей. В связи с этим Макаренко составил 8 августа 1925 г. многоплановую докладную записку, которая в некоторых местах была недостаточно чётко сформулирована. Но этот документ произвёл, очевидно, большое впечатление на руководство Макаренко в Народном комиссариате просвещения УССР и является также одной из первых попыток Макаренко изложить на бумаге свою концепцию воспитания (док. № 1). Другие источники дают подробное представление о многообразных видах сопротивления со стороны местных органов власти, которыми была встречена идея перевода на их территорию такой "колонии правонарушителей". Здесь мы находим также свидетельства о тех усилиях, которые прилагал Наркомпрос, чтобы рассеять подобные сомнения, а также и о бюрократизме, связанном с этим переездом. Протестуя против перевода колонии им. Горького на предназначенную первоначально для этих целей территорию бывшего имения Попова около Запорожья (оно частично использовалось сельскохозяйственной коммуной), местные органы аргументировали тем, что такое большое число "дефективных" детей, собранных в одном месте, является непосредственной угрозой для окружающего населения. Кроме того, говорилось и о собственных нуждах: планировалось перевести в это бывшее поместье детский дом для глухонемых детей, помещения которого были срочно нужны для размещения стационарной в Запорожье военной части (док. №№ 5–9, 11–17, 22). Бывший Куряжский монастырь под Харьковом, в котором в то время находилась полностью запущенная детская колония, предполагалось первоначально передать под общежитие для молодых рабочих. Причин тому, что всё же, несмотря на первоначальный отказ, удалось осуществить перевод колонии им. Горького в Куряж несколько: среди них заверение в том, что она не будет передана на содержание местного бюджета Харьковского округа. Большое значение имела и открывавшаяся перспектива получить образцовое детское учреждение Наркомпроса, на базе которого можно было бы осуществлять перевоспитание малолетних правонарушителей, которых было множество в Харькове – в то время столица УССР (док. №№ 18, 20, 22–26, 28, 29, 31–33, 37, 43).

Систематическое изучение местных и общеукраинских газет позволяет утверждать, что перевод колонии им. Горького в Куряж произошёл, в противоположность описанию в "Педагогической поэме", незаметно для общественности. Приводимые в данном сборнике сообщения прессы говорят лишь о заседаниях местных органов власти в связи

с переводом колонии (док. №№ 27, 30, 35) и о получении письма, которое Горький по просьбе Макаренко направил председателю президиума Харьковского окрисполкома. Это письмо было опубликовано в газетах 16 июня 1926 г. (док. №№ 39, 42), что побудило редакции всех выходящих в Харькове газет на украинском и русском языках послать в последующие недели своих корреспондентов в колонию им. Горького и опубликовать подробные, без исключения весьма благожелательные статьи. (Они приводятся в приложении, в факсимиле оригинала и в немецком переводе.)

Комментарий содержит краткое описание отдельных документов. В качестве примечаний приводятся, кроме того, пояснения, которые необходимы для полного понимания документов, а относительно ранее опубликованных материалов указывается на редакционные сокращения и изменения.

Документы, которые публикуются здесь впервые или переиздаются, были предоставлены в форме микрофильмов или архивных копий следующими учреждениями:

Государственной библиотекой СССР им. В.И. Ленина в Москве, Центральным государственным архивом литературы и искусства СССР в Москве, Архивом А.М. Горького в Москве, Публичной библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Центральной научной библиотекой Академии наук УССР в Киеве, Центральным государственным архивом Октябрьской революции и социалистического строительства УССР в Киеве, Харьковским областным государственным архивом, Музеем А.С. Макаренко в Кременчуге, Славянской библиотекой в Праге.

Перевод документов с украинского языка был выполнен И. Виль, при участии составителя, а тексты с русского языка перевёл составитель вместе с В. Хлыновской, И. Виль, И. Рюттенауэр, М. Беххейм и З. Вайтсом. Перевод предисловия на русский язык сделан Л. Новиковым.

Г.Х.

Марбург, ноябрь 1985 г.

В Харьков или в Запорожье? Сб. документов о переводе колонии им. Горького из Полтавы на новое место («Завоевание Куряжа») 1925–1926 гг. Сост. Г. Хиллиг // Марбург: Makarenko-Referat, 1985 (Opuscula Makarenkiana, Nr. 5). — От составителя: с. IX–XII.

Виталий Макаренко

МОЙ БРАТ АНТОН СЕМЕНОВИЧ

Воспоминания, письма

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящая книга содержит воспоминания брата А.С. Макаренко – Виталия Семёновича о проведённых им вместе со старшим братом детских и юношеских годах, а также отрывки из писем В.С. Макаренко.

В 1970 году сотрудники Лаборатории А.С. Макаренко Марбургского университета разыскали Виталия Семёновича Макаренко во Франции, где он жил с 1925 года, и убедили его написать предложенные здесь воспоминания. В последующие годы между сотрудниками Лаборатории и В.С. Макаренко установилась регулярная переписка, в ходе которой ему как живому свидетелю тех лет был предложен ряд вопросов, остававшихся невыясненными для макаренковедения, и он в свою очередь был познакомлен с новыми источниками, ставшими известными к этому времени (архивные материалы, воспоминания). Представленные в данной книге выдержки из этой переписки, вопросы, уточнения, поправки, включая и отдельные повторения, позволяют читателю принять участие в этом исследовательском диалоге, который длился 13 лет. В.С. Макаренко не дожидаясь выхода в свет этой книги. Он умер 22.7.1983 г. в возрасте 88 лет в доме для престарелых в городе Йер недалеко от Тулона.

Виталий Семёнович Макаренко, род. 20.4. (2.5.) 1895 г., был сначала учеником своего брата, а потом стал его сотрудником, когда они оба некоторое время (1917–1919 гг.) преподавали в Крюковском железнодорожном высшем начальном училище. Как выпускник военного училища и бывший офицер царской армии В.С. Макаренко ввёл в этом училище военизированные элементы в преподавание физкультуры и во внешкольные занятия; тем самым он создал существенные предпосылки для частичной военизации, как это практиковалось позднее в колонии им. Горького. Тот факт, что В.С. Макаренко был офицером в Мировую войну (1915–1917 гг.), вынудил его летом 1919 года присоединиться к белой армии и покинуть в 1920 году родину.

Очевидно, что именно по этой причине в советском макаренковедении полностью отсутствуют упоминания о В.С. Макаренко. Высказывания А.С. Макаренко, носящие автобиографический характер и в которых он упоминает о своём брате, до сих пор неизвестны широкой общественности и даже содержащиеся в публичных выступлениях А.С. такие, например, сведения, что он в своей семье воспитывает и дочь брата, при опубликовании стенограмм опускались. Не удивительно, что в советских публикациях также не был принят во внимание немецкий вариант свидетельств Виталия Семёновича (воспоминания, письма), включённый в появившийся в 1973 году сборник "Makarenko-Materialien III. Quellen zur Biographie des jungen Makarenko (1888–1920)" (Материалы о Макаренко, т. 3-й. Источники к биографии молодого Макаренко /1888–1920 гг./). Та же участь постигла и вышедшее в 1977 году итальянское издание воспоминаний В.С. Макаренко (*Vitalij S. Makarenko, Anton S. Makarenko nelle memorie del fratello*). Косвенно о существовании этих материалов говорится в статье В.В. Кумарина "Фальсификаторы. Как в Марбурге создают "новый образ" А.С. Макаренко" (Учит. газ., 27.9.1973 г.). Кумарин, умалчивая, что автором этих воспоминаний является всё-таки брат А.С. Макаренко, говорит, что это "информация, полученная от одного престарелого белоэмигранта, который не скупится на антисоветские измышления". Однако, это не помешало Кумарину в своей книге "Антон Семёнович Макаренко. Жизнь и педагогическая деятельность", изданной в Москве сначала на английском, испанском и французском (1976 г.), а позднее (1979 г.) и на бенгальском языках, неоднократно включать целыми страницами в свой авторский текст отрывки из воспоминаний В.С. Макаренко – без всяких указаний на источники.

Справедливости ради нельзя не сказать, что Кумарин отнюдь не одинок в своём стремлении присвоить результаты чужих исследований. Так и Б.В. Волков, заведующий отделом науки "Учительской газеты", в своей статье "Первые всходы", опубликованной 13.3.1984 г. в этой газете, заимствует отдельные имена и факты, содержащиеся в первых

главах воспоминаний В.С. Макаренко. Лаборатория А.С. Макаренко переслала один экземпляр оригинала этих глав (на русском языке) в 1973 г. редакции "Учительской газеты" для публикации. Однако, Волков в отличие от Кумарина не сопровождает свою статью нападениями на В.С. Макаренко и, по крайней мере, упоминает о "младшем брате Виталии" и о "нежной привязанности Тоси" к нему.

Воспоминания и письма В.С. Макаренко – это свидетельство из самого близкого семейного окружения А.С. Макаренко, это материалы, которыми исследователи раньше не располагали. Ранняя эмиграция В.С. Макаренко способствовала, конечно, особой живости его воспоминаний о совместно проведённых с Антоном Семёновичем годах детства и юности. Но нельзя не учесть также, что перед нами высказывания человека, оставшегося в неизвестности, в то время, как имя его брата стало известно всему миру. Это объясняет встречающуюся временами некоторую резкость отдельных оценок. Однако, несмотря на это, воспоминания В.С. Макаренко представляют собой ценный и обильный источник для изучения жизни и деятельности молодого А.С. Макаренко.

В заключение нельзя не отметить живой, окрашенный юмором и иронией, стиль изложения Виталия Семёновича Макаренко. Особенного внимания заслуживают короткие портретные зарисовки лиц из ближайшего окружения А.С. Макаренко. Эти портреты-характеристики Виталия Семёновича напоминают об отмеченном М. Горьким особом даре А.С. Макаренко характеризовать каждого колониста, как бы делая "моментальный фотографический снимок с его характера".

При воспроизведении иллюстраций, которые сопровождают эту публикацию, речь идёт о двух фотопортретах А.С. и В.С. Макаренко, а также о трёх единственных до сих пор известных снимках, изображающих обоих братьев вместе; из них две фотографии представлены Центральным государственным архивом литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ). Кроме того, в публикации воспроизведена одна страница из авторской рукописи воспоминаний В.С. Макаренко, обнаруженной в его наследстве; также приводятся построенное на основе высказываний В.С. Макаренко генеалогическое дерево семьи Макаренко и три чертежа, составленные В.С. Макаренко по памяти. Особенно интересен детальный план г. Крюкова, который В.С. Макаренко начертил в течение нескольких часов во время своего вторичного пребывания в Марбурге (сентябрь 1972 г.). На плане отмечены все достопримечательные места, а также квартиры главных действующих в его воспоминаниях лиц. Как стало недавно известно, сотрудникам Музея А.С. Макаренко в Кременчуге удалось на основе этого плана установить место нахождения могилы умершего в 1916 г. С.Г. Макаренко – отца братьев Макаренко. В эту могилу перенесены теперь останки их матери (умерла в 1931 г. в Харькове).

Эта книга посвящена одному из наших коллег в связи с его шестидесятилетием. Историко-биографическое макаренковедение благодарно юбиляру за важные импульсы. Он с самого начала создания Лаборатории А.С. Макаренко сопровождал её исследовательскую деятельность полезными советами и товарищеской критикой. От него мы узнали об эмигрировавшем во Францию младшем брате А.С. Макаренко. Впоследствии удалось найти Виталия Семёновича, что привело к публикации предлагаемого читателю материала. Данная книга посвящена "нашему шефу, другу и учителю" Либору Пехе.

Г.Х.

Марбург, сентябрь 1985 г.

Примечание: Непосредственно перед завершением подготовки этой книги к печати нам стало известно, что и А.А. Фролов, "главный редактор" новейшего советского издания собрания сочинений А.С. Макаренко, также опирается на воспоминания В.С. Макаренко, но при этом источника не указывает. В его статье "Овладение А.С. Макаренко марксистско-ленинским учением как мировоззрением и методологией советской педагогики" (включённой в вышедший в сентябре 1985 г. сборник Львовского университета "А.С. Макаренко", кн.11) говорится: "Большим авторитетом в юношеские годы был для Антона Семёновича соученик Калов, ставший на путь революционной борьбы. Он пробудил интерес к социально-политическим вопросам, революционной литературе". О том, что этот соученик (правильно Цалов) состоял в партии эсеров, Фролов благоразумно умалчивает.

Виталий Макаренко. Мой брат Антон Семёнович

Виталий Макаренко, Мой брат Антон Семёнович. Воспоминания, письма.
Редактор и автор комментариев: Гётц Хиллиг // Марбург: Makarenko-Referat, 1985
(Opuscula Makarenkiana, Nr. 3). – От редактора: с. VII–XI.

ОН РОДИЛСЯ И ВЫРОС В РОССИИ ВМЕСТО НЕКРОЛОГА

Молодой русский офицер присоединяется к контрреволюционерам и после их поражения покидает свою родину – жену и ребёнка, мать, брата, сестру, друзей. Ему только что исполнилось 25 лет. Через Константинополь он попадает в Болгарию, где – как и многие его соотечественники – он ожидает скорого падения нового режима, а потом едет дальше – во Францию. На чужбине он ищет дорогу в жизнь, пробует себя в разных профессиях: работает музыкантом, художником, рабочим на шёлкопрядильной фабрике, фотографом.

После почти 20 лет жизни в эмиграции он узнаёт однажды из газеты о смерти своего старшего брата. С ним он переписывался – до тех пор, пока это было разрешено. Из газетного сообщения он узнаёт также о том, что брат (по профессии педагог) сумел осуществить свою юношескую мечту – стать писателем. Он достаёт книги брата и читает в них о том, чем занимался тот после революции – о том, как он перевоспитывал молодых правонарушителей.

Позже (Вторая мировая война уже позади) он читает в одной из монографий о дальнейшей судьбе своего брата – о том, что он возведён в ранг классика педагогики. Его удивляет при этом то, насколько деформировано в процессе канонизации их общее с братом дореволюционное прошлое. Одна из французских коммунистических газет предложила ему написать и опубликовать воспоминания о своём брате, ставшем теперь всемирно известным педагогом, об их детстве и юности. Но его не привлекает традиционная схема такого рода биографий и он отклоняет предложение. Обещанный за мемуары гонорар также не стал приманкой: женившись снова, на этот раз на француженке, он сумел достичь определённого благосостояния (на имя жены они открыли мастерскую по изготовлению сувениров). Так что он по-прежнему хранит молчание – одинокий (вскоре после женитьбы он развёлся), по-прежнему не имея гражданства и при этом чувствуя себя внутренне прочно связанным со своей родиной.

Когда же там, после четверти века изоляции от всего мира и внутрисполитической закостенелости, наметилось нечто вроде оттепели, он пытается с помощью Международного Комитета Красного Креста разыскать свою дочь. О её рождении он узнал ещё в Болгарии, в первые годы эмиграции. Но неоднократные запросы из Женевы, направленные вдове его брата по адресу Союза писателей в Москве, остались без ответа.

Вероятно, вдова, отличавшаяся всегда практическим складом ума, посчитала их угрозой для своего реноме "душеприказчицы" великого педагога (и связанного с этим материального достатка – а достигнуто это было не без труда). И действительно: разве не могло случиться так, что этот самый брат – о существовании его на родине почти никто не знал благодаря ей (сестра погибла ещё во время войны) – вернётся на родину и захочет воспользоваться (для своей дочери или для себя) хотя бы частью того наследства, "дивидендами" от имени педагога. К тому же этот брат-эмигрант может, если захочет, очень сильно изменить тот образ её мужа, который она создала и единственной "толковательницей" которого она была всё это время.

Его дочь узнаёт о розысках Красного Креста, предпринятых её отцом, лишь после смерти своей тётки, узнаёт от родственников тётки. Тогда-то она и отвечает сама на запросы, адресованные умершей вдове: да, она жива и здорова.

Тем временем его небольшое состояние давно растрачено в Монте-Карло, и он вынужден жить за счёт социального обеспечения в одном из государственных домов престарелых. Время, наступившее после этого, отмечено для него, прежде всего, оживлённой, а иногда и просто бурной перепиской со своей дочерью в Москве, а после разрыва с нею – с её детьми. Особенно прочная связь у него с внучкой, актрисой. В ней он видит свою точную копию – возможно, ещё и из-за её художественных склонностей. Именно её он приглашает к себе, во Францию. Но ей этого не разрешают, и в нём оживает и усиливается злоба на всё, что связано с политической системой на его родине. Его желаниям приехать в Москву, вспыхивавшим в нём время от времени, не суждено было сбыться хотя бы даже потому, что долгие годы своими письмами он старался создать у родных впе-

чатление о себе как о "грансеньоре" и не хотел теперь предстать пред ними бедным родственником – не говоря уже о том, что такие планы были связаны в его представлении также с определёнными опасениями.

Такова была ситуация, когда он, прожив в эмиграции уже 50 лет, получил письмо двух молодых учёных из ФРГ. Они поставили себе целью пересмотреть сложившийся подход к жизни и творчеству его брата, педагога и писателя, и потому были заняты поисками новых источников и свидетелей. Заинтересовались они и информацией о том, что во Франции, кажется, ещё жив брат – бывший офицер царской армии, который ещё ни разу не упоминался в литературе. После некоторых колебаний он решает нарушить своё долготелее молчание, чтобы, наконец, как он выразился, сделать достоянием гласности "правду" – "la Verité" – о своём брате, соглашается написать "новую биографию" брата, которая "не имеет ничего общего с официальной".

Речь идёт – и вы это, конечно, давно уже поняли – о Виталии Семёновиче Макаренко, который родился в этот день ровно 91 год тому назад [данный доклад был прочтён 2 мая 1986 г. на 2-ом Марбургском совещании, посвящённом актуальным направлениям макаренковедения; Г.Х.] – 20 апреля (по старому стилю) 1895 г. в городе Белополье, Харьковской губернии, и умер 22 июля 1983 г. в возрасте 88 лет в доме для престарелых в городе Йер недалеко от Тулона.

Когда мы – мой коллега Зигфрид Вайтц и я – получили осенью 1969 года известие о том, что во Франции жив брат Макаренко Виталий, то мы сначала растерялись. Мы не могли обратиться, как это делается в таких случаях, в адресный стол – во Франции их нет. Кроме того, мы не хотели пока никого посвящать в нашу тайну.

Поэтому для начала мы написали руководителю отдела информации в Национальном педагогическом институте в Париже (это французский партнёр нашего НИИ сравнительной педагогики) госпоже Вормсер-Миго и попросили помочь нам, – конечно, при условии полной конфиденциальности; ведь в этом же институте работает наш "конкурент" – Ирэн Лезин, автор единственной во Франции книги о Макаренко. Ответ из Парижа: "... к сожалению, должна сообщить Вам, что разрешение детективных головоломок, подобных Вашей (с братом Макаренко), не входит в компетенцию нашего института. К тому же у Макаренко, как известно, не было ни братьев, ни сестёр, – писала госпожа Вормсер-Миго, – так что дальнейшие поиски не имеют смысла". В постскриптуме мадам добавила: "Конечно, мадемуазель Лезин гораздо компетентнее в этой области и могла бы Вам лучше помочь." Но именно её помощи мы и не хотели!

Успех имел, в конце концов, официальный запрос в министерство внутренних дел Франции, сделанный нами через посредство министерства иностранных дел в Бонне. 27 мая 1970 г. вице-консул генерального консульства Французской республики во Франкфурте-на Майне ответил нам на "превосходном" немецком языке: "Sehr geehrte Herren! Infolge Ihres Antrags vom 11.2.1970 teile ich Ihnen mit, daß unser Ministerium neulich Nachricht von Herrn Makarenko erhalten hat. Sie können einen Brief an ihn schreiben und an folgende Adresse senden: Ministère des Affaires Etrangères... Paris 16e. Der Brief wird Herrn Makarenko ausgehändigt werden." (Уважаемые господа! По поводу Вашего запроса от 11.2.1970 г. сообщая Вам, что наше министерство недавно получило ответ от господина Макаренко. Вы можете написать ему и отправить письмо по следующему адресу: Министерство иностранных дел... Париж, 16е. Письмо будет передано господину Макаренко.)

С этого и началась наша многолетняя – чего тогда ещё нельзя было предвидеть – авантюра, часто захватывающая, но иногда и довольно изнурительная. Завершилась она спустя 13 лет, со смертью В.С. Макаренко, и плодотворность нашей работы подтверждает вышедшее недавно русскоязычное издание Воспоминаний с богатым документальным "бэкграундом" (*Макаренко В. Мой брат Антон Семёнович. Воспоминания, письма. Марбург, 1985*).

Во время нашего первого визита в Йер Виталий Семёнович подробно рассказал о своём детстве и юности, проведённых вместе с братом, В последующие годы между сотрудниками марбургской Лаборатории и В.С. Макаренко наладилась регулярная переписка, в ходе которой ему был предложен ряд вопросов, остававшихся для макаренковедов открытыми, а он, в свою очередь, познакомился с новыми источниками, ставшими известными к этому времени (архивными материалами, воспоминаниями). Сотрудники Лаборатории и их коллеги бывали у него в последующие годы в Йере, а в июле 1971 и сен-

тябре 1972 г. В.С. Макаренко приезжал в Марбург, где проводился коллоквиум с его участием, который был запечатлён в фильме. Некоторые участники нашего сегодняшнего "марбургского совещания" были на нём, где и смогли лично познакомиться с Виталием Семёновичем.

Кроме того, довольно скоро нам удалось заинтересовать В.С. Макаренко в том, чтобы он написал свои воспоминания. За это Deutsche Forschungsgemeinschaft (Германское научно-исследовательское общество) – на основании нашего ходатайства – предоставляло ему в течение четырёх лет небольшую финансовую поддержку. Мои марбургские коллеги, вероятно, помнят ещё это заседание одной из комиссий DFG: решающим аргументом в пользу нашего необычного ходатайства стал довод одного профессора-философа. Он привёл сравнение из области биологии. – И здесь, в педагогике, надо, – сказал он, – заботиться о сохранении живых объектов исследования! Этот аргумент, поначалу звучавший для нашего уха довольно странно, но показавшийся в конце концов разумным и решающим, позволил принять правильное решение. В результате удалось заметно улучшить условия жизни В.С. Макаренко в доме для престарелых, а тем самым и условия его работы над мемуарами.

Воспоминания В.С. Макаренко, написанные в короткое время, появились в печати сначала вместе с протоколом коллоквиума, прошедшего 4 июля 1971 г., и выдержками из переписки между Лабораторией и В.С. Макаренко. Они были составной частью сборника "Makarenko-Materialien III" (Материалы о Макаренко, кн. 3) и вышли на немецком языке (Marburg, 1973), а в 1977 г. появились отдельным изданием, подготовленным Бруно М. Беллерате, на итальянском языке (Makarenko nelle memorie del fratello; Roma). Вышедшее сейчас в серии "Opuscula Makarenkiana" русскоязычное издание Воспоминаний содержит не только оригинальный вариант мемуаров В.С. Макаренко, но и солидную документальную часть. Представленные в этой книге выдержки из переписки сотрудников Лаборатории с В.С. Макаренко – вопросы, уточнения, поправки (включая и отдельные повторения) – позволяют читателю принять участие в исследовательском диалоге, который длился 13 лет.

Виталий Семёнович Макаренко был сначала учеником своего брата, а потом стал его сотрудником – когда оба они с 1917 г. по 1919 г. преподавали в Крюковском железнодорожном высшем начальном училище. В.С. Макаренко – выпускник военного училища и демобилизованный офицер царской армии – ввёл здесь, сначала против воли своего явно антимилитаристски настроенного брата, военизированные элементы в преподавание физкультуры и во внешкольные занятия – такие, как строевая подготовка и маршировка со знаменем и под звуки духового оркестра.

Оба брата Макаренко занимались в Крюкове театральной работой: по инициативе Виталия Семёновича, приобретшего актёрский опыт ещё во время учёбы в реальном училище, они организовали самостоятельную театральную группу (драматический кружок им. В.Г. Короленко), которая вскоре уже выступила перед публикой с постановками известных пьес.

Этими начинаниями были созданы значительные предпосылки для частичной военизации быта, а тем самым и дисциплинирования, а также для "театрализации", как это позднее практиковалось А.С. Макаренко в колонии им. Горького. То, что В.С. Макаренко во время Мировой войны (1915–1917 г.г.) был офицером царской армии, вероятно, заставило его присоединиться к "белым" летом 1919 года, а в 1920 году покинуть родину.

Ясно, что именно поэтому в советском макаренковедении отсутствуют какие-либо упоминания о В.С. Макаренко. Высказывания А.С. Макаренко автобиографического характера, где он упоминает о своём брате, до сих пор неизвестны широкой общественности. Содержащиеся в публичных выступлениях А.С. Макаренко такие, например, сведения, что он в своей семье воспитывал не только сына своей жены, как это было уже известно, но также и дочь брата, при публикации стенограмм опускались.

Так что эта племянница А.С. Макаренко – Олимпиада Витальевна, которая живёт в Москве и является последним носителем фамилии Макаренко из круга близких родственников педагога, – всё это время для советских макаренковедов как бы не существовала. Лишь совсем недавно иногда стали упоминать и её. Показательно, что сначала о ней написал один из журналистов (Л.А. Чубаров) в нескольких статьях о немногих ещё живых воспитанниках А.С. Макаренко. А потом об Олимпиаде Витальевне упоминали и в ком-

ментариях нового собрания работ Макаренко ("Педагогические сочинения", т.7, Москва, 1986 г.).

Воспоминания и письма В.С. Макаренко – это свидетельство из самого близкого семейного окружения А.С. Макаренко, это материалы, которыми исследователи ранее, к сожалению, не располагали. Ранняя эмиграция В.С. Макаренко была, конечно, одной из причин особой живости его воспоминаний о детстве и юности, проведённых вместе с Антоном Семёновичем. Но нельзя не учитывать также и того, что перед нами – высказывания человека, оставшегося в неизвестности, в то время как имя его брата стало известно всему миру. Это объясняет встречающуюся временами некоторую резкость отдельных оценок. Но, несмотря на это, воспоминания В.С. Макаренко остаются ценным и богатым источником для изучения жизни и деятельности молодого А.С. Макаренко.

Это мнение о Воспоминаниях хотелось бы дополнить выдержкой из рецензии Вольфганга Зюнкеля, профессора педагогики Эрлангенского университета (ФРГ), на том "Макаренко-Materialien III", написанной им в 1973 году – т.е. ещё до волны так называемой "Орэл истории" (устный рассказ о быте) в западной историографии:

"Из его воспоминаний узнаёшь о многих, до сих пор совершенно неизвестных датах и фактах, массу деталей об отношениях в семье Макаренко, о родственниках, соседях, друзьях и коллегах, о болезненности Антона-мальчика, о квартирах, где он жил, и об условиях работы в разных местах, о любовных связях старшего брата (названы все его "пассии"), о серьёзном конфликте между юношей Антоном и его отцом. Но главный итог чтения в ином: в выразительной форме передана атмосфера их тогдашней жизни, их настроения, взгляды, характер реакций действующих лиц. Именно в описании истории семейных отношений и состоит особая ценность этих воспоминаний как исторического источника". ("Pädagogische Rundschau", 1974, № 1, с. 73–79).

Эту очень точную и подробную характеристику Воспоминаний, данную В. Зюнкелем, я хотел бы всё же дополнить. По-моему, ещё одно достоинство Воспоминаний вот в чём: лишь благодаря им удалось, наконец, получить представление о круге чтения А.С. Макаренко, узнать о его большой начитанности, в силу которой он – при довольно скромном уровне своего школьного образования – занимал в крюковском обществе особое положение.

Самый последний отзыв на Воспоминания принадлежит чешскому макаренковеду Либору Пехе, доценту педагогики университета в Оломоуце. Напечатан он в 1985 году в его работе "Биографические факторы в становлении творческой личности педагога (на основании анализа личности А.С. Макаренко)". Между прочим, это первая монография в макаренковедении, которая в основном опирается и на этот источник, можно даже сказать, что без Воспоминаний эта работа, наверное, не появилась бы. В "Обзоре использованных источников" автор пишет, что свидетельство В.С. Макаренко – при том, что его отношение к данному источнику довольно критическое – он "не мог оставить без внимания". Своё дифференцированное мнение о Воспоминаниях Л. Пеха сформулировал так:

"Все эти высказывания свидетельствуют об обуревавших его противоречивых чувствах к умершему брату. Преобладает зависть к его славе и ожесточение навсегда покинувшего родину эмигранта, которое усиливается политической злобой на произошедшие там революционные изменения. Автор воспоминаний компенсирует это своё озлобление различными обвинениями в адрес брата, а также выпячивает его недостатки. Но с этим соседствуют проявления горячей любви к брату и добрые воспоминания о вместе проведённой юности. В некоторых случаях воспоминания Виталия являются уникальным и незаменимым свидетельством, а его субъективные настроения легко распознаваемы и устранимы". (Pecha L. Biografické čítinele formování tvořivé pedagogické osobnosti (s použitím analýzy osobnosti A.S. Makarenka). Praha, 1985, с.12).

Благодаря своей прекрасной памяти, В.С. Макаренко смог на точных чертежах воссоздать местоположение домов, памятных мест и других объектов, связанных с его детством и юностью. Особо здесь следует выделить план дома семьи Макаренко, построенного в 1905 году и в котором находится теперь Кременчугский музей А.С. Макаренко. Те, кто побывал в нём, подтвердили необыкновенную точность чертежа. Интересен также подробный план г. Крюкова, который В.С. Макаренко начертил в течение нескольких часов во время своего вторичного пребывания в Марбурге (в 1972 г.). На плане отмечены все "места действий", связанные с А.С. Макаренко, среди них – квартиры глав-

ных "действующих лиц" Воспоминаний. Как стало недавно известно, сотрудникам Музея А.С. Макаренко удалось на основании этого плана установить местонахождение могилы умершего в 1916 году С.Г. Макаренко – отца братьев Макаренко. В эту могилу перенесены теперь и останки их матери, умершей в 1931 году в Харькове.

Но это не единственный способ и пример того, как советские макаренковеды пользуются воспоминаниями В.С. Макаренко. Иногда натыкаешься в их работах буквально на заимствования из этого источника, ссылки на который, однако, не даются. Да и как они это могут сделать – официально ведь не существует ни источника, ни человека! Здесь следует прежде всего назвать В.В. Кумарина, автора статьи в "Учительской газете" от 27.9.1973 г. о западногерманских макаренковедах, а точнее – о нас, "марбургцах".

Её заголовок – "Фальсификаторы", подзаголовок – "Как в Марбурге создают "новый образ" А.С. Макаренко". В этой статье Кумарин пишет, правда, лишь косвенно, о томе "Макаренко-Materialien III", тогда только что вышедшем и присланном ему. Но делает он это без каких бы то ни было ссылок на то, что рассматриваемый им текст является всё же воспоминаниями родного брата А.С. Макаренко.

Для Кумарина это – "информация, полученная от одного престарелого белоэмигранта, который не скупится на антисоветские измышления". Однако это не помешало Кумарину в своей книге "Антон Семёнович Макаренко. Жизнь и педагогическая деятельность", изданной в Москве сначала на английском, испанском и французском (1976 г.), а позднее (1979 г.) и на бенгальском языках – а значит, предназначенной для читателей за границей, не раз включать в свой авторский текст целые страницы из воспоминаний В.С. Макаренко – без всяких указаний на источники.

При этом Кумарин попытался оспорить, как научный коллега, нашу работу и, главным образом, достоверность воспоминаний В.С. Макаренко. Первый вариант его статьи был написан до выхода тома "Макаренко-Materialien III" по поводу опубликования отрывков из Воспоминаний в газете "Дойче Фольксцайтунг" от 29.3.1973 г. Он был озаглавлен так: "Воспоминания" отступника". В этой статье Кумарин сообщает о том, что в воспоминаниях В.С. Макаренко есть неизвестные до сих пор детали бытового характера, касающиеся жизни молодого А.С. Макаренко. Они "любопытны, местами комичны, местами грустны, а в целом вполне правдоподобны", – считает Кумарин.

В качестве "вымышленного" он отвергает – правда, всё же приводя его в статье – эпизод, связанный с соучеником А.С. Макаренко Цаловым. Тот снабжал Макаренко литературой эсеров, пытался вовлечь его в борьбу против царского режима, включавшую, как известно, и террористические методы. Ответ, который Макаренко дал своему другу (и об этом он рассказал в 1916 г. брату), содержится в этой рукописи в обратном переводе с немецкого:

" – Во-первых, я не верю в излечивающую силу кровавых революций – они все совершаются по одной схеме: сначала кровавая баня, потом анархия и хаос, а как результат – варварская диктатура. Это первое.

И второе, я просто не гожусь для того, чтобы кидать бомбы в министерские кареты, а тем более – с красным знаменем в руках петь "Марсельезу" на баррикадах. Просто неспособен".

Здесь Кумарин говорит о "политическом мародёрстве в отношении собственного брата", о "грубой, бесстыдной лжи", распространяя которую, марбургские исследователи "попирают честные традиции своей альма-матер"; наконец, он выражает опасение о том, что "энтузиасты-макаренковеды из Марбурга" могут "сползти на бесплодный и бесперспективный путь деидеологизации творчества А.С. Макаренко", на котором "их обязательно ждёт не только научное, но и полное моральное фиаско".

В другом случае Кумарин сопоставляет высказывания В.С. Макаренко с воспоминаниями тогда ещё живого свидетеля – учителя и коллеги А.С. Макаренко со станции Долинской Л.Т. Степанченко, чтобы "опровергнуть" утверждения В.С. Макаренко. Как видите, вполне научный метод дискуссии с Виталием Семёновичем! Но этот вариант статьи Кумарина не был принят редакцией "Учительской газеты" – имя "белогвардейского" "осквернителя родного гнезда" было просто табу!

Справедливости ради нельзя не отметить, что Кумарин, подготовивший вышеупомянутое иностранное издание, отнюдь не одинок в своём стремлении присвоить результаты чужих исследований. Так и Б.В. Волков, заведующий отделом науки "Учительской

газеты", в своей статье "Первые всходы", опубликованной 13.3.1984 г. в этой газете, заимствует отдельные имена и факты, содержащиеся в первых главах воспоминаний В.С. Макаренко. По моему предложению Лаборатория А.С. Макаренко переслала в 1975 году один экземпляр оригинала этих глав (на русском языке) редакции "Учительской газеты" для публикации. (Каким наивным я был тогда!). Правда, Волков, в отличие от Кумарина с его выпадами против В.С. Макаренко в опубликованной им в этой газете статье "Фальсификаторы", упоминает, по крайней мере, о "младшем брате Виталии", о "нежной привязанности Тоси" к нему. (Тем временем нам стало известно заявление Волкова, из которого явствует, что он прочёл воспоминания В.С. Макаренко лишь после того, как была написана его статья; так что в его распоряжении были только советские источники, в том числе и книга Кумарина!)

Наконец стоит упомянуть, что и А.А. Фролов, доцент педагогики Горьковского пединститута и "двигатель" нового советского издания собрания сочинений А.С. Макаренко, также опирается на воспоминания В.С. Макаренко, но источника при этом не указывает. В его статье "Овладение А.С. Макаренко марксистско-ленинским учением как мировоззрением и методологией советской педагогики", включённой в сборник Львовского университета "А.С. Макаренко", кн. 11, вышедший в сентябре 1985 г., говорится: "Большим авторитетом в юношеские годы был для Антона Семёновича соученик Калов (sic!), ставший на путь революционной борьбы. Он пробудил интерес к политическим вопросам, революционной литературе". О том, что этот соученик (правильно – Цалов) не только не принадлежал к партии социал-демократов или большевиков, но даже состоял в партии эсеров, Фролов благоразумно умалчивает. (Между тем нам стало известно заявление и этого автора о том, каким образом он – тоже, конечно, не прочитав сам воспоминаний Виталия Семёновича – мог заполучить эту информацию. В данном случае её передал наш болгарский коллега Найден Чакаров).

Недавно стал известен специальный отклик о воспоминаниях В.С. Макаренко одного из советских макаренковедов. Это отклик иного рода, чем прежние. Я имею в виду мнение Ф.И. Науменко из Львова. В рецензии на рукопись русскоязычного издания Воспоминаний (она была прислана нам автором и частично воспроизводится на обложке издания) сказано среди прочего:

"Я завидую Вам, что Вам удалось обнаружить такой феномен, как родной брат А.С. Макаренко. Не воспользоваться его информацией было бы просто непростительно.

Сами по себе воспоминания В.С. Макаренко интересны, восполняют пробел, когда идёт речь о раннем периоде жизни, а затем о деятельности молодого А.С. Макаренко. Однако воспоминания В.С. Макаренко о брате, о людях, близких ему, его политические суждения крайне субъективны, тенденциозны.

Публикуя воспоминания В.С. Макаренко, я подверг бы острой критике те места, в которых он извращает образ своего брата. Антон Семёнович – титан педагогической мысли, а его брат Виталий – пигмей белогвардейской закваски.

Воспоминания В.С. Макаренко пытаются замолчать. Это, конечно, глупо. В них есть и бесценные сведения об А.С. Макаренко. Воспоминания В.С. Макаренко, несмотря на их одиозность и субъективизм, не пройдут мимо внимания серьёзных учёных. Они вошли в обиход международного макаренковедения".

Выступая здесь, я, вероятно, могу предполагать, что всем или почти всем вам известны воспоминания В.С. Макаренко, публиковавшиеся в 1973 году по-немецки. Поэтому я хочу в основном ограничиться рассказом о том новом, что удалось найти в результате переписки и встреч за 10 лет – с 1973 по 1983 г.г.

В предварительном замечании к свидетельству В.С. Макаренко я среди прочего писал о том, что "как раз задачей исследователя-биографа является – путём опроса новых свидетелей и привлечения новых архивных материалов – проверка всех этих высказываний, которые во многом подтверждают и обогащают наше представление о молодом А.С. Макаренко, но которые также вносят в него немалые поправки". И – по крайней мере в отношении нескольких моментов – нам это удалось. Вот некоторые примеры:

1. Привилегированное положение учителей в школах для детей железнодорожников

В своём докладе 9 марта 1939 г. в Харькове А.С. Макаренко среди прочего заявил, что, работая учителем, он получал ежемесячно 25 рублей. Опровержение его брата (в письме от 3 февраля 1975 г.): "Это – ложь: он получал 47 р. 50 к., плюс 12 билетов бесплатных (6 на Южн.ж.д. и 6 по всей Империи), плюс бесплатно 2 тонны угля в год, плюс керосин, плюс бесплатную медицинскую помощь вплоть до больницы, плюс бесплатную баню и пр. И т.д. и т.д." Зарплату в размере 47 рублей 50 копеек Виталий ведь уже называл в своих воспоминаниях.

Подтверждение правильности этой суммы содержится в воспоминаниях Л.Т. Степанченко "Антон Семёнович Макаренко в моей жизни", вышедших в 1963 году в Кривом Роге. (Кстати, без официального разрешения на публикацию, а значит, отчасти, так сказать, в качестве "самиздатовской" публикации). Там сказано: "/.../ ж.д. школы были почему-то в особо привилегированных условиях: рядовой учитель здесь получал около пятидесяти рублей, плюс бесплатные билеты на проезд по второму классу".

2. "Педагогический эксперимент"

Виталий рассказывает в своих воспоминаниях о "плохом педагогическом эксперименте", который Антон провёл в своём классе в 1907 году. Он придумал каждую четверть учебного года классифицировать учеников по степени успеваемости. То есть, он выводил среднее арифметическое для каждого ученика, и затем распределял эти данные по порядку – "1-й ученик, 2-й, 3-й... и так далее до 37-го, где он писал: "37-й и последний". В 1907 году этим "последним" оказался один очень болезненный мальчик.

После того, как ребёнок узнал, что он – 37-й и "последний", он плача убежал домой ещё до конца уроков. Не пришёл он ни на второй день, ни на третий, а дней через десять вместо него пришёл его отец, пришёл прямо на урок и сказал, что его сын, который очень сильно переживал из-за этого, умер прошлой ночью. Он упрекал Антона в бессердечии, спрашивал, зачем ему понадобилось обижать мальчика тем, что он 37-й и "последний". Как следствие этого случая, пишет Виталий, Антон навсегда отказался от такого способа классифицировать учеников.

Уже упоминавшийся Степанченко подтверждает этот случай. Антон Семёнович, предостерегая его – тогда молодого учителя – от ошибок, рассказал об этом случае из своей педагогической практики. В изложении Степанченко этот случай А.С. Макаренко не только не мог забыть, но даже считал себя виновным в смерти мальчика.

3. Военизированные прогулки со знаменем и оркестром

Эти прогулки учеников Крюковского высшего начального ж.д. училища через весь город в близлежащий лес были введены весной 1918 года по инициативе Виталия Семёновича. О них он рассказывал участникам коллоквиума, пишет в воспоминаниях.

О них упоминает и бывшая ученица этой школы М.С. Милютин: "Летом и осенью 1918 года он /В.С./ маршировал с учениками под звуки духового оркестра по главной улице Крюкова (Херсонской)". Эта традиция ведь и позднее была сохранена и даже получила своё развитие – в виде маршей воспитанников колоний, которыми руководил его брат, по Полтаве и Харькову.

4. Репертуар драмкружка им. В.Г. Короленко

В воспоминаниях Б.Ф. Гороновича, появившихся в 1958 году на украинском языке, а затем соответственно у Балабановича и других биографов Макаренко, сообщается, что этот кружок поставил две известные пьесы русской классики – "На дне" Горького и "Ревизор" Гоголя. Виталий Семёнович, по собственным словам, инициатор и активный участник кружка – то как режиссёр, то как актёр, – в своих воспоминаниях и письмах отрицает это начисто (в них он приводит, между прочим, детальные сведения о всех инсценировках, даёт даже имена и фамилии исполнителей большинства ролей). Так вот, Виталий Семёнович считает, что ставить спектакли по этим пьесам в драмкружке было просто невозможно – из-за того, что для самостоятельных актёров они были бы слишком сложны.

В русскоязычном оригинале воспоминаний Гороновича, который стал известен нам лишь недавно, эти две пьесы вообще не упоминаются. Вполне возможно, что названия эти были вписаны каким-либо редактором лишь перед переводом или публикацией.

Общее представление об участии В.С. Макаренко в спектаклях драмкружка им. В.Г. Короленко можно составить по одному из писем Гороновича, где говорится: "Вита-

лий, как правило, играл "первую скрипку": был в главных ролях пьесы, вызывал аплодисменты зрителей". Балабанович же, напротив, приписал роли, сыгранные В.С. Макаренко, просто его знаменитому брату!

5. Связь с Елизаветой Фёдоровной Григорович

Одна из самых захватывающих, а также самых щекотливых глав в воспоминаниях В.С. Макаренко об интимной стороне жизни брата – его связь с женой крюковского священника Дмитрия Ивановича Григоровича. Эта продолжительная связь, во многом похожая на гражданский брак, просуществовала до 20-х годов. Она была возможна благодаря терпимому отношению к ней священника – кстати, ходили слухи о том, что он был импотент. Всю эту историю, как можно заключить из воспоминаний Виталия Семёновича, А.С. Макаренко положил в основу своего первого рассказа "Глупый день", написанного в 1914 году. "В рассказе я изобразил действительное событие: поп ревнует жену к учителю /.../", – так он напишет позже в статье на смерть М. Горького, которому он направил в своё время рассказ для публикации.

И, несмотря на все эти подтверждения, связь А.С. Макаренко с Е.Ф. Григорович советские макаренковеды по-прежнему обходят молчанием. Так, при публикации воспоминаний Гороновича, одноклассника В.С. Макаренко по реальному училищу, было опущено следующее место: "Познакомился я с Антоном Семёновичем на квартире своего дяди (sic!) – священника Григоровича Дмитрия Ивановича, где он бывал, как друг дома, приблизительно в 1909–1910 годах, когда я сам был ещё учеником Кременчугского Александровского реального училища (КАРУ). Антон Семёнович был дружен с женой дяди Елизаветой Фёдоровной (по "Педагогической поэме" она именуется Екатериной Григорьевной). Она ушла от попа домой и стала его другом жизни почти на 20 лет. Антон Семёнович не венчался с ней, не записывался позже в загсе, не хотел, видимо, компрометировать себя (она и дочь попа – поповна, и жена попа – попадья)."

6. И последнее – "Уличные бригады"

Балабанович пишет об образовании "уличных бригад" в Крюковском высшем ж.д. училище и о посещениях её членами учеников на дому – для того, чтобы оказать воспитательное влияние на семью. В письме от 31 марта 1971 г. В.С. Макаренко писал: "Никаких уличных бригад не было, и никаких смотров Антон им не учинял (половина учеников жила в Кременчуге)." Отрицает существование "уличных бригад" и А.И. Лебедь, один из бывших учеников братьев Макаренко, живущий сейчас в Мюнхене: "Это выдуманно. Такого не было".

Позже, в письме от 29 декабря 1972 г., Виталий Семёнович возвратился к этим бригадам – так как речь о них шла в последнем публичном выступлении А.С. Макаренко (29.3.1939 г.): "Я уже писал Вам, что никаких бригад по топографическому началу никогда не существовало. Антон это просто выдумал, для чего – не знаю.

Ученики были разбросаны по всему Крюкову и Кременчугу, и создание каких бы то ни было бригад было просто невозможно. Я видел Антона каждый день, и ни о каких бригадах он мне никогда не говорил, а Антон делился со мной решительно всем".

Тайну "уличных бригад" я разгадал, когда работал над материалами макаренковского фонда ЦГАЛИ СССР (Москва). Сверка опубликованного текста со стенограммой выступления А.С. Макаренко 29.3.1939 г. показала, что опубликованная версия соответствующего места, где и появились такие "бригады", не совпадает с оригиналом – из-за редакционной правки А.Г. Тер-Гевондяна. В оригинале нет и речи о крюковском железнодорожном училище. Вместо этого говорится о какой-то "военизированной школе", которая, якобы, была под началом Макаренко.

Предлагаю сравнить оригинал (выше) и фальсифицированный текст (ниже):

"Действие на семью через учеников я мог усилить, когда у меня была военизированная школа. Я держал учеников на учёте, я их держал по бригадам. Были руководители. Все руководители утром отдавали рапорт. Приказом я назначал смотр, на смотре присутствовали, кроме меня, старосты классов. Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я со своей бригадой обходил квартиры". (ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.188, л.31).

"Действие на семью через учеников можно усилить. Я работал в Крюковской железнодорожной школе. Ученики жили в семьях. Я организовал бригады учащихся по территориальному признаку. Все руководители бригад каждое утро отдавали рапорт о том,

что делается во дворах, как ведут себя ученики, члены бригад. Приказом я периодически назначал смотр, на смотре присутствовали, кроме меня, старосты классов. Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я с членами бригады обходил квартиры, где жили ученики моей школы". (А.С. Макаренко. Сочинения в семи томах, т.5. М., 1958, с.322).

О таких инспекционных походах руководителя школы и членов школьной бригады домой к родителям учеников А.С. Макаренко говорил несколько раз перед учительской аудиторией за полгода до своей смерти. И, как известно, такой способ контроля над обстановкой в доме ученика считается изобретением именно Макаренко. Во многом благодаря этому метод Макаренко широко использовался педагогами-практиками – и не только советскими. Но, оказывается, он не имеет ничего общего с педагогической практикой самого Макаренко, то есть оказался действительно "выдуманным".

Второй слой "выдуманного" в биографии молодого А.С. Макаренко возник не потому, что что-то придумал он сам или редакторы его текстов. Скорее это – "заслуга" его современников, которые в 50-е годы помогали Балабановичу и другим биографам Макаренко своими воспоминаниями о том дореволюционном прошлом, которое связывало их с Макаренко. В ряду этих современников особое место занимает М.Г. Компанцев (на что указал ещё в 1971 году, на втором международном симпозиуме макаренковедов в Фалькенштайне, ФРГ, Либор Пеха). Компанцев был начальником Макаренко, руководил ж.д. училищем в Крюкове, а потом также и в Долинской. Многие его свидетельства Виталий Семёнович убедительно оспорил, некоторые – опроверг. Кое-что в воспоминаниях Компанцева в результате дополнительных исторических исследований пришлось поставить под сомнение. Так, например, Компанцев утверждает, что он и Макаренко выписывали в 1905 году "Новую жизнь" – орган большевиков, и "были её внимательными читателями". Однако против этого говорит хотя бы тот факт, что эта петербургская газета выходила лишь в течение пяти недель – 3 декабря 1905 г. она была запрещена цензурой.

Относительно более точной датировки отдельных событий с помощью высказываний В.С. Макаренко часто возникала следующая ситуация: сведения В.С. Макаренко противоречили уже существовавшей информации о его брате – как давно известной, так и вновь полученной. И в отдельных случаях Виталий Семёнович смог нам довольно убедительно доказать, что достоверным является не источник, который мы ему представили, а его свидетельство. Особенно показательным мне кажется здесь один пример – когда Виталий Семёнович помог установить начало военной службы его брата.

В макаренковедении это событие относят на сентябрь–октябрь 1916 г., Виталий же считает, что это было в конце декабря 1916 г. Комментируя документ, который свидетельствует, что Антон был мобилизован уже 20 сентября 1916 г. (ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр. 347), Виталий пишет в письме от 28 мая 1982 г.: "С полной уверенностью могу ответить на Ваш вопрос о военной службе Антона. Откуда Вы только получаете такие "липовые" документы и показания!

Что-что – но уж даты моих ранений я помню, как дату моего рождения.

Последний раз я был ранен 3-го октября 1916 г. в бою под Луцком. Я провалялся дней 10 в этапных госпиталях в Ровно и Киеве, и приблизительно 15 октября прибыл в госпиталь... Куда? В Полтаву!!! В Полтаве, конечно, я нашёл и Антона, и ЕФГ / Е.Ф. Григорович/, и Веру Костецкую, и всех прочих. (Всё это относится к подчёркнутой Вами дате: 20 сент. 1916). В Полтаве я пролежал почти 1 1/2 месяца, был оперирован, у меня вытащили пулю, Антон и Вера Костецкая навещали меня каждые 2–3 дня. Иногда приходила и ЕФГ. Так шло до 26 ноября 1916 г. (дату помню: 26-го ноября – праздник нашего воен. училища). 26-го ноября меня эвакуировали для поправки в новый офицерский госпиталь... в Кременчуг.

Приблизительно через неделю в этот госпиталь вдруг пришла... Вера Костецкая. Она приехала по своему делу и зашла меня навестить. Она передала мне короткое письмо от Антона, в котором он сообщал мне, что его мобилизуют и что дней через 15 он уезжает в Киев!

Добавить к этому мне нечего. Скучно и обидно, что приходится тратить время и энергию на опровержение подобных "документов"!"

На основании этого свидетельства можно, по-моему, заключить следующее: А.С. Макаренко сумел раздобыть документ, который подтверждал, что он проходил военную службу в течение шести, а не трёх месяцев. (Сделал он это, возможно, подкупив того же

писаря, который за несколько недель до этого уже был подкуплен Виталием для того, чтобы досрочно вырвать Антона из ненавистной ему казарменной жизни). На документе – "Свидетельстве о выполнении воинской повинности" – стоит дата: 31 марта 1917 г.

Так что стоит быть более осторожными, оценивая те или иные "свидетельства", в которых макаренковеды обычно всё принимали на веру, не затрудняя себя дополнительными розысками.

Здесь я мог бы и закончить рассказ о нашем тринадцатилетнем сотрудничестве с Виталием Семёновичем. Мог бы... Но стало известно нечто, что для макаренковедов вполне может сойти за сенсацию и о чём умалчивал всё это время Виталий Семёнович. (Вероятно, потому, что этот факт не вписывался в систему его взглядов) .

Во время нашей последней встречи в начале июня 1983 г. в Йере, т.е. за шесть недель до его смерти, Виталий Семёнович рассказал мне, что приблизительно в 1906–1907 г.г. Антон Семёнович был кандидатом в члены партии социалистов-революционеров (эсеров). При этом Виталий Семёнович вполне достоверно и обстоятельно рассказал об обыске, который в отсутствие Антона провели три жандарма в комнате его брата. Виталий, по его словам, присутствовал при этом, и ему удалось своевременно спрятать экземпляр программы партии эсеров, который Антон хранил в одном художественном альбоме и на котором стояло: "Для кандидата партии Антона Семёновича Макаренко". Позднее (в 1913 г.) Антон, якобы, рассказал своему брату во время их совместной поездки на пароходе по Днепру в Киев о своей принадлежности примерно в течение года к партии эсеров – факт, который он скрыл от семьи.

Узнав об этом, 19 сентября 1983 г. Ф.И. Наumenко в письме ко мне сообщил, что "ни в Кременчугском, ни в Полтавском областном архиве нет сведений, которые подтверждали бы пребывание А.С. Макаренко в 1906–07 гг. в партии эсеров, как утверждает В.С. Макаренко. Но совершенно случайно мне сообщили, что такая возможность не исключается." Во втором письме (6 октября 1983 г.) Наumenко пишет: "Архивы кременчугской полиции за 1905–1907 гг. не сохранились, а поэтому нельзя установить, что полиция делала обыск в квартире А.С. Макаренко".

Елизавета Фёдоровна Григорович сообщила в своё время о том, что Антон Семёнович, когда он был молодым учителем в Крюкове, неоднократно посещал некоего Константина Кирсту, сосланного на жительство в Херсонскую губернию. Сейчас украинскому макаренковеду Н.Н. Окса удалось установить во время своих поисков в харьковских архивах, кем был этот Кирста. Оказалось, что этот студент-химик Харьковского технологического института был президентом "Люботинской республики", которая образовалась в результате вооружённого восстания железнодорожных рабочих станции Люботин недалеко от Харькова в декабре 1905 года, в начале революции, и просуществовала всего лишь девять дней (А.С. Макаренко в Харькове. Харьков, 1983, с. 5). Так как его имя в советской историографии о первой русской революции в связи с событиями вокруг этой "республики" не упоминается, то следует исходить из того, что Кирста был эсером. Компанцев, которому как другу А.С. Макаренко должна была бы быть известна настоящая причина его связи с Кирстой, переделал в своих воспоминаниях вооружённое восстание в "Люботинский съезд учителей" Харьковско-Николаевской железной дороги, в котором он заставил участвовать и А.С. Макаренко и – сагитированный им – весь педагогический коллектив крюковского училища. (Как известно, Балабанович цитирует в своей книге это место из воспоминаний Компанцева).

Тот факт, что А.С. Макаренко позднее (приблизительно к 1910 г.) собрал вокруг себя кружок крюковских интеллигентов, в котором велись, в основном, литературные дискуссии, не противоречит свидетельству В.С. Макаренко. После поражения революции 1905–1907 г.г. всем социалистическим партиям пришлось пережить резкое сокращение количества их членов, "также и интеллигенция поубавила свою активность, предпочла аполитичность и удалась в "башню из слоновой кости". (Hildermeier M. Die sozialrevolutionäre Partei Rußlands. Köln, 1978, с.309). Даже то обстоятельство, что А.С. Макаренко в связи с заявлением о приёме в ВКП(б) от 15 февраля 1939 г. в анкете на вопрос: "Состоял ли в других партиях (каких, когда, где)", ответил: "Нет", – даже это, по-моему, не исключает возможности, что он в своё время принадлежал к партии эсеров. "В страшные годы ежовщины" (Анна Ахматова) упоминание об этом могло стоить ареста или даже расстрела.

Факт, что Виталий Семёнович открыл мне эту тайну лишь, так сказать, на смертном одре, я попытался объяснить себе его консервативными, можно даже сказать анти-социалистическими взглядами. Так, Виталий Семёнович, приславший нам свои воспоминания отдельными главами, написал, рассказывая об эпизоде с Цаловым, о котором я уже упоминал, что этот соученик снабжал А.С. Макаренко "революционной литературой". Во время первого приезда В.С. Макаренко к нам в Марбург я попросил его уточнить, о какой литературе идёт речь. Он с ходу ответил, что это "социал-революционная литература", и своей рукой внёс это уточнение в машинописную версию воспоминаний. После его смерти я обнаружил в его комнате – в доме престарелых, где он жил все эти годы и где он и умер – черновик рукописи воспоминаний. И в нём дружба с Цаловым упоминается в контексте, лишённом всякого политического содержания: речь здесь идёт не о революционной литературе, а о беллетристике.

Дополнительное замечание

Спустя несколько недель после того, как я прочёл этот доклад, в киевском журнале "Радянська школа", № 6 за 1986 г., появился материал, автор которого оценивает работу Марбургской лаборатории А.С. Макаренко довольно критически, но как содержащую богатую информацию. Называется он так: "Спроби радянологів ФРН 'відновити' 'справжнього' А.С. Макаренка" (Попытки советологов ФРГ "восстановить" "настоящего" А.С. Макаренко). В работе говорится и о Виталии Семёновиче – впервые в советском макаренковедении. При этом делается ссылка на немецкоязычный вариант его воспоминаний и писем, вышедших в 1973 году. Показательно, что данный материал был опубликован не в русскоязычном, а в украинскоязычном журнале, т.е. за пределами УССР он почти не пользуется вниманием.

Автор публикации, преподавательница немецкого языка Л.Ф. Цыбулько, противопоставляет некоторые высказывания В.С. Макаренко соответствующим высказываниям А.С. Макаренко и М.Г. Компанцева. Делается это для того, чтобы опровергнуть его утверждения. Автор заканчивает свои мало убедительные попытки следующим образом:

"В.С. Макаренко оспорил даже тот факт, что Антон Семёнович служил в армии с сентября 1916 г., доказывая, что это было с конца декабря. Однако благодаря архивам точно установлено, что А.С. Макаренко "был призван на действительную военную службу 20 сентября 1916 года".

М.Д. Виноградова, Л.Ю. Гордин и А.А. Фролов, напротив, отказались включить этот "документ" в свою основную статью "О педагогическом наследии А.С. Макаренко" в вышедшем из печати в ноябре 1986 г. заключительном восьмом томе нового издания "Педагогических сочинений" А.С. Макаренко. В отличие от комментариев в четвёртом томе (1984 г.), где речь идёт о том, что Макаренко был на военной службе "с сентября 1916 по март 1917 г.", там говорится:

"С третьего курса /учительского/ института в 1916 г. он был направлен в ополчение. Прослужив в нестроевой команде рядовым несколько месяцев, из-за плохого зрения он был демобилизован".

В формулировке этого высказывания, возможно, уже были учтены аргументы Виталия Семёновича против достоверности соответствующего свидетельства, так как русское издание его воспоминаний и писем было опубликовано в декабре 1985 г. и вовремя стало доступным вышеназванной "тройке". То, что В.С. Макаренко в этой связи не упоминается, правда, не так уж удивительно: в новом издании трудов А.С. Макаренко, предпринятом АПН СССР, братья и сёстры педагога вообще не упоминаются – для московского "Олимпа" имя "белогвардейца" Виталия Семёновича Макаренко по-прежнему, очевидно, остаётся табу.

Он родился и вырос в России. Вместо некролога [В.С. Макаренко] / Гётц Хиллиг // Марбург: Makarenko-Referat, 1987 (Opuscula Makarenkiana, Nr. 8). – С. V–XXXIII.

«ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ» А.С. МАКАРЕНКО

Опыт реконструкции процесса канонизации его как педагога (1939 – 1941 гг.)

«... it only took two or three years for Makarenko's works to win in Soviet pedagogical science the recognition which they had instantly won in Soviet literature.» (*Moscow News*, April 10, 1941)

ПИСАТЕЛЬ МАКАРЕНКО УМЕР!

Первого апреля 1939 года из газеты *Вечерняя Москва* москвичи узнали, что писатель А.С. Макаренко, недавно награждённый орденом Трудового Красного знамени за заслуги в развитии советской литературы, умер в возрасте 51 года по дороге домой, возвращаясь из дома отдыха Союза советских писателей (ССП). Причина смерти – внезапная остановка сердца. Второго апреля – в этот день гроб с телом Макаренко был установлен в конференц-зале ССП – центральные газеты *Правда*, *Известия*, *Комсомольская правда* публикуют некролог, подписанный президиумом ССП. Со свойственным тому времени пафосом там сказано, что Макаренко был «автором одного из наиболее замечательных, вдохновенных литературных памятников нашего времени», что его *Педагогическая поэма*, написанная им «кровью своего сердца, прекрасного сердца патриота, борца, педагога-художника», «принадлежит к числу любимых книг всего передового человечества»¹. В лице Макаренко, который был «непартийным большевиком» и до конца своей жизни «соединял художественную работу с педагогической», умер «передовик, новатор, подлинный революционер и в той, и в другой области». А.С. Макаренко являлся представителем «нового типа писателя – писателя социалистической эпохи», так как литература была для него «практической работой по формированию новой личности».

Этот некролог, который был на следующий день без комментариев перепечатан на последней странице *Учительской газеты* – органа Народных комиссариатов просвещения и профсоюзов учителей всех союзных республик – заканчивался торжественным аккордом: А.С. Макаренко – «один из наиболее достойных представителей советской социалистической литературы».

Четвёртого апреля – на этот день было назначено партийное собрание московской организации ССП, где должен был быть решён вопрос о приёме Макаренко в ВКП(б)² – происходят похороны Макаренко на Новодевичьем кладбище. До этого состоялся траурный митинг, на котором выступили два писателя – В. Финк (друг А.С. Макаренко) и Л. Соколов (представитель ССП), а также двое бывших воспитанников Макаренко – А. Тубин и Е. Ройтенберг. Они, а также известные писатели В. Вишневский и А. Фадеев (в то время секретарь президиума ССП) несли потом гроб с телом Макаренко³. У могилы с короткой речью выступает – после В. Финка и писательницы А. Караваевой – ещё один воспитанник Макаренко – С. Калабалин, который «от имени тысяч товарищей» прощается с их «отцом»⁴.

На следующий день еженедельное издание ССП *Литературная газета* обе первые страницы номера почти полностью посвящает Макаренко⁵. Со времени смерти Горького в 1936 году никогда так много не писали ни об одном умершем советском писателе. В передовой *Литгазеты* Макаренко называют представителем новой, советской интеллигенции, которую отличает дух новаторства, способность к творческому поиску и борьбе. Так же, как академик Т.Д. Лысенко «опрокинул старые нормы науки, указал путь вперёд», так и Макаренко «обогастил советскую литературу новыми темами, новыми нравственными идеалами», «опрокинул старые нормы педагогики, революционизировал её»⁶.

Тогда же, пятого апреля, организационная комиссия ССП под председательством А. Фадеева решает создать «комиссию по увековечению памяти А.С. Макаренко», задачей которой являются сохранение и распространение *литературного* наследия Макаренко. Кроме писателей В. Финка (председатель комиссии), В. Ермилова, В. Вишневского

и редактора «Гослитиздата» Ю. Лукина в комиссию вошли и двое бывших воспитанников Макаренко – А. Тубин и В. Камардинов, а также вдова писателя Галина Стахивна Макаренко (секретарь комиссии). Позже в состав комиссии были введены ещё несколько человек – также из узкого круга близких Макаренко людей: С. Калабалин, психолог В. Колбановский, заведующий секцией диамата Института философии АН СССР, писатель А. Бобунов и литературный критик Н. Четунова⁷.

Свою работу комиссия начала с разработки плана двух изданий. Первое – это было предложение оргкомиссии ССП – сборник воспоминаний бывших воспитанников – Макаренко о нём, второе – авторитетное собрание сочинений Макаренко. Но если до декабря 1940 г. «Гослитиздатом» был предусмотрен выпуск полного собрания сочинений, то с февраля 1941 г. речь идёт – и это отражает изменившуюся уже к тому времени оценку Макаренко – только об «избранном» в «Учпедгизе»⁸. Ни один из этих проектов в такой форме не был осуществлён – очевидно, из-за вторжения немецкой армии на территорию СССР в июне 1941 г.

Вслед за этим в течение последующих недель и месяцев появляются и другие некрологи и статьи, отдающие должное Макаренко, но за одним-единственным исключением⁹ лишь в литературной и общественно-политической периодике¹⁰: умер Макаренко-писатель. Его заслуги отмечает *литературная* общественность, о его наследии заботится Союз писателей¹¹.

А педагогическая общественность и её печатные органы молчат.

Когда в конце 1939 – начале 1940 г.г. – на основании соответствующих решений XVIII съезда ВКП(б) и X пленума ВЛКСМ «о задачах коммунистического воспитания трудящихся» – педагогическая пресса широко дискутировала проблемы укрепления дисциплины в школе и воспитания детей в семье (а это – вопросы, по которым Макаренко начиная с 1941 г. станет непререкаемым авторитетом), ни личность Макаренко, ни его педагогический опыт не играли в то время никакой роли¹². Даже в серии статей *Учительской газеты* на тему «Создадим книгу для родителей!» нет ни малейшего упоминания о вышедшей в 1937 г. книге Макаренко с таким названием¹³. Представители советской педагогики не видели тогда (всё ещё!) – по крайней мере, в своих официальных выступлениях – причины для того, чтобы поближе познакомиться с наследием Макаренко.

Единственное упоминание его имени – в статье о наказаниях в школе, опубликованной в августовско-сентябрьском номере центрального теоретического журнала *Советская педагогика* – и то не обошлось без ошибки: автор пишет о Макаренко, как если бы тот был ещё жив (т. – товарищ – Макаренко). При этом автор с облегчением констатирует, что Макаренко со своими ложными представлениями о системе школьной дисциплины, которые он изложил в органе ЦК ВКП(б) *Правда* в 1938 г., остался в меньшинстве¹⁴: педагог Макаренко, его творчество, его смерть остались без внимания.

ГОД СПУСТЯ: ОРГАНИЗУЕТСЯ ДИСКУССИЯ О ПЕДАГОГЕ МАКАРЕНКО

Первая годовщина со дня смерти Макаренко также отмечается лишь литературной общественностью. В московском клубе писателей 1 апреля 1940 г. устраивается вечер памяти А. С. Макаренко, на котором выступают В. Финк, Ю. Лукин, А. Караваева и В. Колбановский, а также бывшие воспитанники и товарищи Макаренко по работе¹⁵.

Правда, за две недели до того круга друзей Макаренко, который сплотился теперь вокруг его вдовы Галины Стахивны, впервые удалось сделать объектом начавшейся дискуссии взгляды педагога на воспитательную работу в школе и семье. Показательно, что сделано это было не через педагогическую, а через партийную прессу, что можно объяснить не в последнюю очередь хорошими отношениями «макаренковской комиссии» ССП с партийным руководством¹⁶.

17 марта 1940 г. *Правда* публикует – под заголовком «Неиспользованное наследство» – статью М. Кропачёвой, заслуженной учительницы РСФСР из Ленинграда. В ней она называет «ошибочным и вредным» «глубоко укоренившееся мнение, что методы Макаренко применимы исключительно к закрытым детским учреждениям». Автор выступает за широкое применение опыта Макаренко в школе и семье¹⁷.

В другом материале, который *Правда* печатает 26 марта, автор – И. Вислов, зав. областным отделом народного образования г. Рязани – называет педагогическое наслед-

ство педагога и писателя А.С. Макаренко «замечательным достижением советской педагогики». Он рассказывает также о том, что попытки спонтанного применения методов Макаренко в школе уже дали хорошие результаты.

Эта статья, на которую макаренковеды до сих пор не обратили никакого внимания, заканчивается категорическим резюме:

«Мы не имеем права игнорировать успехи, достигнутые замечательным педагогом Макаренко, и тратить время на поиски уже найденных им методов коммунистического воспитания. Наркомпросы должны приковать внимание теоретиков педагогики к изучению педагогического наследства писателя, использовать всё ценное в этом наследстве, чтобы двигать советскую педагогическую науку вперед».¹⁸

В передовой статье *Правды* от 29 марта о воспитательных задачах семьи и школы можно обнаружить те же ссылки на опыт Макаренко, которые содержались в статьях Кропачёвой и Вислова. И теперь – благодаря авторитету *Правды* – они звучали уже почти как требование ко всем. «Весь секрет его успеха именно в том и заключался, – говорится в передовой, – что он сплотил действенный коллектив, который задавал в колонии тон, влиял на самых неисправимых, приучал их к дисциплине, воспитывал волю. Опыт этот (разумеется, не механически) могут использовать с успехом наши школы».¹⁹ В этом высказывании отразился первый «лейтмотив» восприятия системы Макаренко на начальном этапе усвоения его наследия.

Вскоре своё мнение по поводу статьи Кропачёвой высказывает уже упоминавшийся ранее С. Калабалин, любимый воспитанник А.С. Макаренко из колонии им. Горького, ставший сам к этому времени руководителем одного из детских домов под Москвой. «По стопам своего учителя» – так называется его статья, опубликованная в *Правде* 16 апреля. Калабалин подробно рассказывает в ней о том, как он сам применял опыт Макаренко в своей более чем 10-летней педагогической практике. И всё это время начальство в органах народного образования – несмотря на конкретные успехи – упрекало его в одном и том же: «Вы макаренковщину насаждаете, вы командирскую систему заводите, порочную систему». И это при том общеизвестном факте, – пишет Калабалин, – что существующая в советских детских домах система воспитания «способна растить только иждивенцев и бездельников». Причина такого печального положения дел, по его мнению, – царящие до сих пор «в нашей педагогической науке беспорядок и неопределённость»²⁰.

Эта короткая, но важная с политической точки зрения «прелюдия» в газете *Правда* не могла не оказать влияния на педагогическую общественность и её прессу. Всего день спустя после публикации статьи Калабалина в *Правде*, свою первую статью о Макаренко публикует *Учительская газета* – «Замечательное педагогическое наследство». Её автор – Е. Ройтенберг, студент ленинградского пединститута, который в апреле 1939 г. выступал с речью на похоронах Макаренко. Ройтенберг, бывший воспитанник коммуны им. Дзержинского, живо рассказывает о насыщенной и интересной жизни в ней, выделяет в качестве самого существенного признака педагогической практики Макаренко «его блестящее мастерство индивидуального подхода к каждому воспитаннику». Свою статью он заканчивает призывом-требованием: «Мудрые педагогические идеи А.С. Макаренко должны стать для советских педагогов живым орудием коммунистического воспитания молодого поколения»²¹.

Уже через неделю это требование повторяется в передовой *Учительской газеты*. Указывая на порочную практику, когда школьника из-за одного-единственного проступка объявляют «трудным», «неисправимым», газета пишет: «Вся деятельность выдающегося советского педагога и писателя А.С. Макаренко была примером умения находить и развивать в действительно трудных и педагогически запущенных детях лучшие человеческие качества»²².

19 апреля 1940 г. состоялась первая встреча педагогов, посвящённая памяти Макаренко (примечательно, что она была организована дефектологами) – совместное совещание Научно-практического института специальных школ и детских домов в НКП РСФСР, которым руководил И.И. Данюшевский, и Московского государственного педагогического дефектологического института. С основным докладом на совещании выступил В.И. Куфаев, известный специалист в области ресоциализации беспризорников. Он уже выступал в октябре 1938 г. в дискуссии по докладу Макаренко в Научно-практическом ин-

ституте. Куфаев подчёркивает «новаторство» Макаренко в деле воспитания детей с помощью коллектива и отмечает тесную связь его методов с традициями классиков педагогики — «как отечественной, так и иностранной». Это — второй «лейтмотив» в восприятии наследия Макаренко в те годы.

Макаренко создал, продолжает Куфаев, на основе своих практических и теоретических разработок целый ряд бесспорных положений, которые стоит применить в современной педагогической практике:

«И чем смелее и скорее школа и воспитательные учреждения (разумеется, не механически) будут организовывать коллектив, воспитывать в детях дисциплину, ответственность, дружбу, товарищество между детьми, и чем скорее педагоги научат детей всю работу в школе и вне её связывать с коллективными интересами, как это делал А.С. Макаренко, тем успешнее мы разрешим важнейшие задачи коммунистического воспитания»²³.

Также и В. Колбановский вполне определённо ссылается в своей статье «Новатор социалистической педагогики», которая была напечатана в ежемесячнике Союза писателей *Красная новь*, на те же публикации *Правды*. В статье Колбановского можно обнаружить ещё один «лейтмотив» тогдашнего восприятия Макаренко: он противопоставляет педагогов-«теоретиков» педагогам-«практикам», обвиняя первых в том, что они сознательно препятствуют претворению педагогических принципов Макаренко в жизнь школы. В то время как «лучшие люди советской школы сделали идеи Макаренко руководством для своей сложной, трудной и благородной работы», те «люди, коим доверена теоретическая педагогическая мысль, попрежнему отказываются признать Макаренко-педагога». В качестве примера Колбановский приводит «вышедший недавно учебник педагогики для пединститутов», в котором «такое огромное явление в педагогике, как Антон Семёнович Макаренко», не упомянуто ни единым словом. Это, считает Колбановский, нужно расценивать не просто как «небрежность», а как «преступление»²⁴.

Однако Колбановский умалчивает о том, что подобным образом обошлись не с одним лишь Макаренко. С середины 30-х г.г., т.е. после официального «отлучения» от советской науки определённых научных направлений декретами 1931 и 1936 г.г.²⁵, из учебников по педагогике, а также из соответствующих статей постепенно «исчезают» имена ведущих в 20-е г.г. педагогов и партийных работников, связанных с этой областью. В учебниках 1939 и 1940 г.г.²⁶ советская педагогическая наука предстаёт «педагогикой без педагогов». В результате развитие её (начиная с 1917 года) зависело лишь от партии и её вождей. Так что история советской педагогики и школы сводилась к набору высказываний Ленина и Сталина по различным проблемам образования и воспитания, а также цитат из партийных и правительственных постановлений.

Однако различие между неугодными педагогами и Макаренко существовало: в числе тех, чьи имена прямо или косвенно «вычёркивались» из истории советской педагогики декретами 1931 и 1936 г.г., были люди, признанные не только в СССР, но и за границей — Луначарский, Блонский, Шацкий, Пинкевич, Калашников, Пистрак, Крупенина, Шулгин и, не в последнюю очередь, Крупская. Это лишь самые известные имена, имя же Макаренко было знакомо сравнительно небольшому кругу, да и то его знали скорее как писателя и оратора, правда, разбиравшегося в вопросах педагогики.

Об этом свидетельствует небольшой эпизод, рассказанный учительницей Е.Е. Смирновой на Второй всероссийской научно-педагогической конференции в конце июня 1940 г.: три месяца назад, — как вспоминает Смирнова, — она выступала на Московской областной педагогической конференции с докладом о методах Макаренко:

«Во время перерыва к ней подошёл один уже немолодой учитель и спросил:
— Скажите, кто такой этот Макаревич, о котором вы говорили?
— Макаренко, — поправила она. — Это — автор *Педагогической поэмы*.
— Ах, так это поэт...»²⁷

Однако даже в ближайшем будущем ничего подобного произойти уже не могло: седьмого и девятого июня 1940 года *Учительская газета* на целых двух страницах публикует статью Н. Лялина, доцента педагогики Ленинградского университета, «О педагогическом наследстве А.С. Макаренко» и тем самым открывает «широкую дискуссию по во-

просам воспитания, в частности, по вопросу о возможности использования в условиях советской школы педагогического наследства А.С. Макаренко»²⁸.

ДИСКУССИЯ В УЧИТЕЛЬСКОЙ ГАЗЕТЕ ЛЕТОМ 1940 ГОДА

Можно исходить из того, что Н. Лялин, который к моменту написания статьи уже собирался работать над кандидатской диссертацией о Макаренко, поддерживал связь с вдовой Макаренко Галиной Стахивной и поэтому имел доступ к неопубликованным текстам педагога²⁹. Отсюда можно предположить, что инициатива публикации в *Учительской газете* исходила скорее не от него самого, а из Москвы³⁰. Но во всяком случае эта дискуссия в *Учительской газете* – несмотря на то обстоятельство, что авторы некоторых материалов не занимались Макаренко эксплицитно – значительно способствовала пропагандированию Макаренко и его педагогических идей, подготовивших тогда постановку многих актуальных проблем.

В ходе двухмесячной дискуссии, которая закончилась 11 августа 1940 г. итоговой редакционной статьёй «Проблемы воспитания в советской школе»³¹, *Учительская газета* получила около 400 статей, отзывов и писем из различных областей страны³². Из этого числа редакция перепечатала 39 в 18 выпусках газеты, остальные были использованы в шести обзорах читательской почты³³.

Большая часть этих материалов, во многом сильно друг от друга отличающихся, принадлежат «практикам» (учителям, директорам школ, членам родительских активов), которые выступают за немедленное улучшение неблагополучной – а по мнению некоторых авторов, катастрофической – ситуации в советской школе. Другие участники дискуссии – наряду с С. Калабалиным и Е. Ураловой, Народным комиссаром просвещения Белорусской ССР, – «теоретики педагогики», т.е. профессора, научные сотрудники различных учебных и научно-исследовательских институтов. Среди них такие известные имена, как С.Н. Белоусов, И.А. Каиров, Л.Е. Раскин, С.М. Ривес, П.Н. Шимбирёв, Н.М. Шульман, которые в последующие месяцы и годы будут играть заметную роль в усвоении педагогического опыта Макаренко, а также И.Ф. Козлов – автор первой диссертации о Макаренко, защищённой им уже в 1941 году³⁴.

Статья Лялина, открывшая дискуссию, в большой степени определила дух и тон её, объём затронутых вопросов, сгруппированных автором вокруг трёх тем; 1) Макаренко-писатель и педагог; 2) Макаренко-хранитель лучших отечественных и зарубежных педагогических традиций; 3) основные черты современного восприятия Макаренко. При этом здесь постоянно звучат все три вышеупомянутых «лейтмотива», характерных для первоначального восприятия Макаренко.

Лялин в своей статье преследует две линии. Во-первых, он критикует сложившийся в педагогических кругах подход к наследию Макаренко: полное замалчивание его имени или искажение представления о нём как о педагоге и открытое неприятие системы. Это нельзя «извинить» ни тем, что на Макаренко смотрели скорее как на писателя, ни тем более ссылаясь на его слишком узкое, специальное поле деятельности, имевшее место лишь в колонии и коммуне. Макаренко – считает Лялин, следуя утверждениям в статьях *Правды*, – ни в коем случае не был только писателем, он был прежде всего педагогом. Значение практической и методологической работы этого педагога – хотя и не оставившего подробно разработанной теории коммунистического воспитания – выходит далеко за пределы специальной области, а именно колонии беспризорных, в которой он работал. Хотя как раз писательский талант давал Макаренко, как верно отмечал Горький, «дополнительные силы для того, чтобы не потонуть в топком болоте 'словесной' педагогики, критически разобраться в её киселеобразных установках и встать на собственные ноги».

Во-вторых, Лялин старается представить Макаренко единственным советским педагогом, который – скромно оставаясь в тени и не подпадая под влияние всякого рода «мод» и «отклонений», жертвами которых стали в 20–30 г.г. многие советские педагоги, – разработал свою собственную педагогическую концепцию. Сделал он это на основе не только собственного богатого и разностороннего опыта, но и лучших традиций зарубежной и отечественной (русской и советской) педагогики, начиная с Песталоцци, Ушинского и кончая Лениным и Сталиным. К Макаренко можно целиком отнести сталинскую характеристику истинных учёных, которые, «понимая силу и значение установившихся в науке

традиций и умело используя их в интересах науки, всё же не хотят быть рабами этих традиций».

И теперь оказалось, что Макаренко всегда был представителем «правильной линии» в педагогике — несмотря на все нападки «псевдоучёных», «апологетов теории отмирания школы», «педологов», которые в 20–30 г.г. определяли лицо советской педагогики. В то же время стало очевидным, почему при жизни Макаренко был почти неизвестен педагогам: его имя замалчивали именно потому, что он следовал «правильной линии». Этот механизм, вероятно, срабатывает и сегодня, — считает Лялин. Ведь тот факт, что теории педагогики по-прежнему не хотят видеть заслуг Макаренко перед наукой (это превентивное обвинение против всех потенциальных критиков Макаренко) возможно, имеет причиной и следующее: несмотря на то, что уже давно со всех этих взглядов сорвана личина научности и они признаны «антисоветскими», всё ещё имеются их тайные приверженцы — в учебных и научно-исследовательских институтах, учреждениях системы народного образования, а также в определённых педагогических редакциях и издательствах. Особенно это относится к журналу *Советская педагогика* и издательству «Учпедгиз». И разве, — спрашивает Лялин, — не является безнадёжная ситуация, сложившаяся во многих школах, семьях, следствием того, что вредное влияние такого рода «псевдоучёных» ещё не преодолено?

Такой пристрастный, а, вернее, фальсифицированный взгляд на вещи, полностью соответствовавший тогдашнему образцу ведения дискуссий, преследовал две цели: во-первых, Макаренко тем самым был ограждён сразу от всех обвинений в «педагогических грехах», разоблачённых декретами 1931 и 1936 г.г. А без этого ни один человек, занимавшийся педагогической — научной или практической — деятельностью в 20–30 г.г., не мог стать предметом общественной дискуссии. Во-вторых, таким образом была «очищена» история советской педагогики, с характерными для неё дискуссиями и борьбой в области народного образования и педагогики. В ней не остаётся — после операции Лялина — ничего, что не было бы также представлено и Макаренко. Он становится «путеводной звездой», педагогом-идеалом, который не только критикует ложные позиции, но и предлагает свою концепцию, которая применима в важнейших областях педагогической науки и может быть эффективно использована в практической работе.

После этого Лялин делает следующий — третий — шаг и переходит к выявлению основных черт педагогической концепции Макаренко — имея при этом в виду её актуальность, необходимость и реальность в тогдашних условиях. Для начала он выделяет в этой концепции три, как он их называет, «в педагогике исстари пропагандированных, совершенно правильных закона», которые для советской педагогической теории были заново оценены и развиты Макаренко. Вот эти три закона: педагог должен любить детей, окружать их заботой и вниманием; в процессе воспитания и образования следует учитывать интересы и запросы детей; и, наконец, педагогу необходимо считаться с силами детей.

Правда, эти законы, допускает Лялин, признавали все советские педагоги, однако в прошлом их неправильно толковали. Так, требование к педагогу любить детей, быть к ним внимательным привело к излишней мягкости, самоуспокоенности, безответственности в педагогическом процессе. Педагоги слишком далеко зашли, следуя другому требованию — учитывать интересы и запросы детей. В результате делались уступки смене настроений ребёнка, внезапным увлечениям и т.п. Тем самым учёт детских интересов стал «фетишем». Наконец, само по себе справедливое и верное требование учитывать силы и возраст детей, не давать им заведомо невыполнимых заданий привело бы к крайности — бездумному обереганию ребёнка, что в результате препятствует воспитанию в детях чувства самостоятельности, независимости, сковывает их инициативу.

Макаренко же, напротив, всегда исходил из того, что и к ребёнку — если его любишь и относишься к нему серьёзно — постоянно нужно предъявлять требования; что требовать должен прежде всего коллектив и что он должен настаивать на выполнении этих требований — независимо от того, хочет ли сейчас этого ребёнок или нет. Только так можно избежать в воспитании детей безволяности, безответственности, самодовольства. Макаренко так же боролся и с фетишизацией детских интересов и потребностей, противопоставляя им в качестве единственной разумной альтернативы чувство долга — опять же, прежде всего, долга перед коллективом: дети должны научиться выполнять также и

тяжёлые, скучные для них задания. Это требование неукоснительно соблюдалось в руководимых Макаренко колониях.

Лялин заканчивает свой очерк, выделив некоторые «основополагающие элементы» педагогической концепции Макаренко, которые отвечают «в педагогике исстари пропагандированным законам». Это те элементы, которые можно определить уже сейчас, несмотря на то, что творчество Макаренко изучено ещё недостаточно. К этим элементам Лялин относит как более или менее общепризнанные, например, коллектив «как основной и решающий фактор воспитания», вовлечение детей в самообслуживание, в общественно-производительный труд или же соединение воспитательного и учебного процесса с конкретными условиями и т.п., так и те элементы, за которые Макаренко постоянно критиковали. Например, наказания – и прежде всего телесные, роль и значение школы или же положение учителя в педагогическом коллективе. При этом указание Лялина на недостаточное знание педагогического наследия Макаренко выполняет, очевидно, двойную задачу. Во-первых, Лялин показывает, что здесь не использовано ещё «большое богатство»; во-вторых, он намекает на то, что критикам Макаренко следовало бы помалкивать, т.к. его труды в определённой степени их опровергают.

Статью Лялина нельзя назвать даже в малой степени удачным толкованием концепции Макаренко, не говоря уже об объективном изложении причин её (не-)восприятия. Это скорее ловкая предварительная «обработка» Макаренко, чтобы «подать» его на стол педагогической дискуссии, которая считалась возможной и необходимой ко времени публикации этой статьи.

Соответственно выглядели и последовавшие за статьёй дебаты в *Учительской газете*: «за» или «против» Макаренко означало «за» или «против» требований, связанных с его именем – ввести более строгую дисциплину в школах, больше спрашивать с учеников, упрочить положение учителя, руководителя. Несмотря на различия в деталях, все дискуссионные материалы газеты можно объединить в несколько групп.

Для авторов первой группы материалов статья Лялина – долгожданный повод изложить свои собственные представления о дисциплине и порядке, значении труда в процессе воспитания, о роли пионерской или комсомольской организации в школе. И почти все авторы выступают при этом за введение более строгой дисциплины в школе, за принятие более решительных мер в наведении порядка³⁵. Этим авторам имя Макаренко служило лишь поводом, удобным случаем высказать своё мнение.

Того же сорта аргументацию – правда, с настойчивыми ссылками на авторитет Макаренко и его педагогические представления – можно обнаружить и в многочисленных публикациях другой группы, авторами которых были – как и в первом случае – преимущественно директора школ и учителя. Эти «практики» видели в лице Макаренко «соратника в борьбе за дисциплину, порядок, за высокую успеваемость, за воспитание полноценного человека»³⁶. Но в вопросе о том, как достичь полного претворения в жизнь макаренковских принципов, мнения участников дискуссии – если они вообще высказывали их – сильно расходятся. Общим для них является лишь уже известное из *Правды* предостережение не переносить механически на школу систему Макаренко. Интересно, что это именно тот упрёк, который «теоретики» педагогики и органы народного образования в ходе этих и будущих дебатов будут снова и снова предъявлять «практикам»³⁷.

В то время как одни, требуя «больше дисциплины», выступают за более решительные меры воздействия, такие, как наказания, или за введение элементов военизации в жизнь школы³⁸, другие делают ставку на талант и личность учителя или директора школы, их образцовую работу в хорошо организованной школе, которая, как пишет преподаватель И. Вугман, должна походить на «огромный симфонический оркестр, где директор – дирижёр, учителя – концертмейстеры, учащиеся – музыканты. И так же, как успех оркестра определяется талантом дирижёра, работа школы зависит, прежде всего, от её руководителя – директора»³⁹.

В целом и эта группа участников дискуссии о личности и наследии Макаренко не предлагает решений даже частных проблем в освоении и дальнейшем развитии его концепции в школе и, поскольку об этом тоже шла речь, в семье. В принципе, и для них Макаренко – лишь предлог для того, чтобы – формально отталкиваясь от его отдельных положений – изложить на бумаге свои проблемы и собственные проекты.

Особенно интересна, в рамках этой общей дискуссии, небольшая дискуссия, которую вызвала статья учителя В. Спасского «Против принуждения»⁴⁰. Спасский – единственный «практик» (не считая В. Сувойчика, который лишь месяц спустя принял участие в дебатах и, вероятно, именно поэтому вышел «сухим из воды»), ведущий решительно и со всей определённой борьбу с тем, что Лялин «принимает теорию тов. Макаренко как абсолютно правильную, а то, что не сходится с ней в практике нашей школы, отвергает и третирует как мелкобуржуазное искажение». Тем самым опыт всех школ подменяется «малым субъективным опытом» – пусть даже это опыт такого «талантливого педагога». В создании общей педагогической теории такие действия могут принести лишь вред⁴¹.

Это усугубляется тем, что интерпретация Лялиным макаренковской системы – особенно это касается трёх «законов» – утрирована, если вообще не ложна. Лялин, по мнению Спасского, конструирует не выдерживающие критики альтернативы, такие, например, как гуманное отношение к ребёнку и строгость; его интерпретация никак не отвечает гораздо тоньше дифференцированной аргументации Макаренко.

Статья Спасского вызвала у сторонников введения более строгой дисциплины резко отрицательную реакцию. Один из оппонентов Спасского называет его доводы «гуманным сюсюканьем»⁴², другой упрекает его в «маниловской педагогике» и в том, что своими рассуждениями он льёт воду на мельницу тех, кто ещё при жизни Макаренко несправедливо подвергал его нападкам⁴³.

Поддержку – хотя и косвенную – Спасский находит у немногих теоретиков педагогики, которые также отвергали интерпретацию Макаренко Лялиным как поверхностную или даже ложную. Один из них, Н. Катериночкин из Свердловского пединститута⁴⁴, упрекает Лялина в том, что тот потерял чувство меры: ведь в конце концов Макаренко не единственный среди советских педагогов, который располагает «правильным опытом и правильной теорией», не всё то, что принадлежит его перу, априори истинно⁴⁵.

Ещё решительнее выступает П.Н. Шимбирёв, профессор педагогики Московского государственного пединститута, который ещё в октябре 1936 г. во время диспута о *Педагогической поэме* вступил в спор с самим Макаренко. Он отклоняет попытку Лялина представить Макаренко единственным советским педагогом, который всегда всё понимал правильно и соответственно с этим поступал, тем более, что это умаляло значение всех других советских педагогов-учёных, включая и тех, кто работал в то время. У Макаренко, пишет Шимбирёв в большой, довольно критической статье «Ценное и ошибочное у Макаренко»⁴⁶, есть, конечно, бесспорные заслуги перед педагогикой. Но одно дело – оценить то положительное, что было достигнуто Макаренко в колонии им. Горького, и совсем другое – то, что делает Лялин – «пытаться представить всю работу этой колонии как полное и совершенное осуществление принципов марксистско-ленинской педагогики, как идеал, к которому должен стремиться каждый советский учитель и воспитатель».

Кроме того, пишет Шимбирёв, «задача работников теоретического фронта педагогики» не в том, чтобы «канонизировать опыт Макаренко», а скорее в том, чтобы – здесь Шимбирёв пользуется формулой, ставшей общеупотребительной после декрета 1936 г., – отобрать лучший опыт советских педагогов и, обобщая его, «строить марксистскую науку о детях». Составной частью «лучшего опыта» является, несомненно, и опыт Макаренко. Однако при этом надо обратить внимание и на то, что – «вопреки утверждению тов. Лялина» – «педагогические взгляды Макаренко не представляют собой целостной, от начала до конца продуманной системы воспитания подрастающего поколения», это скорее ряд идей и попыток найти решение отдельных вопросов, среди которых есть и «ошибочные» – начиная с умаления значения школы, отсутствия «настоящего педагогического коллектива» в колонии им. Горького и кончая передачей «карательных» функций детским организациям, например, совету командиров, «не говоря уже о телесных наказаниях».

Но прежде всего Шимбирёв осуждает то, что «не вполне правильный тон статьи тов. Лялина» повлиял и на характер самой дискуссии: авторов почти всех материалов занимают, прежде всего, две проблемы – строгость учителя и меры наказания. Если Макаренко и был «безусловно противником всяких мелкобуржуазных теорий свободного воспитания», то тем более было бы прискорбно, «если бы всё 'усвоение' его педагогического наследства мы свели к вопросу о строгости и наказаниях».

Своей кульминационной точки статья Шимбирёва достигает в тот момент, когда он пишет о «пренебрежительном отношении к педагогике», которое чувствуется в произве-

дениях Макаренко, а также и в некоторых материалах дискуссии. Ни в коем случае нельзя предполагать, что «теория педагогики ровно ничего не даёт и все вопросы разрешаются исключительно практикой школы». Это показывает лишь недостаточность знаний Макаренко, ведь «если бы в первый год существования колонии им. Горького Макаренко изучил более глубоко труды классиков марксизма-ленинизма о воспитании, если бы он уделил более серьёзное внимание работам таких корифеев педагогики, как Песталоцци, Ушинский, Пирогов, Добролюбов, это предупредило бы Макаренко от ряда ошибок».

Особенно щекотливый вопрос Шимбирёв затрагивает, когда он пишет, что «совсем наивными выглядят попытки тов. Лялина вновь 'воскресить' те споры, какие велись между Макаренко, украинским Наркомпросом и тогдашними 'теоретиками' педагогики», и «сейчас всех работников теоретического фронта педагогики делить на два враждующих лагеря – сторонников и противников Макаренко». Тем самым Лялин – это читается у Шимбирёва скорее между строк – пытается сделать Макаренко или безоговорочное согласие с ним индикатором точного соблюдения партийной линии. В результате этого все остальные педагоги, которые – как и сам Шимбирёв – признают заслуги Макаренко лишь частично, как бы являются его противниками, а тем самым и противниками партии. А это, как учит опыт декретов 1931 и 1936 г.г., могло привести к репрессиям – начиная с потери работы и кончая ссылкой и даже физическим уничтожением.

Возражения Шимбирёва подхватил его ленинградский коллега Л.Е. Раскин⁴⁷. Он также называет «ошибочным и вредным» взгляд на Макаренко как на «некий утёс, противостоящий и враждебный всей современной педагогической науке», которую Лялин развенчал как «выражение квинтэссенции педологических, реакционных и мелкобуржуазных взглядов на воспитание». Повторив уже известные критические замечания, Раскин упрекает Лялина в том, что тот не показал, что именно можно конкретно перенести в школьную жизнь «из арсенала тех средств и методов, которые сыграли положительную роль в педагогической практике А.С. Макаренко». Вместо этого Лялин лишь констатировал:

«Макаренко – за строгость, и нам нужно быть за строгость; Макаренко – против неразумной любви к ребёнку, и нам нужно быть против неё; Макаренко – за крепкий коллектив, и нам нужно создавать крепкий коллектив; Макаренко – против потешающей педагогики, за серьёзный труд, и мы должны быть против этого и за серьёзный труд; Макаренко – за воспитание культурных привычек, и мы должны воспитывать культурные привычки».

Такого рода упрощённое и фальсифицированное противопоставление, считает Раскин, неуместно уже хотя бы потому, что в советской педагогической науке, «по крайней мере за последние несколько лет», никто не выступал против строгости, за неразумную любовь к детям и т.п.

Такого рода критика и такой подход к Макаренко и его педагогическому наследию должны были задеть не только Лялина, но и всю московскую комиссию. Поэтому было вполне логично, что кто-нибудь из узкого круга людей, близких Галине Стахивевне, должен был выступить против всех этих критиков – и особенно против самого авторитетного и высокопоставленного «клеветника» в лагере теоретиков педагогики – против Шимбирёва. Этот «кто-нибудь» был не кто-нибудь, это был Калабалин, он-то, как бывший воспитанник Макаренко, а теперь руководитель детдома, имел, как никто другой, право авторитетно высказывать своё мнение по поводу Макаренко.

Калабалин выбирает простое, но радикальное решение: в своей реплике «Ответ проф. Шимбирёву и наши предложения»⁴⁸ он объявляет его некомпетентным. По Калабалину, Шимбирёв, не зная хорошо педагогической практики Макаренко, сконструировал целый ряд ни на чём не основанных утверждений – начиная с того, что Макаренко якобы недооценивал роль школы, и кончая отсутствием в колонии им. Горького настоящего педагогического коллектива. Заявив это, Калабалин – его авторитет подкреплён такими достоинствами, как «практик», «пролетарий», «приближённый» – резюмирует: «Я, правда, не профессор педагогики, а рядовой работник, но для меня совершенно очевидно, что автор не свёл концы с концами.»⁴⁹

Ещё резче – это местами похоже на донос – реакция М. Мануильского, который 27 августа 1940 г. публикует в *Правде* статью о ходе и результатах дискуссии в *Учительской газете*⁵⁰. То, что у Лялина и других звучит как намёк на угрозы, здесь выражено без обиняков. Ссылаясь на упрёк Шимбирёва в адрес Макаренко – последний мог бы избежать

многих ошибок и заблуждений, если бы не пренебрегал теорией педагогики и основательнее изучал произведения классиков, – Мануильский зачисляет Шимбирёва и, наряду с ним, «иных наших докторов педагогических наук» в разряд людей с устаревшими взглядами и потенциальных противников; по его мнению они

«подчас повторяют зады, не замечая, что в советской стране, где создаётся замечательная, радостная жизнь, выковывается и новая, коммунистическая педагогика. Иные, бродя по кунсткамере педагогических теорий, не примечают сего слона; но новая, советская педагогика, перенявшая и использующая лучший опыт передового учительства, поднимает на неизмеримо высшую ступень нашу советскую школу»⁵¹.

С нескрываемой симпатией Мануильский в этой статье пишет о предложениях некоторых участников дискуссии решительнее ударить по недисциплинированности и хулиганству в школах, введя макаренковские методы воспитания. Указывая на недавние меры по усилению дисциплины на предприятиях – с начала 1939 г. трудовое законодательство в Советском Союзе стало значительно более жёстким, – Мануильский в этой связи пишет:

«Партия и правительство наводят железный порядок на предприятиях. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня направлен против лодырей, прогульщиков, дезорганизаторов производства, требует суровой трудовой дисциплины. А между тем наша школа не приучила до сих пор ребят к дисциплине. Именно молодые рабочие составляют основной контингент прогульщиков на предприятиях. Странно было бы, если бы школа наша осталась в стороне от той большой работы по воспитанию дисциплины, которая проводится в советской стране».

Так сторонники Макаренко постепенно стали признавать линию, которую партия декретами 1931 и 1936 г.г. официально объявила единственно правильной, то есть: селекцию определённых тем и имён в истории советской педагогической науки и стилизацию педагогической практики – в форме опыта лучших учителей и воспитателей, а также в виде (определённых) заявлений и выступлений партийного руководства, деятелей народного образования, – превращение её в «теорию советской педагогики». Но важно существенное дополнение: этот опыт лучших учителей и воспитателей – а также и его историческое значение – олицетворяет Макаренко, в нём это получило реальное воплощение.

Оглядываясь назад, можно сказать следующее: узкому кругу друзей и товарищей Макаренко и особенно его вдове удалось сделать с помощью «пролога» в *Правде* и серии статей в *Учительской газете* весной и летом 1940 г. первый важный шаг на пути утверждения Макаренко как важнейшего советского педагога. Его имя и связываемая с ним педагогическая концепция становятся с этого момента известными широким кругам педагогической общественности и определяют ход вновь начинающейся как раз к этому времени дискуссии о теории и практике советской педагогики⁵².

Этому способствовали также различные заседания и конференции летом 1940 г. Так, статья Лялина была главной темой совещания директоров школ Ленинградской области, которое было назначено уже на 19 июня. На нём «единодушно» было выдвинуто требование «широкой пропаганды педагогического наследства Макаренко среди учительства и родительской общественности»⁵³. А по сообщению *Учительской газеты* от 11 июля, аналогичное заседание прошло и в Краснодаре⁵⁴. К темам, обсуждавшимся на Второй всероссийской научно-педагогической конференции, которая проходила в Москве с 25 по 29 июня, незадолго до её открытия был добавлен доклад проф. С.М. Ривеса о «Педагогических взглядах Макаренко и применении их в практике советской школы»⁵⁵. Состоявшееся вскоре после этой конференции заседание, организованное пединститутом в Минске, было также специально посвящено педагогическому наследию Макаренко⁵⁶. Коллегия Наркомпроса Белоруссии на своём заседании 25 июля обсуждала итоги дискуссии в *Учительской газете*⁵⁷. Профессор педагогики Киевского университета Я.Б. Резник, который докладывал на проходившем с 13 по 15 августа совещании актива Наркомпроса Украины «О проблемах воспитания в советской школе», опирался в своём выступлении прежде всего на эту дискуссию⁵⁸. Наконец, доклады о Макаренко были прочитаны в пред-

двери нового учебного года на районных «августовских совещаниях» – как того и требовали авторы писем в редакцию *Учительской газеты*⁵⁹.

То, что удалось успешно сделать этот первый шаг – как затем и последующие – по пропаганде Макаренко-педагога, никак нельзя объяснить лишь инициативностью, энергией и благоприятными для этого связями, также и политическими, единомышленников Галины Стахиевны. Существенной «предпосылкой» для этого была уже описанная здесь ранее ситуация: в результате санкционированного партией разрушения советской педагогической науки, которое сопровождалось и всё большей международной изоляцией, ликвидацией её учреждений, а также отстранением от работы и даже физическим уничтожением её ведущих представителей, – в результате этого «педагогическая арена» с середины 30-х г.г. опустела⁶⁰.

И в этой определённой ситуации Макаренко является «человеком действия», из опыта которого можно было вывести «определённую систему педагогических воззрений», содержащую в себе «важнейшие проблемы методологии педагогики, методики и техники воспитания»⁶¹, человека, который является центральной интегрирующей фигурой, фигурой, узаконивающей те или иные принципы.

Вероятно, не менее важную роль в его успехе мог сыграть ещё и тот факт, что как раз теоретических трудов Макаренко после себя не оставил, его главное произведение – педагогический роман. Статьи и доклады, в которых Макаренко пытался привести в систему свои взгляды на педагогику, свой опыт, а делал он это каждый раз с учётом изменений в политике партии в отношении семьи и народного образования – они были известны лишь немногим, и во время дискуссий «на теоретическом фронте педагогики» (1928–1931 г.г.) остались незамеченными, что скорее давало основание предполагать его полную политическую благонадёжность. Невнимание к Макаренко «теоретиков» – когда-то авторитетных, а теперь низвергнутых – в этой ситуации можно было легко истолковать как «героическое сопротивление» или, по крайней мере, как «намеренное непризнание» педагога.

Вопрос о том, можно ли было бы вот так пропагандировать, внедрять педагогическое наследие Макаренко при его жизни, остаётся открытым. Однако целый ряд фактов – например, обнаруженная текстологами редакционная обработка его произведений или ставшие за последнее время известными случаи «ретуширования» его биографии, – допускает предположение, что ранняя смерть Макаренко по меньшей мере благоприятствовала его «второму рождению» – уже в качестве истинного, ведущего советского педагога.

Учительская газета продолжает свою кампанию по пропаганде Макаренко-педагога также и осенью 1940 г. – целенаправленно ссылаясь на его труды, прежде всего в передовых статьях, а также публикуя ранее неизданные материалы. 15 сентября газета начинает печатать серию из восьми бесед Макаренко по педагогике для родителей, которые московская радиостанция «РСЗ» выпустила в эфир в 1937 г., и выполняет тем самым требование некоторых участников дискуссии опубликовать педагогическое наследие Макаренко⁶². Книжное издание этого цикла, известного теперь под названием *Лекции о воспитании детей*, выходит с предисловием В.Н. Колбановского в издательстве «Учпедгиз» уже в конце 1940 г.⁶³.

МАКАРЕНКО СТАНОВИТСЯ ТЕМОЙ НАУЧНЫХ РАБОТ

В то время как все педагоги в результате газетной дискуссии, начатой статьёй Лялина, казалось, были чётко разделены на два лагеря – на «практиков» и «теоретиков», на перечисленных выше научно-педагогических заседаниях в середине 1940 г. со стороны «теоретиков» можно было услышать изменившиеся мнения относительно Макаренко и его педагогического наследия. И среди них начинают появляться те, кто считает: Макаренко – один из первых, чьё имя будет (вновь) названо в истории и теории советской педагогики, до того вообще «очищенной» от имён.

Однако большая часть педагогов на этом первом этапе сохраняет по отношению к Макаренко определённую дистанцию – что время от времени даёт повод их критиковать. Так, автор одной статьи, опубликованной в сентябре 1940 г. в одном из журналов ЦК комсомола, жалуется на отсутствие интереса со стороны научно-исследовательских педагогических институтов и кафедр вузов к такому важному и актуальному вопросу, как разработка «научно обоснованной, продуманной системы методов воспитания детей в школе».

Далее там повторяется, что «многие теоретики педагогики» стремились «замолчать» Макаренко под тем неубедительным предлогом, что его взгляды для советской школы «не могут представлять интереса», так как они возникли на основе практики Макаренко в закрытой колонии для малолетних правонарушителей⁶⁴. Этому журналу вторит *Учительская газета* от 11 октября 1940 г.: в Краснодарском пединституте «до сих пор 'не нашли времени'» заняться этим вопросом. «Даже кафедра педагогики ещё не успела 'подойти' к педагогическому наследию Макаренко»⁶⁵.

Подобные иронические формулировки вскоре уже сменились осуждением тех «учёных», которые якобы хотели «не допустить» Макаренко в педагогику – как об этом говорится в отчёте *Литгазеты* о прошедшей в Харькове сессии, посвящённой Макаренко – вероятно, из страха за себя: они несомненно чувствовали, что с признанием или непризнанием его педагогического наследия связано большее, чем просто «пересмотр отдельных приёмов, методов или положений», что это означает скорее «пересмотр мировоззрения, перестройку всего склада сознания: нельзя быть подлинным последователем педагогической системы Макаренко, не будучи большевиком по всему строю политических, философских, этических взглядов и принципов»⁶⁶.

ХАРЬКОВСКАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЁННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ МАКАРЕНКО В НОЯБРЕ 1940 Г.

В конце 1940 года пропагандистами педагогических взглядов Макаренко было предпринято дальнейшее наступление на пути к признанию его выдающимся практиком и теоретиком педагогики. И произошло это в городе, с которым педагогическая деятельность Макаренко была связана теснее всего. С 28 по 30 ноября в Харьковском дворце пионеров состоялась широко задуманная научная сессия, посвящённая педагогическому наследию Макаренко⁶⁷. Её организатором был только что тогда основанный городской институт усовершенствования учителей. В сессии участвовало 700 человек, – в основном учителя харьковских школ⁶⁸, но также и целый ряд профессоров и сотрудников научно-исследовательских институтов и вузов не только из Харькова, но и из Киева, Москвы, Ленинграда и других городов; представители Союза писателей, заместитель наркома просвещения УССР Лобер, кроме того – целый ряд старых сотрудников и воспитанников Макаренко из колонии и коммуны и, наконец, его вдова. В рамках этой сессии впервые была организована выставка, посвящённая жизни и творчеству Макаренко.

Составу участников соответствует подбор выступающих, спектр затрагиваемых вопросов и выдвигаемые требования. С докладами выступают такие теоретики педагогики, как Лялин, которого, как пишет *Учительская газета*, участники сессии «тепло встретили», и Резник, кроме того – представитель Союза советских писателей Гольдес, а также бывшие сотрудники и воспитанники Макаренко. Все они чествуют Макаренко-практика и теоретика педагогики, Макаренко-образцового советского человека и гражданина, а также Макаренко-писателя. Но не только отдельные докладчики известны уже по предшествовавшей дискуссии, известны также их аргументы, обвинения и требования. Новым является лишь требование участников сессии создать постоянную выставку – музей А.С. Макаренко. Проект, за осуществление которого возьмётся впоследствии московская «комиссия»⁶⁹.

В *Литгазете* от 22 декабря 1940 г. публикуется подробный отчёт Н. Четуновой, одного из членов комиссии, о харьковской сессии⁷⁰. Также и она жалуется на то, что значение Макаренко для научной педагогики всё ещё недооценивается, хотя он, как пишет Четунова, стоит «по своему значению в развитии мировой педагогической мысли» на одном уровне с Руссо и Песталоцци. Далее Четунова сожалеет о том, что «продолжатели дела Макаренко» находятся всё ещё не «на ведущих постах воспитательной работы», а вынуждены пока только:

«пробивать дорогу в воспитательную практику педагогическим принципам Макаренко», и притом «почти с тем же героическим упорством, с каким сражался сам Макаренко против педолого-педагогического 'Олимпа'. Харьковская сессия должна положить начало перелому в отношении органов народного образования к педагогической системе Макаренко».

В этой публикации Четунова использует возможность проинформировать широкую общественность о существовании и деятельности «макаренковской комиссии» при президиуме Союза писателей, а также чтобы склонить её «как можно скорее подготовить к печати к счастью сохранившиеся многие стенограммы докладов А.С. Макаренко».

Эти материалы – Галина Стахивевна предоставила их и, бесспорно, сама «подготовила», т.е. отредактировала в соответствии с требованиями к классику педагогики, – *Учительская газета* начала публиковать уже 15 декабря 1940 г. В этот день вышла – помещённая редакцией в передовой статье – первая часть ленинградского доклада Макаренко «Некоторые педагогические выводы из моего опыта». До начала февраля 1941 г. газета опубликовала ещё несколько стенограмм его выступлений⁷¹.

О ТОМ, КАК ИМЯ МАКАРЕНКО ПОПАДАЕТ В ПРОГРАММЫ И УЧЕБНИКИ ПО ПЕДАГОГИКЕ

Четуновой, возможно, во время её работы над отчётом о харьковской сессии ещё не был известен тот факт, что в результате кампании, проведённой *Учительской газетой*, имя Макаренко, наконец, вошло в программы и учебники для будущих учителей. Произошло это осенью 1940 года.

В ноябрьско-декабрьском номере *Советской педагогики* была опубликована новая учебная программа по истории педагогики для пединститутков. В ней было предусмотрено изучение педагогических взглядов Макаренко. Эта программа – результат работы специальной комиссии, образованной при кафедре педагогики Московского государственного университета. В её состав вошли профессора Е.Н. Медынский (председатель), Н.А. Константинов, П.Н. Шимбирёв, Г.Е. Жураковский и доцент А.Н. Веселов. Программа была утверждена 26 августа 1940 г. Всесоюзным комитетом высшей школы. Этому предшествовали продолжавшиеся два года дискуссии по поводу новой программы и её проверки на практике.

В разделе V второй части программы, который называется «Главнейшие этапы развития теории и практики советской школы», перечислены – в подразделе «Период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.)» – среди прочих следующие темы: «Роль товарища Сталина в перестройке и улучшении работы советской школы, его заботы о школе, учителях и учащихся. Крупская о ленинско-сталинском воспитании молодёжи. Педагогические взгляды и педагогическая деятельность А.С. Макаренко»⁷². Тем самым, Крупская и Макаренко – первые педагоги, которые (вновь) получили доступ в историю советской педагогики.

Макаренко при этом был включён в учебную программу в очень короткий срок. В «методических замечаниях», предпосланных программе, Медынский указывает на изменения в подборе тем по сравнению с первой редакцией программы 1938 г. – наряду с Макаренко здесь появились главы «М.В. Ломоносов» и «Педагогическая деятельность И.Н. Ульянова» (отца В.И. Ленина). Констатируя это, Медынский «страхуется» следующей заслуживающей внимания формулировкой: «Необходимость этих добавлений едва ли нуждается в подробной мотивировке»⁷³.

За включением Макаренко в новую учебную программу следует дополнительное признание его педагогических заслуг в двух учебниках педагогики для педагогических заведений, которые были подписаны в печать в конце ноября и середине декабря 1940 г. и выходят весной 1941 г. в издательстве «Учпедгиз» – оба под названием *Педагогика*. Первый учебник представляет собой второе, исправленное и дополненное издание книги Б.П. Есипова и Н.К. Гончарова, второй – новое учебное пособие П.Н. Шимбирёва.

В обоих случаях довольно любопытен способ изложения в немногословных высказываниях, касающихся Макаренко. В главе «Учитель советской школы», написанной Есиповым, речь о Макаренко заходит довольно неожиданно. Автор упоминает его имя в разделе «Проявление творческой активности в работе», при этом говорится почти исключительно о «человеческо-педагогических» качествах Макаренко – Макаренко – образцовый педагог, Макаренко-отец и друг своих воспитанников⁷⁴. Нет ничего, что помогло бы увидеть в Макаренко педагога, который создал научно обоснованную систему коммунистического воспитания или по крайней мере её элементы!

Шимбирёв же, несмотря на то (или как раз именно потому), что он в недавней дискуссии выступал как критик Макаренко, пишет о нём в разделе «Наука-педагогика и искусство воспитания». Он признаёт «огромное педагогическое мастерство» и отмечает (правда, в довольно общей форме) его вклад в советскую педагогическую науку. Предубеждение Шимбирёва против Макаренко, которое так резко было выражено незадолго до этого, летом 1940 г., можно и теперь почувствовать между строк, например, когда он подчёркивает, что Макаренко выработал свои педагогические взгляды «в труднейших условиях работы с беспризорными детьми и правонарушителями»⁷⁵.

Несмотря на то, что Макаренко включён теперь в новую программу по истории педагогики и в соответствующие учебные пособия, журнал *Советская педагогика* обходит его молчанием, собственно *замалчивает* его, как это сформулировал в *Учительской газете* от 21 марта 1941 г. Лялин⁷⁶. Не считая тех немногих, так сказать, неизбежных упоминаний о Макаренко осенью 1940 г. (как приведённые выше), в *Советской педагогике* за этот год ни разу не появилось ни критических, ни положительных высказываний о Макаренко, равно как и о начавшейся ещё летом дискуссии. Также и в мартовском номере за 1941 г., где был напечатан материал о Третьей сессии учебно-методологического совета Наркомпроса РСФСР, состоявшейся в конце декабря 1940 г. в Москве, не упоминается о том, что на ней некоторые докладчики говорили и о Макаренко⁷⁷.

Это неизменно сдержанное отношение журнала к Макаренко, возможно, является следствием попыток редакторов и постоянных авторов *Советской педагогики* возратить Н.К. Крупской подобающее ей место в истории и теории советской педагогики⁷⁸. В статье, которую *Комсомольская правда* публикует ко второй годовщине смерти Макаренко, её автор — Колбановский — напоминает о том, что именно *Советская педагогика* в своё время — в 1938 г. — пыталась «уничтожить *Книгу для родителей* ядовитой рецензией некоего Стороженко»⁷⁹.

Важный шаг на пути к признанию Макаренко научной педагогикой (и тем самым в конце концов к его «внедрению» в её главный орган — журнал *Советская педагогика*) был сделан за несколько недель до того — на заседании «комиссии» 20 декабря 1940 г. После успеха харьковской сессии (которая показала, что — так записано в протоколе этого заседания — «литературное наследство А.С. имеет не только художественный, но и большой научно-педагогический интерес и выходит за рамки деятельности Комиссии ССП») обсуждается «вопрос об изменении и расширении» работы комиссии и принимается решение созвать 6 января 1941 г. специальное совещание «с представителями педагогической общественности г. Москвы». И.Ф. Козлову и Галине Стахивевне Макаренко поручается составить «персональный список приглашаемых товарищей». В результате на этом расширенном заседании комиссии, на котором было намечено провести целый ряд мероприятий ко второй годовщине смерти Макаренко (научно-педагогическая сессия, выставка, публикации в *Учительской газете* и *Литературной газете*), участвуют и три теоретика педагогики, которые в течение ближайших лет сыграют важную роль в восприятии педагогических взглядов Макаренко. Это — Е.Н. Медынский, И.А. Каиров и Б.П. Есипов⁸⁰.

ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА СМЕРТИ: ПЕДАГОГ МАКАРЕНКО ПОЛУЧАЕТ ШИРОКОЕ ПРИЗНАНИЕ И ВЫСОКУЮ ОЦЕНКУ

2 марта 1941 г. *Учительская газета* под заголовком «Насущные проблемы советской педагогики» публикует основополагающую статью на двух страницах — и тем самым начинает новую дискуссию. Подписана статья «коллективом научных сотрудников харьковских вузов» — поимённо названы одиннадцать профессоров и доцентов. Среди них — А. Зильберштейн, знакомый Макаренко, и А. Тер-Гевондян, один из докладчиков на харьковской сессии⁸¹, а позже — один из самых активных помощников Галины Стахивевны в редакционной подготовке наследия Макаренко.

В одном из разделов этой статьи — «Изучать и разрабатывать труды выдающихся советских педагогов» — называются имена Крупской, Шацкого и Макаренко, но отношение к ним неодинаковое. Скорее создаётся впечатление, что два первых имени упомянуты рядом с именем Макаренко только как введение, для полноты охвата темы. В то время как Крупской посвящено всего два абзаца (при этом приводятся цитаты лишь из

её дореволюционных работ), а о Шацком говорится вскользь, о Макаренко рассказывает подробнее, и его называют «крупнейшим советским педагогом»⁸².

Этой публикацией харьковских учёных-педагогов *Учительская газета* открывает «широкую дискуссию» о проблемах, связанных с созданием «марксистской науки о детях». В дискуссии, которая закончилась в середине апреля 1941 г. всесоюзной конференцией по педагогическим наукам, участвовали все значительные педагогические и психологические научно-исследовательские институты, сотрудники которых прислали в редакцию коллективные статьи, а также отдельные учёные и просто читатели газеты.

Почти во всех этих материалах авторы требуют исследовать опыт «лучших советских учителей» и работы «выдающихся советских педагогов» – и, прежде всего, наследие Крупской и Макаренко. Тем самым в истории и теории советской педагогики заканчивается «безымянный период».

Примечательно, что авторы этих материалов уделяют Макаренко больше внимания, чем Крупской или даже Шацкому. Для них Макаренко становится педагогом, чьи работы важны не только для эмпирической педагогики (как пишет в статье «Теория и практика изучения детей» профессор педагогики Московского городского пединститута В.Н. Марков)⁸³, но и для (педагогической) психологии (что подчёркивают в статье «Задачи психологии и создание марксистской науки о детях» сотрудники Государственного психологического института)⁸⁴. А В.Е. Гмурман, сотрудник Государственного института школ Наркомпроса РСФСР, а позже «главный редактор» семитомника собрания сочинений Макаренко, пишет в своей статье «О проблематике научной работы»: И в теории воспитания необходима более углублённая работа над отдельными теоретическими проблемами. Многие из них сформулированы в работах А.С. Макаренко»⁸⁵.

Что-либо подобное в отношении Крупской, которая умерла лишь за месяц до Макаренко, или даже Шацкого в то время было просто невысказуемо. В 20–30 г.г. Крупская часто высказывалась не только по вопросам образования и педагогики, но и выступала против внутрисоветской линии Сталина. Поэтому-то Сталин, обязанный сохранять по отношению к ней, как к вдове Ленина, определённый пиетет, делал с конца 20-х г.г. всё от него зависящее для того, чтобы всё больше изолировать Крупскую от политической и даже от социальной жизни страны. Это, впрочем, не мешало некоторым её бывшим сотрудникам и ученикам выступить за её реабилитацию.

Шацкий же, умерший уже в 1934 г., стал одиозным прежде всего из-за своих реформаторско-педагогических взглядов – к этому времени считавшихся буржуазными и антисоветскими. Ведь в конце 20-х г.г. «шацкизм» был даже синонимом «правого уклона». Именно в этом контексте следует понимать замечание Шимбирёва в статье «О главном и второстепенном»: «Нет оснований спешить с разработкой педагогического наследия С.Т. Шацкого: слишком много в его трудах ошибочного и мало созвучного с задачами советской педагогики». Более необходим «глубокий научный анализ и раскрытие богатства педагогического наследия замечательных советских педагогов – Н.К. Крупской и А.С. Макаренко»⁸⁶.

С.Л. Рубинштейн, профессор психологии Ленинградского пединститута им. Герцена, напоминает в своей статье «О задачах советской психологии» – как в своё время уже и *Литгазета* – о другом, как раз в этот же период намечающемся процессе канонизации, до странности похожем на «случай Макаренко», касающемся, правда, человека, которого позже стали считать шарлатаном – Т.Д. Лысенко:

«Лишь в результате длинной и ожесточённой борьбы против традиционной формалистической генетики пробил себе путь революционный дарвинизм Тимирязева-Мичурина-Лысенко», – пишет Рубинштейн, и после длительной и упорной неприязни со стороны «педагогического Олимпа» начинает прокладывать себе путь положительная оценка педагогической системы Макаренко⁸⁷.

На время дискуссии о «насуточных проблемах советской педагогики» приходится вторая годовщина смерти Макаренко, и по этому поводу во многих советских газетах и журналах появляются хвалебные статьи, в том числе – впервые и в *Советской педагогике*. Здесь публикуются сразу пять статей о Макаренко, три из которых написаны ведущими теоретиками педагогики: профессорами Б.Б. Комаровским (Баку), С.М. Ривесом и В.Н. Марковым⁸⁸. Таким образом, и этот – последний – бастион взят.

Статья ещё одного теоретика, проф. Е.Н. Медынского, в *Учительской газете* печатается рядом с очерком о дореволюционной деятельности Макаренко под названием «Жизнь, полная труда и исканий», написанном Галиной Стахивной⁸⁹. Опираясь в нём прежде всего на автобиографические высказывания из художественных и публицистических произведений своего мужа и, таким образом, в какой-то мере на соответственно авторизованные «подготовительные работы», Галина Стахивна намечает здесь главные линии будущей биографии Макаренко. Предпринятые при этом «очищение» и «пролетаризация» прошлого Макаренко (единственный ребёнок в семье бедного, но сознательного рабочего и т.п.) были в это время не только нужными, но просто даже необходимыми мерами для того, чтобы беспартийный «аутсайдер» с отягчающим анкету «заграничным родственником» (родной брат – белогвардеец во Франции!) мог быть принят в советский «пантеон».

Вечером первого и второго апреля 1941 г. в Московском университете проходит совместное посвящённое Макаренко заседание учебного совета Института школ, кафедр педагогики университета и московских пединститутов. С докладами выступают: профессора Колбановский («Макаренко – писатель, педагог, гражданин»), Каиров («Коллектив в педагогической системе Макаренко») и Ривес («Роль воспитателя в педагогической системе Макаренко»), а также А.М. Гельмонт («Трудовое воспитание в педагогической системе Макаренко»)⁹⁰.

Ривес выступает с докладом и на состоявшейся позже (19–24 апреля) конференции по педагогическим наукам, которая была организована Всесоюзным комитетом высшей школы и Наркомпросом РСФСР. Тема его доклада – «Педагогическая система А.С. Макаренко и её значение в развитии советской педагогики». В переработанном виде доклад был опубликован затем в *Учительской газете* и *Советской педагогике*. Ривес там, в частности, пишет, что «вся система педагогических мероприятий А.С. Макаренко является частью советской педагогической системы, системы, основанной на великом учении Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина». Макаренко является образцом не только практика, но и «педагога-исследователя»:

«Глубокая принципиальность, непримиримость в борьбе с неправильными и вредными концепциями, непосредственная практическая работа с детьми, смелая постановка самых трудных вопросов на практике, острый анализ и глубокое обобщение положительных достижений – ценнейшие качества Макаренко как педагога-исследователя и экспериментатора. Эти качества должны воспитать в себе работники теоретико-педагогического фронта, и тогда мы сможем поднять педагогическую науку на уровень, соответствующий гигантским задачам нашей великой Сталинской эпохи»⁹¹.

Результат всех этих усилий – не только приучить педагогическую общественность к мысли о том, что Макаренко – важнейший советский педагог, но и сделать из него главного протагониста заново формирующейся советской педагогической науки, – этот результат можно сформулировать словами писателя Ермилова, одного из основателей «комиссии по увековечению памяти А. С. Макаренко» ССП. В статье ко второй годовщине смерти Макаренко в журнале *Красная новь* он пишет:

«О Макаренко говорят на учительских съездах, на комсомольских собраниях, в семьях рабочего, служащего, колхозника. Заслуженные профессора, историки педагогики, со всей научной ответственностью называют его *классиком* мировой педагогики»⁹².

Итак, это было вторым рождением Макаренко-педагога.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ...

Дальнейшее развитие восприятия идей, связанных с именем Макаренко, получило большую известность, чем те начальные описанные в данной работе пути, которые были возможны только благодаря внешнеполитической «тишине» того времени («пакт Гитлера-Сталина»). Развитие это привело со временем к тому, что некоторые иностранные учёные увидели в Макаренко «педагога, который является классиком не только для коммунистического мира»; его творчество «было расценено как самый значительный вклад России в развитие воспитательной мысли XX века»⁹³.

Ниже следует перечень важнейших событий, связанных с восприятием идей Макаренко и его личности, происшедших до начала 50-х годов.

Весной 1941 г. издательство «Учпедгиз» выпускает две брошюры для родителей и сборник статей по вопросам воспитания детей в семье. В этих трёх публикациях впервые прямо ссылаются на Макаренко⁹⁴. Кроме того, также ещё до начала войны, появляется (в Сталинграде) переиздание лекций Макаренко на радио⁹⁵, а также тематический выпуск *Бюллетеня*, посвящённого Макаренко, Московского научно-практического института специальных школ и детских домов со статьями педагогов-учёных С.М. Ривеса, И.И. Данюшевского, А.М. Гельмонта, В.И. Куфаева и Н.М. Шульмана⁹⁶. Наконец, в Симферополе появляется первая книга о нём – *Вопросы психологии воспитания в произведениях А.С. Макаренко* В.М. Белоуса (издана институтом усовершенствования учителей Наркомпроса Автономной Крымской республики)⁹⁷.

Уже не в Москве, а в г. Чкалов (Оренбург), расположенном восточнее столицы, осенью 1941 г. появляется – под названием *Воспитание детей в семье и школе* – сборник выступлений Макаренко, которые ранее публиковались в Учительской газете; в 1942 г. этот сборник выходит (в Алма-Ате) и на казахском языке. Кроме того, в 1941 г. цикл лекций Макаренко на радио выходит в переводе на армянский (в Ереване), грузинский (в Тбилиси), узбекский (в Ташкенте), украинский (в Киеве) и эстонский (в Таллине) языки. Осенью 1941 г., когда полным ходом шла эвакуация московских предприятий и учреждений, «Архив А.С. Макаренко», которым заведовала Галина Стахивна, тоже был перевезён сначала в Куйбышев, а затем в Свердловск⁹⁸.

В июле 1943 г., спустя полгода после Сталинградской битвы, изменившей ход войны, научная жизнь в Москве стала нормализоваться. В это время при кафедре педагогики государственного пединститута им. В.И. Ленина была образована – на смену «макаренковской комиссии» ССП – Научно-исследовательская лаборатория А.С. Макаренко под руководством Галины Стахивны⁹⁹. Целью её стало «изучение и внедрение в практику воспитательных учреждений педагогических идей А.С. Макаренко». Для этого был составлен список, включавший тридцать тем для «научной обработки», опубликованных затем в Советской педагогике. Кроме всего этого планируется провести конференцию по вопросам педагогики Макаренко, издать сборник научных статей к пятилетней годовщине смерти педагога¹⁰⁰. Уже в 1944 г. Научно-исследовательская лаборатория А.С. Макаренко (новое название: Лаборатория по изучению педагогического наследства А.С. Макаренко) стала частью Института теории и истории педагогики (директором его был И.Ф. Свадковский) только что образованной Академии педагогических наук (АПН) РСФСР. Галина Стахивна – теперь уже в должности «исполняющей обязанности старшего научного сотрудника»¹⁰¹ – по-прежнему руководит лабораторией. Вместе с нею работают И.Ф. Козлов и А.Г. Тер-Гевондян. Цель их работы – подготовка к изданию выходивших до сих пор разрозненно, а также к тому времени ещё неопубликованных работ Макаренко по педагогике, а кроме того, – исследование воспитательной работы в коммуне им. Дзержинского¹⁰².

В 1944 г. в издательстве ВЛКСМ «Молодая гвардия» выходит первая редакция монографии Медынского о Макаренко, которая позже была переведена и за границей на многие языки. В этой книге – предисловие к ней написано Г.С. Макаренко, она же явно и «руководила» автором – впервые более или менее подробно описываются «жизнь, деятельность и педагогическая система» (подзаголовок книги) Макаренко – правда, «в слегка очищенном виде» в соответствии с духом времени, с требованиями политической и педагогической конъюнктуры¹⁰³. В том же году выходит, кроме того, новое издание Педагогической поэмы, также слегка переработанное по тем же причинам¹⁰⁴. 31 марта 1945 г. проходит «вечер воспоминаний», организованный Лабораторией А.С. Макаренко АПН вместе с кафедрами педагогики московских пединститутов, на котором выступают бывшие воспитанники, сотрудники и друзья Макаренко. (Этот вечер был организован вместо научной конференции, запланированной первоначально к пятой годовщине смерти Макаренко)¹⁰⁵.

После окончания войны начинается «экспорт» Макаренко в только что преобразованные страны народной демократии – Педагогическая поэма переводится на болгарский (1945), польский, чешский (1946), венгерский, сербский, хорватский (1947), немецкий, румынский и словацкий (1949) языки. В это время там также выходят переводы его Лекций о воспитании детей – на албанском, болгарском, чешском (1947), сербском, словац-

ком, хорватском (1948), китайском, македонском, немецком, польском и румынском (1949) языках¹⁰⁶.

В 1946 г. издательство «Учпедгиз» выпускает третье, «исправленное и дополненное» издание учебника педагогики для педагогических училищ Б.П. Есипова и Н.К. Гончарова, а также учебник для учительских институтов И.Т. Огородникова и П.Н. Шимбирёва с соответствующими главами о Ленине, Сталине, Крупской и Макаренко¹⁰⁷. Тем самым была закреплена традиция «иерархии» ведущих советских педагогических мыслителей в первой послевоенной декаде. Предпочтение, которое авторы работ отдают Макаренку перед Крупской, отражает общую тогдашнюю тенденцию: о Макаренке было написано 28 кандидатских диссертаций, в то время как о Крупской – всего лишь 10 (если учесть только диссертации на русском языке). Различным было также и отношение АПН к изданию литературного наследия этих педагогов – два сборника избранных произведений Крупской (в 1948 и 1955 г.г.) – это явно мало по сравнению с изданием работ Макаренко – два сборника избранных произведений (1946, 1948 г.г.), четырёхтомное собрание педагогических сочинений (1949), семитомник Сочинений (изданы И.А. Каировым, Г.С. Макаренко и Е.Н. Медынским уже в 1950–1952 г.г.). Последнее издание оставалось самым полным до 70-х годов, оно было переведено за границей на чешский (1952–1955), венгерский (1955–1956), польский (1955–1957), китайский (1956–1957) и, частично, на немецкий (т.т. 5 и 7, 1956–1958), словацкий (т.т. 6 и 7, 1957–1958) и румынский (т.т. 6 и 7, 1958–1959) языки, а вышедшее в 1957–1958 г.г. второе издание послужило основой для переводов на немецкий (1961–1964) и японский (1964–1965) языки. Подобное издание сочинений Н.К. Крупской (Педагогические произведения в одиннадцати томах) АПН предпринимает лишь в 1957–1963 г.г., а на иностранные языки оно не переводилось¹⁰⁸.

В 1949 г. издательство Львовского университета выпускает первую книгу серии А.С. Макаренко, издаваемой Ф.И. Науменко. (В настоящее время выпущено уже 11 томов). В 1951 г. появляется монография Е. Балабановича *А.С. Макаренко. Очерк жизни и творчества*. В том же году по указу правительства УССР, наконец, открывается первый музей А.С. Макаренко – в доме его родителей, в Кременчуге-Крюкове.

Несмотря на все эти «академические старания» теоретиков, вопрос о применении педагогической концепции Макаренко в школе остаётся нерешённым. В декабре 1950 г. открывается новая дискуссия на тему, на этот раз в Литгазете. Она началась с публикации статьи Ф. Вигдоровой «Драгоценное наследство»¹⁰⁹. Как и в дискуссии 1940 г. в Учительской газете, здесь участвуют, прежде всего, учителя, а также С. Калабалин и П. Шимбирёв¹¹⁰. Главный итог дискуссии в Литгазете, который был подведён в августе 1951 г., довольно мало отличается от результатов первой: и на этот раз нашлись «теоретики», которые препятствуют правильному применению системы Макаренко в школе, – правда, не потому, что замалчивают её, а потому, что хотят сослать «драгоценное наследство» в архивы:

«Педагогическое наследие Макаренко не должно и не может быть объектом хранения в исторических архивах, материалом для беспристрастных академических изданий. Наследие Макаренко, очищенное от отдельных неправильных и устаревших положений, – это действенное, боевое оружие в арсенале коммунистического воспитания, и надо относиться к нему именно как к такому боевому оружию.»¹¹¹

Марбург / Мюнстер, 1987 г.¹¹²

1. В некрологе, кроме того, сообщается, что *Педагогическая поэма* «переведена на все главные языки мира», что в то время отнюдь не соответствовало действительности: до 1939 г. за границей вышла только первая из трёх частей этого произведения, и притом только на английском (1936, 1938 г.г.), голландском (1938) и французском (1939 г.) языках. Ошибочными следует считать также сведения, исходящие, очевидно, от Галины Стахивны Макаренко, о том, что произведения Макаренко ещё при его жизни были переведены на 12 иностранных языков; *Е.О. Ройтенберг*, «Воспоминания об А.С. Макаренко», Советская педагогика (далее ссылки на этот журнал как на : Сов. пед.), 5–6, 1944, сс.16–19 (здесь – с. 19).

2. 15.2.1939 г., незадолго до XVIII-ого съезда партии, Макаренко – воодушевлённый присвоением ему ордена Трудового Красного знамени (31.1.1939 г.) – подал заявление о принятии его «в число кандидатов в члены ВКП(б)», которое было обсуждено 16 марта на заседании партийного комитета Союза советских писателей и передано на рассмотрение вышеупомянутого общего партсоборания для принятия окончательного решения. На основании протокола этого заседания (Институт мировой литературы

«Второе рождение» А.С. Макаренко (1939-1941 гг.)

- им. А.М. Горького АН СССР, отдел рукописей, Москва, ф.114, оп.1, д.5) можно исходить из того, что заявление Макаренко 4 апреля было бы удовлетворено.
3. «Похороны А.С. Макаренко», Известия СДТ, 80, 5.4.1939, с.4; *П.Г. Лисенко, И.С. Убийвовк*, Антон Семёнович Макаренко, вид. 2-е, Київ, 1978, с.130.
4. «Последний путь», Литературная газета (ссылки как на: Лит. газ.), 19, 5.4.1939, с.1.
5. Главное место на первой странице этого номера Литгазеты занимает портрет Макаренко, а также уже упоминавшееся подробное сообщение о почётном карауле у гроба с его телом в Доме ССП и торжественном погребении (там же); за этим были напечатаны соболезнования различных областных писательских организаций, а также редколлегий литературных периодических изданий. На второй странице рядом с некрологом «Памяти А.С. Макаренко» были помещены отзывы коллег-писателей и бывших воспитанников, кроме того – статья *В.Н. Колбановского*, друга Макаренко, который уже в предыдущие годы оценивал его как выдающегося педагога и защищал от враждебных выпадов: «Мастер коммунистического воспитания».
6. «Кровное дело интеллигенции», Лит. газ., 19, 5.4.1939, с.1.
7. См. протоколы заседаний «Макаренковской комиссии»: Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ссылки как на: ЦГАЛИ), ф.332, оп.1, ед.хр.76.
8. См. протоколы заседаний от 20.12.1940 и от 6.1.1941.
9. *С. Дзубинский*, «Антон Семёнович Макаренко – писатель – педагог», *Начальная школа*, 6, 1939, сс.16–23.
10. *Н. Четунова*, «А.С. Макаренко», *Красная новь*, 4, 1939, сс.202–216; «Антон Семёнович Макаренко. Некролог», Октябрь, 4, 1939, сс. 43–44; «Памяти А.С. Макаренко», Литературное обозрение, 8, 1939, с. 56; «Памяти Антона Семёновича Макаренко», Литературный критик, 4, 1939, сс. 174–175; «Писатель – педагог – борец», Детская литература, 4, 1939, с. 8; «О Макаренко». Молодая гвардия, 4, 1939, сс. 197–208 (воспоминания бывших воспитанников П. Архангельского, А. Тубина и С. Калабалина); А. Тубин, «Антон», Год XXII, Альм. 16, Москва, 1939, сс. 445–492.
11. Эта «забота» о нём после смерти со стороны ССП вполне соответствует собственным представлениям Макаренко о своём месте в обществе: в последние годы жизни он считал себя прежде всего писателем и жил на средства, получаемые им за литературные произведения; как говорили, его последними словами были: «Я писатель Макаренко».
12. Учительская газета (ссылки как на: Уч. газ.) с 9.12.1939 до 9.4.1940.
13. Уч. газ., 17.1., 29.1.1940.
14. *И. Степанов*, «К вопросу о взысканиях в школе», Сов. пед., 8–9, 1939, сс.47–57 (здесь – с.47).
15. *С. И.*, «Памяти А.С. Макаренко», Лит. газ., 19, 5.4.1940, с.1.
16. Большинство членов «комиссии» были членами партии: *Галина Стахивна Макаренко и Бобунов* – с 1918 г., *Колбановский* – с 1919 г., *Ермилов* – с 1927 г., *Вишневский* – с 1937 г. После окончания работы над рукописью нам стало известно, что Галина Стахивна Салько-Макаренко в 1934 г. «механически» была исключена из партии.
17. *М. Кропачёва*, «Неиспользованное наследство», Правда, 76, 17.3.1940, с.6. Почётное звание этого автора – «заслуженная учительница РСФСР» – сообщает Н.А. Морозова в своей книге А.С. Макаренко, изд. 2-е, Ленинград, 1961, с. 28.
18. *И. Вислов*, «За единый действенный коллектив», Правда, 85, 26.3.1940, с.4.
19. «Семья и школа», там же, 89, 29.3.1940, с.1.
20. *С. Калабалин*, «По стопам своего учителя», там же, 106, 16.4.1940, с.4.
21. *Е. Ройтентберг*, «Замечательное педагогическое наследство», Уч. газ., 52, 17.4.1940, с.2. Вопреки известному факту, что этот автор был воспитанником коммуны им. Дзержинского и именно так и представлялся в других публикациях, здесь его называют сотрудником коммуны, проработавшим в ней много лет, – возможно, чтобы придать таким образом больший вес его свидетельствам.
22. «Против схематизма в воспитательной работе», Уч. газ., 56, 25.4.1940, с.1.
23. Доклад *Куфаева* «Педагогический оптимизм А.С. Макаренко» вместе с докладом *С.М. Ривеса*, профессора педагогики Московского гос. пединститута, – «Изучим опыт передового советского педагога А.С. Макаренко» был опубликован в «Учебно-воспитательная работа в детских домах», Москва, 1940, 4, сс. 3–27.
24. *Колбановский*, «Новатор социалистической педагогики», Красная новь, 4, 1940, сс.173–177.
25. Здесь имеются в виду постановления ЦК ВКП(б) от 5.9.1931 г. «О начальной и средней школе» и от 4.7.1936 г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов».
26. *Б.П. Есипов, Н.К. Гончаров*, Педагогика, Москва, 1939; Педагогика, под ред. И.А. Каирова, Москва, 1939; Педагогика. Учебное пособие для пед. высш. учеб. заведений и университетов, под ред. П.Н. Груздева, Москва, 1940; Ш.И. Ганелин, Е.Я. Голант, История педагогики, Москва, 1940; Педагогика. Посібник для пед. виш. шкіл, за ред. С.Х. Чавдарова, Київ, 1940.
27. Уч. газ., 77, 29.6.1940, с.4.
28. *Н. Лялин*, «О педагогическом наследстве А.С. Макаренко», Уч. газ., 76, 7.6.1940, с.2; 77, 9.6.1940, с.2.
29. Лялин в своей статье приводит цитаты из стенограммы выступления Макаренко в Ленинграде (16.10.1938 г.).
30. По поручению Учительской газеты статью Лялина редактировал В.Е. Гмурман (по утверждению последнего в беседе с Г. Хиллигом).

31. «Проблемы воспитания в советской школе. К итогам дискуссии», Уч. газ., 106, 11.8.1940, с.2.
32. В. Проценко, «Важнейшая задача школы», Молодой большевик, 18, 1940, сс.27–33 (здесь – с.28).
33. См. хронологический перечень статей на этой дискуссии в В.А. Хрусталёва, А.С. Макаренко. Библиогр. указатель, под ред. Н.А. Сундукова, Москва, 1959, сс. 79–82.
34. Эта кандидатская диссертация «Педагогический опыт А. С. Макаренко и основные положения его педагогического учения», научными руководителями которой были профессора Е.Н. Медынский и В.Н. Колбановский, была защищена в Московском гос. пединституте им. Либкнехта; см. Сов. пед., 5–6, 1945, сс.63–64.
35. См., например, состоящий из 10 пунктов перечень наказаний, применяемых директором школы – А. Винтман, «Ещё раз о поощрениях и наказаниях», Уч. газ., 99, 26.7.1940, с.2. Но выдвигается также требование наказывать родителей; так, учитель Н. Протасов внёс «5 конкретных предложений по поднятию дисциплины»: «1. Дать право директору школы штрафовать родителей, оставляющих детей без надзора. 2. Внести оплату за обучение детей-второгодников, исключая сирот и многосемейных. 3. Узаконить, как наказание, оставление детей после уроков за невыполнение домашних заданий. 4. Установить материальную ответственность родителей за порчу школьниками имущества школы. 5. Ввести систему поощрений (например, благодарность) с занесением в личное дело». «Обзор писем», Уч. газ., 94, 14.7.1940, с.5. 36. Н. Зырянова, «Против маниловской педагогики и 'гуманизма' тов. Спасского», Уч. газ., 84, 23.6.1940, с.2.
37. Так, 13.4.1941 г. Учительская газета в своей передовой статье выступает против «бюрократических извращений в педагогической работе», которых допускают «некоторые учителя и руководители школ», пытаясь «представить дело так, что они используют приёмы и методы А.С. Макаренко». В этом же номере публикуется приказ наркома просвещения РСФСР В.П. Потёмкина от 11.4.1941 г., из которого явствует, что «за последнее время во многих школах Москвы стали шире проводиться так называемые школьные ученические линейки и введена по классам система рапортов учащихся перед началом каждого урока. Линейки организуются в целях принятия рапортов от классных организаторов об успеваемости и поведении учащихся». Также и в сообщении журнала Советская педагогика о Всесоюзной конференции по педагогическим наукам в апреле 1941 г. отмечается, что опыт Макаренко, не будучи «критически и серьёзно изучен», «начали механически переносить в нормальные школы в условиях 1940/41 учебного года» (Сов. пед., 7–8, 1941, с.27).
38. Так, один учитель предлагает создать внешкольные бригады, руководимые советом бригадиров – П. Цуканов, «Коллектив учителей плюс коллектив учащихся», Уч. газ., 83, 21.6.1940, с.2. Другой учитель сообщает о введении некоторых описанных в Педагогической поэме элементов и приёмов в свою внеклассную работу – Л. Лукьяненко, «О самостоятельности и инициативе учащихся», Уч. газ., 89, 3.7.1940, с.2.
39. И. Вугман, «Несколько конкретных предложений», Уч. газ., 91, 7.7.1940, с.2.
40. В. Спасский, «Против принуждения». Уч. газ., 82, 19.6.1940, с.2.
41. Сувойчик, тоже учитель, приводит в своей статье «Не принижать роль учителя» похожие аргументы: если бы утверждение Лялина, что «у нас есть лишь одна единственно правильная педагогическая теория», а именно теория А.С. Макаренко, соответствовало действительности, это означало бы, что массовая школа «стоит, очевидно, на ложном пути, и в ней должна быть создана иная организация воспитательного процесса». Лялин, как пишет далее Сувойчик, «совершенно игнорирует теорию и практику десятков тысяч передовых советских педагогов, показывающих замечательные образцы обучения и воспитания детей». (Уч. газ., 96, 19.7.1940, с.2).
42. П. Самодуров, «О мужественной любви и 'гуманном' сюсюканьи», Уч. газ., 88, 2.7.1940, с.2.
43. Н. Зырянова, указ. соч. Позднее – 31.7.1940 г. – Спасский выступил ещё раз в печати: «Неуспевающим и недисциплинированным учитель должен помочь стать успевающими и дисциплинированными системой индивидуального подхода, авторитетом коллектива и своим авторитетом, лишь в исключительных случаях применяя принуждение и наказание.»
44. Н. Катериночкин, «Больше чувства меры, тов. Лялин!», Уч. газ., 87, 29.6.1940, с.2.
45. Кроме того, Катериночкин считает преувеличение Лялиным роли коллектива как средства воспитания «отрыжкой антиленинской теории 'отмирания школы'», потому что этим принижается роль учителя. На Всесоюзной конференции по педагогическим наукам в апреле 1941 г. к этому аргументу прибегнет С.М. Ривес: «создание детского коллектива играет огромную роль в воспитательной работе, но это не основной решающий фактор, как старались показать некоторые 'ортодоксальные' толкователи педагогического опыта Макаренко». Коллектив создаётся учителем, учитель является «основной и решающей фигурой в учебно-воспитательной работе».
46. П. Шимбирёв, «Ценное и ошибочное у Макаренко», Уч. газ., 88, 2.7.1940, с.2.
47. Л. Раскин, «О сознательной дисциплине и роли детского коллектива», Уч. газ., 5.7.1940, с.3.
48. С. Калабалин, «Ответ проф. Шимбирёву и наши предложения», Уч. газ., 94, 14.7.1940, с.5.
49. Кроме того, в этой статье Калабалин рассказывает о школе при своём детском доме, где в усовершенствованной форме существует система командиров, включающая в себя совет командиров, обладающий широкими полномочиями. При этом он вносит подробные предложения по укреплению дисциплины и повышению успеваемости; ему даже приходит в голову идея о присвоении ребятам звания «школьника», причём первоклассников он предлагает поначалу именовать только «кандидатами на звание школьника».

«Второе рождение» А.С. Макаренко (1939-1941 гг.)

50. М. Мануильский, «Дискуссия о советской педагогике», Правда, 27.8.1940. Эта статья через три дня была перепечатана украинской учительской газетой Радянська освіта.
51. Распространённое среди советских приверженцев Макаренко мнение, – правда, неопубликованное – что Шимбирёв «всегда был против Макаренко», возникло, вероятно, на основании этой статьи в Правде.
52. Большое значение, которое придавалось этой дискуссии, подтверждается также и тем, что Ленинградский областной дом учителя ещё осенью 1940 г. издал составленную С.Г. Романовым библиографию, которая включает в себя напечатанные в Правде и Учительской газете статьи под названием «Проблемы воспитания в советской школе. Дискуссия об использовании педагогического наследства А.С. Макаренко».
53. С. Негинский, «На совещании в Ленинграде», Уч. газ., 86, 27.6.1940, с.3.
54. С. Любошиц, «На совещании в Краснодаре», Уч. газ., 93, 11.7.1940, с.2.
55. Уч. газ., 87, 29.6.1940, с.4; см. также Сов. пед., 8, 1940, сс.126–127.
56. Е. Уралова, «Чем дорог для нас Макаренко?», Уч. газ., 96, 19.7.1940, с.2.
57. «На коллегии Наркомпроса Белоруссии», Уч. газ., 100, 28.7.1940, с.2.
58. «Совещание актива Наркомпроса УССР», Уч. газ., 108, 16.8.1940, с.4; «Нарядя активу працівників Наркомату освіти УРСР», Комуністична освіта, 9, 1940, сс.118–119.
59. См. Уч. газ., 83, 21.6.1940, с.2; 91, 7.7., с.2; 114, 30.8., с.1.
60. В 1939 г. в педагогической печати впервые встречается осторожное требование по-новому поставить вопрос о разработке «учения о личности человека как идеал воспитания» в советском обществе: Н.А. Соколов, «К вопросу о теоретических задачах педагогики», Сов. пед., 1939, 8–9, сс. 58–65 (здесь – с. 64).
61. В.Е. Гмурман, «Макаренко Антон Семёнович», в кн. Педагогическая энциклопедия, Москва, 1965, 2, сс. 705–709 (здесь –с. 706).
62. При этом констатировалось, что педагогические представления Макаренко всё ещё недостаточно известны; это частично объясняется тем, что даже в больших библиотеках его книги представлены лишь в нескольких экземплярах. В связи с этим выдвигалось требование срочно переиздать массовым тиражом давно распроданные книги, а также опубликовать его педагогическое наследие. См. Уч. газ., 83, 21.6.1940, с.2; 98, 24.7., с. 2.
63. А.С. Макаренко, Лекции для родителей, под ред. Г. Макаренко и В. Колбановского, Москва, 1940.
64. В. Проценко, указ соч., с.28.
65. С. Любошиц, «Педагогический институт и школа», Уч. газ., 132, 11.10.1940, с.2.
66. Н. Четунцова, «Сделать явью», Лит. газ., 22.12.1940.
67. См. протокол заседания: ЦГАЛИ, ф.332, оп. 1, ед.хр. 63.
68. Протокол заседания «макаренковской комиссии» от 6.1.1941 г. ЦГАЛИ, ф.332, оп.1, ед.хр.76. См. также М. Рошал, «Научная сессия, посвящённая педагогическому наследию А.С. Макаренко», Уч. газ., 154, 4.12.1940, с.1: «сотни учителей местных школ».
69. 17.2.1941 г. Ермилов и Галина Стахиевна Макаренко докладывают о результатах переговоров, которые они вели по поручению «комиссии» со школьным отделом ЦК партии по вопросу создания Музея А.С. Макаренко; было принято решение не отказываться от первоначального плана организовать отдельный музей и не соглашаться на предложение школьного отдела экспонировать материалы в общем музее просвещения. Мотивировка: 1) Макаренко – «не только классик-педагог, но и крупный художник-писатель»; 2) педагогический метод Макаренко «тесно связан был с производством, с трудовыми процессами, с жизнью промышленных предприятий, поэтому его педагогическо-воспитательная работа имеет свои особенности, что найдёт своё отражение в многочисленных материалах-экспонатах А.С. Макаренко». Ермилову и Колбановскому поручается составить проект письма в ЦК, «указав в нём, что музей А.С. Макаренко должен носить характер не только педагогический, но и литературный, и производственно-воспитательный, и по характеру своему он должен быть научно-педагогический и обзорный, но никак не мемориальный». ЦГАЛИ, ф.332, оп.1, ед. хр.76.
70. Н. Четунцова, указ. соч.
71. Хранящиеся в макаренковском фонде ЦГАЛИ стенограммы двух других докладов Макаренко содержат «исправления» Галины Стахиевны, сделанные в январе 1941 г.; их публикация первоначально планировалась в макаренковском сборнике, подготовленном Харьковским институтом усовершенствования учителей, который так и не вышел в свет – очевидно, из-за того, что началась война. См. G. Hillig, «Wie man sich in Moskau ein Wunschbild von Makarenko machte. Zur Editionspraxis der sowjetischen Akademie der Pädagogischen Wissenschaften (APN)» (Как в Москве создали идеальный образ Макаренко. Об издательской практике советской Академии педагогических наук /АПН/), в кн. Ergebnisse und Perspektiven Vergleichender Bildungsforschung, München, 1984, сс.191–287 (здесь – с.200). Другой доклад, опубликованный в 1941 г. (Бюллетень Научно-практ. института, 2–3, сс.6–31), содержит прямую отметку: «Редакция стенограммы: Г.С. Макаренко». Все эти материалы свидетельствуют о значительном и однозначном вмешательстве Г.С. Макаренко.
- Однако не только тексты, но также и фотографии были соответствующим образом «подготовлены к печати». Так, ко второй годовщине смерти Макаренко в московских газетах впервые был напечатан сильно подретушированный портрет Макаренко, на котором он был изображён человеком средних лет, с густыми волосами, расчёсанными на пробор; с тех пор этот портрет вновь и вновь перепечатывался

во всём мире. Сразу после смерти Макаренко, напротив, — а в провинции, например, на Украине, ещё и в 1941 г., — были опубликованы неподрезушенные фотографии последних лет его жизни — выразительные портреты (почти) лысого человека.

72. «Программа по истории педагогики для педагогических институтов», Сов. пед., 11–12, 1940, сс.64–70 (здесь — с.70).

73. *Е.Н. Медынский*, «Новая программа по истории педагогики для педагогических институтов. (Методические заметки)», Сов. пед., 11–12, 1940, сс.57–63 (здесь — с.58).

74. *Б.П. Есипов, Н.К. Гончаров*, Педагогика, изд. 2-е, испр. и доп., Москва, 1941, с.382.

75. *П.Н. Шимбирёв*, Педагогика, Москва, 1940, с.34. — В одном из писем в Учительскую газету обращается внимание на то, что автор этого учебника «из 381 страниц [...] отвёл Макаренко... 18 строк»; в остальных учебниках педагогики «и этого нет», Уч. газ., 35, 21.3.1941, с.2.

76. *Н. Лялин*, «В обзоре педагогической мысли», Уч. газ., 35, 21.3.1941, с.4.

77. «3-я сессия учебно-методического совета при Наркомпросе РСФСР», Сов. пед., 3, 1941, сс.125–128. См. напротив Уч. газ., 165, 29.12.1940, с.1.

78. Здесь мы согласны с рассуждениями нашего пражского коллеги Й. Хашковца. Во всяком случае следует исходить из того, что лица, занимавшие в редакции Советской педагогики в конце 30-х — начале 40-х гг. ведущие позиции — Г.П. Вейсберг (ответственный редактор) и Н.К. Гончаров (его заместитель) — принадлежали к приверженцам Крупской, а, значит, и разделяли её сдержанное или отрицательное отношение к Макаренко.

79. *В. Колбановский*, «Учитель жизни», Комсомольская правда, 76, 1.4.1941, с.3.

80. ЦГАЛИ, ф.332, оп.1, ед.хр.76.

81. «Антон Георгиевич Тер-Гевондян» (некролог), Сов. пед., 1, 1952, сс.127–128. Тер-Гевондян был — наряду с Резником, Медынским и Лялиным — автором одной из статей, предназначенных для напечатания в уже упомянутом (см. прим. 71) сборнике Харьковского городского института усовершенствования учителей; Радянська освіта, 14.2.1941, с.4; 30.3.1941, с.1.

82. «Насущные проблемы советской педагогики», Уч. газ., 27, 2.3.1941, сс.3–4.

83. *В.Н. Марков*, «Теория и практика изучения детей», Уч. газ., 34, 19.3.1941, с.2.

84. «Задачи психологии и создание марксистской науки о детях», Уч. газ., 35, 21.3.1941, с.2.

85. *В. Гмурман*, «О проблематике научной работы», Уч. газ., 46, 16.4.1941, с.2.

86. *П. Шимбирёв*, «О главным и второстепенном», Уч. газ., 37, 26.3.1941, с.2.

87. *С. Рубинштейн*, «О задачах советской психологии», Уч. газ., 45, 13.4.1941, с.2.

88. *В.В. Комаровский*, «А.С. Макаренко — выдающий советский педагог»; *С.М. Ривес*, «Методы А.С. Макаренко по воспитанию сознательной дисциплины»; *В.Н. Марков*, «Изучай того, кого воспитываешь», Сов. пед., 3, 1941, сс.3–37.

89. *Е. Медынский*, «Педагогические взгляды А.С. Макаренко»; *Г. Макаренко*, «Жизнь, полная труда и исканий», Уч. газ., 39, 30.3.1941, с.3. Подбор материалов для этой страницы Учительской газеты был поручен Галине Стахиевне Макаренко; см. протокол заседания «комиссии» от 20.12.1940 г. ЦГАЛИ, ф.332, оп.1, ед.хр.76.

90. «Вечера памяти А.С. Макаренко», Уч. газ., 41, 4.4.1941, с.4. На другом вечере-концерте памяти А.С. Макаренко (4 апреля 1941 г. в московском концертном зале им. Чайковского) с докладами выступили *В. Финк, Н. Лялин* и *В. Ермилов*. См. «Вечер памяти А.С. Макаренко», Лит. газ., 14, 6.4.1941, с.6.

91. *С.М. Ривес*, «Педагогическая система А.С. Макаренко и её значение в развитии советской педагогики», в Тезисы докладов на конференции по педагогическим наукам, Москва, 1941, сс.12–15 (здесь — с.15); *С. Ривес*, «О педагогическом наследстве А.С. Макаренко (Очерки по теории педагогики)», Уч. газ., 60, 18.5.1941, с.3; *С.М. Ривес*, «К вопросу о педагогическом наследстве А.С. Макаренко», Сов. пед., 7–8, 1941, сс.53–60; см. также Уч. газ., 51, 27.4.1941, с.1; Сов. пед., 7–8, 1941, сс.21–32.

92. *В. Ермилов*, «Поэзия нашей жизни. (Творчество А.С. Макаренко)», Красная новь, 4, 1941, сс.179–196 (здесь — с.179).

93. *О. Anweiler*, «A.S. Makarenko und die Pädagogik seiner Zeit » (А.С. Макаренко и педагогика его времени), в: *О. Anweiler*, Die Sowjetpädagogik in der Welt von heute, Heidelberg, 1968, сс.33–66 (здесь — с.33).

94. *И.А. Каиров*, О дружбе детей, Москва, 1941; *И.А. Печерникова*, О мерах поощрения и взыскания в семье, под ред. *Б.Л. Бараша*, Москва, 1941; Воспитание детей в семье, под ред. *М.В. Сарычевой*, Москва, 1941.

95. *А.С. Макаренко*, Беседы с родителями, Сталинград, 1941.

96. Учебно-воспитательная работа в детских домах, 2–3, 1941.

97. *В.М. Белоус*, Вопросы психологии воспитания в произведениях А.С. Макаренко, Симферополь, 1941.

98. Александр Фадеев. Материалы и исследования, Москва, 1977, сс. 430, 577.

99. *Ф.И. Науменко*, «Основные даты из жизни и деятельности Макаренко Галины Стахиевны» (машинопись), Архив лаборатории А.С. Макаренко в Марбурге. Сначала московская лаборатория именовалась «научным исследовательским кабинетом»; см. *А. Тер-Гевондян*, «Об организации и содержании научной работы по изучению педагогического наследства А.С. Макаренко», Сов. пед., 1, 1944, сс.47–49 (здесь — с.48); см. также Уч. газ., 14, 29.3.1944, с.1: «научно-исследовательская лаборатория».

100. *А. Тер-Гевондян*, указ. соч., сс.48–49.

«Второе рождение» А.С. Макаренко (1939-1941 гг.)

101. То, что эта должность была возложена на *Г.С. Макаренко*, следует рассматривать и как материальную поддержку ей. См. ходатайство «комиссии» перед президиумом ССП о предоставлении ей «персональной пожизненной пенсии» в размере 400–500 рублей в месяц. Мотивировка: «Галина Стахивна безвозмездна (sic !), но несёт всю работу в Комиссии и не имеет поэтому возможности что-либо зарабатывать в дополнение к пенсии». Протокол заседания от 17.2.1941 г., ЦГАЛИ, ф.332, оп.1, ед. хр.76.

102. «План научно-исследовательских работ Академии педагогических наук РСФСР на 1945 год», Сов. пед., 4, 1945, сс.45–55; 5–6, 1945, сс.53–61 (здесь – 4, сс.47–48).

103. *Е.Н. Медынский*, А.С. Макаренко. Жизнь, деятельность, педагогическая система, Москва, 1944. См. также критическую рецензию проф. *Г.Е. Журавского*, Сов. пед., 5–6, 1945, сс.49–50.

104. Это издание Педагогической поэмы 1944 г. отличается от предыдущих тем, что в нём изъяты все места, которые вследствие своей антирелигиозной или антинациональной, а также антианглийской и антиамериканской направленности во время Великой отечественной войны казались несоответствующими духу времени; см. *G. Hillig*, «A.S. Makarenko, Pädagogische Poema. Teil 1: Eine textologische Untersuchung» (А.С. Макаренко, Педагогическая поэма. Часть 1-ая: текстологическое исследование) в сб. *Studia slavica. Beiträge zum VIII. Internationalen Slawistenkongress in Zagreb 1978*, hrsg. von H.-B. Harder und B.E. Scholz, Giessen, 1981, сс.267–315 (здесь – сс. 298–299).

105. См. стенограмму этого заседания: Государственная библиотека СССР им. Ленина, Отдел рукописей, ф.447, ш.к.13, ед.хр.3.

106. *G. Hillig*, «Die Verbreitung der Werke A.S. Makarenkos ausserhalb der Sowjetunion» (Распространение произведений А.С. Макаренко за рубежом), *Pädagogische Rundschau*, 11, 1980, сс.745–753 (здесь – с.748).

107. *Б.П. Есипов*, *Н.К. Гончаров*, Педагогика. Учебник для педагогических училищ, изд. 3-е, испр. и доп., Москва, 1946, сс.491–518; *И.Т. Огородников*, *П.Н. Шимбирёв*, Педагогика, Москва, 1946, сс.37–43.

108. См. *В.А. Хрусталёва*, указ. соч.; Надежда Константиновна Крупская. Библиография трудов и литературы о жизни и деятельности, Москва, 1969.

109. *Ф. Вигдорова*, «Драгоценное наследство», Лит. газ., 122, 19.12.1950; 123, 21.12.1950.

110. См. хронологический перечень статей на этой дискуссии в *В.А. Хрусталёва*, указ. соч., сс.88–89.

111. «О педагогическом наследии А.С. Макаренко», Лит. газ., 95, 11.8.1951, с.2.

112. Во время работы над рукописью этой статьи появился в Советской педагогике (7, 1985, сс.102–107) первый краткий очерк истории восприятия педагогических взглядов Макаренко в СССР. Автор – ведущий советский макаренковед *А.А. Фролов*. Очевидно эта публикация является вариантом автореферата его докторской диссертации, которая была защищена им в АПН СССР в 1987 г. В «творческой теоретической разработке и практическом использовании макаренковского наследия» Фролов выделяет четыре этапа: 1939–1944 г.г., 1944–1958 г.г., 1959–1974 г.г. и с 1975 г. до наших дней. Что касается интересующего нас первого этапа, то здесь Фролов рисует довольно упрощённую картину широкого и почти беспроblemного усвоения идей Макаренко советской педагогикой. Так ясно, как это звучит в следующей цитате, влияние наследия Макаренко проявилось – как показала наша работа – лишь после дискуссии – в Учительской газете летом 1940 г.: «В предвоенные годы наследие А.С. Макаренко оказывало определённое влияние на решение актуальных проблем педагогической теории и практики своей направленностью на формирование долга, чести и мужества. Практическое применение его в школах, сеть которых значительно расширилась в годы Великой Отечественной войны, было особенно заметно».

«Второе рождение» А.С. Макаренко. Опыт реконструкции процесса канонизации его как педагога (1939–1941 гг.) / Гётц Хиллиг, Марианне Крюгер-Потратц // *Cahiers du Monde russe et soviétique* (Paris). – 1988. – Nr. 2. – С. 209–241.

20 лет лаборатории по изучению наследия А.С. Макаренко

Г. Хиллиг

Первые сведения о педагогической деятельности А.С. Макаренко стали известны в Германии ещё в 20–30-х гг. Это были рассказы членов рабочих делегаций, побывавших в воспитательных учреждениях, которыми руководил Антон Семёнович (материалы публиковались в немецких газетах и журналах), а также информационные сообщения советской прессы и Коминтерна. В составленный автором настоящей статьи сборник «Макаренко в Германии» (Makarenko in Deutschland. Braunschweig, 1968) вошли 13 таких публикаций. Среди них особо хочется отметить следующие: 1) очерк А.М. Горького о его посещении Куряжа и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, который ещё до публикации на русском языке (в журнале «Наши достижения») был напечатан в Германии (Frankfurter Zeitung. 1929. 23. Febr.); 2) очерк об одном из бывших колонистов, бывшем беспризорном Белковском (этот материал был опубликован в декабре 1932 г. в органе Коминтерна «Internationale Pressekorrespondenz»; 3) глава о коммуне им. Ф.Э. Дзержинского из книги немецкого педагога Ленки фон Кербер «Советская Россия борется с преступностью», которая вышла в берлинском издательстве «Ровольт» в марте 1933 г. – вскоре после захвата власти в стране фашистами (через полгода почти весь тираж этой книги был уничтожен).

Высокая оценка незаурядной личности и педагогических достижений А.С. Макаренко среди многих западногерманских педагогов 50–60-гг. является заслугой прежде всего троих учёных Гёттингенского университета – профессора Хермана Нооля и его учеников – Элизабет Хаймпель и Леонхарда Фрёзе. Наряду с названными специалистами, чей вклад в распространение идей А.С. Макаренко в ФРГ был особенно значительным, в стране нашлись такие авторы, как, например, Герхард Мёбус, которые видели в Макаренко представителя «сталинской педагогики» и потому решительно его отвергали. Не стоит, пожалуй, забывать, что происходило это во времена «холодной войны».

Для учёных, занимавшихся изучением политической системы и народного образования в социалистических странах, А.С. Макаренко стал главным и единственным представителем советской педагогики. Его взгляды изучались по переведённым в ГДР советским изданиям произведений А.С. Макаренко и монографий о нём. Начиная с 1954 г. в университетах и педвузах ФРГ в учебные программы были включены лекции и семинары о замечательном советском педагоге, появилось большое количество курсовых, дипломных работ, диссертаций о его воспитательной системе.

Обаяние «Педагогической поэмы» – вот что сыграло, на наш взгляд, решающую роль в росте популярности А.С. Макаренко в ФРГ. По результатам опроса среди профессоров западногерманских университетов и педвузов (им предлагалось ответить на единственный вопрос: какие 12 педагогических книг всех времён и народов вы рекомендовали бы своим студентам?) «Педагогическая поэма» оказалась включённой в эту символическую библиотеку «Классики педагогической литературы» (см.: Westermanns Pädagogische Beiträge. 1986. № 4, S. 42). Именно «Педагогическая поэма» разбудила во мне 25 лет назад – тогда я был студентом Франкфуртского университета – интерес к Макаренко – писателю и педагогу.

Я хочу процитировать здесь место из предисловия к упомянутому сборнику «Макаренко в Германии». В предисловии Л. Фрёзе рассказывается о том, как начиналось знакомство с А.С. Макаренко. В 1949 г. «Педагогическая поэма» вышла в ГДР на немецком языке, и тогда же Х. Нооль получил её от своего коллеги. Л. Фрёзе пишет: «Херман Нооль встречал своих гостей, держа в руке «Поэму», чтобы прочитать им захватывающую сцену из неё... Все поняли, что Нооль держит в руках настоящее открытие, рассказать о котором он хочет каждому. Ноолю же было ясно, что теперь это станет делом его жизни» (Makarenko in Deutschland. Braunschweig, 1968. S.17). Уже в 1950 г. выходит его статья, в которой он называет Макаренко великим явлением в мировой педагогике и ставит его в один ряд с Песталотци.

Через год появляется работа Элизабет Хаймпель с символическим названием «Окно на Восток» – первая в нашей литературе подробная интерпретация «Педагогиче-

ской поэмы». В 50-х гг. Л. Фрёзе публикует несколько важных исследований, которые помогли оценить вклад А.С. Макаренко в мировую педагогику. В его глазах Макаренко – «современный классик педагогики». В то же время продолжали выходить многочисленные публикации о Макаренко, его педагогической системе других авторов, в том числе работы Э. Блохман, Х.Г. Гротхова, Ф. Бонзака.

В начале 60-х гг. в ФРГ вышли четыре книги об А.С. Макаренко, авторами которых были Л. Адольфс, И. Рюттенауэр, В. Настайнчик и Э. Файфель (двое последних – католические теологи). Самая значительная из этих работ написана И. Рюттенауэр, которая попыталась рассказать о Макаренко – «педагоге и писателе в советском обществе».

Кроме того, особо следует упомянуть исследование О. Анвайлера «А.С. Макаренко и педагогика его времени» (1963), которое вызвало полемику с советскими коллегами.

Таким образом, к середине 60-х гг. о Макаренко в ФРГ было написано немало. Создалось даже впечатление, что всё или почти всё о нём и его системе уже известно. Похоже, что аналогичная точка зрения возобладала тогда и в Москве. Иначе как можно истолковать факт закрытия лаборатории по изучению наследия А.С. Макаренко при АПН РСФСР?

Однако начиная с 1965 г. (как раз в то время по приглашению Л. Фрёзе я приступил к работе в Марбургском университете) ситуация стала меняться. На первом международном симпозиуме, посвящённом А.С. Макаренко и проводившемся в феврале 1966 г. во Флото (ФРГ), выяснилось, что в макаренковедении много «белых пятен». Мы, марбуржцы, собравшие этот симпозиум, решили организовать специальный центр по изучению жизни и творчества А.С. Макаренко (Makarenko-Referat) в только что образованном НИИ сравнительной педагогики, которым до сих пор руководит Л. Фрёзе.

Наша лаборатория – единственный научно-исследовательский центр подобного рода за пределами СССР. За 20 лет её деятельности здесь образовалось богатое собрание публикаций А.С. Макаренко и о нём на разных языках. Научная работа лаборатории строится по трём основным направлениям: а) разработка строго научной биографии советского педагога и писателя; б) подготовка собрания его трудов, которое полностью отвечало бы научным критериям; в) изучение влияния Макаренко и его книг в социалистических, капиталистических и развивающихся странах.

Лаборатория издаёт две специальные серии: «Материалы о Макаренко» (Makarenko-Materialien), в которой уже вышли четыре тома, и «Макаренковедческие работы» (Opuscula Makarenkiana) (в ней издано к настоящему моменту восемь брошюр). Сотрудники лаборатории подготовили более 100 трудов, в том числе публикаций источников (см.: Chronologisches Verzeichnis der Veröffentlichungen des Makarenko-Referats // Verzeichnis der Veröffentlichungen zur Vergleichenden Erziehungswissenschaft und Bildungsforschung (1966–1986). Marburg, 1986. S.82–97). Часть этих публикаций вышла в научных журналах и сборниках в ФРГ, а некоторые – за границей (на немецком, русском, итальянском, венгерском и польском языках). Кроме того, лаборатория регулярно устраивает симпозиумы и конференции, посвящённые А.С. Макаренко и его педагогическому наследию. В этих встречах участвуют специалисты не только из ФРГ, но и из других стран. На них обсуждаются результаты и планы исследований, предпринимаются усилия координировать их в международном масштабе.

Попытаемся кратко охарактеризовать каждое из названных выше направлений деятельности марбургской лаборатории.

Разработка научной биографии А.С. Макаренко. С этой целью проводилась систематическая оценка всей макаренковедческой литературы и соответствующих источников. В число последних входили законодательные акты о народном образовании Российской империи, УССР, РСФСР, СССР, постановления местных органов просвещения, публикации в центральных и местных газетах, педагогических и литературных журналах, разнообразные архивные материалы. Фонд источников удалось значительно увеличить благодаря воспоминаниям новых свидетелей.

Весьма ценными нам представляются сведения, сообщённые младшим братом А.С. Макаренко – Виталием Семёновичем (1895–1983). Благодаря ему удалось пролить свет на до сих пор неизвестный период жизни А.С. Макаренко – его детские и юношеские годы. Сотрудники лаборатории разыскали В.С. Макаренко в доме престарелых в Йере во Франции. По нашей просьбе он записал свои воспоминания, которые вышли в 1973 г. на

немецком, в 1977 г. – на итальянском и в 1985 г. – на русском языке (см.: *Opuscula Makarenkiana*. 1985. N 3; *Makarenko-Materialien* III. Marburg, 1973; *Makarenko V.S.* Anton S. *Makarenko nelle memorie del fratello*. Roma, 1977).

О жизни и педагогической деятельности А.С. Макаренко в советское время сотрудники лаборатории опубликовали – кроме трудов о борьбе с детской беспризорностью – целый ряд двуязычных собраний документов и статей. Среди них следует упомянуть сборник материалов о «завоевании» Куряжа (см.: *Opuscula Makarenkiana*. Marburg, 1985, N 5), вышедшее в Марбурге в 1970 г. факсимильное издание юбилейного сборника коммуны им. Ф.Э. Дзержинского «Второе рождение», собрание материалов на украинском языке из газет и журналов о колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф.Э. Дзержинского (см.: *Makarenko-Materialien*. IV. Marburg, 1982).

Важное место в нашей научной работе на протяжении последних десяти лет отводилось изучению истории возникновения художественных произведений А.С. Макаренко и анализу влияния, которое они оказали (в особенности «Педагогическая поэма»). В рамках разработки научной биографии советского педагога большой интерес представляет также вопрос о пути, пройденном А.С. Макаренко, который начинал свою карьеру далёким от партии человеком, но постепенно стал убеждённым коммунистом. Эти темы стали предметом обстоятельного рассмотрения в наших статьях и монографиях.

Некоторые результаты исследований марбургцев были включены вместе с материалами их коллег из СССР, ЧССР, Венгрии и Польши в первый международный макаренковедческий сборник, который вышел к 100-летию А.С. Макаренко (*Hundert Jahre Anton Makarenko. Neue Studien zur Biographie*. Hrsg. von Götz Hillig. Bremen, 1988).

Подготовка собрания трудов А.С. Макаренко. «Марбургское издание» собрания сочинений А.С. Макаренко, рассчитанное на 20 томов, выходит с 1976 г. В редакционную коллегию входят З. Вайц, И. Виль, Л. Фрёзе, Г. Хиллиг. К настоящему моменту вышли восемь томов издания (I– V, VII, IX, XIII).

В «марбургском издании» приводятся оригиналы текстов А.С. Макаренко с параллельным переводом на немецкий язык и обстоятельными комментариями. При подготовке к публикации работ, увидевших свет при жизни Макаренко, составители обращались к первому печатному их варианту (на русском, украинском, французском или английском языках) с приведением факсимиле подлинника. Тексты печатаются в хронологической последовательности. В издание вошли несколько ранее неизвестных работ. Предусматривается публикация всего педагогического, литературного, эпистолярного наследия А.С. Макаренко.

Изучение влияния А.С. Макаренко и его педагогического наследия. Мы опубликовали несколько библиографических работ, посвящённых распространению в мире книг А.С. Макаренко и о нём (см., например: *Hillig G. Prace A.S. Makarenki i o A.S. Makarenke*. Warszawa, 1981), собрание материалов об отношении к системе Макаренко педагогов в СССР и за рубежом (*Wege der Forschung*. Bd. 407. Hrsg. von G. Hilig und S. Weitz. Darmstadt, 1979) и монографию о посмертной «канонизации» Макаренко в СССР (*Vergleichen-de Bildungsforschung. Festschrift für Oskar Anweiler zum 60. Geburtstag*. Berlin (-West), 1986).

Научно-исследовательская работа сорудников марбургской лаборатории была бы невозможна без постоянной помощи, которую все эти годы оказывают им учёные и организации Советского Союза. В рамках соглашения об обмене учёными между ФРГ и СССР автору настоящей статьи неоднократно довелось работать в советских библиотеках и архивах.

Вскоре после основания марбургской лаборатории к нам приезжал тогдашний президент АПН СССР В.М. Хвостов. Он ознакомился с нашей работой и высказал пожелание начать сотрудничество между советскими и западногерманскими макаренковедами. В частности, он обещал направить в Марбург для установления контактов, обсуждения организационных вопросов группу советских учёных во главе с В.В. Кумариным. К сожалению, эта поездка так и не состоялась.

Поначалу советская педагогическая общественность следила за нашей работой с интересом и симпатией. Об этом свидетельствует, например, статья о втором международном симпозиуме, посвящённом А.С. Макаренко и проводившемся в г. Фалькенштейне (ФРГ) (см.: *Учительская газета*. 1972. 17 окт.). Однако вскоре отношение к нам изменилось: со стороны советских макаренковедов мы натолкнулись на неприятие или же за-

малчивание нашей работы. Главной причиной этого «поворота» был, очевидно, тот факт, что мы решились опубликовать воспоминания «белоэмигранта» – В.С. Макаренко. Негативное отношение к деятельности марбургской лаборатории не мешало советским коллегам ревностно следить почти за каждым нашим шагом.

Спустя несколько месяцев после того как был опубликован план «марбургского издания» (в бюллетене лаборатории «Макаренко 71/72. Informationen aus dem Makarenko-Referat». Marburg, 1974), Президиум АПН СССР принял постановление «О публикации и дальнейшей разработке трудов А.С. Макаренко» от 4 марта 1974 г. Объявленное тогда Президиумом АПН СССР решение издать полное собрание сочинений Макаренко в 9–10 томах, к сожалению, не было выполнено, так как вышедший в 1983–1986 гг. восьмитомник не является полным и достаточно надёжным в научном отношении. Это признано не только зарубежными, но и советскими макаренковедом (см.: Советская педагогика. 1984. № 7. С.120–122).

Заместитель главного редактора издательства «Педагогика» А. Зубайраев в числе задач этого нового издания назвал «критику буржуазных педагогов – фальсификаторов наследия А.С. Макаренко», подчеркнув, что примером фальсификации «может служить, в частности, комментирование его опыта и его идей в Марбургском (ФРГ) издании собрания сочинений А.С. Макаренко» (Народное образование. 1983. № 2. С.94).

Однако в самом восьмитомнике «марбургское издание» вообще не упоминается, хотя советские составители использовали результаты исследований их коллег из ФРГ. Так, из «марбургского издания» были заимствованы не только ранее неизвестные статьи А.С. Макаренко, но также и отрывки из комментариев к ним и их структура, включая способ расположения и нумерацию примечаний. Восьмитомное издание построено по хронологическому принципу, который в публикации произведений А.С. Макаренко впервые был применён в «марбургском издании». Тем не менее в основополагающей сопроводительной статье заключительного, восьмого тома (он вышел, кстати говоря, осенью 1986 г., т.е. уже во времена гласности, перестройки и нового мышления) исследовательская деятельность нашей лаборатории опорочивается и искажается. Нас упрекают в буржуазном позитивизме, плюрализме, в антикоммунизме, «деидеологизации» Макаренко. И совсем уж абсурдно выглядит утверждение о том, что тексты «марбургского издания» «взяты из семитомного советского издания». Его повторили не так давно на юбилейной конференции в Полтаве трое начинающих макаренковедов из Минского пединститута (см.: Творческое наследие А.С. Макаренко и совершенствование подготовки педагогических кадров: Тезисы докладов и выступлений. Полтава, 1986. С.345).

На той же конференции прозвучала и иная, более объективная оценка нашей работы – в докладе М.Ф. Гетманца из Харьковского пединститута (там же. С.348–349). Он считает, что «нельзя проходить мимо того положительного, что сделано Лабораторией (марбургской. – Г.Х.) в деле пропаганды наследия Макаренко и в её исследовательских поисках. Некоторые материалы, опубликованные Лабораторией, критически осмысленные нашей наукой, помогут уточнить общую концепцию творческой деятельности Макаренко и ликвидировать имеющиеся «белые пятна» в его биографии» (там же. С.349).

Это мнение М.Ф. Гетманца, а также опубликованные в последнее время материалы В. Хилтунена (Комсомольская правда. 1987. 4 окт.; 1988. 13 марта), Б. Хандроса (Советская культура. 1988. 6 февр.), М. Рощина (Известия. 1988. 12 марта; Sowjetunion heute. 1988. № 3. С. 56–57), Б. Волкова (Учительская газета. 1988. 17 марта), М. Гетманца (Літературна Україна. 1988. 17 марта), С. Сухорского (Радянська освіта. 1988. 15 апр.), В. Пылева (Moskau News. 1988. № 3. Июль) позволяют надеяться, что пришло время реализовать те планы сотрудничества, которые появились в 1970–1971 гг.

Нам хотелось бы, чтобы утратила актуальность та оценка советскому макаренковедению, которую львовский учёный Ф.И. Науменко дал ещё год назад: «Наше советское макаренковедение в известной мере всё ещё «варится в своём соку». Оно не уделяет достаточного внимания тем работам, которые публикуются за границей. Эти работы оцениваются лишь как свидетельство распространения идей великого педагога. Если они были созданы в социалистических странах или же выходили из-под пера авторов-марксистов, то – независимо от их качества – мы встречаем такие работы обычно с благосклонностью. Если же они написаны в западных странах, авторам в большинстве слу-

чаев приклеиваются определённые ярлыки, и серьёзная, объективная и деловая дискуссия подменяется общими оценочными суждениями.

Конечно, наши симпатии на стороне близких нам по духу авторов, но всё же научная истина и объективность требуют, чтобы каждое деловое слово получило деловую оценку, где бы оно ни было высказано. Неоспоримым является тот факт, что как в социалистических, так и в западных странах достигнуты результаты, которые обойти молчанием не только невозможно, но и недостойно, если иметь в виду интересы науки и её моральные основания. Наше отечественное макаренковедение нуждается в широких и деловых дискуссиях, причём с международным горизонтом, по всем основным вопросам жизни и творчества А.С. Макаренко» (см.: *Opuscula Makarenkiana*. Marburg. 1987. N 6. S. VII–VIII).

Остановимся теперь на некоторых конкретных проблемах издания наследия А.С. Макаренко, включая его беллетристические сочинения («Педагогическая поэма»), а также тексты стенограмм его выступлений.

«Педагогическая поэма». В «марбургском издании» (т.т. III–V. Stuttgart, 1982) текст «Педагогической поэмы» воспроизводится по вышедшему в 1934–1936 гг. самому первому книжному изданию этого произведения. В советском восьмитомнике «Педагогических сочинений» А.С. Макаренко, напротив, использован текст, ранее вошедший в семитомник его «Сочинений». Однако эта редакция произведения является не последней прижизненной, как ошибочно утверждали ещё тогда и вновь утверждают теперь, а первой посмертной (это было установлено проведёнными нами исследованиями).

Забывая о международном, а также советском текстологическом стандарте, редакторы восьмитомника в комментариях к тому 3, в котором помещена «Педагогическая поэма», обосновывают своё решение использовать текст, вошедший в том 1 «Сочинений», следующим образом: «Этот текст «Поэмы», позднее многократно переиздававшийся и у нас в стране и за рубежом, стал привычным для читателей и может считаться каноническим» (Макаренко А.С. Педагогические сочинения. Т. 3. М., 1984. С.492).

Вследствие того, что данное произведение вышло в трёх отдельных частях и к тому же четырьмя различными изданиями (первая публикация – в «Альманахе» А.М. Горького, а также три книжных издания – в трёх и двух томах и, наконец, в 1937 г. – в одном томе), подготовка текстов осуществлялась несколькими редакторами, которые руководствовались не только обязательными для всех языковыми, а также конъюнктурными политическими мотивами (надо отметить, что в тот драматический период 1933–1937 гг. последние менялись), но, конечно же, и своими личными литературными вкусами. Число примеров стилистического вмешательства, произведённого таким образом, особенно велико.

А.С. Макаренко, принадлежавший к числу авторов, которые не проявляют большого интереса к однажды законченным и сданным в печать произведениям, не придавал особого значения вмешательству отдельных редакторов в область стилистики и содержания; иногда он санкционировал внесённые ими весьма произвольные изменения в тексте, в том числе и своей подписью, о чём свидетельствуют сохранившиеся гранки. Он соглашался на исключение типичных для него стилистических элементов и даже на разрушение удачных юмористических картин.

Непоследовательностью отличаются, по нашему мнению, и исправления, сделанные А.М. Горьким, первым читателем и редактором «Педагогической поэмы», которые можно обнаружить в сохранившейся рукописи третьей части и которые были установлены в обеих других частях. Как показал анализ источников, конкретное участие А.М. Горького в подготовке текста этого произведения до сих пор слишком преувеличивалось, не говоря уже о том, что советским исследователем Н.А. Морозовой А.М. Горькому ошибочно приписывались крупные вычёркивания, сделанные в действительности самим А.С. Макаренко.

Следует отметить также, что среди небольших исправлений языкового и стилистического характера, действительно произведённых А.М. Горьким, наряду с вполне оправданными и удачными есть и такие, которые, с нашей точки зрения, едва ли можно оправдать. То же самое можно сказать и об отдельных исправлениях, коснувшихся содержания произведения, часть которых была сделана из идеологических соображений.

Специфическую особенность последнего издания «Педагогической поэмы», вышедшего ещё при жизни А.С. Макаренко, представляют обнаруженные в нём обширные, по сравнению с предыдущими публикациями, сокращения «острых мест», в числе которых есть и целые эпизоды. Как об этом свидетельствует В.Е. Гмурман, они стали жертвой своеобразной автоцензуры, а именно были сняты по предложению жены писателя – Г.С. Макаренко (см.: Народное образование. 1963. № 2. С.101). Таким образом, и в этом случае речь идёт не о «последнем авторизованном издании» и не о результатах «последней творческой воли» Макаренко (мы используем выражение советского текстолога Л.Н. Смирновой), а скорее о проявлении политической осторожности его женой.

Для будущего академического издания «Педагогической поэмы» следовало бы на основе всех сохранившихся авторских и машинописных рукописей и с обязательным привлечением всех прижизненных изданий, включая гранки и вёрстки, сначала выработать достоверный в научном отношении текст, т.е. то, что советские текстологи называют «основным текстом». При этом, как нам представляется, было бы неправильно включать в него априорно и без серьёзных на то оснований исправления, сделанные А.М. Горьким.

Стенограммы выступлений А.С. Макаренко. Машинописные версии стенографических записей выступлений А.С. Макаренко периода 1936–1939 гг. в предыдущих изданиях АПН РСФСР и АПН СССР были опубликованы в весьма неполном виде. Так, в семитомнике «Сочинений» (т. 3, 4, 5, 7) составители обратились к сильно сокращённой и переработанной редакции этих выступлений в вышедшем в 1946 г. однотомном издании «Избранных педагогических сочинений»; восьмитомник «Педагогических сочинений» (т. 4, 7) также продолжает ориентироваться на эту «канонизированную» редакцию, хотя в него впервые были включены большие отрывки, которые ранее не публиковались.

Эти «вставки» большего или меньшего объёма, воспроизводимые, как правило, без каких-либо изменений, фигурируют теперь всё же в сильно переработанных текстах. Кроме того, в них имеются не обозначенные соответствующим образом и составленные редакторами краткие изложения изъятых отрывков, которые были необходимы для понимания дальнейших рассуждений Макаренко. Это привело к тому, что в некоторых случаях были допущены погрешности: вслед за кратким изложением того или иного отрывка помещён аутентичный текст.

Об объёме редакционной обработки стенограмм в различных изданиях содержатся лишь весьма недостаточные, скорее маскирующие истину, данные. Так, в комментариях семитомника говорится, что выступление А.С. Макаренко 1 марта 1939 г. на тему «Коммунистическое воспитание и поведение» печатается с незначительными сокращениями. Между тем проведённая нами проверка показала, что из 75 страниц машинописной версии стенограммы в общей сложности выпало 25 страниц, а на оставшихся 50 страницах можно обнаружить почти 300 исправлений, коснувшихся стилистики и содержания, которые были сохранены и в восьмитомнике. То же можно сказать и о его выступлении от 8 февраля 1939 г. на тему «Воспитание в семье и школе»: из 105 страниц сокращению подверглись 35, а на остальных было внесено около 200 изменений, в большинстве значительных. Однако в комментариях к этой публикации в семитомнике речь идёт о «необходимых стилистических (незначительных) поправках».

Почерк, которым сделаны отдельные изменения в стенограммах, свидетельствует о том, что изъятия из текстов, составлявшие от нескольких абзацев до нескольких страниц, равно как и первая редакционная их обработка, осуществлялись Г.С. Макаренко, которая, как нам представляется, стремилась «очистить» наследие своего мужа от всего того, что, по её мнению, могло помешать признанию его крупнейшим советским педагогом. В некоторых случаях в распоряжении редакторов семитомника были не оригиналы машинописных рукописей, а копии уже соответствующим образом сокращённых и изменённых редакций.

За основу академического издания стенограмм выступлений А.С. Макаренко обязательно следует взять их машинописные оригиналы. Кроме того, необходимо опубликовать также и запечатлённые в некоторых случаях в стенографических отчётах дискуссионные выступления слушателей А.С. Макаренко. Это даёт возможность углубить понимание высказывавшихся им мыслей. В ходе работы над «марбургским изданием» недавно стало возможно впервые издать полный протокол одного из его докладов, с которым он выступил в Москве 25 октября 1936 г. (см.: *Opuscula Makarenkiana. Marburg*, 1987. N 7).

В заключение остановимся на некоторых общих вопросах, касающихся практики издания произведений А.С. Макаренко. Как известно, он был не только педагогом, но и писателем, — по крайней мере, в последние годы жизни он всё больше ощущал себя таковым, а в 1939—1943 гг. его наследием ведала специальная комиссия Союза писателей СССР. Уже поэтому при издании его трудов — чисто педагогических или чисто литературных, беллетристических произведений, важных в педагогическом отношении, — есть все основания не ограничиваться рамками одной области. Наша лаборатория защищала эту позицию ещё 15 лет назад (см.: *Deutsche Volkszeitung*, 1973. 29. Mai). В Советском же Союзе А.С. Макаренко рассматривали до сих пор почти исключительно только как педагога и предоставляли заниматься им АПН РСФСР, а затем АПН СССР. Недостатки восьмитомного издания его сочинений, по нашему мнению, в большой степени обусловлены именно этим.

Полностью в соответствии с такой традицией восприятия Макаренко восьмитомник с не совсем понятным, довольно односторонне расставляющим акценты названием «Педагогические сочинения» целенаправленно обращается к педагогам; иначе говоря, издание предназначено в первую очередь для тех, кто хочет осуществить педагогические идеи Макаренко на практике. Как и во всех предыдущих изданиях Академии педагогических наук, на первом плане был при этом аспект популяризации. Было бы, напротив, разумнее, даже крайне необходимо, сначала поставить целью аспект исследования, т.е. издать произведения Макаренко в соответствии с научными требованиями.

Мало того, что изданное АПН СССР восьмитомное собрание сочинений А.С. Макаренко предназначалось только для педагогов, они же его и готовили — в основном без привлечения литературоведов (участие сотрудника АПН СССР литературоведа М.Д. Виноградовой ограничилось, очевидно, регистрацией вариантов текста в комментариях к отдельным произведениям, таким, как «ФД-1» и «Флаги на башнях») и, что нам представляется особенно важным, — без участия украинистов.

Хотя А.С. Макаренко считал себя русским, всё же почти всю свою жизнь он провёл на Украине. Поэтому неудивительно, что в его язык вошли обусловленные средой украинизмы. Они нуждаются при издании его произведений в адекватных лингвистических комментариях. Сотрудничество украинистов могло бы избавить московский коллектив также и от досадных ошибок при переводе тех текстов, которые на его родине были опубликованы на украинском языке в 1924—1932 гг.

После того как вышел восьмитомник, многим макаренковедам стала очевидной необходимость продолжения «марбургского издания». Поэтому мы нуждаемся в ещё большей поддержке со стороны советских компетентных учреждений и хотели бы, чтобы более интенсивный характер приобрело сотрудничество с макаренковедами из СССР и других стран, т.е. приветствовали бы идею интернационализации этого проекта. Важным шагом в развитии научного сотрудничества могло бы стать создание международного издательского совета в качестве консультативного органа.

Независимо от этого перед советскими специалистами — педагогами и литературоведами стоит историческая задача — подготовить отвечающее высоким научным критериям полное собрание его сочинений и создать тем самым солидную базу для будущих изданий и переводов в Советском Союзе и за его пределами. В этой благородной работе хотели бы участвовать и представители других стран, в том числе и ФРГ.

Думается, что у них есть право на это, ибо А.С. Макаренко как выдающийся педагог XX в. принадлежит всему человечеству.

20 лет лаборатории по изучению наследия А.С. Макаренко / Г. Хиллиг // Советская педагогика. — 1988. — № 10. — С. 117—123.

К ВОПРОСУ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ А. С. МАКАРЕНКО

«Национальность: украинец»,
«Родной язык: русский»,
«Какими языками (иностранными и народов СССР) свободно владеете: русским и украинским».

Эти данные содержатся в последнем автобиографическом документе Макаренко – напечатанной на русском языке и заполненной им также по-русски анкете в связи с решением вступить в Коммунистическую партию (это было в Москве 15 февраля 1939 г.)¹.

Свидетельство о национальности – украинец – было внесено также и в протокол заседания партийного комитета Союза советских писателей от 16 марта 1939 г., на котором было рассмотрено заявление Макаренко². Можно также предполагать, что по паспорту, который до сих пор не упоминался в литературе, он также был украинец.

Подобные свидетельства Макаренко давал ещё пятнадцать лет назад на Украине, а именно в анкете на украинском языке для «сотрудников детучреждений соцвоса», т.е. главного комитета соцвоса Наркомпроса УССР, его тогдашнего начальства. Также и здесь в графе «национальность» Макаренко написал (в сентябре 1924 года, на этот раз по-украински) – «украинец»; в ответе на вопрос «Какими языками владеете и на каких языках можете преподавать?» он указал русский и украинский³ (вопрос о родном языке здесь отдельно не ставился).

Однако всего лишь два года назад (в сентябре 1922 года) – в том же самом месте и в этой же должности, т.е. будучи заведующим колонией им. Горького под Полтавой – в русскоязычной анкете Наркомпроса для «сотрудников учреждений для дефективных детей Харьковской области» Макаренко в графе «национальность» написал «русский»⁴ (вопрос о владении языками здесь не задавался). И это как раз соответствует свидетельству его брата Виталия, который подтвердил в одном из писем в адрес марбургской Лаборатории А.С. Макаренко: «несмотря на своё украинское происхождение Антон был 100% русским»⁵.

Как известно, свои педагогические и литературные тексты Макаренко писал по-русски, на этом языке он также читал свои речи и доклады; свою переписку он вёл тоже по-русски. Но всё же существует несколько служебных документов, написанных рукой Макаренко на украинском языке. Сохранились также и украиноязычные протоколы выступлений Макаренко на заседаниях центральных и местных органов в Харькове (как, например, окружной комиссии помощи детям⁶) и внутренних учреждений коммуны им. Дзержинского (таких, как педагогический совет⁷). Отдельные его педагогические и литературные работы были опубликованы на украинском языке. Все эти материалы относятся, между прочим, к определённому периоду – 1924–1932 г.г.

Что тогда на Украине побудило или даже заставило Макаренко сочинять или публиковать свою «продукцию» частично на украинском языке и, кроме того, даже поменять в определённом смысле свою национальность?

В какой степени Макаренко владел украинским языком? В какой мере он использовал украинизмы в своих литературных произведениях сознательно, и в какой степени они обусловлены в них лишь средой?

Насколько прочны были связи Макаренко со своей украинской родиной, где он, как известно, прожил почти всю свою жизнь? Что, с другой стороны, тянуло его в Россию, прежде всего в Москву, куда он регулярно ездил и куда в конце концов переехал?

И, наконец: наложили ли свой отпечаток на творчество Макаренко специфические влияния среды (Украины) и духовная направленность (Россия)?

На эти вопросы я хочу попытаться ответить в моём докладе. Я буду опираться на опубликованные, а также неопубликованные источники, в том числе и на записки и опросы свидетелей. Часть соответствующих источников предоставил для исследования Либор Пеха, который в своём напечатанном в 1985 г. труде *Биографические факторы в становлении творческой личности педагога (на основании анализа личности А.С. Макаренко)* также впервые поставил вопрос о национальном самосознании Макаренко⁸.

Советское макаренковедение до сих пор не занималось этой проблемой – не считая частного вопроса, касающегося целенаправленного использования украинизмов в Педагогической поэме; частично на рассмотрение её было наложено табу, о чём свидетельствует тот факт, что соответствующие источники не были опубликованы или, по крайней мере, были оставлены без внимания.

А теперь перейдём к фактам.

1

Макаренко вырос в семье, в которой говорили по-русски. «Отец родился в Харькове, а в Харькове говорили на самом красивом русском языке», а родные матери «были выходцы из Орловской губернии», то есть из России, пишет В.С. Макаренко⁹. В соответствии с этим ударение с третьего слога (украинской) фамилии Макаренко переместилось на второй¹⁰.

Литература, которую читал молодой А.С. Макаренко и которая сформировала его, была, как достоверно свидетельствует его брат¹¹, исключительно русскоязычной: книги, журналы и альманахи, т.е. произведения русских авторов (прежде всего писателей, а также историков и философов) или переводы соответствующих произведений с европейских иностранных языков. Бесспорными кумирами Макаренко в литературе были, как известно, два современных ему русских писателя – Чехов и Горький. Русский язык и литература были его основной педагогической специальностью, и, как пишет в своих воспоминаниях директор Полтавского учительского института А.К. Волнин, он «искусно владел гибкой и стройной фразой на чисто русском литературном языке», «что особенно поражаало в украинце»¹².

Это, конечно, не мешало А.С. Макаренко понимать также и украинский язык, на котором преимущественно говорило деревенское население. В ответ на наш вопрос В.С. Макаренко сообщил: «У нас дома, если и произносилось украинское слово, то случайно, в шутку: иногда 'хата', иногда 'батько' вместо отец»¹³.

2

Февральская революция способствовала также и на Украине подъёму национального движения. На всеукраинских и местных учительских конференциях с апреля 1917 г. выдвигались требования безотлагательной украинизации общеобразовательных школ и учреждений по подготовке учителей, а также организации курсов по изучению украинского языка для учителей. Так, съезд учителей Полтавской губернии в конце мая 1917 г. принял резолюцию о введении в начальных народных школах с 1917/18 уч. г. преподавания на украинском языке. Съезд постановил также украинизировать Полтавский учительский институт, с 1917/18 уч. г. в нём следовало «начать обучение на украинском языке по возможности полно». Мнение директора института Волнина, просившего «принять во внимание меньшинство слушателей института, не считающего себя подготовленным к слушанию лекций по всем предметам на украинском языке», в резолюции не было учтено¹⁴. Как следствие этих мероприятий Волнина уволили, а директором учительского института был назначен украинец А.А. Левитский¹⁵.

Макаренко, поступив в Полтавский учительский институт, дал подписку в том, что он обязуется «прослужить по окончании курса за казённую стипендию не менее шести лет в должности учителя городского училища по назначению учебного начальства»¹⁶. 9 сентября 1917 г. Макаренко подал прошение о назначении его «на штатную должность преподавателя» или «на должность заместителя преподавателя» в образцовом при институте городском училище, где он, будучи ещё «воспитанником» последнего класса, вёл уроки за мобилизованных преподавателей¹⁷. Украинский макаренковед Н.П. Нежинский, который опубликовал факсимиле этого документа, в своём авторском тексте не цитирует, а тем более не интерпретирует второй абзац прошения, в котором Макаренко – очевидно, чтобы повысить свои шансы на получение должности в новой национальной ситуации – пишет:

«Подавая настоящее прошение, я имею в виду украинизацию института, вследствие чего считаю необходимым заявить, что все предметы курса образцового училища я могу преподавать на украинском языке, поскольку это представляется возможным по условиям переходного состояния украинизируемой школы»¹⁸.

Октябрьская революция не сразу привела на Украине к установлению власти большевиков – здесь буржуазной Центральной радой была провозглашена Украинская народная республика. Также и в это время шёл процесс украинизации. Курсы украинского языка продолжали свою работу и в «Украинском государстве» (Українська держава), т.е. во время правления назначенного немецко-австрийскими оккупационными властями гетмана Скоропадского. Были также организованы специальные курсы для служащих железной дороги. Сохранилось свидетельство, датированное 18 августа 1918 г., об «успешном участии в курсах украинского языка и делопроизводства, а также истории Украины, которые были организованы Министерством путей сообщения под надзором инспектора курсов как представителя Министерства просвещения». Этот документ, выписанный на имя Василия (В.С.) Поповиченко, сотрудника А.С. Макаренко в Крюкове, а затем и в колонии им. Горького под Полтавой, был подписан также и Макаренко, который был членом экзаменационной комиссии¹⁹, – вероятно потому, что он являлся руководителем училища Министерства путей сообщения. Но это вовсе не означает, что на этих курсах, организованных во время школьных каникул, Макаренко сам преподавал украинский язык, так как есть достоверное свидетельство М.С. Милютинной, что в то же самое время он преподавал кривковским рабочим русский язык²⁰.

Но всё же следует подчеркнуть, что преподавание в руководимом Макаренко Высшем начальном железнодорожном училище в 1917–1919 г.г., когда часто менялись власти, велось на русском языке, а украинский язык как предмет в программу обучения не входил. Так же и руководимый Макаренко в это время в Крюкове драматический кружок им. Короленко ограничивался постановкой русскоязычных пьес (русских и иностранных авторов). Характерно, что, когда на Украине была окончательно установлена Советская власть (в конце 1919 г.), Макаренко, который в это время был директором городской школы (русской) губернского города Полтавы, работал сначала в одном из «русских» профсоюзов (он был членом губернского правления Союза учителей русских школ)²¹, а затем – очевидно, во второй половине 1920 г. – вступил в только что образовавшийся всеукраинский профсоюз работников просвещения (Робос)²².

3

В первые годы Советской власти, как говорится в Кодексе законов о народном просвещении УССР от 22 ноября 1922 г., «решительно отвергая всякую искусственную украинизацию, как и русификацию», обеспечивается «населению всех наций и национальных меньшинств, населяющих Украину, воспитание и обучение на их родном языке». Под «нациями» подразумевались в данном случае украинцы и русские. Далее говорится:

«Языки – украинский, как язык большинства населения Украины в особенности на селе, и русский, как язык большинства в городах и общесоюзный, имеют в УССР общегосударственное значение и должны преподаваться во всех учебно-воспитательных учреждениях Украинской Социалистической Советской Республики»²³.

Это равенство украинского и русского языков летом 1923 г. было упразднено. Декретом Совнаркома «О мероприятиях по украинизации учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждений» от 27 июля, а также постановлением ВУЦИК и Совнаркома «О мерах обеспечения равноправия языков и о содействии развитию украинского языка» от 1 августа предписывалось «закончить перевод учреждений социального воспитания на украинский язык в течение двух ближайших учебных лет», то есть заменить русский язык украинским, и, кроме того, «усилить украинизацию всего государственного аппарата»²⁴. Двухлетний срок, предусмотренный для перестройки учреждений соцвоста (школ, детских домов), был впоследствии сокращён постановлением ВУЦИК и коллегии Наркомпроса до одного года – она должна была быть закончена к 1 августа 1924 г.

Об этом факте Макаренко как заведующему одной из двух трудколоний Наркомпроса напомнил циркуляр от 2 августа 1924 г., подписанный председателем Главного комитета соцвоста М. Соколянским, а также главным инспектором охраны детства данного комитета М. Быковцем. Сначала в этом циркуляре речь идёт о том, что «в первую очередь на украинский язык переходят учреждения, которые находятся в сельских местностях». Затем Макаренко предлагается конкретно:

«1. С 1/VIII вести делопроизводство колонии на украинском языке, заказы, ведомости, приказы, ордера, расчёты, педагогические дневники, характеристики и т.п., а также вести на украинском языке и междугородную переписку.

2. Собрания детей должны проводиться на украинском языке, исключая те случаи, когда ни докладчики, ни выступающие (педагоги) ещё не владеют украинским языком.

3. Также украинский язык следует преподавать всем воспитанникам (украинский язык – обязательная дисциплина).

4. Что касается перевода всего обучения на украинский язык, создания групп с украинским и русским языками преподавания – до 1/IX сдать докладную записку, предварительно обсуждённую педсоветом.

Об исполнении этого уведомить Главсоцвос 15/VIII, приложив для уведомления копии приказов, ордеров и т.п.»²⁵

Эти предписания Макаренко не выполнил²⁶, и поэтому Быковец в письме от 29 августа 1924 г. ещё раз настоятельно напомнил Макаренко о его обязанностях. Текст этого письма, в котором предупреждается также и о последствиях невыполнения предписаний, гласит:

«На основании приказа Наркомпроса № 45 (§ 1, п.4) от 16 августа с.г. о переводе всего делопроизводства НКП на украинский язык, Охрана детства вторично приказывает вести делопроизводство колонии, переписку, докладные записки, дневники, характеристики, ордера, сводки и т.п. на украинском языке.

Ведомости, которые находятся в распоряжении Охраны детства, свидетельствуют, что предшествующее распоряжение от 2/VIII № 16843 до сих пор не исполняется в полной мере. В особенности до сих пор ещё поступают в НКП письма на русском языке, не говоря уже о внутреннем колонийском ведении дел.

Охрана детства просит Вас предупредить сотрудников колонии (педагогов, делопроизводителей, секретарей), что с 1/IX сотрудники, не выполнившие декрета СНК и ВУДИК, а также соответственных распоряжений НКП, будут уволены и списки будут опубликованы в прессе.

Для изучения украинского языка и перехода на него было дано 13 месяцев – времени достаточно, и дальнейших отсрочек не будет.

Охрана детства предлагает огласить эту информацию приказом по колонии и послать копию его в НКП вместе с контрольными копиями приказов, сводок, записей в дневниках, квитанций от 30 (тридцатого) августа.

Копии должны быть аутентичными, с ошибками и описками, что и в оригинале, а также с указанием имени того, кто их переписывал и кто делал с них копии»²⁷.

На сделанное ему «предложение» послать начальству «контрольные копии» всех внутренних документов колонии от 30 августа Макаренко, очевидно, не согласился – во всяком случае соответствующее дело ничего подобного не содержит. Однако Макаренко был вынужден вести переписку с Наркомпросом на украинском языке²⁸.

Первым делом он должен был, как обычно в начале нового учебного года, составить подробный список сотрудников колонии им. Горького, кроме того он написал вышеупомянутую анкету, в которой впервые назвал себя украинцем. Некоторое время Макаренко продолжал составлять подобные документы на украинском языке, по меньшей мере до конца 1924 г.

Из этих, написанных от руки на украинском языке, писем, оставленных до сих пор макаренковедом без внимания и поэтому не включённых ни в одно издание произведений А.С. Макаренко, следует упомянуть, прежде всего, одно – также и с точки зрения содержания. В этом письме, написанном в начале октября 1924 г., на упрёк Быковца в том, что в колонии им. Горького сотрудников больше, чем ей положено на штату, Макаренко отвечает, что, т.к. колония размещается в двух местах, на некоторых должностях необходимо занять «вторых служащих». Но этого можно избежать, если перевести «1 колонию» в бывшее имение Трепке, однако это следует сделать срочно, ещё «до морозов»²⁹. Быковец присвоил себе предложение Макаренко³⁰ и таким образом способствовал тому, что «горьковцы» уже в середине ноября 1924 г. смогли переехать во «2 колонию».

До сих пор не известно ни одного письма, отчёта и т.п. колонии им. Горького, написанных Макаренко в должности «завкола» в первой половине 1925 года в адрес «главсоцвоса» или других служебных инстанций Харькова. Однако 8 августа 1925 г. – ободрённый, очевидно, только что полученным первым письмом Максима Горького из Италии – Макаренко составил своему начальству подробную докладную записку, в которой он предлагает более широкий, чем ранее, проект отказа от первоначального местонахождения колонии: перевести колонию им. Горького под Харьков, который в то время был столицей Украины, и сделать её крупным, основанным на производительном труде, центральным (общеевропейским) учреждением для перевоспитания малолетних правонарушителей. Данный документ был написан на русском языке³¹.

Это, однако, не помешало Быковцу – резолюция на первом листе и подчеркнутые места в тексте, сделанные его рукой, свидетельствуют, что он с этой докладной запиской ознакомился и передал её на дальнейшее рассмотрение (затем этот документ, между прочим, прочитала и Г. Салько, будущая жена Макаренко, которая в то время, как и Быковец, была главным инспектором Охраны детства) – сразу же после инспекции колонии им. Горького опубликовать в украинской газете *Народний учитель* весьма положительную оценку жизни в данном воспитательном учреждении и упомянуть при этом также и жалобы Макаренко на «бюрократизм Наркомпроса»³².

В Куряже колония им. Горького – после того, как она почти четыре года находилась в ведении Наркомпроса – была вновь передана на содержание местного бюджета (на этот раз Харьковского округа). И со столичным начальством Макаренко переписывался на русском языке. Так как он позже стал заведовать коммуной им. Дзержинского – учреждением, подчинявшимся скорее общесоюзному (т.е. «русскому») ГПУ, – это освободило его, очевидно, от обязанности составлять официальные материалы на украинском языке³³.

4

Таким образом, на Украине политика украинизации неуклонно проводилась и во второй половине 20-х годов. Русскоязычные книги издавались всё реже и реже, периодические издания либо постепенно перестраивались – как, например, специальные журналы, которые всё больше и больше помещали материалов на украинском языке и в конце концов украинизировали также и название, – либо вдруг стали выходить на украинском языке – такие газеты, как центральные органы комсомола (2 декабря 1925 г.) и компартии (1 июля 1926 г.). Этим объясняется и тот факт, что в данный период работы Макаренко вышли на украинском языке³⁴.

Его собственное критическое отношение к украинизации и, в частности, к переходу на преподавание на украинском языке явствует из двух писем к Горькому. 16 июня 1926 г. (т.е. уже в Куряже) Макаренко извиняется за «шершавые письма» его новых «хлопцев» – «плоды обучения на 'родном' языке», и в письме от 14 марта 1927 г. говорится: «[...] трудно переучивать наших запущенных ребят, а кроме того, режет нас украинизация: хлопцы городские, по-украински никогда не говорили, сейчас вокруг них, даже в селе, все говорят по-русски, читают книги исключительно русские, а учатся исключительно 'на родном языке'»³⁵. Об этом свидетельствует также и замечание в «Марше тридцатого года», где он пишет о трудностях «более или менее удовлетворительно изложить на нашем русско-украинском языке (результат перехода из русской школы в украинскую и обратно) существо дела»³⁶.

Когда позднее, в 1936 г., после выхода в свет Педагогической поэмы, один из слушателей спросил Макаренко во время его доклада в Москве: «На каком языке вы говорили в колонии, и почему книга написана по-русски?», он дал уклончивый ответ (а так как это высказывание в Советском Союзе до сих пор не было опубликовано, я хочу привести ответ Макаренко из стенограммы без сокращений):

«Это, конечно, грех. Конечно, были у нас украинцы, и школа у нас была украинская, но как-то так получилось, что говорили больше по-русски. И ребята в школе занимались по-украински, а в домашней обстановке говорили наполовину по-украински, наполовину по-русски и в некоторой части – на блатном языке.

Я стоял на точке зрения украинизации, но потом прибавлялось нам больше и больше городских людей. Когда колония получила известность, к нам стали присылать ребят из Харькова, Одессы и т.д. Это уже такие ребята, у которых ничего от

украинского языка не осталось. Коммуна им. Дзержинского работает по-русски, потому что ребята там все городские и говорят на русском языке»³⁷.

О чём здесь говорит Макаренко, оглядываясь на прошлое, – в какой-то степени оправдываясь и к тому же не совсем ясно выражаясь – становится понятным из источников, которыми мы располагаем. Так, в отчёте, датированном октябрём 1927 г., говорится, что в школе колонии им. Горького, которая прежде была украинской, преподавание ведётся теперь по-русски, хотя 41,77 % воспитанников – украинцы. «Линия на русификацию колонии» недвусмысленно характеризуется здесь как «абсолютно неверная»³⁸.

Эта несомненно проводимая Макаренко «деукраинизация» привела к тому, что колония им. Горького, вокруг которой как раз в это время он хотел объединить все детские дома Харьковского округа и сформировать из них построенный по военному образцу Первый трудкорпус Украинской ССР, в конце концов (летом 1928 г.) оказалась единственным учреждением интернатного типа, оставшимся «русским»³⁹. Наряду с известными педагогическими разногласиями (система командиров против «исполкомовской») этот национальный аспект тоже мог сыграть определённую роль в дальнейшем развитии событий. Вспомним: когда Горький, выступивший в защиту Макаренко перед украинским правительством во время пребывания в Харькове (июль 1928 г.) и получивший от некоего «товарища Б.» (очевидно, Балицкого, председателя ГПУ Украины), обещание «не мешать» тому в его работе, узнал впоследствии об отстранении Макаренко от должности заведующего колонией им. Горького, он написал ему из Италии (8 декабря 1928 г.): «Очень боюсь, что в это дело замешаны тенденции 'националистического' характера»⁴⁰.

По свидетельству Т.Д. Татаринова, инициатива Макаренко открыть в коммуне им. Дзержинского в 1929 г. кустарно-промышленную школу, а в 1930 г. собственный рабфак объясняется его стремлением не попасть в тиски принудительной украинизации: вместо трудовой школы, где обучение велось в обязательном порядке на украинском языке, появились таким образом учебные заведения, где собранные со всех концов страны дети могли обучаться на русском языке⁴¹.

Бывшие воспитанники коммуны им. Дзержинского свидетельствуют, что Макаренко даже в разгар украинизации в начале 30-х годов всегда говорил только по-русски – за одним единственным исключением (очевидно, в 1931 г.): после вызова к тогдашнему народному комиссару просвещения Н.А. Скрыпнику, потребовавшему от него объяснений по поводу того, почему в коммуне говорят не на том языке, на котором положено говорить, Макаренко объявил перед собравшимися коммунарами, а именно на украинском языке, что отныне в коммуне следует говорить только по-украински. После этого там примерно две недели говорили на украинском языке, нарочно слегка искусственным⁴².

Следующее столкновение Скрыпника с Макаренко произошло 23 января 1933 г. Но на этот раз речь, преимущественно, шла не о языковом вопросе, а о более принципиальном: о практиковавшейся Макаренко системе воспитания. На специально для этого созванном заседании Наркомпроса УССР Скрыпник подверг работу коммуны им. Дзержинского резкой критике. Эта речь, прочитанная, конечно, на украинском языке, опубликована в одном из современных педагогических журналов⁴³. По свидетельству Н.П. Нежинского⁴⁴, Макаренко, принимавший участие в этом заседании, не имел возможности возразить на предъявленные ему Скрыпником обвинения, т.к. он настаивал на том, чтобы говорить по-русски. Это столкновение советское макаренковедение по-прежнему, впрочем, обходит молчанием. Соответствующим образом то место в письме Горького от 10 сентября 1934 г., где – а именно в связи с рукописью второй части Педагогической поэмы – упоминается Скрыпник, было изъято также и из нового издания Педагогических сочинений А.С. Макаренко. Там говорится: «Недостаточно ясна Ваша полемика с НКПр о методах воспитания. Не звучит ли некое 'скрыпниковское' в указаниях НКП на применяемую Вами 'военизацию'?»⁴⁵

Столкновение со Скрыпником потому очевидно осталось для Макаренко без ощутимых последствий, что Скрыпник уже месяц спустя был сменён на посту руководителя Наркомпроса в связи с последовавшим тогда прекращением политики украинизации. Прямым следствием этого поворота в национальной политике было, между прочим,

основание того Харьковского театра русской драмы (в мае 1933 г.), который всего лишь несколько месяцев спустя Макаренко удалось заинтересовать в шефстве над коммуной им. Дзержинского.

5

Тысяча девятьсот тридцать третий год принёс Макаренко не только освобождение от оков украинизации, но и «прорыв» на писательском поприще. Воодушевлённый письмом Горького из Италии (от 30 января 1933 г.) приняться за писательский труд и получая от него также и материальную поддержку, Макаренко уединился на несколько недель в доме отдыха писателей. Там он возобновил работу над Педагогической поэмой, первая часть которой, как известно, вскоре уже вышла в свет.

«Отводя душу» этой писательской работой в данной, также и в педагогическом смысле, сложной для него ситуации (он был теперь лишь «вторым человеком» в коммуне им. Дзержинского), Макаренко, высказывая «имперское» отношение к национальному вопросу, признаёт себя приверженцем России, приверженцем великой нации, в которую входят «великороссы» и «малороссы» (т.е. украинцы)⁴⁶ так, например, в критических высказываниях в пьесе Мажор о «типично русском», как он наблюдал это в своей – украинской! – среде на каждом шагу⁴⁷. Здесь Макаренко проявляет себя совсем как русский. В этой связи интересен один, позже изъятый, отрывок из первой части *Поэмы*, в котором он в шутку называет себя «ренегатом», т.е. ренегатом от украинства, и одновременно ставит себя на один уровень с «москвитянами», применяя при этом соответствующее, несколько пренебрежительное, высказывание украинцев в адрес русских – «москаля»⁴⁸.

Указания на постоянную ориентацию Макаренко на Россию и, прежде всего, на Москву содержатся также и в его письмах из советской столицы. Из них можно заключить, что свои служебные и частные поездки туда он использует для того, чтобы духовно и эмоционально «заправиться»: он ходит в театры и музеи, а также покупает книги⁴⁹. Так что неудивительно, что проф. А.И. Попов, директор Украинского научно-исследовательского института педагогики (УНДІП), в марте 1928 г. упрекает Макаренко, между прочим, в том, что он обращает внимание «преимущественно на московскую литературу», т.е. пренебрегает «нашей украинской литературой»⁵⁰.

В националистический период Макаренко несколько раз пытался бросить коммуну, а, значит, и переехать из Украины в РСФСР, чтобы возглавить там одно из воспитательных учреждений – прежде всего из-за конфликтов с правлением коммуны (состоящим из чекистов). Однажды он даже хотел взять с собой всех воспитанников и перевести коммуну им. Дзержинского в Ленинград, где в то время жил его многолетний сотрудник Поповиченко; однако это ему было запрещено украинским ГПУ (осень 1929 г.)⁵¹. И три года спустя, в связи с сообщением о предстоящем создании образцово-показательной коммуны им. Горького, опубликованном в – московских! – газетах, Макаренко возобновляет переписку с Горьким, которому он все эти три года не писал. Макаренко заявляет о своём непременном желании возглавить новую коммуну. При этом он также доверительно сообщил Горькому (и это, очевидно, побудило составителей его произведений из московской Академии педагогических наук «с соответствующим доверием» обойтись с данным местом из письма и не опубликовать его!): «И ещё одно – мне надоела Украина, ибо я всегда был просто русским человеком. А Москву люблю.»⁵² И в феврале 1935 г. он, как известно, написал Горькому, что «после Педагогической поэмы» он хочет «написать большую, очень большую работу, серьёзную книгу о советском воспитании» и в связи с этим попросить «т. Бубнова», т.е. тогдашнего наркома просвещения РСФСР, чтобы ему «дали возможность жить в Москве, поближе к книгам и к центрам мысли, и работать»⁵³. «О Москве он всё время говорил, как о земле обетованной» Это пишет К. Кононенко в своих неопубликованных воспоминаниях о Макаренко⁵⁴.

До переезда в Москву всё же должно было пройти ещё два года: после того, как правительство Украины в 1934 г. из Харькова опять переехало в Киев, нарком внутренних дел Балицкий, который очень ценил педагогическую деятельность Макаренко в коммуне им. Дзержинского, перевёл его работать в только что созданном отделе трудколоний НКВД УССР (июнь 1935 г.). Само собой разумеется, в Киеве Макаренко вошёл в состав русской секции Союза советских писателей Украины⁵⁵.

6

В годы жизни в Киеве, а также и в Москве, как в своих публицистических работах, так и в многочисленных докладах, Макаренко старался не сообщать сведений о своём географическом происхождении и национальности. Как правило, он ограничивался общими высказываниями – такими, как: «в том захолустье, где прошла моя молодость» («Максим Горький в моей жизни»), или умышленно подчёркивал своё социальное происхождение: что он якобы происходит из рабочей среды, либо что он вырос в этой среде – так, например, в статье «Выбор профессии», а также и в ответах на соответствующие вопросы слушателей докладов о его биографии.

Л. Пеха с полным основанием указал на то, что в повести Честь, где, как известно, изображена та дореволюционная среда, в которой жили Антон Макаренко и его брат Виталий, «действие происходит, так сказать, в России, об Украине и украинцах там и речи нет»⁵⁶. То же самое относится, впрочем, и к ответу Макаренко в адрес критика К. Малахова, обвинившего его в связи с этой повестью в фальсификации русской истории, а также в «амнистировании шовинизма»⁵⁷.

Всё же однажды Макаренко публично признался в своём украинском, а, значит, как он, очевидно, чувствовал, и провинциальном происхождении. Он сказал это в своём докладе в аудитории Московского университета 1 марта 1939 г., т.е. месяц спустя после того, как был награждён за заслуги в развитии советской литературы орденом Трудового Красного знамени, и две недели спустя после подачи вышеупомянутого заявления о вступлении в партию – и, как мы помним, назвав себя украинцем перед своими московскими коллегами-писателями. Макаренко говорил тогда, кроме прочего, о «типе москвича», который был для него воплощением открытого миру, уверенного в себе и решительного человека. В связи с тем, что в своё время, два года назад, только что приехав в Москву, Макаренко чувствовал себя неуверенно на улицах столицы, он с иронией и в то же время с кокетством назвал себя в этом докладе «провинциалом, да ещё хохлом, украинцем»⁵⁸. (В этом же докладе есть, между прочим, и импульсивное, крайне критическое замечание о «типично русском», а именно – в связи с рассказом о том, что он будто бы учил своих воспитанников – т.е. на Украине! –, как не следует пить. И здесь Макаренко опять становится настоящим русским: «А вот наше российское дело: где-нибудь в переулке перевернуть литр, упасть и тут же заснуть у парадного крыльца»⁵⁹).

Похожее сопоставление москвичей и украинцев Макаренко внёс в свою записную книжку ещё раньше (в сентябре 1933 г.), озаглавив его «Слово». Вот этот услышанный им, очевидно, на Украине анекдот, который высмеивает неповоротливость украинцев, т.е. провинциалов: «В Москве народ более дрессированный и живой. Москвич действительно успевает 'выпорхнуть' из-под авто. А украинец, попавший под авто, ещё 'роздывляється, чи це его давить, чи другого. А колы вже роздывиться, то вже поздно'»⁶⁰.

7

Сокурсник Макаренко по Полтавскому учительскому институту А.Н. Ведмицкий пишет в своих воспоминаниях о том времени, что Макаренко вместе со многими другими «воспитанниками» института, а также с «демократической общественностью Полтавы» подписался под «письмом социал-демократической фракции в государственной Думе с просьбой поставить вопрос о разрешении издания газет на украинском языке, о преподавании в начальных школах Украины на родном языке»⁶¹.

Эта инициатива не исходила, однако, от представителей одной из двух социал-демократических фракций IV Думы (меньшевистской фракции «семерых» и большевистской фракции «пятерых»), а принадлежала духовному лицу, епископу Никону, который внёс на рассмотрение Думы соответствующий законопроект. В упомянутом Ведмицким письме речь, очевидно, шла о резолюции группы членов Думы – украинцев и защищавших их интересы неукраинцев, – которые настоятельно утверждали, что они не являются «ни социал-демократами, ни конституционалистами-демократами».

Эта подписанная также и Макаренко резолюция содержит, между прочим, и осуждение украинского национализма в образе сепаратистского «мазепинского», т.е. направленного против «москвитян» движения, которое, по мнению авторов этого документа, «следует объявить государственно-преступным и подавлять его всемерно»⁶².

Такая позиция была привита А.С. Макаренко несомненно в родительском доме. Его брат Виталий изображает их отца ярким противником всего украинского: «Украинцев всех мастей он ненавидел люто, называл их не иначе как 'мазепы, куркули проклятые'»⁶³.

В.Н. Тарасов, бывший в своё время преподавателем истории в Полтавском учительском институте, подтверждает существование разногласий между Макаренко и сепаратистами (самостийниками) из числа его сокурсников – он был «наиболее эрудированным принципиальным их противником»⁶⁴. И его брат Виталий сообщает о подобных дискуссиях, происходивших раньше, ещё в Крюкове, с врачом Димарой, который «злобно ненавидел Россию и всё русское», – «идеологический враг Антона»⁶⁵. Однажды «на одном пикнике, после горячего спора», Антон набросился на него со словами: «Ваша Украина никогда не существовала как суверенное государство, у вас нет истории, а если есть, то она вмещается на полустранице. Вся ваша культура – это ваш Шевченко, который не переведён ни на один иностранный язык, да и в России почти никто его не читает...»⁶⁶. В.С. Макаренко свидетельствует, кроме того, о предупреждениях своего брата по отношению к украинскому историку Грушевскому, «над которым он зло издевался (как и над всеми украинскими 'самостийниками')»⁶⁷.

Конфликты с националистами возникали у Макаренко ещё и в период форсированной украинизации. Е.С. Магура, который с 1932 г. преподавал на рабфаке коммуны им. Дзержинского украинский язык, сказал в беседе с Л. Пехой, что у Макаренко – перед тем как ему удалось привлечь к этой деятельности его, русского, – «были такие трудности с преподавателями украинского языка, так как они были настоящими националистами»; всех их ему пришлось уволить⁶⁸.

Своё литературное отражение эти столкновения нашли, как известно, в *Педагогической поэме* в образе украинского националиста Дерюченко: «Он 'не знал' русского языка, украсил все помещение колонии дешёвыми портретами Шевченко и немедленно приступил к единственному делу, на которое был способен, – к пению 'украинских писэнь'» и т.д. Явно не случайно это изображено в первой части *Поэмы*, которую Макаренко писал в 1933 г., непосредственно после прекращения политики украинизации. Эта довольно злобная карикатура на «культ Шевченко» публикуется, разумеется, с 1937 г. лишь в сильно сокращённом варианте, но в Педагогических сочинениях А.С. Макаренко (т. 3) соответствующий отрывок, по крайней мере, всё же был включён в приложение⁶⁹.

Первая часть *Поэмы* содержала, кроме того, ещё и другие оскорбительные высказывания об украинцах, которые были либо смягчены, либо изъяты редактором вышедшего в 1934 г. книжного издания. Имеются в виду неодобряемые после свержения царизма слова «малоросс» (бывшее официальное название украинцев) и «хохол» (соответствующее ругательство русских в адрес украинцев, а также язвительное выражение «в национальном стиле» для характеристики общения Калины Ивановича с Шере⁷⁰.

8

Уже в одной из первых рецензий на *Педагогическую поэму* обращалось внимание на умелое применение «колорита украинского языка» в диалогах⁷¹. Также и Н.А. Морозова подчёркивала в своём исследовании «О некоторых особенностях языка и стиля Педагогической поэмы А.С. Макаренко» (1954 г.):

«Употребление украинизмов вполне оправдано. Колония находилась на Украине, в числе колонистов были украинцы по национальности, коллектив находился в тесном общении с местным населением. Автор использует лексику, фразеологию и отдельные грамматические формы украинского языка. Включает в язык Поэмы украинские песни, пословицы, поговорки. Украинизмы употребляет автор как средство создания местного колорита, в основном, при характеристике персонажей»⁷².

Морозова ссылалась при этом на язык диалогов, а также на отдельные, обозначенные автором кавычками, цитаты – то есть и оптически выделенный и поэтому легко распознаваемый языковой материал.

Ещё дальше идёт Н.А. Вакуленко в своём докладе об украинизмах в *Педагогической поэме* на Полтавской конференции, посвящённой А.С. Макаренко (в декабре 1986 г.); правда, до сих пор я располагаю только опубликованными тезисами этой конференции.

Во вступлении там говорится: «А. С. Макаренко ценил богатство двух братских языков, их выразительные возможности и умело применял языковые ресурсы всех уровней как изобразительное средство»⁷³. Вакуленко, вычленив в языке *Поэмы* фонетические,

морфологические, лексические, словообразовательные, синтаксические и фразеологические украинизмы, заявляет в тезисах своего доклада, что отдельные украинизмы вошли в язык рассказчика, и показывает в этой связи, что один из них – *хлопцы*, для обозначения воспитанников колонии им. Горького – можно обнаружить также и в официальных документах, написанных рукой Макаренко. То же самое относится, я хотел бы добавить, и к существительному *селянство*, а прежде всего – к прилагательному *колонийский* (от укр. *колонійський*) вместо колониистский или соответствующей субстантивной конструкции; эту форму *колонийский* Макаренко, как известно, употреблял также и в других – неофициальных – текстах.

Таких, обусловленных средой, украинизмов, вошедших в язык рассказчика, первоначально в *Поэме* – в авторской машинописи, а частично также и в первых печатных вариантах – всё же было больше. Московские редакторы заменили их соответствующими русскими выражениями или формами, хотя и не во всех случаях адекватными. Так как три части этого произведения выходили постепенно, то и замена эта получилась неоднородной. Так, например, уже упоминавшаяся форма прилагательного *колонийский* в первом книжном издании части 1 была соответствующим образом русифицирована (и данные места в таком виде сохранились и по сей день)⁷⁴, в то время как в двух остальных частях эта форма осталась без изменения. Другой пример редакционного вмешательства – изъятие употребляемых Макаренко также и в языке рассказчика падежных форм фамилий, оканчивающихся на -о. Показательно, что большинство этих, обусловленных средой, украинизмов, не включённых сегодня в текст *Поэмы*, содержится в 2–9 главах первой части, написанных ещё в Куряже. Вот несколько лексических, морфологических, словообразовательных и синтаксических примеров (в той очередности, в какой они встречаются в *Поэме*)⁷⁵:

1. представлял *собою* конгломерат – изменено на: представлял *собой* конгломерат;
2. *вытрушивание* ятерей (от укр. *витурушувати*) – *опустошение* ятерей;
3. с *проваленным* черепом (от укр. *провалювати*) – с *разбитым* черепом;
4. ожидали новых *подорожных* (от укр. *подорожний*) – ожидали новых *путников*;
5. *рушает* к дверям (от укр. *рушати*) – *направляется* к дверям;
6. *таки* (укр. *такі*) – *всё-таки*;
7. *перетянуть*... пса (от укр. *перетянути*) – *вытянуть*... пса;
8. ответили *реготом* (от укр. *регiт*) [не изменено];
9. сколько мы... *не* обивали порогов (укр. ... *не*...) – сколько мы... *ни* обивали порогов;
10. очень *непереборчив* (от укр. *неперебiрчивий*) – очень *неразборчив*;
11. *большую* частью – *большой* частью;
12. *на штанах* которого прицепились соломинки – *к штанам*...;
13. *по-находили* лошадей (от укр. *понаходити*) – *нашли* лошадей;
14. ходили из спальни в спальню, *ныкали* по тёмным углам двора (от укр. *никати*) – ходили из спальни в спальню, по тёмным углам двора;
15. *обсеяны* (от укр. *обсiяти*) – *засеяны*;
16. гвозди... с исковерканными *головами* (от укр. *голова*) – гвозди... с исковерканными *шляпками*;
17. домашний арест за *нанесение* грязи в помещение – ... за *прино*....

В этой связи следует назвать также и несколько, обусловленных украинским языком, регионализмов, которые в большинстве своём всё же не были изменены редакторами – напр.: *житный* (см. укр. *житній*) вместо *ржаной* в словосочетаниях *житная* мука, *житный* хлеб⁷⁶, *заможный* (см. укр. *заможний*) вместо *состоятельный*, *шлях* (укр. *шлях*) вместо *дорога*, а также словообразование *беспризорщина* вместо *беспризорность*.

Отдельные, обусловленные средой, украинизмы содержатся также и в других текстах А.С. Макаренко. Показательно, что они присутствуют прежде всего в материалах, написанных в колонии им. Горького, т.е. среди говорящего на украинском языке крестьянского населения. Наряду с формами типа *собою* вместо *собой* и окончаниями фамилий на -о это относится также и к лексике. Вот несколько таких примеров (в хронологическом порядке):

1. *шибка* (от укр. *шибка*) вместо *стекло*;
2. *жинка* (от укр. *жінка*) вместо *жена*;
3. *лист* (от укр. *лист*) вместо *письмо*;
4. *побалакать* (от укр. *побалакати*) вместо *разговаривать*;
5. *таким чином* (от укр. *такiм чином*) вместо *таким образом*;
6. *навпаки* (от укр. *навпаки*) вместо *наоборот*, *напротив*;
7. *шахрайство* (укр. *шахрайство*) вместо *мошенничество*;
8. *троячка* (укр. *троячка*) вместо *трёшка*⁷⁷.

И последнее: насколько достоверно свидетельство бывших воспитанников Макаренко о том, что он хорошо, даже очень хорошо владел украинским языком?

Можно лишь с относительной уверенностью ответить на этот вопрос. Причина: существует слишком мало аутентичного текстового материала. В украиноязычных публикациях 1925–1932 г.г. дело в том, что они, как правило, были написаны автором по-русски и впоследствии переведены сотрудниками издательства или редакции на украинский язык⁷⁸. Вопрос о переписке Макаренко во время «украинизации» колонии им. Горького в конечном счёте остаётся открытым – были ли все эти документы написаны им самим, без посторонней помощи.

Это относится также и к довольно подробному отчёту о положении в колонии им. Горького, который датирован 1 января 1925 г. и написан в адрес ЦК Союза работников просвещения Украины (Робос)⁷⁹. Данный документ, который макаренковедение до сих пор оставило без внимания, связан с ходатайством Макаренко перед этим профсоюзом о шефстве над колонией. Тот довольно объёмистый документ, написанный рукой Макаренко (7 листов, исписанных с обеих сторон), является хорошим материалом для языкового исследования⁸⁰.

Наряду с отдельными взятыми в кавычки русскими словами в этом документе – если не принимать во внимание довольно многочисленные орфографические ошибки – содержится также и несколько русицизмов, прежде всего лексических. Вот перечень этих русицизмов:

1. *жилий будинок, жилий дом* (л.1 об.; от рус. *жилое здание, жилой дом*) вместо *житловий будинок*; 2. *пол* (л.1 об.; рус. *пол*) вместо *підлога*; 3. *печ* (л.1 об.; от рус. *печь*) вместо *піч*; 4. *отряд* (л.1 об.; рус. *отряд*) вместо *загін*; 5. *оборудовати, оборудования* (лл.1 об., 2, 5 об., 6 об.; от рус. *оборудовать, оборудование*) вместо *облаштовувати, облаштовування*; 6. *збереження* (л.1 об.; от рус. *сбережения*) вместо *заощадження*; 7. *рубель* (л.1 об.; от рус. *рубль*) вместо *карбованець*; 8. *усадыба* (л.2; рус. *усадыба*) вместо *садиба*; 9. *договор* (л.2; рус. *договор*) вместо *договір*; 10. *комбініровання* (л.3; от рус. *комбинирование*) вместо *комбінація*; 11. *наказания* (л.3 об.; от рус. *наказание*) вместо *покарання, кара*; 12. *способний* (л.3 об.; от рус. *способный*) вместо *здібний*; 13. *рабфак, рабфаковець* (л.3 об.; рус. *рабфак, рабфаковец*) вместо *робфак, робфаківець*; 14. *піддержувати* (л.3 об.; от рус. *поддерживать*) вместо *підтримувати*; 15. *сівооборот* (л.4 об.; от рус. *севооборот*) вместо *сівозміна*; 16. *животноводство* (лл.4 об., 5; рус. *животноводство*) вместо *тваринництво*; 17. *не хватало* (л.4 об.; рус. *не хватало*) вместо *не вистачало*; 18. *вывести* (л.5; рус. *вывести*) вместо *розвести*; 19. *гусь* (л.5; рус. *гусь*) вместо *гуска*; 20. *полсоті* (л.5; рус. *полсотни*) вместо *півсотні*; 21. *овця* (л.5; от рус. *овца*) вместо *вівця*; 22. *невыгодно* (л.5; рус. *невыгодно*) вместо *невигідно*; 23. *сіялка* (л.5; от рус. *сеялка*) вместо *сівалка*; 24. *зводити до ітогу* (л.5; см. рус. *подвести итог*) вместо *підбивати підсумок*; 25. *нарастания капитала* (л.5; от рус. *нарастание капитала*) вместо *приріст капіталу*; 26. *недостаток* (л.5 об.; рус. *недостаток*) вместо *недостача*; 27. *по розчоту на* (л.5 об.; см. рус. *в расчёте на*) вместо *з розрахунку на*; 28. *кровать* (л.6; рус. *кровать*) вместо *ліжко*; 29. *вложения капитала* (л.6 об.; от рус. *вложение капитала* < следует: вкладывание капитала, капиталовложение >) вместо *вкладання капіталу, капіталовкладання*; 30. *забронірованія* (л.6 об.; от рус. *забронировать*) вместо *бронювання*; 31. *двинутся вперёд* (л.6 об.; от рус. *двинутся вперёд*) вместо *просуватися вперёд*.

Кажется, что это очень много, однако в сравнении с объёмом исследованного здесь текста, русицизмов в нём всё-таки довольно мало, кроме того, большинство из них является обозначениями предметов обихода, жилых помещений, событий, которые были тесно связаны с жизнью и деятельностью колонии и назывались там по-русски.

Это исследование позволяет сделать вывод, что Макаренко к тому времени овладел украинским языком в соответствующей его способностям и образованию степени.

В заключение следует сказать, что Макаренко, несмотря на своё украинское происхождение, всегда считал себя русским и в духовном плане ориентировался на Москву. Но в 1924 г., во время форсированной украинизации всех областей общественной жизни в УССР, очевидно, чтобы не потерять должность заведующего одного из центральных учреждений, подчинявшихся непосредственно украинскому правительству, он – имея в

виду судьбу своего почитаемого учителя Волнина – всё же в официальном документе назвал себя украинцем. Этого своего решения он не изменил и в дальнейшем⁸¹.
Marburg, 1989*.

1. Институт мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР, отдел рукописей, Москва, ф.114, оп.1, д.5, л.1.
2. Там же, л.5; публикация в: А.С. Макаренко, Педагогические сочинения в 8-ми томах (далее ссылки на него как на: Пед. соч.), Москва, 1986, 8, с.128.
3. Центральный гос. архив Октябрьской революции и социалистического строительства УССР, Киев (ссылки как на: ЦГАОР), ф.166, оп.4, ед. хр. 937, п. 46.
4. Там же, ф.166, оп. 2, ед. хр.1687, л.94.
5. В. Макаренко, Мой брат Антон Семёнович, Марбург, 1985, с.79.
6. См. доклад Н.Н. Оксы на 2-ом Марбургском совещании, посвящённом актуальным направлениям макаренковедения (май 1986 г.).
7. См. Центральный гос. архив литературы и искусства СССР, Москва (ссылки как на : ЦГАЛИ), ф.332, оп.4, ед. хр.374.
8. L. Pecha, Biografické čítanie formování tvořivé pedagogické osobnosti (s použitím analýzy osobnosti A.S. Makarenka), Praha, 1985, с.57.
9. В. Макаренко, указ. соч., с.155.
10. Это для нас сегодня привычное ударение было подтверждено также и В.С и О.В. Макаренко.
11. В. Макаренко, указ. соч., сс. 33–34.
12. А.К. Волнин, «Антон Семёнович Макаренко в учительском институте», Учебно-воспитательная работа в детских домах, 2–3, 1941, сс. 117–124 (здесь: с.123). С другой стороны, в этой связи следует также упомянуть, что в текстах, впервые опубликованных в новом, восьмитомном издании Пед. соч. (Москва, 1983–1986), редакционное вмешательство в большинстве случаев потому было необходимо – как заявил один из составителей автору, – что Макаренко, будучи украинцем, недостаточно хорошо владеет русским языком.
13. В. Макаренко, указ. соч., с.155.
14. «Журнал заседаний делегатского губернского учительского съезда в г. Полтаве», Педагогический журнал, 4–6, 1917, сс.72–86; «Постанови делегатського губернського вчительського з'їзду в Полтаві 25–28 травня 1917 року», там же, сс.87–91.
15. Центральный гос. исторический архив УССР, Киев, ф.707, оп.311, ед. хр.6, лл.3, 12. Кроме Волнина было уволено также три преподавателя, по национальности русских: Лысогогорский, Шестаков, Квятковский (там же, л. 19).
- Об обстоятельствах окончания своей карьеры в Полтаве Волнин пишет в неопубликованном отрывке воспоминаний: «В 1917 г., после февральской революции, слушатели института прислали почтой 'прохання в педагогічну раду Полтавського учительського інституту'. В ней они возбуждали вопрос 'об українізації Полтавського учительського інституту с наступного учебного року позмозі повно'. Для нас, как русских уроженцев, не владевших 'української мовой', это означало, что мы не можем продолжать работу в украинизованном институте и должны уйти из него, что мы и сделали в скором времени, к началу нового учебного года. [...] За две последние встречи с ним [18 февраля и 29 марта 1939 г. Макаренко выступил на совещаниях учителей Ярославской железной дороги – Г.Х.] мы как-то не успели разговориться настолько, чтобы коснуться этого момента. Но я знаю из беседы А.С. с одним моим товарищем по школе, что он называл его неприятным для меня моментом в жизни, чем и на самом деле был для меня уход из Полтавы уже потому, что заставил меня распродать своё имущество и решиться на переезд с детьми в далёкий Новосибирск в чрезвычайно тяжёлых условиях железнодорожного передвижения в то время.» (ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.455, л.8).
16. Факсимиле в: М.П. Ніжинський, Життя і педагогічна діяльність А.С. Макаренка, вид. 2-е, Київ, 1967, с.22.
17. См. доклад М. Быблюка на 2-ом Марбургском совещании.
18. М.П. Ніжинський, указ. соч., сс.26, 37.
19. Личный архив Ф.И. Науменко, Львов.
20. Н.П. Нежинский, А.С. Макаренко и педагогика школы, Киев, 1976, с.17.
21. М.П. Ніжинський, указ. соч., с.38.
22. В анкете Макаренко от сентября 1924 г. (см. прим.3) содержатся следующие данные относительно его принадлежности к профсоюзам: «Членом какого союза зарегистрирован: Робос», «С какого времени: 1920 г.», «№ членского билета: 882».
23. Кодекс законов о народном просвещении УССР, в: Собрание узаконений и распоряжений Рабочеекрестьянского правительства Украины, 1922, 49. Введение: основные положения, §§ 23, 25.
24. Там же, 1924, 29, сс. 896–900 (здесь: с.896), 913–919 (здесь: сс. 913–914).
25. ЦГАОР, ф.166, оп.4, ед. хр.912, л.331.
26. Соответствующее дело Охраны детства сохранилось (ЦГАОР, ф.166, оп.4, ед. хр.912), в нём нет никакого ответа из колонии им. Горького.
27. ЦГАОР, ф.166, оп.4, ед. хр.912, л.229.
28. Во время «украинизации» делопроизводства колонии Макаренко датировал также одно из своих любовных писем к О.П. Ракович на украинском языке: «3 жовтня 1924 р.» (3 октября 1924 г.), Учительская газета, 32, 13.3., 1986, с.4. Отдельные письма в Наркомпрос, отправленные до августа 1924 г., Макаренко, очевидно, зная о решениях Украинского правительства, уже написал на украинском языке.
29. ЦГАОР, ф.166, оп.4, ед. хр.937, лл.49–50.

30. 25.10.1924 г. Быковец представил в коллегию соцвеса Наркомпроса УССР докладную записку о реорганизации Полтавской трудовой колонии им. Горького, в которой он частично дословно заимствовал аргументацию Макаренко (ЦГАОР, ф.166, оп.4, ед. хр. 937, л.57).
31. ГАОР, ф.166, оп.6, ед.хр.1823; факсимиле в: Nach Char'kov oder nach Zaporoz'e?, Marburg, 1985, ss.XV–XVIII; публикация в: Пед. соч., 1, сс.40–44.
32. М. Биковець, «День в трудовій колонії. (В Полтавській трудколонії. ім. М. Горького)», Народний учитель, 45, 1925, с.4; факсимиле в кн.: Makarenko-Materiatien IV: Ucrainica, Marburg, 1982, сс.7–8.
33. Хотя ГПУ было организовано на республиканском уровне, всё же обиходным языком этого учреждения был русский. Также и переписка ГПУ Украины как организации, представлявшей коммуны им. Дзержинского, с Наркомпросом этой республики велась по-русски.
34. В настоящее время известны следующие публикации А.С. Макаренко из периода 1925–1932 г.г. на украинском языке: Макарен., «Через працю й самоорганізацію – до нового життя», Робітник освіти, 34, 1925, сс.53–57; Н. Ф. і А. М., На велетенському фронті. Досвід радгоспу, № 3, Харків, 1930; Г.С. Салько, Безпритульність та боротьба з нею, Харків – Київ, 1931; Макаренко, «Комуна ім.. Ф.Е. Дзержинського», Комуністична освіта, 10, 1932, сс.135–139.
35. Пед. соч., 1, сс.234, 238. К слову «украинизация» приводится в комментарии (с.361) следующее, весьма недостаточное, скорее маскирующее истину, примечание: «Речь идёт о расширении преподавания в школах УССР на украинском языке. В колонии им. М. Горького обучение велось на русском языке» .
36. Пед. соч., 2, с.66.
37. ЦГАЛИ, ф.613, оп.1, ед. хр.871, л.28; публикация: Moskau, Oktober 1936, Marburg, 1987, с.49.
38. Харьковский гос. областной архив, ф. Р 858, оп.2, ед. хр.6. лл.107–110 (здесь: л.109).
39. Вісти ВУЦВК, 207, 1928, с.5.
40. Пед. соч., 1, с.249.
41. Т.Д. Татаринов и Г.С. Макаренко, «Школа в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского», ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.495, лл.12–13. (За эту ссылку благодарю С.С. Невскую).
42. В.И. Коломийцев (бывший коммунар-дзержинец) в беседе с автором. Напротив, бывший воспитанник колонии и коммуны Н.В. Назаренко переносит этот случай в своих неопубликованных воспоминаниях, вероятно ошибочно, в колонию им. Горького и датирует его «во второй половине 1927 года» (Архив лаборатории А.С. Макаренко в Марбурге).
43. М.О. Скрипник, «Дзержинська путьовка», Політехнічна школа, 3, 1933, сс.20–32; факсимиле в: Makarenko-Materialien IV, указ. соч., сс.215–227.
44. В беседе с польским макаренковедом А. Левиным.
45. М. Горький, Собрание сочинений, Москва, 1956, 30, сс.357–358; см. Пед. соч., 1, сс.259–260. (Горький ошибочно пишет «скрипниковское»).
46. Подобное «имперское» отношение к национальному вопросу явствует также из следующих слов московского журналиста Б. Волкова: в очерке «Марш 30 года» «под именем Соломона Борисовича Левинсона с присущей писателю мягкой южнорусской иронией изображён заведующий производством [...] С.Б. Коган», Учительская газета, 19, 1987, с.3.
47. А. Гальченко, Мажор, Москва, 1935, например, с.12: «Знаете что? К чорту. Где эти расчёты? Модуль один насчитали? Русская работа! На каждом шагу русская работа!»; с.23: «Не люблю заниматься пустяками. Если его [неквалифицированного механика – , Г. Х.] выгонять, то три четверти России нужно выгнать куда-нибудь подальше»; с.24: «Вы невежливы чисто по-русски.»; с.32: «А почему станки стоят на дворе и упаковка сорвана? – Почему? Русская работа, молодой человек. – Русская? Станки эти заграничные. – Они были заграничные, пока не перешли границы. А теперь они попали в наши лапы, и мы их переделываем на свой лад: вскрыли упаковку и оставили под открытым небом. Вот это и есть русская работа, молодой человек. Понимаете?»; с.53: «Получится полный ассортимент: головотяпство, лень, чудеса и попы. Попы определённо ответственны. Стиль будет выдержан. – Верно, это стиль. И как он называется? – Обыкновенно так: русский стиль. [...] Кражи тоже соответствуют: русский стиль.»; с.54: «Российская ухватка в Тулу к мастерам ездить»; с.55: «Александр Осипович, простите меня, старика, но такие болезни существуют только у русских. В Европе давно нет холеры, сыпного тифа, болезней роста и этих самых детских болезней.»; с.82: «Хорошо, товарищ Воргунов? – Да, это по-нашему: всё горит, никаких инструментов, шипит, гремит, валится, а они руками, голыми руками. Это всё-таки картина национальная. – Да ведь и вы с ними. – Да ведь и я такой же. Для нас, сволочей, пожар первое дело.»; с.96: «Старый российский мерзостный быт»; с.102: «Согласитесь, Пётр Петрович, это новая культура. – Пожалуй, новая. Только не русская.»; с.113: «[...] я сам эту российскую интеллигентщину не выношу.». Факсимиле в: А. Makarenko, Gesammelte Werke, Marburger Ausgabe, 7, Ravensburg, 1976, сс. 69, 80, 81, 89, 110, 111, 112, 139, 153, 159, 170. (Эти места во всех собраниях произведений Макаренко, предпринятых АПН, исключены или сокращены).
48. А. Макаренко, Педагогическая поэма [часть 1-ая], Москва, 1934, с. 218; факсимиле в: А. Makarenko, Gesammelte Werke, Marburger Ausgabe, 3, Stuttgart, 1982, с.218; также в: Пед. соч., 3, с.460.
49. См., например, письмо Макаренко из Москвы О.П. Ракович от 17.2.1925; М.П. Ніжинський, указ. соч., с.91.
50. ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.145, л.32..
51. А.С. Макаренко, [10], Львов, 1978, с.136.
52. Письмо Макаренко к Горькому от 5.10.1932 г., А.С. Макаренко, Собрание сочинений в пяти томах, Москва, 1971, 5, с. 446.
53. Пед. соч., I, с. 264.
54. Архив лаборатории А.С. Макаренко, Марбург.
55. Літературна газета, 24, 1936, с. 4.
56. L. Pecha, указ. соч., с.57.

57. Литературный критик, 5, 1938, сс.151–166; Правда, 155, 1938, с.4; Литературная газета, 37, 1938, с.3.
58. ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.186, л.24; публикация: G. Hillig, Sankt Makarenko, Marburg, 1984, сс.115–116. В Пед. соч., 4, с.328, опущено.
59. ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.186, л.51; G. Hillig, указ. соч., с.134. По не совсем понятным мне причинам при напечатании этого доклада в новом издании Пед. соч. шутивное замечание о происхождении Макаренко было опущено, в то время, как высказывание о пьянстве не вызвало возражений и было впервые опубликовано (4, с.134). Последнее тем более удивительно, что во всех предыдущих изданиях произведений Макаренко, предпринятых АПН, подобные высказывания, в которых речь идёт об алкоголе и алкоголизме, принципиально опускались – очевидно, в целях народного воспитания. Также и в Педагогических сочинениях в первых включённых текстах можно найти соответствующие изъятия.
- Так, например, в письме к другу от 11.1.1939 г., в котором Макаренко (живя теперь уже два года в Москве) называет себя столичным жителем: «Мы, столичные, любим, когда к нам приезжают провинциалы», – не достаёт следующего предложения: «Хорошо было бы с тобой за рюмкой водки поговорить о богатстве жизни.» (Пед. соч., 8, с.111; см. ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.263).
60. Архив лаборатории А.С. Макаренко.
61. А. Ведмицкий, «В Полтавском учительском институте. (Отрывки из воспоминаний об А.С. Макаренко)», в: А.С. Макаренко, 3, Львов, 1956, сс.128–131 (здесь: с.129).
62. См. О. Лотоцкий, Сторінки минулого, ч.3, Варшава, 1934, сс.104–105. (Указанием на этот источник я обязан проф. Г. Васковичу, Мюнхен); см. также: А. Потоцкий, «Народное образование на украинском юге», Летопись, 10, 1916, сс. 252–268 (здесь: с.265).
63. В. Макаренко, указ. соч., с. 155.
64. В.Н. Тарасов, «В Полтавском учительском институте. (Из воспоминаний об А.С. Макаренко)», Известия АПН РСФСР, Москва, 38, 1952, сс.143–150 (здесь: с.149).
65. В. Макаренко, указ. соч., с.49.
66. Там же, с.155.
67. Там же, с.79.
68. Л. Печка, указ. соч., с.57.
69. Пед. соч., 3, с.460.
70. А. Макаренко, Педагогическая поэма [часть 1-ая], указ. соч., сс. 157, 193, 194, 204. Ещё одно подобное замечание о украинцах было опущено в издании частей 1 и 2 (Москва, 1935, с. 259): «[...] не было в них (комсомольцах паровозных мастерских – Г. Х.) ничего, напоминающего размазную деревенского чернозёмного разговора [...]».
71. М. Боначер, «Антипедагогическая поэма», Книга и пролетарская революция, 3, 1935, сс.62–64 (здесь: с.62).
72. Вестник Ленинградского университета, 12, 1954, сс.87–105 (здесь: с.94).
73. Н.А. Вакуленко, «Украинизмы в Педагогической поэме А. С. Макаренко», в кн.: А.С. Макаренко и Полтавщина. Тезисы докладов и сообщений областной научно-практической конференции, Полтава, 1986, сс.125–126.
74. Например: колони́стская (вместо: колони́йская) жизнь, вся колони́стская (колони́йская) масса, наша колони́стская (колони́йская) бедность, колони́стский (колони́йский) коллектив, имущество колони́и (колони́йское имущество), дорога к колони́и (колони́йская дорога), вся общественность колони́и (вся колони́йская общественность).
75. Точные библиографические данные содержатся в следующих работах автора: G. Hillig, «A.S. Makarenko, Pedagogisches Poema. Teil 1: Eine textologische Untersuchung», в кн.: *Studia Slavica. Beiträge zum VIII. Internationalen Slawistenkongress in Zagreb 1978*. Hrsg. v. H.-B. Harder u. B.E. Scholz, Giessen, 1981, сс.267–315 (здесь: сс.280–281); G. Hillig, «Gor'kij's Korrekturen am Pädagogischen Poem», в кн.: *Suche nach Identität. Isabella Rüttenauer zum 75. Geburtstag*, Hrsg. v. A. u. F.W. Busch, Oldenburg, 1984, сс.161–196 (здесь: сс.166–168).
76. В.С. Макаренко, которого спросили об этом регионализме, ответил в письме в Лабораторию А.С. Макаренко: «Хлеб у нас, как и во всей России, назывался: 'чёрный' и 'белый'. Никаких 'житных' и 'ржаных'». В. Макаренко, указ. соч., сс.155–156.
77. Некоторые из этих украинизмов (№№ 1, 4, 5, 6) представлены в комментариях нового издания Пед. соч. А.С. Макаренко.
78. Это относится, несомненно, также и к вышедшей в 1931 г. брошюре Безпритульність..., указ. соч. Ф.И. Науменко, высказывающий теперь в своём докладе на 2-ом Марбургском совещании мнение, что Макаренко достаточно хорошо владел украинским языком, чтобы писать эту брошюру сразу по-украински, сначала (в своём письме автору от 16.12.1977) согласился с опубликованным автором и И. Виль тезисом, что Макаренко написал текст по-русски, который потом был переведён редактором издательства на украинский язык.
79. ЦГАОР, ф.2717, оп.1, ед. хр.157, лл.1–7.
80. Последующее языковое исследование было проведено совместно с д-р Ирене Виль (Марбург).
81. После окончания этой работы стало известно, что Макаренко также и в анкете, заполненной им в 1935 г., т.е. в начале своей деятельности в НКВД УССР, в графе «национальность» написал: украинец (Архив МВД УССР, Киев. Личный отдел А.С. Макаренко).

PS. * Вышеназванное письмо Макаренко было обнаружено в 1982 г. работниками архива Октябрьской революции УССР в связи с подготовкой командировки автора в архив. Летом 1988 г. он послал экземпляр рукописи данной работы в Киев директору НИИ

педагогики УССР, действительному члену АПН СССР Н.Д. Ярмаченко для рассмотрения её и возможной публикации в журнале Радянська школа на украинском языке. Предполагается, что именно таким образом киевский учёный узнал о существовании этого архивного материала.

В 1989 году в № 1 (сс.87–91) упомянутого журнала за подписью Ярмаченко появился «с незначительной литературной правкой» полный текст этого письма. О том, как ему удалось узнать о существовании документа, автор стыдливо умолчал...

После ознакомления с этой публикацией я проанализировал ещё раз письмо Макаренко вместе с Юрием Токаревым (Горький). В ходе анализа нам удалось доказать наличие дополнительных русицизмов в данном тексте:

1. з приводу (л.1; см. рус. по поводу) вместо з нагоди; 2. доклад (л.1; рус. доклад) вместо доповідь; 3. бувший (л.1, 1 об., 7; рус. бывший) вместо колишній; 4. розхищатися (л.1; от рус. расхищаться) вместо розкрадатися; 5. і інші (л.1, 6 об.; см. рус. и другие) вместо та інші; 6. приходиться (л.1, 4, 4 об., 5, 6; от рус. приходится) вместо доводиться; 7. первий (л.1; рус. первый) вместо перший; 8. котрий (л.1, 1 об., 3, 3 об.; рус. который) вместо котрий, який; 9. удаватися (л.1, 2, 2 об., 3 об.; от рус. уdatься) вместо вдаватися; 10. тільки (л.1, 1 об., 2, 3, 4, 4 об., 5 об., 6, 6 об.; от рус. только) вместо тільки; 11. дальніший (л.1 об.; от рус. дальнейший) вместо подальший; 12. ЦК ПД (л.1, 1 об.; от рус. ЦК ПД [Центральная комиссия помощи детям]) вместо ЦК ДД [Центральна комісія допомоги дітям]; 13. игнорувати (л.2; от рус. игнорировать) вместо ігнорувати; 14. трудно (л.2, 3, 3 об., 4; рус. трудно) вместо важко; 15. у порядку толкування і розвитку основних принципів соцвиху (л.2 об.; см. рус. в порядке) вместо у процесі...; 16. рішити (л.3 ; от рус. решить) вместо вирішити; 17. производний (л.3 ; рус. производный) вместо похідний; 18. отнюдь (л.3; рус. отнюдь) вместо у жодному разі; 19. задача (л.3; рус. задача) вместо заедання; 20. легше, полегчиться (л.3, 4; см. рус. легче) вместо легше, полегшитися; 21. по прежнему (л.3 об.; от рус. по-прежнему) вместо як і раніше; 22. вмісті (л.3 об.; от рус. вместе) вместо разом; 23. це тим паче (л.3 об.; от рус. тем паче) вместо це тим більш; 24. обстоїть (л.4; рус. обстоит) вместо є; 25. теперешній (л.4; рус. теперешний) вместо теперішній; 26. пристроїти (л.4; от рус. пристроить) вместо влаштувати; 27. женитьба (л.4; рус. женитьба) вместо одруження; 28. хазяйство (л.4 об., 5, 5 об., 6; от рус. хозяйство) вместо господарство; 29. участок (л.4 об., 6 об.; рус. участок) вместо ділянка; 30. десятка два, десятка три (л.5; рус. десятка два, десятка три) вместо десятків два, десятків три; 31. положити (л.5; от рус. положить) вместо накласти; 32. скільки (л.5; от рус. сколько) вместо скільки; 33. самий примітивний (л.5 об.; рус. самый примитивный) вместо найпримітивніший; 34. в нашім живим і мертвим інвентарі (л.5 об.; от рус. в нашем живом и мёртвом инвентаре) вместо в нашому живому і мертвому інвентарі; 35. чотири (л.5 об.; рус. четыре) вместо чотири; 36. по багатьом причинам (л.5 об.; см. рус. по многим причинам, богатый) вместо з багатьох причин; 37. хронический (л.5 об.; рус. хронический) вместо хронічний; 38. головніший (л.6; от рус. главнейший) вместо найголовніший; 39. по параграфам (л.6 об.; рус. по параграфам) вместо за параграфами; 40. покончити (л.6 об.; от рус. покончить) вместо покінчити; 41. патронірування (л.6 об.; от рус. патронирование) вместо патронування; 42. ближайший (л.6 об.; рус. ближайший) вместо найближчий.

Анализ этого текста доказывает, что украинский язык не был для Макаренко языком повседневного употребления; к тому времени (1925 г.) он овладел им в степени, соответствующей его способностям и образованию, но владел не так как родным; о недостаточном знании украинского языка свидетельствует фраза из письма Макаренко от 6 мая 1937 г. бывшему воспитаннику А.С. Сватко, который послал ему украинские стихи: «Жаль, что у тебя лучше выходит по-украински и я мало чем могу тебе помочь». (Пед. соч., 8, с. 71).

К вопросу национального самосознания А.С. Макаренко / Гётц Хиллиг // Cahiers du Monde russe et soviétique. – 1989. – Nr. 1–2. – С. 137–158.

УПУЩЕННЫЙ ШАНС

К статье «Уроки Марбурга» в «Учительской газете»

«Учительская газета» в № 58 от 16.05 с. г. опубликовала статью своего спецкора – В.В. Кумарина, доктора педагогических наук, зав. лабораторией НИИ общих проблем воспитания АПН СССР, о ходе международного симпозиума, организованного лабораторией по изучению жизни и творчества А.С. Макаренко при Марбургском университете. Статья информирует читателей лишь о личных впечатлениях автора, а не об атмосфере делового сотрудничества, не о научных и общественно-политических результатах нашей встречи.

Автор этих строк последовательно предлагал редакции «Учительской газеты» три различные статьи с дополнениями к опущенным В.В. Кумариным ключевым моментам симпозиума и исправлениями искажений хода дискуссий, но редакция трижды отклоняла публикацию. Поэтому хочу обратиться к советской педагогической общественности с другой трибуны.

Почему-то В.В. Кумарин упускает в своей статье тот факт, что на этом, шестом по счёту, организованном с 1966 года Марбургской лабораторией международном симпозиуме, впервые учёные СССР и ГДР, а именно в составе официальных делегаций своих стран, сели за стол с коллегами Запада. После почти 30 лет разделения и взаимной враждебности, собравшиеся в Марбурге учёные взяли курс на соединение своих усилий. А ведь это очень отрадное изменение в деле расширения международных контактов, ставшее возможным на фоне развития нового мышления на родине А.С. Макаренко.

В Марбурге собрались почти все видные макаренковеды мира и в атмосфере делового сотрудничества четыре дня обсуждали предметы, объединяющие этих исследователей: Антон Семёнович Макаренко, который давно и за пределами СССР считается одним из классиков педагогики, и его воспитательная система. Но, со слов Кумарина, у читателя статьи могло бы создаться впечатление, что «недостаточно компетентные участники симпозиума» в «комфортабельном отеле» предавались праздным околонаучным спорам.

На симпозиуме наметилась тенденция рассматривать А.С. Макаренко не как советского эндемика, а как составную часть мирового интеллектуального процесса. В частности, М. Быблюк (г. Торунь, ПНР) рассказал об опыте дореволюционной России в области перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей: там в последние предреволюционные годы в исправительно-воспитательных учреждениях проводилась работа, подобная той, которую мы знаем по макаренковской колонии. В тогдашних публикациях при этом ссылаются на практику немецких так называемых «сельских воспитательных домов» (основатели – Герман Литц, Густав Винекен и др.), на которую ориентировались русские учреждения. В.В. Кумарин в своей статье противоречит Быблюку, не называя его имени, хотя сам Кумарин в 1988 году, во время своих лекций в университетах ФРГ, выступая перед студентами и профессорами, указывал на поразительные соответствия между педагогическими взглядами Макаренко и Литца.

Искажая замечание Л. Фрёзе (г. Марбург) о командировке отца Макаренко в Германию, В.В. Кумарин пишет: «Дотошные исследователи установили даже, что отец Антона Семёновича жил некоторое время в Германии, где обучался профессии маляра. Не отсюда ли, мол, и атмосфера, в которой рос будущий классик советской и мировой педагогики: чрезмерно строгий распорядок, культ труда, требовательность, дисциплина? Через личность Антона Семёновича всё это могло отразиться и на его воспитательной системе». Хочется лишить сенсационности это заявление: С.Г. Макаренко не жил и не учился в Германии, а по поручению администрации Южных железных дорог в составе делегации специалистов ездил в 1912 году в Берлин и Ганновер для закупки стали и красок. К моменту этой командировки Семён Григорьевич уже был мастером и руководителем малярного отдела в одной из мастерских по ремонту железнодорожных вагонов. Вполне вероятно, что названные Кумариным «немецкие добродетели» Антона Семёновича являются просто-напросто результатом привычки всей семьи жить по жёсткому железнодорожному расписанию.

О командировке С.Г. Макаренко исследователи узнали от Виталия Семёновича – родного брата педагога. Этого свидетеля сотрудники Марбургской лаборатории разыскали в 1970 году во Франции, где он жил с 1925 года. В.С. Макаренко, бывший офицер царской армии, летом 1919 года присоединился к белым, а в 1920 году покинул родину. Именно поэтому в советском макаренковедении до юбилейного (1988) года отсутствовали какие-либо упоминания о брате А.С. Макаренко. На симпозиуме педагогическому обществу впервые был показан документальный фильм о коллоквиуме с участием В.С. Макаренко, снятый в 1971 году. Об этом событии, одном из кульминационных моментов встречи, Кумарин не сказал ни слова.

Украинский макаренковед Н.Н. Окса (г. Мелитополь) в рамках своего выступления в соавторстве с Ф.И. Науменко (г. Львов) на тему «Кто и почему ликвидировал коммуны имени Ф.Э. Дзержинского?» информировал о доносе на Макаренко, который хранится в архиве МВД УССР в личном деле педагога. По этому доносу партийной организации коммуны им. Ф.Э. Дзержинского в сентябре 1936 года, т.е. непосредственно после первого московского показательного процесса, Макаренко был обвинён в «контрреволюционных», «антисоветских» высказываниях и с этим косвенно в «троцкизме». Из досье следует, что только вмешательство наркома внутренних дел В.А. Балицкого спасло Макаренко от увольнения с работы, ареста и, возможно, расстрела... Не сообщая читателям о содержании этого документа, Кумарин поносит Н.Н. Оксу: обвинением звучит вопрос «кто и как мог проникнуть в архив и снять с него (доноса – Г. Х.) копию?». Но на этот вопрос можно дать простой ответ: Окса использовал легально полученные материалы – ему удалось обнаружить копию данного документа в наследии известного советского макаренковеда Н.П. Нежинского.

Между прочим, В.В. Кумарин плодотворно поработал на нашей встрече: был председателем на одном из заседаний, с готовностью переводил с немецкого на русский и с русского на немецкий, кроме того, он великолепно информирован обо всех наших международных инициативах и научных публикациях, и уже несколько раз писал о «марбуржцах» в «Учительской газете». Всё это создавало хорошие предпосылки для написания объективного отчёта о симпозиуме, значение которого, без сомнения, выходит за рамки чисто научного события. К сожалению, такой исключительный шанс не был использован.

Гётц ХИЛЛИГ.

Лаборатория А.С. Макаренко при Марбургском университете (ФРГ).

Упущенный шанс. К статье «Уроки Марбурга» в «Учительской газете» [16.05.1989] / Гётц Хиллиг // Учитель Узбекистана (Ташкент). – 1989. – № 74, 16.09. – С. 3.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ А. С. МАКАРЕНКО

Беседа

Г. Хиллига с В. В. Кумариным

(Марбург,
2 ноября 1988 г.)

1959-й год был самым счастливым в моей жизни. Он принёс мне знакомство с Вами и счастливую возможность быть Вашим учеником. (Из новогодней открытки В.В. Кумарина к Г.С. Макаренко, 31.12.1959 г.; ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.882, л.15)

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий 10-ый номер серии "Опускула Макаренкиана" содержит воспроизведение беседы, которую я вёл 2 ноября 1988 года с В.В. Кумариным. Из наших более ранних разговоров мне было уже известно, что он некоторое время имел возможность работать вместе со вдовой Макаренко Галиной Стахивной. Кроме того, он встречался со многими людьми, знавшими Макаренко, которые делились с ним своими воспоминаниями.

Чтобы вся эта масса сведений попала в распоряжение макаренковедов, мы решили записать наш разговор по этому поводу на магнитофон. Эту беседу мы проводили с Кумариным прошлой осенью в последний день его пребывания в ФРГ.

Разговор вёлся по-немецки. Отчёт беседы был отпечатан и на машинке на немецком языке, а в Москве по распоряжению Кумарина он был переведён на русский язык. При просмотре записи этого разговора, Валентин Васильевич сделал ещё и некоторые уточнения и дополнения. В подготовке русского варианта к печати принимали участие Юрий Токарев (Горький), Светлана Четвертная (Москва) и Элла Шиллер (Марбург).

Окончательный русский вариант я в конце концов отослал Олимпиаде Витальевне Макаренко (племяннице Антона Семёновича) и Татьяне Львовне Лебедевой (внучке Галины Стахивны). Их комментарии и отдельные мои пояснения воспроизведены здесь в форме примечаний.

Результат совместной работы макаренковедов из Москвы и Марбурга может вызвать интерес не только специалистов, но и других заинтересованных в более обширных знаниях о Макаренко и его времени людей.

Г.Х.

Марбург, декабрь 1989 г.

Х: Валентин, для начала я хотел бы попросить тебя, чтобы ты ещё раз рассказал, как ты познакомился с Галиной Стахивной Макаренко, а, пожалуй, точнее, как она с тобой познакомилась после того, как ты стал известным широкой общественности благодаря своей педагогической практике.

К: Ну, я тебе уже рассказывал, что Галина Стахивна сама меня нашла в то время, когда я был директором детского дома во Владимирской области, в деревне Уварово (11 км от Владимира). Там я работал с трудными детьми. Впервые в истории нашей педагогики я попытался тогда применить технологию воспитания, которую разработал Макаренко, по формуле 1:1, то есть без всяких изменений, путём прямого переноса, "слепого" копирования, как я обычно говорю. Через полгода мы имели настолько хорошие результаты, что о нас узнали не только во Владимире, но и в Москве. К нам приехала корреспондентка журнала "Работница" Наталья Морозова. Она написала очерк для всесоюзного радио. Галина Стахивна случайно услышала эту передачу. Через некоторое время я получил от неё письмо с приглашением в Москву, в Болшево, где находилась и до сих пор находится её дача. Я приехал. Там мы и познакомились. Она была в восторге от нашей работы в детском доме и направила к нам очень нужное подкрепление: сначала дочь

бывшего воспитанника Макаренко В.Козыря Инну Козырь, девушку лет двадцати, а затем Елену Калабалину, дочь самого Семёна Афанасьевича Калабалина (в "Педагогической поэме" Семён Карабанов). Спустя ещё какое-то время она пригласила меня ещё раз в Москву и прямо сказала: "Ну, хорошо, Валентин Васильевич, такой детский дом, какой был у Антона Семёновича, Вы создать можете, но мне кажется (это её слова), это дело не следует продолжать – надёжные практические результаты Вы получите в лучшем случае через несколько лет, между тем сегодня перед нами более трудная задача – глубже изучать и шире распространить теорию Макаренко. Наши учебники педагогики в самой своей основе антимакаренковские. У Вас несомненный талант журналиста. Возможно, именно Вы со временем и напишите учебник на основе принципов и открытий Антона Семёновича".

Х: Ты один или вместе с ней?

К: Она имела в виду только меня, была уверена, что я в состоянии справиться с этой задачей.

Х: Это было, если мне не изменяет память, в 1959 году?

К: Верно, в самом начале 1959 года. Галина Стахивна предложила мне оставить детский дом и переселиться к ней на дачу, чтобы там разобрать и систематизировать личный архив Антона Семёновича. Это были свыше ста папок, набитые рукописями Антона Семёновича. Они стояли, как солдаты в строю, на двух нижних полках огромного серванта. Открыв двери шкафа, Галина Стахивна сказала не без торжественности, словно посвящала меня в рыцари: "Валентин Васильевич, это большая честь: только Антон Семёнович и я держали в руках эти материалы, только мы двое. Вы – третий". Я, конечно, был сильно смущён, взволнован, и про себя тогда же дал клятву: ни при каких обстоятельствах не поступаться великой правдой Макаренко.

Х: Это приглашение работать на даче – оно предусматривало также и какое-то, скажем так, обеспечение в экономическом отношении?

К: Конечно. Она подыскала для меня место учителя немецкого языка в одной школе совсем недалеко от дачи. Собственно говоря, это было своеобразное прикрытие, поскольку главное внимание я, конечно, уделял работе с архивом.

За мной персонально присматривал врач. Если я хотел, для меня готовилась отдельная пища, я мог в любое время распорядиться шофёром и автомашиной. Как видишь, у меня было всё, что нужно для плодотворной работы. Жил я на втором этаже. Там были две комнаты. В одной располагалась моя спальня, в другой находился кабинет.

Х: Галина Стахивна в это время тоже жила на даче, или ты жил там один?

К: Нет, она всё время жила на даче.

Х: И вы там вместе питались, вместе работали, слушали радио, все вместе?

К: Конечно. Она, правда, страдала бессонницей и днём часто спала, но ночью могла понемногу трудиться. Если я не слишком рано уходил к себе, мы кое-что делали вместе, в первую очередь разбирались в содержании записных книжек. Их было, по-моему, десять.

Х: Говорят, их было 12, так значит в одной публикации.¹

К: Я помню 10, но, возможно, их было 12. Кое-что мы оттуда выбрали для "Учёных записок" Орехово-Зуевского пединститута (Труды института. Москва, 1960 г.). Это была первая публикация из записных книжек Антона Семёновича.

Х: Ты отбирал, что можно публиковать?

К: Да. Она отдала в моё распоряжение все эти книги и поручила мне отобрать то, что в то время было можно предать гласности. Я сделал подборку и она появилась в печати.

Х: Ещё один формальный вопрос в связи с записными книжками. Они были разного формата?

К: Почти одинаковые. Примерно такие: 15 см в длину и 7–8 см в ширину (поперечный формат).

Х: Они были покупные или специально изготовленные?

К: Все были покупные, готовые записные книжки.

Х: Я знаю только копии записей из этих книжек и они имеют нумерацию.

К: Это действительно так. Каждую законченную запись Антон Семёнович обозначал номером.

Х: Тогда я хочу спросить: это была четырёхзначная нумерация, она исчисляется тысячами?

К: Свыше тысячи.

Х: Нумерация принадлежит самому Антону Семёновичу. Это важная информация...

К: Многие номера взяты в кружок, обведены кружком...

Х: ... номера, обведённые кружком...

К: Да, да.

Х: У меня пара примеров – ксерокопии тех машинописных копий, которые сегодня на даче Галины Стахивны хранит её внучка Татьяна Львовна. Речь идёт о подборке, в которой каждая папка имеет номер: "Записная книжка № 6", и затем следует нумерация: 501–658, но не все номера в наличии, имеются пробелы. А на полях сделаны рукописные дополнения Г.С. Макаренко: "к биографии", "литературные" и т.д. Эти машинописные копии были изготовлены при тебе или позже? Вот здесь, например, написано рукой Галины Стахивны: "три экземпляра из № 6".

К: Она распорядилась всё это сделать после того, как я изучил записные книжки, то есть при мне.

Х: Там тоже есть сноски, написанные рукой Галины Стахивны. В них поясняется, кто были эти люди, упоминавшиеся в записных книжках...

К: Это действительно так. Комментарии писала она: имена, названия мест и т.п. – всё это поясняла она.

Х: О судьбе записных книжек до сих пор ничего не известно. Об этом мы с тобой говорили и прежде. Теперь снова к этой теме: в отличие от огромного большинства находившихся на даче материалов ("Архив А.С. Макаренко"), записные книжки после смерти Галины Стахивны (в 1962 году) не были включены в макаренковский фонд ЦГАЛИ. Но мы ведь оба надеемся, что они не были уничтожены...

К: Ни в коем случае. Зачем их было уничтожать? Но вот где они хранятся, это на самом деле "тайна", "педагогическая тайна" (смеётся).

Х: Возможно, они всё ещё находятся в доме, на даче, где-нибудь спрятаны? Или это исключено?

К: В принципе допустима любая версия, в том числе и эта.

Х: Тогда ещё один вопрос о материалах на даче. Ты мне рассказывал, что Галина Стахивна ещё до того, как вы познакомились, возможно, уничтожила часть материалов, имевших, так сказать, слишком деликатный или личный характер...

К: Может быть, ты неправильно понял меня?

Х: Я имею в виду конкретный факт, судьбу переписки между Антоном Семёновичем и Галиной Стахивной. В ЦГАЛИ хранятся сегодня только её письма к Антону Семёновичу. Его писем к ней нет.

К: И я обратил на это внимание. Но Галина Стахивна ещё тогда объяснила мне, что письма Антона Семёновича потерялись во время эвакуации его архива из Москвы в Куйбышев...

Х: ... во время войны, осенью 1941 года, Галина Стахивна была эвакуирована в Куйбышев, она взяла с собой и архив...

К: Это было действительно так.

Х: А тебе не кажется, что следующее вполне возможно: Галина Стахивна, боясь скомпрометировать мужа, сама уничтожила его письма?

К: В это трудно поверить. Тогда были бы уничтожены и записные книжки, но они уцелели...

Х: ... ты имеешь в виду те записные книжки годов 1927–1939, о которых мы говорили. Но когда ты пребывал на даче, ранних книжек там уже не было.²

К: Возможно, мы ещё встретимся с письмами Антона Семёновича к жене. Вообще меня удивляет крайняя скудность его эпистолярного наследия. Что-то здесь не так.³

Х: Но письма Галины Стахивны к Антону Семёновичу находятся в ЦГАЛИ, их не выдают под предлогом "особой интимности" их содержания.

К: К сожалению, это так.

Х: Ты читал эти письма?

К: Нет. Мне было не только неловко просить об этом, но и невозможно – я не мог позволить себе бесцеремонно вторгнуться в большую любовь великих людей...

Х: Ещё вопрос, по поводу другого документа, который опубликован в 1-м томе "Сочинений", а также в 3-м томе "Педагогических сочинений" в изменённом изложении: "Типы и прототипы персонажей 'Педагогической поэмы'". В ЦГАЛИ хранится только машинописная копия, Н.А. Морозова и Н.П. Нежинский сообщают в своих кандидатских диссертациях, что отдельные портреты этих персонажей в оригинале имели другой вид. Был ли в твоих руках оригинал или ты не обратил на него внимания?

К: На это я не обратил внимания, для меня это не имело значения. Я видел лишь, что это "изложение" сделано рукой Антона Семёновича. То же можно сказать и об опубликованной версии. Я хорошо изучил его манеру, стиль. Материал "Типы и прототипы" был отпечатан на машинке самим Антоном Семёновичем. Этот материал хранился вместе с "сюжетными картами", как я их называл: такие листы большого формата, на которых разноцветными карандашами изображён план сюжета: такой-то персонаж встречается с другим персонажем в 5-й, 9-й, 12-й главах "Педагогической поэмы". И всё остальное в таком же духе. Очень сложная схема, но очень наглядная.

Х: Этот дополнительный материал я тоже видел в ЦГАЛИ. Это большие листы, на которых рукой Макаренко изображены сюжетные схемы. Там указываются и персонажи, которые не вошли в "Поэму". Например, Бройтман...

К: Да, да. Это были подготовительные материалы и все они хранились в отдельной папке.

Х: Ещё один источниковый вопрос: "Методика организации воспитательного процесса". В ЦГАЛИ нет оригинала этой работы. В своё время я спрашивал В.Е. Гмурмана, по какому источнику эта работа была включена в 5-й том "Сочинений". Он ответил: по русскоязычной брошюре, которая была напечатана в 1936 году для внутреннего служебного пользования в учреждениях НКВД Украины. Такая же версия и в 1-м томе "Педагогических сочинений". Но брошюры нет в библиотеках, она не значится в перечнях советских книг того времени ("Літопис друку. Книги", "Книжная летопись"). Тебе известно что-нибудь о возникновении и публикации этого текста?

К: Я считаю, что Гмурман прав. Это была заказная работа. Чекисты хотели иметь инструкцию для своих воспитательных учреждений. И он написал её для служебного пользования. А что писалось для служебного пользования, несомненно хранится в специальных архивах, доступ в которые практически невозможен.

Х: Значит и ты не видел печатного экземпляра?

К: Конечно, нет. К тому же я не очень интересовался этим.

Х: Но кто-то же, Швед или Калабалин, например, которые были руководителями или возглавляли педагогическую часть воспитательных учреждений НКВД Украины, они-то должны были эту брошюру видеть?

К (решительно): Сомневаюсь! И Швед, и Калабалин были незначительными фигурами в системе НКВД.

Х: Стало быть, ты полагаешь, что инструкция Макаренко не дошла до каждого учреждения?

К: Галина Стахивна говорила мне, что было отпечатано всего 600 экземпляров. Они, возможно, были разосланы полностью. Я много раз встречался с Калабалиным, дважды со Шведом (во Львове), но они мне об этой инструкции ничего не говорили, хотя могли бы сказать, что у них хранится такая реликвия.

Х: Но где же находятся эти 600 экземпляров сегодня? Уж один-то экземпляр где-нибудь сохранился...

К: Конечно, сохранился...

Х: ... может быть в архиве МВД Украины?

К: Разумеется.

Х: ... или в другом соответствующем архиве.

К: Там, где находится личное дело А.С. Макаренко. Н.Д. Ярмаченко знакомился с ним. Для меня это с самого начала не представляло особого интереса. Я не занимался историческими изысканиями специально. И теперь не занимаюсь. Для меня главное – теория Антона Семёновича, проблемы её практического освоения... Но хотя бы один экземпляр "Методики" должен храниться в Киеве.

Х: Это всё об архивных материалах. Но вернёмся к разговору о Галине Стахиевне. В 1971 году ты описывал её мне и Зигфриду Вайтцу (тогда мы познакомились) как очень интеллигентную и очень умную женщину...

К: Гм...

Х: ... которая чувствовала, что Антон Семёнович – личность необычная, что это новатор во всём. Мог бы ты рассказать о ней что-то более конкретное, вспомнить какой она представлялась тебе незадолго до своей смерти в 1962 году, когда вы жили и работали под одной крышей.

К: Когда мы познакомились, Галина Стахиевна была уже достаточно пожилым человеком (65–67 лет) и к тому же больным. Она очень тяжело переживала смерть своего сына. Терзалась угрызениями совести. Считала себя виновной в его смерти. Думаю, что и бессонница развилась у неё на этой почве. Днём и ночью, во время еды, она постоянно повторяла: "Лёвушка, Лёвушка, Лёушка!" Она очень тосковала. Иногда мне казалось даже, что чувство любви к сыну у неё намного сильнее, чем чувство любви к Антону Семёновичу. О муже она никогда не говорила подобным тоном. Сын был для неё ближе, чем Антон Семёнович.⁴ Впрочем, это объяснимо: родное дитя и муж. Почти каждая мать любит ребёнка сильнее.

Х: А почему она считала себя виновной в смерти сына?

К: Об этом она мне рассказала. Будто каялась. Как-то – дело было в московской квартире – она почувствовала себя плохо. Вызвали "скорую". Машина приехала быстро и врач распорядился отвезти больную на стационарное лечение. Квартира находилась на восьмом этаже, а лифт почему-то вышел из строя. Лёва решил донести свою мать до машины на руках. И, хотя Галина Стахиевна была грузной женщиной, Лёва понёс её. Это был очень крепкий мужчина. Военный лётчик, 40–42 года. Когда Галину Стахиевну уже отвезли в больницу, у Левы случился инсульт. Через несколько часов он умер. Галина Стахиевна буквально терзала себя, потому что была уверена, что инсульт развился от перенапряжения в тот момент, когда Лёва нёс её к машине "скорой помощи".⁵

Х: Не было ли у тебя таких разговоров с Галиной Стахиевной, где она вспоминала об Антоне Семёновиче и касалась его повседневных привычек, манер, стиля общения и т.п.

К: Такие воспоминания, конечно, были. Я их провоцировал из любопытства, как в своё время в беседах с Николаем Эдуардовичем Фере (в "Педагогической поэме" Эдуард Николаевич Шере). Галина Стахиевна была, как известно, польской дворянкой. Стало быть, была очень гордой ("гоноровой"), с очень развитым чувством собственного достоинства. Но перед мужем она не могла демонстрировать "характер". Чересчур неравными были "весовые категории", шляхетская кровь, видимо, не смущала Антона Семёновича. По отношению к жене иногда он мог позволить себе некоторую бестактность; мог позвонить домой за полночь и без всяких сказать: "Солнышко, со мной гости – 20 душ. Приедем через час. Пожалуйста, 50 бутылок шампанского на стол!"⁶

Х: Но ведь в такое время суток магазины в Москве были уже закрыты...

К: Зато открыты были рестораны.

Х: Это значит, что Галина Стахиевна сама отправлялась за покупками?

К: На такси. Но не лично она, у неё была домработница.

Х: "Оля-немка"?

К: Она.

Х: Оля фигурирует и в записных книжках. Но в них можно также читать: "Повышение благосостояния приводит ко второй прислуге". (№ 981; осень 1937 года). Стало быть, Галине Стахиевне было мало одной домработницы. У неё дома было ведь если не господское, то по крайней мере "буржуйское" хозяйство.⁷ Не будем забывать, что в доме Антона Семёновича работала уже повариха – украинка Марфуша (Марфа Петровна)...

К: Да, да... Так что, Галина Стахиевна хотя и была дворянкой, но распоряжения подобного рода часто получала и безропотно исполняла. Антон Семёнович тогда очень нервничал. Его поступки временами были непредсказуемы и Галина Стахиевна старалась, как могла, щадить его.

Х: Рассказывала ли тебе Галина Стахиевна как она познакомилась с Антоном Семёновичем? А также о её бывших мужьях – Салько и Остермане?

К: О Салько и Остермане разговоров не было. Но о знакомстве с Антоном Семёновичем вспоминала охотно. Случилось это в то время, когда он заведовал колонией им. М. Горького в Куряже. Галина Стахивна однажды приехала в колонию с инспекторской проверкой. Наркомпрос был очень недоволен педагогикой Макаренко. Шли непрерывные конфликты, хотя колония значилась показательным учреждением Наркомпроса, которое показывали всем гостям, в том числе зарубежным. Тут наробразовцам приходилось наступать на горло собственной песне. Сами они ничего путного создать не могли, поэтому до поры до времени им приходилось мириться с педагогикой Макаренко. Это была совершенно другая система воспитания. Она во всём отличалась от педагогики так называемого "дамсоцвоса". Собственно говоря, результаты им нравились: строгий порядок, дисциплина, самоуправление, организация труда, внешняя воспитанность колонистов. Но они хотели, чтобы такие результаты достигались с помощью их ничёмной методики. Это была, конечно, утопия. И сегодня это утопия. Но наркомпросовские чиновники не могли и мысли допустить, чтобы какой-то завкол мог быть умнее, чем все они вместе.

У нас есть поговорка: великое видится издалека. Может быть поэтому меня так раздражают свидетельства так называемых очевидцев, особенно воспитанников Антона Семёновича (есть, конечно, исключения). Они были детьми и не могли разбираться в высшей математике, которой была для них педагогика их руководителя. Отсюда бесчисленные трюизмы, всякого рода бессистемные случаи и т.п. Поэтому, когда я читаю свидетельства очевидцев, я вспоминаю любимую поговорку В.Е. Гмурмана: "Врёт как очевидец". Конечно, маленькие наблюдения, маленькие детали, это возможно, если они совпадают, в 10-ти, 20-ти воспоминаниях...

Х: Кроме того, есть опасность, что воспитанники могут путать прочитанное у Макаренко и пережитое с ним.

К: Я встречал даже некоторых воспитанников, которые не держали в руках ни одной книги Макаренко, но всегда были готовы делиться воспоминаниями. Они немного важничают, им льстит внимание к ним, из-за того, что они – воспитанники Антона Семёновича. Это нормальные хорошие люди, но у них есть общая человеческая слабость: они хотят получить кое-что от славы своего Отца... Раз их воспитывал гений, должно же и в них что-то остаться от этой гениальности. Наивно, но понять можно.

Другое дело, когда о Макаренко пишут такие люди, как К.И. Чуковский, В.Г. Финк или Н.В. Петров. Они сами очень талантливые люди, большие психологи и потому могли адекватно отражать личность Макаренко и его педагогику.

Х: Но Галина Стахивна тоже ведь могла смотреть на Макаренко издалека? И всё понимать?

К: Да, она видела его издалека до инспекции колонии. Она ехала в Куряж с предубеждением, но, пробыв там 2 дня, во всём разобралась и всё поняла. Возможно, она была первым человеком, кто в Макаренко разглядел гения. А гений, как правило, привлекает. Короче говоря, Галина Стахивна сразу влюбилась в Антона Семёновича.

Х: Значит, Галина Стахивна влюбилась в Антона Семёновича, а не наоборот?

К: Если верить её словам, то дело было именно так. И она начала оказывать ему обычные женские знаки внимания.

Х: Но ведь в то время она была замужем за Остерманом и жила с ним в Харькове...

К: Всё так. У неё был не только муж, но и ребёнок от первого брака – Лёва Салько. И всё же – чего не бывает в жизни. Ослепительно красивая, умная женщина словно потеряла голову, хотя Антон Семёнович, как ты знаешь, не был красавцем. Огромный нос...

Х: Как описывает его брат Виталий?

К: Да. Неправильной формы рот, полный золотых зубов, близорукость, словом, не обольститесь.

Х: О красоте Галины Стахивны ты судишь по фотографиям, или по её рассказам?

К: Прежде всего по фотографиям. Я их видел в большом количестве. Маленькая девочка, потом постарше. Когда она была в хорошем настроении, она брала этот большой альбом и начинала его рассматривать. На фотографиях были её друзья из Каменец-Подольска, в том числе Володя Затонский, будущий нарком просвещения Украины. Кроме того, я ведь каждый день мог видеть и её саму. Она была уже не молода, но следы прежней красоты всё же были заметны.

Х: После этого инспектирования она, должно быть, очень заинтересовалась работой Макаренко и его личностью, захотела узнать его ближе...

К: Конечно. В наробразе она честно сказала, что Макаренко подлинный новатор, выдающийся человек. К сожалению, это не помогло, и, как мы знаем, Макаренко вскоре пришлось оставить колонию.

Х: Олимпиада Витальевна нам рассказывала, будто Галина Стахивна явилась однажды в колонию со своими чемоданами как "барыня", что не очень понравилось матери Антона Семёновича.⁸

К: Галина Стахивна рассказывала мне совершенно другую историю. После того, как они решили пожениться, Антон Семёнович буквально похитил её из дома. Поскольку Галина Стахивна всё время колебалась и оттягивала окончательное решение, Антон Семёнович пошёл ва-банк. Он нашёл экипаж, запряжённый лошадьми, прихватил два золотых кольца и помчался по харьковским улицам к дому Галины Стахивны. В квартиру он ворвался как ветер и с порога объявил; "У тебя 10 минут, чтобы собрать вещи". Потом он взял её руку, надел на палец кольцо, заставил её такую же процедуру проделать с ним.⁹

Х: И это была вся процедура женитьбы?

К: Если верить Галине Стахивне, – а я лично в этом не сомневаюсь, – то всё было так. Тут же Антон Семёнович увёз свою жену в небольшую квартирку на окраине Харькова. Квартира, как рассказывала Галина Стахивна, находилась в мансарде двухэтажного дома. "Когда я переступила порог, меня поразило обилие света и солнца. Всё было так прекрасно, как будто мы встретились на ярко освещённой лесной поляне, мы были влюблены до самозабвения".

Х: Это произошло уже в то время, когда Антон Семёнович заведовал коммуной...

К: Точно.

Х: В макаренковедении на этот счёт имеются противоречивые сведения. Было ли это в 1927 или 1928 году...

К: В конце 1927 года.

Х: Это очень удивительно, поскольку я до сих пор исходил из того, что в конце декабря 1927 года Антон Семёнович направил в коммуну вместе с другими воспитателями (Татаринов, Татаринова, Терский) и Е.Ф. Григорович – свою первую привязанность. Возможно, он таким образом хотел расчистить место рядом с собой для Галины Стахивны?

К: Такое тоже могло быть. Во всяком случае, Макаренко доставил Галину Стахивну в эту романтическую, специально для неё снятую квартирку, и там она стала жить.

Возможно, что на этот период он её просто резервировал для себя. К коммуне им. Дзержинского она в первое время не имела никакого отношения. И Антон Семёнович постепенно создавал ей условия для переезда туда.

Х: Связь между Антоном Семёновичем и Галиной Стахивной была всё же зарегистрирована по закону в загсе, в Киеве. Но это случилось лишь в сентябре 1935 года.

По моему мнению, здесь играли роль и экономические причины, обеспечение сохранности макаренковского наследия. Ты что-нибудь слышал об этом или догадывался, что это обстоятельство и было причиной регистрации – участие в уже намечавшемся улучшении благосостояния благодаря гонорарам: "Педагогическая поэма" уже приобретала литературный успех...

К: Нет. Я бы на это смотрел иначе. Надо иметь в виду, что по отношению к женщинам Антон Семёнович не проявлял постоянства. Хотя он и отличался верностью, но ему быстро надоедало жить с одной и той же женщиной. Вероятно, как умная женщина, она заметила, что по отношению к ней он становился всё прохладнее. И тогда она настояла на официальной регистрации, чтобы удержать его около себя. Вряд ли в то время она думала о наследстве. Кем был тогда Макаренко?

Х: Начинающий писатель.

К: Вот именно: начинающий! А сколько у нас получает писатель за одну книгу, за одно издание?! Он был беден как церковная мышь (смеётся)! То, что могла желать Галина Стахивна, было стремление удержать его.

Х: В Москве у Антона Семёновича не было твёрдого оклада. Его жизнь зависела от гонораров за писательскую и публицистическую работу. Когда он в 1938 году серьёзно заболел, он даже был вынужден получить деньги от Литфонда. Ты не знаешь, почему по-

сле переселения в столицу он не стал определяться на постоянную работу? Из писем (весна 1937 года) мы знаем, что врачи ему не разрешали работать... Почему он стал свободным писателем?

К: Этого я не знаю. Могу лишь догадываться. Он был уже тяжело болен и хорошо сознавал, что свою педагогику он должен до конца обосновать теоретически. Это была его главная задача. И он понимал, что если бы он взялся руководить детским домом или школой, он с этой задачей не смог бы справиться.¹⁰

Х: Ты судишь об этом на основании собственного опыта?

К: Можно и так. Но это же факт: его сердце было совершенно ослабленным...

Х: В записных книжках он пишет, что уже в ноябре 1936 г., то есть ещё в Киеве, в Броварах он однажды упал в обморок. Значит, ещё тогда он слышал "первый звонок"...

К: Да. Он разрушил свой организм непомерными нагрузками. "Работа до обмороков". Чрезвычайно интересна его рабочая манера. Я не раз сидел за его рабочим столом в его московской квартире...

Х: ... в Лаврушинском переулке ...

К: Да. У меня был ключ от этой квартиры, и поскольку в ней никто не жил, я мог приходить туда, когда мне хотелось. Я даже спал на кровати Антона Семёновича, сидел на его унитазе (смеётся). Короче говоря, я чувствовал себя в этой квартире хозяином и даже "двойником" Антона Семёновича... Я ощущал себя как в музее. Где-то рядом витал дух Макаренко, а рядом был я. Впечатляло до дрожи. Я усаживался за его рабочий стол и рассматривал всё, что на нём было. Больше всего меня поразила одна деталь: в большом деревянном бокале, который тоже стоял на столе, я насчитал 111 карандашей, свежезаточенных карандашей.

Х: В таком виде они сохранились со времён Антона Семёновича?

К: В том-то и чудо. Он сам их заточил и приготовил к работе.

Х: И так они стояли 20 лет?

К: Разумеется. Я отважился лишь слегка дотронуться до них, настолько всё это было свято для меня. Галина Стахивна всё мечтала о создании музея А.С. Макаренко, хотя бы о квартире-музее. И она это всё берегла. Кроме неё и меня никто не имел права входить в кабинет Антона Семёновича.

Х: Карандаши были заточены ножом или точилкой?

К: Ножом. Зачем так много, спросил я Галину Стахивну, когда приехал в Болшево на дачу. Она рассмеялась: "Иначе он не мог работать!" Во время работы он не делал никаких перерывов. Например, он пишет главу. Не отрывается до тех пор, пока не поставит последнюю точку.

Х: Поэтому ему требовалось много бумаги и карандашей...

К: Совершенно точно. Вдохновение рвалось с такой силой, что не было времени заточить карандаш.

Х: А не было ли в бокале и цветных карандашей?

К: Только простые карандаши. Он работал как конвейер: от начала и сразу до конца.

Х: Так, вероятно, были написаны и длинные письма, например, М. Горькому или, в августе 1938 года, к своим бывшим воспитанникам Калабалину и Борисову.

К: Я в этом не сомневаюсь: на одном дыхании.

Х: Какой вообще была его рабочая техника как писателя? Не было ли случаев, когда он сразу печатал на машинке?

К: Первый вариант он делал либо от руки, либо на машинке. Галина Стахивна рассказывала, как он сидел над главой "Награды" ...

Х: ... над предпоследней главой "Педагогической поэмы"...

К: Точно. Он напечатал её за 4 часа на машинке. 4 часа вдохновения, и одна из лучших глав книги готова. И каждая страничка была полита его слезами... Он печатал и плакал. Воспоминания были ему так дороги, так волновали, что он просто плакал. Он же понимал: вернуться в те времена невозможно, никогда не придётся ему пережить уже прожитое. Как, например, посещение Марбурга для меня (смеётся).

Х: Между прочим, о том, что Макаренко вообще очень быстро работал, свидетельствует и К.С. Кононенко в своих неопубликованных воспоминаниях. Там мы читаем: "Летом 1934 года он (А.С.) несколько дней провёл у меня на даче. За эти несколько дней он

написал главы: "Пополнение", "Водолечебница девятого отряда", "Четвёртый сводный" и "Свадьба". Прекрасная, полная юмора глава "Водолечебница девятого отряда" была написана в два часа".¹¹

К: Если ты согласен, мне бы хотелось вернуться к вопросу о воспоминаниях воспитанников Антона Семёновича.

Х: Пожалуй...

К: С.А. Калабалин был, как известно, одним из любимых его питомцев. Я хорошо его знал. Мы были друзьями. Его дочка Елена Семёновна была воспитательницей в моём детском доме. Прекрасный человек и прекрасный работник. Она родила у нас и своего первенца. Так вот, даже он, Калабалин, умнейший человек и бесконечно преданный своему делу педагог, тоже больше полагался на живые представления о системе Антона Семёновича, чем на его теорию. Он, например, доказывал мне, что по Макаренко можно работать и без разновозрастных отрядов, что к деталям макаренковской системы надо подходить творчески. Он был очень талантлив. Дети его любили как отца, но на теорию он смотрел свысока, даже на теорию своего учителя. Такая была убеждённость: раз видел своими глазами, был непосредственным участником воспитательного процесса и в колонии, и в коммуне, то к чему книги. А вот Григорий Максимович Кубраков воспитанником А.С. Макаренко не был. Но теорию выучил. И сотворил, следуя каждой её букве, настоящее педагогическое чудо. За это был удостоен наград и звания "Народного учителя СССР". Так что я убеждён: пока директора наших школ не овладеют теорией Макаренко, сдвигов к лучшему в воспитательной области не произойдёт.

Х: Мы уже говорили о некоторых аристократических чертах в стиле жизни так называемого "пролетарского" педагога А.С. Макаренко. Рассказывала Галина Стахиевна что-нибудь об Оле-немке?

К: Часто рассказывала об Оле.

Х: Была ли она тогда ещё жива?

К: Этого я не знаю. Но Галина Стахиевна была очень довольна своей немецкой прислугой.

Х: Она привезла Олю из Киева... В сноске к примечанию о ней в записных книжках (№ 980) Галина Стахиевна пишет: "Оля – молодая девушка, наша домработница в Киеве, а потом в Москве".

К: Да. Она называла её "фанатиком чистоты". Оля не выпускала из рук тряпку для пыли. Уже не было ни пылинки, а она всё чистила и чистила (смеётся).

Х: В этом она походила на Антона Семёновича...

К: Походила. Требования к чистоте у Антона Семёновича были, по-моему, даже строже, чем у самого немецкого немца.

Х: Оля действительно была немкой или её так называли из-за пристрастия к чистоте?

К: Это была настоящая немка.

Х: И она многие годы жила в семье Макаренко...

К: Да, многие годы. И считалась членом семьи.

Х: Известно ли, что с ней стало потом? Была ли она депортирована в 1941 году или...

К: Это мне неизвестно.

Х: И ты не знаешь её фамилию?

К: Нет, только имя.

Х: При нашей первой встрече (1971 г.) ты говорил, что Антон Семёнович потому после революции носил полувоенную форму, что у него уже не было портного и не было хорошего материала. Мы знали от Виталия Семёновича, что его и Антона обшивал "придворный" бедный портной Богуславский, расстрелянный григорьевцами в 1919 году как еврей.

К: Полувоенная одежда давала повод называть Макаренко "полковником". Это, конечно, недоразумение. Он говорил Галине Стахиевне: "Солнышко, то, что я носил при царе, мне никогда не будет по карману". Так что "военизация" чисто условная, вынужденная бедностью. Но надо сказать, что дешёвенькую свою одежду Антон Семёнович умел носить. С достоинством и, если хочешь, с блеском, франтовато.

Х: Каким было экономическое положение Макаренко в Москве? По извлечениям из записных книжек известно, что у него была огромная рабочая программа и под гонорарные авансы он планировал всё новые романы и сценарии, заключал договоры. Либор Пехач отмечает, что для поддержания на уровне "господского хозяйства" Галине Стахивне требовалось много денег – Оле и Марфуше тоже надо было платить, хотя бы на карманные расходы, и плата за квартиру тоже была большая, даже очень большая...

К: Если бы это была квартплата! Это были взносы, потому что дом был кооперативным и очень дорогим...

Х: ... кооперативный дом Союза писателей...

К: Да. Антону Семёновичу приходилось ежемесячно вносить за квартиру большие суммы.

Х: В 8-м томе "Педагогических сочинений" опубликовано письмо Антона Семёновича В.П. Захаржевскому от 11.01.1939 г., в котором говорится, что у него было мало денег, что не ходил в гости и почти не бывал в театрах, то есть, жил практически без социальных контактов. Галина Стахивна рассказывала тебе что-нибудь о тяжёлом материальном положении того периода?

К: Только в косвенной форме. Например, она рассказала мне историю с пальто.

Х: С пальто?

К: Да. Оказывается у Антона Семёновича не было даже пальто. Галина Стахивна пообещала купить кусок хорошего драпа и мех для воротника. Она скопила деньги и, наконец, сделала эту обременительную покупку. Антон Семёнович обрадовался как ребёнок и очень боялся, что как бы с этим пальто что-нибудь ни случилось. Однажды он проснулся среди ночи и сел на кровать в озабоченной позе. Галина Стахивна тоже проснулась и спросила: "Что случилось? Тебе плохо?"

Х: Они спали вместе в одной комнате...

К: Да, в спальне рядом стояли две деревянные кровати. "Мне не даёт спать сомнение" – ответил Антон Семёнович.

– Какое сомнение?

– Этот драп ты для меня купила? Ты не отдашь его Лёвке? (Рассказчик смеётся).

По-моему этот случай лучше всякой статистики говорит о том, что в Москве Антон Семёнович почти нищенствовал.

Х: Если Галина Стахивна рассказывала тебе такие вещи... Это очень интересно, что она вспоминала о таких вещах. Что было дальше? Кому всё-таки предназначалось пальто?

К: Галина Стахивна успокоила взбудораженного мужа, сказала, что утром начнёт шить ему пальто.

Х: Сама? Шить?

К: А что делать? Платить портному было, видимо, нечем.

Х: Но могла бы сшить Оля...

К: Возможно. Но то историческое пальто, нелепого фасона, с женским покроем мехового воротника Галина Стахивна сшила своими руками. Она любила шить, и ещё в преклонном возрасте она сама обшивала своих внуков. Есть фотографии, на которых Антон Семёнович изображён в этом смешном одеянии. Тем не менее, он очень гордился этим "буржуйским" пальто и надевал его лишь в особо важных случаях.

Х: Эту почти гоголевскую шинельную историю Макаренко сам рассказал во время своего выступления перед родителями 8 февраля 1939 года в Москве. Но в той версии это звучит немножко по-иному: "У меня взрослый сын. Окончил институт. Инженер.

Очень красивый человек. Финансы у нас общие. У меня до сих пор не было пальто. Кое-кто рассудил бы так: на что тебе, старику, пальто, ты и так хорош. Сыну пальто нужнее. Он молодой красивый человек, ему нужно с девушкой прогуляться, ему пальто необходимо. Но я выдержал тон. И сын выдержал тон.

– Может быть, ты сошьёшь себе пальто?

– Нет, не сошью, пока ты не сошьёшь.

И он действительно не сшил себе пальто до тех пор, пока я не приобрёл себе пальто. Бегал в паршивеньком пиджачишке. А когда деньги появились, я сшил пальто себе, а он пусть подождёт, хоть он и красивый. Важно, что он пережил заботу обо мне. Ну, а девушки и в паршивеньком пиджачке любить будут".¹²

К: Это Антон Семёнович придумал, возможно для внешнего употребления – педагогическая потёмкинская деревня... (смеётся).

Х: Мне бы хотелось вернуться к вопросу о связи между Антоном Семёновичем и Галиной Стахивной. Другое письмо, 06.10.1938 г. В нём Антон Семёнович объясняет Т.В. Турчаниновой, почему он женился: "... я женился в 40 лет, женился по дружбе и по благодарности". (Пед. соч., т.8, с.101). Этот взгляд на свою женитьбу он имел всегда, или придумал его 10 годами позже?..

К: Я же тебе говорил: она в него влюбилась, а не наоборот... (читает): "женился по дружбе и по благодарности", не по любви, из дружбы. Впрочем, страсть, наверное, была. По крайней мере в первое время. Антон Семёнович легко увлекался, но и скоро остывал.

Х: Но в то первое время она сыграла активную роль...

К: В семейных делах она всегда держала инициативу в своих руках. Она стремилась его удержать...

Х: И Либор Пеха пишет (а он опирается на места из писем Макаренко, опубликованных Е.З. Балабановичем), что какое-то время Антон Семёнович тоже любил её. Может быть, Галина Стахивна упоминала в разговоре, что было время, когда Антон Семёнович любил её?

К: Нет, никогда. Она говорила, что он писал ей нежные письма, но от прямых ответов на мои вопросы о его чисто человеческих чертах она уклонялась. По своей инициативе она не заводила разговора на эту тему, но отвечала, когда её спрашивали, и всё же Галина Стахивна почему-то часто повторяла, что влюблённый способен на любые глупости, что страсть – это сила слепая, но сила, и с ней надо считаться...

Х: Наверное Галина Стахивна называла какие-нибудь черты его характера, рассказывала о манерах....

К: Конечно. Всё время в делах. Мало улыбался. Не терпел сантиментов. Был вежлив, но суховат... В определённом смысле Антон Семёнович был аристократом. Деталь весьма забавная. Я и сам удивляюсь: он гордился тем, что ни разу в жизни не разжёл примус, то есть не снизошёл до столь чёрной работы. И всегда был аккуратно одет...

Х: Позволь, такой примус тоже был и в московской квартире?

К: В том-то и дело.

Х: Значит, он ни разу ни приготовил себе чаю, воды не вскипятил?..

К: Никогда... ничего собственными руками! Это было обязанностью Галины Стахивны и, наверное, поварихи и прислуги...¹³

Х: ... он практически никогда не готовил себе еду?

К: ... никогда!

Х: И он был горд этим?

К: Да, он этим гордился.

Х: Странно... Только папиросы "разжигал" себе сам...

К: Возможно этим он хотел показать Галине Стахивне, кто есть кто. Хоть ты и дворянка, а я сын маляра, простой человек, но для меня ты служанка.

Х: Этим он дал ей понять, что она ничего особенного собой не представляет...

К: Да... Наверное она пыталась однажды сыграть на своём дворянском происхождении, и тогда он указал ей на её место...

Х: Это в высшей степени необычные отношения между супругами... Совершенно интимный вопрос: почему у Антона Семёновича не было детей?

К: Однажды Галина Стахивна от него забеременела. Она ждала уже ребёнка. В это время они отдыхали в Крыму.

Х: Это было в 1938 году, когда они были там вместе, или раньше?

К: Надо просто посмотреть, когда они вместе ездили в Крым. Это было, конечно, раньше...

Х: Во время коммуны?

К: Пожалуй, да.

Х: Тогда они были вместе в Крыму?

К: Она говорила, что он ей писал письма. Письма, полные отчаяния из-за того, что у неё нашли туберкулёз.

Х: ... она ещё тогда не работала, она была больна...

К: Он писал ей. Я эти письма читал...

Х: Ты читал эти письма?

К: Эти читал...

Х: ... значит сохранилось несколько писем от Антона Семёновича Галине Стахиевне... Не будем забывать, что она сама во время сотрудничества с тобой опубликовала в уже упомянутом сборнике Орехово-Зуевского пединститута выдержки из этих писем...

К: Да, сохранились... "мне страшно, я боюсь. Ты всё время кашляешь кровью, это ужасно..." и т.п. и т.п. И она решилась на аборт.

Х: Может быть, он послал ей письмо, когда они вместе были в Крыму?

К: Как я её понял, она была одна.

Х: Она была тогда в санатории...

К: Точно, она была одна. Я ошибся.

Х: Балабанович пишет, что в 1927 – 1929 г.г. она была в санатории, и в этот период он послал ей много писем.

К: Ну, конечно, это так. Всё же она сделала аборт, но очень об этом жалела.¹⁴

Х: Это решение, сделать аборт, исходило от Антона Семёновича или от неё самой?

К: От неё.

Х: Галина Стахиевна боялась родить больного ребёнка...

К: ... да, скорее всего...

Х: ... но Антон Семёнович, возможно, желал ребёнка?

К: Этого я не знаю.

Х: Виталий Семёнович говорил, что его брат не хотел производить на белый свет детей... Это похоже на правду, потому что Антон Семёнович действительно не имел детей...

К: ... да, не имел детей.

Х: Ещё раз к болезни Антона Семёновича, к болезни его сердца в Москве. После второго обморока в августе 1938 года он писал Борисову: "... врачи запретили мне писать и даже читать, и именно потому я имею свободу, чтобы ответить тебе". (Пед. соч., т. 8, с. 85). Собственно говоря, Галина Стахиевна должна была тогда воздействовать на мужа, чтобы он не продолжал работать так интенсивно, на износ... Она что-нибудь рассказывала об этом?

К: Да, она рассказывала, что пыталась его сдерживать...

Х: Но он, вероятно, не поддавался этому...

К: К сожалению, это так. Он был заведён, как машина. Он должен был работать, ибо работать означало для него жить. Это была его жизнь. Настоящего отдыха он не знал. Чуковский, например, пишет в своих воспоминаниях о Макаренко: Мы здесь отдыхали...

Х: ... в доме отдыха писателей...

К: ... да, да, и мы слышим, как Антон Семёнович печатает на машинке...

Х: И что он так много курил...

К: ... как я, например (смеётся) ...

Х: ... да, перегрузки были большие. Воспитанники, которые навещали его в Москве, всегда угощались папиросами, а сам он курил сверх всякой меры.

Теперь к коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. Каким было там собственное положение Антона Семёновича? Говорила ли Галина Стахиевна что-нибудь о его конфликтах с "начальниками", или было что-то такое, чего она не затрагивала в разговорах?

К: Об этом не говорила ничего...¹⁵ Она мне только рассказывала, что новичкам строгий распорядок коммуны казался слишком тяжёлым, очень высокими были требования. Её сын Лёва тоже был коммунаром. В первые дни он плакал. Но впоследствии он стал великолепным парнем...

Х: В то время там жила и Олимпиада Витальевна. Правда, не в коммуне, но в семье Антона Семёновича. Когда ты с ней познакомился? У Галины Стахиевны или позже.

К: У Галины Стахиевны.

Х: Она была для тебя Макаренко Олимпиада Витальевна или просто Олимпиада (Лиля)?

К: Макаренко Олимпиада Витальевна. Я выполнял иногда деликатную миссию. Когда я, – конечно, на автомобиле, с моим "персональным" шофёром – ездил в Москву, Га-

лина Стахиевна иногда просила меня заезжать к Олимпиаде Витальевне и передавать ей конверт с деньгами. Галина Стахиевна материально поддерживала племянницу Антона Семёновича, хотя и не любила её. Но это чувство было взаимным, потому что в своё время желание Лёвы и Лили пожениться (молодые люди очень любили друг друга) натолкнулось на непреклонность Галины Стахиевны....¹⁶

Х: Почему она была против этой женитьбы? Может быть, по политическим причинам: дочь контрреволюционера, эмигранта...

К: Наверное... В результате и у Лёвы, и у Олимпиады Витальевны личная жизнь не сложилась. Они могли бы стать счастливыми людьми, но на всю жизнь остались несчастными. Позже Галина Стахиевна говорила: если бы она начала жизнь сначала, то всё оставила бы как есть, но никогда бы не стала вмешиваться в чужую судьбу.

Х: Гм... А не говорила ли тебе Галина Стахиевна, что отец Олимпиады Витальевны может быть где-то живёт или это была тема, которую вы не затрагивали?

К: Нет. Я только знал, что у Антона Семёновича был брат, но кто он, где живёт, не имел никакого понятия...¹⁷ А тогда с Олимпиадой Витальевной я совершенно не разговаривал.

Х: В то время об этом мало кто знал...

К: Что брат был – знали. Но где он находится – нет. Я был ошеломлён, когда мне стало известно, что марбуржцы разыскали Виталия Семёновича. Это огромная заслуга Марбургской лаборатории. Историческая заслуга.

Х: ... что мы напали на его след, вовремя разыскали и получили от него ценные воспоминания...

К (задумчиво): ... да, очень своевременно.

Х: Виталий Семёнович рассказал много нового о внешнем облике, складе мыслей, образе жизни брата. Всё очень похоже на то, что ты узнал от Галины Стахиевны. В воспоминаниях Виталия Семёновича очень много правдоподобного. А ты как думаешь?

К: 99% правды!

Х: 99% правды Виталия Семёновича о его брате?

К: Да! Всё свидетельствует о том, что ребёнком Антон Семёнович был именно таким, каким его изображает Виталий Семёнович. Это подтверждается всей его последующей жизнью, воспоминаниями Галины Стахиевны. Привычки, черты характера – всё подтверждается...

Х: ... нет никаких противоречий...

К: Это подтверждают и воспоминания Лавра Степанченко, товарища Антона Семёновича по работе в Долинской школе. Так что здесь совпадение тройное. Антон Семёнович всегда был недоволен своей внешностью, даже страдал от этого... Его жена была красавицей, но он всё равно мучился.

Х: Галина Стахиевна говорила что-нибудь о Елизавете Фёдоровне, о том, что она была близкой подругой Антона Семёновича?..

К: О ней она упоминала не один раз, но как-то нейтрально, безразлично. Антон Семёнович был третьим мужем Галины Стахиевны. До него она дважды была замужем...

Х: ... за Салько и Остерманом...

К: Да, Остерман был вторым, Антон Семёнович – третьим мужем.

Х: Говорила Галина Стахиевна о том, что Елизавета Фёдоровна была первой женой Антона Семёновича?

К: Она всё знала, но относилась к этому спокойно и не считала нужным касаться этой темы.

Х: Ты не был знаком с Елизаветой Фёдоровной?

К: Нет.

Х: Я, к сожалению, тоже не знал её...

Мне бы хотелось вернуться к вопросу о ценности воспоминаний Виталия Семёновича. Ты сказал, что 1% в этих свидетельствах не соответствует истине. Что ты имеешь в виду?

К: Я имею в виду его свидетельства о политических взглядах Антона Семёновича. Ему было тогда 15 лет...

Х: ... пожалуй, 17... в 1905 году... И Виталию Семёновичу было 10 лет.

К: Десятилетний ребёнок... мог ли он дифференцировать платформы эсеров, большевиков или других партий? Тут Виталий Семёнович явно фантазирует.

Х: Но многое указывает на то, что Антон Семёнович был связан с эсерами, что он читал именно их литературу... Впрочем, Виталий Семёнович пишет, что брат информировал его о своей связи с эсерами много позже, в 1916 году. Тогда Виталию Семёновичу уже был 21 год.

К: Эсеры были, конечно, очень популярны в то время. Савинков, например. Крупнейшая фигура. Возможно, Антон Семёнович читал эсеровскую литературу. Он очень много читал. Но чтобы он принадлежал к партии эсеров...

Х: ... это тебе кажется совершенно невозможным?

К: ... об этом знала бы вся семья, и Семён Григорьевич наверняка бы устроил тап-рам, что он принадлежал к какой-либо партии.

Х: Если Антон Семёнович не держал это втайне...

К: Это было почти невозможно. В таком маленьком городе, как Крюков, никакие тайны не могли долго жить. Поднялся бы шум и Виталий Семёнович мог бы его тоже слышать и отметить в своих воспоминаниях...

Х: ... как о конфликте брата с отцом из-за Елизаветы Фёдоровны Григорович...

К: ... вот именно. Об этом скандале Виталий Семёнович вспомнил. А про неизбежный скандал из-за связи с эсерами не написал ничего.

Х: По свидетельству Виталия Семёновича отец ничего не знал о той "эсеровской" истории, и весьма показательно, что с братом Антон Семёнович впервые заговорил об этом только после смерти отца...¹⁸ Рассказывала тебе Галина Стахивна что-нибудь о политических настроениях Антона Семёновича? Вопрос естественный: почему он так поздно решил вступить в Коммунистическую партию, в феврале 1939 года, непосредственно перед 18-м партийным съездом? Он почувствовал попутный ветер для своих политических устремлений или это было приспособленчеством? Как ты считаешь?

К: Может быть, он совершенно искренне хотел стать членом партии. Он ведь и раньше подавал заявления, в коммуне имени Ф.Э. Дзержинского...

Х: Об одной из таких попыток нам рассказывал Н.Э. Фере, когда мы с тобой были у него дома...

К: и Макаренко, и Фере тогда отказали в приёме...

Х: Может быть из-за этого "отягчающего обстоятельства": Фере был сыном немца...

К: Всё могло быть. Но в 1939 году Антон Семёнович был награждён орденом и ситуация, конечно, в корне изменилась. Вступление в партию облегчало Антону Семёновичу и защиту своих научных открытий. Их ведь никто не понимал тогда, даже Галина Стахивна...

Х: ... никогда...

К: ... никто и никогда, никто не понимал. Живой пример: Антон Семёнович после разносной статьи А. Бойма предложил "Комсомольской правде" дать ему возможность систематически изложить свои взгляды...

Х: ... в декабре 1938 года...

К: ... да, и – отказ! Дубовая глупость. Упустить такой шанс... Ясно, что "Комсомолка" просто не понимала, с каким явлением имеет дело. Дальше. В 60-е годы я работал редактором отдела в журнале "Народное образование". Заместителем главного редактора был тот самый А. Бойм. Мы с ним много беседовали о Макаренко...

Х: ... думаю, он ещё жив...

К: ... нет, он умер. Но этот человек до конца дней сохранил ненависть к педагогике Макаренко, хотя и говорил, что в "Комсомолке" он тогда "погорячился": дескать, молодозелено...

Х: ... извини, как звали Бойма по имени и отчеству?

К: В русской транскрипции Александр Евсеевич, но он был еврей и настоящее имя было, вероятно, другим. Моисеевич или что-то в этом роде.

Х: Он был автором книг для детей или теоретиком детской и юношеской литературы?

К: Теоретиком? Нет. Он был обыкновенным журналистом средней руки. Умный, способный организатор. Но Макаренко всё время сидел у него как кость в горле. Он всё

время искал ему какую-нибудь альтернативу: называл то Н.К. Крупскую, то С.Т. Шацкого, то М.М. Пистрака, то С.М. Ривеса, то ещё кого-нибудь. Во многом благодаря этой целеустановке А. Бойма произошло возвышение В.А. Сухомлинского, хотя очевидно, что этот весьма заурядный педагог никак не может быть поставлен рядом с гениальным А.С. Макаренко.

При всём своём уме и, я думаю, при абсолютной порядочности А. Бойм тоже не понимал теорию Макаренко. Помню, как в 1963 году в журнале отмечалось 75-летие со дня рождения Антона Семёновича. Ключевую статью А. Бойм поручил написать мне. Я взялся за дело и скоро принёс работу на просмотр.

– А это что? – спросил Александр Евсеевич. Какие ещё такие разновозрастные отряды?

Я опешил. Без разновозрастных отрядов нет технологии Макаренко. Но А. Бойм продолжал:

– Если методика Макаренко неприменима в классе, то зачем она вообще нужна?..

Я пытался доказывать, что технология Макаренко рассчитана на целый коллектив во главе с директором, что класс для неё слишком тесное пространство, но был вынужден уступить: заменил разновозрастные отряды на классы.

Х: А. Бойм говорил тебе что-нибудь о мотивах своего выступления против Макаренко в 1938 году?

К: Да. Как-то он сказал откровенно (он вообще был честным человеком): "Я в то время был молод и, конечно, глуп, молод и дерзок. Я не знал, с каким человеком имел дело. Но теперь понимаю, кто есть Макаренко". Ему казалось, что он понимает.

Х: А что говорили о Макаренко другие современники, с которыми ты был знаком? Моноззон, например? Как его звали?

К: Еле Исаевич. Это был очень умный человек и достаточно принципиальный. Он мне рассказывал, как в январе 1938 года он организовал в Наркомпросе РСФСР цикл лекций Антона Семёновича.

Х: Он рассказывал тебе, как он познакомился с Макаренко?

К: Он пригласил его через Союз...

Х: ... Союз писателей...

К: Да. Союз писателей. Макаренко выступал в газетах против Наркомпроса и Моноззон решил вблизи посмотреть на этого бунтаря.

Х: И так Моноззон организовал тот цикл лекций... Эти лекции были для широкой аудитории или только для руководящих сотрудников комиссариата?

К: Для руководства.

Х: У Моноззона были какие-то мнения о характере Антона Семёновича?

К: Я не раз его спрашивал об этом. И он говорил всегда одно и то же: "Тяжёлый был характер. Никому и ни в чём не уступал. Даже по пустякам (!). Никогда не улыбался. Когда говорил, то казалось, что он специально разбивает нашу веру в пух и прах. Это раздражало: "Подумаешь, явился мессия". Но он гнул своё".

А.С. Бубнов его поддерживал,¹⁹ но Н.К. Крупская не воспринимала на дух. "Дам-соцвос" шёл по всей стране от неё. Макаренко это знал, но идти против самой вдовы В.И. Ленина не боялся.

Х: Ты уже говорил однажды, что у Моноззона из-за этих лекций Макаренко были неприятности...

К: Он на год был исключён из партии: "Что за педагогику ты нам рекомендовал?!" И продолжали в том духе, что она не имеет ничего общего с марксистско-ленинской теорией. Когда же были опубликованы "Сочинения" Антона Семёновича (историческая заслуга Галины Стахиевны), положение лишь усугубилось. "Марксистско-ленинские теоретики" объявили Макаренко настоящую войну. А когда убедились, что атакой в лоб ничего не добьёшься, прибегли к испытанной тактике схоластов и догматиков. Начали выдирать из системы великого педагога отдельные цитаты и приспособливать их к своим псевдонаучным творениям. Так началось и продолжается расчленение настоящей, научной теории воспитания на безжизненные кровотокающие куски, которые силой интегрируются в так называемую "советскую педагогику".

Х: Гм... Цикл лекций Макаренко в Наркомпросе, это было в то время, когда комиссариатом руководил Тюркин, уже после Бубнова...

Дополнительные штрихи к портрету А.С. Макаренко

К: Да. Сразу после Бубнова наркомом просвещения России был назначен этот Тюркин. Но он продержался год и куда-то исчез с наробразовских горизонтов.

Х: А ты знаешь, Тюркин имел какое-нибудь отношение к Макаренко?

К: Не знаю.

Х: Как тебе известно, в стенограммах выступлений Макаренко этого цикла, хранящихся в ЦГАЛИ, содержится только то, что он говорил. Никаких дискуссий...

К: ... никаких вопросов и ответов, ничего...

Х: Но почему? Это оригиналы или Галина Стахивна так их "причесала"? Отредактировала и перепечатала?

К: Не знаю. Но вопросы должны были бы быть, непременно!

Х: Я тоже так думаю. Так что мы имеем дело не с оригиналами, а с новыми записями...

Но теперь другой вопрос: после смерти Антона Семёновича Фадеев распорядился создать комиссию по "увековечению памяти А.С. Макаренко". Должно быть, Фадеев и при жизни Макаренко имел отношение к его судьбе...

К: ... вместе с Шолоховым...

Х: ... к этому я вернусь. Г.В. Гасилов говорил мне, что Фадеев был инициатором награждения А.С. Макаренко орденом. Это было в конце января 1939 года.²⁰ Пожалуй, это действительно было так..

К: Очень вероятно. Фадеев был председателем Союза писателей...

Х: ... в таком случае это весьма возможно.

К (смеётся): Одно его слово и...

Х: ... тогда только вопрос: орден Ленина или...

К: ... даже Золотая звезда...

Х: А теперь о Шолохове. Неожиданно он был единственным, кто был оценён А.С. Макаренко в позитивном плане в статье от 30-го декабря 1938 года, и также был единственным, названным по имени. А в Харькове 9-го марта 1939 года, отвечая на вопрос, кого он считает своим любимым писателем, Антон Семёнович, не колеблясь, назвал имя Шолохова. Он даже назвал его "писателем мирового масштаба". Зато о Фадееве в работах Макаренко нет ни единого высказывания и только единственное упоминание (см. "Больше коллективности", 1937 г.). Может быть, ты что-нибудь нашёл. В записных книжках?

К: Нет.

Х: Не мог бы ты ещё раз повторить историю, которую тебе рассказывала Галина Стахивна. Когда оба они, Фадеев и Шолохов, радикально вмешались в судьбу Макаренко, уже висевшую на волоске...

К: Пожалуйста.

Х: Она шла по одной из московских улиц...

К: ... по Каменному мосту, что между Кремлём и "Домом на набережной" (Трифонов). Отсюда и до Лаврушинского переулка рукой подать. Как известно, в этом доме жили Тухачевский, Подвойский и многие другие известные люди. Почти всех их перебил Сталин. Так вот: Галина Стахивна шла по этому мосту и обливалась слезами. И тут ей на встречу Фадеев и Шолохов. Оба навеселе...

Х: ... подвыпивши...

К: ... да, да – навеселе. Они её спрашивают: "Галочка, ты что ревёшь как белуга?" А та сквозь слёзы отвечает: "Завтра должны арестовать Тосика. Мне сообщили, что из Киева на него поступили бумаги как на врага народа". И тут Шолохов сказал: "Перестань реветь, мы идём к Сталину...".

Х: ... то есть они именно к нему и направлялись...

К: Да, он им назначил приём. А. Шолохов продолжает: "Мы это уладим, всё будет в порядке".

Х: Ты говорил, что, по описаниям Галины Стахивны, это было летом...

К: Да-да...

Х: ... летом 1937-го или 1938-го года? Наверное, трудно сказать...

К: Почему трудно? Если я правильно вспомнил, Галина Стахивна говорила о лете 1938 года.

Х: Но ты говорил, что сам Антон Семёнович об этом ничего не знал. Его оценки Шолохова никак не связаны с этим эпизодом. Галина Стахивна, чтобы не волновать его, ничего ему не рассказала.

К: Да, он ничего не знал. Галина Стахивна получила эту страшную информацию из Киева по своим каналам.²¹

Х: Но как тогда объясняется это позитивное упоминание имени Шолохова в выступлениях Антона Семёновича? Может быть, Галина Стахивна говорила мужу, что у неё были какие-то дружеские контакты с Шолоховым? Или это имеет какое-то другое объяснение.

К: Во-первых, я думаю, что Шолохов был для Макаренко примером действительно великого писателя, мастера слова... Во-вторых, тут политическое родство душ. Антон Семёнович не мог не видеть, с каким сочувствием народу Шолохов изображает гражданскую войну и коллективизацию, полные зверства, насилия, крови. Макаренко не мог не видеть, в какое время он живёт, куда ведёт страну патологический террор Сталина. Теперь мы знаем "Собачье сердце" Булгакова. Наступало царство Шариковых. Интеллектуальный слой русского народа беспощадно вырубался. Мы прямоком шли к величайшей в истории генетической катастрофе. Романы Шолохова – последний крик предупреждения. Этот крик Макаренко, конечно, слышал. Что касается экономической стороны, то здесь уже была полная катастрофа. Только на неё закрывали глаза. В царское время, рассказывала Галина Стахивна, Антон Семёнович получал такую зарплату, что мог с шиком бросить нищему целковый...

Х: Это значит, что он был к тому же щедрым...

К: ... очень щедрым...

Х: ... при царе...

К: ... да, при царе. Он был великодушным человеком, несомненно. Но ещё и с чудачествами. Однажды он вообще выбросил всю зарплату. Немного подгулял и, возвращаясь домой, – дело было в Долинской, – швырял на железнодорожное полотно один золотой за другим, так сказать, сорил деньгами в прямом смысле слова.

Х: Щедрым он был, вероятно, также и потому, что как учитель железнодорожной школы получал хорошие деньги...

К: Да-да-да-да. Никаких проблем.

Х: Вернёмся к советскому времени. В 30-е годы. Галина Стахивна была, как известно, членом партии. Но потом, ещё в Харькове, "механически" выбыла из её рядов. В Москве она, кажется, хотела восстановиться, но Антон Семёнович был против...

К (тяжело вздыхает): Если Галина Стахивна говорила мне правду, то что-то похожее было. Отвращение к Сталину было у Макаренко так велико, что однажды он и партию сравнил с колхозом, который безропотно подчиняется величайшему из террористов, "единодушно одобряет" все его действия. Он выразился так: "Солнышко, если ты вернёшься в этот колхоз, я повешусь". Это точная передача слов Галины Стахивны. Макаренко отчётливо представлял себе, что тогда происходило в стране, какую роль играл Сталин в этой трагедии, как он и его клика по существу отстранили партию от руководства обществом. Партия превратилась для Сталина в личных казачков для посылок. Макаренко сам не был принят в партию и, вероятно, он хотел, чтобы и жена осталась беспартийной.

Х: Про этот "колхоз" в записных книжках ты ничего не встречал?

К: Нет...

Х: А я натолкнулся на такое место: "Можно представить себе человека, который предан до отказа, но который не вступает в партию потому, что так удобнее работать". Эта запись (№ 547) относится к киевскому периоду (осень 1935 г.).

К: Может быть он чувствовал себя обиженным из-за того, что теперь он человек третьего сорта, раз его не приняли тогда в партию. Он-то знал, как много он для партии сделал...

Х: ... не только для партии, но и для всего Советского Союза!..

К: ... да, для всего Советского Союза... Повторяю: Макаренко, конечно, понимал, в какое время он живёт. Сталинский режим приводил его в ярость. Мне бросилось в глаза при чтении записных книжек, что он почти на каждой странице с раздражением пишет о дураках. Создавалось впечатление, что он всюду, вверху и внизу, видел одних дураков.

Со мной находится текст следующей записи (№ 530); она также относится к 1935 году: "В будущей совершенной стране, где даже температура мира устанавливается по градуснику, снарядили экспедицию для изучения дикого мира, и в диком мире нашли трамвай, дураков и бюрократов". Почему трамвай – не знаю. А с дураками и бюрократами всё ясно...

Помню такую запись: "Зачем всё время сравнивать то, что было, с тем, что есть? Надо сравнивать то, что было, с тем, что могло бы быть". Или ещё: "Ну, ладно, мы строим светлое будущее. Но разве стоит это будущее того, чтобы нынешнее поколение жило в нищете, било вшей, влачило жалкий образ жизни". Так приблизительно это звучит. Что должно означать это будущее? Лучше жрать, лучше одеваться, лучше жить, и для этого мы должны жертвовать своей жизнью!

Х: Странно. Ведь публично наш гений даже льстил режиму...

К: А что же ты хочешь? Так делали многие, чтобы сохранить себе жизнь. А Макаренко должен был сберечь к тому же и величайшие свои открытия. Я думаю, что Шолохов тоже пользовался этим приёмом. "Поднятая целина", с моей точки зрения, – это не гимн "мудрой политике", а беспримерное по силе изобличение замешанной на крови и чернозёме коллективизации сельского хозяйства. Хотя в книге упоминается как заботливо и вовремя сказанное слово известная статья Сталина "Головокружение от успехов".

Х: Ту запись о том, что нет смысла жертвовать жизнью сегодня для того, чтобы кто-то спустя много-много лет досыта ел и хорошо одевался... Это, пожалуй, крайнее выражение политических взглядов Антона Семёновича. А не было чего-нибудь похожего в отношении текущей политики?

К: Это не политические высказывания, это философские наблюдения и выводы, я бы сказал философия жизни...

Х: ... советская философия жизни или философия советской жизни... В одном месте Антон Семёнович очень едко пишет о бытовой аморальности украинских наркомпро-совцев того времени...

К: Есть такая запись: "Они совокупляются на столах во время обеденного перерыва. Что это за люди? Как они могут руководить?" Эти слова врезались мне в память. Они вели себя так, как древние римляне в последний день Помпеи и при этом оставались законодателями в области воспитания.

Х: Наша беседа близится к концу. Я хотел бы ещё раз вернуться к временам после смерти Макаренко. К роли, которую играли тогда не писатели, а педагоги. Например, Каиров, который после Потёмкина стал президентом только что образованной Академии педагогических наук РСФСР. Он ведь лично знал Антона Семёновича и предлагал ему принять участие в создании учебника педагогики.

К: Моё личное мнение: Каиров сыграл важную роль в судьбе педагогического наследия Макаренко. Это он распорядился, правда, не без настойчивых ходатайств Галины Стахивны, образовать лабораторию, которая привела в порядок научное и художественное наследие Макаренко, подготовила превосходное семитомное собрание его сочинений. Так что, Галина Стахивна, конечно, очень добивалась такого решения: но будь на месте Каирова другой человек – могло бы ничего не получиться. Впрочем, Академии надо было как-то отреагировать на настойчивые требования общественности. Газеты того времени очень резко ставили вопрос о систематическом издании трудов Антона Семёновича.

Х: Валентин, большое спасибо за содержательный разговор. Я убеждён, что этой беседой ты внёс важный вклад в дело историческо-биографического макаренковедения.

Кроме того, для читателя протокола нашей беседы неожиданно представилась возможность узнать ранее неизвестные стороны общеизвестного советского учёного. В результате можно сказать, что наше интервью принесло дополнительные штрихи к портретам и А.С. Макаренко, и В.В. Кумарина. Ещё раз спасибо.

КОММЕНТАРИИ

¹ "Народное образование". 1962, № 10, с.105–108 (здесь: с. 105), Украинский макаренковед Н.П. Нежинский приводит цитаты из записных книжек №№ 3, 5, 7, 9 и 12; *Нежинський М.П. Життя і педагогічна діяльність А.С. Макаренка*. Вид.2-е. Київ, 1967.

² В "Народном образовании" (см. выше) говорится между прочим: "Остались только те (записные книжки – Г.Х.), которые Макаренко вёл с 1927 по 1939 год".

³ Т.Л.: "Мне бабушка никогда не говорила о потере писем. Много писем А.С. к бабушке я держала в руках. Бабушка читала их мне. Я сейчас не помню не одного слова из этих писем, у меня осталось только ощущение музыки, прекрасной музыки, что-то напоминающее то состояние, когда слушали Римского-Корсакова. Я ещё тогда думала – какое счастье получать такие письма. Но это мои субъективные ощущения. А вот объективные факты – в записях Г.С. за апрель 1961 года есть следующие:

22.4. "Елизавета Фёдоровна (Григорович – Г.Х.) работает над письмами Антонушки ко мне".

29.4. "В семь часов уехала Е.Ф. Осталось ещё закончить 50 писем. То же, что и 27. Е.Ф. взяла с собой папку с письмами А.С. ко мне".

Были ли это те же письма, о которых говорит В.В. или другие, я не знаю, но их было довольно много.

⁴ Т.Л.: "Здесь В.В. прав. Есть в дневнике Г.С. следующая запись: "После смерти Антонушки во мне умерла женщина... И в этом была какая-то сила, какое-то горестное сознание своей верности: вот чиста я и безупречна и не было ни единого слова "лжи" в моём чувстве к Антону, так естественно "просто" без всяких усилий и сожалений произошла во мне эта перемена: навеки закрылась какая-то мощная и святая дверь в этот светлый сад настоящей любви, но у меня был сын! Другая любовь, другое счастье..., а сейчас... мать, – и её радости, страдания, могут умереть только вместе с физической смертью..."

⁵ Т.Л.: "Здесь В.В. что-то путает. Бабушка правда была больна, но в больницу её не отвозили. Отец октябрь месяц отдыхал с женой в Крыму. Он к этому времени несколько располнел и жене это не нравилось. Она хотела, чтобы он похудел и заставляла его бегать по горам. А ведь у него была гипертония. Об этом мне рассказывал В. Ключник (бывший коммунар – Г.Х.). Приехав из отпуска, отец плохо себя чувствовал и 24-го ноября (1957) у него произошёл инсульт. Дня два он пролежал без сознания и умер.

А бабушка казнила себя за то, что не уследила за его здоровьем, за здоровьем А.С. Она говорила, что всегда считалось, что больна была она, а оказалось, что она была самая здоровая, если смогла пережить две такие утраты".

⁶ О.М.: "Не помню, чтобы к нам завалилось такое количество гостей, да ещё и за полночь. Вообще, в нашем доме никогда не было пьяного застолья. Не верю я в эту историю с 50 бутылками шампанского. Чепуха какая-то!

⁷ Т.Л.: "Делать из дом. работниц фетиш не стоит. Дворянское происхождение Г.С. здесь не при чём. В те времена и где-то примерно до 60-х годов наличие домработниц в семьях было обыденным делом.

Даже дома строились с учётом домработниц, т.е. для них делалась специальная комната. Такая комната была на Лаврушинском, такая комната была на квартире моего деда в Спасо-Песковском переулке (старый Арбат). Причём в семье моего деда дом. работница была с 1922 года, когда родилась моя мать, а затем их было две. А происхождения дед и бабушка "рабоче-крестьянского". Их предки – крепостные крестьяне семьи Гончаровой Наталии – жены Пушкина.

"Господское хозяйство" было не причём. Домработницы очень часто работали только за харчи. Ведь это были девушки, женщины из деревень, которых голод гнал в город. За что работать, такого вопроса не стояло, лишь бы выжить. Для того, что всё это понять, надо знать ситуацию тех лет в стране. Да и не только тех лет. Годов с 60-х стало уже труднее содержать домработницу. А теперь и практически невозможно."

⁸ О.М.: "Этого сказать и не могла, ибо не знаю, когда и как появилась в доме Макаренко Г.С. Салько. Когда я пришла в эту семью, Г.С. была уже там.

Я сказала лишь, что однажды случайно услышала из разговора между бабушкой (Татьяной Михайловной Макаренко – Г.Х.) и дядей только одну фразу, сказанную бабушкой: "Тося, зачем тебе нужна была эта барыня, неужели мало на свете хороших женщин?"

⁹ Т.Л.: "Мне бабушка рассказывала такую же версию".

О.М.: "Никогда не видела ни на руке Антона Семёновича, ни на руке Г.С. обручальных колец. Куда же могли деться эти золотые кольца?"

¹⁰ Т.Л.: "Бабушка говорила мне, что А.С. очень хотел практической работы – директором школы или Болшевской коммуны. Он приезжал сюда, знакомился. Но в этих желаниях ему было отказано.

Причины смерти А.С. конечно, в перегрузках и остановить его было невозможно, т.к. это был человек не умеющий не работать.

Но бабушка в своих дневниках пишет и о других причинах.

"... Тосю послали в Кисловодск, приехал он в последних числах декабря (следует читать: ноября /1938 г./ – Г.Х.) в Москву, а 1 апреля 1939 года, через 3 месяца, скоропостижно умер. После вскрытия оказалось, что Кисловодск и нарзанные ванны были для него смертельны..."

И ещё: "... Антонушка, который за шесть недель до смерти говорил, что единственно, чему он мог бы ответить на оскорбления Фёдора Левина – это дуэль! Так задето, оскорблено было то святое и прекрасное, чему он отдал жизнь... Я всегда считаю Фёдора Левина и тех "кто с ним" – убийцами Антона..."

Так что, видимо, имел место целый букет причин.

¹¹ Архив лаборатории "Макаренко-Реферат", Марбург.

¹² ЦГАЛИ, ф.332, оп. 4, ед.хр.183, л.59 (с некоторыми изменениями также в: Пед, соч., т.4, с.309).

¹³ Т.Л.: "Бабушка в разговорах со мной о семейной жизни любила повторять: "Терпеть не могу кухонных мужиков. Я никогда не позволяла Антонушке никаких кухонных дел".

И есть её записи в дневниках, где она клянет себя за то, что не сумела сохранить двух самых любимых людей и пишет о том, что только одного греха на ней нет, она никогда не обременяла их домашней работой".

¹⁴ Т.Л.: "Это верно. Она очень жалела, что у неё не было ребёнка от Тоси, что ей пришлось сделать аборт. Но у неё почти вся семья умерла от туберкулёза и она очень боялась".

¹⁵ Т.Л.: О "начальниках" в дневниках бабушки есть следующие записи:

"Самое трагичное, что дело его не только никто не считал великим, но никто просто ничего не понимал в его деле. ... все эти окружающие его тогда бесчисленные "Б." – Балицкий – тот просто не снисходил к Антону со своих "высот", как и прочие наркомы. А все эти Блат, Букшпан, Бачинский, кто их ещё знает какие..."

Дополнительные штрихи к портрету А.С. Макаренко

Барбаров. Да и Броневой. ... Что же на фоне всех этих "Б.", потребителей и расточителей активного таланта, Броневой, пожалуй, самая колоритная фигура.

Когда он уезжал к этим людям, я всегда боялась за него... боялась, что арестуют его... Почему и за что? Ну, тогда уже было так ясно, что захотят и возьмут... А причины, кто их спросит и у кого! ... Этим людям я не верю – узурпаторам и оскорбителям власти... И я тогда прекрасно знала, что если Антона не арестовали, то только потому, что он зарабатывал им ордена. Кто-то из этих "Б." – по-видимому, это понимал, а, значит, обязательно таил злобу против Антона и уничтожил бы его, когда А.С. стал уже ему конкурентом в его, Броневого, например, личной славе "организатора" и "творца" коммуны.

Никогда я не могу забыть и до сих пор чувствую это оскорбление, тяжкое поругание, когда в пятилетие коммуны на торжественном заседании этот самый Броневой вылез на трибуну и в своей речи бросил Антону: "пусть Макаренко не думает, что он создал коммуны. Конечно, его работу мы знаем, но это мы чекисты создали Макаренко".

Не знаю, как А.С. пережил эти слова, да и мало ли он видел последнего хамства от этих людей".

"Такие же чиновники хотели посадить Антона в 1937 г. в Киеве и только "случайно" не посадили. Травили его, разрушали его работу, боялись публиковать его произведения, применять его метод и систему. Сейчас закроют лабораторию по изучению его наследия". / Лаборатория по изучению педагогического наследия А.С. Макаренко при Институте теории и истории педагогики АПН РСФСР под руководством Г.С.М. существовала в 1943–1951 г.г. – Г.Х./.

¹⁶ О.М.: "Материально Г.С. меня не поддерживала, это неправда. Это был *единственный* случай, когда В.В. привёз мне этот конверт с деньгами. Это было вскоре после моего развода с мужем. Я крайне нуждалась тогда, мне срочно нужны были деньги, и я обратилась сама к Г.С. за помощью.

Не помню, когда и где мы познакомились с В.В. Кумариным, но только не в доме у Салько, так как после смерти Левы (в 1957 г.) я у неё никогда не бывала. Она просила, чтоб я не приходила к ней, ибо, по её словам, если я войду в дверь, то вместе со мной войдёт её совесть. А вот этого она не переживёт. И я, оберегая её покой, не переступила, вплоть до её смерти, порога её дома".

¹⁷ Т.Л.: "Бабушка мне рассказала о брате А.С., что его он очень любил и долго с ним переписывался. А.С. очень переживал, когда она умолила его прекратить переписку. Сейчас можно сказать, что этим она в то время спасла А.С. от ареста. ... то, что этот вопрос беспокоил и в конце 50-х годов, совершенно верно. Ведь тогда тоже было криминалом иметь родственника за границей, да ещё "белогвардейца".

А вообще в 1942 г. бабушка писала о себе так: "Вся моя работа имеет для меня смысл как слава моего Антона. А я, только скромная и обыкновенная женщина, которой выпали честь и счастье быть его женой".

¹⁸ См.: Хиллиг Г. Он родился и вырос в России. Вместо некролога. Марбург, 1987, с. XXIX–XXXII.

¹⁹ Об этом рассказывал Г.В. Гасилов в беседах с В.В. Кумариным и Г. Хиллигом.

²⁰ См.: Запись беседы с Г.В. Гасиловым, 07. и 21.12.1982 г. Архив лаборатории "Макаренко-Реферат" в Марбурге. О роли Фадеева в подготовке указа Президиума Верховного Совета СССР "О награждении советских писателей", в т.ч. и Макаренко, см. также: "Знамя". 1988, № 3, с.50.

²¹ В сентябре 1936 г., т.е. непосредственно после первого московского показательного процесса, Макаренко был обвинён партийной организацией коммуны им. Дзержинского в "контрреволюционных", "антисоветских" высказываниях и с этим косвенно в "троцизме". Из досье следует, что только вмешательство наркома внутренних дел В.А. Балицкого спасло Макаренко от увольнения с работы, ареста и, возможно, даже расстрела...

Эти до сих пор неизвестные данные имеются в личном деле А.С. Макаренко, которое хранится в архиве МВД УССР в Киеве. Украинский макаренковед Н.Н. Окса затронул этот вопрос в своём выступлении на макаренковедческом симпозиуме в Марбурге в апреле-мае 1989 г. (текст выступления был подготовлен им в соавторстве с Ф.И. Науменко). Это вызвало спор в советской печати: В "Учительской газете" от 16.05. с.г. в своей статье о ходе симпозиума Кумарин поносил Оксу, не сообщая читателям о содержании киевского документа. Он обвиняет Оксу в незаконном присвоении архивных материалов и разглашении их деликатного содержания за рубежом. Отклики Оксы, а также Хиллига были опубликованы в газете "Учитель Узбекистана" от 16.09., выступление Оксы-Науменко – в "Учительской газете" от 12.09.1989 г.

Выше упомянутое Кумариным событие относится, очевидно, ко времени после ареста Балицкого: над Макаренко – протеже наркома, который теперь сам стал жертвой сталинской чистки – вновь нависла угроза преследования.

Дополнительные штрихи к портрету А.С. Макаренко. Беседа Г. Хиллига с В.В. Кумариным. (Марбург, 2 ноября 1988 г.) // Марбург: Makarenko-Referat, 1989 (Opuscula Makarenkina, Nr. 10). – С. V–LIII.

СТАЛИНСКИЕ ГРЕХИ МАКАРЕНКО

Когда после второй мировой войны А.С. Макаренко начал пропагандироваться в странах народной демократии как величайший советский педагог, это означало также, что он был представителем той эпохи в истории СССР, которая характеризовалась промышленным подъёмом и героизмом, но в то же время произволом и террором, ибо эта эпоха была эрой Сталина.

Влияния культа личности Сталина не мог избежать и Макаренко. Этим, между прочим, объясняется то, что на Западе его педагогические взгляды очень часто вызывали чувство неприятия – в отдельных его текстах ясно просматривалось почитание Сталина.

Следует признать, что некоторые сталинистские высказывания, которые встречаются в биографии Макаренко, написанной Е. Балабановичем, сказались фальшивками. В тексты Макаренко их включила в конце 40-х годов его вдова Г.С. Макаренко. Как распорядительница макаренковского наследия, она «обогастила» его произведения ссылками на Сталина, а в некоторых случаях заменила именем Сталина имя Ленина. Естественно, что эти фальшивки следует отличать от сталинистских высказываний самого Макаренко, которые содержатся в его публицистике 1936–1937 годов и которые столь часто цитировались когда-то на Западе.

1. Первый «Московский показательный процесс».

Работы Макаренко начала 30-х гг. содержат и критические замечания об отдельных отрицательных явлениях советского быта (правда, все они были изъяты из собраний его сочинений, вышедших посмертно). В отличие от этих работ его беллетристические произведения и прежде всего публицистика, которая относится ко времени первого показательного процесса в Москве (август 1936 г.) и подготовительной кампании к выборам в Верховный Совет СССР (октябрь 1937 г.), изобилуют панегириками в адрес Коммунистической партии и Сталина. В своём большинстве эти высказывания можно рассматривать как необходимость вынужденного приспособления к обстоятельствам...

Первое из этих высказываний появилось сразу после того, как были обнародованы смертные приговоры всем 16 обвиняемым в первом «Московском процессе» – в киевской газете «Літературна газета» от 29 августа 1936 г., органе Союза писателей Украины. В этой статье, озаглавленной «Всенародний вирок» («Всенародный приговор»), Макаренко определённо одобряет приговоры, вынесенные в Москве, и пишет в заключение: «Наша мысль сейчас безраздельно устремлена к защите товарища Сталина. Хочется в особенно горячих и необычайно сердечных, живых словах передать ему нашу взволнованную любовь...».

Судя по газетным сообщениям тех дней, Макаренко тогда выступил на двух специально по этому поводу созванных собраниях киевских писателей, где принял участие в общественном осуждении еврейского писателя по фамилии Шаевич, которого обвиняли в «троцкизме».

Особенно много ссылок на Сталина и партию можно обнаружить в тех работах Макаренко, которые были написаны им во время кампании по подготовке к первым выборам в Верховный Совет СССР после принятия новой («Сталинской») конституции 1936 года.

Особо стоит упомянуть здесь две статьи о предвыборных собраниях в Сталинском избирательном округе Москвы. Эти статьи были напечатаны в центральных газетах – в «Известиях» от 21 октября и «Литгазете» от 26 октября 1937 года. Характерно, что обе публикации не вошли ни во второе, «десталинизированное» издание самого авторитетного до сих пор семитомного собрания «Сочинений» Макаренко, ни в последнее восьмитомное издание его «Педагогических сочинений». Речь идёт о двух статьях – «Наше знамя!» и «За дорогое будущее, к которому, ведёт Сталин». В них говорится о «чувстве благодарности к Коммунистической партии, неразрывном с чувством благодарности к товарищу Сталину», «одному из величайших гениев человеческой истории, обладающему невиданным ещё в мире авторитетом...»

К сожалению, пока что не удалось обнаружить личные записки Макаренко, из которых можно было бы узнать, как он относился в действительности к случившемуся, в осо-

бенности к событиям 1936–1937 годов. Правда, в записных книжках Макаренко есть отдельные интересные в этом отношении высказывания. Одно из них относится к тогдашнему разжиганию истерии шпионажа: «Таня – это несчастное существо. Ей десять лет... это дитя с отцом ведёт такой разговор:

- Теперь надо быть бдительным. Нужно ловить шпионов и смотреть.
- За кем же ты будешь смотреть?
- За всеми. И за тобой, и за мамой.
- Ну, разве я могу быть шпионом?
- ...– А, конечно, можешь быть». (Осень 1938).

Единственным известным откликом Макаренко на массовые аресты того времени является его ответ на вопрос одного из участников обсуждения «Книги для родителей» 9 мая 1938 г. Вопрос был поставлен так: «Если отец арестован, нужно ли у ребёнка вызывать чувство ненависти к отцу?» Ответ Макаренко на него является довольно туманным и одновременно очень банальным – его можно понимать и как конформизм самого худшего вида и даже как частичное одобрение происходившего.

«Если ребёнок маленький, он забудет, но если он сознательный и политически разбирается, нужно, чтобы он считал этого отца врагом своим и своего общества. Нужно воспитывать логику, что не только он хорош потому, что он отец. Конечно, воспитывать специально чувство ненависти не нужно, потому что это может расстроить ребёнку нервы и измочалить его, но вызывать чувство отдалённости, чувство, что это враг общества, нужно, иначе быть не может, иначе ваш ребёнок останется в таком разрыве: с одной стороны – враг, с другой стороны – отец...»

2. Демонстрация политической «бдительности».

В феврале 1937 г. Макаренко вместе с семьёй переселился из Киева в Москву. В своей первой московской публикации – отклике на постановление пленума ЦК ВКП(б), который был напечатан в «Литгазете» от 10 марта 1937 г., Макаренко вносит предложение привлекать в будущем к сотрудничеству в Союзе писателей СССР (членом которого он был с 1934 г.) также и беспартийных. Очевидно, что он имеет в виду самого себя – как раз в это время врачи запретили ему заниматься какой-либо систематической деятельностью. Здесь же он пишет: «Ощущение моей связи с партией, ощущение моего гражданского и человеческого, политического и нравственного единства с ней давно затухало и нивелировало звучание слова «беспартийный». И поэтому решения, подобные решению последнего пленума, принимаешь, как решения моей партии, моего коллектива, моей страны. И я глубоко горжусь тем, что в его подготовке есть и моя доля, есть участие и моей работы, и моей страсти, и моей мысли».

3 марта 1937 г. Сталин выступил на этом пленуме ЦК с погромной речью «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», в которой он провозгласил и заранее оправдал новые меры по борьбе с мнимыми троцкистскими элементами и направляемыми за границей «заговорщиками». Ко времени написания своей статьи Макаренко, конечно, не был знаком с этой речью; она была опубликована в «Правде» лишь 29 марта 1937 г.

Свою политическую «бдительность» в это время Макаренко проявлял не только в статьях на актуальные внутриполитические события, но и в рецензиях на беллетристические новинки, в которых поднимались злободневные вопросы. Здесь стоит вспомнить, прежде всего, «разнос», который Макаренко учинил повести начинающей ленинградской писательницы Натальи Гирей «Шестьдесят восьмая параллель». В повести изображается один из «трудлагерей» НКВД по «перевоспитанию» политических и уголовных преступников. Рецензия была напечатана в «Литгазете» от 15 июля 1937 г. под заголовком «Вредная повесть». Заключительная часть этой рецензии звучит как политический донос:

«Книга сделана настолько неудачно, с таким нарушением законов перспективы, с таким преобладанием вражеских тонов и вражеских слов... и с такой холодностью, что, при всём моём желании быть снисходительным к молодому автору, я не могу быть снисходительным».

3. Награждение орденом и вступление в партию.

С начала февраля до начала марта 1939 года, т.е. непосредственно перед XVIII съездом ВКП(б), количество высказываний Макаренко на внутриполитические темы, под-

креплённых цитатами из речей Сталина, снова возрастает. Вскоре он напишет заявление с просьбой о приёме в партию. Вне всякого сомнения, побудительной причиной этой вновь возникшей «тесной связи с партией» было неожиданное награждение Макаренко орденом Трудового Красного знамени за заслуги в развитии советской литературы.

Написанная в то время, но опубликованная лишь посмертно статья «О коммунистической этике» содержит суждения Макаренко по поводу «чисток» предшествовавших лет. Он указывает, в частности, на то, что «в последние годы мы имели случай убедиться в том, что некоторые люди, которые особенно многословно декларировали свою революционность, оказались тайными врагами революции». Далее Макаренко требует принять меры для обнаружения «вредительства» именно в области воспитания и в этой связи пишет: «Эффективность враждебного вмешательства в области народного воспитания может быть очень большой, и здесь его труднее обнаружить. Вредительство в области воспитания может быть скрыто надолго, так как результаты воспитания появляются очень медленно и всегда в более или менее спорных формах...»

Аналогичный призыв доносить – на этот раз в области литературы – содержится в статье «Литература и общество», которая была опубликована в «Литгазете» (5 февраля 1939 г.): «Я отвечаю за то, что в своей работе я буду честен и правдив, чтобы в моём художественном слове не было искажения перспектив и обмана. Там, где я вижу победу, я должен первым поднять знамя торжества, чтобы обрадовать бойцов и успокоить малодушных и отставших. Там, где я вижу прорыв, я должен первым ударить тревогу, чтобы мужество моего народа успело как можно раньше прорыв ликвидировать. Там, где я вижу врага, я должен первым нарисовать его разоблачающий портрет, чтобы враг был как можно раньше уничтожен».

К вопросу об «уничтожении врагов» Макаренко вернулся ещё раз во время выступления перед харьковскими студентами 9 марта 1939 г. На вопрос одного из слушателей: «Если неисправимых нет, то как вы смотрите на высшую меру наказания – расстрел?» Макаренко отвечает вначале уклончиво, ссылаясь на поучительный пример о «высшей мере наказания» в коммуне им. Дзержинского – исключении из коллектива. Затем он всё же переходит к существу вопроса – ликвидации действительных или мнимых политических противников – и, по существу, совершенно неожиданно, пугающе хладнокровно приносит в жертву интересам коллектива жизнь «врага», т.е. отдельного человека.

Стенограмма этого выступления хранится в ЦГАЛИ (ф.332, оп.4, ед. хр.187, лл.33–34), и в ней такие строки: «И, конечно, и расстрел в нашей стране совсем не значит, что тот человек, которого расстреляли, почему-либо неисправим, наверное, с ним ещё можно возиться, но коллективный опыт, коллективное требование, коллективный гнев, – вот что нас, прежде всего, интересует. Мы уничтожаем таких врагов, хотя возможно, что они как-нибудь могли прожить, и, уничтожая их, мы усиливаем наше требование к человеку, и наше уважение к коллективу, и наши надежды, и нашу ненависть к врагам».

В советской печати эти строки никогда не публиковались без купюр и без «смягчения» их смысла.

4. Макаренко – «классовый враг».

Двумя с половиной годами раньше Макаренко сам был объявлен «врагом». Это событие, известное лишь некоторым советским исследователям, позволяет рассматривать поведение Макаренко в годы террора в новом свете. Свидетельства этого события находятся в личном деле педагога и писателя, которое хранится в архиве МВД УССР. 5 сентября 1936 года Макаренко, будучи уже помощником начальника отдела трудколоний НКВД Украины в Киеве, приехал в Харьков, чтобы принять участие в празднике по случаю очередного выпуска коммунаров из коммуны имени Дзержинского.

Некоторые высказывания, которые Макаренко якобы сделал в своей речи перед коммунарами-выпускниками, секретарь партячейки коммунист Огий использовал для политического доноса на Антона Семёновича (см. «Учительскую газету» от 12 сентября 1989 г.).

Однако Макаренко не был ни арестован, ни даже снят с работы. В его судьбу вмешался тогдашний нарком внутренних дел В. Балицкий. Спустя некоторое время Макаренко с семьёй выехал в Москву.

Сталинские грехи Макаренко

После ареста В. Балицкого доносчики попытались достать Макаренко и в Москве. К счастью, им это не удалось. Он умер естественной смертью.

Сталинские грехи Макаренко / Г. Хиллиг // Учительская газета. – 1990. – № 5 (январь). – С. 4.

От редакции

Сегодня вокруг наследия А.С. Макаренко ведётся немало споров. Основываясь на новых документах, ставших доступными в последние годы, или идя по пути новой интерпретации хорошо известных фактов, относящихся к жизни и деятельности советского педагога, специалисты-макаренковеды из разных стран значительно расширили во второй половине 80-х гг. диапазон своих исследований. Публикуемая в этом номере статья «Макаренко и НКВД» известного западногерманского исследователя Г. Хиллига, руководителя Марбургской лаборатории по изучению биографии и творчества А.С. Макаренко, посвящена теме, которая ранее не обсуждалась в советской научно-педагогической литературе. [...] Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на международной конференции макаренковедов в Польше (27–28 нояб. 1988 г.). По просьбе автора гонорар за эту публикацию будет перечислен в фонд «Мемориал».

Почти десять лет – с осени 1927 до весны 1937 г. – А.С. Макаренко состоял в качестве педагога на службе в органах госбезопасности Украины (ГПУ и НКВД) – в коммуне им. Дзержинского в Харькове и потом в отделе трудколоний в Киеве. Эти факты сейчас общеизвестны, чего нельзя сказать о самих обстоятельствах его деятельности в органах. Особенно мало известно о киевском периоде (1935–1937). В настоящей статье ставится задача определить положение Макаренко в системе органов госбезопасности Украины, его отношение к ней. При этом будут использованы как давно известные материалы, так и новые источники.

Благодаря работе в коммуне им. Дзержинского – учреждении, которое было открыто в 1927 г. ГПУ Украины, – у Макаренко появились знакомые среди чекистов. Здесь, прежде всего, следует назвать А.О. Броневого, которому была поручена организация коммуны, и М.М. Букшпана. Броневого был единственным чекистом, кого Макаренко называет в «Педагогической поэме» по имени (правда, лишь в двух первых, 1936 г., изданиях), а в пьесе «Мажор» 1935 г. он увековечил его в образе Крейцера.

В «Поэме», в главе «Завоевание комсомола», написанной в 1933 г., ГПУ, как известно, приписывается главная роль в создании комсомольской ячейки в колонии им. Горького (события происходят в 1923 г.): только после того как комсомольцы комендатуры ГПУ позаботились о колонистах, те смогли наконец осуществить свою мечту о создании собственной комсомольской ячейки.

Но более вероятно другое – что колонисты, а также и сам Макаренко установили более тесные контакты с ГПУ только после «завоевания Куряжа», т.е. в 1926 г. И сделали они это через Н.А. Балицкую – сестру председателя ГПУ Украины В.А. Балицкого, который занимал этот пост долгие годы. Н.А. Балицкая была в то время председателем шефской комиссии колонии им. Горького. ГПУ, в задачи которого входила и борьба с детской беспризорностью, вскоре, летом 1927 г., пригласило Макаренко на педагогическую работу в коммуну им. Дзержинского. Здесь он нашёл, в отличие от наробразовских организаций, «учреждение замечательной чёткости» – так он писал 28 февраля 1928 г. Горькому.

В 1936 г. Макаренко отметил в статье «Максим Горький в моей жизни», что чекисты «подобрали» его «беспризорную педагогику» и «не только не дали ей погибнуть, но дали высказаться до конца».

Но многочисленные архивные материалы свидетельствуют, что это было далеко не так. И, тем не менее, советское макаренковедение до недавнего времени цепко держалось за легенду о том, что Макаренко работал в коммуне им. Дзержинского всё время до 1935 г. и даже руководил ею все эти годы. При этом советские исследователи не упоминали о конфликтах Макаренко с правлением коммуны – органом, который состоял из чекистов, замалчивались ими поэтому и попытки Макаренко уйти из коммуны. Обойдено их вниманием, впрочем, и особое положение Макаренко в коммуне – он не был ни сотрудником ГПУ, ни даже членом компартии. А конфликты были. Так, уже в середине марта 1928 г., т.е. спустя меньше трёх месяцев после открытия коммуны, дело дошло до первого столкновения на заседании Украинского научно-исследовательского института педагогики, где обсуждались макаренковские планы воспитательной работы в коммуне им.

Дзержинского (карикатурная версия заседания известна по заключительной части «Педагогической поэмы»). Судя по протоколу заседания, который пока что не опубликован, решительными оппонентами здесь были не только сотрудники института, т.е. «педагогического Олимпа», но и чекист – ответственный секретарь правления коммуны Письменный (см.: ЦГАЛИ СССР, ф.332, оп.4, ед. хр.145, л.39–46).

Один из наиболее часто встречающихся в макаренковедении тезисов гласит, что все достижения коммуны, в том числе увеличение производства электроинструментов и малоформатных фотокамер, являются заслугой Макаренко. Действительность же выглядит иначе: превращение этой детской трудовой коммуны в фабричный комплекс, для которого определяющими были прежде всего экономические показатели, где основой производства всё в большей степени становились наёмные рабочие, никакого отношения к коммуне не имевшие, и где воспитанники стали со временем меньшинством (процесс, который активно проводился правлением коммуны), – это превращение происходило против воли Макаренко. Круг же его обязанностей и прав становился всё меньше и меньше – сначала он был заведующим всей коммуной, но с 1932 г. стал начальником педагогической части (это направление, как уже сказано, не было приоритетным) и одновременно «помощником» часто менявшихся начальников коммуны. Столкновения с начальством приводили всё чаще к попыткам уйти из коммуны, чтобы начать дело на новом месте. Однажды даже речь шла о том, чтобы «забрать с собой» всех воспитанников (в Ленинград, осень 1929 г.), но это было запрещено правлением коммуны (см.: А.С. Макаренко. [Кн. 10]. Львов, 1978. С.136). Ещё одна причина желания Макаренко уйти из коммуны – стремление реализовать свои писательские планы, для чего он собирался уехать в Москву сначала на время, а потом навсегда.

Переезд Макаренко из Харькова в Киев в конце июня 1935 г. стоит целиком объяснить влиянием Балицкого, который высоко ценил его педагогическую деятельность в коммуне. Предшествовали этому три важных для Украины события: в июле 1934 г. столица УССР была перенесена из индустриального центра республики Харькова в историческую столицу Украины Киев (председателем соответствующей комиссии по перенесению был Балицкий); в июле 1934 г. ГПУ было распущено и его прежние функции были переданы Народному комиссариату внутренних дел (им руководил также Балицкий); наконец, в мае 1935 г. все детские трудколонии местных и центральных органов народного образования были переданы в ведение НКВД, где был отдел трудколоний. Руководителями этого отдела и тем самым непосредственными начальниками Макаренко были Л.С. Ахматов и, с осени 1936 г., – С.Ф. Пинкус.

В «Педагогической поэме» есть пассажи, по которым можно судить об отношении Макаренко к НКВД после его переезда в новую столицу Украины. Это заключительные главы третьей части, которые возникли уже в Киеве. Кроме известного высказывания о восхищавшем Макаренко коллективе чекистов (его он описывает как «настоящее содружество», которое он долго искал) в третьей части «Поэмы» первоначально содержалось и другое его высказывание. Оно касается методов работы ЧК и НКВД. Здесь есть также несколько других, позже вычеркнутых мест с особенно критическими высказываниями о бывших начальниках и противниках Макаренко в Народном комиссариате просвещения УССР, а также в Украинском научно-исследовательском институте педагогики. Их он считает виновными в том, что в 1928 г. был вынужден уйти из колонии им. Горького.

Но самое интересное здесь – отрывок из второй половины третьей части «Поэмы» (главы 8–15), который проникнут презрением и возмущением. Эти главы были написаны не в коммуне им. Дзержинского, а уже в Киеве. Судя по соответствующим пометкам на рукописи, Макаренко создал последние 8 глав «Поэмы» частично в своём кабинете – во время и после работы. При этом – как следует из вычеркнутого позже места в главе 9 – он ощущает в себе «неизмеримое могущество» и одновременно «то страшно широкое, размахнувшееся тысячами километров полей, лесов и морей, во все стороны, то, что является основанием моего могущества, – СССР». В этой новой для себя обстановке, отделённой в пространстве и во времени от харьковских событий, Макаренко среди прочего записывает: «...Коллективы, как и люди, могут умирать не только от старости, они могут погибать в полном расцвете сил, надежд и мечты, их так же в течение одного дня могут задушить бактерии, как они могут задушить человека. И будущие книги напишут, какие порошки и дезинфекции нужно употреблять против этих бактерий. Уже и сейчас известно,

что самая малая доза НКВД очень хорошо действует в подобных случаях. Я сам имел возможность видеть, как быстро издох профессор Чайкин, как только приблизился к нему уполномоченный ГПУ, как быстро сморщилась его учёная мантия, как отвалился от его головы позолоченный нимб и, звеня, покатылся по полу и как легко профессор обратился в обыкновенного библиотекаря. На мою долю выпало счастье наблюдать, как закопошился и начал расползаться «Олимп», спасаясь от едких порошков чекистской дезинфекции, как дрыгали сухие ножки отдельных козявок, как по дороге к щелям или сырому углу они замирали без единой сентенции. Я не сожалел и не корчился от сострадания, ибо в это время я уже догадался: то, что я считал Олимпом, было не что иное, как гнездо бактерий, несколько лет назад уничтожившее мою колонию» (Год XVIII. Альманах восьмой. Москва, 1936. С. 332–333).

Нам представляется весьма вероятным, что это место в тексте, которое осталось лишь в двух первых, вышедших весной 1936 г. изданиях третьей части «Поэмы», вычеркнуто самим Макаренко. А причиной был, по нашему мнению, процесс против «троцкистско-зиновьевского террористического центра» в августе 1936 г. Именно с этого времени НКВД заявил о себе в полный голос, а размахом и многообразием форм работы эта организация прямо-таки заставила обратить на себя внимание всего населения страны.

Поскольку чекисты в «Педагогической поэме» предстали положительными героями, Горький предлагал Макаренко написать беллетристическое произведение специально на такую тему. В его письме от 8 октября 1935 г. об этом сказано следующее: «Так же, как Вы, я высоко ценю и уважаю товарищей этого рода. У нас писали о них мало и плохо и писали не от удивления перед героями, а, кажется, «страха ради иудейска». Сами они, к сожалению, скромны и говорят о себе молча. Было бы очень хорошо, если бы, присмотревшись к наркомвнудельцам, Вы написали очерк или рассказ «Чекист». Попробуйте. Героическое Вы любите и умеете изобразить». И почти одновременно (12 октября) Горький сообщает одному из своих корреспондентов – С.Г. Фирину (вместе с ним и литературным критиком Л.Л. Авербахом он издал сборник «Беломорско-Балтийский канал имени И.В. Сталина»), что он на днях прочитал третью часть «Поэмы», где Макаренко «отлично говорит о «чекистах», о стиле их работы и отношении к людям» (Архив А.М. Горького ИМЛИ АН СССР. 2с–9–1/2).

После своего окончательного возвращения в Москву из Италии летом 1933 г. Горький участвовал не только в работе редакционной коллегии этой книги о лагере ОГПУ «Беломорстрой», но и в публикации сборника очерков о коммуне НКВД в Болшево под Москвой – том самом, известном также и за границей учреждении по перевоспитанию малолетних и почти взрослых правонарушителей, которое затем получило имя Г.Г. Ягоды. Уже в 1934 г. Горький, когда речь зашла о тогда только что законченной второй части «Поэмы», обратил внимание Макаренко на то, что «особенно резко полемизировать по поводу Вашего метода воспитания Вам не стоит, метод этот оправдан на Беломорско-Балтийском водном пути и по Печоре...». Эта точка зрения Горького полностью соответствует официальному взгляду того времени на ресоциализацию малолетних и взрослых преступников, по которому возвращение заблудших в лоно общества происходит посредством «перековки», т.е. с помощью трудколоний и трудкоммун, а также через «концлагеря» (как они назывались с 1919 г., когда в РСФСР были созданы учреждения для изоляции и перевоспитания «социально ненадёжных лиц») и через «исправительно-трудовые лагеря» (так стали называть эти учреждения после того, как в гитлеровской Германии появились «концентрационные лагеря»). Поэтому-то Горький в предисловии к книге «Большевы. Очерки по истории Большевской имени Г.Г. Ягоды трудкоммун НКВД» (М., 1936) поставил «Педагогическую поэму» в один ряд с другим только что вышедшим тогда произведением об исправительно-трудовых лагерях: «От преступления к труду». Издали его И.Л. Авербах, сестра литературного критика, и А.Я. Вышинский, позже – главный обвинитель на «московских показательных процессах». Это странное, не вполне понятное современным читателям приравнивание двух разных явлений – ресоциализации малолетних правонарушителей в трудколониях и трудкоммунах и «перековки» взрослых уголовников и политических заключённых принудительным трудом в соответствующих учреждениях ГПУ/НКВД – можно найти также и в некоторых рецензиях на книгу Макаренко.

Макаренко ценил украинских чекистов, с которыми он тогда работал, не только как «образец советского «нового» человека» (выражение западногерманского макаренковеда

И. Рюттенауэр), в их окружении он совершенно не беспокоится за свою воспитательную концепцию – НКВД за долгие годы работы стал его «педагогической родиной». Особенно явно это сказано в двух соответствующих выступлениях Макаренко – в мае и октябре 1936 г. в Москве.

Его выступление перед педагогами в Высшем коммунистическом институте просвещения (точная дата его не установлена) стало известно макаренковедам лишь позже, а именно в 1969 г., когда была опубликована редакция его стенограммы, подготовленная ещё Г.С. Макаренко (умерла в 1962 г.) и В.Е. Гмурманом. В их передаче соответствующие пассажи об НКВД звучат следующим образом: «В системе НКВД, где я сейчас работаю, опираясь только на марксистско-ленинскую теорию, воспитывают прекрасных людей, а педологическую теорию опыт НКВД игнорирует. Поэтому пока только в нашей системе детских домов принцип Маркса о соединении обучения с производственным трудом и физическим развитием проведён в жизнь и продолжен до конца».

«На основе учения Ленина, его науки и тактики мы обязаны создать и создадим принципиально новую революционную науку и деловую педагогическую технику, не успокаиваясь на том, что сто лет тому назад дал Песталоцци. И в нашем творчестве мы должны брать за образец большевика, а не Песталоцци» (А.С. Макаренко. Кн. 7. Львов, 1969. С. 145, 147).

Когда я работал в 1982 г. в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, мне удалось отыскать ту самую машинописную стенограмму выступления, которую Г.С. Макаренко и В.Е. Гмурман взяли за основу, когда готовили публикацию. Там это место выглядит несколько иначе (кстати, в новое восьмитомное собрание «Педагогических сочинений» А.С. Макаренко не попала ни та, ни другая редакция этого выступления):

«НКВД, опираясь только на Маркса, а не на педагогическую теорию, делает людей.

А педагогическая теория опыт НКВД игнорирует, а только у нас принцип Маркса о соединении обучения с производственным трудом продолжен до конца».

«Вы обязаны создать новую педагогическую технику, не успокаиваясь тем, что дал Песталоцци. Чекиста возьмите за образец, а не Песталоцци» (ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр. 188, л. 36, 38).

Выступление Макаренко перед читателями «Педагогической поэмы» на подшипниковом заводе им. Кагановича также не было включено в семитомное собрание его сочинений. Но в отличие от стенограммы выступления Макаренко в Высшем коммунистическом институте просвещения, которую Г.С. Макаренко скрыла сознательно, стенографический отчёт мероприятия в «Шарикоподшипнике» был найден позже, и в 1965 г. в журнале «Наш современник» опубликовали укороченную версию выступления Макаренко.

Это выступление состоялось на собрании рабочих завода 25 октября 1936 г., т.е. спустя всего два месяца после первого «московского процесса», закончившегося вынесением смертных приговоров противникам Сталина (несколькими неделями раньше с поста народного комиссара внутренних дел СССР был смещён Ягода). Когда Макаренко спросили о его «связях с педагогическим миром», он среди прочего сказал следующее (так как это место в стенограмме до сих пор в СССР не печаталось, я хочу привести его здесь без сокращений):

«В настоящее время в НКВД я как-то совсем отошёл от педагогического мира просто потому, что у нас свой педагогический мир. Чекисты не кончают педтехникумов и вузов, а делают большое воспитательное дело. Это вы можете видеть на каждом шагу. Воспитывают они не только детей, но и взрослых. Я пока этим педагогическим миром вполне удовлетворён.

Конечно, приходится мне встречаться с педагогами-специалистами. Должен признаться, что, как я ни хочу подойти к ним ласково и с открытой душой, всё-таки у них и до сих пор есть против меня какое-то предубеждение. Настоящего мира между нами нет» (ЦГАЛИ СССР, ф.163, оп.1, ед. хр.871, л.44).

Спустя полгода – уже после переезда в Москву – Макаренко скажет в связи с коммуной им. Дзержинского, что на основании этого опыта «уже можно формулировать и аксиомы и теоремы советского воспитания, формулировать точно и открыто, и доказывать. Надеюсь, что со временем это удастся сделать, тем более теперь, потому что это не

только моя работа, а работа многих людей и в особенности чекистов Украины» (ИМЛИ АН СССР, отдел рукописей, ф.114, оп.1, д.1, л.19).

К 100-летию Макаренко писатель Михаил Рощин написал в «Известиях» (12 марта 1988 г.) среди прочего следующее:

«Правда, всю жизнь дружил с чекистами, взявшимися за спасение беспризорных детей. Съединный Наркомпросом, Макаренко в 1928 г. ушёл под крыло ГПУ, в коммуну им. Дзержинского. «Флаги на башнях», завод ФЭД, «Марш 30 года», – я думаю, это всем известно. Но чекисты 21-го года и чекисты 30-го, а тем более 35-го и 37-го – это, конечно, даже физически не одни и те же чекисты».

С этим тезисом, конечно, нельзя не согласиться. Чекисты первого, приленинского поколения и чекисты – исполнители сталинской воли, особенно в годы массового террора, далеко не одно и то же.

О контактах Макаренко с НКВД в западном макаренковедении писали уже с 50-х гг., но это всё более или менее спекулятивные построения. Так, швейцарский исследователь Й. Эрет написал, наверное, не в последнюю очередь из-за того, что чекисты в «Педагогической поэме» представлены положительными героями, что Макаренко «был всегда защитником органов безопасности». А позже родился более радикальный взгляд на проблему (его придерживается живущий ныне в ФРГ советский учёный М. Восленский), согласно которому Макаренко сам был чекистом. Когда я попросил М. Восленского пояснить свой тезис, то получил следующий ответ: уже на основании служебного положения Макаренко следует исходить из того, что он не мог не быть причастным к ГПУ или НКВД, хотя и не в качестве «оперативного работника», но всё же как «принадлежавший в самом широком смысле слова к ЧК».

Три опубликованных в СССР в последнее время документа, а также ещё не напечатанные архивные материалы, кажется, подтверждают эту версию.

Однако в письме к одному из членов правления коммуны им. Дзержинского в декабре 1930 г. Макаренко прямо указывает на то, что его положение в коммуне чрезвычайно затруднительное – из-за того, что он «человек беспартийный и не состоящий сотрудником ГПУ» (ЦГАЛИ СССР, ф.332, оп.4, ед. хр.377). Но на служебном удостоверении Макаренко от 17 февраля 1936 г. (помощник начальника отдела трудовых колоний в Киеве), есть приписка, что он «состоит на службе в НКВД УССР» (*Лисенко П.Г., Убийцов И.С.* Антон Семёнович Макаренко. Київ, 1969, л.64). И напечатанные в 1935 и 1936 гг. фотографии изображают Макаренко в военной форме и со знаками различия звания сержанта НКВД, что соответствовало его тогдашней должности (Макаренко А.С. Теория и практика коммунистического воспитания / Сост. А.А. Фролов. Киев, 1985. С.64).

Эти фотографии вместе с некоторыми другими были опубликованы, кстати, не как документы, т.е. с комментариями, а просто как иллюстрации. Более того, возможно, те, кто их публиковал, и не подозревали обо всех этих деликатных деталях. В советском макаренковедении нет до сих пор ни слова относительно того, был ли Макаренко в силу своей службы в НКВД УССР чекистом. Характерно, что вышеупомянутые документы вдова Макаренко всю свою жизнь скрывала. Эти, впрочем, как и многие другие, материалы и документы оказались в ЦГАЛИ лишь после смерти Галины Стахивны.

То, что административная деятельность в Киеве не особенно нравилась Макаренко, известно из его письма Горькому от 28 сентября 1935 г. Спустя три месяца после неожиданного для него перевода в Главное управление НКВД он среди прочего пишет следующее: «Работа у меня сейчас бюрократическая, для меня непривычная и неприятная, по хлопцам скучаю страшно». Горький ответил письмом от 8 октября: «Если Вас тяготит «бюрократическая» работа и Вы хотели бы освободиться от неё – давайте хлопотать. Я могу написать т. Б. (Балицкому. – Г. Х.) или П.П. Постышеву, могу просить Ягоду, чтоб Вас возвратили к ребятам» (Архив А.М. Горького. ПГ-рл 25–3–22).

Неизвестно, как отреагировал Макаренко на предложение Горького, поскольку его ответ не сохранился. Но 4 недели после смерти Горького Макаренко обратился, как и положено, в форме рапорта, к своему начальнику Л.С. Ахматову: «31 год я всегда работал непосредственно с детьми, я не имею никакого опыта работы в административном аппарате, польза, приносимая мной здесь, совершенно ничтожна... Поэтому прошу Вас ходатайствовать перед наркомом (Балицким. – Г. Х.) о скорейшем освобождении меня от

должности помнача ОТК» (цит. по: Воспитание и правопорядок. 1988. № 1. С. 35). 10 октября 1936 г. Макаренко временно стал руководить колонией № 5 в Броварах под Киевом.

О том, что Макаренко работал в Киеве в особенной должности, свидетельствует также и то место в его записной книжке, где речь идёт о трудностях в связи с уходом из НКВД. Эта запись датирована 20 марта 1937 г. – Макаренко жил уже в Москве. Позже он съездил в Киев и побывал у заместителя председателя ГПУ УССР – К.М. Карлсона. После этой встречи он написал в записной книжке: «...у К.М. просидел вечер. Он ещё меня не отпустил, но обещал сказать слово у В.А. (Балицкого. – Г. Х.). Как будто трудно меня уволить. А между тем Пинкус (новый начальник ОТК. – Г.Х.) на мой вопрос, получу ли я зарплату после 20 февраля, говорит, что меня в штате нет, что платить нечем. А сегодня уже 20 марта. А кроме того, П. просит составить ему большой отчёт в Москву. Как это всё так совмещается? А ведь В.А. может ещё меня не отпустить?» (Архив лаборатории «Макаренко-реферат». Марбург).

В уже упоминавшемся выше выступлении Макаренко на подшипниковом заводе им. Кагановича он говорил (это место советские издатели оставили без изменений, правда, не снабдив нужными комментариями): «...у нас, в нашем ведомстве НКВД, которое занимается исключительно перековкой взрослых и малолетних правонарушителей...» (Пед. соч. Т.4. С.29). Публикуя стенограмму этого выступления в серии Марбургской лаборатории «Опускула макаренкиана» ещё полтора года назад и не зная действительных обстоятельств, я выдвинул по поводу этого места следующее предположение: «Учреждению системы НКВД, в котором тогда работал Макаренко (отдел трудколоний), подчинялись только колонии для ресоциализации малолетних правонарушителей, но не – как сказано в выступлении – трудовые лагеря для «перековки» взрослых уголовных и политических преступников, которыми ведал ГУЛаг» (Opuscula Makarenkiana. N 7. Marburg, 1987, S.87).

Недавно мне стало известно, что моё предположение оказалось не совсем верным: наряду с трудкоммунами для малолетних правонарушителей (например, коммуна им. Дзержинского и колония им. Горького) отделу трудколоний НКВД УССР подчинялись и учреждения для взрослых преступников, осуждённых на срок лишения свободы до трёх лет. Они назывались «трудовые колонии для заключённых» и «исправительно-трудовые колонии» (см.: МСЭ. Т.10. М., 1940. С. 861).

Принимая это во внимание, становится ещё более понятным, почему Макаренко делал весной 1937 г. всё для того, чтобы освободиться от «не свойственных ему обязанностей» и заняться в Москве писательской деятельностью.

Но ведь всё могло быть и совершенно иначе! Р.А. Медведев сообщил в своей книге «К суду истории» следующее: М.С. Погребинский, который организовал и многие годы руководил Первой коммуной ОГПУ в Болшево, избежал участия в проведении репрессивных мероприятий, участвовавших при Ежове (аресты, ссылки, «высшая мера наказания»), тем, что в 1937 г., после назначения на должность начальника НКВД Горьковской области, застрелился...

На 2-м Марбургском совещании по актуальным тенденциям макаренковедения в мае 1986 г. западногерманский учёный Л. Фрёзе указал на то, что Макаренко по многим причинам – из-за принадлежности в молодости к эсерам, из-за долголетней связи с Е.Ф. Григорович, дочерью и женою священников, и, наконец, из-за своего «заграничного родственника», – так сказать, выполнил все «условия» для того, чтобы в годы террора быть причисленным к «врагам народа» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Когда Макаренко вступал в НКВД и заполнял соответствующую анкету, он записал следующие данные о своём брате (советское макаренковедение ещё до последнего времени хранило молчание о нём – младшем брате А.С. Макаренко – Виталии, который «контрреволюционером» эмигрировал сначала в Болгарию, а потом во Францию, где и прожил всю жизнь). В анкете специального назначения работника НКВД от 17 ноября 1935 г. он писал: «Мой брат Виталий Семёнович Макаренко, род. 1895 г., с августа 1919 года был в армии Деникина – подпоручиком, сейчас в эмиграции... местожительство мне не известно, связи не имею» (ЦГАЛИ СССР, ф.332, оп.4, ед. хр.350).

Ещё до начала «страшных лет ежовщины» (выражение Анны Ахматовой) Макаренко в августе 1936 г. выступил с весьма положительной рецензией сборника «Большевцы» в «Литературной газете», где предложил издать эту книгу также и на иностранных

языках, чтобы способствовать её распространению за границей. После того как 3 апреля 1937 г. был арестован Ягода, Болшевскую коммуны «ликвидировали»: некоторым писателям и литературным критикам, в том числе и Авербаху, было тогда поставлено в вину, что Ягода протезировал им; эти политические события коснулись и Макаренко – сборнику «Болшевцы», который он рецензировал, теперь учинили «разнос». Эта книга – как было сказано в статье, появившейся в конце июля 1937 г. в журнале «Красная новь» (№ 7. С.235), – «представляет собою беззастенчивую рекламу Ягоде», которую сочинили приспешники Авербаха в ходе их кампании по «вредительской деятельности, по срыву и саботажу общественно-литературных начинаний, мероприятий и мыслей Горького» (о котором теперь шла речь, что он стал жертвой преступления). В результате сборник был изъят из книжных магазинов и библиотек. А то, что Макаренко после ареста Ягоды – не в последнюю очередь из-за рецензии на «Болшевцев» – находился в затруднительном положении, можно утверждать на основании его личных записей.

Ягода предстал перед судом на третьем «московском процессе» вместе с Бухариным, Рыковым и другими, был приговорён к расстрелу и вскоре казнён (15 марта 1938 г.), а его украинский коллега Балицкий (на его имя, в отличие от имени Ягоды, в СССР было наложено табу) был расстрелян без всякого суда уже 27 ноября 1937 г. (см.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С.88). В советской прессе в прошлом (1987) году несколько раз называлась цифра сотрудников органов НКВД, которые были при Ежове объявлены врагами народа и казнены, – 20 000 человек. «Репрессированы» были тогда также Бронева и Букшпан.

Изабелла Рюттенауэр писала в своей книге о Макаренко, вышедшей в 1965 г.: «Едва ли можно предположить, что Макаренко ничего не знал о задачах, которые ставили перед собой чекисты, и о методах, с помощью которых они их решали, как, впрочем, нельзя сказать, что всё это было известно ему в полной мере. Всё, что он написал о чекистах в «Педагогической поэме», происходило ещё до разгула репрессий. То, что он знал об этом, он, по крайней мере, не осуждал...»

На основании некоторых (пока не опубликованных) высказываний Макаренко можно заключить, что «методы», с помощью которых чекисты решали свои «задачи», были ему хорошо известны. Так, в стенограмме его доклада 21 апреля 1937 г. «Художественная литература о воспитании детей» есть такое замечание в связи с задержанием беспризорных: «А когда мы их взяли в руки – а это чекисты всё-таки смогли сделать...» (ИМЛИ АН СССР, отдел рукописей, ф.114, оп.1, д.2, л.25). Да и, кроме того, от него не могло уйти то, что в следующие несколько месяцев многие его коллеги-писатели в Москве были арестованы и обвинены в самых невероятных преступлениях.

В конце апреля 1937 г. Макаренко побывал вместе с другими писателями и журналистами на только что законченном канале Волга – Москва, о чём он рассказал в зарисовке «Несколько часов на канале». Он увидел здесь «дело колоссального размаха и колоссального успеха, дело нескольких тысяч инженеров и целой армии строителей», которые «это колоссальное дело» завершили в сравнительно короткие сроки – всего за 4 года (Пед. соч. Т.6. С. 215). В этой зажигательной статье, которая появилась в «Литературной газете» 1 мая, Макаренко ни словом не обмолвился о том, что все эти инженеры и рабочие были заключёнными. Причина этого, по-видимому, незадолго до этого произошедший арест Ягоды – «строителя» канала. В рукописи данной статьи всё же содержится ссылка на то, что канал – это «произведение» НКВД: «Сказано было окончить канал к 1 мая 1937 г., они так только и сделают, а если бы нам поручили, ого! Сколько месяцев в году и сколько есть разных годов, очень большой выбор» (ЦГАЛИ СССР, ф.634, оп.1, ед. хр. 533, л. 10). О непунктуальности и ненадёжности писателей – что здесь обыгрывает Макаренко – он ещё позднее вспомнит, например, в своём последнем публичном выступлении (29 марта 1939 г.), правда, уже без ссылки на пунктуальность и точность чекистов – качества, свойственные ему и ценные им в них.

Пока что нельзя ответить на вопрос, почему же Макаренко, имея столько «отягчающих обстоятельств», о которых сказано выше, не был подвергнут «репрессиям». Достоверно известно о существовании по крайней мере одного доноса о «политических отклонениях» Макаренко в то время, когда он жил в Киеве: он обвинялся в публичной критике Сталина, в «антисоветских, контрреволюционных мыслях». Этот донос лежит в его личном деле и снабжён рукописным распоряжением Балицкого прекратить расследова-

ние (см.: Учительская газета. 1989. 12 сент.). Как писала 9 октября 1988 г. газета «Московские новости», за каждого выявленного «врага народа» доносчику-осведомителю сразу же выплачивалась тогда наличными определённая сумма из спецфонда НКВД (около 15 рублей за душу по теперешнему курсу).

Характерно, однако, что, переехав в Москву, Макаренко никогда не говорил публично о своей работе в отделе трудколоний НКВД УССР. Этой же традиции следует и Е.Н. Медынский в своих монографиях о Макаренко, написанных в 40-х гг. В своих московских докладах и выступлениях Макаренко всегда говорил о 16 (а не о 15, как было на самом деле, но в советских изданиях произведений Макаренко «16 лет» заменено в большинстве случаев на «15 лет») годах работы в колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского (кстати, о последней он, как правило, не говорил, что она является учреждением системы ГПУ/НКВД). Наконец, в томе 27 БСЭ, вышедшем весной 1938 г., ни словом не упоминается деятельность Макаренко в органах госбезопасности. В этом тексте, в основе которого лежат личные данные, отобранные, конечно же, самим Макаренко, о его деятельности в годы Советской власти сказано лишь следующее (с. 729): «В 1920 организовал под Полтавой трудовую колонию им. М. Горького, которой руководил 8 лет. Затем вёл руководящую работу по организации других детских трудовых коммун и колоний на Украине».

Из всего сказанного следует:

1. На основании своей деятельности в коммуне им. Дзержинского (1927–1935), а также в отделе трудколоний НКВД УССР (1935– 1937) Макаренко ценил чекистов как хороших организаторов, а не только за их деятельность в борьбе с беспризорностью.
2. В киевский период своей жизни Макаренко находился не только под политическим покровительством чекистов. Здесь он обрёл своего рода «новую педагогическую родину», поддержку в его разногласиях с представителями украинского Наркомпроса, особенно после опубликования «Педагогической поэмы».
3. При Ежове, т.е. в период массовых репрессий, Макаренко приложил усилия, чтобы уволиться с должности помощника начальника отдела трудколоний НКВД УССР и навсегда уйти из системы НКВД.
4. После переезда в Москву (1937) Макаренко стремился не привлекать внимания к своей деятельности в украинском НКВД.

А.С. Макаренко и НКВД / Г. Хиллиг // Советская педагогика. – 1990. – № 9. – С. 118–125.

**ПЕРЕПИСКА
А. С. МАКАРЕНКО
С М. ГОРЬКИМ**

Академическое издание

Под ред. Г. Хиллига, при участии С.С. Невской

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Переписка А.С. Макаренко и А.М. Горького, продолжавшаяся 10 лет, позволяет полнее воссоздать периоды развития педагогического опыта А.С. Макаренко, существенно дополняет и уточняет сведения о колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, открывает новые аспекты в теоретических воззрениях и характеристике личности выдающегося педагога. Публикуемый материал расширяет представления читателей о литературно-художественном творчестве А.С. Макаренко, отражая ряд важных моментов истории создания 'Педагогической поэмы'. Так в комментариях к переписке характеризуют её значение составители восьмитомника 'Педагогических сочинений' А.С. Макаренко (т.1, Москва, 1983, с.359).

Собственно говоря, речь идёт здесь о двух совершенно разных по характеру переписках. Сначала это была переписка заведующего колонией Макаренко с живущим в Италии писателем, который с большим участием следит за жизнью и судьбой своих подшефных и хочет, по его выражению, быть им чем-нибудь "полезным". Но Макаренко-педагог отклоняет эти предложения, и воспитанники в этом его поддерживают. А впоследствии, после посещения Горьким Куряжа и ухода Макаренко из колонии (1928 г.), переписка приобрела несколько иной характер: писательские намерения и творческая работа стали решающими для Макаренко, к чему добавилось и желание покинуть коммуну им. Дзержинского, а позже и отдел трудколоний НКВД УССР и переехать в Москву. При этом он не только с благодарностью принимает помощь, но и сам просит о ней Горького, который, прежде чем окончательно возвратиться на родину (1933 г.), дважды приезжал в "Союз Советов" (1931, 1932 г.г.).

Этот важный для исследования жизни и творчества Макаренко источник публикуется без сокращений и искажений впервые за более чем 50 лет, прошедших после смерти обоих корреспондентов. Явление показательное – оно проливает свет на состояние советского макаренковедения за этот период.

Сочинения Макаренко до сих пор публикуются в Советском Союзе почти исключительно с целью популяризации его воспитательной системы, без должного внимания к научно-текстологическим проблемам. Это в полной мере относится и к стилю работы Академии педагогических наук (АПН РСФСР и АПН СССР), которая пользуется приоритетным правом в издании текстов Макаренко. Самым свежим результатом академических усилий является восьмитомник "Педагогических сочинений", опубликованный в 1983–1986 годах в Москве. Наши коллеги из ГДР успели перевести и выпустить (с частичными поправками) лишь первые три тома этого собрания трудов Макаренко (Берлин, 1988–89 г.г.).

Настоящее издание содержит полный текст всех известных на сегодняшний день писем этой переписки, а именно: 26 писем Макаренко и 20 – Горького, с параллельным переводом на немецкий язык и с обстоятельными комментариями. Основу издания составляют подлинники, хранящиеся в Архиве А.М. Горького Института мировой литературы АН СССР.

Длительность переписки значительная – с июля 1925 по октябрь 1935 г.г. Правда, имелось несколько кратких и один продолжительный перерыв (с октября 1929 по октябрь 1932 г.г.). Кроме одного письма Горького (от 13 декабря 1925) и по всей вероятности двух писем Макаренко (июль 1933, октябрь 1935) переписка сохранилась полностью.

После смерти своего "шефа, друга и учителя" Макаренко передал письма, которые он получил от Горького, "комиссии по приёму литературного наследства и переписки А.М. Горького". Эта комиссия, созданная 18 июня 1936 года, обратилась в "Литературной газете" от 30 июня "ко всем учреждениям и частным лицам, имеющим письма, рукописи с

правками А.М. Горького, с просьбой передать их в комиссию". Собранные комиссией материалы были приобщены к личному архиву писателя, в котором имелись наряду с макаренковскими письмами и отдельные черновики горьковских писем, и машинописные копии некоторых писем обоих корреспондентов. Эти материалы составили организованный в феврале 1937 года постановлением ЦИК СССР "Архив А.М. Горького". В макаренковском фонде Центрального государственного архива литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ) хранятся фотокопии писем Горького, которые Макаренко по своей просьбе получил уже в апреле 1937 года из Архива А.М. Горького, а также четыре конверта писем Горького (№№ 32, 33, 37, 39) – на отдельных стоят важные для их датирования штампы (ф.332, оп.4, ед.хр.313). (Впрочем, на всех конвертах писем из Сорренто и Москвы стоит штамп "R" (Recommandé) или "З" (Заказное).) Кроме того, там (ед.хр. 258) хранятся пять авторских машинописных копий писем Макаренко (№№ 29, 31, 38, 42, 44).

История публикации переписки отражает противоречия в обращении с этими источниками со стороны советских составителей собраний сочинений Макаренко и Горького. Отбор писем производился с определённой идеологической установкой, во многих случаях письма сокращались, а иногда публиковались с некоторыми изменениями. При этом такие вмешательства не были отмечены в комментариях. Кроме того, читателю не сообщалось о действительном объёме переписки, т.е. о количестве сохранившихся в архиве писем. Комментарии к письмам были недостаточными и частично даже неправильными. Прежде всего, это касается специфики развития народного образования тех лет на Украине в общем и в частности положения дел в колонии и коммуне. Все эти, мягко говоря, "недостатки" до сих пор остаются вне поля зрения советского макаренковедения.

Первая серия в объёме 14 писем Горького (два из них были опубликованы ещё при жизни адресата) была включена в пятое издание "Педагогической поэмы", вышедшее уже после смерти Макаренко (Москва, 1940). 5 писем Горького и 4 письма Макаренко опубликовал З. Карасик 19.06.1946 г. в "Учительской газете". Цикл из 21 письма Макаренко и 16 писем Горького печатался Н.А. Сундуковым в "Известиях АПН РСФСР", (вып.38, Москва, 1952) и включён в почти неизменённом виде в семитомник "Сочинений" Макаренко (т.7, Москва, 1952). 15 писем Горького печатались в тридцатитомнике его "Собраний сочинений" (т.т. 29, 30; Москва, 1955–1956). Некоторые из опубликованных там впервые пассажи были впоследствии включены во второе издание семитомника Макаренко (т.7, Москва, 1958).

Дополнительные письма к этому "канону" переписки вышли в свет только в конце 60-ых годов, т.е. после смерти вдовы Макаренко Галины Стахивны: два письма Горького в "Правде" от 24.03.1968 г. к столетнему юбилею со дня его рождения и всего четыре письма Макаренко в "Учительской газете" от 26.03.1968 г. и в материалах конференции, посвящённой его 80-летию ("А.С. Макаренко /опыт, изучение, применение/", Москва, 1969). Авторы этих трёх публикаций – Л.Ю. Гордин и Е.С. Долгин. Остальные письма (два письма Горького и одно – Макаренко) печатались впервые в пятитомнике "Собраний сочинений" Макаренко (Москва, 1971, т. 5; переиздано в четырёх томах, 1987, т. 4). Вариант переписки, который немного отличается от пятитомника – с отдельными ранее опущенными местами, а также с многочисленными сокращениями и стилистическими изменениями – включён в восьмитомник "Педагогических сочинений" Макаренко (т. 1, Москва, 1983)¹. * К тому времени все хранящиеся в Архиве А.М. Горького письма были опубликованы, но в большинстве случаев не в полном объёме и не в подлинном виде.

¹ Характерным проявлением отношения советского макаренковедения к этому источнику являются данные об истории публикации переписки в комментарии к восьмитомнику "Педагогических сочинений" (т.1, с.359). Эти данные не только весьма ошибочны, но и неполны. Там упоминается и публикация, в которой имеется не относящийся к переписке текст, а именно отрывок из письма Горького воспитанникам Куряжа; "Впервые опубликована частично в журнале 'Октябрьские восходы' (Харьков, 1928, № 3 [следует читать: № 8]), альманахе 'Год XIII' (1930, кн.10) [правильно: 'Год XIX', кн.10, М., 1936], отдельном издании [следует читать: пятом (или первом после смерти Макаренко) издании] 'Педагогической поэмы' (М.: Советский писатель, 1940), 'Учительской газете' (1946, 19 июня), 'Известиях АПН РСФСР' (1952, № 38 [правильно: № 38, М., 1952]), в сб. 'А.С. Макаренко. Опыт, изучение, применение' (М., 1969), (Публикация Л.Ю. Гордина и Е.С. Долгина.)."

Настоящая публикация представляет собой "первый кирпичик" в основании полного академического издания произведений Макаренко. Создание такого научного собрания трудов педагога и писателя является уже давним требованием сотрудников лаборатории "Макаренко-Реферат" при Марбургском университете. Необходимость его подготовки в последнее время признана наконец и учёными СССР – это следует из документов полтавской учредительной конференции "Советской ассоциации Антона Макаренко" (31.10.1989 г.).

Воспроизведение текстов писем осуществляется в строгом соответствии с рукописным или машинописным оригиналом в той мере, в какой это позволяет формат серии "Опускула Макаренкиана". Это относится также и к грамматическим особенностям. Очевидные опiski или опечатки исправлены в тексте и отмечены в комментариях. В тех случаях, когда рукопись не совсем была ясна, ориентиром при расшифровке являлась манера письма автора. Своеобразие в написании заглавной или строчной буквы, при сокращении и пунктуации по мере возможности сохраняется. А в орфографии издание придерживается современной нормы русского языка (в соответствии с практикой советских издательств).

В начале каждого письма отмечены: порядковый номер, имена корреспондентов ("Макаренко – Горькому", "Горький – Макаренко"), место и дата написания письма. Дополняющие данные указаны в квадратных скобках. При работе над недатированными письмами удалось прийти к более точному, чем встречающемуся в предыдущих изданиях, датированию.

Большую пользу при подготовке немецкого варианта текста принесли опубликованные и неопубликованные переводы переписки. Это касается 7-ого тома издания "Werke" и 1-ого тома издания "Pädagogische Werke", которые подготовлены издательством "Volk und Wissen" (ГДР). Но это же можно сказать и о новом переводе переписки, который сделал мой коллега Зигфрид Вайтц для запланированного им издания данного источника на немецком языке. Перевод и проверка текстов писем осуществлены совместно с моей коллегой Ирене Виль. Участвовала в этом и Элла Шиллер (Марбург).

Научный аппарат настоящего издания, который призван внести вклад в историко-биографическое макаренковедение, включает в себя текстологический и предметный комментарии.

Текстологический комментарий (на русском языке) содержит: точное архивное описание каждого письма по его формату, сорту бумаги, почерку, чернилам и пометкам; указание всех надписей чужой рукой (подчёркивания и заметки Горького и его секретарей на письмах Макаренко), основы временного определения недатированных писем; указания на наброски писем и их копий, а также библиографическое перечисление опубликованных на момент подготовки рукописи изданий (со следующими указаниями: без изменений, с некоторыми или значительными сокращениями и т.д.) и ссылка на первое воспроизведение факсимиле (если оно существует). Кроме того, этот комментарий содержит и перечень сокращений и научно релевантных вариантов публикации текста из авторитетных изданий трудов Макаренко и Горького.

Предметный комментарий (на русском и немецком языках) содержит информацию, необходимую для полного понимания содержания писем, а также указания на неправильные данные в комментариях восьмитомника. Фамилии обоих корреспондентов указаны в сокращённой форме (М, Г). В подготовке русского варианта комментариев участвовали Светлана Четвертная (Москва), Юрий Токарев (Горький), Анатолий Холодюк (Тирасполь) и Флора Ломпшер (Берлин).

Оригиналы большинства опубликованных здесь писем мне было разрешено просмотреть в 1982 и 1986 годах в Архиве А.М. Горького. Вопросы, которые в своё время выяснить до конца не удалось, проверила Светлана Невская (Москва), которая принимала участие и в описании оригиналов и их текстовой обработке. Без этой конструктивной кооперации, которая стала возможной лишь в последнее время – в рамках сотрудничества макаренковедов Москвы и Марбурга, – не вышло бы в свет первое академическое издание небольшой части наследия А.С. Макаренко. По существу данная работа является результатом того самого сотрудничества профессионалов, к которому мы так давно стремились.

Г.Х.

Переписка А.С. Макаренко с М. Горьким

Марбург, сентябрь 1990 г.

Примечание. Редакторы благодарны Михаилу Гетманцу (Харьков), Эдгару Гюнтер-Шелльхаймеру (Берлин), Вернеру Кинитцу (Берлин), Андрею Павлову (Оломоуц) и Изабелле Рюттенауэр (Хаузхам под Мюнхеном) за критический просмотр рукописи данной книги.

Переписка А.С. Макаренко с М. Горьким. Академическое издание. Под ред. Г. Хиллига, при участии С.С. Невской // Марбург: Makarenko-Referat, 1990 (Opuscula Makarenkiana, Nr. 11). – Предисловие: С. VII–XIV.

ЦАРАПИНЫ НА ОБРАЗЕ «СВЯТОГО»

Некоторые результаты историко-биографического макаренковедения

Антон Семёнович Макаренко считается и за пределами СССР одним из выдающихся педагогов этого столетия. Однако конкретные обстоятельства, при которых произошла его канонизация, ещё недостаточно выяснены. Одно очевидно: в возведении Макаренко в ранг классика педагогики решающую роль сыграла его вдова – Галина Стахиевна Макаренко (1892–1962). Она являлась членом «Комиссии по увековечению памяти А.С. Макаренко», организованной президиумом Союза писателей СССР после смерти Макаренко, и заведовала «Лабораторией по изучению педагогического наследия А.С. Макаренко» при Институте теории и истории педагогики АПН РСФСР, существовавшей в 1943–1951 гг.

Сведения о жизни и деятельности Макаренко до 60-х годов основывались, прежде всего, на двух вышедших ещё в сталинское время работах Е.Н. Медынского и Е.З. Балабановича. Галина Стахиевна снабдила биографов, которые пришлось ей весьма кстати, достоверными и сфабрикованными материалами. Тогда стремились представить Макаренко выдающимся советским педагогом, а также пропагандировать его и за пределами СССР; в его биографии многое замалчивалось и сглаживалось. Это привело к возникновению недостоверного образа Макаренко и – как писал (на основании наших исследований) киевский литератор Б. Хандрос – «иконы, на которую молились»¹⁾.

Подготовка научной биографии Макаренко – что, кстати, является с самого основания лаборатории «Макаренко-Реферат» при Марбургском университете в 1968 году одной из основных задач нашей работы по изучению жизни, творчества и международного значения советского педагога и писателя – впервые была названа советским учёным Л.Ю. Гординым (АПН СССР) одной из самых важных и «самых ближайших» перспектив макаренковедения, в осуществлении которой «важная роль будет принадлежать международному сотрудничеству»²⁾.

В этой статье мне хотелось бы сообщить о некоторых результатах исследований Марбургской лаборатории. Они касаются, прежде всего, политически обусловленных табу и искажений, допущенных советским макаренковедением.

1. Социальное происхождение

Антон Семёнович Макаренко (род. 1/13 марта 1888 г.) вырос не в семье бедного рабочего (как он сам пишет в «Книге для родителей» в 1937 г., а также в своей повести «Честь» 1937–1938 гг., и как без перепроверки перенимают его биографы), а в семье квалифицированного ремесленника (маляра), работавшего в одной из железнодорожных компаний (Южные железные дороги). Его отец – как мастеровой со специальным образованием и с сознанием своей социальной принадлежности – находился вместе с другими служащими и рабочими железных дорог в относительно привилегированном по сравнению с другими группами трудящегося населения предреволюционной России положении. У железнодорожников были свои посёлки, которые снабжались электрическим током, свои школы (от начальных училищ до втузов), клубы, врачи, аптеки, больницы и т.п.

Отец А.С. Макаренко, который, вопреки поздним высказываниям педагога, не был неграмотным, поначалу служил простым рабочим, потом стал бригадиром и, наконец, мастером и руководителем малярного отдела в одной из новых больших мастерских по ремонту железнодорожных вагонов Южных дорог (в Крюкове-посаде на Днепре, являющемся частью города Кременчуга). По поручению администрации этой компании он побывал в 1912 году в Германии в составе делегации специалистов для закупки стали и красок. За заслуги перед народом и отечеством он был отмечен почётным в Российской империи званием – личным почётным гражданством.

Обо всём этом мы узнали сначала от брата А.С. Макаренко Виталия. А позднее мы обнаружили в советских архивах также и документы, подтверждающие эти факты³⁾.

2. «Родственник за границей»

Виталий Семёнович Макаренко (1895–1983) играл важную роль в жизни педагога: после Октябрьской революции Антону удалось устроить своего брата, служившего офицером во время мировой войны, учителем в Крюковском железнодорожном высшем начальном училище, которым он руководил (с 1917 по 1919 год). Там Виталий ввёл в преподавание физкультуры и внешкольные занятия (сначала против воли своего явно анти-милитаристски настроенного брата) военизированные элементы – такие, как строевая подготовка и маршировка со знаменем под звуки духового оркестра.

Этим были созданы основательные предпосылки для частичной военизации быта, а тем самым и дисциплинирования, как это позднее практиковалось А.С. Макаренко в руководимых им учреждениях (колония им. М. Горького, коммуна им. Ф.Э. Дзержинского) и что послужило поводом для упрека в том, что он сам был «полковником».

То обстоятельство, что Виталий Семёнович вследствие своей личной ситуации как бывший офицер царской армии в 1919 году присоединился к контрреволюционным белым войскам и уехал после их поражения за границу, создало его брату в сталинское время немало политических трудностей. Но об этом, также как и о том факте, что у А.С. Макаренко были брат и три сестры, в советской макаренковедческой литературе до последнего времени нельзя было ничего прочесть – «белогвардейцу», очевидно, не было места в биографии советского педагога, взятого за образец!

До конца 20-х годов, т.е. пока это было возможно с политической точки зрения, А.С. Макаренко состоял в переписке со своим братом. Но впоследствии он избегал упоминания о брате, причём как открыто, так и в своих личных записках. Хотя два раза ему всё-таки пришлось раскрыть историю своей семьи, а именно при поступлении на работу в НКВД и при вступлении в партию. Оба документа пока не опубликованы.

Так, в анкете специального назначения работника НКВД УССР от 17 ноября 1935 года он писал: «Мой брат, Виталий Семёнович Макаренко, род. 1895 г., с августа 1919 года был в армии Деникина – подпоручиком, сейчас в эмиграции. (...) ...местожительство мне неизвестно, связи не имею»⁴. И в анкете вступающего кандидатом в члены ВКП(б) от 15 февраля 1939 г. говорится: «Брат Виталий (род. 1895 г.) прапорщик военного времени, был в армии Деникина, до 1928 года был в эмиграции в Париже, с 1928 г. сведений о нём не имею»⁵.

В действительности у Виталия было звание поручика, а последнее известие от него Антон получил шестью годами позже, чем он писал во второй анкете. Здесь дело идёт о запросе от 11 июня 1934 года из г. Ницца по адресу: «Харьков. Коммуне им. Дзержинского, U.R.S.S.» Текст этой открытки написан почерком В.С. Макаренко, но от чужого имени: «Товарищи! Сообщите что-нибудь о судьбе Антона Семёновича Макаренко». На открытке, которая хранится в макаренковском фонде ЦГАЛИ СССР, стоит штамп «Харьков 51. 19.6.34»⁶.

Стремление Макаренко скрыть тот факт, что его брат эмигрировал за пределы родины, вполне объяснимо. В то время, когда советское правительство видело чуть ли не в каждом гражданине иностранного агента (процессы против «Промпартии» и «Союзного бюро меньшевиков» в 1930–31 гг.), лица с «родственниками за границей» не могли не опасаться репрессий.

Благодаря «обнаружению» В.С. Макаренко, которого мы в 1970 году разыскивали в доме для престарелых в г. Йере в южной Франции и убедили написать его воспоминания о совместно проведённых с Антоном Семёновичем годах детства и юности⁷, исследователи получили важный источник, которым в последнее время всё чаще и чаще пользовались также и те авторы в СССР, которые сделали его некогда «нежелательным лицом».

3. Попадья-любовница

Одна из самых захватывающих, а также самых щекотливых глав в воспоминаниях В.С. Макаренко об интимной стороне жизни брата – его связь с женой крюковского священника Дмитрия Ивановича Григоровича – Елизаветой Фёдоровной. Эта связь, во многом похожая на гражданский брак, просуществовала до 20-х годов. Она была возможна благодаря терпимому отношению к ней священника – кстати, ходили слухи и о том, что он был импотент. Всю эту историю, как можно заключить из воспоминаний Виталия Семёновича, А.С. Макаренко положил в основу своего первого рассказа «Глупый день», написанного в 1914 году. «В рассказе я изобразил действительное событие: поп ревнует жену

к учителю (...), — так он напишет позже в статье на смерть М. Горького⁸⁾, которому он направил в своё время рассказ для публикации.

И, несмотря на все эти подтверждения, связь А.С. Макаренко с Е.Ф. Григорович советские макаренковеды по-прежнему обходят молчанием. Так, при публикации воспоминаний Б.Ф. Гороневича, одноклассника В.С. Макаренко по реальному училищу, было опущено следующее место: «Познакомился я с Антоном Семёновичем на квартире своего дяди (sic!) — священника Григоровича Дмитрия Ивановича, где он бывал как друг дома приблизительно в 1909–1910 годах, когда я сам был ещё учеником Кременчугского Александровского реального училища (КАРУ). Антон Семёнович был дружен с женой дяди Елизаветой Фёдоровной (по «Педагогической поэме» она именуется Екатериной Григорьевной). Она ушла от попа домой и стала его другом жизни почти на 20 лет. Антон Семёнович не венчался с ней, не записывался позже в загсе, не хотел, видимо, компрометировать себя (она и дочь попа — поповна, и жена попа — попадья)»⁹⁾.

Сама Григорович по профессии была учительницей и руководителем школы. Первоначально пост заведующего колонией им. Горького был предложен ей, но она отказалась от него в пользу Макаренко.

4. Национальное самосознание

Вопросом о национальном самосознании Макаренко советское макаренковедение до сих пор не занималось. Частично на рассмотрение его было наложено табу, о чём свидетельствует тот факт, что соответствующие источники не были опубликованы или по крайней мере были оставлены без внимания.

Макаренко, как известно, прожил почти всю свою жизнь на Украине, но, с другой стороны, его всегда тянуло в Россию, прежде всего в Москву, куда он регулярно ездил и куда в конце концов переехал.

Он вырос в семье, в которой говорили по-русски. «Отец родился в Харькове, а в Харькове говорили на самом красивом русском языке». А родные матери «были выходцы из Орловской губернии», то есть из России, пишет В.С. Макаренко¹⁰⁾.

Литература, которую читал молодой А.С. Макаренко и которая сформировала его, была, как достоверно свидетельствует его брат, исключительно русскоязычной: книги, журналы и альманахи, т.е. произведения русских авторов (прежде всего писателей, а также историков и философов) или переводы соответствующих произведений с европейских языков. Бесспорными кумирами Макаренко в литературе были, как известно, два современных ему русских писателя — Чехов и Горький. Русский язык и литература были его основной педагогической специальностью.

В соответствии с дореволюционным русским законом ребёнку присваивалась национальность матери. Самое первое известное нам свидетельство о своей национальности Макаренко дал в сентябре 1922 года: в (русскоязычной) анкете Наркомпроса УССР для «сотрудников учреждений для дефективных детей Харьковской области». В графе «национальность» он написал: «Русский»¹¹⁾. И это как раз соответствует свидетельству его брата Виталия, который подтвердил в одном из писем в адрес Марбургской лаборатории: «Несмотря на своё украинское происхождение, Антон был 100% русским»¹²⁾.

Однако всего лишь два года спустя в анкете на украинском языке для «сотрудников детучреждений соцвоса», т.е. главного комитета социального воспитания Наркомпроса УССР, его тогдашнего начальства, Макаренко — в том же самом месте и в той же должности, т.е. будучи заведующим колонией им. М. Горького под Полтавой — написал (в сентябре 1924 г.): «Украинец»¹³⁾.

В первые годы советской власти, как говорится в Кодексе законов о народном просвещении УССР от 22 ноября 1922 года, «решительно отвергая всякую искусственную украинизацию, как и русификацию», обеспечивается «населению всех наций и национальных меньшинств, населяющих Украину, воспитание и обучение на их родном языке». Под «нациями» подразумевались в данном случае украинцы и русские. Далее говорится: «Языки — украинский как язык большинства населения Украины, в особенности на селе, и русский как язык большинства в городах и общесоюзный — имеют в УССР общегосударственное значение и должны преподаваться во всех учебно-воспитательных учреждениях Украинской Советской Социалистической Республики»¹⁴⁾.

Это равенство украинского и русского языков уже несколько месяцев спустя было упразднено: декретом Совнаркома УССР «О мероприятиях по украинизации учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждений» от 17 июля 1923 года предписывалось «закончить перевод учреждений социального воспитания на украинский язык» к 1 августа 1924 года¹⁵⁾.

Об этом факте Макаренко как заведующему одной из двух трудколоний Наркомпроса Украины напомнил циркуляр от 2 августа 1924 года. В этом циркуляре ему, между прочим, предлагается конкретно: «С 1/VIII вести делопроизводство колонии на украинском языке, заказы, ведомости, приказы, ордера, расчёты, педагогические дневники, характеристики и т.п., а также вести на украинском языке и междугородную переписку. Соборания детей должны проводиться на украинском языке. (...) Также украинский язык следует преподавать всем воспитанникам (украинский язык – обязательная дисциплина)»¹⁶⁾.

Очевидно, чтобы не потерять свою должность заведующего одного из центральных, подчинявшихся непосредственно украинскому правительству учреждений, Макаренко в этой ситуации всё же решил в официальных документах назвать себя украинцем. При этом он, видимо, имел в виду судьбу своего почитаемого учителя А.К. Волнина, директора Полтавского учительского института, которого уволили одновременно с тремя другими преподавателями-русскими летом 1917 года, т.е. во время подобной форсированной украинизации воспитательных и учебных учреждений на Украине (директором института был назначен украинец)¹⁷⁾.

Своего решения называть себя украинцем Макаренко не изменил и в дальнейшем, даже в последние годы своей жизни в Москве.

Его собственное критическое отношение к украинизации и в частности к переходу на преподавание на украинском языке явствует из двух писем к Горькому. 16 июня 1926 года (т.е. уже в Куряже под Харьковом) Макаренко извиняется за «шершавые письма» его новых «хлопцев» – «плоды обучения на "родном" языке»¹⁸⁾, и в письме от 14 марта 1927 г. говорится: «...трудно переучивать наших запущенных ребят, а кроме того, режет нас украинизация: хлопцы городские, по-украински никогда не говорили, сейчас вокруг них, даже в селе, все говорят по-русски, читают книги исключительно русские, а учатся исключительно на "родном языке"»¹⁹⁾.

В письмах Макаренко содержатся указания на его постоянную ориентацию на Россию и прежде всего на Москву. В одном из них (5 октября 1932 г.) он доверительно сообщил Горькому (и это, очевидно, побудило составителей собраний его сочинений из АПН СССР с соответствующим доверием обойтись с данным местом из письма и не опубликовать его!): «И ещё одно – мне надоела Украина, ибо я всегда был просто русским человеком. А Москву люблю»²⁰⁾.

5. Политические взгляды молодого Макаренко

«Решающее влияние» революционных событий 1905 года на Макаренко, собственная политическая активность его в тот период – всё, что приписывается Макаренко со времени выхода в свет монографии Е.З. Балабановича «А.С. Макаренко» в 1951 году (и что, стало быть, не было известно вдове Макаренко, когда она писала в 1941 году свою программную статью «Жизнь, полная труда и исканий»²¹⁾, – пока ещё не подтверждено достоверными доказательствами. Своим «главным свидетелем» в отношении этих и других заслуг Макаренко в должности народного учителя в Крюковском начальном училище Балабанович считает тогдашнего начальника Макаренко М.Г. Компанцева, который рассказал об этом в (неопубликованном) дополнении к своим вышедшим в 1944 году воспоминаниям²²⁾.

В своей рукописи «Ещё о А.С. Макаренко» Компанцев среди прочего описывает, как он и Макаренко якобы «выписали себе в 1905 году большевистскую легальную газету "Новая жизнь" и были её внимательными читателями». Но не в пользу данного утверждения говорит то, что этот петербургский печатный орган выходил лишь в течение пяти недель и был запрещён цензурой 3 декабря 1905 г.

Убедительное объяснение того, почему об этих политических интересах молодого Макаренко стало известно лишь после его смерти, даёт В.С. Макаренко. Он тоже свидетельствует, что А.С. Макаренко был в контакте с российским революционным движением, но он говорит о социал-революционных (эсеровских), а никаких не большевистских на-

строениях брата. После того, как партия социалистов-революционеров (ведущая социалистическая партия России до 1905 года) была в 1918 году оттеснена большевиками на задний план, лишена реальной государственной власти, а потом и запрещена – после всего этого Макаренко, конечно, остерегался и в своих произведениях, и в автобиографических сведениях обнародовать эти в высшей степени подозрительные «грехи юности».

По свидетельству брата, когда А.С. Макаренко было 15–16 лет, он через одного своего товарища по Кременчугскому городскому училищу, Цалова, получил доступ к литературе эсеров. Литературу эту, вспоминает В.С. Макаренко, Антон «приносил под рубашкой и читал тайком от отца, который ненавидел революцию и революционеров». А позже – очевидно, 18–19-летним юношей – он поддерживал эту оппозиционную партию, которая опиралась не только на рабочих, учащихся и студентов, но и на провинциальную интеллигенцию (учителей, врачей, агрономов, техников, адвокатов и т.д.), а также и на служащих – прежде всего железнодорожных и почтовых; непродолжительное время А.С. Макаренко являлся кандидатом в члены партии эсеров²³⁾.

Тот факт, что А.С. Макаренко позднее (приблизительно к 1910 году) собрал вокруг себя кружок крюковских интеллигентов, в котором велись в основном литературные дискуссии, не противоречит свидетельству В.С. Макаренко. После поражения революции 1905–1907 гг. всем социалистическим партиям пришлось пережить резкое сокращение количества их членов, «также и интеллигенция поубавила свою активность, предпочла аполитичность и удалилась в "башню из слоновой кости"»²⁴⁾. Даже то обстоятельство, что А.С. Макаренко в связи с заявлением о приёме в ВКП(б) от 15 февраля 1939 года в анкете на вопрос: «Состоял ли в других партиях (каких, когда, где)» ответил: «Нет»²⁵⁾ – даже это, по-моему, не исключает возможности, что он в своё время принадлежал к партии эсеров. В те годы упоминание об этом могло привести к аресту или даже расстрелу.

6. «Восторженное приветствие» Октябрьской революции

Всё же можно исходить из того, что Макаренко и после этого «отступления» был за политические и общественные преобразования, что он приветствовал начавшийся в России в 1917 году после свержения царизма (Февральской революции) процесс демократизации. Все высказывания Макаренко о его приверженности Октябрьской революции, на которые ссылаются в советском макаренковедении, относятся к 1936–1937 гг. Кроме того, в них Макаренко не выражал прямо своего мнения по политическим вопросам, и поэтому ценность их небольшая. Самое известное из этих высказываний, которые якобы свидетельствуют о том, что Макаренко «восторженно встречал» захват власти большевиками²⁶⁾, выглядит полностью так:

«Учительская моя деятельность была более или менее удачна, а после Октября передо мной открылись невиданные перспективы. Мы, педагоги, тогда так опьянели от этих перспектив, что уже и себя не помнили и, по правде сказать, много напутали в разных увлечениях. К счастью, в двадцатом году мне дали колонию для правонарушителей. Задача, стоявшая передо мной, была так трудна и так неотложна, что путать было некогда»²⁷⁾.

После того, как произошла Октябрьская революция, которая на Украине не сразу привела к установлению власти большевиков, здесь буржуазной Центральной Радой была провозглашена Украинская Народная Республика. В это время (1917–1919 гг.) Макаренко занимал выжидательную позицию. Подтверждением тому является его, кажется, ничем особенно не омрачаемая деятельность во время гражданской войны в качестве директора школ (сначала в Крюкове, а потом в Полтаве) в обстановке часто менявшейся здесь власти – «красные», украинские националисты, немецко-австрийские оккупационные власти, сторонники гетмана Скоропадского, атамана Григорьева, «белые».

В 1939 году, когда Макаренко хотел вступить в ВПК(б) и ему задали вопрос о том, какая у него была политическая точка зрения тогда, когда власть перешла к «белой» армии Деникина, он ответил: «Я был против деникинщины, но активной борьбы против него не вёл, занимался педагогической работой»²⁸⁾. С этим любопытно сравнить высказывание Макаренко, сделанное им в ранних автобиографических записях в целях самозащиты и принимаемое на веру советскими макаренковедами. В этих документах Макаренко пишет: «Приход деникинцев и разрушение ими школы и её отдельных трудовых организаций заставили меня в августе 1919 года переехать в Полтаву»²⁹⁾. «С весны 1919 г. из учеников

училища организовал с.-х. коммуны и за это при Деникине уволен»³⁰⁾. Полтава же была уже 29 июля 1919 года взята деникинскими войсками (раньше, чем Крюков, который был взят 10 августа)³¹⁾, так что А.С. Макаренко, по свидетельству брата, в спешке покинул 10 августа 1919 года Крюков и поехал в Полтаву, к своей подруге Е.Ф. Григорович – поменял один «белый» город на другой. В Полтаве он взял на себя руководство одним из городских начальных училищ.

Летом 1920 года, т.е. через полгода после окончательного установления советской власти в Полтаве, Макаренко в качестве члена правления профсоюза учителей русских школ составил две докладные записки о реорганизации работы губернского сектора соцвоса, организовал праздник, посвящённый открытию детского дворца, и участвовал в реорганизации общеобразовательных школ в трудовые.

Несмотря на такую педагогическую деятельность, можно говорить о некоторой сдержанности Макаренко по отношению к тем явлениям, которые происходили в советских республиках. Об этом свидетельствует, прежде всего, одно высказывание – оно ни разу не цитировалось полностью в советском макаренковедении.

Относится это высказывание к 1922 году, когда Макаренко подал заявление о зачислении на курсы повышения квалификации в Москве (Центральный институт организаторов народного просвещения им. Е.А. Литкенса). В этом документе, озаглавленном «Вместо коллоквиума», после описания его знаний «в области политической экономии и истории социализма» говорится:

«По политическим убеждениям – беспартийный. Считаю социализм возможным в самых прекрасных формах человеческого общежития, но полагаю, что, пока под социологию не подведён крепкий фундамент научной психологии, в особенности психологии коллективной, научная разработка социалистических форм невозможна, а без научного обоснования невозможен совершенный социализм»³²⁾.

Это высказывание во всех советских собраниях произведений Макаренко опущено; однако цитируется оно в работах украинского литературоведа М.Ф. Гетманца, но всегда в сокращённом, грубо искажающем содержание виде (последний раз в адрес автора этой статьи в качестве доказательства искренней веры Макаренко «в идеи Октября, в социализм, в нового человека»): «Считаю социализм возможным в самых прекрасных формах человеческого общежития...»³³⁾.

7. Чтение работ Ленина

Показателем тех изменений, которые претерпели политические взгляды Макаренко при советской власти, можно считать систематическое изучение прежде всего с точки зрения педагогики, трудов Ленина. Свидетельства этому имеются начиная с 1928 года. Распространённое среди советских макаренковедов предположение, что Макаренко ещё с 1920 года глубоко изучал речь Ленина на 3-м съезде комсомола «Задачи союзов молодёжи» и что «отдельное издание речи В.И. Ленина было настольной книгой Макаренко, к которой Антон Семёнович неоднократно обращался»³⁴⁾, кажется неправдоподобным уже потому, что выписки оттуда он сделал лишь в 1925 году или ещё позже, и к тому же не из самой речи, а из брошюры Н.К. Крупской «Заветы Ленина в области народного просвещения», которая была опубликована ею после смерти мужа в 1924 году и где мы встречаем много цитат из работ Ленина³⁵⁾.

Самым ранним высказыванием Макаренко, содержащим ссылку на Ленина, является уже упоминавшееся заявление по поводу учёбы в Москве в 1922 году, к которому приложены оценки его знаний по разным предметам. В этом документе среди прочего говорится: «В области политической экономии и истории социализма штудировал Туган-Барановского и Железнова. Маркса читал отдельные сочинения, но «Капитал» не читал, кроме как в изложении. Знаком хорошо с трудами Михайловского, Лафарга, Маслова, Ленина»³⁶⁾.

То, что имя Ленина оказалось в этом ряду последним, само по себе очень странно. Невольно возникает вопрос: а читал ли Макаренко к этому моменту вообще что-либо из работ Ленина, да и считал ли он таким уж необходимым приводить имя Ленина в данном списке? Ведь здесь есть и такие фамилии, как Михайловский (народник и один из «предтеч» эсеров), Маслов (меньшевик) – работы которых Макаренко, надо думать, читал ещё

до Октябрьской революции, но знакомством с ними к тому времени уже не стоило щеголять.

Недавно украинская преподавательница немецкого языка Л.Ф. Цыбулько попыталась оспорить этот мой тезис. Она указала на то, что Макаренко названных четырёх авторов систематизировал на основе дат их рождения³⁷⁾. На первый взгляд, такой подход может показаться логичным. Но для того, чтобы расположить этих авторов в таком порядке, необходима как минимум малая энциклопедия.

Сближение Макаренко с коммунистической идеологией произошло, совершенно очевидно, во второй половине 20-х годов. То есть это относится к тому времени, когда началось массовое вступление в компартию сначала рабочих, а потом и служащих. Решающей в этом смысле была встреча Макаренко с Галиной Стахивной Салько, впоследствии его женой, членом партии с 1918 года. Через неё он познакомился с другими украинскими коммунистами.

Г.С. Салько была к этому времени председателем комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей Харьковского округа. Макаренко познакомился с нею в начале 1927 года, когда приступил к реализации своего плана по слиянию всех детдомов и колоний округа в один «трудкорпус». Любовь к этой женщине – как свидетельствуют опубликованные и частично цитированные письма А.С. Макаренко – была не только сильным личным чувством, но также и творческим импульсом; об этом свидетельствует его интенсивная работа в данный период над «Педагогической поэмой».

В двух из этих писем упоминается и имя Ленина. Так, в очень экспрессивном и вместе с тем очень поэтичном письме от 2 июля 1927 года написано: «Мой мир – мир организованного созидания человека. Мир точной ленинской логики, но здесь столько своего, что это мой мир...»³⁸⁾. А 26–27 сентября 1928 г. Макаренко пишет: «Много читаю Ленина и прямо в восторг прихожу. (...) Он тоже на нашей стороне»³⁹⁾. При этом речь идёт о том времени, когда Макаренко уже освободили от руководства колонией им. Горького и он решил написать на основе опыта, приобретённого в этой детколони, «Педагогическую поэму».

Эта последняя цитата, которая имеет, по-моему, главное значение в определении отношения Макаренко к Ленину, в советском макаренковедении до сих пор не приводилась. Это наверняка связано с тем, что в начале 50-х годов – в ходе односторонней «сталинизации» Макаренко – приведённое письмо цитировалось Е.З. Балабановичем в «исправленном» виде («Много читаю Сталина...») и соответственно комментировалось: «В этот переломный, трудный момент Антон Семёнович с ещё большей настойчивостью углубился в сокровищницу идей марксизма-ленинизма, в труды товарища Сталина. (...) Произведения товарища Сталина ещё крепче утвердили Макаренко на его революционном новаторском пути»⁴⁰⁾.

8. Панегирики Сталину

Работы Макаренко начала 30-х годов содержат и критические замечания об отдельных отрицательных явлениях советского быта (правда, все они были изъяты из собраний его сочинений, вышедших посмертно). В отличие от этих работ, его беллетристические произведения и прежде всего публицистика, которая относится ко времени первого показательного процесса в Москве (август 1936) и подготовительной кампании к выборам в Верховный Совет СССР (октябрь 1937), изобилуют панегириками в адрес коммунистической партии и «нашего чудесного рулевого – гениального Сталина». В большинстве своём эти свидетельства лояльности можно рассматривать как необходимость вынужденного приспособления к обстоятельствам, возникшим после убийства Кирова (декабрь 1935) и смерти Горького (июнь 1936). Последний был, как известно, покровителем Макаренко.

Первый из этих панегириков появился сразу после того, как были обнародованы смертные приговоры всем 16 обвиняемым в первом московском процессе – в киевской газете «Літературна газета» от 29 августа 1936 г., органе Союза писателей Украины. В этой статье, озаглавленной «Всенародний вирок» («Всенародный приговор»), Макаренко определённо одобряет приговоры, вынесенные в Москве, и пишет в заключение: «Наша мысль сейчас безраздельно устремлена к защите товарища Сталина. Хочется в особенно

горячих и необычайно сердечных, живых словах передать ему нашу взволнованную любовь, наше ещё не успокоившееся волнение»⁴¹⁾.

Судя по газетным сообщениям тех дней, Макаренко тогда выступил на двух специально по этому поводу созданных собраниях киевских писателей, где он принял участие и в общественном осуждении еврейского писателя по фамилии Шавич, которого обвиняли в «троцкизме»⁴²⁾.

Особенно много ссылок на Сталина и партию можно обнаружить в тех работах Макаренко, которые были написаны им во время кампании по подготовке к первым выборам в Верховный Совет СССР после принятия новой («сталинской») конституции 1936 года. Сразу после того, как началась предвыборная кампания (11 октября 1937), в Москве, в местных и центральных газетах появилось также несколько статей Макаренко⁴³⁾, которые и послужили основанием – прежде всего для западногерманских учёных – для того, чтобы считать Макаренко «адептом большевистской и сталинской идеологии»⁴⁴⁾.

Особо стоит упомянуть здесь две статьи о предвыборных собраниях в Сталинском избирательном округе Москвы. Эти статьи были напечатаны в центральных газетах – в «Известиях» и «Литературной газете» (обе от 26 октября 1937). Характерно, что обе публикации не вошли ни во второе, «десталинизированное» издание самого авторитетного до сих пор семитомника «Сочинений» Макаренко, ни в последнее восьмитомное издание его «Педагогических сочинений». Речь идёт о двух статьях: «Наше знамя!» и «За дорогое будущее, к которому ведёт Сталин». В них говорится о «чувстве благодарности к коммунистической партии, неразрывном с чувством благодарности к товарищу Сталину», «одному из величайших гениев человеческой истории, обладающему невиданным ещё в мире авторитетом, возглавляющему столь же невиданное по глубине и единому движению трудящихся масс не только нашей страны, но и всего земного шара».

К сожалению, пока что не удалось обнаружить личные записи Макаренко, из которых можно было бы узнать, как он относился в действительности к случившемуся, в особенности к событиям 1936–1937 годов. Правда, в записных книжках Макаренко есть отдельные интересные в этом отношении высказывания. Одно из них относится к тогдашнему разжиганию истерии шпиономании:

«Таня – это несчастное существо. Ей десять лет. (...) ...это дитя с отцом ведёт такой разговор:

- Теперь надо быть бдительным. Нужно ловить шпионов и смотреть.
- За кем же ты будешь смотреть?
- За всеми. И за тобой, и за мамой.
- Ну, разве я могу быть шпионом?
- А, конечно, можешь быть». (Осень 1938)⁴⁵⁾

До сих пор единственным опубликованным высказыванием Макаренко относительно массовых арестов того времени является его ответ на вопрос одного из участников обсуждения «Книги для родителей» 9 мая 1938 года. Вопрос был поставлен так: «Если отец арестован, нужно ли у ребёнка вызывать чувство ненависти к отцу?» Ответ Макаренко является довольно туманным и одновременно очень банальным – его можно понимать и как конформизм самого худшего вида, и даже как частичное одобрение происшедшего.

«Если ребёнок маленький, он забудет, но если он сознательный и политически разбирается, нужно, чтобы он считал этого отца врагом своим и своего общества. Нужно воспитывать логику, что не только он хорош потому, что он отец. Конечно, воспитывать специально чувство ненависти не нужно, потому что это может расстроить ребёнку нервы и измочалить его, но вызывать чувство отдалённости, чувство, что это враг общества, нужно, иначе быть не может, иначе ваш ребёнок останется в таком разрыве: с одной стороны – враг, с другой стороны – отец. Тут нельзя никаких компромиссов допускать»⁴⁶⁾.

9. На службе в ГПУ и НКВД

Один из наиболее часто встречающихся в макаренковедении тезисов гласит, что все достижения Харьковской коммуны им. Дзержинского, в том числе увеличение производства электроинструментов и малоформатных фотокамер, являются личной заслугой Макаренко. Действительность же выглядела иначе: превращение этого детского учреждения ГПУ Украины в фабричный комплекс, для которого определяющими были прежде

всего экономические показатели, где основой производства всё в большей степени становились наёмные рабочие, никакого отношения к коммуне не имевшие, и где воспитанники стали со временем меньшинством (этот процесс активно проводился правлением коммуны), – это превращение происходило против воли Макаренко. Круг же его обязанностей и прав становился всё меньше и меньше – сначала он был заведующим всей коммуной, но с 1932 года стал начальником педагогической части и одновременно «помощником» часто менявшихся начальников коммуны. Столкновения с начальством приводили всё чаще к попыткам уйти из коммуны, чтобы начать дело на новом месте.

Однажды он даже хотел взять с собой всех воспитанников и перевести коммуну им. Дзержинского в Ленинград (осень 1929), но это было запрещено правлением коммуны⁴⁷⁾.

Когда в июне 1935 года на основе постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» в наркомате внутренних дел УССР, как и в других республиках, создаётся специальный отдел по руководству трудовыми колониями (ОТК), Макаренко назначается на должность помощника начальника отдела и переезжает в Киев. Предшествовали этому два важных события: в июне 1934 года столица УССР была перенесена из индустриального центра республики Харькова в историческую столицу Украины Киев, в июле того же года ГПУ было распушено и его прежние функции были переданы НКВД.

На основании своей деятельности в коммуне, а также в ОТК, Макаренко ценил чекистов как хороших организаторов. В третьей части «Педагогической поэмы» (1935) он, как известно, описывает коллектив чекистов как «настоящее содружество», которое он долго искал.

Напечатанные только в последние годы фотографии изображают Макаренко в военной форме и со знаками различия в звании сержанта НКВД⁴⁸⁾. Эту форму он также носил, когда в октябре 1936 года в Москве встретился с читателями «Поэмы». Как следует из стенограмм этих мероприятий (на Первом московском подшивниковом заводе им. Кагановича и в Московском областном пединституте), Макаренко в НКВД обрёл своего рода «новую педагогическую родину»⁴⁹⁾.

При Ежове, т.е. в период массовых репрессий, Макаренко приложил большие усилия, чтобы уволиться с должности помощника ОТК и навсегда уйти из системы НКВД.

После переезда в Москву (1937) Макаренко стремился не привлекать внимания к своей деятельности в украинском НКВД. Так, он никогда не говорил публично о своей работе в ОТК. Этой же традиции следует и его первый биограф Е.Н. Медынский в своих книгах о Макаренко, написанных в 40-х годах. В своих московских докладах и выступлениях Макаренко всегда говорил о 16-ти (а не о 15-ти, как было на самом деле) годах работы в колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского⁵⁰⁾ (кстати, о последней он, как правило, не говорил, что она является учреждением системы ГПУ-НКВД). Наконец, в 37-м томе «Большой советской энциклопедии», вышедшем весной 1938 года, ни словом не упоминается о деятельности Макаренко в органах госбезопасности. В этом тексте, в основе которого лежат личные данные, отобранные, конечно же, самим Макаренко, о его деятельности в годы советской власти сказано лишь следующее: «В 1920 организовал под Полтавой трудовую колонию им. М. Горького, которой руководил 8 лет. Затем вёл руководящую работу по организации других детских трудовых коммун и колоний на Украине»⁵¹⁾.

10. Демонстрация политической «бдительности»

В феврале 1937 года Макаренко вместе с семьёй переселился из Киева в Москву. В своей первой московской публикации – отклике на постановление пленума ЦК ВКП(б), который был напечатан в «Литгазете» от 10 марта 1937 года, – Макаренко вносит предложение привлекать в будущем к сотрудничеству в Союзе писателей СССР (членом которого он был с 1934 года) также и беспартийных. Очевидно, что он имеет в виду самого себя – как раз в это время врачи запретили ему заниматься какой-либо систематической деятельностью. Далее он признаётся:

«Ощущение моей связи с партией, ощущение моего гражданского и человеческого, политического и нравственного единства с ней давно затухало и нивелировало звучание слова "беспартийный". И поэтому решения, подобные решению последнего пленума,

принимает как решения моей партии, моего коллектива, моей страны. И я глубоко горжусь тем, что в его подготовке есть и моя доля, есть участие и моей работы, и моей страны, и моей мысли»⁵²⁾.

3 марта 1937 года Сталин выступил на этом пленуме ЦК с пресловутой речью «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», в которой он провозгласил и заранее оправдал новые меры по борьбе с мнимыми троцкистскими элементами и направляемыми из-за границы «заговорщиками». Ко времени написания своей статьи Макаренко, видимо, не был знаком с этой речью – она была опубликована в «Правде» лишь 29 марта 1937 года.

Свою политическую «бдительность» в это время Макаренко проявлял не только в статьях на актуальные внутривнутриполитические события, но и в рецензиях на беллетристические новинки, в которых поднимались злободневные вопросы. Здесь стоит вспомнить, прежде всего, «разнос», который Макаренко учинил произведению начинающей ленинградской писательницы Натальи Гирей «Шестьдесят восьмая параллель». В повести изображается один из «трудлагерей» НКВД по «перевоспитанию» политических и уголовных преступников. Рецензия была напечатана в «Литгазете» от 15 июля 1937 года под заголовком «Вредная повесть». Последние строки этой рецензии звучат как политический донос:

«Книга сделана настолько неудачно, с таким нарушением законов перспективы, с таким преобладанием вражеских тонов и вражеских слов, с таким завуалированным советским горизонтом, с такими подозрительными сравнениями и с такой холодностью, что, при всём моём желании быть снисходительным к молодому автору, я не могу быть снисходительным»⁵³⁾.

Из-за этой рецензии повесть Н. Гирей была заново обсуждена и признана «враждебной» на специально созванном заседании ленинградских писателей и издательских работников. Сообщение об этом заседании было опубликовано в «Литгазете» от 31 июля 1937 года под заголовком «Враждебная книга». В сообщении подчёркивалось, что Макаренко в своей рецензии «убедительно доказал, что повесть Н. Гирей – дурнопахнущее произведение, клеветнически искажающее социалистическую действительность». Тем самым, сообщалось далее в публикации, стало возможным вскрыть «фашистско-кулацкое нутро произведения»⁵⁴⁾.

Ярлыки вроде «дурнопахнущий» и «фашистско-кулацкий» означали в то время обычно одно: арест и ссылку – если не расстрел. О дальнейшей судьбе Н. Гирей до сих пор ничего не известно.

С начала февраля до начала марта 1939 года – т.е. непосредственно перед 18-м съездом ВКП(б) и за несколько недель до его внезапной кончины – количество высказываний Макаренко на внутривнутриполитические темы, подкреплённых цитатами из речей Сталина, снова возрастает. Вскоре он напишет заявление с просьбой о приёме в партию. Вне всякого сомнения, побудительной причиной этой вновь возникшей «тесной связи с партией» было неожиданное награждение Макаренко орденом Трудового Красного знамени. Награждён он был за заслуги в развитии советской литературы.

Написанная в то время, но опубликованная лишь посмертно статья «О коммунистической этике» содержит и некоторые высказывания Макаренко относительно «чисток» предшествовавших лет. Делает он их, интерпретируя требования Молотова – «поднять большевистскую бдительность во всей работе по строительству коммунизма», что, по мнению Макаренко, относится «не меньше, чем ко всякому иному делу, к делу воспитания». Он указывает на то, что «в последние годы мы имели случай убедиться в том, что некоторые люди, которые особенно многословно декларировали свою революционность, оказались тайными врагами революции». Далее Макаренко требует принять меры для обнаружения «вредительства» именно в области воспитания и в этой связи пишет:

«Эффективность враждебного вмешательства в области народного воспитания может быть очень большой, и здесь её трудно обнаружить. Вредительство на заводе или в шахте рано или поздно обнаруживается в явлениях материального характера, которые можно всегда точно назвать и квалифицировать. Вредительство в области воспитания может быть скрыто надолго, так как результаты воспитания появляются очень медленно и всегда в более или менее спорных формах»⁵⁵⁾.

Аналогичный призыв доносить – на этот раз в области литературы – содержится в статье «Литература и общество», которая была опубликована в «Литгазете» 5 февраля 1939 года вместе с указом президиума Верховного Совета СССР от 31 января о присуждении правительственных наград определённым писателям и материалами о награждённых:

«Я отвечаю за то, что в своей работе я буду честен и правдив, чтобы в моём художественном слове не было искажения перспектив и обмана. Там, где я вижу победу, я должен первым поднять знамя торжества, чтобы обрадовать бойцов и успокоить малодушных и отставших. Там, где я вижу прорыв, я должен первым ударить тревогу, чтобы мужество моего народа успело как можно раньше прорыв ликвидировать. Там, где я вижу врага, я должен первым нарисовать его разоблачающий портрет, чтобы враг был как можно раньше уничтожен»⁵⁶⁾.

К вопросу об «уничтожении врагов» Макаренко вернулся ещё раз во время выступления перед харьковскими студентами 9 марта 1939 года. На вопрос одного из слушателей: «Если неисправимых нет, то как Вы смотрите на высшую меру наказания – расстрел?» Макаренко отвечает вначале уклончиво, рассказывая при помощи поучительного примера о «высшей мере наказания» в коммуне им. Дзержинского – исключении из коллектива. Потом он всё же переходит к существу вопроса – ликвидации действительных или мнимых политических противников и по существу совершенно неожиданно, пугающе хладнокровно приносит в жертву интересов коллектива жизнь «врага», т.е. отдельного человека.

Стенограмма этого выступления хранится в ЦГАЛИ СССР, и в ней такие строки:

«И, конечно, и расстрел в нашей стране совсем не значит, что тот человек, которого расстреляли, почему-либо неисправим, наверное, с ним ещё можно возиться, но коллективный опыт, коллективное требование, коллективный гнев, – вот что нас прежде всего интересует. Мы уничтожаем таких врагов, хотя возможно, что они как-нибудь могли прожить, и, уничтожая их, мы усиливаем наше требование к человеку, и наше уважение к коллективу, и наши надежды, и нашу ненависть к врагам»⁵⁷⁾.

В советской печати эти строки никогда не публиковались без купюр и без «смягчения» их смысла⁵⁸⁾.

11. Макаренко – «классовый враг»

Двумя с половиной годами раньше Макаренко сам был объявлен «врагом». Это событие, долгое время известное лишь отдельным советским исследователям, позволяет рассматривать поведение Макаренко в годы террора в новом свете. Свидетельства данного события находятся в личном деле педагога и писателя, которое хранится в архиве МВД УССР. Об этом заявил Н.Н. Окса в конце апреля 1989 года на международном макаренковедческом симпозиуме в Марбурге, вызвав тем самым укор со стороны своего коллеги В.В. Кумарина, который сказал, что он «распорядился» этим архивным материалом не «по-хозяйски» и без «достоинства»⁵⁹⁾.

5 сентября 1936 года Макаренко, будучи уже помощником начальника отдела трудколоний НКВД Украины в Киеве, приехал в Харьков, чтобы принять участие в празднике по случаю очередного выпуска воспитанников коммуны им. Дзержинского. В своей речи (в соответствии с вариантом, опубликованным в 1952 году) он призвал своих бывших питомцев, вступающих в самостоятельную жизнь, оставаться «прежде всего большевиками (партийными и непартийными)». Свой главный завет Макаренко сформулировал так: «...будьте в каждый момент вашей жизни верными сынами партии, прежде всего держите наше большевистское единство, держите крепко дисциплину, будьте энергичными последователями нашего гениального Сталина. Всегда помните, что железная дисциплина, полное единство нашей жизни, наших стремлений и усилий только и может привести к победе. И потом всегда увидите, что против политики нашей партии стояли всегда шкурничество, эгоизм, глупые мысли, невежественные "убеждения", неуважение интересов коллектива»⁶⁰⁾.

После московского показательного процесса эти слова следует рассматривать как предупреждение об опасности оппозиционных настроений.

Обращение Макаренко к коммунарам-выпускникам в тот же день было рассмотрено на закрытом заседании партийной ячейки коммуны им. Дзержинского. На основе решения партячейки её секретарь Огий 7 сентября 1936 года написал письмо секретарю парткома НКВД Украины Крауклису. В нём среди прочего говорилось, что Макаренко, «касаясь отношения коммунаров к оппозиции», «выразился» перед рабочими, коммунарами, инженерами и управляющим персоналом — а это около тысячи человек — «буквально следующим образом: "Все мы работаем под руководством партии и товарища Сталина. И если товарищ Сталин сделает хоть тысячу ошибок, а один, имя которого не хочу называть, поведёт вас по правильной дороге, то всё же надо идти за товарищем Сталиным"⁶¹⁾. Не подлежит сомнению, что под этим «одним» имелся в виду Троцкий.

Высказывания Макаренко, которые он сделал перед коммунарами-выпускниками, характеризовались в письме Огия как «контрреволюционные мысли», «антисоветские заявления», «выступление классового врага». Получатель письма Крауклис наложил на донос Огия резолюцию от 13 сентября 1936 г.: «Тов. Стрижевскому. Как только Кандыба съедет в ОТК, мы через некоторое время М. удалим. Я не верю этому контрреволюционеру ни на грош. Это враг».

Опубликованный в 1952 г. текст речи Макаренко, обращённой к выпускникам коммунарам, в отличие от стенограмм его других выступлений, необыкновенно короткий. Однако в доносе это характеризуется как «пространная, деловая и толковая речь». Из этого обстоятельства, а также из того, что Макаренко обычно держал свои речи свободно, по коротким конспектам, следует то, что вышеназванный текст написан самим Макаренко после выступления и в качестве защиты самого себя.

Однако Макаренко не был арестован, даже не снят с работы. В его судьбу вмешался тогдашний нарком внутренних дел Украины В.А. Балицкий. Спустя некоторое время Макаренко выехал в Москву.

В июле 1937 года Балицкий был арестован и через 4 месяца расстрелян. Доносчики сразу воспряли духом и направили дело на Макаренко в столицу. Но его не арестовали и на этот раз. По рассказу одного из доверенных лиц жены Макаренко, она получила из Киева своевременную информацию и сумела найти заступничество у писателей Шолохова и Фадеева, которые просили за него самого Сталина⁶²⁾.

Макаренко не был репрессирован. Он умер естественной смертью 1 апреля 1939 г.

Таковы некоторые результаты исследовательской деятельности Марбургской лаборатории, которые явятся вкладом в опыт реконструкции жизни и творчества Макаренко и тем самым будут способствовать демифологизации и дегероизации образа Макаренко, избавлению его от легендарных черт для того, чтобы показать действительное значение советского педагога. Сотрудники Марбургской лаборатории разделяют при этом точку зрения английского учёного из Бирмингемского университета Джона Данстэна, который написал в 1981 году:

«То, что в конечном счёте имеет значение, — это достижения Макаренко, а не то, что некоторые из его современников думали о нём. Любому, о ком после смерти можно с полным основанием утверждать, что он был ведущим в теории и практике педагогики в течение более чем 30 лет, и кто по-прежнему оказывает на неё большое влияние, обеспечено место в пантеоне, и обнаружение отдельных слабостей не может свергнуть его с пьедестала. Кроме того, именно святые с некоторыми недостатками наиболее ясно говорили миру о положении человечества»⁶³⁾.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) *Мостославский А.* Приглашение к Макаренко. — «Учительская газета», № 27 от 3 марта 1988 г.
- 2) *Гордин Л.Ю.* Послесловие к юбилею. — «Советская педагогика», 1988, № 8, с. 58–64.
- 3) Например: ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.1099.
- 4) ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.350.
- 5) ИМЛИ, рукоп. отдел, ф.114, оп.1, д.5, л.3.
- 6) ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.607.
- 7) *Макаренко В.* Мой брат Антон Семёнович. Воспоминания, письма. Марбург, 1985.
- 8) *Макаренко А.* Максим Горький в моей жизни. ПС 4, 12..
- 9) Архив лаборатории «Макаренко-Реферат».
- 10) См. прим.7, с.155.
- 11) ЦГАОР УССР, ф.166, оп.2, ед. хр.1687, л.94.

- 12) См. прим. 7, с. 79.
- 13) ЦГАОР УССР, ф.166, оп.4, ед. хр.937, л.46.
- 14) Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Украины, 1922, 49. (Введение: основные положения, параграфы 23, 25).
- 15) То же, 1924, 29, с.896.
- 16) ЦГАОР УССР, ф.166, оп.4, ед. хр.912, л.331.
- 17) ЦГИА УССР, ф.707, оп.311, ед. хр.6, лл.3, 12, 19.
- 18) ПС 1, 234.
- 19) Там же, 238.
- 20) Макаренко А.С. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1971, т.5, с.446.
- 21) Макаренко Г. Жизнь, полная труда и исканий. — «Учительская газета», № 39 от 30 марта 1941 г.
- 22) Компанцев М.Г. Из воспоминаний об Антоне Семёновиче Макаренко. — «Начальная школа», 1944, № 5—6, с. 4—6. (Дополнение к этим воспоминаниям хранится в ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр. 476).
- 23) См. прим. 7, с. 177.
- 24) Hildermeier M. Die sozialrevolutionäre Partei Russlands. Köln, 1978, S.309.
- 25) См. прим. 5.
- 26) Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. Изд. 2-е. Л., 1961, с.81.
- 27) ПС 4, 12..
- 28) См. прим.5, л.5; также в: ПС 8, 128.
- 29) ПС 1, 8.
- 30) ПС 8, 124.
- 31) Радянська енциклопедія історії України, т.2. Київ, 1970, столб. 501; т.3, 1971, столб. 413.
- 32) Яковлева Р.И. «Реферат» А.С. Макаренко. — «Исторический архив», 1961, № :2, с.228—229.
- 33) Гетманец М.Ф. С установкой на историзм. — «Советская педагогика», 1989, № 4, с.150—153 (здесь — с.152).
- 34) Балабанович Е. А.С. Макаренко. Очерк жизни и творчества. М., 1951, с.37.
- 35) ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.189.
- 36) ПС 1, 10.
- 37) Цибулько Л.Ф. «Нова біографія» А.С. Макаренка. — «Радянська школа». 1988, № 10, с.87—90 (здесь — с.89).
- 38) Вопросы теории и истории педагогики. Под ред. А.В. Ососкова. М., 1960, с.12; также в: ПС 8, 30.
- 39) Восстановление этого места из письма Макаренко произведено на основании двух цитат, указанных в книге Е. Балабановича (см. прим.34), с.38, 56.
- 40) См. прим.34, с.56.
- 41) Факсимиле в: Makarenko A. Gesammelte Werke. Marburger Ausgabe, Bd. 7. Ravensburg, 1976, с.208.
- При переводе этой статьи, вышедшей в 1936 г. на украинском языке, на русский для первого издания семитомника «Сочинений» (т. 7. М., 1952, с.13—14) смысл этих двух предложений стал ещё более определённым: «Наша мысль сейчас безраздельно устремлена к одной цели — грудью стать за товарища Сталина. Мы хотим в горячих и необычайно сердечных, живых словах передать ему нашу взволнованную любовь, наше ещё не успокоившееся волнение». См. также машинопись (на русском языке): «Все наши мысли и чувства сейчас страстно устремлены к одной цели — оберегать товарища Сталина. Хочется в каких-то особенно горячих, идущих от самого сердца искренних живых словах передать ему всю силу нашей взволнованной любви и не успокоившееся ещё наше волнение» (ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.110).
- 42) «Літературна газета», № 39 от 23 августа 1936 г.; № 40 от 29 августа; «Литературная газета», № 48 от 27 августа 1936.
- 43) Макаренко А.С. Сочинения, т.7, М., 1952, с.23—31, 36—38; факсимиле этих статей в: Gesammelte Werke, Marburger Ausgabe, Bd 9. Ravensburg. 1979, с.2—11.
- 44) Wittig H.E. Das Werk A.S. Makarenkos in westlicher und östlicher Sicht. (Творчество А.С. Макаренко глазами исследователей на Востоке и на Западе). — «Moderne Welt», 1959/60. s.399—409 (здесь — с.399); сходное также у: Г. Мёбус, В. Настайнчик и др.
- 45) Архив лаборатории «Макаренко-Реферат».
- 46) ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.173, л.36—37; см. также ПС 7, 156—157.
- 47) «А.С. Макаренко» (кн. 10). Львов, 1978, с.136.
- 48) ПС 7 вслед за с.192; Hillig G. (Hrsg.) Hundert Jahre Anton Makarenko. Neue Studien zur Biographie. (Столетие Антона Макаренко. Новые исследования к биографии). Bremen, 1988, с. 221, 223.
- 49) См.: Moskau, Oktober 1936. Edition der Protokolle zweier Begegnungen A.S. Makarenkos mit Lesern des «Pädagogischen Poems» (Москва, октябрь 1936 года. Издание протоколов двух встреч А.С. Макаренко с читателями «Педагогической поэмы»). Hrsg: G. Hillig. Marburg, 1987.
- 50) В советских изданиях произведений Макаренко «16 лет» заменено в большинстве случаев на «15 лет».
- 51) БСЭ, т.37. М., 1938, с. 729.
- 52) ПС 7, 18.
- 53) ПС 7, 64.
- 54) Вич Л. Враждебная книга. Письмо из Ленинграда. — «Литературная газета». № 41 от 31 июля 1937 г.
- 55) Макаренко А.С. Сочинения. Т. 5, М., 1951, с. 401—402.
- 56) ПС 7, 209—210.
- 57) ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.187, л.33—34.
- 58) ПС 4, 363—364.
- 59) Кумарин В.С. Уроки Марбурга. — «Учительская газета», № 58 от 16 мая 1989.
- 60) Макаренко А.С. Сочинения. Т.7, М., 1952, с. 454.

Царапины на образе «святого»

61) Архив МВД УССР. Личный отдел А.С. Макаренко.

62) Дополнительные штрихи к портрету А.С. Макаренко. Беседа Г. Хиллига с В.В. Кумариным. Марбург, 2 ноября 1988 г. Марбург, 1989, с.XLII.

63) *Dunstan J. Demythologizing Makarenko*. – «Slavic and European Education Review», 1981, 2, p.27–32 (здесь – p.32).

ХИЛЛИГ Гётц родился в 1938 году в г. Кемниц в Германии. Закончил Франкфуртский университет, с 1965 года работает в Марбургском университете. С 1968 года – руководитель лаборатории «Макаренко-Реферат». Проблемами Макаренко и его педагогики занимается с 1963 года. Член редколлегии «Марбургского издания» собрания сочинений А. Макаренко.

Царапины на образе «святого». Некоторые результаты историко-биографического макаренковедения / Гётц Хиллиг // Континент (Paris). Nr. 65. – 1990. – С. 255–280.

НА ВЕРШИНЕ "ОЛИМПА"

Подборка документов о конфликте Макаренко с представителями украинского "соцвоса" (февраль – март 1928 г.)

Составитель, автор текстологического и предметного комментариев: Г. Хиллиг

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом томе впервые собраны все имеющиеся в распоряжении марбургской лаборатории "Макаренко-Реферат" документы о событии, которое до сих пор было известно только из карикатурного описания самого Макаренко: конфликт с украинскими учёными-педагогами в феврале–марте 1928 г., связанный со спорами о педагогической концепции, которую выработал Макаренко для руководимой им харьковской коммуны им. Дзержинского (открытой в декабре 1927 г.).

Тем не менее, данный конфликт не ограничивался, как об этом писалось ранее, Украинским научно-исследовательским институтом педагогики (УНИИП), находившимся в то время в Харькове – тогдашней столице республики. Этот конфликт был начат и поддерживался непосредственно ГПУ Украины, которое организовало и финансировало коммуну. Как следует из письма (документ № 1), правление коммуны им. Дзержинского обратилось 8 февраля 1928 г. к представителям теории и практики "соцвоса" (т.е. официальной педагогики в украинской версии) с просьбой проверки проектов Макаренко.

В своих произведениях (1932, 1935 г.г.) писатель благоразумно не упоминает о факте участия сотрудников ГПУ в конфликте с "олимпийцами-педагогами" на стороне последних. Позже (1936 г.) Макаренко даже рассматривал чекистов как "помощников в беде", которые "подобрали" его "беспризорную педагогику" и дали ей возможность "высказаться до конца". Макаренковеды почти без исключения придерживались этой точки зрения.

По поручению правления коммуны им. Дзержинского Макаренко составил "операционный план" (док. № 2), очень важный для понимания его воспитательной концепции материал, а также "Конституцию" (док. № 3), на основании которых УНИИП принял декларацию; в свою очередь правление коммуны подготовило "одиннадцать вопросов" по данным документам и также передало их институту. До сих пор оба эти текста не найдены. Но на основании цитат из них можно сделать вывод, что они полны весьма критическими и достаточно произвольными замечаниями в адрес автора документов. На декларацию института Макаренко написал резкую отповедь, назвав её "Контрраспереконтр-тезисы" (док. № 4).

13 и 14 марта 1928 г. в секции социального воспитания УНИИПа (являвшейся одним из трёх подразделений института) состоялся диспут. О вопросах, обсуждавшихся на диспуте в первый день (протокол до сих пор не найден), можно узнать из высказываний выступавших на следующий день. Стенографический отчёт второго заседания, в котором участвовали не только теоретики и практики от педагогики, но также и представители ГПУ и сотрудники коммуны, не был утерян. Из этой стенограммы, которая впервые полностью публикуется в данном томе (док. № 5), до сих пор были известны лишь высказывания Макаренко (доклад, дискуссионная речь, заключительное слово). Насколько сильно он переживал это заседание УНИИПа и впоследствии, можно узнать из двух писем (1928 г.), из статьи "Педагогижимают плечами" (1932 г.) и заключительной части "Педагогической поэмы" (1935 г.). Эти тексты также документируются (док. № 6).

На заседании от 14 марта (на следующий день после сорокалетия Макаренко) выступили восемь человек. Кроме "товарища Григорьева", аспиранта института, который критиковал игры, "военный дух" и "аракчеевщину" в практике колонии им. Горького (явления, основанные, по мнению этого докладчика, на биогенетическом принципе и идеях скаутизма), трое из выступавших (Попов, Соколянский и Письменный) подвергли педагогические идеи Макаренко резкой критике и оказались его основными оппонентами.

Из этой "тройки" в советской педагогической литературе упоминается лишь один: Иван Афанасьевич Соколянский (1889–1960), выпускник естественноисторического факультета Петербургского психоневрологического института (1913 г.), педолог и дефектолог (специализация: педагогика глухослепых), занимавший в 20-х годах руководящие

должности в Наркомпросе УССР: среди прочих он являлся членом его коллегии, главинспектором учреждений дефективного детства Главного комитета соцвоса и с 1925 года председателем Научно-педагогического комитета тогдашнего Упрсоцвоса. Во время заседания в УНИИПе Соколянский был руководителем одной из секций института (педагогика личности) и одновременно профессором Харьковского института народного образования, а также председателем Госметодкома. В 1930 году он стал директором основанного тогда в Харькове Института физической дефективности, а с 1938 года работал старшим научным сотрудником московского НИИ спецшкол и детдомов Наркомпроса РСФСР и директором спецшколы для глухослепых.

Аналогичные функции в украинском Наркомпросе в 20-х годах выполнял и первый из названных оппонентов Макаренко: Александр Иванович Попов (О.І. Попів; 1891–?), выпускник историко-филологического факультета Харьковского университета (1915 г.), педолог и социобиолог. Из личного дела Попова (1928 г.), которое хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР) УССР в Киеве (ф.166, оп.12, д.6120), следует, что он был украинцем по национальности, с 1920 по 1924 г.г. являлся членом коллегии Главсоцвоса, а также первым председателем Научпедкома (одним из предшественников Соколянского), с 1921 года – преподаватель педологии и декан факультета соцвоса Харьковского ИНО и с 1923 года руководитель научно-исследовательской кафедры педагогики этого института. С того же года Попов работает ответственным редактором массового журнала для украинских учителей "Радянська освіта", а в 1926 году он принял пост директора УНИИПа, организованного на базе научно-исследовательской кафедры, одновременно возглавляя секцию соцвоса своего института ("Шлях освіти", 1929, № 89, с.131–132). Между прочим, должность первого директора УНИИПа в советской педагогической историографии приписывается благополучно пережившему период репрессий Соколянскому (см., например: Педагогическая энциклопедия, т.4. Москва, 1968, столб.34). Список публикаций Попова до 1928 года состоит из 50 научных работ – в большинстве своём на украинском языке. Попов является также автором двух основополагающих документов украинской педагогики: "Декларация Наркомпроса УССР о социальном воспитании детей" и "Декларация прав ребёнка" (1920 г.).

О дальнейшей судьбе Попова ничего не известно. В авторитетной монографии об истории УНИИПа, выпущенной под руководством его нынешнего директора Н.Д. Ярмаченко к 50-летию юбилею института (Научно-исследовательский институт педагогики Украинской ССР /1926–1976/. Киев, 1976), имя Попова вообще не упоминается.

Составитель данного тома на вопрос о причине появления этого "белого пятна" получил ответ (1990 г.), что Попов, который якобы закончил духовную академию, во время фашистской оккупации занимал высокое положение в иерархии украинской православной церкви, – такой историей не хотели портить репутацию института.

Доказательств сотрудничества Попова с фашистскими оккупационными властями не удалось найти в фондах Райхскомиссариата, которые ныне находятся частью в Киеве (ЦГАОР), частью в Кобленце (Бундесархив). Многое указывает на то, что он ещё до оккупации Украины выпал из общественной жизни.

Как следует из упоминавшегося уже личного дела Попова, он, хотя и родился в семье деревенского священника, по своим убеждениям был абсолютно нерелигиозным человеком; в 1911 году он был арестован царской охранкой и посажен в тюрьму "за участие в студенческом революционном движении". До Советской власти он работал учителем гимназии. В 1919 году Попов вступает в УКП(б), которая впоследствии стала рассматриваться как националистическая организация; после объединения в 1920 году этой партии с КП(б)У он становится её членом. Но уже через два года он оказался жертвой "чистки партии" – был исключён из её рядов "как интеллигент". Свою деятельность в учреждениях Наркомпроса УССР Попов начинал членом "настоящей" партии при решительной поддержке тогдашнего руководителя этого комиссариата, знавшего его ещё с гимназических времён (1901 г.) и рекомендовавшего "для ответственной работы в области просвещения". Речь идёт не более и не менее как об одном из руководителей партии "УКПистов", который впоследствии как осуждённый на третьем московском процессе 1938 года был расстрелян – о Г.Ф. Гринько.

В отличие от двух педагогов-учёных, о третьем основном оппоненте Макаренко – "тов. Письменный" – до сих пор удалось узнать лишь только то, что он являлся членом правления коммуны им. Дзержинского (первого созыва) и, как следует из его выступления на заседании 14 марта 1928 г., автором "одиннадцати вопросов". Имя и отчество этого чекиста, который, по всей вероятности, в ноябре 1929 г. в рамках реорганизации был уволен с должности члена правления, до сих пор не известны.

В хранящемся в макаренковском фонде ЦГАЛИ СССР документе от 31 января 1928 г. об организации коммуны (ф.332, оп.4, ед.хр.369, л.15) содержится свидетельство о том, что Письменный был тогда секретарём президиума украинского ГПУ. Речь идёт о списке из 28 сотрудников ГПУ, назначенных для общего руководства коммуной (совет, ревизионная комиссия, правление). Напротив 11 фамилий, в том числе и Письменного, впоследствии рукой неизвестного лица написано "враг". Поэтому можно предположить, что Письменный, как и другие многочисленные сотрудники органов госбезопасности, был репрессирован в конце 30-х годов.

Для полного понимания более поздних высказываний Макаренко об учёных-педагогах из УНИИПа (см. док. №№ 6 в, 6 г) нужно, между прочим, учесть факт, о котором также не упоминается в юбилейной книге института: весной 1931 года там состоялись две дискуссии, во время которых были резко раскритикованы ошибки ведущих представителей "харьковской школы педагогики". Резолюция первой дискуссии опубликована в журнале "Радянська освіта" (1931, № 5, с.33–38).

Из документа следует, что на этом заседании, с одной стороны, были подчёркнуты заслуги учёных УНИИПа. Там говорится, что "основная группа советских теоретиков-педагогов", в том числе Соколянский и Попов, "вела борьбу с идеалистическими теориями старой буржуазной педагогики (с биогенетическим законом, инстинктивистами, бойскаутизмом и др.), боролась против субъективной психологии на базе целиком правильного утверждения о классовой условности поведения". Особо подчёркивалась "значительная роль", которую сыграли проф. Соколянский в обосновании места коммунистического детского движения в педагогике и проф. Попов в разработке теории пролетарского социального воспитания. С другой стороны, там говорится о том, что "видные работники этой украинской группы уклонились от принципов диалектического материализма, рассматривающего педагогику как науку, которая является частью природоведения (проф. Соколянский)". В соответствии с резолюцией, это "неминуемо вело к механистическим позициям". И проф. Попову был высказан упрёк в том, что он, "борясь против буржуазной традиционной школы на первых порах развития советской педагогики на Украине, впал в педоцентризм, свойственный либерально-буржуазной педагогике".

Макаренко должны были быть известны эти "разоблачения" на теоретическом фронте педагогики и неизбежно следующие за ними практические действия ГПУ. Тот факт, что Соколянский спустился по служебной лестнице от директора крупного НИИ до директора спецшколы, можно рассматривать как результат подобных действий. Очевидно зная о таких изломах в карьерах людей, Макаренко решил для себя ввести фигуры своих основных оппонентов действующими лицами "Педагогической поэмы", над которой как раз в это время он работал. Так, Соколянский и Попов послужили прообразами двух героев, которых писатель включил в текст "Типы и прототипы" (весна 1934 г.). От введения "тов. Письменного" в число персонажей "Поэмы" Макаренко скорее всего не случайно отказался. Здесь он применил типичный для него приём отчуждения: Воробьёв вместо Соколянский и Панов вместо Попов. Для этих представителей "педагогического Олимпа" он выбрал следующие отрицательные характеристики:

"84. Воробьёв Михаил Михайлович. Человек одной доктрины, преданный своим слепым и теории условных рефлексов. Как учёный он хорошо понимает сложность и глубину опыта колонии, но считает, что она ценна главным образом тем, что подтверждает его мысли о значении рефлексологии в педагогике. Он представитель биологизма в педагогической науке и не может видеть лица коллектива. [...] Его конёк – обусловленное поведение".

"121. Панов Фёдор Карпович. Сволочь, петлюровец, подмазывавшийся во все тяжкие, пытающийся "обдурить весь свет". Профессор педагогики, первосортный шарлатан, несмотря на свою внешнюю благопристойность. Представитель "чистого" педагогического

жречества, книжный выдумщик, протаскивающий под видом советской педагогики контрреволюцию".

На фоне начавшегося в 1930 году преследования украинской интеллигенции (процесс по делу "Союза освобождения Украины" – СБУ – с главным обвиняемым С.А. Ефремовым, вице-президентом АН УССР), приведённый портрет националиста-контрреволюционера" Панова, как и, между прочим, персонаж "троцкистки" Брегель (прототип В. Дюшен, которая также выступала на заседании 14 марта 1928 г.), можно назвать политической клеветой, которая производит впечатление стремления Макаренко вкрась в доверие харьковских и московских властей и продемонстрировать таким путём свои русофильские настроения – именно в момент прекращения украинизации!

В конечной версии "Поэмы" Макаренко, как известно, отказался от изображения политически окрашенных персонажей. Вместо этого он ограничился включением в главу "У подошвы Олимпа" соответствующих замечаний, которые однако были опубликованы только в двух первых изданиях третьей части произведения – весной 1936 г., т.е. ещё до первого московского процесса. Между прочим, там можно прочесть:

"На небесах и поближе к ним, на вершинах педагогического "Олимпа" всякая педагогическая техника в области собственно воспитания считалась ересью. / Уже и раньше на меня косо смотрели с "небес", но раньше я подвизался в провинции, на меня редко падали лучи великих светил, да и сам я старался не прыгать чрезмерно над поверхностью земли. А сейчас тучи клубились над самой моей головой, из них то и дело гремел гром и сверкали молнии. Я оказался в неприятном соседстве с богами. Они рассматривали меня невооружённым глазом, и спрятаться от них со всей своей техникой я был не в состоянии. / Боги были разные – партийные и беспартийные. Впоследствии оказалось, что почти все они состоят в близком родстве с некоторыми земнородными, – Троцким, Петлюрой, Ефремовым, но в то время они умели казаться непогрешимыми". (Макаренко А., Собрание сочинений. Марбургское издание, т.5, Штутгарт, 1982, с.157).

В последней главе третьей части "Педагогической поэмы" Макаренко вернулся к персонажу, которого он уже выводил на сцену во второй части в эпизоде инспекции колонии им. Горького и дал ему ядовито-ироническую характеристику: речь идёт о профессоре Чайкине. Как известно, этот профессор педагогики председательствовал на саркастически описанном в заключительной части "Поэмы" заседании "синедриона", т.е. УНИИПа. Из этого можно заключить, что отдельные черты и функции реально существовавшего и, очевидно, насолившего Макаренко профессора Попова писатель перенёс на вымышленную фигуру Чайкина, которому под № 92 в "Типах и прототипах" дана резко отрицательная характеристика: "Профессор-педолог – мошенник, шарлатан и пьяница. Человек совершенно дикий и некультурный, но злобненький и активный в защите своего положения. [...]".

Сидя в своём рабочем кабинете киевского управления НКВД (по меркам того времени гораздо выше самых высоких вершин "педагогического Олимпа"), вдалеке от места исторических событий (Харьков), Макаренко в эпилоге "Поэмы" морально добивает своего героя, описывая воздействие на него "самой малой дозы НКВД" (но сегодняшнему читателю эти высказывания о "чекистской дезинфекции" абсолютно не известны, т.к. они включались также только в два первые издания третьей части произведения /1936 г./ – в советском макаренковедении на публикацию данного места очевидно наложено строгое табу): "Я сам имел возможность видеть, как быстро издох профессор Чайкин, как только приблизился к нему уполномоченный ГПУ, как быстро сморщилась его учёная мантия, как отвалился от его головы позолоченный нимб и, звеня, покатылся по полу, и как легко профессор обратился в обыкновенного библиотекаря". (Там же, с. 251–252). Возможно такая же судьба постигла и реального Попова...

+ +
+

Кроме двух документов (№№ 4 и 6 а) в данном томе могут быть взяты за основу подлинники текстов. Документы №№ 1– 5 получены из советских государственных и личных архивных фондов.

Воспроизведение текстов осуществляется по мере возможности в соответствии с оригиналами; не в последнюю очередь это относится к языковым и грамматическим осо-

бенностям. Очевидные опечатки исправлены. В орфографии это издание придерживается современной нормы русского и украинского языков. Нумерация страниц оригинала обозначена на левых полях.

Научный аппарат настоящего тома включает в себя текстологический и предметный комментарий. Текстологический комментарий к каждому документу содержит описание источника и ссылку на него, данные о предыдущих публикациях и, кроме того, перечень опечаток, искажающих смысл в подлиннике, сокращений и научно важных вариантов публикаций текста. В предметном комментарии содержится информация, необходимая для полного понимания содержания документов, а также указания о подчёркиваниях текста и отчерках на полях (в стенографическом отчёте заседания УНИИПа), сделанных рукой вдовы педагога – Г.С. Макаренко.

При решении текстологических проблем и вопросов комментирования участвовали: Н.В. Абашкина (Киев), Ф.И. Науменко (Львов), С.С. Невская (Москва), Н.Н. Окса (Мелитополь), С.Ф. Сухорский (Львов), Ю.И. Токарев (Нижний Новгород), Ф.А. Фрадкин (Владимир), Э.А. Хабибулова (Москва). Ценные указания по переводу документов на немецкий язык дали Э. Гюнтер-Шелльхаймер (Берлин) и И. Рюттенауэр (Хаузхам под Мюнхеном). Русский вариант предисловия выполнен С.С. Рожено (Москва) и Ю.И. Токаревым.

Настоящий том появился на свет в результате тесного сотрудничества с моей коллегой Ирене Виль. Без этой кооперации перевод документов, в первую очередь украинских выступлений на заседании УНИИПа, был бы невозможен. Кроме того, Ирене Виль участвовала в решении текстологических проблем. Я благодарю её и всех названных и неназванных помощников.

Г. Х.

Марбург, август 1991 г.

На вершине «Олимпа». Подборка документов о конфликте Макаренко с представителями украинского "соцвоса" (февраль – март 1928 г.). Сост., автор текстол. и предм. комм.: *Г. Хиллиг* // Марбург: Makarenko-Referat, 1991 (Opuscula Makarenkiana, Nr. 12). – Предисловие: с. XIX–XXIX.

Гётц ХИЛЛИГ

ПРИУКРАШИВАНИЕ ВМЕСТО ИСТОРИЗМА

По поводу издания сборника «Пионеры макаренковедения»

Представленный здесь сборник статей «Пионеры макаренковедения» вышел в свет в сентябре 1991 г. во время учредительной конференции Международной Макаренковской Ассоциации. На этой встрече учёных из разных стран мира (в Полтаве) был признан тот факт, что в исследовании жизни и творчества А.С. Макаренко принимают участие также и зарубежные специалисты. Первоначально планировалось издать названную книгу в 1988 году к столетнему юбилею Макаренко, и её материалы были написаны уже в середине 80-х годов. Это объясняет, пожалуй, то обстоятельство, что данный сборник включает статьи только о советских «пионерах макаренковедения», – признание и серьёзная оценка вклада зарубежных, в частности западных учёных в эту область в то время, без сомнения, были невозможны.

Сборник, который сначала должен был быть опубликован в издательстве «Педагогика», вышел в свет чрезвычайно малым тиражом (500 экз.) под редакцией В.М. Коротова и Л.Ю. Гордина; составитель: С.С. Невская. Запоздалый выход книги, а также резкие сокращения тиража были вызваны отсутствием бумаги для данного издания. В краткой аннотации к книге можно узнать о том, что «сборник научно-биографических статей посвящён наиболее известным педагогам исследователям и пропагандистам наследия А.С. Макаренко». В книге в алфавитном порядке представлены 23 человека. Среди них можно найти почти все имена, знакомые из истории советского макаренковедения 40–50-х годов. В числе авторов сборника встречаются наряду с «начинающими» (С.С. Невская, Н.Н. Окса и др.) также и известные специалисты 60–70-х годов (М.Ф. Гетманец, Л.Ю. Гордин, В.В. Кумарин, А.А. Фролов).

Мысль создания своеобразной галереи портретов поборников «идей А.С. Макаренко в современной педагогике» оригинальна и хороша. При этом глубже происходит знакомство не только с восприятием идей, связанных с именем Макаренко, а также, – следует уточнить, – с процессом его канонизации. В этом смысле можно вполне согласиться с мнением автора предисловия В.М. Коротова, что данная книга «уникальна»: подобного в истории макаренковедения ещё не было.

Первое позитивное впечатление от этой работы, вышедшей из-под пера моих советских коллег, при более внимательном рассмотрении оказывается не совсем правильным. Сначала обращает на себя внимание то, что такой крупный исследователь творчества Макаренко, как украинский учёный Н.П. Нежинский, по непонятным причинам «забыт», в то время как двое почти неизвестных его земляков (Н.Ф. Даденков, Г.А. Паперная) были приняты в число «пионеров». В книге не нашлось места и педагогу М.Д. Виноградовой, которая, однако, выступает в числе авторов сборника, и литературоведу Е.З. Балабановичу.

С другой стороны, в книгу включены деятели, которые никогда не выступали в качестве макаренковедов, – по крайней мере этого нельзя заключить из их работ. Двое из них (Г.В. Гасилов и Э.И. Моносзон) всё же знали Макаренко лично (если только существует подобный критерий отбора), в то время как третий фактически ничего общего с педагогом, исследованием и пропагандой его наследия не имеет. Речь идёт об известном теоретике и историке педагогики И.Ф. Сवादковском, чья научная биография подробнейшим образом описана в сборнике. Но при этом ни единым словом не упоминается о той роковой роли, которую Свадковский сыграл в газетной кампании против педологии (1936 г.). Автор статьи (С.П. Баранов), правда, также не отметил двух до сих пор известных точек соприкосновения Свадковского с макаренковедением. Так, сообщается о его назначении на пост директора института теории и истории педагогики только что созданной АПН РСФСР (1943 г.), но не упоминается важный факт, что к этому институту относилась и основная «лаборатория по изучению педагогического наследия А.С. Макаренко». Также не упоминается о том, что под общей редакцией Свадковского как директора института (со-

вместно с Е.Н. Медынским) в 1946 году всё же вышло в свет первое собрание трудов Макаренко (составитель: И.Ф. Козлов).

Статьи сборника отличаются между собой не только по объёму (от 2,5 до 12 страниц), но и по своему стилю и качеству. В то время как большинство авторов стремятся нарисовать наиболее полную картину жизни и творчества представляемых ими деятелей, другие ограничиваются лишь описанием их вклада в дело макаренковедения. В некоторых материалах отсутствуют данные о социальном происхождении и детстве (школа и т.д.) того или иного «пионера», хотя принадлежность к «партии» и время вступления в неё упоминаются почти всегда. В одном случае (у И.А. Каирова) биография начинается даже таким сообщением: «Коммунист с апреля 1917 г.» (с.35). Отсутствие данных о «партийности» человека, являющегося, без сомнения, центральной фигурой первого поколения «пионеров», связано, можно предположить, с тем, что в начале 30-х годов он «механически» (из-за неуплаты членских взносов) был исключён из рядов партии. Речь идёт о Галине Стахивне Макаренко («коммунист» с декабря 1917 г.). Это документально установлено, но до сих пор не общеизвестно. По старой советской привычке у большинства макаренковедов отмечено также и их участие в Великой Отечественной войне. В общем можно сказать, что у авторов почти всех статей довольно некритический подход к теме, часто даже чувствуется стремление авторов немного приукрасить своих героев и выставить их в более выгодном для них свете.

В материале о С.А. Калабалине, – любимом воспитанике Макаренко, – и его жене Г.К. Калабалиной (которая, между прочим, до сих пор не выступала в литературе ни как исследователь, ни как пропагандистка наследия Макаренко и поэтому не принадлежит к числу «пионеров») бросается в глаза то, что в биографиях отсутствуют данные об их происхождении и педагогической деятельности при жизни их учителя за пределами колонии им. Горького и коммуны им. Дзержинского. С периодом, разделяющим два учреждения Макаренко, можно связать то, что будущий «макаренковед» Калабалин, сам бывший тогда руководителем одного из детских домов, в рамках исследования неудовлетворительного состояния интернатов Харьковского округа (в 1928 г.) был обвинён в физическом наказании воспитанников. Это также документально установлено и также до сих пор не общеизвестно.

При оценке вклада конкретного деятеля в дело макаренковедения основными источниками для авторов служили его публикации, а в некоторых случаях и рукописи, а также сведения, полученные о нём от других лиц. Для описания биографии и личности представляемого «пионера» использовались исключительно его собственные высказывания или воспоминания членов его семьи. Эти данные не были проверены, и их проверка, нужно заметить, представляется в большинстве случаев очень сложной, требует серьёзного изучения архивов, но в первую очередь, тем не менее, должна быть определена проблематика. Что касается отдельных несоответствий и противоречий, то внимательные читатели материалов данного сборника могли бы насторожиться; им, собственно говоря, должно было бы быть достаточно: помимо одного составителя и двух редакторов названы также и четыре [!] рецензента, в том числе и два макаренковеда (В.И. Малинин и В.М. Опалихин). Это относится, например, к следующему моменту: С.М. Ривес, один из ранних «пионеров», два раза (с. 144, 145) упоминается как руководитель вышеназванной лаборатории по изучению педагогического наследия А.С. Макаренко, которую на самом деле всё время её существования, т.е. до 1951 года, возглавляла Г.С. Макаренко (см. с.94).

Статья о вдове Макаренко (автор: С.С. Невская) в своей биографической части содержит отдельные неточные данные, которые встречаются, правда, также и в публикациях других специалистов – отечественных и зарубежных. Эти в макаренковедении до сих пор не подвергавшиеся сомнению данные получены из автобиографии Г.С. Макаренко, написанной ею в 50-е годы. Так, например, сведения о том, что она училась в Киевском коммерческом институте, соответствуют на самом деле истине, но она закончила не историческое отделение экономического факультета, как до сих пор предполагалось (см. с.87), а лишь курсы по дошкольному воспитанию. К тому же она начала работать в Наркомпросе УССР не в 1921 году (как следует из статьи) или уже в январе того года (как следует из автобиографии), а только в мае 1922 г. Сразу после этого она действительно руководила детским домом в селе Гиевка Харьковской губернии – речь идёт о детдоме им. Шевченко, о котором позже (в 1927–28 гг.) в газетах публиковались критические оцен-

ки; но деятельность в Гиевке продолжалась не «около двух лет (сентябрь 1924 – март 1926 гг.)» (с.87), а только один год (до октября 1925 г.). И её так часто упоминаемая деятельность в качестве председателя комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей Харьковского окрисполкома (кстати, на этом посту она закончила самостоятельную работу в области педагогики, а именно в нежном возрасте 31 года) продолжалась не «с января 1927 года по январь 1929 года» (с.88), а только до декабря 1927 года! Правильные данные удалось найти рецензенту недавно в фондах Наркомпроса Украины в личном деле Г.С. Салько (такую фамилию она носила до 1935 года); эти фонды находятся в бывшем ЦГАОР УССР в Киеве (ф.166, оп.12, ед.хр. 6790). Там отмечена также причина её увольнения с поста главного инспектора Охраны детства Главсоцвоса Наркомпроса УССР в июле 1924 г. и перемещения её на должность руководителя детского дома. В заключении Центральной аттестационной комиссии при Наркомпросе УССР говорится о Г.С. Салько дословно следующее: «К порученному делу относится недобросовестно. Работает бессистемно. Чрезвычайно манкирует службой». (Последнее высказывание, очевидно, относится к обстоятельству, что она неоднократно, следуя личному делу, была «в отпуске по болезни»). А что же можно прочесть в сборнике «Пионеры макаренковедения»? «Волевая, образованная, энергичная [...] Галина Стахивна [...]» (с. 87), «эта замечательная женщина» (с. 95).

Другое распространённое мнение о роли Г.С. Макаренко как о хранительнице наследия мужа требует тоже пересмотра. Конечно, не подвергается сомнению то, что без её активной деятельности в деле собирания материалов не было бы макаренковского фонда ЦГАЛИ СССР и, соответственно, никакой солидной основы для прежнего и будущего научного исследования. Но с другой стороны нужно отметить, что она предоставляла биографам её мужа для ознакомления не подлинные документы из личного архива А.С. Макаренко, а лишь копии или только отрывки из них. Об этом информировал рецензент с приведением конкретных примеров Е.З. Балабанович.

Кроме того, подготовка текстов Макаренко для публикации, которая часто бывала коренной переработкой со многими сокращениями, была начата и в некоторых случаях и проведена самой Г.С. Макаренко. Как следует из архивных материалов, в этой редакторской деятельности принимали участие и другие «пионеры», тесно сотрудничавшие с вдовой Макаренко (А.Г. Тер-Гевондян, Н.А. Сундуков, В.Е. Гмурман). Но данный аспект не был затронут ни в одной статье сборника; возможно он авторам соответствующих материалов во время их написания не был известен.

В заключение хотелось бы упомянуть одну статью, которая в определённом смысле отличается от остальных: материал о И.Ф. Козлове (авторы Л.Ю. Гордин, В.М. Коротов). Причина в том, что эта статья обращает на себя особое внимание, не только в стиле изложения, но и в самой теме. Козлов защищал свою кандидатскую диссертацию (это была, как известно, первая работа такого рода о Макаренко) уже в 1941 году, т.е. ещё до окончательной канонизации педагога, и своим необычным подходом к теме («Педагогический опыт А.С. Макаренко и основные положения его педагогического учения») отличается от других «пионеров». Поэтому в 1987 году по инициативе Гордина и Коротова заново изданная его кандидатская (под названием «Педагогический опыт А.С. Макаренко») до сегодняшнего дня имеет интерес для читателя. Козлов неоднократно вступал в течение своей короткой жизни (умер в 1951 году в возрасте почти 48 лет) в конфликт со своим начальством, в том числе и со Свадковским, а именно во время его деятельности в макаренковской лаборатории; и в результате он был «отлучён» от АПН. И такое обстоятельство было не забыто авторами материала об этом настоящем пионере макаренковедения (см. с.54).

Какой вывод мы сделаем из вышеупомянутых наблюдений? Можно ответить словами Овидия из «Посланий с Понта», известных, наверное, советскому читателю по книге К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство»: *Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas*. Или: Пусть не хватает сил, но желание всё же похвально.*

* Настоящую рецензию автор в ноябре 1991 г. послал в редакцию московской газеты «Педагогический вестник» для публикации в данной периодике. Однако материал не был опубликован.

**Приукрашивание вместо историзма. По поводу издания сборника «Пионеры
макаренковедения». / Гётц Хиллиг // [Педагогический вестник (Москва). 1991]**

КАК А.С. МАКАРЕНКО ОТКРЫЛ СЕМЬЮ

К истории создания и воздействия
Книги для родителей
1936–1939 гг.

1. К предыстории замысла

Благодаря *Книге для родителей*, первая и одновременно единственная часть которой вышла в 1937 году, а также циклу «Лекций о воспитании детей» (её передавали в том же году по одной из программ московского радио), «борец за детские дома» А.С. Макаренко стал авторитетом для широких кругов педагогов-практиков и родителей также и в вопросах воспитания в семье. Так, в 1938–1939 гг. его приглашают выступать перед большой аудиторией с докладами, участвовать в дискуссиях на эту тему, ему приходится отвечать на многочисленные письма читателей и слушателей, давать консультации по конкретным проблемам воспитания¹.

В одном из своих докладов (22 июля 1938 г.) Макаренко среди прочего сказал об этом так:

«После того как вышла *Педагогическая поэма*, ко мне все стали ходить: бывшие беспризорники и всякие бандиты, люди, искривившиеся в жизни и даже не искривившиеся, и ищущие какой-то правды, и спрашивают, как нужно поступить. [...] Но после *Книги для родителей* я не знаю, куда спастись. Стали ходить родители, исключительно неудачники»².

А несколько позже (9 марта 1939 г.) он сказал ещё и следующее: «[...] очень часто принимаю у себя на дому клиентов по разным вопросам, хотя на моих дверях не висит дощечка 'приём от такого-то до такого-то'»³. Иногда Макаренко даже давал своим слушателям домашний телефон и просил их звонить (например, 22 июля 1938 г.) – «лучше утром до 11-ти или в час ночи»⁴.

Для контраста можно отметить прямо-таки сдержанное, иногда и просто отрицательное отношение к концепции воспитания детей в семье, предложенной Макаренко, со стороны педагогов-теоретиков.

В настоящей работе сделана попытка подставить факты связанные с возникновением замысла *Книги для родителей*, историей её публикации, спорах после выхода книги, а именно в историческом и биографическом контексте.

Источники, ставшие известными в последние годы, указывают на то, что по крайней мере до начала 30-х годов Макаренко относился критически, даже отрицательно к комплексу проблем «семья / воспитание в семье». Так, его брат Виталий свидетельствует, что А.С. Макаренко уже в юношеском возрасте (примерно 1907–1908) был настроен к институту семьи резко враждебно. В ней он видел «пережиток рабовладельческих времён» и уверял своего коллегу по работе Д.И. Григоровича, что сам никогда не захочет заводить семью и детей⁵.

В 1929 году в рецензии на материалы к «пораднику» для комиссий УССР по делам несовершеннолетних правонарушителей Макаренко критически отмечает, что «от всех материалов [...] остаётся впечатление некоторого фетишизма семьи»⁶. А в статье о функциях детдома в социалистическом обществе, написанной, вероятно, в конце 1929 – начале 1930 гг., Макаренко выступает за развёртывание сети детдомов, предлагает возобновить дискуссию о методике работы в них. И это как раз в тот момент, когда на Украине детдома предназначались только для сирот и тем самым, как пишет Макаренко, «есть нечто вымирающее». На фоне начавшегося в годы первой пятилетки массового вовлечения женщин в процесс производства Макаренко называет детский дом, «и только детский дом», «будущей формой советского воспитания», так как он «даёт ребёнку несравненно больше того, что способна дать самая лучшая семья», и, кроме того, значительно удешевляет содержание детей. А так как «не может быть социалистического общества без общественного воспитания», то «именно детскому дому принадлежит советское педагогическое будущее»⁷.

Также и в работе *Беспризорность и борьба с ней*, возникшей в начале 1931 г., Макаренко отдаёт предпочтение воспитанию детей в детдомах силами профессиональных педагогов перед «неквалифицированным» семейным воспитанием:

«Уже и теперь очень активно перед всеми нами встал вопрос о новом быте, а новый быт первым делом требует лишить семью права прибегать к кустарному воспитанию ребёнка».

«Никогда женщина не будет полностью свободна там, где семья подменяет педагогическое заведение»⁸.

И ещё в 1934 году в официальном письме в Совнарком УССР («Объяснительная записка к проекту организации трудового детского корпуса») Макаренко, анализируя причины беспризорности, констатирует «распад семьи»:

«Наш теперешний беспризорный – это не продукт классового распада, а продукт распада семьи. Семья распадается теперь гораздо больше, чем раньше. Причин тому много: более свободная форма семьи, отсутствие принудительного жительства, более напряжённое движение человека в обществе, большая загруженность отца и матери работой, отход женщины от семейной ограниченности, материальные и прочие формы противоречий»⁹.

2. Непосредственный повод

Причину неожиданного – на первый взгляд – решения Макаренко написать *Книгу для родителей* (далее: КДР) следует искать в тесной связи этого желания с радикальными изменениями в социальной политике страны, произошедшими в 1935–1936 гг. Изменения эти закончили процесс, который можно было наблюдать с начала 30-х гг., – процесс, в ходе которого семье были возвращены её права и обязанности в том, что касалось воспитания детей.

После пропагандистской кампании, развёрнутой в газетах с июня 1935 г. и воспевавшей «напряжённость и обязанности семейной жизни»¹⁰, правительственный орган печати *Известия* публикует 26 мая 1936 г. проект постановления ЦИК и СНК Союза ССР. В нём предусмотрен запрет аборт (единственное исключение: медицинское показание), оказание помощи многодетным матерям, расширение сети родильных домов, яслей и детсадов, усиление уголовного наказания за неплатёж алиментов, а также некоторые изменения в законодательстве о разводах. Редакция *Известий* призвала читателей присылать свои мнения об этом постановлении или отдельных его параграфах¹¹.

Постановление вступило в силу уже через месяц – 27 июня 1936 г.¹². В это время Макаренко при поддержке своей жены стал собирать материал для книги, которая должна была научить родителей воспитывать своих детей «правильно».

У самого Макаренко не было детей, но в его доме росло двое подростков, которых он «воспитал как своих»¹³: Лев Михайлович Салько (род. 1914), сын его жены от её первого брака, и Олимпиада Витальевна Макаренко (род. 1920), дочь его брата, эмигрировавшего во Францию. И хотя тем самым Макаренко как «глава семейства» обладал, конечно, соответствующим опытом, наверное, без вышеупомянутого побудительного мотива (дискуссия о семье и т.п.) он едва ли стал бы заниматься вопросами воспитания в семье столь интенсивно.

Позже, в докладах 1938–1939 гг., он объяснял свой интерес к этому одним обстоятельством – в трудовых колониях Украины, в аппарате управления которыми он работал в своё время, ему всё чаще приходилось иметь дело с детьми семейными, имеющими – как он рассказал 9 марта 1939 г. студентам Харьковского пединститута – «папу и маму, но за 'хорошее' поведение осуждённых на три–четыре года»¹⁴. Таких случаев тогда становилось всё больше ещё и потому, что на основании постановления ЦИК и СНК Союза ССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 г. уголовную ответственность за преступления несли дети, начиная уже с 12 лет. Так, на встрече с читателями КДР (9 мая 1938 г.) Макаренко сказал:

«Товарищи, никогда я не думал раньше, что мне придётся писать Книгу для родителей, так как сам я не родитель, детей собственных у меня нет, и никогда во-

просами семейного воспитания, мне казалось, я заниматься не буду. Но по своей работе в трудовых колониях и в коммунах за последние годы мне приходилось получать детей от родителей, правонарушителей, преступных детей, уже не беспризорных, а главным образом из семей»¹⁵.

С фактами, что Макаренко до начала 30-х годов относился критически к семье и что его решение написать КДР было обусловлено временем, советское макаренковедение до наших дней мирится с трудом. Об этом свидетельствует не только воспроизведение вышеназванных высказываний – т.е. их умолчание или искажение – в изданиях собраний сочинений педагога, а также подход к теме «А.С. Макаренко о воспитании детей в семье» в литературе. Так, в новейшей соответствующей публикации авторы утверждают, что КДР «задумывалась и готовилась А.С. Макаренко исподволь, на протяжении ряда лет, ещё в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского»¹⁶.

3. Как он начал писать книгу

К работе над КДР Макаренко приступил, с большой степенью вероятности, сразу после опубликования проекта постановления «О запрещении аборт...» и его окончательного текста, так как уже 27 июля 1936 г. на встрече с читателями и критиками *Педагогической поэмы* в Московском доме писателей он упомянул свой новый проект:

«Сейчас назрела необходимость выпустить книгу 'для родителей'. Слишком много материала и слишком много уже есть законов советской педагогики, об этом надо писать. Такая книга будет у меня готова к 15 октября, уже и редактор есть»¹⁷.

Совершенно очевидно, что Макаренко удалось во время этой своей поездки в Москву получить себе в редакторы будущей книги писателя П. Павленко, который был ранее ответственным редактором того выпуска горьковского *Альманаха*, где вышла 3-я часть *Педагогической поэмы*¹⁸. Во всяком случае, 11 сентября 1936 г. *Литературная газета* сообщает, что «писатель А. Макаренко закончил *Книгу для родителей*» и что редакция *Альманаха* эту работу «приняла к печати»¹⁹. Можно предположить, что автором данной газетной информации о творческих планах Макаренко был сам Макаренко²⁰.

Недавно стало известно, что редакция *Альманаха* заключила с Макаренко договор о подготовке к печати труда под условным названием *Отцы и дети* уже 9 июля 1936 г.²¹, т.е. спустя лишь 12 дней после вступления в силу правительственного постановления. А 20 июля он писал заведующей редакцией *Альманаха* Е.М. Коростеловой: «*Книгу для родителей* напишу в срок. Честное слово»²². Впрочем, в данном случае речь идёт о первом варианте будущего названия произведения.

Но при всём этом для Макаренко семейное воспитание явно не единственная и даже не основная тема его последующей педагогическо-писательской деятельности. «Коммунистическое воспитание» – вот его тема, пожалуй, его главный интерес.

После окончания *Педагогической поэмы* Макаренко работал сначала (6 октября 1935 – 18 февраля 1936 гг.) над романом, тоже для *Альманаха*, о воспитании взрослых – «воспитание кадров из второсортного материала», в соответствии со сталинским лозунгом «Кадры решают всё» (рабочие названия: «Дураки», «Чудаки»)²³, потом – последовав совету жены²⁴ – запланировал «фундаментальный научный труд о принципах нашей воспитательной работы», под заголовком *Мальчики*. Об этом он сообщил в начале – середине мая 1936 г. на заседании Русской секции Союза советских писателей Украины, посвящённом его творчеству²⁵.

Именно по коммунистическому воспитанию Макаренко – воодушевлённый постановлением ЦК ВК(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов», опубликованном 5 июля 1936 г. в *Правде* – хотел создать *Методику*. 14 июля он направил своему начальству в НКВД Украины заявление об уходе, где однозначно объяснил это своё настоятельное желание необходимостью работать над книгой такого рода²⁶.

И наряду с этим Макаренко хочет осуществить одну свою старую идею (что вообще-то не просто соединить с замыслом написать книгу советов для родителей) – открыть интернат для детей как раз из благополучных семей! Ещё во время пребывания в Москве (конец июля / начало августа 1936 г.) он письменно обращается в недавно образованный «Совет жён писателей» в Союзе советских писателей (ССП) и предлагает организовать

«лесную школу» или трудовую колонию для детей писателей, в которой «наряду с вопросами образования должны быть хорошо разрешены все вопросы воспитания характера и физического воспитания»: «Ведь всем известно, что в этих как раз областях в нашей семье, даже культурной, не всегда умеют дать детям то, что нужно»²⁷. С другой стороны, примерно в то же время Макаренко в письме-отклике на проект новой (Сталинской) конституции СССР в украинской *Літературна газета* отмечает, что «в Конституции, в главе X, должно быть сказано о семье. Семья в социалистическом обществе является первичной ячейкой, и эта ячейка должна быть социалистической»²⁸.

4. Работа над рукописью и печатание книги

И всё же к сроку, оговорённому в условиях – 15 октября 1936 г. – Макаренко представляет в редакцию Альманаха не готовую рукопись всей *КДР*, а лишь «начало» произведения с подзаголовком «Очерк»²⁹. Это следует из письма П. Павленко от 24 ноября 1936 г., в котором тот, прочитав рукопись, призывает Макаренко работать над нею дальше. «Вы начали книгу, великое народное значение которой во много раз превосходит *Педагогическую поэму* [...]». Павленко предсказывает *КДР* успех «большой, чем *Поэме*, даже если учесть, что *Поэма* ещё только начинает иметь успех»³⁰.

Для общественности в то же самое время Макаренко (как это случилось и в вышеупомянутой газетной информации) утверждает, что *КДР* уже закончена. Так 25 октября 1936 г., выступая перед рабочими Первого московского подшипникового завода им. Кагановича, он сказал, что эта книга «печатается сейчас в Москве»³¹. И 14 декабря 1936 г. на вечере, посвящённом его творчеству, в Ленинградском доме писателя он также информировал о том, что *КДР* «уже подготовлена к печати» и что «сейчас он работает над третьей книгой»³².

Но хотя бы только из-за тех многочисленных обязанностей, которые были в это время у Макаренко в Киеве и Броварах (временное руководство колонией), он смог возобновить работу над *КДР* лишь с февраля 1937 г., когда переехал в Москву. Однако ещё из Киева 20 декабря 1936 г. он посылает в редакцию *Альманаха* телеграмму: «прошу выдать мне четыре тысячи рублей в счёт последнего договора рукопись обязуюсь представить к 15 января 1937 года». На бланке телеграммы написан следующий комментарий: «Прошу выдать: т. Макаренко кончает большую новую работу для *Альманаха*. П. Павленко»³³.

И уже в Москве Макаренко заключил договоры о публикации *КДР* отдельными изданиями: 9 марта 1937 г. с Госиздатом Художественная Литература об издании на русском языке и 15 марта с киевским издательством Державне Літературне Видавництво об украинском переводе. Срок сдачи рукописи – максимальный объём её 20 печатных листов – намечен соответственно на 13 и 15 августа 1937 г.³⁴.

В середине мая 1937 г. в письме к своему харьковскому другу К.С. Кононенко он пишет о состоянии работы над рукописью: «Книгу для родителей домучил до семи печатных листов и затормозился, сам не знаю, почему, просто стал и всё. Писать её хочется, но как-то нет времени»³⁵.

«20 мая. [...] Альманах бузит по поводу *Книги для родителей*. 21 мая. [...] Вечером приступил к *КДР*. 22 мая. Целый день работал над *КДР*. Перепечатал один печатный лист. [...] 27 мая. Целое утро перепечатывал *КДР* и почти кончил. [...] 29 мая. [...] работал над *КДР*. – Четвёртая глава [...] 31 мая. [...] Целый день исправлял текст [...]»³⁶.

Эти записки в дневнике Макаренко свидетельствуют о короткой, но интенсивной фазе в работе над рукописью *КДР*. В то же самое время он вступил в отношения с редакциями московских журналов, которым уступил права первой публикации. А приобрести их хотели, кроме *Альманаха*, также *Красная новь* и *Октябрь*. (Оба журнала были органами ЦСП).

Чтобы продолжить работу над *КДР*, в начале июня 1937 г. Макаренко уезжает в деревню недалеко от Киева. Об этом в дневнике было отмечено: «8–29 июня. Дубечня. Написал от 6-го до 12 листа включительно – 7 печатных листов *КДР*. Работалось хорошо. Никто не мешал».

Появившуюся в результате рукопись он отдаёт для публикации, однако не в *Альманах* и не в *Октябрь*, а в *Красную новь*, где уже с июльского номера и начинают печатать *КДР* (гл. 1–4). Тот факт, что это решение было принято, так сказать, в последний момент, следует из обстоятельств печатания: в июньском номере *Красной нови*, в анонсе на второе полугодие 1937 г., произведение Макаренко не объявлено³⁷.

Почему решение было принято в пользу *Красной нови*, этот вопрос пока ещё не решён окончательно. С одной стороны, причиной изменения первоначального намерения Макаренко можно считать его знакомство с одним из членов редколлегии этого журнала, с писателем А. Фадеевым. С ним Макаренко был связан по работе в московской организации ССП (Фадеев, который входил в редколлегию *Альманаха*, – состав её образовался ещё Горьким, – был после её роспуска летом 1937 г. «освобождён»)³⁸. Но, с другой стороны, из записи в дневнике Макаренко можно заключить, что это дело решил не он сам, а некий Накоряков: «25 мая. [...] Был у Накорякова по поводу *КДР*. Условились, что я дам ему к 1-му то, что будет написано, а он решит, пускать ли в *Кр. нови* или в *Альманахе*». И уже 29 мая Макаренко «оставил у Ермилова [т.е. в редакции *Красной нови* – Г.Х.] четыре листа *КДР*».

Некоторые другие записи в его дневнике свидетельствуют о дальнейшей работе над *КДР*:

«1–19 июля. [...] Седьмую главу начал 3–4 июля в карандаше, но не понравилось, бросил. Начал её перепечатывать и написал новеллу о Любе Гореловой только 18 июля. Правда, по замечаниям *Красной нови* три дня просидел над 5 и 6 главами *КДР*, много исправил и улучшил, наново написал повесть о Кетовых (Виктор). [...] 20–24 июля. Закончил повесть о Александре Волгине».

Заключительные главы 8 и 9 Макаренко удалось писать до середины сентября 1937 г., а ещё 10 июля и 8 августа он зарегистрировал в своём дневнике получение первого гонорара из *Красной нови* за *КДР* (гл. 1–4) – всего 5 180 рублей.

Отрывки из рукописи *КДР* были опубликованы 20 июля в *Литературной газете* и 5 августа в вечерней газете г. Сталино в Донбассе *Сталинский рабочий*. Во вступительном слове к публикации в *Литгазете* (под названием «В семье Веткиных. Из *Книги для родителей*») Макаренко сказал:

«*Книга для родителей* – это отнюдь не методика семейного воспитания. Её цель – привлечь внимание родителей к узловым вопросам семьи. Такими вопросами являются: отличие новой семьи от старой, проблемы дисциплины и родительского авторитета, единство семьи как коллектива, целостность и крепость семьи и т.д. Эти вопросы освещаются в отдельных главах книги, состоящих из прямых указаний и выводов и иллюстрирующих новелл, рассказов и повестей. [...]»

КДР печаталась в 1937 г. с 7 по 10 номера *Красной нови* (тираж: 35 000 экз.). 10 номер, в котором напечатана с пометкой «конец первого тома» 9 глава, сдан в набор 16 сентября и вышел из печати в конце октября или в начале ноября. Уже 25 сентября сдано в набор и книжное издание *КДР*, которое вскоре после завершения публикации в *Красной нови* выходит в издательстве Художественная Литература в ноябре 1937 г. (тираж: 10 000 экз.).

Это издание – его текст по сравнению с журнальной публикацией слегка сокращён и в некоторых местах изменён – снабжено примечанием, которое сохраняется во всех последующих переизданиях произведения: «Книга для родителей написана мною в сотрудничестве с моей женой Галиной Стахивной Макаренко. А. Макаренко»³⁹. Украинский перевод *КДР* в соответствии с договором также был запущен вскоре – 20 марта 1938 г. – в производство. Но это издание вышло в Киеве лишь весной 1940 г.

Как Макаренко пишет в конце произведения и позже повторяет это в своих докладах, он хотел изобразить в первом томе *КДР* структуру и повседневную жизнь семьи как коллектива. Для этого он выбирает определённые ситуации и на примерах, каждый из которых является законченной новеллой, показывает неверное и правильное поведение. В *КДР* обсуждаются, среди прочего, следующие проблемы: семья как хозяйственный коллектив, разделение обязанностей в семье, роли отца и матери, авторитет родителей и

дисциплина детей, половое воспитание, многодетная семья, единственный ребёнок, мать-одиночка⁴⁰.

Рассматривающий семью в первую очередь как коллектив, Макаренко отличается от авторов других публикаций в СССР о воспитании детей в семье, которые ограничиваются полезными советами родителям об использовании быта, домашнего труда в воспитании детей младшего возраста, на вопросы санитарии и гигиены, игр детей, воспитательной роли книг и кино, – напр.: сборник лекций А.Ф. Евстигнеева-Белякова *Семейный быт и дети* (М., 1927) или книга Е.А. Аркина *О некоторых вопросах воспитания детей. Переписка с родителями* (вып. 1 и 2, М., 1933, 1935)⁴¹.

В *КДР* Макаренко приписывает семье решающую роль в процессе воспитания, ничего не говоря об отношении семьи к школе. Но ещё в октябре 1935 г. в направленной Горькому рукописи «Некоторые соображения о школе и наших детях» он – в полном согласии с политикой партии и правительства – провозглашал право школьного коллектива «контролировать семью со стороны её воспитательной деятельности» и даже осуществлять репрессии «по отношению к семье, не выполняющей своих воспитательных функций»⁴².

С художественной точки зрения *КДР*, как почти все другие произведения Макаренко, не представляет собой жанрового единства. Она не является учебником семейного воспитания, а включает в себе рассказы, очерки и заметки с соответствующими замечаниями и выводами. Рассказы книги – дидактические рассказы, при этом педагогический элемент преобладает над художественным. Вследствие этого *КДР* относится к традиционному жанру педагогического романа-трактата (*Эмиль* Ж.Ж. Руссо, *Линггард и Гертруд* и *Как Гертруд учит своих детей* И.Г. Песталоцци).

5. Восприятие Книги (критиками и педагогами)

На журнальный вариант и отдельное издание *КДР* известно всего одиннадцать откликов, которые появились в период с декабря 1937 г. по июль 1938 г. Среди них два опубликованы в женском⁴³ и литературно-художественном⁴⁴ журналах, которые рекомендуют *Книгу* своим читателям, а также два других, написанные педагогами-практиками. В последних – при в целом позитивной оценке идеи книги и факта её появления – довольно много критики по поводу существа *КДР*⁴⁵. Особого внимания заслуживают шесть рецензий; из них пять появилось в литературных журналах и одна – обзор литературных произведений – помещена в газете.

В единственной пока в советском макаренковедении работе, в которой есть ссылки – правда, их немного – на восприятие *КДР* современниками Макаренко, цитируются в большинстве случаев положительные отзывы читателей на неё. Из одиннадцати рецензий, анализируемых в данной работе, называются и подкрепляются библиографически лишь четыре. При этом отмечается, что «в оценке *Книги для родителей* критикой были допущены и ошибки»⁴⁶.

Некоторые другие ссылки на восприятие *КДР* современниками содержит комментарий к её тексту в новом восьмитомнике Педагогических сочинений Макаренко (т.5, 1985 г.). При этом цитируются – за единственным исключением – положительные отклики и соответствующее место в комментарии снабжено шапкой: «Книга для родителей была с одобрением встречена советской общественностью»⁴⁷.

Первый отзыв на *КДР* был написан известным писателем и литературоведом В. Шкловским. Его рецензия вышла 20 декабря 1937 г. в *Литгазете*, органе правления ССП⁴⁸. Шкловский, который называет произведение «литературным инструктажем» для родителей, отзываясь о её проблематике и отдельных местах книги (например, о половом воспитании) положительно. Так он считает, что *КДР* «очень неравномерна», что она не предлагает «ничего нового», поскольку «в ней нет той свежести художественного восприятия, которое имеет художник в минуту вдохновения». Но в произведении, по мнению Шкловского, есть «места такой писательской удачи», которые «не превращают *Книгу* в обычную беллетристику».

Второй отзыв о *КДР* появился 5 февраля 1938 г. в *Известиях*. Он содержался в обзоре литературных произведений, напечатанных *Красной новью* в прошедшем году⁴⁹. Автор обзора – поэтесса А. Адалис – очень критически отзывалась об этих публикациях. Относительно произведения Макаренко в её обзоре с настойчивой ссылкой на критику

Книги Шкловским сказано: редакция непростительным образом упустила возможность отшлифовать «мысль и публицистическое содержание» этих «интересных, но непродуманных до конца черновых записей». Далее там говорится, что Макаренко

«не учитывает многообразной сложности живого быта, не охватывает и малой части возникающих бытовых вопросов и поэтому его ответы на многие очередные вопросы оказываются наивными и идеалистически абстрактными».

На её обвинения Макаренко среагировал очень быстро. Уже через неделю, 12 февраля, *Комсомольская правда* опубликовала подробную статью-ответ на обзор Адалис. Написана она была самим Макаренко⁵⁰, но подписались под ней также его коллеги — писатели А. Караваева и А. Эрлих. Называлась она «Клевета на молодого писателя»⁵¹ и в ней защищался В. Панов — автор, которого А. Адалис в своём обзоре критиковала среди других. Его повесть «На севере» об одном из «трудлагерей» НКВД была названа ею «бездарнейшим произведением», которое «могло бы появиться в любом западном буржуазном журнале в качестве очередной развесистой клюквы на тему о Советском Севере и очередной клеветы на советских людей».

Опровергая обвинения А. Адалис, — в то время они могли стоить автору жизни, — Макаренко приходит к такому выводу: «Если бы он даже был бездарен, то нельзя же расправляться с ним при помощи самой обыкновенной клеветы». Макаренко ни словом не отреагировал на критику А. Адалис в адрес *КДР*, высказанную в том обзоре. Но косвенным образом он своим ответом дал понять, что не признаёт А. Адалис компетентной в анализе прозы⁵².

Следующая рецензия появилась в начале марта 1938 г. в ленинградском журнале *Звезда*. Её автор — писатель Н. Жданов, он же автор рецензии и на *Педагогическую поэму*⁵³ — в целом положительно оценивает *КДР*⁵⁴. Он называет произведение, которое, по его мнению, «очень ценно и со стороны художественной и со стороны непосредственно-педагогической», «своего рода педагогическим трактатом о воспитании в семье». Главную заслугу автора Жданов видит в том, что «он обращается в решении своей темы к обыденной будничной жизни трудовых семей». Однако «одним из самых существенных недостатков книги Макаренко» является то, что в ней почти полностью отсутствует «влияние общественной жизни» как «один из самых решающих факторов воспитания», формирующих сознание ребёнка.

«Воспитательная работа в нашем советском обществе не может ограничиваться привитием правил поведения, удовлетворяющих семейно-бытовые требования. [...] Нельзя сказать, чтобы Макаренко не понимал этого или не отдавал себе отчёта в важности гражданского воспитания. Наоборот, в нескольких местах книги он довольно ясно говорит об этом, и однако же в целом центр тяжести произведения лежит в другой плоскости — чисто-семейного воспитания».

В конце своей статьи Жданов пишет:

«Книга Макаренко — одно из первых произведений в этой области. Оно написано человеком, пристально всматривающимся в жизнь советских семей, человеком, обладающим большим педагогическим опытом и литературным талантом. В формировании советской семейной культуры книга Макаренко сыграет, несомненно, полезную роль».

Исключительно положительна рецензия психолога В. Колбановского, напечатанная в начале—середине марта 1938 г. в *Красной нови* (sic!) под заголовком «Поучительная книга»⁵⁵. Этим же автором для *Красной нови* были написаны и опубликованы уже в 1935 г. (№ 10) и 1936 (№ 6) две объёмные статьи о *Педагогической поэме*, где он среди прочего защищал Макаренко от серьёзных и опасных обвинений литератора М. Бочачера⁵⁶. Опубликованные за последние годы документы свидетельствуют, что ко времени написания *КДР* Макаренко и Колбановский уже были дружны, что последний даже участвовал в редакционной переработке (для книжного издания?) рукописи этого произведения⁵⁷. Поэтому вполне можно исходить из того, что, работая над статьёй в защиту начинающего писателя В. Панова, Макаренко уже знал материал Колбановского, который был опубликован лишь несколько недель спустя.

В начале отзыва автор напоминает о реакции читателей на *Педагогическую поэму* (вышла в 1933–1935 гг.):

«Педагоги-практики и в особенности педагогическая молодёжь приняли это произведение не только как литературное явление. Они рассматривали его как ценный вклад в педагогическую науку, как книгу, которая со временем займёт видное место наряду с другими знаменитыми произведениями в истории мировой педагогики. Нашлась только небольшая группа людей, которая отнеслась к этой книге более чем прохладно. Это враги народа, сумевшие пробраться к руководству советского педагогического фронта».

Косвенным образом Колбановский намекает на М. Бочачера, которого он по ошибке принял за «одну из бывших руководительниц крупнейшего пединститута». Она

«сделала наглую попытку дезориентировать советское общественное мнение посредством вздорной и глубоко невежественной статьи под заливчатским заголовком 'Антипедагогическая поэма'. Эта глубоко враждебная вылазка окончилась позорным провалом её инициатора. Советская общественность подняла на щит *Педагогическую поэму* Макаренко. К большому сожалению до настоящего времени педагогическая пресса не уделяла ей внимания. *Педагогическая поэма* выходит новыми изданиями. Круг её читателей всё более расширяется. Положительное влияние книги заметно растёт. А теоретики советской педагогики... молчат».

Относительно темы новой книги Макаренко Колбановский пишет следующее:

«[...] теоретики советской педагогики, среди которых было немало 'леваков', забросили эту область, полагая, по всей вероятности, что семья 'отмирает', а следовательно, и ломать голову над этим вопросом не стоит».

И далее:

«Большая заслуга А. Макаренко заключается в том, что он своей новой *Книгой для родителей* положил начало созданию необходимой нам педагогики социалистической семьи».

«Автор *Книги для родителей* – один из замечательных мастеров советской педагогики. Правда, он не написал ни одного теоретического руководства по педагогике, ни одного учебного пособия. Зато он с большим умением использовал свой талант беллетриста для того, чтобы через новеллы новой книги довести до широкого круга читателей нужные и чрезвычайно актуальные педагогические идеи в наиболее доступной и увлекательной форме».

Как в своё время и Шкловский, Колбановский особо выделяет «мысли Макаренко о половом воспитании» – это «самое свежее, ценное и действенное из всего того, что мы можем извлечь в советской педагогической литературе по данному вопросу».

В конце своей рецензии автор пишет:

«Макаренко создал книгу исключительного общественного значения. Книга для родителей заполняет существенный пробел в педагогике. Больше того, она начинает построение рациональной педагогики социалистической семьи. В этой книге впервые обнажены и вскрыты с замечательной правдивостью внутренние пружины семейных успехов и неудач и развёрнута жизненная диалектика семейного воспитания».

Это произведение «является проводником социализма в быт трудящихся, в семью, в область личных, интимнейших отношений людей».

Почти одновременно с этой, можно сказать, ура-положительной рецензией Колбановского появилось два отзыва педагогов-теоретиков. Один был напечатан в литературно-художественном журнале, другой – в педагогическом. Авторы отзывов подошли к *КДР* очень критически. Основные клише этой критики есть уже в некоторых рецензиях на *Педагогическую поэму*.

В одной из этих статей (под заголовком «Заметки педагога» в московском журнале *Литературный критик*) её автор, специалист по вопросам школьной гигиены

С. Советов⁵⁸, пишет, что признаёт необходимость издавать такого рода книги в помощь родителям. В *КДР* этот учёный видит «пробу дать педагогическое пособие для родителей в художественном изложении». Однако С. Советов отмечает в произведении многочисленные недостатки. Самый главный – отсутствие справедливой оценки, «громадной роли школы в деле воспитания и обучения нашей замечательной молодёжи». Этот свой упрёк он усиливает соответствующей цитатой из принятой на VIII съезде в 1919 году программы ВКП(б). Макаренко, можно там прочесть, не только замалчивает «основную ведущую роль [...] нашей советской школы», но и не упоминает в книге «основного руководителя воспитания ребёнка» – учителя.

Дополнительные недостатки *КДР* Советов видит в выборе примеров. Некоторые из них «явно патологического характера, которые скорее могут быть отнесены к компетенции психиатра, чем педагога», другие тоже неудачны, так как не имеют ничего общего с «нашей советской семьёй», являются примерами отношения в «пошлой, буржуазной семье». И наконец – Макаренко «прошёл мимо таких важных разделов коммунистического воспитания, как любви к родине, к партии Ленина-Сталина, вождям нашей страны, как интернациональное, антирелигиозное воспитание, воспитание любви к природе и т.п.».

А в оценке педагогических принципов, лежащих в основе отдельных эпизодов книги, этот автор особенно сильно критикует Макаренко за его отрицательное отношение к семьям лишь с одним ребёнком. Это, считает Советов, «антинаучная, педологическая позиция», так как «даже в тех семьях, в которых в силу каких-либо обстоятельств единственный ребёнок остаётся с матерью, совсем не исключено хорошее советское воспитание»⁵⁹. Далее критикует и за абсолютизацию значения «общего тона» в воспитательном процессе: «необходимы и элементарные педагогические знания, которыми должны овладеть все родители».

В конце своей статьи Советов обращается «и к товарищу Макаренко, и ко всем товарищам писателям» с просьбой: «давайте работать вместе над педагогическими вопросами, пишите повести и романы о замечательных наших детях и их учителях – героях педагогического труда», не стоит пугаться при этом трудностей и ошибок, и в таких случаях не отвергать помощь.

«Делу коммунистического воспитания повседневно помогает вся наша страна, партия, наш учитель товарищ Сталин. Советская общественность ждёт от писателя повестей и романов о наших детях, об их воспитании».

Ещё более критическую позицию по отношению к *КДР* занимает Н.П. Стороженко в своей статье «Вредные советы родителям о воспитании детей». Она появилась в основном в 1937 году журнале *Советская педагогика* – органе Наркомпроса РСФСР⁶⁰.

Как и Советов, этот автор критикует Макаренко за изолированное рассмотрение семьи, за его пренебрежение к «ведущей роли», которая принадлежит в деле воспитания подрастающего поколения школе. «Воспитание в семье должно дополнять школу, помогать ей осуществлять задачу подготовки всесторонне развитых, преданных строителей социализма».

«Вызывающим недоумение», однако, является и отношение Макаренко к педагогике и педагогам, когда он – в истории о том, как один профессор педагогики не смог справиться с воспитанием собственного сына, – хочет доказать: лучшие дети вырастают в тех семьях, где родители не имеют ни малейшего понятия о педагогической науке и полагаются «на здравый смысл и житейскую мудрость». Правда, признаёт автор, педагогическая наука действительно «очень мало» занимается вопросами семейного воспитания; но «всё остальное» в отношении Макаренко к этой истории – «грубый, ничем не оправданный выпад против науки о детях — педагогики, против учителей, против педагогических училищ и вузов». «Пренебрежительное, саркастическое отношение автора к педагогике» пронизывает всю книгу. «Макаренко любыми средствами стремится унижить педагогику, используя для этого не только вымысел, но и цинизм».

И Стороженко цитирует приведённое выше место из программы ВКП(б) и отсюда делает вывод, «что школа должна влиять на воспитание детей в семье, что семейное воспитание немыслимо в отрыве от целей и задач советской школы». Макаренко же «отрывает семейное воспитание от школьного воспитания».

Кроме того, Стороженко критикует Макаренко за то, что тот

«не признаёт никаких из уже установившихся принципов педагогики. Все они 'разбиваются' как несостоятельные и ничего не дающие в семейном воспитании. [...] Он устанавливает новые 'закономерности' не только в семейном воспитании, но и в социальной, культурной жизни».

И одну из этих «закономерностей» («Может быть, все провалы воспитания можно свести к одной формуле: 'воспитание жадности'»; «Макаренко противопоставляет этим порокам 'знание о пределах жадности'») Стороженко интерпретирует следующим образом:

«Это значит, что растущие потребности, стремления детей надо сдерживать, нормировать, что каждому стремлению надо устанавливать предел, в этом он [Макаренко] видит основной принцип воспитания. И не случайно вся книга пестрит примерами ограничения потребностей, интереса и стремления детей».

По поводу случая грубого поведения, проведённого Макаренко в КДР, Стороженко пишет следующее:

«Этим примером автор подкрепляет свою принципиальную позицию, заключающуюся в том, что ни в одном конкретном случае нельзя указать, как надо воспитывать ребёнка, что родителям можно только дать 'отправные позиции для собственного педагогического мышления'».

Этому подходу противопоставляется другой: «[...] советский педагог выяснит в таком случае обстоятельства, способствовавшие проступку ребёнка, и даст советы родителям как надо дальше поступать, чтобы исправить и предупредить такие проступки [...]».

Но самым серьёзным в критике Стороженко является один «аргумент» — его ссылка на антипедагогическое постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г., кстати, одобренное в своё время Макаренко:

«В свете этого решения *Книга для родителей* Макаренко является попыткой оспорить права педагогики в семейном воспитании, опорочить учителя и советскую школу, попыткой, вредной для дела воспитания. Макаренко выступает с уже осуждённых, старых, разбитых позиций, используя для этого фронт художественной литературы. Мы надеемся, что читатель быстро разберётся в его 'теориях', сумеет за напыщенными псевдореволюционными фразами разглядеть подлинную сущность содержания его книги».

В конце статьи Стороженко высказывается и о литературной стороне КДР:

«Это — сборник всевозможных зарисовок, заметок, рассказов, очерков, реплик, замечаний, связанных между собой общей темой и публицистическими полемическими рассуждениями автора».

«Форма подачи материала, его организация и средства изображения соответствуют содержанию *Книги для родителей*. Они едины в своей неорганизованности, бесформенности, в несоответствии с реальной действительностью.»

Макаренко узнал об этой статье от Колбановского. Пометки в его дневнике свидетельствуют, насколько сильно беспокоила его данная рецензия:

«12-IV-38. [...] В журнале *Советская педагогика* какой-то профессор написал громную статью о *Книге для родителей*. Я не читал, звонил Колбановский неделю назад, но с тех пор и он молчит, — не сдрейфил ли?»

15-IV-38. Статью Стороженко в *Советской педагогике* читал. Злобно, мелко, не скрываясь враждебно. Надо писать ответ. Где печатать, у Ермилова [*Красная новь* — Г.Х.]? [...] Вообще педагогическое одиночество продолжается, стоишь, как перед стеной. Статья в С.П. характерна как показатель наркомпросовских настроений. [...]

19-IV-38. [...] Колбановский говорит, что *Правда* ответ Стороженку будет печатать. Ермилов обещал печатать вторую».

При обсуждении КДР в Научно-практическом институте специальных школ и детских домов НКП РСФСР (20 октября 1938 г.) В.И. Куфаев говорил:

«Эту книгу мы разбирали в стенах нашего института очень подробно и не с тех позиций, с каких разбирал эту книгу журнал *Советская педагогика*. Мы отнеслись с возмущением к рецензии Стороженко»⁶¹.

Во время лекции в Харьковском пединституте (9 марта 1939 г.) Макаренко сам возвратился к статье Стороженко:

«В одном московском журнале была напечатана статья 'Вредные советы родителям'. Вообще я не люблю читать критические статьи о моих произведениях, но это я прочёл. Что там вредного, думаю. Может быть, плохо написано? Оказывается, что она вредна именно потому, что там ничего не говорится о школе; следовательно, книжка вредна. Я решил, что этот упрек не такой большой руки, и продолжаю писать *Книгу для родителей*, а о школе я не буду писать. Кто меня может заставить писать на все темы? И вообще писателю рекомендуется выбрать одну тему, а не двадцать, а о школе должны писать вы – педагоги, получающие педагогическое образование; у вас много мыслей, много чувств, хорошее отношение к школе, пишите!»⁶²

Наконец в начале июля 1938 г. появился ещё один отзыв на *КДР* и опять-таки в литературно-критическом журнале – *Книга и пролетарская революция*. Его заголовок – «'Педагогический стиль' советской семьи». Написала рецензию литературный критик К. Лаврова⁶³, которая ранее писала и о *Педагогической поэме*⁶⁴.

«Основным и наиболее ценным» в книге Макаренко, «проникнутой трезвым, здоровым педагогическим оптимизмом», является по её мнению,

«пропаганда нового морального сознания человека социалистического общества в наиболее косной и отягощённой предрассудками области, – в сфере семейных отношений, особенно в связи с такой первейшей важности проблемой, как воспитание молодого поколения, будущих творцов истории нашей страны, а значит, как правильно полагает писатель, – и истории мира».

Критически же Лаврова высказывается по двум пунктам: 1) о проблеме единственного ребёнка в семье, 2) о комплексе проблем по теме «развод и алименты». Относительно первого пункта: выводы Макаренко здесь «логически необязательны», предложенная им «панацея» (расширение семьи с целью создания коллектива) «направлена, как нам кажется, против воображаемого зла», следует больше «искать пути организации подлинно-социалистической семьи, независимо от числа детей». По поводу второго: рассуждение Макаренко является тут «столь же малоубедительным и ненадёжным», он «обеднил, упростил и сузил проблему», а описанный им случай «не типичен для современной советской семьи и не имеет почвы [...] в нашем законодательстве», «самом гуманном и мудром законодательстве в мире».

В предыдущем номере журнала *Книга и пролетарская революция* (конец мая – начало июня 1938 г.) был напечатан «Разговор с читателем» Макаренко⁶⁵, где он сначала ещё раз попытался объяснить, для чего писал *КДР*: «помочь советской семье в постановке и решении воспитательных задач, но я хотел, чтобы эта цель была достигнута художественными средствами», – прежде чем перейду к разбору читательских откликов. И здесь он спорит с Д. и Н. Пфляумерами, авторами отзыва на *КДР*, опубликованного в середине января 1938 г.⁶⁶ Очевидно, что других критических рецензий на его книгу Макаренко ко времени написания своей статьи (февраль–март 1938 г.) ещё не знал⁶⁷. В статье Макаренко пишет, что намерен использовать полученные от читателей письма для работы над вторым и третьим томами *КДР*. Он убеждён, что тем самым книга станет «совершеннее».

Однако в отличие от *Педагогической поэмы* это произведение не достигло совершенства, и убедительное объяснение тому можно найти в воспоминаниях К.С. Кононенко. Там говорится, что

«летом 1936 года Антон Семёнович начал писать *Книгу для родителей* на основании того большого материала, который он собирал для романа. Эта работа не увлекла его, я не видел того экстаза творчества, который приходилось наблюдать в момент создания *Поэмы*. Работа не удовлетворяла его потому, что каждая затрагиваемая им тема заслуживала того, чтобы развернуть её до повести или даже романа. Создавая мозаику из этих эскизов, Антон Семёнович своим богатым художественным чутьём не мог не сознавать неполноценность своего труда. Вдохновиться же на большую работу он психологически в то время не был способен. Всё же

эта работа принесла ему величайшее облегчение. Она дала ему оправдание жизни, наполнила её ценным содержанием».

6. О планах написать продолжение

Мысль написать продолжение *КДР* очевидно возникла во время работы над рукописью этого произведения. В конце опубликованного осенью 1937 г. варианта впервые речь идёт о втором томе:

«В первом томе я успел затронуть только узловые вопросы, связанные со структурой советской семьи как коллектива. В дальнейшем рассчитываю перейти к вопросам духовной и материальной культуры семьи и эстетического воспитания. Было бы желательно, чтобы второй том был написан не только на основании моего личного опыта, но и на опыте других людей. [...]»⁶⁸

О тематике и планированных сроках представления рукописей следующих томов *КДР* Макаренко позже неоднократно говорил и во время своих выступлений, и перед корреспондентами газет.

Второй том должен был бы быть по первоначальному замыслу («Разговор с читателем», февраль–март 1938 г.) посвящён «вопросам воспитания активного, целеустремлённого большевистского характера формирующегося молодого советского человека»; при этом Макаренко использует «для руководства общие принципы философии товарищей Ленина и Сталина», которые он хотел перевести «на язык семейного быта и семейного поведения»⁶⁹.

9 мая 1938 г. при обсуждении *КДР* на московском станкостроительном заводе им. С. Орджоникидзе Макаренко сказал, что «половина своего второго тома», который у него «сейчас закончен»⁷⁰, посвящается вопросу о том, что «воспитание человеческое предопределяется в младшем возрасте до пяти лет»⁷¹. Кроме того, в этом томе он приступает к теме – «как часто родители любят детей для себя»⁷². На просьбу слушателя, чтобы «как можно скорее выпустить вторую книгу»⁷³, Макаренко ответил: её «вы прочтёте, когда Гослитиздат издаст, а он не очень быстро издаёт: *Педагогическую поэму* полтора года издавал»⁷⁴.

22 июля 1938 г. на лекции о воспитании детей в редакции журнала *Общественница* Макаренко говорит, что во втором томе, который «всё пишет, пишет», хочет выяснить, почему

«люди здравомыслящие, могущие работать, учиться, получившие высшее образование, значит, с нормальным разумом и способностями, часто общественники, которые могут руководить целым учреждением, ведомством, какой-нибудь фабрикой или каким-нибудь другим предприятием, которые умеют с очень разнообразными людьми поддерживать какие-то нормальные отношения – и товарищеские, и дружеские, и какие угодно, – почему они, столкнувшись со своим собственным сыном, делаются людьми, не способными разобраться в пустяке?»⁷⁵

В интервью *Вечерней Москве* от 28 сентября 1938 г. Макаренко более конкретно обозначает свои дальнейшие планы:

«А.С. Макаренко работает сейчас над вторым томом *Книги для родителей*. Тема этой книги – политическое и этическое воспитание молодёжи.

– В эту книгу войдут десять повестей. Каждая из них, – говорит писатель, – посвящается отдельной теме – дисциплине, дружбе и другим проблемам социалистической морали – и будет представлять законченное художественное произведение. В конце книги будут помещены выводы – публицистическая часть книги. Я делаю это по требованию читателей. На первый том моей *Книги для родителей* я получил несколько сот отзывов. Читатели выдвинули передо мной ряд новых тем и проблем, которые я попытаюсь поднять в следующих томах моего произведения. Второй том я собираюсь закончить в этом году».⁷⁶

В анкете *Литгазеты* о рабочих планах писателей (опубликована 10 февраля 1939 г.) Макаренко подтверждает, что «вторая часть этого романа посвящена политиче-

скому и нравственному воспитанию детей». Но относительно срока окончания работы над рукописью он говорит теперь: «я должен закончить эту часть романа к 1 мая: таковы мои обязательства перед редакцией журнала *Красная новь*».⁷⁷

А 9 марта 1939 г. он рассказал харьковским студентам: «Сейчас я сдал в печать второй том, который говорит о нравственном и политическом воспитании в семье, главным образом; но приходится касаться и школы».⁷⁸ Наконец, в некрологе на смерть Макаренко, напечатанном в журнале Октябрь, говорится: «Неожиданно оборвалась его жизнь на полном её ходу, когда Антон Семёнович, работая с утра до ночи, заканчивал вторую часть своей *Книги для родителей*».⁷⁹

Том третий Макаренко хотел посвятить сначала (февраль–март 1938 г.) «вопросам потребления»⁸⁰, затем (интервью 28 сентября 1938 г.) – трудовому воспитанию и «выбору жизненного пути».⁸¹

Том четвёртый – о четырёх томах речь зашла впервые лишь 9 мая 1938 г.⁸² – «вопросам счастья, вопросам советской эстетики» (28 сентября 1938 г.)⁸³, а также «эстетическому воспитанию молодого человека советской страны» (10 февраля 1939 г.)⁸⁴, или, как Макаренко сформулировал это 9 марта 1939 г.: «И четвёртый том, самый для меня важный, на такую тему: как нужно воспитывать человека, чтобы он, хочешь – не хочешь, был счастливым человеком».⁸⁵

7. В заколдованном круге договоров

Однако если заглянуть в дневник Макаренко, станет ясно, что все эти публичные высказывания о продолжении работы над *КДР* имеют под собой лишь вымыслы. Все они так или иначе «спровоцированы» вопросами слушателей, самой атмосферой выступлений и дискуссий. Даже второй том, о котором Макаренко говорил: «работаю и работаю над ним» (22 июля 1938), что он «у меня сейчас закончен» (9 мая 1938) и «теперь отдал его в печать» (9 марта 1939), не говоря уже о третьем, не был завершён, когда 1 апреля 1939 г. Макаренко внезапно скончался. В действительности же он, написав первый том, потом уже никогда не мог продолжить *КДР*.

26 сентября 1938 г. Макаренко составляет обзор «впереди работ». Наряду с пятью другими литературными проектами – выполнять которые он обязался соответствующими договорами с издательствами, редакциями журналов и киностудиями, – там имеется и такая запись: «Книга для родителей т. 2 – 15 п.л. 1.1. (1939 г.)». Эту большую программу реализовать однако не удалось, и уже 1 декабря 1938 г. Макаренко пересматривает свои планы. В новом годовом «графике» работы, рассчитанном на 365 рабочих (!) дней, он делает следующие расчёты относительно 2-го тома *КДР* (при этом уменьшает предусматривавшийся им ранее объём тома): «Для 10 п. листов требуется для плана 10 рабочих дней, для чернового текста 40 рабочих дней и для второго текста 14 рабочих дней. Итого 64 рабочих дня». Теперь уже в ряду семи литературных проектов Макаренко передвигает *КДР* на последнюю позицию и пишет об этом: «Оттянуть сроки можно только для *Книги для родителей* [...]». В этот раз он планирует окончание рукописи на 1 декабря 1939 г.

Напряжённое финансовое положение Макаренко тогда заставляло его заключать всё новые и новые договоры, чтобы получать побольше авансов. Вероятно, из-за этого он должен был через несколько дней вновь пересмотреть свои рабочие планы, чтобы выполнить уже упоминавшееся обязательство – быстрее окончить *КДР*. В договоре от 19 декабря 1938 г. между Макаренко и редакцией *Красной нови* в лице А.А. Фадеева есть следующие конкретные сроки: объём – 18 листов, срок публикации – в течение 1939 года, представление рукописи (двумя частями) – не позже 1 апреля и 1 мая 1939 г.⁸⁶ 28 декабря Макаренко записал: «Заключил договор с *Красной новью* на II том *Книги для родителей*. А когда писать. Договоров, договоров!»

Из-за этого нового обязательства Макаренко откладывает другие свои работы и 12 января 1939 г. начинает готовить для 2-го тома «темник» – перечень материалов (писем читателей, отрывков из записных книжек), разбитых по темам тома⁸⁷. Но в его дневнике нет в течение следующих недель ничего о работе над *КДР*. Есть лишь цифра – сумма ожидаемых от редакции *Красной нови* авансов (17 и 25 января).

1 февраля – в этот день Макаренко узнал из *Правды* о своём награждении орденом Трудового Красного знамени – по поводу *КДР* он, перечисляя договорные сроки сда-

чи рукописей, записывает: «Аванс 4 500 получил. Начинаю писать II том 7 марта с расчётом закончить 18 апреля».

С 6 по 12 марта 1939 г. Макаренко был в Харькове. Здесь во время одного доклада он сказал, что второй том *КДР* он «теперь отдал в печать». В действительности же он к тому времени писать второй том даже не начинал⁸⁸. А в оставшиеся ему три недели жизни он был занят другими работами.

Законченных глав для продолжения *КДР* в наследии Макаренко найдено не было. Обнаружили лишь подготовленные его женой материалы для дальнейшей работы над *Книгой*, которые при их публикации сначала по ошибке приписали самому Макаренко⁸⁹.

Как мало следов оставила *КДР* в советской педагогике, свидетельствует то обстоятельство, что в рамках серии статей в *Учительской газете* под лозунгом «Создадим книгу для родителей!» даже меньше, чем через год после смерти Макаренко, его одноимённое произведение не было упомянуто ни словом. И это тем более странно, учитывая то обстоятельство, что автором первого материала был друживший с Макаренко – писатель К.И. Чуковский⁹⁰. Переиздание *КДР* началось только с 1949 года, т.е. уже в период высшей стадии канонизации Макаренко как педагога.

8. Дальнейшее развитие

По оценке московских макаренковедов *КДР* является «выдающимся произведением советской и мировой литературы»⁹¹, она до сих пор переведена на 13 языков народов СССР, а за рубежом (в 21 стране, включая все «социалистические») на 25 языков⁹². Наибольшее число изданий пришлось на ГДР – там в период 1952–1977 гг. *КДР* была переиздана десять раз как отдельное издание и два раза в рамках собрания Сочинений Макаренко.

В «несоциалистических» странах это произведение было опубликовано в Италии (1950, 1961), Японии (1951, 1962), Израиле (1955), Франции (1956), ФРГ (1956), Сирии (1966), США (1967, 1968, 1973), Португалии (1976), Мексике (1983) и на пяти языках Индии: бенгали (1954), тамиле (1958), малаялам (1959), телугу (1959), каннада (1963); кроме того, в СССР *КДР* была издана на английском (1954, 1955), французском (1955, 1957), шведском (1985) языках и на языке хинди (1958, 1959, 1968). При этом отмечается тот факт, что в неевропейских странах – как впрочем и в азиатских республиках и автономных областях СССР – произведения Макаренко, посвящённые воспитанию в семье, в том числе и *КДР*, были прежде всего переведены и имеют большее распространение, чем его главный труд — *Педагогическая поэма*. Это можно сказать не только о Японии, Индии и США, а также о Китае, Монголии, Вьетнаме и Кубе.

Marburg, 1991.

1. 9.5.1938 г. Макаренко сказал: «[...] получаю письма – я получил полторы тысячи, [...] в этих письмах как раз родители не занимаются тем, что хвалят меня или ругают, а все пишут о своих детях – плохие дети или хорошие [...]» (Центральный государственный архив литературы и искусства СССР [далее: ЦГАЛИ], ф. 332, оп.4, ед. хр. 173, л.4), а в сентябре т.г. он отмечал: «На первый том моей *Книги для родителей* я получил несколько сот отзывов» (*Вечерняя Москва*, 28.9.1938, с.3). Цитаты из писем читателей, которые хранятся в ЦГАЛИ (ф. 332, оп. 1. ед. хр. 71). были приведены в воспоминаниях одного из воспитанников колонии им. Горького, который пользовался особым доверием Г.С. Макаренко: А. Тубин, «Антон». *Год XXII. Альманах* 16. М., 1939, сс. 445–492.

2. ЦГАЛИ, ф.332. оп.4, ед. хр.175, л.3.

3. А.С. Макаренко, Педагогические сочинения в восьми томах (далее: ПС). М., 1983–1986, 4, с.361.

4. ЦГАЛИ, ф. 332, оп.4, ед. хр.175, л.25.

5. В. Макаренко, Мой брат Антон Семёнович. Воспоминания, письма. Марбург, 1985, с.38.

6. ПС, 1, с.114.

7. ПС, 1, сс. 80–81. Там этот материал был опубликован под заголовком «О некоторых проблемах теории и практики воспитания» и датирован «не ранее ноября 1927 г – не позднее июля 1928 г.» (с.345).

8. А. Макаренко, *Gesammelte Werke*, Ravensburg, 1976 («Marburger Ausgabe», Bd. 1), сс.123, 122. См. также: ПС, 5, сс.316, 315: «[...] а новый быт первым делом требует уменьшить [sic!] у семьи право прибегать к кустарному воспитанию ребёнка».

9. ЦГАЛИ, ф.332. оп.4, ед. хр.422, л.2.

10. I. Rüttenauer, A. S. Makarenko. Ein Erzieher und Schriftsteller in der Sowjetgesellschaft, Freiburg-Basel-Wien, 1965, с.129.

11. *Известия ЦИК*, 121, 26.5.1936. с. 1. О последствиях этой общественной дискуссии рассказывает Сузанна Леонхард в своей книге *Похищенная жизнь* (*Susanne Leonhard, Gestohlenes Leben. Schicksal einer*

Как А.С. Макаренко открыл семью (О «Книге для родителей»)

politischen Emigrantin in der Sowjetunion. Frankfurt am Main, 1956): от редакции *Известий* потребовали публиковать преимущественно одобрительные письма. Но так как таковых почти что не было, редакторы были вынуждены сами написать их, чтобы таким образом создать картину широкой «горячей поддержки населения» этого проекта. Как сообщает далее автор, негативные оценки проекта были переданы потом «для изучения» в НКВД, что привело в результате к арестам многих авторов писем, среди них и известных сексологов (там же, с.49).

12. Издано в *Известиях ЦИК*, 150, 28.6.1936, с.1.
13. ПС, 7, с.150.
14. ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.187, л.4.
15. ЦГАЛИ, ф.332., оп.4, ед. хр.173, л.3.
16. Л. Гордин, С. Невская, И.Филин, «О Книге для родителей А.С. Макаренко», Народное образование, 1987, сс.79–81.
17. Литературная газета (далее: ЛГ), 43, 1.8.1936, с.6.
18. Год XVIII. Альманах 8, М., 1935, с.340.
19. Літературна газета (далее: Ліг. газета), 42, 11.9.1936, с.4.
20. Сходным образом объясняет это и Е.З. Балабанович в случае с романом Человек. Из всего романа Макаренко написал лишь несколько первых глав, однако существует написанное им самим короткое сообщение для какой-то газеты, в котором сказано следующее: «А. Макаренко заканчивает большой роман Человек». (Е. Балабанович, Антон Семёнович Макаренко. Человек и писатель. М., 1963, с. 410).
21. ПС, 5, с. 318. Лишь после того, как данная работа была уже закончена, автор получил возможность просмотреть договор между Макаренко и редакцией Альманаха в лице П. Павленко. Там речь идёт о том, что Макаренко обязуется представить рукопись «в готовом для печати виде» «в колич. 10 авторских листов не позже 1 окт. 1936 г.» (ЦГАЛИ, ф.622, оп.1, ед. хр.13, л.40).
22. ПС, 8, с.65.
23. Е. Балабанович, ук. соч., с.411.
24. См. ПС, 8, с.54.
25. Літ. газета, 24, 1936, с.4.
26. Воспитание и правопорядок, 1,1988, с.35.
27. ПС, 4, с.25.
28. ПС, 4, с.26.
29. Эта машинопись (50 л.) с правкой Макаренко и карандашными пометками, по-видимому, редактора (Павленко?) находится в фонде редакции *Альманаха* (ЦГАЛИ, ф.622, оп.1, ед. хр.195). На обложке этого документа рукой, вероятно, тоже редактора написано: «Макаренко. Архив. 12-я кн., 1937». Характеризуя *Очерк* в комментариях восьмитомника (ПС, 5, с.319), составители делают малоубедительный вывод: «Указанная выше надпись говорит о том, что материал предполагался к опубликованию в 12-й книге альманаха (дек.1937 г.) после издания Книги для родителей в *Красной нови*».
30. ПС, 5, с. 319.
31. ПС, 4, с. 31.
32. *Литературный Ленинград*, 58, 17.12.1936, с.4.
33. ЦГАЛИ, ф.622, оп.1, ед. хр.8, л.33.
34. ЦГАЛИ, ф.332. оп.1, ед. хр.49, лл.10, 11.
35. К. Кононенко, «Забыть его нельзя», Машинопись. Архив лаборатории «Макаренко-реферат».
36. Там же.
37. *Красная новь*, 6, 1937, 4-я обл. с.
38. Один из членов этой редколлегии, литературный критик В. Кирпотин, приклеил перед этим ярлыки «троцкистских агентов» одному из своих коллег Л. Авербаху, а также писателям В. Киршону и А. Афиногенову в статье партийной газеты *Правда*; см. В. Кирпотин, «Троцкистская агентура в литературе», *Правда*. 134, 17.5.1937, с. 4.
39. Как неоднократно писал советский макаренковед В.Е. Гмурман, участие Г.С. Макаренко в работе над *КДР* свелось к сбору материалов. Автор использовал эти записи «именно как материал для качественно нового целого»; «вся книга написана от первой до последней страницы рукою А.С. Макаренко и воплощает его замысел». (А.С. Макаренко, Сочинения в семи томах. М., 1957, 4. с.531). Сам Гмурман (в сб. А.С. Макаренко, 9. Львов, 1976, сс.125–137), а также Л.Ю. Гордин и А.А. Фролов (в ПС, 5. сс.281–310) опубликовали отрывки из материалов, подготовленных Г.С. Макаренко для *КДР*.
40. См. также I. Rüttenauer, ук. соч., сс.127–180; эта самая, «Ein Buch für Eltern. Nachbemerkenungen zu einem Seminar über A.S. Makarenkos Konzept der Erziehung in der Familie», *Pädagogik und Schule in Ost und West*, 4. 1969, сс.101–103.
41. См. ПС, 5, с.322.
42. ПС, 1, с. 216.
43. С. Жаречная, «Книга для родителей А. Макаренко», *Общественница*, 4. 1938, сс.58–60.
44. Стан, «А. Макаренко. Книга для родителей». Резец, 6, 1938, 3-я обл. с.
45. Д. Пфляумер, Н. Пфляумер, «Книга для родителей». Литературное обозрение, 1,15.1.1938, сс.72–74; Н. Астахова, «Книга для родителей», там же, 8, 20.4.1938., сс.12–16.
46. Н.А. Морозова, А.С. Макаренко. Семинарий, изд. 2-е, перераб. Л., 1961, сс.22–23.
47. ПС, 5, с.322.
48. В. Шкловский. «Книга для родителей А. Макаренко», ЛГ, 69, 20.12.1937, с.6.
49. А. Адалис, «Об одном толстом журнале», *Известия ЦИК*, 30, 5.2.1938, с.3.
50. Так, по крайней мере, утверждал В.Е. Гмурман в разговоре с автором.

51. А. Макаренко, А. Караваева, А. Эрлих, «Клевета на молодого писателя», Комсомольская правда, 35, 12.2.1938, с.3. А. Караваева – член редколлегии журнала ВЛКСМ Молодая гвардия, А. Эрлих – постоянный сотрудник Красной нови.
52. В советском макаренковедении нет ссылок ни на обзор А. Адалис, ни на ответ ей Макаренко / Караваевой / Эрлиха.
53. Н. Жданов, «Поэма о людях», Литературный Ленинград, 32, 11.7.1936, с.2.
54. Н. Жданов, «Книга для родителей А. Макаренко», Звезда, 3, 1938, сс.223–229.
55. В. Колбановский, «Поучительная книга. (О Книге для родителей А. Макаренко)», Красная новь, 2, 1938, сс.184–200.
56. В. Колбановский. «Поэзия педагогики», там же, 10, 1935, сс.190–202; тот же, «Ещё о поэзии педагогики», там же, 6, 1936, сс.190–201.
57. А.С. Макаренко [кн. 10], Львов, 1978, илл. перед с.97, сс.153–154.
58. С. Советов, «Книга для родителей А. Макаренко. (Заметки педагога)». Литературный критик, 3, 1938, сс.128–139.
59. На это обвинение Макаренко косвенно реагирует в своём выступлении 9.5.1938 г., когда говорит следующее: «Точно так же я изобразил семью, где единственный ребёнок, не для того, чтобы показать, как неправильно его воспитывают, а для того, чтобы осудить стремление иметь только одного ребёнка». (ПС, 7, с.147).
60. Н.П. Стороженко, «Вредные советы родителям о воспитании детей. А. Макаренко – Книга для родителей, Красная новь, в кн. 7, 8, 9, 10 за 1937 г.». Советская педагогика, 3, 1938, сс.124–128.
61. ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.180, л.23 об.
62. ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.187, лл.4–5. В ПС, 4, с.345, последнее предложение этого высказывания выглядит следующим образом: «А о школе должны писать вы – педагоги... У вас много мыслей, много чувств. Пишите!» Предшествующий абзац этого доклада показывает искажающе-полемическую манеру передачи Макаренко той критики, которой подвергался за изолированное рассмотрение семьи в своей книге: «За Книгу для родителей меня ругали и критики и педагоги. Критики ругали за то, что эта книга слишком поучительна, больше говорит о поучении, чем о художественных достоинствах, а педагоги говорили, что она слишком литературна и ничему не поучает, но больше всего педагоги обрушились за то, что я ничего не говорил о школе. Это недоразумение. Я и не собирался говорить о школе, я хотел говорить о родителях, для родителей, для семьи».
63. К. Лаврова, «'Педагогический стиль' советской семьи. А. Макаренко – Книга для родителей». Книга и пролетарская революция, 5–6, 1938, сс.187–192.
64. К. Лаврова, «Под знаменем социалистического гуманизма», там же, 10, 1936, сс. 107–112.
65. А. Макаренко, «Разговор с читателем», там же, 4, 1938, сс.158–160; также в ПС, 7, сс.142–144.
66. См. прим.45.
67. Четвёртый номер журнала Книга и пролетарская революция ушёл в печать уже 21.3.1938.
68. ПС, 5, с.236.
69. ПС, 7, с.144.
70. ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.173, л.7 об.
71. Там же, л.29.
72. Там же, л.35.
73. Там же, лл.8 об. – 9.
74. ПС, 7, с.150.
75. ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.175, лл. 2, 5.
76. «Над чем работают писатели. А. Макаренко», Вечерняя Москва, 223, 28.9.1938, с. 3.
77. «Творческие планы писателей», ЛГ, 8, 10.2.1939, с.4.
78. ЦГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.187, л.3.
79. «Антон Семёнович Макаренко. Некролог», Октябрь, 4, 1939, сс.43–44 (здесь – с.43). В другом месте этого некролога, написанного – как показывает рукопись (ЦГАЛИ. ф.1604, оп.1, ед. хр.39) – литературным критиком К. Зелинским, речь идёт о «двухтомной Книге для родителей» (с.44).
80. ПС, 7, с.144.
81. См. прим.76.
82. ПС, 7, с.148. Но в докладе от 16.10.1938 г. речь идёт только о трёх томах (ПС, 4, с.247).
83. См. прим.76.
84. См. прим.77.
85. ПС, 4, с.344.
86. ЦГАЛИ, ф.332, оп.1, ед. хр.49, л.26.
87. В.Е. Гмурман, «О 'темнике' А.С. Макаренко», Сб. А.С. Макаренко, 8, Львов, 1971, сс.107–112. В этой публикации воспроизведены развёрстки 17 тем; см. также: ПС, 5, сс.276–281 (21 тема).
88. Так и сообщение Макаренко во время доклада 9.3.1939 г. – «Сейчас я сдал в печать второй том [...]» – в изданиях произведений Макаренко, выпущенных АПН, были – ради соответствия реальности – следующим образом исправлено: «Сейчас я пишу второй том [...]» (ПС, 4, с.344).
89. Макаренко советует родителям. (Публикацию подготовил Е.С. Долгин). М., 1970; см. также В. Гмурман, М.Виноградова, «Досадная ошибка», Книжное обозрение, 9, 26.2.1971, сс.10–11.
90. К. Чуковский, «О книге для родителей и школьных учебниках», Учит. газета, 9, 17.1.1940, с. 3; «Создадим книгу для родителей!», там же, 14, 29.1.1940, с.3.
91. Л. Гордин, С. Невская, И. Филин, указ. соч., с.79.
92. См.: G. Hillig, «Die Verbreitung der Werke A.S. Makarenkos ausserhalb der Sowjetunion», Pädagogische Rundschau, 1980. сс.745–753.

Как А.С. Макаренко открыл семью (О «Книге для родителей»)

Как А.С. Макаренко открыл семью. К истории создания и воздействия «Книги для родителей» 1936–1939 гг. / Гётц Хиллиг // Cahiers du Monde russe et soviétique. – 1992. – Nr. 1. – С. 83–105.

КАК МЫ НАШЛИ БРАТА А.С. МАКАРЕНКО

О том, что у Макаренко был брат, нам стало известно более 20 лет назад, через год после создания лаборатории «Макаренко-реферат» при Марбургском университете.

Мы узнали о брате А.С. Макаренко в сентябре 1969 года от чешского макаренковед Либора Пехи, доцента педагогики университета в городе Оломоуц. Л. Пеха приехал в Марбург и рассказал моему коллеге Зигфриду Вайтцу и мне о своей поездке в СССР – о работе в московских и харьковских архивах и о встречах с бывшими воспитанниками А.С. Макаренко. Для нас всё это было совершенно ново.

После нашей беседы Либор сказал мне «по секрету»:

– Всё ранее сказанное – ничто по сравнению с тем, что я ношу в себе уже несколько лет: воспитанники сказали мне, что в Париже живёт младший брат А.С. Макаренко Виталий, бывший офицер царской армии!

Моя первая реакция на это невероятное известие:

– Это невозможно! Ведь во всём советском макаренковедении об этом никто не обмолвился ни единым словом – ни Медынский, ни Балабанович, ни Морозова, ни Нержинский! Но если это правда – завтра же в Париж, срочно!!!

Ответ Либора:

– Не так всё просто, ведь у меня нет адреса.

Это поставило нас в тупик. Во Франции нет адресных столов, там даже отсутствует такое понятие. Кроме того, мы не хотели пока никого посвящать в нашу тайну.

Для начала мы написали руководителю отдела информации в Национальном педагогическом институте в Париже госпоже Вормсер-Миго и попросили помочь нам. Конечно, при условии полной конфиденциальности; ведь в этом же институте работает наш «конкурент» – Ирэн Лезин, автор единственной во Франции книги о Макаренко. Ответ из Парижа: «...к сожалению, должна сообщить Вам, что разрешение детективных головоломок, подобных Вашей (с братом Макаренко), не входит в компетенцию нашего института. К тому же у Макаренко, как известно, не было ни братьев, ни сестёр, – писала госпожа Вормсер-Миго, – так что дальнейшие поиски не имеют смысла». В постскрипуме мадам добавила: «Конечно, мадемуазель Лезин гораздо компетентнее в этой области и могла бы Вам лучше помочь». Но именно её помощи мы и не хотели!

Успех имел в конце концов официальный запрос в министерство внутренних дел Франции, сделанный нами через посредство министерства иностранных дел в Бонне. 27 мая 1970 г. вице-консул генерального консульства Французской республики во Франкфурте-на-Майне ответил нам: «Уважаемые господа! По поводу Вашего запроса от 11.2.1970 сообщаю Вам, что наше министерство недавно получило ответ от господина Макаренко. Вы можете написать ему и отправить письмо по следующему адресу: Министерство иностранных дел... Париж, 16е. Письмо будет передано господину Макаренко».

С этого и началась наша многолетняя – чего тогда ещё нельзя было предвидеть – авантюра, довольно изнурительная, но чаще захватывающая. Завершилась она спустя 13 лет, со смертью В.С. Макаренко (22 июля 1982 г.), и плодотворность нашей работы подтверждает вышедшая в 1985 году на русском языке книга «Мой брат Антон Семёнович. Воспоминания, письма» с богатым документальным приложением.

Во время нашего первого визита в город Йер неподалёку от Тулона, где Виталий Семёнович жил в одном из государственных домов для престарелых, он подробно рассказал нам о своём детстве и юности, проведённых вместе с братом. В последующие годы между сотрудниками марбургской лаборатории и В.С. Макаренко наладилась регулярная переписка; мы задавали ему вопросы, оставшиеся открытыми для макаренковедов, а он в свою очередь познакомился с новыми источниками, ставшими известными к этому времени (архивные материалы). Сотрудники лаборатории и их коллеги бывали у него в последующие годы в Йере, а в июле 1971 и сентябре 1972 гг. В.С. Макаренко приезжал в Марбург, где проводился коллоквиум с его участием, который был запечатлён в фильме. С этими документальными кадрами макаренковедческая общественность впервые познакомилась на международном симпозиуме в Рауйшхольцхаузене под Марбургом в конце апреля 1989 г.

Кроме того, довольно скоро нам удалось убедить В.С. Макаренко написать свои воспоминания. Для этого Германское научно-исследовательское общество (ГНО) – на основании нашего ходатайства – в течение четырёх лет предоставляло ему небольшую финансовую поддержку. Мои марбургские коллеги, вероятно, помнят ещё это заседание одной из комиссий ГНО: решающим аргументом в пользу нашего необычного ходатайства стал довод одного профессора-философа. Он привёл сравнение из области биологии. «И здесь, в педагогике, надо, – сказал он, – заботиться о сохранении живых объектов исследования». Этот аргумент, поначалу звучавший для нашего уха довольно странно, но оказавшийся в конце концов разумным и решающим, позволил принять правильное решение. В результате удалось заметно улучшить условия жизни В.С. Макаренко в доме для престарелых и тем самым создать условия для работы над мемуарами.

Воспоминания В.С. Макаренко, написанные в короткое время, появились в печати сначала вместе с протоколом коллоквиума, состоявшегося 4 июля 1971 г., и выдержками из переписки между лабораторией и В.С. Макаренко. Они были составной частью сборника «Makarenko-Materialien III» (Материалы о Макаренко, кн. 3) и вышли в 1973 г. на немецком языке, а в 1977 г. появились отдельным изданием, подготовленным Бруно М. Беллерате, на итальянском языке. Вышедшее сейчас в серии «Opuscula Makarenkiana» («Макаренковские работы») издание воспоминаний на русском языке не только оригинальный вариант мемуаров В.С. Макаренко, но и солидная документальная часть. Представленные в этой книге выдержки из переписки сотрудников лаборатории с В.С. Макаренко – вопросы, уточнения, поправки (включая и отдельные повторения) – позволяют читателю принять участие в этом интересном исследовательском диалоге.

Виталий Семёнович Макаренко (род. в 1895 г.) был сначала учеником своего брата, а потом стал его сотрудником, когда оба они с 1917 г. по 1919 г. преподавали в Крюковском железнодорожном училище. В.С. Макаренко – выпускник военного училища и демобилизованный офицер царской армии – ввёл здесь, сначала против воли своего явно антимилитаристски настроенного брата, военизированные элементы в преподавание физкультуры и во внешкольные занятия – такие, как строевая подготовка и маршировка со знаменем под звуки духового оркестра.

Оба брата Макаренко занимались в Крюкове театральной деятельностью: по инициативе Виталия Семёновича, получившего актёрский опыт ещё во время учёбы в реальном училище, они организовали самодеятельную театральную группу (драматический кружок им. В.Г. Короленко), которая вскоре уже выступала перед публикой с постановками известных пьес.

Эти начинания явились предпосылками для частичной военизации быта, а тем самым и дисциплинирования. Позже использовались для «театрализации», как это практиковалось А.С. Макаренко в колонии им. Горького. То, что В.С. Макаренко во время мировой войны (1915–1917 гг.) был офицером царской армии, вероятно, заставило его присоединиться к «белым» летом 1919 года, а в 1920 году покинуть родину.

Именно поэтому в советском макаренковедении до последних лет отсутствовали какие-либо упоминания о В.С. Макаренко. Высказывания А.С. Макаренко автобиографического характера, где он упоминает о своём брате, до сих пор ещё неизвестны широкой общественности. Содержащиеся в публичных выступлениях А.С. Макаренко сведения о том, что он в своей семье воспитывал не только сына своей жены, как это было уже известно, но также и дочь брата, при публикации стенограмм опускались.

Племянница А.С. Макаренко – Олимпиада Витальевна, которая живёт в Москве и является последним носителем фамилии Макаренко из круга близких родственников педагога, – всё это время для советских макаренковедов как бы не существовала. Упоминания о ней появились лишь в 80-х годах. Показательно, что сначала о ней написал один из журналистов (Л.А. Чубаров) в нескольких статьях о немногих ещё оставшихся в живых воспитанниках А.С. Макаренко. А потом Олимпиада Витальевна была упомянута и в комментариях нового собрания работ Макаренко (Педагогические сочинения. М., 1986 г., т. 7).

О существовании воспоминаний родного брата А.С. Макаренко в Советском Союзе долгое время умалчивалось, но в 1991 году они были также опубликованы сначала в Киеве на украинском языке (ж. «Радянська школа», № 4–12), и, наконец, в оригинальном изложении в Москве (ж. «Советская педагогика», № 6–7).

Мемуарами и письмами В.С. Макаренко – этими сведениями и материалами самого близкого семейного окружения А.С. Макаренко – исследователи ранее не располагали. Ранняя эмиграция В.С. Макаренко была, конечно, одной из причин особой живости его воспоминаний о годах детства и юношества, проведённых вместе с Антоном Семёновичем. Но нельзя не учитывать также и того, что перед нами – высказывания человека, оставшегося в неизвестности, в то время как имя его брата стало известно всему миру. Это объясняет встречающуюся временами некоторую резкость отдельных оценок. Однако воспоминания В.С. Макаренко остаются ценным и богатым источником для изучения жизни и деятельности молодого А.С. Макаренко.

Мнение о мемуарах хотелось бы дополнить выдержкой из рецензии Вольфганга Зюнкеля, профессора педагогики Эрлангенского университета (ФРГ), на том «Макаренко–Materialien III», написанной им в 1973 году:

«Из его воспоминаний узнаёшь о многих, до сих пор совершенно неизвестных датах и фактах, массу деталей об отношениях в семье Макаренко, о родственниках, соседях, друзьях и коллегах, о болезненности Антона-мальчика, о квартирах, где он жил, и об условиях работы в разных местах, о любовных связях старшего брата (названы все его «пассии»), о серьёзном конфликте между юношей Антоном и его отцом. Но главный итог чтения в ином: в выразительной форме передана атмосфера их тогдашней жизни, их настроения, взгляды, характер реакций действующих лиц. Именно в описании истории семейных отношений и состоит особая ценность этих воспоминаний как исторического источника».

Очень тонкую и подробную характеристику воспоминаний, данную В. Зюнкелем, я хотел бы всё же дополнить. По-моему, ещё одно достоинство мемуаров состоит в том, что лишь благодаря им удалось наконец получить представление о круге чтения А.С. Макаренко, узнать о его большой начитанности, в силу которой он – при довольно скромном уровне своего школьного образования – занимал в крюковском обществе особое положение.

Один из интереснейших отзывов на мемуары принадлежит нашему коллеге Либору Пехе. Напечатан он в 1985 году в его работе «Биографические факторы в становлении творческой личности педагога (на основании анализа личности А.С. Макаренко)». Следует отметить, что это первая монография в макаренковедении, которая в основном опирается и на тот источник, можно даже сказать, что без воспоминаний эта работа, наверное, не появилась бы. В «Обзоре использованных источников» автор пишет, что свидетельство В.С. Макаренко – при том, что его отношение к данному источнику довольно критическое – он «не мог оставить без внимания». Своё мнение о воспоминаниях Л. Пеха сформулировал так:

«Все эти высказывания свидетельствуют об обуревавших его противоречивых чувствах к умершему брату. Преобладают зависть к его славе и ожесточение навсегда покинувшего родину эмигранта, которые усиливаются политической злобой на происшедшие там революционные изменения. Автор мемуаров компенсирует это своё озлобление различными обвинениями в адрес брата, а также выпячивает его недостатки. Но с этим соседствуют проявления горячей любви к брату и добрые воспоминания о вместе проведённой юности. В некоторых случаях мемуары Виталия являются уникальным и незаменимым свидетельством, а его субъективные настроения легко распознаваемы».

Благодаря своей прекрасной памяти В.С. Макаренко смог на точных чертежах воссоздать местоположение домов, памятных мест и других объектов, связанных с его детством и юностью. Особо здесь следует выделить план дома семьи Макаренко, построенного в 1905 году и в котором находится теперь Кременчугский музей А.С. Макаренко. Те, кто побывал в нём, подтвердили необыкновенную точность чертежа. Интересен также подробный план г. Крюкова, который В.С. Макаренко начертил в течение нескольких часов во время своего вторичного пребывания в Марбурге (в 1972 г.). На плане отмечены все «места действий», связанные с А.С. Макаренко, среди них – квартиры главных «действующих лиц» воспоминаний. Сотрудникам музея А.С. Макаренко, как стало известно, удалось на основании этого плана установить местонахождение могилы умершего в 1916 году С.Г. Макаренко – отца братьев Макаренко. В эту могилу перенесены теперь и останки их матери, умершей в 1931 году в Харькове.

Как мы нашли брата А.С. Макаренко

ГЁТЦ ХИЛЛИГ,
канд. философ. наук,
лаборатория «Макаренко-реферат» Марбургского университета (ФРГ)

Как мы нашли брата А.С. Макаренко / Гётц Хиллиг // Народное образование. – 1993. – № 2. – С. 103–105.

А.С. Макаренко и Н.К. Крупская

(возвращаясь к полузабытому спору 60-х гг.)

Г. Хиллиг

Около двух десятилетий А.С. Макаренко и Н.К. Крупская считались крупнейшими советскими педагогами. Эта оценка относится к началу 40-х гг., когда Макаренко был канонизирован в качестве педагога-классика. До момента восстановления доброго имени некоторых широко известных в 20-х гг., а в 30-х незаслуженно вычеркнутых из «славной истории» советской педагогики талантливых современников двух главных лиц этой статьи (П.П. Блонского, С.Т. Шацкого, репрессированных А.П. Пинкевича, М.М. Пистрака, М.В. Крупениной) в программах и учебниках для будущих учителей и воспитателей помимо А.С. Макаренко, Н.К. Крупской и А.В. Луначарского назывались в связи с историей педагогики и народного образования СССР лишь имена политических деятелей – В.И. Ленина, И.В. Сталина и М.И. Калинина.

«Н.К. Крупская, А.С. Макаренко и другие видные деятели советской педагогики едины в своих взглядах на главные цели и ведущие принципы коммунистического воспитания (...)». Оценки такого рода можно найти не только в комментариях нижегородского макаренковед А.А. Фролова к составленным им собраниям трудов Макаренко (Теория и практика коммунистического воспитания. Киев. 1985. С. 267–268; Пед. соч.: В 8 т. М., 1983–1986. Т. 8. С. 215), но и в иных публикациях учёных и популяризаторов педагогических знаний из бывших социалистических «братских» стран.

Конечно, бесспорным является факт, что у Крупской, Макаренко и «других» были единые взгляды на некоторые общие проблемы советской педагогики, но в то же время имелись и фундаментальные разногласия в отношении целого ряда теоретических и практических её вопросов. Так, Макаренко на основе своего опыта в колонии им. Горького сделал вывод, что невозможно отказаться от наказания, принуждения и даже насилия как средств воспитания. Он придерживался «элементарного права наказания» и «принципа принуждения» (Пед. соч. Т. 1. С. 76) – в этом Макаренко, конечно, совершенно расходился с Крупской. Но он также понял, что после разрушения старых норм и традиций, падения авторитета родителей и развала института семьи в результате революционных изменений в стране новая общественная мораль возникала не автоматически из сознания, а на основе целой системы новых навыков, традиций и норм поведения. С такими мыслями, которые резко отличались от взглядов Крупской и большинства «других», Макаренко в феврале 1928 г. выступил в рамках своего проекта «операционного плана» педагогической работы коммуны им. Дзержинского, который был критически рассмотрен на специальном заседании Украинского НИИ педагогики 13 и 14 марта того же года.

Взаимоотношения Крупской и Макаренко, единство и различие их педагогических взглядов, а также то неожиданное обстоятельство, что Крупская в своих многочисленных публицистических трудах, включённых в одиннадцатитомное собрание её «Педагогических сочинений» (М., 1957–1963), ни единым словом, за исключением мимоходом упомянутого названия «Педагогической поэмы» (даже без имени автора), не упоминает о Макаренко, и, с другой стороны, сам Макаренко в семитомнике своих «Сочинений» (2-е изд. М., 1957–1958) ни разу не обмолвился о Крупской; наконец, то, что они друг с другом никогда не встречались, хотя Макаренко с 1937 г. жил в Москве и Крупская наблюдала «за его публицистической деятельностью из непосредственной близости», – эти вопросы первым поставил западногерманский учёный, профессор Бохумского университета Оскар Анвайлер в своей программной статье «А.С. Макаренко и педагогика его времени» (см.: *Bildung und Erziehung*. 1963. № 5). Для Анвайлера это «молчание Крупской» есть результат конфликта между двумя педагогами, вызванного её возможным участием в отстранении Макаренко от должности заведующего колонией им. Горького летом 1928 г.

Это сенсационное утверждение вызвало критику со стороны московского публициста-педагога В.И. Малинина в журнале «Народное образование» (1964. № 12) в обзорной статье о макаренковедении в ФРГ под заголовком «В неправильном освещении». Правда, следует заметить, что Малинин разъясняет своим читателям: «буржуазный» автор в дан-

ной статье в целом «не сочиняет фальшивок, не занимается подтасовкой фактов», а в некоторых вопросах «близок к истине».

На первом международном макаренковедческом симпозиуме 1966 г. во Флоренции (ФРГ) Анвайлер уточнил свою позицию на основе дополнительных фактов. Его выступление было опубликовано в журнале «Neue Sammlung» (1966. № 12) под заголовком «Ещё раз о Макаренко и педагогике его времени».

В своих аргументах, призванных доказать участие Крупской в кампании против Макаренко, Анвайлер ссылается на опубликованный в 1959 г. 5-й том «Педагогических сочинений» Н.К. Крупской, где был помещён текст её доклада на VIII съезде ВЛКСМ 8 мая 1928 г. Основываясь на вышедшем из печати в конце марта того же года «первом номере журнала «Народный учитель», т.е. на очерке о макаренковской колонии «Навстречу жизни» украинской журналистки Н.Ф. Остроменцкой, Крупская в своём выступлении говорила о побоях в «одном доме им. Горького на Украине».

Слова Крупской: «Дальше идти, товарищи, некуда. Это не только буржуазная школа, это школа рабская, школа крепостническая, и даже если только один факт такой есть, необходимо с ним тщательно бороться». Но в первой публикации выступления Крупской в «Комсомольской правде» 17 мая 1928 г., в брошюре с текстом её доклада и заключительного слова, а также в стенографическом отчёте съезда, изданных в том же году, при упоминании о месте события речь идёт не об «одном доме», а конкретно о «доме им. Горького на Украине». Добавляя слово «одном», составители «Педагогических сочинений» Н.К. Крупской, очевидно, желали завуалировать намёк на макаренковскую колонию.

Между прочим, полгода спустя Крупская, хотя и косвенно, вновь возвращается к случаям физического наказания в колонии им. Горького. В статье «О дисциплине в учреждениях для трудновоспитуемых детей» она пишет: «Сознательная дисциплина не может быть воспитана окриками и палочной дисциплиной. Самое незначительное наказание со стороны педагога, применённое к трудновоспитуемому, подрывает доверие с его стороны к педагогу, портит их взаимоотношения». Но эта статья, которая выпущена в журнале «На путях к новой школе» (1928. № 12) и в 1929 г. перепечатана журналом «Детский дом» (№ 3), не включена в «Педагогические сочинения» Н.К. Крупской.

На вышеупомянутом заседании Украинского НИИ педагогики, т.е. за семь недель до комсомольского съезда, один из участников упрекнул Макаренко, что – стоит обратить внимание на язык этого оратора – «мероприятия типа военных отношений в трудколонии (им. Горького. – Г. Х.) есть явления аракчеевского характера, типичные для буржуазных систем воспитания» (см.: На вершине «Олимпа»: Подборка документов о конфликте Макаренко с представителями украинского «соцвоса» (февраль – март 1928 г.). Марбург, 1991. С. 64).

До сих пор считалось – и это оказалось ошибкой, которую разделил и автор настоящей статьи, – что данное обвинение в адрес Макаренко прозвучало на Всероссийской конференции работников детских домов в Москве (ноябрь 1927 г.). Как показал результат проверки, виновата в неправильном указании происхождения названного упрека была вдова педагога. Эта ошибка стала возможной потому, что вышецитированные слова в стенограмме заседания УНИИПа приведены не полностью: вместо слова «аракчеевского», которое, очевидно, не понял стенографист, стоит там многоточие, а именно 14 точек. Н.Н. Миронов, участник данного заседания, подтвердил в беседе с автором, что этот оратор (Н.А. Григорьев) действительно говорил о «явлениях аракчеевского характера».

Единственным до сих пор известным источником об этом выпаде против Макаренко является отрывок из письма к Г.С. Салько, опубликованный Г.А. Алексеевичем в статье «К биографии А.С. Макаренко» (см.: А.С. Макаренко. Кн. 4. Львов, 1959. С. 130). Алексеевич, полагаясь на сведения, почерпнутые из материала, подготовленного вдовой педагога и находящегося в его наследии в ЦГАЛИ, неточно датирует данный отрывок и ошибочно определяет место написания письма. Здесь нужно отметить, что Г.С. Макаренко предоставила биографам её мужа для ознакомления не подлинные документы из личного архива А.С. Макаренко, а лишь копии или только отрывки из них. Об этом меня информировал с приведением конкретных примеров Е.З. Балабанович.

Макаренко писал будущей жене: «На моём корабле сильно качает. Я уже не полковник, а Аракчеев». Как известно, в своих публичных выступлениях московского периода Макаренко сам охотно цитировал упрек в адрес колонии им. Горького – «аракчеевская

казарма». Спокойное, ироническое отношение педагога к этим обвинениям свидетельствует, на мой взгляд, прежде всего о том, насколько они были абсурдными и беспочвенными.

Тот факт, что упрек в аракчеевщине был высказан лишь на «оргмероприятии» местного значения, предотвратил распространение его за пределы харьковских педагогических кругов. Если бы Крупской стал известен безжалостный вердикт украинского «Олимпа», тогда её атака во время комсомольского съезда скорее всего была бы направлена не против безымянного руководителя одного из детских домов «на Украине», но против известного там человека по фамилии Макаренко, которому «славное» ГПУ УССР так легкомысленно доверило свою первую трудкоммуну, – такую великолепную возможность Крупская вряд ли бы упустила...

То, что очерк Остроменцкой и выступление Крупской сыграли свою неблагоприятную роль в уходе Макаренко из куряжской колонии, подтверждается позднейшими публикациями двух источников, важных для составления полной картины событий. Речь идёт, во-первых, о напечатанном Л.Ю. Гординым и Е.С. Долгиным в 1968 г. письме Макаренко Горькому от 18 апреля 1928 г. (Пед. соч. Т. 1. С. 243–245), где педагог решительно отрещивается от «истории с палками и дубинами», которые, по Остроменцкой, воспитанники должны были сами приносить из леса (об этом же свидетельствуют и три материала, основанные на акте обследования колонии: Дитячий рух. 1928. № 4. С. 56–59; № 8. С. 6; Вісти ВУЦВК. 1928. 27 июня. С. 3). Во-вторых, имеется в виду опубликованное А.А. Фроловым в 1985 г. письмо Макаренко к Остроменцкой от 7 июня 1928 г. Если в письме от 4 апреля того же года он благодарил журналистку за её очерк, то в июньском письме, т.е. уже зная содержание доклада Крупской, он указывает на негативные последствия материала: «После Вашей статьи меня здесь стали доедать вконец. После речи Крупской на комсомольском съезде, в которой она упомянула о Вашей статье, я уже не видел другого выхода, как уйти из колонии» (Теория и практика коммунистического воспитания. С. 197).

В самый последний момент перед публикацией данной статьи автор получил возможность познакомиться с неизвестным до сих пор письмом к Г.С. Салько, датированным 20 мая 1928 г. и отражающим реакцию Макаренко на публикацию доклада Крупской: «Ну и качает же, Солнышко, на моём пароходе! Даже дух захватывает. Читали «Комсомольскую правду» от 17 мая, как меня Крупская раздала по статье Остроменцкой, как по нотам? Я начинаю приходить в восторг – шельмование во всесоюзном масштабе». (ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 38, л. 43). В свете этого следует заключить, что в вышецитированном отрывке из письма к Г.С. Салько, датированного в публикации Г.А. Алексеевича, впрочем, «зимой 1927 года», имеет место фальсификация. Во-первых, писем Макаренко данному адресату в этот период вообще нет – переписка между ними началась, как известно, лишь в мае 1927 г. Во-вторых, с помощью своей редакции отрывки письма Г.С. Макаренко, очевидно, хотела отвлечь внимание исследователей от названного «шельмования во всесоюзном масштабе».

Критические высказывания Крупской о колонии Макаренко на комсомольском съезде приобрели широкую известность на Украине после публикации вышедших в Харькове (тогдашней столице республики) пионерских газет и журналов «Октябрьские всходы» (№ 12), «На зміну» («№ 23) и «Червоні квіти» (№ 10). В опубликованном там отчёте о съезде конкретизируется место действия и передаётся своеобразная версия слов Крупской: «Мы любим, – говорит Надежда Константиновна, – немецких пионеров за то, что они не дают себя бить. Однако пионеры колонии им. Максима Горького не протестовали, когда воспитатели били их розгами, палками, рукою по лицу, покорно ходили в лес за розгами для порки самих себя и товарищей. Пионеры и комсомольцы не должны равнодушно проходить мимо таких фактов». Автором данного отчёта является И. Молодцов – член ЦК комсомола Украины.

Уже 23 мая 1928 г. секретариат этого руководящего органа (по-видимому, были сделаны «оргвыводы» из отчёта Молодцова о московском съезде, а также из только что вышедшей из печати публикации известного педолога А.В. Залкинда о негативных явлениях в детских учреждениях Харьковского округа) требует «принять меры к реорганизации колонии им. Горького и прекращению её вредного влияния на другие детские учреждения». Залкинд указывал на серьёзные упущения в отношениях между воспитателями и воспитанниками также и в макаренковской колонии. По его словам, виной этому было,

кроме отсутствия пионерской организации, в первую очередь существование так называемой «командирской системы», которую он называет «вредной и не соответствующей основам советской педагогики» (Дитячий рух. 1928. № 4. С. 59). В вышеуказанном решении ЦК украинского комсомола речь идёт о том, что система воспитания, практикуемая в Куряже, «является не советской и решительно осуждается» (ЦГАОВ Украины, ф. 7, оп. I, ед. хр. 400, л. 8). Конец этой кампании наступил через полтора месяца (13 июля, т.е. сразу после пребывания Горького в колонии его имени): президиум Центрального бюро коммунистического движения УССР на своём заседании заслушал сообщение Молодцова о посещении писателем Куряжа и принял решение ««систему» тов. Макаренко ломать (...) постепенно» и руководство колонией возложить на члена партии (ЦГАОВ Украины, ф. 166, ед. хр. 2345. л. 13).

Впрочем, на роль комсомола в развале колонии, начавшемся с выступления Крупской на VIII съезде ВЛКСМ и решения ЦК ЛКСМУ, советское макаренковедение до сих пор не обращало должного внимания. Так, например, даже А.А. Фролов, которому, как свидетельствует его книга «Организация воспитательного процесса в практике А.С. Макаренко» (Горький, 1976. С. 81), известен протокол заседания от 13 июля 1928 г., утверждает: «Педагогический опыт колонии имел и ярых противников, и активных защитников. Его поддерживали партийные и комсомольские, советские и общественные организации, наркомпрос УССР, работники колоний и детских домов» (Советская педагогика. 1976. № 9. С. 110). Что касается комсомола, вряд ли надо доказывать, что это не соответствует фактам.

О. Анвайлер в момент написания своей статьи (в 1962 г.) не мог знать в деталях процедуру отстранения Макаренко от руководства колонией, так как вышеупомянутые источники до недавнего времени надёжно укрывались от «буржуазных» исследователей. Но он был убеждён, что в советских архивах есть материалы, проливающие свет на роль Крупской в изгнании Макаренко из колонии им. Горького. Дословно Анвайлер высказывался по этому вопросу следующим образом: «Есть основание предполагать, что локальное педагогическое «дело Макаренко» развернулось в важный политический вопрос и что осуждение его воспитательной системы как «идеологически вредной» произошло по инициативе Крупской». Малинин несколько запальчиво отвечает своему оппоненту. «Он (Анвайлер. — Г. Х.) высказывает предположение, что Крупская начала против Макаренко «политическое дело» и что удаление его из колонии было предпринято по её инициативе. Доказательств у автора, конечно, никаких нет. Поэтому он осторожно намекает, что, мол, в архивах, наверное, прячут некоторые документы, которые «проливают свет». Мы разочаруем г-на Анвайлера. Никаких таких документов в архивах нет, их нет и не было. Надежда Константиновна не такого склада человек». Комментарии излишни!

В выступлении на симпозиуме во Флото (1966) О. Анвайлер ознакомил слушателей с дополнительными аргументами для подтверждения своей гипотезы о конфронтации Крупской и Макаренко, ссылаясь на воспоминания Н.Э. Фере (бывшего агронома колонии им. Горького), в которых будто бы речь идёт о неудачных попытках Макаренко «в 1929—1931 гг. в московском наркомпросе» «протолкнуть» свои рукописи в печать. Правда, в связи с этим Анвайлер прямо не упоминает фамилию Крупской, а пишет о «тогда ещё важных фигурах официальной советской педагогики»; но из контекста можно заключить, что он имеет в виду именно Крупскую. На самом же деле Фере свидетельствует о двух неудавшихся попытках (весной 1930 г. в Харькове и весной 1931 г. в Москве) Макаренко опубликовать «Педагогическую поэму», так как Наркомпрос Украины (а не России!), по словам Макаренко, давал отрицательные отзывы о произведении (см.: Новый мир. 1953. № 5. С. 184—185). Между прочим, об этом более точно Анвайлер пишет сам в одном из примечаний к своей статье.

Как известно, в то время украинский наркомпрос, руководимый Н.А. Скрыпником, проводил независимый от Москвы курс в области народного образования, национальной культуры и языка; внутриверительской политикой с 1923 г. стала политика «украинизации» всей жизни. Поэтому в конце 20-х — начале 30-х гг. публикация книги на русском языке в одном из издательств Украины была делом почти невозможным. Это также нужно иметь в виду при изучении якобы неудачной попытки Макаренко издать «Педагогическую поэму» в Харькове.

Что же касается вышеназванных московских устремлений, то кажется маловероятным, чтобы центральные издательства обратились к «харьковскому наркомпросу» с просьбой дать отзыв о рукописи русскоязычного художественного произведения лишь потому, что автор жил на Украине или действие его произведения там разворачивается. Скорее всего, рукопись «Поэмы» к этому времени просто-напросто была ещё не готова к печати. И это значило бы, что Макаренко сказал Фере неправду.

Подтверждение этому можно найти в документе, выявленном С.С. Невской в связи с подготовкой вышедшего из печати в 1990 г. в Марбурге (ФРГ) академического издания переписки Макаренко с Горьким. Речь идёт о письме В.И. Соловьёва, сотрудника московского акционерного издательства «Земля и фабрика», Горькому от 14 ноября 1930 г. По всей вероятности, Макаренко вошёл в контакт с этим издательством по рекомендации пролетарского писателя (см. письмо последнего к педагогу от 10 октября 1929 г. // Пед. соч. Т. 1. С. 250). В недавно обнаруженном письме можно прочесть, что Макаренко в оговорённый срок не представил в редакцию «Земли и фабрики» готовую рукопись. Но издательство не потеряло надежды в конце концов её заполучить. Соловьёв пишет: «Придётся запросить автора вторично, и рано или поздно мы раздобудем» (Архив А.М. Горького, КГ-изд. 17-36-12). Впрочем, редактор в определённом смысле оказался прав: в конце 1930 г. «Земля и фабрика» влилась в только что организованное Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ), и там, как известно, в 1934–1936 гг. вышел трёхтомник «Поэмы»...

Ясно представляя себе картину событий лета 1928 г., нужно обратить внимание на то обстоятельство, что в момент комсомольского съезда о «провинциале» Макаренко, как уже намекалось, «столичная» Крупская слышала только мимоходом и была неточно информирована – из этого следует исходить. Для неё Макаренко был каким-то «завдомом», воспитывающим детей при помощи старых, авторитарных методов. Если Анвайлер в связи с этим пишет о «важном политическом вопросе», то он, по-моему, в какой-то мере переоценивает цель выступления Крупской. Нужно принять во внимание, что она, без сомнения, действовала с уверенностью в своей правоте... в пользу защиты гуманных принципов воспитания, но в понимании самой Крупской «и других».

П.Г. Лысенко, директор музея А.С. Макаренко в Кременчуге и один из ветеранов «спора шестидесятых», преподнёс в 1969 г. маленькую сенсацию. В рамках своей статьи «Н.К. Крупская и А.С. Макаренко» (Радянська школа. № 3) он опубликовал рукопись Макаренко под названием «Биография Н.К. Крупской». Между прочим, об этом материале украинский макаренковед Н.П. Нежинский уже упоминал 11 лет назад (*Ніжинський М. П. Життя і педагогічна діяльність А.С. Макаренка. Київ, 1958*).

В девяти разделах работы представлены важнейшие вехи общественной жизни Крупской с 1869 по 1937 г. Эти записи находятся среди материалов, которые только после смерти Г.С. Макаренко (1962) были включены в макаренковский фонд ЦГАЛИ СССР, но до сих пор совершенно не ясно, с какой целью и на основании каких источников был написан рассматриваемый нами документ. Для Нежинского и Лысенко, так же как и для их последователей, существование данных записей дало повод предположить, что в 1937 г. Макаренко собирался написать или «специальную работу о жизни и творчестве основоположника советской школы и педагогической теории Н.К. Крупской» (Нежинский), или её биографию (Лысенко).

Конечно, можно представить, что одно из центральных советских издательств (например, Издательство детской литературы ЦК ВЛКСМ) тогда в связи с 20-летним юбилеем Октябрьской революции заказало писателю-педагогу и «беспартийному большевику» Макаренко очерк или даже книгу в популярном изложении о политике-педагоге и революционерке Крупской, – не нужно забывать, что это был его первый год в Москве после переезда из Киева, Макаренко нуждался в деньгах и стремился их заработать писательским трудом. Так, в 1937–1939 гг. он заключил множество договоров о написании художественных произведений, под которые получил авансы, но работа по разным причинам продвигалась со скрипом.

Пожалуй, изучение самой рукописи «Биография Н.К. Крупской» сможет сказать нам что-то о целях и задачах этого документа.

Сначала бросается в глаза, что последний раздел – «1924– 1937» – в отличие от, предыдущих фиксирует только четыре общеизвестные даты, но при этом совершенно

опущено упоминание о переломном событии в жизни автора – VIII съезде ВЛКСМ. Из различного отношения к выбору приводимых им фактов можно заключить, что Макаренко сделал выписки из какой-то публикации приблизительно 1924 г.

После смерти Ленина первым событием называется «зиновьевская оппозиция» (с датой 1925 г.). Как известно, речь идёт о событии, имевшем тяжёлые последствия не только для Крупской. В сентябре того же года, незадолго до XIV съезда РКП(б), её подпись была рядом с именами Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и Г.Я. Сокольникова под документом о внутрипартийной демократии, известным как «платформа четырёх». Сегодня можно сказать, что в 1937 г. упоминание об участии любого человека в оппозиционном движении против Сталина было верхом легкомыслия. Зададимся вопросом: что же Макаренко собирался написать по данной теме?

В результате этой деятельности Крупскую, как известно, с конца 20-х гг. всё больше и больше изолировали от общественной и политической жизни страны. Прежде всего она потеряла два важных поста в Наркомпросе РСФСР, на которых работала с 1920 или 1921 г.; в 1930 г. Крупская лишилась руководства Главполитпросветом и в 1932 г. – председательского кресла в научно-педагогической секции ГУСа. Эти учреждения были ликвидированы в результате организационных мероприятий. Функции заместителя наркома (т.е. А.С. Бубнова, а с октября 1937 г. – П.А. Тюркина), принятые ею в октябре 1929 г., она могла выполнять лишь очень короткое время. Насколько её ситуация была безвыходной, можно судить по некоторым документам, которые находятся в фонде Н.К. Крупской бывш. Центрального партийного архива ИМЭЛа, но никогда не цитировались в литературе о ней.

Так, в мае 1933 г. Крупская сообщила Бубнову после заседания коллегии Наркомпроса, на котором она должна была выслушивать «2-часовой крик» на неё наркома, что она из-за «систематических обвинений» её «на всяких заседаниях и совещаниях в совершенно диких вещах» послала заявление в Политбюро «с просьбой обсудить вопрос о моей дальнейшей работе в Наркомпросе» (РЦХ, ф. 12, д. 1, ед. хр. 223). И В.М. Дюшен в своих воспоминаниях о Крупской, написанных в 1965 г., сообщает, что Крупская в 1933 г. не имела никакой возможности «свободно видиться с Верой Рудольфовной и Людмилой Рудольфовной Менжинскими, которые жили в Кремле» (там же, ед. хр. 898). Сёстры Менжинские были тесными соратниками Крупской в Наркомпросе.

Во всяком случае, сбор материалов для книги о Крупской с целью её скорейшей публикации может выглядеть странным и даже опасным делом. Исходя из этого, трудно себе представить, что Макаренко собирался писать работу именно об этой решительной противнице его педагогических взглядов. Таким образом, можно предположить, что Макаренко готовил такие данные для себя лично.

Не будем судить о возможных причинах создания этих записей, скажем лишь, что те выводы, которые сделал Лысенко, исходя лишь из факта существования документа, не соответствуют действительности. Для него данная рукопись – свидетельство того, что «Макаренко высоко ценил Крупскую как партийного и общественного деятеля, выдающегося педагога, внимательно изучал её биографию»; «он собирался показать жизненный путь Надежды Константиновны как образец беззаветного служения народу, раскрыть её огромный вклад в педагогическую науку и практику». Ссылаясь на очерки в двух книгах Крупской из личной библиотеки Макаренко (сейчас она находится в музее А.С. Макаренко в Кременчуге), Лысенко в другом месте своей статьи утверждает: «Можно с уверенностью сказать, что Макаренко был учеником Крупской, пропагандистом её педагогических идей».

После таких ничем не подтверждённых положений нельзя удивляться тому, что резюме этой статьи, направленной против «буржуазно-реакционного макаренковеда» О. Анвайлера, звучит следующим образом: «Педагогическая система Н.К. Крупской благотворно повлияла на А.С. Макаренко, и во всей своей научно-педагогической деятельности (!) он шёл за Н.К. Крупской, творчески используя и развивая её теоретические положения». Такие попытки конструирования преемственной связи Крупская – Макаренко были, как отмечает Ульрих Бауманн, научный сотрудник Гейдельбергского университета, предприняты ранее советскими учёными-педагогами В.В. Королёвым и В.М. Коротовым (см.: *Baumann U. Krupskaja zwischen Bildungstheorie und Revolution. Weinheim / Basel, 1974. S. 200*).

Если бы эти несостоятельные утверждения были известны в деталях Леонгарду Фрёзе, профессору Марбургского университета, то он непременно подверг бы их критическому разбору на втором международном макаренковедческом симпозиуме 1971 г. в Фалькенштейне (ФРГ) во время своего выступления на тему «А.С. Макаренко и Н.К. Крупская во множественности педагогических концепций в первые годы Советской власти».

Фрёзе заинтересовался названной темой после ознакомления с кратким сообщением Т. Хенека о статье Лысенко в восточногерманском журнале «*Vergleichende Pädagogik*» (1970. № 3). Правда, в выступлении учёного, опубликованном в сборнике докладов симпозиума (A.S. Makarenko und die sowjetische Pädagogik seiner Zeit. Marburg, 1972. S. 225– 235) по интересующим нас историко-биографическим вопросам, не было ничего особенно нового. Фрёзе при этом попытался заниматься прежде всего систематическими аспектами данной темы и оценить позиции Анвайлера, Малинина и Лысенко (насколько позиция последнего была ему известна).

Анвайлер в своей статье упоминает о «холодных словах», которыми Макаренко 1 марта 1939 г., выступая в Московском университете, упомянул о смерти Крупской (27 февраля). Конечно, ни Макаренко, ни Анвайлер не могли и подумать, что когда-нибудь вопрос о естественной смерти Крупской будет поставлен под сомнение, как это делала в последнее время советская и постсоветская пресса, публикуя целую бурю сенсационных, но во многом противоречивых свидетельств.

Сверка стенограммы выступления Макаренко с опубликованным под заголовком «Коммунистическое воспитание и поведение» текстом (см.: Пед. соч. Т. 4, С. 322) позволяет нам убедиться в последующем его редактировании. Нужно обратить внимание не только на незначительные стилистические изменения, но и на полное отсутствие во всех советских публикациях вступительного слова, где Макаренко сначала знакомит слушателей с темой своего выступления, и только после этого звучат высказывания, посвящённые смерти Крупской. В оригинале читаем: «Товарищи, мы собрались сегодня побеседовать по важнейшему вопросу нашей жизни – по вопросу о коммунистическом воспитании. И сегодня, и завтра, и в ближайшие дни, и дальше в нашей жизни будет вспоминаться сегодняшний траурный день. Мы сегодня хороним большого деятеля коммунистического воспитания, великого гуманиста нашего времени, друга Ленина, создавшего новую эпоху в большевистской партии, в том числе и эпоху в человеческом поведении. Мы сегодня хороним Н.К. Крупскую. Я прошу вас почтить память Н.К. Крупской вставанием. (*Все встают*)» (ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 186. л. 2). Здесь все признаки сухого официального стиля, так что Анвайлер, несмотря на то что он не был знаком с оригиналом выступления Макаренко, в своей оценке, наверное, не ошибался. Особенно обращает на себя внимание тот факт, что в данном выступлении едва ли не больше говорится о Ленине, чем о покойной.

Г.В. Гасилов, работавший в 30-х гг. в Наркомпросе РСФСР и находившийся в хороших отношениях и с Крупской, и с Макаренко, во время моей беседы с ним в 1982 г. рассказал о хлопотах в 1937– 1938 гг., предпринятых по собственной инициативе с целью организовать личную встречу двух этих педагогов; но секретарь В.С. Дридзо передала Гасилову вежливый отказ. Крупская была категорически против встречи с Макаренко, так как она видела в нём воспитателя, практикующего телесные наказания.

И только после смерти двух свидетелей (В.С. Дридзо скончалась 14 марта, а Г.В. Гасилов умер 23 мая 1991 г.) автор этой статьи получил информацию, до сего момента хранителями педагогических наследий Крупской и Макаренко строго содержащуюся в тайне, информацию, которая смогла пролить свет на причину запланированной Гасиловым встречи между Макаренко и Крупской, а также объяснить повод к созданию вышеупомянутого документа «Биография Н.К. Крупской», а именно – записи для такого предполагаемого разговора.

Кандидат пед. наук Т.С. Князева (защитившая в 1981 г. диссертацию на тему «Проблема самоуправления воспитанников в теоретическом наследии и опыте А.С. Макаренко») свидетельствует, что в 1979– 1980 гг., работая в одном из архивов Москвы, она нашла письмо Крупской к Макаренко по поводу какой-то его статьи в центральной печати по проблемам воспитания. В своём письме (списывать было запрещено!) Крупская пишет о том, что Макаренко очень хорошо говорит в статье о методах воспитания, а на деле в его воспитательных учреждениях царят держиморды и физические наказания. По всей

вероятности, речь идёт о статье «Цель воспитания» в «Известиях» от 28 августа 1937 г., о первой публикации Макаренко в области педагогики на страницах столичных газет.

Тем не менее интересно отметить, что Крупская, несмотря на все возражения против Макаренко, не только, как совершенно правильно писал Анвайлер, наблюдала «за его публицистической деятельностью», но и обратила также внимание на его педагогические сочинения. Так, С.С. Невская недавно нашла в фонде Н.К. Крупской, недоступном для беспартийных до осени 1991 г., рукопись отклика на «Книгу для родителей». Этот материал, вероятно, был отложен, потому что здесь произведение великого Макаренко было неоднозначно позитивно оценено великой Крупской. Но не ясно, почему Малинин и другие советские макаренковеды, которые, по нашим сведениям, все были членами коммунистической партии и благодаря этому имели доступ к партийным архивам, не пытались посмотреть данную (уже в 1963 г. описанную и «открытую») часть наследия Крупской.

Она в этом материале пишет, что «нужда в такой книге сейчас очень велика». Такая книга необходима родителям, чтобы популярно объяснить, как нужно воспитать ребёнка «по-новому» в тесной связи со школой и пионерской организацией. Крупская отвечает на вопрос: «Является ли такой книгой книга Макаренко?» – следующим образом: «Она пока (будет ещё вторая часть) не затрагивает вопросов школы, (но) в ней немало правильных мыслей – вроде вопроса о воспитании «жадности», о самопожертвовании родителей, воспитывающем эгоистов, о значении дружного, спаянного семейного коллектива и пр., но вопросы эти как-то обособлены, мало связаны между собой. Мысли иллюстрируются рассказами, главным образом (если не считать первых глав и последней, где говорится о рабочей семье) из жизни советской интеллигенции; колхозы отсутствуют, нацмены отсутствуют. А в жизни интеллигенции, пожалуй, больше всего пережитков старого, больше всего мещанства. Несмотря на очень большое число рассказов, книга малопопулярна» (РЦХ, ф. 12, д. 1, ед. хр. 268). Из рукописной пометки следует, что эта, в общем и целом, правильная оценка была написана 2 января 1938 г. – ещё до выхода из печати критических статей о книге Макаренко в педагогической печати. Вопрос о том, что текст Крупской – рецензия с целью публикации, является пока открытым.

Вернёмся к вопросу об опубликованной Лысенко рукописи, конкретно к упомянутой там «зиновьевской оппозиции». Возможно, это указывает путь к полному пониманию причин атаки Крупской, только что избранной членом ЦК ВКП(б), на колонию им. Горького во время комсомольского съезда. Ещё до съезда (декабрь 1927 г.) Крупская неоднократно отмежевывалась от оппозиции. Здесь прежде всего стоит упомянуть письмо в редакцию «Правды», опубликованное 20 мая 1927 г.

Немецкий социалистический педагог Минна Шпехт, сопровождавшая именно тогда учёного Леонарда Нельсона в поездке в столицу СССР, пишет 1 июня в своём «Московском дневнике» (обнаруженном восточногерманским педагогом-историком Кристиной Лост в фондах бывшего Центрального госархива ГДР в Потсдаме) о беседе на квартире М.М. Пистрака. Во время этого «длинного разговора», который происходил на следующий день после встречи Нельсона с московскими педагогами, говорили и о «политическом страхе» в стране, о вызванном им «трусливом поведении» людей. В качестве примера упоминали Крупскую, о которой жена Пистрака («умная и честная женщина»), обратившись к мужу, сказала: «При всём уважении, согласись, она – старая телега, которая уже ни к чему не пригодна. Ты целый год жалуешься мне, что не можешь с ней сработаться».

На этом можно было бы и закончить рассказ о споре между советскими и западногерманскими оппонентами 60-х гг. Однако в связи со 120-летием со дня рождения Крупской советская педагогическая общественность вернулась к поднимаемому здесь вопросу: 18 февраля 1989 г. по Центральному телевидению транслировалась передача, в которой принимала участие и В.С. Дридзе. В ходе передачи был продемонстрирован неизвестный снимок — среди украинских делегатов Первого всероссийского политехнического съезда, состоявшегося 10–12 августа 1930 г. в Москве, Н.К. Крупская и по соседству... А.С. Макаренко!

По словам владельца фотографии М.Т. Галея, вместе с ним в состав делегации от Украины входил и Макаренко. Значит, наши «крупнейшие педагоги» всё же встречались?! А ведь даже специалисты ничего не знали об этом! Таким выводом газета «Вечерняя Москва» 21 марта 1989 г. прокомментировала данный снимок. Ему посвящён и другой материал – «По следам одной фотографии» Б. Волкова в «Учительской газете» (1989. № 41).

Этот автор также утверждает, что групповой снимок участников съезда является веским доказательством встречи Крупской и Макаренко.

Но на данной фотографии изображён какой-то другой человек, хотя и похожий на Макаренко, сходство между ними существует только благодаря узкому лицу, короткой стрижке и круглым очкам. Согласно проведённым исследованиям, Макаренко не был на съезде, его фамилия не включена в список участников (см.: Первый всероссийский съезд по политехническому образованию: Доклады, прения, резолюции и другие материалы. М.; Л., 1931), и он сам об этом ни единым словом не обмолвился...

Где же был Макаренко в это время? Как известно каждому, даже начинающему макаренковеду, он с 29 июля по 31 августа 1930 г. сопровождал коммунаров-дзержинцев в их крымском походе, и все его мысли тогда были сосредоточены на организации при коммуне своего собственного рабфака, который открылся 15 сентября того же года.

А.С. Макаренко и Н.К. Крупская (возвращаясь к полузабытому спору 60-х гг.) /
Г. Хиллиг // Педагогика. – 1994. – № 3. – С. 84–92.

Метаморфозы любовных писем Макаренко

ВОЗМОЖНОСТИ более широкого доступа к ранее «закрытым» фондам позволяют исследователям открыть новые, доселе неизвестные страницы в различных областях знаний. Это справедливо и в отношении наследия такой сложной, во многом противоречивой личности, как Антон Семёнович Макаренко, о котором в последнее время так много спорят учёные и педагоги на страницах периодической печати.

К «белым пятнам» макаренковедения до сегодняшнего дня относилась переписка А.С. Макаренко с женой, из которой были известны лишь отдельные отрывки. Личные письма Макаренко позволяют освободить его образ как от шаблонов типа «великий советский педагог», так и от новообразований «великий педагог ГУЛАГа» (Ю. Азаров и др.) Они приближают к нам Макаренко-человека, страдающего, думающего, настоящего. Его письма к Галине Стахивне Салько (с 1935 г. — Г.С. Макаренко) могут стать своеобразным ключом для нового подхода к жизни и творчеству этого педагога и писателя.

Изучение и анализ эпистолярного наследия А.С. Макаренко, как, впрочем, и текстов его сочинений, позволяют сделать вывод о том, что они неоднократно сокращались, дополнялись, исправлялись и «уточнялись» Г.С. Макаренко и сотрудниками руководимой ею лаборатории. Эта «творческая работа» относится к 40-м и 50-м годам, то есть к последнему этапу сталинизма и началу преодоления последствий культа личности «вождя народов».

Ярким примером этого является отрывок письма А.С. Макаренко Г.С. Салько, председателю Харьковской окружной комиссии правонарушителей, неоднократно публиковавшийся в советской педагогической печати, который в действительности представляет собой монтаж из отдельных фраз двух различных писем тогдашнего заведующего колонией имени М. Горького (в Куряже под Харьковом) с компилятивными дополнениями Г.С. Макаренко. В последней публикации этот широко известный монтаж выглядит следующим образом:

июль 1927

...Сейчас 11 часов. Я прогнал последнего охотника использовать мои педагогические таланты и одиноким стою перед созданным мной в семилетнем напряжении миром.

Не думается, что такой мир очень мал. Мой мир в несколько раз сложнее [мира] Вселенной... ... в моём мире есть множество таких предметов, которые ни один астроном не измерит при помощи самых лучших своих трубок и стёклышек.

Мой мир — люди, моей волей созданная для них разумная жизнь в колонии и постоянная борьба ... со стихией...

Мой мир — мир организованного созидания человека. Мир точной ленинской логики, но здесь столько своего, что это мой мир...

Я всегда был реалистом. И сейчас я трезво знаю, что мой колониальный период надо кончать, потому что я выкован кем-то наново и мне нужно перестроить свою жизнь.

Минутами мне хочется разобраться в себе и вызвать то новое, что во мне происходит, но мне жаль нарушить очарование сегодняшнего дня: всё прекрасно, прекрасно жить сегодня, и прекрасна была вся моя жизнь, потому что она привела меня к сегодняшнему дню...

(А.С. Макаренко. Педагогические сочинения. Т. 8. М.: Педагогика, 1986. С. 30).

Главная мысль вышеприведённого отрывка: «Мой мир — мир организованного созидания человека. Мир точной ленинской логики, но здесь столько своего, что это мой мир...» Впервые эта цитата приводилась в статье Г.С. Макаренко «Работа А.С. Макаренко над созданием „Педагогической поэмы“» (сборник «А.С. Макаренко». Львов, 1949. С.119), затем в книге Е.З. Балабановича «А.С. Макаренко. Очерк жизни и творчества» (М., 1951. С.49), причём речь здесь шла не о «ленинской», а о «сталинской» логике, что в своё время вызвало споры среди отечественных и западных учёных.

В 1993 году этот вопрос вновь поднимался в статье В.И. Малинина «Макаренко и сталинизм: правомерно ли сопоставление?» (журн. «Педагогика». № 3. С. 69), где автор в заключении приходит к ошеломляющему выводу о том, что в подлиннике, по всей вероятности, речь шла не о ленинской или сталинской, а о ницшеанской или гегелевской логике. Когда же нам (в Российском госархиве литературы и искусства) удалось ознакомиться с оригиналами этих писем, то оказалось, что А.С. Макаренко не называл ни одного из вышеперечисленных имён классиков философии и «научного» коммунизма.

Подлинники этих двух любовных писем А.С. Макаренко к Г.С. Салько, публикуемые впервые, вскоре появятся в двухтомнике «Ты научила меня плакать...» (переписка А.С. Макаренко с женой 1927– 1939 гг.) московского издательского центра «Витязь» в новой серии «Неизвестный Макаренко». Издание является результатом плодотворного сотрудничества немецких и российских макаренковедов.

Г. ХИЛЛИГ,
Лаборатория «Макаренко-реферат» Марбургского университета

С. НЕВСКАЯ,
НИИ развития личности Российской академии образования

Метаморфозы любовных писем Макаренко / Г. Хиллиг, С. Невская // Независимая газета. – 1994. – 22 июля.

№ 22 (Москва, 1994)

«ТЫ НАУЧИЛА МЕНЯ ПЛАКАТЬ...»

Переписка А. С. Макаренко с женой (1927–1939)

В двух томах

ТОМ 1

ВВЕДЕНИЕ

Переписка А.С. Макаренко с женой, издаваемая впервые, открывает исследователям и заинтересованным читателям обширный материал, о существовании которого до последнего времени практически никому не было известно. Эти письма, без сомнения, обогатят и уточнят наши знания о жизни и творчестве замечательного педагога и человека.

Собранные здесь письма Г.С. Салько (с 1935 г. – Макаренко) находились в той части наследия А.С. Макаренко, которая после смерти его вдовы (в 1962 г.) была включена в макаренковский фонд ЦГАЛИ СССР (теперь РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства; № 332-4-324). Из-за сугубо личного характера они до конца 80-х годов были недоступны макаренковедам. Ещё одна проблема: к сожалению сохранилась лишь небольшая часть писем, которые А.С. Макаренко получил в своё время от жены. По всей видимости, именно эти письма были отобраны Г.С. Макаренко как свидетельство её любви и большой заботы о муже.

Из огромного количества писем самого А.С. Макаренко литературоведом Е.З. Балабановичем были использованы лишь несколько коротких отрывков из 33 писем, предоставленных ему Г.С. Макаренко. Балабанович включил эти отрывки в оба издания своей монографии – «А.С. Макаренко. Очерк жизни и творчества» (М., 1951), «Антон Семёнович Макаренко. Человек и писатель» (М., 1963). Кроме того, и сама Г.С. Макаренко опубликовала более пространственные части десяти писем мужа в сборнике «Вопросы теории и истории педагогики» (М., 1960. С. 10–18).

Письма А.С. Макаренко находились в отдельной части его наследия, которая после смерти вдовы была также передана в ЦГАЛИ СССР, но по её завещанию в течение 30 лет оставалась закрытой. «Открытие» данной части и её архивная обработка состоялись весной 1993 г. Что касается писем А.С. Макаренко, речь идёт не только о подлинниках, но и о машинописных копиях, сделанных после войны под диктовку Г.С. Макаренко. И то и другое хранится в настоящее время в РГАЛИ под № 332-5-36...46 (оригиналы) и под № 332-5-47...51 (копии).

Простое сравнение опубликованных Е.З. Балабановичем и Г.С. Макаренко фрагментов с настоящими материалами показывает, что до наших дней, к сожалению, дошли не все письма А.С. Макаренко. С другой стороны, опубликованные отрывки составляют лишь около 1% (!) от общего объёма теперь известных писем А.С. Макаренко к жене. Уже одно это подчёркивает значение настоящего издания. Дополнительным аргументом в пользу опубликования такого рода личных документов являются их высокие литературные достоинства.

Переписка охватывает 1927–1939 годы. Она начинается вскоре после того, как оба «корреспондента» познакомились друг с другом. Первые письма А.С. Макаренко – это официальные обращения заведующего колонией им. Горького к председателю Харьковской окружной комиссии по делам несовершеннолетних, которой тогда была Г.С. Салько. А.С. Макаренко пытался в то время объединить все харьковские детские дома и колонии вокруг руководимого им учреждения. Именно для реализации этого проекта он и добивался помощи Г.С. Салько.

Современники подтверждают, что Г.С. Салько, которая с 1922–24 гг. работала в Наркомпросе УССР и была несколько месяцев начальником А.С. Макаренко, первое время не входила в число сторонников его педагогических взглядов. О её критическом отношении к А.С. Макаренко можно судить и по такому эпизоду. 30 марта 1924 г. заведующий колонией им. М. Горького обратился в Наркомпрос УССР с заявлением, которое оказалось на столе у Г.С. Салько. А.С. Макаренко просил разрешения выплатить «небольшие карманные деньги» воспитанникам старшего возраста за их участие в воспитательной

работе, Г.С. Салько ответила вполне формальным отказом, объясняя это тем, что такая практика была бы нарушением существующих предписаний (ЦГАОВ Укр., 166-4-912, л.174). Но позже она почувствовала силу и своеобразие личности А.С. Макаренко и, как засвидетельствовал А.И. Зильберштейн из Харькова (в беседе с чешским макаренковедом Л. Пеха), «очень быстро перешла на его сторону».

О том, как Г.С. Салько познакомилась с А.С. Макаренко, рассказывает она сама в очерке «А.С. Макаренко – организатор детского учреждения», рукопись которого хранится в музее А.С. Макаренко в г. Кременчуге. Очерк начинается так: «Макаренко Антона Семёновича я увидела в Наркомпросе Украинской ССР в 1922 г. Уже тогда в педагогических кругах говорили по-разному о полтавской колонии имени Максима Горького. [/ Впервые, вместе с инспектором Наркомпроса Украины, я приехала в колонию имени Горького, когда она была уже в Куряже, под Харьковом. Это было весной 1927 г. /] В ненастное время метели мы въехали на территорию колонии. По сторонам надворья росли крупные деревья, и между ними стояли в правильном порядке белые домики с удобными деревянными лесенками. Палисадники перед домиками были украшены цветочными клумбами. Посредине двора возвышалась громада славного монастырского костёла (на самом деле речь идёт о православной церкви – Г.Х.). Двор и костёл были так велики, что три легковых автомобиля, стоявшие друг возле друга, выглядели как игрушки. Наш автомобиль остановился у этой импровизированной стоянки, и мы вышли на твёрдый гравий двора. [/ Мы сгорали от любопытства к организаторам, содержателям и руководителям этого подчеркнуто ухоженного хозяйства. /] Следует сказать, что я ехала в колонию имени Горького с прохладно скептическим чувством, и без особого удовольствия думала о нескольких предстоящих часах официальной скуки, какая часто бывает при коротком посещении детского учреждения...»

Галина Стахивна (или Стаховна), урождённая Рогаль-Левицкая (из польской шляхты), родилась в 1892 г. С 1912 г. до, вероятно, 1920 г. она была замужем за М.В. Салько. В 1914 г. у них родился сын – Лёва. Информацию о её образовании и ступенях её карьеры дают материалы личного дела Г.С. Салько из фондов Наркомпроса УССР (ЦГАОВ Укр., 166-12-6790) и другие архивные документы. Однако часто эти данные не стыкуются с автобиографией Г.С. Макаренко, написанной ею после войны для своего тогдашнего начальства в Академии педагогических наук РСФСР; автобиография была до сих пор единственным источником информации о Г.С. Салько, который вводил и продолжает вводить в заблуждение не только отечественных макаренковедов.

На основании архивных источников, которые находились вне зоны досягаемости Г.С. Макаренко, удалось восстановить следующую картину: после окончания гимназии в своём родном Каменец-Подольском она училась в Киевском коммерческом институте на курсах по дошкольному воспитанию. В декабре 1917 г. она вступает в ВКП(б)У и работает поначалу секретарём суда, в 1918–1919 г.г. – зав. библиотеками, а в конце 1919 г. – зав. дошкольным отделом Калужского губотдела наробраза, в 1920–1921 г.г. – в политотделе 12-ой Армии в г. Новозыбкове, в 1921–1922 г.г. – инспектором охраны детства и зав. соцвоса Харьковского губотдела наробраза.

В мае 1922 г. Г.С. Салько была направлена ЦК КП(б)У в Наркомпрос УССР, где работала в Главном комитете социального воспитания (Главсоцвос). Поначалу она занимала должность инструктора административно-организационного отдела, а в октябре 1922 г. стала инспектором (в ноябре 1922 – главным инспектором) отдела охраны детства, в октябре 1923 г. – зав. этим отделом.

1 апреля 1924 г. колонии для несовершеннолетних правонарушителей Главсоцвоса, в том числе и руководимое А.С. Макаренко учреждение, перешли из отдела дефективного детства и в отдел охраны детства. Таким образом Г.С. Салько оказалась начальницей А.С. Макаренко. Это предоставляло ей возможность познакомиться с колонией им. М. Горького и её руководителем уже в данный период. Но судьба распорядилась иначе: предприняв 10-дневное путешествие с целью инспекции детских учреждений Главсоцвоса в Одессе и Полтаве, Г.С. Салько побывала только в Одессе, а 10 июля 1924 г. по решению своей партячейки была «мобилизована на село».

Ещё в феврале 1924 г. Г.С. Салько был объявлен «строгий выговор за непредставление своей автобиографии», которую она так и не представила, несмотря на неоднократные требования. Личное дело Г.С. Салько заканчивается следующим заключением

Центральной аттестационной комиссии при Наркомпросе УССР: «К порученному делу относится недобросовестно. Работает бессистемно. Чрезвычайно манкирует службой». Последнее высказывание можно объяснить тем, что она, как это следует из личного дела, не раз была «в отпуске по болезни».

С сентября 1924 по октябрь 1925 г.г. Г.С. Салько работала заведующей детдомом им. Шевченко в селе Гиевка Харьковской губернии, а с июля 1926 по январь 1927 г.г. – инспектором отдела просвещения Наркомата РКП УССР. Сразу после этого она стала работать, как уже упоминалось, в должности председателя Харьковской окркомиссии по делам несовершеннолетних – до ноября 1927 г. В решении о снятии её с этой должности причины не указываются. Однако из акта о передаче ею обязанностей преемнице вырисовывается возможная причина: Г.С. Салько не справлялась со своей работой, из 905 дел правонарушителей данного года на этот момент не были закончены 525, а из 114 дел юридической помощи – 61 (ЦГАОВ Укр., 166-6/II-2986, лл.11–22).

В ноябре 1927 г. Г.С. Салько была назначена зам. зав. Управления детучреждений Харьковского окротодела наробраза, т.е. «помощником» А.С. Макаренко. Но на этой должности она практически не работала, заболев туберкулёзом горла. Поэтому в 1928–1933 г.г. она неоднократно находилась на лечении в санаториях. В дальнейшем, не считая недолгой работы преподавателем на рабфаке коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, педагогической деятельностью Г.С. Салько больше не занималась.

Г.С. Салько была, без всяких сомнений, умной и красивой, можно даже сказать очаровательной женщиной. Особенно прекрасны были её глаза – живые, огромные, чёрные. Письма А.С. Макаренко июля 1927 г., адресованные «ясному месяцу», однозначно свидетельствуют о том, что он в это время без памяти влюбился в Галину Стахивну, которая довольно быстро заняла центральное место в его жизни – то, что раньше принадлежало другим «Солнышкам» – Елизавете Фёдоровне Григорович и Ольге Петровне Ракович. Из письма А.С. Макаренко от 31 октября 1928 г. следует, что именно он настаивал на официальной регистрации их связи, но она поначалу, вероятно, не торопилась с этим. Однако с осени 1928 года оба считали себя уже мужем и женой, а Лёву Салько А.С. Макаренко считал своим сыном, хотя они в это время и жили раздельно. Совместное проживание в квартире, находившейся в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, началось в 1930 или 1931 году.

Регистрация их брака состоялась в сентябре 1935 г. в Киеве. Это обеспечило Галине Стахивне юридические основания для наследования авторских прав (на это время приходятся первые серьёзные литературные успехи и гонорары мужа). Возможно с регистрацией брака А.С. Макаренко со своей стороны также связывал определённые надежды. Ведь, несмотря на свою работу в системе НКВД, он, тогда беспартийный и обременённый опасной «заграничной роднёй», нуждался в дополнительной защите. И хотя Галина Стахивна к этому моменту сама уже была «автоматически» выбывшей из партии (из-за неуплаты членских взносов), она могла бы – через своего двоюродного брата, генерала НКВД – такую защиту дать. К этому времени любовь А.С. Макаренко к Галине Стахивне, которую он теперь называл уже более земным именем – «Лисичка», стала, мягко выражаясь, заметно спокойней. Об этом говорят прежде всего его письма к ней, но есть тому и другие свидетельства.

Большая часть писем А.С. Макаренко написана в 1927–1929 годах. Балабанович характеризует их следующим образом: «Письма Макаренко к жене – своеобразный лирический дневник, в котором интимное, узколичное переплетается с общественным. Обычно не любивший говорить о своей внутренней жизни, Макаренко перед дорогим и близким человеком раскрывает себя с исключительной щедростью. Он как бы беседует с близким другом, думает вслух о самых разных вопросах. Макаренко даёт в письмах зарисовки окружающей действительности, рассказывает о своей педагогической и литературной работе, делится планами на будущее. Огромная ценность писем и в том, что они позволяют ощутить широту и напряжение творческой мысли Макаренко». (Е.З. Балабанович. Антон Семёнович Макаренко. М., 1963. С. 143). Очень вероятно, что «соавтором» этой формулировки была Г.С. Макаренко, которая редактировала рукописи книги Балабановича.

То, что здесь называется «планами на будущее», раскрывается перед читателем писем А.С. Макаренко как многоцветный букет из идей, мыслей и переживаний. В частности, он обсуждает возможность оставить работу в колонии им. М. Горького и позднее – в

коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, чтобы заняться другой деятельностью на Украине или за её пределами – желательно в Крыму или в Москве. Одержимый любовью он пытается реализовать свою юношескую мечту стать писателем и только писателем, жить и творить вместе с любимой женщиной. Существенным мотивом с этого времени становится его желание уйти от угнетающей бедности. Такие «попытки к бегству» прежде всего из коммуны плохо вписываются в традиционные представления о жертвенном служении А.С. Макаренко своему делу – педагогике.

Ещё один нашедший выражение в письмах пласт его «планов на будущее» – взгляды А.С. Макаренко на общественно-политические процессы в «России», т.е. в Советском Союзе. Подобные высказывания в других его текстах пока неизвестны. Кроме того, в письмах А.С. Макаренко мы встречаем яркие примеры его принципиальных споров с педагогическим начальством и доказательства противоречивых отношений с украинскими чекистами, на службе у которых он, как известно, находился с конца 1927 г. до начала 1937 г. Наконец, обнаружены неожиданные штрихи, касающиеся его неоднозначного отношения к М. Горькому.

Далее, благодаря переписке можно обнаружить круг совершенно неизвестных лиц в жизни А.С. Макаренко: друзья и родственники Г.С. Салько из времён её детства и юности в Каменец-Подольском, друзья А.С. Макаренко из коммуны, домработницы в квартирах Г.С. и А.С. в Харькове, Киеве и Москве. Высказывания А.С. и особенно Г.С. о домработницах поясняют новое положение: после успеха «Педагогической поэмы» Макаренко по-видимому входил в номенклатурную обойму литературных, а также чекистских кругов.

На основании знакомых ему отрывков Балабанович называет письма А.С. Макаренко «гимнами любви». После прочтения их подлинников здесь было бы уместнее говорить о «поэме любви и ревности». Сильное чувство А.С. Макаренко к Г.С. Салько – пример известного феномена «поздней любви» – сопровождается в периоды разлуки со своей возлюбленной не менее сильной ревностью. Все эти подозрения, которые очень волнуют его, подпитываются рассказами Галины Стахивны о своих разнообразных развлечениях и многочисленных знакомствах на курортах. Ревность усиливается также, если он не получает каждый день письма от Г.С. Салько.

Писание длинных писем, доставка их на вокзал и дорога на почтамт за ответами «до востребования» – всё это было постоянной процедурой в распорядке дня А.С. Макаренко во время отъездов Галины Стахивны в санатории. Невольно задаёшься вопросом, как вообще он успевал делать всё это наряду со своими основными обязанностями в колонии и коммуны, не говоря уже о его писательском труде.

Переписка даёт такое обилие новой и неожиданной информации, что привычные представления о А.С. Макаренко кажутся теперь недостаточными. Эти письма представляют нам Макаренко-человека ближе и понятнее, освобождают его образ от шаблонов, которые были созданы им самим и его посмертными канонизаторами. Благодаря письмам мы наконец-то проникаем к настоящему Макаренко. В наше время, когда на его родине всё советское (и он вместе со своими педагогическими идеями) фактически оказалось за бортом, его письма к жене могут стать ключом для нового подхода к этой притягательной личности в истории мировой педагогики.

Публикацией переписки А.С. Макаренко с женой издательский центр «Витязь» – вместе с несколькими российскими и украинскими архивами и при участии макаренковедов разных стран – открывает серию новых источников и фундаментальных исследований «НЕИЗВЕСТНЫЙ МАКАРЕНКО». Книги этой серии проливают свет на многие аспекты его личной и творческой жизни. То, что долгое время замалчивалось или скрывалось, становится достоянием читателей, которые могут скорректировать свои прежние представления.

И последнее. В это издание включена вся известная переписка А.С. и Г.С. Макаренко без каких-либо поправок и купюр. Своеобразие авторов в написании заглавной или строчной буквы, а также при сокращении и пунктуации по мере возможности сохраняются. В том, что касается орфографии, издание придерживается современной нормы русского языка.

Гётц Хиллиг

«Ты научила меня плакать...». Переписка Макаренко с женой

«Ты научила меня плакать...» (переписка А.С. Макаренко с женой. 1927–1939).
В 2 т. – Т. 1. Составление и комментарии Г. Хиллига и С. Невской. Введение Г. Хиллига // М.: Издат. центр «Витязь» . 1994 (серия «Неизвестный Макаренко»). – Введение: с. 5–12.

**«МАКАРЕНКО – ПЕДАГОГ,
А НЕ ПИСАТЕЛЬ!»**

Переписка А.С. Макаренко
с двумя читательницами (1938–1939 гг.)

Составители:
Гётц Хиллиг, Светлана Невская

Посвящается

ЛИБОРУ ПЕХЕ, –

«нашему шефу, другу и учителю», открывшему миру
тему «Женщины в жизни Макаренко», а также жен-
скому окружению педагога-писателя, полный состав
которого до сих пор неизвестен даже специалистам.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В настоящем 15 томе серии «Опускула Макаренкиана» представлена переписка А.С. Макаренко с двумя читательницами – Лидией Никитичной Разумовой и Татьяной Васильевной Турчаниновой. Активный обмен письмами между Макаренко и Л.Н. Разумовой (34-летняя бухгалтер из Ленинграда) осуществлялся с мая 1938 по январь 1939 г., а с Т.В. Турчаниновой (48-летняя учительница из Сталино) с августа 1938 по март 1939 г. Таким образом, это издание открывает для макаренковедения новый вид источников. В общей сложности – 17 писем самого Макаренко, а также 17 писем и 1 телеграмму, адресованных ему.

О переписке этих женщин с Макаренко стало известно ещё в 70-е гг. благодаря публикациям в сборнике «А.С. Макаренко» под редакцией Ф.И. Науменко (кн. 9, Львов, 1974 г.) и в «Учительской газете» от 11 марта 1978 г., где появились представленные Ф.Ф. Брюховецким пять писем к Лидии Разумовой, а также Б. Волковым фрагменты семи писем к Татьяне Турчаниновой. В то время обе женщины были ещё живы: первая жила в Краснодаре, а вторая – в Евпатории.

О местонахождении оригиналов тех писем, которые Лидия Разумова получила от Макаренко, до сих пор ничего неизвестно. Вышеназванная публикация Ф.Ф. Брюховецкого основывалась на фотокопиях, предоставленных в его распоряжение адресатом. Вторые экземпляры машинописи некоторых из этих писем Макаренко находятся в бывшем ЦГАЛИ СССР (теперь РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства). Вместе со львовской публикацией они составляют основу настоящего издания.

Письма Макаренко к Татьяне Турчаниновой в своё время были отданы ею Б. Волкову, который и передал их в ЦГАЛИ СССР ещё до публикации собственной статьи. Исследователям они однако стали доступны лишь с 1992 г. Настоящее издание основано на текстах этих оригиналов. Лишь в одном случае (письмо № 7) в основу положен текст копии письма Макаренко, в подлиннике недошедшего до адресата.

В РГАЛИ также находятся впервые публикуемые здесь в большинстве своём довольно пространные письма обеих женщин, оставленные исследователями без внимания. Они не только способствуют лучшему пониманию ответов Макаренко, но сами по себе являются достаточно содержательными документами. То, что это отнюдь не все письма, полученные Макаренко от Лидии Разумовой и Татьяны Турчаниновой, следует из его ответов на них. Первоначальное предположение составителей настоящего издания, что недостающие письма могут ещё обнаружиться, оказалось ошибочным. Во всяком случае, их нет среди текстов, которые вначале хранились у вдовы педагога-писателя, – Галины Стахивны Макаренко, подготовившей наследие мужа к передаче в ЦГАЛИ СССР. Эти «острые» материалы, хотя и попали после её смерти (1962 г.) в архив, оставались согласно её завещанию в течение 30 лет закрытыми. Результаты изучения данной части макаренковского наследия составителями (весной 1993 г.) показали, что она не содержит

никаких дополнительных писем из корреспонденции с обеими женщинами. Таким образом, следует исходить из того, что недостающие письма не сохранились.

В первую очередь это касается всех писем Татьяны Турчаниновой (начиная с декабря 1938 г.), которая, вскоре влюбившись в Макаренко, писала ему почти ежедневно (см. №№ 14, 17). Её пространные письма вызывали у него как радость, так и некоторые опасения. Большинство ответов на эти письма, несмотря на то, что Макаренко предпочитал пользоваться пишущей машинкой, написаны им от руки. Таким образом, его жене были известны, вероятно, лишь три последние письма, напечатанные на машинке (в феврале – марте 1939 г.), и то лишь потому, что они были написаны под копирку, как это обычно делал Макаренко. Правда, в РГАЛИ упомянутых копий нет – и в данном случае следует исходить из того, что Г.С. Макаренко их не сохранил.

В ответах Макаренко речь идёт о «сердечных» и «ласковых» письмах к нему Татьяны Турчаниновой, за которые он ей был очень благодарен. Как много он, её «заочный» возлюбленный, для неё значил, можно понять из письма, с которым она обратилась к его вдове 15 сентября 1943 г., т.е. спустя уже четыре с половиной года после смерти Макаренко. В нём говорится: «Как я страдаю от того, что не могла тогда сразу же написать! Может быть и сейчас не надо, не имею права... не знаю. И до сих пор так для меня тяжела утрата! Так тяжела потеря близкого, родного по духу, по мыслям Человека» (РГАЛИ, 332-4-946).

Несмотря на фрагментарность данных переписок, их публикация является оправданной по двум причинам: во-первых, они расширяют наши представления о личности А.С. Макаренко, его отношении к женщинам и, прежде всего, о нём, как о человеке, педагоге и писателе в последний год его жизни. Во-вторых, они рисуют яркую, впечатляющую картину тяжёлого положения работающих советских матерей-одиночек тех лет, живущих с детьми и без них.

Невзирая на индивидуальные особенности обеих корреспонденток Макаренко, в чертах их характеров можно отметить очевидную общность: мобильность, ярко выраженное чувство собственного достоинства активного строителя советского общества, желание вступить в партию и восхищение тогдашними «героями» отечества, о которых рассказывали газеты и радио (обе женщины – активные радиослушательницы), стремление повышать свою профессиональную квалификацию. От педагога Макаренко они ждали ответа на вопросы жизни и воспитания. В обоих случаях речь идёт о необычных женщинах, способных наблюдать, анализировать окружающую действительность, сложные обстоятельства своей личной жизни. Именно поэтому Макаренко охотно переписывался и непременно хотел познакомиться с ними лично. Эти письма, безусловно, вносили разнообразие в его будни, о чём можно судить по ответам. Интересен и тот факт, что подобную переписку с другими, по-видимому, менее заинтересовавшими его женщинами, Макаренко через некоторое время поручал своей жене (!) – например, с Верой Михайловной Роот из Ленинграда (см. РГАЛИ, 332-4-324, л.12).

Воспроизведение текстов писем осуществляется в соответствии с рукописным или машинописным оригиналом в той мере, в какой это позволяет формат серии «Опускула Макаренкиана». Своеобразие в написании заглавной или строчной буквы, при сокращении и пунктуации по мере возможности сохраняется – это в особенности касается писем Макаренко. В орфографии издание придерживается современной нормы русского языка.

Перевод писем на немецкий язык осуществлялся Людмилой Образцовой и Гётцем Хиллигом. Марине Титович составители благодарны за подготовку русского варианта предисловия, – Ирине Виль, Эвелине и Эдгару Гюнтер-Шелльхаймер и Изабелле Рюттенауэр за критическую оценку рукописи данной книги.

Г.Х., С.Н.

Марбург – Москва, август 1993 – май 1995 гг.

«Макаренко – педагог, а не писатель!» Переписка А.С. Макаренко с двумя читательницами (1938 – 1939 гг.) / Составители: Гётц Хиллиг, Светлана Невская // Марбург: Makarenko-Referat, 1995 (Opuscula Makarenkina, Nr. 15). – С. II, V; От составителей: с.XI–XIV.

**Макаренко и сталинизм:
размышления и комментарии
к дискуссионной теме**

Гётц Хиллиг

Имя А.С. Макаренко по-прежнему остаётся в центре дискуссий педагогов-учёных и практиков разных стран. Хорошо известный и в постсоветской России профессор Эрлангского университета Вольфганг Зюнкель (см.: Советская педагогика. 1990. № 4), который 30 лет занимается изучением его наследия, в предисловии к собранию своих работ «Взгляд на воспитание», используя библейский текст, сформулировал одну из причин этого интереса к советскому педагогу так: «Антон Макаренко – это жало во плоти каждого теоретика».

Здесь я хотел бы остановиться на одной из ярких страниц западного макаренковедения, касающейся отношений Макаренко и Сталина, личных и идеологических. Эта тема поднималась в последние годы также в России и на Украине в статьях Ю.П. Азарова, Ю. Дмитриенко (Ю.Д. Руденко), В.И. Малинина и других, вызвавших жаркие споры педагогической общественности, в которых, собственно говоря, ничего нового не было – ни основательных аргументов, ни фактов, а лишь повторялись тривиальные истины, не позволившие сделать принципиальные, научно обоснованные выводы.

В художественных произведениях Макаренко, написанных в 1930–1934 гг., встречаются некоторые критические замечания по поводу негативных явлений советского быта того времени. В известных же собраниях его сочинений почти все они были исключены редакторами по цензурным соображениям. Наиболее острые критические высказывания можно найти в письмах к жене, с которыми мне удалось познакомиться в Российском государственном архиве литературы и искусства (бывший ЦГАЛИ СССР) в Москве весной 1993 г. Я хотел бы проиллюстрировать вышесказанное двумя примерами.

Первый касается предисловия М. Горького к книге о белоэмигрантской литературе, опубликованного в «Правде» 11 мая 1928 г., текст которого Галина Стахивевна прислала А.С. Макаренко из Крыма. «Горький, – писал он в ответном послании, – великолепно независим. Меня ещё страшно трогает, что он говорит о России, что он не падает ниц перед народом, что он не только мудр, но и энергичен.

Мне приходит в голову, что те несимпатичные жалкие черты эмигрантской интеллигенции, которые бичует Горький, они есть в скрытом виде и у теперешней интеллигенции правящей. Иначе как можно объяснить всё наше замечательное головотяпство, наше неумение орудовать точным инструментом разума, наше постоянное завирательство, склочность, лакейство. Всё это общие черты наши, и я их одинаково ненавижу, за границей ли они, или у нас. Я поэтому ненавижу всю русскую интеллигенцию. И я считаю, что с нею нужно бороться на каждом шагу, каждый день. Я уверен, что в этом и только в этом спасение большевистской идеи. Горький, вероятно, будет очень разочарован, когда увидит, сколько узости, глупости, дешёвого эгоизма вносит сейчас наша интеллигенция в нашу жизнь. А сколько лени, болтовни. И ужаснее всего то, что по этой истеричной тупой бабе равняется наша молодёжь» (РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 38, лл. 43–43 об.).

Спустя полтора года Макаренко вновь возвращается к этой теме (для правильной оценки его позиции по рассматриваемому вопросу следует иметь в виду, что сам Макаренко, в отличие от своей жены, тогда не был членом партии): «... неужели ты не знала, что ничего мешанистее нашей интеллигенции нет на свете и не было. Если мне когда-нибудь хотелось быть большевиком, то только тогда, когда у меня особенно развивалась ненависть к интеллигенции, и при этом специально к русской. Я умел видеть мещанина в самых героических бестиях. И если бы и Ваш большевизм не был создан той же русской мещанской интеллигенцией, то я обязательно сделался бы большевиком.

... Есть люди, есть очень большие и интересные люди, только их не нужно искать в семейных гнёздах нашей якобы интеллигенции» (там же, ед. хр. 41, л. 28).

Все эти острые критические замечания звучат резким диссонансом положительным оценкам советской действительности, которые Макаренко даёт в своих выступлениях и статьях начиная с августа 1936 г., т.е. сразу после первого московского показательного процесса против «троцкистско-зиновьевского террористического центра», а также в

связи с подготовкой к первым выборам в Верховный Совет СССР (октябрь 1937 г.). В них можно найти многочисленные панегирики в адрес партии и её вождя – Сталина. Полагаю, что их следует интерпретировать как желание Макаренко доказать свою лояльность и политическую благонадёжность по отношению к власти.

Первое из этих славословий появилось в органе Союза писателей Украины «Літературна газета» от 29 августа 1936 г., непосредственно после обнародования смертных приговоров всем 16 обвиняемым. В статье под названием «Всенародний вирок» (Всенародный приговор) Макаренко определённо одобряет приговоры, вынесенные в Москве, и пишет в заключение: «Наша мысль сейчас безраздельно устремлена к защите товарища Сталина. Хочется в особенно горячих и необычайно сердечных, живых словах передать ему нашу взволнованную любовь, наше ещё не успокоившееся волнение».

Судя по газетным сообщениям тех дней, Макаренко выступал на двух специально по этому поводу созванных собраниях киевских писателей – во время процесса и сразу после обнародования приговора (Літературна газета. 1936. 23 и 29 авг.; Литературная газета. 1936. 27 авг.). На этих собраниях писателей проинформировали о событиях в Москве и призвали к выявлению «троцкистов» в своих рядах. На одном из них Макаренко участвовал также и в общественном осуждении писателя Шаевича.

Наиболее ярким примером высказывания Макаренко того времени служит его статья в «Литературной газете» от 26 октября 1937 г. «За дорогое будущее, к которому ведёт Сталин». Здесь он пишет «о чувстве благодарности к Коммунистической партии, неразрывном с чувством благодарности к товарищу Сталину», «одному из величайших гениев человеческой истории, обладающему невиданным ещё в мире авторитетом, возглавляющему столь же невиданное по глубине и единодушию движение трудящихся масс не только нашей страны, но и всего земного шара». Такого рода статьи Макаренко встречаются только в собраниях его сочинений, вышедших до середины 50-х гг., из более поздних изданий они таинственным образом бесследно исчезают.

В то же время следует отметить, что хранительница наследия Макаренко – его жена – до последних дней вносила «большой вклад» в труды своего мужа, дополняя и изменяя их смысл. Убедительные доказательства такой «плодотворной» деятельности Г.С. Салько (с 1935 г. Г.С. Макаренко) мы находим в адресованном ей письме Макаренко, отправленном в июле 1927 г. Отрывок из него она включила в статью «Работа А.С. Макаренко над созданием "Педагогической поэмы"» (1949) (см.: А.С. Макаренко. Статьи. Воспоминания. Неопубликованные произведения. Львов, 1949. С. 119). Затем его процитировал Е.З. Балабанович в своей книге «А.С. Макаренко. Очерк жизни и творчества» (М., 1951. С. 49). Там он звучал следующим образом: «Мой мир – мир организованного созидания человека. Мир точной сталинской логики, но здесь столько своего, что это мой мир...».

В 1960 г. Г.С. Макаренко приводит данную цитату в своей публикации избранных отрывков из писем мужа к ней, изменив одно слово, – мы здесь читаем: «ленинской логики» (см.: Вопросы теории и истории педагогики / Под ред. А.В. Ососкова. М., 1960. С. 12). Уже после смерти Г.С. Макаренко в восьмитомнике повторяется та же цитата с «ленинской логикой» (см.: Пед. соч. Т. 8. М., 1986. С. 30). В этом виде она была широко известна и считалась авторской. Я также не подвергал сомнению её подлинность и рассматривал как определённую ориентацию Г.С. Макаренко на авторитетную краткую биографию И.В. Сталина (1939) и руководство содержащимся в ней высказыванием: «Сталин – это Ленин сегодня» (Патаки Ф., Хиллиг Г. Самоутверждение или конформизм?: К вопросу идейно-политического становления А.С. Макаренко. Марбург, 1987. С. 40).

В 1993 г. данный вопрос вновь поднимался в статье В.И. Малинина «Макаренко и сталинизм: правомерно ли сопоставление?», где автор в заключение приходит к ошеломляющему выводу, что в подлиннике, по всей вероятности, речь шла не о ленинской или сталинской, а о гегелевской логике (см.: Педагогика. 1993. № 3). После знакомства с оригиналом письма оказалось, что Макаренко не называл ни одного из вышеперечисленных классиков философии и научного коммунизма, а пресловутые предложения вообще никогда не существовали в первоисточнике (РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 36, л. 10–13 об.). Они оказались результатом «политизирования» чисто любовного письма.

Политические события 30-х гг., террор и преследование инакомыслия не могли пройти незамеченными для Макаренко. Он всё время работал в учреждениях, находив-

шихся под «дружеской» опекой ГПУ и НКВД, в задачу которых входила среди прочего и борьба с детской беспризорностью и преступностью. Кроме того, у него были хорошие личные отношения с некоторыми сотрудниками органов госбезопасности. Возможно, что «золотым ключиком», открывшим «заветную дверцу» к сердцам высокопоставленных чекистов, послужили взаимные симпатии А.С. Макаренко и Н.А. Балицкой, сестрой председателя ГПУ (с 1934 г. наркома внутренних дел) Украины В.А. Балицкого. Макаренко познакомился с ней в 1926 г., когда она была председателем шефского комитета Куряжской колонии им. М. Горького. По свидетельству близких к Макаренко людей, он вскоре влюбился в Балицкую и даже хотел на ней жениться (см.: Протоколы бесед Н.Н. Оксы с А.И. Зильберштейном и Л.Т. Ковалёвым. Архив лаборатории «Макаренко-реферат»).

Данное обстоятельство, скорее всего, и повлияло на то, что Макаренко стал заведующим коммуной ГПУ. К тому же его лучшим другом (с 1932 г.) был К.С. Кононенко, которого как репрессированного за «саботаж коллективизации сельского хозяйства» направили для «перевоспитания» в коммуну. В семье жены и среди родственников других друзей, например В.П. Захаржевского, также были жертвы репрессий. Положение самого Макаренко в значительной мере отягощалось в эти годы ещё и тем, что его брат Виталий, бывший офицер царской армии и белогвардеец, находился с 1920 г. в эмиграции. Удивительно, что, несмотря на всё это, он незадолго до своей скоропостижной смерти решился подать заявление о приёме в партию. По всей вероятности, он надеялся подобным образом защитить себя и своё дело.

Действительное отношение Макаренко к Сталину нам до сих пор неизвестно. Во всяком случае, его страстное желание попасть в Москву, куда он всеми правдами и неправдами стремился перебраться с Украины, обязывало его высказывать глубокую лояльность к существующей власти. После ликвидации левой оппозиции в 1927 г. Макаренко быстро переориентировался на позиции победителей в борьбе за власть. Так, в письме к Г.С. Салько от 27–28 сентября 1928 г. (тогда он работал над рукописью «Педагогической поэмы») он подчёркивал: «Совершенно уверен в том, что верх будет на нашей стороне. Сейчас много читаю Бухарина и Сталина и прямо в восторг прихожу. Они тоже на нашей стороне. Можно даже удивляться тому, что, сидя там, в центре, и как будто никуда на живое дело не налетая, они всё-таки прекрасно знают, какие головотяпы у нас кругом головотяпствуют. Для нашей книги я очень много нашёл прекрасных цитат... Нет, это замечательно, когда человек умён» (РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 39. л. 13).

В материалах к книге (1929–1930) есть запись о том, что Макаренко намеревался разрушить добрую славу и репутацию своей главной оппонентки из Наркомпроса Украины В.М. Дюшен. Он обвиняет её в «откровенных разговорах о великом Троцком и о властолюбивом и ничтожном Сталине, о правоте Троцкого, о том, что Россия идёт к гибели» (Архив лаборатории «Макаренко-реферат»). Безусловно, Троцкий, Зиновьев и другие члены политической оппозиции тех лет стояли ближе к интеллигенции, чем Сталин. Бросается в глаза то, что Макаренко высказывается об интеллигенции в тех же тонах, что и Сталин.

Переезд Макаренко в Москву в феврале 1937 г. автоматически повлёк за собой приближение к центру «кратера вулкана» со всеми его преимуществами и опасностями. С балкона новой квартиры семьи Макаренко в доме, где жили известные, облечённые особым доверием советской власти писатели, открывался вид на Кремль и «Дом на набережной»...

В записной книжке Макаренко (конец июля 1937 г.) тёмными, сумрачными красками передано ощущение опасности: «Вечернее небо. Страшно. На западе стала синеватосизая гряда. ... Её верхние края резко и фигурно обрезаны. ...на её фоне тёмно-синим силуэтом нарисован город – башни Кремля. ...несколько мрачная тревога этого пейзажа как бы прислушивается» (там же).

Из неопубликованных воспоминаний окружающих Макаренко лиц следует, что он был на приёме у Сталина. Так, его бывшая ученица К.М. Безрук рассказывает о своей встрече с Макаренко в Москве в начале августа 1937 г. Он сообщил тогда, что закончил работу над «большим сценарием» о будущем советской школы через 50 лет. Говорил и о дискуссии с коллегами, которые якобы рассказали о сценарии Сталину. Вождь заинтересовался сценарием, прочитал его, вызвал к себе автора и предложил ему передвинуть

события на 40 лет ближе к действительности, что Макаренко и сделал (Отдел рукописей Научной библиотеки АН Украины им. В. Стефаника, Львов. Фонд Ф.И. Науменко).

Насколько правдива эта история? Воспоминания К.М. Безрук были написаны в 1978 г., т.е. во времена, когда не стоило выдумывать встречи Макаренко со Сталиным, бросавшей тень на упрочение его славы «великого советского педагога и талантливого писателя». Однако это вовсе не означает, что встреча имела место, и многие аргументы говорят в пользу данного мнения. В стенограммах выступлений Макаренко и его личных записях нет никакого намёка на подобное из ряда вон выдающееся событие. И если бы такая встреча всё же состоялась, то его биографы Е.Н. Медынский и Е.З. Балабанович, книги которых появились еще при жизни Сталина, ни в коем случае не смогли бы обойти её молчанием, да и вдова Макаренко непременно позаботилась бы об этом.

Недаром в записных книжках (осень 1937 г.) Макаренко обращал особое внимание на отношение его жены к «нашему рулевому»: «Гале снится, что у неё в гостях Сталин и ещё какие-то люди. Ей снится, что он очень устал, прилёт отдохнуть, а она прикрывает его косынкой от мух» (Архив лаборатории «Макаренко-реферат»). Возможно, подобные сновидения были типичным явлением своего времени. Год спустя одна из читательниц Макаренко писала ему: «Несколько раз снился мне Сталин» («Макаренко – педагог, а не писатель!» Переписка А.С. Макаренко с двумя читательницами (1938–1939 гг.). Составители: Г. Хиллиг, С. Невская. Марбург, 1995. С. 55). Не только для психоаналитиков небезынтересным было бы исследовать феномен снов политизированных советских женщин тех лет.

Во всяком случае, если уж говорить о склонности к сталинизму в семье Макаренко, то это скорее относится к Галине Стахивне, которая поклонялась Сталину как языческому богу. В письмах к жене Макаренко часто называл её Солнышком. Для неё же такой «звездой» первой величины был «вождь всех времён и народов». В неопубликованном письме одному из бывших сотрудников мужа В.Н. Терскому, написанном сразу после смерти Сталина, она горестно восклицала: «Ох, как много накопилось грусти... сейчас, когда не стало живого, дорогого нашего, безгранично родного светоча человечности и мудрости, нашего Иосифа Виссарионовича...

Как светло было от его мудрости и ясного взгляда. Сталин – жизнь, Сталин – бессмертен, но закрылись ясные глаза и живой источник мудрости, живой светоч гения. И с этим не хочет мириться ни мысль, ни чувство... Скорбь превратилась в силу, но никакая скорбь не может вытеснить этой скорби, ибо скорбь этой утраты – священная скорбь» (РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 36, л. 10–13 об.).

Макаренко в данном сценарии, по воспоминаниям К.М. Безрук, осветил недостатки советской школы и предложил свои пути их преодоления. Следует отметить, что о таких же недостатках и отрицательных влияниях в тогдашней школе Макаренко упомянул в материале, найденном в личном архиве М. Горького. «Некоторые соображения о школе и ваших детях» (датировано 15 октября 1935 г.). Этот материал, включённый в собрание сочинений со значительными сокращениями, до сих пор комментировался следующим образом: написал ли Макаренко «Соображения» специально для Горького или направил ему вышеупомянутый документ для ознакомления, достоверно не выяснено. Из хронологии событий следует, что Макаренко подготовил данный материал во время его пребывания в Москве, очевидно, по просьбе Горького. Однако до сих пор не было известно, для чего писателю могли понадобиться такие сведения.

Только теперь стало ясно, что Горький с 1928 г. переписывался со Сталиным. Два его письма, найденные в Президентском архиве, опубликовала «Вечерняя Москва» 12 мая 1994 г. В одном из них (от 19 октября 1934 г.) речь шла о хулиганстве в школе, драках, кражах у родителей оружия и документов детьми ответственных работников. Вероятно, год спустя писатель намеревался детально ознакомить вождя с ситуацией, сложившейся в школе вообще. Можно предположить, что Макаренко знал о намерениях Горького использовать его заметки в письме к Сталину, и это послужило толчком к «сказке» о приёме в Кремле.

5 сентября 1936 г. Макаренко, тогда ещё помощник начальника отдела трудколоний НКВД УССР, принимал участие в праздничном выпуске воспитанников коммуны им. Дзержинского в Харькове. В соответствии с тем вариантом речи, который опубликован в 1952 г., он призывал своих бывших питомцев, вступающих в самостоятельную жизнь, ос-

таваться «прежде всего большевиками (партийными и непартийными)». Главный завет Макаренко сформулировал так: «...будьте в каждый момент вашей жизни верными сынами партии, прежде всего держите наше большевистское единство, держите крепко дисциплину, будьте энергичными последователями нашего гениального Сталина. Всегда помните, что железная дисциплина, полное единство нашей жизни, наших стремлений и усилий только и может привести к победе. И потом всегда увидите, что против политики нашей партии стояли всегда шкурничество, эгоизм, глупые мысли, невежественные убеждения, неуважение интересов коллектива» (Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М., 1952. С. 454). После московского показательного процесса эти слова следует рассматривать как предупреждение об опасности оппозиционных настроений.

Обращение Макаренко к коммунарам-выпускникам в тот же день было рассмотрено на закрытом заседании партийной ячейки коммуны. На основе решения партячейки её секретарь Н.А. Огий (Огий-Чернуха) 7 сентября 1936 г. написал письмо секретарю парткома НКВД Украины Я.К. Крауклису. В нём среди прочего говорилось, что Макаренко, «касаясь отношения коммунаров к оппозиции», «выразился» перед рабочими, коммунарами, инженерами и управляющим персоналом – а это около тысячи человек – «буквально следующим образом: все мы работаем под руководством партии и товарища Сталина. И если товарищ Сталин сделает хоть тысячу ошибок, а один, имя которого не хочу называть, поведёт нас по правильной дороге, то всё же надо идти за товарищем Сталиным» (*Науменко Ф., Окса Н.* Донос, или Почему закрыли коммуну им. Ф. Дзержинского // *Учительская газета.* 1989. 12 сент.). Не подлежит сомнению, что под этим «одним» имелся в виду Троцкий. Самым же страшным обвинением Макаренко здесь является кощунственное предположение, что «гениальный кормчий» может сделать тысячу ошибок.

Высказывания Макаренко перед коммунарами-выпускниками характеризовались в письме Огия как «контрреволюционные мысли», «антисоветские заявления», «выступление классового врага». Получатель письма Крауклис наложил на донос Огия резолюцию от 13 сентября 1936 г.: «Тов. Стрижевскому (Л.И.). Как только Кандыба сядет в ОТК, мы через некоторое время М. удалим. Я не верю этому контрреволюционеру ни на грош. Это враг».

Опубликованный в 1952 г. текст речи Макаренко, в отличие от стенограмм его других выступлений, очень лаконичен. Но в доносе это характеризуется как «пространная, деловая и толковая речь». Из данного обстоятельства, а также из того, что Макаренко обычно выступал свободно, лишь иногда используя конспекты, следует то, что вышеназванный текст (авторская машинописная рукопись найдена в его личном архиве) написан Макаренко уже после выступления, чтобы в случае опасности иметь возможность защититься. Однако Макаренко не был арестован, его даже не сняли с работы. Как видно из дополнительной резолюции на доносе, в его судьбу вмешался тогдашний нарком внутренних дел Украины В.А. Балицкий, который распорядился «закрыть дело».

Об особо доверительном отношении Макаренко к наркому говорит его желание (середина марта 1937 г.) посоветоваться с последним по поводу работы над романом «Чекисты» (фототелеграмма А.С. Макаренко жене из Киева 16.03.1937 г. // РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 46). Написать произведение такого рода ему, как известно, порекомендовал Горький, у которого тоже были хорошие знакомые среди «наркомвнудельцев». 9 апреля 1937 г. последовал приказ Балицкого об объявлении благодарности Макаренко (*Морозова Н.А.* А.С. Макаренко. Семинарий. 2-е изд. Л., 1961. С. 116).

Мы не должны забывать и о том, что в связи с первым московским процессом не только писателей призывали «искать троцкистов в своих рядах», но и представителей других организаций и профессий. Тогда (в конце августа 1936 г.) был снят с занимаемой должности и вскоре арестован непосредственный начальник Макаренко Л.С. Ахматов – «новоиспечённый» чекист и до января вышеназванного года член ЦК КП(б)У (ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 467, л. 3). Он высоко ценил Макаренко как квалифицированного работника и ещё в июле 1936 г. не хотел отпустить его с занимаемой должности в Киев на «вольные писательские хлеба», хотя, по словам жены Макаренко (в письме к сыну от 9 октября 1935 г.), был «большой поклонник «Поэмы»» (РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 106, л. 52). Тем удивительнее, что Ахматов после своего ареста (по ставшим недавно известными материалам НКВД Украины от 12 августа 1937 г.) назвал Макаренко среди других «участников контрреволюционной троцкистской организации». Однако по указанию Ба-

лицкого имени Макаренко и М.М. Бухшана, бывшего секретаря правления коммуны им. Дзержинского, вычеркнули из протокола допроса Ахматова (см.: Наше минуле // Журнал незалежної історичної думки / За ред. С.Б. Білоконя, число 1 (6). Київ, 1993. С. 149).

7 июля 1937 г. на основе ордера, подписанного наркомом внутренних дел СССР Ежовым, Балицкий был арестован (там же. С. 42) и через четыре с половиной месяца расстрелян. После ареста наркома Макаренко оказался в очень трудном и опасном положении, что проливает новый свет не только на «сказку» о встрече со Сталиным, но также и на другую, в противоположность первой, уже вполне правдоподобную историю. По рассказу В.В. Кумарина, одного из доверенных лиц вдовы Макаренко, она получила известие из Киева о предстоящем аресте мужа и сумела найти заступничество у писателей Шолохова и Фадеева, которые просили за него самого Сталина (Дополнительные штрихи к портрету А.С. Макаренко: Беседа Г. Хиллига с В.В. Кумариным. Марбург, 2 ноября 1988 г. Марбург, 1989. С. XII).

На основе вышеупомянутого документа НКВД УССР можно предположительно датировать данный эпизод из жизни Макаренко концом августа – серединой сентября 1937 г. В пользу этого говорит и такая деталь: в московском дневнике Макаренко существует пробел в записях с конца августа до начала декабря 1937 г. (Архив лаборатории «Макаренко-реферат»). Легко себе представить, что такие печальные события не способствовали его желанию вести дневник.

В начале октября 1937 г. Макаренко получил серьезное общественное поручение от Союза писателей: выступить в ходе предвыборной кампании в Москве и г. Горьком. Тем самым ему была предоставлена возможность всенародно продемонстрировать свою лояльность и верность вождю и делу партии, чем он и не преминул воспользоваться.

Какая судьба угрожала Макаренко в случае ареста, можно показать на примере «первого друга колонии им. Горького» С.И. Канторовича. После многолетней политической деятельности на Украине он с середины 30-х гг. приступил к работе в Москве на посту заместителя наркома здравоохранения СССР. 23 июля 1937 г. Канторовича арестовали по обвинению в «принадлежности к контрреволюционной троцкистской организации», 5 августа «этапировали» в НКВД УССР, где он уже 16 августа скончался в больнице Киевской тюрьмы (справка из бывшего архива КГБ УССР на имя Н.Д. Ярмаченко, 1991). Таким образом Шолохов и Фадеев предотвратили «этапирование» Макаренко в Киев в хорошо известные ему органы.

Тяжелым в жизни Макаренко был также конец 1938 – начало 1939 г., поскольку речь здесь шла не только об утверждении определенных позиций и своего места среди писателей и педагогов, но и о создании защитной оболочки для физического выживания в условиях жестокого террора и преследования любого инакомыслия. В декабре 1938 г. начались массированные атаки литературной критики на произведения Макаренко. Объектом её стала не только его последняя повесть «Флаги на башнях», но и статья «Стиль детской литературы». Наиболее убийственно подействовали на него уничижительные замечания А. Бойма, опубликованные в «Комсомольской правде» 2 декабря в статье «Откровения А. Макаренко». Бичуя заодно и сотрудников редакции, Бойм подчёркивал, что журнал «Детская литература» давно прославился своей беспринципностью. И далее он пишет: «После удачного выступления с «Педагогической поэмой» и неудачной «Книги для родителей» А. Макаренко окончательно возомнил себя монополистом в толковании основ марксистской педагогики».

От этого удара Макаренко не смог оправиться, его деятельность как писателя резко прервалась, хотя по договорам с издательствами и редакциями за 1938 г. он обязывался подготовить не менее восьми больших художественных произведений, за которые он получил денежные авансы. Из его московского дневника следует, что ни одно из них не было закончено, работа над некоторыми даже не начиналась (см.: Хиллиг Г. Легенды смутного времени (1938–1941). О хождении по мукам Макаренко-писателя, о внезапной кончине Макаренко-человека и о чудесном возрождении Макаренко-педагога. Марбург, 1989. С. 29–68).

Статья Бойма не только отрицательно сказалась на творчестве Макаренко, но и вызвала недоверие к нему среди друзей и знакомых. Так, в личных письмах к учительнице из г. Сталино Т.В. Турчаниновой (10 декабря 1938 г. и 23 января 1939 г.), которая как бдительный член партии на основе статьи Бойма заподозрила в Макаренко «несоветско-

го человека», он, защищаясь, с горечью и гневом заговорил вдруг газетным языком, известными клише того времени: «Советский ли человек? Во всяком случае, более советский, чем... Бойм, – в этом я убеждён уже 21 год»; «...его выступление против меня, как я был уверен с самого начала, было выступлением врага. Видимо, Татьяна Васильевна, врагов ещё много кругом» (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 1101, л. 8–9, 17 об.).

Мотив «врагов» звучит и в статье «О коммунистической этике», написанной в то время, но опубликованной лишь посмертно. Она содержит суждения Макаренко по поводу «чисток» предшествовавших лет, в частности такие: «В последние годы мы имели много случаев убедиться в том, что некоторые люди, которые особенно многословно декларировали свою революционность, оказались тайными врагами революции». Далее Макаренко требует принять меры для обнаружения «вредительства» именно в области педагогики, и в этой связи он пишет: «Эффективность враждебного вмешательства в области народного воспитания может быть очень большой, и здесь её труднее обнаружить. Вредительство на заводе или в шахте рано или поздно обнаруживается в явлениях материального характера, которые можно всегда точно назвать и квалифицировать. Вредительство в области воспитания может быть скрыто надолго, так как результаты воспитания появляются очень медленно и всегда в более или менее спорных формах» (Соч. Т. 5. М., 1951. С. 401–402).

Аналогичный призыв содержится в ответе на указ о его награждении орденом Трудового Красного знамени – в статье «Литература и общество»: «Я отвечаю за то, что в своей работе я буду честен и правдив, чтобы в моём художественном слове не было искажения перспектив и обмана. Там, где я вижу победу, я должен первым поднять знамя торжества, чтобы обрадовать бойцов и успокоить малодушных и отставших. Там, где я вижу прорыв, я должен первым ударить тревогу, чтобы мужество моего народа успело как можно раньше прорыв ликвидировать. Там, где я вижу врага, я должен первым нарисовать его разоблачающий портрет, чтобы враг был как можно раньше уничтожен» (Литературная газета. 1939. 5 февр.).

К вопросу об «уничтожении врагов» Макаренко вернулся ещё раз во время выступления перед харьковскими студентами 9 марта 1939 г. На вопрос одного из слушателей: «Если неисправимых нет, то как вы смотрите на высшую меру наказания – расстрел?» – он отвечает вначале уклончиво, ссылаясь на поучительный пример о «высшей мере наказания» в коммуне им. Дзержинского – исключение из коллектива. Затем переходит к существу вопроса – ликвидации действительных или мнимых политических противников – и совершенно неожиданно, пугающе хладнокровно приносит в жертву идеологии коллектива жизнь «врага», т.е. отдельного человека.

В стенограмме этого выступления есть такие строки: «И, конечно, и расстрел в нашей стране совсем не значит, что тот человек, которого расстреляли, почему-либо неисправим, наверное, с ним ещё можно возиться, но коллективный опыт, коллективное требование, коллективный гнев – вот что нас, прежде всего, интересует. Мы уничтожаем таких врагов, хотя возможно, они как-нибудь могли прожить, и, уничтожая их, мы усиливаем наше требование к человеку, и наше уважение к коллективу, и наши надежды, и нашу ненависть к врагам» (РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед. хр.187, л. 33–34).

И в дальнейшем как за спасительную соломинку Макаренко продолжает цепляться за легенду об аудиенции у Сталина. На Харьковской конференции 20 апреля 1950 г., ещё при жизни вождя, Е.С. Приходько упомянула о том, что на встрече с бывшими коммунарами 13 марта 1939 г. в Харькове Макаренко также говорил о личном приёме у Сталина (Архив лаборатории «Макаренко-реферат»).

В рамках дискуссии по теме «Макаренко и сталинизм» на страницах «Учительской газеты» журналист Б. Волков обратил внимание на особенности характера Макаренко, которые подстёгивали его к новым выступлениям с «разоблачительными» речами и призывами: «Из всего того, что мы знаем о Макаренко, он совершенно не был похож на того, кто покорно ждёт, пока кольца удава сожмут и удавят его». Волков подчёркивал далее: «А между тем, как вспоминал академик АПН СССР Э. Монозон, ордер на арест Антона Семёновича незадолго до его кончины уже был подписан» (Учительская газета. 1994. 16 янв.).

Сведения Монозона в определённой степени подтверждаются и вдовой Макаренко. Людям, которым она доверяла, Галина Стахивевна неоднократно рассказывала, что он

«ежедневно ждал ареста. И всякий раз, когда раздавался стук за дверь даже сухой ветки, вздрагивал и думал о том, что за ним пришли» (Азаров Ю. Великий педагог ГУЛАГа. Макаренко и сталинизм // Труд. 1992. 17 окт.; см. также: Хилтунен В. Откройте Макаренко! // Комсомольская правда. 1987. 4 окт.).

Впрочем, атмосфера страха и ощущение неотвратимо приближающейся опасности особенно наглядно проявились в поведении Макаренко в 1938 г. по отношению к его любимому воспитаннику С.А. Калабалину, который до кратковременного ареста работал в трудколониі украинских чекистов. Поскольку прежний защитник педагога-писателя Балицкий сам был репрессирован, Макаренко посоветовал Калабалину «обратиться с письмом к т. Ежову», а затем, видимо испугавшись последствий переписки, замолчал на несколько месяцев, не реагируя ни на какие просьбы «сына» ответить хотя бы строчкой письма. Наконец, доведённый до отчаяния Калабалин с горечью вынужден был констатировать: «Итак, Вы не пишете. Объяснения в голову лезут самые жуткие. Думается мне, что Вы решили прекратить всякое общение с человеком, задержанным органами НКВД» (Хандрос Б. Всматриваясь в лица: Документально-художественные повествования. 2-е изд., доп. Киев, 1990. С. 220–222).

Исходя из того что в 1937–1938 гг. в центральной печати появились лишь три статьи Макаренко по вопросам воспитания, следует, что он не принимал активного участия в педагогических дискуссиях тех дней. Его канонизация как самого крупного педагога Советского Союза произошла, как известно, лишь после его смерти. В этой связи в 1963 г. Оскар Анвайлер задался вопросом: что бы произошло, «если бы Макаренко умер не так рано: стал бы он действительно «диктатором от педагогики» (а может, он сыграл бы в научной жизни страны такую же роль, как, к примеру, Лысенко в генетике. – Г.Х.) или не поступил бы своей совестью и среди всеобщего молчания вынужден был выступить с протестом?» Вопрос, конечно, интересный, но, пожалуй, не стоит искать на него ответ.

Макаренко и сталинизм: размышления и комментарии к дискуссионной теме /
Гётц Хиллиг // Педагогика. – 1996. – № 1. – С. 68–75.

**СТРАДАНИЯ
"УКРАИНИЗИРОВАННОГО" ЗАВКОЛА**

Деловые письма А. С. Макаренко на украинском языке (1924–1925 г.г.)

Издатель: Гётц Хиллиг

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

В настоящей книге представлены деловые письма, которые А.С. Макаренко, будучи заведующим Полтавской трудколонией им. М. Горького, адресовал местному и республиканскому руководству с июля 1924 по октябрь 1925 г.

В 1923 году декретом Совнаркома УССР был взят курс на "украинизацию" учебно-воспитательных учреждений республики, поэтому с лета 1924 г. Макаренко вынужден был вести делопроизводство колонии на украинском языке. "Для изучения языка и перехода на него" ему, руководителю одной из двух трудколоний Наркомпроса Украины, предоставили всего 13 месяцев. "Украинизация" переписки колонии им. М. Горького до сих пор не освещалась макаренковедами.

Публикуемые здесь 24 документа хранятся в госархивах Киева и Полтавы (бывшем Центральном архиве Октябрьской революции УССР и архиве Полтавской области), Издателю удалось найти данные тексты в фондах названных архивов; работа в них велась более десяти лет. Начиная с 1986 года, в СССР, а потом СНГ пять писем были опубликованы: два (№№ 1, 8) на украинском и затем на русском языке, остальные (№№ 3, 5, 7) – по-русски. Произведённая издателем сверка текстов однако показала, что при подготовке к публикации письма были стилистически обработаны и частично сокращены.

В предлагаемом издании тексты документов представлены в аутентичном виде, т.е. без всяких изменений и поправок. К ним также относятся и все произвольные ошибки Макаренко, как, например, описки, употребление русских букв вместо украинских, незаконченные слова или русскоязычное начало некоторых писем, и пр. Однако для лучшего понимания подлинники текстов были дополнены знаками препинания, которые взяты в квадратные скобки.

Кроме машинописной версии даётся факсимиле оригинала. Каждый документ приводится также на русском и немецком языках. При этом сделана попытка добиться наибольшей адекватности перевода подлиннику. Характерные для русской лексики Макаренко украинизмы как, например, "колонийский" или "хлопцы" сохраняются в русскоязычном варианте. Неточно употреблённые слова исправлены с учётом их смыслового значения. Резолюции и другие пометки адресатов на письмах, так же как и поясняющие их документы, включены в комментарии. Это предоставляет возможность точного контекстуального понимания содержания писем и, вместе с тем, даёт представление о формально-бюрократической практике органов народного образования, с которой сталкивался и заведующий полтавской колонией.

Основной целью данного издания является полное воспроизведение названных писем Макаренко и, таким образом, расширение нашего представления о его творчестве, а также анализ степени владения им украинским языком. Несмотря на небольшой объём текстов, содержащих ок. 7.200 слов, исследование такого рода является вполне обоснованным. Публикуемые источники написаны Макаренко от руки, характерным каллиграфическим почерком, только одно (№ 19) – косым (скорописью). Видимо, автор, предпочитавший, как известно, использовать машинопись, не имел в те годы в колонии машинки с украинским шрифтом.

Качество текстов показывает, что официальные письма, а, судя по ежегодным регистрационным номерам, Макаренко писал их в большом количестве – как правило, по ночам, после изматывающих дневных дел, – практически никогда не перечитывал, чем и объясняются отдельные противоречия и неисправленные ошибки. Это также свидетельствует о том, что помощи других лиц он не использовал.

Данный материал оказывается поэтому для текстологического анализа более подходящим, чем иные авторские тексты Макаренко на украинском языке. Это относится не только к украинским "стенограммам" его выступлений на русском языке, но и к публика-

циям 1925–1932 годов в украинской прессе, а также к официальным письмам 1927–1928 годов, которые он подписывал как председатель Управления детучреждений Харьковско-го округа. Их, вероятно, подготавливали или переводили и печатали сотрудники канцелярии.

Почти все публикуемые здесь письма адресованы руководству колонии: в Полтаву – в Губ- или Окрисполком и их отделы наробраза, в Харьков, в то время столицу Украины, в Главный комитет Соцвоса Наркомпроса УССР, его отдел охраны детства, а с начала 1925 г. во Всеукраинскую комиссию по делам несовершеннолетних. Одно из писем адресовано в ЦК Всеукраинского профсоюза работников просвещения, куда Макаренко обращался с просьбой о шефстве над колонией.

В текстологическом анализе принимали участие Ирене Виль (Марбург), Игорь Гунчик (Львов), Александр Фельдман (Иерусалим); в переводе документов Николай Окса и Александр Стотыка (Мелитополь), Валентина Бобрицкая и Кармия Ширяева (Полтава), Светлана Невская (Москва), Людмила Образцова (Пятигорск), Галина Хазенцаль и Зигфрид Вайтц (Марбург); в критическом просмотре рукописи данной книги – Михаил Гетманец (Харьков). Всем им я благодарен за активную помощь.

Г.Х.

Марбург, февраль 1996 г.

Страдания «украинизированного» завкола. Деловые письма А.С. Макаренко на украинском языке (1924–1925 г.г.) / Издатель: Гётц Хиллиг // Марбург: Makarenko-Referat, 1996 (Opuscula Makarenkiana, Nr. 18). – От издателя: с. V–VIII.

ПРОМЕТЕЙ МАКАРЕНКО И «ГЛАВБОГИ» ПЕДОЛИМПА:

Соколянский, Залужный, Попов

ОТ АВТОРА

«[...] я был вчера вечером на архиерейском служении в Наркомпросе. Господи, как это смешно у них всё выходит, как-то глупо напыщенно, бессодержательно, трусливо. И ни капельки достоинства. Какое-то сплошное издевательство над самой идеей науки. Пиквикский клуб». Так описывает А.С. Макаренко в письме к Г.С. Салько от 15 марта 1928 г. своё впечатление от заседания Украинского НИИ педагогики, на котором – совместно с представителями Наркомпроса и ГПУ УССР – обсуждались составленные им воспитательные программы («Операционный план», «Конституция») коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. Не считая выступления Макаренко на заседании и саркастической картины «Синефона» на Педолимпе в «Педагогической поэме», цитируемый здесь отрывок из письма являлся до недавнего прошлого, т.е. до опубликования стенограммы данного мероприятия (см.: На вершине «Олимпа». Марбург, 1991), практически единственной его характеристикой, как, впрочем, и всей деятельности центрального научно-педагогического учреждения Украины за её пределами. А это значит, что УНИИП оставался известен лишь как организация, враждебно настроенная против новатора Макаренко.

До сих пор нет объективной истории УНИИПа, хотя предпосылки для этого существуют уже несколько лет, т.е. большинство архивных фондов открыты и многие советские табу сняты. Я открыл для себя эту тему, изучая окружение Макаренко. Меня интересовал вопрос: кто были те люди, с которыми он имел дело, руководя колонией им. М. Горького? В «Педагогической поэме» имеется целый ряд образов, но убедительно ответить на вопрос, что же именно реальность, а что художественный вымысел («*Dichtung und Wahrheit*»), было невозможно до тех пор, пока не появились достоверные документальные источники.

Многочисленно исследованы биографии 28 лиц, так или иначе имевших отношение к колонии им. М. Горького (это в большинстве своём педагоги), обозначенные Макаренко в предварительных материалах к «Поэме» как «друзья» и «враги». В основу этих «портретов» положены их биографические данные из личных дел тех учреждений, где они работали.

Заседание от 14 марта 1928 г. стало кульминацией конфликта между представителями официальной педагогической науки Украины и «еретиком» Макаренко. В соответствии с этим я в своей «портретной галерее» рассматриваю кульминацию событий вокруг колонии им. М. Горького именно в мартовском мероприятии. Русскоязычный вариант книги, который в ближайшее время выйдет в свет в московской серии «Неизвестный Макаренко» (издательский центр «Витязь»), называется «Поблёкшие лица, забытые люди...».

Из представленных здесь 28 человек трое играли важную роль в УНИИПе, будучи ведущими представителями так называемой «харьковской школы педагогики», руководителями секций института. Их фамилии открывают список участников мартовского заседания, что подчёркивает их значение в иерархии УНИИПа. Речь идёт о «главбогах» Педолимпа И.А. Соколянском, А.С. Залужном и А.И. Попове. Позже, в 30-е годы, они попали в жернова сталинского террора. Однако даже сам данный факт до последнего времени оставался неизвестным. Мне удалось обнаружить сведения об этом в архивных материалах бывшего КГБ. Чтобы лучше прояснить суть обвинений, предъявленных упомянутым учёным, в настоящее издание будут включены и отрывки из протоколов двух заседаний УНИИПа (февраль 1931 г., январь 1934 г.; перевод с украинского языка – Татьяна Савченко), а также статья 54 Уголовного кодекса УССР в редакции 1927 года с изменениями и дополнениями 1934 года. Данные документы отражают сложность той ситуации, в которой находились педагоги после обвинения их в «уклонении от генеральной линии партии».

Сегодняшнему читателю упомянутые в документах 30-х годов обвинения могут показаться абсурдными. Но не страдает избытком реализма и позиция кумира новых украинских националистов на ниве педагогики Г.Г. Ващенко. В годы его пребывания в Мюнхе-

Прометей Макаренко и «главбоги» педолимпа:

не он выступал остро и против Макаренко, и против «главбогов» Педолимпа. В брошюре «Украинский ренессанс XX столетия», изданной в Торонто в 1953 году, в главе «Педагогика и психология на Украине в период 1924–1933 гг.» он пишет о Соколянском, Залужном и Попове как о «трёх лицах», которые тогда «взяли в свои руки ведущую роль в этой области». Ващенко отказывает здесь своим бывшим коллегам в какой бы то ни было научности их деятельности. Схему Залужного в исследовании детского коллектива, которую сам он, кстати, в 1925 году положил в основу своих исследований в Полтаве, Ващенко называет «механической и до крайности бессодержательной». И хотя Залужный во время украинского ренессанса регулярно публиковал книги, объём которых не меньше единственной книги-пособия Ващенко для полтавских студентов «Загальні методи виховання», в этой брошюре есть утверждение: «Какой-либо более-менее капитальной работы ни Соколянский, ни Залужный, ни Попов не выдали». Что касается первого и последнего, то он прав: книг или брошюр у них действительно нет – эти учёные ограничились написанием журнальных статей и предисловий к различным изданиями. Будучи вдали от родины, Ващенко, которого прочат сегодня в классики украинской педагогики, видимо многое забыл. Для него решающим являлось соображение, что единственным, кто писал в 20-ые – 30-ые годы книгу по педагогике на украинском языке, был... Ващенко.

Предварительная публикация портретов «главбогов» Педолимпа посвящается «наследнику» УНИИПа – институту педагогики АПН Украины, отмечающему своё 70-летие.

Г. Х.

Марбург, октябрь 1996 г.

Прометей Макаренко и «главбоги» Педолимпа: Соколянский, Залужный, Попов / Гётц Хиллиг // Марбург: Makarenko-Referat, 1997 (Opuscula Makarenkiana, Nr. 19). – От автора: с. V–VII.

**СВИДЕТЕЛЬСТВА
ИСКРЕННЕЙ
ДРУЖБЫ:**

Воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко

Издатели:

Гётц Хиллиг, Василий Марочко

ПРЕДИСЛОВИЕ

Крах политического режима в СССР позволил историкам критически взглянуть на прошлое своей страны, отбросить всякие догмы и мифы, рождённые в советский период, объективно осветить положительные и отрицательные явления этой противоречивой эпохи. Постсоветские общественные науки и особенно публицистика сосредоточились преимущественно на поиске негативных фактов, игнорируя при этом позитивные развития и очевидные достижения, которые стали возможны благодаря созидательному труду всего народа, талантливых и необыкновенных людей. К их числу, без всякого сомнения, относится и А.С. Макаренко.

Советская педагогическая наука в своё время создала достаточно канонизированный образ педагога-писателя, идеализировала и существенно исказила его оригинальную систему воспитания, а постсоветская журналистика повесила на Макаренко ярлык "сталиниста" и "педагога ГУЛАГа", вновь исказив его личность. В произведениях Макаренко, конечно, можно обнаружить и дифирамбы в адрес коммунистической партии и её вождя – Сталина, но в этом легко обвинить многих известных и до сих пор признанных деятелей науки, литературы, искусства. Все они были детьми своего времени. Для адекватной оценки их отношения к системе недостаточно публичных высказываний, необходимо также учитывать политическую обстановку, социальную среду, то окружение, в котором они пребывали, исследовать малодоступные для общественности стороны жизни: личные переживания, чувства, круг друзей, т.е. различные высказывания в беседах, дневниках и частных письмах.

Представленные в этой книге материалы открывают читателю совершенно неожиданный аспект жизни Макаренко: дружбу с жертвой политических репрессий. Речь идёт о Константине Семёновиче Кононенко – "первом друге" А.С. Макаренко в годы террора и всеобщего страха.

Пути Макаренко и Кононенко сошлись весной 1932 года в коммуне им. Дзержинского, которая тогда же из воспитательного учреждения была реорганизована в своеобразный комплекс предприятий. Макаренко, в марте 1932 г. уходя в отпуск "завкоммуной", возвратился в конце апреля лишь на должность начальника педагогической части. Инициатива реорганизации коммуны исходила от основателя и шефа этого учреждения – ГПУ УССР. Финансовую часть возглавил тогда же Кононенко, которого, как и других "спецов", осуждённых в 1930 году, использовали для строительства промышленных объектов в коммуне. Все они подчинялись "начальнику коммуны" из рядов чекистов.

Кононенко! Кто он, этот неизвестный макаренковедам человек? В советских биографических справочниках о нём нет никакой информации. Некоторые сведения о его жизнедеятельности содержатся в украиноязычном эмигрантском издании "Енциклопедія Українознавства" (т.3. – Париж-Нью-Йорк, 1959). Там можно прочесть следующее: "Кононенко Константин (*1889) – економіст і суспільно-політичний діяч родом з Слобожанщини. Член Української Центральної ради від російських соціалдемократів (меншовиків), 1919–1920 – директор Харківського союзу сільськогосподарських кооперативів, 1921–1924 – завідувач відділу Народного комісаріату земельних справ УССР, 1924–1930 – директор Всеукраїнського сільськогосподарського банку і референт Держплану. На еміграції з 1943, з 1951 в ЗДА. Автор низки статей і розвілок на економічні теми; важливіші праці: "Сільське господарство Лісостепу і Полісся України" (колективна праця, 1924), "Аграрна політика большевиків" (під псевд. Н. Олешко, 1947)", "Ukraine and Russia, a history of the economic relations between Ukraine and Russia 1654–1917" (1958)". В этих сведениях много ошибок в датах, а факты жизни Кононенко в 30-е годы полностью отсутствуют. На основе докумен-

тов из частных и государственных архивов удалось более подробно и точно восстановить биографию этой неординарной личности.

К.С.К. родился 12 июня 1889 г. в уездном городке Рыльск Курской губернии. Его отец – государственный чиновник, мать – домохозяйка. У них, кроме Константина, было ещё шестеро детей, но двое из них умерли ещё младенцами. Все четверо сыновей стали членами РСДРП (меньшевиков). В 30-е годы они, а также сестра, были репрессированы.

Будучи учеником классической гимназии, К.С.К. пристал к местной организации меньшевиков (1905 г.). По окончании гимназии (1909 г.) стал студентом медицинского факультета Харьковского университета, но вскоре оставил учёбу из-за отсутствия материальных средств. Возобновил её в 1912 году, но уже на агрономическом отделении естественного факультета того же вуза, который он окончил в 1916 году. Затем был мобилизован в армию, но вместо отправки на фронт его сослали в Царицын в составе штрафного батальона, отказавшегося воевать.

В начале 1917 года, после освобождения из ссылки, К.С.К. оказался в Киеве, где был зачислен инструктором в школу прапорщиков при Киевском военном округе. В этом же году он женился на Елене Фёдоровне Трофимовской (дочь офицера), с которой познакомился ещё в Харькове, где она училась на юридическом факультете университета. В 1918 году у них родился единственный ребёнок Олег.

Февральская революция, легализовавшая деятельность политических партий, создала условия для демократизации общественной жизни. На Украине возникла Центральная рада (парламент), членом которой стал и К.С.К. Летом 1917 года его избрали гласным городской думы, где он возглавлял украинскую подкомиссию по вопросам народного образования. 9 января 1918 г., как известно, Центральная рада провозгласила Украину независимым государством, что вызвало гнев у большевиков. Накануне штурма г. Киева красногвардейскими отрядами (26 января 1918 г.) К.С.К. тайно переехал в Харьков, прекратив свою политическую деятельность, выйдя из состава РСДРП (меньш.). В конце гражданской войны он работал в кооперативных организациях, занимался научно-педагогической деятельностью в Харьковском институте народного хозяйства, Зооветеринарном институте, Дергачевском зооветеринарном техникуме.

В 1920-е гг. в Харькове, который был столицей Украины, К.С.К. возглавлял различные хозяйственные ведомства в системе Наркомзема и Наркомфина УССР. Так в декабре 1920 года он стал руководителем подотдела обобществления отдела сельского хозяйства Наркомзема. По его инициативе в 1920 году возникло Всеукраинское агрономическое общество, просуществовавшее до 1925 года. Он был организатором Всеукраинского союза сельскохозяйственных товариществ ("Сільський Господар"), содействовал становлению Всеукраинского кооперативного банка. К.С.К. являлся членом Всеукраинского кооперативного совета (Вукорада), в состав которого входил также известный большевик В.П. Затонский. В январе 1926 года К.С.К. зачислили сотрудником ревизионной комиссии Украинского сельскохозяйственного банка, а ровно через год избрали членом правления. Эту должность он занимал в течение трёх лет – до ареста.

Осенью 1929 года руководство Укрсельбанка получило тайную директиву о чистке аппарата управления от "чуждого и вредного элемента". Ещё раньше ЦК КП(б)У поручил ГПУ УССР подготовку показательных процессов по делу о так называемой "Мужицкой партии". В декабре 1929 года К.С.К. ушёл в отпуск, но 20 января 1930 г. был арестован. Его обвинили в том, что он являлся "контрреволюционным агентом мирового капитала и внутренней буржуазии-кулачества", который, якобы, стремился восстановить капиталистический строй и буржуазно-демократическую республику. В следственном изоляторе, среди других, его допрашивал начальник второго отдела экономического управления ГПУ УССР – А.О. Броневой (впоследствии он станет председателем правления коммуны им. Дзержинского).

Судебное заседание состоялось 1 июня 1930 г. в Харькове. По делу о так называемой "Контрреволюционной вредительской организации в сельском хозяйстве УССР" проходили 29 человек. Их обвинили в антисоветской деятельности и саботаже коллективизации сельского хозяйства. Решением чрезвычайной сессии Верховного суда УССР они были приговорены к срокам от 3 до 10 лет, а К.С.К. к 8 годам лишения свободы. Но вместо тюремного заключения его направили отбывать срок в трудовую коммуну ГПУ УССР

им. Балицкого в с. Ладын возле г. Прилуки. Здесь он работал экономистом планового отдела, конечно же, под присмотром чекистов.

17 октября 1931 г. К.С.К. обратился в Верховный суд УССР с просьбой о пересмотре его дела, ссылаясь на ухудшение здоровья. Его заявление отправили в ГПУ А.О. Броневою, а тот 26 января 1932 г. обратился к заместителю председателя ГПУ УССР – К.М. Карлсону. Чекисты пересмотрели материалы судебного процесса 1 июня 1930 г. и решили использовать осуждённых в различных предприятиях и учреждениях их системы. Ещё в ноябре 1931 года К.С.К. позволили читать лекции по химии в ФЗУ Прилукской трудкоммуну.

В коммуну им. Дзержинского К.С.К. поступил на работу в марте 1932 года. Есть все основания полагать, что его направил туда всё тот же Броневою. Именно здесь состоялась первая встреча К.С.К. с А.С.М. В течение трёх лет они совместно работали в коммуне, где и стали друзьями. Гуманизм педагога-писателя проявился в том, что при его содействии был зачислен учеником рабфака "Дзержинки" сын репрессированного – Олег, благодаря чему у него появился шанс стать студентом университета.

Работая все эти годы в коммуне, К.С.К. находился под негласным надзором ГПУ, но 7 января 1935 г. по решению секретариата ВУЦИКа получил амнистию. Летом того же года А.С.М. перевели в Отдел трудколоний НКВД УССР в Киев, ставшим снова в январе 1934 года столицей.

Обстоятельства сложились таким образом, что и К.С.К. оказался в Киеве. Дело в том, что в марте 1936 года Броневою был назначен вторым заместителем Наркомздрава УССР. Он назначил К.С.К. на должность заведующего сельскохозяйственным сектором Управления вспомогательных предприятий Народного комиссариата охраны здоровья.

В марте 1937 года пути друзей вновь разошлись: А.С.М., как известно, переехал в Москву, а К.С.К. возвратился в Харьков. Ему поручалась проверка сельскохозяйственных предприятий, психбольниц, научно-исследовательских институтов и других медучреждений в системе наркомата, которые находились в Харьковской области. С 1 апреля 1937 г. он работал в должности агронома-консультанта в Стрелечанской лечебно-трудовой колонии при Центральном психоневрологическом институте, но в конце августа того же года уволен в связи с ликвидацией этой должности. Через месяц его бывший шеф и "покровитель" Броневою также стал безработным, а в апреле 1938 года был арестован.

В этот период К.С.К. устроиться на работу по специальности не мог. С 1938 по 1941 гг. ему приходилось работать в разных учреждениях: заведующим учебной частью железнодорожной школы, лектором в Харьковском фармацевтическом институте; преподавателем на курсах помощников провизоров, руководителем учебной части этих курсов; учителем химии в 1-ой медицинской школе медсестёр в Харькове, заведующим учебной частью данного учреждения. За "хорошо поставленную работу школы" ему вынесли даже благодарность с занесением в трудовую книжку. Его последней работой под советской властью была должность временно исполняющего обязанности директора 1-ой харьковской школы медсестёр при 1-ой Совбольнице г. Харькова (сентябрь 1941 г.).

В период оккупации Украины К.С.К. служил в земельной управе заместителем Харьковского областного управления МТС. Зимой 1943 года по приглашению его давнего приятеля, известного генетика М.А. Ветухова, он переехал в Киев, где был зачислен на должность директора исследовательского института сельскохозяйственной механизации при главном управлении МТС. В сентябре 1943 года К.С.К. с семьёй переехал в Винницу, а затем в Германию. После войны они жили в Американской оккупационной зоне. Некоторое время К.С.К. преподавал в украинской гимназии в земле Хессен, где находился до 1947 года.

В Мюнхене он занимался научной работой, принимал активное участие в различных мероприятиях пропагандистских центров украинской политической эмиграции. Здесь публикует книгу "Аграрна політика большевиків. (Спроба історичного аналізу)" (1947 г.), а также множество статей по проблемам социально-экономического развития СССР. Большинство этих публикаций выходили под псевдонимом Н. Олещко. В течение 1949–1951 гг. возглавлял редакцию еженедельника – "Український самостійник". В 1951 году К.С.К. вместе с семьёй переехал в США, где они жили под Нью-Йорком (г. Бунтон, штат Нью-Джерси). Здесь он продолжал научно-пропагандистскую деятельность, сотрудничал с издательско-исследовательской ассоциацией "Пролог" и опубликовал книгу "Ukraine and

Russia" (1958 г.). К.С.К. умер 28 августа 1964 г. в г. Бунтон, а уже после смерти вышла из печати его фундаментальная книга – "Україна і Росія. Соціально-економічні підстави національної ідеї" (Мюнхен, 1965).

После смерти педагога-писателя (1 апреля 1939 г.) К.С.К. активно помогал вдове А.С.М. Галине Стахивне в пропаганде творческого наследия его друга. Он участвовал в выявлении и сохранении архивных материалов для предполагаемого в Москве музея А.С. Макаренко, решении издательских и финансовых вопросов, связанных с публикацией произведений А.С.М. в СССР, а также в защите доброго имени педагога-писателя от всевозможных измышлений. Об этом свидетельствуют не только его личные воспоминания и переписка с вдовой, но и доверенности, выданные ему на получение "в издательствах и редакциях Украины литературных гонораров за печатание и издание литературных работ покойного мужа моего Антона Семёновича Макаренко". Переписка между Г.С.М. и К.С.К. продолжалась до августа 1941 года. Дальнейшая судьба агронома-финансиста и его семьи ей не была известна. Об этом свидетельствует запись в дневнике Г.С.М.: "Кто знает о Кононенко. Нужно спрашивать Калабалина, Терского, Татарина..."

Находясь в Германии и США, К.С.К. в своих публикациях никогда не упоминал о пребывании в коммуне им. Дзержинского и о личном знакомстве с А.С.М. В Баварии он узнал, что начатое им дело пропаганды наследия его друга вышло за пределы СССР, но он молчал. Известно, что в послевоенные годы в Мюнхене работал и Г.Г. Ващенко, который также знал А.С.М., развернув активную клевету против личности Макаренко и его творческого наследия. Советская педагогическая наука создала к тому времени образ педагога-новатора сталинской эпохи, а всё, что препятствовало его канонизации, Г.С.М. и её сторонники отсекали. На выпады Ващенко против А.С.М., а также на стремление московских пропагандистов приукрасить деятельность педагога-писателя, К.С.К. не отреагировал.

Воспоминания К.С.К., представленные в этом издании, относятся к периоду зима 1940 – весна 1941 гг. Все три источника разные по форме и происхождению. Два первых материала сохранились в авторском виде, а третий – "Благородне життя" – лишь как публикация в спецвыпуске органа профсоюза работников просвещения УССР "Радянська освіта" (1941, 30 марта), посвящённого второй годовщине смерти А.С.М. Содержание статьи не вызывает сомнений в её авторстве, хотя основные даты жизни педагога-писателя, очевидно, получены от вдовы. Следует отметить, что некоторые из них не соответствуют действительности.

Оригинальность данного газетного материала, кстати, до сих пор неизвестного макаренковедом, особенно выделяется, если сопоставить его с очерком о дореволюционной деятельности А.С.М. под названием "Жизнь, полная труда и исканий", написанном вдовой и опубликованном в тот же день в "Учительской газете". Используя автобиографические высказывания из художественных и публицистических произведений мужа, Г.С.М. наметила главное направление будущей биографии "выдающегося советского педагога": единственный ребёнок в семье бедного, но сознательного рабочего и т.п. В отличие от публикации вдовы, статья К.С.К. содержит информацию об относительно высоком образовании отца Макаренко (А.С.М. в своих трудах изображает его малограмотным и "противником просвещения"), о брате и сестре будущего педагога-новатора, а также о болезненном состоянии его организма, ни разу не отмеченном в советском макаренковедении. Уже на основании таких данных могли бы заключить, что автор украиноязычной публикации является близким другом А.С.М.

Необходимо обратить внимание ещё на один весьма примечательный факт: появление на страницах газеты "Соціалістична Харківщина" 19 декабря 1940 г. большой статьи Елены Кононенко ("Батькам про дітей"), которая была её своеобразным откликом на опубликованный в Москве цикл радиопередач А.С.М. для родителей, подготовленных к изданию его вдовой. Это обстоятельство также свидетельствует о близких взаимоотношениях семей Кононенко и Макаренко.

Текст воспоминаний "Забыть его нельзя" был написан, как следует из переписки, в начале февраля 1940 гг. (в течение двух недель) для "Альманаха", основанного в своё время А.М. Горьким. Известно, что именно в этом издании появилась не только "Педагогическая поэма" (1933–1935 гг.), а также статья "Максим Горький в моей жизни" (1936 г.). Выпуск "Альманаха", посвящённый педагогу-писателю, по неизвестным причинам не со-

стоялся. Материалы к нему Г.С.М. редактировала по своему вкусу и усмотрению. С особым вниманием и усердием она редактировала воспоминания К.С.К. Но при этом необходимо отметить, что автор сам в одном из его писем относительно рукописи статьи дал особое разрешение Г.С.М. "делать с ней, что найдёшь нужным", в том числе и сократить слишком "интимные" места. Данное поручение она, однако, расценила как предоставленное ей право свободного редактирования разных текстов в связи с наследием мужа. Приобретённый ею опыт она использовала в том же 1940 году при сокращении двух стенограмм выступлений А.С.М. для сборника Харьковского городского института усовершенствования учителей. Впрочем, последствия этой "творческой" деятельности до сих пор ещё не исправлены.

Хорошее представление об интенсивной работе Г.С.М. над текстом воспоминаний К.С.К. дают остатки копии данного материала, попавшие каким-то образом в ту часть наследия А.С.М., которая была передана после смерти вдовы (1962 г.) в макаренковский фонд ЦГАЛИ СССР (теперь – РГАЛИ). Речь идёт о почти трети объёма текста.

Оригинал авторского варианта воспоминаний, включён в это издание, лаборатория "Макаренко-реферат" получила в 1982 году от внучки Г.С.М. – Т.Л. Лебедевой. Две страницы, которые в данном экземпляре отсутствуют, удалось восстановить на основании отредактированного Г.С.М. варианта – кроме трёх мест, отмеченных в настоящем издании многоточиями "[...]".

Анализ правок Г.С.М., наиболее содержательные из которых включены в комментарии данной книги, свидетельствует о тенденциозности их автора. Она изъясла те высказывания, которые считала малоприятными для формирования образа "классика советской педагогики", а также стремилась показать своё место в творчестве мужа. В этой связи появились новые фразы в тексте К.С.К. от имени автора, например: "В характере Антона Семёновича была черта, которую я называю застенчивостью, хотя это было, конечно, гораздо сложнее". Высказывания К.С.К. о том, что именно ему А.С.М. впервые прочёл отдельные главы третьей части "Педагогической поэмы", Г.С.М. изменила в такой редакции: "Я хорошо знал, что первым читателем и критиком его произведений была Галина Стахивевна. Она умела это делать, избегая святое святых его творчества..." и т.д. Однако из писем к К.С.К. видно, что А.С.М. для прочтения новых глав "Поэмы" с нетерпением ждал приезда именно его, а не жены, которая в это время очень часто отдыхала в Крыму и на Кавказе. Следует, однако, помнить, что А.С.М. сам во время одного из выступлений рассказывал о том, что "бухгалтер" коммуны случайно нашёл чемодан с рукописью данного произведения и таким образом стал её первым читателем...

Второй текст – выступление К.С.К. на заседании кафедры педагогики Харьковского пединститута иностранных языков 25 ноября 1940 г. Оно содержится в стенографическом отчёте всего заседания, экземпляр которого – с авторскими правками доклада К.С.К. и его подписью – хранится в макаренковском фонде РГАЛИ. Планировалось, как уже отмечалось, издание юбилейного сборника в Харькове, но и этот проект не был реализован.

Некоторые факты, изложенные К.С.К. в выступлении, известны читателю по воспоминаниям "Забыть его нельзя", но вместе с тем текст выступления содержит дополнительные сведения и оценки, которые представляют интерес для макаренковедов. В стенографический отчёт включены и анкеты докладчиков этого заседания. В разделе анкеты "Укажите место и годы совместной жизни с А.С.", К.С.К. написал: "В Коммуне им. Дзержинского с 1932 по 35, в Киеве с 36–37, после переезда в Москву периодические встречи и переписка". На вопрос – "Отражена ли Ваша работа в лит. произведениях А.С. – в каких, в каком образе", он ответил: "В "Книге для родителей" образ Кетова".

Важным источником, повествующим об отношениях между А.С.М. и К.С.К., безусловно, является их переписка. Автор воспоминаний обильно цитирует письма его "Антонна", но из них сохранились только три. В макаренковском фонде РГАЛИ также имеется четыре письма К.С.К. к А.С.М., а кроме того телеграммы и некоторые письма семьи Кононенко к вдове. Весь этот эпистолярный материал, за исключением двух писем А.С.М., которые достаточно цитированы автором воспоминаний, подан в качестве дополнения к настоящему изданию.

В версии воспоминаний К.С.К., подготовленной Г.С.М. к печати, почти все цитаты из писем её мужа были вычеркнуты, а прочие письма двух друзей не обнаружены даже в той части творческого наследия А.С.М., которое стало доступным исследователям спустя

30 лет после смерти вдовы педагога-писателя. При этом речь идёт не только о письмах А.С.М. к К.С.К., которые адресат после смерти своего друга передал Г.С.М., а также семейные письма, обращённые вдове. В этой связи есть все основания утверждать, что она их уничтожила.

Марбург – Киев, октябрь 1997 г.

ЗАМЕТКИ НАБЛЮДАТЕЛЯ–УЧАСТНИКА

Предисловие мне очень понравилось. В нём содержатся факты, о которых даже мне ничего не было известно. Тем не менее, позвольте мне сделать несколько замечаний к началу Вашего текста.

Макаренко стал знаменитым педагогом и писателем после публикации «Педагогической поэмы». До этого он был малоизвестным руководителем одной из многих колоний и коммун. Он даже получил понижение по службе.

«Педагогическая поэма» не была бы напечатана, если бы не Кононенко. Прийдя в коммуны им. Дзержинского, он начал с разборки архивов, которые были в относительном беспорядке. Среди других бумаг он нашёл рукопись, которую Макаренко забросил. Кононенко принёс её домой и читал всю ночь. На следующий день он говорил, что это исключительно интересная работа. Это была книга Макаренко о педагогике, иллюстрированная примерами из жизни колонии им. Горького.

Кононенко посоветовал Макаренко сократить теоретическую часть и объединить рассказы в «Поэму». Во время работы Макаренко всегда советовался с Кононенко.

Кононенко убедил его также послать сочинение Горькому. Остальное известно.

Читая второй параграф Предисловия, можно подумать, что многие «деятели науки, литературы и искусства», как дети своего времени и окружения, поддерживали коммунизм. Это неправда. Всё население России, начиная с колхозников и кончая академиками, было против советской власти. Делалось это только из чувства самосохранения, чтобы выжить. Многие и не выжили.

Поддерживали советский строй только те, которые делали на этом карьеру, как «академик» Лысенко, охранники, «вертухаи» и сотрудники бесчисленных учреждений, созданных для сохранения власти коммунистов.

Хотя Макаренко перед смертью заставили вступить в коммунистическую партию, он был ярким антикоммунистом. Говорить об этом он мог только со своими ближайшими друзьями как Кононенко. Он знал, что его не выдадут. В противном случае сразу последовал бы донос. На доносах держалась вся советская система.

Дифирамбы Сталину и коммунизму Макаренко должен был писать, чтобы его книги печатались и чтобы ему за них платили. Ему всё время не хватало денег.

Бунтон, декабрь 1997 г.

Олег Кононенко

Свидетельства искренней дружбы. Воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко. – Издатели: Гётц Хиллиг, Василий Марочко // Марбург: Makarenko-Referat, 1997 (Opuscula Makarenkiana, Nr. 20). – Предисловие: с. VII–XVI.

Макаренко и Фадеев

1. Взаимоотношения писателей Фадеева и Макаренко до настоящего времени представляют собой белое пятно. В литературном наследии Фадеева в Российском государственном архиве литературы и искусства (быв. ЦГАЛИ СССР) не сохранилась их переписка и вообще упоминания Макаренко в дневниковых записях. И в опубликованном творчестве педагога-писателя лишь два раза (в «Книге для родителей» и «Открытом письме тов. Ф. Левину») упоминается роман «Разгром» – без указания автора и без расшифровки в комментариях, потому что это произведение в те годы уже было широко известно советским читателям. Однако есть свидетельства о взаимоотношениях двух писателей.

2. Как вспоминает В.Н. Колбановский, который в 1935 году выступил против публикации М. Бочачера «Антипедагогическая поэма», именно Фадеев поручил ему защитить в прессе Макаренко. Наиболее обширный из материалов Колбановского опубликовал журнал «Красная новь», членом редколлегии которого, официально подписывавшим журнал к печати, был Фадеев.

3. Личное знакомство двух писателей произошло, по всей вероятности, сразу же после переезда Макаренко из Киева в Москву. Такой вывод напрашивается на основании выступления Макаренко на Общественном собрании писателей 5 апреля 1937 г., где он требовал «прекрасно организованного американского учёта» работы писателей и высказал мнение, что такой «настоящий учёт, такой совершенный учёт по последнему слову техники» мог бы помогать правлению Союза советских писателей в руководстве литераторами. Кроме ответственного секретаря правления ССП В.П. Ставского оратор здесь неожиданно называет бывшего РАППовца Фадеева, который в то время ещё не занимал руководящих постов в писательском сообществе. (Это единственное упоминание фамилии его коллеги в прижизненных публикациях Макаренко.) Таким образом, в тот момент, когда другие руководители распавшейся писательской организации стали предметом ожесточённой критики, Макаренко предлагал Фадеева для ответственной работы. Примечательно, что в журнале «Октябрь», поместившем материалы совещания московских писателей, были речи только Фадеева («Учиться у жизни») и Макаренко («Больше коллективности»).

4. «Книга для родителей», вначале планировавшаяся для горьковского «Альманаха», очевидно по инициативе Фадеева, вышла в свет, начиная с июльского (1937 г.) номера, в журнале «Красная новь». Это решение было принято, так сказать, в последний момент: в июньском номере журнала в анонсе на второе полугодие 1937 г. произведение Макаренко не объявлено. В журнальном издании «Книги для родителей» автор не случайно называет «Красную новь» – «мой уважаемый шеф».

5. Фадеев в недатированном письме Ставскому, по всей вероятности в 1937 году, в связи с реорганизацией редакций литературных журналов, предлагает «выдвинуть побольше беспартийных» и рекомендует «выдвинуть в состав редколлегии людей вроде – ... Макаренко». Это единственное упоминание фамилии его коллеги в собраниях сочинений и писем Фадеева.

6. В сентябре 1937 г. Шолохов и Фадеев, первый из них во время кремлёвской аудиенции, сумели вступить перед Сталиным за Макаренко, на которого из НКВД Украины поступили бумаги как на «врага народа».

7. В декабре 1937 г. Макаренко – по всей вероятности Фадеевым – было «приказано» ехать в Тбилиси на Руставелсвский пленум правления ССП. На основании письма педагога-писателя к жене можно предположить, что Фадееву, попутчиками которого были «старик» Серафимович и Гладков, в лице Макаренко удалось найти «молодёжь», с помощью которой он укомплектовал «купейный квартет» спального вагона.

8. В марте 1938 г. на совещании писателей в ЦК ВКП(б) Фадеев во время его выступления вспомнил о том, что предложенная кандидатура беспартийного Макаренко на пост директора Гослитиздата не проходит из-за возражений Ставского, у которого, по словам Фадеева, «есть кое-какие данные, порочащие Макаренко в прошлом».

9. В 1938 году два писателя тесно сотрудничали как действительные члены бюро прозаиков ССП, в составе которого – 9 человек, избранных тайным голосованием: Мака-

ренко уже 16 ноября 1937 г., а Фадеев 25 марта 1938 г. Очевидно в связи с этим племянница педагога-писателя Олимпиада Витальевна вспоминала: «Фадеев каждый день был у нас».

10. После ликвидации издательства «Советский писатель» как кооперативной организации и передачи его Союзу писателей, 2 июня 1938 г. на заседании президиума правления ССП было утверждено новое положение об издательстве. Во главе «Советского писателя» образуется редакционный совет (из 15 человек), в который избираются Фадеев и Макаренко. Можно предполагать, что это выдвижение педагога-писателя было произведено не без содействия Фадеева.

11. Два писателя 27 июля 1938 г. выступали на заседании президиума ССП, где принимали в члены Союза Юрия Крымова, автора повести «Танкер Дербент», опубликованного в журнале «Красная новь».

12. 19 декабря 1938 г. «Красная новь» в лице Фадеева подписала договор о публикации второй, не начатой вообще части «Книги для родителей» и, таким образом, в момент, когда у Макаренко «финансы пели романсы», для него «открывались авансы».

13. После назначения Фадеева на должность секретаря президиума ССП (в середине января 1939 г.) он совместно с писателем Павленко занялся составлением списка кандидатов на награждение орденами. Как видно из переписки ССП с ЦК ВКП(б), на Макаренко, который включён в данный список, органам НКВД в то время не было известно «компрометирующих в той или иной степени материалов». 31 января издан указ Президиума Верховного Совета СССР (на следующий день опубликованный в «Правде»), которым 172 писателя награждены орденом «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы», среди них – Фадеев (орден Ленина) и Макаренко (орден Трудового Красного знамени).

14. 13 февраля 1939 г. на «творческом вечере А. Макаренко» в Московском клубе писателей выступал ряд литераторов столицы, в том числе жена Фадеева В. Герасимова и В. Колбановский, в защиту повести «Флаги на башнях» и других произведений педагога-писателя от нападков со стороны критиков.

15. Орден воодушевил Макаренко идейно-политически. 15 февраля 1939 г. он подал заявление в парторганизацию ССП с просьбой принять его «в число кандидатов в члены в ВКП(б)». Фадеев был один из рекомендовавших к поступлению в партию.

16. После смерти педагога-писателя (1 апреля 1939 г.) Фадеев входил в состав комиссии по организации похорон, стоял в почётном карауле у гроба с телом Макаренко в конференц-зале ССП и 4 апреля принимал участие в похоронах на Новодевичьем кладбище, совместно с другими писателями и бывшими воспитанниками Макаренко нёс его гроб.

17. 5 апреля 1939 г. на заседании оргкомиссии ССП под председательством Фадеева было принято решение о создании комиссии по увековечению памяти А.С. Макаренко.

18. 16 апреля «Правда» сообщила, что Фадеев определил заявку на книги советских писателей, в том числе и на «Педагогическую поэму» в количестве 403.000 экземпляров.

19. По содействию Фадеева «Архив А.С. Макаренко», которым заведовала вдова педагога-писателя, осенью 1941 г. во время Великой Отечественной войны (эвакуация столицы) был перевезён сначала в Куйбышев, а затем в Свердловск. Фадеев тогда же, как известно, работал корреспондентом на фронтах. После Великой Победы архив и вдова теперь уже канонизированного «выдающегося советского педагога» воодушевлённые и окрылённые вернулись домой, где их с нетерпением ждал «Великий вождь всех народов и всех времён», служивший образцом мужества и героизма и непокинувший свой боевой кремлёвский пост.

20. В конечном итоге можно сказать: Фадеев для Макаренко и сохранения его наследия был очень значительной фигурой.

Марбург, 17 июля 1998 г.

Макаренко и Фадеев / [Гётц Хиллиг] // Nemzetközi Makarenko Fórum '98: A.Sz. Makarenko hagyatéka és az embernevelés kérdései a XX. század fordulóján. Budapest – Fót, 1998. október 8–10. [ч. II] – С. 23–26.

МАКАРЕНКО В ГОД «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»

Предисловие

Настоящее исследование известного учёного-макаренковеда Гётца Хиллига посвящено жизни и деятельности А.С. Макаренко в печально знаменитом 1937 году. Это был год, когда, отдав более тридцати лет педагогической деятельности, Макаренко решил сделать резкий поворот в своей жизни, стать писателем-профессионалом. Становление его на новом поприще происходило в условиях жесточайшего политического террора, когда подверглись репрессиям сотни и тысячи представителей творческой интеллигенции. Какой-либо „сомнительный“ факт биографии, неосторожно сказанное слово, проживание родственников за границей, вздорный донос недоброжелателя могли стать поводом для ареста, суда и расстрела. Макаренко, который в силу своей натуры борца вёл постоянную войну с консерваторами в педагогической науке и чиновниками от просвещения, имел немало личных врагов. К тому же его родной брат Виталий, в годы гражданской войны воевавший против советской власти, проживал в эмиграции. Накануне отъезда в Москву на Макаренко поступил донос одного из сотрудников коммуны им. Дзержинского, на котором высокий чин НКВД Украины написал резолюцию: „Я не верю ему ни на копейку. Это враг“. Как смог выжить Макаренко в этих экстремальных условиях, – на этот вопрос попытался ответить автор настоящей работы.

Последние годы жизни педагога-писателя довольно основательно освещены в книге А.А. Фролова «А.С. Макаренко: московский период творчества (1937–1939 гг.). Хроника дел и мыслей», вышедшей в 1997 году в Нижнем Новгороде. Однако она представляет собой именно хронику, подборку документальных материалов, содержащих сведения о событиях, фактах личной жизни и творчества педагога-писателя. Г. Хиллиг же не только приводит факты, но на их основе анализирует внутреннее состояние Макаренко, проясняет психологические мотивы его деятельности как писателя, публициста, критика.

Г. Хиллиг, работающий в течении тридцати пяти лет в области макаренковедения, является одним из самых эрудированных специалистов, скрупулёзно изучившим научное наследие педагога-писателя, архивные документы, советскую периодику тех лет. Это позволило ему реалистически осмыслить политическую обстановку в стране, ситуацию в педагогической науке и в литературе, глубоко проникнуть в смысл событий и фактов жизни Макаренко в 1937 году. 19 небольших глав книги – это 19 эпизодов его биографии, которые освещаются на основе документов строго объективно, без какой-либо идеализации личности педагога-писателя. Так, без попытки оправдания оценивается неблагоприятная деятельность Макаренко-рецензента, который в духе времени фактически выносил политические приговоры произведениям. После его рецензии под красноречивым названием «Вредная повесть» молодая писательница Н. Гирей подверглась преследованию, и судьба её как литератора была предreshена. В то же время Г. Хиллиг справедливо подчёркивает, что подобные рецензии были только в 1937 году, а в дальнейшем тональность их изменилась, стала более доброжелательной, без политического подтекста. С добрым юмором говорит автор о странных рекомендациях Макаренко касательно реорганизации писательского труда, – создании „зарегистрированных писательских бригад“.

Вокруг личности Макаренко и его биографии накопилось немало мифов, особенно в мемуарной литературе. Г. Хиллиг осторожно обращается с сомнительными сведениями, подвергая их документальной перепроверке и оценке с позиций здравого смысла. Так, с лёгкой руки Р.А. Ковнатор в биографии Макаренко появился „факт“ одобрения им рокового запрета педологии (в 1936 г.). Тщательно изучив дневниковые записи педагога-писателя, свидетельства очевидцев и другие материалы, автор делает убедительный вывод, что высказывание Ковнатор, достоверность которого макаренковедами до сих пор не подвергалась сомнению, следует отнести к области мифов. Таким же образом Г. Хиллиг исследовал достоверность „факта“ о приёме педагога-писателя Сталиным, введённого в макаренковедческую литературу К. Безрук.

В работе есть немало новых сведений, небольших открытий, интересных размышлений, которые обогащают наши представления о деятельности и личности выдающегося

педагога. Нельзя не отметить как достоинство данной книги и вообще всех работ Г. Хиллига сочетание глубокой научности и простоты стиля, оригинальности мысли и звучности слова. Нет сомнения в том, что настоящее исследование вызовет большой интерес не только у специалистов, но и у рядовых читателей.

М.Ф. Гетманец

Профессор Харьковского пед. университета

МАКАРЕНКО В ГОД «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»

„Пояс ночи шагает по стране...”
(Из записной книжки А.С. Макаренко,
начало 1938 г.)

В последние годы стало модным вскрывать негативные факты в биографиях многих известных представителей советской творческой интеллигенции. Не избежал этой участи и А.С. Макаренко. Ю.П. Азаров, один из бывших поклонников его педагогического наследия, называл Макаренко „сталинистом”, „педагогом ГУЛага”. В России и на Украине против этого выступали многие учёные-педагоги, а также бывшие воспитанники Макаренко. Об этом сообщалось в дискуссионных материалах Н.В. Абашкиной, М.Я. Антонца, В.Г. Бейлинсона, Я.И. Бурлаки, И. Ветрова, Е.Н. Вольского, Ю. Дмитриенко, И.А. Зязюна, С.Г. Карпенчук, В.В. Кумарина, Ю. Львовой, В.И. Малинина, В.Ф. Моргуна, Б.Н. Наумова, А. Новикова, Н.Н. Оксы, Г. Паперной, Ю.Д. Руденко, И. Славковой, П. Соколова, С.Ф. Сухорского, С. Титовича, Н.Д. Ярмаченко и др., вызвавших жаркие споры среди педагогической общественности, хотя, собственно говоря, нового в них почти ничего не было: ни основательных аргументов, ни доказательств, а повторялись лишь тривиальные истины, не позволявшие сделать принципиальные, обоснованные выводы.

Ключом к научной разработке данного вопроса может послужить анализ жизни и деятельности Макаренко в печально известный 1937 год – год «большого террора», когда он, проработав около десяти лет среди чекистов, переехал из Киева в Москву, в мир большой литературы, о чём мечтал с юности. Это стало не только знаменательным, но и противоречивым событием в его биографии.

Данная работа – попытка не только подробного исследования одного из периодов жизни и деятельности Макаренко, но также и освещения советского общества и быта во времена сталинизма. В ней использованы некоторые, уже введенные в научный оборот источники, в целом же она в первую очередь базируется на совсем недавно обнаруженных материалах и фактах.

Наиболее яркими страницами жизни Макаренко в 1937 году были, по-моему, следующие:

1. Тяжелый „исход” из среды чекистов

Самый тяжёлый и страшный в жизни советского народа 1937 год начался для Макаренко относительно спокойно. Тогда он ещё работал в Броварах под Киевом, где, как свидетельствует его жена Галина Стахивна¹, временно исполнял обязанности начальника трудколони № 6 НКВД Украины. Видимо, именно поэтому, в отличие от первого московского показательного процесса – против «троцкистско-зиновьевского террористического центра» (Зиновьев, Каменев и др.; август 1936 г.), ему удивительным образом удалось „выпасть” из поля зрения общественности именно тогда, когда писатели должны были один за другим демонстрировать свою преданность вождю и новому курсу партии, выступать с разоблачительными речами в связи со вторым процессом – против «антисоветского троцкистского центра» (Пятаков, Сокольников, Радек и др.; конец января 1937 г.). Во всяком случае, в киевских и московских газетных репортажах фамилия Макаренко среди участников собраний писателей не упоминалась.

Единственным известным до сих пор высказыванием педагога-писателя о втором процессе является заметка в его записной книжке о кошмарном сне (!) жены под названием «Гадливость»: „Вечером она читает газеты о процессе и засыпает с тяжёлым чувством. Ночью она просыпается и ощущает рядом с собой в постели газеты. Она в ужасе и отвращении вскрикивает”.²

Однако месяцем позже, когда проходил февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б), решения которого предопределили „основные направления” «большого террора»,

¹ См.: письмо Г.С. Макаренко к Л.М. Салько (сын) от 15.11.1936 г. – РГАЛИ, 332-5-105, л.65.

² Записная книжка А.С. Макаренко, маш. копия (далее ссылки как на: Зап. кн.) № 8, запись № 866. – Архив лаборатории „Макаренко-реферат”.

Макаренко, теперь уже житель Москвы, считал обязательным – как „человек беспартийный” – высказать „ощущение моей связи с партией, ощущение моего гражданского и человеческого, политического и нравственного единства с ней”, которое „давно затушевало и нивелировало звучание слова «беспартийный»”. Об этом он говорил в своей статье под названием «Писатели – активные деятели советской демократии», которая была напечатана в «Литературной газете» 10 марта 1937 г.³ Статья явилась своеобразным откликом на резолюцию пленума от 27 февраля «Подготовка партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и соответствующая перестройка партийно-политической работы». В своей публикации Макаренко предложил привлечь к сотрудничеству в Союзе советских писателей также и беспартийных. Основной целью статьи была, вероятно, попытка представить себя в качестве члена руководства ССП, ведь как раз в это время врачи запретили ему заниматься какой-либо систематической деятельностью⁴. А спустя месяц мы встречаем его среди активных литераторов столицы – в центре внимания общего собрания московских писателей, которое, кроме решения творческих вопросов, должно было ответить на настоятельное требование Сталина, высказанное на февральско-мартовском пленуме: определить свою позицию по отношению к „троцкистам и другим двурушникам”.

Как стало известно из только что найденных источников, Макаренко давно пытался перебраться из Украины в Москву, чтобы полностью посвятить себя литературе. Об этих настроениях можно узнать из писем жене (которая неоднократно находилась на лечении в санаториях) с осени 1928 г., когда он оставил колонию им. М. Горького и работал в коммуне ГПУ УССР им. Ф.Э. Дзержинского.⁵ Позже он искал разные возможности для реализации заветной мечты, используя связи и влияние своего „шефа” Горького и его секретаря П.П. Крюкова – издательского работника и „по совместительству” тайного сотрудника ОГПУ-НКВД СССР. Макаренко настоятельно просил их не только похлопотать перед редакциями по поводу публикации его книг⁶, но также подыскать для него квартиру и даже место работы. Так, 28 июля 1933 г. он писал Крюкову: „... дайте мне работу в одном из Ваших издательств или нечто подобное. Мне нужно побывать среди культурных людей, среди книг, чтобы я мог восстановить своё человеческое лицо – а тут я могу просто записать”.⁷ Неожиданную службу в Киеве он воспринимал лишь как обременительную промежуточную станцию на пути в Москву.

Горький позаботился о том, чтобы Макаренко получил не только членство в Союзе советских писателей (1934 г.), но и квартиру в одном из самых престижных домов в центре города. Как видно из до сих пор неопубликованной переписки педагога-писателя и его жены с сыном, студентом московского вуза, Макаренко с большим интересом следил за строительством здания в Лаврушинском переулке, мысленно представляя устройство своей семьи в новой квартире⁸. Окончание строительства, однако, в связи с финансовыми проблемами, затягивалось⁹, и после переезда в Москву (начало февраля 1937 г.) Ма-

³ Факсим.: Макаренко А. Собрание сочинений. Марбургское издание (ссылки как на: СС), т.9. – Равенсбург 1978, с.67–68: с изменением также в: Макаренко А.С. Педагогические сочинения. – М., 1984–1986 (ссылки как на: ПС), т.7, с.19–20.

⁴ См.: письмо А.С. Макаренко к М.М. Брейслеру от 18.04. 1937 г. // Нежинский Н.П. А.С. Макаренко и педагогика школы. – Киев, 1976, с.95–96 (фамилия адресата здесь указана ошибочно „Прейслер”).

⁵ См.: письмо А.С. Макаренко к Г.С. Салько от 28.09.1928 г. // „Ты научила меня плакать...”. Переписка А.С. Макаренко с женой (1927–1939). В двух томах. Сост. и коммент. Г. Хиллига и С. Невской, т.1. – М., 1994, с.97–99 (здесь – с.97).

⁶ См. письмо А.С. Макаренко к П.П. Крюкову от 14.04. 1934 г. – Архив А.М. Горького, КК-рл 10-2-10.

⁷ Там же, 10-2-8.

⁸ См.: письма А.С. Макаренко к Л.М. Салько от 22.04. (РГАЛИ, 332-5-52, л.32), 18.05. (л.36), 16.06. (53, л.3), 22.09. (лл.4, 4 об.), 27.09. (л.7), 26.11. (лл.15–16), 04.12.1936 г. (л.20), 09.01. (л.22), 18.01.1937 г. (л.24); Г.С. Салько (Макаренко) к сыну от 16.06.1936 г. (107, л.25); сына к родителям от 03.10.1936 г. (62, л.9), сына к матери от 14.11.1936 г. (95, лл.38–40 об.).

⁹ См.: Тренёв К.А., Вишневский В., Вирта Н., Кин В. Письмо в редакцию. // „Правда”, 1937. № 11, 11.01., с.6; Сообщение Моссовета о строительстве дома „Советский писатель”. // Там же, № 35, 05.02., с.6.

каренко, как свидетельствует его племянница Олимпиада Витальевна¹⁰, пришлось несколько дней пожить у двоюродного брата жены Г.М. Васильева на Моховой, где он неоднократно останавливался, когда приезжал в столицу. Следует подчеркнуть, что спустя несколько месяцев после переезда семьи Макаренко со своими домработницами в московскую квартиру Г.М. Васильев („Глебка” — один из героев записных книжек и обширной семейной переписки Макаренко, а также запланированных прототипов персонажей его «Книги для родителей» и романа «Человек») был репрессирован.

Покинуть „любимую” для Макаренко среду чекистов, ставшую, как можно заключить из выступлений 1936 года, его „педагогической стихией”¹¹, оказалось гораздо труднее, чем он ожидал. Наверняка это было связано с тем, что начальство, в особенности нарком внутренних дел УССР В.А. Балицкий, ценил Макаренко и дорожил им.

Уже осенью 1935 г., сразу же после назначения Макаренко на должность помощника начальника Отдела трудколоний (ОТК) НКВД УССР и начальника учебно-воспитательной части того же отдела, ему представилась возможность переехать в столицу по линии данного наркомата. 27 сентября Галина Стахивна сообщает сыну о „деле, которое могло бы придвинуть наш переезд в Москву на много месяцев вперед”: „в московском союзном ОТК людей нет, и Антон был бы там очень нужен”.¹² Через год в её письмах речь идёт о том, что она „напряжённо и с волнением” ждёт „освобождения Анто-нушеньки от службы”.¹³ Так, в начале сентября 1936 г., после ареста его непосредственного начальника Л.С. Ахматова и до командировки в Харьков, Макаренко „сдал все дела, освободил свой стол и служебный кабинет и не собирается больше усаживаться за канцелярские дела”. Тогда же, по словам Галины Стахивны, „нарком так и передал, что Макаренко нельзя загружать канцелярской работой, он не должен ходить ежедневно на службу, но необходимо сохранить его, как консультанта, до организации дела”.¹⁴ Как видно из персональной карточки педагога-писателя, хранящейся в архиве МВД Украины, 17 сентября 1936 г. он был назначен старшим инспектором-консультантом учебно-воспитательной работы ОТК¹⁵, и в первых числах ноября, сразу же по возвращении из Москвы, где он встречался с читателями «Педагогической поэмы», начал работать в Броварах¹⁶. В то время Макаренко возлагал большие надежды относительно удачного „исхода” из среды чекистов на только что назначенного замнаркома К.М. Карлсона (17 октября), бывшего начальника УНКВД по Харьковской области. О предстоящей возможности бросить организационную деятельность в Броварах и вернуться в Киев он рассказывает в письме к Л.М. Салько от 4 декабря 1936 г.: „Дней через пять-шесть думаю освободиться от колонии и заняться больше литературной работой”.¹⁷

Две фототелеграммы (советский предшественник факса) педагога-писателя к жене и две заметки в записной книжке доказывают, что в марте 1937 г. ему пришлось ещё почти на две недели задержаться в Киеве. Приблизительную дату возвращения на Украину возможно установить на основании договоров Макаренко об отдельном издании «Книги для родителей» с Гослитиздатом в Москве (9 марта) и киевским издательством «Держлітвидав» о её публикации в „авторизованном переводе с русского” на украинский язык (15 марта)¹⁸. Наряду с увольнением со службы в НКВД надо было решить в Киеве и вопросы финансового расчёта с места работы, которыми занимался новый на-

¹⁰ В беседе с автором (1971 г.).

¹¹ См.: РГАЛИ, 332-4-188, лл.34–38; Москва, октябрь 1936 г. Издание протоколов двух встреч А.С. Макаренко с читателями „Педагогической поэмы”. Сост., автор текстолог. примеч. и комм.: Г. Хиллиг. — Марбург, 1987, с.41–42.

¹² РГАЛИ, 332-5-106, л.47 об.

¹³ Письмо от 02.09.1936 г. — РГАЛИ, 332-5-107, л.37.

¹⁴ Письмо от 06.09.1936 г. — Там же, л.42 об.

¹⁵ Персональная карточка № 10414: Макаренко Антон Семёнович. — Архив МВД Украины.

¹⁶ См.: протокол мероприятия в Московском областном педагогическом институте (27.10.1936 г.): «Послезавтра он (Макаренко — Г.Х.) опять едет в Киев и будет руководить новой колонией НКВД, где придётся столкнуться со множеством практических вопросов». // Москва, октябрь 1936 г. (см. прим.11), с.67.

¹⁷ РГАЛИ, 332-5-53, л.20.

¹⁸ РГАЛИ, 332-1-49, лл.10, 11; см. также: „Ты научила меня плакать...” (см. прим.5), т.2. — М., 1995, с.225. — Украинский перевод «Книги для родителей» вышел лишь весной 1940 г.

чальник ОТК С.Ф. Пинкус. Так, 16 марта Макаренко пишет жене из столицы Украины: „Есть солидные надежды, что меня отпустят. Сегодня вечером буду у К.М. (Карлсон – Г.Х.). Как-будто никто не возражает. ... Если всё будет благополучно, выеду 18–20-го”.¹⁹

После встречи с замнаркомом Макаренко в записной книжке отмечает: „... у К.М. просидел вечер. Он ещё меня не отпустил, но обещал сказать слово у В.А. (Балицкий – Г.Х.). Как будто трудно меня уволить. А между тем, Пинкус на мой вопрос, получу ли я зарплату после 20 февраля, говорит, что меня в штате нет, что платить нечем. А сегодня уже 20 марта. А кроме того, П. просит составить ему большой отчёт в Москву. Как это всё так совмещается? А ведь В.А. может ещё меня не отпустить?”²⁰

Затягивание дела просматривается и в следующей записи: „Десятый день ожидаю решения. К.М. до сих пор ничего не доложил и вообще со мной не спешат. Пинкус все эти дни обращался со мной хамовато, отмахивался руками, и когда я заходил, – говорил:

– Простите, мы здесь кончим...”²¹

Во второй фототелеграмме (24 марта) Макаренко сообщает жене о предстоящем успехе своего предприятия: „Все принципиально согласились меня отпустить. Оформление ожидать не буду, но билет достал только на завтра и то по счастливой случайности. Попытаюсь обменять на сегодня, но надежды мало”.²² Наконец, 9 апреля – в это время Макаренко вновь был в Москве – последовал приказ Балицкого „об объявлении ему благодарности”.²³

Ещё в первой фототелеграмме из Киева Макаренко писал: „... случайно начал копать материалы для романа «Чекисты». Думаю по этому вопросу побывать у В.А., говорят, он интересуется этим”.²⁴ Состоялась ли тогда встреча между двумя уважающими друг друга людьми, Макаренко и Балицким, – вопрос остаётся открытым. Написать такую книгу педагогу-писателю, как известно, в октябре 1935 г. порекомендовал Горький, у которого – на основании его личных связей с Г.Г. Ягодой – тоже были хорошие знакомые среди «наркомвнудельцев». Однако педагогу-писателю не пришлось разрабатывать эту тему дальше, т.к. через несколько месяцев не только нарком, но и всё его окружение, о котором Макаренко, по всей вероятности, собирался написать, в том числе Карлсон и Пинкус, были арестованы...

Кстати, писать книги и пьесы о чекистах в 30-х годах было не редким явлением. И это также относится к сомнительным для современного читателя связям отдельных писателей с палачами народа; „пары” Горький-Ягода и Макаренко-Балицкий не были исключением. Так, в работе В. Шенталинского о судьбах репрессированных советских писателей можно прочесть: „Что тянуло Бабея в дом Ежова, куда он летел, как бабочка на огонь? Прежде всего профессиональный интерес писателя. Известно, что он долгое время работал над книгой о ЧК: собирал материалы, беседовал с видными чекистами, рассказы их слушал с жадностью, что-то заносил в свою записную книжку. Ходили даже слухи, что его «роман о ЧК» был отпечатан в нескольких экземплярах для Сталина и членов Политбюро и не получил одобрения. Скорее всего это легенда, но не случайная, нет дыма без огня”²⁵. Однако это всё не избавило И. Бабея от ареста и расстрела.

2. „Бесславное начало” карьеры профессионального писателя

Выступление Макаренко на общемосковском собрании писателей (2–5 апреля 1937 г.) известно лишь из обработанной для печати стенограммы доклада «Больше коллективности», появившейся в майском номере журнала «Октябрь» (ответственный редактор Ф. Панфёров). Протокол данной встречи литераторов до сих пор не обнаружен, хотя «Литературная газета» сразу же проинформировала читателей о ходе собрания, опубликовав обширные выдержки из речей писателей. В одном из номеров газеты сообщалось,

¹⁹ 19 „Ты научила меня плакать...” (см. прим.5), т.2, с.225.

²⁰ 20 Зап. кн. № 8, запись № 899.

²¹ 21 Там же, № 900.

²² 22 „Ты научила меня плакать...” т.2, с.226.

²³ 23 См.: Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. Изд.2-е. – Ленинград, 1961, с.116 (фамилия наркома здесь не названа).

²⁴ 24 „Ты научила меня плакать...” т.2, с.225.

²⁵ Шенталинский В. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. – М., 1995, с.68.

что он брал слово 5 апреля в рамках прений по докладу В.П. Ставского²⁶, наиболее активного из трёх ответственных секретарей правления ССП.

Сообщение Макаренко было воспринято слушателями с большим интересом. Об этом свидетельствуют и воспоминания его соседа по дому В. Финка, который в юмористическом тоне пишет о дебюте педагога-писателя в столице: „Собрание было многолюдным, шумным и тянулось несколько дней. Десятки ораторов успели подняться на трибуну. У Антона Семёновича, по-видимому, не создалось впечатления, что московские писатели – наиболее организованная, наиболее дисциплинированная и последовательно мыслящая часть советской интеллигенции. Он не без яда шутил по этому поводу, когда мы вместе возвращались домой, в Лаврушинский переулок.

И вдруг он сам попросил слова.

В зале стоял шум, публика могла и не расслышать фамилии оратора, который поднимался на трибуну, а в лицо его ещё не знали.

Макаренко чуть прокашлялся и без обиняков объявил своим глуховатым басом, что по впечатлению, какое сложилось у него за эти четыре дня, московские писатели – народ менее организованный, чем беспризорники.

Поднялся смех, кто-то даже зааплодировал. И вдруг раздаётся чей-то недовольный голос:

– Кто это?

Тон был такой: „Кто это ещё смеет так с нами разговаривать?”

Антон Семёнович назвал свою фамилию.

Тогда снова раздаётся тот же голос:

– Какой ещё Макаренко?

Вопрос был поставлен уже прямо в тоне письма запорожцев турецкому султану.

Я подумал: ну, сейчас будет история.

Но ответить Антону Семёновичу уже не пришлось. Он только собрался это сделать, как все, видимо, сами догадались. Раздался гром рукоплесканий: московские писатели приветствовали своего нового собрата”.²⁷

Согласно публикации в журнале «Октябрь», начало выступления Макаренко было немного другим: „Товарищи, я в московской организации человек новый и деталей московской писательской жизни не знаю. Вообще в писательской среде я новый человек и пришёл к вам, если так можно выразиться, из «потустороннего» мира – из мира беспризорных.

(С места. – Откуда?)

Кто читал мою книгу – тому это ясно. Моя фамилия Макаренко. (Продолжительные аплодисменты.)”²⁸

В этом сообщении, заявив о желании „остаток своей жизни посвятить писательской работе”, Макаренко сделал коллегам-литераторам анекдотичное, если не сказать абсурдное предложение – создать „зарегистрированные писательские бригады” (организоваться, очевидно, по примеру колонистов-горьковцев и коммунаров-дзержинцев) численностью в 10–20 человек, каждая из которых будет „расширенным Ильфом и Петровым” („Я бы хотел, чтобы все мои произведения и произведения моих товарищей по бригаде так бы и печатались: Бригада имени Горького, и потом маленькими буквами: Макаренко”), и строить литературный процесс на принципах промышленного производства: „Нам нужен хороший производственно-технический контроль: брак – долой, условный брак – переделывать, хорошую продукцию – печатать”.²⁹

Эту мысль он развивает в материале «Товарищеская лаборатория. О Доме советского писателя», помещённом в «Литературной газете» 26 апреля³⁰. В связи с передовой статьёй данного органа ССП от 20 апреля, в которой требовалась „радикальная перестройка ДСП в Москве, Дома им. Маяковского в Ленинграде и всех писательских клубов на основе превращения их в центры литературных споров, чтения и обсуждения новых

²⁶ 26 См.: „Литературная газета”, 1937, № 18, 06.04., с.1.

²⁷ Финк В. Литературные воспоминания. – М., 1960, с.226.

²⁸ СС, т.9, с.72–75 (здесь – с.72); в сокр. виде также в: ПС, т.7, с.20–23 (здесь – с.20).

²⁹ СС, т.9, с.74, 75; ПС, т.7, с.22, 23.

³⁰ Факсим.: СС, т.9, с.69–71; также в: ПС, т.7, с.50.52.

книг, в центры квалифицированной помощи писателям библиотечными, консультационными и справочными материалами»³¹, Макаренко выдвигает задачу: „Наш клуб должен быть прежде всего нашим производственным центром”; „такой большой, серьёзно поставленной, активно работающей лабораторией и должен сделаться наш писательский клуб”. В дневнике (9 мая) он отметит: „Вечером в ДСП отчёт и перевыборы правления. Выступал. Меня выбрали единогласно”.³² Однако это правление не было утверждено.³³

Отклики в прессе на дебют Макаренко (5 апреля) были неоднозначны. В то время, как газета «Правда» отметила, что он „произнёс запомнившуюся речь, посвящённую, главным образом, вопросу о коллективности в творческой работе писателя”³⁴, «Известия» же написали, что автор «Педагогической поэмы» „не без горечи отметил, что писатели страдают от «единоличности». Но как могут они полагать, что, не избавившись от спеси, от «одиноким гордости» и от «одиноким тоски», могут они воспитывать своих читателей, как коллективистов?»³⁵

В своём выступлении на совещании московских писателей Макаренко – как известно, большой любитель точности – кроме „производственных” мыслей, высказывал критические замечания и предложения в адрес руководства ССП: „У нас нет учёта. Мы рассчитываем на то, что все наши нужды, все наши достоинства и недостатки отражаются в душе тов. Ставского. Но может ли всё отразиться в одной душе? Конечно, нет. Нам нужен настоящий, специальный, прекрасно организованный американский учёт нашей работы, наших недостатков, наших тем, наших ошибок. Это, конечно, не бухгалтерский учёт. На таком учёте должны работать хорошие писательские кадры. Такой настоящий учёт, такой совершенный учёт по последнему слову техники должен быть в президиуме правления, чтобы тов. Ставский, тов. Фадеев или кто-нибудь другой мог в любой момент иметь точную фотографию на данный момент каждого писателя, не только его произведений, но и всей его личности”.³⁶ Упоминание фамилии бывшего РАППовца Фадеева в этом контексте неожиданно. Тогда он ещё не занимал руководящие посты в писательском сообществе. Таким образом, накануне пятилетия ликвидации Российской ассоциации пролетарских писателей³⁷, когда другие её руководители стали предметом ожесточённой критики, Макаренко предлагал Фадеева для ответственной работы.

Примечательно, что за несколько недель до этого московского „дебюта” педагога-писателя в записной книжке он резко негативно отзывался о последнем произведении своего нового „шефа” (Ставского) «Разбег»: „Какая страшная бесталанность, какая убийственная скука! По этой книжке можно только тащиться с величайшим трудом, еле вытягивая ноги из сыпучего песка однообразных лиц, словечек, ситуаций, авторского языка. Ни одного лица, хотя бы смазанного какой-либо оригинальностью, какой-нибудь остротой поворота. Диалог состоит исключительно из таких фраз:

– А, бисова душа!

– А, щоб вам трясця.

Дочитать до конца эту книгу невыносимо трудно”.³⁸

Интересно отметить, что почти в это же время Ставский на IV пленуме правления ССП включает «Педагогическую поэму» в число книг, „прочно вошедших в фонд советской литературы”. Об этом Макаренко мог прочитать в «Литературной газете» от 5 марта 1937 г.³⁹

Одной из основных задач апрельского собрания писателей была не только поддержка требования Сталина в отношении „троцкистов”, но и подготовка „овец для закла-

³¹ О перестройке литературно-общественных организаций. // „Литературная газета”, 1937, № 22, с.1.

³² РГАЛИ, 332-5-15, л.1 об.

³³ Там же.

³⁴ См.: Собрание советских писателей. // „Правда”, 1937, № 95, 06.04., с.6.

³⁵ На общемосковском собрании писателей. // „Известия”, 1937, № 83, 06.04., с.4.

³⁶ СС, т.9, с.75.

³⁷ См.: Пятилетие ликвидации РАПП. На собрании московских писателей в ДСП. // „Литературная газета”, 1937, № 22, 26.04., с.2.

³⁸ Зап. кн. № 8, запись № 881.

³⁹ IV пленум правления Союза советских писателей СССР. Работа по-новому. Из доклада тов. Ставского. // „Литературная газета”, 1937. № 12, 05.03., с.2.

ния” из своей родной литературной среды. Здесь конкретно назывались возможные кандидаты занять место „на жертвенном алтаре”. Вскоре все они, по хорошо отработанному сценарию, были подвергнуты позорному публичному шельмованию в печати и вслед за тем арестованы. И два года спустя этих тогда хорошо известных писателей уже не было в живых.

До макаренковского выступления на собрании резко критиковалась работа секции драматургов ССП. Её „фактического руководителя” В.М. Киршона упрекали в том, что он „подменял коллективное руководство своеобразным единоначалием”.⁴⁰ Макаренко, который стал свидетелем выпадов в адрес „главдраматурга” столицы со стороны И.Л. Прута, в его речи „почувствовал кулацкий запах”, а „драмсекцию” назвал „драматургическим хутором”, чем вызвал у слушателей смех и аплодисменты.⁴¹ Спустя несколько недель (в конце мая 1937 г.) педагог-писатель намёком упоминает об этом событии в письме своему харьковскому другу Константину Кононенко: „Киршона ругать не с кем”.⁴² Следует отметить, что данное письмо определённо показывает беспомощность Макаренко в ещё незнакомой ему литературной среде столицы. Так, он подчёркивает: „Без Кости никакого понятия не имею о конъюнктуре рынка, без чего органически жить не могу”. Безусловно, это было связано с тем, что после увольнения Ягоды, о котором сообщили газеты 4 апреля 1937 г.⁴³, не только Киршону, но также и многим другим литераторам, в том числе и бывшему руководителю РАППа Л.Л. Авербаху, и даже П.П. Крючкову, вменялась в вину поддержка их наркомом.

Цитировавшееся выше предложение Макаренко по поводу более эффективной деятельности руководства ССП отчасти было принято во внимание в письме замзава отделом культпросветработы ЦК ВКП(б) А.И. Ангарава от 3 мая 1937 г., адресованном секретарям ЦК „тов. Сталину И.В., тов. Кагановичу Л.М., тов. Андрееву А.А., тов. Жданову А.А., тов. Ежову Н.И.”. В этом документе из бывшего Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (теперь Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории) говорится: „Индивидуальности каждого писателя, его манеры письма, его творческого метода, волнующих его вопросов, руководство Союза писателей не знает и не изучает. И поэтому в вопросах критики того или иного писателя руководство Союза своей точки зрения не имеет: оно идёт на поводу у каждого отдельного критика, раболепствуя перед «авторитетами»”.⁴⁴

Замечания Макаренко о необходимости „регистрации” достоинств и недостатков в творчестве и личной жизни писателей были учтены также и Ставским. Он по словам зав. отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) А.Е. Никитина разработал „своеобразный циркуляр”, в котором „раздавал направо и налево авторам и книгам невежественные, политически вредные оценки”. Об этом же циркуляре Никитин информировал секретариат ЦК 28 февраля 1938 г.⁴⁵, а спустя несколько дней А.А. Андреев, требуя смещения Ставского, передал циркуляр лично Сталину.⁴⁶ Ставский, однако, ещё в течение года продолжал занимать свою должность.

⁴⁰ См.: Общественное собрание писателей. // „Литературная газета”, 1937, № 18, 06.04., с.3–4. (здесь – с.3).

⁴¹ СС, т.9. с.73.

⁴² Свидетельства искренней дружбы: воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко. Издатели: Г. Хиллиг, В. Марочко. – Марбург, 1997, с.21.

⁴³ Постановление президиума ЦИКа СССР, опубликовано, например, в газетах „Правда” и „За коммунистическое просвещение” (а не в „Известиях” и „Литературной газете”), гласит так: „Об отрешении от должности народного комиссара связи СССР Г.Г. Ягода. Ввиду обнаруженных должностных преступлений уголовного характера народного комиссара связи СССР Г.Г. Ягода, президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР постановляет: 1. Отрешить от должности народного комиссара связи Г.Г. Ягода. 2. Передать дело Г.Г. Ягода следственным органам. Москва. Кремль, 3 апреля 1937 г.”.

⁴⁴ „Литературный фронт”. История политической цензуры 1932–1946 гг. Сборник документов. Сост. Д.Л. Бабиченко. – М., 1994, с.23–25 (здесь – с.24).

⁴⁵ О положении в Союзе советских писателей. // „Счастье литературы”. Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы. Сост. Д.Л. Бабиченко. – М., 1997, с.268–273 (здесь – с.270).

⁴⁶ См. письмо А.А. Андреева И.В. Сталину (март 1938 г.). // „Счастье литературы”, с.276. В том же месяце Андреев трижды (7, 19 и 23 марта) был на приёме у Сталина; см. „Исторический архив”, 1995, № 5–6, с.9, 11, 12.

Забытый ныне Киршон, один из первых членов Союза писателей (принят на первом же заседании по приёму в ССП 13 мая 1934 г.⁴⁷), был тогда популярным драматургом, пьесы которого ставились часто и охотно. Поэтому неудивительно, что он фигурирует в списке драматургов, предложенных в феврале 1936 г. Сталину и Молотову на утверждение для участия в закрытом конкурсе на пьесу об Октябрьской революции в связи с её двадцатилетием. Вождь собственноручно включил ещё троих (Микитенко, Тренёва, Вишневского), оставив при этом фамилию Киршона.⁴⁸ Последний вместе с Авербахом, Фадеевым и другими руководителями РАППа четырежды посещал Сталина ещё в 1931–1933 гг.⁴⁹ – по всей вероятности в связи с тогдашней ликвидацией всех обществ литераторов и проектом создания Союза советских писателей.

Пьесы Киршона подолгу не сходили со сцен ведущих театров страны. В начале 30-х годов он занимал второе место (после А.Н. Афиногенова) среди 2.000 советских драматургов и композиторов по сумме заработанных гонораров (апрель 1930 – декабрь 1932 гг. 54 тыс. рублей).⁵⁰ Наибольшим успехом пользовалась его комедия «Чудесный сплав» (1933 г.), за которую на Всесоюзном конкурсе драматических произведений в апреле 1934 г. он получил высшую награду – вторую премию (первая не присуждалась). Это был тот самый конкурс, на котором и Макаренко (под псевдонимом Андрея Гальченко) отметили наградой – третьей премией с «рекомендацией к постановке» его пьесы «Мажор». Она публиковалась Гослитиздатом, но основной своей цели так и не достигла – не увидела света ramпы (и автору не удалось получить за неё гонорар), тогда как пьесы Киршона блистали в ярких прожекторах театров Союза. В одной Москве в сезоне 1934/35 года «Чудесный сплав» шёл в шести храмах Мельпомены.⁵¹

В этой комедии речь шла о создании новых промышленных материалов и формировании нового, советского человека-коллективиста. Безусловно, её успех натолкнул Макаренко на мысль написать пьесу с тем же сюжетом, местом действия которой стала коммуна им. Ф.Э. Дзержинского – «Ньютоновы кольца», не удостоившуюся ни публикации, ни постановки. Только благодаря тому, что автор в январе 1935 г. послал рукопись Горькому на рассмотрение и, вероятно, также на рекомендацию одному из московских театров, эта пьеса сохранилась в архиве великого пролетарского писателя и поэтому она нам стала известна.

Вот, пожалуй, и всё, что касается неисследованной пока темы отношений начинающего драматурга Макаренко и маститого мэтра театральной Москвы Киршона, который в начале драматургической карьеры Макаренко стал его «путеводной звездой», но был отброшен им после вступления педагога-писателя в литературное братство столицы.

„Бывший соратник троцкиста Авербаха – В. Киршон” 11 мая 1937 г. был исключён из партии⁵², 29 августа арестован, 21 апреля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в „участии в контрреволюционной террористической организации” приговорён к высшей мере наказания (ВМН) и 28 июля 1938 г. расстрелян⁵³.

3. Командировка к „величайшему сооружению сталинской эпохи”

22 апреля 1937 г. „руководящий квартет” Сталин-Молотов-Ворошилов-Ежов посетил только что законченный канал «Волга-Москва», официальное открытие которого состоялось 15 июля. Об этих высоких гостях было сообщено в печати. „Экскурсия” политических деятелей, очевидно, послужила поводом для редакции «Литгазеты» послать на канал своего корреспондента. Лучшим кандидатом для этой задачи был выбран новоявленный москвич Макаренко.

⁴⁷ См.: „Литературная газета”, 1934, № 60, с.1.

⁴⁸ См.: письмо председателя комитета по делам искусства при СНК СССР П.М. Керженцева И.В. Сталину и В.М. Молотову от 19.02.1936 г. // „Счастье литературы” (см. прим. 45), с.209–211.

⁴⁹ См.: „Исторический архив”, 1994, № 6, с.34, 42; 1995, № 2, с.144, 181.

⁵⁰ Из докладной записки замзава культпропом ЦК ВКП(б) Рабичева в ОБ ЦК ВКП(б) от 22.03.1933 г. // „Счастье литературы” (см. прим.45), с.151–154 (здесь – с.152).

⁵¹ См.: Тамашин Л.Г. Владимир Киршон. Очерк творчества. – М., 1965, с.183.

⁵² См.: В парткоме Союза писателя. Ясенский и Киршон исключены из партии. // „Литературная газета”, 1937, № 26, 15.05. с.1; Киршон и Кобельников исключены из партии. // Там же, № 28, 26.05., с.5.

⁵³ Информация общества «Мемориал»; письмо к автору от 09.11.1998.

Конечно, можно спросить, почему Союз писателей не организовал „спецэкскурсию” по каналу. Практика показа „таких великих строек” литераторам (с целью привлечения их к пропаганде сооружений сталинской эпохи) берёт своё начало в августе 1933 г., когда в числе первых „экскурсантов” на строительстве Беломор-канала побывали Горький и почти две сотни других известных и начинающих советских писателей. Результатом этой поездки стало выпущенное в следующем году помпезное издание под редакцией Горького, Авербаха и чекиста С.Г. Фирина – «Беломорско-Балтийский канал им. И.В. Сталина». Вскоре был опубликован и англоязычный вариант сборника. Продолжалась данная практика в форме экскурсии украинских писателей по „индустриализованному” Днепру в июле–августе 1935 г. Однако весной 1937 г., когда каждый день можно было рассчитывать на арест отдельных членов ССП, уже невозможно было организовать такую коллективную „прогулку”. Факт, что „Литгазета” заказала Макаренко написать статью о постройке канала, по крайней мере показывает, что он на этот период пользовался безукоризненной репутацией.

О своей поездке Макаренко поведал в зарисовке «Несколько часов на канале». Рукопись этого материала, которая хранится в ЦГАЛИ СССР (сейчас РГАЛИ) в фонде редакции «Литгазеты», содержит и некоторые строки, производящие на современного читателя отталкивающее впечатление, где автор выражает свою признательность организаторам поездки: „... я очень благодарен Вам, что Вы дали мне возможность побывать на канале в самый интересный момент. Для меня вчерашний день будет много значить. В статье, конечно, этого не напишешь, трудно написать, а для дружеской беседы можно”.⁵⁴

На канале Макаренко увидел „дело колоссального размаха и колоссального успеха, дело нескольких тысяч инженеров и целой армии строителей”, которые „это грандиозное дело” завершили в рекордно короткие сроки – всего за 4 года. Вместе с материалом Фирина статья педагога-писателя появилась в «Литературной газете» к международному празднику трудящихся 1-го Мая под общим названием «Канал Волга-Москва – величайшее сооружение сталинской эпохи». В ней Макаренко описывает всё увиденное им на канале в ярких, восторженных красках, вдохновенным стилем: „Перед вами обнажённое мясо земли, ярко-рыжие навалы глины, взъерошенные остатки рощ.

Всё это покрыто бесконечным в пространстве прибоем строительной волны”.⁵⁵ Особенно бросается в глаза, что он ни словом не обмолвился о том, кем являлись предшественники „строительной волны”. Ещё бы, ведь все они – инженеры и рабочие – были заключёнными Дмитлага. Кстати, как стало теперь известно, многие из них, умершие от непосильного, рабского труда и болезней, были погребены прямо вдоль берегов канала. Во время паводка их кости, вымытые водой, попадают на глаза пассажирам теплоходов, курсирующих по каналу.

Факт совместной публикации в газете статей педагога-писателя и начальника управления Дмитлага НКВД СССР Фирина («О чём писал Горький каналоармейцам») предположительно решает вопрос: почему редакция «Литературной газеты» командировала на строительство канала именно Макаренко? В материале чекиста речь шла не только о переписке пролетарского писателя с заключёнными-ударниками, но также о его энергичной помощи начинающим „лагерным писателям”. Воспроизведённое Фириним длинное обращение Горького к Первому вселазерному слёту ударников-тридцатипятников от 1 июня 1934 г. напоминает его известное письмо воспитанникам Куряжской колонии от 3 июня 1926 г., о значении которого свидетельствует Н. Остроменцкая. Аналогичным образом воспринимает чекист роль письма к заключённым: „После этого десятки бывших воров и бандитов говорили, что письмо Горького заставило их первые и всерьёз призадуматься над прошлой жизнью и над своим будущим. Не подлежит никакому сомнению, что обращение Алексея Максимовича сыграло для многих из этих людей огромную воспитательную роль”.

От педагога-писателя редакция «Литгазеты», очевидно, надеялась получить материал в горьковской традиции подхода к системе ГУЛага – приравнивание „перековки” взрослых уголовников и политических заключённых принудительным трудом в лагерях к перевоспитанию малолетних правонарушителей в трудоволониях. Этот подход, не вполне

⁵⁴ РГАЛИ, 634-1-533, л.2.

⁵⁵ СС, т.9, с.33–35 (здесь – с.34); см. также: ПС, т.6, с.315–317 (здесь – с.316).

понятный сегодняшним читателям, можно обнаружить не только в текстах пролетарского писателя, но также и в некоторых рецензиях на третью часть «Педагогической поэмы». Примечательно, что уже в 1934 году Горький, когда речь зашла о недавно законченной второй части этого произведения, обратил внимание Макаренко на то, что „особенно резко полемизировать по поводу Вашего метода воспитания Вам не стоит, метод этот оправдан на Б.-Б. (Беломорско-Балтийском – Г.Х.) водном пути и на Печоре – книга «Большой шанс» Канторовича, – и другие»⁵⁶ И через год Горький в письме Фирину сообщает, что он на днях прочитал третью часть «Поэмы», в ней Макаренко „отлично говорит о «чекистах», о стиле их работы и отношении к людям».⁵⁷

Причину макаренковского умолчания факта использования политических и уголовных заключённых на «великой стройке» следует, видимо, искать в аресте незадолго до этого „главного строителя” канала – тогдашнего наркома связи (бывшего наркома внутренних дел) СССР Г.Г. Ягоды.

В рукописи данной статьи есть косвенная ссылка на то, что канал является „детисцем” НКВД: „В Союзе писателей, если назначено было в шесть, значит приходиться нужно в половине восьмого. В этом есть своеобразная точность, во всяком случае, только последний простак может ошибиться и прийти ровно в шесть или в семь, за такую ошибку он и будет наказан. У чекистов какая-то другая точность, по мнению некоторых, такая точность называется «дикой». В самом деле, сказали в шесть, так уже и изменить ничего нельзя. Сказали «на час», то это значит 60 минут. А по-нашему это может означать самые разнообразные вещи: и 60 минут, и 75 минут и даже 120 минут.

У нас, конечно, возможностей гораздо больше, чем у чекистов, у них эти возможности ограничены. Сказано было окончить канал к 1 мая 1937 года, они так только и делают, а если бы нам поручили, ого! Сколько месяцев в году и сколько есть разных годов, очень большой выбор».⁵⁸ О неточности и ненадёжности писателей Макаренко ещё вспомнит в своём последнем публичном выступлении (29 марта 1939 г.), правда, уже без подчёркивания пунктуальности чекистов – качества, свойственного ему и поэтому особо ценимого в них.

4. Сложная ситуация

Арест Ягоды поставил Макаренко в трудное положение. Это было связано с тем, что восемь месяцев назад он дал положительную рецензию на книгу об учреждении для перевоспитания молодых правонарушителей – известную Болшевскую коммуну, с 1933 года носившую имя тогдашнего наркома внутренних дел СССР. Эта Первая трудкоммуна ОГПУ была организована в 1924 году недалеко от станции Болшево Северной железной дороги (27 км от Москвы). Из мастерских коммуны через некоторое время образовался производственный комплекс, состоявший из трёх фабрик – трикотажной, обувной (спортивная обувь) и коньковой. Харьковская коммуна им. Ф.Э. Дзержинского, созданная в 1927 году как Первая детская трудовая коммуна ГПУ УССР, с самого начала ориентировалась именно на этот пример. Чекист М.С. Погребинский, один из организаторов коммуны в Болшеве, стал известен и как автор двух книг о ней («Трудовая коммуна ОГПУ», М., 1928; «Фабрика людей», М., 1929). Поэтому же болшевское учреждение обычно ассоциируется с его именем.

Горький высоко оценивал деятельность Погребинского в Болшеве и других трудкоммунах ОГПУ. В очерках «По Союзу Советов» он называет его, как и Макаренко, с которым писатель после трёхлетней переписки лично познакомился в Куряже, одним из „ликвидаторов беспорядков».⁵⁹ Горький, посетивший в 1929 году Соловецкий лагерь вместе с Погребинским, характеризует его как „человека неисчерпаемой энергии и пре-

⁵⁶ 56 Письмо Горького от 14.03.1934 г. // Переписка А.С. Макаренко с М. Горьким. Академическое издание. Под ред. Г. Хиллига, при участии С.С. Невской. – Марбург, 1990, с.80; см. также (с изменением): ПС, т.1, с.257. – В тот же день, когда Горький написал это письмо к Макаренко (14.03.1934 г.), в „Литературной газете“ появилась рецензия на книгу писателя В.Я. Канторовича «Большой шанс» о строительстве Беломорско-Балтийского канала.

⁵⁷ 57 См.: Переписка..., с.182.

⁵⁸ 58 РГАЛИ, 634-1-533, лл.6–7.

⁵⁹ 59 Горький М. По Союзу Советов. // „Наши достижения”, 1929, № 2, с. 14–38 (здесь – с.21).

восходного знатока мира «социально опасных».⁶⁰ Когда Горький в октябре 1928 г. узнал об уходе Макаренко из Куряжской колонии (очевидно из письма воспитанника), он сразу обратился к Погребинскому с просьбой похлопотать за него. В ответе писателю 8 ноября 1928 г. чекист обещал, что он проверит возможности „использования“ Макаренко во вновь организуемой коммуне на Украине или в одной из действующих коммун ОГПУ или Наркомтруда РСФСР.⁶¹

Отношение Макаренко к „старшему брату“ Харьковской коммуны было предвзятым и даже завистливым. Во время летнего похода в Москву в 1929 году он вместе с дзержинцами посетил и Болшево. Об этом говорится в юбилейном сборнике „Дзержинки“ «Второе рождение» (Харьков, 1932), однако в книге Макаренко «Марш 30 года» (М., 1932), где одна из глав посвящена описанию данной поездки в столицу, о посещении Болшевской коммуны вообще не упоминается. А во фрагменте «Опыт методики работы детской трудовой колонии» (1932/33 гг.) Макаренко даже утверждает, что для организации производства коммуны им. Ф.Э. Дзержинского „не было образцов“.⁶² С другой стороны, имя Погребинского включено в один из предварительных списков персонажей «Педагогической поэмы». Там под заголовком «Сферы» перечислены 58 лиц, практически всех их Макаренко знал лично. Фамилии Погребинского и Горького (и именно в таком порядке) здесь стоят рядом.⁶³ И в 3-ей части данного произведения говорится (слова эти, правда, фигурируют только в изданиях, вышедших в 1936 году): „До нас уже доходили рассказы о болшевской коммуне, кое-что мы читали о ней и о Погребинском. Нашлись пацаны, бывшие в Болшеве. Они говорили:

– Не колония, а коммуна! Не так, как в наробразе, а сами хозяева, как у нас, честное слово!..”⁶⁴

Когда Макаренко писал эти строки, в стране отмечался десятилетний юбилей Болшевской коммуны (12 июня 1935 г.). Сравнение данного учреждения с руководимой им колонией им. М. Горького (подчеркнув, что у Погребинского поставлено дело, „как у нас“) звучит и как оправдание его собственной работы, и как признание, что достижения его так же важны, как и опыт Болшевской коммуны.

Через год вышла в свет под редакцией М. Горького (к тому времени уже покойного) книга «Болшевцы. Очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягода трудкоммуны НКВД». В предисловии Горький, повторяя свою позицию приравнивания опыта перевоспитания малолетних к „перековке“ взрослых, поставил макаренковскую «Поэму» в один ряд с другим тогда же вышедшим произведением об исправительно-трудовых лагерях, написанным И.Л. Авербах (сестрой литературного критика и супругой Ягоды) и изданным в 1936 году под редакцией прокурора СССР А.Я. Вышинского (позже главного обвинителя на московских показательных процессах), который в 1934 году уже опубликовал сборник статей на эту тему⁶⁵. Буквально Горький пишет, что „вместе с книгами А. Макаренко «Педагогическая поэма» и Иды Авербах «От преступления к труду» эта книга («Болшевцы» – Г.Х.) вносит в нашу литературу замечательный рассказ о работе „инженеров душ“, которые воспитывают тысячи людей в трудкоммунах, в концлагерях (так назывались места заключения инакомыслящих в СССР ещё до прихода к власти Гитлера в Германии – Г.Х.), в колониях беспризорных детей”.⁶⁶ К названным выше трём книгам Горький обращается также и в письме от 17 ноября 1935 г. к начинающим писателям А. Вишневскому и М. Пинчевскому по поводу написанного ими сценария фильма о правонарушителях. Здесь он рекомендует побывать в Болшевской коммуне, а также „ознакомиться с диссертацией (!) Иды Авербах, посвящённой вопросу о перевоспитании правонарушителей и «Педагогической поэмы» Антона Макаренко”⁶⁷.

⁶⁰ Там же, № 5, с.25–36 (с.30).

⁶¹ См.: Переписка..., с.161.

⁶² ПС, т.1, с.188.

⁶³ РГАЛИ, 332-4-1, л.9; опубликовано в: ПС, т.3, с.490.

⁶⁴ „Год XVIII“, альманах восьмой. – М., 1935, с.301; см. также: СС, т.5. – Штуттгарт, 1982, с.213.

⁶⁵ От тюрем к воспитательным учреждениям. Под ред. А.Я. Вышинского. – М., 1934.

⁶⁶ Болшевцы. – М., 1936, с.10.

⁶⁷ Архив А.М. Горького, ПГ-рл 8-23-1; см. также: Неизданные письма. Ч. I. Серия «Неизвестный Макаренко». Вып. 8. Сост. и автор вступ. статьи С.С. Невская. – М., 1998, с.57.

Сборник «Болшевцы» Макаренко рецензировал в «Литературной газете» 27 августа 1936 г. Ранее вышли только два отзыва: в «Известиях» 4 августа и в англоязычной газете «Moscow Daily News» 16 августа.⁶⁸

Номер «Литгазеты», в котором появилась рецензия Макаренко, был фактически весь посвящён московскому процессу 19 – 24 августа⁶⁹. Среди писателей, опубликовавших свои «отзывы» об этом, находим уже знакомых нам руководителей „литературного братства” Ставского и Киршона. Названия их статей соответствовали требованиям времени: «Сделать все практические выводы». «Повысить революционную бдительность» (Ставский), «Вы просчитались, господа!» (Киршон).

Ссылаясь на высказывания Горького о значимости деятельности Макаренко (в 1933 г.), последний в своей рецензии аналогично отзывается о работе Болшевской коммуны: „К сожалению, по причинам абсолютно странным, десятилетний педагогический опыт чекистов, блестящий опыт мирового значения, до последнего дня игнорируется педагогической литературой. Я не знаю ни одной книги, посвящённой анализу выводов из этого опыта”. Макаренко отмечает некоторые художественные недостатки книги („Можно прямо сказать: создатель болшевской коммуны тов. Погребинский в книге не показан во весь рост...”), но в заключительных словах этой самой первой из до сих пор известных рецензий педагога-писателя содержатся весьма лестные похвалы сборнику, отмечается необходимость издания его и на иностранных языках: „... сделана очень хорошая, очень важная и полезная книга. Сделано любовно, талантливо. За границей книга должна произвести ещё большее впечатление, чем у нас, в ней замечательно уверенно звучит наша философия человека, в ней хорошо показаны корни пролетарского гуманизма”.⁷⁰

Спустя месяц после публикации рецензии, которая в личном архиве Макаренко не сохранилась и, вероятно, поэтому не включена в семитомник Сочинений, Ягода был уволен с поста наркома внутренних дел СССР. После ареста этого деятеля его имя сняли из названий учреждений, в том числе и Болшевской коммуны (31 мая 1937 г.).⁷¹ Погребинский, который с августа 1933 г. работал в Нижнем Новгороде (Горьком) полномочным представителем ОГПУ⁷², 4 апреля 1937 г., будучи начальником Горьковского областного управления НКВД СССР, узнав об аресте своего земляка и бывшего „хозяина”, покончил жизнь самоубийством, сообщив в предсмертном письме, что не желает далее „соучаствовать в творимых беззакониях”.⁷³

О трудном положении Макаренко после ареста Ягоды и смерти Погребинского свидетельствуют два его высказывания. Так, 21 апреля 1937 г. во время прений по лекции «Художественная литература о воспитании безнадзорных детей» один из слушателей поинтересовался его мнением о книге «Болшевцы». Ответ был уклончивым: „Я не имел в виду говорить о ней, потому что там иные дети (по возрасту немного старше, чем в макаренковских учреждениях – Г.Х.) и совершенно другие задачи воспитания”⁷⁴. На этой же встрече на вопрос о фильме «Путёвка в жизнь», который, как известно, претендовал на прообраз Болшевской коммуны, Макаренко ответил: „«Путёвка в жизнь» – страшная вещь. ... между тем, ничего общего между «Путёвкой в жизнь» и «Педагогической поэмой» – нет”.⁷⁵ Примечательно, как составители собрания Сочинений Макаренко обращались с этим высказыванием: первую фразу вообще исключили, а вторую препарировали по идеологическим канонам отечественной педагогики 40–50-х годов: „«Путёвка в жизнь» и «Педагогическая поэма» объединяют советские принципы отношения к человеку, а методы воспитания в этих произведениях разные”.⁷⁶

⁶⁸ См.: СС, т.13, с.49.

⁶⁹ „Литературная газета”, 1936, № 46, с.2–5.

⁷⁰ Там же, с.6; факсим.: СС, т.7, с.204–207; с сокращениями и в: ПС, т.7, с.9–11.

⁷¹ Некрасов В. Генрих Ягода. // „Щит и меч”, 1989, № 1, 06.10., с.1–9 (здесь – с.8).

⁷² См.: Берельковский И.В. «Ликвидатор беспризорности» (М.С. Погребинский – Г.Х.). // „Педагогическое обозрение” (Нижний Новгород), 1995, № 1, с.95–100 (здесь – с.98–99).

⁷³ См.: Медведев Р.А. К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. Изд. 2-е. – Нью-Йорк, 1974, с.417.

⁷⁴ ИМЛИ РАН. Рукописный отдел, 114-1-2, л.26.

⁷⁵ Там же, лл.20–об.21.

⁷⁶ Макаренко А.С. Сочинения (1-е изд.). – М., 1950–1952 (ссылки как на: С), т.5, с.359; см. также: ПС, т.7, с.43. Здесь приведены аутентичные слова из стенограммы, но фальсифицированная

11 мая, после встречи лаврушинского „беспартийного актива“ у редактора отдела литературы и критики газеты «Правда» И.Г. Лежнёва, который в своей статье к пятилетию ликвидации РАППа назвал «Педагогическую поэму» одной из лучших книг новейшей советской литературы⁷⁷, Макаренко отметит в дневнике: „Лежнёв роздал темы, мне почему-то тыкнул «Болшевец», «напишите про эту кормушку». Не знаю, что буду писать”.⁷⁸

Отрицательную оценку книга о Болшевской коммуне получила в редакционной статье, появившейся в конце июля 1937 г. в журнале «Красная новь» (№ 7). В ней утверждалось, что этот сборник представляет собой „беззастенчивую рекламу Ягоде“, которую сочинили приспешники „троцкистов“ в духе кампании „вредительской деятельности по срыву и саботажу общественно-литературных начинаний, мероприятий и мыслей Горького”⁷⁹ (о котором теперь говорят, что он стал жертвой покушения). Как следствие, сборник «Болшевы», вышедший вторым изданием в том же 1936 году, был изъят из книжных магазинов и библиотек. После изнурительных и безрезультатных поисков в фондах книжных хранилищ СССР в начале 70-х годов мне удалось обнаружить его в Нью-Йоркской публичной библиотеке.

Недавно стало известно, что и Ягода написал предсмертное письмо – сразу же после его приговора к расстрелу на третьем московском процессе (13 марта 1938 г.). Там можно прочесть: „Вина моя перед родиной велика. Не искупить её в какой-либо мере. Тяжело умирать. Перед своим народом и партией стою на коленях и прошу помиловать меня, сохранив мне жизнь”.⁸⁰ Ходатайство оставили без внимания, и 15 марта 1938 г. Ягода был расстрелян.

5. Между раем и адом

В апреле–мае 1937 г. Макаренко развил бурную общественную деятельность. Так, он присутствовал на Первом Всероссийском совещании по педагогическим наукам, проходившем в Высшем коммунистическом институте просвещения с 5 по 9 апреля; по поручению Лекционного бюро Московского облсовета профсоюзов прочёл, как уже было отмечено, лекцию «Художественная литература о воспитании безнадзорных детей» в Политехническом музее (21 апреля), принимал активное участие в дискуссии по новому произведению Ф. Панфёрова «Творчество» – 4-ой книги романа о коллективизации «Бруски» – в Доме советского писателя (8 и 13 мая), прочёл доклад в пединституте им. А.С. Бубнова (10 мая), выступал в Смоленске перед студентами пединститута (17 мая) и учителями города (18 мая), читал лекцию в Доме учителя перед педагогами столицы (22 мая), встретился со студентами станкостроительного института (24 мая), участвовал в диспуте учителей Октябрьского района г. Москвы (28 мая). Кроме того, он, конечно, занимался своими литературными проектами – романами «Ворошиловцы» (о трудовой сельскохозяйственной колонии им. К.Е. Ворошилова), «Человек» (о строящемся заводе электроинструментов) и «Книгой для родителей».

Для работы над этим произведением Макаренко решил уехать в деревню: 2 июня он покинул Москву⁸¹, в Киеве встретился с друзьями Захаржевскими, вместе с которыми и семьёй провёл три недели в селе Верхняя Дубечня на Десне. По рассказам его спутниц О.В. Макаренко и Е.В. Захаржевской⁸², ему удалось тогда поработать собранно и успешно. Они вспоминали, что на даче Макаренко часами сидел под деревом и на портативной машинке печатал «Книгу для родителей». По возвращении в Москву он отметил в дневнике: „8–29 июня. Дубечня. Написал от 6 до 12 листа включительно – 7 печатных листов

версия второй фразы не изъята из текста. Поэтому читатель встречается с подлинником и фальсификацией, соединёнными запятой.

⁷⁷ Лежнёв И. О литературе и её кадрах. // „Правда”, 1937, № 112, 23.04., с.2.

⁷⁸ Дневник А.С. Макаренко (зап. кн. № 12). – РГАЛИ, 332-5-15, л.2.

⁷⁹ О троцкистско-авербаховском вредительстве в литературе. // „Красная новь”, 1937, № 7, с.229–239 (здесь – с.235).

⁸⁰ Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960. Справочник. Сост., введ. и примеч. А.И. Кокурина, Н.В. Петрова. Научный редактор Р.Г. Пихоя. – М., 1997, с.15.

⁸¹ Дневник А.С. Макаренко. – РГАЛИ, 332-5-15, л.5 об.

⁸² В беседах с автором (1992 г.).

КДР. Работалось хорошо. Никто не мешал”.⁸³ И спустя год в одном из писем на Украину он заметил: „... вспоминаю этот месяц, как очень большое счастье”.⁸⁴

В то время, когда Макаренко жил в украинской деревне, как в раю, в Москве вновь разверзается бездна ада. Идёт закрытый процесс против Тухачевского, Якира и других крупных военачальников, обвинённых в шпионаже. В день процесса (11 июня) Сталин отдал распоряжение край- и облпарткомитетам организовать митинги рабочих и крестьян с требованием приговорить обвиняемых к высшей мере наказания.⁸⁵ В тот же день в коллективном „письме” 44-х – преимущественно московских – писателей, опубликованном 15 июня в «Литературной газете», также выражалось требование немедленно расстрелять всех обвиняемых (что и было приведено в исполнение 12 июня). В подписях под этим документом – 34-ым – значится и Макаренко, которого, как свидетельствуют факты, в то время не могло быть в столице, – вдали от событий, в деревне, он страдал от „отсутствия газет”⁸⁶, и связаться с ним по телефону было также невозможно⁸⁷. Как же это тогда могла появиться подпись Макаренко?

Имеется достоверное свидетельство о том, что член правления ССП Б. Пастернак отказался поставить свою подпись под вышеупомянутым откликом писателей, однако составители письма всё же внесли его фамилию в список подписавшихся.⁸⁸ Имя Пастернака стоит на 31 месте, т.е. немного выше, чем Макаренко. Из этого можно сделать следующий, сам собой напрашивающийся вывод: отдельные фамилии были просто добавлены к этому списку – в некоторых случаях помимо (в том числе Макаренко) или даже против воли писателей (Пастернак).

Для полного понимания данного вопроса следует обратить внимание и на существовавшую в СССР порочную практику сбора подписей под открытыми письмами, где произвольное дописывание фамилий стало обычным явлением. Так, после публикации в «Литературной газете» некролога правления Союза писателей А. Малышкину (4 августа 1938 г.) Макаренко отметил в записной книжке: „Почему не поставили мою подпись под некрологом Малышкина?”⁸⁹ Как свидетельствует дарственная запись последнего в его книге «Люди из захолустья» (М., 1938) из личной библиотеки педагога-писателя, между ними были доброжелательные отношения.⁹⁰

Однако можно предположить, что будь Макаренко в Москве, он не мог бы не подписать такого „документа” как „письмо писателей”.

6. Договоры, авансы, гонорары...

Жизнь Макаренко в Москве оказалась материально очень тяжёлой и поставила его перед жёсткой необходимостью использовать любую возможность заработать деньги литературным трудом. Известно, что уже в первые недели своего пребывания в столице он заключил с редакциями различных художественных журналов и издательств несколько договоров, которые тяжёлым грузом остались висеть на нём до самой смерти, и формально его вдова обязана была бы вернуть авансы, выплаченные ему за ненаписанные произведения.

⁸³ РГАЛИ, 332-5-15, л.5 об.

⁸⁴ Письмо к А.Е. Коломийченко от 6 октября 1938 г. // ПС, т.8, с.102–103 (здесь – с.102).

⁸⁵ См.: История Отечества в документах 1917–1993 гг. Ч. 2-я. Составитель Л.И. Ларина. – М., 1994, с.154.

⁸⁶ Письмо А.С. Макаренко Н.В. Петрову от 17.06.1937 г. // ПС, т.8, с.71–72 (здесь – с.71).

⁸⁷ См.: Хиллиг Г. Нелёгкий путь к коммунизму. Как А.С. Макаренко стал „беспартийным большевиком”. // Патаки Ф., Хиллиг Г. Самоутверждение или конформизм? К вопросу идейно-политического становления А.С. Макаренко. С предисловием Ф. Науменко. – Марбург, 1987, с.23–74 (здесь – с.54). – В данной публикации впервые сформулирован вывод автора о том, что в селе Верхняя Дубечня невозможно было с Макаренко связаться по телефону; позже это подтвердили Е.В. Захаржевская и О.В. Макаренко.

⁸⁸ См.: Ивинская О. В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком. – Париж, 1978, с.145–146; см. также: Шенталинский В. (см. прим.25), с.202.

⁸⁹ Зап. кн. № 10, запись № 1148.

⁹⁰ Малышкин там пишет: „Антону Семёновичу Макаренко – взыскательному художнику и такому же судье с чувством самого искреннего уважения. А. Малышкин. 1938” (Педагогическо-мемориальный музей А.С. Макаренко, Кременчуг).

Другим источником материального „вдохновения” и „подпитки” для Макаренко стала возможность „пописывать статейки”. Так, 1 сентября 1937 г. он пишет своему бывшему воспитаннику Николаю Шершнёву: „Нужно было реагировать на события, нужны были и деньги, жалованья я теперь не получаю, а «ПП» («Педагогическая поэма» – Г.Х.) иссякла”.⁹¹

Здесь особенно следует отметить сотрудничество с «Литературной газетой», которая, как известно, с этого времени довольно много печатала Макаренко. Ясно, что дело того стоило. После успешного выступления на общемосковском собрании писателей возросла и его, так сказать, „курсовая оценочная стоимость” на литературной бирже труда, что явственно следует из изученных мной в фонде редакции «Литгазеты» „ведомостей на выдачу гонорара авторам статей...”. Его первый гонорар начинающего публициста данной газеты составлял только 30 рублей (за статью «Писатели – активные деятели советской демократии»); с апреля 1937 г. гонорар увеличился (пропорционально авторитету Макаренко) до 150–500 рублей за статью.⁹² Такие деньги получали лишь несколько ведущих писателей страны – Фадеев, Шолохов, Пастернак и др. Общая сумма его гонораров за публикации в «Литературной газете» только в 1937 же году составила около 4 000 рублей.

Этот неожиданный источник денег для педагога-писателя открыл, по всей вероятности, ответственный секретарь «Литературной газеты» В. Регинин. В начале июня 1937 г. он заказывал Макаренко материал для специального горьковского номера газеты (к годовщине смерти писателя), „напр., Горький-юморист, Горький и дети, Горький-человек”. Регинин писал здесь же: „Думаю, что на весёлом своём досуге напишете также на одну из тем, согласованных Вами в своё время с редакцией”. Первый и последний абзацы его письма подчёркивают близкие отношения автора и адресата: „Ваша дочь (речь идёт о племяннице Макаренко Олимпиаде Витальевне, которая жила в его доме – Г.Х.) огорчила меня известием, что Вы уехали в Верхнюю Дубечню, так и не повидавшись с «Лит. газетой». В то же время она меня обрадовала, что наконец-то Вы на отдыхе. ... Личная просьба: рассказать моей семье в отдельной записке о Дубечне. Почему-то жена и дочь стремятся в это таинственное украинское село. С любовью...”.⁹³

Как следует из дневника Макаренко, решение о путешествии на Украину принято было лишь незадолго до отъезда, и редакция «Литературной газеты» об этих планах своего автора ничего не узнала. В дневнике же можно прочесть: „Заходил Регинин. Обещал ему ещё две статьи...” (27 мая). „Заказывал билеты на вокзале” (28 мая). „Утром писал. Днём ездил за билетами и деньгами” (1 июня).⁹⁴

Примером вышеупомянутой „статейки”, которой Макаренко „реагировал на события”, можно назвать его материал «Сила советского гуманизма», помещённый в «Литературной газете» 30 июля 1937 г. В нём, оценивая внешнеполитическую ситуацию, создавшуюся для СССР после заключения Антикоминтерновского пакта, он пишет: „Мы окружены буйным безумием агонизирующего империализма. Где-то там, в чащах дымящих труб Рура, на нищих полях Италии, в «злыднях» польской подхалимной государственности, в тесноте японских ограбленных городов последние капиталисты истории жаждут войны. Они протягивают жадные руки во все стороны к железу, к углю, к машинам, к нефти, к хлебу.

В смертельном отчаянии конца каждый фашистский лагерь бредит о завоевании мира. И Гитлер, и Муссолини, и японские генералишки – порождение этого общего бреда”.⁹⁵ Характерно, что оценка Макаренко Польши – будущего партнёра СССР в борьбе за построение социализма, в советских собраниях его сочинений была изъята.⁹⁶

Плодотворное сотрудничество Макаренко с «Литгазетой» в 1937 году оказалось недолгим. Осенью того же года был арестован как „враг народа” ответственный редактор газеты, член правления ССП Л.М. Субоцкий, а затем распущен весь состав редакции. На

⁹¹ ПС, т.8, с.72–73 (здесь ошибочно указана дата письма: 1 июля вместо 1 сентября 1937 г.).

⁹² См.: РГАЛИ, 634-1-428, л.6; 429, лл.38, 60; 430, лл.7 об., 8, 40 об.; 432, лл.2, 8 об, 28, 36; 433, лл.16, 17 об., 36.

⁹³ РГАЛИ, 634-1-396, л.80.

⁹⁴ РГАЛИ, 332-5-15, лл.4 об., 5, 5 об.

⁹⁵ Факсим.: СС, т.9, с.76–78 (здесь – с.76–77).

⁹⁶ См.: ПС, т.7, с.65.

некоторое время она осталась без руководства, но уже 26 ноября газета имела новый состав редколлегии во главе с В. Ставским⁹⁷.

Ведущим „толстым” журналом для Макаренко-писателя в 1937 году стала «Красная новь». Здесь печаталась «Книга для родителей», публикация которой вначале планировалась в горьковском «Альманахе», где в 1934–1936 гг. вышла «Педагогическая поэма». О подготовке к печати произведения под условным названием «Отцы и дети» редакция «Альманаха» заключила с Макаренко договор ещё 9 июля 1936 г.⁹⁸, а уже 11 сентября «Литературная газета» (Киев) сообщала, что „писатель А. Макаренко закончил «Книгу для родителей»” и что редакция «Альманаха» эту работу „приняла к печати”⁹⁹. Можно предположить, что информацию о будущих творческих планах педагога-писателя дал он сам. Подобную „рекламную кампанию” Макаренко хотел провести и с романом «Человек». Он написал только несколько глав, но в то же время подготовил следующее сообщение для газеты: „«Человек» — роман Макаренко. А. Макаренко заканчивает большой роман «Человек»”.¹⁰⁰

В декабре 1936 г. педагог-писатель, сославшись на то, что он представил в редакцию «Альманаха» „начало” «Книги для родителей», требовал и получил за неё аванс¹⁰¹, ходя рукопись для публикации была отдана не в «Альманах», а в «Красную новь», где уже с июльского (1937 г.) номера её начинали печатать (гл. 1–4). Тот факт, что это решение было принято, так сказать, в последний момент, следует из обстоятельств публикации: в июньском номере журнала в анонсе на второе полугодие 1937 г. произведение Макаренко не объявлено.¹⁰²

Почему «Книга для родителей» не вышла, как речь идёт в одном из своих писем в редакцию, „в миленьком моём альманахе”¹⁰³, а была опубликована в журнале «Красная новь», сказать пока ещё невозможно. Макаренко-вед А.А. Фролов, не аргументируя, в связи с этим заявляет: „Перенос публикации из альманаха в «Красную новь» возник из-за трудностей с печатаньем произведения в альманахе во второй половине 1937 г.”¹⁰⁴ На мой взгляд, причиной изменения первоначального намерения Макаренко, с одной стороны, можно считать его знакомство с двумя членами редколлегии «Красной нови», которые два года спустя рекомендуют педагога-писателя кандидатом в члены ВКП(б) — А.А. Фадеевым и В.В. Ермиловым. В своё время их включили в редколлегию «Альманаха», созданную ещё Горьким, однако после её роспуска летом 1937 г. они были „освобождены”. А с другой стороны, из записей в дневнике Макаренко можно сделать вывод, что этот вопрос решал не он сам, а директор Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ или Гослитиздат) Н.Н. Накоряков — человек с необычным прошлым (в 1903–1914 гг. — большевик, в 1919–1920 гг. служил в белой армии, с 1925 г. — вновь большевик). В дневнике можно прочесть: „Альманах бузит по поводу «Книги для родителей»” (20 мая). „Был в Альманахе. Был у Накорякова. Не застал” (21 мая). „Был у Накорякова по поводу «КДР». Условились, что я дам ему к 1-му то, что будет написано, а он решит, пускать ли в «Кр. новь» или в Альманахе” (25 мая). И уже 29 мая Макаренко „оставил у Ермилова четыре листа «КДР»”.¹⁰⁵

Интересно, что в журнальном издании «Книги для родителей» автор называет «Красную новь» — „мой уважаемый шеф”.¹⁰⁶ Через год там же был опубликован и новый роман Макаренко «Флаги на башнях» (название его по договору было «Ворошиловцы»).

7. На путях к новой педагогике

⁹⁷ См.: „Литературная газета”, 1937, № 64, с.6.

⁹⁸ См.: ПС, т.5, с.318.

⁹⁹ «Книга для батьків» і п'єса. // „Літературна газета”, 1936, № 42, с.4.

¹⁰⁰ См.: Балабанович Е. Антон Семёнович Макаренко. Человек и писатель. — М., 1963, с.410.

¹⁰¹ См.: РГАЛИ, 622-1-8, л.33.

¹⁰² „Красная новь”, 1937, № 6, 4-я обл.

¹⁰³ РГАЛИ, 622-1-8, л.22.

¹⁰⁴ Фролов А.А. А.С. Макаренко: московский период творчества (1937–1939 гг.). Хроника дел и мыслей. — Нижний Новгород, 1997, с.18.

¹⁰⁵ РГАЛИ, 332-5-15, лл.3, 3 об., 4.

¹⁰⁶ 106 „Красная новь”, 1937, № 9, с.105.

В Москве Макаренко пользуется вниманием педагогической общественности и отмечает, что общение с читателями и родителями доставляет ему больше радости, чем перепалки на заседаниях в Союзе писателей. На таких встречах он, как рыба в воде, плещется в светлых и радостных водах куряжской педагогики, вспоминая золотые годы работы „завколом”. Дополнительная аудитория открылась для Макаренко благодаря циклу из восьми радиопередач для родителей по вопросам семейного воспитания, начатых 1 сентября 1937 г.¹⁰⁷

Пытался ли он публиковаться в московских научно-педагогических журналах — «Коммунистическое просвещение» и «Советская педагогика» (последняя начала выходить лишь с июля 1937 г.), — сейчас трудно сказать. Галина Стахивна 1 июня 1943 г. в беседе с начинающим макаренковедом В.Е. Гмурманом сообщила об этом следующее: „... Макаренко приходилось быть тактиком. Наркомпрос его не признавал, журналы не печатали, «Советская педагогика» не напечатала, «Учительская газета» не напечатала. А он в то же время выступал перед тысячными аудиториями с лекциями. Сложное и деликатное положение”.¹⁰⁸

Согласно записи в дневнике педагога-писателя от 26 мая 1937 г., ситуация была немножко другая: редакция газеты «За коммунистическое просвещение» (временное название «Учительской газеты») пригласила Макаренко к сотрудничеству. Однако он „от постоянного договора отказался”. Зависело ли это от его педагогических убеждений или от низких гонораров газеты — трудно судить. В тот же день он пишет в дневнике: „Кое-что обещал прислать к 10/VI — «Размышление о педагогическом величии», и 31/V дать главу из «КДР»”.¹⁰⁹ Выполнил Макаренко данные заказы или нет, установить не удалось. Для ответа на этот вопрос нужно принять во внимание и то обстоятельство, что приблизительно 10 июля 1937 г. был уволен ответственный редактор газеты «За коммунистическое просвещение» В.Ю. Жебровский¹¹⁰, но 1 сентября, в начале „двадцать первого советского учебного года”, она поместила макаренковскую статью «На пороге третьего десятилетия». ¹¹¹ Это был единственный материал педагога-писателя в одном из печатных органов Наркомпроса РСФСР.

Особый интерес вызывает его статья «Цель воспитания», опубликованная 28 августа 1937 г. в газете «Известия»¹¹² (тираж — 1,6 млн. экз.¹¹³). Здесь Макаренко впервые перед широкой общественностью формулирует свои собственные педагогические установки. Статья была написана не строгим научным языком, а в свойственной Макаренко образно-иронической манере.

Макаренковедению до сих пор не было известно, что этот материал автор уже написал тремя месяцами раньше и что впервые он должен был выйти в журнале «Красная новь». Такой вывод можно сделать на основании двух записей в дневнике Макаренко: „Сдал «Цель воспитания» Ермилову”. (21 мая); „Ермилов прислал на просмотр «Цель воспитания» (Колбановского исправления)”. (29 мая).¹¹⁴ Психолог В.Н. Колбановский, как видно из записей педагога-писателя¹¹⁵, выступал на уже упомянутом I Всероссийском совещании по педагогическим наукам (5–9 апреля), на котором, в присутствии Макаренко, педагоги и психологи обсуждали постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. о педологии.

Как видно из статьи, написать её Макаренко побудил доклад «Методические принципы воспитательной работы», текст которого газета «За коммунистическое просвещение» опубликовала 24 апреля 1937 г. Его автор С.Л. Брюнелли — ленинградский педагог-учёный. Кроме того Макаренко в своей публикации цитирует две статьи из журнала «Коммунистическое просвещение» за 1936 год. Одну из них написал нарком просвещения А.С. Бубнов (№ 5–6). Он со своей стороны ссылается на двух именитых представителей

¹⁰⁷ См.: „Радиопрограммы ВР”, 1937, № 39, с.4; № 42, с.1.

¹⁰⁸ „Народное образование”, 1963, № 2, с.100.

¹⁰⁹ РГАЛИ, 332-5-15, л.4.

¹¹⁰ См.: „За коммунистическое просвещение”, 1937, № 97, 13.07., с.4, где в рамках выходных данных первый раз отмечено: „Зам. ответ. редактора М.В. Зайцева”.

¹¹¹ факсим.: СС, т.9, с.142–144; в сокр. виде также в: ПС, т.4, с.49–51.

¹¹² СС, т.9, с.132–141 (факсим.); ПС, т.4, с.41–49 (с сокращениями).

¹¹³ СС, т.13, с.77.

¹¹⁴ РГАЛИ, 332-5-15, лл.3 об, 5.

¹¹⁵ См: РГАЛИ, 332-4-144, л.8.

научной педагогики того времени – профессора педагогики 2-го Московского государственного университета А.П. Пинкевича и руководителя Программно-методического института Наркомпроса РСФСР С.А. Каменева; они тоже выступили на совещании. Вторая статья была редакционной подборкой отдела консультаций (№ 3).

В начале статьи Макаренко утверждает, что на Всероссийском совещании „о цели воспитания не говорилось”. Развивая эту мысль, он пишет: „В специальных педагогических контекстах недопустимо говорить только об идеале воспитания, как это уместно делать в философских высказываниях. От педагога-теоретика требуется не решение проблемы идеала, а решение проблемы путей к этому идеалу. Это значит, что педагогика должна разработать сложный вопрос о цели воспитания и о методе приближения к этой цели”.¹¹⁶

Затем Макаренко целиком переносит сюда некоторые фразы из своего незаконченного труда «Опыт методики работы детской трудовой колонии» (1932–1933 гг.): „В начале революции наши педагогические писатели и ораторы, разогнавшись на западноевропейских педагогических трамплинах, прыгали очень высоко и легко «брали» такие идеалы, как «гармоническая личность». Потом они заменили гармоническую личность «человеком-коммунистом», в глубине души успокаивая себя дельным соображением, что это «всё равно». Ещё через год они расширили идеал и возглашали, что мы должны воспитывать «борца, полного инициативы».

С самого начала и проповедникам, и ученикам, и посторонним зрителям было одинаково понятно, что при такой абстрактной постановке вопроса об «идеале» проверить педагогическую работу всё равно никому не доведётся, а потому и проповедь указанных идеалов была делом совершенно безопасным”.¹¹⁷

Потом, в связи с новейшим „достижением” в развитии советской научной педагогики, Макаренко напишет: „Педагогическая арена всё более делалась достоянием педологии, и к 1936 году у педагогов остались самые незначительные «территории», не выходящие за пределы частных методик.

Педология почти не скрывала своего безразличного отношения к нашим целям. Да и какие же цели могли вытекать из «среды и наследственности», кроме фатального следования педагога за биологическими и генетическими капризами?

Педологи сумели сохранять самое жреческое выражение во время подобных манипуляций, а мы, развесив уши, слушали их и даже чуточку удивлялись: откуда у людей такая глубокая учёность?”¹¹⁸

Здесь он также отмечал: „Трудно подсчитать раны, нанесённые педологией делу социалистического строительства на самом нежнейшем его участке – воспитания молодёжи. Дело идёт о болезни теории, и даже не теории, а теоретиков, ослеплённых педологией настолько, что они потеряли способность видеть истинные источники теории. В этом смысле болезнь имеет вид довольно несимпатичный. Суть этой болезни не только в количестве педологических положений, сохранившихся до сегодняшнего дня, не только в некоторой пустоте, образовавшейся на месте педологического Олимпа, суть – в отравлении самого нашего мышления. Научная мысль даже в искренней критике педологических утверждений ещё содержит педологические пережитки”.¹¹⁹

Таким образом, Макаренко, скрепя сердце, подыгрывал общему оркестру противников педологии, в котором, как недавно документально было подтверждено, «первую скрипку» играл член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданов.¹²⁰ Вспомним, как «Правда» в начале 1936 г. в двух разгромных статьях – «Сумбур вместо музыки» (28 января) и «Балетная фальшь» (6 февраля) – холуйским пером (водимым рукой Сталина) свежее испечённого председателя комитета по делам искусства СНК СССР П.М. Керженцева¹²¹ атаковала Д. Шостаковича... Нельзя сказать, что Макаренко, человек, как известно, с консервативным музыкальным вкусом, был поклонником творчества современных композиторов, но

¹¹⁶ СС, т.9, с.132; ПС, т.4, с.41.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ СС, т.9, с.132–133; ПС, т.4, с.41–42.

¹¹⁹ СС, т.9, с.133; ПС, т.4, с.42.

¹²⁰ См.: *Родин А.М.* Из истории запрета педологии в СССР. // „Педагогика”, 1998, № 4, с.92–98 (здесь – с.93–95).

¹²¹ См.: *Максименко Л.* Сумбур вместо музыки. – М., 1997, с.72–112.

после атак в центральном печатном органе партии он не без опасений ждал выхода третьей части «Педагогической поэмы». В письме редактору «Альманаха» Е.М. Коростелёвой от 18 марта 1936 г. он пишет: «... примите во внимание, в какое время живём: теперь за нашего брата взялись. Я только и жду, что вот-вот будет напечатано: «Так называемая „Педагогическая поэма“ представляет собой набор самых посредственных фраз, вовсе она не педагогическая и ничуть не поэма, поэтому...»».¹²²

Очевидно Макаренко намекает на предполагаемые собрания киевских писателей в связи с публикациями в газете «Правда».

Сомнение вызывает утверждение Е.З. Балабановича о том, что 5 июля 1936 г., в день публикации в «Правде» постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», Макаренко «рано утром» позвонил редактору «Поэмы» в Гослитиздате Р.А. Ковнатор и сказал: «Поздравьте меня с большой радостью. Сегодня счастливый день в моей жизни». По словам редактора, «в постановлении ЦК Антон Семёнович видел как бы признание своей правды и одобрение своей деятельности».¹²³ Следует подчеркнуть, что в киевской квартире Макаренко, как утверждает Олимпиада Витальевна¹²⁴, телефон отсутствовал, и он не был подписчиком «Правды», а столичные газеты партийные и беспартийные читатели провинции не могли получать «рано утром». Более того, педагог-писатель в своих письмах и записных книжках данного времени сам ничего не высказывает об этом «празднике души».

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод: такая реакция Макаренко на запрет педологии, достоверность которой исследователями до сих пор не подвергалась сомнению, не соответствует действительности. Миф о «радости» педагога-писателя приобрёл новое обоснование в публикации начинающего полтавского макаренковед Натальи Сиряченко. Оказывается, что Макаренко такой реакцией поделился не по телефону с редактором, а в письме к жене.¹²⁵ Однако в его переписке с Галиной Стахивной такого высказывания не существует.

Как ответственный редактор книжных изданий «Педагогической поэмы» Р.А. Ковнатор ответственна за такое серьёзное вмешательство в текст 2-ой части (гл. «Осень»), где Макаренко озадачил инспектора Джуринскую (а заодно и своих читателей) сообщением о том, что он «уже три года» не читает «педагогическую литературу». С 1937 года во всех изданиях «Поэмы» печаталось не «педагогическую», а «педологическую литературу».¹²⁶ Эта редакторская «правка» никогда не была отмечена (пост)советским макаренковедением – ни В.Е. Гмурманом, ни А.А. Фроловым.

В противоположность сообщениям Р.А. Ковнатор, у Макаренко не было дружеских отношений со своим редактором, хотя есть небольшой штрих о зарождающейся дружбе между их семьями. 2 июня 1936 г. он информирует пасынка о том, что Р.А. Ковнатор «привезёт свою дочку Зою, ученицу 8 класса, которая будет жить у нас всё лето».¹²⁷ Речь идёт о даче в Ирпене под Киевом, которую семья Макаренко снимала на сезон. Из подтекста письма явствует, что он возлагал надежды на дружбу между Лёвой и Зоей, что могло способствовать укреплению положения пасынка и позднее всей семьи в Москве. Как рассказывает О.В. Макаренко¹²⁸, на даче в Ирпене и вообще в Киеве Ковнаторы у них никогда не были – ни мать, ни дочь. Однако по информации московского макаренковеда С.С. Невской,¹²⁹ Зоя действительно отдыхала на даче в Ирпене, а позже останавливалась в киевской квартире Макаренко. Она влюбилась в Лёву, что привело к ссоре между Гали-

¹²² ПС, т.8, с.62; фамилия адресата здесь указана ошибочно «Коростылёва», как и в первой публикации писем Макаренко в редакцию «Альманаха»: Гетманец М.Ф. «Сказана моя маленькая, но необходимая правда». // «А.С. Макаренко» (кн.10). – Львов, 1978, с.111–118 (здесь – с.113).

¹²³ См.: Балабанович Е. (см. прим.100), с.188.

¹²⁴ В беседе с автором (1998 г.).

¹²⁵ Сиряченко Н. Антон Макаренко. // «Киевские новости», 1998, № 25, 12.06., с.9; № 26, 26.06., с.8–9 (здесь – № 26, с.8).

¹²⁶ См.: СС, т.4, с.143, 273.

¹²⁷ РГАЛИ, 332-5-53, лл.1–2.

¹²⁸ В беседе с автором (1998 г.).

¹²⁹ Письмо С.С. Невской от 23.11.1998 г. к автору.

ной Стахивной и Р.А. Ковнатор в то время как „глава семьи” воспринял эту тревогу с юмором.

О конфликтных взаимоотношениях педагога-писателя и редактора в Москве свидетельствует не только то обстоятельство, что имя Ковнатор включено в список отрицательных прототипов героев романа «Человек» (1935–1937 гг.)¹³⁰, но также и следующая запись (лето 1937 г.): „Сколько их таких? Она ответственный редактор. Она решает судьбу многих произведений. Она о каждом говорит решительным тоном. Она ничего не понимает, она только держит нос по ветру. Сейчас ей нравится «Закономерность» Вирты только потому, что она слышала чей-то отзыв.

Но она редактор. Интересно наблюдать вот эти подленькие, гадкие элементы паскудной мелкой твари, которая, пользуясь каким-то своим влиянием, часто даже эфемерным, понемножку, по пустякам латается. Она усиливает своё значение теми же пустяками. То она поможет получить деньги, замечая только мою скромность, то поможет что-то оформить. И никогда не забудет вспомнить о своей услуге. А за это, как-то так получается, что и ей что-то перепадёт. То она одолжит денег, то пристроит дочку на даче, подчёркивая особенную свою любовь к вам. И она на это латанье тратит собственно всю свою энергию. И поэтому у неё появляются новые платья, отрезы крепдешина, путёвки. Библиотека на диспуте подарила мне «Витязь в тигровой коже (шкура – Г.Х.)» – выпросила. Книги она вообще...”¹³¹ На полях машинописной копии текста, подготовленного к печати вдовой Макаренко, дан такой комментарий к цитируемой записи: „Это о Рахили Ароновне Ковнатор, к которой А.С. не так плохо относился; но как глубоко умел он прозревать в человеке”.¹³²

Вернёмся к публикации в «Известиях». В уже цитированном письме к Н. Шершнёву от 1 сентября 1937 г. Макаренко с гордостью предлагает ему прочесть свою последнюю статью: „... 26 (!) августа я напечатал большой подвал «Цель воспитания» – это должно тебе понравиться”.¹³³

Нужно отметить, что все теоретики и практики педагогики, упомянутые Макаренко в этой статье, совместно с многочисленными своими коллегами из школ, вузов, научно-исследовательских институтов и аппарата наробраза, были арестованы ещё осенью 1937 г., большинство из них несколько позже расстреляны. Бубнову «повезло» больше других. Его арестовали 17 октября 1937 г. и расстреляли, как важного свидетеля по делу Бухарина, в числе последних – 1 августа 1938 г.¹³⁴

Наступил 1940 год. Вопросам оценки новой ситуации, сложившейся в советской педагогике и психологии, был посвящён ряд мероприятий, проходивших также и в Киеве. Показательна в этом плане в конце января – начале февраля 1940 г. в стенах НИИ педагогики УССР конференция и, в частности, высказывание на ней восходящей звезды на небосводе советской педагогики: „представителя РСФСР”, профессора Московского госпединститута П.Н. Шимбирёва по поводу одного из его бывших коллег, уже не представляющих опасности: „Ведь было время, когда ни одна книга не могла выйти без предисловия Каменева. Это монополия. Ты, мол, как хочешь, но печатай с моим предисловием. Когда органы НКВД помогли нам расчистить фронт от вредителей-монополистов, я думаю, что создавать монопольное положение для других людей, может быть, и очень авторитетных, не следует”.¹³⁵ По сведениям московского „Мемориала” С.А. Каменев был арестован 17 декабря 1937 г., Военной коллегией Верховного суда СССР 14 марта 1938 г. по обвинению в „участии в антисоветской организации” приговорён к ВМН и в этот же день расстрелян.¹³⁶

¹³⁰ См.: Фролов А.А. (см. прим.104), с.63. Список лиц здесь ошибочно относится к 1938 году и не к роману «Человек». Однако отдельные прототипы героев к тому времени уже были репрессированы.

¹³¹ Зап. кн. № 9, запись № 936.

¹³² Там же.

¹³³ ПС, т.8, с.73.

¹³⁴ См.: Бубнов Андрей Сергеевич. // „Верните мне свободу!” Деятели литературы и искусства России и Германии – жертвы сталинского террора. Редактор-состав. В.Ф. Колязин в сотруднич. с В.А. Гончаровым (Центральный архив ФСБ РФ). – М., 1997, с.78–94.

¹³⁵ ЦГАВО Украины, 5127-1-5, л.24.

¹³⁶ См.: письмо общества „Мемориал” от 09.11.1998 г. к автору.

После такой „расчистки” педагогической арены железной метлой НКВД соратникам А.С. Макаренко во главе с Галиной Стахивной в начале 40-х годов удалось заполнить очередную образовавшуюся пустоту, канонизируя своего кумира как выдающегося советского педагога.¹³⁷ Но это уже тема совершенно другого исследования – «О роли и стремлении вдов известных людей влиять на „развитие и усовершенствование” их наследия».

8. Приём у Сталина?

В дом жилстройкооп в Лаврушинском переулке Макаренко с семьёй въехал вместе с „основной массой советских писателей”¹³⁸, отмеченных особым доверием партии и правительства. С балкона его квартиры открывалась панорама „кратера вулкана” – Кремля...

Вид на город восхищал Макаренко и одновременно угнетал его. Галина Стахивна вспоминала, что „любимым местом писателя” был „балкон, откуда открывается прекрасная панорама Кремля, столь близкая сердцу писателя. Антон Семёнович часто выходил на балкон – поразмышлять, полюбоваться чудесным видом. На балкон иногда выносили маленький столик, и Антон Семёнович здесь работал. Так Макаренко ещё ближе, непосредственнее ощущал дорогую ему Москву”.¹³⁹

В записной же книжке (конец июля 1937 г.) тёмными, сумрачными красками передано ощущение опасности: „Вечернее небо. Страшно. На западе стала синевато-сизая гряда. ... Её верхние края резко и фигурно обрезаны. ... на её фоне тёмно-синим силуэтом нарисован город – башни Кремля. ... несколько мрачная тревога этого пейзажа как бы прислушивается”.¹⁴⁰ Развивая эту пессимистичную мысль Макаренко хотелось бы привести его многозначительное высказывание, сделанное в начале 1938 года: „Пояс ночи шагает по стране”. Интересный момент: записную книжку педагога-писателя, в которой содержатся эти слова, вдова исключила из официального наследия, передав её в кременчугский музей. Удивительно то обстоятельство, что редакция московского журнала «Народное образование», поместив текст данной записной книжки в рамках публикации директора кременчугского музея П.Г. Лысенко, „опустила” эту мрачную фразу.¹⁴¹ А ведь были уже годы перестройки!

После „обезглавливания Красной армии” (Троцкий) Политбюро ЦК ВКП(б) дало зелёный свет массовым репрессиям.¹⁴² Так, 28 июня 1937 г. этот фактически высший орган власти в СССР принял решение «Об образовании троек» для осуждения „антисоветских элементов” (с правом приговаривать и к высшей мере наказания). А 2 июля Политбюро санкционировало отправку секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий республик телеграммы, рекомендовавшей адресатам „взять на учёт всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но всё же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД”. На выполнение данного «учёта» отводилось 5 дней. В последующие несколько недель с мест приходила информация о количестве „антисоветских элементов”. На их основе в НКВД СССР готовился приказ о проведении акции, который 30 июля был направлен на утверждение Политбюро («Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов»). На основании

¹³⁷ См.: Хиллиг Г., Крюгер-Потратц М. „Второе рождение” А.С. Макаренко. Опыт реконструкции процесса канонизации его как педагога (1939–1941 гг.). // *“Carriers du Monde russe et soviétique”*, XXIX (2), avril/juin 1988, с.209–242.

¹³⁸ Из письма оргсекретаря ССП СССР А.С. Щербакова к В.М. Молотову от 17.11.1934 г. // „Счастье литературы” (см. прим.45), с.176–177 (здесь – с.176).

¹³⁹ Балабанович Е. (см. прим.100), с.337.

¹⁴⁰ Зап. кн. № 9, запись № 937.

¹⁴¹ См.: Лысенко П. Не педагогикой единой... // „Народное образование», 1991, № 1, с.154–158 (здесь – с.154–155); Педагогическо-мемориальный музей А.С. Макаренко, № 9679.

¹⁴² См.: Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. – М., 1996, с.188–190, а также: Hedeler W. Planung, Inszenierung und Wirkung der Moskauer Schauprozesse von 1936, 1937 und 1938 in der UdSSR. Eine Chronik. – Berlin, 1997, с.37–40; Wehner M. Stalinismus und Terror. // Plaggenborg S. (Hrsg.). Stalinismus. Neuere Forschungen und Konzepte. – Berlin, 1998, с.365–382.

информации о количестве „враждебных элементов”, поступавшей в Москву, всем областям, краям и республикам назначались лимиты по каждой из вышеназванных категорий. Всего было предписано арестовать 259.450 человек, из них 72.950 расстрелять. Уже вскоре после начала операции местные руководители стали обращаться в ЦК с просьбой увеличить число репрессированных. С 28 августа по 15 декабря 1937 г. Политбюро санкционировало по разным регионам увеличение лимитов по первой категории почти на 22,5 тыс., а по второй – на 16,8 тыс. человек. И 31 января 1938 г. дополнили список жертв: 56,2 тыс. подвергались аресту и 48 тыс. расстрелу.

Помимо этой общей операции по ликвидации „антисоветских элементов” было организовано несколько специальных акций, в первую очередь против представителей национальных меньшинств: всех немцев, работавших на оборонных заводах (20 июля 1937 г.), членов «польских диверсионно-шпионских групп и Польской организации войсковой» (11 августа) и др.

Особое внимание уделялось членам семей политзаключённых и исключённых из партии. Согласно приказу наркома внутренних дел СССР Ежова от 15 июня 1937 г., они были выселены из Москвы, Ленинграда и других больших городов. Ежов в инструкции № 267 от 3 июля дал указание всем начальникам местных управлений НКВД подготовить списки членов семей лиц, осуждённых Военной коллегией Верховного суда СССР или спецколлекцией в порядке закона от 1 декабря 1934 г. (день убийства С.М. Кирова); они должны были быть изолированы в лагерях. О помещении в спецдетдома детей репрессированных речь шла в оперативном приказе наркома № 00486 «О репрессиях жён изменников родины» от 15 августа 1937 г. В зашифрованной телеграмме в связи с этим приказом определилась и судьба мужей „изменниц родины”. Всё это наглядно иллюстрирует ситуацию в стране во время первого этапа „ежовщины”.

Из неопубликованных воспоминаний знакомых Макаренко следует, что он не только видел Кремль издали, но и был на приёме у Сталина. Так, его бывшая ученица ещё в Крюкове (1906–1908 гг.), а к тому времени политорганизатор – К.М. Безрук рассказывает о своей встрече с педагогом-писателем в Москве в начале августа 1937 г. Он сообщил ей тогда, что закончил работу над „большим сценарием” о будущем советской школы через 50 лет. Говорил и о дискуссии с коллегами, которые якобы рассказали о сценарии Сталину. Вождь заинтересовался произведением, прочёл его, вызвал к себе автора и предложил ему передвинуть события на 40 лет ближе к действительности, что тот и сделал.¹⁴³

Насколько правдива эта история? Воспоминания Ксении Безрук были написаны в 1978 году, т.е. во времена, когда уже не нужно было выдумывать встречу Макаренко со Сталиным, бросающую тень на упрочение его славы „великого советского педагога и талантливого писателя”. Однако это вовсе не означает, что приём состоялся, и многие аргументы подтверждают такие сомнения. В стенограммах выступлений Макаренко и в его личных записях нет никакого намёка на такое из ряда вон выходящее событие как аудиенция у вождя. И если бы их встреча всё же состоялась, то его биографы Е.Н. Медынский и Е.З. Балабанович, книги которых появились ещё при жизни Сталина¹⁴⁴, ни в коем случае не могли бы обойти её молчанием, да и вдова Макаренко Галина Стахивна, на лояльность которой к вождю он в записных книжках обращал особое внимание, непременно позаботилась бы оповестить о таком событии.

Впрочем, о его аудиенции у Сталина педагог-писатель рассказывал не только К. Безрук. Так, на Харьковской макаренковской конференции 20 апреля 1950 г., также ещё при жизни вождя, Елена Пихоцкая упомянула о том, что на встрече с бывшими коммунарами в марте 1939 г. в Харькове Макаренко также говорил о личном приёме у Сталина. По стенограмме конференции „тов. Пехоцкая (!)” сообщила: „... Антон Семёнович говорил, что товарищ Сталин вызывал его к себе на приём. Он говорил – «мне так хочется собраться за городом, под Москвой, у меня будет дача, пригласить бывших воспитанников, устроить конференцию бывших воспитанников-коммунаров. Хочется всех увидеть, потому

¹⁴³ Научная библиотека АН Украины им. В. Стефаника (Львов). Отдел рукописей, личный фонд Ф.И. Науменко.

¹⁴⁴ Медынский Е.Н. А.С. Макаренко. Жизнь, деятельность, педагогическая система. – М., 1944; тот же. Антон Семёнович Макаренко. Жизнь и педагогическое творчество. – М., 1949; Балабанович Е. А.С. Макаренко. Очерк жизни и творчества. – М., 1951.

что все разъехались. Хочется мне такую конференцию организовать, чтобы увидеть всех, посмотреть, насколько все выросли».¹⁴⁵

Примечательно по поводу обоих сведений, что Макаренко в беседах со своими бывшими (не столичными, а провинциальными!) питомцами легенду о приёме у Сталина связывал с педагогической тематикой. Но по его писательскому разумению было бы уместнее получить от вождя не предложение организовать конференцию коммунаров, а призыв написать большой роман, например о „той коллизии, какая возникла или возникала между идейным габитусом (внешним видом – Г.Х.) интеллигента и практическим поступательным движением революции” – такую тему для художественного произведения предложил ему К. Кононенко в письме от 10 декабря 1937 г.¹⁴⁶

Фантазии Макаренко о своей аудиенции у Сталина были рискованным, но расчётливым шагом: заявить публично о своей приверженности и преданности вождю, используя это, без сомнения, как средство самозащиты от возможных подозрений или даже репрессий.

9. Демонстрация политической бдительности

Свою политическую бдительность Макаренко проявлял как в статьях на актуальные внутривнутриполитические события, так и в рецензиях на злободневные беллетристические новинки. Прежде всего стоит напомнить о необдуманном, скороспелом „разносе”, который Макаренко учинил произведению начинающей ленинградской писательницы Натальи Гирей «Шестьдесят восьмая параллель». В повести речь шла о „строительстве нового города на севере, у залежей апатитов”, которое, вне сомнения, не обошлось без участия ГУЛага.

Рецензия, написанная (согласно записи в дневнике) по возвращении из Украины¹⁴⁷, была напечатана в «Литературной газете» 15 июля 1937 г. под заголовком «Вредная повесть».¹⁴⁸ Последнее предложение этой статьи по форме напоминало политический приговор: „Книга сделана настолько неудачно, с таким нарушением законов перспективы, с таким преобладанием вражеских тонов и вражеских слов, с таким завуалированным советским горизонтом, с такими подозрительными сравнениями и с такой холодностью, что при всём моём желании быть снисходительным к молодому автору я не могу быть снисходительным”.

Из-за отрицательной рецензии Макаренко повесть Н. Гирей была заново обсуждена на специально созванном заседании ленинградских писателей и издательских работников и, в конечном итоге, признана „враждебной книгой”. Именно так и было озаглавлено сообщение об этом в «Литгазете» от 31 июля 1937 г. На данном заседании подчёркивалось: Макаренко „убедительно доказал, что повесть Н. Гирей – дурно пахнущее произведение, клеветнически искажающее социалистическую действительность”. Тем самым, сообщалось далее в материале, стало возможным вскрыть настоящее „фашистско-кулацкое нутро произведения”.¹⁴⁹ Через неделю тот же автор (Л. Вич – псевдоним писателя Л. Герасимовича) проинформировал читателей о том, что правление ленинградской организации ССП на своём очередном заседании 2 августа подробно занималось „вопросом о Н. Гирей” и „признало ошибочным приём её в кандидаты Союза на основе бесспорно вредной повести”. Оно „единодушно признало правильным... выступление «Литературной газеты» по поводу «68 параллели» Н. Гирей”¹⁵⁰ – т.е. фактически одобрило рецензию Макаренко.

Дело окончательно завершил ещё один отрицательный отзыв о повести, вышедший из-под пера директора Ленгослитиздата Н.В. Лесючевского, участника первого заседания. „Заслуги” его, по словам Е. Эткинда, „перед родной литературой велики: Лесючев-

¹⁴⁵ Харьковский педагогический институт. Стенограмма конференции, посвящённой вопросу об изучении педагогического наследия А.С. Макаренко. 20-го апреля 1950 года, лл.17 об. –18. – Архив лаборатории „Макаренко-реферат”.

¹⁴⁶ См.: Свидетельства искренней дружбы (см. прим.42), с.52.

¹⁴⁷ РГАЛИ, 332-5.15, л.6.

¹⁴⁸ Факсим.: СС, т.9, с.93–96; также в: ПС, т.7, с.61–64.

¹⁴⁹ Вич Л. Враждебная книга. Письмо из Ленинграда. // „Литературная газета”, 1937, № 41, с.6.

¹⁵⁰ Тот же. У ленинградских писателей. // „Литературная газета”, 1937, № 42, 05.08., с. 5.

ский – автор доносов, на основании которых с 1937 по 1953 год были арестованы и уничтожены писатели”.¹⁵¹ Из его публикации, названной «Враждебная повесть», читатели узнали, что Н. Гирей удостоили за её повесть второй премией в конкурсе на лучшее литературное произведение по Ленинградской области и приняли кандидатом в члены ССП. Повесть же, напечатанную в одном из художественных журналов («Литературный современник»), ленинградский филиал Гослитиздата планировал выпустить отдельной книгой.¹⁵²

Ярлыки вроде „дурно пахнувший” и „фашистско-кулацкий” означали в то время обычно: арест, ссылка, расстрел... Во всяком случае, запланированное Ленгослитиздатом книжное издание повести, равно как и другие произведения этого автора, уже не вышли из печати. О дальнейшей судьбе Н. Гирей пока ничего не известно. В тексте отзыва и в комментариях Сочинений Макаренко нет никакого упоминания об авторе, произведение которого рецензирует педагог-писатель.¹⁵³ Ничего нет о ней и во всей макаренковедческой литературе СССР. Примечательно, что находящаяся в РГАЛИ папка с газетными вырезками, собранными самим Макаренко, содержит и страницу «Литературной газеты» от 31 июля 1937 г., где была опубликована статья Герасимовича «Враждебная книга», с подчёркиванием педагога-писателя.¹⁵⁴ Этот факт убедительно показывает, что он знал о последствиях, вызванных его разносной рецензией.

Подобной острой критике – „легкомысленное отношение к важнейшим и ответственным темам нашей жизни и борьбы, попытка подменить серьёзную работу скоропелым лубком” – Макаренко подверг месяцем позже новое произведение другого молодого автора. Речь идёт о «Закономерности» Николая Вирты – первом романе в советской литературе о борьбе с „троцкизмом”. В своей рецензии Макаренко пишет: „Мы уже хорошо знаем, что такое троцкисты... В интересах повышения нашей бдительности недопустимо подменять это знание легкомысленной и безответственной выдумкой, изображающей врага народа как глупого и безответственного чудака”¹⁵⁵.

Возникает вопрос – что знал Макаренко о „троцкистах”? Не образ ли Л.С. Ахматова, уже упомянутого начальника ОТК НКВД УССР, стоял перед ним в эти минуты? Как видно из документов, между ними были натянутые отношения. С одной стороны, в записных книжках педагога-писателя нет хулительных слов в адрес того, с кем он вместе трудился в аппарате наркомата. Но с другой стороны, имя своего коллеги, как и фамилию Вирты, Макаренко включил в список отрицательных прототипов героев романа «Человек».¹⁵⁶ Однако свергнутый с поста руководителя отдела, осуждённый и расстрелянный как „троцкист-террорист” Ахматов, безусловно, перестал существовать для Макаренко.

Произведение Н. Вирты для него – „закономерная неудача” (он так и назвал свою рецензию, написанную – согласно записи в дневнике – 8 августа¹⁵⁷, т.е. уже зная последствия отзыва о повести Н. Гирей, и опубликованную в «Литературной газете» 10 августа 1937 г.¹⁵⁸). В отличие от повести Н. Гирей, здесь речь шла не о первой, а о второй книге автора. Решением для написания острой критики на произведение Н. Вирты послужила, возможно, всё более обостряющаяся обстановка вокруг Макаренко. Во всяком случае, в его наследии сохранился более мягкий и терпимый первоначальный вариант рецензии («Слепым полётом»)¹⁵⁹.

Вышедший до этого роман Н. Вирты «Одиночество» имел большой успех. В феврале 1937 г. сам Сталин настойчиво советовал советским писателям о „книжке Вирты” „написать рецензию”. Эту рекомендацию, высказанную вождём по телефону, Ставский передал своим коллегам на IV пленуме правления ССП. Выработанный автором сцени-

¹⁵¹ Эткинд Е. Записки незаговорщика. – Лондон, 1957, с.185.

¹⁵² Лесючевский Н. Враждебная повесть. // „Звезда”, 1937, № 9, с. 195–199.

¹⁵³ С., т. 7, с. 212–217, 502; тот же, В 7 томах. 2-е изд. – М., 1957–1958 (ссылки как на: С 2), т. 7, с.206–211, 516. – В последнем советском собрании трудов Макаренко (ПС, т.7) имя Н. Гирей в тексте рецензии было восстановлено (с.61), а в комментариях (с.301) оно не упоминается.

¹⁵⁴ РГАЛИ, 332-1-83, л.38.

¹⁵⁵ ПС, т.9, с.102.

¹⁵⁶ См.: Фролов А.А. (см. прим.104), с.63.

¹⁵⁷ РГАЛИ, 332-5-15, л.6.

¹⁵⁸ Факсим.: СС, т.9, с.97–102; также в: ПС, т.7, с.66–71.

¹⁵⁹ РГАЛИ, 332-4-119.

ческий вариант романа под названием «Земля» был принят к постановке престижным МХАТом, о чём 8 мая 1937 г. поспешила сообщить «Правда».¹⁶⁰ Об успехе „первенца“ Н. Вирты, как следует из рецензии, Макаренко знал. Было ли ему известно также и о протекции Сталина, о чём 20 марта, когда педагог-писатель вновь был в Киеве, информировала «Литературная газета» в рамках публикации стенограммы доклада Ставского¹⁶¹, на основании личных записей Макаренко весьма сомнительно.

Речь идёт о двух пометках в записной книжке педагога-писателя, касающихся Вирты, который был не только его соседом по дому, но и председателем правления домоуправления № 2 города Москвы по Лаврушинскому переулку, где секретарём являлся Макаренко.¹⁶² По пометкам можно судить, во-первых, о глубоко критичном отношении последнего к Вирте; во-вторых, о том, что написанию рецензии предшествовал обмен мнениями с коллегами-писателями о книге и её авторе. Итак, обратимся к записям:

„Вирта. Он прозрачен. Его «Закономерность» страшно прозрачна и бесталанна. Он сам тоже прозрачен. И прозрачен его кабинет за 30 000 и торговля из-за рубля с плотником.

Но в таком случае, почему слава, и МХАТ, и молниеносные пьесы, и чем всё это может кончиться”. (Май 1937 г.).¹⁶³

„Вечером... собрался «беспартийный актив» – Паустовский, Файко, Финн, Финк, Славин. ... Говорили много о нашем неумении разбираться в литературных явлениях. В своё время перехвалили «Ненависть» Шухова и «Человек меняет кожу» (Бруно Ясенского – Г.Х.), теперь уже захвалили Вирту”. (Дневник, 11 мая 1937 г.).¹⁶⁴

Критика Макаренко в адрес романа Н. Вирты осталась без последствий, не считая одной литературной реплики в «Правде» (ноябрь 1938 г.), связанной с книжным изданием этого произведения, где его рецензия была названа „разносом“, učinённым „в печальной памяти РАППовском духе... неким горе-критиком”.¹⁶⁵ Вирта, который в 1939 году был награждён орденом Ленина, в 1941 году получил за свой, высоко оценённый вождём народов, роман «Одиночество» Сталинскую премию второй степени.

Как уже упоминалось ранее, сила воздействия, которую Макаренко вызвал своим отзывом о повести Н. Гирей, возможно, вначале даже не представляя себе её далеко идущих последствий. Однако судя по дальнейшим поступкам педагога-писателя, он уже понимал последствия его губительных откликов. Во всяком случае позднее отношение Макаренко к рецензированию книг молодых авторов резко изменилось. Так, впоследствии он воздерживался писать о произведениях на остро политические темы, а за другого начинающего автора – Виктора Панова, который так же, как и Наталья Гирей, оказался из-за критики в печати в опасном положении, Макаренко даже вступился. Но это было сделано не бескорыстно. Речь идёт о статье «Об одном толстом журнале» («Красная новь» за 1937 г.) поэтессы А. Адалис, опубликованной в газете «Известия» (5 февраля 1938 г.), и отклике Макаренко в «Комсомольской правде» (12 февраля).¹⁶⁶ Защищая В. Панова и его повесть «На севере», педагог-писатель одновременно отклонял острую критику на свою «Книгу для родителей»...¹⁶⁷

P.S. После безуспешных попыток что-либо выяснить о судьбе Натальи Гирей (в Союзе писателей Санкт-Петербурга, местной организации «Мемориал») я в конце концов узнал, что в бывшем архиве КГБ Управления Службы Безопасности г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области хранится дело писательницы, а это с большой вероятностью значит, что в своё время она была не только исключена из ССП, но также арестована и су-

¹⁶⁰ Постановка пьесы Н. Вирты „Земля” на сцене МХАТ. // „Правда”, 1937, № 125, с.4.

¹⁶¹ См: Решительно улучшить работу Союза писателей. Из сообщения тов. В. Ставского на IV пленуме правления Союза писателей СССР. // „Литературная газета”, 1937, № 15, с.2.

¹⁶² См.: протокол № 1 заседания данного правления от 15.02. 1937 г. с подписями Вирты и Макаренко. – РГАЛИ, 332-4-432 л.1.

¹⁶³ Зап. кн. № 8, запись № 916.

¹⁶⁴ РГАЛИ, 332-5-15, л.2.

¹⁶⁵ Ровинский Л. Закономерность. // „Правда”, 1938, № 321, 21.11., с.3.

¹⁶⁶ Макаренко А., Караваева А., Эрлих А. Клевета на молодого писателя. // „Комсомольская правда”, 1938, № 35, с.3. По свидетельству В.Е. Гмурмана в беседе с автором (в 1973 г.) эту неизвестную советским макаренковедам статью писал Макаренко сам.

¹⁶⁷ См.: Хиллиг Г. Нелёгкий путь к коммунизму (см. прим. 87), с.65–66.

дима. На мой запрос в архив касательно процесса и приговора суда, до завершения работы над этим исследованием ответ я, к сожалению, не получил.

10. Попытки дать знак о себе брату

В августе 1937 г. Макаренко пытался восстановить контакт с жившим во Франции младшим братом Виталием – бывшим офицером царской армии, присоединившимся в 1919 году к «белогвардейцам» и после их разгрома бежавшим за границу. С братом он был в переписке до 1930 года.¹⁶⁸

15 марта 1937 г. «Литературная газета» сообщила о большом успехе английского издания 1-ой части «Педагогической поэмы», вышедшей в Лондоне за год до этого под названием известного фильма «Путёвка в жизнь» (Road to life).¹⁶⁹ Через два месяца после информации «Литгазеты» Макаренко дал своё согласие на публикацию «Поэмы» и на французском языке, хотя, как следует из записи в дневнике, автор за такой проект не имел почти никаких шансов на получение гонорара. 13 мая он отметил: „Отдал Накорякову «ПП» для французского перевода. Кажется, пойдёт через «Лит. агентство». Значит, без копеечки”.¹⁷⁰ Французский вариант книги под названием «Le chemin de la vie» вышел из печати в Париже лишь в начале марта 1939 г., т.е. за несколько недель до смерти автора.

14 августа 1937 г. Макаренко отметил в дневнике: „Статья о выборе профессии во французский журнал”¹⁷¹. По авторской рукописи она была напечатана – с пометкой „публикуется впервые” (!) – в сборнике Педагогических сочинений Макаренко (1948 г.). В таком виде статья «Выбор профессии» вошла во все советские собрания трудов педагога-писателя. В комментариях составители (В.Е. Гмурман и др.) цитируют вышеупомянутую запись из дневника.

Макаренковская запись натолкнула меня на мысль отыскать данную франкоязычную публикацию. В начале 70-х годов, работая над «Марбургским изданием» Собрания сочинений Макаренко, я систематически просматривал в библиотеке им. В.И. Ленина в Москве советскую периодику 30-х годов. И тогда, среди прочих материалов, обнаружил в журнале «Revue de Moscou» (№ 9 за 1937 г.) статью о выборе профессии «Le chemin de la vie», а в газете «Le Journal de Moscou» (11 октября 1938 г.) ещё одну неизвестную публикацию Макаренко: «La femme soviétique» (Советская женщина). В обоих случаях есть указания на то, что автор этих статей хотел сообщить жившему во Франции брату об осуществлении его юношеской мечты „стать писателем и завоевать славу”¹⁷².

В статье «Выбор профессии» (Le chemin de la vie)¹⁷³ Макаренко – видимо, для того, чтобы исключить сомнения брата в их родстве, – упоминает о своём происхождении и педагогической деятельности. Он пишет: „Я проработал в железнодорожной школе девять лет, выпустил в жизнь человек 500...”. „После революции судьба поручила мне «самый низший отдел человечества» – беспризорных... Скоро закончится 17 лет, как я работаю с ними”. Можно отметить, что во французском варианте статьи об авторе сказано следующее: „A. Makarenko, l’auteur du célèbre roman: Le Poème Pédagogique” (А. Макаренко, автор известного романа «Педагогическая поэма»)...

Данный вариант статьи в факсимильной форме прижизненной публикации приводится в «Марбургском издании» (т. 9, 1978 г.), что побудило составителей последнего советского собрания трудов Макаренко (А.А. Фролов и др.) включить в комментарий 4-го тома (1984 г.) указание на факт печатания статьи уже в 1937 году¹⁷⁴ – правда, без ссылки на их немецких коллег, сделавших эту находку...

¹⁶⁸ См.: Хиллиг Г. На разных берегах... О том, как братья Макаренко в 30-х годах пытались восстановить контакт друг с другом. // На разных берегах... Судьба братьев Макаренко. Составление и комментарии Г. Хиллига. – М., 1998, с.210–221.

¹⁶⁹ Английское издание „Педагогической поэмы” А. Макаренко. // „Литературная газета”, 1937, № 14, с.3.

¹⁷⁰ РГАЛИ, 332-5-15, л.2 об.

¹⁷¹ Там же, л.6 об.

¹⁷² ПС, т.7, с.96 – перевод из англ. яз.: „... become an author and be famous” (Makarenko A. Fullness of Soviet life brings colorful novels into being. // “Moscow News”, 1938, № 45, 07.11., с.22).

¹⁷³ Факсим.: СС, т.9, с.146–147.

¹⁷⁴ См.: ПС, т.4, с.381.

Ещё до названных двух франкоязычных публикаций Макаренко новая газета «Le Journal de Moscou» 14 июля 1934 г. напечатала подробную рецензию на первую часть «Педагогической поэмы», журнальный вариант которой в начале года вышел в свет. Это необычное обстоятельство и не менее необычное название статьи «Роème pédagogique. La commune du travail Gorki, en Ukraine» (Педагогическая поэма. Трудовая коммуна им. Горького на Украине)¹⁷⁵, без сомнения, расценивалось автором книги как знак брату о своём писательском пути. Однако адресат ничего не знал о существовании всех этих публикаций. Виталий Семёнович рассказывал, что он из принципа не читал никакой большевистской прессы.

Когда в 1973 году после обнаружения вышеназванных публикаций я информировал об этом В.Е. Гмурмана, он был озадачен фактом существования статей Макаренко на французском языке, о чём открыто сказал мне, подчеркнув при этом, что Галина Стахиевна передала сотрудникам московской Лаборатории А.С. Макаренко для работы по изданию семитомника его Сочинений, кроме русско- и украиноязычных, лишь публикации на английском языке. Спустя 15 лет, работая в макаренковском фонде ЦГАЛИ СССР, я обнаружил, что в сохранившихся там списках прижизненных публикаций педагога-писателя франкоязычные статьи также не значились.

Многое говорит о том, что Макаренко написал ещё один материал для публикации на французском языке, который, однако, по всей вероятности при его жизни не вышел из печати. Речь идёт о статье «Народное просвещение в СССР», впервые опубликованной в сборнике Педагогических сочинений (М., 1948 г.). В комментариях семитомника Сочинений говорится: «По свидетельству Г.С. Макаренко, настоящая статья была написана А.С. Макаренко в Киеве, до переезда в Москву. Судя по содержанию, она, повидимому, относится к концу 1935 г. Рукопись статьи сохранилась не полностью».¹⁷⁶

Анализ двух вариантов статьи, хранящихся в макаренковском фонде РГАЛИ, показывает, что она была подготовлена для публикации в сильно сокращённом виде. Это касается и тех мест, которые доказывают, что материал был написан для публикации за рубежом. Поэтому попытки А.А. Фролова в 1984 и 1997 годах относить данный материал (умалчивая о свидетельстве Г.С. Макаренко и не ссылаясь на новые источники доказательств) к «20-летию Великой Октябрьской социалистической революции»¹⁷⁷, «вероятно, предназначалась для газ. «Известия»»¹⁷⁸, необоснованы.

Дата, отмеченная автором на первой странице второго варианта текста: „5.X. – т.г.“¹⁷⁹, позволяет предположить, что текст был написан осенью 1936 г. Это указывает на то, что Макаренко подготовил его для советской публикации в связи с Международной выставкой в Париже, которая открывалась 24 мая 1937 г. – или в виде статьи для журнала «Revue de Moscou», который в 1937 году в основном был предназначен для презентации Советского Союза во Франции, или в виде брошюры. Через два года его материал «Дети в стране социализма» (Children in the land of socialism) был опубликован отдельным изданием для Международной выставке в Нью-Йорке (1939 г.). В этом журнале, кроме уже упомянутой статьи Макаренко о выборе профессии (№ 9), был опубликован и материал Н. Вирты (!) о «наших студентах» (Nos étudiants, № 8), но ничего о достижениях в области народного просвещения. Скрытая Галиной Стахиевной информация о причине написания данного текста даёт, по-моему, основание сделать вывод, что материал «Народное просвещение в СССР» был подготовлен именно для французского читателя.

В связи с вышеизложенным можно сделать следующий вывод: публикация материалов в советских изданиях на французском языке, по-видимому, являлась единственной для Макаренко легальной возможностью передать брату какую-то информацию о своих успехах на „литературном фронте“. Страх и тревога были настолько велики, что он не ответил на запросы брата, полученные из Франции до 1934 года в форме открыток, и не отваживался даже передать сообщение для него ни через французских гостей коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (напр., политическим деятелям Э. Эррио и П. Коту – 1933 г.), ни

¹⁷⁵ «Le Journal de Moscou», 1934, № 116 с.4; автор рецензии: А. Dmitrieff.

¹⁷⁶ С., т.5, с.499.

¹⁷⁷ См.: ПС, т.4, с.384.

¹⁷⁸ Фролов А.А. (см. прим.104), с.24.

¹⁷⁹ РГАЛИ, 332-4-107, л.7.

через близких ему лиц, отправлявшихся в Париж (в т.ч. нарком просвещения УССР В.П. Затонский – 1935 г., писателя А. Фадеев и В. Финк – 1937 г.).

11. Чудесное спасение от ареста

Когда Макаренко ещё работал в Киеве, его поддерживал нарком Балицкий. Он предотвратил увольнение Макаренко с работы и помог избежать ареста осенью 1936 г., не дав хода компрометирующему письму.

В связи с первым московским процессом в конце августа 1936 г. был арестован непосредственный начальник педагога-писателя Ахматов, который, несмотря на отдельные конфликты, ценил Макаренко как квалифицированного работника. Ещё в июле того же года он не хотел отпускать его с занимаемой должности на „вольные писательские хлеба”. Тем удивительнее, что Ахматов (по протоколу допроса бывшего начальника отделения Секретно-политического отдела НКВД УССР Н.Д. Грушевского от 12 августа 1937 г.) во время следствия осенью 1936 г. по делу „контрреволюционной троцкистской организации”, участие в которой было ему приписано, как членов назвал „Букшпана и Макаренко” (М.М. Букшпан – начальник Отдела резервов НКВД УССР). Тогда, вероятно по указанию Балицкого, их имена вычеркнули из протокола допроса Ахматова.¹⁸⁰ Предположение, что упрёк „троцкист” со стороны любого арестованного (с применением или под страхом насилия) в адрес какого-то лица мог бы восприняться против обвиняемого – это хорошо показано на примере следствия по делу И. Бабеля. Как пишет В. Шенталинский, следователь познакомил Бабеля после его ареста в мае 1939 г. с показаниями Б. Пильняка и бывшего заведующего отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) А.И. Стецкого (к тому времени оба уже были расстреляны). В них Бабель упоминается как троцкист – „но вскользь, неконкретно. Фактов – никаких”¹⁸¹. Однако этого вполне хватило не только для ареста писателя, но и даже для вынесения ему смертного приговора...

После кадровых перестановок в московском наркомате в 1936–1937 годах изменения в Киеве были также неминуемы: люди из окружения Балицкого и он сам судорожно готовились покинуть стены НКВД. Близость ареста не мог не чувствовать и Макаренко – воздух наркомата был пропитан предчувствием репрессий. Спешно, а поэтому без соблюдения особой секретности, принимались решения действующих чекистов о маскировке в отделах и управлениях пока ещё верных им соратников, способных оказать помощь в будущем.¹⁸² Любое событие, подрывающее авторитет Балицкого, могло стать решающим фактором в дальнейшей судьбе наркома. Так, 2 января 1936 г., в день самоубийства начальника Секретно-политического отдела Управления госбезопасности НКВД УССР Б.В. Козельского (официальная версия – „умер у себя в кабинете”), Макаренко в записной книжке отметит: „Жалко не столько Козельского, сколько Балицкого”.¹⁸³

Правда, есть свидетельство о том, что Макаренко после изменений, происшедших в аппарате союзного НКВД, получил конкретную рекомендацию покинуть Украину. Как рассказывала Галина Стахивна В.В. Кумарину, одному из доверенных лиц, подобный совет дал В.П. Затонский¹⁸⁴, с которым она имела дружественные отношения ещё с юношеских лет. Через год Затонский сам стал жертвой репрессий (арестован 3 ноября 1937 г., расстрелян 29 июля 1938 г.).

Само собой разумеется, что после перевода Балицкого в Хабаровск (11 мая 1937 г. он был назначен начальником Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю) и его ареста (7 июля) Макаренко оказался в очень затруднительном положении, что проливает свет не только на миф о встрече со Сталиным, но и на другую, уже вполне правдоподобную историю. По свидетельству В.В. Кумарина, летом 1937 или 1938 г. Галина Стахивна „по своим каналам” получила известие о том, что арест мужа – дело нескольких часов: „Мне сообщили, что из Киева на него поступили бумаги как на врага народа”. Случайная встреча с Шолоховым и Фадеевым родила надежду получить от них

¹⁸⁰ См. „Наше минуле. Журнал незалежної історичної думки” за ред. С. Білоконя (Київ), 1993, ч.1 (6), с.149.

¹⁸¹ Шенталинский В. (см. прим.25), с.29.

¹⁸² См.: „Наше минуле”, 1993, ч.1 (6), с.48.

¹⁸³ Зап. кн. № 6, запись № 647.

¹⁸⁴ Информация В.В. Кумарина в беседе с автором (1982 г.).

поддержку. Писатели направлялись тогда на приём к Сталину и пообещали просить за Макаренко самого вождя. Галина Стахивна считала, что наиболее активную роль здесь сыграл Шолохов.¹⁸⁵

По хронологии событий это произошло во второй половине сентября 1937 г. – после возвращения Макаренко с женой из Ялты, где они провели, как следует из переписки и записной книжки педагога-писателя, две беззаботных недели в Доме творчества ССП. Уместно напомнить: именно в то время, дважды в месяц, центральное радио Москвы передавало беседы Макаренко для родителей. Их мог лично слушать „великий вождь всех времён и народов” (или узнать об этом событии от его многочисленных „навуходоносов”). Кроме того, Сталин возможно читал в «Вечерней Москве» от 15 сентября 1937 г. об „огромном спросе” общественности на первую книгу Макаренко. В рубрике «Читатель предлагает» говорилось следующее: „Почти во всех библиотеках столицы на «Педагогическую поэму» большое число записавшихся в очередь”. Желая читать это произведение приходится ждать иногда два года. Автор письма полагает, что «Поэму» „нужно переиздать и притом значительно большим тиражом”.¹⁸⁶

Только что в архиве МВД Украины обнаружено документальное свидетельство о том, что уже в начале июня 1937 г., когда Макаренко безмятежно отдыхал на Украине, всесоюзный наркомат внутренних дел получил от своих коллег из Киева „копии компрометирующих материалов на бывшего зам. нач. ОТК НКВД УССР Макаренко, проживающего в Москве и работающего в Союзе писателей”.¹⁸⁷ Речь идёт, прежде всего, о письме партячейки коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, которое пригодились чекистам, чтобы на всякий случай держать в узде бунтарский нрав покинувшего стены НКВД Макаренко, позволившего себе 5 сентября 1936 г. на выпускном собрании коммунаров-дзержинцев двусмысленные высказывания о большевистском единстве и о гениальности Сталина.¹⁸⁸

Через два дня после этого выступления Макаренко секретарь партячейки коммуны Н.А. Огий (Огий-Чернуха) под грифом «Совершенно секретно» направил секретарю парткома НКВД УССР Я.К. Крауклису письмо. Высказывания Макаренко перед коммунарами-выпускниками Огий характеризует как „контрреволюционные мысли”, „антисоветские заявления”, „выступление классового врага”.¹⁸⁹ 13 сентября Крауклис наложил резолюцию на письмо Огия: „Т. Стрижевскому. Как только Кидыба сядет в ОТК, мы через некоторое время М. удалим. Я не верю ему ни на копейку. Это враг”. Л.И. Стрижевский – замнач секретариата НКВД УССР и секретарь парткома Управления госбезопасности наркомата.

Сохранившийся в личном архиве Макаренко¹⁹⁰ и опубликованный в сокращённом виде в 1952 году текст харьковской речи¹⁹¹ политически недвусмыслен и, в отличие от стенограмм его других выступлений, очень лаконичен. Но в письме Огия это характеризуется как „пространная, деловая и толковая речь”. Данное обстоятельство, а также то, что педагог-писатель обычно выступал свободно, лишь иногда используя конспекты, свидетельствует о том, что вышеназванный текст Макаренко напечатал уже после выступления, чтобы в случае опасности иметь возможность защититься.

Однако он не был арестован, его даже не сняли с работы. Как видно из дополнительной резолюции на письме, в его судьбу вновь вмешался тогдашний нарком внутрен-

¹⁸⁵ См.: Дополнительные штрихи к портрету А.С. Макаренко. Беседа Г. Хиллига с В.В. Кумариным. (Марбург, 2 ноября 1988 г.). – Марбург, 1989, с. XLII.

¹⁸⁶ Аникин Н. Переиздать «Педагогическую поэму». // „Вечерняя Москва”, 1937, № 212, с. 3.

¹⁸⁷ Архив МВД Украины, 40-1-16315, раздел IV, л. 15.

¹⁸⁸ См.: Хиллиг Г. Макаренко и сталинизм: размышления и комментарии к дискуссионной теме. // „Педагогика”, 1996, № 1, с. 68–75 (здесь – с. 72–73).

¹⁸⁹ Архив МВД Украины, 40-1-16315, раздел IV, л. 7; см. также: Науменко Ф., Окса Н. Донос, или Почему закрыли коммуну им. Ф. Дзержинского. // „Учительская газета”, 1989, № 109, 12.09. с. 4.

¹⁹⁰ РГАЛИ, 332-4-147.

¹⁹¹ Обращение к коммунарам-выпускникам. // С 2, т. 7, с. 454; см. также комментарий: „Судя по содержанию, текст должен быть датирован 1935 г.” (с. 515). Точное датирование возможно с помощью статьи Макаренко „Справа партії” (Дело партии) от 12.09.1936 г., где речь идёт о том, что „5 сентября этого года коммуна торжественно выпустила в жизнь 70 человек”. Факсим.: СС, т. 7, с. 58–59 (здесь – с. 59); перевод на рус. яз. (с сокращениями): С 2, т. 7, с. 392–393. Однако уже „судя по содержанию”, текст должен быть датирован 1936 г. – непосредственно после первого московского показательного процесса.

них дел Украины Балицкий, который распорядился „закрыть дело”. Об этом решении своего бывшего начальника украинские чекисты, конечно, не информировали НКВД СССР.

Но дело так и не было закрыто – „донос”, как говорится, спустили вниз. С сентября 1936 по май 1937 гг. он лежал под сукном и ждал своего времени. Небольшое уточнение: А.С. Кидыба, которого ждали с нетерпением, проработал на посту зам. начальника Отдела трудколоний всего два месяца и был уволен „как непригодный для работы в органах НКВД” 1 августа 1937 г.¹⁹² После ареста Пинкуса и переброски Балицкого в Хабаровск начальником отдела стал В.Д. Реферт (17 мая 1937 г.)¹⁹³, который, очевидно среди бумаг Пинкуса, нашёл письмо партячейки коммуны им. Ф.Э. Дзержинского и 26 мая 1937 г. послал его начальнику отдела кадров НКВД УССР „полковнику тов. Чирскому”, а копию – Стрижевскому. Р.А. Чирский передал „компрометирующие материалы” своему заместителю Я.И. Райхштейну, который 1 июня направил их в Москву. Примечательно, что последний через неделю был назначен начальником данного отдела. Не менее примечательно и то, что „троцкистского соратника” педагога-писателя, „почётного чекиста” М.М. Букшпана, 19 июня 1937 г., в связи с заменой Балицкого И.М. Леплевским, арестовали. Макаренко же в это время, ничего не ведая, спокойно отдыхал под Киевом.

Не только сам Макаренко, но и его личное дело, заведённое ГПУ-НКВД с 1928 года, пережило много волнующих событий. Отдельные документы бесследно растворились в бездне времени. Окутанное завесой таинственности, дело хранилось в отделе кадров УНКВД Харьковской области, затем попало в архив КГБ УССР. Во времена „хрущёвской оттепели” оно хранилось в сейфе тогдашнего начальника Отдела детских трудовых колоний Г.В. Бердова. В 1965 году к нему проявляет интерес МВД Союза ССР, однако министр охраны общественного порядка И.Х. Головченко решает оставить его на Украине. 6 декабря 1965 г. дело передают в Партийный архив Украинского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС с резолюцией министра на обложке: „Приятно сознавать, что таким Великим Человекам по мысли и действиям, неучи клеили ярлыки «контрреволюционер». Как смешно и глупо выглядит это в наше время. А что скажут потомки?” Теперь дело вновь хранится в архиве МВД Украины.

Что же можно сказать по поводу роли Шолохова и Фадеева в спасении Макаренко? В «Историческом архиве» последних лет публиковались „журналы записей лиц”, которые были приняты в кремлёвском кабинете Сталина. Имя Шолохова в тот период (конец лета / ранняя осень 1937 г.) упоминается лишь один раз – 25 сентября с 16.30–18.00 ч. В то же время в кабинете присутствовали – пришедшие раньше и остававшиеся дольше – главные политические деятели страны Молотов и Ежов (от 16.00 до 20.10 ч.)¹⁹⁴, которых в том году чаще всех других членов Политбюро принимал генеральный секретарь ЦК ВКП(б)¹⁹⁵. Неслучайно, что Ежов – главный инквизитор «большого террора» – в сентябре 1937 г. ежедневно бывал на приёме у Сталина. И если Шолохов действительно сумел вступить за Макаренко перед „великим вождём всех времён и народов”, то его слова сразу же попали по адресу к „нужным” людям известной „тройки”, решавшим судьбы всех заложников тоталитарного государства. Галина Стахивна сообщила, что Фадеев – один из любимых писателей Сталина – также стремился на приём; но, как видно из документов, вождь не планировал встречаться с ним. Следует отметить, что публикация в «Историческом архиве» полностью развеивает легенду об аудиенции Макаренко у Сталина, т.к. его фамилия в журналах записей посетителей кремлёвского кабинета вождя не значится.

Приёму в Кремле 25 сентября предшествовала соответствующая просьба Шолохова, который, как известно, постоянно жил в станице Вешенской на Дону и только по служебным делам бывал в столице. 19 июня 1937 г. он передал заведующему канцелярией генерального секретаря А.Н. Поскрёбышеву такую записку: „Дорогой тов. Сталин! Приехал в Москву на 3–4 дня. Очень хотел бы Вас увидеть, хоть на 5 минут. Если мож-

¹⁹² См.: персональная карточка Кидыбы А.С. – Архив МВД Украины.

¹⁹³ См.: персональная карточка Реферта В.Д. – Там же.

¹⁹⁴ Посетители кремлёвского кабинета И.В. Сталина. Журналы (тетради) записей лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. // „Исторический архив”, 1994, № 6; 1995, №№ 2, 3, 4, 5–6; 1996, №№ 2, 3, 4, 5–6; 1997, № 1 (здесь – 1995, № 4, с.65). – Позже (4 ноября 1937 г.) Сталин ещё один раз принял Шолохова – также в присутствии Молотова и Ежова (там же, 1995, № 4, с.69).

¹⁹⁵ См.: Хлевнюк О.В. (см. прим.142), с.291.

но,— примите. Поскребышев знает мой телефон”.¹⁹⁶ Этот приём не состоялся, а 16 сентября Ставский, который несёт „большую ответственность” за репрессии писателей¹⁹⁷, написал длинную служебную записку «Секретно. В ЦК ВКП(б). Тов. Сталину И.В.». В этом докладе ответственный секретарь правления ССП информирует вождя о трудностях в связи с публикацией IV-ой книги «Тихого Дона» и об обстановке в станице Вешенской после ареста группы работников местного райкома ВКП(б). На документе воспроизведена резолюция Сталина: „Тов. Ставский! Попробуйте вызвать в Москву т. Шолохова дня на два. Можете сослаться на меня. Я не прочь поговорить с ним. И. Сталин”.¹⁹⁸

Из писем Шолохова, хранящихся в архиве Президента Российской Федерации, следует, что писатель смело апеллировал к вождю и требовал освобождения несправедливо репрессированных, разоблачая преступные методы НКВД. Прозаик И. Катаев в одной из статей перед арестом написал: „Шолохов единственный из нас, кто, по-моему, живёт так, как нужно, и иногда мне кажется, что он один работает за всех нас”.¹⁹⁹ И. Катаев был арестован 18 марта 1937 г., приговорён к ВМН 21 апреля 1938 г. и в этот же день расстрелян²⁰⁰.

Кстати,²⁰¹ в год «большого террора» готовился и арест Шолохова. Как свидетельствует его сын²⁰¹, Шолохов, собираясь ехать в столицу, получил известие о том, что он в поезде Ростов-Москва должен быть арестован. Поэтому он решил поехать по другому маршруту, и так ему удалось добраться до Кремля. По хронологии событий можно заключить, что речь идёт о июньском (1937 г.) приезде в Москву.

Результат разговоров писателя с кремлёвской „тройкой” (25 сентября 1937 г.): арестованные и репрессированные три земляка Шолохова, за которых он ходатайствовал, были освобождены и восстановлены в членстве ВКП(б)²⁰², и уже через два дня «Правда», после продолжительного „бойкота”, опубликовала главу из только что „подготавливаемой к печати 4-й книги” романа «Тихий Дон»²⁰³. Можно предположить, что донской писатель замолвил слово перед Сталиным и за своего московского коллегу, с которым ещё не был лично знаком, а знал только как автора «Педагогической поэмы».

О „некоторых неприятностях Макаренко” Шолохов рассказывал бывшему политруку колонии им. М. Горького Л.Т. Ковалю и его жене, бывшей воспитаннице Куряжской колонии В.В. Коваль, во время их встречи в Харькове во второй половине 50-х годов. Вспоминая о дружеских отношениях с педагогом-писателем, автор «Тихого Дона» подчеркнул, что он, как свидетельствовал Коваль в беседе с начинающим макаренковедом Н.Н. Оксой (в 1983 г.), однажды помог Макаренко „выпутаться из очень неприятной ситуации”.

Судя по всему, Макаренко сам узнал о „спасительной операции” своего коллеги. Это можно заключить из публичных высказываний педагога-писателя, где он выражает глубокое уважение к Шолохову. Так, в ответе на тему «Литературные мечтания», помещённом 30 декабря 1938 г. в «Литгазете», Макаренко пишет: „Я люблю городскую тематику. Меня интересует жизнь людей большого города. Жаль, что Шолохов пишет только о деревне. Именно от этого писателя, который с необычайной глубиной и яркостью анализирует переживания своих героев, можно ждать той книги, о которой я мечтаю”.²⁰⁴ И 9 марта 1939 г., в выступлении перед студентами Харьковского пединститута, Макаренко, отвечая на вопрос, кого он считает „лучшим писателем современности”, сказал: „Я больше всего люблю Шолохова. Я даже считаю, что он писатель мирового масштаба”.²⁰⁵

¹⁹⁶ „Вокруг меня всё ещё плетут чёрную паутину...”. Письма М.А. Шолохова И.В. Сталину (1937–1950). Публ. и прим. Ю. Мурина. // „Источник”, 1993, № 4, с.4–19; № 5–6, с.4–17 (здесь . № 4, с.5).

¹⁹⁷ Garros V., Korenewskaja N., Lahusen T. (Hrsg.), Das wahre Leben. Tagebücher aus der Stalin-Zeit. – Berlin, 1998, с.214.

¹⁹⁸ „Источник”, 1993, № 5–6, с.5–7; см. также: Осипов В.О. Тайная жизнь Михаила Шолохова... Документальная хроника без легенд. – М., 1995, с.167–170.

¹⁹⁹ Там же, с.174.

²⁰⁰ Информация общества «Мемориал»; письмо от 09.11.1998 г. к автору.

²⁰¹ В беседе с И.А. Зязуном (Киев); см. также: „Источник”, 1993, № 5–6, с.4.

²⁰² Там же, с.5; Осипов В.О., с.170.

²⁰³ Шолохов М. Тихий Дон. // „Правда”, 1937, № 267, 27.09., с.3–4 (здесь – с.3).

²⁰⁴ „Литературная газета”, 1938, № 72, 30.12., с.5; см. также: ПС, т.7, с.201.

²⁰⁵ ПС, т.4, с.361.

Адресатом вышеупомянутых „компрометирующих материалов” из Киева о Макаренко являлся 4 отдел Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР – секретно-политический отдел, задачей которого была борьба с „антисоветскими политическими группами и организациями”. Предыдущий начальник отдела стал жертвой „деягодизации” наркомата. Речь идёт о комиссаре государственной безопасности 1-го ранга Я.С. Агранове, „чекстаж” которого начался ещё при Дзержинском. Его связывала „сердечная дружба” с Маяковским; это, так сказать, первая советская пара – „писатель и палач”. В 1934 году был назначен первым зам. наркома внутренних дел СССР, а 29 декабря 1936 г. стал начальником ГУГБ НКВД. На этом посту он пробыл недолго: 15 апреля 1937 г., после ареста Ягоды, был назначен начальником 4 отдела Главного управления госбезопасности, а 17 мая освобождён от должности заместителя наркома. В этот самый день его направили в провинцию – он стал начальником УНКВД по Саратовской области, где должен был отыскать „гнезда немецкой тайной службы в Автономной республике поволжских немцев”. Но уже 16 июля Агранов был отозван в Москву, осенью того же года за „предательство и контрреволюционную деятельность” арестован и 1 августа 1938 г. расстрелян; через 25 дней эта же судьба постигла и его жену Валентину.²⁰⁶ Как и все другие „инквизиторы” сталинской эпохи и их подручные (Ягода, Балицкий, Карлсон, Леплевский, Ежов, Берия, Абакумов и др.) Агранов до сих пор не реабилитирован. Можно предположить, что его преемник на посту начальника 4 отдела ГУГБ, к которому попали в руки компрометирующие материалы из Киева на Макаренко, очень внимательно рассматривал поступавшие к нему дела и с особой бдительностью вёл борьбу с „врагами народа”, т. к. хорошо понимал, что такая же участь может ожидать и его.

Однако по логике событий нужно сделать вывод, что решающим моментом для ожидаемого ареста Макаренко осенью 1937 г. было не письмо Огия от 8 сентября 1936 г, а протокол допроса Грушевского от 12 августа 1937 г. Включённые в этот документ подтверждения „троцизма” педагога-писателя оказались для него смертельно опасными. Но на этот раз „спаситель” Балицкий уже ничем не мог бы ему помочь...

12. «Обжѣгшись на молоке...»

Два вышеупомянутых документа сослужили Макаренко довольно странную службу. Макаренко видел, как рушатся вокруг него такие, казалось бы, нерушимые и прочные фигуры как Балицкий и Карлсон. Ежедневная опасность реанимации письма Огия, постоянная головная боль по поводу „как сказать” и „что сделать” привели к навязчивой мании всепроникающего страха не только за себя, но и за жену, её сына, свою племянницу. Галина Стахивна неоднократно рассказывала, что он „ежедневно ждал ареста. И всякий раз, когда раздавался стук за дверью даже сухой ветки, вздрагивал и думал о том, что за ним пришли”.²⁰⁷

Положение осложнялось ещё и тем, что Макаренко, как уже говорилось, часто встречался с разнообразной аудиторией: учителями, учёными-педагогами, родителями, читателями своих книг. После таких выступлений слушатели нередко спрашивали не только о педагогике или узких проблемах воспитания, но и о его мнении по поводу обстановки в стране, быта, семьи и т.д. Показательно, что почти все такие вопросы и ответы при публикации стенограмм выступлений Макаренко в советских изданиях его сочинений были вычеркнуты.

Например, 9 мая 1938 г. во время обсуждения «Книги для родителей» один из участников задал оратору вопрос: „Если отец арестован, нужно ли у ребёнка вызывать чувство ненависти к отцу?” Когда я в 1987 году впервые публиковал данное место из стенограммы выступления, ответ Макаренко на этот вопрос мне казался довольно туманным и одновременно очень банальным – ведь его можно было понимать и как конформизм самого худшего вида и даже как частичное одобрение происшедшего.²⁰⁸ Дословно Макаренко сказал так: „Если ребёнок маленький, он забудет, но если он сознательный и политически разбирается, нужно, чтобы он считал этого отца врагом, своим и своего общест-

²⁰⁶ См.: Лубянка (см. прим.80), с.15, 16, 143; Waksberg A. Die Verfolgten Stalins. Aus den Verliesen des KGB. – Reinbek b. Hamburg, 1993, с.137–141.

²⁰⁷ Волков Б. Порог двойного бытия. // „Учительская газета”, 1990, № 5 (январь), с.4.

²⁰⁸ См.: Хиллиг Г. Нелёгкий путь к коммунизму (см. прим. 87), с.58.

ва. Нужно воспитывать логику, что не только он хорош потому, что он отец. Конечно, воспитывать специально чувство ненависти не нужно, потому что это может расстроить ребёнка нервы и измочалить его, но вызывать чувство отдалённости, чувство, что это враг общества, нужно, иначе быть не может, иначе ваш ребёнок останется в таком разрыве: с одной стороны – враг, с другой стороны – отец. Тут нельзя никаких компромиссов допускать”.²⁰⁹

Зная сегодня о тогдашней практике тотального контроля НКВД за лекторами с помощью так называемых „подсадок”, задававших каверзные вопросы стоящим на трибуне с целью определить уровень их политической бдительности и отношение к власти (правда, такие „рецензии” до настоящего времени не изучены исследователями не только в области макаренковедения), можно сделать вывод, что ответ Макаренко был рассчитан на возможных контролёров.

Аналогичная ситуация повторилась во время выступления педагога-писателя перед харьковскими студентами 9 марта 1939 г. На вопрос одного из слушателей: „Если неисправимых нет, то как вы смотрите на высшую меру наказания – расстрел?” Макаренко вначале отвечает уклончиво, ссылаясь на поучительный пример о „высшей мере наказания” в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского – исключении из коллектива. Затем он всё же переходит к сути вопроса – нужно ли уничтожение действительных или мнимых политических противников? – и, по существу, совершенно неожиданно, пугающе хладнокровно приносит в жертву интересам коллектива жизнь „врага”, т.е. отдельного человека.

Макаренко говорит: „И, конечно, и расстрел в нашей стране совсем не значит, что тот человек, которого расстреляли, почему-либо неисправим, наверное, с ним ещё можно возиться, но коллективный опыт, коллективное требование, коллективный гнев, – вот что нас, прежде всего, интересует. Мы уничтожаем таких врагов, хотя возможно, что они как-нибудь могли прожить, и, уничтожая их, мы усиливаем наше требование к человеку, и наше уважение к коллективу, и наши надежды, и нашу ненависть к врагам”.²¹⁰

Как говорится, комментарии излишни...

13. „Горячая жатва” осени 1937 года

По поручению газетных, журнальных и издательских редакций осенью 1937 г. Макаренко активно участвовал в качестве агитатора-журналиста в предвыборной кампании кандидатов в Верховный Совет СССР в соответствии с новой „сталинской” конституцией (12 декабря); постановлением ЦИКа СССР данное мероприятие официально начиналось 12 октября. Этим ему была предоставлена возможность всенародно продемонстрировать свою лояльность и верность вождю и делу партии, чем он тут же и не преминул воспользоваться. В связи с этим известны пока семь опубликованных материалов Макаренко, включённых в первое издание его Сочинений (т. 7, 1952 г.) и перепечатанных – в факсимильной форме прижизненных публикаций – в «Марбургском издании» Собрания сочинений (т. 9, 1978 г.).

Особо здесь стоит упомянуть две статьи, посвящённые собраниям жителей Сталинского избирательного округа столицы; они были напечатаны в «Известиях» от 21 октября и «Литгазете» от 26 октября 1937 г. Характерно, что обе эти публикации не вошли ни во второе издание Сочинений Макаренко (1957–58 гг.), ни в его Педагогические сочинения (1983–86 гг.). Речь идёт о статьях «Наше знамя!» и «За дорогое будущее, к которому ведёт Сталин». В них говорится о „чувстве благодарности к Коммунистической партии, неразрывном с чувством благодарности к товарищу Сталину”, „одному из величайших гениев человеческой истории, обладающему невиданным ещё в мире авторитетом...”.

Восьмая публикация педагога-писателя в связи с выборами – статья «Великая школа» за подписью „А. Макаренко. Горький (по телефону)”. Её вырезка, с неверной ссылкой на источник («Правда» 1937 г., № 349), находится в наследии заслуженного архивариуса-макаренковеда Е.С. Долгина в фонде бывшего АПН СССР.²¹¹ В своё время вместе с другими политически сомнительными документами Долгин получил этот мате-

²⁰⁹ РГАЛИ, 332-4-173, л.36–37; опубликовано (с сокращениями) в: ПС, т.7, с.156–157.

²¹⁰ РГАЛИ, 332-4-187, л.33–34; опубликовано (с сокращениями и изменениями) в: ПС, т.4, с.363–364.

²¹¹ Научный архив РАО, 131–66.

риал от Галины Стахивны из личного архива её мужа. Речь идёт о репортаже в связи с выборами на одном из участков г. Горького, где кандидатами в депутаты Верховного Совета были Ежов, Ю.М. Каганович и лётчик Чкалов. Упоминание наркома внутренних дел явилось для Галины Стахивны, без сомнения, причиной для исключения данной статьи из официального наследия мужа.

В статье, среди прочего, говорится: „Выборы – это великая школа, раньше всего политическая, затем школа вежливости, внимательности, заботы, такта, любви к людям. Молодёжь, комсомольцы, студенты в трудных случаях стараются давать пояснения избирателям...”

Выборы в Горьком проходили в величественно-радостном, торжественном настроении.

Имена Николая Ивановича Ежова, Валерия Павловича Чкалова и Юлия Моисеевича Кагановича, которых выбрал город Горький, звучат как знак единства народа с партией Ленина-Сталина, как залог будущих наших побед”.

Факт, что Макаренко осенью 1937 г. принимал участие в мероприятиях вокруг выборов не только в столице, но и в провинции, следует также из его дневника, где – после четырёхмесячного пропуска в записях (!)²¹² – можно прочесть следующее: „13 декабря 1937. Возвратился из Горького. Моей корреспонденции в «Правде» нет. Написал заметку о выборах в Горьком и передал в «Литературную газету»...”²¹³ Этот материал там вообще не был опубликован. Как показала дискуссия на 7-м международном макаренковедческом симпозиуме, тот факт, что педагог-писатель в начале декабря 1937 г. на несколько дней уезжал в город на Волге, до сих пор не был известен даже в нижегородском макаренковедении в лице А.А. Фролова, занимающим и в постсоветское время одну из ведущих в нём позиций.²¹⁴

На основе газетных публикаций можно проследить такую хронику событий: 10 декабря, т.е. непосредственно перед выборами, Макаренко выступал на общем собрании московских литераторов, которое состоялось в Доме советского писателя. Участники встречи единогласно приняли письмо „великому вождю народов СССР, вождю трудящихся всего мира Иосифу Виссарионовичу Сталину”.²¹⁵ Этой же ночью педагог-писатель едет поездом на два дня в г. Горький, где описывает атмосферу выборов и передаёт по телефону две корреспонденции в редакцию «Правды». По возвращении в столицу 13 декабря Макаренко не смог их найти в газете, потому что первый материал с названием «За сталинского наркома товарища Н.И. Ежова» был опубликован в тот же день без подписи автора²¹⁶, а второй – «Великая школа», вышел из печати только на следующий день (и не в № 349, а в № 342)²¹⁷.

Где наш „спецкор” провёл ночь до выборов? Этот важный для макаренковедения вопрос удалось решить историку И.В. Берельковскому (Н. Новгород)²¹⁸. Результат его исследования: в 1937 году в Горьком было достаточно много гостиниц, но Макаренко, по всей вероятности, избрал самую престижную – «Центральная» (гостиница № 2 гостиничного треста г. Горького), расположенную в тихом Свердловском районе. Именно там всегда останавливались гости, приезжающие в г. Горький из Москвы и других городов. Прекрасный вид на Волгу, представший его взору, воодушевлял к творчеству, но находящийся вблизи нижегородский Кремль, где восседало местное правительство, настойчиво напоминал педагогу-писателю о цели его визита.

Возникает, конечно, вопрос, почему «Правда» в город на Волге послала именно Макаренко, тем более, что 29 сентября газета опубликовала подробный очерк его соседа по дому Константина Финна «Город Горький»; поэтому логичнее было бы поручить сделать репортаж о выборах там как раз ему. Однако после выдвижения Ежова кандидатом в

²¹² В дневнике, между записями от 14 августа и 13 декабря 1937 г., находятся четыре с половиной пустых страницы. – РГАЛИ, 332-5-15, лл.6 об. –7.

²¹³ РГАЛИ, 332-5-15, л.7.

²¹⁴ См.: Международная макаренковская ассоциация. Президентский указ № 1 (Марбург, 21.05.1998 г.).

²¹⁵ См.: „Литературная газета”, 1937, № 67, с.3.

²¹⁶ За сталинского наркома товарища Н.И. Ежова. // „Правда», 1937, № 341, 13.12., с.3.

²¹⁷ Макаренко А. Великая школа. // Там же, № 342, 14.12., с.3.

²¹⁸ Письмо И.В. Берельковского к автору от 01.11.1998 г.

Совет Союзов от Горьковской области редакция в лице Лежнёва, вероятно, решила направить туда Макаренко как специалиста, сведущего в делах НКВД.

В результате такой активной общественно-политической деятельности Макаренко удалось пережить эту опасную для него „жаркую осень” обильной сталинско-ежовской жатвы 1937 г. Из неё он даже вышел, можно сказать, более закалённым и стойким, искушённым в борьбе за личное существование.

К 20-летию юбилею Великой Октябрьской Социалистической революции газета «Известия» опубликовала статью Макаренко «Счастье»²¹⁹, в которой он выражает свою радость и восторг по поводу жизни в СССР: „... наше счастье – это вовсе не подарок, 'пророчества' советскому гражданину. Оно завоёвано в жестокой и кровавой борьбе, и оно принадлежит только нам – искренним и прямым членам бесклассового общества. И поэтому оно приходит не к каждому, кому захочется поселиться на нашей территории”. Сегодня уже можно упомянуть о том, что и его брат Виталий в числе других-прочих не был удостоен такого „великого счастья”...

Об этом газетном материале Макаренко пишет 13 декабря 1937 г. Н. Шершнёву: „«Счастье», голубок, не для парада, а от чистой души. Да, счастье любит работу – это счастье совершенно невиданное, ты о нём и понятия не имеешь...” Здесь же явственно видно скорее критическое отношение педагога-писателя к событиям тех лет: „Революция только началась в самом человеке. Сейчас ещё много дураков сидят на местах, не по-сильных для них”.²²⁰ Характерно, что при публикации письма в советских собраниях трудов Макаренко второе предложение опущено.²²¹

Юбилейная осень советской власти оказалась для Макаренко-писателя особенно удачной. Отдельным изданием вышла из печати не только «Книга для родителей», но и однотомник «Педагогической поэмы», журнал «Октябрь» начинал публикацию повести «Честь», где отображены некоторые реальные черты его родителей и брата. В юбилейном издании журнала «Литературный критик», под рубрикой «Лучшие книги советской литературы», помещён положительный отзыв Н. Четуновой на «Педагогическую поэму».²²² В том же номере была напечатана статья педагога-писателя о повести Д. Фурманова «Чапаев». Макаренко, наконец, прочно занял своё место в авангарде советских писателей. Закономерным следствием этого явилось и избрание его в бюро новой секции прозаиков Союза писателей 16 ноября 1937 г., о чём сообщила «Литературная газета»²²³.

С выходом в свет юбилейного ноябрьского номера журнала «Октябрь» (ответственный редактор Ф. Панфёров), в котором включена первая серия глав повести «Честь», была заминка. По информации уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальника Главлита РСФСР С.Б. Ингулова (7 декабря 1937 г.) членам Политбюро ЦК ВКП(б) Сталину, Кагановичу, Андрееву, Жданову, Ежову, а также председателю СНК СССР Молотову и заведующему отделом печати ЦК ВКП(б) Л.З. Мехлису, журнал не мог выйти в срок в связи с изъятием из него повести А. Первенцева «Баязет», которая „представляет собой контрреволюционную аллегорию борьбы нашей партии с врагами народа”. Главцензор делает вывод, что главный герой произведения – конь Баязет, представляет собой „символический образ врага народа из лагеря троцкистско-правых шпионов и вредителей”, и предлагает журнал «Октябрь», в связи с „неумением редакции обеспечить политическое руководство, ... ликвидировать или влить в один из существующих аналогичных журналов”.²²⁴ Интересно, что роман А. Первенцева «Кочубей» (о гражданской войне), опубликованный в №№ 1 и 2 этого журнала за 1937 год, Макаренко высоко оценивал в «Литературной газете» от 20 апреля, а 28 мая лично познакомился с автором²²⁵. После публикации повести «Честь» наступило время тесного сотрудничества педагога-писателя с журналом «Октябрь». 12 апреля 1938 г. он отмечает в дневнике: „Панфёров-таки вlepил меня заместителем редактора «Октября», подозреваю, что хотят ме-

²¹⁹ Факсим.: СС, т.9, с.47–50; в сокр. виде также в: ПС, т.7, с.93–96.

²²⁰ „А.С. Макаренко”, кн.3, Львов, 1956, с.144–145.

²²¹ См.: С 2, т.7, с.461; ПС, т.4, с.117.

²²² „Литературный критик”, 1937, № 10–11, с.256–280.

²²³ „Литературная газета”, 1937, № 63, с.6.

²²⁴ „Счастье литературы” (см. прим.45), с.265–267.

²²⁵ См.: РГАЛИ, 332-5-15, л.4 об.

ня использовать как чернорабочую силу для чистки рукописей”.²²⁶ В то время, когда Макаренко и его новому шефу Панфёрову, а также Первенцеву с „контрреволюционным ко- нём” удалось пережить трудности с выпуском опального журнала юбилейной осенью 1937 г., доносчик Ингулов в следующем году был уволен с должности и арестован²²⁷.

Впрочем, два человека из украинского окружения Макаренко не были удостоены „счастья” отпраздновать 20-летие Октябрьской революции: М.М. Букшпан и его жена Тамара. Первого, бывшего секретаря правления коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, которому педагог-писатель в 1932 году сообщил: „Вы единственный человек, который понимал глубину нашего опыта”²²⁸, 31 октября 1937 г. в Киеве приговорили к ВМН и на следующий день расстреляли, а его жену, работавшую в ОТК НКВД УССР при Ахматове машинисткой-секретарём, 1 ноября арестовали. Как „член семьи изменника родины” по известному приказу НКВД СССР № 00486 она 22 ноября 1937 г. получила такой приговор: „заключить в исправтрудлагерь сроком на восемь лет”. Через десять дней её отправили в Темлаг (Казахстан).

14. На вершине писательского „Олимпа”

На собрании московских прозаиков 16 ноября 1937 г. Макаренко (согласно стенограмме) вновь выступил со своим настойчивым требованием более чётко организовать деятельность своих коллег по перу, упорно не желающих проститься с индивидуализмом в творчестве: „Я не представляю себе, чтобы работу секции прозаиков... можно было организовать без хорошего учёта, не просто учёта в записной книжке отдельных членов бюро, а учёта по-настоящему, учёта картотечного, учёта, дающего сведения о движении в этой области. Я не представляю себе, чтобы эту работу можно было организовать без хорошего библиографического справочного отделения. Нельзя всё держать в голове. Это будет работа кустарная”. Далее Макаренко говорит: „Если же мы хотим работать по-настоящему, то нужно думать о помещении..., об организации постоянных и еженедельных вечеров, напоминающих прошлые среды или четверги, когда в определённые дни мы будем собираться и будут зачитываться новые произведения. Нам нужна аудитория, нам нужен зал, буфет и т.д. ... Если мы получили только одну маленькую комнатку и каждого можно будет пригласить раз в два года, чаще в одиночку (по одиночке – Г.Х.) не пригласить, то наша работа не сможет быть плодотворной, она нас не будет удовлетворять. Я лично, как педагог, как человек, привыкший работать в коллективе, я уверен, что нужно, чтобы Союз и, в частности, Владимир Петрович (Ставский – Г.Х.), раскошелится, дал бы нам некоторые средства и помещение, так как наша секция может гордиться перед секцией поэтов своей массовой большой работой”.²²⁹

На свою любимую тему – учёт и отчётность, Макаренко и позже высказывался неоднократно, в том числе и в выступлении перед студентами Харьковского пединститута (9 марта 1939 г.): „Как можно руководить тысячей двумястами детей, если нет картотеки! Это некультурно. Так можно руководить десятилеткой только на какой-нибудь Новой Гвинее. У нас должны быть карточки, учёт”.²³⁰ Предпоследнее предложение в советских изданиях сочинений Макаренко, конечно же, исключалось.

Как видно из протокола счётной комиссии под председательством И.М. Касаткина, избранного на общем собрании московских прозаиков 16 ноября 1937 г., в число действительных членов бюро секции прозаиков прошли пятеро. Тайным голосованием Макаренко прошёл третьим по числу голосов из 27-ми кандидатов. Первые места заняли Федин и Касаткин.²³¹ Однако, когда 25 марта 1938 г. на заседании секции прозаиков были выбраны ещё несколько членов бюро (Фадеев, Зуев, Шкловский и др.), имя Касаткина среди прежних уже не упоминалось.²³² Его к этому времени арестовали. Последняя публикация писателя «Старый Левон» упоминается в «Правде» от 25 декабря 1937 г. По сведениям

²²⁶ Там же, л.10.

²²⁷ См.: „Счастье литературы” (см. прим.45), с.298.

²²⁸ Письмо А.С. Макаренко М.М. Букшпану (август 1932 г.). // ПС, т.8, с.48–50 (здесь – с.50).

²²⁹ РГАЛИ, 631-15-232, лл.22–23.

²³⁰ „Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту”, т.4, 1941, с.11.

²³¹ РГАЛИ, 631-15-232, лл.4, 39–41.

²³² Там же, л.1.

«Мемориала» Касаткин был арестован 31 января 1938 г., Военной коллегией Верховного суда СССР 21 апреля 1938 г. по обвинению в „участии в контрреволюционной террористической организации“ приговорён к ВМН и в тот же день расстрелян.²³³

Уже до этого Макаренко, как участник заседания президиума правления Союза писателей (25 октября 1937 г.), стал свидетелем „вывода из состава правления ССП и исключения из ССП“ его киевского коллеги И.К. Микитенко, автора известного романа «Утро» о коммуне ГПУ УССР им. В.А. Балицкого под Прилуками. К этому произведению педагог-писатель относился критически. Так, в своей лекции «Художественная литература о воспитании безнадзорных детей» (21 апреля 1937 г.) он упрекал Микитенко в „полном отсутствии эрудиции педагогической“ и „безответственном романтизме“.²³⁴

По стенограмме выступления одного из участников мероприятия 25 октября 1937 г., судьбу Микитенко решили ещё раньше. Так, на заседании партийной группы ССП от 26 сентября, „когда был поставлен вопрос о состоянии писательской организации Украины, партгруппа приняла решение вывести из состава правления Микитенко, как проводника левацкой троцкистской линии в украинской литературе. Украинская писательская организация и партийная организация обсудили этот вопрос и исключили Микитенко (!) из партии и из руководства Украинской писательской организации“.²³⁵ Об итогах совещания партгруппы ССП информировала «Литературная газета» 30 сентября.²³⁶

На заседании президиума правления Союза писателей 25 октября, в присутствии Макаренко, Микитенко называли „авербаховским оруженосцем на Украине“.²³⁷ Говорят, что после ареста он покончил жизнь самоубийством. В «Большой советской энциклопедии» указана дата смерти – 4 октября 1937 г.²³⁸ Это означает, что его вывели из состава ССП спустя три недели после смерти. Следует отметить, что имя своего коллеги Макаренко включил в список „действующих лиц“ – прототипов героев романа «Человек»²³⁹. Кстати, на заседании 25 октября был выведен из состава правления ССП, исключён из Союза также и покровитель педагога-писателя Субоцкий.²⁴⁰

Свою критику в адрес товарищей-писателей Макаренко-руководитель повторил на очередном заседании президиума правления ССП 25 ноября 1937 г.: „... мы, прозаики, представляем аморфную массу. Даже слушать приятно, как поэты работают, как драматурги работают, а прозаики даже при всём желании, будучи неорганизованной массой, активного участия во всей работе не принимали“.²⁴¹

Далее новоиспечённый член бюро Макаренко напомнил собранию об активной работе писателей и своём участии в предвыборной кампании кандидатов в члены Верховного Совета. Как следует из документов, по поручению секретариата ССП от 27 августа 1937 г. Макаренко вместе с 13 другими писателями столицы командировали „с заданием ознакомиться с подготовкой к выборам в Верховный Совет“²⁴², что было совсем нелёгким делом, т.к. об этом его, очевидно, забыли вовремя проинформировать. Перед президиумом правления ССП он возмущённо рассказывал о своём предвыборном опыте работы:

„Я не знаю, может быть, можно не так уже торопиться с выборами в бюро секции и временно хотя бы организовать прозаиков для этого дела и распределить между ними работу. Но это необходимо сделать немедленно. Потому что получается так. Многие из нас работают по выборам. Я, например, работаю достаточно, но исключительно по поручению то одного журнала, то другого, то Гослитиздата, то «Известий», то «Правды», то завода «Шарикоподшипник», а по поручению Союза советских писателей мне работать не

²³³ См.: письмо общества „Мемориал“ от 09.11.1998 г. к автору.

²³⁴ ПС, т.7, с.36–37.

²³⁵ РГАЛИ, 631-15-176, л.64.

²³⁶ В партгруппе ССП. // „Литературная газета“, 1937, № 54, с.6.

²³⁷ РГАЛИ, 631-15\176, л.4. – В протоколе заседания, в рубрике «Присутствовали: члены ССП...», фамилия Макаренко названа (л.1), но в «Списке присутствующих» на данном мероприятии перед его именем поставлен знак „–“ (л.11).

²³⁸ Большая советская энциклопедия, 3-е изд., т.16. – М., 1974, с.218; см. также: Українська радянська енциклопедія, т.6. – Київ, 1981, с.491.

²³⁹ См.: Фролов А.А. (см. прим.104), с.62.

²⁴⁰ См.: РГАЛИ, 631-15-176, лл.4, 64.

²⁴¹ РГАЛИ, 631-15-177, л.105.

²⁴² РГАЛИ, 631-15-160, л.5.

приходилось. Правда, во время выборов, здесь, на лету кто-то ко мне подошёл и говорит: едем сейчас. Куда? На митинг. Я не такой специалист, чтобы без подготовки выезжать. Я хочу дать качество. Или звонят по телефону – выезжайте немедленно. Куда? На митинг. Но я же не могу не подготовиться, не знаю аудитории. Неужели ССП не может при такой большой массе, как 800 человек, провести хорошую подготовку, как-то организовать прозаиков. Я уверен, что у прозаиков много дельных заметок и биографий кандидатов и т.д., но кто-то должен всем этим организационно заняться. Нужна какая-то организация прозаиков”.²⁴³

„Как-то”, „кто-то”, „какая-то”...

Советская же действительность призвёт Макаренко спуститься с вершин литературы и снова заняться реальной темой, в которой он был признанным специалистом. Об этом свидетельствует краткое письмо ответственного секретаря ССП СССР В. Иванова от 28 ноября 1937 г. к педагогу-писателю. Копию его я нашёл в фонде правления Союза писателей (дело «Переписка с писателями-членами ССП и других авторов. Т. II, Л – Я»). Письмо гласит: „Уважаемый тов. Макаренко! Ввиду поступившего заявления о неблагополучии среди подростков, Секретариат ССП просит Вас взять их под своё наблюдение”.²⁴⁴ Точное содержание «заявления» и его отправителя (ЦК ВКП(б), НКВД, Наркомпрос?), а также реакция Макаренко на эту просьбу до сих пор не известны, однако 23 февраля 1938 г. он присутствовал в Москве на заседании суда, разбирающего дела несовершеннолетних (кражи)²⁴⁵.

15. Под жарким солнцем Тифлиса

В связи с 750-летним юбилеем грузинского поэта Шота Руставели правление ССП приняло решение о проведении своего V пленума в конце декабря 1937 г. в Тифлисе.

Макаренко в состав делегации московских писателей, безусловно, был включён лишь в последний момент. Так, в протоколах заседаний секретариата ССП от 3 и 19 декабря, где рассматривалась программа Руставелевского пленума, его фамилия не упоминалась.²⁴⁶ Он и серьёзно подготовиться к чествованию юбиляра не смог, потому что книгу «Витязь в тигровой шкуре», подаренную Макаренко в какой-то библиотеке, выклячила, как отмечалось выше, Р.А. Ковнатор. Поэтому он забыл даже точное название этого произведения мировой литературы.

20 декабря поезд с четырьмя вагонами, заполненными членами ССП, оставил заснеженную, холодную Москву и направился в солнечную Грузию.²⁴⁷ Попутчиками Макаренко были крупные советские писатели. В письме к жене он пишет: „Еду скучно. Страшно жалею, что поехал. В одном купе со мною Фадеев, Серафимович, Гладков – все старики”.²⁴⁸ (Можно предположить, что Фадееву в лице педагога-писателя удалось найти „молодёжь”, с помощью которой он укомплектовал „купейный квартет” спального вагона.) Занимал всех «Демьян Бедный – мужик вредный», что Макаренко и отметил в записной книжке: „Демьян Бедный в вагоне ходит и всем бубнит:

– Едут с жёнами. А почтенные люди – писательницы, больные женщины, теснятся в четверо-местном купе. А зачем возят с собой жён, кому это нужно?”²⁴⁹

Прямо в поезде корреспондент «Литературной газеты» взял у писателей интервью об их творческих планах, и 31 декабря ответы пассажиров и других членов ССП (совместно 39 человек) были опубликованы под заглавием «Советская литература в 1938 году». Макаренко называет пять якобы „вчерне” уже написанных им романов, которые он предполагает завершить в новом году: «Честь», «Колонисты», «Человек», «Пути поколения» и второй том «Книги для родителей». ²⁵⁰ Как известно, из названных произведений ему удалось закончить только «Честь» и «Колонисты» («Флаги на башнях»).

²⁴³ РГАЛИ, 631-15-177, л.106.

²⁴⁴ РГАЛИ, 631-15-244, л.50.

²⁴⁵ См.: Морозова Н.А. (см. прим.23), с.119; Фролов А.А. (см. прим.104), с.40.

²⁴⁶ См.: РГАЛИ, 631-15-164, лл.1, 38–40.

²⁴⁷ См.: В поезде Москва-Тбилиси. // „Литературная газета”, 1937, № 70, 26.12., с.3–4.

²⁴⁸ „Ты научила меня плакать...” (см. прим.5), т.2, с.226.

²⁴⁹ Зап. кн. № 9, запись № 1000.

²⁵⁰ Советская литература в 1938 году. // „Литературная газета”, 1937, № 71, 31.12, с.2.

Несмотря на то, что в столице Грузии московских писателей ждал торжественный приём, Макаренко к этой командировке по-прежнему был скептически настроен. 24 декабря в письме к сотруднице отдела культуры редакции газеты «Известия» Е.Н. Логиновой он пишет: „20-го утром совершенно для меня неожиданно мне приказали ехать в Тбилиси. Как я и предполагал, в этом моём путешествии ни для меня, ни для людей никакой пользы и радости не заключается. Поэтому я поехал без пафоса и без настроения рабочего. На заседаниях я буду изображать добродетельно-литературный объект, над которым докладчики могут вволю куражиться, ограждённые от моих сопротивлений регламентом. Они обязательно попортят моё впечатление от Шота Руставели. Это они сделают обязательно, я вижу по их лицам. А кроме того, они испортили хороший кусок моей жизни. Я не обижаюсь на них, потому что они не имеют злого умысла, нельзя же обижаться на трамвай, который нечаянно тебя переехал, правда?“²⁵¹

24 декабря на открытом вечернем заседании под председательством Ставского была провозглашена (согласно протоколу) здравица в честь „нашего Великого и родного товарища Сталина“, после чего стенограмма отмечает восторженное настроение зала, аплодисменты, туш, возгласы с мест на русском и грузинском языках: „Да здравствует наш Великий вождь всех трудящихся, Великий Сталин!“ (бурные аплодисменты), Из президиума: „Великому Сталину «Рот фронт»!“, „Мы радуемся и гордимся нашими славными чекистами и их руководителем тов. Ежовым“ (бурные аплодисменты. Все встают, возгласы из зала: „Да здравствует тов. Ежов! Ура!“), „Да здравствует народ вождя и вождь народов!“ (громкие несмолкающие аплодисменты), „Да здравствует тов. Берия, руководитель грузинских большевиков!“ (громкие аплодисменты), „Да здравствует великое знамя Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина. Ура!“ (громкие аплодисменты), „Да здравствует Великий друг всего человечества, Великий Сталин. Ура! Да здравствует личный друг советской молодёжи, тов. Сталин! Да здравствует вождь мирового пролетариата, Великий Сталин! Да здравствует Великий творец, Великий конструктор, мудрый Сталин. Ура!“ и т.д.²⁵² Безусловно, Макаренко, сидевший в одном из первых рядов, вместе со всеми в зале принимал участие в этих чествованиях и здравицах...

После вечерних торжеств он пишет жене: „Живу я в номере пятьдесят пятом вместе с Гладковым и Серафимовичем. Старики очень милые и со мной подружились, мне с ними спокойнее, и разговоры замечательные“.²⁵³

На следующее утро с одним из „стариков“ случилось «несчастье». Об этом событии Макаренко в записной книжке пишет так: „Гладков. Маразм, основанный, кажется, на упадке таланта. Дали нам билеты в театр на первое заседание пленума. Серафимовичу на трибуну, а ему в первый ряд, хотя он тоже член президиума. Я не знаю, для чего это было сделано, но это может убить человека. Гладков даже голос потерял. Уселся в кресле, вытянул ноги и слабым голосом сказал:

– Я ничего есть не могу.

Он похож на Гладстона, но гораздо грустнее“.²⁵⁴

Как оказалось, страхи Гладкова не имели под собой почвы. Через год его, как и Серафимовича, наградили за особые заслуги в развитии советской литературы.

26 декабря участники Руставелевского пленума ССП совершили экскурсию на родину Сталина в город Гори. На митинге трудящихся у домика, где родился вождь, единогласно было принято письмо „дорогому Иосифу Виссарионовичу“: „Мы, советские писатели народов СССР, шлём Вам свой дружеский привет. Мы на земле Грузии. Мы находимся сейчас в Гори, в той части, где Вы родились и жили...

Мы счастливы жить на земле, которая дала Сталина!

Мы счастливы жить в эпоху, которая является эпохой Сталина!

Каждый из нас хочет сделать в жизни всё для победы коммунизма“. В протоколе митинга отмечены „крики: ура т. Сталину!, все поют Интернационал“.²⁵⁵

²⁵¹ ПС, т.8, с.77–78.

²⁵² РГАЛИ, 631-15-194, лл. 2–13.

²⁵³ „Ты научила меня плакать...“ (см. прим.5), т.2, с.227.

²⁵⁴ Зап. кн. № 9, запись № 999.

²⁵⁵ РГАЛИ, 631-15-191, лл. 55–62.

Пленум в Тифлисе закончился 29 декабря вечерним заседанием, где было принято письмо „тов. Л.П. Берии” с заключительными словами: „Да здравствует орлиная Грузия и её гений Сталин, гений всего человечества”.²⁵⁶

Здравицы в адрес „отца народов” – обычное явление 30-х годов, свидетельствовавшее о массовом психозе, поразившем общество.

16. Открытие новых перспектив

20 декабря 1937 г., в день отъезда столичных писателей на родину Сталина, «Литературная газета» поместила первый отклик на «Книгу для родителей».²⁵⁷ Этот обширный материал, который проницательному исследователю нельзя было не заметить, советскому, односторонне педагогически направленному макаренковедению, оставался неизвестен.²⁵⁸

Автор статьи – именитый писатель В. Шкловский, высоко оценивает проблематику книги, которая является „литературным инструктажем” для родителей; но он отмечает и недостатки произведения: „Книга Макаренко очень неравномерна. Она не столько написана, сколько записана, и это не потому, что он касается вопросов, о которых другие авторы отмалчиваются.

Книга нова тем, что в ней настолько преобладает целевая установка, что автор как будто забывает о способе писать и записывает созданное временем.

Книга не нова, потому что в ней нет той свежести художественного восприятия, которое имеет художник в минуту вдохновения”.

Далее Шкловский пишет: „Книга Макаренко – всё же хорошая книга. Это – новое возвращение в быт. Мир построен, люди дома – уверенные люди, знающие удачу. Они начинают переделывать и решать то, что много лет и столетий считалось только вопросом.

Макаренко решает всё начерно, но уверенность его решений помогает семье.

Нам нужны книги о самых важных вопросах. Эти книги должны быть красивы так, как красивы люди, когда они научаются любить себя для будущего и относиться к себе не жертвенно.

В «Книге для родителей» есть места такой писательской удачи, что не превращая её в обычную беллетристику, автор должен в отдельном издании подарить своей книге счастье быть красивой”. (Что Шкловскому не было известно: отдельное издание данного произведения вышло из печати уже в ноябре 1937 г.)

Судя по реакции Макаренко во время выступления на заседании президиума ССП от 26 февраля 1938 г., он сам с рецензией его знаменитого коллеги на «Книгу для родителей» был плохо знаком. Но осенью 1938 г., по поручению правления ССП, два писателя совместно занимаются интенсивной работой с начинающими литераторами – деятельностью, которая и шкловско- и макаренковедению до сих пор вообще неизвестна. Однако в начале этого года перед педагогом-писателем на первом плане стояли не общественные, а сугубо личные проблемы...

По всей вероятности после чтения отзыва Шкловского в «Литгазете» интерес к новому произведению Макаренко возник у замнаркома просвещения РСФСР Н.К. Крупской. 2 января 1938 г. – ещё до выхода критических статей в педагогической печати – она даёт «Книге для родителей» подробную оценку, возможно с целью публикации в одном из журналов. Но об этом педагог-писатель ничего не знал, также как и автор новейшей работы (1997 г.) о его московском периоде А.А. Фролов, – несмотря на то, что об этом открытии тремя годами раньше информировал столичный журнал «Педагогика»²⁵⁹. С другой стороны, нестор (пост)-советского макаренковедения подчёркивает, что Макаренко свои

²⁵⁶ РГАЛИ, 631-15-200, лл.59–60.

²⁵⁷ Шкловский В. „Книга для родителей” А. Макаренко. // „Литературная газета”, 1937, № 69, с.3.

²⁵⁸ Упоминание о рецензии В. Шкловского можно найти лишь в книге литературоведа Н.А. Морозовой (см. прим.23), с.23, а в постсоветское время в кандидатской диссертации Н.Н. Оксы („Проблемы дидактики в педагогическом наследии А.С. Макаренко”; Киев, 1991 г.) и в последней публикации А.А. Фролова (см. прим.104), с.31.

²⁵⁹ Хиллиг Г. А.С. Макаренко и Н.К. Крупская (возвращаясь к полузабытому спору 60-х гг.). // „Педагогика”, 1994, № 3, с.84–92 (здесь – с.91).

лекции в Наркомпросе РСФСР (10 – 20 января 1938 г.) читал „без участия Н.К. Крупской”.²⁶⁰ Это очень интересное высказывание.

17. Подстраховка от неблагонадёжности

После поездки в Тифлис Макаренко, оказавшись „кавказским пленником”, пересмотрел свои жизненные планы, позиции, „почистил” круг друзей. В первую очередь, он решил прервать переписку с близкими людьми, которые уже побывали в руках „сталинской инквизиции”. Среди них был не только его „первый друг” Кононенко²⁶¹, но и самый любимый воспитанник – Семён Калабалин, который до ареста (конец декабря 1937 / начало января 1938 гг.) работал педагогом в одной из трудколоний украинских чекистов под Винницей. Чего Макаренко не мог знать: Калабалин своё заключение (до февраля 1938 г.) „провёл” в Москве на Лубянке, т.е. недалеко от квартиры педагога-писателя. После освобождения Семёна Макаренко наивно посоветовал ему „обратиться с письмом к т. Ежову” по поводу реабилитации, а затем, видимо, испугавшись последствий переписки, замолчал на несколько месяцев, не реагируя ни на какие просьбы «сына» ответить хотя бы строчкой письма. Наконец, доведённый до отчаяния Калабалин с горечью вынужден был констатировать в письме к «отцу»: „Итак, Вы не пишете. Объяснения в голову лезут самые жуткие. Думается мне, что Вы решили прекратить всякое общение с человеком, задержанным органами НКВД”.²⁶²

Характерно, что Макаренко вновь развивает бурную общественную деятельность. Так, в январе 1938 г., как уже было отмечено, он читает цикл лекций для ответственных работников Наркомпроса РСФСР, этим самым подчёркивая своё лояльное отношение к новому руководителю П.А. Тюркину. Для первых двух месяцев текущего года он планировал, как явствует из его карманного календаря, следующие встречи:

„9 января. Вечер в Красно-Пресненском парке К.О. (культуры и отдыха – Г.Х.) 6 часов.

10 января. 9 утра – доклад в Нкпрос (Наркомпрос – Г.Х.).

11 января. Вечер в Красно-Пресненском р-не.

14 января. Доклад в Наркомпросе.

15 января. В Малахово. Культпросветработники.

17 января. Беседа. Подлипки, завод им. Калинина.

20 января. Малахово. Полиграфработники.

27 января. 10 школа.

29 января. Областной дом учителей.

1 февраля. 25 школа в 7 часов, 10 класс.

17 февраля. Диспут в Минске.

23 февраля. Сдать рассказ в «Колхозные ребята».

25 февраля. 12 часов. Президиум ССП. Вечером ССП. Драматургия.

26 февраля. 7 часов, придёт режиссёр.

27 февраля. Вечером. Областной Пед. Музей. 8 ч.”²⁶³

На второй день заседания президиума и секретариата ССП (совместно с бюро секций и активом московских писателей), 26 февраля, Макаренко вновь капризно выступает со своим фантазмагорическим предложением о реорганизации Союза писателей. Согласно протоколу мероприятия он сказал: „В общем, разрешите мне так формулировать наше состояние: у нас нет коллектива, у нас есть руководитель Союза, секретариат и президиум и есть масса. Коллектива у нас нет.

Почему? Потому что коллектив отличается от массы тем, что это организм, который имеет органы. А у нас есть масса и есть выбранный нами президиум и секретариат.

Я прошу не подозревать меня ни в каком подхалимстве к нашему секретариату и президиуму, но я считаю, что никто, на их месте, не мог бы этой массой совершенно разобщённой, руководить.

²⁶⁰ Фролов А.А. (см. прим.104), с.33.

²⁶¹ См.: Свидетельства искренней дружбы (см. прим.42), с.52–53, 82.

²⁶² См.: Хандрос Б. О сыне и отце. // „Известия”, 1986, № 363, 28.12., с.1, 3.

²⁶³ Лысенко П. Не педагогикой единой... // „Народное образование”, 1991, № 1, с.154–159 (здесь – с.159). В данной публикации календарь ошибочно датирован на 1939-м г.

Масса наша должна превратиться в коллектив. То, что я скажу дальше, вами принято не будет, я в этом убеждён потому, что я сам не знаю, стоит ли это принимать, или нет. Но всякий наш советский шаг вперёд всегда связан с изобретением. Стахановское движение, так увеличившее производительность труда – оно было основано на изобретении.

Я думаю, что наша организация, не имеющая себе равных в мире, ни в нашем прошлом, ни в капиталистическом, – она без изобретения обойтись не может. Нам нужны эти формы изобрести. Поэтому я без всякой претензии считаться изобретателем считаю, что и я, и всякий другой должны в этом направлении думать. Я даже не изобретаю, а смотрю на другие союзы, существующие у нас в Союзе.

Я считаю – нас всех интересуют наши книги, нас интересует продукция нашего производства. Мы должны рассматривать себя как производственный союз, но производящий ценности не материальные, но ценности искусства, и наш Союз должен быть организован обязательно как производственный коллектив.

Обратите внимание на наши производственные коллективы, обратите внимание на наши колхозы. Кстати, и наши (коллективы – Г.Х.), и наши колхозы пережили очень похожее на то, что мы переживаем. Там к бригаде пришли не сразу, не в первый день, не в один месяц.

Я утверждаю – у нас должен быть первичный коллектив. Нет производства, в котором нет первичного коллектива, т.е. самого маленького, самого ограниченного в пространстве и в числе коллектива. Бригада является первичным коллективом каждого серьёзного производства...

Теперь вернёмся к каменному веку. Вы в каменном веке вспоминаете групповщину, а я говорю о бригадах (смех, аплодисменты). У нас в колхозах не каменный век. У нас в любом колхозе вы встретите бригаду, и это совсем не каменный век. Каждая бригада обладает планом – это наш советский элемент, во-вторых, обладает общественностью – тоже наш советский элемент, обладает структурой, где настоящим живым образом в производстве мы можем приблизить партийца к беспартийным...

Я убеждён, что если бы наша организация была разбита на настоящие, учтённые, записанные в Союзе бригады, то было бы во всех отношениях полезней.

(С места: Нельзя же так механически переносить опыт колхозных бригад.)

Я буду это делать не механически, а химически.

Затем, говорили здесь о борьбе. Я тоже говорю, что борьба у нас должна быть и не всегда вежливая борьба, но она сейчас груба потому, что каждый из нас борется в одиночку. Вот наша жизнь, идёшь себе по литературной ниве, вдруг треснули, и ты сам в порядке самообороны тоже кого-нибудь бацаешь. Это не так плохо.

Я написал когда-то статью о «Закономерности» Н. Вирты, и я был очень доволен, когда Н. Вирта после этой статьи подошёл ко мне и пожал мне руку. Дальше, написал обо мне очень критическую статью Шкловский. Я, как всякий автор, считал, что он неправ, но я на него совсем не обиделся. В таких случаях борьба не вредна, но когда тебя бьют задними ногами и ты только задумаешься, а он уже поскакал, то это уже носит совсем другой характер. Причём ты видишь, что он твою книгу даже не читал, а ударил тебя совершенно случайно.

Куда броситься? К тов. Ставскому? Даже неудобно. Значит, гоняешься за ним с палкой.

А я считаю, что если бы у нас были первичные наши коллективы, то и борьба могла бы быть настоящая, необходимая нам.

(С места: Сейчас мы дерёмся один на один, а тогда будем – бригада на бригаду).

Прежде всего достоинства и недостатки каждого предложения желательно проверять на опыте, а у нас этого опыта нет. Я лично убеждён, что борьба должна быть за качество наших произведений – это единственная борьба, которая может быть допущена, а если борьба за качество будет вестись бригадой на бригаду, то очень хорошо.

Я не завидую тов. Ставскому иметь у себя 200 членов, и с таким большим количеством членов, которых никто не знает, и с такой массой – никто не справится. Совсем другое дело руководить 15-ю бригадами.

Я одновременно предлагаю, чтобы вокруг тов. Ставского (был – Г.Х.) не президиум, а совет уполномоченных бригад.

Вы испугались слова «бригада» потому, что это снижение нашего творческого лица. Пусть это будет в журнале, пусть это будет в группе писателей, работающих в журнале.

(С места: По какому признаку их организовывать?)

Я не обязан давать всем рецепт. Я убеждён, что без таких первичных коллективов наш Союз останется просто аморфной массой...

Если такой принудительный вопрос был бы поставлен на обсуждение, то я буду считать себя вправе предложить более детально форму такой организации. Я уверен, товарищи, что если не в этом году, то когда-нибудь мы обязательно придём к идее организации первичных коллективов".²⁶⁴

Как сообщает автор обзора о данном мероприятии в «Литературной газете», вначале собравшиеся с большим интересом слушали высказывания Макаренко, но затем он, «запутавшись сам в дебрях своего предложения, сошёл с трибуны». ²⁶⁵ Бросается в глаза, что в стенограмме выступления совершенно отсутствует указания на реакцию аудитории.

Все эти попытки Макаренко приручить многочисленную массу советских писателей напоминают сегодняшнему читателю не только успешную организацию и борьбу с детской беспризорностью и преступностью в макаренковских колониях и коммунах, но и бесславную сталинскую коллективизацию сельского хозяйства, которую оратор неожиданно для сегодняшнего читателя поставил в пример.

В то время, когда Макаренко предлагал труженикам пера ликвидировать все писательские «хутора» путём создания бригад, он имел своеобразное отношение к определению понятия «колхоз». Об этом свидетельствует его негативная реакция на желание жены восстановиться в партии (в 1933 году она «механически» (!) выбыла из её рядов, т.е. за неуплату парт-взносов и неучастия в парт-жизни...). По словам Галины Стахивевны – в беседе с В.В. Кумариным – Макаренко выразился так: «Солнышко, если ты вернёшься в этот колхоз, я повешусь». ²⁶⁶ Правда, это не помешало ему, новоиспечённому «орденоносцу», в феврале 1939 г., непосредственно перед XVIII съездом партии, самому написать заявление о вступлении в «этот колхоз», именуемый ВКП(б).

18. Опора на Энгельса

Осенью 1937 г. Макаренко узнал от своего нового друга Колбановского о неизвестной статье Ф. Энгельса «Может ли Европа разоружаться?», впервые опубликованной годом ранее в Сочинениях Маркса и Энгельса (т. XVI, ч. 2-я). После того, как ему стало невозможно сослаться на действительные образцы своей воспитательной системы (кадетский корпус, скаутизм), он нашёл у классика марксизма-ленинизма подтверждение правильности внедрения им «военизации» в колонии и коммуне.

В написанной в 1893 году статье Энгельса говорится о необходимости «обучения всех юношей гимнастике и военному делу», о том, что «центр тяжести военного обучения должен быть перенесён на воспитание молодёжи». «Мальчики легко могут усвоить в школе правила военного построения и движения сомкнутым строем. Школьник от природы держится и ходит прямо, в особенности, если он занимается гимнастикой; а как стоят в строю наши новобранцы и как трудно обучить их прямо держаться и прямо ходить, это всякий из нас наблюдал, отбывая на военную службу. Передвигаться взводом и ротой можно обучить в каждой школе, и притом с лёгкостью, о которой в армии не имеют представления. Что для новобранца является ненавистной, зачастую непреодолимой трудностью, то для школьника – игра и развлечение. Порядок и равнение во фронтовом марше и при поворотах, – то, чего так трудно добиться от взрослых новобранцев, – школьники усвоят играючи, если только эти упражнения будут с ними проводить систематически. Если добрую часть лета затрачивать на марши и полевые занятия, то это принесёт пользу как физическому и духовному развитию школьников, так и финансам военного ведомства, которое сэкономит таким образом много месяцев военной службы. Что такие военные прогулки можно отлично использовать для того, чтобы научить школьников разрешать

²⁶⁴ РГАЛИ, 631-15-260, лл.250–257.

²⁶⁵ Нет творческой перестройки в Союзе писателей. На заседании президиума ССП СССР совместно с активом московских писателей. // «Литературная газета», 1938, № 12, 01.03., с.4.

²⁶⁶ Дополнительные штрихи к портрету А.С. Макаренко (см. прим.185), с.XLIV.

задачи полевой службы, и что эти прогулки в высшей степени поднимают умственный уровень школьников и дают им возможность в сравнительно короткий срок усвоить специальное военное образование, — это практически доказал в своей цюрихской школе мой старый друг Бейст, сам бывший когда-то прусским офицером. При современной сложности военного дела нечего и думать о переходе к милиционной системе без военной подготовки молодёжи, и как раз в этой области успешные попытки Бейста имеют огромное значение»²⁶⁷.

В твёрдом убеждении, что и его „успешные попытки... имеют огромное значение“, Макаренко впервые ссылается на Энгельса, выступая 10 января 1938 г. в Наркомпросе. В связи с необходимостью создания в коллективе традиций он сказал: „Среди таких традиций особенно я ценю традицию военизации. Меня в своё время за это часто поносили, называли жандармом, Аракчеевым и другими генеральскими фамилиями. И я в последнее время, настаивая на этом, всегда краснел и чувствовал, что я совершаю безнравственный поступок. Но в прошлом году (!), здесь, в Москве, была получена 2-я часть XVI тома Маркса и Энгельса, и я с огромным наслаждением, после 16 лет мучений, прочитал, что Энгельс настаивал на такой военизации. У него есть прекрасная статья о необходимости военизации в школе. В ней он пишет, что это не только полезно для будущей военной работы человека, но указывает на физическое и нравственное влияние военного воспитания. Но я всё-таки хочу вас предупредить, что это не должно быть повторением закона военной чести»²⁶⁸.

Таким образом, Макаренко, безусловно, хотел участвовать также и в тогдашней дискуссии о „военизации“ детского общества с целью подготовки юношества к защите отечества на случай войны. Позже в своих публичных выступлениях педагог-писатель подчёркивал значение военизации как „совершенно необходимой“ детской игры, но все эти высказывания макаренковедов почти неизвестны, потому что в авторитетных изданиях Сочинений 50-х годов они, как отметил киевский учёный Н.П. Нежинский, „по непонятным причинам и без всяких пояснений“²⁶⁹, полностью были изъяты из текстов.

19. Несостоявшийся директор Гослитиздата

В начале марта 1938 г. Макаренко вновь покинул город. В доме отдыха ССП в Малеевке, „подальше от столичного шума“²⁷⁰, он работал над «Ворошиловцами» («Флагами на башнях»). Таким образом, у него появился благовидный предлог не выражать своего мнения по поводу третьего московского процесса — против «блока правых и троцкистов» (Бухарин, Рыков, Ягода и др.), о котором газеты начали сообщать с 1 марта.

Ещё в 1937 году встал вопрос о возможном назначении педагога-писателя на пост директора Гослитиздата, о чём до сих пор совершенно не было известно. В данном центральном издательстве художественной литературы выходили и книги Макаренко, правда, не без сложностей. Так, 20 февраля 1938 г. по поводу отдельного издания только что законченной повести «Честь» он отмечает в дневнике: „Обстановка в Гослитиздате скучная, бюрократическая, нудная, не располагающая”²⁷¹. Бывшему исполняющему обязанности директора издательства А.П. Большеменникову, который летом 1937 г. сменил Накорякова, в связи с публикацией в журнале «Красная новь» романа Мариэтты Шагинян «Билет по истории, часть 1-я — „Семья Ульяновых”», постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 августа 1938 г. был объявлен выговор; выговор в связи с этим также получила через четыре дня от президиума ССП и редакция журнала „в лице т.т. Фадеева и Ермилова”²⁷².

Если бы Макаренко занял тогда заманчивый и желанный для него пост директора издательства, то вместо чести и радости эта должность доставила бы ему только непри-

²⁶⁷ Маркс и Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 2-я. — М., 1936, с.345—346.

²⁶⁸ Макаренко А.С. Избранные педагогические произведения. Статьи, лекции, выступления. — М., 1946, с.82.

²⁶⁹ Ніжинський М.П. Життя і педагогічна діяльність А.С. Макаренка. (Творчий шлях). Вид. 2-е. — Київ, 1976, с.276.

²⁷⁰ ПС, т.8, с.80.

²⁷¹ РГАЛИ, 332-5-15, л.9.

²⁷² См.: „Литературный фронт” (см. прим.44), с.34—35.

ятности. В его записной книжке названа фамилия человека, получившего в конце концов это место – Лозовский. В 1921–1937 годах А. Лозовский (наст. имя С.А. Дридзо) был бесменным генеральным секретарём Профинтерна, что автоматически ставило его в ряд «видных советских государственных деятелей». В связи с публикацией произведений «Честь» и «Флаги на башнях» Макаренко-писатель имел с ним конфликты: „Лозовский – это и есть Лозовский, не больше. И всякий человек не выше своей макушки. Даже при самом заядлом стремлении напакостить, реальная пакость всегда меньше проектируемой, потому что люди сопротивляются и борются. Это и есть необходимейшее условие здоровой жизни. Всякая другая позиция неправильна”, утверждает он в письме к писателю А.К. Виноградову от 14 августа 1938 г.²⁷³ Двумя днями раньше Макаренко отметил в дневнике: „Говорят, у Лозовского 400 вещей «заматрицировано», – нет бумаги”²⁷⁴, из-за того, как объясняется в уже цитированном письме, что „печатают очень много учебников”²⁷⁵.

В 1939 году Лозовский защитил докторскую диссертацию как историк, а также вернулся в большую политику – стал заместителем наркома иностранных дел СССР (до 1946 г.). Одновременно с 1941 по 1948 гг. он занимал должность заместителя начальника, а потом начальника Совинформбюро. Как многие другие представители советской еврейской интеллигенции, в том числе и близко знакомый Макаренко – писатель Давид Бергельсон, Лозовский стал жертвой кампании против «космополитов»: арестован в январе 1949 г., на закрытом процессе по делу «Еврейского антифашистского комитета» 18 июля 1952 г. приговорён к ВМН и 12 августа расстрелян²⁷⁶. Есть основание предполагать, что распорядители наследием Макаренко, зная об этом факте, решили искусственно убрать Лозовского из окружения педагога-писателя. Поэтому в машинописной копии дневника Макаренко, подготовленной к печати вдовой, фамилия директора издательства сокращена: „Л-ский”²⁷⁷, а Е.З. Балабанович не случайно цитирует запись Макаренко о „директоре Гослитиздата” от 28 июля 1938 г., а также письмо педагога-писателя от 24 августа к нему без упоминания имени²⁷⁸.

Намерение предложить кандидатуры беспартийного Макаренко на пост директора издательства отмечено в стенограмме совещания писателей в ЦК ВКП(б), которое проходило 25, 27 марта и 8 апреля 1938 г. под председательством Андреева и Жданова. Тогда же в правлении ССП назрел серьёзный конфликт. В документах речь идёт о „желании В. Ставского и близких ему людей... сохранить своё руководящее положение”²⁷⁹ и о „пресловутой борьбе Ставского против Фадеева, попытке Ставского уличить всех критикующих его во всех смертных грехах”²⁸⁰.

В речи Фадеева в день открытия совещания говорится о возражениях Ставского, у которого, по словам первого, „есть кое-какие данные, порочащие Макаренко в прошлом”. На основании этого высказывания можно с уверенностью сказать, что о вышеупомянутых „компрометирующих материалах”, направленных в Москву из Киева, в правлении ССП знал только Ставский. В защиту педагога-писателя на этом партийном заседании Фадеев сказал: „А всё почему? Потому что Макаренко самостоятельный человек, любил говорить правду прямо в глаза руководству Союза”.²⁸¹ Судя по записям в своём дневнике, Макаренко ничего об этом не знал. Так, 29 марта он отмечал: „В ЦК идёт интересное собрание по вопросам литературы. Ожидают выводов”²⁸².

К тому времени бывший тифлисский попутчик по купе Фадеев стал его близким другом. Не случайно в журнале «Октябрь», поместившем материалы апрельского (1937 г.) совещания московских писателей, были речи только Фадеева «Учиться у жизни»

²⁷³ ПС, т.8, с.83.

²⁷⁴ РГАЛИ, 332-5-15, л.23 об.

²⁷⁵ ПС, т.8, с.83.

²⁷⁶ Waksberg A. (см. прим.206), с.219–236.

²⁷⁷ Архив лаборатории „Макаренко-реферат”.

²⁷⁸ Балабанович Е. (см. прим.100), с.396, 415.

²⁷⁹ Письмо В.А. Герасимовой и А.А. Караваевой к А.А. Андрееву от 02.03.1938 г. // „Литературный фронт” (см. прим. 44), с.27–29 (здесь – с.27).

²⁸⁰ Письмо О.С. Войтинской к А.А. Жданову (ранее 15.03.1938 г.). // Там же, с.29–33 (здесь – с.32).

²⁸¹ РЦХИДНИ, 17-120-301, лл.27–28. Эта информация получена от В. Хеделера.

²⁸² РГАЛИ, 332-5-15, л.9 об.

(опубликована раньше в «Литературной газете» от 15 апреля) и Макаренко «Больше коллективности». Но это уже другая страница из жизни педагога-писателя.

Кто спас Макаренко ?

Балицкий ?!?

Шолохов !?!

Сталин !!!

[4-я обл. с. настоящей книги]

Макаренко в год «Большого террора» / Гётц Хиллиг // Марбург: Makarenko-Referat, 1998 (Opuscula Makarenkiana, Nr. 21). — Предисловие: с. 7–8; исследование: с. 9–95.

№ 30 (Марбург, 2000)

Александр Абаринов
Гётц Хиллиг

ИСПЫТАНИЕ ВЛАСТЬЮ

Киевский период жизни Макаренко
(1935–1937 гг.)

Светлой памяти нашего коллеги и друга
Арпада Петрикаша эту книгу посвящаем
Авторы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Гётц Хиллиг – самый видный мировой макаренковед, посвятивший свою жизнь изучению тех источников, которые могут пролить свет на реальную историю жизни и деятельности самого Антона Семёновича, его сотрудников, друзей и врагов, воспитанников, его семьи и времени. В течение более трёх десятков лет он ездит по макаренковским местам на территории бывшего СССР, копается в архивах, дружит с очевидцами, историками и учёными разных профессий, время от времени приглашает их к себе в Марбург на международные конференции по разным макаренковедческим темам. Он настолько полон впечатлений и знания важных исторических фактов, что десятилетиями выпускает целые макаренковедческие серии изданий. Одной из них является ОПУСКУЛА МАКАРЕНКИАНА, печатающаяся, как правило, на двух языках международного макаренковедения – русском и немецком. 21-ый выпуск этой серии посвящён теме сталинских репрессий: «Макаренко в год „большого террора“» (Марбург, 1998). Сейчас Г. Хиллиг вернулся к этой теме, но – в хронологическом порядке – забирающем 19 месяцев пребывания А.С. Макаренко в Киеве на посту чиновника, помощника начальника Отдела трудколоний НКВД УССР.

Данную тему сравнительно небольшого жизненного периода Макаренко Гётц Хиллиг освещает не только опираясь на „сухие“ общественные архивные источники, т.е. извне, но главным образом на основе эпистолярного материала, дневниковых записей и воспоминаний, т.е. изнутри. Самым большим открытием для мирового макаренковедения является возможность доступа к переписке Антона Семёновича с Галиной Стахивной, подругой и позже женой Макаренко, из архива РГАЛИ. По инициативе Г. Хиллига и Светланы Невской в издательском центре «Витязь» был опубликован двухтомник этой переписки под заглавием «Ты научила меня плакать...» (Москва, 1994–1995).

Помимо этой переписки в настоящем издании использованы воспоминания о Макаренко его близкого друга К.С. Кононенко, опубликованные Хиллигом совместно с Василием Марочко (Марбург, 1997), а также записные книжки А.С. Макаренко, копии которых оставались вне поля зрения видных советских макаренковедов, находясь у внучки Галины Стахивны – Татьяны Лебедевой. В нём также представлены документы из секретных фондов коммуны им. Дзержинского и МВД Украины, постепенно предаваемые гласности.

Таким образом открывается для нас душа педагога-писателя Макаренко, его переживания, его самоуспокоенность, надежды, сомнения и отвращения.

Соавтором данной книги с подзаголовком «Киевский период жизни Макаренко» является Александр Абаринов, многолетний начальник Отдела воспитательно-трудовых колоний для несовершеннолетних правонарушителей МВД Украины, участник 7-го Международного макаренковедческого симпозиума (30.04. – 03.05.1998 г. в Оберрайфенберге под Франкфуртом–на–Майне). По происхождению он ленинградец и недавно вернулся в город на Неве. Абаринов внёс свой вклад в девять глав данного исследования.

Тема настоящего биографического труда не совсем новая, но до сих пор мало раскрытая. И не исключено, что постепенное обнаружение новых важных фактов этого неспокойного и трудного этапа жизни великого педагога XX-ого века А.С. Макаренко может ещё преподнести дополнительные открытия других исследователей.

Внимательно прочитав интереснейший текст данного научного труда, я должен задуматься над заданием, которое заключает в себе его название: «ИСПЫТАНИЕ ВЛАСТЬЮ». Трезвыми глазами Гётца Хиллига, заострёнными в традициях марбургской лаборатории „Макаренко-реферат“ на политические аспекты действий, мы видим Антона Семёновича без приукрашений и мифов советского времени, не как героического титана, вырвавшегося из среды „совслужащих“, а как правдоподобную жертву времени сталинизма, который старался остаться в живых, когда ему было страшно. Хотя о нём можно сказать, что это пуганая птица, но всё таки, он старался быть конформным, не отличаясь своим внешним политическим обликом от других, тем удачнее, что он оставался к болтовни политпросвета совершенно равнодушен. Нельзя сказать, чтобы Макаренко жил на солнечной стороне сталинской конституции и пользовался блеском петлиц жестокого чекиста. Он прекрасно знал, что в самом деле бедный „помощник“, живущий до ноября 1936 г. на пятом этаже дома без лифта, вопреки тому, что он серьёзно болен сердцем и его более молодой шеф, как можно прочесть в записной книжке педагога-писателя, ни разу не выслал за ним своей машины на вокзал, на которой он сам туда всегда катался. Задание М. Горького – написать роман о чекистах – Макаренко так и не выполнил. Его единственное счастье заключилось в том, что он не принадлежал к номенклатурной верхушке, будучи беспартийным, к рангу тех, которые в первую очередь подвергались репрессиям. Он весь киевский период старался вырваться из Украины в Москву – от службы в органах НКВД к работе писателя.

Приветствуя эту новую книгу из Марбурга, макаренковедческое братство выражает уверенность в том, что она является ещё одним значительным шагом к написанию полной научной биографии А.С. Макаренко.

Либор Пеха
Оломоуц (Чехия)

Сколько я работал, всю жизнь как чёрный вол
и не удосужился получить ни денег,
ни путёвки, ни фотоаппарата.
(Запись А.С. Макаренко от января 1937 г.
о своей многолетней деятельности педагогом
в системе ГПУ/НКВД УССР)

ВВЕДЕНИЕ

Киевский период жизни и деятельности педагога-писателя, в особенности его служба в аппарате НКВД УССР, мало исследован и недостаточно освещён в макаренковедческой литературе. Имеется только одна монография, которая раскрывает эту тему – «Життя і педагогічна діяльність А.С. Макаренка» Н.П. Нежинского (Киев, 1958; 2-ое изд. – 1967). Написанная в духе своего времени и в условиях, когда ведомственные архивы для большинства учёных были закрытыми, она грешит неполнотой и известной тенденциозностью. В художественно-публицистической повести В.А. Ширяева «Камни с дороги надо убирать» (Москва, 1990), использовавшего работы советских и зарубежных исследователей, воспоминания очевидцев, а также некоторые архивные документы МВД УССР, с творческой фантазией изображается довольно положительный образ Макаренко – чиновника НКВД.

Научный анализ проблемы впервые был осуществлён на 6-м Международном макаренковедческом симпозиуме (замок Рауйшхольцхаузен под Марбургом, 1989 г.) в докладах В.А. Ширяева и Н.Н. Оксы, вызвавших бурную, противоречивую дискуссию среди его участников, вылившуюся позже и на страницы педагогической печати.

Пребывание Макаренко в Киеве (с 1934 г. – столица Украинской ССР) оказалось неожиданным поворотом судьбы, досадным недоразумением и весьма опасным препятствием на пути в свою «любимую Москву», где он намеревался заниматься только литературной деятельностью.

В настоящей работе впервые предпринята попытка подробного рассмотрения сравнительно непродолжительного (19 месяцев), но очень важного для Макаренко киевского периода деятельности: личная жизнь, служебные обязанности, долг педагога, писательская работа, участие в „чистке“ ССП Украины, обстоятельства, которые грозили самому стать «врагом народа», переезд в Москву.

Мысль о подготовке данной публикации появилась в ходе наших многочисленных дискуссий в Марбурге и Киеве в 1998 году. Главы «Источники», «Переезд», «Рапорт», «Аппарат», «Работа», «Укоренение», «Будни», «Олимпиада», «Начальник» и «Бровары» были подготовлены двумя авторами, остальные – Г. Хиллигом.

Представленный труд не является полностью завершённым и исчерпывающим. Авторы надеются на активное участие коллег-макаренковедов в дальнейшей разработке этой малоисследованной страницы биографии педагога-писателя.

А.А., Г.Х.

С.-Петербург – Марбург, февраль 2000 г.

ИСТОЧНИКИ

В данной работе, кроме уже введённых в научный оборот источников, использованы недавно обнаруженные документы и установленные факты. Это касается публикаций в советской печати 30-х годов, в том числе в киевской вечёрке «Більшовик», органе Союза советских писателей Украины «Літературна газета», многотиражке харьковской трудкоммуны «Дзержинец», и малоизвестных архивных материалов. Здесь особенно следует отметить три фонда – первый хранится в Москве, второй в Харькове, а третий в Киеве.

Так, в 1993 году – тридцать лет спустя после смерти вдовы Макаренко – отдельным исследователям стала доступна часть личного архива педагога-писателя в Российском государственном архиве литературы и искусства (бывш. ЦГАЛИ СССР), о существовании которой ранее вообще не было известно. Основными источниками сведений о киевском периоде жизни Макаренко в новом фонде являются переписка педагога-писателя и жены с сыном, студентом московского вуза, а также письма редактора альманаховского издания «Педагогической поэмы» Е.М. Коростелёвой к автору (макаренковские письма к редактору ранее опубликованы) и его записные книжки. Копии последних уже в 1980-е годы были предоставлены марбургской лаборатории «Макаренко-реферат» Татьяной Лебедевой, внучкой Г.С. Макаренко.

Кроме того, в спецотделах Государственного архива Харьковской области недавно были „открыты“ секретные фонды архива коммуны им. Дзержинского, которые, совместно с уже известными фондами, размещались в госархиве под вводящим в заблуждение следующим названием этого учреждения «Харьковский комбинат НКВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского, 1934–1941 гг.». Новые фонды, в первую очередь, включают материалы о продукции заводов коммуны, но вместе с тем здесь фигурируют также списки и характеристики сотрудников других её подразделений, в том числе лиц, отбывающих в этом учреждении срок наказания, а также материалы о работе секретных и мобилизационных частей коммуны, занимающихся укреплением обороноспособности страны и „чистой“ руководящего аппарата «Дзержинки» „не только от социально чуждых, но и враждебных элементов“. Эти источники позволяют получить представление об обстановке в коммуне и вообще в стране в последние годы работы педагога-писателя на Украине. Копии документов рассекреченного фонда, включённые как иллюстрации в данную книгу, предоставлены Н.Н. Оксой.

Некоторые материалы ГПУ-НКВД УССР, касающиеся службы Макаренко в этом ведомстве, по сей день хранятся в архиве МВД Украины. В годы войны часть архива была уничтожена при отступлении Советской армии из Киева, другая часть – вывезена в глубокий тыл. Сейчас в архиве находятся приказы наркома внутренних дел и объёмная картотека персонала ГПУ-НКВД-МВД, а также личные дела отдельных сотрудников, в том числе и А.С. Макаренко.

Его служебное дело было начато ГПУ УССР в 1928 году, когда „завкол Горького“ приступил к работе в организованной чекистами коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. Материалы дела дополнялись и уничтожались, многие документы бесследно исчезли. Окутанное тайной, оно хранилось в отделе кадров УНКВД Харьковской области, откуда и попало в архив КГБ УССР. Во времена хрущёвской оттепели присущая этому учреждению патологическая секретность несколько ослабела. В 1965 году к делу, хранящемуся в сейфе начальника отдела детских колоний Г.В. Бердова, проявляет интерес Москва, однако тогдашний украинский министр охраны общественного порядка И.Х. Головченко решает на всякий случай оставить его на месте. Дело передают в Институт марксизма-ленинизма при ЦК Компартии Украины.

Примечательно, что министр, передавая дело 6 декабря 1965 г. в Институт, знакомится с ним. Его внимание привлекает известный „донос“ 1936 года. Головченко прямо на обложке дела пишет: „Приятно сознавать, что таким Великим Человекам по мысли и действиям, неучи клеили ярлыки «контрреволюционер». Как смешно и глупо выглядит это в наше время. А что скажут потомки?“

Личное дело Макаренко, которое с 25 февраля 1977 г. хранится в архиве МВД Украины, состоит сейчас из 5 разделов, в каждом из которых – различные по содержанию документы. Число листов: 1-й раздел – 8, 3-й – 19, 4-й – 15, 5-й – также 15; всего 57 лис-

тов, переплетённых в серую канцелярскую папку с пятиконечной звездой и грифом «Министерство внутренних дел Украинской ССР». Тот факт, что архивное дело сброшюровано в новую папку и в нём отсутствует 2-ой раздел, говорит о произвольном вторжении неизвестных нам чиновников при комплектовании личного дела.

Упомянутые выше материалы позволяют получить представление о жизни и деятельности Макаренко во время киевского периода. Наиболее яркими страницами были, по-нашему мнению, следующие:

1. ПЕРЕЕЗД

31 мая 1935 г. Совнарком и ЦК ВКП(б) приняли постановление о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности.¹ Теперь, по прошествии времени, можно трактовать названный документ как вынужденный шаг партии и правительства к признанию беспомощности своих действий в борьбе с преступностью, прежде всего малолетней.

К этому времени Макаренко по-прежнему работает начальником учебно-воспитательной части харьковской коммуны и „помощником“ часто менявшихся начальников данного учреждения. Однако, служба становится ему в тягость. „Коммуну Дзержинского всё равно буду бросать. На неё уже набежала толпа тех самых охотников «задирать ножку на жеребчика», о которых ты писал недавно“, – говорится в письме к своему воспитаннику Семёну Калабалину от 11 июля 1934 г.² В выводах бюро Дзержинского райпартикома г. Харькова «О состоянии воспитательной работы среди коммунарского коллектива коммуны НКВД УССР имени Ф.Э. Дзержинского» от 13 марта 1935 г. подчёркивалось, что „коммуна превратилась в мощный комбинат с большой производственной базой, состоящий из трёх заводов“ – инструментальный, фото- и электрозавод,³ отпускная стоимость продукции которых в 1935 году составляла около 15 миллионов рублей.⁴ Количество коммунаров в это время „достигало цифры 500 чел.“, однако их численность была в два раза меньше, чем рабочих, служащих и инженерно-технических работников... Короче говоря, «Дзержинка» 1935 года уже не была детищем Макаренко.

Беспокоит и здоровье. Именно в этот период у него случился сильный сердечный приступ. Напряжённый ритм рабочего дня, взбадривание себя пачками сильных папирос, круговерть людей, разговоров, огромное количество канцелярской работы – всё это когда-то должно было сказаться на здоровье. И сказалось...

„Я сейчас только и делаю, что мечтаю об отдыхе и работе над книгой. Вообразите себе человека, который в течение 13 лет не бывал в отпуску, не имел выходных дней, не видел ни санатория, ни дома отдыха“, – пишет 7 марта 1933 г. Макаренко секретарю М. Горького П.П. Крючкову⁵ – издательскому работнику и «по совместительству» тайному сотруднику ОГПУ-НКВД СССР. К нему же 28 июля данного года он обращается „[...] с поклоном: дайте мне работу в одном из Ваших издательств или нечто подобное. Мне нужно побывать среди культурных людей, среди книг, восстановить своё человеческое лицо – а тут я могу просто записывать“.⁶

Нельзя сказать, что Макаренко имел много друзей. Наиболее близок он был, пожалуй, с К.С. Кононенко, работавшим с 1932 года начальником финансовой части коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. С ним он советуется по всем вопросам, ведь именно Константин Кононенко посоветовал ему привести в порядок заметки, которые легли затем в основу трёх частей «Педагогической поэмы». И вообще, как отметит Макаренко пару лет спустя

¹ См.: В Совнаркоме СССР и ЦК ВКП(б). О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. // „Правда“, 1935, № 149, 01.06., с.1.

² Макаренко А.С. Педагогические сочинения в восьми томах. – М., 1984–1986 (далее ссылки как на: ПС), т.8, с.51–52 (здесь – с.52).

³ Государственный архив Харьковской области (ссылки как на: ГАХО), П-99-1-10, лл.139–144 (здесь – л.134).

⁴ См.: ГАХО, Р-4511-1-16, л.3 об.

⁵ Неизданные письма. Ч. 1. Сост. и автор вступ. статьи С.С. Невская. – М., 1998 (серия „Неизвестный Макаренко“, вып.8), с.39.

⁶ Там же.

тя, у Кононенко и водка пьётся лучше...⁷ Дороги друзей разошлись с переездом педагога-писателя в Киев и вновь пересеклись в апреле 1936 г., когда «начфин» получил должность заведующего сельскохозяйственным сектором Управления вспомогательных предприятий наркомата здравоохранения УССР.

Но были и другие друзья, а именно со стороны жены Макаренко – Галины Стахивны Салько. Речь идёт о земляках из Каменца-Подольского. В новую столицу переведён Нарком просвещения УССР В.П. Затонский с семьёй и супруги Езерницкие („Езеры“). Новым для Макаренко стало знакомство с врачом В.П. Захаржевским. Как вспоминает его дочь Елена, „в 35–36 годах наши «посиделки» очень часто бывали у Езерницких в их коммунальной квартире. Благодаря тому, что телефона в их комнатах не было и органы НКВД не могли подслушивать наших бесед, здесь всегда царила особо дружественная, откровенная атмосфера, центром которой был Антон Семёнович“.⁸ Подтверждением этих сведений является рассказ сына Затонского Дмитрия о том, что у них на квартире, как и у Макаренко, встречаться было опасно, ибо их дома находились под контролем НКВД.⁹

Тесные отношения связывали Макаренко с А.О. Броневым, председателем правления коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с сентября 1932 г. Кстати сказать, это единственный из всех чекистов, упомянутый в «Педагогической поэме» под своим собственным именем (правда, лишь в двух первых, 1936 г., изданиях).

Макаренко называет покровителем и другого чекиста – секретаря правления коммуны М.М. Букшпана, которому педагог-писатель в 1932 году сообщил: „За всё время моей работы Вы единственный человек, который понимал глубину нашего опыта и умел видеть единственную ценность, заслуживающую внимания, в нашем пацане, в его человеческом росте“.¹⁰

Они встретятся ещё в Киеве, где Бронева, работавший с июля по сентябрь 1934 г. председателем городской комиссии по борьбе с антисанитарией, получит должность председателя комиссии по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью и, таким образом, некоторое время, до назначения заместителем наркома здравоохранения УССР, будет курировать „поставку“ беспризорных с вокзалов и поездов для учреждений, находящихся в ведении Отдела трудколоний.

Букшпан тоже будет работать в центральном аппарате НКВД – начальником Отдела резервов Управления госбезопасности, а его жена Тамара Букшпан – секретарём ОТК.

Большой интерес исследователей вызывает вопрос, кто же был инициатором переезда Макаренко в Киев. Существует, например, версия о высоком покровительстве председателя ГПУ, а затем наркома внутренних дел УССР – Балицкого Всеволода Аполлоновича, сестра которого рекомендовала „завкола Горького“ как отменного педагога и организатора и отстояла своё мнение перед братом. Макаренко и Наталья Балицкая с 1926 года знали друг друга по работе, он был влюблён и даже хотел на ней жениться.¹¹ Можно предположить, что именно это обстоятельство в трудном 1936 году спасло Макаренко от неминуемого отстранения от должности и ареста. Однако инициатором переезда в новую столицу УССР, по всей вероятности, был не нарком, а Бронева.

Что же послужило поводом для этого?

Следом за упомянутым постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. выходит приказ НКВД СССР от 7 июня данного года за подписью Г.Г. Ягоды «Об организации работы по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности».

„Мы должны так воспитать порученных нам детей, – говорится в нём, – чтобы сделать из них общественно полезных людей, глубоко преданных социалистической Родине, являющихся образцом нового, здорового, радостного человека“.¹²

⁷ См.: Свидетельства искренней дружбы. Воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко. Изд.: Г. Хиллиг, В. Марочко. – Марбург 1997 (серия „Opuscula Makarenkiana“, № 20), с.21.

⁸ Воспоминания Е.В. Захаржевской. – Архив лаборатории „Макаренко-реферат“.

⁹ В беседе с Г. Хиллигом (1993 г.).

¹⁰ ПС, т.8, с.48–50 (здесь – с.50).

¹¹ См.: Хиллиг Г. А.С. Макаренко и НКВД. // „Советская педагогика“, 1990, № 9, с. 118–125 (здесь – с. 119).

¹² Архив МВД Украины, 45-1-3, лл.198–203.

Этим же приказом в Москве и на местах – в союзных республиках, краях и областях – создаются Отделы трудовых колоний для несовершеннолетних. Они наделяются массой функций.

Уже к 1 июля 1935 г. им предписано „немедленно приступить к приёму:

а) От Наркомпросов Союзных республик, СНК, АССР, краевых и областных исполкомов – находящихся на их бюджете приёмников-распределителей и трудколоний со всем имуществом и выделенными для них денежными средствами и фондами;

б) От ГУЛАГа НКВД – всех трудовых колоний несовершеннолетних – со всем имуществом и выделенными для них денежными средствами и фондами, за исключением трудовых колоний, находившихся в лагерях“.¹³

Все материально-правовые условия для работников этих отделов были установлены наравне с другими службами НКВД. Тем самым подчёркивалось: „[...] работу Отдела трудовых колоний для несовершеннолетних в Центре и на местах считать прямой чекистской работой“.¹⁴

На должность начальника всесоюзного Отдела назначается человек, которого Макаренко не мог не знать: Перепёлкин А.С., работавший ранее управляющим (начальником) трудкоммун № 2 в Николо-Угрешском монастыре под Москвой. Помощниками у него стали Алтарёв П.В., который и раньше у Перепёлкина занимал данную должность в том же учреждении, и Николаев А.М. – он работал заведующим учебно-воспитательной частью в трудкоммуне № 1 в Болшево, также под Москвой.

Вне сомнения, что свой перевод в Киев Макаренко без ложной скромности рассматривал как знак доверия чекистов, к которым он „прикипел“ с октября 1927 г.

Уже в 1933 году, т.е. до передачи функций ГПУ Наркомату внутренних дел, педагог-писатель попытался объединить работу трудовых коммун Украины. Для этого он предлагал создать единую систему управления коммун республики под общим руководством одного органа – Совета трудовых коммун, состоящий из главных работников ГПУ УССР. Кроме Харьковской коммуны им. Ф.Э. Дзержинского и Прилукской им. В.А. Балицкого, речь шла о только что организованном тогда учреждении – Полтавской коммуне им. П.П. Постышева¹⁵. Председателем Совета должен был стать Балицкий, а зампредом – его заместитель К.М. Карлсон. Макаренковский «проект Положения о Совете трудовых коммун при ГПУ УССР», за подписью председателя правления коммуны им. Ф.Э. Дзержинского Броневого, последний 4 сентября представил Балицкому на утверждение.¹⁶ Судьба инициативы создать единый орган правления, а также участь вновь организованной коммуны им. П.П. Постышева, неизвестна.

А в письме С. Калабалину от 11 июля 1934 г. (как и в письме М. Горькому от 14 июня¹⁷) речь идёт о некоем проекте Совнаркома УССР: „Здесь, на Украине, затеялось было одно дело, которое сначала показалось мне солидным и возможным. Меня даже выбрали в члены Комитета Совнаркома по организации новых детских коммун на 12 000 человек. (Я предлагал одну коммуну на берегу Днепра на все 12 000.) Но Совнарком уехал в Киев, и всё это дело расстроилось. Я, впрочем, думаю, что оно всплывёт, так как беспризорных «до биса»“.¹⁸ ЦК КП(б)У и правительство УССР – в соответствии с постановлением XII съезда партии – 24 июня 1934 г. переехали из Харькова в Киев. Вполне возможно, что в связи с упомянутым проектом фамилия „помнача“ коммуны им. Ф.Э. Дзержинского „всплыла“ при обсуждении кандидатов на должность во вновь создаваемый Отдел трудколоний НКВД УССР.

Во всяком случае, он получил предложение занять пост помощника начальника Отдела трудколоний НКВД УССР – начальника отделения учебно-воспитательной работы.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: „Більшовик Полтавщини“, 1933, № 241, 18.10., с.4; № 263, 16.11., с.3.

¹⁶ См.: РГАЛИ, 332-2-3, лл.1–5.

¹⁷ См.: Переписка А.С. Макаренко с М. Горьким. Академическое издание. Под ред. Г. Хиллига, при участии С.С. Невской. – Марбург, 1990 (серия „Opuscula Makarenkiana“, № 11) (ссылки как на: Переписка...), с. 81; также в: ПС, т. 1, с. 258.

¹⁸ ПС, т. 8, с. 51–52 (здесь – с. 51).

В его подчинении теперь были 12 трудколоний, переданных в управление НКВД из Наркомпроса, а также 19 приёмников-распределителей для несовершеннолетних.¹⁹

На Украине в ведение Отдела не входили трудколонии из системы ГУЛАГа, отличавшиеся закрытостью, суровым бытом и жёсткими порядками. К счастью для Макаренко, почти все эти гулаговские учреждения были сосредоточены в „братских республиках“ — России и Казахстане. В ОТК не входили также две трудкоммуну НКВД УССР — имени Ф.Э. Дзержинского в Харькове и имени В.А. Балицкого под Прилуками. Этот факт совершенно неизвестен. До сих пор предполагалось, что Макаренко на посту „помнача“ ОТК руководил и «Дзержинкой». В действительности он в Киеве, а именно до 10 января 1936 г.,²⁰ был почти полностью оторван от своего детища.

Датой назначения педагога-писателя на должность в ОТК НКВД УССР или переезда в столицу республики в макаренковедении считается 1 июля 1935 г. В своём письме Горькому от 28 сентября того же года он пишет: „Меня вырвали из коммуны в июне, даже не попрощался с ребятами“.²¹ О том, что отъезд из Харькова якобы был для него совсем неожиданным, Макаренко рассказывал также в одной из лекций в Наркомпросе РСФСР (январь 1938 г.): „Когда я был срочно, в течение одного часа, откомандирован по телеграмме из Киева, из коммуны им. Дзержинского и должен был уехать в Киев, я имел только полчаса в своём распоряжении, чтобы проститься с коллективом, с которым я провёл 8 лет“.²² Подтверждением даты этого события может служить приказ по коммуне от 27 июля 1935 г. за № 165: „Тов. Дидоренко С.А. назначить временно исполняющим обязанности начальника учебно-воспитательной части коммуны с 25 сего июня 1935 г.“,²³ а также два документа из личного архива педагога-писателя: „Удостоверение, выданное А.С. Макаренко трудкоммуну имени Ф.Э. Дзержинского о служебной командировке в г. Киев“, от 26 июня²⁴ и „Справка“ главного бухгалтера трудкоммуну от 26 августа 1935 г. — „дана сия быв. начальнику педагогической части коммуны тов. Макаренко Антону Семёновичу в том, что он при коммуне удовлетворён зарплатой по 1-е июля 35 г. включительно“.²⁵

Приказ о назначении Макаренко с 1 июля 1935 г. помощником начальника Отдела и начальником II отделения ОТК за № 201 подписан только 19 августа. Дело в том, что, отработав полтора месяца в Отделе, педагог-писатель не обнаруживает себя в ведомости на получение зарплаты. Оказалось, что всё это время он работал в аппарате наркомата, не будучи официально назначенным на должность. После обращения Макаренко с рапортом к заместителю начальника Админхозуправления НКВД УССР, последний, разобравшись в ситуации с назначением, ставит резолюцию: „Тов. Макаренко А.С. приступил к работе 1.VII.35“.²⁶

Есть основания предполагать, что решение о переводе „помнача“ коммуны им. Ф.Э. Дзержинского в новое управление по руководству детскими учреждениями республики и, в связи с этим, о его откомандировании из Харькова было принято ещё до публикации постановления «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» 1 июня 1935 г. в «Правде». Как следует из личного дела Макаренко, 27 мая того же года он заполнил «послужной список», где дал исчерпывающие сведения о себе: дата и место рождения, национальность, знание языков, социальное происхождение и положение, основная специальность, партийное положение и участие в политической работе, образование, семейное положение, служба в Красной и в старой армиях, пребывание в белой или иностранных армиях, а также антисоветских партизанских отрядах, связь с границей, служба или род занятий до и после революции.²⁷ Несмотря на то, что на первой странице документа стоит печать «Детская Трудовая Коммуна им. Ф.Э. Дзержинского», он, по всей вероятности, заполнялся с целью перехода педагога-писателя на новую работу.

¹⁹ См.: Архив МВД Украины, 46-1-1а, лл.206–207.

²⁰ См. гл. 13 этой работы.

²¹ Переписка..., с.94; см. также: ПС, т.1, с.265.

²² ПС, т.4, с.160.

²³ РГАЛИ, 332-2-7, л.85.

²⁴ РГАЛИ, 332-1-50.

²⁵ РГАЛИ, 332-4-384, л.2.

²⁶ Архив МВД Украины, 40-16315, р.IV, л.14.

²⁷ Там же, лл.16–18.

Любопытно, что Макаренко честно отвечал на все пункты анкеты – за исключением одного: на вопрос, какими языками (кроме родного – русского) владеет, он писал: «немецкий, украинский». То, что педагог-писатель владел иностранным языком, до сих пор не было известно ни его многочисленному окружению, ни международному макаренковедению.

2. ХОЗЯЙСТВО

После прибытия в Киев Макаренко несколько недель жил в гостинице «Палас»,²⁸ где временно находились и другие чиновники, переведённые из Харькова. 10 июля в новую столицу прибыла также и жена.²⁹ Пятнадцатилетняя племянница педагога-писателя Лиля (Олимпиада Витальевна Макаренко), жившая в последнее время вместе с его семьёй, была тогда в летнем лагере коммунаров-дзержинцев и переехала в Киев лишь в конце августа – к началу нового учебного года.³⁰ О факте, что не только жена, а также племянница и даже «сын Лев – 18 лет» находились на его иждивении, говорилось в различных справках, находящихся среди личных бумаг «помначи».³¹

Как вспоминает бывший коллега Макаренко по Крюковскому высшему начальному железнодорожному училищу Б.Ф. Горонович, во время встречи с ним в киевской гостинице последний был свидетелем такой сцены: «[...] зашёл военный, что-то ему сказал, Макаренко ответил:

- Приду, – и стал одеваться. Жена ему:
- Ты к кому?
- К Аполлону.
- Так надень военный костюм!

Он переоделся, попрощался и уехал.

Я спросил Галину Стахивну:

- Кто же это Аполлон?

– Народный комиссар внутренних дел Украины Балицкий!³² Этот эпизод свидетельствует о том, что их отношения были не только служебными...

19 июля Г.С. Салько информирует сына (студента Московского авиационного института), находившегося на лечении в Кисловодске, что семья «в прекрасном месте получила квартиру: три комнаты, отдельная квартира», в доме НКВД возле знаменитого, написанного Врубелем, Владимирского собора, на улице Леонтовича, 6.³³ Речь идёт о квартире № 21, площадью 53 кв.м., на последнем этаже.³⁴

Переезд, однако, по неизвестным причинам затягивался. Вначале, как следует из цитированного выше письма, Галина Стахивна была оптимистически настроена. Она пишет: «Возможно, что сейчас переедем в нашу квартиру, до сих пор жили в гостинице и надоело».³⁵ Документального свидетельства о моменте переезда не имеется, но, судя по соответствующим пометкам на полях рукописи 3-ей части «Педагогической поэмы», Макаренко писал главы «Гопак» и «Преображение» между 30 июля и 17 августа 1935 г. или в своём служебном кабинете – до и после работы – или в одном из парков г. Киева.

Пометка «дома» на полях рукописи впервые появляется 18 августа.³⁶ Из этого можно сделать вывод, что семья въехала в квартиру по улице Леонтовича в середине августа.

Освоиться с новой ситуацией в столице Украины для супругов оказалось очень трудным делом. Так, 31 августа Галина Стахивна пишет сыну: «Мы по-старому живём, чувствуем себя временно живущими в Киеве и поэтому нет ощущения уюта и покоя.

²⁸ См.: РГАЛИ, 332-5-106, л.33.

²⁹ См.: письмо Г.С. Макаренко к сыну от 19.07.1935 г.; РГАЛИ, 332-5-106, л.38.

³⁰ О.В. Макаренко в беседе с Г. Хиллигом (1993 г.).

³¹ См.: РГАЛИ, 332-4.384, лл.3–5.

³² Архив лаборатории «Макаренко-реферат».

³³ РГАЛИ, 332-5-106, л., лл.38–39; Неизданные письма. Ч.1. – М., 1998, с.54.

³⁴ См.: РГАЛИ, 332-5-107, л.25 об.

³⁵ Там же, 106, лл.38–39; Неизданные письма. Ч.1, с.54.

³⁶ См.: Макаренко А. Собрание сочинений. Марбургское издание (ссылки как на: СС), т.5. – Штутт-гарт, 1982, с.261.

Мне уже так хочется жить, зная, что это надолго. Надоело вечное ощущение, что жизнь временная.³⁷ И в письме от 21 марта 1936 г. можно прочесть: „Меня в Киеве страшно угнетает пятый этаж без лифта, мне очень трудно карабкаться на этажи, а когда будет лифт, никому неизвестно“.³⁸ В этой квартире семья Макаренко жила до ноября 1936 г.

Новоиспечённые киевляне вскоре наняли домработницу Оксану, которая, однако, больше разбиралась в музыке, чем в стряпне. С ней Галина Стахивевна вела дискуссии о творчестве Шалыпина и Бетховена.³⁹ Следовательно, это не принесло хозяйке ожидаемого облегчения. Главным стремлением Г.С. Салько было перевезти из Харькова свою любимую кухарку Марфушу (Марфа Петровна). Об этом идёт речь в письме к сыну от 31 августа 1935 г.: „У меня есть уже работница, но она меня не удовлетворяет. Я всё-таки скучаю без своей Марфы, к которой привыкла, а для меня это в выборе работницы играет большую роль. Написала мне Марфуша, что может приехать, [но] что-то у неё там переменилось. Пока не знаю, жду ответа на свою ноту. Но хорошо уже то, что мне не приходится самой готовить обед, а так, в остальном, так как работница приходящая, то возни хватает“.⁴⁰ А 9 сентября Галина Стахивевна пишет: „[...] вчера приехала наша Марфуша из Харькова и я вздохнула свободно“.⁴¹ 13 апреля 1936 г. она пишет сыну: „У меня намечалась возможность взять вторую работницу [...]“.⁴² Тогда же, по всей вероятности, семья наняла Олю-немку, молодую девушку, которая в 1937 году, как и Марфуша, была взята в Москву. Обе фигурируют в записных книжках педагога-писателя, где речь идёт о том, что они в кухне при активном участии хозяйки приступили к пению „українських пісень“, за чем Макаренко с пренебрежением наблюдал, явно ожидая, когда же закончится эта „контрреволюционная националистическая акция“.⁴³ В записных книжках можно также прочесть (осень 1937 г.): „Повышение благосостояния приводит ко второй прислуге“.⁴⁴

На вопрос об использовании домработниц в семье Макаренко в Харькове, Киеве и Москве (пост)советское макаренковедение до сих пор не обращало достаточного внимания. Высказывания педагога-писателя о повышении благосостояния и стремления жены иметь двух домработниц означают, что Макаренко, по-видимому, вошёл в номенклатурную обойму не только чекистских, но и литературных кругов.

Как видно из подготовленных материалов к «Книге для родителей», опубликованных в 5-м томе «Педагогических сочинений» Макаренко (Москва, 1985), он сам хорошо понимал социальные и этические проблемы, на которые наталкивается частное использование чужого труда в советских условиях. В этих записях можно прочесть:

„Ела ли домработница?“. „Разделение труда на две категории: высшая и низшая. Домработница. «Она получает деньги»“. „Эксплуатация человека в домашней работе. Как дети должны относиться к домработнице?“. „Домашняя работа и работа домработницы“. „Трудность домашней работы“. „Легче всего эксплуатировать в домашней работе“. „Уважение к труду работницы. Особое значение: домработница“.⁴⁵

3. АППАРАТ

Нельзя сказать, что Макаренко в жизни не сталкивался с чиновниками. Они тучами слетались в Куряж, в колонию им. М. Горького, с удовольствием посещали коммуны им. Ф.Э. Дзержинского в районе Нового Харькова, особенно ближе к вечеру... Однако такого количества чиновничьей братии, как в Киеве, он ещё не встречал.

Аппарат НКВД был одним из самых многочисленных. Речь идёт не о постовых и участковых, пожарных и сотрудников загсов. Речь здесь пойдёт именно о чиновниках

³⁷ РГАЛИ, 332-5-106, л.41; Незданные письма. Ч.1; с.54.

³⁸ РГАЛИ, 332-5-107, л.7.

³⁹ См.: Записная книжка А.С. Макаренко; маш. копия (ссылка как на: Зап. кн.), № 6, запись № 573 – Архив лаборатории „Макаренко-реферат“.

⁴⁰ РГАЛИ, 332-5-106, л.41 об.

⁴¹ Там же, л.45 об.

⁴² РГАЛИ, 332-5-107, л.10.

⁴³ См: Зап. кн. № 8, запись № 910.

⁴⁴ Зап. кн. № 9, запись № 981.

⁴⁵ ПС, т.5, с.265, 266, 269, 274, 275.

НКВД, направлявших работу своих многочисленных подведомств. Ведь наркомат внутренних дел тех лет – это „чудище обло“, громадный институт, на который, как можно прочесть в одном из приказов НКВД УССР, „кроме борьбы с контрреволюцией во всех её проявлениях, возложен ряд новых задач государственной важности: охрана социалистической индустрии, обеспечение общественного порядка, строительство гигантских сооружений, перековка преступников, борьба с детской беспризорностью, строительство дорог, охрана государственной границы [...]“.⁴⁶

Для постоянного пополнения кадров наркомата требовались тысячи людей. Но не все они годились для этой работы. Нужно было обладать „чистой“ биографией, проявлять лояльность во всём, чтобы избежать ярлыка „классово-чуждый элемент“.

Вот почему, говоря о доверии чекистов, мы прежде всего имеем в виду доверие к Макаренко со стороны наркома В.А. Балицкого. Чем иначе можно объяснить тот факт, что в центральный аппарат НКВД в период появления в советском обществе разнообразных „врагов“ – после убийства С.М. Кирова – назначается на довольно высокую должность беспартийный 47 лет, у которого жена, Г.С. Салько (в девичестве Рогаль-Левицкая) – из польских дворян, член партии большевиков с 1917 по 1933 гг., выбывшая „вследствие болезни (туберкулёз)“, а родной брат Виталий – офицер царской армии, позже деникинец, бежавший за рубеж и проживающий во Франции... Все эти факты Макаренко, уже почти пять месяцев находившийся в аппарате наркомата внутренних дел УССР, не скрывает при заполнении «Анкеты специального назначения работника НКВД» 19 ноября 1935 г.⁴⁷

Важным условием поступления на работу в НКВД являлась специальная проверка кандидата на должность, которая поручалась органам рабоче-крестьянской милиции в тех местах, где жил и работал кандидат. Дело это хлопотное, связь налажена плохо, и для того, чтобы проверить лояльность Макаренко, пришлось не только направить запросы в Белополье, Кременчуг, Долинскую, Полтаву и Харьков, но и дожидаться оттуда результата. Положительный ответ пришёл из всех названных населённых пунктов,⁴⁸ хотя из Харькова – лишь во второй половине июля 1935 г. И то не о „нашем“ Макаренко (род. в 1888 г. в городе Белополье, Сумского уезда), а о другом лице с такой же самой фамилией, именем и отчеством, 1882 года рождения, уроженца села Ковяги Валковского округа, проходящего в ГПУ Харьковского округа по следственному делу № 1488 – 33 г. На этой справке есть резолюция: „Не тот“.⁴⁹ По всей вероятности, речь идёт о двоюродном брате педагога-писателя, который по политическим делам ещё в 1905 году сидел в Полтавской тюрьме, а в 30-х годах, как бывший эсер и контрреволюционер, сослан в Казахстан.

В целом, при более тщательном рассмотрении кадровой политики тех лет, складывается впечатление, что одновременно с переносом столицы из Харькова в Киев туда „перенесли“ и целую армию чиновников.

Основная масса их были людьми семейными. Следовательно, вместе с ними приехали их жены, дети, тёщи, тесты, дедушки и бабушки. НКВД заботился о своих кадрах и членах их семей: все они получали благоустроенные квартиры. В 1935 году был сдан в эксплуатацию огромный многоквартирный дом для чекистов на углу улицы Круглоуниверситетской, возле главного в Киеве – Бессарабского – рынка.

В ОТК действовали пять отделений: организационное – начальник отделения (с ноября 1935 г.) Ивахненко⁵⁰, учебно-воспитательное – Макаренко, производственное – Барсук Евгений Соломонович⁵¹, планово-экономическое – Краковский Иосиф Моисеевич⁵², финансовое – Оратовский Борис Ильич⁵³. Штат был велик: Отдел занимал трёхэтажное здание по улице Рейтарской, 37. За начальником ОТК был закреплён персональный автомобиль.

⁴⁶ Архив МВД Украины, 46-1-41, л.12.

⁴⁷ Там же, 40-1-16315, р. Ш, лл.5–8.

⁴⁸ См.: там же, р. V, лл.1–8.

⁴⁹ Там же, л.8.

⁵⁰ См.: ГАХО, Р-4511-1-7, л.16. До и после Ивахненко как «врядна» или «замнач» отделения в документах назван Овчинников; см.: там же, 8, л.20 (17.10.1935 г.); 19, лл.4 (23.08. 1936 г.), 6 (11.09.1936 г.).

⁵¹ Картотека архива МВД Украины.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

Отдел тогда возглавлял Воевода Мирон Исакович, который до этой должности работал в Харькове начальником Отдела мест заключения НКВД УССР. Его назначили на новую должность, как и Макаренко, только 19 августа 1935 г. На посту начальника ОТК он пробыл лишь короткое время.⁵⁴

В макаренковедческой литературе Воевода вообще не упоминается. В записной книжке педагога-писателя можно найти два соответствующие высказывания. В одном речь идёт о первом появлении этого человека в ОТК: „Воевода Мирон Исакович. Я ходил несколько дней и не знал, как приступить к делу. А он приехал и в первый же день осмотрел предназначенные нам помещения и квартиры. При чём особенное хотя и молчаливое внимание обратил на кабинеты“.⁵⁵

В другом Макаренко воспроизводит диалог со своим начальником и отзывается о нём как о дураке, но не называя его фамилии (сентябрь 1935 г.): „Тип. Он, этот начальник, существо в высшей степени жалкое. Он малограмотен. Кроме того он забывает всё. Через каждую минуту он из-за своего письменного стола спрашивает меня.

– А где это... Николаевская колония.

– Николаевской колонии нет.

– А почему здесь написано?

– Это очень старый план. Где вы это взяли?

– А вот тут у меня.

Через пять минут он спрашивает:

– А какая станция близко к Андреевской колонии?

– Шебелино⁵⁶.

Он тупо смотрит на меня, точно я говорю на иностранном языке, и как будто он меня спрашивает не 10 раз“.⁵⁷

В конце сентября 1935 г. Воевода был переведён в резерв кадров и вскоре назначен в хорошо ему знакомый Отдел мест заключения НКВД УССР, в распоряжении которого находились серьёзные заведения – следственные изоляторы, тюрьмы, колонии и лагеря.

Известно, что Воевода с должности начальника-комиссара Харьковской школы НКВД в 1937 году был откомандирован в распоряжение наркомата внутренних дел СССР.⁵⁸

В записной книжке Макаренко можно также обнаружить и „служебные“ характеристики двух его коллег из ОТК: „Краковский. Чем он живёт? Исключительно блатом и устройством личных дел. Он побыл секретарём два месяца. Занимался больше тем, что бегал по личным делам Воеводы: квартира, билеты, отопление, телефон, обмундирование, и даже самолёт. Воеводе надоел до смерти“.⁵⁹

„Борис Ильич Оратовский. Он беден, очень беден и дела своего не знает, но он может стоять важно у стола. Важность достигается неподвижностью торса и отсутствием поворотов головы, медленными движениями рук, но говорит [на] тон больше:

– Из этого ничего не выйдет. Они этого не сделают.

Такие люди, сидя в ФО [финотделение – А.А./Г.Х.], могут заморозить любое, самое хорошее дело“.⁶⁰

Как видно из другой записи, Оратовский – образец „чиновника из финотдела“ Кащея Бессмертного в третьей части «Педагогической поэмы».⁶¹ Однако, начиная с 1937 года, этот эпизод из текста данного произведения исключался и в Советском Союзе был вновь опубликован лишь в 1984 году – в приложениях к переизданию «Поэмы» в восьмитомнике «Педагогических сочинений» А.С. Макаренко (т. 3).

⁵⁴ См.: там же.

⁵⁵ Зап. кн. б. №, запись № 368.

⁵⁶ Здесь имеется в виду ст. Шебелинка Южной железной дороги, от которой до хаты Н.Н. Оксы, как утверждает один из авторов (Г.Х.), идти пешком 20 минут.

⁵⁷ Зап. кн. № 6, запись № 552.

⁵⁸ Картотека архива МВД Украины.

⁵⁹ Зап. кн. № 6, зап. № 553.

⁶⁰ Там же, № 546.

⁶¹ См.: там же, № 575.

Трудкоммуны с момента перевода функции и аппарата ГПУ в подчинении НКВД УССР (июль 1934 г.) оказались в системе его Административно-хозяйственного управления (АХУ). Руководил управлением, которое занималось тыловыми, снабженческими вопросами, Савелий Михайлович Циклис. Возможно, это был правильный шаг со стороны коллегии наркомата – трудкоммуны на этапе становления, как уже было отмечено, нуждались прежде всего в материальном развитии, и АХУ могло оказать реальную помощь в организации их деятельности.

4. РАБОТА

В первом письме из Киева (прибл. 20 августа 1935 г.) Макаренко рассказывал К.С. Кононенко о непривычной для себя работе в ОТК. Отрывки из этого письма последний цитирует в воспоминаниях «Забыть его нельзя»: «Я сделался бюрократом, и с каждым часом проникаюсь всё большей и большей ненавистью к этой специальности. Физически я ничего не делаю, но бумаги извожу очень много. Ненавижу бумагу, машинисток, почту. Машинисток я объявил бы вне закона. Просто отдал бы приказ: уничтожить на месте после удостоверения личности.

Жить в Киеве, разумеется, легче, чем в Коммуне: всё-таки в городе, в день часа четыре свободных и свободны выходные дни, но в душе всё обстоит не по-моему. Смотрю в лес, т.е. в Москву. При первой возможности смоюсь [...]».⁶²

Его явно не устраивала такая работа. Так, в записной книжке можно прочесть: «Доклады, обзоры, сводки, представления. Их пишут, печатают, исправляют, перепечатывают, часто потом бросают, потому что они никому не нужны. Можно с ума сойти, как Андреевский щенок перед граммофоном, в усилении понять для чего это нужно.

Потом отчёты. С потолка».⁶³

Эту же мысль Макаренко высказывает в письме к Константину и Елене Кононенко от 22 октября 1935 г.: «В этом самом ОТК меня используют исключительно как писателя – пишу целыми днями доклады, обзоры, сводки. До того дописался, что хочу уже составлять «Памятку докладчикам». Между прочим, я пришёл к глубокому убеждению, что докладов этих никто не читает, что вообще они никому не нужны. И поэтому я, как «андреевский» щенок перед граммофоном, начинаю психовать: мне необходимо понять, для чего меня заставляют писать доклады».⁶⁴

Примечательно, что Макаренко здесь вспоминает не только о главном герое одного из рассказов Леонида Андреева (1871–1919), другого литературного, кроме Горького, кумира дореволюционной России,⁶⁵ но и о щенке (по прозвищу Кляйна) директора Андреевской средней школы № 1 Н.И. Захарова, с которым он был ранее знаком. По свидетельству жителей села Андреевки Балаклейского района Харьковской области⁶⁶ (родина Первого секретаря ЦК КПУ П.Е. Шелеста, а также беспартийного макаренковед Н.Н. Оксы), эта собака отличалась музыкальным талантом: с недоумением долго смотрела на граммофон директора школы, затем лаяла, а потом, в такт музыке, начинала выть, а порой и пританцовывала. Если музыка ей не нравилась, она очень недовольно урчала и «психовала», временами пытаясь остановить лапой крутящуюся пластинку.

Кроме сюжета «андреевского щенка» у Макаренко довольно ярко освещается вопрос «андреевского ужаса». В рукописи написанной в связи с двадцатилетием Октябрьской революции статьи «Судьба», подчёркивая значения счастья «как функция человеческого общества», он характеризует ужас в творчестве Андреева как конец русской литературы заката XIX века. «Андреевский ужас» Макаренко противопоставляет «ужасу Достоевского»: «У Достоевского ужас перед человеческой судьбой выразился в картинах самого гибельного развала, гниения человеческой личности, развала безысходного, кровоточащего, отчаянного. Это гибель той самой личности, которая так долго, так покорно подставляла голову исторической судьбе и, наконец, устала надеяться и хотеть. Достоевский

⁶² См.: Свидетельства искренней дружбы, с.15.

⁶³ Зап. кн. № 6, запись № 570.

⁶⁴ ПС, т.8, с.55–56 (здесь – с.55).

⁶⁵ См.: Макаренко В. Мой брат Антон Семёнович. Воспоминания, письма. Ред. и автор комм.: Г. Хиллиг – Марбург, 1985 (серия «Opuscula Makarenkiana», № 3), с.33.

⁶⁶ В беседе с Н.Н. Оксой (в 1998 г.).

пытается разрешить это гниение в процессе страдания, но и страдание его безнадежно, в нём совершенно уже не видно лица общественного человека. Андреевский ужас больше похож на бунт, у него больше крика, визга, вопля, он не хватается голыми руками за страдание и не покоряется судьбе – андреевский человек погибает с руганью на устах, но он так же бессилён и так же немощен, как и человек Достоевского.⁶⁷ Кстати, несмотря на короткое упоминание об Андрееве в «Книге для родителей»,⁶⁸ цитированное выше место является единственным высказыванием Макаренко об этом писателе, включённым в советские собрания его сочинений.

В 1938 году Макаренко, как известно, дал главному герою романа «Флаги на башнях» фамилию хозяина необычной собачки из Андреевки. Но при этом ему, как позже и всему макаренковедческому братству, полностью неизвестен действительный андреевский ужас осени 1937 г.: ведь тогда же Захаров и почти весь мужской состав его школы были арестованы УНКВД Харьковской области, обвинены в шпионаже на пользу Польши и расстреляны.⁶⁹ К сожалению, дальнейшую судьбу этой необычной собаки проследить не удалось, поскольку её хозяйка – жена директора школы – тоже была арестована.⁷⁰ Таким образом, шанс для щенка стать активным участником культурного фронта во время Великой Отечественной войны и принести славу родному селу, был потерян. Андреевский щенок, по всей вероятности, стал обычной бездомной дворнягой, поэтично описанной Андреевым в конце своего рассказа «Кусака» (1901 г.):

„Наступила ночь.

И когда уже не было сомнений, что она наступила, собака жалобно и громко завывала. Звонящей, острой, как отчаяние, нотой вырвался этот вой в монотонный, угрюмо-покорный шум дождя, прорезал тьму и, замирая, понёсся над тёмным и обнажённым полем.

Собака выла – ровно, настойчиво и безнадежно-спокойно. И тому, кто слышал этот вой, казалось, что это стонет и рвётся к свету сама беспросветно-тёмная ночь, и хотелось к теплу, к яркому огню, к любящему женскому сердцу.

Собака выла“.⁷¹

Интересно, что эту же картину вспомнил Макаренко в 1935 году, inspectируя местную трудколонию, по пути из вечеринки в Андреевской школе до места ночлега у Г.П. Устинова. Как он рассказывал Н.Н. Оксе в 1992 году, эпизод с собакой Н.И. Захарова „помнач“ охарактеризовал таким образом: „Как этот щенок выл ровно, настойчиво и безнадежно просяще. Тому кто слышит этот вой казалось, что стонет и рвётся к свету сама наша беспросветно-тёмная жизнь, и, хочется к теплу, огню, к любящему женскому сердцу. Этот щенок, как у Леонида Андреева“.

Помимо бюрократической работы в 1935–36 годах у Макаренко были ещё и многочисленные поездки по Украине. Поскольку он в бытность свою „завколом Горького“ мало ездил, знакомство с регионами республики для него являлось в диковинку и сопровождалось массой эмоций. Напомним, что дело это совсем новое и опыт практической работы „помнач“, которым он, вне сомнения, с удовольствием делился, не мог не пригодиться ему в этих поездках. Они, несомненно, обогатили не только его самого, но и сотрудников детских колоний, общавшихся с ним в командировках.

Наибольшее впечатление на писателя-педагога произвёл Донбасс: „От горизонта до горизонта справа налево протянулся город. То там, то здесь угрюмо торчат целые букеты труб, чёрных, прямых, железных, и из них прёт тяжёлый ещё более чёрный дымовой пожар и обрушивается на город. Терриконы сквозь дым везде маячат, как хозяева, неподвижные, треугольно-настойчивые.“⁷²

Организовать работу колоний, учитывая последствия голода 1933 года и скудное финансирование при отсутствии обычных вещей, одежды, продовольствия, было крайне сложно. Добавим к этому, что переданные из ведения Наркомпроса учреждения обладали никудышной, даже в понимании того времени, материальной базой. „Вы отдали нам

⁶⁷ ПС, т.7, с.102–108 (здесь – с.105).

⁶⁸ См. ПС, т.5, с.77.

⁶⁹ См.: Репресії проти освітян Запоріжчини. (Збірник наукових праць студентів та викладачів). За ред. М.М. Окси. – Мелітополь, 1999, с.23.

⁷⁰ См.: там же, с.24.

⁷¹ Андреев Л. Полное собрание сочинений. В 8-и томах. – СПб., 1913, т.7, с.206–212 (здесь – с.212).

⁷² Зап. кн. № 8, запись № 757.

сгнившие помещичьи гнёзда или трёхсотлетние монастыри, заслуживающие только разрушения“, – говорится в одном письме Макаренко, написанном в 1928 году.⁷³

Педагог-писатель видел пути становления колоний только в огромном энтузиазме тех, кто взялся руководить ими в это непростое время. Он всегда понимал и поддерживал „истинных определителей жизни колонии“ – управляющих, по себе зная, насколько тяжёл их труд.

„Среди постоянных припадков бедности и хозяйственного бессилия, в центре трёхсот–четырёхсот более или менее исковерканных детских характеров, часто с чрезвычайно слабым составом сотрудников, он один несёт на себе заботу и ответственность за благополучие всех. При этом он и педагог, и хозяин, техник, инженер, спекулянт, ветеринар и агроном, отец и судья, самый добрый и самый вредный человек в коммуне.“⁷⁴

Основная масса управляющих колониями – это не неведомые Макаренко люди, а его добрые друзья. Он знает их имена, наклонности, увлечения, характеры.

Вот, например, управляющий трудколонией им. И.Э. Якира на хуторе Вольный близ Киева, Шишкин, и начпед трудколонии им. С.В. Косиора в Якушинцах Винницкой области, Семён Калабалин, один из героев «Поэмы»: „Две страсти, две натуры: Шишкин – ладный, склонный к аккуратному порядку, Семён – цыгански-анархистичный, но властолюбивы оба“.⁷⁵ Не менее подробные характеристики мы находим в записных книжках Макаренко и по поводу других его коллег.

После проверки Одесской трудколонии получает выговор в приказе наркома давний приятель педагога-писателя – управляющий колонией Цыбульский.⁷⁶

О Генрихе Мартиновиче Цыбульском следует сказать подробнее – фамилия эта встречается у Макаренко в записных книжках и переписке. Начальником Одесской трудколонии он был назначен в октябре 1935 г. Через два года его уволят с работы и арестуют. Оказывается, во время первой мировой войны, будучи солдатом австро-венгерской армии, он попал в плен.

После войны он изменил свою фамилию на Цыбульский, но так и не принял гражданства СССР. Факт этот обнаружился в сентябре 1937 г., когда прошла тотальная проверка всех кадров, находящихся на службе в НКВД.⁷⁷

В отделении, которым командовал Макаренко, ненадолго наступил период творчества. Иногда творчество, правда, приобретало уродливые формы, но, возможно, это только субъективный взгляд.

Так, например, огромную популярность в то время в стране приобрели разного рода спортивные соревнования, конные переходы, автопробеги и агитперелёты. Макаренковцы не могли пройти мимо повальной демонстрации физической силы и придумали своё особое мероприятие, которое потом было растиражировано по всем подразделениям.

В марте 1936 г. состоялся пеший переход воспитанников коммуны им. В.А. Балицкого по маршруту: с. Ладан Прилукского района (где находилась коммуна) – город Киев. И хотя расстояние перехода не так уж и велико – каких-нибудь 160 километров, однако „изюминкой“ было то, что коммунары совершили этот переход... в противогазах! Они доставили в столицу красочно оформленный рапорт о достижениях коммуны и были награждены приказом наркома. Проект приказа готовился в отделении учебно-воспитательной работы ОТК.⁷⁸

5. „ЖЕНИТЬБА“

Многолетние отношения А.С. Макаренко и Г.С. Салько решено было узаконить: 4 сентября 1935 г. они расписались в Киеве. Галина Стахивевна приняла фамилию мужа.

⁷³ См.: Забота, контроль, вмешательство. Шесть отчётов об инспекторских и других проверках колонии им. М. Горького (1922–1928 гг.). Сост.: Г. Хиллиг. – Marburg, 1994 (серия „Opuscula Makarenkiana“, № 14), с.43.

⁷⁴ Там же, с.45.

⁷⁵ Зап. кн. № 8, зап. № 764.

⁷⁶ См.: Архив МВД Украины, 46-1-1д, л.192.

⁷⁷ Картотека архива МВД Украины.

⁷⁸ См.: Архив МВД Украины, 46-1-1д, л.22.

Влюблённые, как свидетельствуют О.В. Макаренко и О.К. Кононенко,⁷⁹ для регистрации брака использовали служебное положение Антона Семёновича: для оформления соответствующих документов они пригласили к себе домой сотрудницу загса (отдел записей актов гражданского состояния тогда, как известно, находился в системе НКВД). Был накрыт неплохой, по тем временам, стол – с шампанским и закусками. И новобрачные, и служащая загса остались довольны.

Упоминания об изменении их семейного положения в переписку новобрачных не включены, однако, начиная с 9 сентября 1935 г., Галина Стахиевна на конвертах писем и формулярах перевода денег сыну пишет фамилию Макаренко.⁸⁰ А сам педагог-писатель дал в первом отдельном издании «Книги для родителей», вышедшее в ноябре 1937 г., примечание, которое сохраняется во всех последующих изданиях этого произведения: „«Книга для родителей» написана мною в сотрудничестве с моей женой Галиной Стахиевной Макаренко. А. Макаренко“.

Возникает, конечно, вопрос, почему А.С. Макаренко и Г.С. Салько, которые уже с 1928 года считали себя мужем и женой (хотя до 1930 или 1931 года они жили раздельно), именно осенью 1935 г. решили зарегистрировать свой брак? Не надо забывать, что в начале января того года у педагога-писателя был тяжёлый сердечный приступ с потерей сознания, после чего Макаренко положили на медицинское обследование и лечение в Одесский кардиологический институт. Регистрация их связи обеспечивала Галине Стахиевне юридические основания для наследования авторских прав (на это время приходятся первые серьёзные литературные успехи и гонорары мужа). Толчком к „женитьбе“ в 1935 году, без сомнения, явилось именно её желание.⁸¹

Однако в течение семи лет до этого всё обстояло совсем наоборот. Тогда же, как следует из письма Макаренко к Г.С. Салько от 31 октября 1928 г., он настаивал на официальной регистрации их связи, но она, очевидно, не торопилась с этим. В данном письме можно прочесть: „Я серьёзно хочу просить Вас зарегистрировать наш брак, но и тогда мне будет очень трудно привыкнуть к тому, что всякая свинья будет считать своим правом о нашем браке разговаривать. Повторяю, это у меня маленький идиотизм, но я привык к нему и мне он нравится, и я хочу, чтобы он сделался и Вашим. Я не хочу обыкновенной семьи, я хочу, чтобы мы с Вами были только нашей тайной, я хочу купаться в этой нашей симфонии, но без зрителей и друзей. Перед другими мы будем стоять рядом и улыбаться. Пусть думают, что хотят. Перед другими я с особенным удовольствием скажу Вам:

– Галина Стахиевна, не поддержите ли Вы компанию в театр? – т.е. скажу в такой форме, какая невозможна между привычными для всех супругами“.⁸² В 30-ые годы любовь Макаренко к Г.С. Салько охладела, и о возобновлении их прежней бурной связи он уже не мог и вспомнить. Так, в одном из писем к Т.В. Турчаниновой, 48-летней учительнице из Сталино, с которой он тогда же (октябрь 1938 г.) собирался лично встретиться, педагог-писатель о причине своего „бракосочетания“ в 1928 году утверждал: „[...] я женился в 40 лет, женился по дружбе и по благодарности“.⁸³

Р.С. Один из авторов (А.А.) предполагает, что поводом для заключения брака была не материнская любовь и мудрая дальновидность Г.С. Салько, а существующее в НКВД правило предоставлять квартиры только семейным.

6. «ПОЭМА»

⁷⁹ В беседах с Г. Хиллигом (1994, 1996 гг.).

⁸⁰ См.: РГАЛИ, 332-5-106, лл.44, 46 об.

⁸¹ Предположение (высказанное не один раз Г. Хиллигом), что с „женитьбой“ 1935 г. Макаренко тоже связывал определённые надежды, оказывается неправильным. Генерал НКВД Смирнов, который якобы мог бы дать педагогу-писателю защиту, по свидетельству Т.Л. Лебедевой был не двоюродным братом Галины Стахиевны, а отцом жены её сына Левы, вступившего в брак в 1941 г., т.е. уже после смерти Макаренко.

⁸² „Ты научила меня плакать...“. Переписка А.С. Макаренко с женой (1927–1939). В двух томах. Сост. и ком. Г. Хиллига и С. Невской. Т.1. – М., 1994, с.181.

⁸³ ПС, т. 8, с. 101.

Работу над рукописью «Педагогической поэмы» Макаренко, как известно, удалось закончить лишь в Киеве. Речь идёт о второй половине третьей части этого произведения (главы 8–15). Там есть моменты, по которым можно судить об отношении педагога-писателя к НКВД. Особенно стоит упомянуть высказывание, касающееся методов работы ЧК и ГПУ. Речь идёт о главах «У подошвы Олимпа» и «Награды», но есть и несколько других, позже частично вычеркнутых мест с критическими замечаниями о бывших начальниках и противниках Макаренко в Наркомпросе УССР и в Украинском НИИ педагогики, а также об одном из ведущих представителей соцвоса 20-х годов в РСФСР. Их он считает виновными в том, что в 1928 году был вынужден уйти из колонии им. М. Горького. Но самое интересное здесь – отрывок из главы «Эпилог».

Как уже было упомянуто, последние восемь глав «Поэмы» Макаренко писал частично в своём кабинете в ОТК НКВД УССР. При этом – как следует из фрагмента главы «Преображение», который позже также был вычеркнут – он ощущает в себе „неизмеримое могущество“ и одновременно „то страшно широкое, размахнувшееся тысячами километров полей, лесов и морей, во все стороны, то, что является основанием моего могущества, – СССР“.⁸⁴ В этой новой для себя обстановке, отделённой в пространстве и во времени от харьковских событий, Макаренко, среди прочего, записывает: „[...] коллективы, как и люди, могут умирать не только от старости, они могут погибать в полном развороте сил, надежд и мечты, их так же в течение одного дня могут задушить бактерии, как они могут задушить человека. И будущие книги напишут, какие порошки и дезинфекции нужно употреблять против этих бактерий. Уже и сейчас известно, что самая малая доза НКВД очень хорошо действует в подобных случаях. Я сам имел возможность видеть, как быстро издох профессор Чайкин, как только приблизился к нему уполномоченный ГПУ, как быстро сморщилась его учёная мантия, как отвалился от его головы позолоченный нимб и, звеня, покатился по полу, и как легко профессор обратился в обыкновенного библиотекаря. На мою долю выпало счастье наблюдать, как закопошился и начал расползаться «Олимп», спасаясь от едких порошков чекистской дезинфекции, как дрыгали сухие ножки отдельных козявок, как по дороге к щелям или к сырому углу они замирали без единой сентенции. Я не сожалел и не корчился от сострадания, ибо в это время я уже догадался: то, что я считал Олимпом, было не что иное, как гнездо бактерий, несколько лет назад уничтожившее мою колонию“.⁸⁵

Окончание работ над «Поэмой» намечается 20 сентября 1935 г. В этот день Макаренко сообщает Льву Салько: „Третью часть наконец кончил. Сейчас допечатываю. Дня через два вышлю в Альманах и Горькому“.⁸⁶

Пролетарскому писателю он посылает рукопись 28 сентября. В сопроводительном письме говорится: „Как Вы пожелали в Вашем письме по поводу второй части, я усилил все темы педагогического расхождения с Наркомпросом, это прибавило к основной теме много перцу, но главный оптимистический тон я сохранил. [...]“

Третью часть пришлось писать в тяжёлых условиях, меня перевели в Киев помощником начальника Отдела трудовых колоний НКВД, обстоятельства переезда и новой работы – очень плохие условия для писания, в сутки оставалось не больше трёх свободных часов, а свободной души ничего не оставалось.

Работа у меня сейчас бюрократическая, для меня непривычная и неприятная, по хлопцам скучаю страшно. Меня вырвали из коммуны в июне, даже не попрощался с ребятами.

Дорогой Алексей Максимович! Большая и непривычная для меня работа «Педагогическая поэма» окончена. Не нахожу слов и не соберу чувств, чтобы благодарить Вас, потому что вся эта книга исключительно дело Вашего внимания и любви к людям. Без Вашего нажима и прямо невиданной энергии помощи я никогда этой книжки не написал бы. [...]

P.S. Второй экземпляр выслал в редакцию альманаха «Год XVIII».

В Москве буду числа 6-го – 12-го. Если нужно, вызовите меня телеграммой, а то так не пускают.

⁸⁴ „Год XVIII“. Альманах восьмой. – М., 1936, с.250; см. также: СС, т.5, с.251–252, 332.

⁸⁵ Там же, с.332–333.

⁸⁶ РГАЛИ, 332-5-52, л.19 об.

В случае надобности, я думаю, можно выбросить главы «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику»⁸⁷.

Второй экземпляр рукописи Макаренко посылает Е.М. Коростелёвой, заведующей редакцией альманаха. С этой редакцией ему уже и в прошлом приходилось спорить по поводу урезавшихся ограничений размера первых двух частей «Поэмы». В его письме, среди прочего, можно прочесть: „Боюсь, опять будете резать. Честное слово, не знаю, что можно сократить, я и так выбросил три четверти материала. В письме к А.М. я указываю для сокращения две главы: «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику», потому что изъятие этих глав меньше всего будет нарушать цельность сюжета.

В глубине души я думаю, что для третьей части можно было бы сделать даже исключение – всё равно последний мой грех перед Вами.

Числа 6 – 12 я буду в Москве. Надеюсь, тогда Вы мне скажете, в какую книжку идёт «ПП» и какую ампутацию над нею организовала Ваша редакция»⁸⁸.

Уже 8 октября Горький из Тессели (Крым) обращается к Макаренко с письмом, где говорится: „Дорогой Антон Семёнович – третья часть «Поэмы» кажется мне ещё более ценной, чем первые две.

С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куряжцами, да и вообще очень многое дьявольски волновало. «Соцвосовцев» Вы изобразили так, как и следует, главы: «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику» – нельзя исключать.

Хорошую Вы себе «душу» нажили, отлично, умело она любит и ненавидит. Я сделал в рукописи кое-какие мелкие поправки и отправил её в Москву. [...]

Напоминаю Вам сказанное в «Поэме» о «чекистах». Так же, как Вы, я высоко ценю и уважаю товарищей этого ряда. У нас писали о них мало и плохо, и писали не от удивления пред героями, а, кажется, «страха ради иудейска». Сами они, к сожалению, скромны и говорят о себе молча. Было бы очень хорошо, если б, присмотревшись к наркомвнудельцам, Вы написали очерк или рассказ «Чекист». Попробуйте. Героическое Вы любите и умеете изобразить.

Если Вас тяготит «бюрократическая» работа и Вы хотели бы освободиться от неё – давайте хлопотать. Я могу написать т. Б[алицкому] или П.П. Постышеву, могу просить Ягоду, чтоб Вас возвратили к ребятам. Ну – это же? Поздравляю Вас с хорошей книгой, горячо поздравляю»⁸⁹.

И в письме начальнику лагерей строительства канала «Москва-Волга» С.Г. Фирину Горький 12 октября сообщил, что он на днях прочитал 3-ю часть «Поэмы», в ней Макаренко „отлично говорит о «чекистах», о стиле их работы и отношении к людям»⁹⁰.

Е.М. Коростелёва познакомила Макаренко с рецензиями на первые две части его произведения, выходящими в художественных и педагогических журналах. Однако особого интереса к этим (в большинстве весьма положительным) откликам педагог-писатель не выражает – по крайней мере, в переписке с редактором он воздерживается от высказывания своего мнения. Так, когда Коростелёва к концу 1935 г. послала ему десятый номер журнала «Красная новь» с „хорошей рецензией Колбановского“, который, как известно, резко выступил против публикации литератора М. Бочачера «Антипедагогическая поэма» (ж. «Книга и пролетарская революция», № 3 за 1935 г.) – автором этой рецензии Колбановский ошибочно посчитал директрису одного из крупных пединститут⁹¹, – Макаренко в своём ответе от 11 января 1936 г. заметит: „Спасибо огромное и самое искреннее за журнал. Видите, как меня защищают, даже неловко. С какой стати люди переживают?

Бочачер жалко. Зачем так обижать человека, ну, написал и написал, надо же что-нибудь написать“. И далее он спрашивает: „А кто такой Колбановский?“⁹² Как видно из цитированного выше письма педагога-писателя к Константину и Елене Кононенко от 22 октября 1935 г., в котором он впервые предлагает другу самому написать рецензию на «По-

⁸⁷ Переписка..., с.93–95; см. также: ПС, т.1, с.265–266.

⁸⁸ ПС, т.8, с.53–54.

⁸⁹ Переписка..., с. 95–96; также (с сокращениями) в: ПС, т.1, с.266.

⁹⁰ Неизданные письма. Ч.1; с.53.

⁹¹ Как видно из приказа № 203 Наркомпроса РСФСР, 10.03.1935 г. Бочачер Фаина Мироновна была назначена временно исполняющей должность директора Ростовского педагогического института (Гос. архив Российской Федерации, 2306-69-2183а, л.62).

⁹² ПС, т.8, с.60. Фамилия литературного критика Бочачер здесь ошибочно указана „Богачер“.

эму», статья «Поэзия педагогики» психолога В.Н. Колбановского ему тогда уже была известна. Так, он пишет: „В 10-м номере «Красной нови» напечатана очень хвалебная статья Колбановского. Но мне не нравится. Костина статья гораздо глубже“.⁹³ Жена же Макаренко была иного мнения об этом. В письме от 27 ноября она предлагает сыну: „Купи октябрьский номер «Красной нови» и прочти статью В. Колбановского, в ней приблизительно сконцентрировано то, что пишут на разный лад в других журналах. Кроме того, он даёт ответ критику, который ещё в начале этого года писал против антоновой книги“.⁹⁴

Как сообщает Колбановский, с которым Макаренко позже подружился, он писал этот материал по поручению Фадеева,⁹⁵ члена редколлегии, официально подписавшего журнал «Красная новь» к печати. О реакции педагога-писателя на рецензию Бочачер и необходимости своего вмешательства в 1935 году Колбановский утверждает: „После такого разноса у Антона Семёновича опустились руки. Он решил, что всё погибло, и не ото-слал Горькому третьей части поэмы“. Но необходимо отметить, что в момент публикации статьи «Антипедагогическая поэма» Макаренко только начал работу над заключительной частью своего произведения.

Однако можно предположить, что материал Бочачер дал толчок педагогу-писателю расширить предмет своей критики в адрес соцвоса, введя в «Олимп» одного из известных представителей педагогической теории в Москве, который в 1931 году был исключён из научно-исследовательского общества – В.Н. Шульгина. В своей рецензии Бочачер характеризует «Педагогическую поэму» как „художественную полемику против марксистской педагогики“ и объявляет Макаренко „верным учеником и последователем Шульгина, автора пресловутой антиленинской теории «отмирания школы»“.⁹⁶ В главе «У подошвы Олимпа» (август 1935 г.) Макаренко пишет: „На самой верхушке «Олимпа» сидел такой теоретик Шульгин. Ему удалось воспользоваться недосмотром наборщиков и выпустить книжку об основах социального воспитания. Эта книжка на протяжении ряда лет сделалась чем-то, напоминающим дыбу графа Толстого в эпоху Петра. Опираясь на неё, провинциальные теоретики действительно жили выматывали из всякого человека, заподозренного в том, что он практический работник“ и т.д.⁹⁷ Когда, в связи с подготовкой издания 3-ей части «Поэмы» на украинском языке, в редакции киевского издательства «Держлітвидав» возникли сомнения об обоснованности такой критики, Макаренко в письме от 3 декабря 1935 г. обратится к Е.М. Коростелёвой за советом: „Между прочим, они указывают, что Шульгин жив и даже состоит в партии. Конечно, Шульгин не контрреволюционер, может быть, не стоит его обижать? Как Вы думаете?“⁹⁸ Ответы редактора: „Шульгина – вычеркну, – если бы не задержка по независящим от редакции обстоятельствам, – быть бы Шульгину напечатанным“ (9 декабря); „Шульгина вычёркиваю, придётся, возможно, несколько связанных с ним фраз изменить, постараюсь собрать только необходимое“ (15 декабря).⁹⁹ В конце концов редакция альманаха изменила слова „такой теоретик Шульгин“ в „некий «теоретик»“. Благодаря такому осторожному подходу авторский текст в альманахе, как и в первом книжном издании (Москва, 1936), целиком сохранился, в то время как в украинском издании (Киев, 1936) десять страниц было изъято.¹⁰⁰

Несмотря на то, что о рецензиях на «Поэму» Макаренко в своих записных книжках ничего не отметил, отдельные примечания такого рода включены в письма. Они показывают, что критика по поводу его педагогических взглядов не была ему безразлична. Так, в цитированном выше августовском (1935 г.) письме к Кононенко читаем: „Появилась ещё одна статья о «Поэме» – в «Наших достижениях» – В. Канторовича. Я даже обозлился: все бросились защищать педагогику. Этот пишет, что мои «героические положения» ничего нового не представляют, что всё давно придумано советской педагогической теорией. Ну, что ты будешь делать? В общем, он доказывает, что я «в теории разбираюсь слабо». Чёрт с ней, с теорией, но это доказывает, что они сами в «Поэме» не разбираются,

⁹³ ПС, т.8, с.55.

⁹⁴ РГАЛИ, 332-5-106, л.66.

⁹⁵ См.: „А.С. Макаренко“, кн.8. – Львов, 1971, с.40.

⁹⁶ „Книга и пролетарская революция“, 1935, № 3, с.62–64.

⁹⁷ См.: СС, т.5. с.159, 307.

⁹⁸ ПС, т.8, с.58.

⁹⁹ РГАЛИ, 332-5-59, лл.13, 14.

¹⁰⁰ См.: СС, т.5. с.305.

сволочи. Ибо «Поэма», собственно говоря, говорит о том, как, невзирая на педагогические теории, делалось педагогическое дело. Какими же силами? Силами самого воздуха нового общества. В этом весь пафос «Поэмы». Ибо что такое педагогическая теория? Это формулировка стремлений, напряжений, принципов и взглядов, которые существуют в обществе в области требования к личности (проблемы морали, личности и коллектива, дисциплины и пр.). Та теория, с которой я боролся и теперь борюсь, есть теория чуждого нам общества, а новой теории нет. Всё же, несмотря на то, что её нет, требования общества действуют и создают практику через голову теории». ¹⁰¹ Здесь речь идёт о статье «Поэма о подвиге педагога», опубликованной в основанном и редактируемом М. Горьким журнале «Наши достижения» (№ 9 за 1935 г.), в которой Макаренко упрекается в «педагогическом нигилизме». Её автор – В.Я. Канторович, литератор, журналист, создатель книг «Сахалинские очерки» и «Большой шанс» (о „перековке“ взрослых в учреждениях НКВД), в 1937 году сам стал жертвой репрессий. Представляется сомнительным, что Горький был знаком с этой рецензией на 2-ую часть «Поэмы» до её публикации. Ещё в феврале 1932 г. писатель предупреждал редакцию журнала «Наши достижения», что он не может принять должного участия в работе редколлегии, так как очень занят. ¹⁰²

Более внимательно, чем за журнальными откликами, Макаренко следил за реакцией центральной партийной и правительственной печати на «Поэму». Так, в письме к Кононенко (прибл. от 20 августа 1935 г.) он говорит о возможности скоро „смыться в Москву“: „Помогла и статья в «Известиях»“. ¹⁰³ Имеется в виду подробный материал Л. Сосновского «Педагогическая поэма», вышедший 26 июня в этой газете. Здесь автор сравнивает колонию им. М. Горького с Большевской коммуной и объясняет „первоначальную организационную беспомощность“, «избыток интеллигентщины и истерические срывы» завколом тем, что Макаренко не был чекистом. Рецензент, Лев Семёнович Сосновский (г.р. 1886), – старый большевик (член РСДРП с 1903 г.), журналист и литературный критик. Судьба этого человека весьма трагична: по сведениям московского общества „Мемориал“ ¹⁰⁴ Сосновский, который ещё при царе 11 раз арестовывался и был в ссылке, в 1927 году за активное участие в оппозиции исключён из партии, а в январе 1928 г. арестован и приговорён к трём годам ссылки на Алтай. Там, в апреле 1929 г., вновь арестован, обвинён в организации троцкистского центра; Особым совещанием при Коллегии ОГПУ приговорён к трём годам лишения свободы, содержался в Челябинском и Томском политизоляторах. В 1932 году Президиумом ЦИК СССР срок заключения продлён ещё на два года. В 1934 году отказался от троцкизма, восстановлен в партии, вернулся в Москву и стал заведующим отделом редакции газеты «Известия», где помещает вышеупомянутый материал о «Поэме». В октябре 1936 г. вновь арестован, обвинён в участии в троцкистской террористической организации и в 1938 году расстрелян... Очевидно поэтому Кононенко в своих воспоминаниях, написанных в 1940 году, не упоминает его имени. В личном архиве Макаренко сохранился экземпляр статьи Сосновского, в которой имя автора и название рецензии вырезаны. ¹⁰⁵ Само собой разумеется, что эта публикация, как и цитированная выше статья Канторовича, советским макаренковедом не была известна.

Понятно, что педагог-писатель с особенным нетерпением ожидал реакции центрального печатного органа ВКП(б). И, как свидетельствует письмо к К.С. и Е.Ф. Кононенко от 22 октября, Макаренко, в этой связи, чувствовал себя неуверенно: „Вчера получил письмо от своего редактора. Он сообщает, что рукопись третьей части затребовали в «Правду». Для чего?“ ¹⁰⁶ Можно предположить, что редакция газеты хотела познакомиться с произведением для его рецензирования. Но обзор о «Педагогической поэме» в этой газете вышел не так скоро... Восьмой номер альманаха с 3-ей частью «Поэмы» должен был появиться из печати ещё в декабре 1935 г., ¹⁰⁷ однако срок неоднократно отодвигался. А Макаренко, как свидетельствуют его письма к Е.М. Коростелёвой, пытался отнестись к

¹⁰¹ См.: Свидетельства искренней дружбы, с.19.

¹⁰² См.: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып. 4. – М., 1960, с.183.

¹⁰³ См.: Свидетельства искренней дружбы, с.15.

¹⁰⁴ Письмо от 05.10.1999 г. к Г. Хиллигу.

¹⁰⁵ См.: РГАЛИ, 332-1-83, л.8.

¹⁰⁶ ПС, т.8, с.55.

¹⁰⁷ См. письмо Е.М. Коростелёвой к Макаренко от 05.11.1935 г.: „Прилагаю все усилия, чтобы 8-ой номер вышел в декабре, надеюсь, что мне это удастся“. (РГАЛИ, 332-5-59, л.9).

задержке с юмором. Там можно прочесть: „Как идут дела? Альманах в самом деле выйдет в декабре? А когда?“ (3/XII).¹⁰⁸ „Уже декабрь. Уже 10 декабря. Вы писали, что альманах выйдет в декабре. Наверное, 31 декабря, правда? Или 38 декабря?“

Подобные случаи бывали в моей производственной жизни. Я сам видел, как один завод добился-таки выполнения месячного плана 31 июня, и только через два дня поняли, что они заехали в чужой месяц“ (10/XII).¹⁰⁹ „Вы ни слова не пишете о 8-м альманахе, неужели он и в январе не выйдет? У меня такое нетерпение: страшно интересно, как меня будут крыть“ (11/I 1936 г.).¹¹⁰

Эта шутильная реакция на ожидаемую критику 3-ей части «Поэмы» через несколько недель сменилась беспокойством. Тогда же «Правда» в двух разгромных статьях – «Сумбур вместо музыки» (28 января) и «Балетная фальшь» (6 февраля) – угодливым пером (водимым рукой Сталина) свежее испечённого председателя комитета по делам искусства СНК СССР П.М. Керженцева¹¹¹ атаковала Д. Шостаковича и С. Прокофьева... Нельзя сказать, что Макаренко, человек, как известно, с консервативным музыкальным вкусом, был поклонником творчества современных композиторов, но после атаки в центральном печатном органе партии – не только против двух композиторов, но также и против М. Булгакова в связи с мхатовской постановкой его пьесы «Мольер» («Внешний блеск и фальшивое содержание»; 9 марта) – и соответствующих публикаций в украинской прессе,¹¹² а также ввиду предполагаемых собраний киевских писателей о формализме в искусстве¹¹³ он не без опасений ждал выхода восьмого номера альманаха. В письме к Е.М. Коростелёвой от 18 марта 1936 г. Макаренко пишет: „[...] примите во внимание, в какое время живём: теперь за нашего брата взялись. Я только и жду, что вот-вот будет напечатано: «Так называемая „Педагогическая поэма“ представляет собой набор самых посредственных фраз, вовсе она не педагогическая и ничуть не поэма, поэтому...»“¹¹⁴

На деле же оказалось, что непосредственной опасности не было. Альманах вышел в конце марта 1936 г., а книжное издание 3-ей части «Поэмы» в начале апреля. Большинство откликов о произведении Макаренко были положительными, в т.ч. и ожидаемая с нетерпением рецензия в центральном печатном органе ВКП(б). 2 июня педагог-писатель сообщал Лёве Салько о такой новости: редактор «Поэмы» в ГИХЛе „Ковнатор написала, что ожидается статья в «Правде», но пока ничего нет“.¹¹⁵ В конце концов, вместо разгромной рецензии, 7 июня вышел весьма положительный отклик „крупного специалиста-макаренковед“ В. Колбановского «Поэма о воспитании».

С «Педагогической поэмой», как уже упомянуто выше, связаны первые серьёзные литературные успехи и гонорары Макаренко. Об этом свидетельствуют не только договоры, которые были заключены с редакциями художественных журналов и издательств, но также и переписка супругов с Лёвой и друзьями. В упоминавшемся ранее первом письме из Киева к К.С. Кононенко он пишет: „[...] приступили к изданию I и II книги [«Поэмы» – А.А./Г.Х.] в «Дешёвой библиотеке». Если это реализуется, я получу возможность купить в Москве квартиру и на год отложить на прожитие. Мечтаю об этом, как о царствии небесном“.¹¹⁶ 31 августа 1935 г. Галина Стахивна сообщает сыну о проекте переиздания «Педагогической поэмы» большим тиражом в «Дешёвой библиотеке» ГИХЛа: „[...] ждём известий о Деш. библи., о тех мифических деньгах, известие о которых позволило нам меч-

¹⁰⁸ ПС, т.8, с.58.

¹⁰⁹ Там же, с.59.

¹¹⁰ Там же, с.60.

¹¹¹ См.: *Максименко Л.В.* Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938. – М., 1997, с.72–112.

¹¹² См.: „Сумбур у музиці“. Українські композитори обговорюють статті „Правди“ „Сумбур у музиці“ та „Балетна фальш“. // „Більшовик“, 1936, № 39, 17.02., с.2.

¹¹³ См., напр.: Письменники обговорюють статті „Правди“ // „Пролетарська правда“, 1936, № 66, 21.03., с.4; За високу якість творів. На зборах російської секції СРПУ. // „Літературна газета“, 1936, № 14, 25.03., с.3.

¹¹⁴ ПС, т.8, с.62; фамилия адресата здесь указана ошибочно „Коростылёва“, как и в первой публикации писем Макаренко в редакцию „Альманаха“: Гетманец М.Ф. „Сказана моя маленькая, но необходимая правда“. // „А.С. Макаренко“ [кн.10]. – Львов, 1978, с.111–118 (здесь – с.113).

¹¹⁵ РГАЛИ, 332-5-53, л.2.

¹¹⁶ Свидетельства искренней дружбы, с.15.

тать о Москве. Вот, как бы это было прекрасно и особенно для нашего Антонушки, которого мы все так любим¹¹⁷. В письме от 27 сентября речь идёт о том, как она собирается их расходовать: „Денег у нас сейчас должно быть больше, чем когда бы то ни было, и необходимости стеснять себя нет, но надо мне так вести хозяйство, чтобы не было перебоев“. Здесь также читаем: „В Москве надо получить деньги, там уже за отдельное издание второй части деньги полностью надо получить. Будем с деньгами. Я теперь иначе буду делать: как только есть деньги, перевожу тебе на книжку, чтобы у тебя всегда был запас“¹¹⁸. В тот же день в сберкассе № 44 Киевского района г. Москвы Лёва открывает счёт на имя отчима в сумме 3.700 рублей.¹¹⁹ По всей вероятности это была часть вышеупомянутого вознаграждения за «Педагогическую поэму». Ввиду назревшего ухудшения положения мужа на работе, Галина Стахивна изменила планы использования гонораров „любимого Антонушки“. Так, в письме от 9 октября уточняется: „[...] он собирается бросать работу в самом непродолжительном времени и поэтому надо несколько попридержать деньги“¹²⁰.

Новую возможность выхода из бедственного положения Макаренко и его хозяйства предоставило планируемое ГИХЛ издание к 20-летию Октябрьской революции «Золотой серии» лучших книг советской литературы, в том числе и «Педагогической поэмы». Первое упоминание об этом есть в письме Г.С. Макаренко к сыну от 13 апреля 1936 г.: „Антон уверяет меня, что как только подпишет договор на золотую серию, так сейчас же оставит работу, но будет ли это так, я не знаю“¹²¹. А 22 апреля он сам пишет Лёве: „С «Золотой серией» выходит какая-то задержка, говорят, что такой серии вообще не будет. Может быть, будет просто отдельное издание всех трёх частей в одной книге, но разговоры вокруг «Золотой серии» и это дело задерживают“¹²². Последний раз об этом Макаренко упоминал 2 июня: „Во всяком случае, «Золотая серия» как будто намечается и помещается 2-ое издание 3-ей части“¹²³. Однако как план выпуска «Дешёвой библиотеки», так и «Золотой серии», издательство не реализовало, и поэтому надежды супругов на большие деньги не сбылись. В конце концов, в сентябре 1936 г., ГИХЛ заключил с Макаренко договор о переиздании «Педагогической поэмы» в 3-х частях тиражом 75.000 экземпляров и 25.000 рублями гонорара.¹²⁴ Это первое издание «Поэмы» в одном томе вышло в ноябре 1937 г.

7. МОСКВА-1

Путешествие в Москву, которое вначале было запланировано на последние дни сентября 1935 г., пришлось в конце концов перенести на одну–две недели. О причинах этого, а также о цели пребывания отчима в столице, Галина Стахивна сообщает сыну 27 сентября: „Не выезжает он сейчас в Москву потому, что у него сменили начальника: Воеводу ушли и на его место назначили бывшего прокуратора [поль. *prokurator*, рус. *прокурор* – А.А./Г.Х.] и обвинителя СВУ [дело «Спілка визволення України» в 1930 г. – А.А./Г.Х.] – т. Ахматова. Это культурный человек, и Антон надеется, что с ним будет легче, но сейчас он вступает в дела и должен поехать в Москву представиться начальству, так что поездка Антона откладывается до первых чисел октября. Поездка согласована, но так досадно, что приходится её передвигать. На поездку в Москву Антон возлагает большие надежды. В Москве был Колесса [главный инженер ОТК НКВД УССР – А.А./Г.Х.], ездил по делам ОТК, так он говорит, что Антона с великим удовольствием взяли бы в Москву, если бы только он этого пожелал, есть и другие сведения такого рода. В московском союзном ОТК людей нет и Антон был бы там очень нужен. Это дело, которое могло бы придвинуть наш переезд в Москву на много месяцев вперёд. Потом литературные дела требуют приезда Антона, словом, он рвётся в Москву, и это сейчас непредвиденная и досадная задерж-

¹¹⁷ РГАЛИ, 332-5-106, л.41.

¹¹⁸ Там же, л.47 об.

¹¹⁹ См.: РГАЛИ, 332-4-355, л.1.

¹²⁰ РГАЛИ, 332-5-106, л.50 об.

¹²¹ РГАЛИ, 332-5-107, л.8 об.

¹²² РГАЛИ, 332-5-52, л.32.

¹²³ РГАЛИ, 332-5-53, л.2.

¹²⁴ См.: РГАЛИ, 332-1-49, л.10.

ка".¹²⁵ О трудностях в связи с увольнением Макаренко со службы в Киеве говорится в письме жены от 9 октября: „Немножко не повезло то, что у него сейчас новый начальник и ещё большой поклонник «Поэмы», начальник, который и думать пока не хочет об Антоновом уходе. Конечно, решает это дело «хозяин» [Балицкий – А.А./Г.Х.], но как он посмотрит на уход Антона, сказать трудно".¹²⁶ В другом письме, написанном в тот же день, мать предупреждает Лёву о выезде отца в Москву 11 октября.¹²⁷

В столице педагог-писатель занимался своими „литературными делами“ в редакциях альманаха и ГИХЛа, однако, в первую очередь, он старался найти новое место работы. Вся надежда возлагалась при этом на Горького, которого он, к сожалению, не застал, о чём сообщает письмо к К.С. и Е.Ф. Кононенко от 22 октября (уже вновь из Киева): „Был в Москве, Горького не видел, он в Крыму".¹²⁸ Своему же „первому другу“ Макаренко ничего не сообщает о том, что он в доме пролетарского писателя застал Крючкова, который – без сомнения по поручению Горького – попросил его написать свои представления о положении советской школы. Это видно из того, что в архиве А.М. Горького хранится не только рукопись Макаренко «Некоторые соображения о школе и наших детях», датированная 15 октября 1935 г., но и письмо педагога-писателя Крючкову, где автор ссылается на этот материал. С.С. Невская, которая впервые опубликовала письмо Макаренко в «Неизданных письмах», по праву связывала его написание с „желанием Антона Семёновича возглавить в Москве школу имени Горького“. В данном письме говорится: „В тот же день, когда был у Вас, заболел и пролежал с температурой два дня, поэтому не мог в назначенный вечер сделать то, что обещал Вам сделать позже.

Для того, чтобы написать для Вас эти «соображения», мне пришлось мобилизовать всю свою педагогическую душу. Сейчас все эти вопросы меня страшно захватили.

Я пришёл к решению ещё поработать в школе и обязательно в Москве. Здесь можно показать работу не только самой школы, но и работу среди родителей. Кое-кто в Москве даже указывает десятилетку по Усачёвке. Эта школа до сих пор носила имя Горького. Почему-то теперь она носит имя Ворошилова.

Я буду добиваться, чтобы мне дали эту школу. Нужно обязательно, чтобы имя Горького было восстановлено.

Если из Киева меня не будут пускать, тогда буду просить Алексея Максимовича помочь мне вырваться".¹²⁹

Не вдаваясь в обсуждение кажущегося абсурдным требования снять с вывески 2-ой московской образцовой школы имя наркома обороны СССР, одного из ведущих политических и военных деятелей того времени, всё же следует упомянуть о том, что позже, так и не получив столь желанную должность директора данной школы, он всё же был здесь в гостях 11 февраля 1936 г. и выступил перед учениками старших классов с рассказом о «Педагогической поэме». ¹³⁰ К впечатлениям об этом учебном учреждении Макаренко неоднократно возвращался в публичных докладах – не упоминая, однако, о своей неудачной попытке переименовать школу. Например, выступая в Высшем коммунистическом институте просвещения (август 1936 г.), он отметил: „Возьмём теперешнюю школу, хотя бы советскую [московскую – А.А./Г.Х.] образцовую школу № 2 им. Ворошилова. Там ведь нет коллектива. Ссоры, сплетни, разговоры. Я их спросил: вот, вы носите имя Ворошилова, а есть среди нас [вас – А.А./Г.Х.] ворошиловцы, Ворошилова вы видели, был ли он у вас? Оказывается – нет. Почему не захотели, чтобы был Ворошилов? А горьковцы гордились тем, что они горьковцы".¹³¹

В Харьковском пединституте (март 1939 г.) Макаренко вновь вернулся к той же теме: „Я в Москве был в одной школе, которая называется школой имени Ворошилова. Я там был несколько дней, но я не слышал, чтобы кто-нибудь вспоминал Ворошилова. Я не слышал гордости по поводу того, что школа носит имя Ворошилова. Я спросил: «Вы на-

¹²⁵ РГАЛИ, 332-5-106, л.47 об.

¹²⁶ Там же, л.52.

¹²⁷ Там же, л.51.

¹²⁸ ПС, т.8, с.55.

¹²⁹ Неизданные письма. Ч. 1. – М., 1998, с.54–55.

¹³⁰ Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. Изд. 2-е. – Л., 1961 (ссылки как на: Морозова Н.А.), с.114.

¹³¹ РГАЛИ, 332-4-188, л.35.

зываете себя ворошиловцами?» Они ответили: «Нет». Я спросил: «А как же?» — «Мы называем себя учащимися». — «Вы, — спрашиваю, — видели Ворошилова?» — «Нет», — они говорят. — «А что бы вы сделали, если бы он приехал?» Они говорят: «Ничего».

Школа не сумела в самом факте, что ей присвоено имя Ворошилова, найти того, что нужно для воспитания гордости своего коллектива¹³².

В восьмитомнике «Педагогических сочинений» А.С. Макаренко текст статьи «Некоторые соображения о школе и наших детях» комментируется следующим образом: «В материале высказаны мысли о взаимосвязи воспитательных функций школы и семьи в условиях, когда в стране завершалось создание основ социализма»¹³³. В центре внимания автора данного материала, однако, стоит школа, которая, как известно, с начала 30-х годов стала основным воспитательно-образовательным институтом страны. Эта статья содержит и яркое описание положения учителей, которое во всех советских собраниях трудов Макаренко отсутствует: «Педагоги. Наши педагоги имеют жалкий вид. В лучшем случае это люди, насобачившиеся в области своего предмета, которые с раннего утра до позднего вечера гоняют из школы в школу, чтобы побольше заработать»¹³⁴. В других случаях и в большинстве — это замученные нуждой, бессилием и семейной обстановкой работники, которые кое-как выполняют свою работу в классе, кое-как удерживаются на своём месте, более или менее удачно обходя опасные склоки и подсиживания, которые ничего не читают, которые кое-как одеты и имеют кое-какую квартиру. В деревне положение учителей совершенно бесправное. Учитель получает жалование, которое почти равно жалованию городской уборщицы или дворника, но дворник получает одежду, а учитель ничего, кроме 100–120 рублей, не получает. Естественно, что на эту работу идёт человек, который настолько слаб по своим личным данным, что ни на какую другую работу устроиться уже не может»¹³⁵.

После этих высказываний следует ряд предложений для улучшения ситуации. Условно здесь говорится: «Что нужно делать с педагогами? Я бы считал необходимым следующее:

а) В каждой школе должен складываться коллектив педагогов. Для этого необходимо решительное запрещение для учителя работать больше, чем в одной школе. Кроме того, нужны специальные меры, чтобы работа учителя в данной школе была как можно более длительной. Увольнение учителя или перевод его в другую школу должны быть затруднены.

б) В школе не должно быть слишком много учителей, т.е. не должно быть учителей, имеющих два-три урока в неделю. В самих педагогических вузах дело должно быть так поставлено, чтобы из них выходили преподаватели определённых циклов в средней или неполной средней школе. Каждый цикл предметов должен составлять в практике школы совершенно определённую норму нагрузки на одного преподавателя. Эта норма классной нагрузки плюс определённый объём собственно воспитательной работы в учебном коллективе и должны составить среднюю рабочую долю для каждого учителя. Уклонения от неё в сторону уменьшения или увеличения должны быть очень незначительны и даже не отражаться на жалованье.

в) Жалование учителя не должно исчисляться почасно. Каждый учитель в зависимости от своего образования и типа школы, в которой он работает, должен получать оп-

¹³² „Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту“. Т.6, 1941, с.14.

¹³³ ПС, т.1, с.359.

¹³⁴ С такой практикой учителей работать в нескольких учебных заведениях Макаренко встретился ещё в коммуне. Так, в выводах бюро Дзержинского райпарткома г. Харькова „о состоянии воспитательной работы среди коммунарского коллектива коммуны НКВД УССР имени Ф.Э. Дзержинского“ от 13.03.1935 г. критически отмечалось, что из „30 чел. педагогов только 14 работают в коммуне без совместительства, остальные 16 человек одновременно состоят педагогами в других вузах и техникумах“ (ГАХО, П-99-1-10, л. 140).

¹³⁵ Архив А.М. Горького, Рав-пГ-29-2-1. — Попытки опубликовать текст этого документа в полном объёме не удались не только в Москве, но также и на Украине (Харьков, проф. А.И. Зильберштейн; Львов, доц. Ф.И. Наumenko; Киев, проф. Н.Д. Ярмаченко). По свидетельству Н.Н. Оксы, редакторы сборников, в которых предполагалось включить „Соображения“ Макаренко, настаивали на исключении вышецитированных критических высказываний о положении советских учителей.

ределённую ставку, удовлетворяющую не только его материальные, но и культурные потребности.

г) Так как для учителя очень сокращены возможности какой бы то ни было карьеры, движения по службе, повышения и т.д., то необходимо разработать систему пятилетних или трёхлетних прибавок с таким расчётом, чтобы учитель, проработавший, скажем, 15–20 лет в одной школе, получал жалование, превышающее жалование новичка раза в три.

д) Наряду с этим необходимо разработать систему иных поощрений, отмечая работу лучших учителей при помощи присвоения им различных званий («старший учитель», «заслуженный учитель», «народный учитель»); конечно, это нужно хорошо обдумать.¹³⁶

В комментариях семи- и восьмитомника собраний сочинений педагога-писателя можно также прочесть: написал ли Макаренко «Соображения» специально для Горького или направил ему данный документ для ознакомления, достоверно не выяснено.¹³⁷ После находки вышеупомянутого письма к Крючкову второе предположение исключается. Из письма, а также из хронологии событий следует, что Макаренко подготовил данный материал во время его пребывания в Москве по требованию Горького. Это подтвердил и А.И. Зильберштейн, который в 1978 году рассказывал Н.Н. Оксе о том, что в марте 1939 г. он сам слышал от Макаренко о подготовленной им непосредственно для Горького статье «Некоторые соображения...».

До сих пор, однако, не было известно, для чего писателю могли понадобиться такие сведения. Теперь стало ясно, что Горький с 1929 года интенсивно переписывался со Сталиным. Из обширного массива этой переписки (около 60 писем¹³⁸) до настоящего времени опубликованы приблизительно десять, а именно письма Горького, подлинники которых хранятся в Архиве Президента Российской Федерации (бывший архив Политбюро КПСС). В одном из них (от 19 октября 1934 г.) речь шла о хулиганстве в школе, драках, кражах оружия и документов детьми у родителей – ответственных работников.¹³⁹ А шесть месяцев спустя (7 апреля 1935 г.) было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», исходившее, как недавно стало известно, от К.Е. Ворошилова, который 19 марта направил на имя Сталина, Молотова и Калинина письмо. В нём говорилось: „Посылаю вырезку из газеты «Рабочая Москва» за № 61 от 15.III.35 г., иллюстрирующую, с одной стороны, те чудовищные формы, в которые у нас в Москве выливается хулиганство подростков, а, с другой – почти благодушное отношение судебных органов к этим фактам (смягчение приговоров наполовину и т.д.)“. Далее в письме Ворошилова можно прочесть: „Думаю, что ЦК должен обязать НКВД организовать размещение не только беспризорных, но и безнадзорных детей немедленно и тем обезопасить столицу от всё возрастающего «детского» хулиганства. Что касается данного случая, то я не понимаю, почему этих мерзавцев не расстрелять. Неужели нужно ждать, пока они вырастут ещё в больших разбойников?“¹⁴⁰ Результаты инициативы Ворошилова известны: приняты постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», по которому ответственность за отдельные виды преступлений распространялась уже и на 12 летних; а решением от 31 мая данного года «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» эта задача вообще возлагалась на НКВД.

Вероятно, „великий пролетарский писатель“ намеревался спустя год детально ознакомить Сталина с ситуацией, сложившейся не только в столичных школах. Можно предположить, что Макаренко знал о намерениях Горького использовать его заметки в письме к вождю... О хулиганстве в школе речь идёт также и в «соображениях» педагога-писателя. Во всяком случае, бросается в глаза, что через шесть месяцев постановлением ЦИК и СНК СССР «О персональных званиях для учителей начальных и средних школ»,

¹³⁶ Там же; также в: ПС, т.1, с.215.

¹³⁷ См.: Макаренко А.С. Сочинения в семи томах. 2-ое изд. – М., 1957–1958, т.7, с.525; ПС, т.1, с. 359.

¹³⁸ См.: Писатель и вождь. (Из истории взаимоотношений М. Горького и И. Сталина). // В сб.: М. Горький. Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. – М., 1998, с.275–309 (здесь: с. 275).

¹³⁹ См.: Писатель и власть. Сост.: С. Зайка. // „Вечерняя Москва“, 1994, 10.05., с.4.

¹⁴⁰ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. – М., 1996, с.145–146.

опубликованным 11 апреля 1936 г., было введено предлагаемое Макаренко (см. пункт „д“ его текста) звание «Заслуженный учитель школы». В постановлении прямо говорилось: „Установить, что звание заслуженного учителя присваивается [...] учителям начальных и средних школ, особо отличившимся своей воспитательно-педагогической деятельностью“.¹⁴¹

8. РОМАН

После окончания «Педагогической поэмы» Макаренко собирался написать новое произведение. В письме Горькому от 28 сентября 1935 г. речь идёт о том, что у него „сейчас странное ощущение“ „неожиданной пустоты“.¹⁴² Об этом он также сообщает Кононенко в письме от 3 октября, где, среди прочего, говорится: „Только на днях кончил третью часть и отправил Горькому. Ещё заканчиваю перепечатывание для отдельного издания. [...] Теперь ощущаю некоторую пустоту, абсолютно не знаю, о чём буду писать дальше“.¹⁴³

Кроме того, здесь можно прочесть: „Галя настойчиво советует писать «Книгу о мальчиках», где, по её мнению, нужно выложить всю мою педагогическую философию, но обязательно в художественной форме, сопровождая всё сравнениями, сентенциями, лирическими отступлениями и т.д. Я ещё не продумал это предложение и даже не представляю себе, что это может быть. Может быть, это и хорошо, но всё-таки хочется попробовать силы на художественном вымысле. Я уверен, что в таком вымысле найду для себя совершенно невиданный мною простор. Ты себе представить не можешь, как меня связывала эта самая «художественная правда», а лучшие листы в поэме — это как раз те, которые от начала до конца вымышлены“.¹⁴⁴

В конце концов Макаренко решился на плод воображения, а именно роман, работу над которым он начинает 6 октября, т.е. до того, как Горький предложил ему написать очерк или рассказ «Чекист».¹⁴⁵ О новом проекте он сообщает Кононенко 22 октября 1935 г.: „Сегодня приступил к роману. Пока что дело находится в стадии организации материала. Тема намечается, сюжет ещё тёмен. Не даёт мне покоя тема «Дураки». Запросил «Отдел газетных вырезок» в Москве, могут ли они прислать мне вырезки о дураках. Думал, что «Вырезки» обидятся, но представьте себе, они ответили с полной готовностью и только спрашивают: «Какого типа дураки Вас интересуют?» Написал им, какой нужен тип, и скоро я стану владельцем интересной коллекции“.¹⁴⁶

В письме от 24 ноября Макаренко сообщает своему другу: „Очень много работаю над романом. Затеваается настоящая «Война и мир». Ты, конечно, будешь играть роль Наполеона“.¹⁴⁷ А в письме от 6 декабря к Льву Салько говорится: „Работаю над романом, но ещё не пишу. Над мелочью возиться не хочется. Ты знаешь, для маленького рассказа требуется столько же души, сколько и для большого романа, только техники нужно меньше. А я очень занят, и в моей голове больше общей темы не помещается. Нет, сынок, мы ударим романом. Хочу, чтобы он был лучше поэмы. Материал у меня мировой“.¹⁴⁸

Всё это говорит о том, что Макаренко к этому времени ещё не удалось оставить „стадию организации материала“ и действительно начать писать роман. Утверждением данного вывода могут служить следующие слова из январского (1936 г.) письма к К.С. Кононенко: „Я тоже страдаю: с 1 октября не написал ни одной строчки, и материалами, собственно говоря, не занимался. Конечно, досадно, но может это и к лучшему. Может быть, именно поэтому мы скорее вырвемся в Москву“.¹⁴⁹

О собранных Макаренко материалах для романа свидетельствует его тетрадь, факсимиле титульного листа которой опубликовал в своей монографии о педагоге-

¹⁴¹ См.: „Известия ЦИК“, 1936, № 86, с.1.

¹⁴² Переписка..., с.94–95; ПС, т.1, с.265.

¹⁴³ ПС, т.8, с.54–55.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ В письме к К.С. и Е.Ф. Кононенко от 22.10.1935 г. Макаренко сообщает друзьям, что Горький „угоривает меня писать о чекистах. Посмотрим“. (ПС, т.8, с.55).

¹⁴⁶ ПС, т.8, с.56.

¹⁴⁷ Там же, с.57.

¹⁴⁸ РГАЛИ, 332-5-52, л.24 об.

¹⁴⁹ Свидетельства искренней дружбы, с.17–18.

писателе Е.З. Балабанович.¹⁵⁰ Тетрадь озаглавлена «Роман. 1935 г. Начат 6 окт. 1935 г. Материалы закончены 18 февр. 1936. 4 м. 12 дней». Как свидетельствует Балабанович, в этом документе „содержатся записи отдельных мыслей, эпизодов, характеристик, являющиеся этюдами к будущему роману. Здесь нет ещё сюжетной схемы произведения, не конкретизированы образы. Они лишь намечены. Черты грубости, глупости, собственничества, эгоизма, цинизма, рвачества. Люди, для которых другой человек существует лишь постольку, поскольку он «удобен», эгоистически «нужен» им. Пошляки, для которых понятие «хорошей жизни» исчерпывается сытной едой, выпивкой, примитивными удовольствиями. Люди, которых, «кажется, никаким динамитом нельзя взорвать так, чтобы показалась живая душа»“.¹⁵¹

9. УКОРЕНЕНИЕ

Осенью 1935 г., возвращаясь из Москвы, Макаренко вновь оказался в среде чекистов. Из всех дел, которые его ожидали, следует отметить два мероприятия первых дней ноября того же года: участие в организации рейда с целью массового набора беспризорных и безнадзорных детей с улиц украинской столицы и выступление в клубе НКВД о своих литературных достижениях.

Ответственным за „чистку“ улиц новой столицы Украины был А.О. Броневой – в то время председатель комиссии горсовета по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью. К этой работе привлекался и Макаренко, но о его участии в таких мероприятиях свидетельствует лишь один документ, подписанный Броневым, где упомянута и фамилия Макаренко. Речь идёт об организации „ночного рейда“ накануне октябрьских праздников 1935 года с целью систематической очистки улиц столицы от беспризорных несовершеннолетних. Дословно в документе говорится: „План проведения ночного рейда секции киевского горсовета по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью.

1. Рейд производится между 2 и 4 ноября (точно срок устанавливается отдельно).

2. В рейде участвует весь состав секции по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью, как Городского совета, так и Райсовета г. Киева.

Привлекаются к рейду работники городской и районной Милиции.

3. Задача рейда:

а) Подобрать и разместить в детприёмниках, колониях и домах всех беспризорных детей в г. Киеве.

б) Провести массовую проверку безнадзорных, хулиганствующих и нищенствующих детей на улицах г. Киева, преимущественно в местах скопления с составлением актов о привлечении к ответственности родных.

Для проведения рейда провести следующие мероприятия:

1. При Горсовете создать штаб ночного рейда под руководством тов. Букшпана (НКВД) в составе тов. тов. Доброжинского (Милиция), Макаренко (ОТК НКВД) при секретаре тов. Волкштейне.

Отпустить штабу на расходы, связанные с рейдом из сумм Секции 1.000 рублей.

2. Разбить город на районы (по дислокации Милиции), во главе каждого района поставить ответственного руководителя, в распоряжение которых направить участников рейда.

3. Через институт дворников собрать все данные о ночёвках беспризорных, времени и местах их скопления.

Проведение этого мероприятия возложить на тов. Доброжинского. Срок 31/X – с.г.

4. Тов. Макаренко провести совещание с руководителями частей аппарата НКВД, ГорОНО, ДД, Собеса, Горздрава, ведущих борьбу с беспризорностью и безнадзорностью, и выработать конкретный реальный план, куда направляются подбираемые дети, в каком порядке и т.д. Срок 31/X – 35 г.

5. Тов. Волкштейну разбить всех участников рейда на бригады (3 чел.), наметить бригадиров. Срок 31/X – с.г.“¹⁵²

¹⁵⁰ Балабанович Е. Макаренко. Человек и писатель. – М., 1963, с.413.

¹⁵¹ Там же, с.411.

¹⁵² Гос. архив города Киева, Р-1-1-8564, лл.6–7.

В предпоследнем разделе этого документа фамилия Макаренко вычеркнута Броневым и заменена зам. председателя секции горсовета М.М. Букшпаном, который имел большой опыт „набора“ беспризорников для коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с харьковского вокзала в 1931 году.¹⁵³ Как видно из другого документа, Макаренко не входил в состав 12 бригад, участвующих в ночном рейде.¹⁵⁴

В «Оперативном плане проведения рейда по изъятию беспризорных и безнадзорных с улиц» речь идёт о том, что это мероприятие „проводится 3/XI с 6-ти часов вечера до 2-х часов ночи“.¹⁵⁵ Само собой разумеется, что газеты о ходе и результатах данного воскресного рейда (полгода спустя после принятия постановления об окончательной ликвидации детской беспризорности и безнадзорности!) ничего не писали.

4 ноября 1935 г., т.е. через день после рейда, Макаренко выступает в киевском клубе НКВД им. Балицкого на своём творческом вечере с рассказом о «Педагогической поэме», о чём сообщила пресса. Так, в киевской «Литгазете» значилось: „Все присутствующие, которые принимали участие в обсуждении «Педагогической поэмы», дали прекрасную оценку этому произведению. История существования коммуны им. Дзержинского – это прекрасный образец советского отношения к человеку. При участии писателя Макаренко казалось, погибшие люди превращались в строителей социализма – инженеров, техников, квалифицированных работников, талантливых художников.“

О пути мирной трудовой жизни коммуны и роли в ней чекистов написано в третьей части «Педагогической поэмы», о которой А.М. Горький написал товарищу Макаренко письмо. В этом письме М. Горький пишет: «С большим волнением читал я некоторые сцены, меня дьявольски это волновало». Алексей Максимович пишет об умении тов. Макаренко чувствовать большую душу человека и советует ему написать книгу [!] о прекрасных людях, «которые говорят о себе очень мало, или говорят молча» – о чекистах.

Писатель обещал совет Алексея Максимовича выполнить“.¹⁵⁶

Корреспондент, поместивший в газете «Більшовик» отчёт об этом вечере, предлагал, чтобы Союз советских писателей Украины организовал ряд подобных выступлений Макаренко перед большой аудиторией.¹⁵⁷

22 ноября педагог-писатель сообщает Лёве: „Был в Харькове десять дней, порадовался на коммуну“.¹⁵⁸ О цели командировки в места его педагогических успехов и подвига в письме ничего не сказано. Ключ к этой загадке скрывается в двух приказах НКВД УССР за подписью замнаркома З.Б. Кацнельсона, курировавшего тогда Отдела трудколоний, от 20 ноября: «О результатах обследований трудколоний НКВД Харьковской области им. Горького и Андреевской» (№ 897) и «О принятии мер к оздоровлению и укреплению кадров в трудколониях НКВД» (№ 898). Из этих документов можно заключить, что Макаренко ещё в сентябре вместе с группой сотрудников республиканского аппарата наркомата осуществлял ревизию работы двух трудколоний. Дело в том, что в августе в одну из них, Андреевскую, после передачи её из Наркомпроса в ведение ОТК, были назначены новые руководители, но наладить работу им не удалось. Их основной ошибкой стало насаждение жёсткого, а порой и жестокого режима, который виделся им панацеей от всех бед. Как следствие, воспитанники взбунтовались и разгромили колонию. Безобразий в ходе выяснения причин бунта было обнаружено более чем достаточно.

Проекты приказов, как нам представляется, написаны не без участия Макаренко. Так, в первом документе можно прочесть: „Последние обследования Трудовых колоний Харьковской области им. Горького в Куряже и Андреевской показали, что со времени передачи этих колоний в НКВД их работа не улучшилась, персонал не подобран, работает вяло, коллективы воспитанников не организованы, самоуправления фактически не существует. Изменений во внешнем быте воспитанников не заметно.“

В Андреевской колонии воспитанники представляют толпу беспризорных, лишённую актива и сознательного понимания стоящих перед колонией задач.

¹⁵³ См.: СС, т.7, с.28.

¹⁵⁴ См.: Гос. архив города Киева, Р-1-1-8566, л.26.

¹⁵⁵ Там же, Р-1-1-8564, л.8.

¹⁵⁶ Від педагога до письменника. // „Літературна газета“, 1935, № 51, 12.11., с.4.

¹⁵⁷ Розовський М. „Педагогічна поема“. Творчий вечір письменника А.С. Макаренка. // „Більшовик“, 1935, № 256, 05.11., с.3.

¹⁵⁸ РГАЛИ, 332-5-52, л.22.

Горьковская колония производит впечатление учреждения запущенного и не упорядоченного.

Слабые коллективы этих колоний деморализованы постоянными перебросками десятков детей с места на место.

В колонии им. Горького возвышается посреди двора огромная куча развалин б[ывшего] собора, которую не могут убрать в течении года. [...]

Для Харьковской области это тем более недопустимо, что в городе есть старая коммуна НКВД, у которой работники колоний могли бы научиться многому. Между тем, до сих пор нет никакой связи между колониями и коммуной; а педагогические руководители колоний за 4 м[еся]ца не были в коммуне ни разу“.

Для улучшения положения двух трудколоний замнарком приказывал провести такие мероприятия:

„1. Начальнику Облуправления НКВД Харьковской области тов. Карлсону в срочном порядке пересмотреть руководящий состав Куряжской и Андреевской колонии.

2. Начальнику коммуны им. Дзержинского тов. Тихонову выделить на работу в колонию им. Горького одного из педагогов и 5 лучших комсомольцев-коммунаров из закончивших учёбу.

3. Начальнику ОТК тов. Ахматову произвести в январе 1936 контрольную проверку состояния Трудколоний Харьковской области“.¹⁵⁹

Во втором приказе, среди прочего, говорится: „В Андреевской колонии весь руководящий персонал, в том числе и назначенный в августе Помощник Управляющего по У[чебно-]В[оспитательной] Ч[асти] Рапцуняк и его предшественник Драганов при попустительстве Управляющего колонией Москаленко допустили разложение значительной части персонала и воспитанников, разврат, пьянство, издевательство над воспитанниками. В результате этого в колонии имела место волынка, сопровождавшаяся разгромом кладовых.

Все эти факты свидетельствуют о том, что до сих пор, несмотря на ряд указаний, не приняты серьёзные меры к подбору персонала и к чёткой организации его работы в колониях. До сих пор наблюдается назначение областным управлением НКВД случайных, непроверенных людей, не умеющими работать с детьми в условиях Трудовых колоний НКВД. Вследствие этого, детские коллективы в отдельных колониях организованы плохо, разрушаются постоянными перебросками, и в трудовых колониях не закрепляется режим, успешно оправдавший себя в коммунах НКВД“.

В этом случае Кацнельсон приказывал:

„1. Начальнику Областного управления НКВД в пятидневный срок представить мне политические и деловые характеристики всех Управляющих Трудовыми колониями и Помощников управляющих по УВЧ со своими соображениями о возможности их дальнейшего оставления на работе.

2. Отделу кадров совместно с ОТК НКВД принять немедленные решительные меры к укреплению кадров трудколоний, в особенности к тщательному подбору лиц руководящего состава, представляя последних на утверждение мне.

3. Начальнику ОТК НКВД Ахматову в соответствии с приказом от 17.10.35 № 0132¹⁶⁰ проверить работу руководящего и воспитательного персонала всех Трудовых колоний, дать подробные и точные указания о методике работы и представить мне 1 декабря проект об организации краткосрочного семинара по переквалификации воспитательского персонала“.¹⁶¹

В этих приказах явно чувствуется стиль Макаренко-писателя. В суровых циркулярах он допускает живое описание хаоса, царившего в колониях. Тем не менее, его формулировки привели к отстранению руководителей колоний от занимаемых должностей.

Вскоре Макаренко дали понять, что в аппарате его мнение могут разве что выслушать, да и то не всегда. По итогам проверки на место выехали работники кадрового аппарата и Управления госбезопасности НКВД – дело о бунте в Андреевской трудколониі передали в Военный трибунал. Приговор был оглашён только через полгода (26 мая

¹⁵⁹ Архив МВД Украины, 46-1-16, л.83.

¹⁶⁰ Этот приказ до сих пор не удалось найти.

¹⁶¹ Архив МВД Украины, 46-1-16, л.84; ГАХО, Р-4511-1-8, л.25–25 об.

1936 г.).¹⁶² Управляющий колонией Москаленко И.П. получил два года лишения свободы, начальник учебно-воспитательной части Рапцуняк А.Н. три, а бывший начальник учебно-воспитательной части Драганов С.И. – полтора года.¹⁶³ Это произошло независимо от мнения Макаренко – уголовные дела кадров НКВД были в компетенции Военного отделения прокуратуры.

Возвратившись из Харькова, 20 ноября 1935 г. Макаренко, как „помнач“ республиканского Отдела, пересылает в трудколонию и приёмники-распределители „циркулярное распоряжение ОТК НКВД СССР № 889278 от 14/XI с.г. об изготовлении штампов и печатей по образцам, объявленным в приказе № 00310 26/VIII 35 г.“, и просит „сообщить изготовление штампов и печатей для в[ашей] трудколонию или приёмника-распределителя“.¹⁶⁴

19 ноября 1935 г. Макаренко заполнил вышеупомянутую «Анкету специального назначения работника НКВД», а 4 декабря он получил членскую карту кассы взаимопомощи сотрудников НКВД УССР № 363.¹⁶⁵ Всеми этими мероприятиями он, после попытки бегства в Москву, вновь укоренялся в среде чекистов.

10. БУДНИ

К весне 1936 г. Макаренко сетует на свою скучную судьбу совчиновника, деятельность которого в основном заключалась в составлении различных справок, постановлений, проектов приказов. Так, в письме к Кононенко от 3 октября 1935 г. говорится: „[...] меня здесь используют больше по писанию разных докладов, а этого дела хватает на каждый день“.¹⁶⁶

Начальники в ОТК не слишком любили заниматься писаниной и всецело доверяли Макаренко составление разного рода инструкций, снисходя лишь к уточнению стиля, да и то незначительному.

Например, в отзыве на Положение о колониях для несовершеннолетних, составленном Макаренко (прибл. конец ноября 1935 г.) и направленном начальнику отдела трудколонию НКВД СССР Перепёлкину в Москву, Ахматовым исключено или добавлено лишь несколько слов. „Помнач“, к примеру, писал: „Положение о трудовой колонии НКВД для несовершеннолетних мы рассматриваем как схему общих принципов организации колоний“. Шеф со всем соглашается, но не мог не добавить: „...обязательную схему...“.¹⁶⁷

Записные книжки Макаренко содержат три заметки, которые иллюстрируют его самочувствие в зависимости от редакторской активности Ахматова – бывшего прокурора с многолетним стажем. Так, в ноябре 1935 г., сразу же после вступления начальника в должность, он отметил: „Тема. Живой человек, никогда не знавший канцелярского языка, попал в бюрократическое учреждение. Он мучится. Почему нужно писать «Не взирая» и «Неоднократно». Он пищит и протестует. Почему нельзя писать человеческом языком? Почему нельзя написать «Чёрт знает что»?“¹⁶⁸

Две другие записи относятся к маю 1936 г. Здесь можно прочесть диалог:

„ – Кто у вас редактор?

– Ахматов.

– А кто защитник?“¹⁶⁹

А совсем крамольно звучит третья запись: „Редактор бывший прокурор. Пишет на рукописях:

„ – Пять лет со строгой изоляцией“.¹⁷⁰

¹⁶² См.: приказ НКВД УССР № 217 от 26 мая 1936 г. (Архив МВД Украины, 46-1-1е, л.98).

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ ГАХО, Р-4511-1-7, л.16.

¹⁶⁵ См.: РГАЛИ, 332-4-354, л.15.

¹⁶⁶ ПС, т.8, с.54–55 (здесь – с.54).

¹⁶⁷ РГАЛИ, 332-4-298, л.2.

¹⁶⁸ Зап. кн. № 6, запись № 631.

¹⁶⁹ Зап. кн. № 8, запись № 692.

¹⁷⁰ Там же, № 693.

Как ни удивительно, но настроение «Поэмы», её бесконечно бодрый, мажорный стиль, вновь отчётливо проступают в приказах, подписанных Балицким и Кацнельсоном. Эта параллель очевидна даже без стилистического анализа.

Вот как, к примеру, выглядел традиционный документ НКВД тех лет, касающийся работы Отдела: «В Одесской трудколонию политучёба среди воспитанников была развёрнута недостаточно, библиотека не обеспечена книгой товарища Сталина «Вопросы ленинизма» и произведениями классиков художественной литературы – Пушкин, Лермонтов и т.д. Среди обслуживающего состава 5 кулаков». ¹⁷¹ Кулаки, как известно, в то время являлись «классово чуждым элементом» в обществе. Забота НКВД о соответствующем культурснабжении детучреждений проявляется и в других документах. Так, в январе 1938 г., во время новой проверки библиотек детучреждений, только из библиотеки коммуны им. Дзержинского было изъято 499 книг репрессированных авторов. ¹⁷²

И вот ещё один документ такого рода: «[...] деятельность различных кружков, хоров, оркестров и др. организаций культурно-массовой работы имеет огромное значение для выявления и развития способностей отдельных ребят, определяет крепость и жизне-радостность детских коллективов, придаёт им энергию и стремление к трудовой жизни, повышая культуру наших колоний». ¹⁷³

Вообще все документы Отдела того времени приобретали некий оттенок творчества – они имели непринуждённый характер, отличались чётким изложением мысли, неказёнными фразами, переставали походить на циркуляры, каковых несчётное множество и от взгляда на которые уже тянуло в сон.

Утверждением вышеупомянутого обстоятельства, что трудкоммуны Украины вначале оказались не в системе ОТК НКВД республики и переводение малолетних правонарушителей в эти учреждения не были организованы через Отдел, является часть тех документов, которые К.С. Кононенко после смерти его друга собрал в «Дзержинке» для будущего макаренковского фонда ЦГАЛИ СССР. ¹⁷⁴ При этом речь идёт о 58 единицах. Почти по всех случаях говорится о передаче воспитанников из тюрем или лагерей в коммуну или оттуда в другие учреждения. Так, 3 декабря 1935 г. ОТК управления НКВД СССР по Калининской области информирует харьковскую коммуну о направлении туда группы «заключённых малолетних правонарушителей, содержащихся в Велико-Лукской тюрьме» в количестве 11 мальчиков от 13 до 16 лет. ¹⁷⁵ Но эта группа не прямо попала в коммуну им. Дзержинского, а, по крайней мере, до 25 января 1936 г. находилась «транзитом» в Харьковской следственной тюрьме. ¹⁷⁶ Об окончательной судьбе группы ничего неизвестно.

А 8 марта 1936 г. Ахматов информирует помощника управляющего коммуны Дидоренко тем, что «в 20–25 числах марта месяца мы можем взять у вас в специально открываемую колонию 50 девочек нашего контингента, взамен которых предполагаем направить вам 50 мальчиков. Просим сообщить [в]аше] мнение по данному вопросу». ¹⁷⁷ И 8 июня 1936 г. Макаренко приказывает «Дзержинке»: «15 воспитанниц, находящихся в отделении коммуны в совхозе в возрасте 17–20 лет, направьте в трудкоммуну № 2 им. Балицкого. Взамен отправленных примите 15 девочек не моложе 15 лет из приёмников-распределителей Харьковской области. Указания коммуне № 2 им. Балицкого даны». ¹⁷⁸

Из московских и харьковских материалов архива коммуны им. Дзержинского можно выделить широко распространённую тенденцию сексотничества как среди воспитанников, так и сотрудников. Ярким примером этому есть служебная записка начальника секретно-политического отдела Харьковского областного управления НКВД УССР от 22 февраля 1936 г. такого содержания: «Приказание. Т. Дидоренко! Посылаю Вам моего [!] воспитанника, которого, согласно распоряжений т. Циклиса, при сём прилагаемого – прошу зачислить в число коммунаров. При этом прошу учесть, что он способный, дисциплинированный толковый парень – любит работать и имеет большое стремление к мастерству.

¹⁷¹ Архив МВД Украины, 46-1-1а, л.46.

¹⁷² См.: ГАХО, Р-4511-1-41, лл.4–13.

¹⁷³ Там же, 46-1-1д, лл.37–40.

¹⁷⁴ См.: Свидетельства искренней дружбы, с.61.

¹⁷⁵ РГАЛИ, 332-2-23, л.4.

¹⁷⁶ Там же, л.5.

¹⁷⁷ Там же, л.66.

¹⁷⁸ Там же, л.44.

Думаю, что лишне мне просить Вас поместить его не к перевоспитанным детям. Я Вас очень прошу поместить его к перевоспитанным детям, выдать ему коммунарскую одежду и всё, что полагается. С комприветом (подпись)¹⁷⁹.

11. «МЕТОДИКА»

Самым значительным событием в этот период деятельности Макаренко в ОТК НКВД УССР является составление «Методики организации воспитательного процесса» – единственного из сочинений педагога-писателя, где ему удалось систематизировать свой опыт работы с беспризорниками и правонарушителями.

Творческая история названного произведения, которое во всех собраниях трудов педагога-писателя датируется 1935–36 годами, до сих пор была неизвестна. В переписке того времени Макаренко ничего не упоминает о «Методике». Из чего можно заключить, что данный проект был тайным. Подтверждением этого вывода является циркуляр (под грифом «Совершенно секретно») начальника Отдела трудколоний НКВД УССР Ахматова за № 265911, который был послан и начальнику Трудкоммуны № 1 им. Дзержинского 5 марта 1936 г.: «Направляю Вам 3 экземпляра Временных методических указаний по организации воспитательного процесса в Трудовых колониях для несовершеннолетних №№ 124–126.

Предлагаю выдать методические указания Пом. Управляющего колонией по Учебно-воспитательной части и ознакомить с содержанием всех воспитателей и педагогов.

Учитывая временный характер указаний, запрещается ознакомление с ними посторонних лиц.

Предлагаю все замечания по содержанию методики направлять в Отдел Трудовых Колоний НКВД для того, чтобы можно было их учесть при окончательной редакции указаний.

Всему воспитательному и педагогическому составу разъяснить необходимость самого исчерпывающего ознакомления с методическими указаниями, а также посылки своего мнения о нём¹⁸⁰.

Ключ для уточнения даты написания произведения даёт сам текст. Примечательно то, что раздел «Перспектива» открывается дословным отрывком из главы «У подножия Олимпа» («Педагогическая поэма», ч. 3-я), которая датируется августом 1935 г. Кроме того, в тексте этого раздела есть следующее указание на даты: «В октябре 1935 г. в коммуне им. Дзержинского было сказано: вы – одно из лучших учреждений. 1 Мая 1936 г. коммуна выедет в Киев, будет участвовать в киевской городской демонстрации, отсалютует нашему правительству¹⁸¹. 9 октября 1935 г., в связи с успешным выпуском фотоаппаратов «ФЭД», организаторы производства (начальник деттрудкоммуны П.К. Тихонов и три технических работника) получили от президиума ЦИК УССР награду,¹⁸² о чём также говорилось и в приказе НКВД УССР от 21 сентября 1935 г.¹⁸³ (Педагогический коллектив коммуны в тех документах не упоминался.) Из этого следует, что Макаренко начал работу над книгой не раньше, чем в сентябре того же года.

Имеется также запись, на основании которой можно установить, что работа над текстом была окончена уже в ноябре 1935 г. Отрывок из его записной книжки от названного месяца: «Слово. Ахматов передаёт в печать методические указания.

– Сегодня исторический день. Конечно мы... современники не можем видеть¹⁸⁴.

По-прежнему остаётся открытым вопрос, почему до марта 1936 г. книги не были посланы в учреждения и почему Ахматов назвал Методические указания «временными».

В комментарии к «Методике» в семитомнике трудов Макаренко говорится, что данная работа «впервые была опубликована в 1936 г. в ведомственном издании небольшим

¹⁷⁹ Там же, л.20.

¹⁸⁰ ГАХО, Р-4511-1-19, л.1.

¹⁸¹ ПС, т.1, с.314.

¹⁸² Збірник законів та розпоряджень Робітниче-селянського уряду УРСР. Відділ перший, 1935, № 34, с.45.

¹⁸³ Архив МВД Украины, 46-1-1а, л.285.

¹⁸⁴ Зап. кн. № 6, запись № 595.

тиражом и в продажу не поступала¹⁸⁵. По сообщению макаренковед В.Е. Гмурмана,¹⁸⁶ именно это издание легло в основу публикации в 5-м томе «Сочинений» педагога-писателя. В своё время составители получили книгу от вдовы. Как рассказывала Г.С. Макаренко В.В. Кумарину, в отношении «Методики» речь шла о заказной работе, которую НКВД УССР напечатал тиражом всего 600 экземпляров.¹⁸⁷

Правда, книга с названием «Методика организации воспитательного процесса» не существует ни в личной библиотеке А.С. Макаренко в Кременчуге, ни в его фонде в РГА-ЛИ, и она отсутствует в библиографическом ежегоднике УССР 1936 года («Літопис друку. Книги»). Поиски её в крупнейших библиотеках СССР также оказались безрезультатными. Из этого можно заключить, что данное издание, по всей вероятности, является именно упомянутыми выше «Временными методическими указаниями».

Возможность знакомства с такой книгой имел Н.Н. Окса у Л.Т. Ковалёва в 1992 году. Речь идёт о ведомственной публикации ОТК НКВД УССР. Как на титульном листе, так и на обложке бежевого цвета было написано «Киев, 1936», а на оборотной стороне титульного листа Макаренко указывался составителем текста. Данный экземпляр был пронумерован механическим нумератором. По словам Ковалёва, эту книгу он получил ещё в 30-е годы от одного из сотрудников коммуны им. Дзержинского.

Когда «Методика» была опубликована после войны (Москва, Трудрезервиздат, 1947), Г.С. Макаренко, как редактор и автор предисловия, ничего не пишет о том, что муж в данный период работал в ОТК НКВД УССР и именно для воспитателей этого учреждения написал это произведение. Сохранился авторский машинописный экземпляр с названием «Методика организации воспитательного процесса»,¹⁸⁸ текст которого фактически идентичен публикациям в собраниях сочинений А.С. Макаренко.

12. МОСКВА-2

Поездка супругов в столицу, о которой Макаренко сообщал в цитированном ранее письме к Кононенко, вначале намечалась на 15 января 1936 г.¹⁸⁹ Об этом идёт речь также в письме жены к Лёве от 12 декабря 1935 г. Здесь она уточняет местопребывание в Москве: «Мы ещё не решили, где остановимся, но не исключена возможность, что у Глебушки [Г.М. Васильев, двоюродный брат Г.С. Макаренко – А.А./Г.Х.] на Моховой, а может быть и в гостинице НКВД «Селект»». Главной целью отпуска являлась покупка квартиры и (вместе с Кононенко, с которым супруги хотели встретиться в столице) покупка дачи. Галина Стахивна продолжает: «Отец страшно много занят на службе и не имеет времени ничего написать, настроение у него вообще хорошее, но, конечно, он мечтает о свободе и возможности спокойно работать. Всё связано с квартирой в Москве, как этот вопрос разрешается, сейчас не ясно. Отец надеется на наше пребывание в Москве. Деньги на квартиру у нас есть, но найдётся ли что-нибудь подходящее?»¹⁹⁰ Из-за «съезда работников ОТК и зам. и нач. колоний», – пишет Г.С. Макаренко сыну 8 января 1936 г., – отъезд переносится на 24 января.¹⁹¹ Упоминаемый «съезд» – не что иное, как указанный в вышеупомянутом приказе № 898 НКВД УССР от 20 ноября 1935 г. «краткосрочный семинар по переквалификации воспитательского персонала».

Ещё до отъезда в Москву в кругах чекистов было событие, которое Макаренко почувствовал как плохое предзнаменование по отношению к Балицкому. Речь идёт о самоубийстве начальника Секретно-политического отдела Управления госбезопасности НКВД УССР Б.В. Козельского (официальная версия – «умер у себя в кабинете»). В этот же день (2 января 1936 г.) педагог-писатель в записной книжке отметит: «Жалко не столько К., сколько Б.»¹⁹²

¹⁸⁵ Макаренко А.С. Сочинения – М, 1950–1952, т.5, с.485.

¹⁸⁶ В беседе с Г. Хиллигом (1975 г.).

¹⁸⁷ Дополнительные штрихи к портрету А.С. Макаренко. Беседа Г. Хиллига с В.В. Кумариным, с. XIIIIV.

¹⁸⁸ РГАЛИ, 332-4-108.

¹⁸⁹ Свидетельства искренней дружбы, с.46.

¹⁹⁰ РГАЛИ, 332-5-106, лл.76 об. –77.

¹⁹¹ РГАЛИ, 332-5-107, л.1.

¹⁹² Зап. кн. № 6, № 647.

По поводу покупки квартиры и дачи московская „миссия“ оказалась неудачной. Супруги хорошо провели время у Лёвы, были в театрах и музеях, но Кононенко не смог приехать из Харькова. Макаренко занимался своими литературными и „чекистскими“ делами. Кроме того, как уже было упомянуто, 11 февраля он выступил в школе им. К.Е. Ворошилова.

Остановиться в гостинице НКВД оказалось невозможным. Об этом свидетельствует письмо педагога-писателя от 29 января к Броневому, черновик которого включён в его записную книжку, где он отмечает: „Мой отпуск с каждым днём приобретает всё более дурацкий вид. До сих пор мы не получили номера и с большими неудобствами кое-где пересаживаем. Вообще плохо. Москва переполнена делегациями, депутациями и т.п., а «Селект» останавливается на ремонт. Большую часть дня провожу в поиске номера, но надежд никаких нет. И протекции не помогают. Алтарёв, спасибо ему, нажимал, и директор «Селекта» сам гоняет по гостиницам – ничего не выходит.

Всё же особенно духом не падаю. Не будет номера, пристроимся где-нибудь у знакомых. Во всяком случае, имею билеты в театры ещё до 10 февраля“.¹⁹³

Какие пьесы Макаренко посмотрел во время отпуска в Москве, неизвестно, но ясно одно: он всегда тщательно и торжественно-хлопотливо готовился к посещению театра.

Так, 9 апреля 1936 г. в письме к читательнице Галине Поликсеновой, которая работала в редакции газеты «Известия», подчёркивает: „В театр ходить без билета – абсолютно не выношу, люблю «наоборот» иметь в кармане билет 2 или 3 ряда партера“. В этом же письме педагог-писатель высказывает своё отношение к музыке: „И оперу очень люблю: не камерную, а настоящую, с парчой, оркестром в 90 человек, с бутафорией и плохой игрой“.¹⁹⁴

Как свидетельствует его жена, Макаренко любил „вообще русский классический оперный репертуар“, особенно произведения Глинки (хоры из «Ивана Сусанина», романс на слова Пушкина «Я помню чудное мгновенье») и Чайковского (хор крестьян из 1-ой и хор девушек из 3-ей картин «Евгения Онегина»; дуэт Лизы и Полины из «Пиковой Дамы»; хор «Как за реченькой яр – хмель» и «Вакхическая песнь» на слова Пушкина из «Царской невесты»; хоры и каватина Берендея из «Снегурочки» Римского-Корсакова).¹⁹⁵

После возвращения из Москвы педагог-писатель, как видно из приведённого выше титульного листа тетради, закончил обработку материалов для романа. 20 февраля 1936 г. в письме Лёве он отмечает: „Мой отпуск оканчивается 24. Сейчас сижу просто дома и читаю, немного работаю над будущим романом, кое-что начинает выясняться“.¹⁹⁶ Как следует из записи Макаренко, он с 18 по 24 февраля занимался составлением плана работы этого произведения, а в течение следующих трёх дней написал начало первой из задуманных двадцати глав – всего 11 страниц.¹⁹⁷ Дальнейшая работа над романом уже скоро прервалась.

13. ПРИОБРЕТЕНИЕ

После шестимесячного отлучения от харьковской коммуны Макаренко удалось перевести в распоряжение ОТК своё любимое „детище“ – но только половину, потому что промышленная часть «Дзержинки» по-прежнему оставалась в ведении АХУ. Основанием для перевода стал приказ НКВД УССР № 17 от 10 января 1936 г.

В этом (несомненно „макаренковском“) документе за подписью Кацнельсона речь идёт „о возложении руководства и ответственности за учебно-воспитательную работу в трудкоммунах им. Ф.Э. Дзержинского и В.А. Балицкого на ОТК НКВД УССР“. Дословно в нём сообщалось: „Для улучшения учебно-воспитательной работы в трудколониях [!] им. Дзержинского и Балицкого приказываю:

1. Руководство и ответственность за учебно-воспитательную работу в коммунах возложить на ОТК НКВД УССР.

¹⁹³ Зап. кн. № 7.

¹⁹⁴ Неизданные письма. Ч. 1, с. 72–73.

¹⁹⁵ См.: Список „Любимые песни А.С. Макаренко“, переданный Г.С. Макаренко 16.06.1951 г. Музею А.С. Макаренко в Кременчуге.

¹⁹⁶ РГАЛИ, 332-5-52, л. 27.

¹⁹⁷ Архив лаборатории „Макаренко-реферат“.

2. Подчинить ОТК НКВД УССР следующие отрасли работы коммуны:

- а) школу;
- б) организации коллектива воспитанников, дисциплину, режим, распорядок дня;
- в) культурно-просветительскую и клубную;
- г) спортивную работу;
- д) пополнение коммун воспитанниками и выпуск их;
- е) назначения и увольнения помощника по УВЧ, преподавателей, воспитателей, клубных работников.

3. Смета на указанные отрасли работы хозотделом согласовываются с ОТК НКВД УССР¹⁹⁸.

Данный приказ, без всякого сомнения, обеспечивал Макаренко прямое влияние на учебно-воспитательную часть коммуны им. Ф.Э. Дзержинского.

Согласно приказа № 20 (также от 10 января 1936 г., но за подписью Балицкого) было введено следующее наименование и нумерация трудкоммун АХУ и колоний ОТК НКВД УССР:

„Коммуна им. Дзержинского в Харькове – Трудовая коммуна им. Дзержинского, № 1.

Коммуна им. Балицкого в Прилуках, Черниговской области – Трудкоммуна им. Балицкого, № 2.

Колония в Одессе по Большой Фонтан[ной] дороге, д.4; Колония в Одессе по Госпитальному пер[еулку], д. № 11 – Одесская Трудовая колония, № 3.

Колония в с. Таганча Каневского района, Киев[ской] обл[асти] – Киевская Трудколония, № 4.

Колония в с. Бровары, Киевской области – Киевская Трудколония, № 5.

Колония на хут[оре] Вольный, Киевской области – Киевская Трудколония, № 6.

Колония в с. Войновка Александр[овского] р[айо]на, Днепропетровской области – Днепропетровская Трудколония, № 7.

Колония в с. Якушинцы, Винницкой области – Винницкая Трудколония, № 8.

Колония в с. Андреевка Балаклеевск[ого] р[айо]на, Харьк[овской] области – Харьковская Трудколония, № 9.

Колония в с. Куряж, Харьковской области – Трудколония им. Горького, № 10.

Колония в с. Ахтырка, Харьковской области – Харьковская Трудколон[ия], № 11.

Колония в г. Змиев, Харьковской области – Харьковская Трудколон[ия], № 12.

Колония в с. Желанное, Донецкой области – Донецкая Трудколония, № 13.

Колония в с. Густыня, Черниговской области – Черниговская Трудколония, № 14¹⁹⁹.

Первая возможность нового „вмешательства“ Макаренко в дела харьковской коммуны возникла в конце февраля 1936 г. Так, Галина Стахивна пишет сыну 7 марта: „Антон наш 27/II уехал в Харьков, что-то там с коммунарами не совсем ладно“.²⁰⁰ 29 февраля газета «Дзержинец» (орган парткомитета, завкома, комитета ЛКСМУ и совета командиров трудкоммуны НКВД УССР им. Ф.Э. Дзержинского) опубликовала статью Макаренко – очевидно текст его выступления на общем собрании коммунаров. Этот материал перепечатывается здесь впервые:

КРЕПЧЕ ДРАТЬСЯ ЗА ДИСЦИПЛИНУ

Дисциплина в школе ещё не стоит на высоте. И Совету командиров совместно со старостой школы необходимо усилить свою активность в борьбе за дисциплину. Безусловно, ведущую роль в этой борьбе должен играть комсомол. Каждый комсомолец обязан

¹⁹⁸ Архив МВД Украины, 46-1-1е, л.5.

¹⁹⁹ Там же, л.6; ГАХО, Р-4511-1-15, лл.3–3 об. – То же число (14 учреждений) называет Макаренко в письме к читательнице Т.А. Миллер от 10.07.1936 г. (ПС, т.7, с.8), а также в своём выступлении на московском заводе „Шарикоподшипник“ 25.10.1936 г.; см.: Москва, октябрь 1936 г. Издание протоколов двух встреч А.С. Макаренко с читателями „Педагогической поэмы“. Сост., автор текстов. примеч. и комм.: Г. Хиллиг. – Марбург, 1987 (серия „Opuscula Makarenkiana“, № 7), с.37.

²⁰⁰ РГАЛИ, 332-5-107, л.4.

являть собой пример дисциплинированного учащегося и обязан влиять на весь класс. Этого ещё до сих пор нет, но это должно стать практикой нашей школьной жизни.

Неуместные шутки во время урока, реплики, грубость в обращении с педагогом – как-то проходит мимо внимания всего класса и даже лучших коммунаров-комсомольцев.

Хороший дисциплинированный комсомолец на обращение к нему преподавателя во время урока огрызается: чего же Вам надо! А когда после урока ему указали на эту грубость, он был весьма смущён и заявил, что никакого намерения грубить преподавателю он не имел, что он даже не обратил внимания на эту свою реплику. И то, что он, комсомолец, не обратил даже внимания на своё грубое обращение с преподавателем, является очень показательным. Ни сам учащийся, ни преподаватель не реагируют на отдельные нарушения дисциплины, они как бы узакониваются, становятся обыденным. Коммунар обязан понять, что всякое нарушение дисциплины в школе, даже малейшее, нарушает правильный ход учёбы, отражается на успеваемости учащихся.

Одновременно с этим необходимо, чтобы педагоги также усилили свою борьбу за дисциплину в школе. И не только констатировать нарушения дисциплины, но и тут же в классе принять меры к тому, чтобы подобное явление не повторилось.

Абсолютно неправильно, когда преподаватель идёт по линии наименьшего сопротивления – или старается не замечать нарушения, или ограничивается занесением факта в рапорт. И совершенно непонятно, когда преподавательница заявляет в учебной части, чтобы её перевели в другой класс, так как она не может справиться с данным учеником. Тот, мол, её оскорбляет, мешает работать и ничего с ним нельзя поделать. Это вредная точка зрения. Преподаватель не является только лицом, который излагает в аудитории свой предмет, он – воспитатель. Особенно это важно в условиях коммуны. И отмахнуться от воспитательной роли педагог не имеет права и не должен.

Наша коммуна является образцовой. Образцово должна быть поставлена в коммуне и дисциплина среди коммунаров.

Каждый коммунар обязан бороться за то, чтобы наша коммуна, носящая великое имя лучшего большевика, первого чекиста – Ф.Э. Дзержинского, была действительно образцовой.

А.М.²⁰¹

К выступлению Макаренко в «Дзержинке» возвращался директор учебного комбината коммуны И.О. Борок в номере газеты от 13 марта 1936 г. В его статье более конкретно освещается повод „вмешательства“ помощника начальника ОТК в дела коммуны. Буквально директор писал: „Тов. Макаренко на общем собрании коммунаров заявил, что одним из основных наших недостатков является низкая дисциплина, а в связи с этим недостаточная успеваемость коммунаров в школьном комбинате.

И действительно, самым большим злом нашей школы является плохая дисциплина учащихся-коммунаров младших классов, в особенности, очень плохо ведут себя в аудиториях, ведут посторонние разговоры, нередко ходят по классу, безобразно обращаются с тетрадями, учебниками и др. учебными пособиями. Ненужные и лишние вопросы, реплики и т.д. – всё это, разумеется, нарушает работу класса и дёргает преподавателя. Особо следует остановиться на взаимоотношении учащихся с педагогами.

Лучшей иллюстрацией к этому является случай с Носковым. Этот «ученик» на уроке заявляет преподавателю: «С таким педагогическим подходом на благбаз [базар у собора Благовещения в Харькове – А.А./Г.Х.] идти, а не в школу» и т.д. в том же духе. Совет командиров и общее собрание постановили исключить Носкова из коммуны. А сколько дерзостей и оскорблений выслушивают педагоги даже в I и II классе? Правда, в громадном большинстве случаев такое недопустимое отношение к педагогам наблюдается со стороны недавно прибывших в коммуну, но так или иначе, оно безусловно нетерпимо.

Тов. Макаренко заявил, что в коммуне лучший педагогический коллектив, и рекомендовал коммунарам всячески беречь педагогов.

Ясное дело, что при таком отношении коммунаров к учёбе не может быть и речи о полном и продуктивном использовании урока“.²⁰²

²⁰¹ «Дзержинец», 1936, № 9, с.1.

²⁰² Борок, Крепите дисциплину. // „Дзержинец“, 1936, № 11, 13.03, с.2.

Дальше в своём материале Борок подробно остановился на задачах по укреплению дисциплины со стороны органов самоуправления коммуны и их помощи педколлективу: „Сейчас нами проводится пересмотр состава старост.

Староста – центральная фигура в классе. От того, как работает староста, зависит очень многое. В этой важной работе мы тесно связываемся с комсомольской и пионерской организациями.

Сейчас выделен один из дней для регулярной работы Совета старост – организации, которая призвана оказать руководству школы действительную помощь в борьбе за повышение дисциплины и успеваемости.

Совет командиров указал, что очень многие из командиров, попадая в школу, уже не считают своим долгом проводить воспитательную работу, как будто бы они в школе уже перестают быть командирами.

В заключение следует сказать, что все наши недостатки мы ликвидируем только в том случае, если сами коммунары под руководством своих старших товарищей возьмутся, наконец, за работу в школе.

Нет сомнений, что коммунары своей активной поддержкой помогут нам ликвидировать все наши недостатки, возьмутся за учёбу и выведут школу на первое место в Харьковщине“.²⁰³

О тесной связи Макаренко с «Дзержинкой» свидетельствует и его письмо к поклоннице «Педагогической поэмы» Галине Поликсеновой от 24 марта 1936 г., где он утверждает: „Я сам до сих пор не бросаю беспризорных, сейчас работаю в коммуне имени Дзержинского в Харькове, но временно откомандирован в украинский НКВД для ликвидации беспризорности. [...] Жалко только, что меня оторвали от дзержинцев. Дзержинцы – это десять тысяч поэм“.²⁰⁴

Работой над романом Макаренко после своего возвращения из Харькова практически не занимался²⁰⁵ – не только из-за командировок и вообще работы в ОТК (28 марта 1936 г. он писал Е.М. Коростелёвой: „У нас «запарка», работаем день и ночь“.²⁰⁶), но и, по всей вероятности, потому, что неожиданно появилась возможность (сообщение в центральной печати) поправить своё материальное положение.

14. УЧЕБНИК

4 марта 1936 г. газеты «Известия» и «Правда» опубликовали постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории Союза СССР с краткими сведениями по всеобщей истории». С помощью „марксистского учебника по истории“ предполагалось преодолеть пробелы в исторических знаниях школьников. В связи с переходом к предметной системе обучения в 1932 году история была включена в учебный план школы как одна из основных дисциплин.

В документе от 4 марта 1936 г. подчёркивалось: „При составлении учебника авторы должны, в первую очередь, иметь в виду указания ЦК ВКП(б) в постановлении «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г., что „решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат“ и что „только такой курс истории обеспечит необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории“.

Для премирования лучших учебников, представленных на конкурс, установили 4 премии: первая премия – 100.000 рублей, вторая – 75.000, третья – 50.000, четвёртая –

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Неизданные письма. Ч. 1, с.66–67 (здесь – с.66).

²⁰⁵ Как видно из цитированного выше плана работы над этим произведением, 6 марта 1936 г.

Макаренко, занимавшийся последний раз с новым романом, написал страницы 17–21 (гл. 2).

²⁰⁶ ПС, т.8, с.63.

25.000 рублей. Срок представления рукописей на конкурс – 1 июля 1936 г. Для рассмотрения учебников и присуждения премий было назначено жюри под председательством члена ЦК ВКП(б) А. Жданова, в состав которого входили и наркомы просвещения РСФСР (А. Бубнов) и УССР (В. Затонский).

Конкурс вызвал большой интерес не только среди историков. Как видно из дневника Елены Булгаковой, её муж, известный писатель, читая в прессе объявление, 4 марта 1936 г. заявил, что он тоже хотел бы написать учебник по истории СССР – „надо приготовить материалы, учебники, атласы“. Жена отнеслась к этому скептически.²⁰⁷

О намерении Макаренко участвовать в конкурсе свидетельствуют некоторые высказывания из его эпистолярного наследия. Так, в письме к Е.М. Коростелёвой от 18 марта 1936 г. говорится: „[...] пишу учебник русской истории на конкурс ЦК“.²⁰⁸ А 31 марта он сообщает Лёве: „Роман даже пришлось отложить на некоторое время, но учебник пишется. Я обложился десятками книг по истории и в общем уверен, что вторая премия моя“.²⁰⁹

Собирая материалы о древней и Киевской Руси, Макаренко делает выписки из следующих произведений: Плеханов Г.В., История русской общественной мысли. Кн. 1, М.–Л., Госиздат, 1925; Рожков Н.А., Русская история в сравнительно-историческом освещении. (Основы социальной динамики). Т. 1. Первобытное общество. Дикари. Варвары. Феодальная революция. Изд. 3-е. С предисловием В. Невского, М.–Л., «Книга», 1928; Покровский М.Н., Очерк истории русской культуры. Ч. 1. Изд. 4-е, дополн., М.Л., Госиздат, 1925, Ключевский В.О., Курс русской истории. Ч. 1. Изд. 3-е, М.–Л., Госиздат, 1925.²¹⁰ Эти книги, которые педагог-писатель, по всей вероятности, купил у букинистов в Киеве, находятся в его личной библиотеке (Музей А.С. Макаренко в Кременчуге). Последние две тогда уже были запрещены.

Однако ни роман, ни учебник „помначу“ написать не удалось, и поэтому московское жюри не смогло ознакомиться с произведением историка-любителя Макаренко. На незавершённость обоих проектов он жалуется в письме к Лёве от 22 апреля: „Хуже всего то, что литературной работой решительно некогда заниматься. Роман остановился на первой главе. Начал писать учебник истории и дело пошло неплохо, из этой работы тоже вырвали“.²¹¹

Как видно из постановления жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4 классов средней школы по истории СССР, опубликованного 22 августа 1937 г.,²¹² первая премия никому из авторов 46 учебников, представленных на конкурс, не присуждалась. В результате конкурсного отбора уже в 1937 году, как известно, был издан «Краткий курс истории СССР» для 3 – 4-х классов начальной школы, составленный научными сотрудниками Московского государственного пединститута им. Бубнова (позже им. Ленина) под общей редакцией проф. А.В. Шестакова. Этот учебник, авторам которого Комиссия присудила вторую премию в размере 75 тысяч рублей, широко использовался в средних и старших классах школы, в системе партийного и комсомольского политпросвещения.

15. ГАСТРОЛИ

После возвращения из «Дзержинки» и до поездки в Одессу Макаренко получил неожиданную возможность побывать в храме Мельпомены. 7–18 марта в столице Украины гастролировал Харьковский театр русской драмы с полным репертуаром своих пьес: «Вишнёвый сад» Чехова, «Далёкое» А. Афиногенова, «Ваграмова ночь» Л. Первомайского, «Чапаев» А. Фурмановой и С. Лунина, «Мик» Н. Шестакова, «Люди в белых халатах» С. Кингслея.²¹³ Посещение спектаклей, встречи с деятелями театра, беседы с актёрами, в том числе и бывшими воспитанниками, помогли Макаренко активизировать контакты и

²⁰⁷ См.: Дневник Елены Булгаковой. Сост., текстолог. подготовка и коммент. В. Лосева и Л. Яновской. – М., 1990, с.116.

²⁰⁸ ПС, т.8, с.62.

²⁰⁹ РГАЛИ, 332-5-52, л.29.

²¹⁰ РГАЛИ, 332-4-193.

²¹¹ РГАЛИ, 332-5-52, л.32 об.

²¹² См.: „Правда“, 1937, № 231, с.2.

²¹³ См.: Харьковский театр Русской Драмы. К гастролям в столице Украины Киеве 7–18 марта 1936 г. – Харьков, 1936.

дружеские связи с „шефами“ дзержинцев. 21 марта Галина Стахивна в письме к сыну сообщила: „Харьковская русская драма была здесь на гастролях в оперном театре, от нас очень близко. Часто бывали у нас и Крамов с женой, и Яновский, и Петров, и проч. братья“.²¹⁴ Следует отметить, что среди гостей из Харькова находились и организаторы „шефской“ работы театра в коммуне А.И. Янковский и Л.А. Скопина. О дружеской атмосфере этих встреч свидетельствует серия редких фотографий Макаренко из наследия Н.В. Петрова, снятых режиссёром и его женой Скопиной.²¹⁵

Летом 1936 г. московские театральные группы гастролеровали в Киеве со всем репертуаром: в июне – МХАТ, в июле – Вахтанговский. С наибольшим интересом киевская публика ожидала «Вишнёвый сад» Чехова и «Дни Турбиных» Булгакова, о чём свидетельствует сообщение в вестёрке «Большовик».²¹⁶ Примечательно, что в прессе ежедневно были объявления о постановках МХАТа «Дни Турбиных» с названием фамилии автора, но среди откликов на спектакли, поставленные в этот период, в киевских газетах нет упоминаний о пьесе Булгакова, что объяснялось сложным положением писателя после снятия его «Мольера» с репертуара московского театра. Тот факт, что Булгаков с гастрольями МХАТа выезжал в Киев и 4 июня присутствовал на первой из одиннадцати постановок «Дней Турбиных»,²¹⁷ печать также не отметила.

Конечно, культурная жизнь столицы Украины была представлена тогда не только гастрольями и постановками местных театров, но и новыми фильмами отечественных и зарубежных кинематографистов, выступлениями симфонических и эстрадных оркестров, в том числе известного негритянского джазбенда из Америки под руководством Альберта Люци на открытии ресторана первого класса «Дніпро» в мае 1936 г.,²¹⁸ но все они не интересовали Макаренко. То же самое относится и к спортивным мероприятиям – выступлениям легкоатлетов, матчам футболистов, полётам авиаторов.

Центральной физкультурной ареной новой столицы Украины стал открытый в июне 1935 г. стадион «Динамо» им. В.А. Балицкого, директором которого был брат А.О. Броневго – Сергей.²¹⁹ Спортивные мероприятия давали возможность многим деятелям встречаться „случайно“. Здесь проходили также показательные выступления советских авиаторов. Председателем правления аэроклуба «Динамо» являлся старый знакомый Макаренко по Харькову, отнесённый им вначале к „друзьям колонии им. Горького“, чекист Я.В. Письменный (по специальности – юрист), в 1934 году – ответственный секретарь правительственной комиссии по переводу столицы Украины в Киев. Во время обсуждения планов и программ воспитательной работы коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (март 1928 г.) чекист показал себя одним из наиболее недоброжелательных оппонентов педагога-писателя²²⁰ – тогда же он был членом правления коммуны. Об успехах авиатора Письменного сообщали местные и республиканские газеты, о чём Макаренко мог узнать ещё в Харькове. Пик своей лётной карьеры молодой чекист пережил в новой столице. В августе 1935 г., как командир пятёрки «Динамо Украина», он совершил перелёт Киев – Памир – Москва – Киев (6000 км) и, как было задано, приземлился на стадионе им. В.А. Балицкого во время празднования дня авиации.²²¹ Макаренко тогда же, о чём упоминалось выше,

²¹⁴ РГАЛИ, 332-5-107, л.6 об.

²¹⁵ РГАЛИ, 2358-3-303, л.25; см. также: письмо Макаренко к Т.В. Турчаниновой от 21.12.1938 г.: „[...] вчера только мой приятель режиссёр Петров привёз мне свой снимок – пожалуйста. В очках – это я, – видите, какая рожа“. // В кн.: „Макаренко – педагог, а не писатель!“ Переписка А.С. Макаренко с двумя читательницами (1938–1939 гг.). Сост.: Г. Хиллиг, С. Невская. – Марбург, 1995 (серия „Opuscula Makarenkiana“, № 15), с.59.

²¹⁶ Тюрменко Я. Интерес до гастролей МХАТ. // „Большовик“, 1936, № 124, 31.05., с.1.

²¹⁷ См.: Соколов Б. Энциклопедия булгаковская. – М., 1997, с.548.

²¹⁸ См.: „Большовик“, 1936, № 123, 29.05., с.4.

²¹⁹ См.: там же, № 134, 12.06., с.6.

²²⁰ См.: На вершине „Олимпа“. Подборка документов о конфликте Макаренко с представителями украинского „соцвоса“ (февраль–март 1928 г.). Ред.: Г. Хиллиг. – Marburg (серия „Opuscula Makarenkiana“, № 12), 1991.

²²¹ См.: Письменный Я. Киев – Памир. Записки командира динамовского высокогорного спортивного перелёта Киев – Хорог – Москва – Киев. – Киев, 1935; тот же. Київ – Памір. Записки командира динамівського високогірного спортивного перельоту Київ – Хорог – Москва – Київ. – Київ, 1936.

занимался сугубо земными делами: закончил третью часть «Педагогической поэмы» и переехал из гостиницы в квартиру дома НКВД возле Владимирского собора.

О новых достижениях лётчика-орденоносца Письменного ответственный работник ОТК Макаренко мог часто читать в прессе. Здесь также выражались соболезнования по поводу трагической гибели его сестры Фани (июнь 1936 г.)²²² и смерти матери (январь 1937 г.)²²³. Имя Письменного носил даже единственный в СССР, основанный ещё при царе (в 1872 г.), завод по производству оцинкованных сит для комбайнов и тракторов. Печальную известность в республиканском масштабе предприятие получило весной 1934 г. в связи с судебным процессом против дирекции завода, который выпускал „100 проц. брак“.²²⁴ Напомним: Макаренко всегда стремился к тому, чтобы в воспитании не было „ни одного процента брака“. Однако имена Макаренко учреждения получили лишь после войны, когда его уже канонизировали, как классика советской педагогики.²²⁵ Кстати, Письменный, который „90 % времени тратил на авиацию“, недаром утверждал, что „на земле плохо, может быть в небе лучше“.²²⁶

Встречались ли авиатор и педагог в Киеве – неизвестно. Последнее сообщение о „гастролях“ Письменного: беспосадочном рекордном перелёте Киев – Батуми на расстояние 1340 км, появилось в печати в конце мая 1937 г.²²⁷ Данное всесоюзное достижение, как информировала читателей газета «Комсомолец Донбасса», спортивная комиссия Центрального аэроклуба СССР им. А.В. Косарева предоставила в президиум Международной авиационной федерации (ФАИ) „для засвидетельствования этого рекорда, как международного по первой категории класса «С-бис»“.²²⁸

Через месяц с чекистом случилась „аварийная посадка“: 24 июня на даче одесского санатория НКВД УССР Письменного, занимавшего тогда должность начальника Транспортного отдела наркомата, арестовали по обвинению в троцкизме. В протоколе обыска подчёркивалось, что у него изъяты – личный автомобиль („легковой торпедо ГАЗ“), орден Красной Звезды, фотоаппарат «ФЭД» с плёнками, бутылка шампанского, спортивная одежда и три книги.²²⁹

7 сентября 1937 г. Письменного (в возрасте 35 лет) приговорили к высшей мере наказания (ВМН) и в тот же день расстреляли.²³⁰ Макаренко, находясь в Москве, по всей вероятности ничего об этом не знал, тем более что сообщений в газетах не было.

К величайшему сожалению, ранняя смерть лётчика-чекиста не позволила использовать в наши дни его богатый опыт организатора переездов столиц – в рамках плодотворного сотрудничества между объединённой Германией и „самостийною, незалежною, соборною“ Украиной – при переводе столицы из Бонна в Берлин...

16. «ОЛИМПИАДА»

Для бывшего „завкола“, ставшего помначотдела НКВД по учебно-воспитательной работе, не было проблемой организовывать деятельность колоний.

Одним из его детищ стала подготовка и проведение в Киеве Олимпиады художественной самодеятельности трудовых колоний и коммун НКВД УССР.

Умение замечать ростки положительного сослужило хорошую службу: именно из поездок по колониям Макаренко вынес твёрдое убеждение, что таланты воспитанников безграничны и заслуживают того, чтобы о них узнали в Киеве, а может быть, и за пределами Украины.

²²² См.: „Комуніст“, 1936, № 135, 14.06., с.4.

²²³ Там же, 1937, № 5, 06.01, с.4.

²²⁴ См.: „Більшовик“, 1934, № 53, 20.03., с.4.

²²⁵ См.: Імені А.С. Макаренка. В кн.: Антон Семёнович Макаренко. Життя і творчість у документах, фотографіях, ілюстраціях. Упор.: П.Г. Лисенко, І.С. Убийвовк. – К., 1978, л.156–157.

²²⁶ См.: Hillig G. Verblaßte Gesichter, vergessene Menschen... 28 Porträts von „Freunden“ und „Feinden“ A.S. Makarenkos. – Bremen, 1999, с.249.

²²⁷ См., напр.: Тов. Письменний про свій політ. // „Вісті“, 1937, № 120, 27.05., с.5.

²²⁸ См.: Рекордные полёты П. Осипенко и Я. Письменного. // „Комсомолец Донбасса“, 1937, № 75, 30.05., с.4.

²²⁹ См.: Hillig G. Verblaßte Gesichter..., с.248–249.

²³⁰ См.: там же, с.255.

С другой стороны, проведение невиданного доселе в НКВД смотра талантов „дефективных“ детей было серьёзной и конкретной заявкой вновь назначенного помначотдела о своей работе в республиканском ведомстве.

Вспомним, что выход в свет «Поэмы» явился своеобразной популяризацией малопрестижной профессии педагога– воспитателя. Никто доселе столь ярко и просто не рассказывал миру о труде тех, кто работал с беспризорниками, юными ворами и мошенниками, сиротами, никогда не знавшими родительского тепла и заботы. Добрая часть ребят только в колонии увидела чистое бельё и познакомилась с распорядком дня. Они учились читать, спать на кровати. Они работали на собственном предприятии или в поле и отвыкали от похабных выражений. Они теряли воровскую сноровку, потому что всё свободное время посвящали спорту, музыке, художественной самодеятельности и театру.

Нет сомнения в том, что на концертах в Куряже и Новом Харькове в числе зрителей не раз бывали нынешние начальники Макаренко – Балицкий, его заместитель Карлсон, хорошо знавшие колонию им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского и поддерживавшие писательский и педагогический успех Макаренко. Вот почему идея проведения заключительных мероприятий Олимпиады колоний и трудкоммун НКВД в Киеве была поддержана. Более того, когда о проведении итогового концерта доложили в ЦК ВКП(б) Украины, было получено „добро“ на проведение заключительного концерта Олимпиады в помещении Киевского ордена Ленина оперного театра.

Думается, что эта информация исходила не только от Балицкого, бывавшего чаще других наркомов на приёме у „генсека“ ЦК КП(б)У С.В. Косиора, но и от давнего знакомого семьи Макаренко – наркома просвещения Затонского (Галина Стахивна училась с ним в Каменец-Подольской гимназии). Он поддерживал „харьковские“ связи и, видимо, не преминул сообщить наркому о готовящемся празднике.

О запланированной на 1–4 мая Всеукраинской олимпиаде газета «Дзержинец» впервые сообщила 11 февраля 1936 г. В программе смотра самодеятельных искусств сообщалось, что „на олимпиаде примут участие все виды самодеятельности воспитанников трудколониальных НКВД.

Должны подготовиться к участию в олимпиаде:

1. Оркестр духовой музыки.
2. Струнный оркестр.
3. Шумовой оркестр.
4. Хор певцов.
5. Танцоры лезгинки, гопака и других народных танцев.
6. Индивидуальные выступления: игра на инструментах, пение, танцы и т.д.
7. Звукоподражание.
8. Инсценировки, отрывки из пьес и т.д.
9. Физкультурные упражнения и т.д.²³¹

В двух заметках этого же номера газеты «Дзержинец» воспитанники коммуны были призваны подготовиться к участию в смотре, чтобы занять призовое место: „Наша очередная задача заключается в том, чтобы все эти таланты выявить и включить их в работу по подготовке к олимпиаде. Каждый коммунар должен почитать своей обязанностью принять участие в подготовке к олимпиаде. Необходимо немедленно взять на учёт тех коммунаров, которые по своим способностям могут быть включены в олимпиаду. Каждый командир роты, взвода должен ещё ближе ознакомиться со своими коммунарами, чтобы выявить способных принимать участие в этом смотре творческой самодеятельности“.²³² Руководитель кружковой работы дзержинцев В.Н. Терский, отмечая недостатки и слабости „подлинной самодеятельности“, подчёркивал: „Пусть каждый коммунар хорошенько задумается над таким важным вопросом – как используют своё пребывание в коммуне для того, чтобы стать наиболее ценным строителем социализма“.²³³ Спустя две недели Терский в другой статье отмечает недостаточную активность отдельных групп самодеятельности коммуны, а именно „оркестра, хора, джаз-кружков, которые в наших условиях могут и должны быть ведущими формами массовой работы, [но] до сих пор ещё своих

²³¹ А.И. Драться за первое место на олимпиаде. // „Дзержинец“, 1936, № 6, с.2.

²³² Там же.

²³³ Терский. Улучшить работу наших кружков. // Там же.

планов не дали“.²³⁴ Джаз-ансамбль дзержинцев, в который вошли лучшие оркестранты коммуны, существовал, как недавно стало известно, ещё с 1933 или 1934 года, т.е. в бытность Макаренко.²³⁵

О республиканском смотре художественной самодеятельности в письме от 22 апреля 1936 г. педагог-писатель сообщает Лёве: „Сейчас возимся с Олимпиадой, приехало из разных колоний около 400 человек. Между прочим, из дзержинки приехало 150 человек. Ты увидишь много своих приятелей и имеешь возможность промаршировать в первомайской демонстрации“.²³⁶ Как видно из приказа начальника ОТК УССР по Олимпиаде трудовых коммун и колоний (также от 22 апреля), проведение данного мероприятия Ахматов поручил Макаренко. Дословно там говорится: „Все участники Олимпиады для первомайской демонстрации объединяются в одну колонну вместе с 5 и 6 Киевскими колониями. Общее руководство подготовкой к демонстрации и распоряительство во время самой демонстрации возлагается на моего помощника тов. Макаренко [...]“.²³⁷

Основу программы концерта в оперном театре, несомненно, составляли воспитанники харьковских учреждений – колонии им. Горького и коммуны им. Дзержинского. Но Макаренко знал репертуар не только своих подопечных.

Например, с дирижёром оркестра коммунаров Иваном Волченко он был знаком ещё по Куряжу. Сибиряк из Омска, после смерти матери и гибели отца в 1917 году Волченко покинул родные края. Пятнадцатилетним мальчиком он попал в тогдашнюю колонию им. 7 ноября, которая в 1926 году была „завоёвана“ горьковцами. При организации духового оркестра в куряжской колонии (в 1927 г.) он стал учиться играть на флейте-пикколо, а через пару лет овладел уже всеми инструментами. В 1929 году „Волчок“ покинул колонию и перешёл в коммуну, где стал заместителем капельмейстера,²³⁸ а в 1933 году поступил на музыкальный рабфак.

Самодеятельный духовой оркестр Волченко был на Олимпиаде гвоздём программы: Бетховен, Гуно, Бизе, Гулак-Артемовский – вот далеко не полный перечень репертуара, подготовленного к смотру.

Герман Адлер, профессиональный немецкий дирижёр, провёл с оркестрами коммун им. Дзержинского и Балицкого несколько репетиций. „Несмотря на то, что большинство исполнителей не так давно взяли в руки свои инструменты, ещё очень молоды по своему музыкальному стажу – игра оркестров заслуживает, чтобы её оценили. Что касается чувств и понимания стиля произведений, волевой напористости, чуткости, ловкости, и, особенно, горячего старания – у них могут поучиться иногда немало профессионалов“.²³⁹

Или вот ещё одна судьба. В приказе наркома по итогам Олимпиады от 10 мая 1936 г. награждена Паша Клеточкина – „стипендией до окончания музыкального техникума – 150 рублей в месяц“.²⁴⁰

Похоронив в Самаре родителей, умерших от голода, она выехала на Украину, попала в «Дзержинку». Работала укладчицей в цехе фотоаппаратов и увлеклась пением. Голос Паше ставил известный в Харькове педагог-профессор Голубев. Ну, а кто „ставил“ душу – мы догадываемся сами.

Вот любопытная деталь. Одна из воспитанниц коммуны им. Дзержинского, Лиля Рабинович, вызвала овации в зале, исполнив украинскую песню. 4 мая 1936 г. Киевский оперный театр заполнила именитая публика – Косиор, Постышев, Петровский, Любченко,

²³⁴ Терский, Чего ждёте? // „Дзержинец“, 1936, № 8, 23.02., с.2.

²³⁵ См.: Плетниченко В.И. Организация и воспитательная деятельность духовых оркестров в макаренковских учреждениях. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. пед. наук. – Мелитополь, 1999, л.98.

²³⁶ РГАЛИ, 332-5-52, л.33.

²³⁷ РГАЛИ, 332-4-426.

²³⁸ См.: Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского, Харьков. – (Харьков), 1932, с.95–97.

²³⁹ Адлер Г. Про це тільки пісень спвати. // „Вісті“, 1936, № 1034, 06.05., с.3; также в: Hillig G. (Hrsg.). Makarenko-Materialien IV. Ucrainica. – Marburg (серия „Beiträge zur sozialistischen Pädagogik“, Bd.12), 1982 (ссылки как на: Ucrainica), с.254.

²⁴⁰ Архив МВД Украины, 46-1-1д, л.38.

Якир, Балицкий, Попов, Затонский, „коминтерновец“ Вильгельм Пик, стахановцы, военачальники, творческая общественность столицы Украины.²⁴¹

Все аплодировали и не знали, что в соответствии с утверждённой программой Лия должна была петь другую песню.²⁴² Мелочь по сегодняшним дням... Но в те времена регламент был чрезвычайно жёстким, отступление от него каралось. Насколько нужно иметь смелость и решительность, чтобы в этот ответственный день подчеркнуть (для тех, кто знал программу концерта) – буду петь то, что нравится!

Концерт удался. Зрители увидели 25 номеров художественной самодеятельности, в фойе была организована выставка художественных работ воспитанников.

На следующий день в киевском клубе НКВД состоялась встреча участников Олимпиады с Балицким, которая прошла в дружеской, сердечной атмосфере. В заключение нарком сказал: „Несмотря на то, что вы вчера имели шумный и бурный успех, нельзя не забывать, что это только начало. Зазнаваться не следует, а работать надо ещё очень много и много“.²⁴³

Практически за каждым именем в приказе наркома внутренних дел УССР Балицкого – характеры воспитанников, трудные биографии, черты ярких индивидуумов.

По итогам Олимпиады нарком подписал приказ, поощрявший месячным окладом управляющих коммунами № 1 им. Ф.Э. Дзержинского и № 2 им. В.А. Балицкого – Тихонова и Бермана, управляющего Одесской трудколонией № 3 Цыбульского, помуправляющего (помначальника) коммуной № 1 Дидоренко, начальника Отдела трудколоний Днепропетровской области Матурина. Сотрудники Отдела трудколоний НКВД УССР Талалаевский, Осовский, секретарь ОТК Тамара Букшпан также были отмечены в приказе наркома. Начальнику Отдела Ахматову „за отличное руководство проведением Олимпиады и её подготовкой“ объявили благодарность. Макаренко нарком объявил благодарность и премировал месячным окладом.²⁴⁴

И самое важное – нарком поощрил не только чиновников и персонал колоний и коммун, но и 90 колонистов, коммунаров и воспитанников детприёмников. Награды были самые разные: часы, костюмы, отрезы на платье, велосипеды, стипендии.

Например, воспитанница коммуны им. Ф.Э. Дзержинского Семёнова в приказе наркома поощрена за „танцы и организацию балетной группы в коммуне – стипендией в 100 рублей в месяц до окончания балетной студии Харьковского государственного театра оперы и балета“.

Однако особой наградой для воспитанников стал другой приказ Наркома, подписанный 29 июня 1936 г. Этим документом произведён выпуск 255 лучших воспитанников трудкоммун и трудколоний. „Многие из них были подлинными стахановцами на фабриках и заводах, подготовились к самостоятельной жизни и могут быть выпущены из колоний активными участниками социалистического строительства“.²⁴⁵

Олимпиада продемонстрировала то, что должна была продемонстрировать вождям: „Вчерашний беспризорник и правонарушитель твёрдо стоит уже сегодня обеими ногами на новой земле. Ему ненавистна и отвратительна прошлая жизнь на улице, в окружении воров и паразитов“.²⁴⁶

В чём же проявился здесь творческий талант Макаренко?

Во-первых, Макаренко стал автором идеи проведения Олимпиады. К слову сказать, эта форма работы с подростками популярна до настоящего времени в воспитательно-трудовых колониях Украины.

Во-вторых, именно подготовка к Олимпиаде по крупицам нашла и собрала по колониям и приёмникам-распределителям республики юных танцоров, певцов и чтецов, не говоря уже о художниках.

²⁴¹ См.: Перша українська олімпіада трудових комун, колоній і прийомників-розподільників НКВС УСРР. // „Вісті“, 1936, № 103, 05.05., с.1; также в: *Ucrainica*, с.247.

²⁴² См.: Зап. кн. № 8, запись № 687.

²⁴³ Ройтенберг, Встреча с наркомом. // „Дзержинец“, 1936, № 20, 13.05., с.1.

²⁴⁴ Архив МВД Украины, 46-1-1д, лл.37–40.

²⁴⁵ Там же, л.155.

²⁴⁶ Дусавицький Г. Творчість вдруге народжених. // „Пролетарська правда“, 1936, № 104, 06.05., с.3; также в: *Ucrainica*, с.248.

Особенно сложным было, видимо, привлечь к участию в Олимпиаде подростков из приёмников-распределителей. Напомним, что в приёмники на короткий срок – до направления в колонию или доставки родителям, опекунам – попадали беспризорные дети, задержанные милицией на улицах, в поездах и т.п. Они тоже участвовали в Олимпиаде и весьма успешно. „Бурю восхищения и умиления вызвала самая младшая участница олимпиады Алла Красавина из ворошиловградского распределителя, которая тоже танцевала «Яблочко»“.²⁴⁷

В-третьих, именно Олимпиада определила дальнейшую судьбу многих её участников. Юные дарования впервые в жизни вышли на профессиональную сцену, испытали сильнейшее волнение от соприкосновения с переполненным залом.

Это не прошло бесследно для тех, кто рождён был быть артистом: спустя два года Макаренко пишет уже из Москвы своему воспитаннику Л. Конисевичу: „Были харьковские актёры во главе с Клавой Борискиной, заходят и другие. Народ всё правильный, и моя совесть не страдает“.²⁴⁸ Имя Борискиной мы встречаем впервые в приказе наркома Балицкого: „Наградить [...] по 1-ой трудкоммуне имени Ф.Э. Дзержинского – Борискину (художественное чтение) – командировкой в ВУЗ и стипендией до окончания ВУЗа в 150 рублей в месяц“.²⁴⁹

В-четвёртых, нужно было собрать всех в Киеве, расселить, одеть соответствующим образом и накормить, для чего необходимо было иметь не только творческий талант.

Наконец, Макаренко по-пушкински заставил своих начальников уважать себя. Они уже не могли остановить запущенный им маховик Олимпиады, хотя зачастую, оставив все „дела“, врывались на сцену театра во время репетиции.

„Влетает начальник возмущённый, грубо вырывает у меня из рук программу. Я, конечно, обижен, но я понимаю, что программы бросить нельзя и начальник с нею не справится. И я не разыгрываю обиды, а остаюсь за сценой“.²⁵⁰

Не было ли всё это своего рода показательным мероприятием, «Весёлыми ребятами» по-киевски?

Безусловно, нет! За присутствием на концерте колонистов всех без исключения украинских вождей того времени кроется нечто большее, чем стремление продемонстрировать сопричастность к решению проблемы беспризорности аплодисментами. Те, кто был на заключительном концерте Олимпиады, воочию убедились в том, что из подростка-преступника можно создать человека. Он не утрачен для общества, если вокруг него воспитатели, крепкий коллектив. Он поддаётся лепке, он очень талантлив. Нужно только уметь обнаружить в нём те струны, которые будут звучать.

Примечательно, что в находящемся в личном архиве педагога-писателя экземпляре приказа о награждении организаторов и участников киевской Олимпиады фамилия Балицкого стёрта,²⁵¹ без всякого сомнения из-за репрессии наркома, имя которого в 1937 году исключили из украинской истории. По свидетельству Клавы Борискиной,²⁵² коммунары-дзержинцы, получившие тогда по приказу стипендии, в том числе и она сама, после ареста Балицкого лишились их и Макаренко финансировал учёбу своих воспитанников из личных средств.

Нельзя было предвидеть, что для „чекиста поневоле“ данное мероприятие станет вершиной его работы в ОТК. Воспитанники коммуны им. Ф.Э. Дзержинского не смогли больше повторить свой киевский успех. На Всесоюзном смотре художественной самодеятельности в июне 1936 г. в Москве,²⁵³ в котором приняли участие более 2.000 воспитанников трудкоммун и трудколоний СССР (в том числе и 140 дзержинцев²⁵⁴), проявились их

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Письмо А.С. Макаренко к Л.В. Конисевичу от 20.10.1938; в: ПС, т.8, с.95–96 (здесь – с.96).

²⁴⁹ Архив МВД Украины, 46-1-1д, лл.37–40.

²⁵⁰ Зап. кн. № 8, запись № 687.

²⁵¹ См.: РГАЛИ, 332-2-67.

²⁵² В беседе с Л. Пехой (в 1964 г.).

²⁵³ Единственное упоминание в макаренковедении о Всесоюзной олимпиаде учреждений ОТК НКВД есть у Морозовой Н.А. (с.114), но здесь это мероприятие ошибочно датировано маем (17–30) 1936 г.

²⁵⁴ См.: письмо Макаренко к Л. Салько от 02.06.1936 г.; РГАЛИ, 332-5-53, л.1.

творческие возможности. Коммунар Е. Ройтенберг в своём отчёте о Всесоюзной олимпиаде перечисляет области творческих возможностей дзержинцев, которые до сих пор не были реализованы: акробатика, струнный оркестр, ансамбль баянистов, балетная студия, а также предлагает расширить хор и активизировать джаз.²⁵⁵ Через три месяца после Всесоюзной олимпиады газета «Дзержинец» писала о резкой критике их работы со стороны жюри смотра. Так, по поводу деятельности драмкружка – гордости дзержинцев, над которым, как уже упомянуто, шефствовал Харьковский театр русской драмы, жюри подчеркнуло: «Кружок существует 4 года.

Большой стаж и очень малые, судя по показанному на смотре, результаты». «Учёбы в кружке нет. Исполнители ещё не знают техники разработки роли и их способности полностью ещё не раскрыты».²⁵⁶

16 июня 1936 г. Г.С. Макаренко сообщала Лёве, что муж собирается «лететь в Москву на аэроплане, девятнадцатого», на последний день Всесоюзной олимпиады и участвовать в творческом представлении в Большом театре «в присутствии правительства».²⁵⁷ О надеждах, связанных с этим чрезвычайным событием, газета «Дзержинец» писала: «[...] нас будут слушать наши великие вожди, руководители нашей великой партии, руководители всесоюзного правительства. Может быть сбудется наша мечта и нас приедет послушать великий вождь народов – тов. Сталин».²⁵⁸ Однако московские газеты о подобном мероприятии в Большом театре умалчивают, из чего можно заключить, что оно не состоялось – по всей вероятности потому, что 18 июня умер М. Горький и в стране был объявлен траур. Страстное желание харьковских коммунаров-«олимпийцев» увидеть «всесоюзных вождей» не сбылось, а Макаренко остался в Киеве. Посетить любимую Москву ему удалось лишь через месяц...

17. ГОРЬКИЙ

В Киеве Макаренко выступил на траурном собрании писателей, посвящённом М. Горькому,²⁵⁹ и написал ряд статей о своём «шефе, друге и учителе». Пока известны четыре таких материала, включённых в советские и зарубежные собрания его работ. Самый обширный из них («Максим Горький в моей жизни») был помещён в специальном горьковском выпуске, основанного пролетарским писателем, альманаха «Год XIX» в декабре 1936 г. в Москве, а три статьи появились ещё в июне того же года в Киеве в местной и республиканской печати (в этот период в столице УССР не выходили русскоязычные газеты): «Велике горе» (Большое горе; «Більшовик», 20.06.), «Мій перший вчитель» (Мой первый учитель; «Комуніст», 21.06.), «Близький, рідний, незабутній!» (Близкий, родной, незабываемый!; «Літературна газета», 30.06.). В 1998 году, в ходе подготовки данной книги, в Украинской национальной библиотеке им. В.И. Вернадского в газете «Комсомолец України» удалось обнаружить ещё один, до сих пор нигде не упомянутый некролог, написанный педагогом-писателем. Перевод этой статьи на русский язык публикуется впервые:

ГИГАНТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Горький умел безгранично любить трудящихся и ненавидеть врагов. Этой любви и ненависти учил нас Горький.

В моём представлении Горький является гигантом человеческой культуры. Культура Горького – это как бы [квинт]эссенция из всей истории человечества.

В период бесправия, притеснения царизма прозвучал его могучий голос – «Безумству храбрых поём мы славу». Это было утверждение человека. Горький всегда с особой любовью относился к молодым литераторам. Я вспоминаю, как он просил меня четыре раза, чтобы я написал произведение о своей детской колонии. Если бы не Горький, – возможно, что я не написал бы «Педагогической поэмы».

²⁵⁵ См.: *Ройтенберг*, На всесоюзном смотре художественной самодеятельности. Итоги и выводы. // «Дзержинец», 1936, № 28, 30.06., с.2.

²⁵⁶ *Носков*, Упорно и серьёзно работать. // «Дзержинец», 1936, № 33, 13.09., с.2.

²⁵⁷ РГАЛИ, 332-5-107, л.25.

²⁵⁸ Нас будут слышать наши вожди. // «Дзержинец», 1936, № 23, 01.06., с.1.

²⁵⁹ См.: На зборах письменників столиці радянської України. // «Літературна газета», 1936, № 29, 21.06., с.4.

Любовь к жизни сделала Горького гениальным писателем. Мы, советские писатели, тоже должны любить жизнь и отображать её в своих произведениях, как это делал Алексей Максимович Горький.

А. МАКАРЕНКО²⁶⁰

Горький, как известно, сыграл главную роль в признании и популяризации Макаренко-писателя. Он был заметно взволнован письмами Макаренко из Куряжа и сумел разглядеть в простом „завколе“ подлинный талант. Его подсказки, как вести дневник, как сделать «Поэму» ярче и интереснее, масса других добрых дел Горького не только для куряжан, но и для Макаренко лично всегда имели огромное значение.

Степень важности их переписки составители восьмитомника «Педагогических сочинений» Макаренко характеризуют следующим образом: „Переписка А.С. Макаренко и А.М. Горького, продолжавшаяся 10 лет, позволяет полнее воссоздать периоды развития педагогического опыта А.С. Макаренко, существенно дополняет и уточняет сведения о колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, открывает новые аспекты в теоретических воззрениях и характеристике личности выдающегося педагога. Публикуемый материал расширяет представления читателей о литературно-художественном творчестве А.С. Макаренко, отражая ряд важных моментов истории создания «Педагогической поэмы»“.²⁶¹

Собственно говоря, речь здесь идёт о двух совершенно разных по характеру переписках. Сначала это была переписка „завкола“ Макаренко с живущим в Италии писателем, который с большим участием следил за жизнью и судьбой своих подшефных и хотел, по его выражению, быть им чем-нибудь „полезным“. Но Макаренко-педагог отклонил предложения такого рода, и воспитанники в этом его поддерживали. А впоследствии, после посещения Горьким Куряжа и ухода Макаренко из колонии (1928 г.), переписка приобрела иной характер: писательские намерения и творческая работа стали решающими для Макаренко, к чему добавилось и желание покинуть коммуну им. Ф.Э. Дзержинского, а позже и ОТК НКВД УССР и переехать в Москву. При этом, как указывалось выше, он не только с благодарностью принимает помощь, но и сам просит о ней Горького и его секретаря Крючкова. Макаренко видел в них людей, могущих реально содействовать его переводу в столицу, т.е. подыскать для него квартиру и место работы. Так, 25 августа 1933 г. он торжественно обещал „учителю“: „Если я вырвусь из моей каторги, я всю оставшуюся жизнь отдам для того, чтобы другим людям можно было вести воспитательную работу не в порядке каторги. Это очень печально: для того, чтобы воспитать человека, нужно забыть, что ты тоже человек и имеешь право на совершенствование себя и своей работы.

Отсюда вырваться без Вашей помощи мне не удалось бы никогда“.²⁶²

Однако следует отметить и другую причину обращения педагога-писателя к секретарю «шефа» – его забота о колонии им. М. Горького, которая, после ухода её первого „завкола“, не один раз меняла руководство и пришла в очень неприглядный вид, не вызывающий восторга у организатора. Об этом свидетельствуют не только вышеупомянутые приказы НКВД УССР от 20 ноября 1935 г., но и письмо Макаренко к Крючкову от 27 января того же года. В нём достаточно критически оценивалась деятельность начальников колонии, в которой „ни серьёзной воспитательной работы, ни организационного творчества, ни коллектива колонистов. Это обычный детский дом, материально плохо обставленный, руководимый случайными людьми, малограмотными и невежественными, и ленивыми“.²⁶³ Горький направил цитируемое письмо секретарю ЦК КП(б)У П.П. Постышеву, при этом отметил организационно-педагогический талант Макаренко, „его моральный облик“, раскритиковав „плохое руководство“ колонии, „убедительно просил [...] разогнать всех, кого надобно разогнать“.²⁶⁴

Макаренко-горьковская инициатива достигла высших партийных эшелонов в республике. Так, в повестку дня заседания Политбюро ЦК КП(б)У от 7 апреля 1935 г. включён пункт «О детских колониях им. Петровского и им. Горького». Одним из

²⁶⁰ Макаренко А. Велетень людської культури. // „Комсомолец України“, 1936, № 140, 20.06., с.3.

²⁶¹ ПС, т.1, с.359.

²⁶² Переписка..., с.76; ПС, т.1, с.255.

²⁶³ Из переписки А.М. Горького. // „Известия ЦК КПСС“, 1990, № 9, с.216–219 (здесь – с.217).

²⁶⁴ Там же, с.216.

докладчиков по этому вопросу был сам Постышев. Согласно протокола по поводу Куряжской колонии Политбюро решило следующее (перевод с украинского):

„1. Считать за признанное, что детская колония имени Горького в следствие ослабления внимания к ней – находится в совсем неудовлетворительном состоянии, как по постановке воспитательной работы, так и в понимании её хозяйственного состояния.

2. Поручить тт. Ашрафяну [член ЦК КП(б)У и ЦИК УССР – А.А./Г.Х.] и Затонскому послать в колонию специального уполномоченного ЦК и Наркомпроса – с тем, чтобы он, вместе с харьковскими организациями, провёл на месте необходимые мероприятия для укрепления руководства и улучшения работы колонии.

3. Отметить, что Наркомпрос не обеспечил правильного комплектования колонии имени Горького. Предложить Наркомпросу откомандировать переростков на работу в предприятия, а дефективных детей – в соответствующие детские учреждения.

4. Обязать Наркомпрос уделить в дальнейшем особое внимание колонии, обеспечив необходимую помощь и наблюдение за состоянием колонии“.²⁶⁵

Через два дня после смерти Горького газета «Правда» поместила написанное им для книги «Болшевы» предисловие («Неопубликованная статья А.М. Горького»), где он подчёркивал: „Моё дело – указать, что написана весьма значительная большевистская книга. Вместе с книгами А. Макаренко «Педагогическая поэма» и Иды Авербах «От преступления к труду» эта книга вносит в нашу литературу замечательный рассказ о работе «инженеров души»²⁶⁶, которые воспитывают тысячи людей в трудкоммунах, в концлагерях (!!!) [так назывались места заключения инакомыслящих в СССР ещё до прихода к власти Гитлера в Германии – А.А./Г.Х.], в колониях беспризорных детей, о работе, которая показывает, как реально, фактами – осуществляется в Стране советов пролетарский коммунистический гуманизм в те дни, когда буржуазия Европы и всего мира всё более гнусно и цинично откровенно звереет, как она в своём безумии, вызванном предчувствием смерти, теряет остатки человекообразности и становится всё более бесхитростно злым, всё более откровенно бесчеловечным врагом трудового народа. Пролетариат должен знать, что в лице современной буржуазии он имеет дело с преступником, который не может быть перевоспитан и должен быть уничтожен“.²⁶⁷

Приравнивание „перековки“ взрослых уголовников и политических заключённых принудительным трудом в ГУЛаге к перевоспитанию малолетних правонарушителей в системе трудколони, не вполне понятное сегодняшнему читателю, можно обнаружить не только в текстах пролетарского писателя, но также и в некоторых рецензиях на третью часть «Педагогической поэмы».²⁶⁸ Авторы этих откликов, без сомнения, ориентировались на вышеназванную публикацию в газете «Правда» (предисловие к книге «Болшевы»). Примечательно, что уже в 1934 году Горький, когда речь шла о второй части этого произведения, обратил внимание Макаренко на то, что „особенно резко полемизировать по поводу Вашего метода воспитания Вам не стоит, метод этот оправдан на Б.-Б. [Беломорско-Балтийском – А.А./Г.Х.] водном пути и на Печоре – книга «Большой шанс» Канторовича – , и другие“.²⁶⁹

Смерть Горького была для Макаренко не только потерей «друга и учителя», но в определённой мере и возможностью освободиться от контроля «шефа» и строгого цензора за его литературной деятельностью. Последствия этого не замедлили сказаться: из 136 до сих пор известных прижизненных публикаций педагога-писателя 105 появились лишь после кончины Горького.²⁷⁰ Одним из примеров отказа Макаренко от пиетета перед «учителем» является тот факт, что на его предложение в 1927 году прочесть новинку – „интереснейшую книгу“ Л. Пантелеева и Г. Белых «Республика Шкид» – и написать мнение о ней и „главном её герое Викниксоре“,²⁷¹ Макаренко критически ответил лишь через

²⁶⁵ ЦГАОО Укр., 1-7-382, лл.123–124.

²⁶⁶ *Сталин*, как известно, называл не „перевоспитателей“, а писателей „инженерами человеческих душ“.

²⁶⁷ „Правда“, 1936, № 168, с.2; *Болшевы*. – М., 1936, с.10.

²⁶⁸ См., напр.: *Лузгин М.* Книги о перековке. // „Год XIX“. Альманах 10. – М., 1936, с.434–475 (здесь – с. 460).

²⁶⁹ *Переписка...*, с.80; см. также (с изменением): *ПС*, т.1, с.275.

²⁷⁰ См.: *СС*, т.13. с.X.

²⁷¹ *Переписка...*, с.47–48; *ПС*, т.1, с.240.

десять лет в лекции «Художественная литература о воспитании детей», прочитанной 21 апреля 1937 г., и статье «Детство и литература», опубликованной 4 июля того же года в «Правде». Так, 26 сентября 1933 г., ожидая в Москве реакцию «шефа» после знакомства с рукописью «Педагогической поэмы», он пишет жене: «Я почти уверен, что Горький произнесёт что-нибудь маловыразительное и уклончивое, если просто не разругает. Книга эта не в его современном духе — ему понадобятся описания всяких духовных прыжков, вроде, как в «Республике Шкид»».²⁷² Но, в этом же году, он в записной книжке отмечает необходимость заняться произведением Пантелеева и Белых: «Написать — педагогический разбор книги «Республика Шкид»».²⁷³ Почему педагог-писатель позже не вернулся к этому проекту? Вероятной причиной мог быть расстрел Белых как «врага народа» в 1938 году. Таким образом, переиздание данной известной книги стало возможным лишь после его реабилитации в конце 50-х годов.

18. СОЮЗ

Макаренко, как известно, стал членом Союза советских писателей СССР по инициативе М. Горького уже в мае 1934 г.²⁷⁴ «Советские писатели» тех времён были литераторами, более или менее преданными партии и правительству. Однако в работе украинской организации писателей в Харькове (и в первое время в Киеве) Макаренко не сказал своего слова. Об этом идёт речь и в цитированном выше письме к Галине Поликсиной от 24 марта 1936 г.: «Я далеко стою от писательских кругов [...]».²⁷⁵ Так, его имя не упоминается в связи с пленумом Харьковского областного правления ССП Украины (конец мая 1935 г.),²⁷⁶ он не принимал участия в экскурсии украинских литераторов по «индустриализованному» Днепру (конец июля — начало августа 1935 г.),²⁷⁷ а также в вышеупомянутых собраниях киевских писателей в связи с нападками «Правды» на Шостаковича, Прокофьева и Булгакова (середина марта 1936 г.),²⁷⁸ и его не включили в состав делегации писателей и художников Украины, побывавшей на приёме у Сталина, Молотова, Ворошилова и других «вождей» в Кремле (23 марта 1936 г.).²⁷⁹ Лишь в мае 1936 г. состоялось заседание русской секции ССП Украины, специально посвящённое деятельности Макаренко-писателя.²⁸⁰ Оно было приурочено к выходу в свет перевода первых двух частей «Педагогической поэмы» на украинский язык.

Полное вхождение Макаренко в ССПУ произошло после смерти М. Горького. Тогда же он активно выступал не только как автор вышеупомянутых статей о своём «шефе»; среди других его имя значится под коллективным некрологом украинских писателей.²⁸¹

Отношение киевской организации писателей к Макаренко оставалось неоднозначным. Об этом свидетельствуют два документа из бывшего центрального партархива УССР, связанных с подготовкой серии лучших произведений художественной литературы республики к 20-ой годовщине Октябрьской революции. Речь идёт о письмах Союза советских писателей Украины в ЦК КП(б)У. Из этих документов видно, что впервые (29 июня 1936 г.) планировалось включить в данную серию 23 книги с произведениями украинской, 5 — с произведениями еврейской и 6 — с произведениями русской литературы, в том числе «Как закалялась сталь» Н. Островского и «Педагогическую поэму».²⁸² В письме же от 28

²⁷² «Ты научила меня плакать...». Т. 2, с. 218.

²⁷³ Архив лаборатории «Макаренко-реферат».

²⁷⁴ См.: «Литературная газета», 1934, № 61, 16.05, с. 1. — Советским макаренковедением приём педагога-писателя в ССП СССР датируется 4 июня 1934 г. (в этот день выписан его членский билет).

²⁷⁵ Неизданные письма. Ч. 1, с. 66–67 (здесь — с. 66).

²⁷⁶ См.: «Харьковский рабочий», 1935, № 115, с. 3.

²⁷⁷ См.: «Вісті», 1935, № 165, 20.07., с. 2; № 171, 27.07., с. 4; № 173, 29.07., с. 3 «Комуніст», № 171, 27.07., с. 4.

²⁷⁸ См.: «Літературна газета», 1936, № 14, 25.03., с. 3.

²⁷⁹ См.: «Комуніст», 1936, № 69, 24.03., с. 1, 3.

²⁸⁰ См.: «Літературна газета», 1936, № 24, 24.05., с. 4.

²⁸¹ Гострий наш сум. // «Більшовик», 1936, № 140, 19.06., с. 2; Творити, як Горький! // «Пролетарська правда», № 140, 20.06., с. 3; «Літературна критика», № 7, с. 23–24; Страна в трауре. // «Літературна газета», № 35, 20.06., с. 6.

²⁸² ЦГАОО Украины, 1-20-6848, лл. 33–35 (здесь — л. 35).

июля с предложением публиковать книги 20 украинских, 4 еврейских и 4 русских авторов двух вышеназванных произведений уже не было.²⁸³

Немного позже, в вихре политических событий в стране, Макаренко оказался до такой степени вовлечённым в общественную деятельность ССП Украины, что его почти ввели в состав руководства Союза...

19. «КНИГА»

Благодаря «Книге для родителей», первый (и единственный) том которой вышел в 1937 году, «борец за детские дома» Макаренко стал авторитетом для широких кругов педагогов-практиков и родителей также и в вопросах семейного воспитания. В 1938–1939 гг. его неоднократно приглашали выступать перед большой аудиторией с докладами и участвовать в дискуссиях по данной проблематике, ему приходится отвечать на многочисленные письма читателей и слушателей, давать консультации по конкретным проблемам воспитания. В одном из своих докладов (22 июля 1938 г.) Макаренко, среди прочего, отметил: «После того как вышла «Педагогическая поэма», ко мне все стали ходить: бывшие беспризорники и всякие бандиты, люди, искривившиеся в жизни и даже не искривившиеся, а ищущие какой-то правды, и спрашивают, как нужно поступить. [...] Но после «Книги для родителей» я не знаю, куда спастись. Стали ходить родители, исключительно неудачники».²⁸⁴ Однако во всех советских собраниях сочинений педагога-писателя это яркое юмористическое высказывание звучит совсем иначе: «После того как вышла «Педагогическая поэма», ко мне стали ходить педагоги, молодые люди и люди постарше, различного общественного положения, которые ищут новых советских моральных норм, хотят следовать им в своей жизни и спрашивают меня, как нужно поступить. [...] Но после «Книги для родителей» стали ходить родители-неудачники».²⁸⁵

Малоизвестен тот факт, что Макаренко до середины 30-х годов относился критически, даже отрицательно, к комплексу вопросов «семья/воспитание в семье». Так, в 1929 году в рецензии на рукопись «Руководство для комиссий УССР по делам несовершеннолетних правонарушителей» он отмечает, что «от всех материалов [...] остаётся впечатление некоторого фетишизма семьи».²⁸⁶ А в статье о функциях детдома в социалистическом обществе (прибл. 1929–30 гг.) он выступает за развёртывание сети детдомов, предлагает возобновить дискуссию о методике работы в них. И это как раз в тот момент, когда на Украине детдома предназначались только для сирот и поэтому они, как пишет педагог-писатель, «есть нечто вымирающее». На фоне начавшегося в годы первой пятилетки массового вовлечения женщин в процесс производства Макаренко называет детский дом, «и только детский дом», «будущей формой советского воспитания», так как он «даёт ребёнку несравненно больше того, что способна дать самая лучшая семья», и, кроме того, значительно удешевляет содержание детей. А так как «не может быть социалистического общества без общественного воспитания», то «именно детскому дому принадлежит советское педагогическое будущее».²⁸⁷

В работе «Беспризорность и борьба с ней», опубликованной в 1931 году под именем Г. Салько, Макаренко также отдаёт предпочтение воспитанию детей в детдомах силами профессиональных педагогов перед «неквалифицированным семейным воспитанием»:

„Уже и теперь очень активно перед всеми нами встал вопрос о новом быте, а новый быт первым делом требует лишить семью права прибегать к кустарному воспитанию ребёнка“. „Никогда женщина не будет полностью свободна там, где семья подменяет пе-

²⁸³ Там же, лл.39–42. – В советском литературоведении двух украинских русскоязычных писателей Островского и Макаренко ставили рядом. Так, Н.А. Морозова (с.114) пишет: „1936. Апрель. Участие А.С. Макаренко и Н.А. Островского в работе IX съезда комсомола Украины“. Второй, как известно, произнёс свою речь о задачах комсомола по воспитанию молодого поколения по радио, а по поводу первого Морозова утверждает (без ссылки на источники), что он „возглавляет делегацию коммунаров – участников съезда, поручает одному из делегатов приветствовать съезд от имени трудовых коммун Украины“.

²⁸⁴ РГАЛИ, 332-4-175, л.3.

²⁸⁵ С, т.4., с.456–457; ПС, т.4, с.211.

²⁸⁶ ПС, т.1, с.114.

²⁸⁷ Там же, с.80–81.

дагогическое заведение“.²⁸⁸ В статье «Педагогижимают плечами» (1932 г.) он призывает следовать „путём нового ленинского воспитания“: „Самым удобным местом для борьбы был детский дом. Во-первых, это был действительно новый тип детского учреждения, где меньше всего можно было бояться остатков старой практики; во-вторых, здесь не вмешивалась родительская власть“.²⁸⁹ Ещё в 1934 году в письме в Совнарком УССР в связи с вышеупомянутым проектом основать сеть новых детских учреждений интернатного типа Макаренко, анализируя причины беспризорности, констатирует „распад семьи“. В этом до сих пор не опубликованном документе из архива педагога-писателя разъясняется: „Наш теперешний беспризорный – это не продукт классового распада, а продукт распада семьи. Семья распадается теперь гораздо больше, чем раньше. Причин тому много: более свободная форма семьи, отсутствие принудительного жительство, более напряжённое движение человека в обществе, большая загруженность отца и матери работой, отход женщины от семейной ограниченности, материальные и прочие формы противоречий“.²⁹⁰

Неожиданное решение Макаренко заниматься темой воспитания в семье, а также желание написать именно такую книгу связано с радикальными изменениями в общественно-политической жизни страны второй половины 30-х годов. В июне 1935 г. началась кампания против аборт, и через год (26 мая 1936 г.) газета «Известия» опубликовала проект постановления ЦИК и СНК СССР об их запрещении (за исключением медицинского показания), которым предусматривалось расширение сети детсадов, оказание материальной помощи роженицам, а также наказание врачей и других лиц, занимавшихся вне больниц этой опасной практикой.

Уже через месяц – 27 июня 1936 г. – постановление «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатёж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» вступило в силу. В это время Макаренко (при поддержке жены) стал собирать материал для книги, которая должна была научить родителей „правильно“ воспитывать своих детей.

Позже, в докладах 1938–1939 гг., педагог-писатель объяснял личный интерес к вопросам семьи одним обстоятельством: в трудовых колониях Украины, в аппарате управления которыми он работал в своё время, ему всё чаще приходилось иметь дело с детьми из семей, имеющими – как он об этом рассказывал 9 марта 1939 г. студентам Харьковского пединститута – „папу и маму, но за «хорошее» поведение осуждённых на три-четыре года“.²⁹¹ А на встрече с читателями его нового произведения 9 мая 1938 г. Макаренко сказал: „Товарищи, никогда я не думал раньше, что мне придётся писать «Книгу для родителей», так как сам я не родитель, детей собственных у меня нет, и никогда вопросами семейного воспитания, мне казалось, я заниматься не буду. Но по своей работе в трудовых колониях и в коммунах за последние годы мне приходилось получать детей от родителей, правонарушителей, преступных детей, уже не беспризорных, а главным образом из семей“.²⁹²

К работе над «Книгой для родителей» Макаренко, как следует из хроники событий лета 1936 г., приступил лишь после опубликования самого постановления. Так, в связи с предстоящей годовщиной принятия решения партии и правительства от 31 мая 1935 г., ему было поручено составить юбилейный сборник по линии ОТК. Об этом поручении (о котором макаренковеды до сих пор не знали) он сам сообщает Лёве 18 мая 1936 г.: „Сейчас на два месяца освобождён от прямой административной работы и буду заниматься написанием большой книжки, посвящённой ликвидации беспризорности. Работа бесприбыльная, но всё же интереснее, чем сидение в кабинете. Кроме того, я надеюсь, что книга будет интересная и читабельная“.²⁹³ В письме Галины Стахивны сыну от 24 мая эта те-

²⁸⁸ Факсим. в: СС, т.1, с.123, 122.; см. также: ПС, т.5, с.316, 315: „[...] а новый быт первым делом требует уменьшить [sic!] у семьи право прибегать к кустарному воспитанию ребёнка“.

²⁸⁹ ПС, т.1, с.137–138.

²⁹⁰ РГАЛИ, 332-4-422, л.2.

²⁹¹ РГАЛИ, 332-4-187, л.4.

²⁹² РГАЛИ, 332-4-173, л.3.

²⁹³ РГАЛИ, 332-5-52, лл.36–36 об.

ма раскрывается более подробно: „Отец уезжает завтра в командировку дней на десять, дело в том, что ему поручено написать книгу: «Год борьбы с беспризорностью» – итоги работы НКВД по работе с беспризорностью за этот год. Надо объездить все колонии и собрать материалы и фотографии. Говорят, с первого июня в Москве, в «Известиях», будет витрина коммуны им. Дзержинского, снимки уже сделаны специальным фотографом, который поедет с Антоном делать снимки для книги“.²⁹⁴ Данная работа, а также мероприятия в связи с олимпиадами и смертью Горького практически исключили для Макаренко возможность одновременно серьёзно работать над новым художественным произведением.

Следует подчеркнуть ещё одно обстоятельство: на уже упомянутом заседании русской секции ССП Украины в Киеве, посвящённом его творчеству (прибл. 15 мая 1936 г.), педагог-писатель делится своими планами создания „фундаментального научного труда о принципах нашей воспитательной работы“ под названием «Мальчишки», что доказывает обращение Макаренко в это время к теме, предложенной женой осенью 1935 г. На данном заседании он подчёркнуто высказал мысль о том, что не считает себя писателем: „Работа педагога даёт мне необыкновенное удовлетворение. Каждого из четырёх тысяч своих воспитанников я знаю в лицо. Эти люди станут инженерами, лётчиками, композиторами. С этим навряд ли может сравниться литература“.²⁹⁵

Однако во второй лекции в Наркомпросе РСФСР в январе 1938 г. Макаренко заявил о своих воспитанниках: „Я никогда всех на память не знал. Ведь у меня было 500 человек“.²⁹⁶ В следующей же лекции он утверждал, и эти слова никогда не публиковались: „[...] я с гордостью должен сказать, что хотя я выпустил 2.000 человек и они благополучно живут и работают, я никакой особенной любви от них не получаю и очень рад, что они вышли свободными людьми, не отравленными никакими чувствами ко мне, они живые, свежие люди. Они меня уважают, но любовь эта во всех законах должна быть запрещена, так как плохой воспитатель сплошь и рядом сознания своего прибавляет в погоне за этой любовью. Любовь может прийти, если вы приятно улыбаетесь, у вас голос приятный и физиономия приятная. Пусть любовь придёт незаметно, без ваших усилий“.²⁹⁷ Из этой игры с цифрами можно сделать вывод, что педагог-писатель или же был большим фантазёром, или же страдал декалькуляцией, на что никто из (пост)советских макаренковедов и дефектологов не обращал внимание.

Метаморфоза темы будущего произведения Макаренко намечается в момент подписания договора с редакцией альманаха «Год XIX», который ему послала Е.М. Коростелёва 5 июля 1936 г.²⁹⁸ или даже несколько позже. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что Макаренко действительно „никогда не думал раньше“, что ему придётся писать «Книгу для родителей».

Новое художественное произведение педагога-писателя редакция ожидала уже с начала года. В ответ на новогоднее пожелание Коростелёвой – „чтобы Вы написали не менее замечательную книгу, чем «Поэма», и чтобы альманах её напечатал“²⁹⁹ – , он в письме 11 января 1936 г. в шутку ответил: „Книгу напишу, только она будет хуже, чем поэма“.³⁰⁰ Тогда же Макаренко, очевидно, действительно собирался представить альманаху свой так и не оконченный „роман“. Об этом речь идёт в письме к Е.М. Коростелёвой от 18 марта, т.е. перед командировкой в Одессу, также публикацией 3-ей части «Педагогической поэмы»: „Я живу нормально: разъезжаю по Украине и болею гриппом. Это не мешает мне писать роман для альманаха (в отдельное издание не дам, пока альманах не выйдет в каком-нибудь декабре). Роман, честное слово, получается хороший, дамы будут плакать, так что Вы не бойтесь“.³⁰¹ О данном проекте Коростелёва напоминает ему в письме

²⁹⁴ РГАЛИ, 332-5-107, лл.21–23.

²⁹⁵ Зустріч з автором „Педагогической поэмы“. // „Літературна газета“, 1936, № 24, 24.05., с.4; Творчий вечір письменника Макаренка. // „Більшовик“, 1936, № 112, 16.05., с.4.

²⁹⁶ ПС, т.4, с.159.

²⁹⁷ РГАЛИ, 332-4-171, л.26.

²⁹⁸ См.: письмо Е.М. Коростелёвой к Макаренко от 05.07. 1936 г. // РГАЛИ, 332-5-59, л.18.

²⁹⁹ Там же, л.15.

³⁰⁰ ПС, т.8, с.60.

³⁰¹ Там же, с.62.

от 15 мая: „Скоро ли Вы нас порадуете новой рукописью?“³⁰² Тогда же, как видно из письма Макаренко к Лёве от 18 мая, он „обещал прислать им на 1 августа повесть из 5 печатных листов, а, честное слово, не знаю, что это будет за повесть“.³⁰³ Для активизации его деятельности Коростелёва посылает упомянутый выше бланк договора. В письме от 25 июля она подтверждает получение подписанного педагогом-писателем договора и информирует автора о переводе ему первой части гонорара.³⁰⁴

В договоре с редакцией альманаха в лице П. Павленко о подготовке к печати труда под условным названием известного произведения Тургенева «Отцы и дети», подписанном Макаренко 9 июля 1936 г., речь идёт о том, что автор обязуется представить рукопись „в готовом для печати виде“ „в колич. 10 авторских листов не позже 1 окт. 1936 г.“.³⁰⁵ А в письме к Е.М. Коростелёвой от 20 июля Макаренко впервые использует окончательное название этого произведения. Там говорится: „«Книгу для родителей» напишу в срок. Честное слово“.³⁰⁶ Вместо произведения „о мальчиках“ или „об отцах и детях“ Макаренко, ввиду нового законодательства, решил написать книгу „для родителей“. Уже 27 июля 1936 г. на встрече с читателями «Педагогической поэмы» в Москве – после визита редакции альманаха – он упоминает о своём новом проекте: „Сейчас назрела необходимость выпустить книгу «для родителей». Слишком много материала и слишком много уже есть законов советской педагогики, об этом надо писать. Такая книга будет у меня готова к 15 октября, уже и редактор есть“.³⁰⁷ 30 июля педагог-писатель об этом рассказывает в письме к жене: „В особенный восторг приводит всех сообщение о «Книге для родителей». Из-за этой уже идут споры между издательствами“.³⁰⁸ А 11 сентября «Літературна газета» (Киев) даже сообщила, что „писатель А. Макаренко закончил «Книгу для родителей»“ и что редакция альманаха «Год XIX» эту работу „приняла к печати“.³⁰⁹ Можно предположить, что миф об окончании произведения создал сам автор.

В ходе всенародного обсуждения проекта новой (сталинской) Конституции СССР, принятой затем VIII Чрезвычайным съездом Советов в декабре 1936 г., Макаренко выступил со статьёй, опубликованной под рубрикой «Писатели обсуждают проект конституции СССР» в киевской «Литгазете» 12 августа, где внёс предложение о законодательном закреплении статуса семьи. „Я считаю, что в Конституции, в главе X, должно быть сказано о семье. Семья в социалистическом обществе является первичной ячейкой, и эта ячейка должна быть социалистической. Следует ясно сказать, что семья – это не подвластная отцу (как хозяину) группа родственников, а трудовой коллектив, счастье и осмысленная жизнь которого обеспечиваются всем строем социалистического государства. Семья имеет права и обязанности, особенно обязанности по отношению к детям, к их воспитанию, здоровью и т.д.“.³¹⁰ Предложение педагога-писателя в окончательную редакцию конституции не было включено. Кстати, такая статья вошла в брежневскую Конституцию 1977 года.³¹¹

Наряду с этим Макаренко хочет осуществить одну из своих старых идей (что вообще-то не совпадает с замыслом написать книгу советов для родителей) – открыть интернат для детей как раз из благополучных семей! За несколько дней до составления вышеупомянутого отклика на проект конституции он обращается в недавно образованный «Совет жён писателей» при ЦКП СССР и предлагает организовать под Москвой „лесную школу“ или трудовую колонию для детей литераторов, в которой „наряду с вопросами образования должны были бы быть разрешены все вопросы воспитания характера и физического воспитания“: „Ведь всем известно, что в этих как раз областях в нашей семье, даже культурной, не всегда умеют дать детям то, что нужно“. Письмо Макаренко было

³⁰² РГАЛИ, 332-5-59, л.17.

³⁰³ РГАЛИ, 332-5-52, л.36 об.

³⁰⁴ Там же, л.19 об.

³⁰⁵ РГАЛИ, 622-1-13, л.40.

³⁰⁶ ПС, т.8, с.65.

³⁰⁷ „Литературная газета“, 1936, № 43, 01.08., с.6.

³⁰⁸ „Ты научила меня плакать...“, т.2 (1995), с.223.

³⁰⁹ „Книга для батьків і п'єса“. // „Літературна газета“, 1936, № 42, 11.09., с.4.

³¹⁰ Макаренко А. Ми живемо в найщасливішу епоху. // „Літературна газета“, 1936, № 37, с.3; факсим: СС, т.7, с.194; пер. на рус. яз. (Мы живём в самую счастливую эпоху) в: ПС, т.4, с.26.

³¹¹ Эту информацию авторы получили от А.А. Фролова (1999 г.).

опубликовано в «Литгазете» 5 августа 1936 г. с примечанием редакции, согласно которому это предложение уже было одобрено секретариатом ССП, который и поручил автору разработать подробную докладную записку.³¹²

«Книга для родителей» рождалась с большим трудом. Общественные нагрузки и заботы не давали возможности постоянно работать над ней. Кроме того, летом 1936 г. Макаренко начал писать для киевской кинофабрики сценарий по мотивам «Педагогической поэмы» с условным названием «Четыре товарища», об окончании которого «Літературна газета» от 11 сентября также сообщила. По поводу этого до сих пор неизвестного сотрудничества педагога-писателя с местной киностудией имеются лишь отдельные сведения. Так, в письме к Лёве от 2 июня 1936 г. он пишет: «Украинфильм настойчиво предлагает писать сценарий, уже дают 25 000, но я не хочу связываться с Киевлянами, да и хочу подождать грома критики».³¹³ И в недатированном письме (по всей вероятности от 7 июля 1936 г.) к жене, которая тогда отдыхала под Киевом на даче, говорится: «Вчера целый вечер работал над сценарием в Отделе, пошёл туда на открытое партийное и сделал вид, будто нужно в кабинет – и задержался. Так приходится работать. Сегодня целый вечер буду работать дома. Сценарий идёт хорошо. Был сегодня на кинофабрике, сказал всё, что нужно».³¹⁴ После этой встречи Макаренко отмечает в записной книжке (очевидно о той группе студии, для которой он должен составить сценарий): «Тема. Кинофабрика. Группа Тома Сойера. Целая куча людей, вещей, денег, мастерских, декораций, энергии и даже честности. И только не хватает одного – таланта. Все честно надуваются, работают, даже мыслят и всё-таки ничего не выходит. Какая это важная вещь – талант!»³¹⁵ Необходимо подчеркнуть, что сотрудничество украинских писателей с киевской кинофабрикой оказалось весьма сложным. Об этом сообщила московская «Литгазета» 30 мая 1936 г., отмечая тот факт, что студия не реализовала четыре сценария, подготовленных писателем И. Сенченко.³¹⁶

6 сентября Галина Стахивевна информирует сына, что отец «много пишет сценарий»,³¹⁷ а в письме самого Макаренко к Лёве от 27 сентября даже говорится: «Сценарий гоню, думаю к 5/X кончить и сдать».³¹⁸ О внезапном разрыве дел со студией говорится в письме Г.С. Макаренко сыну от 14 октября: «Отец разорвал с киевской кинофабрикой и я очень рада – нехорошо это началось, не надо ему дальше с ней иметь дело. Поэтому он сейчас отложил сценарий и пишет книгу для родителей – получается очень интересно. Но он теперь гораздо скорее устаёт и не может уже так напряжённо работать, как несколько лет тому назад. Я ему этого не говорю, но это значит, что его теперь надо гораздо больше беречь [...]».³¹⁹ В письме Н.В. Петрову от 9 декабря 1936 г. уже сам Макаренко пишет о своём незаконченном произведении: «Мой сценарий засох на 4 частях – всё-таки две трети сделано, но конец отложил, успею, да и давать некому, здешним портачам не хочу».³²⁰

В возобновление работы над «Книгой для родителей» без всякого сомнения внесла свой вклад Е.М. Коростелёва, которая осторожно и вежливо, но регулярно и упорно напоминала Макаренко о его обязательствах. В её письмах говорится: «С нетерпением жду первых глав новой Вашей работы». (2/X)³²¹ «Очень боюсь, что не удастся сделать никаких поправок [...]. Так, Вы и не прислали первых глав Вашей новой работы. Как она подвигается?» (20/X)³²² «Рукопись жду с нетерпением». (9/XI)³²³ «Я Вас очень прошу, Антон Семёнович, кончайте «Книгу для родителей», урывайте для этой работы время, всячески

³¹² См.: В Совете жён писателей. // «Литературная газета», 1936, № 44, с.6.

³¹³ РГАЛИ, 322-5-53, л.2.

³¹⁴ «Ты научила меня плакать...», т.2, с.224.

³¹⁵ Зап. кн. № 8, запись № 724.

³¹⁶ См.: *Ветров Б.* Украинские писатели и кино. // «Литературная газета», 1936, № 31, 30.05., с. 6.

³¹⁷ РГАЛИ, 332-5-107, л.42 об.

³¹⁸ РГАЛИ, 332-5-55, лл.8 об.

³¹⁹ РГАЛИ, 332-5-107, л.60 об.

³²⁰ ПС, т.8, с.65.

³²¹ РГАЛИ, 332-5-59, л.21.

³²² Там же, л.22.

³²³ Там же, л.23.

отбросьте мысли о том, что получается. Поверьте, если не моему уму, то чувству – получится хорошо“. (16/XI)³²⁴

В середине ноября 1936 г. Макаренко, наконец, послал „начало“ своего произведения в редакцию альманаха. Член редколлегии П.А. Павленко в письме к педагогу-писателю от 24 ноября охарактеризовал рукопись таким образом: „Прочёл я начало Вашей «Книги для родителей» и пишу Вам сразу в две руки, как редактор и как читатель. Можно говорить правду? Вы начали книгу, великое народное значение которой во много раз превосходит «Педагогическую поэму», произведение редкое по правдивости, но всё же написанное на «частную» тему. А «Книга для родителей» – это то, чего ещё никогда не было в нашей литературе как жанра. Сообразно с этим и работать она должна, наверно, труднее, чем «Поэма», да это и естественно. Если поэма в какой-то мере роднилась с очерком, исходила из хроники, то «Книга для родителей» целиком уходит в область философского жанра. Она должна звучать как проповедь, как манифест (грубо говоря), как учебник благодетельства.

Не знаю, как идут у Вас дела с книгой, много ли уже сделали, но даже если и не быстро движется книга – держите себя в руках, пишите, ни на что не оглядываясь. При трудной работе всегда лезут в голову всякие ненужные мысли: а не бросить ли, а зачем это, стоит ли?.. Когда трудно, вспоминайте, вспоминайте старика Алексея Максимовича. Будь он жив, он бы уже потирал руки от удовольствия увидеть скоро «Кн. для р.».

Успех она будет иметь, мне кажется, больший, чем «Поэма», даже если учесть, что «Поэма» ещё только начинает иметь успех. Первая волна критики всегда сменяется видимым молчанием – это взялся за книгу читатель. Потом приходит третья пора – успеха настоящего, полного. Напишите, как работаете. Имейте в виду, что «Альманах» – Ваш орган, и что все мы без Старика должны работать артельно, и что наша альманахья артель всегда к В[ашим] услугам. Если захотите приехать, прочесть написанное, посоветоваться – соберём хороших людей, кого захотите. А главное, держите нас в курсе дел“.³²⁵

Таким образом, «Книга для родителей» ещё пишется, а для общественности Макаренко (как и в киевской «Литгазете») утверждает, что она уже закончена. Так, 25 октября 1936 г., выступая перед рабочими Первого московского подшивного завода им. Кагановича, он сказал, что это произведение „печатаются сейчас в Москве“.³²⁶ А 14 декабря на вечере в Ленинградском доме писателя, посвящённом его творчеству, он подтвердил, что оно „уже подготовлено к печати“ и что „сейчас он работает над третьей книгой“.³²⁷ В связи с этими неправильными утверждениями педагога-писателя С.С. Невская³²⁸ заняла интересную позицию: с помощью такого рода публичных объяснений, Макаренко обязывал себя активно заниматься работой над данным произведением.

В декабре 1936 г. он потребовал и получил дополнительную часть гонорара,³²⁹ хотя рукопись для публикации была в конце концов отдана не в альманах, а в журнал «Красная новь», где с июльского номера (1937 г.) её и начали печатать.

20. ПЕДОЛОГИЯ

Отношение Макаренко к постановлению ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» от 4 июля 1936 г. остаётся недостаточно выясненным. Общеизвестны его критически-юмористические замечания в адрес педологов в первой части «Педагогической поэмы» (1933 г.). Это касалось их явно преувеличенного внимания к обследованию детей на предмет выявления уровня их умственного и морального развития.

Непосредственного отклика Макаренко на постановление ни в его личных бумагах, ни в официальных документах, ни в прессе найти не удалось. Так, летом и осенью 1936 г. во время выступлений перед учёными-педагогами Москвы он не высказал ясной позиции

³²⁴ Там же, л.24 об.

³²⁵ С, т.4, с.529–530; см. также: ПС, т.5, с.319–320.

³²⁶ ПС, т.4, с.31.

³²⁷ „Книга для родителей“. Вечер А.С. Макаренко. // „Литературный Ленинград“, 1936, № 58, 17.12., с.4.

³²⁸ В комментарии к рукописи данной книги.

³²⁹ См.: РГАЛИ, 622-1-8, л.33.

по поводу запрета педологии. Абсолютно необоснованным является утверждение редактора Гослитиздата Р.А. Ковнатор о том, что Макаренко якобы сказал после чтения постановления в «Правде» от 5 июля 1935 г.: „Поздравьте меня с большой радостью. Сегодня счастливый день в моей жизни“. По словам редактора, „в постановлении ЦК Антон Семёнович видел как бы признание своей правды и одобрение своей деятельности“.³³⁰

С едким замечанием в адрес педологии Макаренко выступает в «Известиях» от 9 декабря 1936 г. – в связи с только что принятой «сталинской» Конституцией – в статье «О личности и обществе», где он полемизирует с А.С. Залужным по поводу понятия „коллектив“, не называя фамилии оппонента: „Мы уже хорошо знаем, что такое коллектив. Это, конечно, не «собрание индивидов, одинаково реагирующих на те или иные раздражители», как учили некоторые чудаки, близко стоявшие к недавно скончавшейся педологии“.³³¹

Впервые педагоги и психологи обсуждали постановление ЦК ВКП(б) о педологии на I Всероссийском совещании по педагогическим наукам (5–7 апреля 1937 г.), где присутствовал и Макаренко. Через две недели в лекции «Художественная литература о воспитании детей» (21 апреля) он уже в убийственно резкой форме говорит о педологии и педологах: „Вы знаете, что волей нашей партии уничтожена педология. Педология представляла из себя особое направление, так называемое теоретическое, и педологическая мысль являлась враждебным направлением не только по отношению к нашим нуждам, но и к нашей чести, и к нашей преданной работе.“

Что такое утверждала педология, и не только педология, а вообще педологическое направление? Педологическое направление было не только в самой педологии, оно как раз затягивало очень много умов, которые воображали, что никакого отношения к педологии не имели. Педология затягивает даже сейчас много умов, когда формально педологии не существует.

Основное, чем я хочу характеризовать педологию, это определённая система логики. Система такая: надо изучать ребёнка. Изучая его, мы что-то найдём, а из того, что мы найдём, сделаем выводы. Какие выводы? Выводы о том, что с этим ребёнком нужно делать.

Вот основное логическое педологическое направление должно быть выведено из изучения ребёнка, при этом не всего детства в целом, а всего детства в целом и каждого отдельного ребёнка и отдельного типа ребёнка. Таким образом, вытекает, что поскольку это изучение должно привести нас к разным картинам [личности], то и метод воспитания должен быть разный. Один ребёнок оказался одним, его нужно так воспитывать, изучили другого – он оказался другим, его нужно воспитывать иначе, третьего – тоже иначе, и так, сколько детей – столько методов.

Педологи нашли очень много групп детей и умственно отсталых, и социально запущенных, и трудных детей, и правонарушителей и т.д.

Отсюда очень недалеко до чисто фашистской теории, которая утверждает, что даже между расами существуют умственные развития [различия – А.А./Г.Х.], что отдельным расам предопределены и отдельные судьбы. Естественно, что раз отдельные исторические судьбы, то и метод воспитания у немцев должен быть один, у славян – другой, у негров – третий.

Эта теория близка к теории Ломброзо, который утверждал, что люди рождаются с преступными наклонностями. Педология, в конце концов, только и могла прийти к такому заключению, что в самой человеческой натуре, в самом ребёнке, в биологической картине его личности и характера заключаются такие различия, такие особенности, которые должны привести и к установке особых, отдельных методов для его воспитания.

Вот, педологическая логика затягивает не только тех людей, которые себя формально называли педологами, но и очень много людей, считающих совершенно честно, что они не педологи. Вывести педагогический метод из рефлексологии, из психологии, из экспериментальной психологии, вывести данный метод из обстоятельств данной личности – это и есть педологическое направление.

³³⁰ Балабанович Е., с.188; см. также: Хиллиг Г. Макаренко в год „большого террора“. – Марбург, 1998

³³¹ СС, т.7, с.197; ПС, т.7, с.13.

Возможна другая логика, которая метод педагогики выводит из наших целей. [...] (серия „Opuscula Makarenkiana“, № 21), с.44.

Кто из вас читал мою книгу [«Педагогическую поэму» – А.А./Г.Х.], тот знает, что в 3-й части изображён мой последний бой с представителями педологической теории. Я в книге тогда боялся их назвать педологами, но речь идёт как раз о педологах. Они мне говорили в этом последнем сражении:

«Тов. Макаренко хочет педагогический процесс построить на идее долга (читает). Советская педагогика стремится воспитать в личности свободное проявление творческих сил и склонностей, инициативу, но ни в коем случае не буржуазную категорию долга».

Что такое свобода проявления? Это и есть настоящая педология. Когда мы человека изучили, узнали и записали, что у него воля – А, эмоция – Б, инстинкт – В, то потом, что дальше делать с этими величинами, мы не знаем. У нас нет цели, и естественно, нам надо умыть руки: ага, А, Б, В есть, пускай себя свободно проявляют, куда покатятся – там и будут. (Смех в зале.)

Совершенно естественно, педология была построена на воспитании при отсутствии политических целей.³³² Педологи рассуждали так: вы теперь являетесь сторонниками пассивного наблюдения за ребёнком и бездейственного присутствия при его жизни и развитии, а ребёнок пускай себе свободно развивает свои творческие силы.

Нет, мы не являемся сторонниками такого пассивного наблюдения. Мы являемся сторонниками активной большевистской педагогики, педагогики, создающей личность, создающей тип нового человека».³³³

Вновь по поводу педологии Макаренко высказался в статье «Цель воспитания», написанной для журнала «Красная новь»³³⁴. В конце концов, этот материал, как известно, был опубликован в газете «Известия» от 28 августа 1937 г. Здесь можно прочесть следующее: „Педагогическая арена всё более делалась достоянием педологии, и к 1936 году у педагогов остались самые незначительные «территории», не выходящие за пределы частных методик.

Педология почти не скрывала своего безразличного отношения к нашим целям. Да и какие же цели могли вытекать из «среды и наследственности», кроме фатального следования педагога за биологическими и генетическими капризами?

Педологи сумели сохранять самое жреческое выражение во время подобных манипуляций, а мы, развесив уши, слушали их и даже чуточку удивлялись: откуда у людей такая глубокая учёность?»³³⁵

Макаренко также отмечал: „Трудно подсчитать раны, нанесённые педологией делу социалистического строительства на самом нежнейшем его участке – воспитания молодёжи. Дело идёт о болезни теории, и даже не теории, а теоретиков, ослеплённых педологией настолько, что они потеряли способность видеть истинные источники теории. В этом смысле болезнь имеет вид довольно несимпатичный. Суть этой болезни не только в количестве педологических положений, сохранившихся до сегодняшнего дня, не только в некоторой пустоте, образовавшейся на месте педологического Олимпа, суть – в отравлении самого нашего мышления. Научная мысль даже в искренней критике педологических утверждений ещё содержит педологические пережитки».³³⁶

Видимо, основываясь на этих выступлениях своего учителя, Семён Калабалин в известной книге Ф. Вигдоровой «Дорога в жизнь» утверждал: „Антон Семёнович не признавал педологов и их теории, он-то изучал ребят не по опросам и картинкам. И в колонии имени Горького мы были под его защитой. У него хватало мужества во времена самого расцвета и засилья педологов попросту не пускать их к нам. Они боялись

³³² Дополнение во всех советских собраниях сочинений А.С. Макаренко: „Но на деле это была враждебная нам политика“. (ПС, т.7, с.30).

³³³ ИМЛИ им. А.М. Горького. Рукоп. отдел, 114-1-2, лл.4–6; см. также: ПС, т.7, с.28–30.

³³⁴ См.: РГАЛИ, 332-5-15, лл.3 об., 5.

³³⁵ СС, т.9, с.132–133; ПС, т.4, с.41–42.

³³⁶ СС, т.9, с.133; ПС, т.4, с.42.

встречаться с ним даже в коридорах Наркомпроса”.³³⁷ Здесь, наоборот, подчёркивается мысль о том, что Макаренко были до такой степени чужды и теория, и практические методы работы педологов „по опросам и картинкам“, что он их „попросту не пускал“ в колонию, а они его „боялись“.

В своей работе «Педология. Мифы и действительность» Ф.А. Фрадкин подчеркнул, что Макаренко одним из первых компетентно указал на основной недостаток педологов: „Самым большим оставался вопрос о связи педологии с практикой воспитания и обучения. У педологов не было, как говорил А.С. Макаренко, опытной технологии“.³³⁸

При рассмотрении отношения Макаренко к педологии в 1936–37 гг. следует напомнить о его собственных психолого-педагогических и педологических наблюдениях и экспериментах, о которых он сам сообщал в 1925 году в записях, впервые опубликованных в 1969 году под заголовком «К вопросу об организации кабинета научной педагогики».³³⁹ Позднее они не были включены в восьмитомник «Педагогических сочинений». Занимаясь исследованием коллектива, Макаренко, среди прочего, писал: „13 июля 1925 г. Основным принципом исследования я принимаю единство коллектива, его техническую нераздельность“.

Нужно найти способы наблюдать коллектив в целом, как в процессе его действия, так и в картине влияния на личность, так сказать, с узко педагогической точки зрения. В особенности важно фиксировать и измерять связь между действием и влиянием.

Очень важно фиксировать и измерить тенденции к длительным изменениям, причём нужно измерить так, чтобы видно было влияние коллектива.

Вопрос: нужно расшифровать и измерить повышение и понижение общего тона, настроения колонии. Это можно сделать, руководствуясь буквально наблюдением звуковых явлений в колонии с точки зрения их высоты, мажорности или минорности.

Как деталь. Возможно ли установить сумму и напряжённость дневных движений. Не только движений индивидуальных, но и толповых, а также движения покоя и отдыха, усталого, ленивого, сосредоточенного. Здесь нужно приближаться к цифрам и координатам.

Как деталь. Статистика дневных противопоставлений и приближений между членами коллектива, ссор, драк, личных споров, объятий, компаний явно дружеского типа или нейтрального типа.

Исследование детали: приказание и распоряжение. Подсчёт дневных актов (наблюдаемых) этого рода. Цифровое исследование числа слов, числа повышенных тонов, приёмов внушения и увлечения, многословия и лаконичности.

Сравнить это с числом механических приказаний и импульсов (сигналов, привычных рефлексов распоряжения и подчинения).

Исследование вопроса о роли воспитателя как члена коллектива. Нужны цифровые данные. Нужен план исследования“.³⁴⁰

21. РАПОРТ

Лето 1936 г. оказалось для Макаренко очень жарким. Началось с того, что он получил выговор за служебный проступок.

Имеется в виду приказ НКВД № 279 от 9 июля данного года. В документе на имя наркома внутренних дел УССР – комиссара госбезопасности 1-го ранга Балицкого речь идёт „о результатах рассмотрения волынки в Дофиновском приёмнике-распределителе“. Здесь сообщалось, что 12–13 июня в одном из учреждений системы ОТК, которое находилось под Одессой, „трём воспитанникам нанесены ножевые ранения, один воспитанник получил серьёзное ранение глаза и 10 воспитанникам нанесены побои. Дети приёмника-распределителя хулиганами были разогнаны“.

Волынка – это бунт в колонии, когда ребятами уже нельзя управлять, когда крушится всё вокруг и вид перепуганного руководства вызывает только стремление к ещё

³³⁷ Вигдорова Ф. Дорога в жизнь. – М., 1969, с.161.

³³⁸ Фрадкин Ф.А. Педология. Мифы и действительность. – М., 1991, с.46.

³³⁹ „А.С. Макаренко“. Кн.7. – Львов, 1969, с.147–157; переиздано в кн.: А.С. Макаренко сегодня. Новые материалы, исследования, опыт. Под ред. А.А. Фролова. – Нижний Новгород, 1992, с.32–46.

³⁴⁰ Там же, с.149–150.

большему вандализму, когда дым пожарища слаще лучшего табака и кулаки решают больше, чем слова.

Далее в приказе говорится: „Начальник ОТК НКВД УССР тов. Ахматов и помощник начальника ОТК тов. Макаренко, желая умалить значение волынки в Дофиновском приёмнике-распределителе и тем самым оградить себя от ответственности за происшедшее, в рапорте на имя моего заместителя – комиссара 2-го ранга тов. Кацнельсона указали, что волынка в Дофиновке выразилась «в 2–3 локализованных ссорах» и что ничего серьёзного не произошло“.

Нарком приказал: „Начальнику ОТК НКВД УССР т. Ахматову и помощнику начальника ОТК тов. Макаренко за введение в заблуждение руководства НКВД УССР информацией, несоответствующей действительному положению вещей, – объявить выговор“.³⁴¹

Через пять дней (14 июля) „помнач“ направляет Ахматову рапорт, в котором он просит об увольнении его с работы и сообщает мотивы своего ходатайства: „31 год я всегда работал непосредственно с детьми, я не имею никакого опыта работы в административном аппарате, польза, приносимая мною здесь, совершенно ничтожна.

После издания моей книги «Педагогическая поэма» на меня легло много литературных обязательств, которые я не в состоянии выполнить, находясь на службе. Задуманная мною книга «Методика коммунистического воспитания» требует от меня напряжения всех сил и всего моего времени. Откладывать эту работу я не имею права, т.к. уверен в её важности и полезности. А между тем за последний год я не написал ни одной строчки.

Поэтому прошу Вас ходатайствовать перед Наркомом о скорейшем освобождении меня от должности помнач[а] ОТК. При этом, из уважения к моей собственной работе в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, я принимаю на себя обязательство по первому требованию НКВД УССР выполнить любое поручение в качестве консультанта-педагога по одному из учреждений ОТК без всякой оплаты за этот труд. Уверен, что только в такой форме я могу принести пользу детским учреждениям НКВД, не загружая себя непривычной для меня административной работой“.

В заключении своего рапорта Макаренко подчёркивает: „Настоящее моё заявление ни в какой связи не стоит с полученным мною выговором в приказе Наркома“.³⁴² Однако, судя по логике событий, можно проследить связь между наложением взыскания на „помнач“ в приказе Балицкого от 9 июля и ходатайством „главного колониста“ республики об увольнении с работы.

О большой нагрузке педагога-писателя в эти дни свидетельствует и его ответ от 20 июля на „дивную телеграмму“ Е.М. Коростелёвой, которая напоминала ему об обещанной статье о М. Горьком: „Опоздал потому, что служба не даёт работать, [есть] некоторые осложнения, которые отнимают и день и вечер, а иногда и ночь“.³⁴³

А что касается рапорта – он пока оставался без ответа. Макаренко продолжал работать на Рейтарской, и отвечать за всё ему приходилось довольно часто. Взять хотя бы происшествие в Дофиновке.

В сентябре 1935 г. для организации в Одессе детской трудовой колонии списали с баланса Управления мест заключения (УМЗ) и передали на баланс АХУ НКВД УССР „[...] Б. Санаторий УМЗ, находящийся в с. Дофиновке Одесской области со всем имуществом, живым и мёртвым инвентарём [...] в сумме один миллион сто девяносто девять тысяч семьсот сорок семь рублей 10 копеек“.³⁴⁴ Не лучшим образом проявил себя и ответисполнитель IV отделения ОТК Осовский Георгий Моисеевич (по другим данным – Григорий Михайлович), который пришёл в Отдел в одно время с Макаренко.³⁴⁵ Что натворил Осовский в Дофиновке, нам доподлинно не известно. Но в вышецитированном приказе наркома в отношении его предлагалось применить особые меры: „Ответственного исполнителя ОТК НКВД УССР тов. Осовского за невыполнение задания, проявленную халатность и

³⁴¹ Архив МВД Украины, 46-1-1д, л.177.

³⁴² Там же, 40-1-16315, р. III, л.19.

³⁴³ ПС, т.8, с.64–65 (здесь – с.64). Фамилия адресата письма здесь указана ошибочно „Коростылёва“.

³⁴⁴ Архив МВД Украины, 46-1-1а, л.220.

³⁴⁵ Картотека архива МВД Украины.

трусость, что привело к волынке в Дофиновском приёмнике-распределителе арестовать на 20 суток³⁴⁶.

После этих событий Осовский работал инспектором в макаренковском отделении ОТК, и осенью 1936 г. вовсе попросился в Бровары (колония № 5). Здесь они снова работали вместе, но Макаренко как „вроднач“, а Осовский как „начпед“ этого учреждения.

В связи с „одесским делом“ должен быть упомянут и другой сотрудник ОТК – Марк Меерович (Илья Михайлович) Брейслер (в записных книжках Макаренко он фигурирует как Брейслер или Бреслер, у Н.П. Нежинского – как М.М. Прейслер³⁴⁷, а у В.А. Ширяева – как Коля Прейслер³⁴⁸), о котором педагог-писатель в начале июля 1936 г. отметит такую „служебную“ характеристику в двух „актах“: „Тип. Бреслер. Молодой, красивый, неглупый, образованный, член партии, сын известного революционера-большевика и... какое г...!

Бабник, враль, распущенный, ленивый. Работы с него никакой. Вдруг срывается:

– Куда вы?

– А мне звонил З. (называет фамилию члена ЦК).

Был в Одессе.

– Я зашёл, знаете, к В-ру...

В той же Одессе в Дофиновке он был всего один час, но успел «взаимообразно» прихватить 300 рублей и, конечно, не отдал их. Дофиновка с нас требует.

А свой отчёт об этой командировке он просто и бессовестно выкрал. Взял на «пять минут» показать Я-му и больше его нет³⁴⁹.

„Бреслер. Его таки выкинули вчера из партии. Он ездил в Москву по командировке по одесским делам. Получил командировочные и у нас и в Одессе. И представил два отчёта, один нам, другой в Одессу. Кроме того, в Москве взял 600 рублей. Кроме того, во всех отчётах проставил билеты, в то время, когда у него были литеры.

Вчера он уехал неизвестно куда³⁵⁰.

22. МОСКВА-3

С 27 июля по 4 августа 1936 г. Макаренко был вновь в Москве. Основанием для датирования этой поездки является одно из писем Е.М. Коростелёвой к нему, где речь идёт о запланированном приезде.³⁵¹ 26 июля ССП СССР провёл траурный вечер, посвящённый памяти М. Горького, в котором педагог-писатель, будь он тогда в столице, безусловно принял бы участие; в стенограмме данного мероприятия его имя не упоминается.³⁵² О возвращении в Киев он пишет жене 30 июля: „Домой прилечу 4-го [...]“.³⁵³

Главной целью посещения им Москвы являлось обсуждение в ССП СССР «Педагогической поэмы», о котором «Литературная газета» сообщала ещё в мае. Именно тогда было решено рассматривать произведения советских писателей непосредственно на заседаниях президиума правления Союза для „создания той подлинно творческой, производственной обстановки, о необходимости которой неоднократно писалось и говорилось“. Началом такой практики явился вечер, посвящённый роману Л. Леонова «Дорога на океан». На этом мероприятии оргсекретарь ССП СССР А.С. Щербаков огласил „список намеченных к обсуждению книг: «Последний из Удэге» Фадеева, «Всадники» Яновского, «Педагогическая поэма» Макаренко и т.д.“.³⁵⁴ 18 мая педагог-писатель, прочитав сообщение в «Литгазете», написал Лёве о том, что „«ПП» поставлена на обсуждение в президиуме ССП. Когда это произойдёт, не сказано, но если произойдёт, то дело очень важное“.³⁵⁵

³⁴⁶ Архив МВД Украины, 46-1-1д, л.177.

³⁴⁷ См.: *Нежинский Н.П.* А.С. Макаренко и педагогика школы. – Киев, 1976, с.95.

³⁴⁸ См.: *Ширяев В.* Камни с дороги надо убирать. – М., 1990, с.16.

³⁴⁹ Зап. кн. № 8, запись № 721.

³⁵⁰ Там же, запись № 726.

³⁵¹ Письмо *Е.М. Коростелёвой* к *А.С. Макаренко* от 25.07. 1936 г. // РГАЛИ, 332-5-59, л.19.

³⁵² См.: РГАЛИ, 631-15-100.

³⁵³ „Ты научила меня плакать...“, т.2, с.223–234 (здесь – с.234).

³⁵⁴ В президиуме правления ССП. Обсуждение романа Л. Леонова „Дорога на океан“. // „Литературная газета“, 1936, № 27, 10.05., с.1.

³⁵⁵ РГАЛИ, 332-5-52, л.36 об.

Дискуссия о «Поэме» состоялась 27 июля в Доме советского писателя. Этому событию «Литгазета» 1 августа посвятила целую страницу, в том числе опубликовала отрывок из выступления автора («„Чудо“, созданное советской жизнью»)³⁵⁶ Макаренко встречался ещё два раза с читателями своего произведения, побывал на комсомольском вечере памяти М. Горького. О всех этих мероприятиях говорится в письме к жене от 30 июля: „Думал уехать – улететь 30-го, уже и билет был в кармане, но пришлось остаться до 3-го. Ставский (он заменил Щербакова) предложил это ещё 26-го. Я тогда решительно отказался, они обратились в НКВД, и мне «посоветовали» остаться. 3-го будет собрание московского комсомольского актива, посвящённое Горькому. Доклад сделает Стецкий [зав. агитпропом ЦК ВКП(б) – А.А./Г.Х.], а я в виде сезонного блюда – «живые раки». В глубине души я считаю, что без меня можно было бы обойтись.

27, 28 и 29 провели здесь три собрания писателей, посвящённых «Педагогической поэме». Ни один критик и писатель не выступали, это не потому, что меня презирают, а исключительно потому, что выступать с читателями считается «невместно» [укр. невідмітно, рус. неуместно – А.А./Г.Х.]. Но читатели поразили меня свыше всякой меры. Честное слово, они в несколько раз выше каких хочешь критиков, глубже, искреннее, умнее и самое главное, «социальнее». Об их выступлении рассказать даже невозможно. Очень многие кончали слезами, некоторые от слёз не могли кончить. Особенно порастил меня один больной наборщик (паралич языка). Он насилу говорил. Но главное все услышали: «Я не могу жить, несколько раз я уже хотел умереть, в такие минуты я беру и читаю „П.п.“». Двое даже нашлось таких, которые утверждали, что моя книга не ниже Л. Толстого».³⁵⁷

Во время пребывания в Москве Макаренко, по всей вероятности, выступал также перед педагогами в Центральном институте педагогики (ЦИП), который входил во Высший коммунистический институт просвещения (ВКИП); директором ЦИПа в июне 1936 г. стал проф. М.М. Пистрак.³⁵⁸

В опубликованном в газете «За коммунистическое просвещение» (20.07.) комментарии к постановлению ЦК ВКП(б) от 4 июля «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» Пистрак дал положительную оценку педагогических взглядов Макаренко, подчеркнув при этом критическое отношение педагогической науки к практике новатора: „В своей «Педагогической поэме» тов. Макаренко справедливо иронически и скептически отзывается о педологических теоретиках, насмехаясь над их безапелляционными суждениями. В работу Макаренко, имевшего дело с живым подростком и юношей и мучительно искавшего путей воспитания их воли и характера для социалистического строительства, теоретики педагогики не потрудились вдуматься, глубоко её изучить и разобраться в этом замечательном опыте».³⁵⁹

По воспоминаниям дочери М.М. Пистрака (во время её выступления перед слушателями Института повышения квалификации работников вузов в Москве в 1988 году),³⁶⁰ после речи Н.К. Крупской на VIII Всероссийском съезде Комсомола (май 1928 г.) с критикой колонии им. М. Горького Пистрак побывал в Куряже, чтобы лично ознакомиться там с делами, и, приехав в столицу, с восторгом рассказывал своему начальству о прекрасном состоянии колонии и её умелом руководителе. Можно предположить, что публикация в газете «За коммунистическое просвещение» сблизила Макаренко с её автором и что теоретик педагогики предложил педагогу-писателю выступить перед сотрудниками его института.

Макаренковедам об этом стало известно лишь в 1969 году, когда в 7-ой книге львовского сборника «А.С. Макаренко» была опубликована редакция стенограммы выступления автора «Педагогической поэмы», подготовленная Г.С. Макаренко (умерла в 1962 г.) и В.Е. Гмурманом. Во введении к этой публикации,³⁶¹ а также в книге Н.А. Моро-

³⁵⁶ „Педагогическая поэма“. Обсуждение произведения А. Макаренко в Доме Советского Писателя. // „Литературная газета“, 1936, № 43, с.6.

³⁵⁷ „Ты научила меня плакать...“, т.2, с.223.

³⁵⁸ Эта информация авторы получили от А.А. Фролова (1999 г.).

³⁵⁹ Пистрак М. Партийные решения и задачи педагогики. // „За коммунистическое просвещение“, 1936, № 99, 20.07., с.3.

³⁶⁰ Л.В. Образцова и Н.Н. Окса в беседах с Г. Хиллигом (1999 г.).

³⁶¹ См.: „А.С. Макаренко“. Кн.7. – Львов, 1969, с.142–147 (здесь – с.142).

зовой,³⁶² заседание во ВКИПе датировалось маем 1936 г., хотя педагога-писателя в то время в Москве не было. На основании существующих сведений это событие следует отнести к началу августа 1936 г.

В своём выступлении Макаренко остро критиковал представителей педагогической науки и положительно оценил педагогический опыт чекистов. В публикации 1969 года соответствующие пассажи звучат следующим образом: „Педагогика помогает получить общее развитие, но наша официальная «педагогическая теория», вернее её надо ещё называть педологической, не наука и не педагогическая техника. Моё выражение, которое я употребил в «Педагогической поэме», что педагогика – «это вековечное шарлатанство», объясняется моим тогдашним состоянием, моими переживаниями, но я и сейчас стою на том, что старая и западная педагогика нам помочь не могут...

А если говорить о прошлом, о так называемой «традиционной педагогике», педагогике «буржуазно-классической», то если бы сейчас предложили кандидатуру Песталоцци в качестве воспитателя в коммуне, я бы его, пожалуй, взял, а Руссо не пустил бы и на порог“.

„В системе НКВД, где я сейчас работаю, опираясь только на марксистско-ленинскую теорию, воспитывают прекрасных людей, а педологическую теорию опыт НКВД игнорирует. Поэтому пока только в нашей системе детских домов принцип Маркса о соединении обучения с производственным трудом и физическим развитием проведён в жизнь и продолжен до конца“.

„Дело создания настоящей материалистической марксистской педагогической теории и техники – наше с вами дело. И мы обязаны по-новому его сделать. Есть великое культурное наследство, которое мы используем, но мысли великих педагогов прошлого – только эстетика и проповедь, а не наука, не методика, не техника педагогики. На основе учения Ленина, его науки и тактики мы обязаны создать и создадим принципиально новую революционную науку и деловую педагогическую технику, не успокаиваясь на том, что сто лет тому назад дал Песталоцци. И в нашем творчестве мы должны брать за образец большевика, а не Песталоцци“.³⁶³

В 1982 году среди материалов макаренковского фонда ЦГАЛИ СССР (сейчас: РГАЛИ) удалось обнаружить машинописную копию стенограммы выступления, которая была положена в основу подготовки текста для львовской публикации. Этот вариант (без заголовка и даты) оказался включённым в папку стенографического отчёта другого мероприятия в качестве дополнения.³⁶⁴ Между строками данного экземпляра В.Е. Гмурман карандашом отметил опубликованный позже вариант выступления. Ответственный редактор львовского сборника Ф.И. Науменко в 1983 году сообщил³⁶⁵, что текст выступления Макаренко во ВКИПе он в своё время получил от Гмурмана уже после смерти вдовы педагога-писателя.

В своём выступлении о «Некоторых актуальных проблемах макаренковедения» на Берлинской (ГДР) конференции «50 лет Октябрьской революции – 50 лет Советской педагогики» Гмурман, цитируя фразу из речи Макаренко во ВКИПе, ссылается на Архив А.С. Макаренко, дело № 62.³⁶⁶ В только что открытой части макаренковского фонда РГАЛИ (опись 5) оригинал протокола, цитировавшийся Гмурманом, не найден. Из этого можно сделать вывод, что данный документ изъят вдовой педагога-писателя из наследия ещё до передачи его в ЦГАЛИ СССР.

В архивной версии вышеприведённые места выглядят несколько иначе (кстати, в восьмитомник «Педагогических произведений» А.С. Макаренко, вышедший в Москве в 1983–1986 гг., не попала ни та, ни другая редакция этого выступления): „Почему в Болшевской коммуне так хорошо?³⁶⁷ Потому что там нет ни одного человека, который прочитал бы хоть одну педагогическую книгу. Из педагогической теории можно получить общее развитие, но педагогическая теория не наука и тем более техника. Моё выражение «веко-

³⁶² Морозова Н.А., с.114.

³⁶³ „А.С. Макаренко“. Кн.7, с.144–147.

³⁶⁴ РГАЛИ, 332-4-188, лл.34–38.

³⁶⁵ В письме к Г. Хиллигу.

³⁶⁶ Ж. „Pädagogische Forschung“ (Berlin/DDR), 1967, Sondernummer, с.123–132 (здесь – с.125).

³⁶⁷ В цитированной здесь копии стенограммы слово „Болшевской“ изъято и от руки заменено „трудовой“.

вечное шарлатанство» объясняется моим тогдашним состоянием, моими переживаниями, но я и сейчас стою на том, что педагогической теории нет. Если бы мне сейчас предложили кандидатуру Песталоцци, я бы с удовольствием его взял, а Руссо не пустил [бы] и на порог“.

„НКВД, опираясь только на Маркса, а не на педагогическую теорию, делает людей. А педагогическая теория опыт НКВД игнорирует, а только у нас принцип Маркса о соединении обучения с производственным трудом продолжен до конца“.

„Дело создания настоящей педагогической техники – наше дело с вами. Есть вековое наследство, которые мы используем. Мысли великих педагогов только эстетика, а не техника. Вы обязаны создать новую педагогическую технику, не успокаиваясь тем, что дал Песталоцци. Чекиста возьмите за образец, а не Песталоцци“.³⁶⁸

„Чекиста возьмите за образец...“. Такую резкость в словах Макаренко, которая значительно отличается от тона его выступления в Доме советского писателя от 27 июля 1936 г.³⁶⁹, можно, собственно говоря, объяснить лишь тем, что непосредственно перед встречей с педагогами ВКИПа он узнал о существенных изменениях в ОТК НКВД УССР, случившихся за время его отсутствия.

23. НАЧАЛЬНИК

31 июля 1936 г. в Киеве был арестован начальник педагога-писателя Лев Соломонович Ахматов (Ахманицкий; 1899 г.р., юрист по специальности). До вступления в ОТК НКВД УССР он занимал следующие должности: в 1920–1922 гг. – секретарь Совнаркома УССР, в 1925 г. – прокурор губернского суда, в 1925–1933 гг. – прокурор Верховного суда УССР, до апреля 1933 г. помощник Генерального прокурора УССР, в 1933–1934 г. – Управляющий делами СНК УССР, а в 1934–1935 гг. – прокурор Днепропетровской области.

В архиве МВД Украины личное дело Ахматова не сохранилось – оно уничтожено сравнительно недавно „согласно акту от 1.04.75 г.“³⁷⁰ Однако из целого ряда источников мы узнаём не только о биографии этого человека, работавшего рядом с Макаренко, но и о его характере, привычках, образе жизни.

Педагог-писатель неуютно чувствовал себя в роли помощника Ахматова. Он был старше начальника на 11 лет. К слову сказать, и юрист не слишком доверял ему и, уезжая по делам в регионы, всегда поручал исполнение обязанностей другому помощнику – Яновскому. Видимо, поэтому поведение Ахматова, его привычки, высказывания, стиль работы подвергались со стороны Макаренко едкому анализу.

Это отразилось в сентенциях, зафиксированных в записных книжках того времени. „Тема. Большой человек, наказанный партией и назначенный на малое дело. Старые связи, постепенно засыхающие, новые привычки, тоны, обиды, отношения и дела. А сколько самых разноречивых способов выбраться из положения. А сколько стен стоит на дороге“.³⁷¹

Ахматов и Макаренко, судя по документам, довольно часто бывают вместе в поездках. Иногда „помнач“ объединяется с шефом, доброжелательно подмечает нюансы событий, переживает вместе с ним.

Вот они вместе присутствуют на торжествах в Винницкой трудколони, в Якушинцах: „Ахматова назвали в президиум тридцатым, после директора сахарного завода и всех начальников.

– Я сказал Ахматову: Мы делаем и мы отвечаем, а у них это областная игрушка“.³⁷²

Правда, отношения между попавшим в опалу „большим человеком“ и его помощником были не столь дружественные, о чём можно судить по такой записи Макаренко:

„Деталь. Это, конечно, хамство. Когда Ахматов уезжает в командировку, я неизменно бываю на вокзале, но он ни разу не догадался задержать на вокзале машину, чтобы отвезти меня домой“.³⁷³

³⁶⁸ РГАЛИ, 332-4-188, лл.36, 38.

³⁶⁹ См.: „Литературная газета“, 1936, № 43, 01.08., с.6.

³⁷⁰ Картотека архива МВД Украины.

³⁷¹ Зап. кн. № 8, запись № 709.

³⁷² Там же, запись № 708.

Кстати, имя своего шефа педагог-писатель включил в список отрицательных прототипов героев романа «Человек».³⁷⁴ Однако, как видно из кисловодского письма к жене от 15 ноября 1938 г., о трагической судьбе начальника Макаренко ничего не знал.

В связи с новым литературным проектом говорится: „«Ньютоновы кольца» выходят, как будто, и хорошо и значительно. Сейчас убийственно развёртывается фигура Ахматова, получается очень синтетично и зло“.³⁷⁵

Арестован был Ахматов по обвинению в „принадлежности к контрреволюционной троцкистской террористической организации“, которая якобы готовила террористические акты против руководителей КП(б)У и ВКП(б). Показательная деталь: по данным его персональной карточки, Ахматова освободили от службы лишь 26 августа, т.е. через четыре недели после ареста. 8 марта 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР в Москве он был приговорён к ВМН и в тот же день расстрелян.³⁷⁶

О предпоследнем этапе карьеры изобличённого „врага-троцкиста“ напомнила газета «Комсомолец України», которая 21 августа 1936 г. — под заголовком «Контрреволюционер Ахматов и его подручные» — опубликовала клеветнический материал, где речь шла больше о „помощниках“ облпрокурора, а не о нём самом. В начале статьи говорилось: „Мерзкие изменники, заклятые враги партии и народа прочно свили гнездо в днепропетровской областной прокуратуре, в общем — в областных органах юстиции. Подлый враг-троцкист, бывший областной прокурор Ахматов действовал довольно активно: он стягивал в своё ведомство всех нужных ему «своих людей», расставляя их на ответственных участках“.³⁷⁷

О новой ситуации в ОТК Макаренко по возвращении в Киев отметит в записной книжке: „Важность. Начальника отдела нет. Между мной и Яновским разделили функции до назначения н-ка. По прочтении приказа Яновский подписывает против графы «Н-к отдела». Спрашивается, какого типа то удовольствие, которое он получает“.³⁷⁸

После ареста Ахматова и развёртывания против него и его окружения кампании в прессе „молочные братья“ Макаренко и Яновский почувствовали новые и опасные веяния. 23 августа 1936 г. они срочно затребовали из трудколоний и трудкоммун республики все (!) экземпляры «Временных методических указаний», посланные их шефом в марте того же года, причём в требовании указан срок „к 25 августа“, т.е. до назначения С.Ф. Пинкуса и одновременного официального увольнения Ахматова с должности начальника ОТК (26 августа)³⁷⁹. Их запрос был изложен в письме с грифом «Совершенно секретно» за подписью врид. нач. ОТК НКВД УССР Яновского.³⁸⁰ Повидимому „помначи“ Отдела стремились уничтожить все экземпляры «Указаний» и, таким образом, замести следы их совместной деятельности с „врагом-троцкистом“. Поэтому окончательная редакция работы Макаренко, о которой идёт речь в мартовском циркуляре Ахматова, так и не была осуществлена. Интересно, что из коммуны им. Дзержинского Отдел трудколоний в первый раз получил только один из трёх посланных туда экземпляров «Временных методических указаний», а остальные два были высланы в Киев лишь 28 сентября 1937 г., т.е. после грозного напоминания нового начальника ОТК Пинкуса в письме, датированном уже 11 сентября.³⁸¹

Непосредственная опасность действительно возникла для Макаренко во время следствия по делу Ахматова, поскольку последний назвал „Букшпана и Макаренко“ в числе прочих членов контрреволюционной троцкистской террористической организации, уча-

³⁷³ Архив лаборатории „Макаренко-реферат“.

³⁷⁴ См.: Фролов А.А. А.С. Макаренко: московский период творчества (1937–1939 гг.). Хроника дел и мыслей. — Нижний Новгород, 1997, с.63.

³⁷⁵ „Ты научила меня плакать...“, т.2, с.255.

³⁷⁶ Информация архива СБ Украины (1998 г.).

³⁷⁷ Міщенко В. Контрреволюціонер Ахматов і його підручні. // „Комсомолец України“, 1936, № 192, с.3.

³⁷⁸ Зап. кн. № 8, запись № 733.

³⁷⁹ См.: картотека архива МВД Украины.

³⁸⁰ См.: ГАХО, Р-4511-1-19, л.4.

³⁸¹ См.: там же, лл.5–7.

стие в которой приписывалось Ахматову.³⁸² Тогда (осенью 1936 г.) их имена вычеркнули из протокола допроса бывшего начальника ОТК,³⁸³ вероятно по указанию Балицкого.

Кстати, в день ареста Ахматова (31 июля 1936 г.) нарком внутренних дел УССР подписал приказ «О недопустимом поступке группы воспитанников коммуны им. Ф.Э. Дзержинского», который свидетельствует о сложной ситуации в бывшей „вотчине“ Макаренко после его перевода в аппарат НКВД. В приказе речь идёт о том, что „группа воспитанников пыталась дискредитировать вновь назначенного начальника коммуны т. Бермана“³⁸⁴. Балицкий решил исключить шесть воспитанниц и воспитанников из коммуны и направить их в другое учреждение ОТК, а начальника воспитательной части Степана Акимовича Дидоренко (преемника Макаренко на этом посту) „с занимаемой должности снять“.³⁸⁵ Бывший начальник коммуны им. Балицкого в Прилуках Вениамин Соломонович Берман, как известно, не признавал введённые ещё Макаренко основы самоуправления воспитанников. В момент его назначения начальником и смещения Дидоренко „эра Макаренко“ в коммуне им. Дзержинского завершилась, так сказать, окончательно. Об этом в записной книжке педагога-писателя сказано следующее: „Дидоренко. Кончилось с ним в коммуне довольно паскудно. Новый начальник Б. существо неумное, почти тупое в педагогическом деле, решил почему-то, что у него своя система. Система Дидоренко [т.е. Макаренко – А.А./Г.Х.] ему не понравилась. Как это можно, что есть какой-то Совет и Совет приглашает его, Б., на заседание. Он испугался за свой авторитет. Он ни разу не пошёл в Совет.

Авто. Почему семья Б. ездит на авто кататься.

Обструкция. Пьяный Б. или не пьяный, но у него ребята вытащили партийный билет“.³⁸⁶ О краже „портмоне с документами“ у „нового начальника“ коммуны им. Дзержинского речь идёт также и в одноимённом рассказе бывшего воспитанника В. Зайцева, опубликованном в газете «Литературная Россия» (15.03.1963 г.). Показательно, что этот текст не был включён в книгу Зайцева «Рассказы о Макаренко» (Мурманск, 1969; изд. 2-е, 1974).

О Бермане можно найти и такую запись педагога-писателя (январь 1937 г.): „Конспект. Б. в Прилуках. Пьянства, убийства, самоубийства. Перевод в дзержинку. Борьба с макаренковщиной (помпадур разобрал мостовую). Самокритика, драка с пионервожатым на сцене, даже трибуну повалили, за то, что начал речь: «Я хочу говорить о тов. Б.»». Пионервожатый несколько дней ночевал на вокзале“.³⁸⁷

Но не только пионервожатый (по фамилии Каменецкий³⁸⁸) испытывал страх перед новым начальником, но и он сам боялся за свою жизнь...³⁸⁹

Личное отношение Бермана к Макаренко характеризует его резолюция по поводу «Временных методических указаний» на упомянутом выше письме-требовании ОТК от 23 августа 1936 г. в харьковскую коммуну: „Т. Адамович. Исполнить эту «блестящую» работу Макаренко. 25/VIII“.³⁹⁰ Задача была поставлена Станиславу Игнатьевичу Адамовичу, который сменил „макаренковского“ Дидоренко на посту „замнача“ коммуны им. Дзержинского.³⁹¹ Сам же Дидоренко тогда стал управляющим трудколонии им. Горького.³⁹²

Берман оказался ликвидатором не только „макаренковщины“, но также и самой коммуны как воспитательного учреждения. Под его начальством, в соответствии с решением Совнаркома СССР от 30 декабря 1938 г. и приказом начальника АХУ НКВД СССР от

³⁸² См.: Протокол допроса бывшего начальника отделения Секретно-политического отдела НКВД УССР Н.Д. Грушевского от 12.08.1937 г. // „Наше минуле. Журнал незалежної історичної думки“ за ред. С. Білоконя (Київ), 1993, ч.1 (6), с.147–150 (здесь – с.149).

³⁸³ См.: там же.

³⁸⁴ Начальником коммуны им. Ф.Э. Дзержинского В.С. Берман был назначен 07.05.1936 г. (см.: картотека архива МВД Украины).

³⁸⁵ Архив МВД Украины, ф.46-1-1д, л.202.

³⁸⁶ Зап. кн. № 8, запись № 718.

³⁸⁷ Там же, запись № 826.

³⁸⁸ См.: ГАХО, Р-4511-1-26, л.11.

³⁸⁹ См.: гл. 30 „Заговор“.

³⁹⁰ Там же, 19, л.4.

³⁹¹ См.: там же, 22, л.27.

³⁹² См.: там же, 24, л.16.

7 января 1939 г., Харьковская трудовая коммуна была реорганизована в промышленный комплекс и переименована в Харьковский комбинат НКВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского.³⁹³

24. ПРОЦЕСС

Во время Московского показательного процесса против «троцкистско-зиновьевского террористического центра» (Зиновьев, Каменев и др.; 19. – 24.08.1936 г.) в Киеве состоялось двухдневное собрание писателей (21. – 22.08), где председатель правления президиума Союза советских писателей Украины, бывший директор Института Красной профессуры в Харькове³⁹⁴ А.Г. Сенченко (не путать с вышеупомянутым писателем И.Е. Сенченко) проинформировал членов Союза о событиях в Москве и призвал к выявлению «троцкистов» в своих рядах. Судя по газетным сообщениям тех дней, Макаренко не только присутствовал на нём, но и принимал участие в общественном осуждении писателя Х. Шаевича.

Так, в сообщении телеграфного агентства РАТАУ об этом собрании, опубликованном 23 августа в газетах «Вісті», «Комуніст», «Пролетарська правда», говорится: «С речью, полной ненависти к троцкистско-зиновьевской банде, выступил писатель тов. Макаренко». О цели его выступления здесь сказано: «Уже 21 августа президиум ССПУ принял решения по поводу троцкистско-зиновьевских агентов. [...] Окончательно разоблачили также троцкиста Шаевича, который намеревался примазаться к Союзу писателей».³⁹⁵

Более подробно о писательской встрече информировала читателей в тот же самый день «Літературна газета». Под заголовком «Немилосердно покарать контрреволюционную свору!» она сообщила о выступлении педагога-писателя: «С волнующей речью выступил тов. А. Макаренко. От имени писателей он выдвигает требование уничтожить врагов». И далее киевская «Литгазета» пишет: «На собрании намеревался оправдать себя троцкист Шаевич, в прошлом связанный с недобитками троцкизма. Своё участие в их грязной своре он объяснял несознательностью, случайностью. Но ряд выступавших дал правдивую характеристику Шаевичу, доказав, что за несколько лет у него осталось такое же гнилое троцкистское нутро, как и было, что он яркий пример двурушника.

В заключительном слове т. Сенченко подчеркнул, что вопрос об очищении рядов писателей от вражеского элемента и балласта стоит сейчас острее, чем раньше. Также сегодня важнейшим является вопрос борьбы с националистическими элементами». В дальнейшем Сенченко требовал «в ближайшее время рассмотреть вопрос творчества и общественной работы» ряда членов Союза писателей, причём первым назвал он Зоря.³⁹⁶ И в передовой этой газеты («Раздавить подлую гадину»), среди прочего, говорится: «На собрании уничтожающей критике подвергали и тех, которые в своих произведениях протягивали троцкистские тенденции, протягивали враждебные нам идеи. Ефим Зоря, который написал осуждённый в своё время насквозь троцкистский роман «Депо», не так давно пытался просунуть в издательство это своё вражеское произведение. [...] Шаевич, этот троцкист, в своё время выброшенный за троцкизм из рядов партии, пробовал на собрании что-то мычать против тех справедливых упрёков и обвинений, которые ему предъявлялись писателями».³⁹⁷ И в речи председателя собрания И. Микитенко («Ликвидировать гадю!»), который занимал должность зампреда правления Союза советских писателей Украины, опубликованной в этом же издании газеты, можно прочесть о выступлении педагога-писателя: «Справедливую отповедь троцкисту Шаевичу дал А. Макаренко. Нет и не может быть места в нашей среде людям, подобным Шаевичу».³⁹⁸

В сообщении о киевском собрании московская «Литературная газета» дословно цитирует Макаренко, который, обращаясь к Шаевичу, заявил: «Я вам не верю! Мы не мо-

³⁹³ См.: «Дзержинец», 1939, № 4, 20.01., с.2.

³⁹⁴ ГАКО, Р-293-1-1971, л.67.

³⁹⁵ Українські письменники вимагають найсуворішої кари троцкістско-зінов'євським бандитам. // «Вісті», 1936, № 195, с.5; «Комуніст», № 194, с.4; «Пролетарська правда», № 194, с.1.

³⁹⁶ Немилосердно покарати контрреволюційну зграю! На зборах письменників столиці. //

«Літературна газета», 1936, № 39, с.1.

³⁹⁷ Розчавити підлу гадину. // Там же.

³⁹⁸ Ліквідувати гадів! Промова на зборах письменників тов. І. Микитенка. // Там же, с.4.

жем верить вам после всего того, что вы делали, и после вашего выступления, потому что вы и сейчас стараетесь нас запутать. Мы вам не верим!»³⁹⁹

По поводу этого же мероприятия пишет В.А. Ширяев, утверждая совсем противоположное: «Днём раньше арестовали писателя Шаевича. Суть обвинений никому не была известна, Антон Семёнович тоже только на собрании узнал об аресте и, в отличие от большинства выступавших, старавшихся вспомнить, где, когда и что Шаевич говорил и делал нелояльного, арест Шаевича никак не прокомментировал».⁴⁰⁰

Довольно противоречивыми кажутся сохранившиеся записи Макаренко о заседании ССП Украины, в которых речь идёт о «писателях-троцкистах», в т.ч. Шаевиче (хотя его фамилия не называется), и Сенченко.

«Троцкисты. Киевский Союз писателей. Всякие остатки и остаточки:

1. Он когда-то написал письмо в ЦК, в котором протестовал против репрессий по отношению к Троцкому. В его книгах были троцкистские строчки, как он говорит. Теперь он уверяет всех, что он не троцкист, что напрасно, только поглядев на подпись, не хотят печатать его вещей. В то же время он благодарит СП за какую-то помощь.

Выступающие говорят, что [он] писал не только в ЦК, но писал решительно всем, даже Горькому. Что он никогда не улыбается, что в Москве есть его жалоба на киевский СП, что после отмены карточек он где-то поместил благодарственное письмо и через полчаса рассказывал анекдоты мерзейшего свойства.

«За что вы благодарите СП? Может быть за либерализм по отношению к вам? Но ведь на самом деле вы никому ни за что не благодарны».

«Если вы правы, то вы так и должны были выступить, если вы хотите что-то скрыть, то вы тоже так выступали бы, ибо вы должны лгать».

2. Он получил письма от сосланного В., на которые якобы не отвечал, но которые порвал никому не показывая. В письмах будто бы просили прислать бумаги. Кто поверит.

3. Он страшный ленинец, но свою книгу он посвятил «дорогим родителям», а родители имели ювелирный магазин и давно удрали в Палестину.

4. Он вдруг сделался профессором и метром и решил все вопросы литературы, но он окончил школу лейтенантов и был в польской армии 1919–1921 г.

«Беспощадность не может иметь градаций».⁴⁰¹

«Мартышки с револьвером в руках».⁴⁰²

«Метр. Он, конечно, важен. Он, конечно, страшно занят. И даже во время двухдневного заседания, посвящённого московскому суду, он неустанно работает, обложившись книжками и книжечками, делает какие-то выписки.

Сенченко к докладу не подготовился. Поэтому весь доклад состоял в чтении выдержек из обвинительного акта, но и выдержки он заранее не отметил и разыскивал их во время самого доклада».⁴⁰³

Найти подробные данные о Шаевиче оказалось очень трудно. Его произведения были исключены из библиотек, и в справочной литературе фамилия этого писателя не упоминалась. В конце концов в Книжной палате Украины удалось обнаружить две его книги (собрания рассказов) на еврейском языке (идиш): «Дер пойкер» (Барабанщик), вышедшую в 1929 году в госиздательстве Молдавии (Тирасполь; 90 с.), и «Ауфн буксир» (На буксире), опубликованную в 1932 году в Укргоснацмениздате (Харьков; 112 с.). Третья книга Шаевича, которая находится в Библиографическом институте Союза кибуцов в Беери (Израиль): «Ди асиатке» (Азиатка), выходила в 1933 году в издательстве «Эмес» (Москва; 198 с.).⁴⁰⁴

Атаку на Шаевича открыл И. Фефер, писатель с «большими заслугами» перед советской литературой Украины: по замечанию пролетарского писателя В. Кузьмича,

³⁹⁹ Сим Б. Предатели родины получили по заслугам. На собрании писателей столицы УССР. // «Литературная газета», 1936, № 48, 27.08, с.4.

⁴⁰⁰ Ширяев, с.178.

⁴⁰¹ Зап. кн. № 8; записи №№ 741, 742.

⁴⁰² Там же, запись № 746.

⁴⁰³ Там же, записи №№ 747, 748.

⁴⁰⁴ Информация руководителя института М. Буксвайлера (1999 г.).

сделанному в ЦК КП(б)У (19 февраля 1935 г.), он покрывал некоторых дружественных ему литераторов, но в то же время печатал „лихорадочно одну статью за другой против Шаевича, Абчука и др., исправляя свои ошибки“.⁴⁰⁵

Материал Фефера против Шаевича был опубликован в киевской «Литгазете» 20 января 1935 г. под заголовком «Уничтожить троцкистскую контрабанду». В обширной статье автор требует проявить большевистскую бдительность против врагов. Там, среди прочего, говорится: „Бдительность, бдительность и ещё раз бдительность! Только благодаря ослаблению бдительности удалось такому человеку, как Хаим Шаевич, скрывать своё контрреволюционное троцкистское прошлое. Это один из последних фактов. Хаим Шаевич писал много, без конца и края. Нет такой еврейской коммунистической газеты, куда бы этот троцкист не вкинул свою халтурку. Плохого слова о троцкистах вы, конечно, у Шаевича не найдёте. Наоборот, в кулуарах газеты «Пролетарише фон» он разводил троцкистские сплетни, а «наивные» сотрудники воспринимали их как «дружественную критику», «лёгкие анекдоты». Партийные организации уже сделали надлежащие правительные выводы о Шаевиче и о тех, которые скрывали его и защищали.

Кроме журналистики, Х. Шаевич пробовал своё перо и в области искусства. Он написал ряд книжек и умело себя замаскировал. Достаточно внимательно почитать книжку «На буксире», и вы увидите, как отражён и искажён наш заводской быт. Вы видите, как троцкист «рисует» фабрику, «гонения» администрации и «вялость» работников. Работники, по Шаевичу, относятся к советской фабрике, как к чужому делу. [...]

Просто удивляешься, как наша критика сразу же не заметила и не демаскировала эту троцкистскую халтуру...

Это свидетельствует об ослаблении большевистской бдительности у всех нас и что мы должны сделать надлежащие выводы из этого, и немедленно же.

А не бродят ли в некоторых кругах вредные националистические теории, что у нас евреям, — спокойнее, чем «где бы то ни было»? Разве не приходится замечать старую перелицованную шовинистическую теорию, что «евреи всегда революционеры» и т.д.

Эти «теории» помогают классовому врагу ослаблять нашу большевистскую бдительность, а в данном случае помогали троцкисту Шаевичу, который успокоился и начал щедрой рукой засыпать своими сочинениями «Эмес», «Штерн», «Пролетарише фон», «Фармест».

Вот лежит перед нами рассказ, который Шаевич хотел отпечатать в журнале «Фармест», не одобренный редакцией. Шаевич множество раз систематически устраивал скандалы журналу «Фармест», жаловался, что притесняют молодых еврейских писателей. Пора уже знать, что контрреволюционеры-троцкисты не могут быть и не будут советскими писателями. Наша обязанность как можно быстрее демаскировать троцкистских людишек и выгнать их из литературы, ликвидировать их окончательно. [...]

Борьбу против троцкистов и националистов нужно проводить без антрактов. Троцкистских халтурщиков нужно разоблачить до конца.

Больше большевистской бдительности! Острее борьбу за линию нашей ленинско-сталинской партии!⁴⁰⁶

Статья в подобном духе начинающего писателя Г. Полянкера «Людина з піднятим коміром» была опубликована в киевской «Литгазете» непосредственно после процесса.⁴⁰⁷ Она же на русском языке «Человек с поднятым воротником» (без упоминания фамилии автора) обнаружилась в фонде редакции московской «Литгазеты» в РГАЛИ под описью: „Массовый отдел. Статьи неизвестных авторов в связи с процессом над троцкистско-зиновьевской бандой. «Літературна газета». 29 авг. 1936 г.“. Редакция киевской газеты, безусловно, послала этот материал в Москву с целью проинформировать своих коллег (и, конечно, также НКВД СССР) об упорной и успешной борьбе с троцкистами в ССП Украины.

Именно Шаевича автор статьи описывает как «человека с поднятым воротником»: „человек низкого роста, одетый в тёплое пальто с поднятым воротником“. Здесь же он

⁴⁰⁵ ЦГАОО Украины, 1-20-6654, лл.1–7 (здесь – л.4).

⁴⁰⁶ Фефер І. Знищити троцькіську контрабанду. // „Літературна газета“, 1935, № 3, с.3.

⁴⁰⁷ Там же, 1936, № 40, 29.08., с.3.

пишет: „Читаете «произведение» Шаевича «Возле ворот», и с первой до последней страницы несёт запахом гнили. [...]»

Он забрасывает все европейские [еврейские – А.А./Г.Х.] газеты своими «художественными очерками», пишет хвалебные статьи, а про себя тихонько рассказывает антисоветские анекдоты. Человек пишет о чистке партии, а, выходя из дверей редакции, высмеивает и чистку, и свою писанину.

Этот человек перекочевал из Молдавии в столицу Украины. Он был с 1920 года в партии, в 1929 его выгнали из партии, как заядлого троцкиста. Человек писал в ЦК письма против генеральной линии партии. Гнилое троцкистское нутро этого человека мешает ему говорить человеческим языком, и он бормочет и прячет своё лицо в воротник. Писательская организация выбрасывает этого человека из своих рядов, но он не успокаивается. Он обязательно хочет «ходить в писателях».

Человек признаёт своё троцкистское прошлое, но не перестаёт закидывать все партийные и советские организации своими двурушническими письмами. Он, дескать, не виновен ни в чём, к нему придираются, над ним издеваются. Шаевич обивает пороги, куда только пускают, дескать, «моя хата с краю, ничего не знаю, – не виновен».

Процесс над троцкистско-зиновьевской бандой поднял 170-миллионный народ нашей страны. Писатели столицы цветущей Украины тоже собрались, чтобы присоединить свой голос к могучему голосу всего народа. Человек этот тоже пришёл на собрание. Он, как и всегда, пришёл с поднятым воротником, с глазами, полными ненависти и презрения. Этот человек, пряча свою ехидную усмешку, сел в уголок на кресле, ожидая удачного момента, чтоб выскочить из угла, что-то пробормотать и обмануть нас. Этот человек взял первое слово на собрании. Он несколько минут что-то бормотал, но из этого бормотания перед всеми нами раскрылся образ ехидного двурушника-троцкиста. Это наш враг! Вот что кроется под этим вечным молчанием. Вот почему этот человек всегда недоволен. Вот почему он ходит всегда с поднятым воротником и с ненавистью смотрит на наше радостное, прекрасное житьё.

Его имя – Шаевич⁴⁰⁸.

Интересно отметить, что в 1934 году в ССПУ по поводу литературной деятельности Шаевича были даны позитивные оценки. Так, на заседании еврейской секции говорилось: „[...] роман «Азиатка» Шаевича [...] свидетельствует о творческом подъёме писателя“, ⁴⁰⁹ а на совещании киевских прозаиков о нём очень положительно выступил... И. Феллер.⁴¹⁰

Возникает, конечно, вопрос, почему Макаренко, участвуя в кампании против „писателей-троцкистов“, напал на обречённого человека, произведения которого он не мог прочесть, так как они были опубликованы только на „идиш“. По всей вероятности потому, что этого литератора уже никак нельзя было спасти...

После окончания московского процесса (24 августа все 16 обвиняемых были приговорены к ВМН и расстреляны) киевские писатели, как и работники всех учреждений страны, встретились вновь на очередном форуме (26 августа). В сообщении украинской «Литгазеты» от 29 августа о данном мероприятии («Приговор миллионов. Митинг писателей столицы УССР»), среди прочего, можно прочесть: „Дальше выступили тт. О. Копиленко и А. Макаренко, которые выразили большое удовлетворение всей литературно-писательской общественности приговором. Под бурные аплодисменты они закончили высказывания пламенных чувств к любимому товарищу Сталину и подчеркнули, что его светлую жизнь охраняют все народы СССР, пролетариат всего мира“.⁴¹¹

⁴⁰⁸ РГАЛИ, 634-1-281, лл.1–3.

⁴⁰⁹ См.: „Літературна газета“, 1934, № 14, 01.05., с.2.

⁴¹⁰ См.: там же, № 18, 24.05., с.1.

⁴¹¹ Присуд мільйонів. Мітинг письменників столиці УСРР. // „Літературна газета“, 1936, № 40, с.3. – О.И. Копиленко – участник творческого вечера Макаренко в ССПУ (см. „Більшовик“, 1936, № 112, 16.05., с. 4; „Літературна газета“, № 24, 24.05., с. 4), автор романа „Дуже добре“ (Очень хорошо; Киев, 1936), при встрече в Тбилиси в декабре 1937 г. подарил «соратнику по борьбе с троцкистами» свою книгу с такой надписью (перевод на рус. яз.): „Уважаемому А.С. Макаренко – высочайшей категории мастеру литературного цеха... Если этой скромной книгой я провинился перед читателем – простите мне этот грех... С огромной приязнью“ (Музей А.С. Макаренко, Кременчуг).

В том же номере газеты был опубликован приговор процесса, а также „отзывы“ 13 литераторов, в том числе и материал Макаренко «Всенародний вирок» (Всенародный приговор) – очевидно текст его выступления на митинге. Это единственная до сих пор известная публикация педагога-писателя по поводу политических процессов в СССР. Дословно там говорится (перевод с украинского языка на основании авторской рукописи): „Нельзя сказать: мы одобряем приговор. Все эти дни я чувствую себя судьёй. Здесь, в этих самых залах, вместе со всей страной мы проводили судебное следствие, мы выслушали гнусное бормотание подсудимых, и мы вынесли им смертный приговор, а вместе со всеми и я подал свой голос за расстрел.

Военная коллегия Верховного суда в эти дни была подчинена нашему гневу, гневу всего трудового человечества, нашему взволнованному сердцу и нашему беспощадному волевому решению. Это мы вынесли приговор, и это мы отказали всей банде в помиловании.

Иначе мы и не могли поступить. Великодушное терпение партии, надежда на человеческое достоинство людей, на их политическую честность в течение 10 лет вызвали со стороны этих людей только нахальство, только интриги и злодеяния. То они гавкали нам под руку, то они организовывали подпольные типографии, теперь они стали ходить с револьверами в руках.

Люди эти – ничтожные люди, люди без совести, без чести и сумасшедшие. Только безумием можно объяснить их желание прорваться к власти над многомиллионным народом, полагаясь для этого только на силу револьвера. Их ничтожество особенно вылилось в последних словах на процессе. В этих словах мы ничего не услышали, кроме новой лжи, ничего не увидели, кроме отвратительной игры, рассчитанной на жалость, хотя бы полной презрения.

Это ничтожества! Это обезьяны с револьверами в руках, но они же ходили вокруг наших вождей, и мы уничтожили негодяев. И так же беспощадно мы обязаны уничтожить всех, кто пойдёт за ними!

И юродивые из II Интернационала напрасно посылают нам телеграммы. Чего они думают этим достигнуть? Пускай они приедут к нам в Союз, ведь для них давно приготовлены скамьи подсудимых.

Сейчас уже не хочется вспоминать имён бандитов. В моём представлении они уже – безымянные негодяи, последние подонки.

Наша мысль сейчас неустанно устремлена к защите товарища Сталина. Хочется в каких-то особенно горячих и необычных сердечных и живых словах передать ему нашу взволнованную любовь, наше ещё неуспокоившееся волнение“.⁴¹²

Представление о политической ситуации, в которой была написана эта статья, дают высказывания председателя правления президиума ССПУ на киевском митинге, приводимые украинской «Литгазетой»: „Тов. А. Сенченко, выразивший радость писателей, что суд так решительно и быстро вынес приговор этим извергам и устранил их из нашей прекрасной земли, информирует, что на Украине раскрыт троцкистско-зиновьевский центр, связанный с националистическими недобитками. Он в скором времени предстанет перед судом. Писательская общественность может желать и требовать только одного – беспощадно покарать всех, кто сотрудничал с этими контрреволюционерами. Совместно с руководящей группой трудящиеся разоблачают бандитских слуг. Писатели, инженеры человеческих душ, должны помочь в этой работе. Такая же задача писателей проверять, кто находится в их рядах, посмотреть, как прошли путь те, кому раньше были даны все возможности оправдать почётное звание писателей“.⁴¹³

Что касается Шаевича, то к вышесказанному можно добавить: его следы после митинга 26 августа потерялись. В информации о собрании парторганизации писателей столицы, опубликованной 5 сентября 1936 г. в киевской «Литгазете», речь идёт о том, что решение об исключении из партии и ССП отдельных литераторов, возбуждавших подоз-

⁴¹² Факсим.: СС, т.7; с.208; см. также пер. на рус. яз.: Макаренко А.С. Сочинения, т.7. – М., 1952, с.13–14. В авторской машинописи (РГАЛИ, 332-4-110) последние фразы звучат так: „Все наши мысли и чувства сейчас страстно устремлены к одной цели – оберегать товарища Сталина. Хочется в каких-то особенно горячих, идущих от самого сердца искренних, живых словах передать ему всю силу нашей взволнованной любви и неуспокоившееся ещё наше волнение“.

⁴¹³ „Літературна газета“, 1936, № 40, с.1.

рение своими политическими взглядами, было перенесено. Первым среди них назван Зоря, фамилия Шаевича вообще не упоминается.⁴¹⁴

Ни карточки, ни дела Шаевича в архиве СБ Украины нет, из чего можно заключить, что арестованный писатель, по всей вероятности, был переведён в Москву ещё в августе 1936 г. Какую роль при этом играла цитированная выше статья Полянкера, неизвестно. Военная коллегия Верховного суда СССР, видимо, осудила Шаевича как и других „троцкистов“ к ВМН. О судьбе же его „обвинителей“ из круга киевских писателей имеются точные сведения: если не считать Макаренко, то всех наиболее известных участников кампании против „троцкистов“ постигла судьба Шаевича. Они были приговорены к ВМН и расстреляны: Сенченко в 1937 году в Карелии, Микитенко в 1938 году в Харькове, а Феллер, который в 1943 году, как представитель «Еврейского антифашистского комитета», в течение семи месяцев находился в Америке (США, Канада, Мексика), в 1952 году по делу этого же комитета в Москве. Полянкеру, арестованному в 1951 году по обвинению в „антисоветской националистической деятельности и шпионаже в пользу международного империализма“, благодаря ходатайству его жены-юриста удалось избавиться от шахт Воркуты, где он отбывал срок. Умер Полянкер в Киеве осенью 1998 г. К сожалению, побеседовать с ним не удалось. В его воспоминаниях «Возвращение из ада» он, само собой разумеется, ни одним словом не упоминает об участии в осуждении Шаевича.⁴¹⁵

Мрачные дни московского процесса стали дебютом Макаренко-рецензента. В номере «Литературной газеты» от 27 августа, где помещены приговор процесса и 25 откликов более или менее известных литераторов, появилась и рецензия педагога-писателя на только что вышедший сборник «Болшевцы. Очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягода трудкоммуну НКВД». Таким образом, в одном и том же издании газеты внимание читателей обращено на два трудно совместимых направления деятельности НКВД: спасение детей и уничтожение врагов. Но это „соседство“, возможно, случайно. Нам неизвестно, когда редакция газеты получила макаренковский материал – может быть ещё до начала процесса.

„Лучшим доказательством жизненности наших большевистских методов перевоспитания человека является наша Болшевская Трудовая Коммуна, превратившаяся из небольшой опытной мастерской – в огромную фабрику переделки человека, празднующую на днях свой 10-летний юбилей“, – говорилось в приказе НКВД СССР за подписью Г. Ягоды, который увидел свет 7 июня 1935 г.⁴¹⁶

Макаренко в своей рецензии высоко оценивает работу „старшего брата“ коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, вновь указывая педагогической науке на этот замечательный эксперимент. Здесь, среди прочего, говорится: „К сожалению, по причинам абсолютно странным, десятилетний опыт мирового значения до последнего дня игнорируется педагогической литературой. Я не знаю ни одной книги, посвящённой анализу выводов из этого опыта“. В рецензии отмечается необходимость издания сборника и на иностранных языках: „[...] сделана очень хорошая, очень важная и полезная книга. Сделана любовно, талантливо. За границей книга должна произвести ещё большее впечатление, чем у нас, в ней замечательно уверенно звучит наша философия человека, в ней хорошо показаны корни пролетарского гуманизма“.⁴¹⁷

Ягода Г.Г., имя которого Болшевская коммуна носила с 1933 года, уже через месяц после публикации рецензии Макаренко был снят с поста наркома внутренних дел СССР, в 1937 году арестован, а в 1938 году приговорён к ВМН и расстрелян. Как следствие этого, газетный материал «Болшевцы» педагог-писатель сам или его последователи исключили из личного архива и поэтому для советских макаренковедов он оставался неизвестным. И только в 1986 году, спустя десять лет после его перепечатки в «Марбургском издании» Собрания сочинений А. Макаренко, текст был вновь, хотя с сокращениями, опубликован в Советском Союзе.⁴¹⁸

⁴¹⁴ См.: На зборах парторганізації письменників столиці. // „Літературна газета“, 1936, № 41, с.3.

⁴¹⁵ Полянкер Г. Возвращение из ада. Невыдуманная повесть. – Киев, 1995.

⁴¹⁶ Архив МВД Украины, 45-1-3, л.198.

⁴¹⁷ Факсим.: СС, т.7, с.204–207.

⁴¹⁸ См.: ПС, т.7, с.9–11.

25. „ДОНОС“

„Непорядки“ в Андреевской трудколониі побудили Макаренко в начале сентября 1936 г. уехать в Харьков. Командировка эта была полной неожиданностью, о чём свидетельствует дневниковая запись: „Спешка. Я собирался в Харьков, а карман продрался. Спешно Галя карман зашила, а в поле пиджака осталась коробка спичек“.⁴¹⁹ Это единственное до сих пор известное высказывание педагога-писателя в связи с тяжёлыми событиями тех дней.

Возвращение в Киев откладывалось – и не только из-за „непорядков“ в Андреевке. Как следует из двух писем Г.С. Макаренко к сыну, ничего точно о командировке мужа она не знала и 11 сентября писала: „Антон не прислал мне денег из Харькова. Очень мне грустно по этому поводу“,⁴²⁰ а 14 сентября: „Вот уже десять дней, как отец уехал в Харьков, и до сих пор ни слуха ни духа. Я уже беспокоюсь и не знаю, что думать. Может быть даже, что он в Москве – задержался, а письма не успевают, тем не менее, я боюсь не болен ли он. Куда ему писать, не знаю“. Вспоминая о бурном начале их переписки в 1927–1928 годах, она в этом же письме сетует: „Я не столько беспокоюсь, сколько обижаюсь, что он не пишет. Такой вы народ мужчины: первые годы по два письма в день пишете, а потом и одного за десять дней не напишете. Нехорошие мужчины, не воспитанные“.⁴²¹

Причина молчания Макаренко объяснялась, однако, тем, что из-за двусмысленных высказываний на выпускном собрании коммунаров-дзержинцев 5 сентября он подверг себя большой опасности.

Как видно из письма Галины Стахивны к сыну от 6 сентября, отчиму совершенно не хотелось ехать в эту командировку. Тогда он собрался заняться своими писательскими делами, и поэтому Г.С. Макаренко решила: „надо будет заказать отцу письменный стол“.⁴²² О своих творческих планах педагог-писатель ещё до отъезда в Харьков проинформировал прессу. Стали известны две публикации на эту тему. 11 сентября «Літературна газета» сообщила не только о том, что Макаренко якобы закончил «Книгу для родителей» и сценарий «Четыре товарища». В этой статье также говорится, что он подготовит новый вариант пьесы «Ньютоновы кольца».⁴²³ А в первом номере украинского журнала «Театр» (сдано в набор 21.09.1936 г.) в сообщении о творческих планах драматургов УССР можно прочесть: „Писатель А. Макаренко (автор «Педагогической поэмы») написал комедию «Ньютоновы кольца» о так называемых «чудаках», которых иногда считают неполноценными для социалистического общества. Автор показывает, как эти «чудаки», окружённые вниманием, перевоспитываются и становятся полноценными советскими гражданами. Осенью прошлого года комедию прочёл М. Горький и одобрил её. Сейчас автор вносит в комедию ряд дополнений и изменений, после чего даст её окончательную редакцию“.⁴²⁴

Об изменении характера деятельности педагога-писателя в этот период можно прочесть в вышеупомянутом письме Г.С. Макаренко к сыну от 6 сентября 1936 г.: „Отец, по-видимому, останется консультантом при ОТК. Нарком передал отцу, что поговорит с ним после возвращения из Москвы, а пока дал приказ искать на место нач. пед. частью другого, а заместителем нач. отдела будет тоже не отец. Перед отъездом в Харьков отец сдал все дела, освободил свой стол и служебный кабинет и не собирается больше усаживаться за канцелярские дела. Тем более, что нарком так и передал, что Макаренко нельзя загружать канцелярской работой, он не должен ходить ежедневно на службу, но необходимо сохранить его, как консультанта по организации дела“.⁴²⁵

Здесь следует подробнее остановиться на том, что же случилось в Харькове.

Ещё до Московского процесса и во время его в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского также начались открытые митинги коммунаров и рабочих против „врагов народа“, о чём свидетельствуют приводимые здесь впервые материалы газеты «Дзержинец». Так, 18 ав-

⁴¹⁹ Зап. кн. № 8, запись № 756.

⁴²⁰ РГАЛИ, 332-5-107, л.48.

⁴²¹ Там же, л.52.

⁴²² Там же, л.41.

⁴²³ „Літературна газета“, 1936, № 42, с.4.

⁴²⁴ Драматурги України. // „Театр“, 1936, № 1, с.69, 71.

⁴²⁵ РГАЛИ, 332-5-107, л.42 об.

густа в статье «Гнев, ненависть» речь идёт о том, что „стахановец Ваня Ткачук с гневом и возмущением говорит: Враги подбираются к самому ценному, что есть в мире, *Иосифу Виссарионовичу Сталину*. Мы зубами перегрызём этим подлым врагам глотку. Мы докажем партии и Советской власти, как умеют коммунары платить за данное им право жить в семье трудящихся.

Эти слова покрылись бурей аплодисментов всего коллектива коммунаров-дзержинцев.

Коммунар Яновский: враг просчитался, ему не удастся расшатать крепость пролетарского коллектива, его неразрывную связь с могучей коммунистической партией. Будем крепки как гранит, усилим свою бдительность, чтобы немедленно разоблачать врага, как бы он не маскировался.

Коммунары требуют уничтожить этих подлых врагов народа“.⁴²⁶

25 августа эта газета сообщила о „двухтысячном митинге коммунаров, рабочих, инженерно-технических работников, служащих коммуны“. В том же номере печатного органа «Дзержинки» в заметке «Будем бдительны» разоблачаются не только технические работники заводов коммуны, но и обвиняются отдельные коммунары: „Бирюков, Бондарь – ведут контрреволюционные разговоры, и своевременного отпора от нас не получают. Более того, коммунар Яценко, зная о контрреволюционном нутре Бирюкова, скрывал это и даже дружил с ним.

Все ли враги разоблачены?

Каждый коммунар, каждый рабочий, каждый гражданин, имеющий счастье жить в нашем счастливом социалистическом отечестве, должен быть бдительным.

Будем бдительны“.⁴²⁷

5 сентября 1936 г. Макаренко, как уже упоминалось ранее, принимал участие в праздничном выпуске воспитанников коммуны им. Дзержинского. В соответствии с тем вариантом речи, который опубликован в 1952 году, он призвал своих бывших питомцев, вступающих в самостоятельную жизнь, оставаться „прежде всего большевиками (партийными и непартийными)“. Главный завет педагог-писатель сформулировал так: „[...] будьте в каждый момент вашей жизни верными сынами партии, прежде всего держите наше большевистское единство, держите крепко дисциплину, будьте энергичными последователями нашего гениального Сталина. Всегда помните, что железная дисциплина, полное единство нашей жизни, наших стремлений и усилий только и может привести к победе. И потом всегда увидите, что против политики нашей партии стояли всегда шкурничество, эгоизм, глупые мысли, невежественные «убеждения», неуважение интересов коллектива“.⁴²⁸ В связи с Московским показательным процессом эти слова следует рассматривать как предупреждение об опасности оппозиционных настроений.

Через два дня после выпускного вечера коммунаров выступление Макаренко было рассмотрено на очередном закрытом партийном собрании харьковской коммуны. В первоначальной повестке дня этого заседания, опубликованной в «Дзержинце» от 5 сентября, в связи с Московским процессом значилось: „Обсуждение передовых статей «Правды» от 7 и 9 августа «Уметь распознавать врага» и «Большевистская бдительность»“.⁴²⁹ Однако, учитывая новую ситуацию, партийное руководство акцентировало „большевистскую бдительность“ на примере выступления Макаренко. Этот номер газеты коммуны сообщал также о новом составе партийного комитета, в который на собрании от 31 августа были избраны 5 человек во главе с Н.А. Огием (член партии с 1919 г.) и В.С. Берманом (с 1927 г.).⁴³⁰ На основании решения парторганизации её секретарь Огий (Огий-Чернуха), который на этом посту в декабре 1935 г. сменил Броню Моисеевну Ювель,⁴³¹ 8 сентября под грифом «Совершенно секретно» направил секретарю парткома НКВД УССР Я.К. Крауклису письмо, в котором он его „ставит в известность о нижеследующем:

⁴²⁶ „Дзержинец“, 1936, № 29, 18.08., с.1.

⁴²⁷ Там же, № 30, 25.08., с.1.

⁴²⁸ Обращение к коммунарам-выпускникам. // Макаренко А.С. Сочинения, т.7. – М., 1952, с.454. В комментариях (с.515) этот текст ошибочно датирован 1935 г. – В ПС, т.8, с.179, включён „десталинизированная“ версия данной публикации.

⁴²⁹ См.: „Дзержинец“, 1936, № 32, с.2.

⁴³⁰ Там же.

⁴³¹ См.: ГАХО, П-99-1-12, лл.204, 209.

5/IX с.г. в трудовой коммуне был выпуск коммунаров, над которыми закончился воспитательный процесс, и выпуск был проведён нами в торжественной обстановке при украшенном клубе в присутствии 1000 человек рабочих и коммунаров, ИТР и админтехперсонала.

В намеченный президиум был введён прибывший на торжественное собрание зам. нач. ОТК НКВД УССР тов. Макаренко.

Первым слово получил начальник коммуны тов. Берман, а затем выступил т. Макаренко. В своей пространной речи, деловой и толковой, он говорил об анализе воспитательного процесса и о том, как должны себя вести коммунары после выхода из коммуны. Касаясь отношения коммунаров к оппозиции, он выразился буквально следующим образом:

«Все мы работаем под руководством партии и тов. Сталина, и если т. Сталин делает хоть тысячу ошибок, а один, имя которого не хочу называть, поведёт вас по правильной дороге, то всё же надо идти за тов. Сталиным». [Не подлежит сомнению, что под этим „одним“ имелся в виду Троцкий. Самым же страшным обвинением для Макаренко здесь является кощунственное по отношению к «гениальному кормчему» предположение, что он может сделать тысячу (!) ошибок – А.А./Г.Х.].

Президиум, заметив эту антисоветскую контрреволюционную мысль, сразу же поручил тов. Берману после того, как т. Макаренко окончит своё выступление, выступить и внести ясность и разоблачить это антисоветское выступление.

Тов. Берман сразу же выступил и проанализировал историю партии до Октября и работу т. Сталина по руководству партией и страной и указал, что результаты нашего социалистического строительства доказали, что дорога, по которой ведёт т. Сталин, вопреки контрреволюции и предателям Троцкого и Зиновьева, оказалась правильной и что коммунарам не придётся подсчитывать ошибки т. Сталина и отмечать верные пути какого бы то ни было другого.

Несмотря на то, что т. Макаренко, сидя в президиуме, слышал поправку, внесённую в его выступление, он, просидев до конца торжественного собрания, ушёл, не взяв слова для исправления допущенной им политической ошибки, и тотчас уехал.

Нами это истолковывается как выступление классового врага, и на фоне некоторых антипартийных моментов, имеющих место в воспитательном процессе, полагаю, что выступление т. Макаренко заставляет нас проанализировать его повседневную работу.

На письмо Огия, сохранившееся в личном деле Макаренко в архиве МВД Украины,⁴³² Крауклис 13 сентября 1936 г. наложил следующую резолюцию: „Т. Стрижевскому. Как только Кидыба сядет в ОТК, мы через некоторое время Макаренко удалим. Я не верю ему ни на копейку. Это враг“. Л.И. Стрижевский занимал тогда должность замначальника секретариата НКВД УССР и секретаря парткома Управления госбезопасности наркомата.

Николай Андреевич Огий-Чернуха (1894 г.р.), инструктор Дзержинского райкома партии г. Харькова, в 1938–1939 гг. был секретарём бюро парторганизации «Донбасстяжстроя»⁴³³ и после войны жил в Харькове. Здесь в 1978 году во время встречи с Н.Н. Оксой, спросившим его о „доносе“ на Макаренко⁴³⁴, Огий испугался, побледнел и утверждал, что их взаимоотношения всегда были хорошими.⁴³⁵ Что касается Яна Кришьяновича Крауклиса и Леонида Игнатьевича Стрижевского, то они были арестованы летом 1937 г.

⁴³² Архив МВД Украины, 40-1-16315, р. IV, л.7.

⁴³³ См.: ГАХО, П-99-1-27, л.230; 40, л.91.

⁴³⁴ Впервые с данным документом Н.Н. Окса познакомился в 1976 г. на квартире киевского макаренковедца Н.П. Нежинского, который преднамеренно показал машинописную копию письма Огия из архива МВД УССР, доверившего молодому учёному это секретное и «деликатное» дело. Но только лишь на 6-м Международном макаренковедческом симпозиуме в апреле–мае 1989 г. в Марбурге Окса предал гласности информацию о «доносе», а в сентябре того же года (в соавторстве с Ф.И. Науменко) опубликовал статью в „Учительской газете“. Несмотря на это, В.В. Кумарин в отчёте о симпозиуме под названием „Уроки Марбурга“ (тоже в „Учительской газете“) упрекал Оксу в легкомысленном подходе в использовании отечественных архивных документов за рубежом.

⁴³⁵ Беседа Г. Хиллига с Н.Н. Оксой (1999 г.).

Александр Степанович Кидыба „сел в ОТК“, но менее чем через два месяца – 1 августа того же года – был уволен „как непригодный для работы в органах НКВД“.⁴³⁶

Новый начальник Отдела Пинкус, обнаружив в бумагах Ахматова уже известный нам макаренковский рапорт, лежащий с 14 июля без движения (по понятным теперь причинам), направляет его 11 сентября в кадры, полковнику Р.А. Чирскому.⁴³⁷

Включённый в архив А.С. Макаренко текст харьковской речи политически однозначен и, в отличие от стенограмм его других выступлений, очень лаконичен, хотя в письме Огия эта речь характеризуется как „пространная“. Данное обстоятельство, а также то, что Макаренко обычно выступал свободно, лишь иногда используя конспекты, свидетельствует о том, что вышеназванный текст он напечатал уже после выступления, чтобы в случае необходимости иметь возможность защититься. И такая необходимость действительно была.

13 сентября на первой странице под заголовком «Бдительность всегда и везде» газета «Дзержинец» опубликовала клеветнический материал Огия против Макаренко, где, без общепринятого обращения „тов.“, говорилось: „Бдительность наша должна быть ещё более усилена. Каждое классово-враждебное выступление должно быть немедленно разоблачено. Выступление А.С. Макаренко на выпускном вечере коммунаров является по существу классово-враждебным, контрреволюционным.

Вполне правильно развивая свою мысль в приветственном выступлении на вечере выпускников, А.С. Макаренко позволил себе резкий враждебный выпад против партии и против вождя партии тов. Сталина. [...]

Контрреволюционное выступление А.С. Макаренко было тотчас же на собрании разоблачено. Но и этот факт говорит о необходимости ещё большей бдительности, что наш коллектив, стоящий на ответственном участке, как воспитание коммунаров, должен во много раз усилить свою бдительность“.⁴³⁸

Сразу же после выхода данной статьи, ещё во время пребывания в Харькове, Макаренко написал „заявление“, адресованное парткомитету коммуны, побудив тем самым партийную организацию ещё раз вернуться к вопросу о рассмотрении его политических взглядов. В результате этого 5 октября, уже после возвращения „помнача“ в Киев, опять на первой странице (без подписи), газета «Дзержинец» опубликовала пространный материал «Ошибка не случайного характера». По всей вероятности, эта статья также принадлежит Огию.

В ней говорилось: „Выступление же т. Макаренко 5 сентября на очередном выпуске на самостоятельную жизнь новой группы нашей молодёжи показало недопонимание исключительной роли партии, советской власти, комсомола, чекистского коллектива во главе с В.А. Балицким в деле воспитания детей нашей советской страны и в особенности социально-запущенных детей.

И в своём выступлении на вечере выпускников, и в заявлении, которое т. Макаренко подал в партийный комитет по поводу его классово-враждебного выступления на вечере выпускников, красной нитью проходит недооценка т. Макаренко роли партии, советской власти, комсомола в деле воспитания нашей молодёжи, всюду выпячивая своё собственное «я».

В своём заявлении т. Макаренко не даёт политической оценки своего антисоветского выступления, а механистически пытается оправдать себя, считая себя обиженным лишь в том, что «в коммунской печати» было написано об этом его антисоветском выступлении.

Если т. Макаренко своё выступление на вечере выпускников может оправдывать «случайностью», то его заявление подтверждает, что эта грубая политическая ошибка вытекает из его концепции взглядов, его антиленинского образа мышления.

В своём заявлении т. Макаренко пишет: «Я ведь говорил только о будущем, в том числе о далёком будущем, и хотел только одного, чтобы у моих воспитанников никакая вздорная мысль об ошибках партии не могла появиться». В то же время в своём выступлении на вечере выпускников он пропагандирует возможность ошибок ленинско-

⁴³⁶ Картотека архива МВД Украины.

⁴³⁷ Архив МВД Украины, 40-16315, р. Ш, л.18.

⁴³⁸ „Дзержинец“, 1936, № 33, 13.09, с.1.

сталинской партии, правда, «в далёком будущем». И дальше, продолжая антисоветскую линию, развивает мысль о возможности безошибочности троцкистско-зиновьевской банды, которая является головным отрядом капиталистической реставрации, не видит классовой борьбы, отрицает лозунг партии о проявлении большевистской бдительности на всех участках нашей работы и мышления. Он выдвигает тезис, что «разные вздорные представления о политике партии происходят всегда от глупых мыслей, от случайных невежественных „убеждений“» и т.д.

Выходит из концепции мышления т. Макаренко, что троцкистско-зиновьевская банда – это не продукт классовой борьбы, что они не являются головным отрядом капиталистической реставрации, а классовая борьба, враги партии и советской власти – это продукт «глупых мыслей и невежественных убеждений».

И партийная организация коммуны, рассматривая факт антисоветского выступления т. Макаренко на вечере выпускников 5 сентября и анализируя его заявление, поданное в партийный комитет 14 сентября 1936 г., подтверждает правильность статьи в № 33 «Дзержинца» «Бдительность всегда и везде» и констатирует, что выступление Макаренко является не случайным, а вытекает из его идеологического мышления⁴³⁹.

Само собой разумеется, что после своего неудачного выступления в коммуне им. Дзержинского Макаренко стремился воспользоваться каждым удобным случаем, чтобы доказать свою лояльность и политическую благонадёжность по отношению к власти. Под этим углом зрения следует рассматривать и его статью «Справа партії» (Дело партии), опубликованную в газете «Юний піонер» 12 сентября 1936 г.

К предстоящему 59-летию со дня рождения Дзержинского под заголовком «Чудовий пам'ятник славному чекістові» данный орган Харьковского облкомитета ЛКСМУ поместил две страницы с материалами дзержинцев о коммуне, и среди них статью Макаренко, где говорилось следующее: „Больше чем другие детские учреждения Союза, коммуна им. Дзержинского отражает в своей истории и в своём стиле великую эпоху Сталина. Трудно найти в организации «Дзержинки» такую область работы, где бы строительство, которое проводит большевистская партия, не звучало бы во всю мощь, не призывало к новой борьбе и новым завоеваниям. И это потому, что коммуну им. Дзержинского строили лучшие большевики – чекисты.

Пройдите по коммуне, и вы на каждом шагу встретите ответ коммунаров на тот или другой исторический лозунг нашей партии.

В производственных цехах вы увидите бесконечные шеренги лучших станков. Тут техника, достойная социалистических требований. Сама продукция производства – «ФЭД» и электросверла – это прежде всего борьба за экономическую независимость нашей страны. В последний год дзержинцы так же горячо ответили на призыв товарища Сталина и широко развернули у себя стахановское движение.

Развивая производство, выполняя из года в год миллионные промфинпланы, непрерывно повышая качество продукции, – дзержинцы не отстали и в выполнении тех требований, которые партия предъявила школе.

Уже на протяжении шести лет у коммунаров есть полная средняя школа, они ежегодно выпускают из неё десятки образованных людей, потому что они понимают великое значение указания товарища Сталина – «Кадры решают всё».

5 сентября этого года коммуна торжественно выпустила в жизнь 70 человек. Все они, бывшие беспризорные и правонарушители, вышли из коммуны образованными и квалифицированными людьми, все 70 вышли комсомольцами. Наши большевистские заботы о людях праздновали в этом случае великую победу. В коммуне забота о людях – главное содержание работы. Ведь только за последний год коммуна приняла в свои стены свыше 400 новичков, выполняя директиву коммунистической партии о ликвидации беспризорности.

И именно потому, что коммуна так чутко, так энергично и так искренне откликается на каждое указание партии, на каждое слово, сказанное товарищем Сталиным, – именно поэтому на каждом шагу звучит –

«Жить стало лучше, жить стало веселее».

Коммуна живёт действительно прекрасно, радостно, разумно.

⁴³⁹ Там же, № 37, 05.10., с.1.

Трудно себе представить более бодрый и жизнерадостный коллектив. У дзержинцев – интересная и новая жизнь, полная света, комфорта, чистоты, полная музыки, танцев, физкультуры, – подлинно социалистическая жизнь.

Пожелаем же коммуне им. Дзержинского, – коммунарам и руководителям её, – с таким же энергичным и прекрасным успехом и дальше идти великим и счастливым путём, которым ведёт нас коммунистическая партия и наш чудесный рулевой – гениальный Сталин!⁴⁴⁰

Бросается в глаза то, что в данной статье Макаренко неоднократно ссылается на постановления партии и „призывы тов. Сталина“. Это объясняется, как уже упоминалось выше, сложным и опасным положением автора в то время. Кстати, (пост)советскому макаренковедению данная статья известна лишь в „десталинизированной“ версии.⁴⁴¹

26. СЫН

Льва Михайловича Салько (г.р. 1914), ребёнка Галины Стахивны от первого брака, Макаренко считал также и своим сыном. Так, после доклада о трудовом воспитании в детских колониях в Москве (25 октября 1936 г.) на вопрос о семейном положении он ответил: „Никакого особенного положения нет, есть жена и вот мой сын. Хотя я не отец его, он мой сын и считает меня своим отцом“.⁴⁴²

Сохранилась большая часть переписки не только Г.С. Салько-Макаренко, но и самого Макаренко с Лёвой. Особенно важными для исследователей являются письма киевского периода, т.к. свою переписку с мужем за эти годы Галина Стахивна практически целиком уничтожила.⁴⁴³ Читатели книги, наверняка, заметили, что о многих событиях данных лет жизни и деятельности педагога-писателя мы узнали только благодаря переписке родителей с сыном.

Кроме уже освещавшихся, наиболее значительными являются ещё два обстоятельства.

Первое из них касается намерения изменить фамилию и отчество Л.М. Салько и, тем самым, укрепить свои отношения с пасынком. Речь об этом идёт в нескольких письмах обоих родителей к Лёве за сентябрь 1936 г.

Так, 6 сентября Г.С. Макаренко пишет: „Очень ты меня тронул и обрадовал своим желанием переменить фамилию, у меня маленький насморк и я решила до полной его ликвидации не выходить, пойду в юридическую консультацию и выясню всё, что надо сделать для этого. Придёт отец, и я поговорю с ним, он будет очень рад, он давно говорил о том, что хочет усыновить тебя. Я думаю, что это легче сделать здесь в Киеве, пока отец работает в НКВД, а загс находится в органах НКВД сейчас“.⁴⁴⁴ И уже через три дня она пишет: „Хочу поскорее выяснить вопрос с переменной фамилии. Лишенька [Олимпиада Витальевна – А.А./Г.Х.] просит тебя поцеловать и говорит, что она счастлива, что ты будешь Макаренко“.⁴⁴⁵

„Глава семьи“ и сам принимает участие в обсуждении этого вопроса в письме от 22 сентября: „Галя говорила о твоём намерении переменить фамилию, спрашивала меня, как я к этому отнесусь. Вопрос, разумеется, не требующий выяснения. Я не только буду страшно рад, но и страшно благодарен тебе за это. Я к тебе всегда относился и отношусь, как к моему сыну, какие могут быть здесь вопросы, а лучшего сына я и не хотел бы иметь. Правда, ты пишешь «сделать», «незнаю», «нехотят», а надо писать сделать, не знаю, не хотят. Но это не такой большой недостаток, правда. Оформить всю

⁴⁴⁰ Факсим.: СС, т.7; с.58–59.

⁴⁴¹ См.: С, т.7, с.392–393; ПС, т.4. с.27.

⁴⁴² РГАЛИ, 613-1-871, л.30.

⁴⁴³ См.: Неизданные письма. Ч.1, с.47.

⁴⁴⁴ РГАЛИ, 332-5-107, лл.41–41 об.

⁴⁴⁵ Там же, л.47.

эту историю, оказывается, очень нетрудно. На днях я побываю в нашем загсе и узнаю все подробности по этому вопросу и тебе напишу⁴⁴⁶.

И в письме Макаренко от 27 сентября читаем: „Узнавал я здесь в Загсе насчёт перемены фамилии. Фамилию переменить очень легко. Нужно тебе просто заявить об этом в Московском Загсе, ничьих согласий и никаких формальностей не требуется. Также легко переменить и имя. Но отчество менять нельзя. Так по крайней мере говорят здесь. М[ожет] б[ыть] в Москве в главном Загсе иначе? Отчество тебе можно было бы переменить только в случае, если бы я тебя усыновил. Но усыновление возможно только до совершеннолетия.

Я тебе советую зайти в Московский Загс и там всё проделать основательно. М.б. там и насчёт отчества можно.

Имеет ли для тебя смысл менять только фамилию? Об этом ты решаешь сам, как тебе хочется. Напиши, что там ты узнаешь. Для меня, конечно, приятно будет всё во всех случаях⁴⁴⁷.

Здесь, явно, возникает вопрос, кому принадлежала инициатива изменения Левиной фамилии (и даже отчества) – ему самому или его матери? Бросается в глаза, что не только переписка супругов, но и письма сына к родителям за данный период не сохранились. В свете вышеупомянутого, имея в виду и факт запоздалой женитьбы на Галине Стахивне, можно с наибольшей вероятностью предположить, что подвигнуть сына на этот шаг (в ожидании будущего наследства педагога-писателя) могла мать, хотя сам Макаренко, как это следует из его дарственной надписи на экземпляре альманаха с первой частью «Педагогической поэмы», естественной наследницей считал свою племянницу – Олимпиаду Витальевну (1934 г.).⁴⁴⁸

Не следует забывать, что нам до сих пор неизвестно отношение к усыновлению самого пасынка, который продолжал поддерживать связь с родным отцом – М.В. Салько, зав. Черниговским окрнаробразом и с апреля 1936 г. членом Совета при наркомпросе УССР.⁴⁴⁹ Намерение изменить фамилию Лёва, в конце концов, не осуществил.

Второй важный аспект отношений отца и сына касается деятельности Левы-москвича как представителя семьи Макаренко в столице. Сюда входило не только обеспечение связи с редакциями журналов и издательств (получения от них авансов и гонораров), но, в первую очередь, и с хозяевами строительства и заселения дома писателей в Лаврушинском переулке, где одна из будущих квартир выделялась для семьи Макаренко. Кроме П.П. Крюкова и А.С. Щербакова здесь был задействован также „главный ответственный“ по жилищным вопросам писатель-лётчик А.А. Бобунов, который позже дал педагогу-писателю рекомендацию в партию. Новая квартира открывала и для Левы „радужные“ перспективы покинуть общежитие и обрести свой угол.

После того, как Макаренко не удалось купить столичную квартиру, он был очень скептически настроен в отношении возможности „бросить Украину“; неудачи на этом поприще не внушали ему оптимизма. 20 февраля 1936 г. он писал Лёве: „Галя продолжает мечтать о Москве и о нашей общей жизни, я же человек трезвый и пока что мечтать не хочу, мечты уже меня не удовлетворяют“.⁴⁵⁰ Однако весной появилась надежда, дающая шанс на въезд в кооперативный дом писателей, строившийся рядом с Третьяковской галереей в самом центре города. Недоверие чувствуется и в письме от 22 апреля, где Макаренко сообщает: „Щербакову, Крюкову, Бобунову дал телеграммы, но по запаху чувствую, что ничего из этого дела не выйдет, слишком много там аппетитов замешано, и все эти аппетиты только и делают, что обивают пороги. Написал письмо Крюкову и Щербакову. Если эти письма не подействуют, то и ничего не подействует. Ты к Щербакову больше не ходи, горе с ними. Как-нибудь обойдёмся“.⁴⁵¹

⁴⁴⁶ РГАЛИ, 332-5-53, л.5.

⁴⁴⁷ Там же, лл.7 об. – 8.

⁴⁴⁸ См.: фотокопию титульного листа „Поэмы“ (альманах „Год XVII“): „Лиле – замечательно хорошей и милой моей наследнице. А. Макаренко. 22/3 34“; архив лаборатории „Макаренко-реферат“.

⁴⁴⁹ См.: Збірник законів та розпоряджень Робітниче-селянського уряду УРСР. Відділ перший, 1936, № 27, с.3–6.

⁴⁵⁰ РГАЛИ, 332-5-52, л.27.

⁴⁵¹ Там же, л.32.

То, что речь здесь действительно шла о хлопотах по поводу квартиры, ясно видно из телеграммы Крючкову (прибл. март–апрель 1936 г.): „Не могу вырваться Москву очень прошу вас поддержать мою кандидатуру квартира Лаврушинском Щербакову телеграфическую обращаюсь к вам пользуюсь вашим разрешением очень вопрос для меня чрезвычайной важности привет – Макаренко“.⁴⁵²

Сложные перипетии увенчались, наконец, неожиданным успехом, о чём свидетельствует письмо к сыну от 18 мая: „Недавно получил я телеграмму от Щербакова такого содержания: квартира Лаврушинском будет предоставлена августе. Я думаю, что это серьёзное деловое обязательство. Очень благодарен тебе, что ты вовремя поднял тревогу. Во всяком случае мы опять приблизились к Москве. Ты имеешь возможность с течением времени зайти к Бобунову и рассказать ему о телеграмме, чтобы он не задавался.

У нас такие планы: Галя с Лилей переедут в Москву в августе или сентябре (а может и в октябре), а я несколько позже. Надеюсь, что осенью меня со службы отпустят, кое-какие меры я в этом направлении принял“.⁴⁵³

Уточнения в решении квартирного вопроса есть в письме от 16 июня: „Вчера я получил от Бобунова официальное письмо, в котором сообщается, что нам предоставляется квартира из 3-х комнат № 13 площадью 63,53 кв. метров на 8 этаже. Требуют от меня немедленного взноса 7000 рублей пай и 2100 рублей за разные дополнительные работы – газовая кухня, телефон, шкафы, карнизы и прочее.

К счастью такие деньги у меня есть в Держлитвыдаве [Гослитиздат Украины – А.А./Г.Х.], но Бобунов не написал, куда их нужно переводить. Письмо написано им 21 мая, отправлено было на адрес коммуны имени Дзержинского и получено лишь только 15 июня. Срок же поставлен трёхдневный.

Я боюсь, что Бобунов воспользуется таким опозданием и попробует как-нибудь нагадить. Я послал бы ему заявление о разных квартирных переделках и просьбу сообщить № текущего счёта и банк, куда перевести деньги, но боюсь, что он это дело ещё затянет, может быть даже нарочно.

Если у тебя найдётся время, постарайся возможно скорее побывать у Бобунова и всё это дело наладить и выслать мне название банка и счёта. Кстати, одним глазком глянь, что это за квартира № 13 и когда она будет готова“.⁴⁵⁴

В тот же день Галина Стахиевна пишет сыну: „[...] получили вчера официальное утверждение, что на Лаврушинском переулке нам предоставляется квартира № 13, правда, на восьмом этаже, но там будут лифты и это не имеет значения. Квартира состоит из трёх комнат с комнатой для работницы, т.е. [собственно] из четырёх, так как мы уже решили, что в этой комнате жить будет Лишка [так Г.С. Макаренко называла Олимпиаду Витальевну – А.А./Г.Х.], дверь из этой комнаты будет в прихожую“.⁴⁵⁵

Распределение квартир в новом доме было утверждено на заседании секретариата ССП СССР 4 августа 1936 г.⁴⁵⁶

В письме от 22 сентября 1936 г. Макаренко пишет Лёве, чётко и детально, что всегда было характерно для него, определяя точное месторасположение каждого в квартире:

„Для Лили большой комнаты не нужно по многим причинам. Между прочим не нужно и потому, что нельзя её раньше времени баловать и не нужно создавать для неё чересчур подчеркнутое уединение. Она и так диковата, пусть будет больше в обществе.

Наконец, в нашей семье никто не будет иметь в своём распоряжении совершенно отдельной комнаты. Я буду с Галей, ты будешь в кабинете, следовательно в любой момент твоя комната может быть мобилизована для общего пользования. Общий коридор с балконом желателен именно для всех“.⁴⁵⁷ О размещении домработницы в письме ничего не говорилось.

29 сентября Г.С. Макаренко опять обращается к сыну: „Мы получили, как ты уже знаешь, извещение из РЖСТК [Районного жилищно-строительного товарищества кооперативов – А.А./Г.Х.]. Самое приятное в этих извещениях это то, что там приблизительно

⁴⁵² Архив А.М. Горького, КК-рл-10-2-3.

⁴⁵³ РГАЛИ, 332-5-52, л.36.

⁴⁵⁴ РГАЛИ, 332-5-53, л.3.

⁴⁵⁵ РГАЛИ, 332-5-107, л.25.

⁴⁵⁶ См.: РГАЛИ, 631-15-65, л.1.

⁴⁵⁷ РГАЛИ, 332-5-53, л.4.

назначен срок переезда, мы так понимаем, число 25 октября, к которому надо выплатить довъездовский пай. Остался один месяц, а сейчас уже без четырёх дней! Ура!! У нас самое ликвидаторское настроение и состояние. Смущает несколько то, что отцу надо будет иметь квартиру в Киеве и жить здесь. Он уверяет, правда, что это не надолго, но кто его знает, правда же. Надо, конечно, надеяться на лучшее, а если нет, то трудно будет отцу и нам. Отец уверен, что всё образуется”.⁴⁵⁸ В фототелеграмме (советский предшественник факса) от 28 октября 1936 г. из Москвы он пишет жене: „На Лаврушинском плоховато: будет готово к 15 декабря, утверждают, что это наверное, надеются же на конец ноября, задержка за электричеством“.⁴⁵⁹

Дело с переездом в столицу всё время затягивается, а 18 января 1937 г. уже сам Макаренко объясняет сыну: „Галя, Лиля и Марфуша только и знают, что толкуют о Москве, а я говорю так: поверю в Москву тогда, когда наши паспорта будут прописаны в Московской милиции“.

Гадаем так, что сообщение о вселении получим приблизительно 24–25 числа. В таком случае будем в Москве к 1 февраля. Но это только гадаем, а как что будет – знаешь только ты да Бобунов.

А на самом деле не исключена возможность, что вселение будет в мае–июне, а может и того позже”.⁴⁶⁰

Сюда же относились и важные вопросы укрепления отношений со значимыми для Макаренко-писателя лицами. Так, 2 июня 1936 г. он информирует пасынка о том, что Р.А. Ковнатор „привезёт свою дочку Зою, ученицу 8 класса, которая будет жить у нас всё лето“,⁴⁶¹ и просит о внимании, заботе к ней. Отпуск семья проводила на даче в Ирпене под Киевом, которую Макаренко снимал на сезон, хотя он сам из-за загруженности мог бывать там лишь изредка.

Выполнение таких деликатных „дипломатических“ задач отнимало у Левы массу времени, сил и, как видно из письма отчима от 22 сентября 1936 г., всех скромных студенческих средств: „Как у тебя с деньгами? После подарка Зое у тебя, вероятно, не осталось ни копейки, правда?“⁴⁶² Поддерживая сына в его ухаживаниях за дочерью Ковнатор материально, Макаренко тем не менее по-отечески предостерегает его от чрезмерных увлечений „прогулками“: „Очень приятно было прочитать о твоих похождениях в зоологическом саду, о кормлении слонов и прочее, но, дорогой мой, не слишком ли большая порция зоологических увлечений? Ты не забыл, что ты должен окончить институт по первой категории? Не забыл? Я не забыл!“ (22 сентября 1936 г.).⁴⁶³

Он и позже (18 января 1937 г.) проявляет внимание к ухаживаниям Левы за дочерью Ковнатор и высказывает озабоченность и недовольство поведением сына, который, видимо, проводит время с другими девушками и манкирует своими „прямыми“ обязанностями, забывая навещать дочь московского редактора: „Рахиль Ароновна пишет, что ты к ним не заходил. Ты же мне обещал, как прикажешь относиться к твоему обещанию? Что это, звук пустой? Зайди немедленно!“⁴⁶⁴

27. МОСКВА-4

По возвращении из Харькова в Киев „коммунское дело“, к счастью для Макаренко, разъяснилось. Тогда же, вероятно, и состоялась та встреча с Балицким, о которой упоминалось в письме Г.С. Макаренко к сыну от 6 сентября 1936 г. Во всяком случае, 17 сентября рапорт Макаренко Ахматову (от 14 июля) был удовлетворён, и педагог-писатель получил должность старшего инспектора-консультанта учебно-воспитательной работы ОТК.⁴⁶⁵ О непринуждённой атмосфере этих дней свидетельствуют его цитированные ранее письма к Лёве от 22 и 27 сентября, в которых он с большим интересом следит за

⁴⁵⁸ РГАЛИ, 332-5-107, лл.55 об. – 56.

⁴⁵⁹ „Ты научила меня плакать...“, т.2, с.225.

⁴⁶⁰ РГАЛИ, 332-5-53, л.24.

⁴⁶¹ Там же, лл.1–2.

⁴⁶² Там же, л.5 об.

⁴⁶³ Там же, л.5.

⁴⁶⁴ Там же, л.24.

⁴⁶⁵ Архив МВД Украины, картотека личных дел, № 10414: Макаренко Антон Семёнович.

строительством здания в Лаврушинском переулке, мысленно представляя себе устройство своей семьи в новой квартире. В эти дни он живёт только Москвой.

В конце октября, по приглашению двух организаций столицы – Областного педагогического института и Первого подшипникового завода им. Кагановича «Шарикоподшипник» (5 тыс. рабочих и служащих этого крупного предприятия читали «Педагогическую поэму»), он выбирается на несколько дней в столицу для встреч с читателями. Это была его последняя поездка с лекциями в Москву незадолго до окончательного переезда туда в феврале 1937 г. С особым интересом Макаренко ждал диспута с педагогами-теоретиками. „Для меня очень любопытно, как будут меня ругать педагоги формации 1936 г.“, – сообщается в одном из его писем (7 октября 1936 г.).⁴⁶⁶

Макаренко, как свидетельствует фотография в заводской многотиражке «За советский подшипник»⁴⁶⁷, приехал в форме помначотдела НКВД, которую для „операдминсостава“ ГУЛАГа и ОТК повсеместно ввели приказом Ягоды лишь 25 июня 1936 г. Он был одет в синюю гимнастёрку с бриджами, заправленными в кожаные сапоги, длинную шинель без ремня, на голове – чёрная фуражка с тёмно-синим околышем и металлической кокардой из белой эмали с серпом и молотом. На лацканах воротника гимнастёрки красовались петлицы сукна так называемого василькового цвета с продольной серебристой полосой и двумя серебряными звёздочками.⁴⁶⁸ Однако в приказе НКВД не упоминается о форме одежды для новой должности Макаренко – консультанта ОТК. То, что он сфотографирован в чекистской форме с молодыми библиотекарями «Шарикоподшипника» (часть снимка – без женского окружения – хранится в РГАЛИ⁴⁶⁹ и публикуется в начале книги), говорит либо о его глубоком вхождении в образ чекиста, либо о попытке самозащиты после снятия Ягоды с должности наркома внутренних дел СССР или, что более банально, о неимении добротной одежды, из-за отсутствия которой Макаренко, как известно, страдал до конца своих дней. В подтверждение последнего служит фотография Макаренко-орденоносца на балконе своей московской квартиры (февраль 1939 г.) в этой же форме без петлиц. Примечательно, что составители восьмитомника „Педагогических сочинений“ педагога-писателя датируют этот снимок „серединой 30-х гг.“⁴⁷⁰

На «Шарикоподшипнике» он выступал с сообщением о трудовом воспитании в детских колониях (24, 25/X) и воспитании детей в семье (28/X). Сохранился стенографический отчёт второго доклада. На вопрос о своих „связях с педагогическим миром“ Макаренко, среди прочего, сказал следующее: „В настоящее время в НКВД я как-то совсем отошёл от педагогического мира просто потому, что у нас свой педагогический мир. Чекисты не кончают педтехникумов и вузов, а делают большое воспитательное дело. Это вы можете видеть на каждом шагу. Воспитывают они не только детей, но и взрослых. Я пока этим педагогическим миром вполне удовлетворён.

Конечно, приходится мне встречаться с педагогами-специалистами. Должен признаться, что, как я ни хочу подойти к ним ласково и с открытой душой, всё-таки у них и до сих пор есть против меня какое-то предубеждение. Настоящего мира между нами нет“.⁴⁷¹

О своём отношении к теории и истории педагогики Макаренко на этой же встрече сказал: „Я сторонник педагогической науки, но только новой науки. Как меня ни обливают холодной и горячей водой, не могу я понять, что я могу взять у Руссо. Я его читаю миллион раз, и всё-таки нет, отвращение у меня к Руссо. Ну, хорошо, Песталоцци был хорошим человеком. Он был добрым, любил детей – это мы у него давно взяли. Что же касается метода, то у него тоже ничего нельзя взять.

Когда мне говорят – а Маркса читали, Ленина читали? Я отвечаю: извините, пожалуйста, Маркс и Ленин не педагоги, это больше чем педагоги. Если я беру что-то у Маркса, Ленина и Сталина, то это не значит, что я должен благодарить педагогов“.⁴⁷²

В библиотеке Областного пединститута, где собралось около 900 человек, Макаренко принял участие в дискуссии по «Поэме» (27/X). Там присутствовали также Лёва

⁴⁶⁶ См.: Москва, октябрь 1936 г., с. IX.

⁴⁶⁷ „За советский подшипник“, 1936, № 199, 03.11., с. 4.

⁴⁶⁸ См.: Архив МВД Украины, 45-1-6, лл. 102–119.

⁴⁶⁹ РГАЛИ, 322-4-599, л. 1.

⁴⁷⁰ См.: ПС, т. 7, между с. 192 и с. 193.

⁴⁷¹ РГАЛИ, 163-1-871, л. 44.

⁴⁷² Там же, лл. 45–46.

Салько и другие студенты московских вузов – бывшие коммунары. Стенограмма её не сохранилась, есть лишь обобщающий отчёт с отдельными цитатами. В этот протокол оратор внёс поправки и поставил под ним свою подпись. Об опыте работы в учреждениях ГПУ/НКВД он выразился следующим образом: „Мне пришлось быть руководителем в пяти [!?] колониях НКВД“. „Многому в воспитательской работе учился у чекистов, имеющих доброе сердце и сильно любящих детей. Ежеминутно чувствуют ответственность за свою работу. Они не проявляют ни лени, ни самоанализа и ни интеллигентщины в подходе к детям, они работают уверенно, хорошо, эффективно. Я учусь у них“.⁴⁷³

Спустя полгода – после переезда в Москву – в связи с работой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского Макаренко подчёркивает, что на основании этого опыта „уже можно формулировать и аксиомы, и теоремы советского воспитания, формулировать точно и открыто, и доказывать. Надеюсь, что со временем это удастся сделать, тем более теперь, потому что это не только моя работа, а работа многих людей и в особенности чекистов Украины“.⁴⁷⁴

Характерно, однако, что, переехав в столицу, Макаренко никогда не говорил публично о своей работе в ОТК НКВД УССР, как позже об этом молчали Галина Стахивна в ранних её публикациях и первый биограф педагога-писателя Е.Н. Медынский, книги которого появились в 40-х годах. В московских докладах и выступлениях о коммуне им. Ф.Э. Дзержинского Макаренко, как правило, не упоминал, что она является учреждением системы ГПУ/НКВД. Примечательно, что его деятельность в „органах“ ни словом не упоминается в статье о педагоге-писателе в 27-ом томе БСЭ, вышедшем весной 1938 г. В основе этого текста лежат данные, отобранные, без всякого сомнения, лично Макаренко. О его работе в годы Советской власти здесь сказано следующее: „В 1920 организовал под Полтавой трудовую колонию им. М. Горького, которой руководил 8 лет. Затем вёл руководящую работу по организации других детских трудовых коммун и колоний на Украине“.⁴⁷⁵

28. БРОВАРЫ

В протоколе мероприятия в Московском областном пединституте (27 октября 1936 г.) можно прочесть, что Макаренко „послезавтра [...] едет в Киев и будет руководить новой колонией НКВД, где придётся столкнуться со множеством практических вопросов“.⁴⁷⁶ Речь идёт о трудколонию № 5 в Броварах под Киевом, где, как свидетельствует Галина Стахивна в письме к сыну от 15 ноября,⁴⁷⁷ он временно исполнял обязанности начальника („врядна“).

Эта колония была создана ещё в ноябре 1935 г., когда президиум Киевского горсовета принял решение о выделении земли (109 га) для организации в с. Бровары детской трудовой колонии НКВД, рассчитанной на 400 человек⁴⁷⁸. Земля принадлежала местному колхозу им. Ильича, но для увеличения хозяйства колонии решили дополнительно выделить ей ещё 180 га из состава земель частных огородов сёл Бровары и Княжичи, которые использовались нерационально.⁴⁷⁹

Как пишут макаренковеды Н.А. Морозова и Н.П. Нежинский, заведование этим учреждением педагог-писатель взял на себя ещё до поездки в столицу, а именно 10 октября – по совместительству с работой в ОТК.⁴⁸⁰ О первых днях своей деятельности в Броварах Макаренко образно рассказывал во втором выступлении на «Шарикоподшипнике» (25 октября): „И вот я принял эту колонию под Киевом у целой кучи педологов в таком виде: колония имела 300 мальчиков и делилась она на 3 коллектива. Один коллектив сидел буквально за решёткой и не имел права даже и носа показывать из-за решётки. Это были наиболее трудные дети – так называемые дезорганизаторы. Второй коллектив сидел то-

⁴⁷³ ИМЛИ РАН. Рукописный отдел, 144-1-6; см.: Москва, октябрь 1936 г., с.59, 68.

⁴⁷⁴ Там же, д.1, л.19; см. также: ПС, т.7, с.42.

⁴⁷⁵ Макаренко Антон Семёнович. // БСЭ, т.27, М., 1938, с.729.

⁴⁷⁶ Москва, октябрь 1936 г., с.67.

⁴⁷⁷ РГАЛИ, 332-5-107, л.65.

⁴⁷⁸ См.: Гос. архив Киевской области, 46-1-1а, л.206.

⁴⁷⁹ См.: Гос. архив города Киева, Р-1-1-7664, л.1.

⁴⁸⁰ Морозова, с.115; Ніжинський, с.187.

же взаперти, но решёток на окнах не было, а третий коллектив бродил вокруг этих двух коллективов по двору. (Смех).

К такой системе пришли на базе отрицания наказания.

Меня уверяли, что посадить таких мальчишек двенадцати–тринадцати лет за решётку – это не наказание, а это только изолирование более трудных – дезорганизаторов – от менее трудных. Я им только сказал:

– Если бы вас посадить за решётку, как бы вы это испытывали – как изолирование или как наказание? (Смех).

Мне на это не ответили и с презрением на меня посмотрели.

Что мы сделали из этой колонии? Мы в течение одного дня разрушили все три коллектива, всех смешали вместе, уничтожили решётки, и мальчики и сейчас живут в этой колонии. Прекрасные дети, приветливые, ласковые, трудолюбивые, дисциплинированные и красивые. И вот они живут и живут, потому что мы их не изолируем, а наказываем так, как это рекомендовано постановлением ЦК партии⁴⁸¹.

То, что Макаренко сразу же по возвращении из Москвы, которое в конце концов состоялось 31 октября,⁴⁸³ вновь работал в Броварах, следует из упомянутого выше письма жены от 15 ноября, где говорится: „Антон [...] все праздники провёл там, а мы были одни. Отец уверяет, что это назначение облегчит ему уход из Киева, что он побудет в колонии до назначения нового начальника и тогда совершенно категорически поставит вопрос об уходе. Хоть бы это было так! [...] Я решила ликвидировать нашу киевскую квартиру и переехать в Бровары, там есть две комнатки. Лишью я устрою у Захаржевских, чтобы она не пропускала школы“.⁴⁸⁴ На основании этого письма можно сделать вывод о том, что широко распространённое в макаренковедении утверждение Нежинского (без ссылки на источники): „Уже 7 ноября 1936 года Антон Семёнович вывел на демонстрацию чёткий строй колонистов. Это был убедительный результат его работы в Броварах“⁴⁸⁵ – является неверным.

История трудколони № 5 ОТК НКВД УССР в макаренковедении связана с именем её тогдашнего заведующего И. Бабича, воспоминания которого появились в 1964 году.⁴⁸⁶ Здесь можно найти следующее утверждение: „Поскольку Броварская колония только ещё начинала свою жизнь, Антон Семёнович был прикреплен на длительное время и с апреля 1935 [!?] по февраль 1937 года находился почти безвыездно у нас, выполняя фактически обязанности заведующего“.⁴⁸⁷ Бабич действительно работал управляющим Броварской колонии и на этом посту, согласно приказу № 8 НКВД УССР от 7 января 1937 г., был назван ответственным за „нарушения финансово-сметной дисциплины“, которые вскрылись в результате ревизии и обследования воспитательной работы данного учреждения. Этим же приказом ему объявлялся выговор, и его уволили с занимаемой должности.⁴⁸⁸ 26 февраля 1937 г. назначили очередного управляющего Киевской трудколонией № 5 – А.И. Сероштана.⁴⁸⁹

Ещё во время деятельности Бабича в Броварах Макаренко рисует такой портрет: „Бабич. Он толстый и нескладный. «Опецькуватый» [укр.; пузатый, толстопузый, приземистый – А.А./Г.Х.]. Сидит у себя в кресле и всё пытается рассказывать анекдоты, но ему не дают разные дела. А под его рукой всякие ничтожества поразбирали для себя отдельные

⁴⁸¹ См. постановление СНК и ЦК ВКП(б) „О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности“, где сказано: „Обязать наркомпросы союзных республик разработать правила внутреннего распорядка в детских домах, определив в них как меры поощрения за хорошее поведение воспитанников, так и меры наказания за совершённые проступки“.

⁴⁸² Москва, октябрь 1936 г., с.9–10; также в: ПС, т.4, с.29–30. Здесь это выступление Макаренко ошибочно датировано 24 октября 1936 г. (см. стенограмму данного мероприятия: РГАЛИ, 613-1-871).

⁴⁸³ См. фототелеграмму А.С. Макаренко к Г.С. Макаренко от 28.10.1936 г. // „Ты научила меня плакать...“, т.2, с.225.

⁴⁸⁴ РГАЛИ, 332-5-107, п.65.

⁴⁸⁵ Нежинський, с.187; Нежинский Н.П. А.С. Макаренко и педагогика школы. – Киев, 1976, с.95.

⁴⁸⁶ Бабич И. А.С. Макаренко в Броварах. // „Народное образование“, 1964, № 3, с.94–95.

⁴⁸⁷ Там же, с.95.

⁴⁸⁸ См.: Архив МВД Украины, 46-1-1ж, л.154.

⁴⁸⁹ См.: картотека архива МВД Украины.

большие комнаты для кабинетов, поставили столы, провели дорожки, сидят, зевают, скукают и ждут пока столовая освободится от масс, чтобы отправиться потреблять специально для них приготовленную пищу, при этом бесплатную⁴⁹⁰. Об управляющем можно найти и такую запись: „Кто-то сказал Данцкеру, что молоко возили Бабичу на квартиру ежедневно. Данцкер ничего лучшего не придумал, как с пристрастием, то есть с матом допрашивать шофёров, возили или не возили. Бабиш об этом узнал. Получился настоящий карамболь. [...]“

Плановый отдел Бабиш разогнал, потому что начальник планового отдела Цехановский отказался утром 31-го [октября] дать сводку о выполнении месячного плана⁴⁹¹. А от первой встречи (в мае 1936 г.) осталась такая запись: „Бабиш. Ой! Он сам аттестовал учителей. Но ревнивец“⁴⁹².

О сомнениях по поводу своих обязанностей жены и матери Г.С. Макаренко в цитированном выше письме к сыну от 31 октября 1936 г. сообщает следующее: „Я сейчас в совершенно не свойственном мне состоянии раздвоенности – побыть с тобой, подумать о тебе, посмотреть, что тебе нужно и обеспечить тебя всем нужным, с другой стороны – забота об отце, страх оставить его одного в этих самых Броварах и уверенность, что он один будет жить очень плохо. Как совместить эти два моих долга? Я думаю так сделать: приеду в Москву, привезу с собой Марфушу, сделаю вам всё необходимое, устрою всё, а сама поеду к отцу“⁴⁹³.

О самочувствии Макаренко, возвратившегося на „воспитательный фронт“, пишет в своих воспоминаниях Кононенко: „Уже за несколько месяцев до переезда в Москву, когда переезд был уже решён окончательно и ждали только отделки квартиры, Антону Семёновичу пришлось случайно и временно взять на себя управление коммуной в Броварах под Киевом. Ежедневные 25-километровые поездки, громадная работа, запущенность дел в коммуне, всё это очень его утомляло, но как живо горели его глаза, когда он возвращался оттуда, сколько раз он стыдливо-хитро говорил мне и своей жене, что вот, мол, настоящая работа. Мне ясно было, какой он хотел бы получить совет от нас. Как-то в разговоре со мной он сказал: «Вот я писатель, инженер душ. К чёрту. Я в тысячу раз был большим инженером душ, когда из слякоти делал людей»“⁴⁹⁴.

Здесь же обращает на себя особое внимание и другое обстоятельство: „В это время началась его случайная временная работа в колонии в Броварах. Я уже упоминал о том, как он воспринял эту работу. Я и сейчас не уверен, чем бы закончился этот эпизод, если бы новый приступ грудной жабы не поставил со всей остротой вопроса о срочном переезде в Москву. О Москве он всё время говорил как о земле обетованной. Он глубоко верил в то, что в Москве его жизнь по-прежнему забурлит, что он с увлечением и без усталости окунётся в работу“⁴⁹⁵.

По поводу внезапного ухудшения здоровья в записной книжке Макаренко отмечает следующее: „Почти тема. 18 ноября утром у меня нечто вроде обморока. Общий перепуг. Галя требует отставки, но Пинкус уверяет, что у него недавно тоже был обморок. Когда я сидел у начальника поликлиники, ему кто-то позвонил, и начальник начал меня уверять, что большинство болезней (80%) внушается врачами. Одним словом, нужно ехать в колонию“⁴⁹⁶. Елена Захаржевская подтвердила⁴⁹⁷, что тогда Макаренко осматривал её отец – новый друг педагога-писателя. И в письме М.Е. Лапировой, одному из своих корреспондентов, Макаренко 25 декабря 1936 г. сообщает: „Чёрт меня угораздил перекуриться и переработаться, короче говоря, я на работе свалился в обморок и перепугал всех местных врачей. Пришлось компенсировать их несколько излишней покорностью и проваляться в постели две недели“⁴⁹⁸. Осознавая вред курения, Макаренко тем не менее сообщал в

⁴⁹⁰ Зап. кн. № 8, запись № 769.

⁴⁹¹ См.: там же, № 776.

⁴⁹² Там же, № 690.

⁴⁹³ РГАЛИ, 332-5-105, лл.65–65 об.

⁴⁹⁴ Свидетельства искренней дружбы, с.15.

⁴⁹⁵ Там же, с.20.

⁴⁹⁶ Зап. кн. № 8, запись № 777.

⁴⁹⁷ В беседе с Г. Хиллигом (1993 г.).

⁴⁹⁸ РГАЛИ, 332-4-272; см. также: ПС, т.8, с.68.

письме к Г. Поликсеновой от 9 апреля 1936 г.: „[...] я курю 60 папирос в день“, ⁴⁹⁹ и во время последней встречи со своими воспитанниками в московской квартире (март 1939 г.) он, по свидетельству Н.В. Назаренко, прямо сказал: „Вредное это дело курение, а я курю очень много. Мне не хватает четырёх пачек, иногда бывают дни, когда я выкуриваю 120 папирос. Понимаю, что нехорошо, но ничего не могу сделать для того, чтобы бросить курить или хотя бы сократить количество выкуриваемых папирос“. ⁵⁰⁰

О „жилищной проблеме“ семьи речь идёт и в некоторых письмах Макаренко. Так, 26 ноября он пишет Лёве: „Вещи запакованы к отправке, квартиру на Леонтовича нужно освободить, новая моя комната на Рейтарской бузова, а Бровары – гадость и для Гали не подходит“. И далее здесь говорится: „Все эти передраги, существовавшие на четырёх квартирах, естественное беспокойство и моё перематывание из Киева в Бровары и обратно, не позволяют мне заняться литературной работой, а это крайне необходимо, ибо скоро мы сможем сесть на такой „декокт“ [отвар трав – А.А./Г.Х.], что небо с овчинку покажется. Если бы наши уехали (или я уехал вместе), я всё-таки кончил бы «Книгу для родителей», в Броварах писать можно“. ⁵⁰¹

Через неделю (4 декабря) Макаренко пишет сыну о своём намерении найти в городе новое жильё: „С киевской квартирой дело обстоит так. Вероятно, в ближайшие дни мы переберёмся на квартиру по Николаевской улице. Квартира из двух комнат, на втором этаже. Комнаты хорошие, но кухня общая, а самое главное, нет центрального отопления. Если так придётся пожить несколько дней, полбеда, но если до весны – скверно“. В этом же письме Макаренко рассказывает о предстоящей возможности снять с себя организационную деятельность в Броварах: „Дней через пять–шесть думаю освободиться от колонии и заняться больше литературной работой“. ⁵⁰²

В архиве МВД Украины сохранилось личное дело одного из чекистов, чьё имя Макаренко не единожды упоминает в своих записных книжках. „Тип обычный. Сейчас он плотный, аппетитный и жизнерадостный“. ⁵⁰³

Это Самуил Филиппович Пинкус – начальник ОТК после устранения Ахматова.

Глядя на архивное фото, с трудом верится, что Макаренко обращался к этому молодому, круглолицему, с аккуратно причёсанными на пробор светлыми волосами человеку по имени-отчеству: в период их совместной работы в Отделе Пинкусу не было и тридцати двух.

Пинкус родился в 1904 году в большой еврейской семье в Одессе. Революция заставила его рано повзрослеть и даже поменять в конспиративных целях имя и фамилию – Самуил Филиппович становится Михаилом Алексеевым. В неполные шестнадцать лет с револьвером и удостоверением ЧК в кармане он колесил по притонам Одессы, завоёвывавая славу опытного оперативника.

„Как в сберкассе у него сложены знакомства, воспоминания, какие-то древние подвиги. У него страшная память. Он помнит всех Миш, Саш, всех Одесских мальчишек 1922 года, которые, по его словам, делали настоящую революцию в Одессе и забивали даже партию. Сейчас многие Миши, Пети и Саши занимают видные посты, Пинкус тоже старается занять. Хотя ему это почему-то не удаётся.

Но эти знакомства и весь ритуал воспоминаний составляет истинное содержание его жизни. А дело. А при помощи дела он думает подвинуться на одну ступеньку куда-то выше, может быть отхватить орден. Он того не знает, что выше он подвинуться не может, кишка ни за что не выдержит.

А всё же какое ему дело для дела. Какое ему дело до Б[алицкого].“ ⁵⁰⁴

В тридцатые годы, используя перенятый от отца – торговца бакалеей – коммерческий опыт, Пинкус продвигается вверх по крутой чекистской лестнице, ступая по её самым безопасным и комфортным ступеням – работает в системе снабжения.

⁴⁹⁹ Неизданные письма. Ч. 1, с.72–73 (здесь – с.72).

⁵⁰⁰ Продолжение „Педагогической поэмы“. Из воспоминаний Н.В. Назаренко, л.59 (Архив лаборатории „Макаренко-реферат“).

⁵⁰¹ РГАЛИ, 332-5-53, лл.14–17.

⁵⁰² Там же, л.20.

⁵⁰³ Зап. кн. № 8, запись № 789.

⁵⁰⁴ Там же.

Эта лестница и привела Пинкуса в Киев. До перехода в аппарат НКВД он ещё немало поработал директором треста «Коммунар». Слава этого треста сохранялась до недавнего времени – трест обшивал ЦК, Правительство, Верховный Совет.

В феврале 1936 г. Пинкус был назначен начальником Торгово-производственного управления, а 26 августа – начальником ОТК НКВД УССР.

Что привело его по совместительству на новую должность – остаётся загадкой. Это совмещение двух постов длилось достаточно долго. Поскольку должность начальника Отдела НКВД УССР входила в кадровый перечень, подлежащий обязательному согласованию с отделом кадров в Москве, 31 декабря 1936 г. замначотдела кадров Я.И. Райхштейн направляет из Киева в Москву рекомендательное письмо с просьбой утвердить Пинкуса в должности начальника Отдела трудколоний. Ответа на него не последовало.

Через полтора месяца ожидания в Москву пришло ещё одно письмо с просьбой „утвердить Пинкуса на вакантной должности начотдела вместо арестованного к[онтр]р[еволюционного] троцкиста Ахматова“, которое, наконец, дошло до адресата и Пинкуса утвердили.⁵⁰⁵

Пинкус начал с энергичных поездок по колониям. Мы не располагаем точными сведениями, но за полгода его пребывания в должности он исколесил всю Украину и точно знал, с кого и за что можно спрашивать. „[...] он приезжает из колонии весёлый и возбуждённый, довольный тем, что хорошо «подолбал»“.⁵⁰⁶

А Макаренко тщательно вникает в процессы сборки несгораемых касс (сейфов), которые стали выпускаться в колонии, в его записных книжках появляются полные энергии заметки по поводу выполнения промфинплана, о шпинделях и качестве литья.

И рядом с этим – поэтический пессимизм, взгляд романтика на обыденный пейзаж по пути из Киева в Бровары: „Солнце пухлым синяком смотрит сквозь серую пыль неба. По шоссе восточный ветер расстилает космы позёмки. Снежный прах холодными, зябкими змейками гонится за машинами. Влево за белыми столбиками пучится кочками рябенькое, дрожащее прутиками болото. Направо молодые сосенки уютно ёжатся в снеговых кокошниках, муфтах, шубках. Горит почему-то одинокий фонарь возле пустыни незаконченного, покрытого снегом строительства“.⁵⁰⁷

В письмах поэзии меньше, но по-прежнему преобладает тема Москвы как земли обетованной... „Приезжайте скорее, – пишет он Н.В. Петрову в Ленинград (22 декабря 1936 г.), – а то в Киеве нас не застанете: в Москву, в Москву! Уже я стащил с себя последнюю писательскую шкуру и отдал в жилстройко[о]п, уже и шкафы запакованы, уже всё готово ехать“.⁵⁰⁸ Кажется, что Лаврушинский переулок, где возводится писательский кооперативный дом, был ему намного ближе и роднее, чем Броварская колония.

Своим обычным почерком, где, однако, каждое слово кричит, Макаренко констатирует: „Я загрустил. Сколько я работал, всю жизнь как чёрный вол и не удосужился получить ни денег, ни путёвки, ни фотоаппарата“.⁵⁰⁹

Это сегодня, по прошествии полувека с лишним, въедливый историк напомним читателю о золотых часах, полученных Макаренко в декабре 1932 г. от коллегии ГПУ УССР за пятилетнюю работу в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, приведёт пример о денежных премиях в размере оклада с занесением записи о поощрении в личное дело...⁵¹⁰

Но это теперь. А в то время, обуреваемый невыносимой тоской по большой писательской работе в Москве, корпящий в прокуренном кабинете над неким отчётом Отдела, окружённый невежественными бюрократами-чинушами и сам чиновник по должности, а не по призванию, немолодой уже человек, не отличающийся крепким здоровьем, с серьёзным опытом педагогической работы, автор «Поэмы», он выплёскивал на страницы записных книжек всё, что накопилось на душе.

Страстное желание Макаренко уехать в Москву, заняться литературным трудом, отринуть в прошлое ненавистные реляции и указания, передаётся руководству, которое

⁵⁰⁵ Архив МВД Украины, л/д № 11342, арх. № 10259.

⁵⁰⁶ Зап. кн. № 8, запись № 799.

⁵⁰⁷ Там же, № 851.

⁵⁰⁸ ПС, т.8, с.66–67 (здесь – с.67).

⁵⁰⁹ Зап. кн. № 8, запись № 819.

⁵¹⁰ В этой связи Макаренко, как сын железнодорожника, иронически заметил: „Почему часы? Я – не кондуктор“ (О.В. Макаренко в беседе с Г. Хиллигом, 1982 г.).

как будто специально не хочет вникать в его личную жизнь и желания, пропуская мимо ушей вопросы об отъезде и расчёте.

29. КАНДИДАТ

В хронике броварского периода жизни Макаренко существует определённый пробел. Речь идёт об одном из важных событий в ССПУ, едва не разрушившем мечту педагога-писателя о переезде в Москву...

На саму проблему авторов данной книги натолкнуло письмо Галины Стахивны к сыну от 15 ноября 1936 г., где она отмечает: «Хотя отец опять увлекается работой с ребятами, но я вижу, что она ему трудна – устаёт он. Вчера в Союзе писателей ему устроили овацию по тому поводу, что он возвратился опять к работе с детьми».⁵¹¹ Возникает вопрос: по какой надобности и зачем Макаренко присутствовал на заседании ССП 14 ноября? Что побудило его выступить? Исходя из обязанностей „вриднача“ в Броварах, его, скорее всего, пригласили на заседание президиума правления, чтобы, как автора «Педагогической поэмы», побудить активнее участвовать в работе Союза.

Архив Союза писателей Украины, к сожалению, не сохранился. Некоторые сведения о его деятельности содержат республиканская «Літературна газета» и киевская пресса. Под заголовком «У Спілці радянських письменників УСРР» (В Союзе советских писателей УССР) 17 ноября 1936 г. украинская «Литгазета» сообщила: „Освобождён от поста председателя Союза писателей УССР А.Г. Сенченко. На совете для обеспечения оперативного и коллегиального руководства организован секретариат правления.

На заседании президиума правления Союза, которое состоялось 14 ноября, был избран секретариат правления в следующем составе: т.т. С.Л. Червонный, И.К. Микитенко, О.Е. Корнейчук, П.И. Панч, И.У. Кириленко. [...]».⁵¹² Из данного сообщения видно, что Сенченко уже не у дел – скорее всего он находился под арестом, а Макаренко, как участник данного заседания президиума правления ССПУ, сразу же получил об этом информацию из первых рук. Во всяком случае, в своей беседе с начинающими писателями в июле 1938 г. в Москве он прямо сказал, что во главе Союза писателей Украины стоял „враг народа“.⁵¹³

Причиной приглашения Макаренко на это заседание послужило скорее всего то, что его намеревались ввести в состав нового руководства Союза, о чём педагог-писатель, видимо, догадывался. Не желая оставаться далее на Украине, Макаренко огорчил всех присутствующих на заседании заявлением, что „он возвратился опять к работе с детьми“. Последовавшие за этим аплодисменты коллег-писателей послужили для него спасительной лазейкой в намерении уехать в Москву.

Напомним о том, что через четыре дня Макаренко пережил новый приступ грудной жабы...

30. ЗАГОВОР

В январе 1937 г., непосредственно перед отъездом в Москву, у Макаренко возникли новые неприятности – в связи с событиями в «Дзержинке». Об этом в записной книжке можно прочесть следующее: „Безобразие. Меня стихийно запутали в коммунарские дела. Администрация, очевидно, перехватила моё письмо к Шершнёву, в котором нелестные отзывы об Адамовиче. Коммунары почему-то уверены, что я скоро перехожу в коммуну, а Роя [Ройтенберг – А.А./ Г.Х.] сказал, что даже вещи у меня уже запакованы. Интересно.

А пока что говорят, что в коммуне полный развал, пьянство, воровство, хулиганство.

И виноват почему-то я. Я два года не был в коммуне [!] и ни с кем не переписывался“.⁵¹⁴

„Пьянство, воровство, хулиганство“ в харьковской коммуне... Отзвуки таких событий можно найти в статье «Уголовное преступление», опубликованной в газете «Дзержи-

⁵¹¹ РГАЛИ, 332-5-107, л.66 об.

⁵¹² „Літературна газета“, 1936, № 53, с.1.

⁵¹³ См.: РГАЛИ, 332-4-174, л.4.

⁵¹⁴ Зап. кн. № 8, запись № 873.

нец» 13 января 1937 г.: „Случай, имевший место на фото-производстве, заслуживает исключительного внимания. Ремонтная бригада во главе с механиком Бондарем осталась после работы на производстве для выполнения аварийного ремонта. По инициативе Бондаря, работавшие в бригаде купили водку и сообщая со всей бригадой пьянствовали.

Случай – исключительный. Пьянствовать на работе, во время исполнения аварийного ремонта, является преступлением“. В этом газетном материале подчёркивалось, что в „пьянстве“ ремонтной бригады участвовали и воспитанники. В заключении статьи говорится: „Этот урок должны извлечь все коммунары и рабочие“.⁵¹⁵

Однако цитированная выше запись Макаренко относится к совершенно другому событию, которое состоялось немного позже. Об этом «Дзержинец» вообще ничего не писал, так как в течение трёх месяцев (между 21 января и 1 мая 1937 г.) газета не выходила из печати. Не исключено, что нижеописанный случай дал толчок к пересмотру этого издания. Что же произошло?

Как видно из длинного сообщения „замнач“ коммуны Адамовича, посланного 26 января 1937 г. особуполномоченному Харьковскому областному управлению НКВД, 24 января во время торжественного вечера, посвящённого уходу коммунаров в Красную Армию, возникло пререкание между пьяными воспитанниками и рабочими, в ходе которого „доктор Шершнёв [...] в присутствии коммунаров“ нанёс дежурному пом. бригадира „несколько ударов по лицу, что вызвало со стороны присутствовавших коммунаров явный ропот и недовольство таким обращением“. „По-видимому удары, нанесённые Шершнёвым коммунару, были с целью показать, что в стенах Коммуны может быть избиение и применение физических методов воздействия“.

Далее сообщает Адамович о том, что „во время ужина нам стало известно, что группа коммунаров [...] хотят избить секретаря Партийного комитета т. Огия, против которого среди коммунаров всё время проводится дискредитирующая работа. Но своевременным предупреждением это дело было ликвидировано“.

О дальнейших событиях „замнач“ информирует в своём письме начальству:

„Группой коммунаров, под инициативой Октябрьского и Ройтенберга, было написано коллективное письмо тов. Балицкому, при чём не все коммунары, подписи которых поставлены на заявлении, читали письмо и знали содержание (письмо отпечатано на машинке и подписи так же). В письме в основном содержании старались дискредитировать тов. Огия, как секретаря партийного комитета, и руководство коммуны. Письмо было отвезено в г. Киев коммунаром Ройтенбергом, который с этим письмом был у зам. наркома тов. Карлсона“.⁵¹⁶

По поводу Шершнёва, который в конце сентября 1936 г. из Комсомольска-на-Амуре вернулся в Харьков и вновь работал в санчасти коммуны врачом, Адамович ещё 22 января обратился к особуполномоченному УНКВД по Харьковской области. В этом письме с грифом «С[овершенно] секретно» „помнач“ обвиняет „макаренковского“ врача за сокрытие факта из его студенческой жизни. При этом Адамович подчёркивает, что „с самого начала работы т. Шершнёв начал принимать активное участие в работе санчасти и участвовал в заседаниях самоуправления коммунаров, выступая по отдельным вопросам и тесно обобщаясь [общаясь – А.А./Г.Х.] с коммунарами в повседневной их жизни.

20-го января с.г. секретарь партийного комитета т. Огий сообщил мне о том, что в разговоре с Шершнёвым относительно его работы и политических взглядов на события сегодняшнего дня, т. Шершнёв ответил, что он когда-то тоже был обижен прежним руководством Райкома комсомола, который его исключил из комсомола за распространение троцкистской литературы.

Ознакомившись с личным делом т. Шершнёва, в таковом и в своей автобиографии он об этом нигде не указывает.

Т. Шершнёв учился в Харьковском мединституте по 1931 г., где по его словам и был исключён из комсомола.

Одновременно сообщая, что за последнее время его близкое обобщение [общение] с коммунарами и частые интимные собеседования с ними показали отрицательность

⁵¹⁵ „Дзержинец“, 1937, № 52 [!], с.2.

⁵¹⁶ ГАХО, Р-4511-1-32, л.2.

реагирования их на мероприятия партийного, комсомольского комитетов и его руководства.

Ставя Вас об этом в известность, просим на вышеуказанные факты реагировать, кроме того считаем необходимым добавить, что Шершнёв имеет тесную связь с ранее работавшим в Коммуне т. Макаренко, ведёт с ним переписку, а выступление Макаренко на собрании коммунаров о руководителе партии тов. Сталине Вам известно из докладной записки, ранее направленной⁵¹⁷.

Нужно обратить внимание на такие обстоятельства: в январе 1935 г. врач Н. Шершнёв буквально спас жизнь Макаренко во время его тяжёлого сердечного приступа.⁵¹⁸ Поэтому можно предположить, что два года спустя педагог-писатель пытался помочь своему спасителю. Во всяком случае, Макаренко не мог забыть факт „конфискации“ его письма к бывшему воспитаннику. Об этом он позже (апрель 1937 г.) вспомнит в своей записной книжке, наивно ссылаясь на статью в сталинской Конституции о соблюдении тайны переписки: „[...] тип Адамович. Он просто ничего не делает, приезжает в 12, уходит в 4, для него гоняют машину, а он приезжает «посмотреть». И когда развал, виноват я, написал, видите ли, письмо Шершнёву, а письмо он перехватил (ст. 128 конституции), а в письме плохой отзыв об Адамовиче“.⁵¹⁹

Такой же „донос“, как сообщение о Шершнёве, заместитель начальника «Дзержинки» написал и по поводу другого бывшего макаренковского воспитанника – Ефима Ройтенберга. Как можно заключить из записной книжки, Макаренко тоже знал и об этом случае. Здесь говорится: „Очковитительство. Ройтенберг, встреча с Дидоренко на Дарнице. Пакеты. Адамович. Распоряжение об аресте. Приём. Чем кончится?“⁵²⁰

Речь идёт о двух докладных записках от 9 и 17 января 1937 г. к замначу админхозуправления НКВД УССР капитану госбезопасности А.М. Берману, которые Адамович составил как ответ на запросы о неблагополучном состоянии воспитательной работы в коммуне. Это было во время всесоюзной переписи населения, результаты которой, как известно, замолчались. В одном из анкетных вопросов переписи речь шла об отношении к вере. Так, в докладной записке от 9 января Адамович сообщает, что Ройтенберг, который был ранее снят с работы в редакции газеты «Дзержинец» и на предприятиях коммуны не занимался соответственной деятельностью, призывал своих друзей называть себя верующими: „Был случай: 4-го января с.г., когда Ройтенберг на площади коммуны во всеуслышание кричал, «что когда придут ко мне с переписью, то я запишусь верующим безработным коммуны им. Дзержинского». Ройтенберг комсомолец. Это слышали молодые воспитанники, тоже подхватили его выкрик“.

И далее Адамович пишет: „Вопрос о Ройтенберге был поставлен на комсомольском комитете, где было вынесено соответствующее решение и проработан на заседании бригадиров, где присутствовавший тов. Огий характеризовал выкрики коммунара Ройтенберга как хулиганство и помощь контрреволюционным элементам и малосознательным людям в их работе вредить нашему общему политическому делу. Ком[мунар] Ройтенберг обратил всё это дело в шутку, но его примеру всё-таки последовал один ком. Кузьменко, судимый по 170 ст. 19-ти летний, по нац. украинец, который записался верующим, по нац. еврей, ссылаясь на то, что Ройтенберг кричал, что он верующий православный, хотя по нац. еврей“.⁵²¹

Во второй докладной записке говорится о том, что Ройтенберг, возвращаясь из Киева, где он был с письмом к Балицкому, 14 января „собрал своих единомышленников, информировал о том, что был принят тов. Карлсоном, Л.А. Балицкой [жена наркома, члена правления коммуны им. Дзержинского – А.А./Г.Х.] и наркомом т. Балицким, в результате чего 25/1 прибудет комиссия для расследования всех фактов, изложенных в письме. Ройтенберг и группа его единомышленников [...] пустили слух, что всё руководство в коммуне снято с работы, а секретаря партийного комитета так же снимают с работы, а отсю-

⁵¹⁷ Там же, л.1.

⁵¹⁸ См.: письмо Н. Шершнёва П.П. Крюкову от 21.01. 1935 г. // Неизданные письма. Ч.1, с.46–47.

⁵¹⁹ Зап. кн. № 8, запись № 927.

⁵²⁰ Зап. кн. № 8, запись № 826.

⁵²¹ ГАХО, Р-4511-1-26, лл.9–13 (здесь – л.12).

да, как результат, нежелание подчиняться правилам внутреннего распорядка коммуны и сопротивление мероприятиям и распоряжениям руководства коммуны.

Во всём этом деле активное участие принимает б. коммунар, ныне работающий зав. санчастью т[руд]к[оммуны] – Шершнёв, по материалам ещё не проверенным и согласно его разговора с секретарём партийного комитета т. Огием выясняется, что он исключён из комсомола за распространение троцкистской литературы⁵²².

Об отношении коммунаров к „парторганизатору“ в этом же документе можно прочесть: „В момент ужина мне стало [известно], что группа коммунаров: Лейзерман, Кузьменко, Ковалёв М. и др. хотят избить секретаря партийной комитета т. Огия, против которого коммунары страшно озлоблены и всё время ведётся дискредитирующая его работа. Своевременным предупреждением это не было допущено.“⁵²²

Позже, когда Ройтенберг собирался учиться в одном из институтов журналистики в Ленинграде или в Москве, начальник коммуны Берман дал в оба вуза негативные оценки морально-политического состояния бывшего воспитанника и выступил с ходатайством об отказе в поступлении.⁵²³

Как свидетельствует тогдашний коммунар В.А. Руденко, передача письма в руководство НКВД в Киеве не дала ожидаемого улучшения ситуации в «Дзержинке»: „Наоборот, группами воспитанников отправляли на Донбасс в шахты, без права возвращения в Харьков, так как документов не давали. В следствии таких действий Бермана, часть ребят попали в тюрьмы, возвратились к прежнему образу жизни“.⁵²⁴ Подтверждение этим словам находим в письме Бермана и „врядна“ учебно-воспитательной части коммуны Якова Львовича Шлейпера в Харьковское областное управление НКВД, где можно прочесть следующее: „28/VII-37 г. утром нам стало известно, что у бывш[его] воспитанника Трудкоммуны НКВД УССР им. Дзержинского, выпущенного для трудоустройства в г. Горловку и вернувшегося обратно в Харьков, Панкрухина Алексея Фёдоровича есть револьвер“. По утверждению его друга, коммунара Балабана, „Панкрухин приехал в Харьков «рассчитаться» с т.т. Берманом и Шлейпером“.⁵²⁵

31. ИСХОД

Окончание строительства писательского здания в Лаврушинском переулке, в связи с финансовыми проблемами, затягивалось,⁵²⁶ и после переезда в Москву (начало февраля 1937 г.) Макаренко, как свидетельствует Олимпиада Витальевна,⁵²⁷ пришлось почти неделю пожить у Г.М. Васильева на Моховой, где он неоднократно останавливался, приезжая в столицу. Следует подчеркнуть, что спустя несколько месяцев после переезда семьи Макаренко со своими домработницами в московскую квартиру „Глебка“ (один из героев записных книжек и семейной переписки Макаренко, а также запланированных прототипов персонажей его «Книги для родителей» и романа «Человек») был репрессирован, – получил несколько лет ИТЛ.

Жертвой террора стал также литературовед, историк и философ И.К. Луппол, директор Института мировой литературы, которому досталась запланированная ранее для Макаренко квартира с несчастливым номером 13, а семья Макаренко получила в конце концов квартиру № 14. Соседи подружились. Неудивительно, что после войны вдова учёного – М.Е. Луппол-Бобровская – стала младшим научным сотрудником лаборатории А.С. Макаренко в АПН РСФСР и одной из первых помощниц Галины Стахиевны.

Покинуть „любимую“ для Макаренко среду чекистов, ставшую, как можно заключить из выступлений 1936 года, его „педагогической стихией“⁵²⁸, оказалось гораздо труднее, чем он ожидал. Во время работы в Броварах Макаренко возлагал большие надежды

⁵²² Там же, лл.14–15 (здесь – л.14).

⁵²³ См.: там же, лл.61, 70–71.

⁵²⁴ Письмо В.А. Руденко к Г. Хиллигу от 17.01.2000 г.

⁵²⁵ Там же, 17, л.8.

⁵²⁶ См.: Тренёв К.А., Вишневский В., Вирта Н., Кин В. Письмо в редакцию. // „Правда“, 1937. № 11, 11.01., с.6; Сообщение Моссовета о строительстве дома „Советский писатель“. // Там же, № 35, 05.02., с.6.

⁵²⁷ В беседе с Г. Хиллигом (1971 г.).

⁵²⁸ См.: РГАЛИ, 332-4-188, лл.34–38; Москва, октябрь 1936 г., с.41–42.

относительно удачного „исхода“ из среды чекистов на только что назначенного замнаркома К.М. Карлсона (17 октября), бывшего начальника УНКВД по Харьковской области. Как утверждает Н.Н. Окса, здесь речь идёт не о родственнике любимого персонажа детей, живущего на крыше.

Две фототелеграммы педагога-писателя к жене и две заметки в записной книжке доказывают, что в марте 1937 г. ему пришлось почти на две недели задержаться в Киеве. Приблизительную дату отъезда из Москвы можно установить на основании договоров Макаренко об отдельном издании «Книги для родителей» с Гослитиздатом в столице (9 марта) и киевским издательством «Держлітвидав» о её публикации в „авторизованном переводе с русского“ на украинский язык (15 марта)⁵²⁹. Наряду с увольнением со службы НКВД надо было решить в Киеве и вопросы финансового расчёта с места работы, которыми занимался Пинкус. Так, 16 марта Макаренко пишет жене из столицы Украины: „Есть солидные надежды, что меня отпустят. Сегодня вечером буду у К.М. [Карлсон – А.А./Г.Х.]. Как будто никто не возражает. [...] Если всё будет благополучно, выеду 18–20-го“.⁵³⁰ В тот же день он получил справку правления ССПУ, где говорится: „Выдана сия писателю, члену Союза советских писателей Украины тов. Макаренко А.С. в том, что он уезжает в гор. Москву на постоянную работу и с учёта в Союзе писателей снят“.⁵³¹

После встречи с замнаркомом Макаренко в записной книжке отмечает: „[...] у К.М. просидел вечер. Он ещё меня не отпустил, но обещал сказать слово у В.А. [Балицкий – А.А./Г.Х.]. Как будто трудно меня уволить. А между тем, Пинкус на мой вопрос, получу ли я зарплату после 20 февраля, говорит, что меня в штате нет, что платить нечем. А сегодня уже 20 марта. А кроме того, П. просит составить ему большой отчёт в Москву. Как это всё так совмещается? А ведь В.А. может ещё меня не отпустить?“⁵³²

Затягивание дела просматривается и в следующей записи: „Десятый день ожидаю решения. К.М. до сих пор ничего не доложил и вообще со мной не спешат. Пинкус всё эти дни обращался со мной хамовато, отмахивался руками, и когда я заходил, – говорил:

– Простите, мы здесь кончим... [...]“.⁵³³

Во второй фототелеграмме (24 марта) Макаренко сообщает жене о предстоящем успехе своего предприятия: „Все принципиально согласились меня отпустить. Оформление ожидать не буду, но билет достал только на завтра и то по счастливой случайности. Попытаюсь обменять на сегодня, но надежды мало“.⁵³⁴ Наконец, 9 апреля – когда Макаренко вновь был в Москве – последовал приказ Балицкого об объявлении ему благодарности.⁵³⁵

Ещё в первой фототелеграмме из Киева Макаренко писал: „[...] случайно начал копать материалы для романа «Чекисты». Думаю по этому вопросу побывать у В.А., говорят, он интересуется этим“.⁵³⁶ Написать такую книгу ему, как ранее упоминалось, рекомендовал Горький, у которого – по личным связям с Г.Г. Ягодой – тоже были хорошие знакомые среди „наркомвнудельцев“. Как видно из пространной записи Макаренко под заголовком «К теме „Ч.“», он действительно беседовал с наркомом о его писательском проекте. Дословно здесь можно прочесть: „Б. отличает несколько типов происхождения:

«Гимназисты».

«Местечковые» [евреи – А.А./Г.Х.].⁵³⁷

⁵²⁹ РГАЛИ, 332-1-49, лл.10, 11; см. также: „Ты научила меня плакать...“, т.2, с.225.– Украинский перевод „Книги для родителей“ вышел лишь весной 1940 г.

⁵³⁰ „Ты научила меня плакать...“, т.2, с.225.

⁵³¹ РГАЛИ, 332-4-384, л.6.

⁵³² Зап. кн. № 8, запись № 899.

⁵³³ Там же, запись № 900.

⁵³⁴ „Ты научила меня плакать...“, т.2, с.226.

⁵³⁵ См.: Морозова Н.А., с.116 (фамилия наркома здесь не названа).

⁵³⁶ „Ты научила меня плакать...“, т.2, с.225.

⁵³⁷ „Местечковыми“ называли евреев, проживавших в малонаселённых „местечках“ (городках, идиш „штетл“) Российской империи. До 1917 г. существовала так называемая «черта оседлости», т.е. определённая территория для еврейского населения, а после её отмены возникла „местечковая проблема“ – преимущественное сосредоточение евреев в „местечках“ УССР. Они занимались мелкой торговлей и кустарными промыслами, а также имели значительный удельный вес в органах советской власти, особенно среди кадрового состава ГПУ-НКВД.

«Военные».

Последние с трудом понимают характер дисциплины «Ч.».

Он считает, что нужно дать и нечто о положении женщины в семье. Она редко видит мужа и поэтому беднеет духовно.

Но между ними и такая как Тамара [Букшпан – А.А./Г.Х.].

Чванство – тип внутренний и внешний и это, он говорит, нужно изобразить.

Не должно быть романа детективного, но картина роста и образования личности нового типа в новом коллективе, в том числе и картина борьбы.

Тезис: коллектив лучше своих членов, но это его качество как-то особенно отражается на членах“.⁵³⁸

В результате встречи Макаренко намечает для будущего произведения короткие характеристики Карлсона и Балицкого: „КМ. Представитель спокойного массивного характера. Ночная работа, недопитые стаканы чаю.

Телефон он берёт спокойно, говорит тихо, даже как будто сонно и отвечает больше междометиями и глаголами или отглагольными существительными.

– Ну?.. – Да! – Знаю. – Отправили?– Угу!

Наводнение.

При этом он смотрит мимо трубки с таким же сонным пренебрежением.

Б. – его противоположность – быстрый, яркий, увлекающийся, открыто благородный“.⁵³⁹

Однако педагогу-писателю не пришлось разработать эту тему дальше: через несколько месяцев не только нарком, но и всё его окружение, о котором Макаренко, по всей вероятности, собирался написать, в том числе Карлсон и Пинкус, были арестованы...

Заслуженный макаренковед „всея Руси“ В.В. Кумарин регулярно распространяет легенду о „бегстве“ педагога-писателя из Киева. Так, в последней публикации московского учёного можно прочесть: „«Чёрный ворон» Антон Семёнович опередил на пару часов. Поздно ночью позвонил нарком просвещения Украины Владимир Затонский и шёпотом предупредил: «Бежать – и немедленно!» «Враг народа» собрался в считанные минуты и успел на последний московский поезд“.⁵⁴⁰

О том, что Макаренко якобы очень быстро покинул столицу Украины, речь идёт и в воспоминаниях его бывшей ученицы К.М. Безрук (1978 г.): „[...] в феврале 1937 года, когда наступили особенно тяжёлые времена и тучи сгущались над ним, он почувствовал вокруг себя какую-то особую возню: то его спрашивают, то предъявляют какие-то надуманные обвинения, и он [...] решил уехать, никому ничего не говоря.

В первых числах февраля утром, уйдя с работы, пошёл на вокзал, взял билет на Москву и уехал навсегда с Украины. [...] в Киеве готовы были с ним разделаться как с врагом народа“.⁵⁴¹

История „бегства“ Макаренко из Киева, по всей вероятности, исходит от его вдовы.

Утверждения такого рода противоречат остальным известным в настоящее время фактам. Если бы опасность ареста педагога-писателя в Киеве зимой 1937 г. действительно существовала, он никогда бы не отправился в логово зверя для того, чтобы урегулировать своё увольнение со службы НКВД, уже не говоря о том, что через несколько месяцев, как известно, он провёл со своей семьёй отпуск на Украине...

Этот пример опять показывает, с какой осторожностью надо относиться к высказываниям вдов знаменитых людей, а также их слепо верующим последователям.

32. КОНТРАПУНКТ, ИЛИ ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Читатель, наверное, заметил, что в предыдущих 31 главах не уделено должного внимания одному из главнейших вопросов – отношению Макаренко к советской действи-

⁵³⁸ Зап. кн. № 8, запись № 896.

⁵³⁹ Там же.

⁵⁴⁰ Кумарин В. И Сталин согласился „не трогать“ Макаренко. // „Труд-7“, 1998, 13.11., с.9; см. также: тот же. Макаренко, какого мы никогда не знали. // „Педагогический калейдоскоп“, 1998, № 32–33, 16.-22.09., с.3–4.

⁵⁴¹ См.: Макаренко В. Мой брат Антон Семёнович. Воспоминания, письма. – Марбург, 1985, с.177.

тельности. Не нарушая хронологического построения настоящей работы, эта тема должна быть рассмотрена самостоятельно.

Макаренко, как свидетельствует его брат Виталий, кратковременно (в 1906–07 гг.) пребывал кандидатом партии социалистов-революционеров.⁵⁴² Поэтому, после отлучения эсеров от советской власти, он сдержанно относился к построению социализма в „по-стцарской империи“. Так, в его заявлении о зачислении на курсы повышения квалификации в Москве (Центральный институт организаторов народного просвещения им. Е.А. Литкенса; 1922 г.) после описания его знаний „в области политической экономии и истории социализма“ говорится: „По политическим убеждениям – беспартийный. Считаю социализм возможным в самых прекрасных формах человеческого общежития, но полагаю, что, пока под социологию не подведён крепкий фундамент научной психологии, в особенности психологии коллективной, научная разработка социалистических форм невозможна, а без научного обоснования невозможен совершенный социализм“.⁵⁴³ Кстати, в советском макаренковедении это высказывание полностью ни разу не цитировалось. Лишь накануне распада СССР Ширяев включил его в свою книгу.⁵⁴⁴

Причину негативных явлений в построении социализма в 20-х годах Макаренко видел в несовершенной природе российской интеллигенции. Об этом речь идёт в двух письмах к будущей жене – Г.С. Салько, которая в отличие от него была членом партии большевиков. В первом из них он ссылается на предисловие М. Горького к книге о белоэмигрантской литературе, опубликованного в «Правде» 11 мая 1928 г. Через девять дней, накануне возвращения писателя на родину после семилетнего пребывания за рубежом, „завкол“ пишет следующее: „Горький [...] великолепно независим. Меня ещё страшно трогает, что он говорит о России, что он не падает ниц перед народом, что он не только мудр, но и энергичен.“

Мне приходит в голову, что те несимпатичные жалкие черты эмигрантской интеллигенции, которые бичует Горький, они есть в скрытом виде и у теперешней интеллигенции правящей. Иначе как можно объяснить всё наше замечательное головотяпство, наше неумение орудовать точным инструментом разума, наше постоянное завирательство, склонность, лакейство. Всё это общие черты наши, и я их одинаково ненавижу, за границей ли они или у нас. Я поэтому ненавижу всю русскую интеллигенцию. И я считаю, что с нею нужно бороться на каждом шагу, каждый день. Я уверен, что в этом и только в этом спасение большевистской идеи. Горький, вероятно, будет очень разочарован, когда увидит, сколько узости, глупости, дешёвого эгоизма вносит сейчас наша интеллигенция в нашу жизнь. А сколько лени, болтовни. И ужаснее всего то, что по этой истеричной тупой бабе равняется наша молодёжь“.⁵⁴⁵

Спустя полтора года Макаренко в переписке с Г.С. Салько вновь возвращается к этой теме. 11 ноября 1929 г. он пишет: „[...] неужели ты не знала, что ничего мещанистее нашей интеллигенции нет на свете и не было. Если мне когда-нибудь хотелось быть большевиком, то только тогда, когда у меня особенно развивалась ненависть к интеллигенции, и при этом специально к русской. Я умел видеть мещанина в самых героических бестиях. И если бы и Ваш большевизм не был создан той же русской мещанской интеллигенцией, то я обязательно сделался бы большевиком“.⁵⁴⁶ Необходимо подчеркнуть, что в тот период Макаренко не был единственным критиком старой интеллигенции. Идейному остракизму её неоднократно подвергал не только Ленин, но также Сталин и Бухарин, политические взгляды которых педагог-писатель всецело разделял. Так, в письме к Г.С. Салько от 27–28 сентября 1928 г. он пишет: „Сейчас много читаю Бухарина и Сталина и прямо в восторг прихожу. Они тоже на нашей стороне“.⁵⁴⁷

На стороне Макаренко был и Леонид Андреев, заявивший ещё в 1918 году, что „моральное тупоумие этой «избранной интеллигенции» заставляет со страхом и тоскою

⁵⁴² См.: Макаренко В. Мой брат Антон Семёнович. Воспоминания, письма. – Марбург, 1985, с.177.

⁵⁴³ См.: Яковлева Р.И. „Реферат“ А.С. Макаренко. // „Исторический архив“, 1961, № 2, с. 228–229.

⁵⁴⁴ См.: Ширяев В.А., с.272.

⁵⁴⁵ „Ты научила меня плакать...“, т.1, с.80–81.

⁵⁴⁶ Там же, т.2, с.31.

⁵⁴⁷ Там же, т.1, с.109.

ожидать завтрашнего дня. Ленин что! Ленин кончится, и дурак кончится, а как быть вот с этими умоподобными“.⁵⁴⁸

В художественных произведениях Макаренко, написанных в 1930–1934 гг. и переизданных в факсимиле их первых публикаций марбуржцами,⁵⁴⁹ встречаются некоторые критические замечания по отношению к негативным явлениям советского быта того времени. В московских собраниях его сочинений (семи- и восьмитомнике) почти все они были исключены редакторами по цензурным соображениям.

В коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, как свидетельствует Олег Кононенко,⁵⁵⁰ „помнач“ стал центром маленького круга единомышленников, которые открыто дискутировали также и по политическим вопросам: о ситуации в СССР, положении интеллигенции, о том, остаться после октябрьского переворота в стране или эмигрировать, как брат Макаренко. Участниками этих «контрреволюционных сборищ» были сотрудники коммуны, конечно же беспартийные, в том числе К.С. Кононенко – бывший меньшевик (в 1917 г. член киевской городской думы и Центральной Рады), который в 1930 году за «саботаж коллективизации сельского хозяйства» получил 8 лет лишения свободы, но, вместо тюремного заключения, его направили отбывать срок сначала в трудкоммуну ГПУ УССР им. В.А. Балицкого и далее, в 1932 году по инициативе А.О. Броневого, в трудкоммуну им. Ф.Э. Дзержинского. Среди участников „сборищ“ был и бывший член большевистской партии – Г.С. Салько, которая в 1933 году за неуплату партвзносов и неучастие в партжизни „механически“ выбыла из её рядов.

Киев разлучил Макаренко с „первым другом“ Константином Кононенко, который в дальнейшем остался работать начальником финансовой части «Дзержинки». Педагог-писатель оказался в одиночестве. Поэтому свои мысли и наблюдения он вынужден был доверять записным книжкам. Это обстоятельство открывает нам возможность познакомиться с до сих пор совершенно неизвестной страницей жизни Макаренко – „помнач“ и консультанта ОТК НКВД УССР.

О терроре – проблеме, которая хорошо была знакома педагогу-писателю, он отзывался крайне сдержанно. Данная тема являлась запретной для его литературной деятельности. Лишь две записи, без всякого сомнения, намекают о репрессиях. В первой из них (прибл. от ноября 1935 г.) говорится: „Слово. Человек с политической историей должен обязательно рассчитывать на какую-нибудь географию“⁵⁵¹, т.е. на ссылку в ГУЛАГ или на бегство в „дальнее зарубежье“.

Вторая запись передаёт случай на ёлке в Броварской колонии в присутствии начальника ОТК (31 декабря 1936 г.): „В концертном отделении ряд недоразумений. Кашинец выскочил читать стихотворение «Вольный рабочий», юмористическая картина фашистской Германии. Пинкус не расслышал несколько слов и поднял крик – контрреволюция.

Два идиота, которым доверили чтение частушек, устроили перед частушками клоунскую болтовню, в которой такие перлы:

- Ты в какой партии?
- Я во второй.
- Как во второй? У нас одна партия!
- Было две. Одна пошла на Соловки, другая на Сахалин.
- А какой у тебя пол?
- Деревянный.
- Я занимался подпольной работой. Из подпола картошку таскал“.⁵⁵²

Осенью 1935 г., как известно, в СССР происходят три крупных внутриполитических события: начало стахановского движения (31 августа), постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О снижении цен на хлеб и отмене карточной системы на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель» (25 сентября), речь Сталина на 1-м Всесоюзном совещании стахановцев с крылатыми словами: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее» (17 ноября).

⁵⁴⁸ Андреев Л. «Верните Россию!». Статьи. Сост. И.Т. Андреева. – М., 1994, с.191.

⁵⁴⁹ „На велетенському фронті“ (На гигантском фронте), „Марш тридцатого года“, „Мажор“, в: СС, т.1 (1976), т.2 (1977), т.7 (1976).

⁵⁵⁰ В беседе с Г. Хиллигом (1994 г.).

⁵⁵¹ Зап. кн. № 6, запись № 586.

⁵⁵² Зап. кн. № 8, запись № 810.

В связи с этими пропагандистскими акциями в записных книжках можно найти размышления о советском обществе, которые частично приобретают форму аллегории. Есть такие записи: „Сентенция. Может быть вся социальная проблема и заключается только в гармонии централизации и децентрализации. В этом вопросе никак не найдут решения. Буржуазный лад – это децентрализация. Весь вопрос в том, кто сумеет сделаться центром и сумеет считаться организатором? Буржуй. Только такие центры дорого стоят.

А социализм. Как будто это централизация, но какое страшное трение. Бюрократы, как пыль, попавшая в машину“.⁵⁵³

„Дурак. Щёголь на обсуждении речи Сталина о стахановцах утверждает, что мы тоже можем быть стахановцами, нужно только внести организацию, какой у нас телефон. Карандаши, переводная бумага.

– Как скорее пропустить бумажку? Нужно это согласовать с другими учреждениями.

– Надо вводить стахановское движение“.⁵⁵⁴

Трудовой энтузиазм и массовое соцсоревнование, охватившие в те годы советское общество, рассматривались партийным руководством как высшая форма социальной активности и преданности граждан коммунистическим идеалам. Подвергнуть сомнению необходимость и целесообразность использования стахановского движения, т.е. ударного труда во имя социалистической родины, пускай даже в аппарате управления НКВД, где орудием труда были „карандаши и бумага“, считалось неосторожным и опрометчивым шагом Макаренко, изложившим в записной книжке своё отношение к чекистам-стахановцам.

В ней можно прочесть также и следующее: „Тема. На небесах усмотрели: выпустили из виду, что всегда на рай не обращали внимания. Насколько хорошо и актуально был организован ад, настолько небрежно и халатно рай. Ассортимент радостей почти не был разработан.

Реорганизация рая – вот тема! Надо дать доступные пониманию удовольствия. Возлежать на лоне и лицезреть бога, кому это может понравиться?“⁵⁵⁵

И через год, в связи с принятием сталинской Конституции на чрезвычайном 8-м съезде Советов СССР, Макаренко, присутствуя на собрании ленинградских писателей, перед которыми выступили делегаты съезда А. Толстой и Н. Тихонов, делает такую запись, неслучайно-намеренно, очень красивым, церковнославянским шрифтом: „Самочувствие человека в бесклассовом обществе. Это широчайшая тема. Отсутствие ощущения верхних давящих классов есть новая форма свободы, которая никем не показана. Есть новые виды гармонии людей, которые нужно показать. Это тем более должны сделать мы, потому что *мы помним ещё другую свободу*“.⁵⁵⁶

Рассуждение о „другой свободе“, а также о политических основах советского общества, выходило за творческие рамки педагога-писателя. Он, по-видимому, не был равнодушен к порочной командно-административной системе управления, которая являлась воплощением диктаторского режима. Примечательно, что его бывший идейный кумир – Бухарин, подготовивший проект сталинской Конституции, спустя несколько лет, находясь под арестом, написал фундаментальную книгу о роли интеллигенции в развитии общества, о сущности и значении советской демократии, о социализме и культуре.⁵⁵⁷

Неожиданной оказывается и такая запись (январь 1936 г.): „Из разговора. [...] Надо сравнивать не что есть и что было, а что есть и что было бы.

– Но мы не знаем, что было бы.

– Ну вот, значит невозможно никакое сравнение.

– [...] Эволюция темы.

В начале революции:

«Жизнь своё возьмёт». Это значило – рано или поздно уйдут большевики и вместо них будет какая-то жизнь, бюрократия что ли“.⁵⁵⁸

⁵⁵³ Зап. кн. № 6, запись № 604.

⁵⁵⁴ Там же, запись № 639.

⁵⁵⁵ Там же, запись № 630.

⁵⁵⁶ Зап. кн. № 8, запись № 790 (курсив наш – А.А./Г.Х.).

⁵⁵⁷ См.: Бухарин Н. Тюремные рукописи. Т.1: Социализм и его культура. // М., 1996.

⁵⁵⁸ Зап. кн. № 7, записи №№ 666, 667, 668.

Бюрократия и бюрократы – к этой теме, как типичному явлению советского общества („дикого мира“), Макаренко вновь и вновь возвращается в своих записях; например: „Бюрократам надо выдавать бумагу с ограничением. Не давать карандашей, ручек“.⁵⁵⁹ Или: „Тема. В будущей совершенной стране, где даже температура мира устанавливается по градуснику, снарядили экспедицию для изучения дикого мира, и в диком мире нашли трамвай, дураков и бюрократов“.⁵⁶⁰

С дураками и бюрократами всё ясно, но почему Макаренко был противником трамвая? Как видно из другой записи,⁵⁶¹ в этом транспортном средстве он усматривал, очевидно на основе своего мучительного опыта, кошмарное изобретение техники, „шлифовальный барабан“, в котором шлифуются „не гвозди, не кнопки, а люди“. После процедуры путешествия вышедшие на остановке „с воплем протестуют перед милиционером против неправильного технологического процесса шлифовки“, в результате чего у них „отламываются и уносятся в вихре шлифовки части нужные и полезные: глаза, пуговицы, кошельки, часы и портфели“.

В.В. Кумарин, впервые опубликовавший фрагменты из записных книжек Макаренко («Труды» Орехово-Зуевского пединститута; Москва, 1960 г.), вспоминает и такую запись: „Ну, ладно, мы строим светлое будущее. Но разве стоит это будущее того, чтобы нынешнее поколение жило в нищете, било вшей, влачило жалкий образ жизни?“⁵⁶²

В этом же контексте можно вспомнить критический подход к Советской власти Л. Андреева, который 22 апреля 1918 г., т.е. в день рождения Ленина, отметил в своём дневнике: „И то, что Азеф [секретный сотрудник департамента полиции, один из организаторов партии эсеров – А.А./Г.Х.] сделал в маленьком домашнем масштабе, то на мировой арене, в «планетарном» размере повторил Ленин и большевики. Вдруг оказалась невероятная вещь: пришёл Николай Угодник к болящему (сам, с сиянием), болящему не помог, а золотые часы унёс. Сам, с сиянием! Ясно, что там, где святые воруют, там Бог не живёт; и ушёл Бог из революции, и перестала она быть религией для мира, и превратилась она – в занятие. В дурное занятие, судя опять-таки по большевикам и их кощунственно-ужасным Совдепам. Синонимом дурака или мерзавца (по откровенному слову Троцкого) стал революционер“.⁵⁶³

Две записи относятся к вопросу, который в большей или меньшей мере касается непосредственно самого Макаренко – „партийность“ советского гражданина. В январе 1937 г. он отметил такую шутку: „Беспартийный поднял скандал из-за того, что на партсобрании секретарь про него и про другого беспартийного сказал:

– Они хоть и свои люди, а друг другу не спускают.

– Как это свои? Это я беспартийный и он беспартийный!“⁵⁶⁴

Кстати, заявление о „приёме кандидатом в члены ВКП(б)“ Макаренко, как известно, написал лишь 15 февраля 1939 г., т.е. за шесть недель до внезапной кончины. Возникает вопрос, почему он раньше не думал о вступлении в партию. Вовсе не потому, что это могло бы вновь стать возможным только с 1 ноября 1936 г., когда были сняты ограничения для вступающих, введённые в конце 1932 г. Предполагаемое объяснение этому даёт запись (от сентября 1935 г.) о «техническом отношении к вопросу о вступлении в партию». Там говорится: „Можно представить себе человека, который предан до отказа, но который не вступает в партию потому, что так удобнее работать“.⁵⁶⁵

БЛАГОДАРНОСТЬ

Авторы работы глубоко благодарны сотрудникам научных библиотек и архивов в Киеве, Харькове, Кременчуге и Москве, с которыми приходилось общаться во время многочисленных архивных изысканий, а также нашим друзьям и коллегам – за их активное

⁵⁵⁹ Зап. кн. № 6, запись № 522.

⁵⁶⁰ Там же, № 530.

⁵⁶¹ См.: там же, № 526.

⁵⁶² Дополнительные штрихи к портрету А.С. Макаренко. Беседа Г. Хиллига с В.В. Кумариным. (Марбург, 2 ноября 1988 г.). – Марбург, 1989 (серия „Opuscula Makarenkiana“, № 10), с. XLV.

⁵⁶³ Андреев Л. «Верните Россию!», с.181.

⁵⁶⁴ Зап. кн. № 8, запись № 833.

⁵⁶⁵ Зап. кн. № 6, запись № 547.

участие и поддержку при написании этой книги: Михаилу Гетманцу (Харьков), Эвелине и Эдгару Гюнтер-Шелльхаймерам (Берлин), Ирине Заковой (Марбург), Сергею Кудряшову (Москва), Василию Марочко (Киев), Наталье Микке (Мюнхен), Светлане Невской (Москва), Людмиле Образцовой (Пятигорск), Николаю Оксе (Мелитополь), Габору Риттершпорну (Берлин), Юрию Токареву (Нижний Новгород), Лидии и Владимиру Тумаевым (Москва), Анатолию Фролову (Нижний Новгород), Владиславу Хеделеру (Берлин).

Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935–1937 гг.) / Александр Абаринов, Гётц Хиллиг // Марбург: Makarenko-Referat, 2000 (Opuscula Makarenkiana, Nr. 22). – Предисловие: с. 15–17, исследование: с. 18–192.

ГРИГОРИЙ ВАЩЕНКО И АНТОН МАКАРЕНКО
Взаимоотношения двух полтавских педагогов

Гётц Хиллиг

I.

В феврале 1928 г. в полтавском журнале «Наше слово» под заголовком «Школа, яко громадсько-культурний центр» появилась статья, в которой говорилось: «(...) цілий ряд установ соціального виховання, так в РСФРР, як і на Україні, провели чимало цікавих спроб організувати громадсько-корисну роботу дітей, ув'язавши її з працею оточуючого населення.

Перед в цьому відношенні ведуть установи інтернатного типу: дитячі колонії та містечка. Як, наприклад, можна вказати на колонію ім. Горького, що була раніш в Ковалівці, Полтавської округи, а потім переведена на Харківщину. Вихованцями колонії з'являються майже виключно неповнолітні правопорушники – матеріал, надзвичайно трудний для виховання. Вони здебільшого пройшли сувору школу безпритульності, відчули на собі вплив злочинних елементів суспільства і сами стали на шлях злочинства. Здавалось би, ніякими засобами не можна виховати з цих дітей корисних членів громади. І дійсно, для старої школи з її нежиттєвим, книжним, навчанням, таке завдання було б зовсім не під силу. Але колонія Горького не тільки не відмовилась від такого завдання, а й блискуче його виконала.

Значна частина вихованців колонії вступає на робфаки. Можна чекати, що в майбутньому із бувших неповнолітніх злочинців вийдуть вчені й організатори нового життя. Частина бувших вихованців колонії веде передове життя в ролі рядових, чесних робітників. Такі успіхи колонії пояснюється тим, що вона стала на зовсім новий шлях організації педагогічної роботи. В основу всього життя колоністів вона поклала справжню працю, переважно сільсько-господарчого характеру. Праця є тим ґрунтом, на якому будується в колонії навчання, взаємні відношення між колоністами й колонійська дисципліна. В процесі дисциплінуючої праці колоністи гублять свої злочинні навички й виробляють у себе нахил до розміреного трудового життя. Разом з тим праця з'являється для колоністів могутнім засобом до того, щоби зв'язатись з трудовим життям оточуючого населення.

Колонія веде своє господарство і їй завше доводиться мати зв'язки з оточуючим селянством. Колонія сама прагне до того, щоби ці зв'язки були найміцніші і найрізноманітніші. Удосконалюючи техніку свого господарства і підносячи рівень свого колективного життя, вона робиться для оточуючих селян могутнім культурним осередком. Селяни вчаться у колонії нових і кращих засобів обробки землі, запозичають у неї кращі сорти сільсько-господарчих рослин, бувають на її вечірках, виставках, спектаклях і т. інш. При заснуванні колонії в Ковалівці селяни буквально жахались її і як кажуть, обминали десятою дорогою. З часом цього страху не лишилося й сліду. Селянство оцінило культурну діяльність колонії і за якісь два роки пройнялось таким довір'ям до неї, що охоче приймало бувших правопорушників у свій осередок, оддавало заміж за бувших колоністів своїх дочок і т. інш.¹

Автором данной весьма положительной оценки педагогической деятельности А.С. Макаренко, рассмотревшим её с необычных позиций (как это дальше следует из статьи) – во взаимосвязи с деятельностью Дьюи и Шацкого, – был психолог и педагог Григорий Григорьевич Ващенко, умерший в 1967 году в Мюнхене в 89-летнем возрасте.

¹ Ващенко Г. Школа, яко громадсько-культурний центр. // Наше слово. Літературно-громадсько-політичний та популярно-науковий ілюстрований додаток до газети „Більшовик Полтавщини”. 1928. – № 2. – С.33–35 (здесь – с.33–34); также в сб.: Hillig G. (Hrsg.). Makarenko-Materialien IV. Ucrainica. A.S. Makarenkos pädagogische Tätigkeit im Spiegel der ukrainischsprachigen Presse (1924–1937). – Marburg, 1992 (Beiträge zur sozialistischen Pädagogik, Bd.12) (далее ссылки как на: Ucrainica). – С.70–72.

II.

Как руководитель кабинета социальной педагогики и преподаватель, а позже профессор Полтавского института народного образования Ващенко имел научный интерес к работе Макаренко. Как никто другой, Ващенко занимался изучением методов воспитания в детских учреждениях Полтавщины, в том числе и в колонии им. М. Горького. До сих пор известны пять статей учёного, касающихся этой темы (за 1925–28 гг.). Кроме одной из них, опубликованной анонимно в центральном украинском журнале «Шлях освіти», эти публикации в СССР остались незамеченными, а судьба их автора, – после его появления в западногерманском издании в 1979 году,² замалчивалась. Показательным является подход двух выдающихся советских макаренковедов к данному вопросу. На Г. Ващенко как вероятного автора отчёта, опубликованного в вышеназванном журнале и подписанного инициалами «Г.В.», указывал ещё в 1965 году В.Е. Гмурман, на основании другой статьи в этом же номере, подписанной полным именем Г. Ващенко.³ Однако о том, что автор позже покинул свою родину, Гмурману вообще не было известно. Уже зная о вышеупомянутой зарубежной публикации, А.А. Фролов в 1988 году писал по поводу отчёта в журнале «Шлях освіти»: «Г. Ващенко, один из руководящих работников Полтавского губнаробраза (!), в годы фашистской оккупации сотрудничал с фашистами, затем был профессором педагогики в ФРГ».⁴

Украинец Ващенко, родившийся в 1878 году на Полтавщине, происходил, как он сам об этом сообщил в своей автобиографии, опубликованной в 1963 году в Мюнхене, из старинного казацкого рода, получившего дворянство в XVIII веке. Отец его был вначале управляющим поместья, а затем – помещиком.⁵ Однако в своей анкете в феврале 1927 г. из архивных фондов Наркомпроса УССР в графе «Соц. походження» он пишет «Батько „личный дворянин“, мать кріпачка»,⁶ и, в конце концов, в личной листке за декабрь 1930 г. из всего этого получились для того времени вполне безобидные данные о его происхождении – «селянин».⁷

В 1899 году, после восьмимесячного учительствования, Ващенко поступил в Московскую духовную академию.⁸ Выдержав экзамены по общеобязательным теологическим и специальным предметам (теория словесности, история иностранных литератур, русский и церковнославянский язык), в 1903 году он получил степень кандидата богословия.⁹ Закончив академию, Ващенко преподавал в церковных и государственных школах Украины, Грузии, России; последнее место его службы – Ромный под Полтавой.¹⁰ На вопрос о том, какими языками владеет, в 1927 году он ответил: «українського (викладаю), російського (викладав), німецького (читаю и пишу)»: и в графе «Скільки часу й якими мовами викладав, де, коли й який час» сообщил такие данные: «Російського 15 років, українського 10-й рік».¹¹

III.

После Февральской революции Ващенко принимал активное участие в переквалификации учительства: преподавал новый язык обучения – украинский, вёл языковые

² Hillig G. Zur zeitgenössischen Aufnahme der pädagogischen Ideen A.S. Makarenkos. Das Zeugnis des ukrainischen Erziehungswissenschaftlers H. Vaščenko. // Schritte... Beiträge und Studien zur Vergleichenden Erziehungswissenschaft und zur Lehrerbildung. Isabella Rüttenauer zum 70. Geburtstag. Hrsg. v. F.W. Busch. – Oldenburg, 1979. – С. 349–375; также в ж.: Pädagogik und Schule in Ost und West. – 1979. – № 3. – С. 65–76.

³ См.: Советская педагогика. 1965. – № 3. – С. 98.

⁴ Фролов А.А. А.С. Макаренко и педагогика его времени. (В помощи изучающим проблему коммунистического воспитания. – Горький, 1988. – С. 45.

⁵ Ващенко Г. Моя автобіографія. // Український Вільний Університет. Філософічний факультет. Наукові записки, № 7. – Мюнхен, 1963. – С. 5–9 (ссылки как на: Автобіографія); записи из частного архива О.Г. Ващенко в Мюнхене.

⁶ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.1059, л.1.

⁷ Там же, л.2 об.

⁸ Там же, л.1.

⁹ См.: ЦГИА Укр., ф.707, оп.299, ед.хр.6, лл.168–173.

¹⁰ ЦГАВО Укр., ф.116, оп.12, ед.хр.1059, л.1 об.; Автобіографія. – С.6.

¹¹ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12. ед.хр.1059, л.1.

курсы. За эту активность он был арестован как украинский националист при взятии Полтавы проходящими войсками «белой» добровольческой армии генерала Деникина в августе 1919 г.¹²

Глубокий интерес Ващенко к литературе повлиял не только на выбор им вышеупомянутых «спецпредметов» в Духовной академии. С 1910 года были опубликованы несколько его художественных произведений на украинском языке: пьеса «Сліпий», два рассказа – «Самотній», «Фесрія», и первая часть романа «До ґрунту»,¹³ и не удивительно, что в прошении нового директора Полтавского учительского института А.А. Левицкого от 17 октября 1917 г. к попечителю Киевского учебного округа среди предметов, которые Ващенко мог бы преподавать наряду с педагогикой, психологией и логикой, названа «теория и психология художественного творчества».¹⁴ Как он сообщает в своей автобиографии, переход из писательской сферы в педагогику и психологию произошёл у него под влиянием трудов П.Ф. Лесгафта.¹⁵

15-летняя деятельность учёного в Полтавском учительском институте, ставшим в 20-е годы вузом, началась непосредственно после украинизации учреждения. В то время Макаренко, окончивший ещё «русский» институт (июнь 1917 г.), нашёл на несколько месяцев место учителя в городском образцовом училище, а также должность делопроизводителя этого заведения. Там он протоколировал (как и раньше, на русском языке!) заседания педсовета учительского института и среди них то (от 22 сентября 1917 г.),¹⁶ на котором обсуждалось заявление Ващенко о приёме на работу в институт от 8 сентября 1917 г.¹⁷ Маловероятно, чтобы оба педагога встречались уже тогда.¹⁸

В начале 1918 г., работая в Полтавском учительском институте, Ващенко стал директором учительской семинарии в соседнем местечке Шведская Могила, где, по его собственным словам, «чітко проводив українську національну лінію».¹⁹ О том же, как он на самом деле проводил «национальную линию», можно судить на основании протокольной записи его выступления на Втором Всеукраинском учительском съезде в Киеве 10–12 августа 1917 г. по докладу Софии Русовой «Национальная школа». Там говорится: «Ващенко радить заснувати українську педагогічну Академію, а поки що закликає слухачів робити психологічні експерименти над учнями».²⁰ О многих заслугах кумира теперешних украинских националистов на ниве педагогики уже известно, но то, что он ещё до Великой Октябрьской социалистической революции высказал предложение организовать национальную академию педагогических наук, которая появилась лишь на постсоветской Украине, это новый, никому из «ващенковедов» неизвестный факт. Также неслучайным является то, что учёный здесь особо подчёркивал значение психологии в педагогической науке.

Должность директора учительской семинарии Ващенко занимал вплоть до лета 1920 г., когда после взятия Полтавы Красной Армией в здании семинарии разместили концлагерь. Об этом событии, запотоколированном на заседании президиума Губисполкома Полтавщины,²¹ Ващенко упоминает и в мюнхенской автобиографии,²² умалчивая здесь о своём назначении лектором психологии Полтавского ИНО в августе 1920 г.²³

¹² Автобіографія. – С.7.

¹³ Из 2-ой части романа «До ґрунту» были опубликованы отдельные главы в ж. «Наше слово» 1928 г.: ч.3. – С.13–18 («Кара»); ч.5. – С.3–9 («Мрії й дійсність»); ч.7–8. – С.3–7 («Годі мрій»).

¹⁴ ЦГИА Укр., ф.707, оп.299, ед.хр.6, л.163.

¹⁵ Автобіографія. – С.6.

¹⁶ ЦГИА Укр., ф.707, оп.299, ед.хр.6, л.164.

¹⁷ Там же, л.165.

¹⁸ В статье, опубликованной в 1955 г. в журнале «Вихвольний шлях» (см. прим.76), Ващенко пишет, что он знал Макаренко «с 1919 по 1925 г.г.» Это означало бы – знакомство их состоялось лишь осенью 1919 г., когда Макаренко в Полтаве руководил городским начальным училищем.

¹⁹ Автобіографія, с.6; см. также: ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.1059, л.1 об.

²⁰ Всеукраїнський учительський з'їзд. Тези докладів, дебати, постанови. – Київ, 1917. – С.16.

²¹ См.: ГАПО, ф.Р-3872, оп.1, ед.хр.108, лл.18–27.

²² Автобіографія. – С.7.

²³ См.: ЦГАВО Укр., ф.166, оп.1, ед.хр.950, л.36.

С 1921 по конец 1923 г. он, как можно прочесть в своей автобиографии, был организатором и руководителем так называемой «украинской педагогической школы» (учреждения по подготовке «народных учителей-патриотов») в Беликах Полтавской губернии. Время, когда студенты наряду с учебными занятиями изготовляли приборы для психологических измерений и с их помощью проводили опыты по экспериментальной психологии, а также давали спектакли и хоровые концерты для окрестных жителей, Ващенко-эмигрант назвал «наиболее активным периодом» в своей жизни.²⁴

Документальное утверждение деятельности учёного в Беликах можно найти в архивном фонде Наркомпроса УССР «Материалы про стан і роботу Білицьких 3-х річних педагогічних курсів ім. Грінченка», а именно в отчёте этого заведения от 31 июля 1923 г. о работе за 2-й триместр данного года. Здесь на вопрос «Які методи навчання вживаються в школі?» завпедкурсами Ващенко ответил: «Порівнюючи з 1 триместром, значно ширше вживався метод лабораторій, хоч разом з тим вживався метод лекційний. Для засвоєння методів роботи в новій школі, слухачі педкурсів відвідували семирічну досвідну школу при курсах і дитбудинках, при чому велись щоденники куди записували свої враження і спостереження, а також приймали участь в роботі досвідних установ. Крім того, слухачами педкурсів проводились під керівництвом завпедкурсів експериментальні дослідження над дітьми семирічної школи і дитбудинку, а також проводились анкети, результати яких будучи обробленими, подавались в діаграмах. Анкети проводились також і в інших школах, наприклад, в м. Царичанці, де було зроблено і обслідування фіз. стану дітей з метою порівняння зі станом дітей Білицьких. Широко вживався лабораторний метод в галузі природознавства: в природознавчому кабінеті виготовлялись препарати, робились чучела, колекції мінералів, гербарії рослин, зібраних в 1 триместрі, виготовлялись таблиці і інш.». И в графе «В чому виявилася роля установи, як культурного осередка між місцевим населенням?» можно прочесть: «В улаштуванні лекцій, концертів, педагогічних конференцій, природничого музею, який уже часто відшотижня, то вони мали значення як засіб пропаганди ідеї нової трудової школи серед учительства. Концерти і вистави давались не тільки в м. Біликах, а і в інших місцях і мали визначний успіх серед населення».²⁵

IV.

Вернувшись в Полтаву, он вновь стал преподавателем ИНО (факультет соцвоса).²⁶ Согласно протоколам Бюро секции научных сотрудников Полтавского губотдела Робоса, с сентября по декабрь 1924 г. Ващенко активно участвовал в работе секции. В её календарном плане на 15 января 1925 г. предусматривался «доклад тов. Ващенко».²⁷ Протокол данного заседания пока не найден. Весной 1925 г. он стал руководителем только что открывшегося кабинета социальной педагогики Полтавского ИНО, который занимался в экспериментальном педологическом отделе изучением детского коллектива по схемам, разработанным А.С. Залужным.²⁸ Может быть, тогда эта работа Ващенко подтолкнула Макаренко на проведение летом 1925 г. педагогических экспериментов, с помощью которых он хотел исследовать процесс воспитания.²⁹

В сентябре 1925 г. Ващенко назначили на должность «профессора по педагогическим дисциплинам»³⁰ и, скорее всего в это же время, стал и заведующим кафедрой педагогики ИНО.³¹ Согласно годовому отчёту института о работе за 1925/26 уч. годы, Ващенко

²⁴ Автобіографія. — С.7.

²⁵ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.3, ед.хр.257, лл.1–6.

²⁶ См.: там же, оп.2, ед.хр.1163, л.6 (1923 г.). В другом документе (ЦГАВО Укр., ф.331, оп.1, ед.хр.37, лл.64–65) Ващенко уже 18.08.1922 г. проходит как преподаватель полтавского вуза.

²⁷ См.: ЦГАВО Укр., ф.331, оп.1, ед.хр.158, лл.32–40.

²⁸ Ващенко Г. Работа полтавського кабінету соціальної педагогіки за 1925 р. // Шлях освіти. — 1926. — № 2. — С.135–137; также в: Записки Полтавського І.Н.О., т.1. — Полтава. — (1926). — С.63–66.

²⁹ См. отчёт Макаренко «К вопросу об организации кабинета научной педагогики». // А.С. Макаренко, кн.7. — Львов, 1969. — С.147–157.

³⁰ См.: ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.1059, л.2 об. — Назначение Ващенко в качестве «профессора 2-ой группы» было утверждено Наркомпросом 06.02.1926 г.; ЦГАВО Укр., ф.166, оп.6, ед.хр.4752, л.1.

³¹ Автобіографія. — С.8.

читал лекции по рефлексологии, педологии, НОТ в педагогике, дидактике трудшколы.³² В 1931 году он принял также заведование только что открывшейся при кафедре педагогики аспирантурой.³³ В декабре 1930 г. число его научных публикаций достигло «приблизительно 40 работ».³⁴ Само собой разумеется, что в то время все свои исследования он писал на родном украинском языке. Кстати, в 1930 году ИНО был переименован в Институт социального воспитания, а в 1933 году – в Педагогический институт.

По поводу отношения учёного к Советской власти характерно его выступление на закрытом собрании партячейки (!) Полтавского ИНО 21 октября 1925 г., где, согласно протоколу, «т. Ващенко» сказал: «Во время военного коммунизма, когда нужно было отстаивать завоевания, я был другим и т.д.

Теперь время мирного строительства требует метода широкого демократизма, когда масса принимает самое оживлённое участие в строительстве, каждый комсомолец и партиец должны искусно втянуть беспартийную массу в работу, а не командовать ею».³⁵ До сих пор неизвестно, с какой целью парторганизация на своём закрытом собрании предоставила слово беспартийному заведующему кафедрой педагогики. Большевикам, очевидно, была известна его лояльность по отношению к строительству социализма на Украине.

Учитывая его национальную и политическую ориентацию, не следует удивляться тому, что Ващенко поддерживал отношения с другими представителями украинской интеллигенции, которых причисляли тогда к «Союзу освобождения Украины» (СВУ) или «Украинскому национальному центру» (УНЦ).³⁶ По свидетельству его ученика в Мюнхене Г. Васьковича,³⁷ Ващенко официально не вошёл в этот круг украинской интеллигенции лишь потому, что непосредственно перед отъездом на собрание учёных в Харьков порезался во время бритья.³⁸ Позже Васькович доверительно рассказывал земляку³⁹ о «дружеской беседе», в результате которой Ващенко «перепало под глаз», что на самом деле и было причиной его отсутствия на собрании СВУ. Иначе ему бы, возможно, пришлось весной 1930 г. находиться в малоприятной ситуации в зале суда по разные стороны ограждения с судьёй И.А. Соколянским... Однако несколько лет спустя Ващенко почти постигла участь его харьковского коллеги, арестованного в то время: в конце 1933 г. «совершенно неожиданно», как следует из мюнхенской автобиографии, Ващенко был обвинён в «буржуазном национализме» и как «враг народа» уволен из института.⁴⁰

Действительно, о его «вредительской деятельности» сообщила областная газета «Більшовик Полтавщини» 9 января 1934 г. в статье директора пединститута П. Койнаша – «До кінця викрити рештки націоналістичної контрабанди в педінституті» – Ващенко обвинили в том, что его кафедра не стала инициатором обсуждения в институте постановления ЦК КП(б)У о УНИИПе (октябрь 1933 г.). В статье подчёркивалось, что парторганизация института избавилась от «националистических элементов среди студентов и преподавателей».

³² См.: ЦГАВО Укр., ф.166, оп.7, ед.хр.111, л.7 об.

³³ Автобіографія. – С.8. – Эти документально подтверждённые данные (см.: ГАПО, ф.Р-1507, оп.1, ед.хр.5, л.1 об.) противоречат материалу, написанному к 25-летию юбилею Полтавского пединститута, где говорится, что аспирантура на кафедре социального воспитания была создана не в 1931 г., а в 1933 г.; Данишев С.О. До 25-річчя Педінституту. // Наукові записки Полтавського державного педагогічного інституту. (Юбілейне видання 1921–1946 р.р.). – Полтава, 1946. – С.10–17 (здесь – с.15).

³⁴ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.1059, л.2 об.

³⁵ ГАПО, ф.П-251, оп.1, ед.хр.4736, л.183.

³⁶ См. показания обвиняемого А.И. Попова (от 15.04.1931 г.), который приписал Ващенко и к «Центру» и к «Союзу»; Харьковский архив СВУ, ф.022092, т.2, л.228.

³⁷ В беседе с автором (1979 г.).

³⁸ В противоречие к этому высказыванию Г. Васькович в своей книге о Г. Кершенштейнере и школьной системе Украины пишет, что Ващенко был членом СВУ; Waskowycz H. Georg Kerschensteiner und das ukrainische Schulwesen. – München, 1976. – С.217.

³⁹ Н.Н. Окса (1994 г.).

⁴⁰ Автобіографія. – С.8. – Последняя публикация Г. Ващенко в украинской педагогической прессе: Філософія прагматизму, як методологічна основа методу проєктів. // Праці Полтавського Педагогічного Інституту. Педолого-педагогічна кафедра. Кафедра діамату, вип. № II. – Полтава, 1934 (разрешение на публикацию: 27.11.1933 г.). – С.3–24.

дователей» в конце 1933 г.⁴¹ Об «изгнании» Ващенко речь шла также и на заседании комиссии по чистке парторганизации пединститута 16 июня 1934 г.⁴²

После двух с половиной лет «запрета на профессию» осенью 1936 г. во время пребывания в Москве ему, как говорится в автобиографии, почти «случайно» и неожиданно предложили профессию и заведование кафедрой педагогики в Сталинградском пединституте. Там он работал до 1940 года, мог вновь публиковать научные статьи, разумеется только на русском языке (в Сталинграде и Москве).⁴³ Среди них следует отметить одну, посвящённую критике взглядов Ж. Пиаже по вопросам «воспитания мышления дошкольников».⁴⁴

V.

В 1940 году его опять пригласили в полтавский вуз, в котором он вновь принял заведование кафедрой педагогики и руководство аспирантурой. Эти сведения автобиографии документально подтверждены архивными данными: «20 сентября 1940 г., – сообщает Полтавский пединститут в письме Наркомпросу УССР, – кафедра педагогики при пединституте пополнилась новыми работниками и окрепла: возвратился в институт бывший руководитель аспирантурой профессор Ващенко Г.Г. (...)».⁴⁵ В списке профессорско-преподавательского состава института от 28 июля 1941 г. Ващенко значится как самый высокооплачиваемый преподаватель с окладом 1200 рублей.⁴⁶ Как следует из плана научной работы Полтавского пединститута на 1 марта 1941 г., темой его исследования являлось «Развитие и воспитание языка и мышления детей дошкольного возраста», в качестве заключительной главы докторской диссертации учёного – «Речь детей дошкольного и дошкольного возраста как средство общения». Этот труд – продолжение его исследования учения Пиаже – Ващенко планировал закончить к 1 июня 1941 г.⁴⁷

Одним из последних следов его деятельности при Советской власти является опубликованный отчёт о конференции руководителей педвузов Украины в майском номере журнала «Комуністична освіта» за 1941 год. Эта конференция проходила с 31 марта по 3 апреля в Наркомпросе в г. Киеве, где среди участников был и «профессор Полтавского пединститута тов. Ващенко».⁴⁸ О его выступлении можно прочитать в «Учительской газете»: «Профессор Полтавского института тов. Ващенко предлагает внести изменения в практику преподавания педагогических дисциплин. На первом курсе следует читать историю педагогики, на втором – педагогику и на третьем – методику».⁴⁹

Во время войны (в 1942 году) по поручению Спецотдела науки основной группы «Украина» Штаба Имперского руководителя Розенберга для оккупационных областей Ващенко написал работу на русском языке о развитии педагогики и школы в Советском Союзе; позже в Англии появился её частичный перевод на украинский.⁵⁰ Значение, которое немецкие власти придавали этой работе, явственно следует из письма руководителя «отдела просмотра» Прокша, вторую его страницу вместе с немецким переводом 1-ой части работы Ващенко «Die theoretischen Grundlagen der Sowjetpädagogik» (Теоретические основы советской педагогики) я нашёл в архиве Штаба Имперского руководителя

⁴¹ Більшовик Полтавщини. – 1934. – № 8. – С.2.

⁴² ГАПО, ф.П-12, оп.1, ед.хр.72.

⁴³ Автобіографія. – С.8.

⁴⁴ Ващенко Г.Г. Детские вопросы в форме «почему». К критике учения Пиаже в связи с вопросом о воспитании мышления дошкольников. // Учёные записки Сталинградского гос. пед. института, т.1. – Сталинград, 1939. – С.104–129; Ващенко Г. Детские вопросы «почему» и ответы воспитателя. // Учительская газета. – 1940. – № 64, 13.05. – С.2; см. также: Ващенко Г.Г. Сообщающая беседа. Место сообщающей беседы в процессе сообщения. // Советская педагогика. – 1939. – № 7. – С.37–44.

⁴⁵ ГАПО, ф.Р-1507, оп.1, ед.хр.5, лл.1 об., 3 об.

⁴⁶ Там же, л.21.

⁴⁷ ГАПО, ф.Р-1507, оп.1, ед.хр.16, лл.19, 33.

⁴⁸ Комуністична освіта. – 1941. – № 5. – С.106.

⁴⁹ Совещание руководящих работников педагогических вузов Украины. // Учительская газета. – 1941. – № 41, 04.04. – С.2.

⁵⁰ Ващенко Г. Основні лінії розвитку радянської педагогіки і школи. // Визвольний шлях. – 1965. – С.2939, 283–294, 378–391, 763–774, 1060–1072, 1179–1197; 1966. – С.403–414, 668–675.

Розенберга в Киеве. Письмо адресовалось в Берлин, по всей вероятности в Основной штаб науки Центрального оперативного штаба Имперского руководства НСНРП. В нём содержалась просьба разослать копии 1-ой части текста, а позже и всей книги четырём означенным в письме лицам, ответственным как члены партии за «немецкое воспитание»: министерсдиректору проф. Альберту Хольфельдеру – Райхсминистерство воспитания и обучения (Берлин), гебитсфюреру Курту Петтеру – ответственному начальнику школ им. Адольфа Гитлера (Берлин), СС-оберфюреру Курту Эллерсику – командующему СС-маншафтсхейсер (Берлин), партайгеноссе Бруну – руководителю главотдела агитации НСНРП (Мюнхен).⁵¹

Летом 1943 г. Ващенко переехал из Полтавы в Киев, а позднее в Германию (в американскую зону). В конце 1945 г. он стал профессором педагогики в только что основанном Украинском Свободном Университете (УВУ), а в 1950 году наряду с этим – ректором Украинской богословской Академии (оба заведения находились в Мюнхене).⁵² В то время им были подготовлены научные публикации (все они появились на украинском языке в Мюнхене, Лондоне, Торонто).

VI.

С опытом колонии им. М. Горького и её заведующим учёный познакомился ещё во время своей деятельности в Беликах. Тогдашний (с 1923/24 уч. г.) слушатель педкурсов Л.Т. Коваль⁵³, который до перехода на работу в руководимую Макаренко колонию (июль 1925 г.) не раз имел с Ващенко дела в качестве секретаря комсомольской фракции педкурсов и райкома комсомола, характеризует его⁵⁴ как «человека высокой квалификации и всесторонней эрудиции», а также «националиста по убеждению». Позже⁵⁵ Коваль дополнил своё высказывание: «На лекциях он хорошо отзывался о колонии и А.С. Макаренко. Говорил, что у этой воспитательной системы большое будущее и что мы поедем на экскурсию, чтобы убедиться воочию в правдивости его слов. Но экскурсия не состоялась. Однако под впечатлением лекции профессора Ващенко мы с другом-слушателем самостоятельно посетили колонию. Ващенко на лекциях молился на Макаренко как на Бога в педагогике. Он был знаком с А.С. Макаренко и к его системе воспитания относился хорошо. Лекции же он читал слабо, но с каким восторгом он говорил о Макаренко!»

Высокая оценка Ващенко деятельности Макаренко в колонии им. М. Горького, которую приводит Л.Т. Коваль, получила своё документальное отражение в книге «5 лет работы с детьми-правонарушителями. Сборник статей работников Полтавских учреждений для правонарушителей под редакцией профессора Ващенко. Издан. Полтавской комиссией по делам несовершеннолетних», вышедшей осенью 1925 г. в Полтаве. Экземпляр рукописной (!) книги, размноженной стеклопринтным способом (тираж – 100 экз.), был найден несколько лет спустя Н.М. Кулиничем в фондах научной библиотеке им. И. Котляревского в Полтаве.⁵⁶ Среди авторов этого уникального сборника – тогдашний председатель окружной комиссии по делам несовершеннолетних Б. Ольшанский («Детская беспризорность и борьба с нею в Полтавщине», стр.1–30), А. Макаренко («Очерк работы Полтавской колонии им. Горького», стр.31–49). В предисловии, которое в книге является единственным текстом на украинском языке, Ващенко среди прочего пишет: «Індивідуальний підхід до правопорушника зі здоровою спадковістю потрібний тільки при вивченні його з метою помістити його в ту або іншу установу соціального виховання, а після цього всяке виділення його із маси дітей є недоцільним.

⁵¹ См.: ЦГАВО Укр., ф.3676, оп.1, ед.хр.207, лл.67–113 (здесь – с.67). – Перевод содержания и некоторых страниц текста 2-ой части работы Ващенко нашёл Н.Н. Окса также в фондах киевского архива Штаба имперского руководителя Розенберга; ЦГАВО Укр., ф.3676, оп.2, ед.хр.4.

⁵² Автобіографія. – С.8.

⁵³ См.: ЦГАВО Укр., ф.166. оп.3, ед.хр.257, л.7.

⁵⁴ В беседе с Н.Н. Оксой (1985 г.).

⁵⁵ Также в беседе с Н.Н. Оксой (1992 г.).

⁵⁶ См.: Кривонос И. Интересная находка. // Народное образование. – 1987. – № 11. – С.92; также (вариант): Советская педагогика. – 1988. – № 1. – С.106–108. Тот факт, что Ващенко был составителем этого сборника, здесь замалчивался.

І це прекрасно довела практика роботи колонії ім. Горького. Це установа, якою вправі пишатись Полтава. Досягнення її, дійсно, великі. Порівнюючи, за короткий час свого існування, вона випустила багато чесних робітників, із них 30 рабфаківців. Дітиправопорушники обертаються в ній у жвавих і працездатних юнаків, що з захопленням ведуть господарчу роботу й працюють в школі над своїм розвитком. Любо дивитись на роботу колоністів, остільки в ній багато свідомості та спритності. Але найбільше вражає те, що життя в колонії направляється безпосередньо самими правопорушниками. Вихователів та адміністрації майже не видно. Вони або працюють разом з дітьми, або ведуть свої господарсько-адміністративні справи, що безпосереднього відношення до керування дітьми не мають. Коли б завідувачий колонії, що дав їй напрямок в роботі, залишив її на декілька днів, то порядок в житті її не був би порушений. Колонія не тільки не вживає якогось індивідуального підходу до правопорушників, але приципово не цікавиться минулим дітей і прагне того, аби вони були його.

Великі досягнення в роботі колонії пояснюються виключно умілою організацією життя правопорушників на ґрунті продуктивності праці. Діти працюють в господарстві, і сама робота показує, які організаційні форми з'являються найбільш придатними для роботи. Для розвитку у дітей почуття відповідальності перед колективом, а також для виробу у них здорових норм поведінки праця проводиться по певним планам, виробленим самими дітьми при участі вихователів, і, крім того, ведеться ретельний облік як роботи дітей, так і роботи вихователів. Можна не погоджуватися з деякими деталями в роботі колонії ім. Горького, але основна думка, на якій базується остання, думка про те, що головною умовою для здорового виховання неповнолітніх-правопорушників є доцільна організація колективного життя, – безумовно, вірна».⁵⁷

VII.

Полгода спустя после подготовки полтавского сборника и за два года до выхода в свет статьи «Школа, яко громадсько-культурний центр» появился отчёт Ващенко о конференции работников «учреждений закрытого типа» (15–16 января 1926 г.), который по отношению к Макаренко и колонии им. М. Горького был уже не столь позитивным. Статья, подписанная, как ранее упоминалось, лишь инициалами Г.В., появилась в февральском номере харьковского журнала «Шлях освіти», органа Наркомпроса.⁵⁸ В ней автор дал сначала яркую картину основных бед в «учреждениях закрытого типа», как они были названы на конференции: «(...) наші дитячі будинки та колонії зовсім не відповідають своєму призначенню. Вони не готують дітей до життя. Перед ними немає ніяких перспектив. Робота ведеться по інерції (...). Трудові звички прищеплюються дітям остільки слабо, що вони виходять з установ без всякої підготовки до будь-якої професії. Тому влаштуватись підліткам, бувшим вихованцям дитячих будинків, надзвичайно важко: їх не хочуть брати ні селяни, ні ремісники. В самих будинках постановка справи в цілому дуже кепська. У дітей не виховується свідомість відповідальності. Серед них помічається часто розбещеність, неприпустимо грубе відношення до педагогічного персоналу й т. ін. Отже, можна сказати, що наші установи соціального виховання готують із дітей майбутніх правопорушників, бо тільки невелика частина їх виходить дійсно відготованою до трудового життя».

В самом начале этого отчёта Ващенко констатировал «деякі небезпечні симптоми, що на них слід зупинитись». Было сказано, что данное мероприятие, «без сумніву, одна з найцікавіших педагогічних конференцій, що відбулися до цього часу в м. Полтаві», а также: «Конференція пройшла під знаком ревізії не тільки методів, а почасти й основних ідей соціального виховання, що вважаються за загально-прийняті в наших дитячих установах». Позже эта надвигающаяся угроза советской педагогике была конкретно названа как отклонение от её основных принципов, которое в работе конференции начиналось «з того моменту, коли вона приступила до обговорення питання про організацію внутрішнього життя дитячих установ і про дисципліну. *Загальний тон у цій роботі був даний представником трудової колонії ім. Горького*» (подчёркнуто в оригинале).

В связи с этим отмечается, что труд является основой и важнейшим организационным фактором жизни колонистов (распределение детей по отделениям по трудовому

⁵⁷ 5 лет работы с детьми-правонарушителями. – С.IV–V.

⁵⁸ В. Г. Конференція робітників установ соц. виховання закритого типу в м. Полтаві. // Шлях освіти. – 1926. – № 2. – С.138–141; также в сб.: *Ucrainica*. – С.17–20.

принципу, строгая трудовая дисциплина). «Все це не суперечить, а, навпаки, цілком сходиться з теоретичними поглядами радянської педагогіки». Опасность автор видел в другом. Во-первых, в том, что Макаренко в своём выступлении отрицал педагогику, «видкинув всяке значіння для педагогічної роботи педагогічної літератури», хотя «представитель трудовой колонии им. Горького», как замечает Ващенко, «за його словами, читає багато педагогічних книжок, що дають йому можливість триматися на рівні сучасної педагогічної думки». Во-вторых, в позиции Макаренко по отношению к наказаниям: «(...) не тільки надає великого значіння карам як засобу виховання, не тільки радиться їх вживати в колоніях для неповнолітніх правопорушників, але й взагалі в установах соціального виховання й пропонує навіть скласти положення про кари відповідно вчинкам дітей. Це своєрідне “уложение о наказаниях” мусить бути складене компетентною комісією, щоби воно могло бути широко використано в інших установах». Однако наказание, по мнению докладчика, у завкола «в його установі фактично не відобрає великої ролі».

Докладчик оценил как симптом «неблагополучия», и не только симптомом «неблагополучия», но и «симптом реакції» «співчуття учасників конференції до думки про кари в установах соціального виховання». Он видел опасность и в том, что «при спробах налагодити життя в установах, учительство звернеться до старих, засуджених педагогікою засобів виховання, якими є кари». К этой же мысли Ващенко возвращается в конце своего доклада: «(...) потрібні певні зусилля, щоби сучасні ідеї соціального виховання не перекручувалось і ми не повертались до старих засобів виховання. Бороться за досягнення радянської педагогіки слід як на сторінках наших часописів, так і на педконференціях, з'їздах, нарадах».

Вариант отчёта об этой конференции появился в размноженном на гектографе журнале Полтавского ИНО. Он содержит следующие извлечения из выступлений о колонии им. М. Горького и её руководителе: «Треба зазначити, що ця колонія одна з найкращих, а може й найкраща на Україні. Вона дійсно виховує із дітей-правопорушників корисних громадян з певними трудовими звичками й робочою дисципліною. Досягнення колонії пояснюються, головним чином, тією повною відданістю й захопленням роботою, що характеризують Макаренка. Маючи безсумнівний педагогічний хист та великий запас енергії, Макаренко зумів захопити працю, так своїх співробітників, як і дітей. Що ж до організації життя колонії та методів виховавчої роботи, що вживаються в ній, то вони з'являються приложенням до життя ідей кращих представників трудового виховання».⁵⁹

VIII.

Другая стаття Н. (!) Ващенко с высказыванием о колонии им. М. Горького «Досягнення установ соціального виховання інтернатного типу на Полтавщині» имеется в книге под названием «Дитяче містечко. Збірник методичних матеріалів, за ред. В. Дюшен».⁶⁰ Издание появилось в феврале 1928 г. в Харькове⁶¹ и представляло собой, прежде всего, материалы Киевского и Полтавского округов. В нём, как и в статье «Школа, яко громадсько-культурний центр», автор опять возвращался к своей прежней позиции по отношению к работе Макаренко (т.е. уважение и восхищение), а опасности для молодой советской педагогики, на которые он указывал ещё на Полтавской конференции в январе 1926 г., видимо, улетучились после перевода колонии с его «участка» на Харьковщину.

Сначала Ващенко констатирует, что центральное место, отводимое детдому в системе соцвоса, тот до сих пор не смог занять из-за нехватки денег. Это привело к тому, что по сравнению с менее дорогой школой на него будут обращать мало внимания и в теоретическом плане. В детдома приходили также менее квалифицированные работники, которые к тому же недолго задерживались в них. Работа же в детдоме труднее, чем в школе. И дальше идут строки, прямо относящиеся и к Макаренко: «Зато будинки висунули немало справжніх героїв-педагогів, що, не зважаючи на тяжкі умови праці, не залишали її, виявляючи багато творчості в своїй роботі. Між ними є ентузіасти типу Песталоцці, пройняті діяльною любов'ю до дітей, позбавленою всякої сентиментальності, енергійні

⁵⁹ В-о. Г. Конференція робітників установ соціального виховання закритого типу в м. Полтаві 1926 року. // Записки Полтавського І.Н.О., т.1. – (1926). – С.172–176; также в сб.: *Ucrainica*. – С.26–30.

⁶⁰ Дитяче містечко. – С.11–17; также в сб.: *Ucrainica*. – С.75–81.

⁶¹ См.: Літопис українського друку. – 1928. – № 7–8. – С.161.

організатори з міцною волею та з великим адміністративним хистом, талановиті господарі, що з нічого утвердили міцне господарство дитячого будинку».

О руководимой Макаренко колонии, переведённой в Куряж, прямо сказано: «є дитячі установи, організація яких надзвичайно струнка та суцільна, і цілком збудовано їх за виробничим принципом. Зразок таких дитячих установ являла, наприклад, трудова колонія ім. Горького на Полтавщині. В основу організації життя колоністів тут дійсно покладено працю. Всі різноманітні дитячі організації, а також і виховні заходи педагогічного персоналу послідовно поставали з неї.

В колонії панувала сувора робоча дисципліна, що її диктувала не воля завідателя або педагогічного персоналу, а логіка самого господарства. Цій дисципліні підлягали не лише вихованці, але й педагоги. Варто уваги, що стрункий лад життя в колонії підтримували самі вихованці. Самоврядування побудовано тут до певної міри на військовий зразок. За головний виконавчий орган його була рада командирів. Колонія мала свій прапор, його виносилось в урочистих випадках, і колоністи мусили віддавати йому шану. Завідатель колонії, що користувався серед колоністів великим авторитетом, іноді зовсім не втручався в життя їхнє. Він міг виїхати з колонії на кілька днів, будучи певний, що заведеного в ній ладу не порушиться. Наслідки виховного впливу колонії на своїх вихованців були дуже великі. Сюди приймалось неповнолітніх правопорушників, матеріал найважчий для виховання. Але через деякий час після вступу до колонії вихованці її здебільша й дуже змінювались. Вони проймались своєрідним, властивим колонії, патріотизмом, залишали свої злочинні звички, а, головне, набували любові й шани до праці. Колонія протягом порівняно недовгого часу свого існування на Полтавщині перевиховала чимало неповнолітніх правопорушників, що перед тим пройшли тяжку й деморалізаційну школу беспритульності. Частина з них після виходу з колонії пішла на роботу в різні виробництва та в сільські господарства, досить значна частина поступила на робфаки. Але, й вийшовши з колонії, колишні вихованці її не поривали з нею зв'язків; листувались із педагогами та колоністами, у вільний від занять час приїздили до неї й жили тут, як старі колоністи».

Далее Ващенко рассказывает о детдоме в Беликах. С работой этого учреждения и его молодой заведующей он познакомился в начале 20-х годов во время своей деятельности в педкурсах. «Діти мали тут для себе не тільки їжу й теплий куток, а відчували й надзвичайно щире ставлення з боку педагогів, а особливо завідательки будинку. Вона мала якийсь надзвичайний хист здобувати для дітей харчі й одягу, оточувати їх ласкою та теплим «уютом». Тому-то діти дуже любили свій будинок і сами дбали про те, щоб усе в ньому було як-найкраще. Він завжди вражав чистотою двору та помешкання, а, головне, загальною налагодженістю свого життя. Тут не було й тіні тієї суворої дисципліни, що панувала в колонії ім. Горького, не було тут ради командирів, не було кар. Замість цього в будинку панувала любов до дітей і повне довір'я їх до педагогів. Отже, хоч які протилежні були педагогічні принципи, покладені в основу роботи колонії ім. Горького і Білицького дитячого будинку, результати праці їхньої були однакові. І колонія, і Білицький дитячий будинок виправдали вдачу дітей і привчали їх до трудового чесного життя в новому суспільстві».

IX.

Вызывает удивление тот факт, что до сих пор неизвестно ни о реакции Макаренко на все эти публикации, но о его личных встречах с их автором, хотя при жизни педагога-писателя никто из учёных, кроме Ващенко, не уделял так много внимания практике работы колонии им. М. Горького. В список «сферы» возможных кандидатов в качестве действующих лиц – прототипов для дальнейшей работы над «Педагогической поэмой» (ок. 1929–1930 гг.) – включено, правда, имя Пащенко, под которым, безусловно, подразумевался Ващенко. Интересно при этом то, что Пащенко вначале стоял в списке «друзей», но позже вычеркнут и переведён в список «врагов».⁶² Подтверждение этому можно найти в записи, датированной 1935 годом, где приводится список новых кандидатов для 3-ей части

⁶² См.: РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.1, лл.6, 8, 9; Макаренко А.С. Педагогические сочинения, т.3. – М., 1984. – С.410.

«Поэмы». Последние слова из этих размышлений гласят: «Или вот: учёный педагог и вождь (!) с глазами газели? В Полтаве. Забыл его фамилию».⁶³

Ващенко же, напротив, не смог так легко забыть фамилию «завкола Горького». Усилия Москвы по канонизации Макаренко в «классика педагогики» он застал ещё в Полтаве незадолго до начала войны. Примечательно, что он не стремился к участию в дискуссии о «педагогическом наследии» Макаренко ни в «Учительской газете», ни в украинской педагогической прессе, ни даже на первых заседаниях на эту тему в ноябре 1940 г. в Харькове и в декабре того же года в Киеве.⁶⁴ Но он хорошо понимал дух и веяние времени. Так, в первой его публикации в газете «Більшовик Полтавщини» (30 декабря 1940 г.) под заглавием «Про роль батьків і вчителя» можно прочесть: «Тут багато говорили про Макаренка. Так, Макаренко дав прекрасну систему виховання, але його розуміти треба, добре вначати з точки зору теорії і психології, інакше ми будемо припускати багато помилок. Іноді деякі вчителі неправильно його розуміють і допускають немало хиб в своїй роботі».

Нам, вчителям, треба повністю використати все те цінне, що дав Макаренко, щоб дійсно виховувати дітей в комуністичному дусі. Нам треба частіше і глибше висвітлювати питання комуністичного виховання, скликати наради вчителю і батьків, на яких всесторонньо обговорювати ці питання; побільше наводити прикладів і глибоко аналізувати їх з педагогічної точки зору. Все це дасть нам велику користь, піднесе комуністичне виховання дітей на ще вищий рівень».⁶⁵

Подобные материалы по актуальным вопросам педагогики, вышедшие из-под пера Ващенко, «Більшовик Полтавщини», а также республиканская «Радянська освіта», поместили и в последующие месяцы. Эти статьи, посвященные «макаренковским» проблемам воспитания, озаглавлены: «Виховання педагогічних кадрів» (1 января),⁶⁶ «Учитель – центральна фігура учбово-виховного процесу» (24 января),⁶⁷ «Більше уваги комуністичному вихованню дітей в родині» (6 февраля),⁶⁸ «Приклади комуністичного виховання в сім'ї» (27 марта),⁶⁹ «Педагогічна майстерність» (9 мая),⁷⁰ однако во всех этих публикациях фамилия педагога-новатора преднамеренно не упоминается.

В связи с 20-летием Полтавского пединститута Ващенко была отведена почётная миссия выступить дважды на научной сессии 25–28 мая 1941 г. В первый день работы на пленарном заседании он прочитал доклад на тему: «Особисті якості вчителя радянської школи і підготовка педагогічних кадрів»,⁷¹ который в начальном плане празднования юбилея был озаглавлен таким образом: «Особисті якості вчителя й виховання свідової дисципліни на уроці»,⁷² а в секции педагогики и психологии он выступил первым по теме «Соціальні функції мови дітей преддошкільного и дошкільного віку».⁷³ Вначале по этой теме планировалось его русскоязычное выступление на пленарном заседании, а на секции он собирался прочитать доклад «Психологічні властивості радянського вчителя і педагогіка педкадрів».⁷⁴

В плане юбилейных мероприятий Полтавского пединститута было уделено внимание также и деятельности педагога-новатора. Вначале ректор-аспирант П.Н. Асеев, доцент кафедры марксизма-ленинизма, намеревался выступить в секции педагогики и пси-

⁶³ Архив лаборатории Марбургского университета «Макаренко-реферат».

⁶⁴ См.: Хиллиг Г., Крюгер-Потратц М. «Второе рождение» А.С. Макаренко. Опыт реконструкции процесса канонизации его как педагога (1939–1941 г.г.). // Cahiers du Monde russe et soviétique (Paris). – 1988. – № 2. – С.209–242 (здесь – с.225–228); см. также: ЦГАВО Укр., ф.5127, оп.1, ед.хр.5.

⁶⁵ Більшовик Полтавщини. – 1940. – № 302. – С.3.

⁶⁶ Там же. – 1941. – № 1. – С.3.

⁶⁷ Там же. – № 19. – С.3.

⁶⁸ Там же. – № 30. – С.3.

⁶⁹ Там же. – № 72. – С.2.

⁷⁰ Радянська освіта. – 1941. – № 19. – С.2.

⁷¹ ГАПО, ф.Р-1507, оп.1, ед.хр.15, лл.1–2.

⁷² Там же, ед.хр.6, л.2.

⁷³ Там же, л.3.

⁷⁴ Там же, л.3 об.

хологии с докладом «Спадщина Макаренка в питаннях організації колективу учнів».⁷⁵ Но в опубликованной программе стоял уже некий О.П. Бондаренко с докладом «Педагогічна діяльність А.С. Макаренка в Полтаві».⁷⁶

Х.

Позже, в середине 40-х годов, когда Макаренко был объявлен «ведущим советским педагогом» и его стали пропагандировать и за пределами СССР, Ващенко уже жил за границей – в Германии. Появление сборников произведений Макаренко «Избранные педагогические сочинения» (1949 г.), «О воспитании молодёжи» (1951 г.), а также и первых томов собраний сочинений последнего (1950/51 гг.) побудили учёного взяться за перо. Он написал большую статью для литературно-художественного и общественно-политического журнала «Визвольний шлях» (Лондон), вышедшую в 1955 году, которая тогда, правда, осталась незамеченной ни на Востоке, ни на Западе. Статья называлась «Педагогічна наука в СССР. (Яничар А.С. Макаренко – найбільший радянський педагог)».⁷⁷ По сведениям его дочери – Оксаны Ващенко,⁷⁸ при написании этой статьи у него не было под рукой его ранних публикаций.

В ней Ващенко сначала останавливается на проблеме борьбы с детской беспризорностью в 20-е годы и рассказывает об упоминавшихся в его ранних статьях украинских педагогах: бывшей долгие годы завдетдомом в Беликах Х.Д. Савченко и председателе Комиссии по делам несовершеннолетних на Полтавщине Б.Л. Ольшанском.

От цитированных ранее статей, опубликованных в УССР, эта отличается прежде всего критической оценкой Макаренко и его роли в советской педагогике, которую можно объяснить не только положением автора (эмигрант), но и политической ситуацией («холодная война»). Критика со стороны учёного, безусловно, была вызвана усиленной пропагандой АПН РСФСР версией образа Макаренко, который Ващенко принял за чистую монету. Например, в этой статье говорится: за его пролетарское происхождение (!) Макаренко особенно рекомендовали «для коммунизма», а также: он относительно рано пошёл на контакт с ГПУ – или по убеждению (как «фанатик-большевик») или из соображений карьеры, трудно сказать, вопрос этот остаётся открытым. Вывод о ранней связи Макаренко с ГПУ можно, впрочем, сделать из 1-ой части «Педагогической поэмы». Бросается в глаза то, что несколько моментов, которые Ващенко рассматривал прежде в принципе положительно, теперь он либо осуждает, либо замалчивает.

Правда, статья содержит также примечательную оценку личности Макаренко и его научно-педагогических и исторических знаний. Педагог и психолог по образованию, Ващенко приходит к следующему умозаключению: «В цей період Макаренко часто виступав у Полтаві на учительських конференціях з пропагандою своїх педагогічних поглядів. Будучи співучасником цих конференцій, я мав можливість познайомитись з педагогічними поглядами Макаренка і не раз дебатував з ним. У процесі дебатів я прийшов до таких висновків:

1) Макаренко, не маючи ґрунтових знань з педагогіки та її історії, заперечував будьяке значення педагогічної науки в практичній діяльності педагога. Виходило так, що Макаренко починав педагогіку від себе.

2) Методи виховання, що їх рекомендував і застосовував Макаренко в колонії ім. Горького, включали в себе багато чисто військових елементів. Це було маршування з прапорами, стояння під горинником „за кару” і т.п.

3) Сам Макаренко справляв на мене враження людини занадто самовпевненої і навіть самозакоханої. У його виступах відчувалась свідомість своєї вищості і зневага до педагогів, що брали участь у конференції.

У своїх виступах я доводив, що поступ педагогічної теорії і практики можливий лише на ґрунті досягнень, що їх має всесвітня педагогіка. Заперечував я також методи виховання, що про них доповідав Макаренко, доводив, що вони мають характер військової муштри, заперечував і бутафорію, що її вживає Макаренко в колонії ім. Горького.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, ед.хр.15, л.2.

⁷⁷ Визвольний шлях. – 1955. – № 6. – С.24–32; № 8. – С.53–60; № 9. – С.64–70; № 10. – С.71–76.

⁷⁸ В беседе с автором (1987 г.).

Як на приклад високогуманного виховання безпритульних дітей, я вказував на Білицький дитячий будинок, яким керувала Харитина Данилівна Савченко, що своїм ставленням до дітей дуже нагадувала Песталоцці.

Щодо педагогів, учасників конференції, то мені здавалось, що більшість їх, навіть ті, що працювали з безпритульними дітьми, стояли на моєму боці. Можливо, що їх відштовхувала від Макаренка його занадто велика самопевність.

(...) життя Макаренка і наше безпосереднє знайомство з ним дають підстави для бодай приблизної характеристики його як людини і педагога, а також для порівняння його з іншими педагогами, що працювали з безпритульними дітьми.

Перше, що ми мусимо відзначити, це те, що Макаренко дійсно був непересічною людиною. Він мав великі здібності як письменник і як педагог-практик. Щодо теоретичних поглядів його в галузі педагогіки, то тут Макаренкові шкідливо відбилась його велика відсутність, що мала характер самозакоханості, а також відсутність об'єктивності і найменшої критичності до своїх власних думок. Можливо, тому Макаренко свої педагогічні погляди подавав переважно у формі белетристичних творів. Здавалось б, що і в своїй педагогічній практичній діяльності така людина мусила б була керуватися переважно почуттям, зокрема співчуттям до безпритульних дітей, до тих терпінь, які вони переживали в умовах СРСР. Але в дійсності цього не було. Макаренко був людиною з сильною волею і в своїй діяльності більше керувався розумом, ніж почуттям. Крім того, він завжди був замкнений у собі і справляв враження крайнього егоцентрика. А такі люди нелегко піддаються почуттям симпатії. У них на першому місці – їх власне „я”. Діяльність таких людей у першу чергу є реалізацією своїх власних поглядів, причому вони не схильні робити якісь поступки в своїх поглядах або діях, бо це для них рівнозначно із зниженням своєї особистості. Тому нема підстав дивитись на Макаренка, як на „мрійника”, а тим більше порівнювати його з Песталоцці, який у своїй педагогічній діяльності керувався переважно глибоким співчуттям до нещасних безпритульних дітей. Серед українських педагогів, що працювали з безпритульними, були люди того ж типу, що й Песталоцці. Ними керувало в першу чергу співчуття до нещасних дітей і щире бажання поліпшити їхню долю. Такою була Харитина Данилівна Савченко, про яку ми згадували вище. До цього типу належав і Борис Ольшанський. Але таким не був Макаренко».⁷⁹

Ещё за два года до публикации статьи о Макаренко в Лондоне, в Торонто вышла брошюра Ващенко «Український ренесанс XX століття». В ней – в главе «Педагогіка і психологія на Україні в період 1924–1933 рр.» – он пишет о «трёх лицах», которые тогда «взяли в свои руки ведущую роль в этой галузі»: И.А. Соколянском, А.С. Залужном и А.И. Попове. Однако Ващенко отказывает своим бывшим коллегам в какой-либо научности подхода. Схему Залужного по исследованию детского коллектива, которую он сам в 1925 году положил в основу своих исследований в Полтаве, Ващенко теперь называет «механистичною і украй беззмістовною». Далее в брошюре говорится: «Якої-небудь більш-менш капітальної роботи ні Соколянський, ні Залужний, ні Попов не видали. (...) єдиною синтетичною роботою з педагогіки, написаною українською мовою приблизно до 1938 р., була моя книжка „Загальні методи виховання”».⁸⁰ Речь идёт об изданном в 1929 году «Підручник для педвузів» – таков подзаголовок – об'ємом в 231 страницу, выпущенном почти одновременно с книгой Залужного «Вчення про колектив», насчитывающей как-никак 222 страницы. Эту в своё время много обсуждавшуюся книгу, которая в 1930 году в РСФСР была издана и на русском языке, Ващенко «забыл» упомянуть; как и относящиеся к началу 30-х годов критические замечания Макаренко в адрес Соколянского и Залужного...

Последнее высказывание Ващенко о Макаренко включено в его брошюру «Проект системи освіти в самостійній Україні» (Мюнхен, 1957), где говорится о том, что новым направлением большевистской политики в 30-е годы «пояснюється і незвичне прославлення після другої світової війни Антона Макаренка, українця-яничара, який співробітничав з ГПУ і створював колонії безпритульних. В колоніях Макаренко всю увагу звертав на працю

⁷⁹ Визвольний шлях. – 1955. – № 8. – С.55–57.

⁸⁰ Ващенко Г. Український ренесанс XX століття. – Торонто, 1953. – С.34–38.

колоністів у сільському господарстві і майстернях, а теоретичне навчання було вкрай запущене».⁸¹

ХІ.

Подчёркивая сотрудничество Макаренко с ГПУ, Ващенко, очевидно, стремился отвлечь внимание читателя от своей собственной связи «с органами». Однако, сравнивая его карьеру в 30-х годах с судьбами других украинских учёных, нужно сделать следующий вывод: «безработица» Ващенко в Полтаве, работа вновь профессором в Сталинграде и опять в Полтаве – неслучайны. «Буржуазные националисты» в начале 30-х годов все были арестованы и получали свой «заслуженный срок». Если они не соглашались на сотрудничество с ГПУ в качестве секретных сотрудников, то вынуждены были отбывать наказание, и в 1937 году большинство из них в местах ссылки получили «высшую меру наказания» – расстрел. А те из них, кто сотрудничал с «органами», могли вновь работать в науке – до нового ареста в «год большого террора». Мораль сей басни такова: Ващенко, обвинивший Макаренко в сотрудничестве с ГПУ, по всей вероятности сам состоял в «сговоре с дьяволом».

Подтверждением этому служит история о «безработице» учёного с 1934 по 1936 гг. В цитированном ранее списке профессорско-преподавательского состава Полтавского пединститута от 28 июля 1941 г. по поводу Ващенко в графе «Когда утверждён?» написано «НКП 1936 г.»⁸² Это значит, что он в период перевода в Сталинград, безусловно, получил хорошую рекомендацию от украинских властей. Полтавским пропагандистам наследия Ващенко данный документ, по-видимому, неизвестен. Кстати, они вообще плохо знают историю своего пединститута, и это относится не только к архивным фондам, но и к периодике советского времени. Так, «ващенковеды» до сих пор не замечали сотрудничества их кумира с местным органом КП(б)У «Большовик Полтавщины», публиковавшим не только вышеупомянутые ващенкоовские материалы, но и регулярно оповещавшим о событиях в педвузе. Например, ректор-аспирант Асеев 26 января 1941 г. в статье «До підсумків роботи в першому семестрі» писал: «При інституті є 14 кафедр, якими керують досвідчені наукові працівники. Особливо слід відзначити кафедру педагогіки, яку очолює педагог професор Г.Г. Ващенко, що працює в інституті з дня його організації. За цей час він має багато друкованих наукових праць з питань педагогіки».⁸³ Упоминание о постоянной (якобы 20-летней) работе учёного в Полтавском пединституте, безусловно, должно отвлекать внимание читателей от обстоятельства, что Ващенко не только в начале 20-х, но и в середине 30-х годов по несколько лет отсутствовал в данном вузе.

После окончания работы над этой статьёй мне стало известно, что классик постсоветской национальной украинской педагогики Григорий Ващенко активно использовал время «безработицы» для сбора и передачи своим хозяевам обширных сведений об «антисоветских настроениях» людей из его окружения не только в Полтаве, но и в других городах Украины, чем вносил свой достойный вклад в дело построения «светлого будущего», имя которому – коммунизм.

Тот факт, что Ващенко, в 1933–34 годы объявленный украинским буржуазным националистом, не был арестован, позволяет сделать такой вывод: как «старый сексот» он не подлежал лишению свободы. Более того, по свидетельству Л.Т. Ковалёв,⁸⁴ учёный был завербован к сотрудничеству с органами ГПУ ещё в период его деятельности в Беликах.

ХІІ.

В украинской литературе о Ващенко факт его сотрудничества с оккупационным режимом не освещён достаточным образом. В примечании к переизданной статье о «яничаре А.С. Макаренко» лишь подчёркивается, что «у часи німецької окупації Г. Ващенко редагував місцеву українську газету».⁸⁵ В газете «Голос Полтавщини», выходившей из

⁸¹ Ващенко Г. Проект системи освіти в самостійній Україні. – Мюнхен, 1957. – С.29.

⁸² ГАПО, ф.Р-1507, оп.1, ед.хр.6, л.21.

⁸³ Большовик Полтавщини. – 1941. – № 21. – С. 3.

⁸⁴ В беседе с Н.Н. Оксой (1982 г.).

⁸⁵ Рідна школа. – 1999. – № 4. – С.70–80 (здесь – с. 71).

печати с октября 1941 по сентябрь 1943 гг., учёный не назван редактором, но он публиковал там некоторые статьи. Особенный интерес вызывает материал «Праця для нової Європи» (25 октября 1942 г.), в котором освещалась конференция учителей Полтавы. Рассказывая о ходе этого мероприятия, Ващенко призывал полтавчан откликнуться на призыв оккупационной администрации (госп. Фуесс) добровольно поехать на работу в Германию.

Дословно в этой статье можно прочесть: «Большевики розпускають всякі брехні про умови роботи українських робітників в Німеччині. Промовець спростував їх низкою фактів. Він особисто об'їздив багато заводів і фабрик, де працюють українські робітники, і скрізь спостерігав справедливе й гуманне ставлення до них і цілком нормальні умови праці.

Робітники живуть в чистих і зручних приміщеннях, нормально харчуються, користуються відпочинком. На заводах така чистота, про яку вони й мріяти не могли, працюючи на своїй батьківщині. До ретельних і чесних робітників в Німеччині ставляться з великою пошаною.

Разом з паном Фуессом на конференцію прибула робітниця-українка, що до цього часу працювала в Німеччині. Вона теж стежує цілковиту нормальність умов праці українських робітників в Німеччині».

Далее в этой статье Ващенко пишет: «Можна бути упевненим, що заклик п. Фуесса знайде відгук серед населення Полтавщини, що воно виділить з себе багато добрих робітників, які поїдуть до Німеччини, щоб своєю працею допомогти скоріше знищити большевизм, після чого почнеться широка відбудовча робота на благо нової Європи».⁸⁶

В январе 1942 г. киевская газета «Нове українське слово» опублікувала статтю «Від „науки“ більшовицької до науки європейської», в которой автор – «Г. В-ко» – пришёл к выводу: «Представники ж наук гуманітарних мають провадити активну працю над культурним зближенням населення нашого краю з армією наших визволителів з великим і висококультурним німецьким народом.

Нашою відданою роботою для допомоги нашим визволителям тепер, у 1942 році, ми маємо заслужити пізніше почесне місце для нашої науки, для нашої культури в колі націй майбутньої Нової Європи».⁸⁷

В Мюнхене – в новом центре украинской политической и культурной эмиграции, Ващенко уже не восхищался будущей (постфашистской) «новой Европой». Здесь он занимался проблемами будущей (постсоветской) «новой Украины»...

СПИСОК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ Г.Г. ВАЩЕНКО ИЗ ЕГО ПОЛТАВСКОГО ПЕРИОДА (1924 – 1934 гг.)

П-01. *Ващенко Г.* Сільсько-господарський ухил пед. ВУЗів. // Путь просвещения. – 1924. – № 11–12. – С.93–102.

П-02. 5 лет работы с детьми-правонарушителями. Сборник статей работников Полтавских учреждений для правонарушителей под редакцией профессора Ващенко. Издан. Полтавской комиссией по делам несовершеннолетних. Полтава, 1925. – VI, 146 с.

П-03. *Ващенко Г.* Організація лабораторій та майстерень при пед. ВУЗах. // Шлях освіти. – 1925. – № 12. – С.76–87.

П-04. *В. Г.* Конференція робітників установ соц. виховання закритого типу в м. Полтаві. // Шлях освіти. – 1926. – № 2. – С.138–141.

П-05. *Ващенко Г.Г.* Методи об'єктивного обслідування техніки читання. // Записки Полтавського І.Н.О., т.1. – (Полтава. – 1926). – С.100–108.

П-06. *Ващенко Г.Г.* Наслідки математичного тесту над дітьми Полтавських шкіл. // Там же. – С.128–133.

П-07. *В-о Г.* Екскурсія студентів Полтавського І.Н.О. до Ленінграду та Москви. Організація та хід роботи екскурсії. // Там же. – С.155–161.

⁸⁶ Голос Полтавщини. – 1942. – № 139. – С.1.

⁸⁷ Нове українське слово. – 1942. – № 2, 03.01. – С.3.

- П-08. *В-о Г.* Конференція вчителів м. Полтави 13–14 березня 1925 року. // Там же. – С.161–167.
- П-09. *В-о Г.* Педагогічне обличчя Ленінграду та Москви. Вражіння під час екскурсії студентів Полтавського ІНО. – Там же. – С.167–172.
- П-10. *В-о Г.* Конференція робітників установ соціального виховання інтернатного типу в м. Полтаві 1926 року. // Там же. – С.172–176.
- П-11. *Ващенко Г.* Робота полтавського кабінету соціальної педагогіки за 1925 р. // Шлях освіти. – 1926. – № 2, с.135–137; також в: Записки Полтавського І.Н.О., т.1. – Полтава. – (1926). – С.63–66.
- П-12. *Ващенко Г.* Конференція вчителів м. Полтави. // Шлях освіти. – 1926. – № 10. – С.123–126.
- П-13. *Ващенко Г.Г.* Родинні умови життя і дитячі правопорушення. (На підставі матеріалів Полтавської комісії по справах неповнолітніх). // Записки Полтавського І.Н.О., т.IV за 1926–1927 ак. рік. – Полтава. – 1927. – С.130–135.
- П-14. *Ващенко Г.Г.* До питання про класифікацію методів навчальної роботи. // Там же. – С.136–151.
- П-15. *Ващенко Г.* Третя конференція робітників установ соціального виховання закритого типу Полтавської округи. // Шлях освіти. – 1927. – № 2–3. – С.111–114.
- П-16. *Ващенко Г.* Школа, яко громадсько-культурний центр. // Наше слово. Літературно-громадсько-політичний та популярно-науковий ілюстрований додаток до газети „Більшовик Полтавщини”. 1928. – № 2. – С.33–35.
- П-17. *Ващенко Н.* (!) Досягнення установ соціального виховання інтернатного типу на Полтавщині. // Дитяче містечко. Збірник методичних матеріалів, за ред. В. Дюшен. – (Харків). – 1928. – С.11–17.
- П-18. *Ващенко Г.* Про дисципліну в школі. // Наше слово. – 1928. – № 6. – 29–31.
- П-19. *Ващенко Г., Хоменко О.* Як ставиться наше студентство до Пед-ВУЗу і до педагогічної праці. // Іновець. Студентський журнал Полтавського Інституту Народньої Освти, ч.4. – (Полтава). – 1928. – С.36–42.
- П-20. *Ващенко Г.* Наслідки математичних тестів ВУЗів, переведених в Полтавської округи. // Шлях освіти. – 1928. – № 11. – С.153–160.
- П-21. *Ващенко Г.* Загальні методи навчання. Підручник для педвузів. – Харків. – 1929. – 231 с.
- П-22. *Ващенко Г.Г.* Матеріали до характеристики стану техніки навчання в молодшому концентрі трудшкіл Полтавської округи за даними групових журналів других груп Полтавської ім. Ів. Франка, Опішнянської, Решетилівської і Долинської трудшкіл за 1926–27 шк. рік. // Записки Полтавського інституту Соціального виховання, т.5 за 1929–30 ак. рік. – Полтава. – 1930. – С.124–135.
- П-23. *Ващенко Г., Хоменко О.* Фізичні властивості студентів Полтавського І.Н.О. (на підставі антропометричних вимірювань). // Там же. – С.136–140.
- П-24. *Ващенко Г., Хоменко О.* «Психологічні профілі» студентів П.І.Н.О. за колективним тестом Россолімо. // Там же. – С.141–145.
- П-25. *Ващенко Г.* Філософія прагматизму, як методологічна основа методу проектів. // Праці Полтавського Педагогічного Інституту. Педолого-педагогічна кафедра. Кафедра діамату, вип. № II. – Полтава. – 1934. – С.3–24.

СПИСОК КНИГ Г.Г. ВАЩЕНКО ІЗ ЕГО МЮНХЕНСКОГО ПЕРІОДА (1945 – 1967 гг.)

- М-01. Виховний ідеал. Християнство і майбутнє людства. – Мюнхен, 1946. – 19 с.
- М-02. Завдання виховання української молоді. – Мюнхен, 1947. – 44 с.
- М-03. Загальні методи навчання. Частина 1. – Мюнхен, 1948. – 98 с.
- М-04. Загальні методи навчання. Частина 2. – Мюнхен, 1949. – 68 с.
- М-05. Виховання волі і характеру. Частина 1. – Лондон, 1952. – 256 с.
- М-06. Український ренесанс ХХ століття. – Торонто, 1953. – 80 с.
- М-07. Виховання любові до Батьківщини. – Лондон, 1954. – 40 с.
- М-08. Тіловиховання як засіб виховання волі і характеру. – Мюнхен, 1956. – 54 с.
- М-09. Виховання волі і характеру. Частина 2. – Лондон, 1957. – 270 с.
- М-10. Проект системи освіти в самостійній Україні. – Мюнхен, 1957. – 48 с.

Григорий Ващенко и Антон Макаренко

Григорий Ващенко и Антон Макаренко. Взаимоотношения двух полтавских педагогов / Гётц Хиллиг // Постметодика (Полтава). – 2000. – № 1. – С. 49–56; № 2. – С. 33–43.

№ 32 (Марбург, 2001)

«БЕРЕГИ СЕБЯ!!!»

Переписка Г.С. и А.С. Макаренко с сыном (1927– 1939 гг.)

Составители: Светлана Невская и Гётц Хиллиг

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Издаваемая впервые переписка Г.С. и А.С. Макаренко с сыном – Львом Михайловичем Салько (1914 – 1957) относится к той части наследия педагога-писателя, которая после смерти вдовы (в 1962 г.) была включена в макаренковский фонд ЦГАЛИ СССР (сейчас РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства). Из-за сугубо личного характера эти и другие материалы, по требованию Г.С. Макаренко, в течение 30 лет являлись закрытыми. Даже специалисты не знали об их существовании.

Впервые составителям удалось ознакомиться с ними в 1993 году, а затем (в 1994–95 гг.), выпустить в Московском издательском центре «Витязь» двухтомник всей сохранившейся переписки А.С. Макаренко с женой (1927 – 1939) без каких-либо поправок и купюр («Ты научила меня плакать...»).

Представленный здесь эпистолярный материал (в объёме 169 единиц писем, почтовых открыток и телеграмм) хранится в РГАЛИ в фонде № 332 под шифрами: опись 5, ед. хр. 52, 53, 95, 105–108; опись 4, ед. хр. 332. В основном речь идёт о довольно пространственных письмах матери к сыну. Из его в большинстве своём коротких ответов сегодня, очевидно, существуют лишь те, которые в качестве примера большой любви сына к матери были «удостоены» для хранения навечно. К данному наследию относятся и 29 писем А.С. Макаренко к сыну жены.

Лёву, ребёнка Галины Стахивны от первого брака, А.С. Макаренко, у которого не было собственных детей, считал и своим сыном. Так, выступая перед читателями «Педагогической поэмы» в Москве (25 октября 1936 г.), на вопрос о семейном положении он ответил: «Никакого особенного положения нет, есть жена и вот мой сын. Хотя я не отец его, он мой сын и считает меня своим отцом».

Публикуемая ниже переписка датируется периодом приблизительно с 1927 по 1939 гг., то есть вплоть до дня смерти педагога-писателя. Но материал не охватывает весь названный срок систематически. Причина этого заключается в первую очередь в том, что родители с сыном переписывались, конечно, лишь тогда, когда они не находились вместе. Прежде всего это относится к периоду болезни матери туберкулёзом горла – в 1928–1933 годах Г.С. Салько неоднократно проходила курс лечения в различных санаториях, а также ко времени учёбы сына в Москве с 1933 года. Но есть и этапы, где все предпосылки были налицо и родители с сыном, как можно заключить из хроники событий, по всей вероятности, активно общались посредством переписки, к тому же до переезда в Москву (в 1937 г.) в семье Макаренко не было телефона, и всё-таки письма не сохранились. Из всего этого следует сделать вывод, что вдова, при подготовке материалов к архивному хранению, сознательно решила не всё предоставлять – это касается также и других семейных документов.

Неполная передача не только переписки родителей с сыном, а также и переписки между супругами частично возмещается тем обстоятельством, что обе корреспонденции в сохранившейся форме, так сказать, взаимодополняют друг друга. Это относится, например, к малоисследованному киевскому периоду (1935 – 1937 гг.), – о многих событиях данных лет жизни и деятельности педагога-писателя мы узнаём только благодаря переписке родителей с сыном: свои письма к Антону Семёновичу, а также почти все его письма к ней за эти годы, Галина Стахивна уничтожила. Так, прежде всего из материнских писем к Лёве впервые можно увидеть подробную картину трудностей при переезде семьи в Киев и позже в Москву.

В центре внимания писем матери стоит забота о горячо любимом сыне. Из переписки читатель получает исчерпывающую информацию о местах и условиях проживания Льва, который рос не с матерью, а с родственниками до тех пор, пока в возрасте 14 лет

А.С. Макаренко не перевёл его в коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. Материнские письма также освещают недоразумения и вообще сложные взаимоотношения матери и сына.

Во время его учёбы в Московском авиационном институте сын в каком-то роде представлял и столичные интересы родителей, которые всё ещё проживали в Харькове или в Киеве. В обязанности Льва-студента входило обеспечение связи не только с редакциями журналов и издательств (получения от них авансов и гонораров), но, самое важное, и с организаторами строительства нового жилого дома писателей, где одна из будущих квартир выделялась для семьи члена Союза Советских писателей СССР А.С. Макаренко. Среди задач Лёвы также были и вопросы укрепления связей с важными для Макаренко-литератора лицами. Так, отец выступил активным инициатором и сторонником дружеских отношений сына с дочерью своего московского редактора.

В публикуемом материале, освещающим также и быт советского интеллигента во времена сталинизма, открываются до сих пор неизвестные факты личной и профессиональной жизни А.С. Макаренко; читателю также предоставляется возможность познакомиться с харьковскими, киевскими и московскими родственниками и друзьями жены времён её детства и юности в г. Каменец-Подольский. В целом, переписка расширяет наше представление о личностях Г.С. и А.С. Макаренко и раскрывает новый подход к воспитательной и творческой деятельности педагога-писателя.

Воспроизведение текстов писем осуществляется в соответствии с рукописными или машинописными оригиналами в той мере, в какой это позволяет формат серии «Опускула Макаренкиана». Своеобразие в написании заглавных или строчных букв, при сокращении и пунктуации по мере возможности сохраняется – это в особенности касается писем А.С. Макаренко. В орфографии издание придерживается современной нормы русского языка.

В расшифровке рукописных материалов принимали участие Эмма Дитц, Эвелине и Эдгар Гюнтер-Шелльхаймер, Юрий Токарев, Лидия и Владимир Тумаевы, в работе над комментариями – Василий Марочко, Николай Окса, Валентина Пастушок, в осуществлении компьютерного набора – Яна Головань, Ольга Цуканова, Евгения Хан. Всем нашим коллегам, внёсшим свой вклад в подготовку данного издания, выражаем искреннюю благодарность. За ценные указания, консультационную помощь, а также предоставление портретов из семейного архива особой признательности заслуживает Татьяна Лебедева – дочь Л.М. Салько.

Москва – Марбург, октябрь 2001 г.

С.Н./Г.Х.

«БЕРЕГИ СЕБЯ!!!» Переписка Г.С. и А.С. Макаренко с сыном (1927–1939 гг.).
Составители: Светлана Невская, Гётц Хиллиг // Марбург: Makarenko-Referat, 2001 (Opuscula Makarenkiana, Nr. 24). – От составителей: с. V–VII.

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

А.С. Макаренко в Полтаве (1919–1920 гг.)

Гётц Хиллиг,

приват-доцент, руководитель лаборатории
«Макаренко-реферат» Марбургского университета (ФРГ),
вице-президент Международной макаренковской ассоциации,
доктор философских наук

Николай Окса,

доцент кафедры педагогики
Мелитопольского государственного педагогического университета,
кандидат педагогических наук

Предыстория создания колонии им. М. Горького – всемирно известной педагогической лаборатории А.С. Макаренко, а также его пребывание между двух военно-политических «огней» в 1919–1920 годах («белым» и «красным») остаётся мало исследованной. Этот период жизни педагога – впрочем, не без оснований – вообще не нашёл отражения в книгах его первого биографа Е.Н. Медынского (1944, 1949 гг.). А в известных трудах Е.З. Балабановича, Н.А. Морозовой и Н.П. Нежинского авторы обосновывают свои находки в первую очередь на непроверенных утверждениях Макаренко из его служебных анкет, заполненных в 20-х и 30-х годах.

В данной статье – на основе уже известных и недавно обнаруженных источников – делается попытка вновь осветить комплекс вопросов, связанных с работой Макаренко заведующим одним из городских начальных училищ и сотрудником губернского отдела народного образования, а также с его общественными и государственными деятельностями того времени.

В сентябре 1919 г. (при деникинцах) Макаренко, после многолетней деятельности в железнодорожных училищах, перешёл в систему народного образования и руководил одной из начальных школ г. Полтавы. Об этом местная пресса 7 (по новому стилю: 20) сентября сообщала: «На должность заведующего школой им. Куракина школьной комиссией при Городской управе намечен инспектор железнодорожной школы при ст. Крюков А.М. (!) Макаренко»¹. Приглашение управы (с регистрационным номером 202) «Г-ну Инспектору Соединённого железнодорожного училища на ст. Крюков Юж. ж. д. Макаренко Антону Семёновичу», а именно «на должность заведующего городским низшим начальным училищем им. князя Куракина», также датировано «7/IX 1919 г.». Оригинал этого документа из личного архива педагога-писателя не случайно лишь после смерти его вдовы был включён в макаренковский фонд (№ 332) ЦГАЛИ СССР (сейчас РГА-ЛИ)². На новом посту он, как ответственный педагог, оставался до конца учебного года, то есть и при большевиках.

К интеллигенции, которая работала в культурно-просветительных учреждениях периода деникинщины, советская власть испытывала особый интерес, не скрывая своего отрицательного отношения. Поэтому понятно стремление педагога, а также хранительницы его наследия Галины Стахивны Макаренко и отечественных макаренковедов скрыть эту страницу его жизни. Так, в заявлении на учёбу в Центральный институт организаторов народного просвещения им. Е.А. Литкенса в Москве (24 августа 1922 г.) Макаренко сам утверждает, что «приход деникинцев (в Крюков – Г.Х./Н.О.) и разрушение ими школ и её отдельных трудовых организаций заставили меня в августе 1919 г. переехать в Полтаву»³. В другой автобиографии, написанной в 1935 году в связи с назначением его на должность помощника начальника отдела трудколоний НКВД УССР, он написал: «С вес-

¹ Заведующий в школе имени Куракина // Голос Юга (Полтава). 1919. № 27. 7 [20] сентября. С.4; Завідуючий школою ім. Куракина // Рідне слово (Полтава). 1919. № 35. 20 (7) вересня. С.4.

² РГАЛИ. Ф.322. Оп.4. Ед.хр.360. Л.1.

³ Макаренко А.С. Пед. соч.: В 8 т. Т.1. М., 1983. С.8.

ны 1919 г. из учеников организовал с.-х. коммуны и за это при Деникине уволен»⁴. Речь идёт о 1-ой трудовой дружине Крюковского высшего начального училища, где летом 1919 г. школьники работали в арендованном саду. В заявлении о приёме в члены ВКП(б) 15 февраля 1939 г. Макаренко не упоминает ни о «коммунизации» Крюковского ж.д. училища, ни о его разрушении и репрессиях учителей деникинцами⁵.

Из других служебных анкет педагога относительно перевода в Киев можно сделать вывод, что во время его назначения заведующим школой им. Куракина в Полтаве «царствовали» большевики. Так, в «Трудовом списке» по поводу начала своей работы в городском училище Макаренко, ссылаясь на вышецитированное приглашение (№ 202) Полтавской городской управы, изменил дату: вместо 7 (20) сентября он написал 1 (14) августа 1919 г.⁶ А в «послужном списке» от 27 мая 1935 г. об этом событии говорится: 1/VII 1919 г.⁷ Такие «подчистки» биографии, очевидно, являлись непрямым условием работы в НКВД. Впрочем, Кременчуг был захвачен Добровольческой армией (офицером которой, а именно начальником Крюковской контрразведки, тогда стал брат А.С. Макаренко – Виталий⁸) 10 августа по н.ст., а Полтава ещё 29 июля. Следовательно педагог переехал, а именно – как свидетельствует В.С. Макаренко⁹ – в день захвата Кременчуга деникинскими войсками, из «белого» Крюкова в «белую» Полтаву, где жила его подруга Е.Ф. Григорович. Поэтому можно предположить, что он сам добивался места заведующего школой им. Куракина.

В другом случае (речь идёт об анкете сотрудников детских учреждений Полтавского губнаробраз, март 1923 г.) Макаренко утверждает, что он в начальной школе был не заведующим, а лишь учителем¹⁰. Аналогичную версию педагог-писатель излагал в октябре 1936 г. перед московскими читателями «Педагогической поэмы», но уже в другом варианте: «Во время Деникина мне пришлось оттуда (из Крюкова – Г.Х./Н.О.) уйти. Я пошёл в народную школу в Полтаве учителем. Там я проработал год, и когда мне предложили колонию им. Горького – я её взял»¹¹.

Советские макаренковеды, начиная с Е.З. Балабановича¹², в течение многих лет утверждали, что педагог в губернском городе, кроме своих школьных дел, был ещё и активным деятелем городского профсоюза учителей. Так, литературовед пишет о «Макаренко-общественнике»¹³: «1919–1920 годы были периодом кипучей общественной работы Антона Семёновича. В Полтаве он организует профессиональный союз учителей русских школ...»¹⁴. И в «Основных датах жизни и творчества А.С. Макаренко», составленных Н.А. Морозовой, можно прочесть расширенный вариант этого утверждения (но, как и у Балабановича, ссылка на источник отсутствует): «Осень (1919 г. – Г.Х./Н.О.). Организует Профессиональный союз учителей русских школ. Избирается членом Губернского правления Союза работников просвещения Полтавы»¹⁵, а киевский макаренковед Н.П. Нежинский уточнил данное свидетельство таким образом (также без ссылок на источники): «с декабря 1919 года по июнь 1920 он был членом губернского правления профсоюза учителей русских школ»¹⁶. Об этом – однако без слов «русских школ» и с датами «XI (!) 1919 – VI 1920» – педагог сам пишет в «Анкете специального назначения работника НКВД», заполненной 19 ноября 1935 г. и находящейся в своём личном деле в архиве МВД Украины¹⁷, что было известно Нежинскому. Однако документального подтверждения такой функции

⁴ А.С. Макаренко. [Кн.10]. Львов, 1987. С.94–107.

⁵ Рукоп. Отдел ИМЛИ РАН. Ф.114. Оп.1. Ед.хр.5. Л.5.

⁶ РГАЛИ. Ф.322. Оп.1. Ед.хр.47. Л.2.

⁷ Архив МВД Укр. Ф.40. Ед.хр.16315. Р.IV. Л.18.

⁸ См.: На разных берегах... Судьба братьев Макаренко. Сост. и ком. Г. Хиллига. М., 1998. С.61.

⁹ См.: там же. С.360.

¹⁰ ЦГАВО Укр. Ф.166. Оп.2. Ед.хр.1687. Л.94.

¹¹ Москва, октябрь 1936 г. Издание протоколов двух встреч А.С. Макаренко с читателями «Педагогической поэмы». Сост., автор текстол. прим. и ком.: Г. Хиллиг. Марбург, 1987. С.36.

¹² См.: Балабанович Е. А.С. Макаренко. Очерк жизни и творчества. М., 1951. С.32.

¹³ Балабанович Е. Антон Семёнович Макаренко. Человек и писатель. М., 1963. С.79.

¹⁴ Балабанович Е. А.С. Макаренко. С.32.

¹⁵ Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. Изд. 2-е. Л., 1961. С.77–123 (здесь – с.82).

¹⁶ Нежинский Н.П. А.С. Макаренко и педагогика школы. Киев, 1976. С.19.

¹⁷ Архив МВД Укр. Ф.40. Оп.16315. Р.IV. Л.5.

Макаренко как в традиционном, так и в советском учительских союзах найти нам не удалось. Утверждение такого рода – по всей вероятности плод пылкой фантазии Макаренко-чекиста.

Известное высказывание педагога-писателя в статье «Максим Горький в моей жизни» (1936 г.): «... после Октября передо мной открылись невиданные перспективы...», ленинградка Н.А. Морозова восприняла как исторический факт, дескать, он в 1917 году «восторженно встречает Великую Октябрьскую социалистическую революцию»¹⁸. Ошибочно также её утверждение о том, что осенью 1919 г. Макаренко был «советским» профсоюзным активистом. Необходимо заметить, что Украина тогда находилась в руках Деникина. Сотрудница Макаренко по школе им. Куракина – Т. Гайдамакина, воспоминания которой опубликованы Ф.И. Науменко в первой книге авторитетной серии Львовского университета «А.С. Макаренко», свидетельствует о том, что «Антон Семёнович принимал самое деятельное участие в организации союза учителей начальных и средних школ, много усилий приложил, чтобы расширить работу городской библиотеки, пополнить её путём закупки книг у частных лиц; часто выступал с докладами на учительских собраниях, обнаруживая глубокую эрудицию в педагогических вопросах»¹⁹. Непосредственным доказательством того, что такая активность Макаренко действительно проявлялась при деникинцах, служит информация о «закупке книг у частных лиц», а не об их реквизиции, как это обычно делали большевики. В другой публикации воспоминаний Гайдамакиной в одном из московских журналов фраза о закупке книг не случайно выброшена редактором²⁰. Как показал анализ текста, столичная версия лежала в основе вышеупомянутых высказываний Балабановича и Морозовой.

Был ли Макаренко также и членом правления досоветского Полтавского учительского союза – на этот вопрос можно ответить однозначно. Местные газеты осенью 1919 г. четыре раза объявляли о созыве собрания учителей города для перевыборов руководства союза, которое должно было состояться 22 сентября (5 октября), 6 (19) октября, 27 октября (9 ноября) и 3 (16) ноября²¹. Первый и третий раз, очевидно, не было кворума²². Вторая попытка собрать полтавских учителей не удалась, потому что 4 (17) октября, по сообщению деникинской газеты «Голос Юга», в городе появились «бандиты» – «разбойники, называвшие себя анархистами-коммунистами, численностью до трёх тысяч человек»²³. По этой причине занятия в школах, а также собрание членов Полтавского учительского союза были отменены²⁴. 3 (16) ноября, наконец, удалось собрать учителей. В новое правление союза избрали 9 человек, имена которых были опубликованы в газете «Полтавский день» от 6 (19) ноября. Фамилия Макаренко здесь не встречается²⁵. Вспомним: приблизительно в день перевыборов правления местного учительского союза в Полтаве – за три недели до «освобождения» города частями Красной армии – в квартире Е.Ф. Григорович состоялась последняя встреча братьев Макаренко²⁶. Виталий, который «был в форме, при погонах и оружии», чувствовал, что он «нежелательный гость». И Антон, хорошо ощущавший дух времени, очевидно, отказался от членства в правлении Полтавского учительского союза...

Вышецитированные высказывания Балабановича и Морозовой об активности Макаренко в профсоюзе учителей русских школ, без сомнения, относятся к периоду деникинской власти в городе, когда, впрочем, все государственные учебные учреждения в Малороссии были «русскими». Правда, позже, при большевиках, Макаренко стал членом союза «Наркульт», а в 1921 году – профсоюза «Робос». Впрочем, по сообщению местной

¹⁸ Морозова Н.А. С.81.

¹⁹ Гайдамакина Т. Яркий пример творческого горения // А.С. Макаренко: Статьи. Воспоминания, Неопубликованные произведения. [Кн.1]. Львов, 1949. С.137–144 (здесь – с.139).

²⁰ Начальная школа. 1949. № 3. С.19–20.

²¹ Голос Юга. 1919. № 37. 20 сентября [3 октября]. С.4; № 47. 4 [17] октября. С.4; № 63. 27 октября [9 ноября]. С.3; № 68. 2 [19] ноября. С.4.

²² См.: Полтавский день. 1919. № 52. 20 сентября (3 октября). С.3; № 55. 24 сентября (7 октября). С.3; Голос Юга. 1919. № 63. 27 октября [9 ноября]. С.3.

²³ См.: Голос Юга. 1919. № 48. 6 [19] октября. С.3.

²⁴ См.: там же. С.4.

²⁵ См.: В учительском союзе // Полтавский день. 1919. № 86. 6 (19) ноября. С.2.

²⁶ На разных берегах... С.360.

газеты «Боротьбист», Совет городского учительского союза на 28 декабря 1919 г. созывал «представителей педагогических советов низших начальных и высших начальных школ по одному от каждого совета – членов городского учительского союза – для обсуждения современного состояния»²⁷ после отступления деникинских войск. Это первое свидетельство в местной печати о деятельности союза при советской власти.

4 января 1920 г. на очередном общем собрании союза учителей косвенно был утверждён избранный в ноябре 1919 г. состав правления. Как информирует полтавская газета «Власть Советов» 7 января 1920 г., «прошрое собрание было малолюднее и правление не было избрано в полном составе (вместо 15 человек было 9 человек), а также вследствие изменившейся политической ситуации – избранное правление сложило своя полномочия». В состав новых членов правления Макаренко не вошел²⁸. Перевыборы совета были назначены на 16 января 1920 г.²⁹. Однако их результаты в местной прессе не опубликованы.

Очень скоро осознав, что новое правительство открыло перед ним неожиданные возможности для реализации его организаторских талантов, а также участия во властных структурах, педагог приспособился к большевикам. По сообщению газеты «Радянська влада» 9 марта 1920 г. «Макаренко (беспартийный)» был избран членом Полтавского совета солдатских и рабочих депутатов. Педагог, как кандидат «Союза учителей», получил мандат одного из четырёх его представителей. По числу голосов он занял третье место среди этих просветителей (после меньшевика и ещё одного «беспартийного»)³⁰. Архивные материалы о деятельности первого состава Полтавского горсовета ещё не удалось найти, но мы обнаружили документы пере выборов совета (конец ноября – начало декабря 1920 г.). В том числе есть список с фамилиями 863 кандидатов, среди них и Макаренко (под номером 488 – без имени и отчества) с такими данными (цитата из оригинала): «беспарт., Союз Наркульт, Освита», то есть секция «Просвещение», и его характерной подписью³¹.

В личном архиве педагога-писателя находится документ на украинском языке от 15 апреля 1921 г. – заполненный стандартный бланк с угловым штампом и печатью Полтавского горсовета (№ 488), который подтверждает, что «тов. Макаренко в действительности есть член Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов г. Полтавы, делегированным от союза „Наркульт“». Тов. Макаренко значится в секции Просвещения»³². Об этом «Мандате» впервые вспоминает Морозова, делая при этом, правда, ошибочный вывод о том, что в указанный день педагог «избирается членом Совета рабочих и красноармейских депутатов Полтавы»³³.

Сам Макаренко в анкетах лишь один раз (19 ноября 1935 г.) упоминает о своём членстве в Полтавском горсовете, датировав его не 1920–1921 гг., а 1923 годом³⁴. Почему он умалчивает о деятельности в данном органе с начала его основания, трудно предположить. Возможно это связано с тем, что губернский город тогда же считался «меньшевицким». Так, в ноябре 1920 г. среди кандидатов в члены Горсовета под фракции РСДРП (меньшевиков) была дочь В.Г. Короленко София, за которую со стороны Управления Полтавского единого потребительного общества (ЕПО) проголосовал 31 избиратель, а против – 11³⁵.

Летом 1920 г. Макаренко временно работал в аппарате Полтавского губернского отдела народного образования³⁶. Н.П. Нежинский, который первым открыл эту страницу биографии педагога, пишет, что он в июне 1920 г. составил две докладные записки на украинском языке о реорганизации работы подотдела социального воспитания Полтавского

²⁷ См.: Боротьбист (Полтава). 1919. № 7. 24 грудня. С.2.

²⁸ См.: Власть Советов (Полтава). 1920. № 5. 7 января. С.3–4.

²⁹ См.: Боротьбист. 1920. № 21. 16 січня. С.2.

³⁰ Выборы в Совет Солдатских и Рабочих депутатов // Радянська влада (Полтава). 1920. № 57. 9 березня. С.1.

³¹ ГАПО. Ф.Р-1792. Оп.2. Ед.хр.3. Лл.29–41 (тут – л.39 об.).

³² РГАЛИ. Ф.332. Оп.4. Ед.хр.351. Л.2.

³³ Морозова Н.А. С.83.

³⁴ Архив МВД Укр. Ф.40. Оп.16315. Р.ІV. Л.5.

³⁵ ГАПО. Ф.Р-1792. Оп.2. Ед.хр.2. Лл.261–262.

³⁶ См.: Нежинский Н.П. С.19.

губернского отдела народного образования: 1) «Доклад по підвідділу соціального виховання. Завідуючому губвідділом освіти на Полтавщині», 2) «Структура підвідділу соціального виховання». Эти документы, по утверждению Нежинского, хранятся в архиве Полтавского губнаробраза³⁷; однако учёный не дал точной ссылки на единицу хранения и фонд. В Госархиве Полтавской области (ГАПО) исследователи и сотрудники архива названных документов не обнаружили. Авторам статьи, наконец, удалось найти их в архиве Наркомпроса УССР³⁸. В макаренковском фонде РГАЛИ находятся машинописные копии названных записок (без относительного определения даты, а также – по советской архивной традиции – без расшифровки хорошо разборчивой подписи). Копии сделаны в 1949 году по требованию лаборатории по изучению педагогического наследия А.С. Макаренко при Институте теории и истории педагогики АПН РСФСР. На второй копии есть надпись сотрудника лаборатории А.Г. Тер-Гевондяна: «Подлинник написан рукой А.С. Макаренко». Материалы после смерти вдовы педагога-писателя ошибочно включены в единицу хранения 4-й описи макаренковского фонда, где находятся документы из колонии им. М. Горького, относящиеся к 1923 году³⁹.

Докладные записки (без даты) действительно написаны рукой Макаренко характерным каллиграфическим почерком, а подписаны заведующей подотделом соцвоса Полтавского губнаробраза Чабан. Как видно из второго документа, – в подлиннике называется «Яка структура підвідділу соціального виховання?», – Мария Яковлевна Чабан была «членом П.К.б.У.»⁴⁰. Беспартийный автор даже не обратил внимание на свою ошибку в аббревиатуре большевистской партии. Адресатом первого документа являлся заведующий губнаробразом А.М. Мизерницкий, при котором возникла колония им. М. Горького. Анализ составленных Макаренко текстов даёт основание сделать вывод, что он уже в это время – если не считать некоторые русицизмы – довольно прилично владел украинским языком. Его докладные записки в наркомпросовском фонде сохранились под названием: «Протоколы заседаний Чрезвычайной комиссии по защите детей от 30 июня и 6 августа 1920 г. Материалы о работе Полтавского губотдела наробраза». Из хроники событий можно сделать вывод о том, что «макаренковские» записки составлены для первого из этих мероприятий, то есть до 30 июня. Таким образом, датирование Нежинским материалов подтверждается.

Подотдел социального воспитания в это время по второму документу имел четыре секции: общеорганизационная, научно-педагогическая, детских учреждений и охраны детства. Последняя состояла из четырёх подсекций: детского обеспечения, детской инспекции, комиссия несовершеннолетних, распределительных и предупредительных учреждений. Перед секцией охраны детства на 1920 год ставились такие задачи: «Детское обеспечение: налаживание дела снабжения в детских учреждениях, обеспечение детей едой, устройство мастерских, поставка материалов ручного труда и т.п. Подсекция распределительных и предупредительных учреждений – организация реформаториума и дома морально-дефективных детей»⁴¹.

Предполагаемое Макаренко структурное подразделение подотдела соцвоса реорганизовывалось на 3-ем Губернском съезде по народному образованию (22–26 июля), на котором было объявлено о создании в школьной секции подсекции трудовых колоний и предполагалось открыть в каждом уезде такое учреждение⁴². Интересная деталь: об организации трудовых колоний в каждом уезде речь шла в цитированном выше плане секции охраны детства на 1920 год. Инициатором этого проекта, по всей видимости, был сам Макаренко, который в списке сотрудников Губнаробраза от 15 июля 1920 г. фигурировал как заведующий секцией детских колоний⁴³. Примечательно, что в перечне ответственных работников этого ведомства от 27 июля, то есть сразу же после Губсъезда, его фамилия

³⁷ *Нежинський М.П.* Життя і педагогічна діяльність А.С.Макаренка. Київ, 1958. С.32.

³⁸ ЦГАВО Укр. Ф.166. Оп.1. Ед.хр.957. Лл.11–14.

³⁹ РГАЛИ. Ф.322. Оп.4. Ед.хр. 364. Лл.35–43.

⁴⁰ ЦГАВО Укр. Ф.166. Оп.1. Ед.хр.957. Л.13.

⁴¹ Там же. Л.11–11 об.

⁴² См.: Більшовик (Полтава). 1920. № 41. 31 липня. С.2; Вісти/Известия (Полтава). 1920. № 57. 6 серпня. С.2.

⁴³ ЦГАВО Укр. Ф.166. Оп.1. Ед.хр.950. Л.43.

не встречается⁴⁴. Работа Макаренко на данном посту действительно была кратковременной. Непосредственно об этом свидетельствует тот факт, что в уже упомянутом заявлении на учёбу в институт им. Е.А. Литкенса (август 1922 г.) умалчивается о его деятельности не только в «белой» школе им. Куракина, но также и в «красном» наробразе⁴⁵. А в Москве, заполняя анкету при зачислении в это учебное заведение (октябрь того же года), Макаренко выделил следующее: «1919–1920 (!). Зав. секции детских колоний Полтавского ГубОНО»⁴⁶.

25 июля 1920 г. в Полтаве открылся первый в УССР детский дворец. В торжествах приняли участие 15.000 детей⁴⁷. Как свидетельствует Т. Гайдамакина, мероприятие по поручению губнаробраза организовал Макаренко, которого назначили ответственным распорядителем. «В дни подготовки праздника, – пишет учительница, – «постоянно, бывало, встречаешь его, ... то сопровождающим подводу с растениями, реквизированными в бывших богатых особняках, то подводу с мешками, наполненными пряниками и конфетами»⁴⁸. Она также рассказывает о роли Макаренко в реорганизации полтавских общеобразовательных школ в трудовые в августе 1920 г., а именно 10-ой трудшколы⁴⁹. Данный эпизод, очевидно в связи с началом нового учебного года, известен также из первой главы «Педагогической поэмы»; однако там говорится о заведующем школой, обязанности которого Макаренко уже давно не выполнял. Большинство биографов педагога-писателя, которым вообще ничего не известно о его деятельности в губнаробразе, принимает художественный вымысел автора «Поэмы» за чистую монету.

20 сентября 1920 г., то есть точно через год после начала работы в губернском городе (школа им. Куракина), бывший заведующий секцией детских колоний подотдела социального воспитания Полтавского губернского отдела народного образования, а также член Горсовета А.С. Макаренко приступил к своей благотворной деятельности в Полтавской колонии для малолетних правонарушителей⁵⁰. Но это уже совсем другая история...

Между двух огней. А.С. Макаренко в Полтаве (1919 – 1920 гг.) / Гётц Хиллиг, Николай Окса // Народное образование. – 2002. – № 9. – С. 168–172.

* Настоящая публикация была сильно сокращена. Редакция журнала полностью отказалась от передачи примечаний, тем самым лишив научной значимости публикуемый материал. Поэтому – в противоречие к сформулированным в предисловии принципам этой книги – в переиздании данной статьи восстановлен её авторский вариант.

⁴⁴ ГАПО. Ф.Р-3872. Оп.1. Ед.хр.47. Л.1 об.

⁴⁵ Макаренко А.С. Пед.соч.: В 8 т. Т.1. М., 1983. С.8–9.

⁴⁶ ГАРФ. Ф.7954. Оп.2. Ед.хр.266. Л.16.

⁴⁷ См.: Дитяче свято // Більшовик. 1920. № 38. 28 липня. С.2; Второе Всеукраинское совещание по просвещению. 17–25 августа 1920 г. (Протоколы пленарных заседаний, тезисы и резолюции). Харьков, 1920. С.42.

⁴⁸ Гайдамакина Т. С.140.

⁴⁹ Там же. С.141–142.

⁵⁰ См.: ЦГАВО Укр. Ф.166. Оп.2. Ед.хр.1627. Л.94; ГАРФ. Ф.7954. Оп.2. Ед.хр.266. Л.4.

МАКАРЕНКО И ВЛАСТЬ

Г. Хиллиг

Поскольку А.С. Макаренко считался «выдающимся советским педагогом», не только на его родине, но также у нас на Западе из этого следовало, что он просто не мог не быть коммунистом. Однако педагог-писатель в компартии не состоял, но иногда называл себя «беспартийным большевиком», что никогда не ставилось под сомнение. Самокритично хочу сказать: в своих ранних публикациях я немного наивно писал о «сближении Макаренко с коммунистической идеологией» уже со второй половины 20-х годов [1, с.38].

1. Грех молодости

Первые биографы Макаренко активно копались в его прошлом, пытались найти доказательства, что он ещё в юности симпатизировал большевикам. Так, Е.З. Балабанович с удовольствием цитирует воспоминания начальника народного учителя Макаренко по Крюковскому и Долинскому железнодорожным училищам М.Г. Компанцева. Собственно говоря, речь идёт о неопубликованном дополнении к его воспоминаниям, которые вышли в свет в 1944 году [2, с. 4–6]. Лишь пять лет спустя Компанцев-фантазёр в своей рукописи «Ещё о А.С. Макаренко» вспоминает о том сенсационном факте, что он и Антон Семёнович в 1905 году, накануне революции, «выписали себе... большевистскую легальную газету „Новая жизнь“ и были её внимательными читателями» [3]. Однако этот петербургский печатный орган выходил в свет лишь в течение пяти недель – до запрета цензурой.

Новый взгляд на политические убеждения молодого педагога помог сформировать его младший брат Виталий. Сотрудники марбургской лаборатории «Макаренко-реферат», благодаря сведениям чешского макаренковедца Либора Пехи, в 1970 году разыскали его в одном из домов для престарелых во Франции и убедили написать воспоминания о своём детстве и юности, проведённых вместе с братом. В период перестройки эти материалы были опубликованы также и в данном журнале [4]. Во время нашей последней встречи в 1983 году, за несколько недель до смерти Виталия Семёновича, он сообщил мне, что в 1906–1907 годах Антон Семёнович примерно в течение года был кандидатом в члены партии социалистов-революционеров (эсеров) – факт, который он скрыл от семьи и открыл брату лишь в 1913 году. Напомним, что эсеры вели активную деятельность не только в среде рабочих, учащихся и студентов, но и с провинциальной интеллигенцией, включая учителей. Сам Виталий ещё раньше знал о принадлежности брата к эсерам: он был свидетелем обыска, проводимого тремя жандармами в комнате Антона, в ходе которого ему предусмотрительно удалось спрятать экземпляр партийной программы, вложенный братом в одну из его книг, где значилось: «Для кандидата партии Антона Семёновича Макаренко» [5, с.177]. Из этого можно заключить, что молодой педагог по своим убеждениям действительно был социалистом, однако не большевистского толка.

То обстоятельство, что Виталий Семёнович на протяжении всех тех лет, что мы «марбуржцы» были знакомы и вместе работали, умалчивал о принадлежности брата к партии социалистов-революционеров и рассказал об этом лишь во время нашей последней встречи, можно объяснить тем, что данный факт, очевидно, противоречил политическим взглядам «белого» эмигранта. Тем же можно объяснить и замалчивание чтения эсеровской пропагандистской литературы братом в найденной после его смерти черновой редакции воспоминаний. Здесь яркий эпизод с соучеником Цаловом – «единственным, настоящим другом (из мужчин)» молодого Антона, который в 1903–04 годах снабжал его этой подпольной литературой [5, с.19–20], – упоминается в контексте, лишённом всякого политического содержания [там же, с.178].

2. Гастроли на политической арене

Известные слова Макаренко в статье «Максим Горький в моей жизни» (1936 г.): «...после Октября передо мной открылись невиданные перспективы...» – ленинградский литературовед Н.А. Морозова интерпретировала таким образом, что педагог в 1917 году

«восторженно встречает Великую Октябрьскую социалистическую революцию» [6, с.81]. Данное тенденциозное высказывание позднее использовалось целым поколением советских макаренковедов, которые привнесли сюда и немало своих «научных» размышлений о большевизме Макаренко. Морозова и её последователи в России, будучи не в курсе исторической ситуации на Украине и особенно в Полтаве, не обратили внимание на то, что Советская власть там «окончательно» установилась не в результате октябрьского переворота, а лишь в декабре 1919 г.

В сентябре 1919 г. (при деникинцах) Макаренко, как известно, после многолетней работы в железнодорожных училищах перешёл в систему наробраза и руководил одной из начальных школ губернского города. На этом посту он, как ответственный педагог, остался до конца учебного года, то есть и при большевиках. В данный переходный период, в ноябре 1919 г., за три недели до «освобождения» города частями Красной армии, состоялась последняя встреча братьев Макаренко. Виталий Семёнович – он носил форму офицера Добровольческой армии – собирался эвакуироваться в Крым. Для Антона Семёновича, который прекрасно понимал происходящие вокруг события, также было ясно, что грядут кардинальные перемены как в общественно-политическом устройстве, так и в его собственной жизни.

Осознав, что новая власть действительно открыла перед ним «невиданные перспективы» для реализации его организационных талантов, а также возможность участия в структурах этой власти, руководитель начальной школы довольно быстро перешёл на сторону правящих большевиков. По сообщению газеты «Радянська влада» (Власть Советов) – органа Полтавского губернского Военно-революционного комитета и Полтавского губернского комитета Коммунистической партии (большевиков) Украины, «Макаренко (беспартийный)» 7 марта 1920 г. был избран членом первого состава Городского совета солдатских и рабочих депутатов [7]. О таком участии педагога в системе новой власти до сих пор вообще ничего не было известно. Как кандидат «Союза учителей», Макаренко получил мандат одного из четырёх его представителей. По количеству голосов он занял среди «просвещенцев» третье место (после меньшевика и ещё одного «беспартийного»). Архивные материалы о деятельности первого состава Полтавского горсовета ещё не удалось найти, но среди документов о перевыборах совета в конце ноября – середине декабря 1920 г. я обнаружил список с фамилиями 863 кандидатов, в который внесён и Макаренко (без имени и отчества) с такими данными: «беспарт., Союз Наркульт, Освита» (т.е. секция «Просвещение»), но с его характерной подписью [8, л.39 об.]. 21 декабря 1920 г. местная газета «Більшовик» сообщила, что всего 815 делегатов (среди них 274 беспартийных) были избраны в горсовет [9]. Захватывающий сюжет: 4 декабря, то есть сразу же после окончания предвыборной кампании, заведующий Полтавской колонии для несовершеннолетних правонарушителей отбирает пятерых первых воспитанников для своего учреждения. Так начинается новая жизнь Макаренко-воспитателя.

В личном архиве педагога-писателя находится «Мандат» на украинском языке от 15 апреля 1921 г., который подтверждает, что «тов. Макаренко в действительности является членом Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов г. Полтавы, делегированным от союза „Наркульт“. Тов. Макаренко значится в секции Просвещения» [10, л.2]. О данном документе впервые вспоминает Морозова, делая при этом, правда, ошибочный вывод о том, что в указанный день педагог «избирается членом Совета рабочих и красноармейских депутатов Полтавы» [6, с.83].

Впрочем, деятельность Макаренко в Полтавском горсовете была недолгой. По списку из 161 «лица, утверждённых членами Горсовета», опубликованного 25 ноября 1921 г. на страницах местной газеты «Вісти-Известия», в числе избранных 9 представителей «Союза Наркульт» (8 коммунистов и 1 беспартийного) его фамилия не значится [11]. Результаты перевыборов отражают «большевизацию» этого органа власти: часть беспартийных просвещенцев уменьшилась с 75% (весной 1920 г.) до 11%, в то время как доля коммунистов увеличилась с 0% до 89%.

Сам Макаренко в анкетах всего лишь один раз (а именно в связи с началом его работы в отделе трудколоний НКВД УССР в 1935 году) упоминает о членстве в Полтавском горсовете, однако датирует его 1923 годом [12, л.5]. Возникает вопрос: почему он умалчивает о своей деятельности в данном, тогда ещё многопартийном органе с момента его основания до ноября 1921 г.? По всей вероятности, это связано с тем, что Полтава счи-

талась тогда зоной влияния меньшевиков, убеждения которых для Макаренко являлись ближе, нежели взгляды большевиков. Эсеры в Советской России уже в 1918 году отстранены от власти, а лидеры меньшевиков ещё весной 1921 г. принуждались к эмиграции. Для Макаренко это могло быть сигналом, чтобы сознательно умолчать не только о принадлежности к партии эсеров во время первой революции, но и о деятельности в качестве «местного политика» на начальном этапе Советской власти. Уже один факт эмиграции брата-«белогвардейца» являлся достаточно отягчающим для его биографии.

Позволю себе сделать критическое замечание в адрес моих коллег: поскольку педагог-писатель никогда не упоминал о своём участии в становлении органов новой власти, этот факт не привлекал внимания советских и постсоветских макаренковедов, которые вообще не проводили никаких исторических исследований, а ориентировались лишь на то, что классик сам декларировал в различных автобиографических документах.

3. «Беспартийная» колония

24 августа 1922 г., в заявлении на учёбу в Центральный институт организаторов народного просвещения им. Е.А. Литкенса в Москве, Макаренко характеризует свои познания «в области политической экономии и истории социализма». В связи с этим он отмечает (так как в советском макаренковедении данное высказывание полностью ни разу не публиковалось, я цитирую его дословно): «По политическим убеждениям – беспартийный. Считаю социализм возможным в самых прекрасных формах человеческого общежития, но полагаю, что, пока под социологию не подведён крепкий фундамент научной психологии, в особенности психологии коллективной, научная разработка социалистических форм невозможна, а без научного обоснования невозможен совершенный социализм» [13, с.228–229]. Без сомнения, речь здесь идёт отнюдь не о большевистском направлении социализма, строительство которого тогда уже началось.

Впоследствии Макаренко концентрирует своё внимание на воспитательной работе в колонии им. М. Горького, которую – в течение первых пяти лет – можно считать беспартийной «педагогической провинцией» (И.В. Гёте) или «своеобразным островком беспартийности» (В.В. Кумарин) [14]. Так, центральный печатный орган КП(б)У – газета «Коммунист» – в сентябре 1925 г., то есть сразу же после «политической инструментализации» полтавского учреждения, писал: «Одним из недостатков колонии было отсутствие в составе администрации и преподавательского персонала – коммунистов и комсомольцев» [15]. Позднее, уже в Куряже, «завкол» принял на работу одного бывшего кандидата ВКП(б), но тот, после короткого стажа, «механически выбыл» из партии ещё в 1921 году. Имя этого человека хорошо известно – Виктор Николаевич Терский. Свидетельство о его «партийности», которую он сам скрыл от макаренковского «братства», мне удалось обнаружить в рамках систематического просмотра только что «открытых» секретных фондов архива харьковской коммуны, а именно в «Списке бывших членов ВКП(б), работавших в ТК НКВД имени Дзержинского» (прибл. 1936 г.) [16, л.3].

Впрочем, сдержанное отношение Макаренко к компартии можно считать более чем характерным для большинства советских учителей и воспитателей примерно до конца 20-х годов. Так, в 1927 году доля коммунистов (кандидатов и членов партии) среди просвещенцев во всесоюзном масштабе составляла лишь 5,3%, а комсомольцев – 7,9%. Но на Украине эти показатели были ещё более низкими: 1,5% членов КП(б)У, 1,8% кандидатов в члены партии и 4,1% комсомольцев [17, с. XXVII].

В контексте идеологической ориентации колонии им. М. Горького необходимо подчеркнуть принципиальное нежелание Макаренко создавать в своём учреждении какие-либо политические организации, будь-то комсомольская ячейка или пионерский отряд. Данное условие он официально обосновывал стремлением сохранить целостность коллектива воспитанников. Так, в одной из анкет в начале 1923 г. он пишет: «Колония живёт настолько тесной общиной, что в организации специальных общественных форм необходимости не встречается» [18, лл.102–103]. А в сообщении о колонии, написанном Маро (М.И. Левитиной) летом 1924 г., говорится: «Пед. коллектив (т.е. Макаренко – Г.Х.) считает невозможным ввести особую ячейку в колонию, чтобы не дробить ребят; но неформально все ребята считают себя комсомольцами» [19, с.75–76]. Тем не менее, выдержать напор всесильных политических органов «завколу», как известно, не удалось. Год спустя ЦК комсомола Украины, по требованию Наркомпроса, направил в колонию комсомольца

Л.Т. Ковалю в качестве политрука, то есть заместителя, а также наблюдателя чересчур самовольного заведующего. Через три года то же самое случилось и в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, куда ГПУ УССР послало чекиста Р.О. Барбарова политруководителем, что заставило «завкома» Макаренко ехать в Москву в поисках нового места работы.

При всём своём «антипартийном поведении» педагог тем не менее хорошо осознавал необходимость компромиссов, и не только в отношении вопроса «комсомолизации» колонии. Так, когда ему стало известно о показательном заочном суде в Харькове в феврале 1923 г. над эмигрантом Горьким, которого советская и иностранная пресса обвинила в антисемитизме [20, с.58, 360], Макаренко летом того же года временно воздержался называть свою колонию именем М. Горького. Другой такой случай произошёл и в августе 1922 г. в связи с вышеупомянутым заявлением на учёбу в институт им. М.Е. Литкенса. Здесь Макаренко умалчивает о том, что возглавляемая им «колония для малолетних (несовершеннолетних) правонарушителей» в тот момент уже носила имя писателя [21, с.8]. Последний выступал в то время как ярый противник политики большевиков, и об этом неоднократно сообщала советская пресса. Так, 1 августа 1922 г. газеты опубликовали протест «старых питерских печатников..., в том числе некоторых наборщиков, которые набирали труды Максима Горького до и после революции», против писателя, выступавшего в иностранной прессе очень критически в связи с «делом» эсеров в Москве. Данную публикацию на первой странице его любимой полтавской газеты «Голос труда» Макаренко не мог не заметить. В заключении обширного призыва петроградских печатников говорится, что, если Горький не откажется от своих антисоветских выступлений, «то волею-неволей революционный рабочий класс России должен будет его причислить к той группе заграничных эмигрантов, которой пролетарская история наклеила ярлык в одном слове – „белая“, и для которой границы нашей многострадальной, но начинающей процветать республики должны быть закрыты навсегда» [22 – курсив в публикации]. Такой подход к «инакомыслящим» нам хорошо известен также и во все последующие десятилетия Советской власти...

Перевод колонии им. М. Горького, как опытно-показательного учреждения, на «государственное снабжение» осенью 1923 г. побудил Макаренко «русского» переменить свою национальность на украинскую, что, без всякого сомнения, представлялось более адекватным для его нового положения – заведующего одной из двух трудколоний Наркомпроса УССР, то есть учреждения республиканского значения. В результате этого, педагог, родной язык которого, как известно, являлся русским, с лета 1924 г. был вынужден вести делопроизводство своей колонии, а именно до её перевода в Куряж, исключительно на чуждом ему украинском языке.

4. «Партийная» красавица

Более тесные соприкосновения с советской действительностью вскоре оказались для Макаренко не лишёнными проблем. С самого начала непросто обстояли дела с его большой любовью к красивой женщине и, к тому же, «партийной» – Галине Стахивне Салько, которая уже в декабре 1917 г. (во время первого недолгосрочного правления Советской власти на Украине) присоединилась к КП(б)У.

Начало их отношений пришлось на период внутривнутрипартийной борьбы вокруг будущего курса хозяйственной политики в СССР (осень 1927 г.). Как известно, после исключения Троцкого и Зиновьева из политбюро и ЦК ВКП(б), Бухарин и Сталин остались ведущими фигурами в руководстве партии и всей страны. Неслучайно «завкол» Макаренко – совместно с секретарём фракции КП(б)У куряжской колонии Л.Т. Ковалем и другими представителями её руководства – в феврале 1928 г. обратился к «товарищу Н.И. Бухарину», члену всесоюзной комиссии по приёму возвращающегося на родину «пролетарского писателя», с просьбой выделить колонии дополнительно минимум 30 000 рублей, мотивируя своё обращение следующим образом: «В нашей нищете принять Горького нам неловко...» [23, л.11]. В подлиннике этого письма с необычным обращением «Дорогой и многоуважаемый Николай Иванович», который хранится в бывшем архиве Октябрьской революции и социалистического строительства УССР в Киеве, фамилия Бухарина стёрта, но Л. Пеха, познакомившись с документом ещё в 60-х годах, смог прочитать её.

А 27–28 сентября 1928 г. Макаренко, работая над «Педагогической поэмой», в письме к любимой женщине, которая в то время проходила обследование в туберкулёз-

ной клинике, писал: «Совершенно уверен и в том, что верх будет на нашей стороне. Сейчас много читаю Бухарина и Сталина и прямо в восторг прихожу. Они тоже на нашей стороне» [24, с.109]. Что читал Макаренко тогда, конкретно пока не известно. Но, во время VI конгресса Коминтерна (17 июля – 1 сентября 1928 г.) председатель исполкома Бухарин выступил шесть раз, и с его речами можно было ознакомиться на страницах редактированной им «Правды» и других партийных газет, в то время как публикаций Сталина в печати почти не было. Не удивляет тот факт, что в советском макаренковедении вышеприведённая фраза из письма Макаренко, которая якобы свидетельствует о его идейной близости к «верхушке», цитировалась всего лишь один раз (у Балабановича в 1951 г.) и без упоминания Бухарина: «Много читаю Сталина и прямо в восторг прихожу. Он тоже на нашей стороне» [25, с.38, 56]. В апреле 1929 г. ЦК ВКП(б) снял Бухарина с должности редактора газеты «Правда» и с поста председателя исполкома Коминтерна. Дальнейшее известно.

Через свою супругу педагог-писатель познакомился и с другими украинскими большевиками: они жили тогда, в конце 20-х – начале 30-х годов в Харькове (в то время столица УССР) в одном общежитии. Наряду с «ответственным квартиросъёмщиком», тогдашним наркомом Рабоче-крестьянской инспекции В.П. Затонским (земляком Г.С. Салько из Каменец-Подольского), членами «коммуны», по их собственному названию общежития, были партийные работники, гос. служащие, юристы, инженеры. Макаренко бывал у них в гостях, и здесь, по свидетельству дочери [26, с.239–240] и сына репрессированного Затонского [27], он впервые читал рукопись начального варианта «Педагогической поэмы».

5. Под крылом ГПУ

Осень 1927 г. – это не только начало отношений Макаренко с будущей женой и её друзьями, а также и знакомство с другим (кроме Затонского) выдающимся политическим деятелем – председателем ГПУ и наркомом внутренних дел УССР В.А. Балицким. По предложению сестры Натальи, председателя шефской комиссии Куряжской колонии, он пригласил Макаренко – «человека беспартийного и не состоящего сотрудником ГПУ» (как позже он себя характеризует [28, л.17]) – на работу в коммуну им. Ф.Э. Дзержинского [29, с.118]. Здесь педагог нашёл, в отличие от наробразовских организаций, «учреждение замечательной чёткости» – так он писал 28 февраля 1928 г. Горькому. И в 1936 году, после смерти своего «шефа, друга и учителя», Макаренко в статье «Максим Горький в моей жизни» даже утверждал, что чекисты «подобрали» его «беспризорную педагогику» и «не только не дали ей погибнуть, но дали высказаться до конца».

В общем можно сказать, что наркому удавалось оберегать Макаренко от некоторых неприятностей. Однако Балицкий во время почти десятилетней деятельности педагога в органах ГПУ/НКВД УССР не всегда являлся опекуном его. Летом 1931 г., из-за конфликта с командующим Киевским военным округом И.Э. Якиром, он был отозван в Москву на пост третьего зам. председателя ОГПУ. За время его отсутствия в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского произошли большие перемены: тогда же это детское учреждение превратилось в крупный промышленный комплекс, для которого определяющими были прежде всего экономические показатели. Само собой разумеется, что данная трансформация происходила против воли Макаренко, который сначала заведовал всей коммуной, но в 1932 году стал начальником педагогической части и одновременно «помощником» нередко менявшихся начальников коммуны из чекистских рядов.

Другое важное изменение в руководстве «Дзержинки» во время отсутствия Балицкого: в сентябре 1932 г. А.О. Броневой, один из организаторов коммуны, стал председателем её правления. Кстати, это единственный чекист, упомянутый в «Педагогической поэме» под своим собственным именем (правда, лишь в двух первых, 1936 г., изданиях); а в пьесе «Мажор» 1935 года автор увековечил его в образе «Крейцера» – «Высокий, стройный, в военной форме. Всегда в хорошем настроении, даже когда сердит. Уверенный в себе, с большой силой воли. 36 лет» [30, с.216]. Тем не менее, вдова Макаренко в своих послевоенных воспоминаниях называет Броневого – среди всех чекистов из окружения Антона Семёновича, «потребителей и расточителей активного таланта» – «самой колоритной фигурой». Дословно здесь можно прочесть: «Никогда я не могу забыть и до сих пор чувствую это оскорбление, тяжкое поругание, когда в пятилетие коммуны на тор-

жественном заседании этот самый Броневой вылез на трибуну и в своей речи бросил Антону: „Пусть Макаренко не думает, что он создал коммуну. Конечно, его работу мы знаем, но это мы, чекисты, создали Макаренко“. Не знаю, как А.С. пережил эти слова, да и мало ли он видел последнего хамства от этих людей». [31, с. LI–LII].

В первой части «Педагогической поэмы», в написанной весной 1933 г. главе «Завоевание комсомола», чекистам, как известно, приписывается решающая роль в создании ячейки союза молодёжи в колонии им. М. Горького (события датируются 1923 г.): только после того, как комсомольцы комендатуры ГПУ позаботились о колонистах, те смогли наконец осуществить свою мечту о создании собственной ячейки. Из-за нежелания Макаренко создавать в колонии какие-либо политические организации, «чекистская сказка» из «Поэмы» выглядит как преклонение Балицкому, который в феврале 1933 г. вернулся на пост председателя ГПУ УССР.

6. Из-за соображений безопасности

Возвратимся к 1927/28 годам. Знакомство с Г.С. Салько и её товарищами по партии всё больше вынуждало Макаренко задумываться о своей беспартийности. Так, в письме к Галине Стахивне от 27–28 апреля 1928 г. говорится (и на основании этого высказывания можно заключить, что «восторг» от Бухарина и Сталина в сентябрьском письме в какой-то мере был упрещающим манёвром): «Плохо не то, что кто-то кричит и плюётся, а плохо, что я не могу защитить никаких позиций: у беспартийного человека позиций быть не может. Кроме того, где моя партия. Кругом такая шпана, что не стоит с нею и связываться» [24, с.52]. И спустя полтора года в другом письме (от 11–12 ноября 1929 г.) к Г.С. Салько, которая тогда проходила курс лечения в санатории в Крыму и одновременно, вдали от Харькова, отдыхала от насыщенной партийной жизни, он пишет: «...неужели ты не знала, что ничего мещанистее нашей интеллигенции нет на свете, и не было. Если мне когда-нибудь хотелось быть большевиком, то только тогда, когда у меня особенно развивалась ненависть к интеллигенции, и при этом специально к русской. Я умел видеть мещанина в самых героических бестиях. И если бы и Ваш большевизм не был создан той же русской мещанской интеллигенцией, то я обязательно сделался бы большевиком» [32, с.31].

Но в тот момент Макаренко не мог знать о том, что «большевизм» жены находился в большой опасности. После возвращения в Харьков ожидалась проверка её партийности. В конце апреля 1930 г. (сразу же после окончания первого крупного процесса против украинской небольшевистской интеллигенции – дело «СВУ») этот вопрос уже стоял на повестке дня заседания апелляционной парттройки Харьковской окружной контрольной комиссии КП(б)У [33, л.14]. В связи с возникшими проблемами, Галина Стахивна настоятельно потребовала от мужа прекращения его отношений с братом, что Антон Семёнович сразу же безоговорочно выполнил [34, с.216]. Переписка супругов данного «бурного» 30-ого года, отрывки из которой в своё время приводил Балабанович [35, с.208–209], к сожалению, не сохранилась. По всей вероятности, эти письма содержали компрометирующие семью сведения, и поэтому жена их предусмотрительно уничтожила [34, с.216]. Впрочем, письма Виталия также не сохранились в наследии А.С. Макаренко; видимо, адресат сам (или его жена) ликвидировал их.

Как видно из переписки Антона Семёновича с Г.С. Салько в 1929 году, он получал письма от брата и отвечал на них, по крайней мере, до осени того же года. Так, 4 ноября Антон сообщает ей: «Получил письмо от Вити. Он просит передать привет „твоей Гале“, пишет, что на днях пришлёт для Вас письмо, а пока просит от его имени подарить Вам букет гвоздик, он мне когда-то выплатит их стоимость» [32, с.20].

Факт переписки Антона Семёновича с братом в колонии и в коммуне был общеизвестен. Вот почему «завком» решил проинформировать своих питомцев о его окончании. По сведениям бывшего коммунара В.И. Коломийцева (в 1971 г.), Макаренко на общем собрании читал «дзержинцам» письмо, полученное от брата, и ответ на него. Речь шла о решении прервать переписку, так как Антон Семёнович был якобы оскорблён обвинением брата в том, что он «продался окончательно за большевистскую копейку». Таким образом А.С. Макаренко получил вескую причину для разрыва переписки. Поставленный об этом в известность, Виталий Семёнович позднее категорически отрицал возможность существования такого выпада с его стороны [5, с.89–90].

Подобную тенденцию конформизма можно наблюдать также и в материалах к варианту «Педагогической поэме», относящемуся к периоду весна–лето 1930 г. Здесь Макаренко намеревался разрушить добрую славу и репутацию своей главной оппонентки из Наркомпроса Украины В.М. Дюшен, которую он обвиняет в «откровенных разговорах о великом Троцком и о властолюбивом и ничтожном Сталине, о правоте Троцкого, о том, что Россия идёт к гибели...» [36]. От таких резких высказываний автор в окончательном варианте «Поэмы», как известно, отказался.

Чтобы покончить со своим обременительным беспартийным положением и, следовательно, гарантировать себе безопасность, Макаренко весной 1930 г. не только порвал связь с братом-эмигрантом и «политизировал» свой писательский труд, но также принял попытку вступить в ряды большевистской партии. Об этом свидетельствует Н.Э. Фере – бывший агроном колонии им. М. Горького. В период работы над очерком «На гигантском фронте» Макаренко и Фере вместе побывали в партбюро коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с просьбой о вступлении в КП(б)У. Однако их попытка стать коммунистами окончилась не так успешно: предложение прийти ещё раз на следующий день получил лишь агроном. Обсудив ситуацию, оба претендента на партийный билет решили отказаться от своей затеи [37] (при этом, конечно, следует помнить о наличии серьёзного конфликта между Макаренко и Н.А. Скрыпником, руководителем Наркомпроса УССР, в компетенции которого находилась педагогическая часть коммуны им. Ф.Э. Дзержинского). Отныне «завком», очевидно, смирился с данной ситуацией и даже говорил о ней иронически. Так, в письме к члену правления коммуны в конце 1930 г. по поводу деятельности Барбарова, который требовал проводить запущенное якобы Макаренко политическое воспитание, говорится: «Несмотря на всю мою беспартийность, я совершенно не могу понять, как можно говорить о воспитании в Советском Союзе, предполагая, что оно поставлено правильно, и думать, что политическое воспитание где-то отсутствует» [28, л.40].

В следующие годы Макаренко, вероятно, вообще не думал о вступлении в партию – и вовсе не потому, что это вновь стало реальным лишь с 1 ноября 1936 г., когда были сняты ограничения для вступающих, введённые в конце 1932 г. Так, накануне данного запрета, 8 ноября 1932 г. (т.е. непосредственно до выхода его книги «Марш 30 года» и заключения договора по поводу «ФД-1» – действие обоих сочинений происходит в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского) Макаренко информирует «партийную» жену, которая вновь лечится в санатории, о том, что «Броневой откровенничал и всё торопит со вступлением в партию. Чем это можно объяснить? Может быть, появлением моей книги, которой, между прочим, все здесь очень взбудоражены, теперь уже и во вторую верят» [32, с.178]. При этом Антон Семёнович не считает нужным изложить свою точку зрения по поводу инициативы чекиста: ведь его позиция Галине Стахивне была хорошо известна!

Когда во второй половине 1933 г. происходила очередная проверка на партпригодность жены – в то время она уже проживала совместно с мужем и работала преподавателем истории на рабфаке коммуны, – помощь Макаренко состояла лишь в том, что он, для подготовки к данной процедуре, послал ей в санаторий две книги: авторитетный «Очерк истории Коммунистической партии (большевиков) Украины» Н.Н. Попова и юбилейный сборник коммуны им. Ф.Э. Дзержинского «Второе рождение» (ответственный редактор: А. Броневой). Кроме того, по указанию руководителя парторганизации коммуны Касько, он сам оплатил её членские взносы за три месяца. Об этом Антон Семёнович информирует жену в письме от 8 сентября 1933 г. [там же, с.199]. Однако помощь мужа всё же не смогла предотвратить того, что она – за неучастие в партжизни – через несколько месяцев «механически» выбыла из рядов компартии.

7. Внутренняя эмиграция

В этом же 1933 году Макаренко получил возможность вновь работать над «Педагогической поэмой», чему способствовали щедрый «грант» от Горького – 5 000 рублей [38, с.503], а также сокращение его обязанностей по коммуне: «ввиду большой перегрузки начпедчасти» Макаренко. 16 января 1933 г. совет командиров, безусловно по инициативе последнего, постановил о введении дополнительной должности заведующего рабфака «Дзержинки». Данный пост, как известно, занял Е.С. Магура [39, л.8].

Первым читателем окончательного варианта «Поэмы» стал коллега Макаренко по руководству коммуной – начальник финансовой части К.С. Кононенко, которого, в уже ци-

тированном сентябрьском (1933 г.) письме к жене, он не случайно называет «теперь мой первый друг» [32, с.199]. В этой связи уместно напомнить, что в одном из своих выступлений Макаренко рассказывал, как «бухгалтер» коммуны случайно нашёл чемодан с рукописью данного произведения и, таким образом, стал её первым читателем...

Речь идёт об опытном кооператоре, банковском служащем, бывшем меньшевике (член Центральной рады и Киевской городской думы в 1917/18 г.), который в 1930 году за «саботаж коллективизации сельского хозяйства» получил 8 лет лишения свободы, но, вместо тюремного заключения, в 1932 году был направлен «отбывать срок» в коммуну им. Ф.Э. Дзержинского. Там же, как вспоминает его сын Олег – профессор химии, которого мне в 1990 году удалось разыскать в США, – Макаренко стал центром маленького круга единомышленников, открыто дискутировавших и по политическим вопросам: о ситуации в СССР, о положении интеллигенции, о том, остаться ли после октябрьского переворота в стране или, как брат Макаренко, эмигрировать. Участниками этих «конспиративных сборищ» были беспартийные сотрудники коммуны, в том числе и двое «прощённых» бывших членов партии – Г.С. Салько и В.Н. Терский [40, с.188].

В Киеве, вдали от Константина Кононенко, педагог-писатель оказался в одиночестве. Поэтому свои мысли и наблюдения он был вынужден доверять записной книжке. О хорошо знакомой ему проблеме политических репрессий Макаренко отзывался крайне сдержанно. Данная тема являлась запретной для его литературной деятельности, поскольку он не принадлежал к числу писателей, которые пишут в стол.

Несколько дней спустя после речи Сталина на 1-м Всесоюзном совещании стахановцев, где вождь произнёс знаменитое: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее» (17 ноября 1935 г.), Макаренко в своей записной книжке отметил: «Тема. На небесах усмотрели: выпустили из виду, что всегда на рай не обращали внимания. Насколько хорошо и актуально организован ад, настолько небрежно и халатно рай. Ассортимент радостей почти не был разработан.

Реорганизация рая – вот тема! Надо дать доступные пониманию удовольствия. Возлежать на лоне и лицезреть бога, кому это может понравиться?» [41, с.189–190].

И через год, в связи с принятием сталинской Конституции на чрезвычайном 8-м съезде Советов СССР, Макаренко, присутствуя на собрании ленинградских писателей, делает такую запись, неслучайно-намеренно, очень красивым церковно-славянским шрифтом: «Самочувствие человека в бесклассовом обществе. Это широчайшая тема. Отсутствие ощущения верхних давящих классов есть новая форма свободы, которая никем не показана. Есть новые виды гармонии людей, которые нужно показать. Это тем более должны сделать мы, потому что мы помним ещё другую свободу». [там же, с.190 – курсив мой].

Не менее характерна и такая запись (январь 1936 г.): «Из разговора. ... Надо сравнивать не что есть и что было, а что есть и что было бы.

– Но мы не знаем, что было бы.

– Ну вот, значит невозможно никакое сравнение.

... Эволюция темы.

В начале революции:

„Жизнь своё возьмёт“. Это значило – рано или поздно уйдут большевики и вместо них будет какая-то жизнь, бюрократия что ли». [Там же].

В.В. Кумарин, впервые опубликовавший фрагменты из записных книжек Макаренко [42, с.18–28], вспоминает и такую заметку: «Ну, ладно, мы строим светлое будущее. Но разве стоит это будущее того, чтобы нынешнее поколение жило в нищете, било вшей, влачило жалкий образ жизни?» [41, с.191]. Данная запись, очевидно, была уничтожена Г.С. Макаренко – во всяком случае, она отсутствует в составе как московского, так и кременчугского архивных фондов, где сейчас хранятся записные книжки и дневники педагога-писателя.

В другой записи (от сентября 1935 г.) речь идёт о «техническом отношении к вопросу о вступлении в партию», что, несомненно, носит автобиографический характер. Там говорится: «Можно представить себе человека, который предан до отказа, но который не вступает в партию потому, что так удобнее работать». [Там же, с.192]. Неудивительно, что Макаренко – уже в Москве – бурно реагировал на желание жены восстановиться в партии. Этим поступком она, бесспорно, хотела уберечь сына – Льва, будущего

инженера-военно-авиационного строителя, от бремени иметь мать, «механически» выбывшую из партии, и отца – Михаила Салько, по всей вероятности репрессированного в «году большого террора» как близкого соратника тогдашнего наркома просвещения УССР Затонского (зав. Черниговским окрнаробразом и с апреля 1936 г. члена Совета при Наркомпросе УССР [там же, с.158]). Не говоря уже о стопроцентно беспартийном отчине Антоне Макаренко, в семье которого он тогда жил. По словам Галины Стахивны в беседах с О.В. Макаренко и В.В. Кумариным, муж выразился так: «Солнышко, если ты вернёшься в этот колхоз, я повешусь» [32, с.XLIV]. Правда, это не помешало ему, после получения ордена за заслуги в развитии советской литературы – но не педагогики! – , в феврале 1939 г. (незадолго до своей скоростижной смерти) самому написать заявление о вступлении в «этот колхоз», именуемый ВКП(б). Что заставило его пойти на данный поступок, пока окончательно не ясно. По мнению Кумарина, он не мог не сделать этого для защиты своей жизни и своего дела. Возможно, определённую роль сыграл поворот международной ситуации после Мюнхенского сговора, когда всё более очевидной становилась неизбежность войны. Впрочем, после войны Галина Стахивна вновь собиралась восстановить своё партийное членство. Об этом свидетельствует, среди прочего, экземпляр «Краткого курса истории ВКП(б)» 1945 года выпуска с её пометками, включённый в наследие мужа.

8. Успешная маскировка

Примеры панегириков в адрес партии и Сталина, с целью демонстрации «политической бдительности», как известно, можно проследить в публицистическом творчестве Макаренко в последние годы его жизни, начиная ещё на Украине с откликов на первый московский процесс и на новую конституцию. Так, в «Известиях» от 9 декабря 1936 г. напечатано, что будущий классик педагогики завидует «школьнику, который в каком-нибудь 2436 году будет читать первые страницы учебника истории, где будет написано: „История человечества делится на две части: до сталинской Конституции и после сталинской Конституции...“». Впрочем, определяющие слова этого высказывания – от «... где будет написано» до «сталинской Конституции...» редакторы собраний трудов педагога-писателя исключили в ходе «десталинизации» его наследия.

Вот почему отдельные статьи вообще были вычеркнуты – они не вошли ни во второе издание Сочинений А.С. Макаренко (1957–58 гг.), ни в его Педагогические сочинения (1983–86 гг.). Особенно здесь стоит упомянуть две газетные публикации о собрании жителей Сталинского избирательного округа г. Москвы во время предвыборной кампании кандидатов в Верховный Совет СССР: «Наше знамя!» («Известия», 21 октября 1937 г.) и «За дорогое будущее, к которому ведёт Сталин» («Литературная газета», 26 октября 1937 г.), где говорится о «чувстве благодарности к Коммунистической партии, неразрывном с чувством благодарности к товарищу Сталину», «одному из величайших гениев человеческой истории, обладающему невиданным ещё в мире авторитетом...».

О том, что Макаренко успешно удавалось маскировать свои политические убеждения, свидетельствуют и другие высказывания. Особенно бросаются в глаза его доклады в Москве в октябре 1936 г. во время встреч с читателями «Педагогической поэмы». В столицу он приехал в форме помначотдела НКВД, которую для «операдминсостава» ГУЛАГа (т.е. в лагерях для взрослых уголовников и политических заключённых) и ОТК (в трудколониях и коммунах для малолетних правонарушителей и беспризорников) повсеместно ввели приказом Ягоды лишь 25 июня того же года [41, с.164]. Как следует из стенограмм этих выступлений, Макаренко – спустя несколько недель после снятия его «костюмера» с должности наркома внутренних дел СССР – очевидно с целью самозащиты подчеркнул свой статус чекиста. Так, в Первом подшипниковом заводе им. Кагановича на вопрос о его «связях с педагогическим миром» он, среди прочего, сказал: «В настоящее время в НКВД я как-то совсем отошёл от педагогического мира просто потому, что у нас свой педагогический мир. Чекисты не кончают педтехникумов и вузов, а делают большое воспитательное дело. Это вы можете видеть на каждом шагу. Воспитывают они не только детей, но и взрослых. Я пока этим педагогическим миром вполне удовлетворён» [там же, с.164].

Во время предыдущего пребывания в столице (конец июля – начало августа 1936 г.) Макаренко, ещё без чекистского обмундирования, перед педагогами-учёными в

Центральном институте педагогики (по неопубликованной в аутентичной версии стенограмме) более жёстко выступал таким образом: «НКВД, опираясь только на Маркса, а не на педагогическую теорию, делает людей. А педагогическая теория опыт НКВД игнорирует, а только у нас принцип Маркса о соединении обучения с производственным трудом продолжен до конца». «Дело создания настоящей педагогической техники – наше дело с вами. Есть вековое наследство, которое мы используем. Мысли великих педагогов только эстетика, а не техника. Вы обязаны создать новую педагогическую технику, не успокаиваясь тем, что дал Песталоцци. Чекиста возьмите за образец, а не Песталоцци» [там же, с.128]. Такую резкость в словах Макаренко, которая значительно отличается от тона его других московских выступлений этих дней, можно, собственно говоря, объяснить лишь тем, что непосредственно перед встречей с педагогами ЦИПа он узнал об аресте его начальника в ОТК НКВД УССР Л.С. Ахматова (31 июля 1936 г.).

Балицкому удалось уберечь Макаренко от некоторых неприятностей также и в аппарате НКВД УССР в Киеве – например, осенью 1936 г., сразу же после первого московского показательного процесса, когда педагог-писатель из-за двусмысленных высказываний о большевистском единстве и о гениальности Сталина на выпускном собрании коммунаров-дзержинцев подверг себя большой опасности [там же, с.146–156]. Подобная ситуация возникла в рамках следствия по делу Ахматова, так как он назвал Макаренко в числе членов «контрреволюционной троцкистской террористической организации», участие в которой приписывалось арестованному. Тогда же имя педагога-писателя вычеркнули из протокола допроса Ахматова, очевидно по указанию Балицкого [там же, с.133], с которым Макаренко встретился в связи с его желанием оставить должность «помнача» ОТК в сентябре 1936 г. [там же, с.162]. Последняя встреча между этими двумя уважающими друг друга людьми состоялась в третьей декаде марта 1937 г. по поводу писательского проекта «Чекист» [там же, с.184] – такую книгу, как известно, в октябре 1935 г. порекомендовал написать педагогу-писателю Горький. И, наконец, последнее признание Макаренко о его работе в учреждениях НКВД встречаем в стенограмме доклада 21 апреля 1937 г. «Художественная литература о воспитании детей», где он касательно коммуны им. Ф.Э. Дзержинского сказал, что на основании данного опыта «уже можно формулировать и аксиомы и теоремы советского воспитания, формулировать точно и открыто, и доказывать. Надеюсь, что со временем это удастся сделать, тем более теперь, потому что это не только моя работа, а работа многих людей и в особенности чекистов Украины» [29, с.122].

Таким образом, переехав в Москву, Макаренко никогда не говорил публично о своей работе в отделе трудколоний НКВД УССР. Причину этого, без всякого сомнения, следует искать в судьбе «хозяина» педагога Балицкого: 11 мая 1937 г. его сняли с должности наркома внутренних дел УССР и назначили начальником Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю; 7 июля он был арестован, а 27 ноября приговорён к смерти и в тот же день расстрелян. Как и все другие «инквизиторы» сталинской эпохи, нарком до сих пор не реабилитирован. Поэтому не удивительно, что мои советские коллеги-макаренковеды (по условиям Главлита!) его фамилию вообще не упоминали. Впрочем, это также относится и к его сестре Наталье, на которой «влюблённый по уши» заведующий колонией им. М. Горького в 1926 году хотел жениться. Тогда же В.А. Балицкий, ознакомившись с личным делом кандидата в женихи и узнав о его брате-«белогвардейце», был решительно против этого брака.

Один раз (октябрь 1936 г.), на вопрос о своей биографии и партийности, Макаренко отвечал шутя: «Я не член партии. Как-то так вышло, что некогда было мне входить (смех) и некогда было жениться. Я женился только в 40 лет, благодаря этим таким пацанам» [43, с.51]. «Бдительные» редакторы советских изданий собраний сочинений педагога-писателя подобные несерьёзные высказывания, конечно, без колебания исключали из его наследия.

Макаренко вообще достаточно уверенно мог производить впечатление истинного приверженца советского режима. Например, в протоколе заседания парткомиссии Союза советских писателей СССР от 16 марта 1939 г., которая рассматривала его заявление о приёме в кандидаты ВКП(б), есть высказывание одного из рекомендующих, для которого, очевидно, являлось загадкой, почему авторитетная парторганизация московских писателей должна терять время на решение таких мелких самоочевидных вопросов. Этот чело-

век — П.А. Павленко — сказал: «У многих была уверенность в том, что т. Макаренко является коммунистом, а оказывается, что он беспартийный» [44, с.128].

Несмотря на свою маскировку, в начале 1939 г. педагог-писатель всё же попал в щекотливую ситуацию из-за статьи А. Бойма «Откровения А. Макаренко» в «Комсомольской правде» 2 декабря 1938 г. Так, в одном из писем к учительнице Т.В. Турчаниновой, которая в связи с этой публикацией прямо спрашивала его, советский ли он человек, Макаренко утверждает, что Бойм разоблачён как «враг» и арестован [45, с.62]. О репрессии журналиста, в 60-х — члена редколлегии журнала «Народное образование» (псевдоним: В. Александров), до сих пор ничего не известно. С помощью такой выдумки, Макаренко, запуганный откровенностью «партийной» корреспондентки, очевидно, пытался заставить её отказаться от политических подозрений в свой адрес, демонстрируя тем самым бдительность.

9. Приём у вождя?

Проблема «Макаренко и власть» включает также и тему «педагог-писатель и вождь». Что можно сказать по этому вопросу, который автор уже в 1996 году затрагивал на страницах данного журнала [46, с.68–75], — в т.ч. и по поводу возможной аудиенции Макаренко у Сталина?

Из неопубликованных воспоминаний знакомых Макаренко следует, что он неоднократно рассказывал узкому кругу питомцев (как свидетельствуют Ксения Безрук и Елена Пихоцкая) о приёме у вождя. Правдивость показаний тех свидетелей я обсуждал в вышеупомянутой публикации. В связи с этим возникает вопрос: существуют ли новые источники или утверждения, позволяющие опять заняться данной проблемой?

В журнале «Исторический архив» в 1994–1997 гг. публиковались «журналы (тетради) записей лиц, принятых первым генсеком» в кремлёвском кабинете Сталина с 1924 по 1953 гг. Фамилия Макаренко там не значится. На основании этого обстоятельства я в 1998 году сделал вывод, что данная публикация «полностью развеивает легенду об аудиенции Макаренко у Сталина» [47, с.65]. Однако через год два журналиста, А. Текило и А. Келеберда, поместили в киевской газете «Вечерние вести» сенсационное открытие о том, как «завкол» в 1927 году был принят вождём и лично от него получил инструкцию организовать в рамках только что зарождавшейся коммуны им. Ф.Э. Дзержинского школу НКВД для подготовки разведчиков.

Дословно авторы в статье «Антон Макаренко — „бабка“ шпионов» пишут: «Летом 1927 года Макаренко срочно вызвали в Кремль. Педагога принял сам Сталин. Разговор шёл о важнейшем государственном деле — создании центра подготовки разведчиков и диверсантов. Перед педагогом была поставлена сложная задача: „... реорганизовать воровской талант подростков в талант коммуниста-разведчика“. Вождь проводил Макаренко до самых дверей кабинета, и последнюю фразу генсека слышали многие. Сталин сказал: „Вам не станут мешать. Однако, помните, от вашей работы во многом будет зависеть безопасность страны“. Вскоре последовал приказ о присвоении Антону Семёновичу звания бригадного комиссара НКВД.

Уже в ноябре в центр подготовки разведчиков поступили первые ученики; младшему было шесть лет, старшему — семнадцать. Через месяц секретное подразделение вошло в состав коммуны им. Ф. Дзержинского. Сама коммуна являлась идеальным прикрытием для разведшколы, а её контингент формировался путём тщательного отбора среди коммунаров... Макаренко впервые предложил разведывательную специализацию. Он разработал пакеты учебно-воспитательных программ для экономических агентов, курьеров и даже для изобретателей и конструкторов шпионских аксессуаров. Его воспитанники работали с Рихардом Зорге в Шанхае. С 1932 года в коммуне начинается производство первых в СССР плёночных фотоаппаратов „ФЭД“. Немалую долю этой продукции составляли и аппараты, предназначенные для спецслужб».

Данная спорная история закончилась постскриптом, который представляет её в совсем другом свете: «В 1990 году германские спецслужбы сделали приятный подарок своим советским коллегам. Им были переданы документы 30-х — 40-х годов, касающиеся подготовки в фашистской Германии шпионов для заброски в СССР. Среди бумаг оказалось личное распоряжение Гитлера о внедрении методик Макаренко в практику фашистских разведшкол. Сейчас разработки великого украинского педагога используют в раз-

ведшколах всего мира. Он опередил своё время на десятилетия» [48]. Под этим, возможно, подразумевается, что спецслужбы ГДР до их самоликвидации передали «своим советским коллегам» документы, которые доказывают, что немецкие «органы» во время фашизма использовали советские программы для подготовки разведчиков, в т.ч. макаренковские материалы.

Часть продукции фотозавода «Дзержинки» действительно была предназначена для спецслужб. Но это относится, как видно из секретных фондов её архива, к «постмакаренковской» коммуне, когда выпуск фотоаппаратов уже достиг определённого уровня. Впрочем, как помощнику начальника и руководителю педагогической части коммуны Макаренко не разрешали свободно посещать её заводы. Странно также и то, что фотолюбитель Антон Семёнович не получил «ФЭДа», этот «шпионский аксессуар». О поощрении его многолетней работы в ГПУ/НКВД он написал в записной книжке в момент ухода со службы (январь 1937 г.) следующее: «Сколько я работал, всю жизнь как чёрный вол и не удосужился получить ни денег, ни путёвки, ни фотоаппарата» [41, с.18]. Правда, для Льва Салько «ФЭД» был изготовлен [49, с.103].

Поэтому всё указывает на то, что приём Макаренко у Сталина, если он действительно состоялся, нужно датировать 1937 годом, то есть 10 годами позже, чем рассказывают киевские журналисты. В 1927 году самодержавная власть «вождя всех времён и народов» ещё не началась.

Отклик на газетную публикацию, составленный мной совместно с киевским историком В.И. Марочко («Педагог Макаренко – „шеф“ разведчиков?»), газета «Вечерние вести» не опубликовала, однако мы получили письмо авторов вышеупомянутой статьи. Позже полтавскому психологу В.Ф. Моргуну удалось поместить наш материал в областном журнале «Бизнес Неделя» [50, с.27].

В этом отклике мы, среди прочего, подчеркнули, что Макаренко в 1927 году действительно «посетил Москву, но не для встречи с „хозяином“, а для участия во Всероссийской конференции работников детских домов (15–20 ноября 1927 г.). Почти каждый вечер он бывал в столичных театрах, о чём свидетельствует его переписка с женой Г.С. Салько-Макаренко. О „тайной аудиенции“ в Кремле педагог не упоминает».

В ответе А. Текило и А. Келеберды от 5 мая 1999 г. одна деталь вызывает особый интерес: «В ноябре 1927 года А.С. Макаренко имел беседу в Кремле. Данный факт был сообщён нам полковником КГБ в отставке при частном разговоре. По его словам, стенограмма этой беседы до сих пор хранится в архиве ФСБ. То, что об этой встрече педагог „не упоминает“ в письмах к Галине Стахивне, вполне естественно и логично. Было бы очень странным, если бы он разглашал государственные тайны в частной переписке. Интересно, сколько бы дней он прожил бы после отправки такого письма? Тем более было бы безрассудным рассказывать об этой аудиенции „узкому кругу питомцев, в том числе Ксении Безрук“!». Марочко в своём письме к киевским журналистам от 7 мая 1999 г. по поводу данной темы писал: «Если это исторический факт, а для этого необходимо иметь стенограмму беседы педагога со Сталиным (обычно вождь избегал подобной регистрации личных бесед), тогда в макаренковедении произойдёт „концептуальный переворот“». Но ответ он, к сожалению, не получил...

Даже если такая тайная встреча действительно состоялась (но не в Кремле, а на даче Сталина), то, согласно аргументации авторов, Макаренко не должен был о ней упоминать. Между прочим, о даче речь идёт в воспоминаниях Е.С. Пихоцкой. Она рассказала на Харьковской макаренковской конференции 20 апреля 1950 г., то есть ещё при жизни вождя, о том, что Макаренко на встрече с бывшими коммунарами в марте 1939 г. говорил о личном приёме у Сталина. По стенограмме конференции «тов. Пехоцкая (!) сообщила: „... Антон Семёнович говорил, что товарищ Сталин вызывал к себе на приём. Он говорил, что так хочется собраться. Он говорил – мне хочется собраться за городом, под Москвой, у меня будет дача, пригласить бывших воспитанников, устроить конференцию бывших воспитанников-коммунаров. Хочется всех увидеть, потому что все разъехались. Хочется мне такую конференцию организовать, чтобы увидеть всех, посмотреть, насколько все выросли“» [47, с.50]. Впрочем, списки лиц, принятых Сталиным на его даче под Москвой, до сих пор не известны.

Ноябрь 1937 г., как дата тайной встречи педагога-писателя с вождём, вполне возможен. «Посредником» такой аудиенции мог быть Шолохов. Вспомним: писатель во вре-

мя одного из двух документально утверждённых приёмов у Сталина осенью 1937 г. (25 сентября, 4 ноября – оба раза в присутствии Молотова и Ежова) по всей вероятности вступился за Макаренко, который после ареста Балицкого оказался в очень затруднительном положении. По свидетельству В.В. Кумарина, Галина Стахивна «по своим каналам» получила известие о том, что арест мужа как «врага народа» – дело нескольких часов. Случайная встреча с Шолоховым и Фадеевым дала ей надежду получить поддержку этих знаменитых писателей. Первый направлялся тогда на приём к Сталину и пообещал просить за Макаренко самого вождя. Во второй половине 50-ых годов Шолохов в беседе с Л.Т. Ковалем во время их встречи в Харькове рассказал, что он однажды помог Макаренко «выпутаться из очень неприятной ситуации» [47, с.6267].

Восстановить точный ход событий того времени до сих пор не удалось. Так, в дневнике педагога-писателя в промежутке между 14 августа и 13 декабря 1937 г. находится четыре с половиной пустых страницы [там же, с.73]. Причина для этого четырёхмесячного пропуска в записях ещё полностью неясна. Я обращаюсь к А. Текило и А. Келеберде с просьбой огласить свои источники, то есть уточнить данные о вышеупомянутых документах фашистских спецслужб по поводу использования советского опыта перевоспитания беспризорников и о протоколе приёма Макаренко у Сталина.

Литература

1. Хиллиг Г. Нелёгкий путь к коммунизму: как А.С. Макаренко стал «беспартийным большевиком» // Патаки Ф./Хиллиг Г. Самоутверждение или конформизм?: к вопросу идейно-политического становления А.С. Макаренко. Марбург, 1987. С.23–74.
2. Компанцев М.Г. Из воспоминаний об Антоне Семёновиче Макаренко // Начальная школа. 1944. № 5–6.
3. РГАЛИ. Ф.332. Оп.4. Ед.хр.476.
4. Макаренко В.С. Мой брат Антон Семёнович // Советская педагогика. 1991. №№ 6, 7.
5. Макаренко В. Мой брат Антон Семёнович: воспоминания, письма. Марбург, 1985.
6. Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. Изд.2-е. Л., 1961.
7. Радянська влада (Полтава). 1920. №№ 52, 57.
8. ГАПО. Ф.1792. Оп.2. Ед.хр.3.
9. Більшовик (Полтава). 1920. № 154.
10. РГАЛИ. Ф.332. Оп.4. Ед.хр.351.
11. Вісти-Известия (Полтава). 1921. № 257.
12. Архив МВД Укр. Ф.40. Оп.16315. Р.ІV.
13. Яковлева Р.И. «Реферат» А.С. Макаренко // Исторический архив. 1961. № 2.
14. В беседе с автором (2002 г.).
15. Коммунист (Харьков). 1925. № 201.
16. ГАХО. Ф.2411. Оп.1. Ед.хр.10.
17. Всесоюзная школьная перепись 15 октября 1927 г. Т.1: Социальное воспитание, ч.3. М., 1930.
18. ЦГАВО Укр. Ф.166. Оп.2. Ед.хр.1687.
19. Маро (Левитина М.И.). Работа с беспризорными: практика новой работы в СССР. Харьков, 1924.
20. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). М., 1995.
21. Макаренко А.С. Пед.соч.: в 8 т. Т.1. М., 1984.
22. Голос труда (Полтава). 1922. № 99.
23. ЦГАВО Укр. Ф.166. Оп.6. Ед.хр.2975.
24. «Ты научила меня плакать...»: переписка А.С. Макаренко с женой (1927–1939). В двух томах. Сост. и ком. Г. Хиллига и С. Невской. Т.1. М., 1994. С.109.
25. Балабанович Е. А.С. Макаренко: очерк жизни и творчества. М., 1951.
26. Морозов В. Володимир Петрович Затонський. Київ, 1967.
27. Д.В. Затонський (Киев) в беседе с автором (1993 г.).
28. РГАЛИ. Ф.332. Оп.4. Ед.хр.387.
29. Хиллиг Г. А.С. Макаренко и НКВД // Сов. педагогика. 1990, № 9.
30. Макаренко А.С. Пед. соч.: в 8 т. Т. 2. М., 1984.
31. Дополнительные штрихи к портрету А.С. Макаренко: беседа Г. Хиллига с В.В. Кумариным (Марбург, 2 ноября 1988 г.). Марбург, 1989.
32. «Ты научила меня плакать...». Т.2. М., 1995.
33. ГАХО. Ф.58. Оп.1. Ед.хр.18.
34. На разных берегах...: судьба братьев Макаренко. Сост. и ком. Г. Хиллига. М., 1998.

35. *Балабанович Е.* Антон Семёнович Макаренко: человек и писатель. М., 1963.
36. Архив лаборатории «Макаренко-реферат».
37. *Н.Э. Фере* в беседах с *Л. Пехой* (1965 г.), а также с автором и В.В. Кумариным (1973 г.).
38. Архив *А.М. Горького*. Т.14. М., 1976.
39. РГАЛИ. Ф.332. Оп.4. Ед.хр.402.
40. Москва, октябрь 1936 г.: издание протоколов двух встреч А.С. Макаренко с читателями «Педагогической поэмы». Сост. и автор текстолог. прим. и коммент. Г. Хиллиг. Марбург, 1987.
41. Свидетельства искренней дружбы: воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко. Издатели: *Г. Хиллиг, В. Марочко*. Марбург, 1997.
42. *Абаринов А., Хиллиг Г.* Испытание властью: киевский период жизни Макаренко (1935–1937 гг.). Марбург, 2000.
43. *Кумарин В.В.* Страницы из записных книжек // Вопросы теории и истории педагогики. Труды Орехово-Зуевского пединститута. М., 1960.
44. Москва, октябрь 1936 г.: издание протоколов двух встреч А.С. Макаренко с читателями «Педагогической поэмы». Сост., автор текстолог. прим. и ком.: Г. Хиллиг. Марбург, 1987.
45. *Макаренко А.С.* Пед. соч.: в 8 т. Т. 8. М., 1986.
46. «Макаренко – педагог, а не писатель!»: переписка А.С. Макаренко с двумя читательницами (1938–1939 гг.). Составители: Г. Хиллиг, С. Невская. Марбург, 1995.
47. *Хиллиг Г.* Макаренко и сталинизм: размышления и комментарии к дискуссионной теме // Педагогика. 1996, № 1.
48. *Хиллиг Г.* Макаренко в год «Большого террора». Марбург, 1998.
49. *Текило А., Келеберда А.* Антон Макаренко – «батька» шпионов // Вечерние вести (Киев). 1999, № 56–57.
50. «Береги себя!»: переписка *Г.С.* и *А.С. Макаренко* с сыном (1927–1939 гг.). Составители: *С. Невская, Г. Хиллиг*. Марбург, 2001.
51. *Хиллиг Г., Марочко В., Моргун В.* Педагог Макаренко – «шеф» разведчиков? // Бизнес Неделя (Полтава). 1999, № 23. Макаренко и власть / Г. Хиллиг // Педагогика. – 2002. – № 8. – С. 66–79.

КАРМАННЫЕ ДЕНЬГИ ДЛЯ КАРМАННИКОВ

Неизвестное письмо «нэпмана» А.С. Макаренко

Гётц Хиллиг, руководитель лаборатории «Макаренко-реферат» Марбургского университета (ФРГ), вице-президент Международной макаренковской ассоциации, доктор философских наук, приват-доцент

Светлой памяти *Валентина Кумарина*

Наши последние встречи с Валентином Васильевичем состоялись в конце мая 2002 года. Конечно, его сердце было ослаблено, но голова, как всегда, работала ясно и продуктивно.

Он мне рассказывал о своих научных планах и просил в следующий раз привезти для него информацию о системе народного образования в современной Германии. Я пообещал с ним вновь встретиться через четыре месяца.

После этого я отправился в Киев, где работал в Центральном Архиве с материалами Наркомпроса УССР. Там мне удалось обнаружить важный документ из Полтавской колонии им. М. Горького, который, безусловно, мог бы представлять большой интерес для Валентина. Я решил обсудить с ним этот, до тех пор неизвестный макаренковедению, источник во время моего очередного визита в Россию.

Сейчас я опять в Москве, но, к сожалению, Валентина уже нет с нами...

Поэтому я представляю этот документ вниманию читателей его любимого журнала «Народное образование».

...Я знал В.В. Кумарина более тридцати лет, с того времени, как мы с З. Вайтцом разыскивали Виталия Семёновича Макаренко в доме престарелых во Франции и убедили его написать воспоминания о проведённых им вместе со старшим братом детских и юношеских годах. В это время я часто встречался и работал с Кумариным в Москве и в Марбурге.

В представленном здесь документе речь идёт о просьбе заведующего Полтавской колонией им. М. Горького к его руководству в Наркомпросе УССР разрешить «выдавать старшим воспитанникам, уже подготовленным к выпуску из колонии, небольшие карманные деньги. Они – по словам «завкола» – позволят воспитанникам сделать некоторые сбережения перед выходом на самостоятельную работу, а самое главное – приучат их иметь у себя деньги, хотя бы и небольшие». Это цитата из уже известного письма Макаренко к областному инспектору дефективного детства Харьковской области М.Н. Котельникову (от 30 марта 1924 г.).

Но письмо так и не легло на стол его адресата. Из-за реорганизации Главного комитета социального воспитания просьбой Макаренко занимался новый руководитель Отдела охраны детства Главсоцвоса, который только что получил эту должность. Этим работником оказалась Галина Стахивна Салько – будущая жена педагога-писателя.

В своём ответе (украиноязычное письмо от 19 апреля 1924 г.) Г.С. Салько вначале отклонила просьбу «завкола», указывая на то, что подобная практика не соответствует существующим предписаниям. При этом она ссылаясь на Кодекс законов народного образования УССР от 15 ноября 1922 г., а также на «Руководство по социальному воспитанию» (изд. 1922 г.). Но, кроме этого, она (очевидно, не зная, что колония им. М. Горького в данный момент уже была опытно-показательным учреждением Наркомпроса УССР) предлагала полтавскому «завколу» написать докладную записку в Губсоцвос для дальнейшего рассмотрения вопроса в Главсоцвосе и на заседании его научно-педагогического комитета (Научпедкоме). Во всяком случае, из письма своей будущей жены Макаренко сделал вывод: нужны более детальные аргументы, чтобы убедить руководство колонии выплачивать воспитанникам карманные деньги. Поэтому 4 мая 1924 г. он вновь обратился к Главсоцвосу НКП УССР.

Представленный здесь документ позволяет по-новому взглянуть на представления А.С. Макаренко о воспитательном процессе. В нём более аргументированно, чем в дру-

гих, уже известных письмах «завкола», автор подчёркивает необходимость подготовки его воспитанников для жизни в условиях НЭПа. В этом смысле Макаренко действительно вёл себя как предприниматель («нэпман»): стремился самостоятельно вести своё хозяйство, подготавливать воспитанников для их будущей «постколониальной» жизни.

Это, конечно, в какой-то мере напоминает нам сегодняшнюю ситуацию в странах СНГ и по-новому подчёркивает значение всей совокупности педагогических идей А.С. Макаренко. Такие размышления были бы, вне всякого сомнения, созвучны идеям Валентина Кумарина, который приложил много сил для того, чтобы макаренковская педагогика не потеряла своей актуальности. Впрочем, именно Валентин Кумарин, насколько мне известно, впервые назвал Макаренко «нэпманом».

Заявление полтавского «завкола» 24 июня 1924 г. было рассмотрено на заседании президиума Научпедкома, который дал своё согласие на проект о карманных деньгах. Но это решение органа Наркомпроса УССР мне и моим постсоветским коллегам-макаренковедам до сих пор было неизвестно. До сегодняшних дней они ошибочно ориентировались на утверждение самого Макаренко в одном из его выступлений в Наркомпросе РСФСР (в январе 1938 г.): «Украинский Наркомпрос категорически возражал против выдачи карманных денег воспитанникам колонии, считая, что таким образом я буду воспитывать меркантильность. Поэтому я мог выдавать карманные деньги только тайно, предварительно договорившись с воспитанниками, что они никому не будут об этом говорить, и должен был проводить эти карманные деньги тоже более или менее мошенническим образом».

Полтавская трудовая колония им. М. Горького
4 мая 1924 года
№ 225

В Главсоцвос
Главному инспектору Охраны детства.
Копия: Полтавскому Губсоцвосу.

Вновь поддерживая своё ходатайство от 30 марта за № 119 и в ответ на предложение Главсоцвоса от 19 апреля с/з за № 8639, представляю следующее:

В институте карманных денег я не вижу противоречий ни общим принципам соцвоса, ни указанным в № 8639 положениям Кодекса 157. Коллективное воспитание является самым главным принципом и для меня, и для педагогического состава колонии им. М. Горького. Реализуя этот принцип, колония им. М. Горького главное его выражение видит не только в том, что все воспитанники колонии составляют коллектив, совершающий единое движение, но главным образом в такой организации системы влияний, при которой каждый воспитанник подвергается этим влияниям не непосредственно, как индивидуум, а почти исключительно через коллектив при посредстве его учреждений, связей, труда и общего тона.

Организация коллектива воспитанников в своих частностях и ревизуется приложением указанных выше принципов, но я не могу согласиться с тем, чтобы при помощи предварительного сравнения принципа и средств можно было установить пригодность или непригодность последнего. Мне кажется, что всякое средство может быть полезно или вредно исключительно в зависимости от того, каким образом оно применяется и в каком отношении стоит к другим средствам учреждения. Судить о ценности метода и средства поэтому можно только в опыте. Этот же опыт позволяет и предварительно предчувствовать его полезность, но, разумеется, такое предчувствие возможно только на месте в процессе реальной работы.

Я рассчитываю, что и в Губсоцвосе, и в Главсоцвосе может оказаться доверие ко мне и моим сотрудникам не только в образе предвидения правильности нашего чутья, но и в виде уверенности, что, если опыт с карманными деньгами окажется неудачным, мы и сами это не постыдимся признать.

Подвергая же каждую деталь предварительному рассмотрению в губернии и в центре, значит направить организации по пути, если можно так выразиться, слишком дедуктивному.

За четыре года существования колония им. М. Горького нашла много деталей и вариантов соцвоса, но многие положения пришлось и отбросить, как в опыте оказавшиеся неудачными.

Отказаться от подобного метода организационных поисков – значит отказаться вообще от исканий. Производить их в порядке центрального рассмотрения и санкции значит лишить их необходимого размаха и смелости. Мне кажется, и Губсоцвос, и Главсоцвос всегда имеют возможности допустить законность такой логики для своих опытных учреждений.

Переходя специально к вопросу о карманных деньгах, я не буду утверждать, что их введение обязательно окажется полезным. В настоящий момент я могу произвести только приблизительный анализ их возможной полезности. Я предвижу, что эффект карманных денег будет очень сложным. Пока я имею основания ожидать его в следующих областях.

1. В то время, когда жалование воспитателей было совершенно ничтожным и почти ничего не прибавлялось к их бюджету, положения воспитателей и воспитанника были экономически равными.

Воспитатели, так же как и воспитанники, кормились с котла и так же получали одежду и прочее. С того времени, как зарплата стала увеличиваться, было положено начало экономическому неравенству. Это неравенство переживается просто принципиально, а не количественно. Воспитатели, такие же члены коммуны, как и воспитанники, располагают дополнительным правом свободного использования денег. Воспитательский коллектив, стремясь уменьшить указанное неравенство, отказался от получения натурального довольствия, но и это произвело обратное действие, ибо ещё больше была подчеркнута принципиальная разница в способах удовлетворения потребностей. Воспитательский состав делается, так сказать, определённо «Денежной аристократией».

Так как сущность разделения лежит не в количестве благ, а в форме распределения, то и борьба с разделением должна идти в том же направлении. Небольшие деньги в руках воспитанника, которыми он может располагать свободно, принципиально уравнивают его с воспитателями. Внешним показателем будет то, что мне не будет стыдно уплачивать, а воспитателям получать жалование.

2. Воспитанники колонии давно уже считают своим долгом ежедневный труд в своей коммуне, труд, приносящий ценность. Хотя колониальное хозяйство ещё далеко не способно себя окупать, тем не менее воспитанники привыкли считать, что они не дармоеды, что их потребности удовлетворяются в порядке распределения коммунальных доходов. Педагогический совет и введение карманных денег рассчитывает организовать по этой линии. В глазах воспитанников эти деньги будут представляться частью коммунальных доходов, но не в натуральной, а в денежной форме.

3. Как уже указывалось в № 119, представляется необходимым воспитывать в колонистах привычку к индивидуальному бюджету. До тех пор, пока мы выпускаем воспитанника в общество, основанное на индивидуальном бюджете, мы не имеем право не давать воспитаннику соответствующих навыков. В то же время право личности на выбор в удовлетворении ближайших потребностей не оспаривается ни одним положением социализма и не противоречит общим принципам советской системы воспитания. Так или иначе переход воспитанника из колонии, где все его потребности удовлетворяются по коммунальному плану в условиях, где ни одна потребность таким способом не удовлетворяется, представляет значительную опасность.

4. Педагогический совет колонии рассчитывает, что введение карманных денег повысит у колонистов мнение о себе и о своей общине и позволит проявиться некоторым вкусам и чертам характера.

5. По отношению к некоторым воспитанникам введение карманных денег уничтожает неловкость, которая всегда имеет место, если воспитанник, имея на руках часто очень большие деньги колонии, в то же время лично никогда не имеет случая обладать правом денежного расхода для себя.

6. Введение карманных денег подчеркнёт деловую дифференциацию колонистов, работу и значение опытных старых членов коммуны и движение вперёд молодых.

Карманные деньги для карманников. Неизвестное письмо

Заведующий колонией

М. Горького (подпись А. Макаренко)

ЦГАВО Украины, 166-4-349, лл. 9–10. Оригинал. Машинопись.

Карманные деньги для карманников. Неизвестное письмо «нэпмана» А.С. Макаренко / Гётц Хиллиг // Народное образование – 2002. – №10. – С. 151–154.

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОЛОНИИ ИМ. М. ГОРЬКОГО

О колонии им. М. Горького – всемирно известной педагогической лаборатории А.С. Макаренко, написано много. Однако основным источником информации о первых шагах её становления остаётся литературно-художественное произведение – «Педагогическая поэма».

В этой статье, учитывая изложенные в «Поэме» события, на основании уже известных и недавно обнаруженных источников, рассматриваются особенности организации, заселения и названия полтавской колонии.

1. *«Новый человек» – благотворительная цель соцвоса.* В прологе к «Педагогической поэме» речь идёт, как известно, о «разговоре с завгубнаробразом» в сентябре 1920 г., во время которого педагог получил задание организовать колонию для малолетних правонарушителей. Как свидетельствует вдова Макаренко, он написал пролог лишь после остальных начальных глав, по теперешней нумерации со второй до девятой [1, с.110–122], видимо в 1933 году. В первой главе дословно можно прочесть:

«– Ну а если я и в самом деле напутаю?

Завгубнаробразом стукнул кулаком по столу:

– Да что ты мне: напутаю, напутаю!.. Ну, и напутаешь. Чего ты от меня хочешь? Что я не понимаю, что ли? Питай, а нужно дело делать. Там будет видно. Самое главное, это самое... не какая-нибудь там колония малолетних преступников, а, понимаешь, социальное воспитание... Нам нужен такой человек вот... наш человек! Ты его сделай. Всё равно, всем учиться нужно. И ты будешь учиться. Это хорошо, что ты в глаза сказал: не знаю. Ну и хорошо» [2, с.9].

Прототипом завгубнаробраза являлся А.М. Мизерницкий, который в 1920 году действительно занимал названный пост, однако вскоре, после открытия колонии, как об этом подчёркнуто в «Поэме», исчез из Полтавы, «уехал куда-то на другую работу» [2, с.19]. Но он был не «рабочим-выдвиженцем», как делает вывод из книжного диалога Е.З. Балабанович [3, с.214], а образованным интеллигентом. Об этом свидетельствует личное дело политического деятеля, а также воспоминания Н.Н. Миронова: «Трудно себе представить, чтобы высокоинтеллигентная парторганизация Главсоцвоса могла избрать своим секретарём такого тупого мужлана, – как его изобразил А.С. Макаренко в «Педагогической поэме». Образ Полтавского завгубона – некультурного грубияна – никак не соответствует тому, каким Мизерницкий был в Главсоцвосе – культурным, выдержанным, вполне грамотным» [4, с.26].

Карьера Мизерницкого в Наркомпросе УССР, киевском губнаробразе, профсоюзе «Робос» и Наркомтруде УССР, а также его дальнейший спуск вниз по служебной лестнице (работа директором совхоза и Зоотехнического института), возможно и его принудительное «путешествие» на Кузбасс в 1933 году [см.: 4, с.23–32], автору «Педагогической поэмы» во время написания пролога была хорошо известна, поэтому получился такой «пролетаризированный» персонаж.

«Наш человек» завгубнаробразом, по макаренковедческой традиции, должен был быть послереволюционным «новым человеком». 20 августа 1920 г. на втором Всеукраинском совещании по просвещению докладчиком от Наркомпроса УССР выступал А.И. Попов (1891–1958) – председатель научпедотдела Совета соцвоса [5, с.59–60]. Он говорил о «воспитании нового человека – члена социалистического общества, человека-коммуниста», как «основное задание нашей системы». А ещё 1 июля 1920 г. Попов составил основополагающий документ – манифест советской украинской педагогики этого времени: «Декларацию Наркомпроса о социальном воспитании детей». Относительно влияния декларации на «завкола Горького» в (пост)советском макаренковедении до сих пор даже не упоминается [см.: 6, с.78–80]. О «воспитании нового человека» речь идёт и в двух других принципиально важных документах Наркомпроса Украины – «Система социального воспитания детей в УССР» от 25 июля 1921 г. и «Кодекс законов о народном про-

свещении УССР» от 2 ноября 1922 г. [см.: 6, с. 84–85]. Написание упомянутых документов приходится на период руководства Наркомпросом Г.Ф. Гринько (1890–1938), которого Макаренко вспоминает в первой части «Педагогической поэмы»: «Таковых, считая в том числе и меня, было пятеро. Назвал нас «подвижниками соцвоса» товарищ Гринько» [7, с.74]. В результате репрессии последнего, его фамилию изъяли из всех советских переизданий «Поэмы». Позабыто в отечественном макаренковедении также и имя репрессированного «главбога» педолимпа УССР Попова, который в 30-е годы два с половиной года провёл в тюрьмах, а в 1944 году эмигрировал в Германию и США [см.: 6, с.146–147].

2. *Основание колонии.* Организационные формы борьбы с детской беспризорностью и преступностью на Украине, как и в других советских республиках, были ориентированы на опыт РСФСР, где 4 февраля 1919 г. по инициативе наркома просвещения А.В. Луначарского декретом Совета Народных комиссаров был организован Совет защиты детей. Подобный орган 10 марта 1919 г. создавался и в УССР: Украинский республиканский совет защиты детей [см.: 8]. Когда большевики на Украине «окончательно» установили своё правление, то по инициативе СНК республики 29 июня 1920 г. был вновь создан Центральный совет защиты детей (ЦСЗД) [9]; а на местах ещё раньше организовывались чрезвычайные комиссии защиты детей. О создании на Полтавщине губисполкомом такого органа из шести человек – предгубисполкома А.Я. Шумского, завгубсоцвосом М.Я. Чабан, писателя В.Г. Короленко и др. – сообщила местная печать 18 июня 1920 г. [10].

Обязанности руководителя ЦСЗД исполнял председатель СНК УССР Х.Г. Раковский (1873–1941). Имя этого репрессированного политического деятеля теперь почти забыто.

В Положении о ЦСЗД при СНК УССР подробно определены его функции: объединение и согласование деятельности отдельных наркоматов и общественных организаций в деле обеспечения, питания, санитарной охраны и социального воспитания детей. Также в задачи ЦСЗД входило: охрана материнства, создание условий для нормального развития детей, борьба с детской смертностью, беспризорностью, проституцией и преступностью, охрана труда несовершеннолетних.

6 октября 1922 г. ЦСЗД при СНК УССР прекратил свою деятельность и вместо него была создана Центральная комиссия помощи детям при ВУЦИКе, которую возглавил его председатель Г.И. Петровский [см.: 11].

Впервые «колония для несовершеннолетних преступников в Полтавском уезде» встречается в протоколе заседания ЦСЗД № 3 от 24 июля 1920 г. под председательством Гринько. Докладывал по этому вопросу руководитель Главкомитета соцвоса Наркомпроса УССР В.Е. Бутвин. Постановление гласило: «предложить Наркомюсту дать справку – на каком основании задерживается Губотделом юстиции передача колонии Губнаробразу и принять срочные меры к её передаче. Поручить Наркомпросу согласоваться с РКИ и органами ЧК о формах и способах постановки допроса детей, когда это вызывается необходимостью, и гарантировать детские учреждения от влияния отдельных агентов. К следующему заседанию представить проект. Поручить Наркомпросу и Наркомздраву дать конкретный доклад о количестве колоний, имеющих под Харьковом» [12].

Интересная деталь: в тот же день на 3-ем съезде по народному образованию Полтавской губернии (22–26 июля 1920 г.) было объявлено, как сообщила местная печать [см.: 13], о создании в школьной секции подотдела социального воспитания губнаробраз подсекции трудовых колоний, а также о «предположении» открыть в каждом уезде такое учреждение.

8 августа 1920 г. ЦСЗД под председательством Раковского, обсудив вопрос «о колонии для несовершеннолетних преступников в Полтавской губернии», потребовал от СНК УССР ускорить процедуру передачи колонии губнаробразу [14]. 29 августа Центральный совет обратился в НК РКИ с заявлением о расследовании обстоятельств «бесхозности» колонии, а также с требованием о её передаче наробразу. В протоколе данного заседания ЦСЗД в связи с этим можно прочесть такое постановление: «Наркомпросу предлагается к следующему заседанию представить точные данные по следующим вопросам: 1) о теперешнем состоянии самого имения, где находятся колонии, 2) сколько там десятин земли, 3) сколько обработано, 4) какие помещения там имеются, 5) сколько

комнат, 6) сколько мастерских и какие, 7) сколько человек может работать в этих мастерских» [15].

Как видно из недатированной телеграммы Бутвина в Полтавский губнаробраз, он сразу же взялся за выполнение решения ЦСЗД от 29 августа. В ней перечислен целый комплекс вопросов, которые нужно было решить к следующему заседанию [16]. Последний раз о полтавской колонии упоминается на заседании ЦСЗД 5 сентября 1920 г. Тогда, под председательством Раковского, совет постановил: «В связи с заявлением тов. Бутвина, относительно неполучения сведений из Полтавы, поручается тов. Раковскому расследовать по какой причине заведывающий Полтавским губнаробразом не явился к прямому проводу, и принять соответствующие меры.

Передать быв. имение колонии для несовершеннолетних преступников Наробразу для дефективных детей, а если число дефективных детей окажется недостаточным, использовать для детских колоний вообще.

Наркомзему поручается через Полтавский губземотдел наладить земледельческое хозяйство колонии быв. для малолетних преступников в Полтавщине.

Предложить Полтавскому губисполкому предоставить немедленно помещение для малолетних преступников (под реформаториум) и желательно возле Шведской Могилы» [17].

О решении ЦСЗД местные газеты «Вісти/Известия» и «Більшовик» 16 сентября 1920 г. под заглавием «Колония для малолетних» сообщали: «По распоряжению Центрального совета защиты детей колония для малолетних преступников переходит в ведение Наробраза» [18].

Точная дата открытия колонии неизвестна. В анкете для сотрудников учреждений дефективного детства Харьковской области, заполненной в сентябре 1922 г., сам Макаренко определил 20 сентября 1920 г. датой начала своей деятельности в должности зав. колонией [19]. Это подтверждается также удостоверением Полтавского губнаробраза от 6 октября 1922 г. в связи с его командировкой в институт им. Э.А. Литкенса [20]. 20 сентября 1920 г. упоминается и как юбилейная дата трёхлетнего существования учреждения [21]. Однако в акте осмотра колонии летом 1924 г. говорится о её деятельности лишь «с октября 1920 года» [22]. Пятилетний юбилей планировалось отметить сначала 25 сентября [см.: 23], но реально данное мероприятие состоялось 30 августа 1925 г. [см.: 24]. В фондах Наркомпроса УССР сохранились копии двух документов от 14 и 17 сентября 1929 г. (на русском и украинском языках), удостоверяющих, что «Антон Семёнович Макаренко был заведующим Полтавской, а потом Харьковской колонии имени М. Горького для правонарушителей с 3 сентября 1920 года по 3 сентября 1928 года» [25]. Оригинал украинского варианта этого документа с неточными датами, неизвестно для чего понадобившийся педагогу, хранится в его личном архиве [26]. Для (пост)советских исследователей он служил достоверным источником датирования работы Макаренко в колонии.

«Исторический союз» между Наркомпросом РСФСР и ВЧК в деле ликвидации детской преступности и беспризорности (Ф.Э. Дзержинский в беседе с А.В. Луначарским: «Я хочу бросить некоторую часть моих сил, а главное сил ВЧК, на борьбу с детской беспризорностью...») оформился только в конце 1920 г. и касался пока что лишь России. Макаренковедческая традиция связывать начало существования полтавской трудколониции с деятельностью чекистов в деле защиты детей, не имеет под собой основания. Изображение Дзержинского на панно в музее-заповеднике А.С. Макаренко в с. Ковалёвке, а также его портрет в советских биографиях педагога-писателя – лишь дань времени, не отражающая, на самом деле, исторической реальности: более адекватны были бы бюст и портрет другого деятеля – Раковского, который на Украине играл решающую роль в борьбе за охрану жизни детей.

3. Первые воспитанники. Первые воспитанники прибыли в колонию лишь 4 декабря 1920 г. По «Педагогической поэме» «этими первыми» были «Задоров, Бурун, Волохов, Бендюк, Гуд и Таранец» [2, с.13]. Как свидетельствуют И.Г. Колос и К.И. Белковский, завкол сначала действительно собирался принять шесть правонарушителей из полтавского коллектора на Пушкинской улице. Но в те дни ночью навалило снега, был сильный мороз, и поэтому Макаренко ездил в город на санях. Однако он взял только пять человек (из них одну девочку): Константина Белковского, Романа Затонова, Николая Шаплыко, Биндюка и

Раису Терещенко. Иван Колос не мог поехать с ними – у него не было тёплой одежды и он ещё чувствовал себя слабо после тяжело перенесённых приступов тифа [см.: 27].

Вторую группу из четырёх лиц (Товмач, Иванов, Пшенов, Плиш), а также Колоса, Макаренко привёз 18 декабря в колонию на линейке – начиналась оттепель. Таким образом, первый состав воспитанников насчитывал не шесть человек, как упоминается в «Педагогической поэме», а десять. 26 декабря Биндюка, за ночную поножовщину с убийством, арестовали. Об этом, в связи с «Биндюком», говорится и в «Поэме». В конце декабря из колонии временно ушла Раиса Терещенко [см.: там же]. Подтверждением уменьшения количества колонистов служит отчёт о деятельности Полтавского губисполкома за 1920 г., где о макаренковском учреждении можно прочитать: «Воспитанников – до сих пор 8» [см.: 28].

18-летний Константин Белковский попал в колонию вместе с Биндюком прямо из Полтавской тюрьмы, где он уже отсидел два с половиной года за участие в вооружённом разбойном нападении на железнодорожную мастерскую. Сведения об этом воспитаннике нам удалось найти в берлинском журнале «Internationale Pressekorrespondenz» (Обзор международной прессы). Здесь в конце 1932 г. появилось интервью педагога-воспитателя Белковского о своей бурной жизни и перевоспитании у Макаренко. По его словам, он вырос в детском приюте, затем, выброшенный оттуда, до 14-ти лет скитался по улицам – сначала в Петербурге, затем в Туркестане, в Сибири и, наконец, на Украине, постоянно передвигаясь по железной дороге (в ящике для инструментов машиниста или на буферах). В Киеве он приобрёл «спецподготовку по искусству воровства» у других подростков. В результате за «разбойничий налёт» получил 1,5 года заключения в тюрьме, а в 1918 году, во время перевозки в детдом, ему удалось сбежать в Полтаву... При Советской власти (с лозунгом «Воспитание вместо наказания») для него открылись ворота тюрьмы: «Из заключения нас отвели в коллектор, и там, под руководством Макаренко, – отца беспризорников – было основано первое учреждение для беспризорных» [29, с.70].

В газете «Більшовик» от 20 октября 1920 г. в заметке под заглавием «Суд над бандитами» рассказывается об уголовном прошлом Колоса (перевод с украинского):

«В отделе Революционного военного трибунала при 29-ой бригаде войск Внутренней службы в Полтаве 12 октября рассматривалось дело бывших милиционеров Гадячской милиции: Сороки М.П., Буряка И.Д., Колоса И.Г. и Халявко Я.Т. Сорока и Буряк, получив на несколько дней отпуск, не явились по окончании отпуска и присоединились к шайке бандитов. Сорока, будучи назначенным старшим десятка, подался со своей шайкой добывать себе оружие. Приметив идущих красноармейцев Сорока со своей шайкой обстреливал их. Сорока, как командир десятка, руководил обстрелом, в котором принимали участие и упомянутые милиционеры. К тому же, Сорока и Буряк были ещё и членами ячейки коммунистической партии. Суд присудил: Сороку, как активного бандита, к высшему наказанию – расстрелу, а Буряка, как менее активного и менее сознательного, к аресту в дом общественных принудительных работ до окончания Гражданской войны, не применяя к нему амнистии. Халявко и Колоса, как несовершеннолетних, передать в комиссию по борьбе с несовершеннолетними преступниками. Приговор расстрела исполнить на протяжении 48 часов. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит» [30].

Открытие Полтавской трудколонии спасло многих молодых людей от гибели. Местная печать того времени сообщала о приговорах губернского ЧК против «врагов Республики». Так, 11 декабря 1920 г. в газете «Вісти/Известия» назывались 17 расстрелянных в возрасте от 19 до 53 лет за участие в заговорах, выступлениях против советской власти, бандитизме, дезертирстве [31].

В списке воспитанников колонии, составленном Макаренко в сентябре 1922 г., об Иване Колосе указано: «время рождения – 9 января 1903 г.»; «время определения в колонию – 18 декабря 1920 г.»; «причина определения в колонию – политический бандитизм»; «род дефективности – нормальный» [32, л.90]. Из 68 воспитанников за «политический бандитизм» и «подозрение в шпионаже» кроме Колоса были определены ещё 12 молодых людей.

Таким на самом деле было «бесславное начало колонии имени Горького» [2, с.9]...

4. *Название колонии.* Как видно из документов 1921–22 годов, руководимое Макаренко учреждение вначале носило наименование «Основной детский дом для морально-

дефективных детей № 7» или «Колония для морально-дефективных детей», с 1922 года кроме того и «Полтавская трудовая колония для малолетних правонарушителей». Добавление к названию «им. М. Горького» появилось позже.

Несовершеннолетние правонарушители в то время считались «морально-дефективными», и это понятие Макаренко сам использовал в двух докладных записках о реорганизации работы подотдела социального воспитания Полтавского губернского отдела народного образования, составленных в июне 1920 г., когда он временно работал в аппарате губнаробраз [см.: 33, с.19]. По этим документам можно сделать вывод, что в секции охраны детства существовала подсекция распределительных и предупредительных учреждений, перед которой ставилась следующая задача: «организация реформаториума и дома морально-дефективных детей» [34, л.11–11 об.]. Реформаториум – учреждение для правонарушителей высшей ступени – позже перешёл в ведение Наркомюста.

В главе «Характеристика первичных потребностей», в связи с трудностями получения доброкачественного питания для воспитанников, автор «Педагогической поэмы» иронически пишет: «Иногда нам удавалось производить такой сильный нажим, что мы начинали получать даже мясо, копчёности и конфеты, но тем печальнее становилось наше житиё, когда обнаруживалось, что никакого права на эту роскошь дефективные морально не имеют, а имеют только дефективные интеллектуально» [2, с.20].

«Основные детские дома для морально-дефективных детей» (до 15 лет) и «Трудовые колонии для несовершеннолетних правонарушителей» (для мальчиков-подростков от 15 до 18 лет) [см.: 35] находились в Наркомпросе республики (в Главсоцвосе) в ведении «главного инспектора учреждений дефективного детства» и двух его помощников – «областных инспекторов» левобережной (Харьков) и правобережной (Киев) Украины [см.: 36]. Полтавская губерния, которая по традиции входила в Киевский учебный округ, уже при деникинцах была причислена к Харьковскому учебному округу [см.: 37] (при большевиках – Харьковская учебная область). В соответствии с «Системой социального воспитания детей УССР» от 25 июня 1921 г. появились учреждения физическо-, умственно- и морально-дефективных детей [см.: 38].

В первом письме Макаренко М. Горькому от 8 июля 1925 г. можно прочесть: «Мы просили о присвоении колонии Вашего имени в 1921 году...» [21, с. 217]. В действительности, об этом зав. колонией и её сотрудники не «просили», а данное название Макаренко самовольно использовал не позднее лета 1922 г. Упоминания подобного рода встречаются в докладе «О состоянии учреждений для дефективного детства в г. Полтаве» Харьковского областного инспектора А.М. Алмазова главному инспектору учреждений дефективного детства Наркомпроса УССР И.А. Соколянскому от 12 июня 1922 г., где речь идёт о «трудколониим. М. Горького для малолетних правонарушителей» [см.: 39], и в отчёте Полтавского губнаробраз за июнь 1922 г., в котором говорится о переводе «колонии имени Горького и других воспитательных учреждений с центрального госснабжения на местные средства» [40]. А 16 июля того же года полтавская газета «Голос труда» публикует статью «Колония им. М. Горького» [см.: 41, лл.8, 12; с ошибочной датой – „5/VII“]. Начиная с этого времени в официальных посланиях, отчётах и заявлениях, адресованных руководству учреждения (сначала губнаробраз, а с 1 октября 1923 г. – Наркомпрос), завкол Макаренко употребляет название «им. М. Горького», – позднее эти инстанции также использовали данное наименование.

Определяющую роль для присвоения возглавляемому Макаренко детучреждению имени М. Горького, без всякого сомнения, играло глубокое уважение педагога к личности писателя, его высокая оценка творчества Горького. Дальнейшим поводом служило то, что по соседству с ним, в Трибах, располагалась колония им. Короленко, являвшаяся учреждением Лиги спасения детей (ЛСД; почётный предсатель: В.Г. Короленко) и образованная ещё во время власти «белых» (ноябрь 1919 г.). ЦСЗД с подозрением относился к деятельности ЛСД, в которой были представители «старой интеллигенции». Как видно из протокола заседания от 5 сентября 1920 г., Центральный совет решил «оставить лигу спасения детей под контролем Совета защиты детей и соответствующих других советских органов» [см.: 42]. Имя писателя, живущего в Полтаве с 1900 года, с его согласия присвоено колонии постановлением Полтавского общества Лиги спасения детей в начале 1921 г. [см.: 43] или, по другому источнику, в 1921/22 учебном году [см.: 44] (Короленко умер 25 декабря 1921 г.). На основе этого можно предположить, что присвоение имени

макаренковскому учреждению стало непосредственной реакцией на произошедшее неординарное событие.

О присвоении своей колонии имени Горького и о взаимоотношениях двух полтавских учреждений Макаренко пишет в «Педагогической поэме» (это единственное, содержащееся в его текстах упоминание о короленковской колонии):

«Когда в трёх километрах от нас поселилась детская колония имени В.Г. Короленко, наши ребята недолго им завидовали. Задоров сказал:

– Маленьким этим как раз и хорошо называться Короленками. А мы – Горькие» [2, с.58–59].

В 1926 году, когда горьковцы переехали в Куряж, то на их место в Ковалёвке перевели из Триб колонию им. В.Г. Короленко, возглавляемую с ноября 1922 г. Ф.Д. Ивановым. Но в «Поэме» (часть 3-я, гл.1 – написана весной 1935 г.) данный факт Макаренко изображает как передачу «колонийской» земли и имущества в Ковалёвке сельскохозяйственной коммуне им. Луначарского [2, с.293]. После ликвидации частных дворов крестьян в период коллективизации и голода это звучит как комплимент советской власти.

В комментарии к переписке педагога-писателя с Горьким в восьмитомнике А.С. Макаренко говорится: «Колония стала носить имя М. Горького с 28 марта 1921 г.» [21, с.360, прим. №3] (ссылки на источники не приводятся). Как рассказывал бывший горьковец Виталий Стебловский, мысль о присвоении учреждению имени писателя возникла при обсуждении воспитанниками книги М. Горького «В людях» [см.: 45]. По всей вероятности Стебловский, который попал в колонию лишь в мае 1921 г. [см.: 21, с.143], неточно вспомнил год данного события.

В макаренковедении, начиная с Н.А. Морозовой, существовало мнение, что Макаренко впервые официально называет свою колонию «им. М. Горького» в докладной записке от 20 сентября 1921 г. [см.: 46, с.83]. Как показала проверка документа, речь идёт об украиноязычном письме завкола в Полтавский окрнаробраз, а именно от «20/IX дня 1925 р.» [47]. Морозова, не знакомая с оригиналом, использовала, очевидно, машинописную копию в ЦГАЛИ СССР, выданную с ошибкой в датировке ГАПО в 1949 году [48]. В новейшей публикации в полтавском научном сборнике «Історична пам'ять» Н.Н. Тарасевич опровергает неверное утверждение Морозовой «и ещё некоторых исследователей о том, что впервые колония имени М. Горького была названа в 1921 году 20 сентября» [49, с.192]. Нужно признать, что в записке Макаренко последнюю цифру года, по неразборчивому её начертанию, вполне можно прочесть как «1». Однако в 1921 году «завкол Горького» ещё не был вынужден вести делопроизводство своего учреждения на украинском языке, адресатом писем колонии в то время являлся не окр-, а губнаробраз, и З.С. Филальковский, резолюция которого помещена на докладной записке [см.: 50, с.206], занимал пост заведующего названной инстанции лишь с ноября 1923 г. [см.: 4, с.36].

Бросается в глаза факт, что Макаренко не всегда называл полтавское учреждение «колония им. М. Горького». Так, в заявлении от 24 августа 1922 г. на учёбу в институт им. Е.А. Литкенса он умалчивает о том, что возглавляемая им с 1920 года «колония для малолетних (несовершеннолетних) правонарушителей» к моменту написания заявления носила уже имя М. Горького. Писатель выступал в то время ярким противником политики большевиков, а его отъезд в октябре 1921 г. из Советской России в Германию объяснялся не только плохим состоянием здоровья, как это подчёркивалось в официальной версии. Только зная эти факты, можно понять, почему Макаренко в своём заявлении не называет Горького в числе писателей, творческим наследием которых он восхищался (Шекспир, Пушкин, Достоевский, Гамсун). Зато он упоминает Горького вместе с другим писателем-эмигрантом: «Из новейшей литературы знаю и понимаю Горького и Ал. Н. Толстого» [21, с.8–11].

1 августа 1922 г. газеты опубликовали протест «старых питерских печатников..., в том числе некоторых наборщиков, которые набирали труды Максима Горького до и после революции», против писателя, выступавшего в иностранной прессе очень критически в связи с «делом» эсеров в Москве. Данную публикацию на первой странице его любимой полтавской газеты «Голос труда» Макаренко не мог не заметить. В заключении обширного призыва петроградских печатников говорится, что, если Горький не откажется от своих антисоветских выступлений, «то волей-неволей революционный рабочий класс России должен будет его причислить к той группе заграничных эмигрантов, которой пролетарская

история наклеила ярлык в одном слове – „белая“, и для которой границы нашей много-страдальной, но начинающей процветать республики *должны быть закрыты навсегда*» [51 – курсив в публикации]. Такой подход к «инакомыслящим» нам хорошо известен также и во все последующие десятилетия Советской власти...

До сих пор не удалось окончательно выяснить вопрос, почему Макаренко *летом 1923 г.*, обращаясь к республиканским инстанциям, руководимое им учреждение опять временно назвал «Полтавской трудовой колонией для правонарушителей». Это относится не только к упомянутым Н.Н. Тарасевич документам [см.: 49, с.191], а также и к письму, с которым педагог 7 августа 1923 г. обращается в Главпрофобр Наркомпроса Украины с просьбой «выдать один экземпляр авторитетной книги «Справочник для поступающих в институты, техникумы, рабфаки и профшколы УССР» заведующему трудовой колонией для правонарушителей в Полтаве т. Макаренко». В архивных фондах Наркомпроса имеется написанный рукой завкола черновик этого письма со штампом Главсоцвоса, регистрационным номером и датой [см.: 52]. Таким образом, Макаренко, очевидно, хотел избежать неприятности при названии колонии «им. М. Горького».

Почему он в данный момент это считал полезным? Возможно тогда же Макаренко стало известно о показательном заочном суде в Харькове в феврале 1923 г. над эмигрантом Горьким [см.: 53, с.58, 360], которого, на основании интервью, данного им Шолому Ашу в Берлине, обвинили в антисемитизме. Та беседа стала поводом резкой критики Горького в СССР и за рубежом. Это относится, прежде всего, к следующему высказыванию: «Причиной теперешнего антисемитизма в России является бестактность еврейских большевиков».

Малоизвестная деталь: полтавское партийно-комсомольское руководство в 1925 году стремилось убрать имя эмигранта Горького из названия заведения. Как вспоминал политрук колонии Л.Т. Коваль [54], секретарь окружного комитета комсомола настаивал на переименовании учреждения именем Ленина или Бухарина. Завкол решительно выступал против такого «перекрещивания». В то время началась переписка педагога с писателем, о которой сообщила местная пресса. Это обстоятельство, по свидетельству Ковалья, сыграло решающую роль в сохранении названия колонии: окркомы партии и комсомола от своих конъюнктурных замыслов отказались.

Ирония судьбы: 24 февраля 1928 г. Макаренко совместно с секретарём фракции КП(б)У колонии Ковалем и другими представителями её руководства обращается к Бухарину, в то время председателю всесоюзной комиссии по приёму возвращающегося на родину «пролетарского писателя», с просьбой выделить колонии дополнительно минимум 30 000 рублей, мотивируя своё обращение следующим образом: «В нашей нищете принять Горького нам неловко...» [55]. В подлиннике этого письма фамилия Бухарина стёрта, но моравский макаренковед Л. Пеха, работая в архиве в 60-х годах, смог прочесть его.

27–28 сентября 1928 г. Макаренко, работая над «Педагогической поэмой», в письме к Г.С. Салько подчёркивал: «Совершенно уверен и в том, что верх будет на нашей стороне. Сейчас много читаю Бухарина и Сталина и прямо в восторг прихожу. Они тоже на нашей стороне» [56, с.109]. Вспомним: после исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК партии (осень 1927 г.) Бухарин и Сталин являлись ведущими руководителями партии и страны. Во время VI конгресса Коминтерна (17 июля – 1 сентября 1928 г.) председатель исполкома Бухарин выступал шесть раз, и его речи публиковались на страницах «Правды» и других партийных газет. Не удивляет тот факт, что в советском макаренковедении вышеприведённая фраза из письма педагога-писателя к будущей жене цитировалась лишь один раз и без упоминания Бухарина: «Много читаю Сталина и прямо в восторг прихожу. Он тоже на нашей стороне» [см.: 57, с.38, 56].

Источники и литература

1. Макаренко Г.С. Работа А.С. Макаренко над созданием «Педагогической поэмы» // А.С. Макаренко. Статья. Воспоминания. Неопубликованные произведения. – Львов. 1949. – С.117–134.
2. Макаренко А.С. Пед.соч.: В 8 т. Т.3. – М., 1984.
3. Балабанович Е. Антон Семёнович Макаренко: Человек и писатель. – М., 1963.
4. Hillig G. Verblasste Gesichter, vergessene Menschen... 28 Porträts von „reunden“und „einden“A.S. Makarenkos. – Bremen, 1999.

5. Второе Всеукраинское совещание по просвещению. 17–25 августа 1920 г. (Протоколы пленарных заседаний, тезисы и резолюции). – Х., 1920.
6. Хиллиг Г. Прометей Макаренко и «главбоги» педолимпа: Соколянский, Залужный, Попов. – Марбург. 1997.
7. Макаренко А. Собр. соч. Марбургское издание. Т.3. – Штутгарт, 1982.
8. Черняк М. Организация и деятельность совета защиты детей 4 февраля 1919 г. – 22 апреля 1921 г. // Народное образование. – 1969. – № 6. – С.98–101.
9. ЦГАВО Укр. – Ф.20. – Оп.1. – Ед.хр.1. – Л.1.
10. Чрезвычайная комиссия защиты детей // Вісти/Известия (Полтава). – 1920. – № 16. – С.3.
11. См.: Архіви України. – 1976. – № 5. – С.65.
12. ЦГАВО Укр. – Ф.20. – Оп.1. – Ед.хр.1. – Л.13–13 об.
13. Більшовик (Полтава). – 1920. – № 41. 31 липня. – С.2; Вісти/Известия. – 1920. – № 57. 6 серпня. – С.2.
14. ЦГАВО Укр. – Ф.20. – Оп.1. – Ед.хр.1. – Л.14.
15. Там же. – Лл.17–18.
16. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.1. – Ед.хр.985. – Лл.102–103.
17. ЦГАВО Укр. – Ф.20. – Оп.1. – Ед.хр.1. – Л.20.
18. Вісти/Известия. – 1920. – № 89. – С.3; Більшовик. – 1920. – № 77. – С.3.
19. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.2. – Ед.хр.1627. – Л.94.
20. ГА РФ. Ф.7954. – Оп.2. – Ед.хр.266. – Л.4.
21. Макаренко А.С. Пед. соч.: В 8 т. Т.1. – М., 1983. – С.28.
22. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.4. – Ед.хр.912. – Л.425.
23. Макаренко А.С. Пед. соч.: В 8 т. – Т.8. – М., 1986. – С.25.
24. См.: Переписка А.С. Макаренко с М. Горьким. Академическое издание. Под ред. Г. Хиллига, при участии С.С. Невской. – Марбург, 1990. – С.137.
25. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.6. – Ед.хр.2974. – Лл.14, 15.
26. РГАЛИ. – Ф.322. – Оп.4. – Ед.хр. 384. – Л.1.
27. Науменко Ф.И. Об «этих первых» из «Поэмы». (К 50-летию опубликования первой части «Педагогической поэмы») // Учит. газета. – 1983. – № 143. 29 ноября. – С.4.
28. Отчёт о деятельности Губисполкома и его отделов за 1921 г. – Полтава, 1921. – С.121.
29. W.: Kleine Geschichten aus zwei Welten / Сб.: Makarenko in Deutschland 1927–1967. Texte und Berichte. Hrsg. v. G. Hillig. Braunschweig, 1967 (ссылки на: Makarenko in Deutschland).
30. Суд над бандитами // Більшовик. – 1920. – № 103. 20 жовтня. – С.2.
31. Борьба с врагами Республики // Вісти/Известия. – 1920. – № 158. 11 декабря. – С.2.
32. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.2. – Ед.хр.1687. – Лл.89–93.
33. Нежинский Н.П. – А.С. Макаренко и педагогика школы. – К., 1976.
34. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.1. – Ед.хр.957. – Лл.11–14.
35. Временное положение об учреждениях детей-правонарушителей и дефективного детства // Руководство по социальному воспитанию. Вып. 2. Изд. 2-е. – Х., 1923. – С.67–71.
36. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.3. – Ед.хр.963. – Л.140 обр.
37. Голос Юга (Полтава). – 1919. – № 43. 28 сентября [11 октября]. – С.4.
38. Система соціального виховання дітей У.С.Р.Р. // Порадник по соціальному вихованню дітей. Вип. 1. – Х., 1921. – С.24–28.
39. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.2. – Ед.хр.1687. – Лл.1–6.
40. ГАПО. – Ф.Р-3872. – Оп.1. – Ед.хр.806. – Л.118.
41. ГА РФ. – Ф.7954. – Оп.2. – Ед.хр.266.
42. ЦГАВО Укр. – Ф.20. – Оп.1. – Ед.хр.1. – Л.13.
43. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.6. – Ед.хр.2979. – Л.5.
44. ЦГАВО Укр. – Ф.283. – Оп.1. – Ед.хр.21. – Лл.77–79.
45. Народное образование. – 1966. – № 3. – С.90.
46. Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. Изд. 2-е. – Л., 1961. – С.83.
47. ГАПО. – Ф.Р-363. – Оп.1. – Ед.хр.64. – Л.25. Факс. в кн.: Страдания «украинизированного» завкола. Деловые письма А.С. Макаренко на украинском языке (1924–1925 г.г.). Изд.: Г. Хиллиг. – Марбург, 1996. – С.153.
48. РГАЛИ. – Ф.332. – Оп.1. – Ед.хр.52, л.47.
49. Тарасевич Н.М. До історії назви Полтавської трудової колонії імені М. Горького // Історична пам'ять. Науковий збірник. – 1998. – № 1. – С.190–194.
50. Страдания «украинизированного» завкола... (см.: 47).
51. Голос труда (Полтава). 1922. № 99.
52. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.3. – Ед.хр.920. – Л.21.
53. М. Горький и Р.Роллан. Переписка (1916–1936). – М., 1995.
54. В беседе с Н.Н. Оксой (1985 г.).
55. ЦГАВО Укр. – Ф.166. – Оп.6. – Ед.хр.2975. – Л.11.

56. «Ты научила меня плакать...». Переписка А.С. Макаренко с женой (1927–1939). В двух томах. Сост. и ком. Г. Хиллига и С. Невской. Т.1. – М., 1994.
57. Балабанович Е. А.С. Макаренко. Очерк жизни и творчества. – М., 1951.

ХИЛЛИГ Г. доктор философских наук, приват-доцент, руководитель лаборатории «Макаренко-реферат» Марбургского университета (ФРГ), вице-президент Международной макаренковской ассоциации, иностранный член АПН Украины.

ОКСА Н.Н. кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Мелитопольского государственного педагогического университета.

К истории возникновения колонии им. М. Горького / Г. Хиллиг, Н.Н. Окса //
Культура народов причерноморья (Симферополь. – №38. – 2003 (февраль. – С. 87–93.

ЛИХА БЕДА НАЧАЛО:

марбургские размышления в связи с полтавской макаренковедческой публикацией

Гётц Хиллиг

Рецензируемый двухтомник документов и материалов о Полтавской трудовой колонии им. М. Горького (1920–1926 гг.)¹ вышел в свет непосредственно к международному семинару «А.С. Макаренко и мировая педагогика» (г. Полтава, 9–10 апреля 2002 г.).

Представление публикации

Прежде всего, необходимо отметить верный археографический подход полтавских учёных к публикации документов на языке оригинала, а не переводов, как обычно бывает, с русского на украинский. В области (пост)советского макаренковедения такой подход встречается впервые. До сих пор в России было принято переводить украинские документы на русский язык, а на Украине – наоборот. Однако предисловие, введение и подробные комментарии к каждому документу в рассмотренной здесь книге опубликованы на украинском, что значительно осложняет их восприятие в полном объёме за пределами Украины.

Издание двухтомника является результатом сотрудничества четырёх учёных – преподавателей Полтавского педуниверситета: трёх педагогов – Л.В. Крамущенко, И.Ф. Кривоноса, Н.Н. Тарасевич – и историка А.П. Ермака, которые выступают как авторы отдельных разделов введения сборника и комментариев. Книга заканчивается подробными именным и географическим указателями, а также перечнем учреждений и организаций (в общем объёме 51 страниц), составленными А.В. Ткаченко.

Тексты составителей заметно отличаются не только личным подходом к решению задачи и разнообразным стилем изложения, но и различным опытом в области издательской работы. Этим можно объяснить допущенные ошибки и неточности.

Издание, предназначенное «для учёных, преподавателей и студентов» (ч.1, с.2), в предисловии определяет следующие цели:

«– расширить базу источников исследования истории Полтавской колонии им. М. Горького, макаренковедения в целом;

– ввести в научное обращение новую документальную информацию;

– открыть возможность не только для разработки как целостной картины истории Полтавской колонии им. М. Горького, но и для написания полной научной биографии А.С. Макаренко» (ч.1, с.10).

Предисловие и введение («Аналитическая статья») существенно отличаются от подобных текстов советского времени. Отсутствуют старые, совершенно необоснованные оценки А.С. Макаренко как «талантливого пропагандиста коммунистических идей в педагогике» или «горячего сторонника реализации официальной советской педагогической системы воспитания» (см.: ч.1, с.9), а также привычные «легенды» о политическом мышлении беспартийного завколы, который якобы придавал большое значение речи Ленина на III съезде РКСМ «Задачи союзов молодёжи» (Н.Э. Фере, Р.Л. Берлин) и во время посещения колонии группой слушателей Полтавской губернской партийной школы в конце 1923 г. «просил их оказать содействие в организации комсомольской ячейки» (А.А. Фролов), или о том, что у него – в связи со смертью вождя – «в эти траурные дни 1924 года... проявилось особенно сильно чувство сопричастности к делу партии» (Н.П. Нежинский).

Оценка введения двухтомника

Подробная аналитическая статья «К истории Полтавской трудовой колонии им. М. Горького», в объёме 83 страниц, состоит из восьми разделов. В 1-м («Время и пространство деятельности колонии») Ермак – впервые в макаренковедении – описывает политическую, экономическую и социальную ситуацию Полтавщины, а также борьбу с

¹ Полтавська трудова колонія ім. М. Горького в документах і матеріалах (1920–1926 рр.). За ред. І.А. Зязюна. Автори-укладачі О.П. Єрмак, Л.В. Крамущенко, І.Ф. Кривонос, Н.М. Тарасевич. – Ч. 1, 2. – Полтава, 2002. – 269, 216 с.

детской беспризорностью и преступностью в губернии после гражданской войны. В других разделах рассматриваются отдельные аспекты макаренковского учреждения: «Первые годы создания колонии» (Крамущенко), «История названия Полтавской трудовой колонии имени М. Горького» (Тарасевич), «Символы педагогического кредо А.С. Макаренко – руководителя колонии» (Крамущенко), «Первые воспитанники колонии» и «Педагогический персонал колонии» (Тарасевич), «Цельная характеристика становления и развития самоуправления в единой воспитательной системе колонии» (Кривонос), «Переезд колонии им. М. Горького из Ковалёвки в Куряж» (Тарасевич). При этом речь идёт о соответствующих материалах по спецтемам, которые частично уже были опубликованы. Читая только заглавия разделов, можно сделать вывод, что авторы свои «сочинения» о возможных аспектах из широкой палитры тем не согласовывали друг с другом. По сравнению с объёмами текстов его коллег резко выделяется предпоследний раздел, который принадлежит перу Кривоноса (32 стр.). Практически не освещён ряд других важных проблем, например: местное и республиканское руководство колонией или украинизация её делопроизводства. В определённой мере это нужно сказать и по поводу вышеуказанной темы переезда колонии из Ковалёвки в Куряж.

Местное и республиканское руководство колонии

Как осуществлялось руководство колонией им. М. Горького со стороны органов государственной власти? Эта тема в советском макаренковедении совсем не разрабатывалась. По всей вероятности, 1 октября 1922 г., т.е. с начала нового бюджетного года (благодаря усилиям инспектора Наркомпроса М.Н. Котельникова, который в середине сентября проверял полтавские учреждения для дефективных детей) – а не, как говорится, ссылаясь на А.А. Фролова, в одном из комментариев рецензируемого двухтомника (ч.I, с.236), «в середине 1922 г.» – колония им. М. Горького перешла на «государственное снабжение»; в июне 1922 г., во времена нэпа, она была снята с республиканского бюджетного финансирования и переведена на скудные средства Губисполкома (см.: ГАПО, 3872-1-806, лл.116–118). О заслуге Котельникова по «спасению» колонии свидетельствует письмо Макаренко инспектору от 31 января 1923 г.: «... наибольшее спасибо за то, что не оставили нас на съедение местному бюджету». Опытно-показательным учреждением Наркомпроса УССР колония им. М. Горького, по архивным документам, стала лишь с 1 октября 1923 г. – однако не «единственным учреждением для несовершеннолетних правонарушителей» республики (как утверждает автор вышеупомянутого комментария), а одним из двух. Другая трудколлония находилась в Дергачах Харьковской губернии. Об этом свидетельствует, например, циркуляр Наркомпроса УССР от 2 апреля 1926 г., сообщающий всем окружным комиссиям по делам несовершеннолетних о том, что в «колонии всеукраинского значения – Дергачевскую и Полтавскую им. Горького» – подростки могут направляться «только с разрешения Всеукр. Комиссии» («Бюлетень Народного Комісаріату Освіти». – 1926. – № 5, с.16–17). Впрочем, между этими двумя учреждениями иногда происходил настоящий обмен воспитанниками – с целью разрядки криминогенной атмосферы в домах для малолетних правонарушителей. О приёме мальчика дергачевской колонии в полтавскую говорится в документах №№ 57 и 58, а в соответствующих комментариях (ч.I, с. 263–264) данное обстоятельство не объясняется.

По поводу руководства колонией в Полтаве речь идёт о Губернском или (после административно-территориальной реформы 1925 г.) Окружном исполкоме и его отделах наробраза, а в Харькове, в то время столице республики, – о Главном комитете (с осени 1924 г. Управлении) Соцвоса НКП, его Отделе дефективного детства (с октября 1923 г. Отделе охраны детства, с апреля 1924 г. Секторе охраны детства и беспризорных) и Научно-педагогическом комитете, а с начала 1925 г. Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних.

В связи с этим нужно отметить также и функцию Областного инспектора учреждений дефективного детства Харьковской области – обязанность, выполняемая сначала А.М. Алмазовым, а с августа 1922 г. М.Н. Котельниковым. Несовершеннолетние правонарушители в то время считались «морально-дефективными». В соответствии с «Системой социального воспитания детей УССР» от 25 июня 1921 г. появились учреждения физически, умственно- и морально-дефективных детей. Должность Главного инспектора учреждений для дефективных детей с октября 1921 г. занимал И.А. Соколянский. В одном из

комментариев двухтомника автор попытался объяснить читателю необычную должность Областного инспектора учреждений дефективного детства Харьковской области (заместителя главинспектора), а именно с помощью указания на соответствующую публикацию рецензента – однако это привело к полной неразберихе. Составитель ошибочно считает термин «область» административной единицей, а не учебной. Область как админ.-территор. единица УССР возникла в начале 1932 г., а в 1922 году существовали губернии. «Харьковский облинспектор» отвечал за учреждения не «всех областей левобережной Украины» (ч.I, с.234), а всех губерний левобережной (Харьковской) учебной области республики: Харьковской, Полтавской, Донецкой. Полтавская губерния, которая по традиции входила в Киевский учебный округ (вспомним: местным учительским институтом, во время учёбы Макаренко в 1914 – 1917 гг., ведал его же попечитель), при деникинцах была причислена к Харьковскому округу (при большевиках – Харьковская учебная область).

Украинизация делопроизводства колонии

Факт украинизации горьковской колонии до сегодняшнего дня «в Украине» умалчивается. Таким образом, соответствующие документы, цитированные, начиная с 1988 года, рецензентом в своих публикациях на немецком и русском языках, в сборнике целиком отсутствуют. Как руководитель трудколони Наркомпроса УССР, Макаренко с лета 1924 г. был вынужден вести делопроизводство на украинском языке. «Для изучения языка и перехода на него» ему и персоналу колонии предоставили всего 13 месяцев. Контроль за исполнением этих мероприятий был возложен на старшего инспектора Охраны детства Главсоцвоса Наркомпроса УССР М.Н. Быковца. В 1923 году, используя функцию инспектора подотдела соцвоса Полтавского губнаробраза, он в местном педагогическом журнале «Новими стежками» опубликовал макаренковский очерк «Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького» и вообще оказался сторонником завкола. В связи с переходом колонии на бюджет Наркомпроса и её украинизацией Макаренко считал целесообразным в анкетах изменить данные в графе «национальность» – «русский» (в последний раз в марте 1923 г.) на «украинец» (начиная с сентября 1924 г.). На это указывает автор комментария ко второму документу (ч.II, с.123), не давая, однако, никакого объяснения. Впрочем, другие руководители учебно-воспитательных учреждений «республиканского значения», продолжавшие настаивать на своей русской национальности, в 1924 году на Украине были отстранены от должности. Так, ректора авторитетного Харьковского института народного образования С.Д. Стрельбицкого – дело идёт о будущем (с апреля 1928 г.) председателе Харьковской окриспектуры наробраза, который уволил Макаренко с должности заведующего колонией – тут же заменили «украинцем», М.С. Гавриловым.

Перевод колонии на новое место

Процедуре перевода колонии им. М. Горького из с. Ковалёвка Руновщанского района Полтавского округа на новое место в (пост)советском макаренковедении не уделяется должного внимания. Из переписки завкола с М. Горьким, а также из «Педагогической поэмы» известно, что вначале планировался переезд не в Куряж, а на территорию бывшего имения Попова около Запорожья, но осталось загадкой, что же произошло на самом деле. Как видно из переписки Наркомпроса УССР с управлением наробраза округа, не использованной полтавской издательской группой, местные органы приводили такие аргументы, что столь большое число малолетних «уголовников», собранных в одном месте, представляет непосредственную угрозу для окружающего населения. Кроме того, говорилось и о собственных нуждах «запорожцев»: планировалось перевести в бывшее поместье детский дом для глухонемых, помещения которого были срочно нужны для размещения расположенной в окружном городе военной части. Понятно стремление Макаренко (в его письмах к писателю, в то время проживающего за границей, а также в «Педагогической поэме») утаить об этом «военно-политическом» вопросе. Что касается Куряжа, то и здесь, в Харьковском окрисполкоме, существовали трудности относительно переселения полтавского учреждения. Впрочем, возвращаясь к теме перевода колонии им. М. Горького на новое место – рецензент предоставил обширное собрание архивных и газетных материалов на русском и украинском языках (серия «Опускула Макаренкиана», № 5), один экземпляр которого в своё время он вручил полтавским коллегам-макаренковедам: «В

Харьков или в Запорожье? Сборник документов о переводе колонии им. Горького из Полтавы на новое место („завоевание Куряжа“) 1925 – 1926 гг.» (Марбург, 1985).

Характеристика источников двухтомника

Всего в рецензируемом сборнике представлено, по свидетельству авторов, 135 «архивных документов и материалов». Среди них больше половины (80) опубликованы впервые, что, несомненно, является существенной заслугой составителей.

То, что двухтомник представляет на суд читателей такой массив прежде не опубликованных материалов, объясняется характером данного издания: впервые в (пост)советском макаренковедении осуществлён тематический подбор источников. Ранее издательские проекты, посвящённые педагогу-писателю, ограничивались лишь публикациями текстов, принадлежащих его перу. Новые документы помогают осветить сложную ситуацию экономики и быта полтавской колонии, а также становление оригинальной системы воспитания, связанной с именем А.С. Макаренко. Следует особенно отметить, что среди источников, опубликованных здесь впервые, находятся также некоторые письма и содержательные отчёты о состоянии данного учреждения (частично в виде таблиц), составленные заведующим колонией или его заместителем.

Фонды местного архива – базис нового издания

Основными источниками для подготовки двухтомника стали материалы Госархива Полтавской области (ГАПО). Кроме документов-подлинников и газет из фондов этого архива речь идёт также о сохранившихся там – шифр фонда: 8805 – фотокопиях материалов, полученных в конце 80-х годов из Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства УССР в Киеве, а именно по заказу организованной в 1985 году Лаборатории по изучению и пропаганде педагогического наследия А.С. Макаренко при Полтавском пединституте в связи с созданием в с. Ковалёвка музея-заповедника. Как установила проверка опубликованных в двухтомнике источников, проведённая рецензентом, лишь у 39 (из 128) архивных документов, т.е. почти в 30 % случаев, дело идёт о подлинниках.

Нельзя не заметить, что составители пользовались почти исключительно фондами ГАПО – архивными материалами, фотокопиями документов ЦГАОР УССР, местными газетами. Дополнительные розыски в других архивных и газетных фондах не производились ни в Киеве, ни в Харькове, ни в Москве.

Неясен принцип отбора источников – стремление составителей включить все известные им документы или только подборку из них, которая могла бы дополнить прежние советские издания. В предисловии об этом ничего не сказано. Во всяком случае, многочисленные документы остались вне поля зрения составителей. Это относится, например, к малоизвестной макаренковедам истории с карманными деньгами в Полтавской колонии им. М. Горького (1924 г.). Соответствующие документы из разных архивных дел освещают деятельность сотрудника Главсоцвоса Наркомпроса УССР, фамилию которой напрасно ищут в двухтомнике – руководителя Отдела охраны детства Г.С. Салько, тогдашнего «шефа» Макаренко. Его просьбу разрешить выдачу старшим воспитанникам «небольшие карманные деньги», Галина Стахивна сначала отклонила, указывая на то, что подобная практика не соответствует существующим предписаниям, но спустя несколько недель она поддержала идею будущего мужа о карманных деньгах для бывших воров-карманников.

Что такое – «материалы»?

Вспомним название двухтомника: «Полтавская трудовая колония им. М. Горького в документах и материалах (1920–1926 гг.)». Под «материалами» составители, по-видимому, подразумевают сообщения местной печати. Впрочем, ряд статей из газеты «Вісти-Известия» 1920 года (док. №№ 1–4), из которых лишь одна (№ 1) имеет непосредственное отношение к теме, издатели, по всей вероятности, включили в двухтомник в последний момент – для того, чтобы учитывать также и год основания макаренковского учреждения и, таким образом, соответствовать подзаголовку издания «1920–1926 гг.». При этом, в конце концов, было упущено надлежащее соответствующее изменение оглавления пункта 3 в «Содержании» (Зміст) к ч. I, где говорится (с. 7): «Архивные документы 1921 (!) – 1923 гг. о работе Полтавской колонии им. М. Горького». В рамках систематического

просмотра прессы губернского города тех лет с 1971 года мне удалось найти в киевских, харьковских и московских газетных фондах дополнительные 11 соответствующих статей, неизвестных составителям двухтомника. Они были опубликованы в следующих полтавских печатных органах: «Борьба», «Більшовик», «Вісти-Известия» (1920 г.), «Голос труда» (1922–1924 гг.), «Більшовик Полтавщини» (1925 г.).

Но «материалы» могли включать также и статьи А.С. Макаренко, опубликованные в журналах и сборниках того периода. До сих пор известны три таких публикации, которые в советских изданиях перепечатывались только в сокращённом виде. Из них в двухтомник включена лишь одна: «Очерк работы Полтавской колонии им. Горького» (1925 г.). Другие две – упоминавшаяся выше: «Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького» (1923 г.), а также: «Через працю й самоорганізацію – до нового життя» (Через труд и самоорганизацию – к новой жизни; 1925 г.). Из последней, опубликованной в республиканском журнале «Робітник освіти» с подписью «Макар.», во введении двухтомника приводится обширная цитата на украинском, но... в качестве обратного перевода русскоязычного варианта, опубликованного Н.Д. Ярмаченко в «Учительской газете» (см.: ч.І, с.12). Однако при этом не было отмечено, что указанное заглавие – «Логіка і диво виховання» – является не названием харьковской (1925 г.) публикации полтавского завкола, а переводом заголовка московской (1985 г.) статьи «Логика и чудеса воспитания», принадлежащей перу киевского учёного. Расшифровку авторства материала «Через працю...» Ярмаченко, в своё время, удалось произвести на основе текстологического анализа. Подобная процедура была бы излишней, если бы автор смог познакомиться с архивами профсоюза работников просвещения УССР, где хранится запрос редакции журнала в адрес Макаренко (см.: ЦГАВО Укр., 2717-1-156, л.5).

Обращение с марбургскими результатами исследования

Хотелось бы отметить, что издатели двухтомника в ходе их работы решили всё же использовать результаты исследований не только (пост)советских, но и зарубежных коллег, в т.ч. из Марбурга. Ещё недавно в СССР/СНГ было иначе. Плагиаты не просто встречались – данное явление стало почти нормой. Так, при подготовке восьмитомника Педагогических сочинений А.С. Макаренко (1983–1986 гг.) его составители решили перевести из «Марбургского издания» Собраний сочинений (1976–1982 гг.) все неизвестные им прижизненные публикации педагога-писателя, которые мне удалось обнаружить в результате систематического поиска в различных советских журналах и газетах.

В комментариях к 24 документам рецензируемого двухтомника названы марбургские книги, в которых уже ранее была опубликована аутентичная версия соответствующих текстов. Имеются в виду два тома серии «Опускула Макаренкиана»: «Забота, контроль, вмешательство. Шесть отчётов об инспекторских и других проверках колонии им. М. Горького (1922–1929 г.г.)» (№ 14. – 1994); «Страдания „украинизированного“ завкола. Деловые письма А.С. Макаренко на украинском языке (1924–1925 г.г.)» (№ 18. – 1996). Это действительно приятный сюрприз!

Воспроизведение документов и материалов

Несколько слов о манере воспроизведения документов и материалов. Серьёзным недостатком издания является отсутствие стандартного заглавия с датой к каждому из них, например: «26. Письмо колонии им. М. Горького Областному инспектору учреждений дефективного детства. 15.09.1923 г.» Описанное в предисловии (ч.І, с.11) намерение составителей к сохранению оригинального заглавия текстов, без указания отправителя и даты – в данном случае: «26. Областному инспектору учреждений дефективного детства» (ч.І, с.148), – противоречит всем требованиям археографии.

Выборочная проверка показала, что документы действительно напечатаны полностью. Исключением является документ № 16 (Анкетный лист...), в котором наборщики забыли указать два роскошных «перевозных средства» колонии им. М. Горького, известные из «Педагогической поэмы» – гордость завкола «фаэтон, кабриолет» (ч.І, с.114).

В предисловии к двухтомнику речь идёт о том, что «все работы перепечатаны соответственно оригиналам, сохраняют тождественность содержания, аутентичность орфографии и оформления текстов» (ч.І, с.11). Однако в источниках имеются места, требующие внимательной текстологической проверки. Так, в документе № 29 «Опросный лист»

колонии говорится: «14. Персонал: В настоящее время имеется: воспитателей – 11... Органическое строение персонала (штатов) не совсем правильное, это происходит исключительно от того, что колония располагается в двух имениях, отстоящих одно от другого на 2 версты. Вследствие этого приходится иметь двух воспитателей, между тем, если бы дети были в одном месте, можно было бы ограничиться 8» (ч.I, с.157). В первой публикации документа – в рамках издания «Педагогических сочинений» А.С. Макаренко (т.1. М., 1983, с.14–16) – слова «двух воспитателей» без всякого комментария изменены на «11 воспитателей» (см.: ч.I, с.236). В новом издании восстановлена версия авторской машинописи, но из контекста следует, что Макаренко здесь пропустил одно слово (по всей вероятности «составов»), которое необходимо включить в текст как редакторское дополнение: «Вследствие этого приходится иметь двух [два состава. – Г.Х.] воспитателей...».

К комментариям двухтомника

Комментарии рецензируемого издания содержат архивное описание каждого документа, указания надписей чужой рукой, в т.ч. резолюции и другие пометки адресата на текстах, а также ссылки на предыдущие публикации документа в подлиннике и в переводе на украинский или русский языки. Если речь идёт о первом издании, в большинстве случаев это специально отмечается.

В комментарии внедрена также и информация, крайне важная для полного понимания содержания соответствующего текста. Но это относится не ко всем неясным местам. Например, вообще не комментированы следующие два высказывания из документа № 15 (Доклад Областного инспектора Алмазова от 12.06.1922 г.): 1. «Между прочим, среди педсостава есть один педагог – бывший министр финансов – ДВР» (ч.I, с.105). Что здесь имеется в виду Дальневосточная республика – «буферное» государство между Советской Россией и Японией, существовавшее с апреля 1920 по ноябрь 1922 гг., о чём сегодняшние читатели возможно ещё в курсе; но кто же этот «бывший министр финансов»?.. По всей вероятности речь идёт о В.И. Ермоленко, который с марта 1921 г. работал в колонии воспитателем-учителем и заместителем заведующего, а в 1923 году, как вспоминала его падчерица Н.Т. Поповиченко (см.: А.С. Макаренко, [кн.10]. Львов, 1978, с.133), уехал в Ленинград, где он «вернулся к финансовой работе, т.к. по последней работе был заместителем управляющего банком». 2. «Если к концу лета 3 здания во второй части не будут отремонтированы, то имение перейдёт к бывшему владельцу, Трепке, и тяжёлые усилия воспитанников и персонала пойдут на пользу помещику» (ч.I, с.106). Из этого высказывания можно заключить, что, по крайней мере, один из двух сыновей (Василий, Эмиль) немецкого колониста-помещика, владевшего образцовым хозяйством в с. Ковалёвка, Вильгельма Трепке, или же сам хозяин в то время ещё жил в УССР. О судьбе рода Трепке после революции ничего неизвестно. Однако издатель документа в своём разделе аналитической статьи повторяет «всесоюзное» (базирующееся на 1-й части «Педагогической поэмы») макаренковедческое мнение, что «в годы гражданской войны братья Трепке выехали за границу и оставили своё имение» (ч.I, с.25).

Без комментария оказалось также и следующее высказывание Макаренко в уже процитированном «Опросном листе» (начало 1923 г.; док. № 29): «Колония живёт настолько тесной общиной, что в организации специальных общественных форм надобности не встречается» (ч.I, с.156). Несомненно, здесь речь идёт о нежелании завкола организовать в его «непартийно» ориентированном учреждении комсомольскую ячейку или пионерский отряд.

Начиная с ноября 1922 г., т.е. сразу же после перехода колонии им. М. Горького на республиканский бюджет, заведующий или его заместитель был обязан для Главсоцвоса Наркомпроса УССР заполнить подробные месячные отчёты (в виде бланков) о состоянии учреждения. В мартовском (1923 г.) документе (№ 36), а именно в графе «Физическое воспитание», Макаренко впервые сообщает: «Военная гимнастика по программе Всевобуча» (ч.I, с.182), что в соответствующем комментарии не получает никакого объяснения. Речь идёт о Всеобщем военном обучении в виде 96-часовой программы, по которой проводились занятия. Возникшая в РСФСР в 1918 году, на Украине эта программа была введена лишь в октябре 1922 г. (см. ж. «Красный спорт» (Харьков). – 1922. – № 1, с.16). Об участии колонистов во Всевобуче, упомянуто также и в 1-ой части «Педагогической поэмы», в (пост)советском макаренковедении вообще не указывалось.

В письме председателя ЦК Профсоюза работников просвещения Украины «Робос» А.М. Мизерницкого – речь идёт о бывшем (1920 г.) Завгубнаробразом Полтавщины, организаторе полтавской колонии и прототипе «одноимённого» героя пролога «Педагогической поэмы» – к заведующему трудовой колонией им. М. Горького от 07.07.1925 г. (док. № 119) сообщается об «экскурсии западноевропейских учителей» в макаренковское учреждение «в середине августа» (ч.II, с.71). Как видно из местной печати, маршрут этой первой международной делегации педагогов в СССР срочно был изменён, и поэтому визит в колонию не состоялся. Но в комментарии к публикации письма такие данные разыскать невозможно, так же как и информацию об одном из близких соратников Макаренко – многолетнем председателе Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних Главлитсовета (Упрсоцсовета) Наркомпроса УССР Р.Л. Берлин, в непосредственное подчинение которой была отнесена колония им. М. Горького с начала 1925 г. В рамках систематического просмотра архивных фондов Наркомпроса УССР рецензенту удалось обнаружить всего девять неизвестных украиноязычных писем Макаренко 1925 года во Всеукраинскую комиссию, т.е. в ведомство Берлин, и опубликовать их в вышеупомянутом издании «Страдания „украинизированного“ завкола». Два из них сейчас также включены в двухтомник (№№ 112, 128). Фамилия председателя в комментариях этой книги лаконично названа лишь применительно ко второму письму – «подпись Берлин» (ч.II, с.154), но без всякого объяснения.

Не совсем удался автору соответствующий комментарий по поводу высказывания Макаренко в мартовской (1923 г.) анкете (док. № 35). В графе «практический стаж», среди прочего, можно прочесть: «1919–1920. Учитель 2-го начального училища в Полтаве» (ч.I, с.167), что в двухтомнике истолковано таким образом: здесь «Макаренко пренебрегает указанием о непродолжительной работе заведующим школой» (там же, с.244). Как сообщили полтавские газеты 20 сентября 1919 г. (при деникинцах!), «на должность заведующего школой им. Куракина школьной комиссией при Городской управе назначен инспектор железнодорожной школы при ст. Крюков А.М. (!) Макаренко». На этом посту он оставался не «непродолжительно», а, как ответственный педагог, до конца учебного года, т.е. также и при большевиках. К интеллигенции, работавшей в культурно-просветительных учреждениях деникинщины, советская власть испытывала особый интерес, не скрывая своего отрицательного отношения. Поэтому понятно стремление «завкола Горького» утаить сведения об его деятельности на посту заведующего полтавской школой.

Первый исследователь горьковской колонии Г.Г. Ващенко – неприятность для полтавских макаренковедов.

Факт, что учёный-педагог Г.Г. Ващенко, который в Полтавском ИНО (пединституте) проработал почти 20 лет, а во время войны эмигрировал в Германию, был первым наблюдателем и исследователем колонии им. М. Горького (до сих пор получили известность пять его публикаций по этой теме), педагоги-составители двухтомника сознательно игнорируют. Кривонос, редактор центрального макаренковского материала «Очерк работы Полтавской колонии им. Горького» (док. № 123; ч.II, с.75–89), опубликованного в сборнике статей «5 лет работы с детьми-правонарушителями», вновь – как уже в своё время (по условиям Главлита!) в московских журналах «Народное образование» (№ 11 за 1987 г.) и «Советская педагогика» (№ 1 за 1988 г.) – умалчивает то обстоятельство, что данная рукописная (!) книга осенью 1925 г. вышла «под редакцией проф. Ващенко». В рецензируемом двухтомнике это относится и к ссылке источника (ч.II, с.88), и к комментарию (с.144–150). Кроме того, в последнем (с.145) автор, без всякого основания, трижды приписывает уникальную книгу своему вузу. В действительности же сборник был издан Полтавской губкомиссией по делам несовершеннолетних, которой руководил с марта 1925 г. Б.Л. Ольшанский – бывший студент Г.Г. Ващенко и близкий его соратник.

Кривонос, цитируя «вводную статью» Ольшанского к сборнику «5 лет...» («Детская преступность и борьба с нею в Полтавщине»; с.1–30), умалчивает имя её автора (см.: ч.II, с.145) – в то время как Ермак из этого содержательного материала с успехом приводит выдержки, ошибочно относя их к Ващенко (см.: ч.I, с.19). В другом месте историк «легкомысленно» называет фамилию автора и утверждает, что «педагог Ольшанский долгое время возглавлял основанную в июне 1920 г. комиссию по делам несовершеннолетних преступников [так гласило первоначальное название – Г.Х.] Полтавского губернского от-

дела народного образования» (ч.I, с.22), хотя данный пост «долгое время», а именно с 1922 года по 1925 год, занимал совсем другой человек – А.С. Зубенко, неизвестный составителям. Ольшанский же работал на этом месте лишь два года. Как следует из некролога в московском журнале «Педология» (1931. – № 7–8, с.1–2), он во время купания в Чёрном море утонул. Возможно поэтому его и миновала судьба других деятелей из окружения Полтавской колонии им. М. Горького, которые в 30-е годы стали жертвами репрессий.

Не очень понятен и такой факт: макаренковская схема самоуправления в колонии из сборника «5 лет...» включена Кривоносом в рецензируемый двухтомник трижды (!), а именно на русском и украинском языках (ч.I, с.79–80; ч.II, с.87). В комментарии справедливо отмечено, что «Очерк...» в советских собраниях сочинений А.С. Макаренко был опубликован «с некоторыми сокращениями» (ч.II, с.114). Однако автор почему-то не счёл нужным указать на то, что данный материал в аутентичном виде был уже в 1992 году напечатан в ФРГ Зигфридом Вайтцем – в серии «Макаренко-Архив» (№ 3) на русском и немецком языках («Очерк работы Полтавской колонии им. Горького / Kurze Darstellung der Arbeit der Poltavaer Gor'ij-Kolonie»; ISBN 3-8185-0066-5).

Выводы

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на неточности и недостатки, содержащиеся в рассмотренном выше двухтомнике, новые факты, связанные с деятельностью А.С. Макаренко в первые годы Советской власти, проливают свет не только на становление и расцвет Полтавской колонии им. М. Горького, но также и на взаимоотношения завкола с его местным и республиканским руководством. Однако анализ издания выявляет тенденцию к самоизоляции макаренковедения на Украине в период «творення нації» от мировой науки. Не надо забывать о том, что между приверженцами педагогического писателя в международном масштабе есть многие, которым, как авторам данной рецензии, тяжело читать на украинском языке или у которых вообще нет желания серьёзно заниматься с такими публикациями, как, к сожалению, у большинства наших великороссов. Поэтому я хотел бы попросить моих украинских коллег впредь сопровождать подобные публикации предисловием, а также содержательным резюме на русском языке, который – наравне с немецким и английским – принят к употреблению Международной макаренковской ассоциацией.

Патриарх украинского макаренковедения Ф.И. Науменко в своём предисловии к марбургской (русскоязычной) публикации «Самоутверждение или конформизм? К вопросу идейно-политического становления А.С. Макаренко» уже в 1987 году написал следующее: «Наше советское макаренковедение в известной мере всё ещё „варится в своём соку“. Оно не уделяет достаточного научного внимания тем работам, которые публикуются за границей. Эти работы оцениваются лишь как свидетельства распространения идей великого педагога... Наше отечественное макаренковедение нуждается в широких и деловых дискуссиях, причём с международным горизонтом, по всем основным вопросам жизни и творчества А.С. Макаренко». Данная оценка, к сожалению, остаётся актуальной по сей день. Можно ли с этим спорить?

Лиха беда начало: марбургские размышления в связи с полтавской макаренковедческой публикацией / Гётц Хиллиг // Постметодика. – 2003. – №1. – С 32–39.

Шефы завкола Макаренко (1920–1926 г.г.)

В выше рецензированном двухтомнике большой интерес вызывает вопрос о руководстве Полтавской трудколонией местными и республиканскими органами власти, который здесь, однако, освещается неполно. Речь идёт о сотрудниках из различных «сфер» колонии, то есть о тех людях, с которыми имел дело завкол. Сам Макаренко, как известно, в материалах к «Педагогической поэме» разделил прототипы его героев на «друзей» и «врагов» в духе того времени, красочно представив в своём произведении целую галерею различных портретов. Конкретно ответить на вопрос, что именно в известной книге является реальностью, а что художественным вымыслом, стало возможным только после появления документальных архивных источников, ставших доступными для исследователей лишь после августовского путча 1991 года.

В настоящей работе представлены портреты шести человек (четверых мужчин и двух женщин) из окружения Полтавской трудколониим. М. Горького. В основу портретов положены как личные дела этих деятелей, так и материалы бывших архивов партии и ГПУ/НКВД. Данные источники открывают новые перспективы для изучения жизни и деятельности А.С. Макаренко в целостном политическом контексте той эпохи.

В цитатах и названиях учреждений сохранены особенности аббревиатуры, а также написания заглавных и строчных букв.

1. КАРЬЕРА НЕКОЕГО ЗАВГУБНАРОБРАЗОМ

А.М. Мизерницкий

«В сентябре 1920 года заведующий губнаробразом вызвал меня к себе и сказал:

– Вот что, брат, я слышал, ты там ругаешься сильно... вот, что твоей трудовой школе дали это самое... губсовнархоз...

– Да как же не ругаться? Тут не только заругаешься, – взвоешь: какая там трудовая школа? Накурено, грязно, разве это похоже на школу?

– Да... Для тебя бы это самое: построить новое здание, новые парты поставить, ты бы тогда занимался. Не в зданиях, брат, дело, важно нового человека воспитать, а вы, педагоги, саботируете всё: здание не такое, и столы не такие. Нету у вас этого самого вот... огня, знаешь, такого, – революционного. Штаны у вас навыпуск!

– У меня как раз не навыпуск.

– Ну, у тебя не навыпуск... Интеллигенты паршивые!.. Вот ищу, ищу, тут такое дело большое: босяков этих самых развелось, мальчишек – по улице пройти нельзя, и по квартирам лазят. Мне говорят, это ваше дело, наробразовское... Ну?

– А что – „ну“?

– Да вот это самое: никто не хочет, кому не говорю, – руками и ногами, зарежут, говорят. Вам бы это кабинетик, книжечки, очки вон надел...

Я рассмеялся:

– Смотрите, уже и очки помешали!

– Я ж и говорю, вам бы всё читать, а если вам живого человека дают, так вы это самое: зарежет меня живой человек. Интеллигенты!

Завгубнаробразом сердито покалывал меня маленькими чёрными глазами, и изпод ницшевских рабочих усов изрыгал хулу на всю нашу педагогическую братию. Но ведь он был неправ, этот завгубнаробразом».

Этими словами, как известно, начинается «Педагогическая поэма»¹. Прототип не названного персонажа «завгубнаробразом» (заведующий губотделом народного образования – завгубОНО) – Александр Михайлович Мизерницкий. Судя по фотографии того времени², у него действительно были такие усы, и он, как об этом дальше говорится в

¹ Макаренко А. Собрание сочинений. Марбургское издание (далее СС). Т.3. – Штуттгарт. – 1982. – С.3–4; см. также: Макаренко А.С. Педагогические сочинения в 8-и томах (далее ПС). Т.3. – М., 1984. – С.9.

² ГАПО, ф.Р-3872, оп.1, ед.хр.47, л.30.

«Поэме», вскоре после открытия колонии, исчез из Полтавы, «уехал куда-то на новую работу»³. Его пролетарское происхождение «рабочего-выдвиженца»⁴, о котором упоминалось в вымышленном «конгениальном наброске»⁵ разговора между ним и будущим завколом, по имевшимся источникам вначале не представлялось возможным подтвердить или опровергнуть. Дальнейшая карьера этого «завгубнаробразом» скорее подтверждала обратное. Личное дело Мизерницкого из архивных фондов Наркомпроса УССР не содержит никаких сведений о его социальном происхождении. Однако в послужном списке за март 1923 г. как «основная профессия» записано: «общественно-политическая деятельность»⁶.

Мизерницкий, 1883 г.р., украинец, в этом же документе сообщил о том, в каких политических партиях он состоял. В графе «партийность» написано: «КП(б)У в Киеве в 20-м году; при слиянии боротьбистов. Парт. стаж – 1918 г.» На вопрос о «революционном стаже» ответил, что с 1902 года он состоял в Революционной Украинской партии (РУП), с 1906 года – в Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР) (приблизительно в 1906–1907 гг. кандидатом российской партии эсеров являлся, по сообщению его брата, и Макаренко), с 1918 года был «боротьбистом», затем с 1920 – в КП(б)У⁷. Из этого следует, что в марте 1920 г., т.е. непосредственно перед назначением в Полтаву, он в результате «слияния» УКП (боротьбистов), которая была образована левым крылом украинской партии эсеров, стал членом Коммунистической партии (большевиков) Украины. Как стало известно, процедура объединения двух компартий проходила не так уж и просто. УКП (боротьбистов) в начале 1920 г. насчитывала 15 тыс. членов⁸. Но в КП(б) перешли лишь 4 тыс. боротьбистов, остальные же попали «в поле зрения Дзержинского»⁹.

В этом же документе Мизерницкий пишет о своей «общественно-политической деятельности», о том, что «до революции в 1905–06 гг.» он «по ст. 126 сидел в тюрьме, выпущен под залог». После возвращения из эмиграции в 1913 году вновь был осуждён (ст. 102) и «сидел в Харьковской и Киевской тюрьме-крепости». Между Февральской и Октябрьской революциями он являлся председателем городской думы, а несколько позже – «председат. дем. собр.» (где именно, там не указано). Подтверждение этих данных мне удалось обнаружить в деле Всеукраинского Центрисполкома. В находящемся там «личном листке ответственного работника» (Особовий листок відповідального робітника) за декабрь 1925 г. Мизерницкий даёт следующую справку: место рождения – Луцк, сын служащего, учился в Киевском университете, владеет французским языком, был за границей: 1908–13 гг. (эмиграция), 1924 г. (командировка)¹⁰. Таким образом, этот «завгубнаробразом» ни в коем случае не мог быть пролетарием!

Самое раннее упоминание о Мизерницком как завнаробразом Губисполкома Полтавщины я нашёл в сообщении местной газеты от 23 апреля 1920 г.¹¹. Со временем его службы были связаны два реорганизационных мероприятия, в которых, как известно, Макаренко также принимал участие: преобразование полтавских общеобразовательных школ в единые трудовые школы-семилетки (на основе соответствующего приказа губОНО от 14 июля 1920 г.) и открытие Детского Дворца в бывшем доме губернатора (25 июля). Одновременно Макаренко заведовал секцией детских колоний в подотделе соцвоса Губнаробраза¹², т.е. он находился тогда в непосредственном подчинении у Мизерницкого.

³ СС. Т.3. – С.20; ПС. Т.3 – С.19.

⁴ Балабанович Е. Антон Семёнович Макаренко: человек и писатель. – М., 1963 (далее Балабанович). – С.214.

⁵ Л. Фрёзе в дискуссии на 2-м Марбургском совещании об актуальных проблемах макаренковедения (1986 г.).

⁶ Центральный государственный архив высших органов власти управления Украины (далее ЦГАВО Укр.), ф.166, оп.12, ед.хр.4927, л.2.

⁷ Там же, лл.1 об. – 2.

⁸ Майстренко І Історія комуністичної партії України. – Сужність, 1979. – С.72–74.

⁹ Кульчицкий С. Комунізм в Україні перше десятиріччя (1919–1928). – К., 1996. – С.244.

¹⁰ ЦГАВО Укр., ф.1, оп.11., ед.хр.1604, лл.3–4.

¹¹ Більшовик (Полтава). – 1920. № 10; см. также: ГАПО, ф.Р-3872, оп.1, ед.хр.47, л.2.

¹² ЦГАВО Укр., ф.166, оп.1, ед.хр.950, л.43.

Последний пробыл в Полтаве «завгубнаробразом» лишь около 8 месяцев. Его преемник (утверждённый Президиумом Губисполкома уже в декабре 1920 г.¹³), как об этом говорится в «Педагогической поэме», «колонией мало интересовался, – были у него дела поважнее»¹⁴: А.Г. Лесовик (Лисовик), украинец, родившийся в 1897 году, токарь по профессии, принимал активное участие в политических переворотах в Полтаве и перед своим новым назначением сюда несколько месяцев занимал в Харькове должность заместителя наркома просвещения УССР Г.Ф. Гринько (который считается основоположником украинского варианта соцвоса), а в январе 1925 г. был председателем Губисполкома Полтавщины¹⁵. По данным анкеты на апрель 1921 г. Лесовик, до того как в 1920 году стал членом КП(б)У (хотя он утверждает, что это было в 1918 г.), состоял в следующих партиях: Украинская партия эсеров, Украинская партия эсеров (коммунистов), т.е. «левых» эсеров, и Украинская коммунистическая партия (боротьбистов)¹⁶. В анкете делегата XI Всеукраинского съезда Советов в мае 1929 г. Лесовик «уточнил» время пребывания в УКП (боротьбистов), а именно: «с 1914 по 1918 гг.»¹⁷. Уже тогда он пошёл на повышение в республиканском масштабе, получив должность начальника Главуправления путей сообщения¹⁸. При проходившей в июне 1934 г. проверке партийных документов, Лесовик, работавший в управлении совхозов Наркомзема УССР, был обвинён в националистическом уклоне – «шумскизме»¹⁹. Несмотря на это он, по решению XIII Съезда Советов УССР (опубликованном в марте 1925 г.) был избран в состав ВУЦИКа²⁰.

Мизерницкий же служил в следующих местах: в Николаеве (2 года), Виннице Подольской губернии (1 месяц), занимая, как и в Полтаве, должность завгубОНО²¹, и, наконец, с февраля 1923 г. немногим более года работал в НКП УССР одним из двух замов предглавсоцвоса и членом Коллегии²². С июня 1923 г. он стал, кроме того, и председателем инспекторской коллегии данного главка, отвечавшего за работу детдомов и общеобразовательных школ²³. Его вступление в Наркомпрос было, впрочем, уже при В.П. Затонском, который в декабре 1922 г. сменил Гринько. 5 декабря 1923 г. вместе со своим начальником Л.Р. Менжинской, он, в качестве представителя УССР, принимал участие в совещании Наркомов просвещения союзных и автономных республик по вопросам детской беспризорности²⁴.

Как отмечает в своём отзыве на рукопись данного портрета бывший член научпедкома Главсоцвоса НКП УССР Н.Н. Миронов, Мизерницкий занимал и пост секретаря первичной парторганизации Главсоцвоса. Рецензент, в частности, отметил: «Трудно себе представить, чтобы высоко интеллигентная парторганизация Главсоцвоса могла избрать своим секретарём такого тупого мужлана, – как его изобразил А.С. Макаренко в „Педагогической поэме“. Образ Полтавского завгубоно – некультурного грубияна – никак не соответствует тому, каким Мизерницкий был в Главсоцвосе – культурным, выдержанным, вполне грамотным».

Во время работы в Харькове Мизерницкий (на основании решения Главсоцвоса от 20 сентября 1923 г.²⁵) был вместе со своим коллегой-дефектологом И.А. Соколянским с 29 сентября по 3 октября 1923 г. в командировке в Полтаве. В выданных Наркомпросом мандатах указывалось, что они посланы «для инструктирования и ревизии Полтавского Губсоцвоса по дефективному и нормальному детству и для участия в празднике Полтав-

¹³ ГАПО, ф.Р.3872, оп.1, ед.хр.108, л.64.

¹⁴ СС. Т.3. – С.20; ПС. Т.3 – С.19.

¹⁵ ГАПО, ф.Р.495, оп.1, ед.хр.8, лл.131, 138, 139.

¹⁶ ГАПО, ф.Р.3872, оп.1, ед.хр.1272, л.1 об.

¹⁷ ЦГАВО Укр., ф.1, оп.11, ед.хр.3322, л.34.

¹⁸ Там же, ед.хр.3300, л.43; Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее ЦГАОО Укр.), ф.1, оп.20, ед.хр.3464, л.58.

¹⁹ ГАХО, ф.П.20, оп.3, ед.хр.18, лл.206–210.

²⁰ Збірник законів та розпоряджень робітничо-селянського уряду України. 1935. – № 8–9. – С.29.

²¹ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12., ед.хр.4927, лл.2,15.

²² Там же, лл.6, 11.

²³ Там же, оп.3., ед.хр.963, л.78.

²⁴ Там же, оп.4, ед.хр.912, л.47.

²⁵ Там же, оп.3, ед.хр.850, л.49.

ской колонии правонарушителей»²⁶. Во время этой командировки на праздновании третьей «годовщины» колонии им. М. Горького, финансировавшейся теперь уже как опытно-показательное учреждение Наркомпроса из центрального бюджета УССР, Мизерницкий, очевидно, вновь встретился с её руководителем («завколом Горького») и сам мог убедиться в поступательном развитии основанной им в своё время полтавской колонии.

Во всяком случае, в следующие месяцы он приложил немалые усилия для перевода Макаренко в Киев, что видно из двух нижеследующих документов личного архива педагога-писателя. Прежде всего, 23 февраля 1924 г. Мизерницкий вызывал его телеграммой в Харьков на заседание научпедкома Главсоцвоса²⁷. Там же 28 февраля он выдал завколу удостоверение для предъявления в Киевское губОНО, в соответствии с которым Макаренко направлялся Главсоцвосом НКП в распоряжение подчинённого ему Губсоцвоса²⁸. Однако полтавское начальство медлило с согласием, и уже в августе 1924 г., спустя 4 месяца после его перевода на пост завгубОНО Киевщины²⁹, где он сменил М.В. Салько³⁰ (бывшего мужа будущей жены Макаренко), Мизерницкий вновь предпринимает попытку вытащить полтавского завкола туда. На сей раз он отдал распоряжение зав. отделом Губсоцвоса по своему ведомству пригласить его на ответствующую работу и, что особо подчёркивалось, «по рекомендации тов. Мизерницкого». В письме «заведующему детским городком (!) т. Макаренко» завгубсоцвосом предложил ему прислать свои сообщения о характере работы, которой он хотел бы заниматься. Макаренко предъявил бумагу на подпись своему начальству в Полтаве, но опять потерпел неудачу. Н.С. Лондон, зав. секцией охраны детства, написала на приглашении категорический отказ в виде направленной Мизерницкому резолюции с менторским выговором в самом начале: «Я считаю, что заниматься отзывами работников из Полтавы в Киев неудобно всё же без ведома завгубоно»³¹. Так как документ находится в архиве Макаренко, очевидно, что последний вообще не показывал резолюцию адресату.

Окончательный ответ на вопрос о том, какие конкретно предложения получил Макаренко: руководить одним из воспитательных учреждений или работать в административно-инспекторском аппарате – вероятно, мы никогда не получим, поскольку из уцелевших документов НКП УССР исчезла как раз вся корреспонденция Киевской губинспектуры по наробразу за 1924 год, а надежды на то, что сохранились дела данного ведомства в областном архиве столицы Украины, не оправдались³².

Определённый свет на этот вопрос проливает, в частности, документ, обнаруженный мной в делах Главсоцвоса в период с октября 1922 по ноябрь 1923 гг. Здесь речь шла о том, что в положении, подобном Макаренко, т.е. в поисках нового места работы (май 1923 г.), оказался и другой педагог, за которого Мизерницкий ходатайствовал перед Салько. Это был некий Л.З. Лемперт – заведующий одной из харьковских школ «с большими административными и организаторскими способностями». Лемперт «до 1913 года состоял в РСДРП в большевистской фракции», затем вышел из партии и, по слухам, примкнул к меньшевикам. Из-за болезни жены он был вынужден срочно искать работу в городе с другим климатом и потому обратился в Главсоцвос с просьбой перевести его в Одессу. Мизерницкий же в связи с «кризисом Соцвосовским в Киеве» решил предложить ему здесь пост «зампредгубсоцвоса» или «зав. детгородка»³³. Лемперт откликнулся на первое предложение и вскоре приступил к исполнению своих служебных обязанностей³⁴, уже 27–29 февраля 1924 г. он представлял Киевщину на II Всеукраинском совещании завгубсоцвосами³⁵. Вероятно, второе предложение – руководство только что открытым и

²⁶ Там же, оп.12, ед.хр.912, л.16; ед.хр.7241, л.30.

²⁷ Там же, оп.4, ед.хр.856, л.16.

²⁸ Российский государственный архив литературы и искусства, М. (далее РГАЛИ), ф.332, оп.4, ед.хр. 359.

²⁹ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.4972, лл.25, 27.

³⁰ Там же, ед.хр.6791, л.2 об.

³¹ РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.360, л.2.

³² Эта информация получена автором в ГАКО (1993 г.).

³³ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.2., ед.хр.1697, л.301.

³⁴ Там же, л.355.

³⁵ Там же, оп.4, ед.хр.847, л.453.

впоследствии знаменитым детгородком им. В.И. Ленина («Ленинск», укр. «Ленінське»)³⁶ – Мизерницкий оставил «в резерве» для Макаренко. Как следует из телеграммы, которая находится в архиве педагога-писателя, 23 апреля 1924 г. – т.е. непосредственно тогда, когда Мизерницкий занимал пост завгубнаробразома – завгубсоцвосом Лемперт обращался к Макаренко: «Телеграфируйте, когда можете приехать работать [в] Киеве»³⁷.

Уже в апреле 1924 г. Мизерницкий был назначен главным редактором республиканского педагогического журнала «Радянська освіта»³⁸, а в начале октября того же года его опять направили в Харьков в «распоряжение Наркомпроса», как это следует из последней записи находящегося там личного дела³⁹. Незадолго до этого, руководство данным ведомством перешло от Затонского к бывшему боротьбисту (и товарищу Мизерницкого по партии) А.Я. Шумскому. Новым назначением Мизерницкого, однако, определили другую область: он стал председателем ЦК Профсоюза работников просвещения Украины («Робос») ⁴⁰.

В январе 1925 года в Харькове состоялся первый Всеукраинский съезд учителей, на котором с докладом выступил Мизерницкий. Он отметил, что учитель в буржуазной школе был «средством угнетения пролетариата» Докладчик также подчеркнул роль просвещенцев в создании украинской «державности» периода Центральной Рады, упомянув о вечном поиске ими некой «гармонии» между государством и обществом и указав на их новые задачи в советской школе, а именно – воспитание будущего гражданина социалистического государства.⁴¹ Вспомним: число членов партийной и комсомольской организаций среди учителей было тогда весьма ограниченным. Симптоматичным для этой ситуации являлось и то обстоятельство, что всеобщие конференции просвещенцев стали созываться лишь в середине 20-х годов. Так, замнаркома просвещения РСФСР М.М. Покровский в канун первого всесоюзного съезда (также в январе 1925 г.) писал: «Пять лет назад такой съезд рисковал бы обратиться в антисоветскую манифестацию, ещё два года тому назад, когда о нём уже заходила речь, он был бы рискованной авантюрой»⁴².

Очевидно в декабре 1924 г. Макаренко просил Мизерницкого взять шефство над руководимой им колонией, надеясь не только на идейную, но, пожалуй, и на финансовую поддержку. Комментируя свою просьбу, он пишет 1 января 1925 г. руководству профсоюза подробное письмо на украинском языке, в котором конкретно перечисляет достижения и нужды колонии⁴³. Спустя две недели колония получила положительный ответ⁴⁴; кроме того, редакция нового журнала профсоюза «Робітник освіти» 9 февраля 1925 г. заказала Макаренко статью о руководимом им воспитательном учреждении⁴⁵, которая и была опубликована уже в следующем выпуске⁴⁶. Данный журнал ещё ранее поместил короткую информацию о решении президиума Рабпроса о «шефстве над трудколонией для малолетних им. М. Горького»⁴⁷.

³⁶ См.: „Ленінське”. 1923. 1928. Ювілейний збірник Київського дитячого містечка, присвячений п'ятиріччю містечка. (К.), 17 червня 1928 року.

³⁷ РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.360, л.3.

³⁸ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.4927, л.31; см. также: ф.2717, оп.1, ед.хр.94, лл.318, 331.

³⁹ Там же, ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.4927, л.31.

⁴⁰ Там же, ф.2717, оп.1, ед.хр.95, л.202.

⁴¹ Перший Всеукраїнський учительський з'їзд в Харкові від 5 до 11 січня 1925 р. – Х., 1925. – С.5.

⁴² Покровский М. К учительскому съезду // На путях к новой школе (М.). – 1925. – № 1. – С.4–9 (здесь – с.9).

⁴³ ЦГАВО Укр., ф.2717, оп.1, ед.хр.157, лл.1–7; опубл. в: Радянська школа. 1989. – № 1. – С.87–91; Полтавська трудова колонія ім. Горького в документах і матеріалах (1920–1928 рр.). За ред. І.А.Зязюна (далеє Полтавська трудова колонія). – Ч.2. – Полтава, 2002. – С.55–62; А.С. Макаренко сьогодні: нові матеріали, дослідження, опыт. – Н. Новгород, 1992. – С.24–31 (пер. на рус. яз.); Страдания «украинизированного» завкола: деловые письма А.С. Макаренко на украинском языке (1924–1925 гг.). Изд.: Г. Хиллиг. – Марбург, 1996 (далеє Страдания). – С.74–111 (факс. с пер. на рус. и нем. яз.).

⁴⁴ ЦГАВО Укр., ф.2717, оп.1, ед.хр.157, л.9.

⁴⁵ Там же, ед.хр.156, л.3.

⁴⁶ Макарен. Через працю й самоорганізацію – до нового життя // Робітник освіти. – 1925 – № 3–4. – С.53–57; пер. на рус. яз.: ПС. Т. 8. – С.129–132.

⁴⁷ Робітник освіти. – 1925. – № 1. – С.63.

В связи с предстоящим пятилетним юбилеем колонии президиум «Робоса» подарит своей «подшефной» 500 рублей на покупку инструментов для духового оркестра (о чём её заведующий безуспешно просил своё начальство не один год). Обо всём этом речь идёт в письме Мизерницкого к Макаренко от 7 июля 1925 г., в нём же сообщается об «экскурсии западно-европейских учителей» в колонию в середине августа⁴⁸. Маршрут данной делегации, в состав которой прежде всего вошли педагоги из Германии, был срочно изменён. 23 августа «Більшовик Полтавщини» сообщил о приезде делегации (38 человек) в Полтаву 25 или 26-го числа и о её запланированном визите в колонию им. М. Горького⁴⁹. Однако четыре дня спустя в газете появилась информация о том, что группа уже уехала в Крым и на Кавказ, а на обратном пути в Москву будет в Киеве и Полтаве⁵⁰. По опубликованным материалам этой первой международной делегации педагогов в Советский Союз, она так и не посетила Полтаву – визит в колонию не состоялся. Вышло так, что Макаренко тогда лишился возможности предъявить несоциалистическому миру свой «показательно удачный педагогический эксперимент», который, как об этом писал в 1933 году М. Горький, «имеет мировое значение»⁵¹.

Вначале Мизерницкий сам хотел принять участие в праздновании дня рождения своего «детища» в Ковалёвке 30 августа 1925 г. – во всяком случае, в делах имеется недатированное приглашение «сотрудникам ЦК Робоса» и мандат Мизерницкому от 24 августа для поездки в подшефную колонию⁵². Однако, в конце концов, он был вынужден отказать от этой поездки и взамен себе послал сотрудника⁵³, который и подарил бархатное знамя колонистам от профсоюза, как следует из письма 1 отряда (3 сентября) Горькому⁵⁴.

Л.Т. Коваль свидетельствует⁵⁵, что Мизерницкий, будучи председателем «Робоса», не раз вступался за Макаренко. В рамках рассматриваемого вопроса имеются документированные показания Мизерницкого в связи с 1-ым Всеукраинским съездом «Друзей детей» весной 1927 г. в журнале данного общества. Здесь он высказывается по вопросу о мерах борьбы с детской беспризорностью следующим образом: «Практически это может быть решено с помощью трудовых колоний, в том случае, если бы они были хорошо поставлены. Образцом такой колонии можно считать „колонию им. Горького“»⁵⁶. Общество «Друзья детей», созданное на Украине в 1924 году, было добровольной организацией в поддержку мероприятий по борьбе с беспризорностью.

Как председатель «Рабпроса» Мизерницкий был участником заседания Политбюро ЦК КП(б)У 2 февраля 1927 г., на котором обсуждался доклад наркома просвещения Шумского о ходе украинизации. Здесь были также Л.М. Каганович, В.Я. Чубарь, В.П. Затонский, П.П. Постышев, Н.А. Скрыпник – руководители партии и государства. Из протокола заседания следует, что Мизерницкий, в отличие от других участников этого мероприятия, которые обвинили наркома в «националуклонизме» и таким образом способствовали последовавшему вскоре снятию его с поста, воздержался от критики своего старого «друга» по партии боротьбистов, ограничившись данными статистики о развитии школ на Украине⁵⁷.

Год спустя Макаренко, защищая своего подчинённого (завкола А.И. Остапченко), обвинённого в избиениях воспитанников, в письме, направленном в редакцию газеты «Харьковский пролетарий»⁵⁸ (которое не опубликовано и не включено ни в одно из собранных его трудов), ссылается на статью Мизерницкого в республиканской газете «Народній

⁴⁸ ЦГАВО Украины, ф.2717, оп.1, ед.хр.157, л.10.

⁴⁹ Більшовик Полтавщини. – 1925. – № 191, 23.08.

⁵⁰ Там же. – № 194, 27.08.

⁵¹ ПС. Т.1. – С.255.

⁵² ЦГАВО Укр., ф.2717, оп.1, ед.хр.157, лл.11, 12.

⁵³ Л.Т. Коваль в беседе с Н.Н. Оксой (1985 г.).

⁵⁴ Архив А.М. Горького Института мировой литературы РАН, М., ф.20, оп.33, д.1.

⁵⁵ В беседах с Л. Пеха (1983 г.) и Н.Н. Оксой (1991 г.).

⁵⁶ Друг детей (Х.), 1927. – № 3. – С.15.

⁵⁷ См.: ЦГАОО Укр., ф.1, оп.6, ед.хр.93, лл.64–66, 93.

⁵⁸ РГАЛИ, ф.322, оп.4, ед.хр.246; опубл. (с пер. в нем. яз.): в кн.: Забота, контроль, вмешательство: шесть отчётов об инспекторских и других проверках колонии им. М. Горького (1922–1928 г.г.). Сост.: Г. Хиллиг. – Марбург, 1994 (далее Забота). – С.39–48.

учитель» от 18 января 1928 г.⁵⁹. В то время Мизерницкий занимал должность главного редактора данного органа Всеукраинского центрального управления Союза работников просвещения, но спустя несколько недель он перешёл из «Робоса» в Наркомтруд УССР.

О дальнейших связях Макаренко с Мизерницким, имя которого включено лишь в список «Сферы» горьковской колонии⁶⁰, до сих пор ничего не известно. Однако имеющиеся источники позволяют, на мой взгляд, судить о том, что этот «завгубнаробразом», имя которого никогда не упоминалось в советском макаренковедении, сыграл важную роль в жизни «завкола Горького».

В апреле 1928 г., по протоколам заседаний Наркомтруда УССР, Мизерницкий стал заместителем наркома и членом Коллегии данного учреждения. Ему приходилось принимать участие в решении самых разных вопросов: бронирование рабочих мест на заводах для подростков, обеспечение всем необходимым беспризорных детей, организация хлебозаготовок, социальное страхование рабочих, ликвидация безработицы на Украине⁶¹. Мизерницкий с рвением выполнял все указания союзного государственного руководства. Так, например, 28 мая 1928 г., обсуждая циркуляр Наркомтруда СССР, он заявил, что «мы рады выполнить директивы, которые они дают, и с удовольствием их выполним»⁶². Его стремление «выполнить директивы», показать свою личную преданность делу социалистического строительства, ярко проявилось на одном из заседаний Коллегии Наркомтруда. А 17 июля 1928 г., при обсуждении вопроса о социальном страховании, замнаркома обвинил своих подчинённых в нерешительности, предложив им те же меры, которые вводились при осуществлении хлебозаготовок, призвал их к необходимости «использовать общественные организации и создать общественное мнение для усиления эффектов карательной политики»⁶³. Здесь будет уместным напомнить о том, что насильственное изъятие хлебных запасов уже тогда вызвало голод среди крестьян в некоторых южных районах Украины.

В 1929 году, который Сталин назвал «годом великого перелома», в служебной карьере Мизерницкого наметился спад. В документах партии и правительства, хранящихся в архивах, он упомянут в качестве зампреда Центральной комиссии по борьбе с безработицей (ЦК Борбез)⁶⁴, заведующего Украинской конторой Центральной инспекции труда⁶⁵. В декабре 1929 г. он возглавлял отдел рынка труда, одновременно был членом Коллегии Наркомтруда УССР, хотя он уже не являлся заместителем наркома⁶⁶.

В дальнейшем спуске Мизерницкого вниз по служебной лестнице я убедился, работая в Харьковском областном архиве над делами о чистке партийной организации Наркомтруда УССР 1929–30 годов. Из них следует, что Мизерницкий, как член коллегии этого учреждения, где-то в начале 1930 г. был исключён из КП(б)У контрольной комиссией Ленинского райкома г. Харькова «за неуплату партвзносов в течение 2 ½ лет и за непосещение партсобраний». К такому же заключению – «за грубое нарушение устава партии [...], за полную оторванность от партжизни – исключить из рядов партии» – 9 мая 1930 г. пришла «провертройка», а ЦК Харьковской областной контрольной комиссии утвердила его 21 мая⁶⁷.

Вопрос о «тов. Мизерницком» (также 9 мая) стоял на повестке дня «общего открытого партийного собрания партячейки Наркомтруда, совместно с комиссией по проверке и чистке членов и кандидатов партии». Согласно имеющемуся протоколу, Мизерницкий обвинялся в том, что он «не хочет откровенно заявить, почему не платил членские взносы, мотивируя лишь тем, что у него появилась „психическая дезорганизация“. Это свойственно лишь интеллигенту, а не большевику. Большинство из выступавших говорило о несовместимости быть членом партии»⁶⁸.

⁵⁹ Мизерницкий О. «Дітей б'ють» // Народний учитель. – 1928. – № 3.

⁶⁰ РГАЛИ, ф.322, оп.4, ед.хр.1, л.9; опубли. в: ПС. Т.3. – С.490.

⁶¹ См.: ЦГАВО Укр., ф.2623, оп.1, ед.хр.3278–3283, 3239.

⁶² Там же, ед.хр.3239, лл.177–207.

⁶³ Там же, лл.262–263 об.

⁶⁴ Там же, ед.хр.3553, л.28.

⁶⁵ ЦГАОО Укр., ф.1, оп.20, ед.хр.3441, л.21.

⁶⁶ ЦГАВО Укр., ф.2623, оп.1, ед.хр.3552, л.3.

⁶⁷ ГАХО, ф.П-20, оп.2, ед.хр.22, л.2.

⁶⁸ Там же, л.14.

Заявление бывшего замнаркома о пересмотре дела об исключении его из партии обсуждалось 7 июля 1930 г. на заседании апелляционной комиссии Харьковской областной контрольной комиссии. Здесь Мизерницкий «признаёт себя виновным и осуждает свои поступки, но говорит, что он для партии не чуждый человек, с революционным движением с 1902 года. За последний год задание ЦК – посылка на хлебозаготовки 2 раза – выполнил». Решение «провертровки» было тем самым отменено, комиссия постановила объявить Мизерницкому «за грубое нарушение партдисциплины [...] строгий выговор с предупреждением», снять его «с ответственной работы на 2 года и послать на низовую работу»⁶⁹. Таким образом, его карьера при Советской власти через десять лет была прервана.

В протоколе вышеупомянутого заседания апелляционной комиссии содержатся сведения из биографии Мизерницкого, которые им не были указаны в цитируемых выше документах. Там, в частности, говорится: «В 1917 г. был заочно избран в председатели Городуправы в гор. Родомысле. [...] Образование – незаконченное высшее. Соц. происхождение – отец имел до революции около 150 дес. земли»⁷⁰. Первое относится к политической деятельности Мизерницкого после Февральской революции, второе – к учёбе в Киевском университете. Относительно своего социального происхождения он в 1925 году однако же указал: «сын служащего». Это новое, в связи с коллективизацией сельского хозяйства, политически опасное свидетельство могло означать: сын «кулака», помещика или же «сельского буржуа»...

Упоминание о дальнейшей деятельности Мизерницкого обнаружилось в стенографическом отчёте XII съезда КП(б)У (январь 1934 г.). Критикуя деятелей сельского хозяйства, член ЦК М.И. Литвин прямо указал: «Во главе Харьковского зоотехнического института был двурушник Мизерницкий, который собрал вокруг себя буржуазно-националистические элементы, протаскивавшие на занятия буржуазно-контрреволюционные настроя»⁷¹.

Этот документ помог пролить свет на местопребывание Мизерницкого после партштрафа. Оказалось, что он в 1931 году стал директором Любомирского совхоза Украинского молочно-масляного треста, однако 7 июля 1932 г., т.е. точно спустя два года после «снятия с ответственной работы», получил дальнейшее назначение по «молочно-масляной линии» – пост директора Харьковского зоотехнического института того же треста в Дергачах⁷². По архивным документам данный вуз имел два факультета: молочное хозяйство и зоотехника, поэтому до 1932 года он официально назывался Харьковский молочно-зоотехнический институт⁷³.

Точная дата увольнения Мизерницкого из данного учреждения неизвестна. В машинописной стенограмме совещания директоров вузов Наркомземли УССР 11–12 августа 1933 г. его имя не упоминается. Однако бросается в глаза, что начало речи представителя «Зоотехнического института» (единственного из всех участников, не названного по фамилии) записано в следующей форме: «Тов. Наш институт находится в том состоянии, что 1 июня мы начали подготовку к учебному году»⁷⁴. При отсутствии критических замечаний в адрес предполагаемого предшественника на посту директора института можно заключить, что Мизерницкий лично выступал на совещании и вскоре был арестован непосредственно после него – ещё до перепечатки стенограммы. Его фамилия была названа в протоколе допроса от 20 июня 1933 г. другого арестованного, который обвинял Мизерницкого в вербовке «учительских кадров для контрреволюционной организации»⁷⁵.

По свидетельству Н.Н. Миронова⁷⁶, бывшего «завгубнаробразом» в 30-е годы репрессировали, но до сих пор не удалось найти документы, которые бы это подтверждали. Правда, есть сведение о том, что в 1947 году он был ещё жив, т.к. один из его московских

⁶⁹ Там же, лл.2–2 об.

⁷⁰ Там же, л.2.

⁷¹ XII З'їзд Комуністичної партії (більшовиків) України. 18–23 січня 1934 р. Стенографічний звіт. – (Х.), 1934. – С.367.

⁷² ЦГАВО Украины, ф.27, оп.13, ед.хр.755, л.35.

⁷³ См.: там же, ед.хр.738, лл.17, 55, 56; ед.хр.739, л.73; ед.хр.876, л.19.

⁷⁴ Там же, ед.хр.860, л.149.

⁷⁵ Архив Службы безопасности Украины, ф.38640, д.1, л.16.

⁷⁶ В беседе с автором (1991 г.).

знакомых получил тогда от него два письма из Кузбасса⁷⁰. Речь идёт о И.А. Соколянском, который с Мизерницким был в дружеских отношениях ещё в харьковский период их деятельности. Из этих писем видно, что последний находился в Кузбассе уже 13 лет. Ему, собиравшемуся, очевидно, вернуться на родину после освобождения из ссылки, дефектолог (сам ставший жертвой репрессии в УССР и потому решивший затем эмигрировать в 1940 г. в РСФСР) пишет 14 сентября 1947 г.: «На Украину не советую возвращаться ни при каких условиях. Довольно, объелись мы этой самой Украиной. Песни малороссийские можно петь и за пределами Малороссии, а малороссийские борщи и колбасы на севере не хуже южных; вот и всё»⁷⁷.

Из писем Соколянского можно заключить, что Мизерницкий, как и другие украинские кадры сельского хозяйства, обвинённые в «буржуазном национализме», был выслан «за пределы УССР» по приговору суда в 1933–34 гг. Как сложилась его дальнейшая судьба и долго ли он прожил, выяснить до сих пор не удалось.

2. НА ДВУХ ПОСТАХ – ПОЧТИ БЕЗ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.П. Ганенко

Что касается Емельяна Петровича Ганенко, одного из преемников Мизерницкого в должности завгубнаробразом Полтавщины, то он значительно меньше был связан с «завколом Горького». Однако в результате знакомства с Ганенко у Макаренко-писателя родилась одна из самых ярких и симпатичных фигур первой части «Педагогической поэмы» – образ Черненко, председателя РКИ. Судя по архивным материалам, он действительно исполнял и эту обязанность (зав. Губ.РКИ – рабоче-крестьянской инспекцией)⁷⁸, вначале кратковременно, с января 1922 г., уполномоченным, а потом (самое позднее с мая) – на штатной должности, руководя при этом и отделом наробраза⁷⁹. Вопрос о назначении Ганенко завгубОНО решился на 5-ом губсъезде Советов Полтавщины⁸⁰, который проходил с 4 по 6 декабря 1921 г.⁸¹, а утверждение его должно было состояться на заседании президиума Полтавского губисполкома 20 января 1922 г. В соответствии с постановлением однако речь идёт лишь об утверждении его уполномоченным⁸². Однако уже в июле 1922 г. он был снят не только с зав. РКИ (его приёмником на этой должности стал И.А. Кастерниц)⁸³, но и, очевидно, со второго поста. Во всяком случае, последнее упоминание о Ганенко как председателе постоянно действующего Особого совещания при завгубОНО датируется 23/24 июня того года⁸⁴.

Во времена нэпа последовали основательные перемены: большое число детских учреждений, финансирование которых обеспечивалось централизованно, перевели на местный бюджет. Это, как известно, коснулось и колонии им. М. Горького, перешедшей на бюджет Губисполкома. Решение было принято на основании дел вышеназванного Особого совещания 15 июля 1922 г., исходя, однако, из того, что колония осуществляет «переход на полную самокупаемость, которая может произойти после урожая 1923 года»⁸⁵.

Кстати, о прогнозе, что «через год, при небольшой помощи, колония сумеет перейти на самокупаемость», также говорится и в докладе о состоянии полтавских «детдефективных учреждений» от 12 июня 1922 г.⁸⁶. Макаренко, очевидно, узнал об этом изменении только в декабре того года, вернувшись из Москвы, где он прервал учёбу; во вся-

⁷⁷ Архив лаборатории изучения и воспитания слепоглухонемых детей им. проф. И.А. Соколянского, М.

⁷⁸ ГАПО, ф.Р-3872, оп.1, ед.хр.452, л.39.

⁷⁹ Там же, ф.Р-1503, оп.1, ед.хр.11, л.149; ед.хр.12, л.203; ед.хр.106, лл.121, 175; ф.Р-3872, оп.1, ед.хр.806, л.67; Бюлетень Губернального відділу народної освіти на Полтавщині (далее . Бюлетень) – 1922. – № 2. – С.24.

⁸⁰ См.: Отчёт о деятельности Полтавского Губернского Исполнительного Комитета 1922 г. – Полтава, 1922. – С.446–447.

⁸¹ См.: Бюллетень 5-го губернского Съезда Советов Полтавщины. – Полтава, 1921. – С.1, 62.

⁸² ГАПО, ф.Р-3872, оп.1, ед.хр.760, л.60 об.; см. также: там же, ф.Р-1503, оп.1, ед.хр.106, л.5.

⁸³ ГАПО, ф.Р-1503, оп.1, ед.хр.64, л.231.

⁸⁴ Там же, ф.Р-3872, оп.1, ед.хр.806, л.126.

⁸⁵ Там же, лл.96, 101.

⁸⁶ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.2, ед.хр.1687, л.3; публ. (с пер. в нем. яз.) в кн.: Забота. – С.4.

ком случае, именно в то время он сообщил о данном факте в письме своему начальнику из Наркомпроса М.Н. Котельникову⁸⁷, который инспектировал колонию в сентябре 1922 г.

Черненко в 1-ой части «Педагогической поэмы» дважды проявляет себя «другом в беде»: он передаёт колонии им. М. Горького займы двух лошадей (гл. «О живом и мёртвом») и срочно направляет в её филиал в Ковалёвке воспитательницу Ольгу Самсоновну, которая, правда, оказалась проституткой (гл. «Изверги второй колонии»). Последний эпизод, очень удачный в литературном плане, но нереальный (по меньшей мере в отношении полтавской колонии), был изъят в 1937 году⁸⁸ и в ханжеском советском обществе больше никогда не печатался (если не считать того обстоятельства, что в последний год существования СССР совершенно неожиданно был опубликован украинский перевод эпизода в одной из книг писателя Б. Хандроса⁸⁹). В основе его лежит соответствующее примечание в записной книжке Макаренко за лето 1931 г.: «Тема. Проститутка, попавшая в хороший детский дом в качестве воспитательницы»⁹⁰.

История же с лошадьми, напротив, подтверждается документально. О ней упоминает Макаренко в докладной записке колонии им. М. Горького 19 марта 1923 г.: «На две лошади, переданные нам весной 1922 г. т. Ганенко, одновременно занимавшим должности завгубоно и председателя РКИ, до сего дня претендует Госконтроль и грозит их отобрать в самый разгар посевной кампании. Колония находится в таком затруднительном положении, что ей остаётся только одно: не отдавать лошадей, рискуя всякими неприятностями, но зато с надеждой выиграть несколько рабочих дней»⁹¹. По этому документу жатка, фигурирующая в «Поэме» как полученная в обмен на одну из лошадей, взятых займы, была куплена благодаря хорошему урожаю 1922 года (который, вероятно, послужил основанием для ошибочного прогноза «полного самофинансирования» этого воспитательного учреждения в ближайшем будущем).

Как видно из перечня «Типов и прототипов персонажей „Педагогической поэмы“» (№ 46), Макаренко вначале предполагал оставить Черненко и в последующем тексте книги: «Помогает колонии в борьбе за дом и мельницу, помогает переезду в Куряж. Активно сочувствует объединению колоний»⁹².

Кем же являлся прототип этого необычайно отзывчивого и связанного узами дружбы с колонией им. М. Горького⁹³ человека, фамилия которого в материалах «Поэмы» дважды названа⁹⁴, однако в списке «друзей» и «врагов» не значится?

Из его личного дела в Губисполкоме Полтавщины (август 1921 г.) следует, что Ганенко родился в 1878 году, по национальности украинец, для которого, как и для Макаренко, русский язык был родным⁹⁵. В его послужном списке в графе «прежнее звание (крестьянин, мещанин, дворянин)» внесено «рабочий», основная профессия – «слесарь», на вопрос, умеет ли он читать и писать, дан ответ «домашнее» (образование)⁹⁶, означавший, наверняка, что школу он не посещал, но получил некоторые знания путём самообразования. Во всяком случае, у Ганенко, как у Лесовика, было пролетарское происхождение «рабочего-выдвиженца».

Из того же документа явствует, что в 1899 году Ганенко стал членом партии эсеров и за нелегальную политическую деятельность дважды привлекался к суду; в конце концов в 1905 году был приговорён Одесским Военным окружным судом «по 102–106 статьям» к 16 годам каторги. На вопрос о том, «на какой должности служил в дни Февральской революции», он ответил: «на партийной работе». Во время Октябрьской революции Ганенко, исходя из послужного списка, стал «членом Полтавского Губисполкома». Но был ли он

⁸⁷ ПС. Т.8. – С.12.

⁸⁸ См.: СС. Т.3. – С.221–223, 312.

⁸⁹ Хандрос Б. Формула таланту або повість про сина і батька. – К., 1991. – С.67.

⁹⁰ Архив лаборатории «Макаренко-реферат», Марбург.

⁹¹ ПС. Т.8. – С.245. Здесь, как и в машинописной копии (РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.364, лл.1–7), которая послужила основой для этой публикации, ошибочно указана дата – весна 1921 (вместо 1922) г.

⁹² ПС. Т.3. – С.481.

⁹³ См.: СС. Т.3. – С.138; ПС. Т.3. – С.93.

⁹⁴ РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.1, лл.8–9; опубли. в; ПС. Т.3. – С.490.

⁹⁵ ГАПО, ф.Р-3872, оп.1, ед.хр.1183, л.4.

⁹⁶ Там же, л.3 об.

«коммунистом» (это относится к вопросу о партийности), т.е. членом «победительницы истории», под которой подразумевалась КП(б)У, неизвестно и маловероятно. В регистрационной карте, заполненной, видимо, тогда же, указанный срок «партийной работы» – 22 года, а срок «советской работы» – 5 лет⁹⁷.

Некоторые дополнительные данные имеются в фондах бывших партархивов Полтавской и Харьковской областей (в них, впрочем, есть разные даты рождения Ганенко – 1877 г.⁹⁸, 1878⁹⁹ и 1880 г.¹⁰⁰). Там же находятся и материалы заседания Коллегии ЦКК КП(б)У от 17 ноября 1924 г., где по личной просьбе Ганенко, работавшего в то время во Внешторге, вынесено постановление «затребовать список и материалы, касающиеся восстановления стажа боротьбистов», т.к. по свидетельству Ганенко, стаж (видимо тот, который он указывал с 1899 г.) был засчитан ему при слиянии боротьбистов с большевиками, а в личном деле стаж значится с 1920 года. Через 11 дней Президиум ЦКК КП(б)У предложил Ганенко «представить данные, подтверждающие его прежнюю революционную работу», т.е. до 1920 года у эсеров и боротьбистов¹⁰¹. Тогда он также обвинялся в нечистоплотности во время его членства в боротьбистах. Как следует из протокола заседания «губпровертройки» от 3 апреля 1925 г., Ганенко, «член нашей партии с 1920 года», работающий в данный момент на «Донуголе», обвинялся в «экспроприации денег компартии в 1919 г.». Дело было передано партколлегии контрольной комиссии¹⁰². В списке харьковского отделения Всеукраинского общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев (1 декабря 1932 г.), к которому принадлежал с 1925 года и Ганенко (1880 г.р.), он значился как «чл. КП(б)»¹⁰³. Правда, согласно протоколу заседания Всеукраинской проверочной комиссии по проверке членов общества от 3 марта 1932 г. его исключили из него вначале сроком «на год за пьянство»¹⁰⁴, а затем навсегда¹⁰⁵.

К колонии им. М. Горького Ганенко вовсе не так благоволил, как это можно было бы предположить на основании образа Черненко в «Педагогической поэме». Из писем и докладных записок Макаренко в 1923 году явствует, что в «области хозяйства [...] колонии не пришлось ни разу попасть на особенную заботу губОНО, как некоторым другим учреждениям»¹⁰⁶. Как известно, речь тогда шла о двух проблемах: ремонте «второй колонии» и аренде находящейся на территории данного филиала паровой мельницы, выгода от эксплуатации которой в собственном бюджете колонии Макаренко (как он это обещал), дала бы финансовый выигрыш для ремонта. В заявлении от 26 июля 1923 г., направленном одному из преемников Ганенко в ведомство губОНО, завкол поясняет это: «К сожалению, в вопросе об аренде колония, возлагавшая надежду на обещанную поддержку со стороны очень влиятельного в Полтаве завгубнаобразом т. Ганенко, потерпела полную неудачу, так как именно тов. Ганенко поддержал не колонию, а другого кандидата на аренду»¹⁰⁷.

Адресат этого послания – З.С. Фиалковский, который в ноябре 1922 г., в связи с ликвидацией Кременчугской губернии, где он уже занимал должность завгубнаобразом¹⁰⁸, был переведён в Полтаву¹⁰⁹. Там Фиалковский руководил губОНО или (как этот отдел назывался с 1923 года) губинспектурой по наробразу до конца 1925 г.¹¹⁰ –

⁹⁷ Там же, л.4.

⁹⁸ Там же, ф.П.2, оп.1, ед.хр.5, л.56.

⁹⁹ Там же, ф.Р-3872, оп.1, ед.хр.1193, л.4.

¹⁰⁰ Там же, ф.П.2, оп.1, ед.хр.20, л.123; см. также: ГАХО, ф.П-8, оп.1, ед.хр.20. л.54: в 1925 г. – «45 лет».

¹⁰¹ Там же, ф.Р.2, оп.1, ед.хр.20, лл.95, 123.

¹⁰² Там же, ф.Р-8, оп.1, ед.хр.20, л.54.

¹⁰³ ЦГАВО Укр., ф.808, оп.1, ед.хр.107, л.31.

¹⁰⁴ Там же, лл.9, 19.

¹⁰⁵ См.: там же, л.56.

¹⁰⁶ Там же, ф.166, оп.4, ед.хр.937, лл.20–21 об.; опубл. в сб.: А.С. Макаренко. (Кн.10). – Львов, 1978. – С.122–125 (здесь – с.124); ПС. Т.1 – С.25–27 (здесь – с.26).

¹⁰⁷ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.4, ед.хр.937, лл.17–18; опубл. (с датой 28 июля 1923 г.) в: Советская педагогика. – 1991. – № 5. – С.107.

¹⁰⁸ См.: ЦГАВО Укр., ф.166, оп.2, ед.хр.83, л.32.

¹⁰⁹ ГАПО, ф.Р-1503, оп.1, ед.хр.106, л.226; ЦГАВО Укр., ф.166, оп.2, ед.хр.850, л.170; оп.3, ед.хр.87, л.49.

¹¹⁰ См.: ЦГАВО Укр., ф.166, оп.6, ед.хр.85, лл.95–97.

дольше, чем четверо его предшественников вместе взятых. Кроме Мизерницкого, Лесовика и Ганенко речь здесь шла и о Н.И. Рыбникове (1884 г.р.), «служащий книжной отрасли» по профессии, с домашним образованием, который в середине февраля 1921 г. на заседании президиума Губкома КП(б)У представлялся так: «Я человек новый, в исполнение Зав. Губотделом Наробраза вступил недавно»¹¹¹. После реорганизации губОНО (в июле 1921 г.) Лесовик вновь стал завгубнаробразом¹¹², а Рыбников же после второго срока на этом посту (осенью 1922 г.¹¹³), получил весной 1924 г. – в качестве преемника некоего т. Зайденвурма¹¹⁴ – должность председателя губРКИ¹¹⁵.

Фиалковский, ровесник и коллега Макаренко (педагог по образованию), с ноября 1919 г. был членом КП(б)¹¹⁶. Имя этого деятеля, как и имя его заместителя (с 1922 г.) С.М. Фридмана¹¹⁷, стоит наряду с именами Мизерницкого и Ганенко в списках возможных прототипов из сферы горьковской колонии¹¹⁸, однако об их отношении к заведующему ничего неизвестно. В то время как Фиалковский, который в 1925 году в Харькове занимал посты председателя Плановой комиссии и Окрисполкома¹¹⁹, а позже исполнял руководящие функции в аппарате Наркомпроса УССР¹²⁰, Фридман в середине 20-х гг. переехал в Москву, где с 1927 года руководил организованным там Центральным институтом повышения квалификации педагогов. В специализированной прессе он раньше и радикальнее, чем, например, В.Н. Шульгин, обратил на себя внимание как критик научно-педагогических исследований¹²¹. В 30-е годы Фридмана репрессировали, а дальнейшая судьба Фиалковского до сих пор неизвестна.

То же самое следует сказать и о Ганенко. Долгое время о нём не удавалось получить каких-либо сведений. Однако можно предположить, что из-за принадлежности в прошлом к партии эсеров и обществу политкаторжан он стал жертвой террора 30-х годов.

Подтверждением этого служит информация, полученная из архива Управления Службы безопасности Украины по Полтавской области¹²² уже после окончания работы над данным портретом: Ганенко, родившийся в 1880 году в г. Конотопе Харьковской губернии, арестован 28 марта 1933 г. в Харькове. В это время он был «пенсционером» и «беспартийным», т.е. уже исключён из КП(б)У. Совместно с другими 24 лицами, бывшими «красными партизанами», он шёл по делу о «террористической контрреволюционной деятельности и подготовке восстания против Советской власти». 23 ноября 1933 г. тройка ГПУ УССР присудила ему ссылку на 3 года в братскую республику Казахстан. Есть основания предполагать, что этот убеждённый социалист, переживший 12 лет царской каторги, не смог пережить относительно короткую социалистическую ссылку под жарким солнцем Средней Азии...

3. «ЖЕНЩИНА, ИШУЩАЯ ЛЮБВИ»

Е.А. Бакич

«Педагогическая поэма», часть 2-я, глава «Кувшин молока». Колония им. М. Горького ожидает визита высокого начальства из Харькова – инспектора украинского помдета Боковой. На привокзальной площади в Полтаве завкол и Антон Братченко, подъехавшие

¹¹¹ ГАПО, ф.П-9022, оп.1, ед.хр.19, л.71.

¹¹² Там же, л.95.

¹¹³ Назначение Рыбникова на должность завгубОНО состоялось 13.09.1922 г.; ГАПО, ф.Р-3872, оп.1, ед.хр.1345, лл.1 об, 2. См. также: ГАПО, ф.Р-1503, оп.1, ед.хр.106, л.175; ЦГАВО Укр., ф.2717, оп.1, ед.хр.40, л.41.

¹¹⁴ См.: ГАПО, ф.Р-1503, оп.1, ед.хр.323, л.31.

¹¹⁵ Там же, ф.Р-495, оп.1, ед.хр.10, л.5.

¹¹⁶ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.8017, л.2.

¹¹⁷ См.: там же, оп.3, ед.хр.100, л.50; ГАПО, ф.Р-1503, оп.1, ед.хр.106, л.175, ф.Р-3872, оп.1, ед.хр.806, л.67.

¹¹⁸ РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.1, лл.8, 9; опубли. в: ПС. Т.3. – С.490.

¹¹⁹ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.8017, л.2.

¹²⁰ См.: там же, лл.2, 4; оп.8, ед.хр.39, л.79; ЦГАОО Укр., ф.1, оп.20, ед.хр.3447, л.6.

¹²¹ См.: *Krüger-Potratz M.* Absterben der Schule oder Verschulung der Gesellschaft? Die sowjetische Pädagogik in der Zweiten Kulturrevolution 1928–1931. – München, 1987. – С. 101–105.

¹²² Ответ на имя Ю.И. Шаповала (1997 г.).

на парном фазтоне колонии, внимательно осматривали «всех старушек и вообще женщин наробразовского стиля», приехавших поездом из столицы. Перед ними же появилось «существо абсолютно неожиданное: лёгкое серое пальто в большую клетку, из-под пальто кокетливые шёлковые ножки. А лицо холёное, румяное, и ямочки на щёках высокого качества, и блестящие глаза, и тонкие брови. Из-под кружевного дорожного шарфа смотрят на нас ослепительные локоны блондинки. [...] / Бокова впорхнула в экипаж, заменив окружающий нас привокзальный воздух каким-то другим газом, ароматным и свежим. Я подальше отодвинулся в угол сидения и был вообще очень смущён непривычным соседством. Товарищ Бокова всю дорогу щебетала о самых разнообразных вещах. Она много слышала о колонии имени Горького, и ей ужасно захотелось посмотреть, „что за такая колония“».¹²³

Вот таким образом была показана в «Педагогической поэме», как известно, представительница «дамсоцвосо» Мария Кондратьевна Бокова, которая быстро почувствовала себя вольготной среди «горьковцев», обещала помочь им получить срочно требовавшиеся для ремонта шесть тысяч рублей в обмен на приём сорока направляемых в колонию детей. В соответствии с сюжетом книги она работает в Губсоцвосе на той же должности, которую занимала прототип этой симпатичной фигуры: Елена Аркадиевна Бакич (1895–1975).

Из двух документов, находящихся в макаренковском фонде РГАЛИ, следует, что Елена Бакич работала с февраля 1922 по февраль 1923 г. в Полтавском губОНО замзавом подотдела Соцвоса и заведовала секцией Охраны Детства¹²⁴. В той же биографической справке¹²⁵ говорится о том, что она руководила губсоцвосом. Мне удалось найти также два подписанных ею в этой должности документа: письмо Полтавского губсоцвоса в Главсоцвос НКП УССР от 11 июля 1922 г. по поводу ремонта в Ковалёвке¹²⁶ и циркуляр «Всем Уездсоцвосам Полтавщины» от 22 августа того же года¹²⁷. Как председатель Губсоцвоса с июня по октябрь 1922 г. она принимала участие в упоминавшихся уже особых совещаниях при завгубОНО¹²⁸. По всей вероятности, она стала преемницей «тов. Виктора», который не позже чем с весны 1921 г. фигурирует в документах как завгубсоцвосом¹²⁹, а также значится в макаренковских перечнях возможных прототипов для «Педагогической поэмы»¹³⁰. Из названных источников вырисовывается следующая картина.

Елена Бакич («основная профессия» – учительница, семейное положение – замужем) в мае 1919 г. вместе с воспитанниками колонии для детей железнодорожников была эвакуирована из Москвы в Полтавскую губернию, где она руководила детской коммуной в Кобелякском уезде. После возвращения её воспитанников в Москву она вначале работала в Кобелякском отделе наробраза. Также к этому времени (январь 1921 г.) она вступила в КП(б)У. Решение Кобелякской уездной комиссии о членстве Бакич (без имени и отчества и даже без инициалов) в партии было утверждено в соответствии с протоколом заседания Полтавской губкомиссии по пересмотру, проверке и чистке КП(б)У от 8 ноября 1922 г.¹³¹

После её деятельности в Полтавском губОНО (где она, как об этом сказано в «Педагогической поэме» под фамилией Бокова, «в некоторой мере наблюдала за нами»¹³²) Елена Бакич вначале была инспектором и замзав Соцвоса в Харьковском губнаробразе¹³³ до тех пор, пока в октябре 1923 г. Губком КП(б) украинской столицы не делегировал её на учёбу в Академию коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. Как подчёркивалось

¹²³ СС. Т.4. – С.10; ПС. Т.3. – С.169–170.

¹²⁴ РГАЛИ, ф.322, оп.4, ед.хр.1112.

¹²⁵ Там же, ед.хр.1113.

¹²⁶ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.2, ед.хр.1687, л.110; опубли. в: Полтавська трудова колонія. – С.133–134.

¹²⁷ Бюлетень. – 1922. – № 5–6. – С.15.

¹²⁸ ГАПО, ф.Р-3873, оп.1, ед.хр.806, лл.67, 96, 126, 143, 145, 149.

¹²⁹ ЦГАВО Укр., ф.539, оп.1, ед.хр.111, лл.398 об, 600 об; РГАЛИ, ф.166, оп.4, ед.хр.1, л.38. А.А. Фролов в его книге «А.С. Макаренко и педагогика его времени» (Горький, 1988. – С.43) ошибочно считает «Виктора» именем.

¹³⁰ РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.1, лл.8, 9; опубли. в: ПС. Т.3. – С.490.

¹³¹ ГАПО, ф.П-2, оп.1, ед.хр.4, л.187.

¹³² ПС. Т.3. – С.201.

¹³³ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.3, ед.хр.26, л.1.

в её автобиографии, она была среди первых выпускников этого вуза (1926 г.). В период с 1925 по 1929 гг. в московском журнале «Просвещение на транспорте» появились пять её статей по различным проблемам социальной педагогики и школьной жизни. Первая из них подписана двойной фамилией Бакич-Шестакова¹³⁴, под которой также находятся вышеназванные материалы её личного дела в макаренковском фонде РГАЛИ.

В 1932–1943 гг. она руководила редакцией педагогики в «Учпедгизе» Наркомпроса РСФСР и, наконец, до своего ухода на пенсию (1956 г.) была доцентом кафедры марксизма-ленинизма Московского авиационного института им. С. Орджоникидзе.

Макаренко встретил Елену Бакич ещё раз в ноябре 1938 г., когда они оба лечились в Кисловодске. Тогда он говорил ей, что «некоторые черты её деятельности и внешнего облика» были взяты для образа Марии Кондратьевны. Узнала ли она себя раньше и какова была её реакция на это сообщение, в её вышеупомянутой биографии не сказано. Точно так же до сих пор ничего неизвестно об её оценке подчинённой ей в своё время полтавской колонии.

Поскольку Макаренко первоначально предполагал представить Елену Бакич «врагом» горьковской колонии (в данном списке она занимает пятое место), можно заключить, что эта «соцвосовская дама» сыграла в действительности по отношению к ней далеко не положительную роль.

В «Поэме» (гл. «Стрелы Амура»), как известно, речь идёт о том, что Мария Кондратьевна, проводившая даже свой отпуск в полтавской колонии, ищет более близкого знакомства с её заведующим, который всё же не решается на него. Завхоз Калина Иванович Сердюк высказывается по этому поводу:

«— Фигурная женщина, ты знаешь, а даром здесь пропадает. Ты, Антон Семёнович, не смотри на неё теоретически. Она на тебя поглядывает как на человека, а ты, как грак, ходишь без внимания.

— Как тебе не стыдно! — сказал я Калине Ивановичу. — Не хватает, чтобы я и романами занялся в колонии.

— Эх, ты! — крикнул Калина Иванович, по-стариковски закуривая трубку. — В жизни ты в дурнях останешься, вот побачишь...»¹³⁵.

И в этом Антон Семёнович имел возможность вскоре убедиться, а именно, во время ночной прогулки с Калиной Ивановичем через колонийский луг. Об этом в «Педагогической поэме» можно прочесть:

«В отдельной группе тополей стояла хата Марии Кондратьевны и смотрела чёрными окнами прямо на нас. Одно из окон вдруг тихонько открылось, и из него выпрыгнул человек. Направился было к нам, на мгновение остановился и бросился в лес. Калина Иванович прервал рассказ об эвакуации Миргорода в 1918 году и сказал спокойно:

— Этот паразит — Карабанов. Видишь, он смотрит не теоретически, а прагматически. А ты остался в дурнях, хочь и освещенный человек...»¹³⁶.

Данная история, которую подтвердил любимый воспитанник Макаренко Семён Кабалин¹³⁷, упоминается, как известно, и в «Типах и прототипах». Там говорится: «88. (Бакич) Бокова Мария Кондратьевна. Блондинка с ямочками. Завсоцвосом. Женщина, ищущая любви, и прекрасными губками лепечет о соцвосе. У неё маленькая попытка завести роман с зав. колонией, но кончается дело романом с Семёном. / Мило прощается с колонией, отнюдь в соцвосе не разочарованная»¹³⁸.

Нужно отметить, что речь здесь идёт о цитате из оригинала названного списка персонажей. Совместно с другими «деликатными» материалами эта рукопись согласно завещанию Галины Стахивны Макаренко (1892–1962) в течение 30 лет со дня её смерти оставалась закрытой. О существовании этой части наследия педагога-писателя даже специалисты не имели ни малейшего представления. Автор данной работы смог ознакомиться с ней в 1993 году. Анализ документа показывает, что известная до сих пор версия

¹³⁴ См.: Педагогическая библиография (1924–1930). — М., 1967. — С.23, 127, 162, 438, 466.

¹³⁵ ПС. Т.3. — С.311.

¹³⁶ Там же. — С.313.

¹³⁷ В беседе с Л. Пеха (1964 г.).

¹³⁸ РГАЛИ, ф.332, оп.5, ед.хр.2, л.9; см. также: ПС. Т.3 — С.484.

«Типов и прототипов», впервые опубликованная в 1950 году¹³⁹, подвергалась значительной редакторской правке.

4. «В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИЛСЯ...»

М.Н. Котельников

Имя этого дефектолога не значилось ни в одном из списков (1929–1933 гг.) прототипов «Педагогической поэмы». Данный факт сам по себе странный и удивителен, ибо здесь речь идёт, без всякого сомнения, о единомышленнике Макаренко и к тому же о надёжном защитнике интересов полтавской колонии в Наркомпросе УССР к началу тяжёлого времени нэпа. Имеется в виду Михаил Николаевич Котельников, по национальности русский, родился в 1883 году в семье священника, учителя глухонемых в деревне под Уфой¹⁴⁰.

«Был у нас большой друг – старый профессор дефектологии Котельников», – писала о нём украинская детская писательница Оксана Иваненко¹⁴¹, которая тогда, будучи студенткой Харьковского ИНО, проходила практику в полтавской колонии и позже неоднократно приезжала сюда. Мой коллега З. Вайц, ссылаясь лишь на два опубликованных пространных письма завкола Котельникову, называет последнего «единственным наработником [...], который в первые годы существования колонии им. М. Горького занимался ею по-настоящему, и благодаря этому какое-то время играл в жизни Макаренко роль, подобную той, которую позднее сыграл Горький»¹⁴². Тот факт, что Котельников был действительно приятелем полтавского завкола, находит подтверждение в упомянутых письмах. Однако копии ответов дефектолога на них в архивное дело не включены; по всей вероятности, они писались от руки, так же, как и письма Макаренко. Отсутствие его имени в названных перечнях можно объяснить видимо тем, что педагог-писатель просто сразу не вспомнил о нём.

Котельников, как и выпускник Московской духовной академии А.К. Волнин, другой значимый в жизни Макаренко человек, основатель и первый директор Полтавского учительского института, окончил такой же вуз, но только в Питере (1908 г.), а затем ещё курсы учителей для глухонемых (1909 г.) и Петербургскую Педагогическую Академию Лиги образования (1910 г.)¹⁴³. В заполненной им при поступлении в Наркомпрос УССР личной карточке (август 1922 г.) в графе «специальность» значится – «учитель глухонемых, преподаватель словесности»¹⁴⁴. В 1911 году Котельников опубликовал краткий очерк о Первой международной гигиенической выставке в Дрездене¹⁴⁵, написанный так образно, что невольно напрашивается вывод: автор и сам был её участником.

В автобиографии, написанной в 1922 году, о своём выборе профессии Котельников сообщал следующее: «В мире „дефективных“ живу с детства: мой младший брат – глухонемой от рождения. Практиковаться я начал в обучении глухонемых с 1902 г., в училище, основанном в этом году моим отцом. В 1907 г. отец мой ослеп и мир слепых так же стал мне близок»¹⁴⁶.

В 1910–1918 гг. Котельников – директор Уфимского училища глухонемых. Позже руководил основанной им вместе со своей женой – тоже учительницей глухонемых – школой в Челябинске (с осени 1918 по февраль 1919 гг.). Затем он занимал должность инспектора по социальному обеспечению по предложению МВД Сибирского правительства (при Колчаке) в Омске. Уже при Советской власти, до 1922 года Котельников работал в

¹³⁹ Макаренко А.С. Сочинения. Т. 1. М., 1950. – С.673–694; 2-е изд., 1957. – С.674–695; ПС. Т.3. – С.478–489.

¹⁴⁰ ЦГАВО Украины, ф.166, оп.12, ед.хр.3721, лл.5, 11.

¹⁴¹ Цит. в кн.: Фролов А.А. Организация воспитательного процесса в практике А.С. Макаренко: учебное пособие. – Горький, 1976. – С.36.

¹⁴² Weitz S. Makarenko als Pädagoge – Versuch einer Standortbestimmung. В сб.: Makarenko-Diskussionen international. Protokoll des 2. Marburger Gesprächs (1. –4. Mai 1986). Hrsg. v. G. Hillig u. S. Weitz. – München, 1989 – С.141–174 (здесь – с.144).

¹⁴³ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.3721, л.11.

¹⁴⁴ Там же, л.9.

¹⁴⁵ Котельников М.Н. Дрезденская гигиеническая выставка. – Чернигов, 1911.

¹⁴⁶ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.3721, л.11.

ряде учебно-воспитательных учреждений для дефективных детей в Иркутске¹⁴⁷. Осенью 1921 г., во время своего пребывания в Москве на Всероссийской конференции по борьбе с детдефективностью, он «получил от Главсоцвоса РСФСР назначение на должность центрального инструктора по обучению и воспитанию дефективных детей с местожительством в Иркутске» (в его «ведение» входили Уфимская и Челябинская губернии)¹⁴⁸.

Из архивных материалов следует, что Котельников не был членом партии¹⁴⁹. В секретном отзыве председателя Главсоцвоса Л.Р. Менжинской, включённом в его личное дело, он характеризуется «лояльным» по политубеждениям и отношению к РКП и Советской власти «с хорошей работоспособностью»¹⁵⁰.

В Харьков (то есть в поле зрения «завкола Горького») Котельников попал летом 1922 г. В то время несовершеннолетние правонарушители считались в советских республиках «морально-дефективными». В соответствии с «Системой социального воспитания детей УССР» от 25 июня 1921 г. здесь появились учреждения физически, умственно- и морально-дефективных детей¹⁵¹. До мая 1923 г. в Главсоцвосе НКП УССР было три отдела: для «нормальных», «дефективных» и «патологических» детей¹⁵². В рамках реорганизации, проведённой тогда Л.Р. Менжинской, третий отдел ликвидировали и вместо него создали два новых – Отдел охраны детства и Комиссия по Детскому движению¹⁵³.

В 1922 году, когда Котельников начал работать на Украине, «Основные детские дома для морально-дефективных детей» (до 15 лет) и «Трудовые колонии для несовершеннолетних правонарушителей» (для мальчиков-подростков от 15 до 18 лет)¹⁵⁴ в Главсоцвосе находились в ведении «главного инспектора учреждений для дефективных детей». Эту должность с октября 1921 г. занимал И.А. Соколянский, под начальством которого работали два помощника – областные инспекторы левобережной (Харьков) и правобережной (Киев) частей Украины¹⁵⁵. Котельников, назначенный 1 августа 1922 г. (т.е. ещё при Гринько) «инспектором учреждений для дефективных детей Харьковской, Полтавской, Донецкой губерний»¹⁵⁶, уже через несколько недель стал «Харьковским областным инспектором», сменив А.М. Алмазова, который был назначен на должность заведующего трудколонией в Дергачах¹⁵⁷.

Уже первая командировка, куда он направился по приказу предглавсоцвоса В.Д. Бутвина (предшественника Л.Р. Менжинской) 10–21 сентября 1922 г., привела его в Полтаву с ревизией «учреждений для дефективных детей»¹⁵⁸. Кроме школ для слепых и глухонемых, а также губернского колллектора (приёмника-распределителя несовершеннолетних правонарушителей), к ним относилась и колония им. М. Горького. После двухдневного пребывания¹⁵⁹ 15 сентября Котельников в книгу её посетителей среди прочего вписал следующее: «С чувством особого удовлетворения должен засвидетельствовать творческую работу (не экс оффицио) колллектива. Видно, что вся жизнь колонии проникнута бодрой трудовой атмосферой, спаявшей в дружную семью персонал и воспитуемых. Труд и только труд может быть основой перевоспитания морально-дефективных»¹⁶⁰.

В своём инспекторском отчёте Котельников отмечает «колонию М. Горького для морально-дефективных детей» как лучшее из посещённых им учреждений. При этом он особо подчёркивает, что «режим колонии обосновывается на трудовом укладе и на само-

¹⁴⁷ Там же, лл.2, 11 об. –12, 44.

¹⁴⁸ Там же, л.11 об.

¹⁴⁹ См.: там же, лл.1 об., 9, 13, 44; ф.166, оп.7, ед.хр.413, лл.38, 139.

¹⁵⁰ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.3721, л.45.

¹⁵¹ См.: Порадник по соціальному вихованню дітей. Вип.I. – Х., 1921. – С.38.

¹⁵² См.: ЦГАВО Укр., ф.166, оп.3, ед.хр.87, л.3.

¹⁵³ Там же, ед.хр.963, л.78.

¹⁵⁴ См.: Временное положение об учреждениях детей-правонарушителей и дефективного детства Наркомпроса УССР от 15.09.1922 г. В сб.: Руководство по соц. воспитанию. Вып.2, изд.2-е. – Х., 1923. – С.67–71.

¹⁵⁵ См.: ЦГАВО Укр., ф.166, оп.3, ед.хр.963, л.140 об.

¹⁵⁶ Там же, оп.12, ед.хр.3721, лл.12, 83.

¹⁵⁷ См.: ЦГАВО Укр., ф.166, оп.2, ед.хр.1687, л.1; оп.3, ед.хр.868, л.88; ед.хр.963, л.114.

¹⁵⁸ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.2, ед.хр.1687, лл.10, 18.

¹⁵⁹ См.: ПС. Т.8. – С.11.

¹⁶⁰ Сб.: А.С. Макаренко (кн.10). – Львов, 1978. – С.134.

управлении». Описывая жизнь колонии в течение дня, инспектор указывает, что «все дети разделены на отряды, имеющие во главе выборного начальника, ответственного за исполнительность в работе членов отряда». Именно это следует считать первым упоминанием о системе деления детского коллектива на отряды, положенной в основу самоуправления в макаренковской колонии.

Котельников, кроме того, указывает здесь и на то, что в колонии введено «обучение военному строю», что очень нравится детям и «благотворно» влияет на поддержание дисциплины. Самого Макаренко он отметил в этом отчёте как «очень энергичного, живого человека, умелого педагога и хозяина». В заключение, основываясь на своих наблюдениях, облинспектор предлагает «переименовать» это учреждение, официально называемое тогда в НКП УССР «Основной детский дом № 7», исходя из числа и возраста воспитанников, в трудовую колонию, а также «пересмотреть штаты», предоставить субсидию на ремонт зданий и возбудить ходатайство о передаче мельницы (б. Трепке) в ведение колонии¹⁶¹.

Вот с этой-то инспекторской проверки, непосредственно перед отъездом Макаренко на учёбу в Москву, и началась полугодовая опека колонии им. М. Горького Котельниковым. Служебная корреспонденция показывает, как он заботился о своевременном предоставлении завколу или его заместителю докладных записок о распределении и переводе денег из Наркомпроса и сумел в конечном итоге добиться того, что 1 октября 1923 г. как опытно-показательное учреждение колония целиком перешла на центральный бюджет республики¹⁶².

Кроме нескольких посланий чисто служебного характера (без обращения к адресату), сохранились и три личных письма Макаренко с обращением «Многоуважаемый Михаил Николаевич!», два из которых опубликованы. В третьем письме (от 4 декабря 1922 г.), которое до последнего времени было неизвестно, в качестве представителя горьковской колонии он рекомендует своему начальнику О.П. Куриловскую, которая в список персонала колонии от 15 сентября 1922 г. (в раздел «инструктора и ремесленный персонал») введена как «агент в Полтаве»¹⁶³. В письме завкола говорится: «Если Ольга Петровна будет Вам очень надоедать, относите это на мой счёт. Я уверен, что т. Куриловская поможет нам крепче держать равнение по Наркомпросу»¹⁶⁴.

Об этой желанной ориентации на Харьков (финансирование из центрального бюджета) речь идёт и в двух опубликованных письмах. Так, 30 декабря 1922 г. Макаренко пишет: «Я думаю, что 1–2 года харьковской помощи позволят нам создать учреждение, которому не стыдно будет смотреть в глаза людям [...]»¹⁶⁵. А в письме от 31 января 1923 г. в связи с этим читаем следующее: «[...] наибольшее спасибо за то, что не оставили нас на съедение местному бюджету. Я теперь по-прежнему полон сил и надежды, и хочется работать *n* плюс 1 час в сутки»¹⁶⁶. Очевидно, во время одного из вышеупомянутых пребываний в Харькове он узнал о хлопотах Котельникова по поводу финансирования колонии им. М. Горького как опытно-показательного учреждения украинским Наркомпросом.

Во втором письме завкола можно найти «взгляд в гнев» на недостаточное радение местного начальства в Полтаве о колонии: «Два года [...] больше всего нам приходилось бороться главным образом с губнаробразом. Когда я буду стариком, я только с ужасом буду вспоминать это кошмарное учреждение. Через каждые 2 месяца в нём меняются заведующие, инспектора, инструктора, и каждый является с новыми формами варварства и невежества, часто в вопиющих размерах. Я уже не говорю о том, что ни один из них и не подумал обратить внимание на основной гвоздь нашей жизни – организационную работу, ни один из них не заметил каторжного труда воспитателей. Напротив, усилия губнаробраза всегда были направлены к тому, чтобы условия работы воспитателей сделать более тяжёлыми»¹⁶⁷.

¹⁶¹ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.2, ед.хр.1687, лл.10–16 (здесь – лл.10.13); олубл. (с пер. на нем. яз.) в кн.: Завбота. – С.6–9; Полтавська трудова колонія. Ч.І. – С.103–107 (здесь – с.105–107).

¹⁶²

¹⁶³ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.2, ед.хр.1687, л.119 об.

¹⁶⁴ Там же, л.109. Это письмо Макаренко неверно датировал «4/XII 1920».

¹⁶⁵ ПС. Т.8. – С.12.

¹⁶⁶ Там же. – С.13.

¹⁶⁷ Там же. – С.11.

С 3 по 17 июля 1923 г. Котельников вновь поехал в командировку в Полтаву¹⁶⁸. Её задачей стала теперь собственно проверка возможности снова открыть два детдома для слепых и глухонемых. Во время инспекторской проверки в сентябре 1922 г. он нашёл эти учреждения в «таком печальном состоянии», что местный отдел наробраза их вскоре закрыл¹⁶⁹. В июле же 1923 года, по всей вероятности, он посетил и колонию им. М. Горького. Документального подтверждения этому до сих пор не было, однако в Кременчугском музее есть одна недатированная фотография, которая могла бы стать свидетельством данного «радостного события»¹⁷⁰. На ней представлена вся колония в полном составе вместе со своим «спасителем» – Котельниковым в центре. Цветы на переднем плане говорят о том, что это групповое фото снято скорее всего летом, а не осенью (1922 г.) во время первого приезда Котельникова в колонию.

В его служебных бумагах, кроме того, есть и косвенные свидетельства повторного посещения им полтавской колонии в конце июля 1923 г., а также, возможно, пребывания Макаренко в Харькове несколько позже. Так, 7 августа того же года он обращается в Главпрофобр НКП УССР с просьбой «выдать один экземпляр книги «Справочник для поступающих в институты, техникумы, рабфаки и профшколы УССР» (университетов, как известно, тогда в республике не существовало, так как они были реорганизованы в институты) «заведующему трудовой колонией для правонарушителей (!) в Полтаве т. Макаренко». В названных бумагах имеется написанный рукой завкола черновик этого письма с штампом Главсоцвоса, регистрационным номером и датой¹⁷¹. Он, по всей вероятности, был передан Котельникову в колонии или в его кабинете. Уже два дня спустя последний напоминает Полтавскому губоно об «исполняющемся 20 сентября с.г. трёхлетию существования при пролетарской власти» здешней трудовой колонии им. М. Горького и «просит прислать свой отзыв о колонии»¹⁷², возможно, чтобы пробудить интерес местных властей к этой «жемчужине» педагогического опыта. Не получив, по-видимому, сразу же ответа, 5 сентября телеграфом он напоминает о том же завгубОНО¹⁷³, то есть З.Е. Фиалковскому. В служебных материалах Котельникова какие-либо письма или телеграммы от Макаренко по данным вопросам отсутствуют, на основании этого можно также прийти к выводу о вероятной встрече обоих педагогов в то время. Впрочем, в связи с юбилеем колонии 29 августа 1923 г. с просьбой помочь воспитанникам Котельников обращается и в Полтавское губэксовещание. В письме, подписанном также зам. Наркомпросвещения Малышкиным и председателем Главсоцвоса Менжинской, Харьковский облинспектор положительно характеризует колонию, зарекомендовавшую «себя с лучшей стороны, как в отношении педагогическом, так и в хозяйственном»¹⁷⁴.

1 апреля 1924 г. колонии для несовершеннолетних правонарушителей Главсоцвоса НКП УССР перевели из Отдела дефективного детства в Отдел охраны детства, руководимый Галиной Стахивной Салько¹⁷⁵. Новый «шеф», а в дальнейшем жена Макаренко, получила письмо последнего, направленное 30 марта уже наполовину лишённому полномочий Котельникову. Эта реорганизация произошла по соответствующей рекомендации Врачебно-педагогического совета Главсоцвоса, к которому относились и Соколянский и Котельников. Первый, очевидно, и был инициатором вывода учреждений для правонарушителей из компетенции Отдела дефективного детства. Во всяком случае, на заседании совета 27 февраля 1924 г. он выступал с этим предложением. В решении сказано, что «проблема борьба с детской беспризорностью и правонарушениями является одной из задач социальной педагогики» и, следовательно, к дефектологии не относится¹⁷⁶.

¹⁶⁸ См.: ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.3721, л.83 об.

¹⁶⁹ Там же, оп.3, ед.хр.920, л.18.

¹⁷⁰ Педагогическо-меморальный музей А.С. Макаренко, Кременчуг, № 122.

¹⁷¹ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.3, ед.хр.920, л.21.

¹⁷² Там же, л.22.

¹⁷³ Там же, л.23.

¹⁷⁴ Там же, оп.2, ед.хр.920, лл.28–29 об. Как следует из архивного документа, первоначально это письмо было адресовано в Наркомпрод УССР. При его публикации в сб. «Полтавська трудова колонія» (ч.1, с.204–205) данный адресат был сохранён ошибочно.

¹⁷⁵ См.: там же, оп.4, ед.хр.910, л.135; ед.хр.912, л.135.

¹⁷⁶ Там же, ед.хр.867, л.6.

Котельников же, занимавшийся на двух заседаниях Коллегии Упрсоцвосо 23 сентября и 3 декабря 1925 г. планами Макаренко по расширению, т.е. переводу руководимого им учреждения на новое место, и встречался с ним лично ещё раз на втором заседании¹⁷⁷, продолжил работу с дефективными детьми в Наркомпросе УССР. В ноябре 1925 г. в соответствии с заявлением о повышении зарплаты Котельников получил должность старшего инспектора учреждений для дефективных детей¹⁷⁸; тогда же он составил сборник «На новом пути воспитания физически дефективного ребёнка»¹⁷⁹. По данным архивных материалов, в 1931 году Котельников занимал должность «руководителя групп воспитания дефдетства»¹⁸⁰ или «референта по делам просвещения физически дефективных детей»¹⁸¹. Лишь в марте 1932 г., освободившись от своих обязанностей в Упрсоцвосо, он перебрался в только что открывшийся Институт физической дефективности в Харькове, руководимый Соколянским¹⁸². Этим этапом и заканчивается личное дело Котельникова в период его десятилетней работы в НКП УССР.

Ещё одной интересной, но не нашедшей своего отражения в личном деле, стороной его деятельности, которой очевидно касается вышеупомянутое высказывание О.Д. Иваненко, является то, что Котельников работал ассистентом на кафедре «Педагогика личности» в Харьковском ИНО (факультет соцвосо). Это следует из списков преподавателей данного вуза на 1 декабря 1926 г., 1 июля и 1 октября 1927 г.¹⁸³. С декабря 1927 года он также являлся научным сотрудником созданного в Харькове в 1926 году Украинского научно-исследовательского института педагогики (УНИИП)¹⁸⁴, которым руководил А.И. Попов. В последний раз в этом качестве он упоминается в протоколе заседания дирекции института 22 апреля 1932 г., в связи с подготовкой планировавшегося тогда юбилейного сборника статей «Культурное строительство УССР за 15 лет»¹⁸⁵.

О дальнейшей судьбе Котельникова ничего конкретного не известно. По свидетельству Н.С. Маргулис, вдовы И.А. Соколянского¹⁸⁶, он «к 1937 году был уже репрессирован и расстрелян». На соответствующий запрос центральный архив Управления Службы безопасности Украины¹⁸⁷, а также соответствующий архив по Харьковской области¹⁸⁸ ответили, что в их фондах до сих пор не удалось найти документы, которые бы это подтверждали.

5. ИНСПЕКТОР И «СПЕЦКОР» ГОРЬКОВСКОЙ КОЛОНИИ

М.Н. Быковец

Михаил Николаевич Быковец, украинец, родившийся в 1894 году на Полтавщине¹⁸⁹, по решению президиума Коллегии Главсоцвосо НКП УССР¹⁹⁰ в мае 1923 г. был командирован Полтавским губОНО в Отдел охраны детства Главсоцвосо¹⁹¹. Здесь он рабо-

¹⁷⁷ См.: там же, оп.5, ед.хр.681, л.901; ед.хр.682, л.395.

¹⁷⁸ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.3721, лл.63, 84 об; ЦГАОО Укр., ф.1, оп.20, ед.хр.3447, л.3.

¹⁷⁹ На новом пути воспитания физически дефективного ребёнка. Сборник статей и материалов под ред. М.Н. Котельникова. – М., 1926.

¹⁸⁰ См.: ЦГАВО Укр., ф.166, оп.7, ед.хр.409, л.139; оп.10, ед.хр.75, лл.8, 139.

¹⁸¹ См.: там же, оп.10, ед.хр.75, лл.173, 186, 232.

¹⁸² Там же, оп.12, ед.хр.3721, л.85.

¹⁸³ Там же, оп.6, ед.хр.170, лл.8–9; оп.7, ед.хр.131, лл.10–15 (здесь – л.14); Список научно-педагогичного персонала Харківського ІНО на 1 липня 1927 року. В сб.: Записки Харківського інституту народної освіти ім. О.О. Потебні. Т.ІІ. – Харків, 1927. – С.97–99 (здесь – с.99).

¹⁸⁴ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.8, ед.хр.456, л.69 об.

¹⁸⁵ Там же, оп.10, ед.хр.565, л.1.

¹⁸⁶ В беседе с Т.С. Басиловой – старшем научным сотрудником лаборатории в НИИ дефектологии АПН СССР (1992 г.).

¹⁸⁷ Ответ на имя Н.Д. Ярмаченко (1992 г.)

¹⁸⁸ Письмо автору от 14.09.1993 г.

¹⁸⁹ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.6790, л.5.

¹⁹⁰ Там же, оп.2, ед.хр.1666, л.278.

¹⁹¹ Там же, оп.12, ед.хр.6790, л.19.

тал вначале в должности инспектора¹⁹², а с июля 1924 г., после ухода Галины Салько, до января 1925 г. — главного инспектора¹⁹³.

Полтавское личное дело Быковца, к сожалению, не сохранилось. Однако из других документов следует, что с апреля 1921 г. он работал инспектором Губсоцвоса¹⁹⁴, а до перевода в Харьков в его подчинении находилась организационно-педагогическая сфера¹⁹⁵. Вместе с тем он занимал должность замзава Губсоцвосом¹⁹⁶. Очевидно, здесь ему пришлось непосредственно столкнуться с руководимой Макаренко «колонией для правонарушителей».

Об официальных и неофициальных отношениях Быковца с «завколом Горького» в тот период точно пока ничего неизвестно, но можно предположить, что он был благожелательно настроен к колонии и её руководителю. Так, 7 марта 1923 г. статья Макаренко «Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького» была принята и 20 апреля опубликована в журнале «Новими стежками»¹⁹⁷, скорее всего, по предложению Быковца, который 1 февраля 1923 г. стал членом редколлегии данного органа Полтавского губнаробраза¹⁹⁸, где он ранее публиковал некоторые из своих материалов. В анкете Быковца от 2 июня 1923 г. значится, что его статьи в этом журнале публиковались также за подписями «Марчук», «Хр. Невіра». «Я-сум»¹⁹⁹. В перечнях предполагаемых прототипов персонажей «Педагогической поэмы» его фамилия названа дважды²⁰⁰. Однако в разряд «друзей» и «врагов» он не был включён.

В анкете, заполненной по требованию Наркомпроса в июне 1923 г., в графе «социальное происхождение» Быковец указал: «отец — фельдшер, мать занималась хлеборобством»²⁰¹. Он сам, окончив весной 1917 г. Миргородскую гимназию, работал учителем и, видимо, после окончания соответствующих курсов²⁰² с 1918—1920 гг. — инспектором культпросветотдела Миргородского союза потребобществ. Позже, после года работы в уОНО Зенькова Полтавской губернии (членом коллегии), Быковец стал губинспектором²⁰³.

В личной карточке, также заполненной при поступлении на работу в Наркомпрос, значится: «основная профессия — учитель. Организационная работа по социальному воспитанию». «Специальность: история, украинский язык, внешкольная работа с детьми»²⁰⁴. В вышеуказанном анкетном листке в графе «специальность» отмечено: «педагог, журналист»²⁰⁵. Последнее было справедливо, так как в одном только 1924 году журнал «Путь просвещения/Шлях освіти» опубликовал несколько статей Быковца об охране детства на Украине, о трудовой колонии в Дергачах, о детском городке в Кам'янському на Донбассе, о предстоящем Всесоюзном съезде учителей²⁰⁶. Не ограничиваясь педагогической тематикой, Быковец писал также материалы о развитии украинского театра, киноискусства, музейного дела, творчества украинских писателей. В 1923 году он был беспартийным, до установления Советской власти не состоял ни в какой политической партии²⁰⁷.

¹⁹² Там же; оп.3, ед.хр.963, л.78 об.

¹⁹³ Там же, л.140 об.

¹⁹⁴ Там же, оп.12, ед.хр.542, л.2.

¹⁹⁵ См.: Бюлетень. — 1922. — ч.7. — С.23.

¹⁹⁶ См.: ГАПО, ф.Р-1503, оп.1, ед.хр.95, л.24; Материалы 3-го совещания (зав. уОНО) по народному образованию на Полтавщине, 1—5-го января 23 г. — Полтава, 1923. — С.137—138.

¹⁹⁷ Новими стежками. Педагогічний журнал наросвіти Полтавщини. — 1923. — № 2. — С.51—55; см. также: с.100.

¹⁹⁸ ЦГАВО Украины, ф.166, оп.12, ед.хр.542, л.7.

¹⁹⁹ Там же, л.2.

²⁰⁰ РГАЛИ, ф.332. оп.4, ед.хр.1, лл.8, 9; опубл. в: ПС. Т.3. — С.490.

²⁰¹ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.542, л.5.

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же, л.2.

²⁰⁴ Там же, л.7.

²⁰⁵ Там же, л.5.

²⁰⁶ *Быковець М.* Охорона дитинства на Україні в 1923 р. // Путь просвещения. — 1924. — № 2. — С.256—260; Народня освіта в Шахтинській окрузі // Там же. — № 4. — С.258—260; Трудова колонія в Дергачах // Там же. — № 8. — С.235—236; Дитяче містечко в Кам'янському (Шахтинська округа в Донбасі) // Там же. — № 9. — С.274—277; До Всесоюзного Вчительського зїзду // Там же. — № 11—12. — С.265—268.

²⁰⁷ ЦГАОР Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.542, л.5 об.

6 июня 1924 г. Быковец принимал участие в «празднике первого снопа» колонии им. М. Горького и поместил в правительственной газете «Вісти» статью о нём (12 июля)²⁰⁸ – первую публикацию в республиканской прессе о полтавском детучреждении, вышедшую ещё до известной книги Маро «Работа с беспризорными» (осень 1924 г.)²⁰⁹. Вторая статья о руководимой Макаренко колонии («Там, где труд – радость») появилась 10 сентября 1924 г. в киевском журнале «Нова громада». Автором материала значится Мих. Марусик, хотя, совершенно очевидно, что это псевдоним Быковца, так как он здесь же указан в качестве фотографа: «Снимки нашего фотокорреспондента Мих. Быковца»²¹⁰. В этих украиноязычных публикациях он выступает как активный заступник и пропагандист колонии им. М. Горького.

Как преемник Галины Салько в Отделе охраны детства Быковец был ответственен и за полтавскую колонию. Его служебная корреспонденция показывает, что во второй половине 1924 г. наряду с доставшейся ему «в наследство» от Котельникова и затем доведённой до конца проблемой аренды мельницы быв. Трепке²¹¹, он должен был заниматься следующими, косвенно или прямо касающимися работы Макаренко, вопросами: принятие устава детской трудовой сельскохозяйственной колонии; обеспечение учебных мест и выделение стипендий для «горьковцев»; проведение «украинизации» деловой переписки колонии; сокращение числа её сотрудников и (в связи с последним) слияние «первой» и «второй» колонии в Ковалёвке. Кроме того, ему требовалось реагировать на результаты проверки этого воспитательного учреждения прокуратурой.

В дискуссии по принятию устава детской трудовой сельскохозяйственной колонии (к которой относилась и горьковская колония) Макаренко требует экономической самостоятельности этих учреждений и их полной дееспособности: «Организация же жизни и труда каждого детского учреждения должна быть предоставлена ему самому»; вообще «простор инициативе и оригинальному развитию того или иного детского учреждения» не должен ограничиваться «излишней детализацией и регламентацией». В украиноязычном письме от 20 июля 1924 г. он также высказывался против «излишней детализации и регламентации жизни детских учреждений» всякого рода спускаемых сверху уставах, как и вообще против «ненужного бюрократизма»²¹². Поскольку и проекта устава, и его последней редакции до сих пор обнаружить не удалось, на вопрос о том, в какой мере были приняты во внимание предложения Макаренко, нельзя ответить однозначно. Исходя из протоколов заседаний инспекторской коллегии Главсоцвоса, которая прежде всего занималась уставом, можно всё же предположить, что его предложения были учтены. Именно об этом шла речь в решении заседания от 30 июля, где по поводу «Положения о сельскохозяйственных колониях» было сказано: «Отпечатать и внести на утверждение Коллегии ГСВ»²¹³. Повторно эти вопросы рассматривались 13 ноября с решением: «Внести поправки и передать на рассмотрение в Коллегию ГСВ»²¹⁴.

С другой стороны, Быковец – и не только по долгу службы – добавил, что колония им. М. Горького получает от замнаркома просвещения УССР Я.П. Ряппо обещанные ей девять мест на рабфаках для выпускников к началу 1924/1925 учебного года, но не в Кие-

²⁰⁸ *Быковец М.* Свято першого снопа. (В труд. дитячий колонії під Полтавою) // Вісти ВУЦВК. – 1924. № 156. – С.2; также в сб.: Makarenko-Materialien IV. Ucrainica. A.S. Makarenkos pädagogische Tätigkeit im Spiegel der ukrainischsprachigen Presse (1924–1937). Hrsg.: G. Hillig. – Marburg, 1982. – С.3.

²⁰⁹ *Маро (Левитина М.Н.).* Работа с беспризорными. Практика новой работы в СССР. – Х., 1924. – С.61–77.

²¹⁰ *Марусик М.* Там, де праця – радість. (Дитяча трудова колонія імені М. Горького) // Нова громада. Двотижневий кооперативний, літературно-мистецький та економічно-науковий селянський журнал (К.). – 1924. – Кн.31–32. – С.28. Под псевдонимом «Марусик» можно найти некоторые статьи в «Бюллетене» Полтавского губнаробраза (в 1922 г.), в редколлегии которого работал Быковец в должности «секретаря-редактора». Как свидетельствует Н.Н. Миронов, Быковец в 1926 г. опубликовал свои материалы в детском журнале «Червоні квіти» под псевдонимом «Андрій Марусик».

²¹¹ См.: ЦГАВО Укр., ф.166. оп.4, ед.хр.937, лл.15–18, 53–55, 58–66.

²¹² Там же, лл.31–32; опубли. в: ПС, Т.1. – С.34–35 (пер. на рус. яз.); Страдания. – С.9–19 (факс. с пер. на рус. и нем. яз.).

²¹³ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.4, ед.хр.867, л.32.

²¹⁴ Там же, л.61.

ве, как они хотели бы и где обучалось уже несколько бывших колонистов, а в Харькове²¹⁵. Почти одновременно с этим он должен был заниматься политикой украинизации, проводимой тогда Наркомпросом, в лице её «исполнителя»²¹⁶. Так, в циркуляре от 2 августа 1924 г. (подписанном также Соколянским) он указал Макаренко, что, начиная с 1 августа, он как заведующий одной из двух трудколоний Наркомпроса (что касается второй, дело идёт об уже упомянутом учреждении в Дергачах) должен вести делопроизводство колонии только на украинском языке. Поскольку в обоих учреждениях данное распоряжение не выполнялось («в особенности до сих пор ещё поступают в НКП письма на русском языке»), то 29 августа Быковец ещё раз настоятельно напомнил об этом их руководителям: «Для изучения украинского языка и перехода на него было дано 13 месяцев – времени достаточно, и дальнейших отсрочек не будет». Со временем Макаренко пришлось вести переписку, по меньшей мере с начальством колонии в Наркомпросе, на украинском языке.

Это касалось также и составленного Макаренко детального перечня персонала колонии им. М. Горького, вызвавшего упрек Быковца (23 сентября 1924 г.) в том, что в данном учреждении сотрудников больше, чем ему положено по штату²¹⁷. В своём недатированном ответе Макаренко указал на то, что колония размещается в двух местах и что на некоторые должности необходимо нанимать «вторых служащих». Данную ситуацию можно было бы изменить при помощи перевода колонии из Триб и объединения её двух отделений в бывшем поместье Трепке. Но это следовало бы сделать срочно ещё «до морозов»²¹⁸. Быковец присвоил себе предложение Макаренко и представил Коллегии Главсоцвоса «докладную записку о реорганизации Полтавской трудовой колонии им. М. Горького», частично позаимствовав его аргументы, касающиеся быстрой реализации этого плана²¹⁹. Уже два дня спустя данный проект Быковца, как утверждает Н.Н. Миронов, который, судя по протоколу, также участвовал на этом заседании²²⁰, без труда прошёл инспекторскую коллегию²²¹. Таким образом, он способствовал тому, что «горьковцы» уже в середине ноября 1924 г. смогли переехать во «вторую колонию».

Параллельно с этими делами имела место и проверка колонии им. М. Горького «врид (временно исполняющий деятельность) прокурора» Полтавской губернии Д.В. Лондоном, жена которого, упоминавшаяся выше, была завгубсоцвосом²²². Результаты проверки могли представлять новую угрозу работе Макаренко. В том же акте, представленном 23 сентября 1924 г. Наркомпросу²²³, среди прочего, была выражена неудовлетворённость тем, что «воспитательная и культурно-просветительная работа ведётся, но летом, ввиду полевых работ, ведётся слабее», то же самое имеет место и с «читкой газет с разъяснениями», а «собеседований на политтему некому устраивать». Кроме того, в данном акте речь шла о том, что в колонии есть «товарищеский суд из самих воспитанников, и ими порой выносятся несуразные решения, как например, наказания в виде лишения пищи», на что Лондон обратил внимание завкола. К акту от руки дописано: «Колония находится в непосредственном ведении НКПросса, желательно передать её под надзор Губоно»²²⁴. Впрочем, когда через три года была издана книга Лондона и заместителя Генерального прокурора Украины (в последствии зав. Упрлита НКП УССР) И.Д. Фалькевича²²⁵

²¹⁵ См.: там же, л.30; ед.хр.912, лл.337–348; ед.хр.937, лл.23, 26–30.

²¹⁶ См.: Хиллиг Г. К вопросу национального самосознания А.С. Макаренко // Cahiers du Monde russe et soviétique (Paris). – 1989. – № 1. – С.137–158 (здесь – с.140–143).

²¹⁷ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.4, ед.хр.912, л.384.

²¹⁸ Там же, ед.хр.937, лл.49–50 об.; опубл. в: Советская педагогика. – 1991. – № 5. – С.114, 152 (пер. на рус. яз.); Страдания. – С.62–73 (факс. с пер. на рус. и нем. яз.); Полтавська трудова колонія. – Ч.II. – С.5052 (на укр. яз.). Из данного письма следует, что оно является ответом на вышеназванное письмо Быковца от 23.IX. По-видимому, завкол, упоминая о его получении, ошибочно перенос римское I за X, прочтя дату, указанную Быковцем, не как IX, что по-украински читается – вересень, а как XI (листопад) – от 23 ноября 1924 г.

²¹⁹ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.4, ед.хр.937, л.57.

²²⁰ В беседе с автором (1991 г.).

²²¹ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.4, ед.хр.843, л.63.

²²² См.: ГАПО, П-2-1-55, л.39 об.

²²³ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.4, ед.хр.912, л.424.

²²⁴ Там же, л.425.

²²⁵ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.5, ед.хр.709, л.15; оп.8, ед.хр.39, л.77.

о борьбе с беспризорностью и правонарушениями малолетних, там имело место описание системы самоуправления воспитанников и товарищеского суда в колонии им. М. Горького²²⁶.

Представленный Лондоном акт обследования инспекторская коллегия Главсоцвоса рассмотрела 1 октября 1924 г. По докладу Быковца были вынесены следующие решения: 1) договориться с ЦК КСМУ о выделении работника со стажем на должность воспитателя-политруководителя; 2) представить на рассмотрение научпедкома вопрос о наказании детей в виде лишения пищи. Кроме того, инспекторская коллегия выразила мнение, что колония, которая только что стала опытным учреждением, должна остаться в подчинении «центру», то есть Наркомпросу²²⁷. Об этом решении 11 октября Быковец информировал Полтавский Губсоцвос и колонию им. М. Горького соответствующим письмом²²⁸. Таким образом, удалось избежать её новой «провинциализации», однако стрелки колонии были переведены в сторону её «политизации». Спустя девять месяцев она, как известно, получила политрука Л.Т. Ковалю.

Отношение Быковца к Макаренко явно просматривается на примере нижеследующего: на заседании инспекторской коллегии 13 ноября 1924 г., спустя месяц после вызвавшего большой интерес выступления «завкола Горького» на Всеукраинском совещании комиссий по делам несовершеннолетних, он выступил с сообщением о «подготовке к съезду работников Охраны детства». Что конкретно говорил Быковец, неизвестно, однако в протоколе заседания, среди прочего, сказано, что в распоряжение Главсоцвоса для руководителей отделов (Соколянского, Берлин, Быковца) предоставляются три места. При наличии дополнительных мест следует командировать на съезд также «завед. Полтавской колонией – тов. Макаренко» и «окринспектора дефдетства – тов. Котельникова». Участие здесь Макаренко подчёркивалось даже «необходимым»; а в случае отсутствия денег на оплату его командировки «разрешалось снять требующуюся сумму со спецбюджета колонии»²²⁹.

На заседании Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних от 12 декабря 1924 г. в программу съезда, планировавшегося на 25 января 1925 г., было решено включить также тему «Трудовая колония для несовершеннолетних – доклад кабинета социальной педагогики и содоклад тов. Макаренко, заведующего Полтавской колонией им. Горького»²³⁰. С основным докладом должен был, безусловно, выступить А.С. Залужный, приглашённый на работу в октябре 1924 г. на должность заведующего кабинетом социальной педагогики Харьковской опытной станции²³¹. Однако ни в документах, ни в каких-либо публикациях нет никаких заметок о том, что запланированный съезд действительно состоялся.

До сих пор ещё не найдены письма и служебные бумаги колонии им. М. Горького, направленные в последующие месяцы в Отдел охраны детства. Это можно объяснить тем, что в начале 1925 г. опека над руководимой Макаренко колонией передана Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних²³². Данные изменения, очевидно, были вызваны реорганизацией Главсоцвоса в Упрсоцвос, проводившейся при бывшем боротбисте С.Т. Кириченко – преемником старой большевички Менжинской.

Инспектор, а затем старший инспектор Отдела охраны детства Быковец, как, впрочем, и Галина Салько, Соколянский, Котельников, принимал участие в заседаниях инспекторской коллегии и Коллегии Главсоцвоса Наркомпроса, где обсуждались и решались (или передавались для решения в научпедком) очередные проблемы, среди которых были заявления и запросы Макаренко. Это удалось установить благодаря хранящихся в ЦГАОО Украины архивных протоколов заседаний данных органов²³³.

²²⁶ Фалькевич И., Лондон Д. Беспризорность и правонарушения малолетних. – Харьков, 1927. – С.56–60.

²²⁷ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.4, ед.хр.851, лл.691–692.

²²⁸ Там же, ед.хр.912, л.423.

²²⁹ Там же, ед.хр.867, л.61.

²³⁰ Там же, оп.5, ед.хр.701, лл.133–134.

²³¹ См.: там же, оп.4, ед.хр.337, л.38.

²³² См.: там же, оп.5, ед.хр.701, л.116; ед.хр.702. л.27.

²³³ См.: там же, оп.4, ед.хр.843, 867.

В личном деле Быковца находится лист с записями – судя по всему, это черновик «объективки» для заседания Центральной аттестационной комиссии при НКП УССР. На обычном листе бумаги записано: «Быковец Мих. Николаевич, 29 л. Украинец, б/парт. Инсп. соц. прав. Охр. дет. / Отец – владелец аптеки и фельдшер. / Учился в гимназии в Полтаве (!) – окончил в 1917 г. – и в Черниг. институте (!) – не окончил (!). / Учителем. Работал инстр[уктором] Политпросв. отд. в Миргороде. / Работа не особенно интересует. Более интересуется. / Интересуется ? / Член союза Селянских Писателей. При Деникине работал в кооперац.». Эту характеристику с некоторыми неверными и даже дискредитирующими его сведениями можно датировать летом 1924 года.

Под чертой дана вначале положительная (она зачёркнута), с рекомендацией «оставить на службе как ответственного работника», а затем отрицательная резолюция: «Для работы в целом не подходит, считать необх. перевести на работу в Губ. отд. Соцвоса»²³⁴. Если сравнить почерк автора этих двух (отрицательной и положительной) резолюций с характеристикой Г. Салько²³⁵, то по сходству почерков можно заключить, что они были написаны В.А. Арнаутовым, одним из заместителей председателя Главсоцвоса. Здесь следует отметить одну интересную деталь: в предыдущем году Арнаутков отправил в Полтавский губОНО письмо с просьбой перевести «т. Быковца в распоряжение Главсоцвоса» (18 мая 1923 г.)²³⁶, а четырьмя днями раньше его коллега Мизерницкий послал Быковцу телеграмму следующего содержания: «Срочно приехать или дать категорический ответ»²³⁷. Для адекватной оценки такого рода черновых материалов-характеристик нужно принять во внимание, в какой обстановке тогда жили и работали авторы, чего они хотели или должны были добиться. Арнаутков, принятый в это время в партию, хотел, видимо, таким образом продемонстрировать свою «преданность Советской власти».

До того, как в марте 1925 г. Быковец из отдела охраны детства Наркомпроса перешёл в отдел детской книги Госиздата Украины²³⁸, он, будучи представителем Главсоцвоса, принимал участие в работе «Всероссийского съезда по социально-правовой охране несовершеннолетних» (в конце ноября 1924 г. в Москве)²³⁹ и «Правобережного совещания Помдетов» (в начале января 1925 г. в Киеве)²⁴⁰. В последний раз 30 января того же года он значился среди участников «от Наркомпроса» в протоколах заседаний ЦК ПД²⁴¹. Следов его деятельности в издательстве найти не удалось.

В июне 1925 г. как представитель вышеупомянутого украинского союза сельских писателей «Плуг» Быковец принимал участие в совещании Научпедкома, посвящённом вопросам детской литературы²⁴². В том же году в журнале союза «Плужанин» он опубликовал материалы на ту же тему (один из них под псевдонимом «Мих. Марусик»); через год полтавское издательство «Плужанин» выпустило в свет собрание его сочинений с данными материалами, объединёнными названием «За детскую книгу и кинофильм»²⁴³. В июле 1925 г. Быковец вновь посетил колонию им. М. Горького и написал поучительный репортаж «День в трудовой колонии», помещённый 10 ноября того же года в республиканской газете «Народний учитель». В этой статье приводятся несколько кратких высказываний (без ссылки на имя) руководителя этого учреждения: «Напоследок обходим с заведующим колонией, говорим с ночными патрулями, каждый из них с большой глубиной, делимся впечатлениями о прошедшем дне. Слушаю планы заведующего, характеристику «его» хлопцев (их аж 110), слышу жалобы на бюрократизм Наркомпроса, финотдела, – это уже так знакомо мне за 6 лет инспекторской работы по соцвосу. Уставшие оба – я от

²³⁴ Там же, оп.12, ед.хр.542, л.17.

²³⁵ Там же, ед.хр.6790, лл.22, 22 об.

²³⁶ Там же, оп.2, ед.хр.6790, л.278.

²³⁷ Там же, л.272.

²³⁸ Там же, оп.12, ед.хр.542, лл.35, 36.

²³⁹ Там же, л.29.

²⁴⁰ Там же, лл.24, 26; ф.283, оп.1, ед.хр.97, лл.51–54.

²⁴¹ ЦГАВО Укр., ф.283, оп.1, ед.хр.97, л.59.

²⁴² Там же, ф.166, оп.5, ед.хр.678, л.354.

²⁴³ *Марусик М.* За дитячу книжку і кінофільму. Збірка статтів. – Полтава, 1926.

впечатлений, таких интересных, бодрых, он – от обыкновенного 16-часового рабочего дня – идём спать...»²⁴⁴.

В дальнейшие годы следы Быковца теряются, хотя в течение первой половины 1928 г., работая редактором республиканской газеты «Радянське село», он поместил на её страницах около 30 тематических очерков о творчестве русских и украинских писателей, развитии кино, театрального искусства и музеев на Украине, деятелях украинской науки, охране природы, знаменитых женщинах в области политики и науки. Эти статьи, частично с иллюстрациями и снимками, подчёркивают трудоспособность их автора.

Экологическая тематика в его публицистике (статьи о заповедниках «Чапли», «Ново-Аскания») не вызывала подозрения со стороны «идеологического фронта», но обращение молодого редактора «охрана природы – долг всех граждан»²⁴⁵ в период «обострения классовой борьбы», использование репрессивных методов в хлебозаготовительной кампании и нагревание сплошной коллективизации, отвлекало украинских крестьян от социальных проблем. Писать о проблемах чистоты природы в условиях политических чисток считалось тогда ослаблением внимания «на фронте культуры».

Среди множества статей, опубликованных в газете «Радянське село» в первой половине 1928 г., лишь отдельные посвящены вопросам образования и соцвоса. В одной из них он поднимает вопрос о необходимости продвигания всеобщей грамотности населения, которую он считал основой культуры народа²⁴⁶. 23 февраля 1928 г. Быковец вступает в актуальную тогда дискуссию о мерах дисциплинарного воздействия в детских учреждениях, ссылаясь на примеры использования физических наказаний детей розгами, которые встречались в произведениях Франко и Шевченко. Советская система воспитания, неоднократно подчёркивал он, запретила применение методов насилия в школах, но в Полтавском детгородке её применяли, избивая детей²⁴⁷. Можно исходить из того, что ему был известен отклик Макаренко на готовящейся процесс над педагогическим персоналом Лозовской колонии, опубликованный в газете «Харьковский пролетарий» 19 января того же года, хотя упомянутое выше письмо педагога, направленное в редакцию этой газеты, не дошло до читателя. В данном письме Макаренко, как известно, выступил в защиту своего подчинённого бывшего полтавского завкола А.И. Остапченко, который в столице республики предстал перед судом.

Вот, собственно, и всё, что можно сообщить о Быковце. Материала, касающегося его отношения к колонии им. М. Горького, здесь, безусловно, не много, но его всё же значительно больше того, что имеется в советском макаренковедении по данной теме. Несмотря на то, что пока ещё нет никаких ссылок на структуры, задачи, точные названия разных «сфер» (в данном случае учреждений наробраза Украины того времени), о Быковце там всё же имеется единственное упоминание. Речь идёт о комментарии (в форме примечания) из восьмитомника «Педагогических сочинений» к впервые опубликованному письму Макаренко от 30 мая 1925 г. колонистам, учившимся на рабфаке в Харькове. Из фразы в письме «Если увидите Быковца, спросите, почему не едет»²⁴⁸ видно, что завкол ожидал «спецкора» с нетерпением. Он, действительно, вскоре появился в Полтаве, чтобы подготовить материал о ней для украинской учительской газеты. С другой стороны, этот факт, без сомнения, свидетельствует о том, что Быковец работал в то время в украинской столице. Однако в комментарии, опубликованном в 1986 году, говорится: «Быковец М. – в начале 20-х г.г. – работник Полтавского губнаробраза»²⁴⁹.

О судьбе инспектора долгое время не удавалось получить никаких дополнительных сведений, но в 1993 году – в ответ на соответствующий запрос (1992 г.) – из Украинского управления службы безопасности по Харьковской области я получил сообщение о том, что Быковец, который «до ареста работал зав. бюро Харьковского обллитфонда союза писателей [Украины], был обвинён в участии в антисоветской националистическо-террористической организации. Военной Коллегией Верховного Суда СССР 23 октября

²⁴⁴ *Быковец М.* День в трудовій колонії. (В Полтавській трудколонії ім. М. Горького) // Народний учитель. – 1925. – № 45. – С.4; также в сб.: *Ucrainica*. – С.7–8.

²⁴⁵ *Б. М.* Охорона природи на Україні // там же, 1928. – 20 февраля; № 358, с. 6.

²⁴⁶ Рад. село. – 29.04. № 353, с.3.

²⁴⁷ *Быковец Мих.* Хто ще бив дітей? // Рад. село. – 1928. – 23.02, № 335, с. 7.

²⁴⁸ ПС. Т.8. – С.25.

²⁴⁹ Там же. – С.213.

1937 года он осуждён по ст.ст. 54-8, 54-11 УК УССР [и приговорён] к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 24 октября 1937 года в г. Киеве. Сведений о месте захоронения в архивных материалах не имеется. 28 декабря 1992 года Быковец М.Н. реабилитирован Генеральной Прокуратурой Украины²⁵⁰. Единственным дополнением к имеющимся о нём сведениям является примечание «особой значимости» о том, что «Быковец М.Н. на день ареста – 24 августа 1937 года был холост»²⁵¹. Именно это обстоятельство объясняет, почему литератора реабилитировали так поздно. Обычно о процедуре реабилитации заботятся родственники (жена, дети) пострадавшего. Так как у Быковца не было семьи, то эта процедура началась лишь после моего запроса. Таким образом, научное любопытство автора совершенно неожиданно способствовало восстановлению справедливости.

В конце концов мне всё же удалось полностью ознакомиться с его делом. Результаты изучения этих материалов приводят к следующим выводам:

Сигнал об аресте Быковца поступил из Киева. В постановлении оперуполномоченного 3 отдела Управления госбезопасности Харьковского областного управления НКВД УССР от августа 1937 г. (без уточнения даты), подчёркивалось, что беспартийный «литературный работник» Быковец на основании телеграфного распоряжения 3 отдела УГБ НКВД УССР подлежит аресту и отправке спецконвоем в Киев.²⁵² Военный прокурор Харьковского военного округа 19 августа принял решение о содержании Быковца под стражей в спецкорпусе ХОУ НКВД.²⁵³ В Харькове по его месту жительства (дом «Красного писателя» № 5, кв.14) Быковца не оказалось. Он в это время находился в санатории для писателей руководимого им обллитфонда в Лещиновке Ново-Санжарского района, поэтому ордер на обыск и арест («действителен двое суток») был выписан районным отделением НКВД 24 августа.²⁵⁴ Протокол обыска составил в тот же день сотрудник Ново-Санжарского райотделения НКВД в с. Белики Кобелякского района на квартире некоего Гавриша.²⁵⁵ По всей вероятности Быковец всячески стремился избежать ареста. В списке изъятых у него вещей числился «поездной ключ», который чекисты позже передали начальнику железнодорожной станции, что подтверждает мысль о попытке Быковца уйти от преследования и скрыться в селе.

Точной даты отправки писателя в Киев нет. Следственное дело по его обвинению было начато 7 сентября 1937 г. В тот же день помощник начальника отделения 3 отдела УГБ НКВД УССР определил, что Быковец «является агентом иностранной разведки и проводил шпионскую работу» (ст. 54-6, ч.1 УК УССР)²⁵⁶, а поэтому избрал мерой пресечения содержание его под стражей в Лукьяновской тюрьме.²⁵⁷ Спустя неделю тот же помощник предъявил ему обвинение по ст.ст. 54-8, 54-11 УК УССР как участнику «контрреволюционной националистической, террористической организации». Постановление по новому обвинению Быковец подписал 17 сентября 1937 г.

В тот же день состоялся очередной и последний допрос Быковца. На основании протокола допроса²⁵⁸ и материалов следствия, в том числе и показаний других обвиняемых, начальник 8 отделения IV отдела УГБ НКВД УССР 19 октября составил обвинительное заключение. В этом документе значится: «Управлением государственной безопасности НКВД УССР вскрыта и ликвидирована антисоветская, украинская националистическая террористическая организация, руководимая бывшими боротьбистами, ставившая своей главной задачей насильственное свержение советской власти на Украине и установление фашистского строя». Следствием и признанием самого обвиняемого установлено, что он был завербован в упомянутую организацию в 1930 году Степаном Вишней. Судя по обвинительному заключению, в течение 1931–1934 гг., Быковец поддерживал связи с украинскими эмигрантскими организациями во Львове (Польша), передавал им информацию о работе организации. «В целях сокрытия контрреволюционной деятельности участников

²⁵⁰ Письмо ГАХО автору от 14.09.1993 г.

²⁵¹ Письмо ГАХО от 13.06.1995 г.

²⁵² Архив управления СБУ по Харьковской обл., арх. след. д. № 035463, л.6.

²⁵³ Там же, л.2.

²⁵⁴ Там же, л.3.

²⁵⁵ Там же, л.4.

²⁵⁶ Там же, л.1.

²⁵⁷ Там же, л.8.

²⁵⁸ Там же, л.9.

организации Быковец [...] уничтожил материалы архива в 1933 г. – литературного объединения „Ваплите“ и в 1937 г. журнала „Червоний шлях“». В данном документе также подчёркивалось, что «обвиняемый Быковец виновным себя признал» и подлежит суду Военной Коллегии Верховного суда СССР «в порядке закона от 1 декабря 1934 года».²⁵⁹

Согласно данному вердикту, выездная сессия Военной Коллегии Верховного суда СССР на своём подготовительном заседании в Киеве 22 октября 1937 г. приняла решение – «дело заслушать в закрытом судебном заседании без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей».²⁶⁰ В тот же день Быковцу вручили копию обвинительного заключения о предании его суду, которую он собственноручно подписал.²⁶¹

Во время закрытого заседания, которое состоялось 23 октября 1937 г., в последнем слове обвиняемого Быковец просил сохранить ему жизнь, «обещая быть полезным человеком для социалистического общества».²⁶² Приговор о расстреле был оглашён в зале заседания,²⁶³ а 24 октября, как видно из имеющейся справки,²⁶⁴ приведён в исполнение.

Несколько слов о самой справке, размноженной на ротапринте в половину стандартного листа машинописного текста: «Секретно. Справка. Приговор о расстреле [пропуск для фамилии, имени и отчества] приведён в исполнение в гор. ... «...» 193... г. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в Особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР том №.... лист №.... Нач. 12 отд. 1 спецотдела НКВД СССР / Лейтенант Госбезопасности: (подпись)».

Такая экономия бумаги и времени свидетельствует о том, что расстрел «врагов народа» в то время был практически поставлен на конвейерную основу.

6. «ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА»

Р.Л. Берлин

В отношении колонии им. М. Горького такую же положительную роль, как и Быковец, сыграла женщина, педагог с высшим образованием. Однако в отличие от него, Роза Липовна Берлин, 1894 г.р., еврейка, член партии, выпускница Киевского Фрёбелевского педагогического института (1914 г.), член КП(б)У с июня 1917 г., сумела пережить террор. Эти анкетные данные за январь 1923 г. взяты из её харьковского личного дела²⁶⁵. Согласно данным по «Делу слушательницы Берлин Рейзы Алтеровны», взятым из архива названного учебного учреждения (с 3-летним сроком обучения), готовившего женщин-специалистов по дошкольному воспитанию, она родилась в 1892 году и в институте училась лишь два года (1913–1915)²⁶⁶.

В её «Автобиографии» (1923 г.) указывалось, что Роза Берлин родилась в Переяславле Киевской губернии (но ни в анкете, ни в автобиографии сведений о её социальном происхождении нет). С 1914 года до апреля 1917 г. она работала в «Петербургском обществе охраны здоровья детей инструктором и руководителем дошкольного воспитания», а также уполномоченной этим обществом – в Варшаве, Мелитополе и Ярославле. Потом она была занята «по партийной линии» – назначена Владимирским губкомом организатором и заведующим губотделом Собеса и членом Коллегии губнаробраза, в то же время состояла членом губисполкома. При руководстве отделом, Роза Берлин «главным образом обращала внимание на работу по охране детства». После объединения отдела и комиссии по делам несовершеннолетних в единый орган при НКП она ещё («некоторое время») работала во Владимирском губсобесе до 1921 года, пока «по мобилизации РКП»

²⁵⁹ Там же, лл.71–74.

²⁶⁰ Там же, л.75.

²⁶¹ Там же, л.76.

²⁶² Там же, л.77, 77 об.

²⁶³ Там же, лл.78–79.

²⁶⁴ Там же, л.80.

²⁶⁵ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.485, лл.1 об., 2.

²⁶⁶ Гор. архив г. Киева, ф.216, оп.1, ед.хр.63.

не получила направление на Украину²⁶⁷ – в Николаев – на должность завохрдетом и временно замзавгубнаробразом²⁶⁸.

На работу в Наркомпрос Роза Берлин попала в январе 1922 г. сразу на должность председателя Всеукраинской Комиссии по делам несовершеннолетних, стала членом Коллегии Главсоцвоса²⁶⁹. Всеукраинской Комиссии во всех губерниях и трёх округах республики подчинялись находящиеся там местные комиссии с юридическими функциями по несовершеннолетним правонарушителям. Они состояли из педагога в качестве председателя, врача и юриста. Роза Берлин занимала должность председателя Центральной Комиссии по делам несовершеннолетних до ноября 1928 г.²⁷⁰, но её личное дело доведено лишь до 1925 года. В 30-е годы она руководила средней школой в Москве²⁷¹, после войны работала методистом в горотделе наробраза²⁷². Заметка педагога-писателя к «Книге для родителей»: «Р. Берлин и её хозяйство»²⁷³ позволяет сделать вывод о том, что он её знал близко. Как сообщает Л.Т. Коваль²⁷⁴, Макаренко был с ней очень дружен, и «в последние дни своей жизни Антон Семёнович связал свою жизнь с Розой Липовной». Это относится к времени его пребывания в доме отдыха Союза советских писателей в конце марта 1939 г. Однако после внезапной кончины педагога-писателя она поддерживала отношения с Г.С. Макаренко вплоть до смерти последней (1962 г.)²⁷⁵. Сама Роза Берлин скончалась в 1963 году²⁷⁶.

Среди «друзей» колонии она занимает второе место. По свидетельству Л.Е. Кораленко, который в 20-е годы работал в аппарате наробраза в Луганске, Роза Берлин была «очаровательная женщина, опытный культурный работник», одна из «тех немногих сотрудниц украинского Наркомпроса, кто стал на сторону А.С. Макаренко»²⁷⁷. Подобную позитивную картину отражает и «Педагогическая поэма», в которой Роза Берлин послужила прототипом инспектора Наркомпроса Джуриной (первоначально Бройтман). Диспозиция этого персонажа в «Типах и прототипах» (неопубликованный вариант) следующая: «83. (Берлин) Джуриная Любовь Савельевна. Тоже интеллигент, но с очень светлым взглядом на будущее и умеет ощущать тон жизни и тон коллектива. Она верит в колонию безраздельно и увлечена желанием помочь ей, но она человек без темперамента, и это немножко вредит [делу]. Она боится сильной борьбы и поэтому, когда начинается склока, отходит немного в сторону и старается действовать на боковых линиях. Но никогда не теряет уверенности в успехе и веры в силу и удачу партии»²⁷⁸.

О делах горьковской колонии Роза Берлин, видимо, впервые сообщила на совещании Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних 27 июня 1924 г. А 4 июля она доложила членам комиссии: «На этом совещании было заслушано заявление зав. трудколонией в Полтаве о том, что в последнее время в колонию направляются несовершеннолетние моложе 15 лет. Кроме того, детей, которые поступают в колонию, невозможно определённо квалифицировать как правонарушителей, скорее это дети умственно отсталые. Колония считает необходимым иметь более определённый состав, а именно – правонарушителей». Выступление Розы Берлин, без сомнения, основывалось на письме Макаренко от 16 июня к Главному инспектору Охраны детства (Г.С. Салько!), где речь, среди прочего, идёт о том, что «к сожалению, колонии совершенно неизвестны основания, по которым дети направляются в колонию, так как при воспитанниках не поступают ни дела, ни характеристики. Вообще же можно сказать, что поступающие в колонию дети не могут быть точно квалифицированы как правонарушители. Скорее это умст-

²⁶⁷ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.12, ед.хр.485, лл.7, 7 об.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Там же, л.34.

²⁷⁰ Там же, оп.8, ед.хр.417, лл.84, 91.

²⁷¹ См.: Средняя школа (М.). – 1936. – № 11. – С.39.

²⁷² РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.652, лл.2–3

²⁷³ ПС. Т.5. – С.275.

²⁷⁴ В беседе с Н.Н. Оксой (1992 г.).

²⁷⁵ См.: РГАЛИ. Ф.332, оп.4, ед.хр.811.

²⁷⁶ М.Д. Винограда в беседе с автором (1993 г.).

²⁷⁷ А.С. Макаренко, кн.5. – Львов, 1963. – С.161.

²⁷⁸ РГАЛИ, ф.332, оп.5, ед.хр.2; л.8 об.; см. также: СС. Т.5. – С.344; ПС. Т.3. – С.484.

венно отсталые»²⁷⁹. На совещании, руководимом Розой Берлин, по данному поводу была принята следующая резолюция: «Предложить Полтавской губкомиссии широко использовать Полтавскую трудколонию, направлять туда несовершеннолетних правонарушителей, которые трудно воспитываются, ибо вся педагогическая и техническая постановка трудколонии рассчитана исключительно именно на такой состав несовершеннолетних»²⁸⁰.

За развитием колонии им. М. Горького как опытно-показательного учреждения НКП УССР Роза Берлин могла следить постоянно. На заседаниях Коллегии Главсоцвоса и его инспекторской коллегии, в которых, судя по протоколам, она принимала участие, на повестке дня значились следующие вопросы: расширение колонии (24 апреля), выплата карманных денег её воспитанникам (11 июня), увеличение кредитов колонии (21 июля), передача ей мельницы (29 августа) и, наконец, её реорганизация (27 октября)²⁸¹.

Непосредственно после совещания 27 июня 1924 г., но до заседания, на котором Роза Берлин выступила с информацией о нём, в циркуляре от 2 июля, подписанном и председателем Главсоцвоса Соколянским, направленном во все губ- и окркомиссии, а также «т. Макаренко, зав. трудкол. в Полтаве», она впервые сообщила о проекте созыва «съезда по вопросам борьбы с правонарушениями несовершеннолетних». Его планировалось провести в период с 10 по 16 октября того же года. «Завкол Горького» в этом письме назван «практическим работником с большим опытом»²⁸². В приглашении, датированном 1 сентября, предлагалось подготовить доклад на тему: «Меры влияния, которые применяют комиссии, и способы их осуществления (соответствующий присмотр, патронат, трудколонию, совместное проживание подростков, реформаториум и т.д.)». В нём также говорилось: «Желательно было бы в этом докладе со всех сторон рассмотреть и вопросы, которые связаны с воспитанием несовершеннолетних правонарушителей трудколоний (возраст, срок пребывания, режим, ремёсла, меры поощрения и виды наказания, связь с колонией несовершеннолетних после выпуска из неё, место трудколоний в ряду мероприятий, которые проводят комиссии и т.д.). О своём согласии просьба срочно сообщить во Всеукраинскую Комиссию и не позже 20 сентября направить в неё тезисы своего доклада»²⁸³. В данное машинописное приглашение по адресу «тов. Макаренко, зав. Трудколонией в г. Полтаве» были внесены некоторые рукописные изменения и дополнения, сделанные, видимо, Соколянским. Это касается, прежде всего, формы выступления завкола на съезде: вместо «доклада» ему решительно предлагалось выступить с «со докладом на докл. т. Соколянского».

Уже 7 сентября Макаренко выслал в адрес Всеукраинской Комиссии тезисы содоклада с семью пунктами, написанные на русском языке²⁸⁴. Ориентируясь в них на широкий охват тех вопросов, которые были предложены Розой Берлин, завкол впервые предпринимает попытку подвести итог своего четырёхлетнего педагогического опыта. В самом начале тезисов он обращает внимание на то, что «посылка несовершеннолетнего в трудовую колонию должна сделаться главной мерой комиссий». Далее Макаренко требует «улучшения постановки колонии»: «Самое главное, что необходимо сейчас, — отказ от ремесленно-соцвосовского характера хозяйства. Колонии должны быть развёрнуты в солидные хозяйства с таким расчётом, чтобы колония могла организовать по своей периферии сельскохозяйственные коммуны из выпускников или включать их в хозяйство в качестве рабочего или административного персонала».

Кроме того, Макаренко формулирует здесь основные идеи своей концепции воспитания, чётко сориентированной на связь с экономикой: «Режим трудовой колонии должен находить свои формы исключительно в логике хозяйствования. Всё, что вытекает из этой логики (строгая дисциплина, гласный и точный отчёт, фактическое, а не юридическое самоуправление, равенство прав и обязанностей, экономность и точность выражения, ясная, строго приспособленная к делу рабочая организация), обязательны для трудовой колонии. Всё, что противоречит ей, должно быть отброшено, хотя бы оно и рекомендовалось в педагогической теории. [...] В направлении к созданию специальных условий дет-

²⁷⁹ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.4, ед.хр.938, л.29; опубл. в: ПС. Т.1. — С.33.

²⁸⁰ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.4, ед.хр.922, л.183.

²⁸¹ Там же, ед.хр.843, лл.40, 53, 53, 63; ед.хр.937, л.14.

²⁸² Там же, ед.хр.922, л.185.

²⁸³ Там же, л.196.

²⁸⁴ Там же, лл.231, 233–233 об.

ского коллектива необходимо обязательно привнести в этот коллектив начало игры (приблизительно по типу внешних форм скаутизма), интересные и яркие формы коллективных движений, жизнерадостный и бодрый общий тон, гордость своей колонией».

В заключении тезисов Макаренко особо подчёркивает, что «все перечисленные условия принесут пользу исключительно в том случае, если главное внимание НКП будет обращено на организацию такта. В частности, нужно: а) полное и совершенно искреннее игнорирование прошлого воспитанников и их правонарушений; б) полный отрыв от всех судебных и карательных органов, в том числе и от комиссий по делам о несовершеннолетних; в) полный отказ от принудительного держания в колонии и формальной борьбы с побегами; г) обязательный приём в определённом количестве детей, не совершивших правонарушений, по их просьбе и по постановлению общего собрания колонии; д) полный отказ от термина „правонарушители“ или „несовершеннолетние“ в официальных сношениях с НКП и его органами; е) в особенности важен тщательный подбор воспитателей, который должен производиться исключительно руководителем колонии»²⁸⁵.

Другим содокладчиком Соколянского на Всеукраинском совещании в октябре 1924 г. была сама Роза Берлин. Их общая тема: «Методы и принципы воспитательной работы с несовершеннолетними правонарушителями»²⁸⁶.

5 апреля 1925 г. колония им. М. Горького, которая к тому времени была отнесена в непосредственное подчинение Розы Берлин, подверглась новому обследованию, теперь уже со стороны Полтавского губпрокурора Яковлева. В акте проверки положительно оценивалась тесная связь колонии «с ближайшими сёлами»; подчёркивалось, что она «часто своими силами ставит спектакли в своём клубе, на котором присутствуют селяне ближайших сёл». К упущениям в работе колонии прокурор отнёс нижеследующее: «Политобработка колонистов слабая. Руководителя по политработе нет. На эту сторону жизни колонии следовало бы обратить серьёзное внимание». В заключении указывалось, что «необходимо срочно прийти на помощь колонии в деле ремонта зданий, постройки необходимых служб. Живой и мёртвый инвентарь колонии требует обновления»²⁸⁷. О результатах обследования Розу Берлин проинформировал пом. прокурора Республики Фалькевич 21 апреля 1925 г.²⁸⁸. По этому поводу она обратилась в отдел Прокуратуры Республики с письмом от 29 с.м., где говорилось о том, что «Всеукраинская Комиссия по делам несовершеннолетних затребовала от зав. колонией смету на проведение необходимого ремонта колонии. Кроме того, требуется в ближайшее время поездка в колонию»²⁸⁹.

Данный визит Роза Берлин приурочила, по-видимому, ко времени своей командировки в Полтаву с 22 по 27 июля 1925 г.²⁹⁰ Напомним, в «Педагогической поэме» (ч.2, гл. «Осень») Макаренко озадачил инспектора Джуринскую во время её первого посещения колонии, а заодно и своих поклонников сообщением о том, что он «уже три года» не читает «педагогическую литературу»²⁹¹; в оригинале так и дано «педагогическая», а «педологической» (как это напечатано и сегодня) она стала благодаря редакционному вмешательству в издание 1937 года этого произведения после осуждения педологии постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. как «лженауки»²⁹². На упрёки Джуринской в том, что завкол накладывает наказания и даже арест «на хлеб и воду», существование которого засвидетельствовано у Маро как особо суровый приговор товарищеского суда в начальный период жизни колонии: «Месяц на хлеб и воду, при текущей работе, за взлом замка»²⁹³. По данному поводу Макаренко отвечает: «Воспитывать без наказания я не умею, меня ещё нужно научить этому искусству».

В вопросе о переезде колонии на новое место Любовь Джуринская играет главную роль. Во время её второго посещения (вместе с Варварой Брегель и профессором Чайкиным) завкол обращается к ней, как известно, со словами: «Милый, дорогой, родненький

²⁸⁵ ПС. Т.1 – С.37–38.

²⁸⁶ См.: Путь просвещения. – 1924. – № 10. – С.254.

²⁸⁷ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.4, ед.хр.921, л.457.

²⁸⁸ Там же, л.603.

²⁸⁹ Там же, л.602.

²⁹⁰ Там же, оп.12, ед.хр.485, лл.26, 34 об.

²⁹¹ СС. Т.4. – С.143.

²⁹² См.: СС. Т.4. – С.273; см. также: ПС. Т.3. – С.254.

²⁹³ Маро... С.74.

Наркомпрос! Нам здесь тесно и всё сделано. Мы записуем здесь через полгода. Дайте нам что-нибудь большое, чтобы голова закружилась от работы. У вас же много всего! У вас же не только принципы!»²⁹⁴. Джуриная и есть адресат той телеграммы, которую посылает Макаренко от имени общего собрания колонистов: «Настойчиво просим передать Куряж нам возможно скоро [...]»²⁹⁵.

Особая активность Розы Берлин на благо колонии приходится также на время «борьбы за Запорожье» и «завоевания Куряжа». Она принимала участие в двух вышеупомянутых заседаниях Коллегии Упрсоцвоса, где обсуждались планы Макаренко о расширении колонии и её переносе в бывшее поместье Попова под Запорожье (23 сентября, 3 декабря 1925 г.). 12 марта 1926 г. полтавский завкол действительно послал ей подобную телеграмму: «Запорожья ждать невозможно сопротивление большое просим прекратить дело точка здесь тесно просим поставить вопрос передачи нам Куряжа [...]»²⁹⁶. На переговорах с участием представителей окринспектуры наробраза и окркомиссии помдета Роза Берлин выступала от имени Наркомпроса как главное действующее лицо. В архивных делах, кроме соответствующего недатированного письма председателя Упрсоцвоса Кириченко, есть и машинописная копия мандата от 8 апреля 1926 г., из которой следует, что она была уполномочена подписать договор о передаче Куряжской трудкоммунны²⁹⁷.

На совместном заседании президиумов Харьковского окрисполкома и горсовета 23 апреля 1926 г. о переводе колонии им. М. Горького в Куряж, в соответствии со стенограммой, Роза Берлин ещё раз поддержала этот проект. От имени Наркомпроса она дала обещание оставить колонию опытно-показательным учреждением с тем, чтобы не отягощать окружной бюджет. Так как, по её словам, ни в самом Харькове, ни в окрестностях столицы не было достаточно квалифицированного педагогического персонала для оздоровления Куряжской коммуны, она выступила в защиту переезда туда полтавской колонии. И тем самым «правонарушители, которые находятся на территории г. Харькова, будут подобраны в это учреждение [...], т.е. изъяты из улицы».

В ходе заседания Роза Берлин пыталась отвести соображения о переводе в будущем колонии им. М. Горького на местный бюджет. Она допускала, однако, что Наркомпрос в настоящее время отделится от всех незначительных опытно-показательных учреждений, подчеркнув, что это «ни в коем случае» не коснётся полтавской колонии, так как она — «учреждение, которое носит ударный характер, является единственным во всём Союзе (!)». Другой аспект дела, о котором говорила Роза Берлин, заключался в следующем: именно в Харькове «нет до сих пор квалифицированных работников по борьбе с правонарушительским элементом», а в столице у студентов пединститута нет подходящих мест для практики. Те же, кто проходил практику в разрушенной Куряжской детской коммуне, не могли (так там аргументировалось) ничему в ней научиться. «И теперь мы наблюдаем паломничества целых групп [студентов — Г.Х.] в колонию им. Горького, и эти паломничества стоят, конечно, много денег...». Поэтому было бы целесообразно перевести данное учреждение из Полтавы в округ столицы²⁹⁸.

После этого заседания, а именно 28 апреля 1926 г., Роза Берлин сообщила Полтавской окркомиссии по делам несовершеннолетних о скором переводе колонии им. М. Горького «в г. Харьков» и предложила «принять меры, чтобы имение бывш. Трепке осталось за Вашей комиссией для организации колонии для правонарушителей»²⁹⁹. После отъезда горьковцев в Куряж на это место была переведена полтавская колония Лиги спасения детей им. В.Г. Короленко.

До тех пор, пока колония им. М. Горького считалась опытно-показательным учреждением, т.е. до 1 октября 1926 г. (в это время, несмотря на все заверения, её в конце концов всё же перевели на Харьковский окрбюджет)³⁰⁰, Всеукраинская Комиссия и, таким об-

²⁹⁴ СС. Т.4. — С.172; ПС. Т.3. — С.269.

²⁹⁵ СС. Т.4. — С.200; ПС. Т.3. — С.287.

²⁹⁶ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.6, ед.хр.1823, л.22.

²⁹⁷ Там же, лл.39, 46.

²⁹⁸ ГАХО, ф.Р-845, оп.3, ед.хр.3387, лл.265–273 (здесь — лл.268–269, 270–271).

²⁹⁹ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.6, ед.хр.1823, л.11.

³⁰⁰ Там же, ед.хр.3, лл.69–70.

разом, Роза Берлин отвечала за все вопросы, связанные с её «жителями», такими как приём воспитанников, набор и тарифное расписание сотрудников.

В делах с января 1925 по октябрь 1926 гг. содержатся дополнительно некоторые сведения, касающиеся этих вопросов. Они взяты из переписки горьковской колонии (на украинском языке) с Всеукраинской Комиссией. В первом письме (8 января 1925 г.) Макаренко просил «прислать колонии последний колдоговор НКП с Рабпросом», т.к. «без этого договора невозможно сделать тарификацию»³⁰¹. 21 сентября того же года завкол обратился к председателю Всеукраинской Комиссии с подробным письмом в связи с предстоящим предоставлением новых штатов для трудовой колонии к 1 октября, о чём он сам узнал во время одного из посещений Наркомпроса. Здесь он указал на огромную нагрузку и недостаточную оплату сотрудников и руководителя такого учреждения. В отношении колонии им. М. Горького и работающих там в большинстве своём с 1920–1922 гг. штатных педагогов в письме косвенно сказано: «Работа с правонарушителями на протяжении 3-х или 5-ти лет редкое для всего СССР явление»³⁰².

За указанный период завкол дважды просил свою начальницу предоставить ему возможность отдохнуть и переменить обстановку. В заявлении от 18 января 1925 г. он пишет, что хочет получить «отпуск с 1 февраля по 1 марта», а колонию «передать моему помощнику Ивану Раковичу». Своё желание Макаренко обосновывает тем, что «со дня основания колонии (с 1920 г.) [...] отпуска не имел, поэтому очень устал»³⁰³. Ответ на данное заявление был положительным³⁰⁴. Тогда ему удалось съездить в Москву. 22 октября 1925 г. завкол вновь обращается с этой же просьбой, указав уже срок отпуска с передачей колонии своему заместителю В.А. Весичу – очевидно, он хотел уехать тогда в «научную командировку в Москву и Ленинград на 2 месяца», которой его наградила Полтавский окрисполком по случаю пятилетнего юбилея руководимого им воспитательного учреждения, о чём он информировал Горького³⁰⁵. Как видно из резолюции на письмо Макаренко³⁰⁶ и ответа Розы Берлин от 31 октября³⁰⁷, она «не имела ничего против», но ввиду предполагаемого тогда переезда колонии в Запорожье, Макаренко не смог покинуть Полтаву к этому времени.

Часть переписки относится к вопросам приёма воспитанников в колонию им. М. Горького. К примеру, 27 февраля 1925 г. председатель Всеукраинской Комиссии переслала Макаренко «заявление гр. Ермолова» с просьбой «немедленно сообщить, может ли быть принятым в колонию мальчик [15-летний подросток – Г.Х.] и когда именно»³⁰⁸. Поскольку на данное письмо Роза Берлин не получила ответа, по тому же поводу 13 марта срочной почтой к завколу обращается председатель Главсоцвоса Соколянский, – убедительно прося найти места «в колонии для двух мальчиков: один – сын проф. Протопопова, и второй – брат парт[деятеля] Ермолова – сирота. Оба мальчика требуют режима трудовой жизни»³⁰⁹. 15 марта Макаренко писал Розе Берлин в ответ на её запрос следующее: «[...] сообщая, что в колонии имеется одно свободное место и мальчик Ермолов может быть принят в колонию немедленно»³¹⁰. Отказав руководству в одном месте для будущего воспитанника, завколу удалось очень ловко избавиться от хлопот по «перевоспитанию» избалованного сына профессора. Сам В.П. Протопопов был тогда директором врачебно-педагогического кабинета Опытной станции Главсоцвоса, руководимой Соколянским³¹¹; его знали далеко за пределами Украины как известного рефлексолога. Позже, через год, он уже руководил секцией рефлексологии УНИИПа³¹², став равным по рангу коллегой Соколянского.

³⁰¹ Там же, оп.4, ед.хр.912, л.399; опубл. (факс. с пер. на рус. и нем. яз.) в: Страдания. – С.114–116.

³⁰² Там же, оп.5, ед.хр.705, л.556; Страдания, с.158–164.

³⁰³ Там же, оп.4, ед.хр.921, л.401; Страдания. – С.128–129.

³⁰⁴ Там же, л.400.

³⁰⁵ См.: ПС. Т.1. – С.223.

³⁰⁶ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.5, ед.хр.704, л.571; Страдания. – С.167–168.

³⁰⁷ Там же, л.570.

³⁰⁸ Там же, оп.4, ед.хр.921, л.414; Страдания. – С.199–200.

³⁰⁹ Там же, оп.5, ед.хр.697, л.63; Страдания. – С.200.

³¹⁰ Там же, оп.4, ед.хр.921, л.428; Страдания. – С.130–131.

³¹¹ См.: Український вісник експериментальної педагогіки та рефлексології. – 1925. – № 3. – С.52.

³¹² Там же. – 1928. – № 1. – С.189.

Как видно, в отношении приёма питомцев Макаренко проявлял определённую привередливость. Так, по поводу другого «дела» завкол указывает, что он не хотел бы заниматься воспитанием детей, не имевших соответствующего умственного развития. На запрос Всеукраинской Комиссии о возможности «направить несовершеннолетнего Леонида Михайлова, 13 лет, в Полтавскую колонию»³¹³, 30 октября 1925 г. Макаренко ответил: «Как и раньше, прошу Всеукраинскую Комиссию присылать воспитанников в колонию им. Горького без предварительного запроса. Когда в колонии станет очень тесно, я сообщу В.К. / Но вместе с тем очень прошу не присылать воспитанников с интеллектом чрезмерно малым, хотя следует признать, что из Харькова таких ещё не было. / Михайлова Леонида „ожидая“»³¹⁴. После этого воспитанники направлялись в полтавскую колонию с соответствующими предписаниями, но, очевидно, без предварительных запросов³¹⁵. Следует напомнить, что «из Харькова» год назад всё же поступали ребята «с интеллектом чрезмерно малым», но это было ещё в «доберлинское» руководство. Однажды, видимо, произошёл даже обмен воспитанниками: 10 декабря 1925 г. председатель Всеукраинской Комиссии информировала Макаренко о том, что к нему направили несовершеннолетнего из трудколони в Дергачах, а ему было предписано со своей стороны направить воспитанника туда³¹⁶. И 2 апреля 1926 г. замнаркома просвещения Ряппо и председатель Упрсоцвосо Кириченко сообщили всем окркомиссиям по делам несовершеннолетних, что в «колонии всеукраинского значения – Дергачевскую и Полтавскую им. Горького» – несовершеннолетние могут направляться «только с разрешения Всеукр. Комиссии»³¹⁷.

В соответствующем архивном деле находится также и письмо Макаренко от 8 апреля 1925 г., адресованное не Всеукраинской Комиссии, а Упрсоцвосу. В нём завкол просит «разрешения на утверждение по штатам колонии должности агента по поручениям в Харькове», обосновывая это необходимостью «живой связи с НКП», «с группой колонистов-рабфаковцев в Харькове», «с шефом колонии ЦП Рабпроса», а также сокращением «расходов на командировки и поездки», возможностью «намного экономнее» делать «разные закупки»³¹⁸. Обращаясь за утверждением не к Розе Берлин, а прямо к её начальнику в Упрсоцвосе, завкол очевидно надеялся как можно скорее получить от Кириченко – его сокурсника по учительскому институту³¹⁹ – положительный ответ. Однако «старый друг» отказал на том основании, что такая должность не положена по штату колонии³²⁰.

Высокую оценку работы Макаренко председатель Всеукраинской Комиссии давала и позже, когда колония им. М. Горького уже не находилась в её ведомстве. Так, в письме от 29 апреля 1927 г. в Управление исправительно-трудовыми учреждениями НКВД УССР она предлагает повышение квалификации воспитателей Центрального реформаториума (сроком не менее одной недели) в Куряжской или Дергачевской колониях³²¹, а в письме ЦК охраны детства во Всеукрцентрисполком от 8 июля с.г., составленном Розой Берлин, предписывается внести 101.803 рубля для расширения колонии им. М. Горького³²².

В делах Упрсоцвосо находится приглашение Харьковской окринспектуры наробраза 14 декабря 1927 г. «в НКП – т. Берлин» на заседание инспекторов этого ведомства 16 декабря, где значится: «На повестке дня стоит вопрос о колонии им. Горького»³²³. О конкретных вопросах, которые должны были обсуждаться на данном заседании, и участвовала ли в нём Роза Берлин, макарековедению пока ничего не известно.

Однако в заседании УНИИПа 14 марта 1928 г., на котором обсуждались представленные Макаренко планы воспитательной работы коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, Роза

³¹³ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.5, ед.хр.705, л.565.

³¹⁴ Там же, л.575; Страдания. – С.169–170.

³¹⁵ См.: ЦГАВО Украины, ф.166, оп.6, ед.хр.2971, л.1.

³¹⁶ Там же, оп.5, ед.хр.705, л.591.

³¹⁷ Бюлетень Народного Комісаріату Освіти. – 1925. № 5. – С.16–17.

³¹⁸ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.4, ед.хр.921, л.456; Страдания. – С.137–141.

³¹⁹ См.: Центральный государственный исторический архив Украины, ф.321, оп.1, ед.хр.204, лл.209–210.

³²⁰ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.4, ед.хр.921, л.454. Там же, оп.6, ед.хр.2975, л.4.

³²¹ Там же, ед.хр.1234а, лл.55–56.

³²² Там же, ед.хр.2975, л.4.

³²³ Там же, оп.4, ед.хр.2974, л.9.

Берлин определённо принимала участие, но слова не брала³²⁴. Последние следы её деятельности в аппарате НКП УССР были следующими: 2 июля 1928 г. она, как и Макаренко (уже не в роли «завкола Горького», а как представитель ДТО ГПУ УССР), участвовала в совещании при Харьковском окрисполкоме о мерах по борьбе с детской беспризорностью на улицах украинской столицы³²⁵.

26 сентября 1928 г. Макаренко попросил Розу Берлин выдать ему удостоверение, что он «заведовал колонией Горького с 3 сентября 1920 года по 10 сентября 1928». И, как он пишет Галине Салько в тот же день, Роза Берлин оказала ему «наркомпросовскую милость» и предложила «устроить [...] в этом самом удостоверении хорошую характеристику». По словам Макаренко, ему пришлось потребовать, чтобы «в удостоверении было написано, что уволен вследствие несоответствия системы воспитания колонии Горького советским принципам»³²⁶. По всей вероятности, такую характеристику бывший завкол не получил, но в фондах НКП УССР сохранились копии двух документов от 14 и 17 сентября 1929 г. (на русском и украинском языках), удостоверяющих, что «Антон Семёнович Макаренко был заведующим Полтавской, а потом Харьковской колонией имени М. Горького для правонарушителей с 3 сентября 1920 года по 3 сентября 1928 года»³²⁷. Оригинал русского варианта этого документа с неправильными датами, неизвестно для чего понадобившийся Макаренко, хранится в его личном архиве. Для исследователей это было, однако, достоверным источником датирования работы педагога в колонии.

Несколько позже, как это видно из дел Наркомпроса, Роза Берлин разделила типичную для русскоязычной интеллигенции тех лет на Украине, в т.ч. и евреев, судьбу.

Вместе с другими сотрудниками-руководителями этого учреждения, которые не являлись по национальности украинцами, председатель Всеукраинской Комиссии должна была 11 июля 1928 г. сдавать в очередной раз экзамен по украинскому языку, который она в том году, в отличие от предыдущих лет³²⁸, не выдержала³²⁹. Поскольку на пересдачу, назначенную на начало ноября, она вообще не явилась³³⁰, то и была в этом же месяце уволена. Архивные документы Всеукраинской Комиссии по делам несовершеннолетних, деятельность которой тесно связана с именем Розы Берлин, подтверждают, что последнее заседание под её председательством состоялось 24 ноября 1928 г.³³¹ Следующее (8 декабря) уже вела её преемница³³² Броня Абрамовна Виткуп³³³, которая – только вначале! – как новичок в аппарате Наркомпроса освобождалась от ежегодной проверки владения украинским языком³³⁴.

Впоследствии Роза Берлин работала, очевидно, в УНИИПе. Так в «Операционном плане» института по научно-исследовательской части на 1931/32 уч. год (ок. 15 октября 1931 г.) она фигурировала в качестве аспирантки секции педагогики и педсистемы³³⁵, а в «Общем плане научной работы» данного учреждения на 1932/33 год, датированном 1 января 1933 г., Роза Берлин значилась уже как научный сотрудник второго разряда секции истории образования и воспитания в СССР и на Украине. Под руководством Н.А. Григорьева она принимала участие в издательской деятельности секции по изучению марксистско-ленинской педагогики. В связи с подготовкой сборника «Маркс и Энгельс о культуре, просвещении и воспитании», приуроченного к 50-летию со дня смерти Маркса, её имя значится здесь в качестве бригадира, т.е. ответственного за издание³³⁶. А 23 ноября 1932 г. секретариатом Харьковского облпарткома Роза Берлин была назначена руководи-

³²⁴ См.: На вершине «Олимпа». Подборка документов о конфликте Макаренко с представителями украинского «соцвоса» (февраль – март 1928 г.). Сост.: Г. Хиллиг. Марбург, 1991. – С.41.

³²⁵ ГАХО, ф.Р-845, оп.3, ед.хр.1864, л.32.

³²⁶ «Ты научила меня плакать...». Т.1. – С.105.

³²⁷ ЦГАВО Укр., ф.166, оп.6, ед.хр.2974, лл.14, 15.

³²⁸ См., напр.: там же, ед.хр.24, л.11.

³²⁹ См.: там же, оп.8, ед.хр.76, лл.1–3.

³³⁰ Там же, лл.44, 54.

³³¹ См.: там же, ед.хр.417, л.84.

³³² Там же, л.91.

³³³ Там же, ед.хр.76, л.81.

³³⁴ Там же, л.84.

³³⁵ Там же, ф.2717, оп.3, ед.хр.1460, лл.62–63.

³³⁶ Там же, ф.166, оп.11, ед.хр.28, лл.7, 46–48.

Шефы завкола Макаренко (1920-1926 гг.)

телем сектора науки облОНО. Как здесь особо отмечалось, «по совместительству с научно-исследовательской работой»³³⁷. Как вспоминает Л.Т. Коваль³³⁸, ещё до лета 1933 г., когда тогдашнего директора УНИИПа Т.С. Пасика и других учёных-педагогов обвинили в «украинском буржуазном национализме», она «неожиданно уехала из Харькова».

Точная дата переезда Розы Берлин в Москву неизвестна. Во всяком случае, в середине августа 1933 г., в связи с запланированной поездкой в столицу, Макаренко написал жене, что он «обязательно» зайдёт к «Розе»³³⁹.

Г. Хиллиг / Шефы завкола Макаренко (1920–1926 гг.) // Полтавская трудовая колония им. М. Горького. Полемика, документы, портреты (1920–1926 гг.). Сост.: *Гётц Хиллиг*. – Марбург, 2003 (Opuscula Makarenkiana, Nr. 25). – С. 253–327.

³³⁷ ГАХО, П-2, оп.1, ед.хр.21, л.76.

³³⁸ В беседе с Н.Н. Оксой (1992 г.).

³³⁹ «Ты научила меня плакать...». Т.2. – С.190.

Колония им. М. Горького – лаборатория и сцена воспитателя А. С. Макаренко*

Гётц Хиллиг

1. Полтава, весна 1920 г.
2. Из биографии «завкола»
3. «Бесславное начало» трудовой колонии
4. Принцип «сожжённой биографии»
5. Максим Горький – «шеф» колонии
6. Принципы коллективного воспитания
7. «Логика хозяйствования»
8. «Командирская педагогика»
9. «Чистка» наследия классика
10. Воспитательные меры и их взаимосвязь
11. Театрализованные ритуалы в жизни колонии
12. Педагогическое познание и художественное изображение
13. Падение с «педагогического каната»

«Это не больше, как рассказ путешественника об удивительной стране, пребывание в которой ему хотелось запечатлеть. Колония имени Горького кажется мне такой удивительной страной, нравы и обычаи которой и интересно и полезно было бы записать»¹.

Так начинался очерк, напечатанный в Москве в 1928 году. Его автор – педагог и журналистка, в течение трёх месяцев работавшая воспитательницей в Куряжской колонии под руководством А.С. Макаренко.

Перед тем, как вместе пройти по этой «удивительной стране», я хотел бы попытаться хоть немного настроить читателей на место и время событий, итак – город Полтава, год первый украинско-советского летосчисления.

1. Полтава, весна 1920 г.

По обычному календарю этот год значился как 1920. Местная газета «Радянська влада» (Власть Советов) 2 апреля сообщила о судебном деле против председателей педагогических советов и заведующих учебными заведениями г. Полтавы. Речь шла о 32 поимённо названных лицах, обвинённых в нарушении декрета Народного комиссариата труда УССР о переносе праздничных дней. Конкретно же дело заключалось в том, что в этих школах на масленицу не было занятий.

Масленица (масленая или сырная неделя) – первоначально языческий, позже перенятый христианской церковью славянский праздник проводов зимы, который отмечался перед Великим постом. Согласно «Словарю современного русского литературного языка», масленица «связана с обычаем печь блины и устраивать различные увеселения»², куда входит и распитие спиртных напитков, не упомянутое однако в этой авторитетной советской энциклопедии.

«Празднование масленой недели» – цитировалось в газете из обвинительного акта – «есть остатки языческих верований. Это праздник разгула, а учительство г. Полтавы, закоренелое в старых традициях, самовольно отпустило учащихся праздновать масленую», то есть освободило от школьных занятий. При этом представитель обвинения указывал также и на то обстоятельство, что «несмотря на дружественное отношение Советской власти к учительству, оно до сих пор не идёт ей навстречу». Далее в обвинении говорится о «полных гнева и протеста против Советской власти резолюциях, принимаемых

* Расширенный вариант вступительной лекции, прочитанной 30 января 2002 г. по случаю присвоения звания приват-доцента педагогического факультета Марбургского университета.

¹ Остроменцкая Н. Навстречу жизни. Колония имени Горького // Народный учитель (М.). 1928. – № 1–2. С.42–77 (ссылки на: Остроменцкая) (здесь – с.42).

² Словарь современного русского литературного языка. Т.6. – Л. –М., 1957. – Столб.661.

на заседаниях Союза учителей». К тому же «во время деникинщины учительство отчисляло известную сумму для добармии»³.

При этом не следует забывать, что большевики и другие левые партии «окончательно» закрепились у руля политической власти на Украине лишь в конце 1919 г. – начале 1920 г. Вообще, недоверие к ней педагогов (особенно бывших учителей гимназий) по «Стране Советов» в целом сохранялось гораздо дольше. Соответственно ограниченным было и число членов партийной и комсомольской организаций среди учителей. Симптоматичным для этой ситуации являлось и то обстоятельство, что всеобщие конференции учителей стали созываться сравнительно позже. Так, замнаркома просвещения РСФСР М.М. Покровский в канун первого всесоюзного съезда (в январе 1925 г.) писал: «Пять лет назад такой съезд рисковал бы обратиться в антисоветскую манифестацию, ещё два года тому назад, когда о нём уже заходила речь, он был бы рискованной авантюрой»⁴.

По полтавскому делу «о масленице» так называемым Революционным трибуналом, (органом правосудия «для защиты революции и её завоеваний», существовавшим в первые годы Советской власти) был вынесен приговор о заключении каждого из обвиняемых в концентрационный лагерь на две недели. Для того, чтобы не допустить нового срыва занятий, трибунал назначил заключённым отбывать наказание во время летних каникул, а до отбытия наказания определил мерой пресечения подписку о невыезде из г. Полтавы.

Концлагеря для кратковременного интернирования инакомыслящих, как форма изоляции, возникли в 1919 году в Советской России и в 1920 – на Украине, по примеру испанцев (Кубинская революция, 1895) и британцев (Бурская война, 1901). Губернский город Полтава с 70.000 населением в то время тоже имел свой концлагерь; его разместили в здании учительской семинарии, учебном заведении для подготовки педагогов начальных училищ (руководитель: Г.Г. Ващенко), которое по этой причине перевели за город⁵. Учителя полтавских гимназий были одними из первых заключённых нового концлагеря.

Минимальный срок заключения в данном учреждении, зародыше появившегося позже Гулага, вскоре был увеличен до трёх лет на всей территории СССР (высший срок в 1926 г. – 10, а в 1937 г. – 25 лет). После создания концлагерей в гитлеровской Германии, советские учреждения уже с 1 августа 1933 г., очевидно в целях разграничения понятий большевистских принудительных работ от фашистских, переименовали в Исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ).

Всё это относится не только к положению учителей, но и всей интеллигенции при Советской власти. Однако, какое это имеет отношение к цели нашей экскурсии – колонии им. М. Горького и к возглавлявшему её А.С. Макаренко?

Когда рассматривалось вышеупомянутое судебное дело, нашей «удивительной страны» ещё не существовало и в помине, а сам Макаренко – «до тех пор, пока педагогический гений в нём не проснулся» (В. Зюнкель)⁶ – руководил тогда городским начальным училищем в Полтаве. Назначили его на эту должность при «белых» в сентябре 1919 г.⁷. Как ответственный педагог он оставался на своём посту и тогда, когда в декабре того же года власть в городе, а позже и на всей Украине перешла в руки «красных». В уже цитированном газетном материале по поводу дела «о масленице» имя Макаренко среди обвиняемых и осуждённых не упоминалось. Это могло быть связано с тем, что его подопечные по возрасту не относились к разговлявшимся гимназистам, или же с тем, что он как руководитель русскоязычного начального училища дистанцировался от тех своих коллег,

³ В Революционном Трибунале // Радянська влада (Полтава). – 1920. – № 76. – 02.04. – С.1–2.

⁴ Покровский М. К учительскому съезду // На путях к новой школе (М.). – 1925. – № 1. – С.4–9 (здесь – с.9).

⁵ См.: Бенами. В Концентрационном лагере // Вісти/Известия (Полтава). – 1920. – № 107. – 09.10. – С.2; Hillig G. Verbläbte Gesichter, vergessene Menschen... 28 Porträts von „Freunden“ und „Feinden“ A.S. Makarenkos. Bremen, 1999 (ссылки на: Hillig). – С.122.

⁶ Sünkel W. Im Blick auf Erziehung. Reden und Aufsätze. Bad Heilbrunn, 1994 (ссылки на: Sünkel). – С.235.

⁷ Заведующий в школе имени Куракина // Голос Юга (Полтава). – 1919. – № 27. – 07.(20.)09. – С.4.

преподававших в украинских гимназиях, которые после крушения царизма и падения «великорусского ига» находились в состоянии национальной эйфории.

Воздержание Макаренко от масленицы, спустя три месяца после того, как город был занят войсками Красной армии, могло иметь и совершенно иную причину. К этому времени он, о чём ранее известно не было, решил войти в органы новой власти что, разумеется, означало также принятие её декретов и законов. Во всяком случае, 7 марта 1920 г., за три недели до процесса против его коллег, «Макаренко (беспартийный)» был избран членом первого состава Городского совета солдатских и рабочих депутатов. Как кандидат Союза учителей он получил мандат одного из четырёх его представителей. По количеству голосов Макаренко занял среди «просвещенцев» третье место (после меньшевика и ещё одного «беспартийного»). Об этом также информировала читателей газета «Радянська влада»⁸. Сам Макаренко позже никогда – ни в автобиографиях, ни в анкетах – не упоминал своего участия в становлении органов новой власти, утаив, тем самым, это событие от советского макаренковедения, которое придерживалось в основной информации, лично указанной классиком педагогики в различных автобиографических документах. Факт его членства в Полтавском горсовете уже с 1920 года мне удалось обнаружить в результате систематического просмотра полтавской прессы того времени.

То обстоятельство, что Макаренко умалчивал о причастности к первому и второму составу тогда ещё многопартийного горсовета, можно объяснить, собственно говоря, тем, что губернский город считался тогда зоной влияния меньшевиков, убеждения которых для Макаренко являлись ближе, нежели взгляды большевиков. Многие из меньшевиков были арестованы ещё летом и осенью 1920 г., а их лидеры весной 1921 г. принуждались к эмиграции. До настоящего времени известен всего лишь один документ, в котором Макаренко упоминает о своём членстве в Полтавском горсовете, однако датируемый 1923 годом – это подробная анкета, заполненная им в связи с началом работы в отделе трудколоний НКВД УССР (1935 г.)⁹. Но из сохранившихся документов по перевыборам в горсовет, а также из газетных сообщений без всяких сомнений следует, что уже с ноября 1921 г. «завкол» не являлся членом этого органа и также не выдвигался по мандату учительского союза¹⁰. Впрочем, в результате перевыборов произошла «большевизация» горсовета: доля беспартийных просвещенцев уменьшилась с 75% (весной 1920 г.) до 11% (осень 1921 г.), а коммунистов – увеличилась с 0% до 89%¹¹.

Страх перед тем, что станет известно о его работе в «меньшевистском» Полтавском горсовете, мог быть причиной усилий Макаренко по «маскировке» (В.В. Кумарин)¹² или сооружению «большевистского фасада» (В. Зюнкель)¹³, о чём свидетельствуют некоторые публичные высказывания педагога-писателя, сделанные в конце 30-х годов. Так, непосредственно во время первого Московского процесса (1936 г.) и предвыборной кампании кандидатов в Верховный Совет СССР (1937 г.) в прессе появились панегирики Макаренко в адрес партии и Сталина, а в 1939 году (незадолго до своей скоростной смерти) он даже прилагал усилия для вступления в ВКП(б) – однако при жизни процедуру приёма ему не удалось завершить. Совершенно очевидно, что здесь дело заключалось в мерах, предпринимаемых в целях самозащиты от возможного доноительства и ареста в то тяжёлое время.

2. Из биографии «завкола»

В конце 1919/20 учебного года 32-летний Макаренко распрощался с работой в школе: после годичной подготовки на «народного учителя», 9 лет преподавания в железнодорожных училищах, 3-х лет учёбы в Полтавском учительском институте и 3-х лет деятельности в должности руководителя школы. «Поворот к другой, а именно социально-

⁸ Выборы в Совет Солдатских и Рабочих депутатов // Радянська влада. – 1920. – № 57. – 09.03. – С.1; см. также: № 52. – 03.03. – С.1.

⁹ Архив МВД Украины, 40-16315-IV, л.5.

¹⁰ См.: ГАПО, 1792-2-13, лл.132, 135, 135 об.; 1792-2-14, л.13.

¹¹ См.: Кто избран в Горсовет // Вісти-Известия (Полтава). – 1921. – № 257. – 25.11. – С.1.

¹² В.В. Кумарин в беседах с автором и В. Зюнкелем (1988 г.).

¹³ Sünkel. – С.212.

педагогической сфере воспитания» (В. Зюнкель)¹⁴ стал возможным благодаря непродолжительным административным «гастролям» в губисполкоме. Летом 1920 г. Макаренко несколько недель работал в наробразе, где в его подчинении находилась секция детских колоний¹⁵. Логическим продолжением этой деятельности является то, что педагог в сентябре того же года возложил на себя обязанности, связанные со строительством и руководством учреждения по перевоспитанию подростков, которое позже он назвал трудовой колонией им. М. Горького.

Эта колония, как собственный «экспериментальный базис» Макаренко и (с 1923 г.) опытно-показательное учреждение, непосредственно подчинявшаяся Наркомпросу УССР, весной 1926 г. была переведена из Полтавы в Куряж под Харьков – в то время столицу республики. Это позволило укрупнить колонию, и в то же время «педагогически оздоровить» (Х. Гизеке)¹⁶ находившуюся там детскую коммуну. На решающем совместном заседании президиумов Харьковского окрисполкома и горсовета по поводу перевода колонии им. М. Горького в Куряж (23 апреля того же года) одна из выступавших, поддержавшая этот проект, указала на то, что тем самым открывается возможность окончательно решить проблему детской преступности в столице, так как «правонарушителей, которые находятся на территории г. Харькова», можно будет помещать в Куряже. Кроме того, перевод опытно-показательного учреждения позволит студентам столичных пединститутам получить приемлемые для прохождения практики места. Те же, кто проходил практику в разрушенной Куряжской детской коммуне, не могли (так там аргументировалось) ничему в ней научиться. «И теперь мы наблюдаем паломничества целых групп (студентов – Г.Х.) в колонию им. Горького, и эти паломничества стоят, конечно, много денег...». Поэтому было бы целесообразно перевести данное учреждение из Полтавы в округ столицы¹⁷. Харьковской колонией им. М. Горького в Куряже Макаренко руководил до лета 1928 г.

По сравнению с чрезвычайно непродолжительной деятельностью других известных педагогов в среде сирот военного и революционного времени – таких как, например, Песталоцци в Станце (1799 г.) или Зигфрида Бернфельда в венском детдоме «Баумгартен» (1919 г.), Макаренко в колонии им. М. Горького работал необычно долго. Оглядываясь назад в 1935 году, он сам себя назвал одним из очень редких руководителей советских детдомов, кто «восемь лет просидел на беспризорной капусте», в то время как большинство коллег – если они не сдались гораздо раньше из-за трудностей, причинённых властями – «предпочитало своевременно окуклиться и выйти из кокона нарядной бабочкой в образе инспектора наробразов или аспиранта педагогических наук»¹⁸.

Харьковский окрнаробраз, которому подчинялась колония им. М. Горького в Куряже, краткосрочно (с июля 1927 до февраля 1928 гг.) передал Макаренко также и управление всех подотчётных ему интернатных учреждений для детей и юношества. Наряду с этими обязанностями уже осенью 1927 г. его «заполучило» ГПУ УССР для создания и руководства Харьковской коммуной им. Ф.Э. Дзержинского, новым учреждением для беспризорников, куда позже принимали также «трудных» детей из «трудных» семей, принадлежавших «номенклатуре».

От его работы в Полтавской колонии им. М. Горького в 1920 году эта новая деятельность отличалась тем, что Макаренко в экономическом, социальном и педагогическом отношении здесь уже не должен был исходить из прежней «нулевой ситуации» (Х. Гизеке)¹⁹. К его услугам было предоставлено специально для этой цели сооружённое здание, куда он перевёл основной костяк воспитателей и воспитанников из Куряжа и перенёс наработанные им концепции воспитания. Начавшееся сначала в коммуне участие питомцев в работе мастерских способствовало, без сомнения, осознанию Макаренко педагогической обоснованности продуктивного и созидательного труда, базирующегося на его разделении. Что однако ни в коем случае нельзя сказать об индустриализации, наса-

¹⁴ Sünkel. – С.181.

¹⁵ См.: Hillig. – С.100.

¹⁶ Giesecke H. Erziehung als soziales Phänomen. Makarenkos Kinder- und Jugendkolonien // Neue Sammlung. – 1996. – № 2. – С.303–323 (ссылки на: Giesecke) (здесь – с.318).

¹⁷ См.: Hillig. – С.100.

¹⁸ Макаренко А. Собрание сочинений. Марбургское издание (ссылки на: СС). Т.3. – Штуттгарт. – 1982. – С.198.

¹⁹ Giesecke. – С.303, 309.

ждаемой здесь с 1931 года, и связанного с ней тейлорского выпуска продукции, приносившего миллионные прибыли, несмотря на то, что сам Макаренко в докладах московского периода, вспоминая об этом, выступил за такое насильственное развитие и называл воспитательно важным прежде всего производственный план и связь труда с общественной жизнью.

В ходе ускоренного развития в стране тяжёлой промышленности во время первой пятилетки коммуна им. Ф.Э. Дзержинского выросла до целого индустриального комплекса с постоянно увеличивающимся числом приезжих специалистов и наёмных рабочих, в то время как число воспитанников всё больше и больше сокращалось. При этом речь шла об инструментальном заводе, где изготовлялись, конечно, без лицензии, электросверлилки американской марки «Блэк & Деккер» («ФД»), и о заводе, выпускавшем копии немецкого фотоаппарата «Лейка» («ФЭД»). В связи с этим ГПУ УССР назначило в 1932 году начальника коммуны из своих рядов; Макаренко же вменялось в обязанность впредь лишь руководство касающейся воспитанников педагогической частью. Одновременно он был помощником нередко меняющихся начальников коммуны. С июля 1935 г. педагог работал на тех же должностях (руководителя учебно-воспитательной части и помощника начальника) в отделе трудколоний НКВД УССР в течение полутора лет – но уже в Киеве, новой столице Украины, где ему подчинялись и колония им. М. Горького и коммуна им. Ф.Э. Дзержинского, но лишь в том, что касалось дел воспитанников. Два последних года жизни Макаренко провёл как писатель в Москве. Он умер 1 апреля 1939 г. в пригородном поезде на обратном пути из дома отдыха Союза советских писателей в возрасте 51 года от остановки сердца, то есть естественной смертью, а не в результате репрессий, как многие его коллеги.

3. «Бесславное начало» трудовой колонии

Ранний период деятельности Макаренко в колонии им. М. Горького совпал со временем радикальных общественных перемен: мировая война, революция, контрреволюция, иностранная интервенция и не в последнюю очередь гражданская война, которая в отдельных районах продолжалась до 1922 года. В ней ожесточённо сражались не только «красные» и «белые», но и национальные революционные соединения и анархистские партизанские отряды. Всё это особенно сильно затронуло Украину и привело к тому, что «люди умирали не только в боях, но также и от погромов и при эвакуациях»²⁰. Кроме того, следует помнить о репрессиях против «капиталистов», офицеров, духовенства, неудобных для системы представителей интеллигенции, не говоря об эпидемиях и большом голоде (1921–22 гг.). Семьи разрушались, а детская беспризорность приняла, как это позже сформулировал Макаренко в одноимённой работе, «масштабы гигантского несчастья»²¹. Его оценки исходят из того, что в 1922 году на территории Советских республик было, по меньшей мере, 7 миллионов беспризорных детей, которые бежали от голода и холода, бродили по стране в одиночку и собирались в банды. Преступность среди них достигала устрашающих размеров. И поскольку наказание несовершеннолетних было заменено идеей их воспитания, для преодоления этого социального бедствия стали создавать многочисленные детские дома, колонии и коммуны с широкими полномочиями самоуправления. Одной из них была порученная Макаренко Полтавская колония.

Данное учреждение для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей было организовано за городом на территории бывшей колонии для малолетних преступников. Согласно российскому Уголовному кодексу от 1866 года такого рода учреждения по принудительному воспитанию чаще всего размещались в сельской местности²². В середине сентября 1920 г. произошла передача Полтавской колонии из Губюротдела в ведение Губнаробраза и назначение Макаренко её заведующим.

Первых десять воспитанников в возрасте от 15 до 18 лет «завкол» принял в декабре 1920 г. двумя группами из «коллектора» (детприёмника) местной комиссии по делам

²⁰ СС. Т.1. – Равенсбург, 1976. – С.91.

²¹ Там же. – С.83.

²² Makarenko-Pädagogik in Selbst- und Fremdzeugnissen. Bd.4. Ostromenckaja N. Die Gorkij-Kolonie. Ein Augenzeugenbericht, Hrsg. v. S.C. Weitz, A.A. Frolov, L.R. Spiegel-Weitz. – Fronhausen b. Marburg. – 1996. (ссылки на: Makarenko-Pädagogik 4) – С.24.

несовершеннолетних. Большинство из них было направлено в колонию за вооружённые разбойные нападения. Приём первой группы состоялся 4 декабря, то есть сразу же после окончания кампании по выборам второго состава горсовета. Тогда от Полтавского союза учителей Макаренко вновь выдвинули в кандидаты и избрали²³. Так как в начале декабря выпало много снега и был сильный мороз, заведующий привёз первых пятерых воспитанников (среди них одну девочку) в колонию на санях²⁴.

Одного из них (по фамилии Биндюк) уже через три недели за ночную поножовщину с убийством опять забрал агент губрозыска. В предшествующую ночь воспитанник был с разрешения «завкола» на воскресной «прогулке» в городе (22 декабря). Это подтвердили двое других воспитанников из той «первой десятки» (Белковский и Колос), которых в конце 70-х – начале 80-х годов разыскал в Донбассе и в Карелии львовский макаренковед Ф.И. Науменко и, по моей просьбе, смог расспросить о ходе заселения колонии им. М. Горького – во время «холодной войны» для западных исследователей было практически невозможно переписываться с очевидцами из СССР.

18-летний Константин Белковский попал в колонию вместе с Биндюком прямо из Полтавской тюрьмы, где он уже отсидел два с половиной года за участие в вооружённом разбойном нападении на железнодорожную мастерскую. Сведения об этом воспитаннике мне удалось найти в берлинском журнале «Internationale Pressekorrespondenz» (Обзор международной прессы). Здесь в конце 1932 г. появилось интервью педагога-воспитателя Белковского о его бурной жизни и перевоспитании у Макаренко. По его словам, он вырос в детском приюте, затем, выброшенный оттуда, до 14-ти лет скитался по улицам – сначала в Петербурге, затем в Туркестане, в Сибири и, наконец, на Украине, постоянно передвигаясь по железной дороге (в ящике для инструментов машиниста или на буферах). В Киеве он приобрёл «спецподготовку по искусству воровства» у других подростков. В результате за «разбойничий налёт» получил 1,5 года заключения в тюрьме, а в 1918 году, во время перевозки в детдом, ему удалось сбежать в Полтаву... При Советской власти (с лозунгом «Воспитание вместо наказания») для него открылись ворота тюрьмы: «Из заключения нас отвели в коллатор, и там, под руководством Макаренко – „отца беспризорников“ – было основано первое учреждение для беспризорных».²⁵

Другим очевидцем, опрошенным Науменко, был Иван Колос, который прибыл в колонию со второй группой 18 декабря 1920 г. Начиналась оттепель, и Макаренко забрал этих воспитанников на линейке. Вначале Колос должен был ехать с ним уже 4 декабря, но после перенесённого тифа он чувствовал себя очень слабо, а кроме того, у него не было тёплой одежды²⁶. Как видно из статьи в полтавской газете «Більшовик» от 20 октября 1920 г., Колос был замешан в деле четырёх бывших милиционеров, которые, «получив на несколько дней отпуск, не явились по окончании отпуска и присоединились к шайке бандитов», при этом обстреляли красноармейцев. Двое старших обвиняемых были даже членами компартии. Предводителя «как активного бандита» приговорили «к высшему наказанию – расстрелу», другой совершеннолетний, значившийся в газетном материале как «менее активный и менее сознательный», получил «арест в доме общественных принудительных работ до окончания Гражданской войны, не применяя к нему амнистии», в то время как двое несовершеннолетних из этой «шайки», среди них Колос, были переданы местной комиссией²⁷.

В списке воспитанников колонии, составленном Макаренко в сентябре 1922 г., о спасённом Иване Колосе (род. 9 января 1903 г.) сказано, что он был направлен туда за «политический бандитизм». «Политическими бандитами» тогда назывались члены национальных группировок, которые боролись против Советской власти. «Политический бандитизм» или «подозрение в шпионаже», то есть политическое преступление, были отмечены

²³ См.: ГАПО, 1792-2-3, лл.29.41 (здесь – л.39 об.); РГАЛИ (М.), 332-4-351, л.2.

²⁴ См.: Науменко Ф.И. Об «этих первых» из «Поэмы». (К 50-летию опубликования первой части «Педагогической поэмы») // Учит. газета. – 1983. – № 143. – 29.11. – С.4 (ссылки на: Науменко).

²⁵ W.: Kleine Geschichten aus zwei Welten / Сб.: Makarenko in Deutschland 1927–1967. Texte und Berichte. Hrsg. v. G. Hillig. Braunschweig, 1967 (ссылки на: Makarenko in Deutschland). – С.70.

²⁶ См.: Науменко.

²⁷ Суд над бандитами // Більшовик. – 1920. – № 103. – 20.10. – С.2.

ны в списке Макаренко у 13 из 68 воспитанников как причина для направления в колонию им. М. Горького – то есть у почти 20%²⁸.

4. Принцип «сожжённой биографии»

Как выражение особой тактичности по отношению к направляемым в колонию подросткам Макаренко применил – в ярко выраженном противоречии с медико-психологическим образом мышления своего времени – принцип «сожжённой биографии», «полнейшее игнорирование прошлого и тем более прошлых преступлений»²⁹. При этом сам он был полностью проинформирован о прежней жизни колонистов даже когда, повторяясь, утверждал, что просил своё начальство не присылать ему больше «дел» (из этого немецкий учёный Херман Гизеке сделал ошибочное заключение, что прошлое воспитанников его вообще не интересует – «так как из него нельзя извлечь никаких выводов»³⁰). На основании «дел» и личных наблюдений «завкол» делал записи о колонистах, которые не только для них, но также и для его сотрудников оставались табу. «Осведомлённым о прошлом воспитанников наряду с ними был только сам Макаренко», – так сформулировала это западногерманский макаренковед Изабелла Рюттенауэр на первом международном макаренковедческом симпозиуме во Флото/ФРГ (1966 г.)³¹. Решающим для него было то, что подростков не занимало больше их прошлое, и они не хвастались между собой своими «подвигами». Они должны были освободиться от фиксации на своей предыдущей жизни, которая мешала их непринуждённому общению друг с другом, блокировала их развитие и закрывала для них будущее. Их энергию следовало направлять в плодотворное русло³². Вместо вчерашних интересов пришли завтрашние заботы.

В коммуне им. Ф.Э. Дзержинского грязная и завшивленная одежда беспризорников при их поступлении торжественно сжигалась, что Макаренко позже символически интерпретировал как «оставление прошлого». Правда, при этом здесь имелась в виду и санитарно-гигиеническая акция³³. Как уверял прежний политрук Л.Т. Коваль, в намного более бедной колонии им. М. Горького подобное нельзя было себе позволить³⁴.

Макаренко не выделял особо никакого метода для преодоления беспризорности и асоциального поведения, кроме коррекции характера. Она же должна, если это возможно, происходить не постепенно, а одномоментно, в форме потрясения в присутствии всех воспитанников, благодаря чему и добиваются «сильного впечатления», – так, по меньшей мере, гласят макаренковские «выводы из моего педагогического опыта» в докладах московского периода. Такого рода «взрывы», которые поднимают на максимальную высоту конфликт между индивидуумом и коллективом, Макаренко в колонии им. М. Горького неоднократно инсценировал с направленностью как против одной личности, так и против целых групп: знаменитое «завоевание Куряжа» в 1926 году – полностью погрязшая в беспризорности детская коммуна из 280 воспитанников взята простым «поглаживанием» 120 дисциплинированных «горьковцев».

Малолетние правонарушители слыли в Советских республиках ещё до начала 20-х годов «морально-дефективными». Наряду с ними различались также физически дефективные и психическо-дефективные. Полтавская колония вначале была определена НКП СССР как «Основной детский дом для морально-дефективных № 7».

В соответствии с макаренковским пониманием беспризорности и преступности всё же не сами воспитанники являются «дефективными», а обстоятельства, в которых они

²⁸ ЦГАВО Укр., 166-2-1687, лл.89–93 (здесь – л.90).

²⁹ СС. Т.3. – Штуттгарт, 1982. – С.228.

³⁰ Giesecke. – С.315.

³¹ Rüttenauer I. Zu einigen neueren sowjetischen Arbeiten über Makarenko. В сб.: Makarenko-Symposion Vlotho 1966. Protokoll des von der Forschungsstelle für Vergleichende Erziehungswissenschaft vom 17. bis 20. Februar 1966 im Gesamteuropäischen Studienwerk e.V. Vlotho/Weser veranstalteten internationalen Symposions über A.S. Makarenko. Red.: L. Froese, B. Giesübel, G. Hillig. – Marburg/Lahn, 1966 (ссылки на: Makarenko-Symposion). – С.95–115 (здесь – с.107–108).

³² См.: Makarenko-Pädagogik 4. – С.15.

³³ См.: Hillig G., Weitz S. „Nicht darüber sprechen!“ Eine pädagogische Maxime A.S. Makarenkos. В сб.: Makarenko-Materialien I. – Marburg, 1969. – С.83–90 (здесь – с.90).

³⁴ Л.Т. Коваль в беседе с автором (1990 г.).

живут. Предвидя подход «labelling approach» (навешивание ярлыков)³⁵, педагог понял, что выражения типа «дефективные», «беспризорные», «правонарушители» или «несовершеннолетние» остаются клеймом, и поэтому настоятельно требовал «полного отказа» от них в официальной переписке³⁶. Поэтому не удивительно, что не позднее лета 1922 г. руководимое им учреждение Макаренко назвал «трудовая колония им. М. Горького».

Кроме глубокого уважения Макаренко к личности Горького и высокой оценки, которую он давал творчеству писателя, определяющую роль для присвоения трудколонии его имени, без всякого сомнения, сыграло и то обстоятельство, что по соседству с ней, в Трибах, находилась другая колония, основанная ещё при «белых» (ноябрь 1919 г.) и в 1921 году названная именем писателя В.Г. Короленко.

5. Максим Горький – «шеф» колонии

Владимир Короленко и Максим Горький были очень известны в то время. Многие их объединяло и в жизни, особенно в общественно-политической деятельности. Благодаря длительным путешествиям по просторам России они не понаслышке знали о проблемах безнадзорных и беспризорных детей. Они страстно вступались за преследуемых по политическим мотивам, а также после октябрьского переворота. Короленко, старший по возрасту, с 1900 года до своей смерти жил в Полтаве, переписывался с Наркомом просвещения РСФСР А.В. Луначарским, который был уроженцем этого города, за спасение интеллигенции. Горький, живший в Петрограде, тогдашней столице Советской России, критиковал в издаваемой им в 1917–1918 гг. газете «Новая жизнь» политику большевиков, спорил с Лениным и в 1921 году уехал в эмиграцию в Германию. Он уже находился за границей, когда Макаренко, для которого Горький был любимым писателем и примером в жизни, решил назвать свою колонию его именем. В 1925 году – тогда же «завкол», а также воспитанники, начали переписку с «шефом», живущим в Италии – полтавское партийно-комсомольское руководство стремилось убрать имя эмигранта из названия трудколони. Как вспоминал политрук колонии Л.Т. Коваль³⁷, секретарь окружного комитета комсомола настаивал на переименовании учреждения именем Ленина или Бухарина. Макаренко решительно выступал против такого «перекрещивания». Ленина к тому времени уже не было в живых и с его именем, таким образом, проблем не возникало, а вот в случае с Бухариным, который позже, как известно, стал жертвой террора, «завкол» (а вместе с ним и советское макаренковедение) попал бы из огня да в полымя...

Горький, являвшийся большим примером и для воспитанников колонии, в 1927 году «решил» проблемы с большевиками и отныне считался «выдающимся советским писателем». На лето следующего года он впервые приехал на свою родину и посетил также названную его именем колонию в Куряже и «Дзержинку». Несмотря на это, он опасался оказаться использованным властями в политических целях, а при встречах и разговорах во время этой поездки узнать не полную истину. Так в ноябре 1927 г. в письме к замредактору «Правды» И.И. Скворцову-Степанову он шутливо выразился что, пожалуй, лучше всего было бы отправиться в поездку инкогнито – «при помощи ринопластики сделать себе римский нос и выкрасить усы в какой-нибудь необыкновенный, – например: голубой цвет»³⁸. Это письмо, в котором Горький прежде всего предостерегает от «шумихи» вокруг его личности, хранится в бывшем Центральном партийном архиве в Москве. Документ носит пометку «Секретно» и находится в спецфонде этого архива, который до «августского путча» (1991 г.) – под грифом «На секретное хранение, не выдавать» – был недоступным и для советских учёных.

6. Принципы коллективного воспитания

³⁵ См.: Winkler M. Anton Makarenko (1888 – 1939). В сб.: Lebensbilder bedeutender Heilpädagoginnen und Heilpädagogen im 20. Jahrhundert. Hrsg. v. M. Buchka, R. Grimm u. F. Klein. – München, 2000 – С.203–239 (ссылки на: Winkler) (здесь – с.208).

³⁶ Макаренко А.С. Педагогические сочинения в 8-ми томах (ссылки на: ПС). Т.1. – М., 1983. – С.38, 44.

³⁷ В беседе с Н.Н. Оксой (1985 г.).

³⁸ Центральный гос. архив политической истории (М.), 75-1-140, л.1.

Макаренко считается представителем коллективного воспитания, которое под педагогическим руководством проводится в группах детей и подростков. В «Методике организации воспитательного процесса» (1935 г.) автор в первый раз употребил термин «параллельное педагогическое действие». В 1938 году в одной из своих лекций перед ведущими сотрудниками Наркомпроса РСФСР он говорил о «логике параллельного педагогического действия» и разъяснил это следующим образом: «Что такое параллельное педагогическое действие? Мы имеем дело только с отрядом. Мы с личностью не имеем дела. Такова официальная формулировка. В сущности, это есть форма воздействия именно на личность, но формулировка идёт параллельно сущности. На самом деле мы имеем дело с личностью, но утверждаем, что до личности нам нет никакого дела»³⁹.

Уже в 1932 году Макаренко в воинствующей статье «Педагоги пожимают плечами», которую западногерманский учёный Вольфганг Зюнкель причислил к его «главным и теоретически значимым текстам»⁴⁰, писал: «Прежде всего мы отстраняем воспитательную работу специально над отдельным лицом, над пресловутым „ребёнком“, составляющим заботу педагогики. ... Объектом нашего воспитания мы считаем целый коллектив и по адресу коллектива направляем организованное педагогическое влияние.

... Коллектив является воспитателем личности»⁴¹. А ещё более остро Макаренко сформулировал это год спустя в своём – не менее «теоретически значимом», но при его жизни опубликованном лишь на украинском языке – тексте «На педагогических ухабах»: «Советская педагогика должна иметь совершенно новую логику: от коллектива к личности. Объектом советского воспитания может быть только целый коллектив. Только воспитывая коллектив, мы можем рассчитывать, что найдём такую форму его организации, при которой отдельная личность будет и наиболее дисциплинирована, и наиболее свободна»⁴². Формулировкой «от коллектива к личности» Макаренко косвенно ответил своей именитой оппонентке Н.К. Крупской, которая в 1928 и 1930 годах в двух статьях, опубликованных в авторитетном журнале «На путях к новой школе», а позже не включённых в собрание её Педагогических сочинений, подчеркнула, что наступает время в быту, а также и в воспитании идти «от личности к коллективу»⁴³.

Из высказываний бывших «горьковцев» и «дзержинцев» советский историк педагогики Г.Е. Жураковский в своей книге «Педагогические идеи А.С. Макаренко» (М., 1963) сделал вывод, что секрет его успеха состоит больше в индивидуальном подходе к питомцам, чем в построении детского коллектива⁴⁴. У Макаренко речь идёт, в целом, о личности, о внимании к её индивидуальным особенностям, способностям и склонностям – правда, о личности как общественном существе, реализующем себя через связь с обществом, и, в соответствии с этим, о его воспитании как «коллективиста», человека, который может жить коллективно. «Завкол» преследовал конкретную прагматическую цель: подготовить вчерашних «карманников» и прочих правонарушителей к самостоятельной честной жизни в сложных социально-экономических условиях 20-х годов. Так, в письме в Главсоцвос НКП УССР от 4 мая 1924 г., где Макаренко отстаивает необходимость наличия карманных денег у колонистов, можно прочесть следующее: «До тех пор, пока мы выпускаем воспитанника в общество, основанное на индивидуальном бюджете, мы не имеем права не давать воспитаннику соответствующих навыков. В то же время право личности на выбор в удовлетворении ближайших потребностей не оспаривается ни одним положением социализма и не противоречит общим принципам советской системы воспитания. Так или иначе переход воспитанника из колонии, где все его потребности удовлетворяются по коммунальному плану в условиях, где ни одна потребность таким способом не удовлетворяется, представляет значительную опасность»⁴⁵. Впрочем, цитированный ранее неизвестный документ открывает новый взгляд на генезис макаренковского понимания воспитательного процесса.

³⁹ ПС. Т.4. – М., 1984. – С.165.

⁴⁰ *Sünkel*. – С.217.

⁴¹ СП. Т.1. – М., 1983. – С.139.

⁴² СП. Т.3. – М., 1984. – С.457.

⁴³ См.: Makarenko-Symposium. – С.43.

⁴⁴ См.: там же. – С.109–110.

⁴⁵ ЦГАВО Укр., 166-4-349. лл.9–10.

Представление о термине «коллективное воспитание» у Макаренко заключается не в «воспитании в коллективе, через коллектив, для коллектива», – как когда-то сформулировал известный харьковский педолог и исследователь детского коллектива А.С. Залужный, а в 40-е годы (после его исключения из научных кругов, осуждения и расстрела) пропагандисты Макаренко приписали ему. Возникший позже у западных (а между тем также и у постсоветских) интерпретаторов упрек в том, что классик педагогики якобы слишком мало внимания уделял индивидуальности своих воспитанников, сознательно принося личность «в жертву коллективу», отчасти основан на искажённой передаче соответствующих высказываний в первых собраниях его произведений, вышедших ещё в сталинскую эпоху. Из-за этого создалось впечатление о том, что Макаренко выступал за обязательное подчинение личности воле коллектива и предпочтение интересов коллектива интересам личности. Так, его высказывание на одной из лекций в московском Наркомпросе в 1938 году – «Мы утверждаем, что интересы коллектива стоят выше интересов личности там, где личность выступает против интересов коллектива», сначала было сокращено следующим образом: «Мы утверждаем, что интересы коллектива стоят выше интересов личности»⁴⁶. И в этом фальсифицированном виде цитата вошла в международную макаренковедческую литературу.

Путь к определению несущего идеологическую нагрузку понятия коллектива был указан В. Зюнкелем. Уже в своей первой макаренковедческой публикации (1965 г.) он предостерегал от того, чтобы «исходить из проблемы соотношения личности и общества в качестве центральной проблемы интерпретации и критики понимания Макаренко» – тем самым «предотвратив подход к этому представлению о воспитании». Учёный определял макаренковский коллектив как «воспитательно спланированную и ответственную систему социальных отношений..., которая – под руководством воспитателя – делает возможным возникновение, разыгрывание и объективизированное разрешение социальных конфликтов. ... Таким образом, коллектив не должен восприниматься как отдельная сущность и противопоставляться личности, его следует понимать скорее как особую структуру отношений между личностями»⁴⁷. А четверть века спустя Зюнкель формулирует: «Коллектив – это форма жизни, в которой происходит воспитание. ... он является структурой, устройством или построением социальных отношений воспитанников между собой, воспитанников с воспитателями, а также воспитателей между собой. Чем более многосторонни эти отношения и чем сложнее их структура, тем лучше – более педагогически дееспособен коллектив»⁴⁸.

По мнению швейцарского учёного Иво Нецеля, который указывает на «низкий уровень социально-психологических исследований в 20-е годы», те закономерности «групподинамических процессов и социального воздействия», которые Макаренко «интуитивно чувствовал и к которым относился с уважением», в 50-е годы были подтверждены эмпирическими исследованиями представителей американской общественной науки⁴⁹. Оправдываются также и макаренковские высказывания об оптимальном размере первичного коллектива. Такая маленькая группа не должна охватывать меньше семи и больше пятнадцати человек – более маленькие первичные коллективы легко превращаются в «эксклюзивные группы» друзей, в то время как большие имеют тенденцию распадаться на два или более коллектива.

В практической реализации концепции коллективного воспитания, как и в её изложении и анализе Макаренко, по поводу этого вопроса можно согласиться с австрийским учёным Михаэлем Винклером, который считает, что педагогу «удалось сделать открытие в научной педагогике» – создать альтернативу гербартианскому парному отношению учитель-ученик или «педагогическому отношению» Германа Ноля. Однако следует отметить, что Макаренко не сразу принял введённое первыми советскими деятелями просвещения (Крупская, Луначарский и др.) понятие коллектива, которое сегодня, как известно, ассо-

⁴⁶ См.: Хиллиг Г. Святой Макаренко. К изданию произведений А.С. Макаренко Академией педагогических наук РСФСР/СССР (1950–1983 гг.). – Марбург, 1984. – С.46.

⁴⁷ Sünkel. – С.159.

⁴⁸ Там же. – С.202.

⁴⁹ Nezel I. Kriterien der Lernfeldkonstruktion in der Gor'kij-Kolonie. В сб.: Makarenko-Diskussionen international. Protokoll des 2. Marburger Gesprächs (1.–4. Mai 1986). Hrsg. v. G. Hillig u. S. Weitz. – München, 1989. – С.119–125 (здесь – с.120).

цируется с его именем. В текстах «завкола» данный термин встречается лишь с 1925 года, когда он начал систематизировать и представлять свой опыт заинтересованной педагогической общественности. Особо характерным примером этого является материал «Очерк работы Полтавской колонии им. Горького» того года, в котором речь впервые идёт о «коллективном воспитании»⁵⁰. Но в служебной корреспонденции, отчётах колонии и других документах для обозначения совокупности воспитанников Макаренко использовал не понятие «коллектив», а «коммуна» или, ориентируясь на немецкого педагога-реформатора Густава Винекена, термин «община». Для понятия коллектива он считал обязательным: общую задачу, целенаправленно организованные социальные отношения, сознательно сформированные окружение и специфические формы самоуправления.

Решающее отличие такого подхода от сегодняшнего, терапевтического понимания окружения состоит в том, что форма условий быта и работы коллектива устанавливается только через него – предпосылки и условия воспитания создаются и складываются самими детьми и подростками. При этом в элементарном смысле они зависят от работы, которая обеспечивает и обуславливает их выживание. В то время как воспитание обычно состоит в том, чтобы воспитанники через деятельность смогли разобраться в данном им мире, приспособиться к нему, освоить и вместе с тем преобразить его, колонисты-горьковцы должны были вначале создать этот мир⁵¹.

Макаренко уже очень скоро признал, что коллективное воспитание должно быть принципиально связано с широким материальным самообеспечением. В этом и его современники видели фундаментальную проблему воспитания в детдоме – как, например, Зигфрид Бернфельд, который предостерегал от «психологии пенсионеров» питомцев детдомов, находящихся на полном обеспечении, или Януш Корчак, который настаивал на участии воспитанников в приготовлении пищи и уборке дома⁵². Уборка помещений и у фанатика чистоты Макаренко была задачей воспитанников и проверялась санитарной комиссией, но отнюдь не приготовление пищи и стирка белья – для этого в колонии и коммуне имелся свой штат работников. Так, в 1924 году в заявке на персонал, необходимый колонии им. М. Горького, Макаренко характеризовал неэффективным и «педагогически негативным» «навалить на воспитанников работу прачек»⁵³.

7. «Логика хозяйствования»

Совместный труд – постройка зданий, а также сельское хозяйство (полеводство, животноводство), различные мастерские – играли в колонии им. М. Горького решающую роль; на хозяйстве или хозяйствовании воспитанников основывалось не только самоуправление, но и весь воспитательный процесс. Мой коллега Зигфрид Вайтц характеризует учение Макаренко как «воспитательную концепцию, ориентированную в большей степени на экономику»⁵⁴, и совершенно верно выделяет в «развитии хозяйства как базиса воспитательного процесса исходный и основной принцип макаренковской системы, с которым связаны все остальные её элементы»⁵⁵.

Уже в 1924 году в тезисах к своему докладу на совещании в Харькове по вопросам борьбы с правонарушениями несовершеннолетних Макаренко сформулировал: «Режим трудовой колонии должен находить свои формы исключительно в логике хозяйствования. Всё, что вытекает из этой логики (строгая дисциплина, гласный и точный отчёт, фактическое, а не юридическое самоуправление, равенство прав и обязанностей, экономность и точность выражения, ясная, строго приспособленная к делу рабочая организация), обязательны для трудовой колонии. Всё, что противоречит ей, должно быть отброшено, хотя бы оно и рекомендовалось в педагогической теории»⁵⁶. И спустя год в уже цитированном

⁵⁰ ПС. Т.1. – М., 1983. – С.49.

⁵¹ См.: *Winkler*. – С.209–210.

⁵² См.: там же. – С.210.

⁵³ Страдания «украинизированного» завкола. Деловые письма А.С. Макаренко на украинском языке (1924–1925 г.г.) . Издатель: Г. Хиллиг. – Марбург, 1996 (ссылки на: Страдания). – С.65, 71–72.

⁵⁴ *Weitz*. – С.52.

⁵⁵ Макаренко А. Очерк работы Полтавской колонии им. Горького / *Kurze Darstellung der Arbeit der Poltavaer Gor'kij-Kolonie. Zugl. v. S. Weitz*. – Marburg, 1992 (ссылки на: Очерк). – С.XXV.

⁵⁶ ПС. Т.1. – С.38.

«Очерке...» Макаренко пишет: «Во всяком случае, хозяйство должно рассматриваться нами прежде всего как педагогический фактор». «Хозяйственная (экономическая) забота, с нашей точки зрения, является элементарным объектом воспитания». «Сделав хозяйственную заботу отправной точкой в процессе воспитания, мы, в полном согласии с теорией исторического материализма, все формы нашей жизни и организации вывели из хозяйства и хозяйствования»⁵⁷.

В своих замечаниях по проекту Наркомпроса УССР (1924 г.) «Устав детских трудовых сельскохозяйственных колоний» (к которым относилась и колония им. М. Горького) Макаренко требует экономической самостоятельности этих учреждений и их полной дееспособности: «Организация же жизни и труда каждого детского учреждения должна быть предоставлена ему самому»; вообще «простор инициативе и оригинальному развитию того или иного детского учреждения» не должен ограничиваться «излишней детализацией и регламентацией»⁵⁸.

И в связи с планами преобразования руководимого им воспитательного учреждения в «крупную, всеукраинскую трудовую колонию», которые в конце концов привели к переводу его в Куряж, Макаренко в 1925 году выступал за создание «капиталистически организованных», «крупных воспитательных предприятий», в которых, однако, «превалирует педагогика, а не хозяйство». В связи с этим он пишет: «Для того чтобы сохранить чистоту педагогического подхода, нужно крупное хозяйство рассматривать исключительно как условие воспитания, а хозяйственный успех – как воспитывающий импульс». При этом «само направление хозяйственной работы», а также расходование финансовых средств должны не «привозиться из города», а стать делом самой колонии⁵⁹. Подобные проекты появляются в период новой экономической политики, провозглашённой в марте 1921 г. Нэп, как известно, означал возвращение к предпринимательской инициативе и рыночной экономике. А промышленное производство коммуны им. Ф.Э. Дзержинского относилось к периоду плановой экономики 30-х годов, подчиняясь соответствующим задачам и контролю извне. Педагогу Макаренко, лишённому права руководить экономикой, основой воспитательного процесса, оставалась только функция осуществления надзора над занятыми на предприятиях коммуны подростками, для перевоспитания которых и было однажды создано это учреждение.

В статье, посвящённой Макаренко, Гизеке определяет «хозяйственную функцию» как «основную составляющую» и пишет: «Без неё сообщество молодёжи не имело бы смысла, фундамента своей деятельности и сознания. И тут возникает вопрос, могут ли представлять детские и юношеские сообщества сами по себе педагогическую ценность в педагогике независимо от их значения для общей цели, ясной каждому их члену. Иначе, почему необходимо устанавливать внутренний порядок, необходимую для этого дисциплину? Участие детей и молодёжи в рамках самоуправления в школах или в молодёжных союзах показывает нам ежедневно, что такие мероприятия не имеют успеха, если они не связаны с необходимой задачей, решение которой так или иначе имеет последствия для участников. Воспитание – это, очевидно, социальный факт, и где отсутствуют соответствующие требования, оно невозможно. В этом случае происходит нечто иное, может быть терапия или только уговор»⁶⁰.

8. «Командирская педагогика»

Взяв формы и символы у военных и бойскаутов, которые отвечали интересам подростков к играм, духу приключений и романтики, Макаренко, опираясь на «здоровый смысл», «который у него – совсем необычно в педагогике – относился к педагогическим категориям» (З. Вайтц)⁶¹, создал в колонии им. М. Горького дифференцированную систему из самоопределяющихся и авторитетных элементов с правами и обязанностями, индивидуальной властью командования и коллективной ответственностью. При этом он нарушил иерархическую структуру коллектива (воспитанник – колонист – старший колонист

⁵⁷ Там же. – С.46, 47.

⁵⁸ Страдания. – С.15, 14.

⁵⁹ ПС. Т.1. – М., 1983. – С.41.

⁶⁰ Giesecke. – С.315.

⁶¹ Weitz. – С.20.

– командир), разделённого по производственному принципу на отряды, назначением временных командиров для руководства «сводными отрядами», составленными для специальных краткосрочных заданий. Зюнкель, который характеризует макаренковское самоуправление как «систему постоянно меняющихся ответственностей»⁶², указывает на то, что он «сделал больше педагогических открытий, чем кто-либо другой»⁶³. Здесь же речь идёт о таком оригинальном творении заведующего колонией им. М. Горького, смысл которого заключался в том, что в результате назначения «комсводотрядов» происходила постоянная замена начальников и подчинённых («приказ и подчинение товарища товарищу»), ответственных перед коллективом. В результате этого относительно большая часть воспитанников получала на время руководящие функции, и все приобретали соответствующий опыт: робкие – в руководстве, лидеры – в подчинении.

Это «очень важное усложнение системы отрядов» Макаренко в 1933 году охарактеризовал как «самое важное изобретение нашего коллектива за все тринадцать лет нашей истории»⁶⁴ и далее высказался: «Командир постоянного отряда отправлялся на работу простым рядовым участником сводного отряда и во время работы подчинялся временному комсводотряду, часто члену своего же постоянного отряда. Это создавало очень сложную цепь зависимостей в колонии, и в этой цепи уже не мог выделиться и стать над коллективом отдельный колонист»⁶⁵.

Как ранее уже было указано, Макаренко отбросил традиционные модели «чистого» самоуправления в результате выборов как «игру в демократию». Исходя из «логики хозяйствования», говорится в одном из писем «завкола» (январь 1925 г.), «самоуправление делается суммой функций труда, хозяйствования, ответственности и контроля, а отнюдь не функцией болтовни и резолюций»⁶⁶. И в ходатайстве Макаренко в августе того же года говорится: «Вся система самоуправления должна быть построена (...) по типу демократического централизма, с как можно более широким развитием метода уполномочий и поручений и с наименьшим употреблением действий и решений „толпового“ типа»⁶⁷. Тем самым он выступил против существовавшего тогда в детучреждениях УССР общего собрания как высшего органа самоуправления (которое как решающий орган было и в колонии им. М. Горького и в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского), и, прежде всего, против избранных «всем детколлективом» «детских исполкомов», которые, по его мнению (так было записано в воспитательных программах «Дзержинки» 1928 г.) «обыкновенно представляют чисто бюрократические верхушки в детском коллективе». «Самый же главный недостаток такого самоуправления состоит в том, что оно включает в себе очень небольшую часть детей, обычно не более 5%, действительным же активом является только президиум из нескольких человек»⁶⁸. «Детисполкому» Макаренко противопоставил в качестве исполнительного органа коллегия из руководителей постоянных отрядов – Совет командиров, который регулировал будни колонии.

Командиры отрядов, в соответствии с высказываниями самого Макаренко, в первое время назначались им, позднее кооптировались членами Совета и, наконец, избирались отрядом или общим собранием. В действительности отбор командиров, пожалуй, «завкол» всегда оставлял за собой. Правда, в двух сообщениях об инспекции (1922 г.)⁶⁹ и посещении (1924 г.)⁷⁰ колонии им. М. Горького речь идёт о выборе, а не о назначении командиров, что можно отнести к соответствующему высказыванию «завкола». А в актах

⁶² *Sünkel*. – С.161.

⁶³ *Sünkel*. – С.191.

⁶⁴ ПС. Т.3. – М., 1984. – С.140.

⁶⁵ Там же. – С.142.

⁶⁶ Страдания. – С.94.

⁶⁷ В Харьков или в Запорожье? Сборник документов о переводе колонии им. Горького из Полтавы на новое место («Завоевание Куряжа») 1925–1926 гг. Составитель: Г. Хиллиг. – Марбург, 1985. – С.8.

⁶⁸ ПС. Т.8. – М., 1986. – С.142.

⁶⁹ См.: Забота, контроль, вмешательство. Шесть отчётов об инспекторских и других проверках колонии им. М. Горького (1922–1928 г.г.). Составитель: Г. Хиллиг. – Марбург, 1994 (ссылки на: Забота). – С.7.

⁷⁰ *Маро (Левитина М.И.)*. Работа с беспризорными: практика новой работы в СССР. Харьков, 1924 (ссылки на: Маро). – С.65.

исследования (1927 г.) о переведённой в Куряж колонии особенно выделяется факт отсутствия демократической легитимности самоуправления. Там записано: «Командиров назначают, везде всех назначают, выборность отсутствует»⁷¹; они «были избраны только один раз, полтора года тому назад, по прибытии колонии в Харьковский округ»⁷². При этом делается критическое замечание, что комсомольская ячейка «вместо руководства всей общественно-политической жизнью, ... является культуркой»⁷³.

Сначала Макаренко удавалось успешно противостоять «политической инструментке» (Х. Гизеке)⁷⁴ руководимого им воспитательного учреждения. Об этом свидетельствуют его возражения против навязываемых извне планов основания комсомольской ячейки или пионерского отряда в колонии им. М. Горького, которые он обосновывал стремлением сохранить целостность коллектива воспитанников. Так, в одной из анкет в начале 1923 г. он пишет: «Колония живёт настолько тесной общиной, что в организации специальных общественных форм надобности не встречается»⁷⁵. А в сообщении посетительницы колонии летом 1924 г. по этому же поводу говорится: «Пед. коллектив (т.е. Макаренко – Г.Х.) считает невозможным ввести особую ячейку в колонию, чтобы не дробить ребят; но неформально все ребята считают себя комсомольцами»⁷⁶. После проверки учреждения полтавским губпрокурором в сентябре 1924 г., который, между прочим, отметил, что там «собеседований на политтемы некому устраивать»⁷⁷, Наркомпросом УССР было принято решение «договориться с ЦК КСМУ о выделении работника со стажем на должность воспитателя-политруководителя»⁷⁸. Такой человек (Л.Т. Коваль) спустя 9 месяцев начал свою деятельность в «педагогической провинции» с организации комсомольской ячейки в целях укрепления её связи с советским обществом – выступая при этом не только как воспитатель и политруководитель, но и как заместитель (и тем самым контролёр) беспартийного «завкола».

Сменяющиеся командиры были лично ответственны за свой отряд и имели право давать указания. И они определяли процесс формирования мнения в коллективе, присваивая себе требования заведующего. Среди воспитанников это привело к перемене сознания – они воспринимали себя всё больше и больше хозяевами и гордо заявляли посетителям, что всё они сделали сами, и Макаренко без них ничего не смог бы сделать⁷⁹. Однако одна из очевидиц предсказала, что такая система, определяемая «единой волей», существует и исчезает вместе с личностью заведующего, его выдающимися способностями и харизматическим влиянием – его отстранение или смерть будут означать конец данной системы⁸⁰, тем самым ставя рамки для перенесения и воспроизведения макаренковской педагогики. Этой свидетельницей была Н.Ф. Остроменцкая, автор цитированного выше этнографического доклада о колонии им. М. Горького, одного из важнейших источников для исследования практикуемой там воспитательной системы.

9. «Чистка» наследия классика

Содержательный очерк украинской журналистки Остроменцкой «Навстречу жизни», «написанный с симпатией» (З. Вайтц)⁸¹, уже более двадцати лет существует в немецком переводе и охотно используется студентами, преподавателями и исследователями. Но в СССР, как ни странно это звучит, данный труд остался неизвестным. Соответствующий номер журнала «Народный учитель», где он был опубликован, не находится среди той части наследия Макаренко, которую его вдова Галина Стахивна в своё время отдала Центральному госархиву литературы и искусства. Таким образом, очерк никогда

⁷¹ Забота. – С.14.

⁷² Там же. – С.21.

⁷³ Там же. – С.25.

⁷⁴ Giesecke. – С.316.

⁷⁵ ЦГАВО Укр., 166-2-1687, лл.102–103.

⁷⁶ *Мапо.* – С.75–76.

⁷⁷ Забота. – С.11.

⁷⁸ См.: Hillig. – С.89.

⁷⁹ См.: Остроменцкая. – С.56.

⁸⁰ Там же. – С.66.

⁸¹ Makarenko-Pädagogik 4. – С.17.

не перепечатывался и никогда не цитировался в советском макаренковедении. Этот подход к наследию педагога-писателя, основанный только на информации вдовы, характерен для деятельности моих коллег из СССР/СНГ, которые вообще не проводили никаких исторических исследований. Поэтому не удивительно, что они не заметили такой ценный источник, как очерк Остроменцкой.

Решение хранительницы наследия скрыть этот материал, без сомнения, можно объяснить её стремлением не навредить процессу канонизации Макаренко как ведущего педагога Советского Союза, начавшемуся в 1940 году. Следует отметить, что публикация очерка Остроменцкой (конец марта 1928 г.) стала «последним звеном в развязывании общественной кампании против „макаренковской системы“»⁸². К этому обострению ситуации приложила руку и Н.К. Крупская, что в конце концов привело к увольнению Макаренко с должности заведующего колонией им. М. Горького⁸³. Ссылаясь на московский журнал, в котором появилась статья Остроменцкой, зам. Наркома просвещения Крупская в свой речи на VIII Всероссийском съезде Ленинского комсомола 8 мая 1928 г. об упомянутых там боях в «доме им. Горького на Украине» сказала: «Дальше идти, товарищи, некуда. Это не только буржуазная школа, это школа рабская, школа крепостническая, и даже если только один факт такой есть, необходимо с ним тщательно бороться». То, что под словами «дом им. Горького на Украине» имелась в виду руководимая им колония в Куряже, Макаренко понял из изложения выступления Крупской в пионерских газетах и журналах, выходивших в Харькове – «Октябрьские всходы», «На змiну», «Червоні квіти». На деликатность этого положения дел впервые указал западногерманский учёный Оскар Анвайлер, автор программной статьи «А.С. Макаренко и педагогика его времени» (1963 г.), а именно на международном макаренковедческом симпозиуме 1966 года во Флото. Данное выступление было опубликовано в журнале «Neue Sammlung» (Новое собрание) под заголовком «Ещё раз об А.С. Макаренко и педагогике его времени»⁸⁴.

Одновременно с канонизацией Макаренко (1940/41 гг.) началась также и пропаганда педагогических взглядов Крупской, скончавшейся всего за несколько недель до самого Антона Семёновича. Поэтому бдительная Галина Стахивна решила убрать все следы, которые могли указать на конфликт между обоими «ведущими советскими педагогами». Из наследия мужа были изъяты не только документы и современные публикации, посвящённые этой тематике, но и письма Остроменцкой 1926–1928 гг. к Макаренко – они также стали жертвой «чистки» архива. А ответы «завкола» на них (всего их восемь) благодаря счастливому стечению обстоятельств сохранились. Эти письма детская писательница Надежда Остроменцкая лишь в начале 50-х годов (вместе с копией авторской машинописи макаренковской статьи «Очерк работы Полтавской колонии им. Горького») передала московской Лаборатории по изучению педагогического наследия А.С. Макаренко⁸⁵.

Другим наблюдателем опыта колонии им. М. Горького, свидетельство которого в (пост)советском макаренковедении (за исключением Н.Н. Оксы⁸⁶) не принято к сведению, был полтавский профессор педагогики Г.Г. Ващенко. Этот учёный, являющийся автором некоторых статей периода 1925–1928 гг. о местных учреждениях для перевоспитания несовершеннолетних, также опубликован в рукописном (!) сборнике статей «5 лет работы с детьми-правонарушителями», который осенью 1925 г. вышел «под редакцией проф. Ващенко», вышецитированный «Очерк...». В неведении относительно данной публикации макаренковский материал – на основе уже упомянутой, представленной Остроменцкой копии его авторской машинописи – позже в немного сокращённом виде был включён (с пометкой «публикуется впервые») в семитомник Сочинений педагога-писателя.

В предисловии Ващенко к уникальной книге 1925 года говорится о колонии им. М. Горького («учреждение, которым вправе гордиться Полтава») таким образом: «Коло-

⁸² Там же. – С.18.

⁸³ См.: Хиллиг Г. А.С. Макаренко и Н.К. Крупская (возвращаясь к полузабытому спору 60-х гг.) // Педагогика. – 1994. – № 3. – С.84–92.

⁸⁴ См.: Anweiler O. Nochmals zu: A.S. Makarenko und die Pädagogik seiner Zeit // Neue Sammlung. – 1966. – № 6. – С.587–591.

⁸⁵ См.: Макаренко А.С. Сочинения. Т.7. – М., 1952. – С.504; Два письма А.С. Макаренко // Советская педагогика. – 1965. – № 3. – С.97–100; ПС. Т.1. – М., 1983. – С.213–215.

⁸⁶ См.: Окса М.М. Вивчення дисциплін загальнопедагогічної підготовки вчителя у педагогічних вузах України (1917–1991 рр.). – К., 1997. – С.86–88.

ния не только не применяет какого-то индивидуального подхода к правонарушителям, но принципиально не интересуется прошлым детей и стремится к тому, чтобы они его забыли.

Большие достижения в работе колонии объясняются исключительно умелой организацией жизни правонарушителей на основе производительного труда. Дети работают в хозяйстве, и сама работа показывает, какие организационные формы являются наиболее подходящими для работы. Для развития у детей чувства ответственности перед коллективом, а также для выработки у них здоровых норм поведения работа проводится по определённому плану, выработанному самими детьми при участии воспитателей, и, кроме того, ведётся тщательный учёт как труда детей, так и труда воспитателей. Можно не соглашаться с некоторыми деталями в работе колонии им. Горького, но основная идея, на которой базируется последняя мысль о том, что главным условием для здорового воспитания несовершеннолетних правонарушителей является целесообразная организация их коллективной жизни – безусловно, верна»⁸⁷.

Полтавскому учёному принадлежит также (а именно в статье, вышедшей в 1928 году) следующее указание на эффективность и широкую «автоматизацию» воспитательного процесса в макаренковском учреждении, переведённом тем временем в Куряж: «Заведующий колонией, который пользовался у колонистов большим авторитетом, иногда вообще не вмешивался в их жизнь. Он мог выехать из колонии на несколько дней, будучи уверенным, что заведённый в ней порядок не нарушится. Последствия воспитательного воздействия колонии на своих воспитанников были очень значительны. Сюда принимались несовершеннолетние правонарушители, самый тяжёлый материал для воспитания. Но через некоторое время после поступления в колонию воспитанники её в большинстве случаев очень изменялись. Они проникались своеобразным присущим колонии патриотизмом, оставляли свои преступные привычки, а, главное, приобретали любовь и уважение к труду»⁸⁸.

Ващенко – единственный учёный педагог, обративший уже в середине 20-х годов внимание на Макаренко, за деятельностью которого в колонии им. М. Горького он следил «с критической симпатией» (З. Вайц)⁸⁹. После Второй мировой войны учёный жил в Мюнхене и был критически настроен к Макаренко, ставшему в то время в СССР выдающимся советским педагогом. Просматривая прессу 20-х и 30-х годов тех городов, где работал педагог-писатель, я уже в 70-е годы натолкнулся на ващенкоовские украиноязычные публикации о Полтавской колонии им. М. Горького. Будучи в эмиграции, автор сознательно не упоминал о них.

10. Воспитательные меры и их взаимосвязь

В распоряжении Макаренко находился большой набор воспитательных мер, которыми он мастерски пользовался. Для него не существовало непогрешимых и ненужных средств. Поэтому он использовал такие воспитательные меры как стимул, требование, похвала и наказание, которые отвергались большинством советских педагогов, включая Крупскую и начальство «завкола» в Наркомпросе УССР, как остатки царского и буржуазного «принудительного воспитания». По мнению Х. Гизеке, Макаренко признавал, что «ни один коллектив не может обойтись без наказаний за нарушение правил». И в начале 1926 г. на местной конференции сотрудников детучреждений закрытого типа в Полтаве, о которой Ващенко сообщил читателям одного из центральных педагогических журналов УССР, он даже предложил разработать экспертной комиссии обязательный для всех воспитательно-образовательных учреждений «кодекс о наказаниях»⁹⁰. Согласно другой журнальной публикации, этот свод правил колонии им. М. Горького регистрирует «все случаи правонарушений, начиная с хулиганства, пьянства и т.д. до щёлканья семечек или сиде-

⁸⁷ См.: Hillig. – С.126–127.

⁸⁸ Makarenko-Materialien IV. Ucrainica. A.S. Makarenkos pädagogische Tätigkeit im Spiegel der ukrainischsprachigen Presse (1924–1937). Hrsg.: G. Hillig. – Marburg, 1982 (ссылки на: Ucrainica). – С.76.

⁸⁹ Очерк. – С. XXV.

⁹⁰ См.: Ucrainica. – С.19.

ния в шапке в комнате»⁹¹. И в 1928 году, принимая во внимание общее положение в стране во времена нэпа, Макаренко писал: «Считаю вообще, что осуществление какой бы то ни было дисциплины при настоящем моральном состоянии общества невозможно без наказания»⁹².

Впрочем, под дисциплиной Макаренко понимал не внешнюю, основанную на силе дисциплину, а как результат воспитания дисциплинированность, режим, «социальное устройство» (Х. Гизеке)⁹³, при котором воспитанникам предстоит жить. Каждый должен признать, что ему предоставляется свобода и безопасность, которые наполняют его гордостью и достоинством. Этому способствует процесс обобществления, так как «лишь обобществление даёт независимость, создаёт автономию» (М. Винклер)⁹⁴. В соответствии с этим в «Методике организации воспитательного процесса» говорится: «Дисциплина есть свобода, она ставит личность в более защищённое, свободное положение и создаёт полную уверенность в своём праве, в путях и возможностях именно для каждой отдельной личности»⁹⁵.

При этом Макаренко особенно предостерегал от односторонней ориентации на интересы ребёнка и, в связи с этим, отказа от воспитания «эмоции долга». Так, в составленном им в 1928 году (а опубликованном лишь в 1984 г.) «Операционном плане педагогической работы трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского» речь идёт о том, что «в нашей педагогике особенно надеются на значение интереса. Решительно всё должно подноситься нашему ребёнку в занимательном виде, в образе какого-то вкусного пирога, всё должно его заинтересовать, всё должно пройти через его психику по специально облегчённым путям, без усилия и напряжения с его стороны, без неприятностей». Педагог здесь говорит о «гибельности такой воспитательной политики» и обосновывает своё мнение следующим образом: «Жизнь как раз наполнена усилиями и напряжением, она требует от человека регулярной скучной работы, и нужно приготовить наших детей к жизни так, чтобы они могли делать эту работу без страдания и без подавления своей личности»⁹⁶.

Макаренко выступал за разработку педагогической технологии, основанной на «изучении чётко определимого содержания педагогического процесса» (М. Винклер)⁹⁷. При этом для него важна соответствующая взаимосвязь отдельных воспитательных средств, в чём Вайц видит «специфическое макаренковское дело, тайну его успеха»⁹⁸. Сам Макаренко в 1932 году высказался по этому поводу, используя, разумеется, словарь того времени: «Свобода выбора и маневрирования в воспитательной сфере должна быть настолько велика, что для воспитания строителя-большевика и убеждённого буржуазного деятеля сплошь и рядом может пригодиться один и тот же список приёмов, как требуется одинаково кирпич, бетон, железо, дерево и для постройки храма, и для постройки рабочего клуба. Вопрос решается не выбором списка, а сочетанием средств, их расстановкой по отношению друг к другу, их общей гармонизированной направленностью и, самое главное, их естественным классовым содержанием, т.е. тем, что приходит не от педагогики, а от политики, но что с педагогикой должно быть органически связано»⁹⁹.

Организованная до мелочей, даже инсценированная, но при этом чрезвычайно разнообразная жизнь в колонии им. М. Горького с собственными правилами и традициями была ориентирована на будущее. Типичными являются задачи, которые открывают личные и коллективные перспективы, «радости завтрашнего дня», как вообще горьковское «проектирование хорошего в человеке». Всё это укрепляло самосознание бывших «детей

⁹¹ См.: *Дюшен В.* Дещо чергові завдання роботи дитбудинків // Радянська освіта. — 1927. — № 3. — С.12–19 (здесь — с.19); Hillig. — С.153.

⁹² ПС. Т.1 — С.93.

⁹³ *Giesecke.* — С.310.

⁹⁴ *Winkler.* — С.212.

⁹⁵ ПС. Т.1. — М., 1983. — С.285.

⁹⁶ На вершине «Олимпа». Подборка документов о конфликте Макаренко с представителями украинского «соцвоса» (февраль–март 1928 г.). Составитель, автор текстолог. и предмет. коммент.: *Г. Хиллиг.* — Марбург, 1991 (ссылки на: На вершине):. — С.17–18.

⁹⁷ *Winkler.* — С.207.

⁹⁸ *Weitz.* — С.35.

⁹⁹ ПС. — М., 1983. — С.180.

улицы» и помогало им начать новую жизнь. Этому способствовало также и получение школьного образования, которое готовило воспитанников к будущей трудовой жизни, а также к возможному переходу на рабфак и, таким образом, поступлению в вуз.

Макаренко подчёркивал необходимость планомерного ведения воспитательного процесса, причём понятие требования имело центральное значение. «Как можно больше требований к воспитаннику, как можно больше уважения к нему» – это известное высказывание Макаренко – «квинтэссенция его педагогической концепции» (Х. Гизеке)¹⁰⁰ – уже в 1927 году была названо одной из харьковских газет «важнейшим лозунгом» Куряжской колонии¹⁰¹.

«Много путешествовавший» Константин Белковский, который «осел» только в колонии им. М. Горького, рассказал в уже цитированном интервью в 1932 году и о том, что она отличалась от других учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, и что именно это, в конце концов, побудило его там остаться: «Мне уже надоела моя прежняя жизнь, но тем не менее я хотел бежать, потому что я полагал, что никто, кроме моих товарищей, не будет смотреть на меня как на полноценного человека. Но знания, которые нам здесь давали, и коллективная жизнь с самоуправлением, а также то, что с нами обращались как с настоящими людьми, начали нам нравиться. Раньше нас никто не уважал. Здесь мы сразу нашли любовь и уважение, как только мы что-то делали правильно»¹⁰².

11. Театрализованные ритуалы в жизни колонии

Для Макаренко, который считал себя скорее организатором, чем педагогом, колония им. М. Горького была не только экспериментальной лабораторией, но и сценой для представления соответствующих «результатов исследований» общественности. Уже отмечалось, что будни в колонии носили черты инсценировки. Остроменцкая пишет даже о «театрализации» как «средстве воспитания, использованном самым широким образом», и иллюстрирует сказанное описаниями «театральных образностей» при проведении общего собрания или при приёме рапортов отдельных отрядов в кабинете «завкола»¹⁰³. Всё это можно причислять к ритуалам, которые, как известно, внесут свой вклад в дело создания стабильной системы отношений между личностью и общиной.

Как детдом «Линденгов» немецкого педагога-реформатора Карла Вилкера в Берлине или приют для сирот Корчака в Варшаве, и колония им. М. Горького имела собственную законодательность. Так, наряду с регулярно устраиваемыми театральными представлениями, в макаренковской колонии были и сознательно инсценированные судебные заседания в форме традиционного товарищеского суда, который проходил по установленному торжественному обряду «со знаменем и судебным исполнителем». Этот Соломонов суд, в котором «завкол» присвоил себе роль обвинителя, быстро превратился, как следует из отчётной ведомости о состоянии колонии за 1923 год, в «кафедру по теории поступков»¹⁰⁴. И одновременно являлся «занятым зрелищем»¹⁰⁵ для живущих по соседству крестьян, которые на открытые заседания суда ходили с таким же удовольствием, как и на театральные представления. То же самое касалось и других мероприятий и, прежде всего, «Праздника первого снопа», на котором колонисты своим соседям и гостям из города демонстрировали театрализованные представления перед началом уборки урожая.

Подобный «театральный ритуал» Остроменцкая наблюдала и при наказаниях, учинявшихся «завколом». Это более свидетельствует о том, что Макаренко был не только большой экспериментатор, но и великий актёр, который умел использовать сцену под названием «колония им. М. Горького» для демонстрации своей педагогики и своей личности¹⁰⁶. Дословно об этом в отчёте путешественницы можно прочитать следующее: «А.С.

¹⁰⁰ Giesecke. – С.312.

¹⁰¹ См.: К 7-му ноября на улицах Харькова не должно быть беспризорных. Трудовой корпус беспризорных // Харьковский пролетарий. – 1927. – № 225. – 02.10. – С.3.

¹⁰² Makarenko in Deutschland. – С.70.

¹⁰³ Остроменцкая. – С.63.

¹⁰⁴ ПС. – Т.1. – М., 1983. – С.31.

¹⁰⁵ Остроменцкая. – С.54.

¹⁰⁶ Мысль В. Линднера в письме от 20.01.02 автору.

Макаренко умеет не забыть, он играет, он хороший актёр и никогда не переигрывает, его публика всегда им заражена и покорена, он всегда ведёт её за собой. Сам он о себе говорит: „Я не педагог, я актёр“¹⁰⁷.

12. Педагогическое познание и художественное изображение

Колония им. М. Горького представляет собой также и арену, на которой разыгрывается самый известный и наиболее значительный роман Макаренко «Педагогическая поэма», литературное отражение поставленного там воспитательного опыта. Это произведение при активной поддержке Максима Горького было опубликовано в 1934–36 гг. в Москве. Уже в 1936 году рецензент поставил «Поэму» в один ряд с «Эмилием» Руссо и «Линардом и Гертрудой» Песталоцци¹⁰⁸. Результаты опроса, проведённого в 1985–86 гг. среди профессоров педагогики «старой» ФРГ в рамках рекомендуемой литературы («Библиотека педагогических классиков»), показывают, что эта книга была отмечена как одно из 12 важнейших произведений мировой литературы¹⁰⁹. И совсем недавно члены Немецкого общества научной педагогики внесли «Педагогическую поэму» в «десятку» наиболее значительных книг по педагогике 20-го века¹¹⁰.

Когда исследователи обратили внимание на публикации о колонии им. М. Горького 20-х годов и на архивные документы, начала вырисовываться неоднозначная картина. Раньше наши знания о данном учреждении и о работе Макаренко основывались прежде всего на вышеназванном литературном произведении. Основное значение для его полного понимания имеет проблематика «правды и вымысла».

На специфику литературных произведений педагога Макаренко лишь недавно снова обратил внимание М. Винклер – речь идёт о тесной взаимосвязи теоретического познания и художественного изображения. По этому поводу он пишет: «Педагогические взгляды Макаренко всегда скрыты в основанной на литературном воздействии смеси реального опыта, трезвой оценки действительности, а также фантастического приукрашивания и напряжения, компонованной с целью литературного влияния. В его произведениях, следующих технике рассказа, постепенно, через драматургию литературного изображения, вырисовываются характеристики главных персонажей и логика повествования. Говоря прямо: педагогическое содержание и правду о происходящем в колонии им. М. Горького Макаренко мог выразить только через литературный вымысел. Он вновь подтверждает познание, известное ещё со времён Руссо и Жан Поля, что проблемы и структуры воспитания и образования можно осознать и изобразить не в „обычной“ предметной теории, а посредством литературы. Сложный и случайный характер воспитания, отражающий его неразрывную связь между объективными, рационально постижимыми условиями и взаимоотношениями, личностными и, наконец, историческими совпадениями требуют создания мировоззрения, выходящего далеко за рамки научных дискуссий»¹¹¹.

13. Падение с «педагогического каната»

Наглядный пример проблематики «правды и вымысла», а также упомянутого Винклером «основанной на литературном воздействии смеси реального опыта, трезвой оценки действительности, а также фантастического приукрашивания и напряжения», представляет хорошо известный эпизод из «Педагогической поэмы» – неожиданная реакция заведующего колонией «Антон Семёновича» на отказ от работы воспитанника «Задорова», охарактеризованная автором как падение с «педагогического каната». В 1-ой части, гл. 2-ой, написано: «В одно зимнее утро я предложил Задорову пойти нарубить дров для кухни. Услышал обычный задорно-весёлый ответ:

¹⁰⁷ *Остроменцкая*. – С.61.

¹⁰⁸ См.: СС. Т.5. – С.266.

¹⁰⁹ См.: „Bibliothek pädagogischer Klassiker“ // Westermanns Pädagogische Beiträge. №№ 4 за 1985 – 5 за 1986 (здесь – 1986. – № 4. – С.42).

¹¹⁰ См.: *Weiβ G.* Weder Klassiker noch Außenseiter. Bericht über eine Tagung anlässlich der Umfrage nach Werken des 20. Jahrhunderts mit herausragender Bedeutung für die Pädagogik // Rundbrief der Sektion Historische Bildungsforschung in der Deutschen Gesellschaft für Erziehungswissenschaft. – 2000. – Nr.2. – С.33–34.

¹¹¹ *Winkler*. – С.205.

- Иди сам наруби, много вас тут!
- Это впервые ко мне обратились на „ты“.

В состоянии гнева и обиды, доведённый до отчаяния и остервенения всеми предшествующими месяцами, я размахнулся и ударил Задорова по щеке. Ударил сильно, он не удержался на ногах и повалился на печку. Я ударил второй раз, схватил его за шиворот, приподнял и ударил третий раз.

Я вдруг увидел, что он страшно испугался. Бледный, с трясущимися руками, он поспешил надеть фуражку, потом снял её и снова надел. Я, вероятно, ещё бил бы его, но он тихо и со стоном прошептал:

- Простите, Антон Семёнович...

Мой гнев был настолько дик и неумерен, что я чувствовал: скажи кто-нибудь слово против меня – я брошусь на всех, буду стремиться к убийству, к уничтожению этой своры бандитов. У меня в руках очутилась железная кочерга. Все пять воспитанников молча стояли у своих кроватей. Бурун что-то спешил поправить в костюме.

Я обернулся к ним и постучал кочергой по спинке кровати:

– Или всем немедленно отправляться в лес, на работу, или убираться из колонии к чёртовой матери!

И вышел из спальни»¹¹².

Удары «завкола» достались превосходящему в физическом отношении Задорову: « – А здорово... как вы меня съездили!»¹¹³. Разногласие подействовало как катарсис и привело к исправлению юноши.

В следующей главе «Характеристика первичных потребностей» Макаренко снова возвращается к этому эпизоду. Он пишет: «В области дисциплины случай с Задоровым был поворотным пунктом. Нужно правду сказать, я не мучился угрызениями совести. Да, я избил воспитанника. Я пережил всю педагогическую несуразность, всю юридическую незаконность этого случая, но в то же время я видел, что чистота моих педагогических рук – дело второстепенное в сравнении со стоящей передо мной задачей»¹¹⁴.

В 1936 году в письме к читательнице «Педагогической поэмы» Т.А. Миллер автор следующим образом оправдывает свой поступок: «... пощёчина Задорову не была ошибкой. Скажу грубее: без этого мордобоя не было бы колонии Горького и не было бы никакой поэмы. Но пусть это не смущает Вас: я ведь признаю, что в такой пощёчине есть преступление. Это я говорю совершенно серьёзно – преступление. Бить морды нельзя, хотя бы и в некоторых случаях это было и полезно»¹¹⁵. И в одной из своих лекций в московском Наркомпросе (1938 г.) Макаренко подчеркнул, что «побои» Задорова – «это не было наказание. Это также было требование»¹¹⁶. Само собой разумеется, что не только рецензенты в отзывах на «Педагогическую поэму», но позже и макаренковеды «всех стран» (К. Маркс / Ф. Энгельс) ломали себе голову, как рассматривать это падение с «педагогического каната» в научно-педагогическом плане.

У большинства действующих лиц «Педагогической поэмы» существуют прототипы, фамилии которых лишь незначительно изменены (Биндюк – «Бендюк», Белковский – «Ветковский», Колос – «Голос», Калабалин – «Карабанов» и т.д.). «Задорова» это касается лишь относительно – он после вышеописанного случая больше не совершал проступков и оставался одним из главных действующих лиц. Воспитанника, которого ударил Макаренко, звали Роман Затонов. Он оставался в колонии им. М. Горького всего несколько месяцев, и таким образом автору «Поэмы» он послужил лишь отправной точкой для развития литературного образа «Задорова». По мнению З. Вайца, речь идёт «ни об исторически конкретном, ни о „синтетическом“, а о чисто вымышленном образе, вероятно единственном в „Поэме“; поэтому сцены, где выступает Задоров, являются особенно значимыми для идей и взглядов автора»¹¹⁷.

Интересно, что сразу несколько бывших колонистов утверждали, что именно они были этим положительным героем и также получили знаменитую «пощёчину». С другой

¹¹² ПС. Т.3. – С.15–16.

¹¹³ Там же. – С.16.

¹¹⁴ Там же. – С.17.

¹¹⁵ ПС. Т.7. – С.7.

¹¹⁶ ПС. Т.4. – С.150.

¹¹⁷ Weitz. – С.108.

стороны, опросы воспитанников, проведённые чешским макаренковедом Либором Пехой¹¹⁸ и Ф.И. Науменко¹¹⁹, показали, что «завкол» не однажды терял самообладание. Публично же и вдова, а также бывшие питомцы и сотрудники колонии им. М. Горького умалчивали этот факт по вполне понятным причинам.

Убедительное доказательство того, что Макаренко в таком окружении очевидно не мог отказаться от данного стихийного метода «воздействия», находится в его переписке с женой, опубликованной лишь в 1994–95 гг. Так, в письме от 10 марта 1928 г. речь идёт о «бунте» в Куряже, для разрешения которого Макаренко был призван по телефону из коммуны им. Ф.Э. Дзержинского тогдашним политруком Куряжской колонии Г. Новиковым. Здесь он пишет: «В обед собрал общее собрание, на котором заявил, что в случае необходимости морды буду бить по-прежнему (!) с тем, однако, что каждой побитой сывке буду давать по 25 копеек на дорогу в Харьков – жаловаться. Поставил на голосование вопрос о полном доверии мне и педсовету. Доверие было оказано единогласно. Я им сказал: „Ну, теперь не пишите!“»¹²⁰

Этот вопрос, но менее остро, Макаренко обсуждает также и в работах, предназначенных для общественности. Так, в составленном им в январе 1928 г. «Операционном плане...» речь идёт о том, что «правильная и точная политика принуждения» в детучреждениях «должна находиться в руках опытного, знающего и тактичного человека», а именно заведующего. При этом «... принуждение может иногда принять форму насилия, если без него обойтись невозможно». И далее в этом документе можно прочесть: «Возражая решительно против физического наказания, мы всё же считаем, что в некоторых случаях применение физической силы бывает необходимо, гл[авным] образ[ом] с целью задержки, остановки»¹²¹.

О таком случае Макаренко упоминает – как раз в январе 1928 г. – в письме редакции газеты «Харьковский пролетарий», где он заступает за подчинённого ему заведующего колонией, который за избиение воспитанников должен быть предстать перед судом. Там он пишет: «В одной из колоний подросток избил до синяков воспитательницу, а через день кухарку. Его упрятали в допр. Какая-либо авторитетная пощёчина могла бы остановить развитие этого хулигана. По самой идеалистической этике этот случай не так легко разрешается, ибо что особенно идеалистического заключается в допре? Заведующему, в безобразных условиях его работы, в момент, когда нужно немедленно действовать, иногда очень трудно найти точную линию с точки зрения этики или права, и он выбирает ту, которая представляется ему целесообразной настолько, что совпадает с необходимостью»¹²².

Вышеприведённая оценка эпизода с Задоровым из главы 3-ей «Педагогической поэмы», где говорится: «Да, я избил воспитанника...», уже цитируется Остроменцкой, которая во время своего пребывания в Харьковской колонии им. М. Горького смогла получить в своё распоряжение некоторые материалы «завкола». Однако в этом раннем варианте в цитате отсутствует указание на случай, лежащий в её основе, а также на «жертву». В качестве ссылки на источник здесь приводится рукопись А.С. Макаренко под заглавием «Из опыта Полтавской колонии им. Горького»¹²³, причём, по всей вероятности, речь идёт о (несохранившейся) подготовительной работе к раннему варианту «Педагогической поэмы». Остроменцкая, которая в Куряже слышала о случаях, подобных «побоям» Задорова, делает вывод, что для детей, выросших на улице и, таким образом, знакомых с ужасными обычаями, «удар любимого воспитателя вовсе не производит впечатления жестокости, к тому же со стороны старшего товарища он и не оскорбителен, а т. Макаренко именно старший товарищ, а не начальствующее лицо»¹²⁴.

¹¹⁸ См.: Makarenko-Symposium. – С.128; Pecha L. Krutá poema. Makarenko – jak no neznáme. – Brno, 1999. – С.72.

¹¹⁹ См.: Науменко.

¹²⁰ «Ты научила меня плакать...» Переписка А.С. Макаренко с женой (1927–1939). В двух томах. Составл. и комм. Г. Хиллига и С. Невской. – Т.1. – М., 1994. – С.31.

¹²¹ На вершине. – С.11–12.

¹²² Забота. – С. 47.

¹²³ См.: Остроменцкая. – С.61.

¹²⁴ Там же.

И то, что не было известно макаренковедам до сих пор – в случае, который побудил заведущего колонией им. М. Горького «ударить» одного из своих первых воспитанников, а именно один раз по лицу, в действительности речь шла не об отказе от работы – об этом уже свидетельствуют опросы Колоса и Белковского¹²⁵. Как видно из переписки автора с Ф.И. Науменко, оба воспитанники в данный момент друг с другом были в контакте (от Белковского учёный получил адрес Колоса). Они лишь после неоднократного запроса, безусловно согласовав своё свидетельство, уклончиво ответили таким образом: «Затонов занимался азартной картёжной игрой и уходил „на гулянки“»¹²⁶. Однако повод для вмешательства Макаренко, о котором умолчали оба очевидца Науменко, был намного важнее. Деликатный секрет лишь недавно раскрыл украинский макаренковед Н.Н. Окса, а именно в двух этапах: дело было в интимной связи воспитанника Затонова с (на тот момент 35-летней) спутницей жизни «завкола».

Затонов, признанный лидер первой группы воспитанников, скрыл на комиссии свой действительный возраст – на самом деле ему было не 18, а уже 20 лет¹²⁷. При этом нужно учесть, что правонарушения, совершённые лицами, которым исполнилось 19 лет, рассматривались в суде. Так, полтавская газета «Вісти/Известия» сообщила 11 декабря 1920 г. о расстреле 17-ти поимённо названных лиц в возрасте от 19 до 53 лет за участие в заговорах, выступлениях против Советской власти, бандитизм и дезертирство¹²⁸. Однако, как следует из других сообщений местной печати, иногда и 18-летних молодых людей отправляли не в комиссию, а в суд, где их приговаривали к смерти. Так, на основании регулярно публикуемых списков «врагов Республики», «расстрелянных по постановлению Коллегии Полтавского Губчека», можно заключить, что 20 января 1921 г. это касалось 35 человек, среди которых и 18-летний юноша, который пять месяцев подряд состоял в вооружённой националистической банде и был «арестован с винтовкой и револьвером в руках»¹²⁹. Когда стало известно, что Затонов значительно перешагнул возрастную границу, действительную для пребывания в воспитательных учреждениях, он должен был покинуть колонию. Колос встречал его в последний раз в 1922 году в г. Полтаве¹³⁰.

То обстоятельство, что причиной для поступка Макаренко послужил чрезвычайный случай, можно уже заключить косвенно из неопубликованных воспоминаний его тогдашней спутницы жизни, скончавшейся в 1973 году Елизаветы Григорович – «Елизаветы Григорьевны» в «Педагогической поэме» (подобно «Гертруде» у Песталоцци). Там речь идёт о том, что «удару» (в единственном числе) «Задорова» (т.е. Затонова) не придавалось такое значение – «поворотный момент в жизни колонии», как это изображено в «Поэме» и её экранизации¹³¹.

О происшедшем Елизавета Григорович сообщила в 1972 году Н.Н. Оксе, начинающий макаренковед хранил тайну почти 30 лет и рассказал об этом впервые в студенческой аудитории в январе 2000 г., когда в рамках моего учебного занятия в Марбургском университете возник этот вопрос. По словам бывшей воспитательницы, Затонов, после «прогулки» в Полтаву, вернувшийся в состоянии лёгкого опьянения со своими товарищами в колонию, пытался её изнасиловать.

Если Затонов действительно хотел овладеть спутницей Макаренко, это означало бы, конечно, вызов последнему за господство в «участке». Тем самым становится понятной кажущаяся чрезмерной реакция «завкола», а также его высказывание о том, что если бы он не ударил «Задорова», не было бы колонии им. М. Горького и не было бы «Педагогической поэмы».

Почти три года спустя, познакомившись с рукописью этой работы, Окса сообщил мне о свидетельстве, которое Л.Т. Коваль по поводу данного случая получил от Елизаветы Григорович ещё в 1956 году. Об этом бывший политрук колонии им. М. Горького рас-

¹²⁵ См.: Науменко.

¹²⁶ Из письма Ф.И. Науменко автору от 18.05.1982 г.

¹²⁷ См.: Науменко.

¹²⁸ Борьба с врагами Республики // Вісти/Известия. – 1920. – № 158. – 11.12. – С.2.

¹²⁹ См.: Борьба с врагами Республики. Список расстрелянных по постановлению Коллегии Полтавского Губчека от 20 января 1921 г. // Вісти/Известия. – 1921. – № 21. – 02.02. – С.2.

¹³⁰ См.: Науменко.

¹³¹ Григорович Е.Ф. Выдающийся педагог. Воспоминания об А.С. Макаренко (машинопись). – Педагогическо-мемориальный музей А.С. Макаренко (Кременчуг).

сказал ему во время одной из бесед в 1985 году. Там речь идёт не о попытке изнасилования Затоновым, а о добровольном согласии Е. Григорович – «единственном грехе с воспитанником». И дальше макаренковед вспоминает: «Мне она тоже говорила о симпатиях к Затонову»¹³².

Несомненно, именно после этого инцидента воспитательница решила оставить колонию и стать студенткой истории только что возникшего Полтавского ИНО¹³³. Во всяком случае, в июне 1921 г. она, как член Губсовета защиты детей, принимает участие в проверке колонии¹³⁴. Но спустя несколько месяцев Елизавета вернулась к своему Антону и вместе с ним охотно продолжала его дело. Обстоятельство внезапного ухода и возвращения она тщательно скрывала от начальства, коллег, друзей и дотошных макаренковедов, кроме Ковалёва и Оксы.

Не в последнюю очередь на основании этого поведения её свидетельство (в беседе с Ковалёвым) кажется вполне вероятным, а версия, появившаяся в «Поэме», ещё раз иллюстрирует, насколько художественно и психологически убедительно Макаренко-писатель умел обращаться с материалом, имеющимся в распоряжении Макаренко-педагога.

Колония им. М. Горького – лаборатория и сцена воспитателя А.С. Макаренко /
Гётц Хиллиг // Постметодика. – 2003. – № 2. – С. 4–26.

¹³² См.: письмо Н.Н. Оксы автору от 20.08.02 г.

¹³³ См.: письмо Н.Н. Оксы автору от 12.09.02 г.; Полтавська трудова колонія ім. М. Горького в документах і матеріалах (1920–1926 рр.). За ред. І.А. Зязюна. – Ч.І. – Полтава, 2002. – С.150.

¹³⁴ См.: ЦГАВО Укр., 539-1-111, лл.603, 632.

МИФ О «ДИПЛОМНОЙ РАБОТЕ»
ВЫПУСКНИКА ПОЛТАВСКОГО УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
А. С. МАКАРЕНКО

Гётц Хиллиг

В 1914–1917 гг. А.С. Макаренко, как известно, был студентом Полтавского учительского института, который он закончил с золотой медалью. По его собственным словам, он получил эту высокую награду за свою выпускную работу по педагогике. Данный факт общеизвестен и долгое время не вызывал никаких сомнений. Он нашёл отражение во всех биографиях педагога, написанных отечественными и зарубежными авторами.

Макаренко упоминает об этом в своём заявлении в Центральный институт организаторов народного просвещения им. Е.А. Литкенса, датированном 24 августа 1922 г. В нём написано дословно следующее: «В Учительском институте золотую медаль получил за большое сочинение "Кризис современной педагогики", над которым работал 6 месяцев»¹. Международное макаренковедение неоднократно указывало с сожалением на то, что до сих пор не удалось обнаружить эту работу. В ней предполагается найти точную информацию о том, какими знаниями о современных ему (российских и зарубежных) течениях в педагогике обладал Макаренко, а также ссылки на возможные влияния на формирование его собственных представлений.

Архивные фонды Полтавского учительского института, основанного в 1914 году, к сожалению, не сохранилось. Достойно упоминания то, что с 1989/90 учебного года впервые для педвузов СССР все выпускники стационара Полтавского педагогического института (сегодня – педуниверситета) пишут и защищают дипломные работы, как это якобы уже было с начала существования учебного заведения, в первом выпуске которого являлся и выдающийся педагог А.С. Макаренко.

На основании государственных указов о награждении медалями учеников и студентов в Российской империи и законодательства, вышедшего Временным правительством, а также переписки между Полтавским учительским институтом и начальством в Киеве я пришёл к заключению, что Макаренко такой работы вообще не писал.

По этой теме я уже выступал в 1991–92 годах в печатных органах в Киеве² и в Полтаве³, а также в Москве⁴, но мои выводы были встречены с сомнением. Так, в авторитетном журнале «Педагогика» в связи с данной публикацией можно прочитать следующее: «... поскольку аргументы Г. Хиллига показались редакции спорными и не очень убедительными, мы обратились к Г.А. Созиновой, на протяжении многих лет изучавшей рассматриваемый период в жизни А.С. Макаренко, с просьбой прокомментировать статью немецкого макаренковеда». В обширной статье этого оппонента⁵, который ни до, ни после того не выступал с результатами своей исследовательской деятельности, не содержится ни одного нового факта, и это самое, к сожалению, нужно сказать также и по поводу возражения мною уважаемого «местного» партнёра в дискуссии по данной теме М.Ф. Моргуна. Поэтому мне бы хотелось познакомить читателей «Постметодики» с центральными тезисами моей аргументации.

То, что Макаренко по окончании своей учёбы в Полтавском учительском институте был награждён золотой медалью, не подлежит сомнению, – это указано в его аттестате, известном по многочисленным изданиям трудов педагога-писателя. Но я сомневаюсь в том, что он получил данную награду «за большое сочинение "Кризис современной педагогики", над которым работал 6 месяцев». В связи с этим хочу выдвинуть следующие аргументы:

¹ Макаренко А.С. Педагогические сочинения. Т.1. – М., 1983. – С.10.

² Таємниця дипломної роботи. «Автобіографічна фантазія» А.С. Макаренка чи «біла пляма» макаренкознавства? (Дискусія між Г. Хілігом та В. Моргуном) // Освіта. – 1991. – № 68, 17.09. – С.2.

³ «Автобіографічна фантазія», або «біла пляма» макаренкознавства // Комсомолець Полтавщини. – 1991. – № 111, 24.09. – С.3.

⁴ Хиллиг Г. О судьбе «дипломной работы» А.С. Макаренко // Педагогика. – 1992. – № 7–8. – С.91–93.

⁵ Созинова Г.А. По поводу публикации Г. Хиллига // там же. – С.94–97.

1. Макаренко сам не заговаривает на названную тему ни до этого, т.е. между 1917 и 1922 гг., ни после; также его учителя в Полтавском институте, и особенно директор А.К. Волнин, преподававший педагогику, в их обширных и информативных воспоминаниях о Макаренко не упоминают ни единым словом о подобной работе своего «образцового ученика».

2. Предмет «педагогика» преподавался в трёхгодичном учительском институте только со второго класса. Поэтому возникает естественный вопрос: каким образом Макаренко, которого осенью (или, самое позднее, в начале декабря) 1916 г. призвали на военную службу, мог написать столь большую работу, требующую так много времени? Уж никак не в 1916 г., после только одного года обучения педагогике! Но, может быть, он успел это сделать за те четыре месяца, которые у него остались после возвращения со службы?

3. На основании циркуляра Министерства народного просвещения Временного правительства от 19 марта 1917 г. во всех учительских институтах в том году были отменены выпускные экзамены. Все «воспитанники», которые успешно заканчивали третий класс, получали в конце учебного года разрешение преподавать в высших начальных училищах⁶.

4. В соответствии с положением об учительских институтах от 31 мая 1872 г., которое упоминалось и в аттестате Макаренко, награждение лучших воспитанников этих заведений золотыми и серебряными медалями проводилось на тех же основаниях, что и в мужских гимназиях Министерства народного просвещения (ст. 2.290). О том, что написание выпускной работы является необходимым условием для получения медали, речи не было.

5. Из сохранившейся в Центральном государственном историческом архиве Украины переписки попечителя Киевского учебного округа с Полтавским учительским институтом следует, что весной 1917 г. Макаренко подавал прошение директору института о продлении срока сдачи зачётов по учебным предметам (официально день окончания учебных занятий в институте – 1 мая). При этом он ясно даёт понять, что из-за его военной службы для него невозможно в срок выполнить все требования, обязательные для успешного окончания учёбы, т.е. «сдать все необходимые зачёты, сочинения по педагогике (!) и практические работы». Свою цель (успешно закончить курс института) Макаренко пытался достичь всеми правдами и неправдами: он указывает на то, что якобы «не исключена возможность нового призыва (его) на военную службу в текущем году осенью». Как следует из архивных материалов, 24 апреля 1917 г. педагогический совет института рассматривал прошение «воспитанника III класса Антона Макаренко» и принял решение «в виду выдающихся способностей и успехов» дать ему возможность «окончить курс института в настоящем учебном году». Для этого он должен «подвергнуться в течение мая месяца проверочным испытаниям»⁷. Заслушивание их результатов произошло на заседании педагогического совета 15 июня – в тот день, как известно, был выдан аттестат⁸.

Об этом Волнин сообщает 17 июля попечителю, и в том же письме отмечено, что Макаренко было также присуждено «звание учителя высшего начального училища с награждением за отличные успехи золотой медалью». Правда, о якобы угрожающей опасности снова попасть в солдатские казармы речи нет. Вместо этого упоминается о намерении Макаренко поступить в высшее учебное заведение, поэтому после письменного заявления ему сразу же выдали документы⁹, в том числе аттестат и характеристику, где, между прочим, говорится о том, что «особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым очень много читал и представил прекрасные сочинения»¹⁰.

Планы Макаренко изучать в Москве историю потерпели неудачу, так как и после Февральской революции сохранилось прежнее условие для такой учёбы в университете: знание древних и современных иностранных языков. Как вытекает из циркуляра Министерства просвещения Временного правительства от 13 июня 1917 г., выпускникам учи-

⁶ См.: Педагогический журнал. Полтава. – 1917. – № 2–3. – С.2–3.

⁷ ЦГИА Укр., ф.707, оп.299, д.6 за 1917 г. л.93–93 об.).

⁸ В издании «Педагогических сочинений» А.С. Макаренко (т.8, с.119) данный документ ошибочно датирован: «Полтава, июля 15 дня 1917 г.».

⁹ См.: ЦГИА Укр., ф.707, оп.299, д.6 за 1917 г., л.131–131 об.

¹⁰ Макаренко А.С. Педагогические сочинения. Т.8. – М., 1986. – С.118.

тельских институтов предоставлялось право поступления в университет только после сдачи дополнительных экзаменов по латинскому и одному из новых языков¹¹.

Макаренковскими документами и высказываниями биографического характера вообще надо пользоваться с величайшей осторожностью – в них встречается много «фантазий». Это нужно также сказать и по поводу вышеупомянутого заявления «завкола Горького» в Центральный институт организаторов народного просвещения в Москве. Данный документ начинается короткой автобиографией из шести предложений. Даже в этом небольшом абзаце можно обнаружить ряд неточностей и преувеличений в пользу автора. Так, например, педагогические курсы, законченные Макаренко в 1905 году, были не двух- (как это написано в заявлении), а одногодичные. Упоминаемая им «большая железнодорожная школа при Крюковских вагонных мастерских (до 1000 учащихся)», которой он в 1917–1919 гг. руководил, в действительности представляла собой маленькое училище на 200–300 учеников.

Автобиографические высказывания А.С. Макаренко требуют критической оценки исследователей. Это относится также и к легенде о «дипломной работе» педагога-новатора.

Миф о «дипломной работе» выпускника Полтавского учительского института А.С. Макаренко / Гётц Хиллиг // Постметодика. – 2003. – № 5–6. – С. 77–79.

¹¹ См.: Журнал министерства народного просвещения. – Ч.70. – 1917. – Отд.1. – С.69–70.

А. С. МАКАРЕНКО И В. А. БАЛИЦКИЙ.
Два соратника на службе украинского ГПУ
Гётц ХИЛЛИГ

Всемирно известный педагог А.С. Макаренко (1888–1939) разработал свою новаторскую концепцию воспитания на основе личного опыта руководителя двух учреждений по преобразованию малолетних правонарушителей и беспризорников на Украине: колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. В то время, как колония подчинялась местному и республиканскому органам наробраза, в случае с коммуной речь идёт об учреждении ГПУ, созданной большевиками, как известно, для сохранения власти организации – преемника ЧК, в компетенцию которого входила также борьба с детской беспризорностью.

Как же так получилось, что А.С. Макаренко – который не являлся ни сотрудником ГПУ, ни даже членом компартии – осенью 1927 г. была вверена коммуна им. Ф.Э. Дзержинского, первое учреждение перевоспитания беспризорников ГПУ УССР? Кто рекомендовал Макаренко на эту работу, кто назначил его на должность заведующего? Как смог он остаться в живых в Харькове, бывшей тогда столице Украины, и позже в новой столице Киеве, куда он был переведён в 1935 году, на третьестепенную должность в аппарате ГПУ-НКВД, до тех пор, пока в феврале 1937 г. ему не удалось переселиться в Москву и, таким образом, спастись от террора на Украине? Рассмотрению этих вопросов советское макаренковедение, по понятным причинам, не уделяло должного внимания.

Но одно уже сейчас с уверенностью можно утверждать: все эти годы педагог-писатель находился под особой защитой чекиста высшего ранга – Всеволода Аполлоновича Балицкого (родился 27 ноября 1892 г. или 1893 г. в г. Верхнеднепровск Екатеринославской (Днепропетровской) губернии; национальность: украинец или, по некоторым документам, русский); в отличие от большинства высокопоставленных функционеров ГПУ-НКВД имел высшее образование (неполное): после восьми классов гимназии – три курса юридического факультета Московского университета (1912–1915), вольнослушатель Лазаревского института восточных языков в Москве (1915); окончил Тифлисскую школу прапорщиков (1915); служил прапорщиком 114 запасного полка, Кавказский фронт (1917). Балицкий, который, прежде чем стать большевиком, был меньшевиком (1913–1915), с конца 1918 г. работал в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД. С 1923 по 1937 гг.¹ – за исключением полутора лет, когда его летом 1931 г. из-за конфликта с командующим Украинским военным округом И.Э. Якиром отозвали в Москву на пост третьего (!) зам. председателя ОГПУ СССР – возглавлял ГПУ, затем НКВД УССР. На Макаренко, как наиболее подходящую кандидатуру на должность заведующего новой коммуной, ему указала младшая сестра Наташа.

Знакомство Макаренко с Натальей Балицкой, которая после восьми лет гимназии два года училась в Харьковском институте народного образования, приходится на время перевода колонии им. М. Горького из Полтавы в Куряж под Харьковом (в 1926 г.). Она была председателем шефского комитета располагавшейся там трудкоммун. Данный комитет сохранялся и после «завоевания» колонистами-горьковцами Куряжа. По свидетельству очевидцев, Макаренко сразу влюбился в умную и очень красивую Наташу; даже имел намерение на ней жениться.² Однако В.А. Балицкий этого не допустил, так как, ознакомившись с личным делом Макаренко, обнаружил отягощающий факт в его биографии: брат «завкола Горького», бывший «белогвардеец», жил за границей. И всё же, это не мешало Балицкому привлечь Макаренко к созданию коммуны им. Ф.Э. Дзержинского.

Характеристику Балицкому дал А.И. Мильчаков, который в 1927–28 гг. работал Первым секретарём ЦК комсомола Украины. В беседе с московским педагогом В.Г. Бей-

¹ См.: Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. ЧК – ГПУ – НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997 (ссылки на: Шаповал). – С.435–437; Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник. Под ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. – М., 1999 (ссылки на: Петров/Скоркин). – С.99–100.

² См.: Hillig G. Verbläbte Gesichter, vergessene Menschen... 28 Porträts von „Freunden“ und „Feinden“ A.S. Makarenkos. – Bremen, 1999. – С.115.

линсоном в 1966 году он говорил: «Одна из самых ярких личностей, которые мне встречались. Большие и разные природные способности, крепкое базовое образование он подкреплял неутомимым самосовершенствованием. Человек напряжённого аналитического ума, сильного характера и высочайшего профессионализма, Балицкий – сподвижник Дзержинского. Балицкий на всю жизнь был захвачен идеей учителя о позитивном участии ВЧК, органов внутренних дел и государственной безопасности в спасении детей, в строительстве повсеместно эффективной педагогики».³

Между Макаренко и Балицким («Аполлоном») были наилучшие отношения. Они неоднократно встречались как в Харькове, так и в Киеве по служебным делам, и, судя по существующим источникам, у них была взаимная расположенность друг к другу: не только чекист высоко ценил беспартийного специалиста, но и педагог с большим уважением относился к своему начальнику: «По словам Балицкого, – свидетельствует Мильчаков, – он ещё в 1925 году влюбился в Макаренко. С того времени пользуется консультациями и советами Макаренко, между ними устанавливаются товарищеские отношения, на равных. В компании, на совещаниях Балицкий обращается к Макаренко как к мэтру [...]»⁴. Тогдашний руководитель комсомола подтвердил, что «идея детского учреждения – коммуны как памятника Дзержинскому» принадлежала Балицкому, и он «прорабатывал её с Макаренко». «От Балицкого я знал, что в самом начале этой затеи было обговорено: заведующим этой коммуной станет Макаренко [...]»⁵.

В течение почти десяти лет деятельности педагога на службе ГПУ-НКВД Украины Балицкий играл для Макаренко роль, которую нельзя недооценивать. Тем более удивительно, что постсоветские макаренковеды, освобождённые от всяких табу, до сих пор так и не высказались по поводу роли наркома и его сестры в жизни педагога-писателя.

В последнем советском издании трудов А.С. Макаренко (в восьми томах, 1984–1986) изъяты все упоминания имени этого государственного деятеля – за одним исключением: комментарий к содержанию фрагментарно дошедшего до нас очерка «ФД-1» (в т. 2) содержит указание на то, что в рукописи произведения, написанного в марте-апреле 1932 г. во время пребывания автора в Москве, упоминается некий «Всеволод Апполонович Балицкий» как один из посетителей коммуны, без каких-либо сведений об этом лице⁶ (при публикации предшествующих собраний трудов А.С. Макаренко данное имя было изъято его бдительной вдовой).

То обстоятельство, что Балицкий, будучи ответственным за террор на Украине (по крайней мере до мая 1937 г.), как и все другие сталинские наркомы (министры) внутренних дел, к моменту завершения этого восьмитомника не был реабилитирован – что, впрочем, остаётся так и по сегодняшний день – и, вследствие чего, не мог упоминаться в советских публикациях. Это привело наконец к тому, что имя Балицкого – при наличии соответствующего примечания в одном из марбургских изданий (1984)⁷ – не было включено в сводный указатель данного издания (т. 8; 1986).⁸

Снятие Макаренко весной 1932 г. с должности заведующего коммуной им. Ф.Э. Дзержинского (впредь в его ведении оставалась только пед. часть коммуны) приходится на время московского интермеццо Балицкого. В начале 1933 г. Макаренко вновь работает над рукописью «Педагогической поэмы».

Как известно, в первой части этого произведения, в главе «Завоевание комсомола», чекистам приписывается решающая роль в создании ячейки комсомола в колонии им. М. Горького (события датируются 1923 г.): только после того, как комсомольцы комендатуры ГПУ позаботились о колонистах, те смогли, наконец, осуществить свою мечту о создании собственной ячейки. В данном эпизоде западные интерпретаторы Макаренко

³ Информация В.Г. Бейлинсона по материалам его личного архива – в беседе с автором (в 2003 г.).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См.: Макаренко А.С. Педагогические сочинения в 8-и томах. – М., 1984–86, т.2. – С.506.

⁷ См.: Некоторые соображения в связи с выходом двух первых томов издания собрания сочинения А.С. Макаренко // Hillig, G. Sankt Makarenko. Zur Editionspraxis der Akademie der Pädagogischen Wissenschaften der RSFSR / UdSSR (1950–1983) / Святой Макаренко. К изданию произведений А.С. Макаренко Академией педагогических наук РСФСР-СССР (1950–1983 гг.). – Marburg, 1984. – С.55–98, здесь: с.93.

⁸ А.А. Фролов (г. Горький) в беседе с автором в Венгрии (1987 г.).

уже с 50-х годов видели доказательство того, что заведующий колонией им. М. Горького давно сотрудничал с органами госбезопасности и был всегда их апологетом. В действительности же комсомольская ячейка в этом воспитательном учреждении была создана только в 1925 году, а именно, в результате принятого на высшем уровне решения: ЦК ЛКСМ Украины, по требованию Наркомпроса, направил в колонию комсомольца Л.Т. Ковалю в качестве политрука, то есть заместителя, а также наблюдателя за чересчур самовольным заведующим – до этого момента Макаренко удавалось успешно противостоять «политической инструментализации» руководимого им учреждения.

Из-за нежелания Макаренко создавать в колонии какие-либо политические организации, «чекистская сказка» из «Поэмы» имеет своим источником лишь преклонение перед Балицким, который в феврале 1933 г. вернулся на пост председателя ГПУ УССР.

Осенью 1936 г. в рамках следствия по делу Л.С. Ахматова, бывшего начальника Макаренко в отделе трудколоний НКВД УССР, первый назвал педагога-писателя в числе членов «контрреволюционной троцкистской террористической организации», участие в которой приписывалось арестованному. Тогда же, по указанию Балицкого, имя Макаренко вычеркнули из протокола допроса Ахматова.⁹ А примерно 22 марта 1937 г. педагог, который после переселения (в феврале того же года) в Москву ещё раз возвратился в Киев, был по личной просьбе принят наркомом на длительную «аудиенцию». Разговор проходил в исторически важный момент: спустя две с половиной недели после решающего для последовавшего за этим террора в СССР февральско-мартовского (23.02. – 05.03.1937) пленума ЦК ВКП(б), в котором участвовал и Балицкий (он с XVII съезда партии (1934 г.) был членом данного ЦК) и 3 марта выступал о „недостатках“ при «разоблачении троцкистов на Украине» (sic!)¹⁰ – за несколько дней до ареста наркома связи СССР Г.Г. Ягоды, теперь уже бывшего начальника Балицкого. Макаренко просил наркома о встрече, так как умышленно затягивалось его ходатайство об отчислении из НКВД УССР, что должно было в будущем дать ему возможность жить как гражданскому лицу и «свободному писателю». Кроме того, он хотел получить консультацию у своего друга-патрона в связи с предложением Горького (в письме от 8 октября 1935 г.) написать рассказ о чекистах. Это свидание педагога-писателя с наркомом должно было стать последним.

Как видно из пространной записи Макаренко под названием «К теме „Ч.“», он действительно беседовал с наркомом о своём писательском проекте. Дословно здесь можно прочесть: «Б. отличает несколько типов происхождения [чекистов. – Г.Х.]:

„Гимназисты“.

„Местечковые“ [евреи. – Г.Х.].

„Военные“».¹¹

Наконец, 9 апреля – когда Макаренко вновь был в Москве – последовал приказ уже обречённого Балицкого об объявлении ему благодарности за деятельность в ГПУ-НКВД УССР¹².

11 мая 1937 г. Балицкого освободили от обязанностей народного комиссара внутренних дел Украины. В конце мая его вызвали в Москву для назначения начальником Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю с местопребыванием в г. Хабаровск, где он пробыл только 16 дней, до 19 июня. На июньском (23.29.06.) пленуме ЦК ВКП(б) последовало его исключение из состава членов ЦК; 7 июля во время командировки, в служебном вагоне, он был арестован¹³. Жена Макаренко, узнав об этом в Москве «по своим каналам» (от родственника, служившего в НКВД), склоняет мужа к «изменению курса». Во всяком случае, примечательно, что Макаренко впоследствии в публичных высказываниях по возможности избегал всякой хвалы в адрес чекистов. Кроме того, бросается в глаза, что в статье «Макаренко Антон Семёнович» в томе 27 БСЭ (подписан к печати 1 октября 1937 г.) ни словом не упоминается о работе педагога-писателя в органах госбезопасности. В этом тексте, в основе которого, без сомнений, лежат личные данные,

⁹ См.: *Абаринов А., Хиллиг Г.* Испытание властью. Киевский период Макаренко (1935–1937 гг.). – Марбург, 2000 (ссылки на: Абаринов/Хиллиг). – С.133.

¹⁰ См.: *Вопросы истории.* – 1994. – № 12. – С.22.

¹¹ См.: *Абаринов/Хиллиг.* – С.184.

¹² См.: *Морозова Н.А.* А.С. Макаренко. Семинарий. Изд. 2-е. – Л., 1961. – С.116 (фамилия наркома здесь не названа).

¹³ См.: *Шаповал.* – С.67–68, 437.

отобранные, конечно же, самим Макаренко, о его воспитательной деятельности в годы советской власти сказано лишь следующее: «В 1920 организовал под Полтавой трудовую колонию им. М. Горького, которой руководил 8 лет. Затем вёл руководящую работу по организации других детских трудовых коммун и колоний на Украине».¹⁴

Переехав в Москву, Макаренко никогда не говорил публично о своей работе в отделе трудколоний НКВД УССР. Этому же правилу следует и вдова в её пред- и послесловиях к изданиям произведений А.С. Макаренко, а также первый биограф педагога-писателя Е.Н. Медынский в своих книгах, написанных в 1940-х гг. Здесь – и вместе с тем в литературе о Макаренко до 1949 г. вообще – отсутствует всякое указание на полугодовую деятельность в Киеве под руководством Балицкого. В выступлениях последних лет своей жизни Макаренко, как правило, избегал также упоминать о том, что под коммуной им. Ф.Э. Дзержинского подразумевалось учреждение ГПУ-НКВД.

27 ноября 1937 г. – раньше Ягоды, который с июля 1934 по сентябрь 1936 гг. возглавлял НКВД СССР и предстал перед судом лишь в ходе третьего «Московского процесса» в марте 1938 г. – Балицкий в советской столице «в особом порядке» приговорён к «высшей мере наказания» (расстрел). В тот же день приговор привели в исполнение. Тогда ему было 44 или 45 лет.¹⁵ О непосредственной реакции Макаренко на гибель Балицкого до сих пор ничего неизвестно, только в его дневнике, между записями от 14 августа и 13 декабря 1937 гг., находятся, очевидно не случайно, четыре с половиной пустых страницы.¹⁶

По мнению В.Г. Бейлинсона, общавшегося с людьми хорошо знавшими Балицкого в разные периоды его жизни, последний многим отличался от Ягоды.

«Если Ягода – хитрющий лицемер, ловко услуживающий начальству, лютый хам и матерщинник в обращении с подчинёнными и простыми людьми, то Балицкий – человек чётко определённой позиции и ясных убеждений; Балицкий – человек чести, самостоятельная личность, руководитель требовательный и уважительный к подчинённым, даже заботливый; джентльмен в поведении.

Если Генрих Ягода – проходимец, туманного и весьма сомнительного революционного прошлого, мелкий закулисный политикан и крупный игрок во власти, то Всеволод Балицкий настоящий государственный деятель, по натуре и устремлениям созидатель и умелый; в биографии Балицкого всё ясно и чисто. [...]

В. Балицкий в бытность свою на Кавказе напал на след сотрудничества Сталина в дореволюционные годы с охранным отделением (политической полицией) царской России и вместе с маленькой группой верных чекистов совершенно тайно идёт по этому следу. В 1928–33 гг. Балицкий обнаруживает документы, изобличающие Сталина.

К 1936 году Сталин получает информацию о тайном розыске Балицкого и тот становится личным врагом Сталина. Сперва один за другим уничтожаются давние друзья Балицкого, а открывшийся в 1937 году «Большой террор» полностью развязывает руки Сталину-Ежову-Берия прежде всего в разгроме чекистов; они заменяются энкаведэшниками»¹⁷.

В год «Большого террора» жертвой репрессий пали также многие другие руководящие сотрудники украинских органов госбезопасности, которых Макаренко знал по работе в Харькове и в Киеве и о которых он мог бы написать в запланированном художественном произведении. Тем самым был бы сломлен щит ЧК-ГПУ-НКВД...

А.С. Макаренко и В.А. Балицкий. Два соратника на службе украинского ГПУ / Гётц Хиллиг // Постметодика. – 2005. – № 6. – С. 40–43.

¹⁴ См.: Большая советская энциклопедия, т.37. – М., 1938. – Столб.729.

¹⁵ См.: *Петров/Скоркин*. – С.99–100.

¹⁶ См. *Хиллиг Г.* Макаренко в год «большого террора». – Марбург, 1998. – С.73.

¹⁷ Из рукописи очерка *В.Г. Бейлинсона* «Макаренко и Сталин», предоставленной автором в моё распоряжение в октябре 2003 г. В рукописи приводятся записи бесед с *С.И. Араловым*, организатором и первым руководителем советской военной разведки; *С.И. Кавтарадзе*, грузинским дворянином, одним из основателей РСДРП на Кавказе; *Г.И. Петровским*, учеником и другом Ленина, с 1919 по 1938 гг. председателем ВУЦИК.

НА РАЗНЫХ БЕРЕГАХ ...

**О том, как братья Макаренко в 1930-х годах
пытались восстановить контакт друг с другом**

Гётц Хиллиг

Es waren zwei Königskinder,
Die hatten einander so lieb.
Sie konnten zusammen nicht kommen,
Das Wasser war viel zu tief.

Двое детей короля
Сильно любили друг друга.
Но их разлучила река,
И воды её глубоки.

(Из известной старинной немецкой народной песни)

Работая в течение многих лет над биографией А.С. Макаренко, я обратил внимание на факты, связанные с попытками братьев Макаренко – Антона и Виталия – восстановить друг с другом отношения в 1930-е годы. Долгое время каждый из них ничего не знал о судьбе другого.

Как известно из материалов, опубликованных марбургской лабораторией «Макаренко-реферат», эмиграция Виталия – бывшего офицера царской армии, присоединившегося в 1919 году к «белогвардейцам» и после их разгрома бежавшего за границу, в значительной мере осложнила жизнь его старшего брата в стране Советов. В биографиях «выдающегося советского педагога», созданных макаренковедом СССР, «не нашлось места» для брата-эмигранта, как, впрочем, и для трёх сестёр, ничем не опорочивших автора «Педагогической поэмы» и «Книги для родителей». Видимо, такие факты посчитали тёмными пятнами на иконе советской педагогики.

В своих воспоминаниях Виталий писал, что о смерти брата он узнал из эмигрантской газеты «Последние новости» (Париж) от 3 апреля 1939 г. В ней, как и в советской прессе, сообщалось, что в Москве «умер писатель Макаренко»¹. Для Виталия, который переписывался со своим братом-педагогом в 1920-е годы, оказалось полной неожиданностью узнать, что заветное желание Антона стать писателем – исполнилось.

Справедливости ради следует отметить, что об успехах брата на литературном поприще В.С. Макаренко узнал несколько раньше. Своей дочери Олимпиаде, проживавшей в Москве, Виталий, кроме вышеупомянутого некролога, выслал заметку из парижской газеты от 4 февраля 1939 г. В ней говорилось о писателях, награждённых орденом за заслуги в области советской литературы. Фамилия Макаренко там была подчёркнута Виталием. Автор газетной публикации обращал внимание читателей на то, что награждение является доказательством реабилитации некоторых писателей, в том числе и Макаренко, «недавно подвергавшихся разным партийным нареканиям и обвинениям». Что касается Макаренко, то он, как известно, стал объектом ожесточённой критики за повесть «Флаги на башнях». В настоящее время обе вырезки из газеты «Последние новости» хранятся в Кременчугском музее А.С. Макаренко².

Возвращаясь к тому времени, когда переписка между братьями стала невозможна, следует отметить некоторые особенности выступлений А.С. Макаренко и материалов, подготовленных им для печати, где речь шла о зарубежных странах. Говоря о них, А.С. Макаренко всегда имел в виду Францию, где жил его брат. Этот факт прошёл мимо внимания специалистов-макаренковедов, поскольку хранительница наследия педагога-писателя, его вдова Галина Стахивна, изымала из стенограмм выступлений и авторских рукописей название этой страны.

¹ Макаренко В. Мой брат Антон Семёнович. Воспоминания, письма. Редактор и автор комментариев: Г. Хиллиг. – Марбург, 1985. – С.74.

² Педагогическо-мемориальный музей А.С. Макаренко, Кременчуг, №№ 2167, 2168.

Читатели трудов Макаренко, возможно, помнят те два места, которые его вдова «забыла» изменить. В выступлении в Украинском НИИ педагогики 14 марта 1928 г., на вопрос одного из критиков, зачем ему в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского понадобились трубы, Макаренко ответил: «Предположим, сегодня приехали французы, встретили их с оркестром. Если оркестр играет, то вы говорите, что это военный дух. Поскольку есть оркестр в каждой военной части, то это военный дух, но поскольку оркестр есть на каждой фабрике, то это не военный дух, а в медной трубе нет никакого военного духа»³. Другая ссылка на Францию находится в «Опыте методики работы детской трудовой колонии» (осень 1932 г.) в разделе «Коллектив»: «Мы говорим „коллектив сотрудников ГПУ“, но не скажем „коллектив французского министерства внутренних дел“»⁴.

Особый интерес вызывает следующая редакторская правка в письме Макаренко от 7 декабря 1938 г. бывшему коммунару Леониду Конисевичу, который стал моряком и за участие в эвакуации испанских детей из порта Бильбао в 1936 году был награждён орденом. Педагога-писателя поразило литературное дарование, которое он разглядел в письмах воспитанника. В вышеупомянутом письме Макаренко пытается побудить Конисевича делать заметки в ходе его судоходных путешествий и написать произведение: «Ведь у нас нет ни одной книги о Западной Европе, ни одной порядочной строчки». При публикации письма в семитомнике «Сочинений» А.С. Макаренко эта фраза была изменена следующим образом: «(...) ни одной большевистской книги (...), ни одной строчки». О том, как будущий литератор должен приступить к делу, в опубликованной версии письма можно прочитать: «Нужно только всё видеть нашими советскими глазами...», но такая фраза отсутствует в подлиннике⁵. С помощью такой политизированной подмены составители семитомника хотели отвести внимание читателей от очевидного желания Макаренко узнать что-либо о сегодняшнем состоянии Западной Европы, о мире, в котором живёт его брат. В комментариях к некорректной публикации данного письма в восьмитомнике «Педагогических сочинений» А.С. Макаренко содержатся ложные сведения о том, что материал «публикуется по архивному источнику»⁶.

Следы редакторской бдительности Галины Стахивны Макаренко (Салько) можно обнаружить также и в другой части её «творческой» деятельности. В начале 1970-х годов, работая над подготовкой Марбургского издания «Собраний сочинений» А. Макаренко, я просматривал в библиотеке им. В.И. Ленина в Москве советскую периодику 1930-х годов. И тогда, среди прочих материалов, обнаружил в журнале «Revue de Moscou» и в газете «Le journal de Moscou» две неизвестные публикации Макаренко на французском языке, относящиеся к 1937–38 годам: „Le chemin de la vie“ (Путёвка в жизнь) и „La femme soviétique“ (Советская женщина). В обоих случаях есть указания на то, что автор этих статей хотел сообщить живущему во Франции брату о том, что его юношеская мечта «стать писателем и завоевать славу»⁷ – сбылась.

Первый материал – перевод статьи «Выбор профессии». Она была напечатана с неправильной пометкой «публикуется впервые» в сборнике «Педагогических сочинений» А.С. Макаренко (1948 г.). В таком виде статья вошла во все собрания трудов педагога-писателя. В комментариях к этим публикациям составители (В.Е. Гмурман и др.) цитируют следующую запись из дневника Макаренко от 14 августа 1937 г.: «Статья о выборе профессии во французский журнал». Эта запись натолкнула меня на мысль отыскать упомянутую публикацию. В статье Макаренко – видимо и для того, чтобы напомнить брату об их родстве – упоминает о своём происхождении и педагогической деятельности. Он пишет: «Я проработал в железнодорожной школе девять лет, выпустил в жизнь человек 500 (...)». «После революции судьба поручила мне „самый низший отдел человечества“ – беспризорных... (...) Скоро закончится 17 лет, как я работаю с ними»⁸.

³ Макаренко А.С. Педагогические сочинения в 8-ми томах. М., 1983–1986 (ПС). Т.1, 1983. – С.78.

⁴ Там же. – С.176.

⁵ См.: Hillig G. Vom allzu „nachlässigen“ Umgang mit Makarenkos Nachlaß [О слишком «небрежном» обращении с наследием Макаренко] / Beiträge zur Makarenko-Forschung in Deutschland. [Hrsg.: E. Günther-Schellheimer]. – Berlin: Makarenko-Forschungsstelle. – 1990. – С.65–87 (здесь: с.70–75).

⁶ ПС. – Т.8. – М., 1986. – С.229.

⁷ Там же. – Т.7. – М., 1986. – С.96.

⁸ Там же. – Т.4. – 1984. – С.38–39.

Французский вариант статьи приводится в 9-м томе двуязычного Марбургского издания (1978 г.), что побудило составителей последнего советского собрания трудов А.С. Макаренко (А.А. Фролов и др.) включить в комментарий 4-го тома (1984 г.) указание на факт публикации статьи уже в 1937 г. – правда, без ссылки на находку их немецких коллег⁹.

Примечательно, что во французском варианте статьи об авторе сказано следующее: «А. Makarenko, l'auteur du célèbre roman „Le Poème Pédagogique“ (А. Макаренко, автор известного романа „Педагогическая поэма“)¹⁰. Подобная ссылка есть и во втором материале – расширенном варианте статьи «Советские лётчицы», опубликованной днём раньше в «Литературной газете». Во французской статье „La femme soviétique“ речь идёт о «писателе А. Макаренко» (l'écrivain A. Makarenko)¹¹.

Ещё до этих двух франкоязычных публикаций А.С. Макаренко газета «Le Journal de Moscou» на страницах одного из своих первых номеров (14 июля 1934 г.) поместила подробную рецензию на первую часть «Педагогической поэмы»¹², журнальный вариант которой в начале года вышел в свет в горьковском альманахе «Год семнадцатый». Заслуживает внимания, что данный отзыв, написанный зав. лит. отделом газеты А. Дмитриевым, был опубликован ещё до начала широкой дискуссии о «Поэме» в советской печати. Характеризуя автора, рецензент называет его «глубоко прямым человеком, который непоколебимо верит в верность и в успех своего произведения». Название рецензии «Poème pédagogique. La commune du travail Gorki, en Ukraine» (Педагогическая поэма. Трудовая коммуна им. Горького на Украине) можно расценивать как знак автора книги или её рецензента в адрес Виталия о писательском пути брата. Не исключено, что А.С. Макаренко во время своего пребывания в Москве в апреле 1934 г. заходил в редакцию франкоязычной газеты для того, чтобы узнать о возможности рецензирования его книги. Впрочем, адресат во Франции нечего не знал о существовании всех этих публикаций. Виталий рассказывал, что он принципиально не читал никакой «большевистской прессы». Поэтому попытки контактов такого рода были обречены на провал.

Хорошо помню тот вечер, когда в октябре 1973 г., после обнаружения двух выше-названных публикаций А.С. Макаренко, встретился с В.Е. Гмурманом и его сотрудниками в Институте теории и истории педагогики АПН СССР. Гмурман был озадачен фактом существования макаренковских статей на французском языке, о чём открыто сказал мне, подчеркнув, что Галина Стахивна передавала сотрудникам Лаборатории А.С. Макаренко для работы по изданию семитомника «Сочинений», кроме русско- и украиноязычных, лишь публикации на английском языке. Спустя 15 лет, работая в макаренковском фонде ЦГАЛИ СССР, я обнаружил: в сохранившихся списках публикаций педагога-писателя, составленных сотрудниками московской лаборатории, эти статьи не значились. Почти все следы в жизни и творчестве А.С. Макаренко, которые ведут во Францию, Галина Стахивна тщательно замела...

В связи с этим стоит упомянуть и статью «Народное просвещение в СССР», рукопись которой, как следует из комментариев к публикации данного материала в рамках всех собраний трудов А.С. Макаренко, организованных его вдовой, в т.ч. и семитомника, «сохранилась не полностью»¹³. Такая формулировка не исключает возможности, что речь могла идти о работе, окончательный вариант которой не сохранился. Но в восьмитомнике, составленном уже без участия Галины Стахивны, соответствующие свидетельства указаны недвусмысленно: речь идёт о «незавершённой работе»¹⁴. Впрочем, её текст до сих пор не издан в аутентичном виде. В публикациях статьи можно найти идентичные редакторские изменения такого рода: помимо ошибок расшифровки рукописи и идеологически-административно продиктованных купюр, ликвидация которых в восьмитомнике, по свидетельству участников текстологической сверки материала С.С. Невской и составления данного тома А.А. Фролова, производилась, но затем уже в издательстве отменялась.

⁹ Там же. – С. 381.

¹⁰ Ж. „Revue de Moscou“. – 1937. – № 9. – С.26.

¹¹ Газ. „Le Journal de Moscou“. – 1938. – № 11/X. – С.4.

¹² Газ. „Le Journal de Moscou“. – 1934. – № 11. – 14/VII. – С.4 (А. Dmitrieff).

¹³ Макаренко А.С. Сочинения в 7-ми томах. 2-е изд. (С). – Т.5. – М., 1958. – С.541.

¹⁴ ПС. – Т.4. – М., 1984. – С.384. Здесь есть ссылка на ЦГАЛИ, 322-4-107.

О времени написания материала говорится в семитомнике: «По свидетельству Г.С. Макаренко, настоящая статья была написана А.С. Макаренко в Киеве, до переезда в Москву. Судя по содержанию, она, по-видимому, относится к концу 1935 года»¹⁵. Но в восьмитомнике можно прочесть: «По содержанию датируется осенью 1937 г., написано к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции»¹⁶.

По моему мнению, данный материал Макаренко действительно написал в Киеве, о чём свидетельствовала и Галина Стахиевна, но на один год позже, хотя там и приводятся статистические данные относительно 1935 года.

Из заголовка статьи «Народное просвещение в СССР», а также из её содержания, можно сделать вывод, что она была предназначена (и написана на основе соответствующего заказа) для одной из публикаций, планировавшихся к Международной выставке 1937 г., открывшейся 25 мая того года в ... Париже! Однако до сих пор не удалось установить, существовал ли буклет с текстом статьи на французском языке, как, например, был переведён на английский очерк Макаренко «Дети в стране социализма»¹⁷ по случаю Нью-Йоркской выставки двумя годами позже. Соответствующих сведений и источников вокруг истории материала из архива педагога-писателя, разумеется, не сохранилось, да и в весьма скудном фонде Советского павильона Парижской выставки в Госархиве Российской Федерации (в отличие от фонда Нью-Йоркской выставки) об этом ничего нет. Поэтому пока не представляется возможным решить данный вопрос окончательно. Впрочем, вышеупомянутая статья «Le chemin de la vie» (Путёвка в жизнь) в 9-м номере журнала «Revue de Moscou» за 1937 год была опубликована именно по случаю Парижской выставки. Таким образом не исключено, что статья «Народное просвещение в СССР» являлась первой, но отклонённой редакцией, попыткой сделать материал для франкоязычного журнала...

Когда в 1993 году мы со Светланой Невской получили, наконец, возможность познакомиться в РГАЛИ (бывший ЦГАЛИ СССР) с той частью наследия А.С. Макаренко, которую его вдова не предоставила коллективу составителей семитомника, то обнаружили там отзывы французской прессы о первой части «Педагогической поэмы», перевод которой под названием «Le chemin de la vie» вышел из печати в начале марта 1939 г. в Париже. Данный комплект «буржуазных» откликов в русском переводе был выслан автору из Москвы 26 марта, за неделю до смерти¹⁸. А так как в тот момент он отсутствовал в столице, отклики, по всей вероятности, не попали в руки автора. Скорее всего, Макаренко вообще не знал о выходе в свет долгожданного французского перевода своей книги. В архивных фондах по этому поводу пока ничего не обнаружено.

В связи с вышеизложенным можно сделать следующий вывод: публикации на французском языке, очевидно, для А.С. Макаренко были единственной легальной возможностью сообщить брату хоть какую-то информацию о своих успехах на литературном поприще.

Г.С. Салько-Макаренко хорошо чувствовала политическую обстановку в стране. Она знала, что любая связь с братом-эмигрантом может стать порочащей и крайне опасной как для самого А.С. Макаренко, так и для их семьи. Как рассказала Татьяна Лебедева (внучка Г.С. Салько) в беседе с автором этой статьи, Антона Семёновича по словам Галины Стахиевны в связи с перепиской с Виталием не раз вызывали в Харьковское ГПУ для «доверительных» бесед о прекращении контактов с братом. В письме марбургской лаборатории от 25 октября 1971 г. об этом же говорит и Виталий, однако несколько иначе: «(...) как писал мне сам Антон, его несколько раз вызывали в ГПУ вместе с моими письмами»¹⁹.

Тем не менее Антон не позволил сломить себя. Как видно из переписки с женой, он получал письма от брата и отвечал на них, по крайней мере, до осени 1929 года. В том же году 4 ноября, когда Галина Стахиевна находилась на лечении в санатории – Антон сообщил ей: «Получил письмо от Вити. Он просит передать привет „твоей Гале“, пишет,

¹⁵ С. – Т.5. – С.541.

¹⁶ ПС. – Т.4. – С. 384.

¹⁷ *Makarenko A. Children in the Land of Socialism.* – Moscow, 1939.

¹⁸ Российский госархив литературы и искусства (РГАЛИ), Москва. 332-5-79.

¹⁹ *Макаренко В.* Мой брат Антон Семёнович. – С.90.

что на днях пришлёт для Вас письмо, а пока просит от его имени подарить Вам букет гвоздик, он мне когда-то выплатит их стоимость»²⁰.

Есть все основания предполагать, что после получения такого письма Галина Стахивна настоятельно потребовала от мужа немедленного прекращения переписки с братом. Как подчёркивала Т.Л. Лебедева, решающее слово в этом вопросе оставалось за Г.С. Салько: «Бабушка мне рассказала о брате А.С., что он его очень любил и долго с ним переписывался. А.С. очень переживал, когда она умолила его прекратить переписку. Сейчас можно сказать, что этим она в то время спасла А.С. от ареста. ... То, что этот вопрос беспокоил ее и в конце 50-х годов, совершенно верно. Ведь тогда тоже было криминалом иметь родственника за границей, да ещё „белогвардейца“»²¹.

В конце 1929 – начале 1930 года вопрос о своих контактах с «нежелательным» заграничным родственником А.С. Макаренко решил для себя бесповоротно. По сведениям бывшего коммунара В.И. Коломийцева²², Антон Семёнович на общем собрании читал воспитанникам «Дзержинки» вслух письмо, полученное от брата, и ответ на него. Речь шла о решении прервать переписку, так как А.С. Макаренко якобы был оскорблён обвинением брата в том, что он «продался окончательно за копейки большевикам». Таким образом, Антон Семёнович получил вескую причину для разрыва. По рассказам Коломийцева данный случай можно отнести приблизительно к вышеупомянутому времени. Как видно из переписки В.С. Макаренко с марбургской лабораторией, он категорически отрицал возможность такого «выпада» со своей стороны²³.

Сохранились записи А.С. Макаренко для литературного проекта, в которых упомянуто о «потере брата-белогвардейца». Речь идёт о неопубликованной рукописи под названием «„Педагогическая поэма“. Общий план», относящейся к первой половине 1930 г. Тогда Макаренко работал над подробным планом трёх- или четырёхтомного варианта своего произведения. Вместо истории колонии им. М. Горького он намеревался описать судьбу двух персонажей, жизнь которых разворачивается на фоне столкновений, происходивших в колонии для правонарушителей (она не называется): т.е. судьбу организатора этого учреждения «А» (Макаренко) и сотрудницы Наркомпроса «Б» (Салько). В «общем плане» сказано: «Личное индивидуальное озлобление сильной личности. Борьба рабочего презрения к погибшему миру и бунт гордой личности, не желающей быть подхваченной никакими вихрями. Последние отзвуки потерь, в том числе потери брата-белогвардейца»²⁴. Таким образом он хотел включить разрыв отношений с братом в «Поэму». Вот также переработанный, более мягкий авторский вариант данного отрывка, который Г.С. Макаренко представила коллективу составителей семитомника (опубликован же он лишь в восьмитомнике): «Личное озлобление сильной личности. Рабочее презрение к погибающему миру. Последние отзвуки потерь, брат, мать»²⁵. Под «потерей матери», овдовевшей с 1916 года Татьяны Михайловны Макаренко, которая впоследствии жила у своего старшего сына, могла иметься в виду её односторонняя ориентация на особенно ею любимого «Витю». К тому же она не могла принять возникшую в то время связь «Тоси» с «благородной дамой» – Г.С. Салько.

Летом 1930 г. в одном из писем Макаренко к жене, которое цитирует Е.З. Балабанович в своей книге «А.С. Макаренко», говорится о том, что педагог-писатель не будет продолжать работу над этим вариантом «Поэмы»²⁶. Как и все остальные письма Макаренко к Г.С. Салько от того года, оно не сохранилось. Данные письма были уничтожены адресатом, потому что они могли содержать сведения, компрометирующие её семью. Впрочем, письма Виталия также не сохранились в наследии А.С. Макаренко. Вероятно, он сам уничтожил послания брата-эмигранта.

²⁰ «Ты научила меня плакать...». Переписка А.С. Макаренко с женой (1927–1939). В двух томах. Сост.: Г. Хиллиг, С. Невская. – М., 1994–1995. – Т.2 – 1995. С.20.

²¹ Дополнительные штрихи к портрету А.С. Макаренко. Беседа с В.В. Кумариным (Марбург, 2 ноября 1988 г.). Ред.: Г. Хиллиг. – Марбург, 1989. – С. LII.

²² В беседе с автором (Харьков, 1971 г.).

²³ См.: На разных берегах. – С.96.

²⁴ РГАЛИ, 332-5-6, л.3.

²⁵ ПС. – Т.3. – М., 1984. – С.491.

²⁶ См.: Балабанович Е. Антон Семёнович Макаренко. Человек и писатель. М., 1963. – С.208–209.

Как известно, в сентябре 1931 г., во время последнего этапа кавказского похода коммунаров-дзержинцев, Антон запланировал на следующий год путешествие по Европе вместе с воспитанниками и намеревался пройти маршем «с красным знаменем по Парижу»²⁷. Вероятно, он хотел продемонстрировать Франции, в том числе и брату, насколько эффективно работает введённая по инициативе Виталия система военизированного воспитания. По воспоминаниям С.А. Калабалина (в беседе с моравским макаренковедом Либором Пехой), это путешествие так и не было реализовано «из-за страшного голода» на Украине²⁸.

В 1930-х годах А.С. Макаренко избегал любого упоминания о брате, как открыто, так и в личных записях. Хотя к истории своей семьи ему всё же пришлось дважды обратиться: при устройстве на работу в НКВД и при попытке вступить в партию.

Так, в анкете специального назначения для работника НКВД УССР от 17 ноября 1935 г. А.С. Макаренко пишет: «Мой брат Виталий Семёнович Макаренко, род. 1895 г., с августа 1919 года был в армии Деникина – подпоручиком, сейчас в эмиграции. (...) местожительство мне неизвестно, связи не имею»²⁹. В анкете кандидата в члены ВКП(б) от 15 февраля 1939 г.: «Брат Виталий (род. 1895) прапорщик военного времени, был в армии Деникина, до 1928 года был в эмиграции в Париже, с 1928 г. сведений о нём не имею»³⁰.

В действительности Виталий не был ни прапорщиком, ни подпоручиком. В Добровольческой армии «белогвардейцев» он имел звание поручика. И последнее известие от него Антон получил не в 1928, а в 1934 году, т.е. шестью годами позже, чем он написал во второй анкете.

Виталий беспокоился о судьбе брата. Свидетельство тому – две открытки, полученные Антоном из Франции, на которые он, однако, не ответил. На первой (где изображена «Мона Лиза» Леонардо да Винчи) Виталий пишет из Парижа 30 марта 1930 г.: «Привет из Лувра. Почему молчишь? Пиши пока по лионскому адресу, т.к. здесь я ещё не устроился. Целую. В.» Эта открытка, адресованная «U.R.S.S. – Russie. Харьков. Почтамт, почтовый ящик 309. Антону Семёновичу Макаренко» со штампом «Харьков, 6.4.30» (п.я. 309 – адрес коммуны им. Ф.Э. Дзержинского), сохранилась совершенно случайно, так как Олимпиада Витальевна оставила её для своей коллекции открыток.

Вторая открытка – запрос в коммуну – находится в наследии А.С. Макаренко в РГАЛИ. Она написана 11 июня 1934 г. по адресу: «Харьков. Колония им. Дзержинского. U.R.S.S.» Её текст гласит: «Товарищи. Сообщите что-нибудь о судьбе Антона Семёновича Макаренко. Адрес: Nice (A.M.), 4, Rue Miron, M. Bland. France». Ницца – административный центр департамента Приморские Альпы (Alpes Maritimes). Также эту открытку с видом известного курорта в ночной иллюминации написал сам Виталий, хотя она не подписана его именем. Видимо потому данный документ и сохранился в наследии педагога-писателя, как послание от неизвестного лица³¹. Тот факт, что открытка находится именно в его личном архиве, свидетельствует о том, что Антон сам получил её и знал имя отправителя.

На данный запрос А.С. Макаренко также не ответил. Вообще в этой сложной семейной ситуации он вёл себя очень осторожно, поскольку к тому времени уже работал в коммуне ГПУ-НКВД. Страх и тревога были настолько велики, что он не отваживался даже передать информацию для брата ни гостям коммуны из Франции (напр., политическим деятелям Э. Эррио и П. Котт – 1933 г.), ни близким ему лицам, отправляющимся в Париж (в т.ч. наркому просвещения УССР В.П. Затонскому – 1935 г., писателю В.Г. Финку – 1937 г.).

Во время посещения коммуны бывшим премьер-министром Франции, мэром Лиона господином Эррио (Herriot), 28 августа 1933 г. Макаренко удалось заинтересовать гостя созданной им системой воспитания. Бывшие коммунары рассказывали, что Эррио даже приглашал Макаренко во Францию. Днём позже центральная газета «Известия» опубликовала подробный отчёт своего спецкорреспондента об этом событии: «Французские об-

²⁷ «Ты научила меня плакать...». – Т.2. – С.158.

²⁸ См.: *Pecha L. Makarenko a současná kolektivní výchova* [Макаренко и современное коллективное воспитание]. – Praha, 1968. – С.79–80.

²⁹ РГАЛИ, 332-4-350.

³⁰ Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Рукописный отдел, 114-1-5, л.3.

³¹ РГАЛИ, 332-4-607, л.1.

щественные деятели подробно ознакомились с административной структурой коммуны, с производством, бытом коммунаров – бывших беспризорных и малолетних правонарушителей. Гости были поражены чистотой и порядком, отличающим коммуну, обилием цветов и свежего воздуха. Эррио подробно беседовал с помощником начальника коммуны по учебной части т. Макаренко и интересовался, каким образом руководству коммуны удаётся воспитывать одновременно в одних стенах и беспризорных, и подростков, имеющих профессионально-уголовные навыки. Тов. Макаренко подробно разъяснил французским гостям, что советская педагогика не признаёт врождённой преступности и что основными методами воздействия на ребят являются дисциплина коллектива и коллективный труд»³².

Об этой беседе, как известно, Макаренко впоследствии неоднократно упоминал во время своих выступлений 1938–39 гг. Она нашла отражение и в книге Эррио о поездке на Восток «Orient»: «Несовершеннолетние преступники вместе с беспризорниками: разве это сочетание не опасно? «Нет, – отвечает мне начальник учебной части. – Наша дисциплина не позволяет никакого уклона; мы опасаемся изоляции детей с преступными наклонностями; мы подходили к воспитаннику так, как будто бы он ранее и не был осуждён; мы хотим, чтобы он забыл своё прошлое, как это делаем и мы; мы проектируем интересы воспитанника в его будущее. Когда мы сталкиваемся с патологическим случаем, то направляем такого человека в другое учреждение...»³³. В связи с этим Эррио ссылается на юбилейный сборник харьковской коммуны «Второе рождение», экземпляр которого ему передали в «Дзержинке». В данную книгу вошли, как известно, макаренковские материалы «Перевернутые страницы» и «Педагогижимают плечами».

Критическое отношение мировой общественности к поездке Эррио, предпринятой во время голода на Украине, когда гостю были показаны не только советские достижения, как коммуна им. Ф.Э. Дзержинского, а также «потёмкинские деревни», неоднократно высказывалось в печати. Видимо, оно послужило причиной того, что В.С. Макаренко не обратил внимания на данную книгу.

Таким образом, попытки братьев Макаренко в 1930-х годах с помощью печати и почты восстановить контакт друг с другом остались безрезультатными. Их безвыходную ситуацию можно сравнить с положением детей короля в народной песне из эпитафии:

«...Их разлучила река».

Р.С. Работая над окончательным вариантом данного материала в бывшем партийном архиве Харьковской области, я обнаружил документ, который проливает свет на причины прекращения переписки А.С. Макаренко с братом. Речь идёт о протоколе № 1 заседания (от 22 апреля 1930 г.) апелляционной парттройки Харьковской окружной контрольной комиссии по разбору апелляций ячейки «Работпрос». Впрочем, данное заседание состоялось через три дня после окончания транслировавшегося по радио первого крупного процесса против украинской небольшевистской интеллигенции – дело «СВУ», на котором в Харькове 13 человек были приговорены к смертной казни.

Первым пунктом повестки дня заседания апелляционной парттройки, в котором участвовали 150 человек (партийных и беспартийных), было рассмотрение дела Салько Галины Степановны (!), члена партии с декабря 1917 г. Из протокола заседания видно, что она «3 года не работает по болезни (туберкулёз)». По словам двух свидетелей из наробраза, Г.С. Салько до болезни была активным членом партии, «чутким и хорошим товарищем, интересуется партийной жизнью». На основании этих свидетельств апелляционная тройка постановила: «Считать проверенной»³⁴.

Вспомним: 4 ноября 1929 г. Антон в письме к Галине Стахивевне сообщает, что Виталий поздравляет «мою Галю», а также о том, что брат «на днях» сам ей напишет. Когда Г.С. Салько в середине декабря вернулась из санатория в Харьков, чистка парторганизации Работпроса Октябрьского района шла полным ходом, с 9 ноября³⁵. В конце 1929 или в начале 1930 г. чистка определённо захватила и Г.С. Салько. Как политически грамотный

³² Газ. «Известия ЦИК» (М.). – 1933. № 213 (29.08.). – С.1.

³³ Herriot E. Orient. – Paris, 1934. – С.176–177.

³⁴ Госархив Харьковской области, п.58-1-18, л.14.

³⁵ Там же.

На разных берегах... (братья Макаренко в 1930-х годах)

и осведомлённый человек она понимала всю опасность самого факта переписки беспартийного мужа с братом-эмигрантом. Решение Антона о прекращении переписки, а также вышеупомянутая «инсценировка» на собрании коммунаров были воплощены в жизнь. Уже 30 марта 1930 г. Виталий в открытке из великосветской Ниццы спрашивал брата, почему он не отвечает на его письма.

Через три недели апелляционная тройка решила вопрос о партийной судьбе Галины Стахиевны, подтвердив её членство, что не предотвратило исключение её из рядов родной партии во время очередной чистки в 1933 году.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что решающим фактором прекращения переписки А.С. Макаренко с братом было требование его жены, которая боялась потерять партийный билет. Именно настойчивость Г.С. Салько, а не предупреждения органов ГПУ, стала причиной разрыва его контактов с братом.

Так партийность и страх победили родственные чувства.

На разных берегах... О том, как братья Макаренко в 1930-х годах пытались восстановить контакт друг с другом / Гётц Хиллиг // Народное образование. – 2006. – № 6. – С. 194–200.

**БОЛШЕВСКАЯ КОММУНА –
«СТАРШИЙ БРАТ» МАКАРЕНКОВСКОЙ «ДЗЕРЖИНКИ»
К 80-летию основания Первой трудкоммун ОГПУ**

Гётц Хиллиг

Истории подмосковной трудкоммун в Болшево и отношению к ней А.С. Макаренко в научных исследованиях уделялось недостаточное внимание. В «Сочинениях» педагога-писателя в 7-ми томах имеется лишь одно упоминание об этом воспитательном учреждении – в статье «Чудо, созданное советской жизнью»¹. В последнем собрании «Педагогических сочинений» в 8-ми томах встречаются и некоторые другие упоминания Болшевской коммуны; однако в комментариях полное название данного учреждения по политическим мотивам указывается некорректно.

Начиная с 1972 года, сотрудники марбургской лаборатории «Макаренко-реферат» неоднократно указывали на существование связи Макаренко с Болшевской коммуной². В советском макаренковедении этим вопросом занимался А.А. Фролов. В комментарии к собранию работ педагога-писателя «Теория и практика коммунистического воспитания» (Киев, 1985) он, в частности, пишет, что эксперимент Болшевской коммуны «сыграл важную роль в истории макаренковского опыта»³. Позднее эта оценка была перенесена в восьмитомник (однако без какой-либо аргументации и пояснений со стороны его составителей, в том числе и Фролова) следующим образом: «Изучение А.С. Макаренко опыта трудкоммун бывших правонарушителей им. (!) ОГПУ № 1 в Болшеве (...) сыграло важную роль в становлении и развитии коллектива колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского»⁴.

В настоящей работе предпринята попытка осветить в деталях некоторые страницы истории подмосковной коммуны и тем самым внести вклад в исследование практиковавшейся там демократичной педагогической концепции, разработанной в период подъёма молодой страны Советов, а также описать последовавшие в 1937 году ликвидацию данной трудкоммун как воспитательного учреждения и расстрел её руководящего штаба, о чём в полной мере стало известно лишь в постсоветское время. Уничтожение этого образцового для своей эпохи воспитательного учреждения является показательным примером сталинского террора.

В ходе исследования использовались публикации 1920-х – 30-х годов и некоторые архивные материалы, а также первые документально-тематические издания: спецвыпуск литературного историко-краеведческого альманаха «Болшево»⁵ и книга московской журналистки Светланы Гладыш о деятельности чекистов по спасению детей⁶, в которой представлены лишь недавно рассекреченные документы из фондов Центрального архива ФСБ России. Как известно, в компетенцию созданных большевиками органов государственной безопасности ВЧК и ОГПУ входили также борьба с детской беспризорностью и

¹ Макаренко А.С. Сочинения в семи томах. 2-ое изд. – М., 1957–1958 (далее ссылки как на: С). – Т.7. – С.306–308 (здесь – с.307).

² См.: Hillig G., Weitz S. Probleme der Organisationsstruktur der Makarenkoschen Jugendheime (Проблемы организационной структуры макаренковских детучреждений) / A.S. Makarenko und die sowjetische Pädagogik seiner Zeit. – Marburg, 1972. – С.151–158; Weitz S.C. Geschichte der Jugendverwahrlosung in der Sowjetunion (История детской беспризорности в СССР). 2.Aufl. Bd.1: Darstellung. – Marburg, 1980. – С.266–293; Die Jugendarbeitskommune Bolševo (Болшевская детская трудовая коммуна) (ссылки как на: Weitz); Хиллиг Г. А.С. Макаренко и Болшевская коммуна // Педагогика (М.). – 2001. – № 3. – С.59–66.

³ Макаренко А.С. Теория и практика коммунистического воспитания. Сост. А.А. Фролов. – Киев, 1985. – С.236.

⁴ Макаренко А.С. Педагогические сочинения в восьми томах. – М., 1984–1986 (ссылки как на: ПС). – Т.1. – С.348.

⁵ Болшево. № 3. (Сост.: А. Балакин, Л. Бондаренко, Р. Позамантур). – Болшево, 1994 (ссылки как на: Альманах).

⁶ Гладыш С.Д. Дети большой беды. – М., 2004 (ссылки как на: Гладыш).

преступностью, которые в результате революции и гражданской войны стали массовым феноменом.

Рождение и триумф педагогической концепции

Болшевская коммуна в своё время являлась всемирно известным учреждением по перевоспитанию молодых правонарушителей. «Не было в Москве ни одного аккредитованного дипломата или иностранного корреспондента, который не побывал бы в коммуне. С жизнью коммуны знакомились и выдающиеся иностранные общественные и политические деятели и писатели, которых в ряде случаев, как, например, Бернарда Шоу и леди Астор, сопровождал М.М. Литвинов⁷». Об этом могут свидетельствовать отзывы её посетителей⁸, их записи и публикации.

Трудкоммуна была организована в 1924 году неподалёку от станции Болшево Сев. ж. д. (27 км от Москвы). Существовали различные предложения по поводу названия нового учреждения: в честь В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского или М. Горького. Лишь в 1935 году Первая трудкоммуна ОГПУ-НКВД получила, – что уже вскоре должно было сыграть роковую роль, – имя Г.Г. Ягоды⁹, наркома внутренних дел СССР. (Как известно, ОГПУ в июле 1934 г. было включено в НКВД СССР и переименовано в Главное управление госбезопасности.) При создании в 1927 году детской трудкоммуны в Харькове как первой коммуны ГПУ Украинской ССР в качестве примера, без сомнения, был взят опыт болшевского учреждения. Так, основная группа воспитанников и воспитателей «Дзержинки» состояла из числа переведённых Макаренко-«завкомом» из его Куряжской колонии, находящейся в ведении Харьковского окрнаробраза. Ещё тремя годами ранее подобным же образом действовало ОГПУ в Болшево, используя опыт одного из учреждений местного наробраза.

По словам организатора Болшевской коммуны, сотрудника ОГПУ М.С. Погребинского (в Харьковской коммуне данная функция принадлежала А.О. Броневому), это учреждение было создано Московским отделом наробраза (МОНО) на Малой Калужской в феврале 1924 г. как 1-я трудовая детская коммуна им. Розы Люксембург¹⁰. Её заведующим стал Фёдор Григорьевич Мелихов – «энергичный седоусый мужчина с крупным педагогическим стажем и опытом»¹¹. Еще в августе того же года в связи с принятием декрета о выселении из столицы «воровского элемента»¹² люксембургская коммуна была передана чекистам, а её воспитанники вместе с персоналом переведены в Болшево, в бывшее имение предпринимателя и владельца хлопкоочистительных заводов в Средней Азии А.Н. Крафта¹³. На тот момент в Болшево располагался совхоз ОГПУ «Костино»¹⁴. Интересно, что зимой 1922 г. здесь «в старом одноэтажном, заброшенном помещицком доме»

⁷ Альманах. – С.78–79.

⁸ Отзывы иностранных посетителей (отдельных лиц, групп и делегаций) коммуны в 1925–1934 гг. в переводе на русский язык из ЦА ФСБ России включены в книгу С.Д. Гладыш (с.102–137). По всей вероятности, здесь речь идёт об обзоре отзывов на иностранных языках, составленном НКВД СССР для сборника, запланированного для издания к десятилетию Болшевской коммуны. Подлинник двухтомника отзывов гостей данного учреждения, по всей вероятности, не сохранился (см.: Альманах. – С.131–133).

⁹ См.: Болшевцы. Очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягода (!) трудкоммуны НКВД. Под ред М. Горького, К. Горбунова, М. Лузгина. – М., 1936 (ссылки как на: Болшевцы). – С.548.

¹⁰ См.: В.В. Трудовая коммуна ОГПУ. (Рецензия) // Детский дом. – 1929. – № 1. – С.80. См. также: Гладыш. – С.43.

¹¹ Болшевцы. – С.33.

¹² См.: Матвеев Д. Об одном опыте. (Коммуна малолетних правонарушителей ГПУ) // Молодой большевик. – 1925. – № 10–11. – С.36–41 (ссылки как на: Матвеев) (здесь – с.37).

¹³ Из беседы автора с Р.Д. Позамантур (Королёв, 26.05.2004 г.). Почти во всех публикациях можно встретить ошибочные сведения относительно того, что данный предприниматель якобы был «шоколадным королём Крафтом».

¹⁴ См.: Автономов А. Болшевская коммуна ОГПУ // Наши достижения. – 1930. – № 7. – С.35–42 (ссылки как на: Автономов) (здесь – с.35); данный материал через год был также опубликован в виде брошюры на языке эсперанто в Лейпциге (Германия), см.: Альманах. – С.133–135; см. также: Болшевцы. – С.32.

тайно находился на полуторамесячном отдыхе В.И. Ленин¹⁵. Возможно, этот факт, спустя полгода после смерти вождя, также положительно повлиял на выбор территории для новой коммуны. О решении одобрить месторасположение данного учреждения в книге «Болшевики» говорится: «Место требовалось особенное: в стороне от Москвы, чтобы нейтрализовать соблазны большого города, но в то же время достаточно близкое для деловых сношений и постоянного наблюдения (!)»¹⁶.

Основанием для перевода ядра коммуны им. Розы Люксембург за город послужил приказ № 185 Административно-организационного управления ОГПУ от 18 августа 1924 г., подписанный Г.Г. Ягодой, замом Ф.Э. Дзержинского, где говорится: «Для борьбы с малолетними правонарушителями в возрасте от 13 до 17 лет организовать Детскую трудовую коммуну при ОГПУ на 50 человек». Согласно данному документу заведующим этим учреждением назначен Мелихов, который подчинялся «во всех отношениях» Матвею Самойловичу Погребинскому¹⁷, родившемуся в 1895 году в местечке Белиловка Лубненского уезда Полтавской губернии¹⁸ (был, таким образом, моложе на семь лет своего земляка Макаренко). С мая 1924 г. Погребинский, бывший военный, занимал должность помощника руководителя орготдела Административно-организационного управления ОГПУ, а с августа 1925 г. по февраль 1929 г. работал начальником данного отдела¹⁹.

Почти во всех публикациях, посвящённых Болшевской коммуне, также и при Погребинском, «нарообразовская» предыстория её строительства не раскрывается. В советском макаренковедении, включая и цитированный выше комментарий восьмитомника педагога-писателя, существовало мнение, что авторство идеи о создании этого учреждения принадлежало не Ягоде, а самому Дзержинскому. Причиной данного предположения, помимо уважения к личности «первого чекиста» и заслуг ВЧК в области спасения малолетних беспризорных и правонарушителей (Комиссия ВЦИК по улучшению жизни детей), были, безусловно, смещение и репрессирование Ягоды в год «большого террора», что не позволяло составителям «Педагогических сочинений» А.С. Макаренко указывать полное название подмосковного учреждения. Вместо «трудкоммуна им. Г.Г. Ягоды ОГПУ № 1» по непонятным причинам здесь можно прочесть: «трудкоммуна им. (!) ОГПУ № 1»²⁰. Впрочем, после ареста бывшего наркома (в 1937 г.) – как раз в духе того времени – была даже активно распространена легенда, что коммуну организовал Дзержинский «по указанию товарища Сталина»²¹.

Основная группа из 18 воспитанников, переведённая из коммуны им. Розы Люксембург, в 1933 году была причислена одним из руководителей болшевского учреждения (С.П. Богословский) к категории бывших беспризорных «в возрасте до 16 лет»²². Исходя из того, что «6-го сентября (1925 г.), как раз в Международный Юношеский день, коммуна

¹⁵ См.: *Крупская Н.* Там, где отдыхал Ильич // *Правда*. – 1935. – № 159, 11.06. – С.2; *Погребинская А.* Незабываемые встречи // *Юность*. – 1966. – № 3. – С.93–95 (ссылки как на: Погребинская) (здесь – с.94).

¹⁶ *Болшевики*. – С.32. А вот другой вариант этого высказывания в одной из публикаций журналист-кикраеведа *Р.Д. Позамантир* о коммуне: «Большое значение придавалось и тому, где будет размещаться коммуна. Лучше всего – не в Москве, чтобы исключить соблазны большого города, но в то же время достаточно к ней близко, чтобы ребята не чувствовали себя в изоляции (sic!)». *Позамантир Р.Д.* Болшевская трудовая коммуна // *Московский журнал*. – 1997. – № 7. – С.15–23 (ссылки как на: Позамантир) (здесь – с.16–17).

¹⁷ См. факсимиле данного приказа в ж. «СССР на стройке» (1934. – № 4. – 2-ая стр. обложки); текст приказа также в: *Альманах*. – С.7.

¹⁸ См.: *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник. Под ред. *Н.Г. Охотина* и *А.Б. Рогинского*. – М., 1999 (ссылки как на: *Петров/Скоркин*). – С.343. Утверждение, что *Погребинский* с 1926 по 1928 гг. занимал должность начальника Болшевской коммуны (см.: там же. С.344), лишено всякого основания.

¹⁹ См.: там же. – С.344.

²⁰ См., напр.: *ПС*. – Т.1. – С.351.

²¹ См., напр.: *Журис И.* Какая нам нужна книга. К вопросу о создании истории коммуны // *Болшевец*. Орган парткома, фабзавкома и комитета ВЛКСМ Болшевской трудовой коммуны Наркомвнудела СССР (Москва). – 1937 – № 13, 18.05. – С.3 (ссылки как на: *Журис*).

²² См.: *Госархив Российской Федерации (ГАРФ)*, 7952-3-4, лл.1, 58; см. также: *Альманах*. – С.16; *Гладыш*. – С.48.

праздновала свою годовщину»²³, можно предположить, что решение о выборе Болшево в качестве места расположения учреждения и начало его заселения относятся к сентябрю 1924 г. Об этом также свидетельствовал в 1935 году Ф.М. Ефремов, который с 1919 года работал конюхом в совхозе ОГПУ и позднее также в коммуне: «В сентябре 1924 г. в совхоз приехали М.С. Погребинский и Ф.Г. Мелихов для осмотра помещений. Вскоре после их посещения к нам привезли первую партию малолетних – 18 ребятишек – из коммуны им. Розы Люксембург»²⁴.

Позже в коммуну принимались молодые правонарушители из московских тюрем (сначала 17, а затем ещё 11 человек из Бутырской)²⁵, а также из трудовой колонии Соловецкого концлагеря. Для пояснения: концлагерями назывались места заключения инакомыслящих в СССР ещё до прихода к власти Гитлера в Германии. Как форма изоляции они возникли в Советской России в 1919 году – по примеру испанцев (Кубинская революция, 1895) и британцев (Бурская война, 1901).

Первоначально жители соседнего села Костино наблюдали за всей этой акцией с известной долей недовольства, серьёзно опасаясь нежелательной близости размещения «различных уголовных элементов». Они даже направили делегацию к председателю Центрисполкома СССР (ВЦИК) – «Всесоюзному старосте» – Калинину (к нему традиционно обращались советские крестьяне с жалобами) с просьбой «убрать из района „гнездо душегубов“»²⁶. Однако «не прошло и года, – отмечалось в статье, опубликованной в 1928 году в связи с первым посещением Горького (который с 1921 года проживал за границей) Болшево, – как взгляды крестьян изменились кардинально. Их отношение к коммуне теперь уже является по-соседски дружелюбным. В это внесли свой вклад не только экономические взаимоотношения. На всех театральных постановках, литературных мероприятиях или концертах в клубе коммуны крестьян считают постоянными гостями. Их дети входят в пионерский отряд, руководимый бывшим вором. Не редки случаи, когда члены коммуны женятся на дочерях крестьян, больше того, они даже являются желанными зятьями»²⁷. Всё это может нам напомнить опыт макаренковской колонии им. М. Горького.

Важную роль в процессе перевоспитания малолетних «уголовников» играло оказание доверия будущим коммунарам. Позднее, как известно, данный подход в истории педагогики был связан с именем Макаренко. Правонарушителям предлагали добровольно прибыть в коммуну для работы, но они не очень-то верили такому предложению. «Это было ново и неожиданно, и они подозревали „ловушку“ со стороны ГПУ»²⁸. Также и немецкий писатель Герварт Вальден (1878–1941), переселившийся позднее (в 1932 г.) из Германии в СССР и павший жертвой сталинских репрессий, в своём отчёте о Болшево пишет, что молодые люди с подозрением встречали данное предложение: «По-видимому, их хотели затащить в какое-нибудь захолустье с тем, чтобы убить и отобрать их вещи и пожитки. То, что называют иностранным словом социализировать»²⁹.

В известном фильме «Путёвка в жизнь» (1931 г.), основанном на опыте Первой (Болшевской) и Второй трудкоммун ОГПУ (Люберецкой – в бывшем Николо-Угрешском монастыре рядом с ж.д. станцией Люберцы под Москвой), есть сцена доверия, мастерски поставленная создателями картины: несовершеннолетний правонарушитель «Мустафа» получает задание самостоятельно купить хлеб для первой группы переселенцев, нахо-

²³ См.: Матвеев. – С.41.

²⁴ Цит. по: Позамантир Р. 80-летию Болшевской трудовой коммуны ОГПУ (!) № 1 им. Г.Г. Ягоды посвящается // Калининградская правда (г. Королёв). – 2004. – № 90, 17.08.. – С.5.

²⁵ Там же.

²⁶ Диковский С. Болшевская коммуна // Правда. – 1935. – № 149 (01.06.). – С.8 (ссылки как на: Диковский). Мало посвящённая в историю СССР С.Д. Гладыш, однако без каких-либо ссылок на источники, рассказывает о другом адресате протестов «жителей Болшева». Они якобы «отправили к Дзержинскому внушительную делегацию, которую на Лубянке приняли со всем уважением, терпеливо выслушав ходяков» (Гладыш. – С.48).

²⁷ Gorki in der Kolonie der jugendlichen Verwahrlosten (Горький в колонии детских беспризорных) // Wochenbericht der Gesellschaft für kulturelle Verbindung der Sowjetunion mit dem Auslande (Moskau). – 1928. – № 32–33. – С.11–12 (здесь – с.12).

²⁸ Автономов. – С.36.

²⁹ Walden H. Verbrecher-Kolonie. Die Kommune der OGPU (Колония преступников. Коммуна ОГПУ) // Der Sturm (Berlin). – 1927/28. – № 8. – С.105–107 (ссылки как на: Walden) (здесь – с.105).

дящейся в пути из приёмно-распределительного пункта в трудкоммуну. В одной из ранних публикаций о большевцах, составленной секретарём Московской организации РКСМ Д. Матвеевым³⁰ и напечатанной в журнале «Молодой большевик» в 1925 году, данная ситуация – которая, совершенно очевидно, имеет отношение к переселению заключённых Бутырки – была описана следующим образом: «В первую партию взяли 15 человек. Предварительно переодели их в штатское, без конвоя, с одним провожатым отправили их поездом за город, в совхоз, где уже были оборудованы мастерские. Приехав на место, 2–3 послали за хлебом и колбасой, вручив им 15 рублей, без всякого провожатого»³¹.

Позднее такой подход в истории педагогики был связан с именем Макаренко – и, очевидно, совсем не напрасно. Хотя первая часть «Педагогической поэмы» с главой «Хождение Семёна по мукам», содержащей знаменитый эпизод, в котором заведующий колонией Антон Семёнович посылает одного из воспитанников (Семёна Карабанова) в город для получения в губфинотделе денег – сначала 500, а спустя две недели 2.000 рублей, – была опубликована лишь в 1934 году; однако о положенном в основу данного сюжета инциденте можно узнать не только от прототипа этой фигуры – Семёна Калабаллина, но и из вышедшей ещё в 1926 году газетной статьи о Горьковской колонии на её новом месте, в Куряже. Семён там представляется в роли «воспитателя колонии и инструктора по физической культуре» «Степана»; «пять лет тому назад он прибыл в колонию полудиким и затравленным человеком. Спустя короткое время, он сбежал и полгода отсутствовал, потом снова вернулся и быстро изменился». Это соответствует также биографии Калабаллина и изображению фигуры «Карабанова» в «Педагогической поэме». И далее в газетной публикации о «Степане», которая до сих пор не цитировалась в макаренковедении, говорится: «В этот переломный для него период с ним жестоко поступили. Заведующий колонией Макаренко послал его в Полтаву привезти 1.000 рублей для колонии. Степан выполнил это поручение. Потом его послали за значительно большей суммой, он привёз и её. Сидя в кабинете заведующего, он рыдал, растроганный доверием»³².

Как и у Макаренко, в основу деятельности Большевской коммуны, помимо оказания доверия, были положены такие принципы, как добровольность пребывания в учреждении, производительный труд на благо общего хозяйства, полная самостоятельность коммунаров в единстве с руководством учреждения и персоналом. В цитированной выше комсомольской публикации о коммуне (1925 г.) речь идёт о «двух основных принципах производственного и теоретического обучения»: «1) Самостоятельность во всём: и в управлении, и в организации внутренней жизни; 2) Добровольность и доверие к набранным ребятам. В этом секрет удачности опыта»³³. Здесь же говорится: «ОГПУ (...) дало первый положительный опыт и вклад в новой пролетарской педагогике»³⁴. Практику Большевской коммуны автор данной статьи предлагает рассматривать как достояние, которое должно «подвергнуться внимательнейшему изучению нашей советской нарождающейся педагогики и даже педагогики мировой»³⁵. Наркомпросу рекомендуется серьёзно изучить это достижение и пересмотреть методику по борьбе с беспризорностью³⁶.

Для приёма правонарушителей в коммуну существовали следующие условия: отказ от прошлой жизни, т.е. разрыв всех контактов с бывшими «друзьями», отказ от алкоголя, наркотиков и азартных игр, готовность трудиться, принимать решения органов самоуправления. Как видно из отчёта (28 июля 1924 г.) члена комиссии, организованной Секцией ОНО Зам. Совета Раб. и Кр. Деп. для хозяйственно-санитарного обследования учреждений МОНО³⁷, вышеуказанные принципы уже заложены в основу деятельности коммуны им. Розы Люксембург. Об оригинальном подходе завкоммунной к прошлому воспитанников здесь можно прочесть следующее: «Первое время они стеснялись рассказы-

³⁰ См.: *Погребинский М.С.* Трудовая коммуна ОГПУ. Предисловие и редакция М. Горького. – (М.) – 1928 (ссылки как на: Погребинский). – С.88.

³¹ *Матвеев.* – С.37.

³² *Бельский Я.* Трудовая колония в монастыре. (Куряж). // Пролетарий (Харьков). – 1926. – № 179, 08.08. – С.4.

³³ Там же. – С.40.

³⁴ Там же. – С.41.

³⁵ Там же. – С.37.

³⁶ См.: там же. – С.40.

³⁷ См.: *Гладыш.* – С.43–47.

вать про свои похождения. „Теперь они делятся со мною своими воспоминаниями. Потому, что я никогда не позволяю себе сам напоминать им о[б] их прошлом или укорить их“, – говорит заведующий»³⁸. Почти аналогичным образом Макаренко высказывался и о своём опыте в колонии им. М. Горького, о котором положительно отзывались и наблюдатели-специалисты (как, например, Н.Ф. Остроменцкая в 1926 г.). Как выражение особой тактичности по отношению к направляемым в колонию подросткам Макаренко применил – в ярко выраженном противоречии с медико-психологическим образом мышления своего (и нашего!) времени – принцип «сожжённой биографии», «полнейшее игнорирование прошлого и тем более прошлых преступлений»³⁹. При этом сам он был полностью проинформирован о прежней жизни колонистов даже тогда, когда, повторяясь, утверждал, что просил своё начальство не присылать ему больше «дел». Макаренко не выделял особо никакого метода для преодоления беспризорности и асоциального поведения, кроме коррекции характера. Она же должна, если это возможно, происходить не постепенно, а одномоментно, в форме потрясения и «взрывов» в присутствии всех воспитанников.

Напротив, немецкая педагог-журналистка Ленка фон Кёрбер (1888–1958), которая в 1932 году в течение полугода находилась в Советском Союзе для изучения «самых различных видов тюремно-исправительных и перевоспитывающих учреждений» и посетила помимо болшевскую также и харьковскую коммуны⁴⁰, о неожиданной готовности членов учреждения ОГПУ «рассказывать о своей прошлой жизни» пишет: «Со стремлением к самоответственности и напряжением всех производительных сил, очевидно, исчезает страх говорить о теневых сторонах прошлого»⁴¹. Ранее Л. фон Кёрбер получила признание в результате написания двух книг, имевших широкий резонанс, о практике отбывания наказания преступниками в Германии – «Meine Erlebnisse mit Strafgefangenen» (Мои переживания с заключёнными; 1928 г.) и «Menschen im Zuchthaus» (Люди в каторжной тюрьме; 1930 г.).

Примечательной кажется мера, призванная разорвать все прошлые контакты воспитанников люксембургской коммуны с бывшим окружением. Порой данная практика выходит далеко за рамки опыта макаренковских учреждений: «Мало было бы, если их просто уговорить не ходить в город и отказаться от мысли возвратиться к прежнему образу жизни. Нужно было отвлечь их внимание, направить их мысли в обратную сторону. На это рассчитана вся постановка жизни коммуны. Самообслуживание является основой жизни этой организации. В коммуне нет технического персонала. Ребята сами убирают помещение, сами варят себе пищу, установлены дежурства по дому. Распределены хозяйственные обязанности. Имеется парень, ведающий продуктовыми складами, бельевыми и т.д.»⁴².

Отказ от прошлой жизни будущих дзержинцев, связан с соответствующим церемониалом приёма новичков, первоначально описанного Макаренко в хронике событий Харьковской коммуны «Перевернутые страницы»: «(1931 г.) Ноября 13. Массовый набор под руководством т. Букшпана беспризорных с вокзала. Взвод беспризорных стал в строй коммунаров и с маршем был приведён в Коммуну. Здесь было совершено торжественное сожжение их одеяний и они вступили в коммунарский коллектив»⁴³. О менее организованной практике приёма новых большевиков, которая, вероятно, была известна руководителям «дзержинки», рассказывает Борис Львович Северов – в Первой трудкоммуне ОГПУ с 1929 года он занимал «макаренковскую» должность заведующего учебной частью⁴⁴. В письме Северова от 18 октября того же года к своей сестре можно прочесть: «Разве это не изумительно: на перроне ст. Болшево – толпа народу. Гремит оркестр, краснеют знамёна. Из подходящего поезда – яркие плакаты с приветствиями коммуне... Сотни голов, высунувшись в окна, раскрытыми ртами восторженно орут...

³⁸ Цит. по: там же. – С.47.

³⁹ СС. Т.3. – Штуттгарт, 1982. – С.228.

⁴⁰ См.: Koerber L. von: Sowjetrußland kämpft gegen das Verbrechen (Советская Россия борется с преступностью). – Berlin 1933 (ссылки как на: Koerber). – С.81–106.

⁴¹ Там же. – С.97–98.

⁴² Там же. – С.45–46.

⁴³ Макаренко А. Собрание сочинений. Марбургское издание (ссылки как на: СС). – Т.7. – Равенсбург, 1976. – С.25.

⁴⁴ См.: Альманах. – С.153.

Это встреча воров. Воры на перроне встречают воров из Соловков, которые едут в коммуны, чтобы резко свернуть со старого пути...»⁴⁵.

Что же касается формы обращения воспитанников к начальству, то практика болшевцев полностью отличалась от хорошо известного нам опыта горьковцев/дзержинцев. В Болшево «ребята обращаются к руководителю-инспектору на „ты“, называют его „дядя Серёжа“, „дядя Гриша“ и т.п.»⁴⁶. Макаренко же большее значение придавал установлению определённой дистанции между воспитателями и воспитанниками. Отделяя деловые отношения от дружеских, педагог учил своих подопечных ролевому поведению.

Число членов Болшевской коммуны постоянно увеличивалось: 18 человек – в 1924 г., 77 – в 1926 г., 248 – в 1928 г., 655 – в 1930 г.⁴⁷, 2 200 – в 1931 г.⁴⁸, 3 100 – в 1935 г.⁴⁹, 5 000 – в 1936 г.⁵⁰ Позднее роль вышеупомянутой группы, состоящей из 15 человек, в определённой степени была воздвигнута в легенду. Так, австрийский психоаналитик Вильгельм Райх (1897–1957), который в 1930 году посетил Болшево, вспоминал: «Расширение числа членов коммуны до 350, а позже до 1 000 человек, произошло исключительно благодаря этим 15 мальчикам. Вскоре они внесли в список ещё 75 кандидатов, за которых они поручились. Затем были посланы в тюрьмы „уполномоченные“ с тем, чтобы выбрать следующих 75 мальчиков»⁵¹. Впрочем, с 1928 года для новичков в коммуне существовал примерно 6-месячный кандидатский стаж⁵².

В связи с началом индустриализации в Болшевской коммуне – как, впрочем, и в харьковской «Дзержинке» – произошёл значительный прирост числа «вольнонаёмных рабочих и служащих». Увеличение количества «трудящихся» происходило следующими темпами: 1926 г. – 356; 1927 г. – 516; 1928 г. – 619; 1929 г. – 1 023; 1930 г. – 1 409; 1931 г. – 1 785; 1932 г. – 2 631; 1933 г. – 2 915; 1934 г. – 5 118; 1935 г. – 5 369; 1936 г. – 7 428; 1937 г. – 8 171⁵³. В 1936 году общее число жителей Болшево достигало 10 000 человек⁵⁴. Сравнительная «диспропорция» между численностью коммунаров и тех, кто работал на предприятиях, существовала также и в значительно более мелкой «Дзержинке», которая изначально создавалась в качестве детской трудовой коммуны. В 1935 году, когда Макаренко был переведён в Киев, количество воспитанников «достигло цифры 500 чел.», однако их численность была в два раза меньше, чем рабочих, служащих и инженерно-технических работников⁵⁵.

В 1928 году был принят генеральный план развития посёлка Костино, разработанный крупными архитекторами А.Я. Лангманом и Л.З. Чериковым⁵⁶. В соответствии с этим планом коммуна с течением времени превратилась в небольшое «государство» с собственными фабриками, магазинами, яслями, школами, кинотеатром, библиотекой, радиостанцией и больницей. От этого богатства осталось немного. О сегодняшнем состоянии территории бывшей коммуны С. Гладыш пишет: «Нынче посёлки Болшево и Костино – часть города Королёва, сохранившего выразительные островки Республики Болшевцев. Магазин, Учебный комбинат, Фабрика-кухня, построенные в стиле конструктивизма –

⁴⁵ Цит. по: там же. – С.145.

⁴⁶ От преступления – к строительству. (Ко 2-й годовщине трудкоммуны ГПУ) // Учительская газета. – 1926. – № 41, 16.10. – С. 5.

⁴⁷ См. Bess M. „Besprisornye“, die Methoden des Kampfes gegen die Verwahrlosung in Russland («Беспризорные», методы борьбы с беспризорностью в России) // Osteuropa. – 1932/33. – С.85–97 (ссылки как на: Bess) (здесь с.91).

⁴⁸ См.: Koerber L. von. Sowjetrussland kämpft gegen das Verbrechen (Советская Россия борется с преступностью). – Berlin, 1933 (ссылки как на: Koerber). – С.91.

⁴⁹ См.: Диковский.

⁵⁰ См.: Sigerist H.E. Socialised medicine in the Soviet Union (Общественное здравоохранение в Советском Союзе). – London, 1937 (ссылки как на: Sigerist). – С.253.

⁵¹ Reich W. Die Arbeitskommune der G.P.U. „Bolschewo“ (Трудовая коммуна ГПУ «Болшево») / Тот же. Die Sexualität im Kulturkampf. Zur sozialistischen Umstrukturierung des Menschen. 2.Aufl. – Kopenhagen, 1936. – С.199–202 (ссылки как на: Reich) (здесь – с.199–200).

⁵² См.: Автономов. – С.37–38; Koerber. – С.92; ГАРФ, 7952-3-4, л.121.

⁵³ Рост Болшевской трудовой коммуны // Болшевец. – 1937. – № 65, 05.11. – С. 1.

⁵⁴ См.: Sigerist. – С.253; Pons J. L'éducation publique en U.R.S.S. – Paris, 1937. – С.47.

⁵⁵ См.: Госархив Харьковской области, Р-4511-1-16, л.3 об.

⁵⁶ См.: Ладовский Н. Проект планировки трудкоммуны «Костино» // Строительство Москвы. – 1929. – № 7. – С.14–17; см. также: Позамантур. – С.21.

строгие пропорции, масса света и стекла, минимум декора, – выделяются на фоне стандартной застройки»⁵⁷. Также и харьковская коммуна – в отличие от большинства советских детских учреждений 1920-х годов, включая колонию им. М. Горького – была размещена в новом здании, спроектированном авторитетным архитектором.

Коммунары и их перевоспитание

В одной из горьковских публикаций относительно происхождения обитателей Болшевской коммуны можно найти следующие данные (за июнь 1931 г.): из общего числа 1 598 коммунаров 529 были выпущены из тюрем с условным сроком, 300 – сами пришли с «воли», 283 – взяты из других коммун, 181 – переведены из Бутырского изолятора, 149 – из Соловков и 81 – из детдомов. 92,6 процента коммунаров в прошлом являлись «социально опасными» со средним «воровским стажем» 7,4 года⁵⁸.

Возраст большинства болшевцев был от 16 до 21 года. В первое время коммуна предназначалась лишь для юношей, однако с осени 1927 г. в ней появились и девушки⁵⁹. Г. Вальден докладывает об обнаружении этого шага в одной из стенгазет болшевцев, где говорилось, что коммуна теперь «так далеко ушла, что хотела бы попробовать привить культуру и работу женщинам-заключённым, которые со своей стороны должны, используя собственные женские навыки, помочь мужчинам»⁶⁰. Такой аспект можно найти также в аргументации Макаренко в пользу совместного воспитания в руководимых им учреждениях по перековке малолетних правонарушителей и беспризорников. Как в полтавской колонии им. М. Горького, так и в харьковской коммуне им. Ф.Э. Дзержинского с самого начала были также и девочки.

По состоянию на июнь 1931 г. из всех членов болшевского учреждения 89,3 процента были мужчины и 10,7 процентов – женщины⁶¹. Перевоспитание последних оказалось весьма трудной задачей. В беседе с Ленкой фон Кёрбер (осень 1931 г.) один из воспитателей Болшевской коммуны отмечал: «У нас в целом лишь 200 девушек-уголовниц, все они имеют несколько судимостей, работа с ними сложнее, чем с юношами. Они мелочнее, более мещански настроены, и поэтому их труднее воодушевить для великой цели»⁶². О проблемах с перевоспитанием девушек с богатым опытом уличной жизни также высказывался и Макаренко.

В первые месяцы болшевы, как позже и дзержинцы, увлекались и в сельскохозяйственные работы⁶³. Но очень скоро оказалось позади то время, когда в конюшне появилась первая лошадь, полученная коммуной в кредит, а в кузнице подковывали «крестьянских коней»⁶⁴. «Со временем прачечная была перестроена в столярную мастерскую, свинарник – в слесарную и клуб, сарай – в колёсную, конюшня – в обувную»⁶⁵. Вскоре к ним присоединились деревообрабатывающие мастерские. Позднее всё это превратилось в настоящий производственный комплекс, состоявший из трёх фабрик – трикотажной, обувной (спортивная обувь) и коньковой. Как вспоминает вдова Погребинского Анастасия Борисовна, М. Горький на вечере выпуска коммунаров, в момент преподнесения ему воспитанниками «сделанного ими вязаного, шерстяного свитера», растрогавшись до слёз, сказал блестящую фразу: «Ребята, вот совсем недавно вы раздевали людей, а теперь вы

⁵⁷ Гладыш. – С.290.

⁵⁸ См.: Горький М. О трудколониях ОГПУ / Тот же. Публицистические статьи. – М.–Л., 1931. – С.293–303 (ссылки как на: Горький) (здесь – с.293).

⁵⁹ См.: Die Werkkommune der G.P.U. (Трудовая коммуна ГПУ) // Wochenbericht. – 1927. – № 45–46. – С.11.

⁶⁰ Walden. – С.107. См. также противоположное свидетельство С.П. Богословского (1934 г.): «В 27 году (...) начали организовать трикотажную мастерскую, так как приняли женщин. (...) В конце концов постановили девушек в коммуны принять, и 14 апреля мы привезли из Бутырок первую партию – 4 девчат» (ГАРФ, 7952-3-4, лл.98–99).

⁶¹ См.: Горький. – С.293.

⁶² Koerber – С.91–92.

⁶³ См. Reswick W. An Experiment in Freedom (Эксперимент на свободе) // The Nation (New York) – Vol. CXXI. – 1925. – № 3149. – November 11, – С.535; перевод на нем. яз.: Ein Experiment in der Freiheit // Die Einheit (Berlin). – 1926 – № 1. – С.22–24 (здесь – с.24).

⁶⁴ См.: Диковский.

⁶⁵ Bess. – С.92.

одеваете меня (...)⁶⁶. Так оценил писатель производство бывших правонарушителей, намекая на известную сцену из фильма «Путёвка в жизнь», в которой несовершеннолетний «уголовник», вооружённый бритвенным лезвием, «помогает» знатной даме избавиться от её шубы.

Стимулом к труду уже в 1925 году служила небольшая зарплата, которая начислялась «по своеобразной тарифной сетке от 1-го до 5-го разряда: 1-й разряд – 48 копеек в месяц, 5-й разряд – 5 руб. 40 коп. в месяц»⁶⁷. Позже оплата труда, как и в харьковской «Дзержинке», была переведена на профсоюзные ставки⁶⁸. Так, 1 января 1931 г. из 1 283 (общее число) коммунаров-большевцев – 265 человек, ещё проходившие трёхмесячный испытательный срок, зарабатывали не более 25 рублей в месяц, в то время как полноценные члены коммуны получали от 25 до 200 рублей, и даже больше⁶⁹. Напротив, воспитанникам колонии им. М. Горького с 1924 года выплачивались исключительно небольшие карманные деньги, да и то Макаренко ещё надо было доказывать необходимость этого своему начальству в Наркомпросе УССР.

Уже упоминавшийся выше воспитатель в беседе с Ленкой фон Кёрбер рассказывал об эффективности деятельности коммуны следующее: «Наша попытка перестроить молодых преступников с помощью ответственной работы на производстве в большинстве случаев удалась. Ведь мы досконально разбираемся не только в человеческом материале, но также и в производственном процессе и знаем, что может интересовать каждого молодого человека. Если он увлечён работой, то уже создана основа для его перестройки. Самое важно здесь – сначала найти индивидуальный подход, потому что работа может выполнять воспитательную функцию лишь в том случае, когда она отвечает дарованиям молодого человека. Только тогда, когда он будет находиться на подходящем для этого месте, он может подвергаться интенсивному воздействию со стороны коллектива»⁷⁰. Это в полной мере отвечает духу и принципам педагогики Макаренко: подросток не утрачен для общества, если вокруг него воспитатели, крепкий коллектив. Он поддаётся лепке, он очень талантлив. Нужно только уметь обнаружить в нём те струны, которые будут звучать. Тот, кто увлёкся работой, смог создать основу для личной перестройки. Самое важное здесь – найти индивидуальный подход, потому что работа может выполнять воспитательную роль лишь в том случае, когда она отвечает природным способностям молодого человека. А если, к тому же, у него есть подходящая работа, тогда коллектив воздействует на него гораздо интенсивнее»⁷¹.

Постепенно члены коммуны восстанавливались в гражданских правах; по ходатайству учреждения ранее вынесенные приговоры были аннулированы⁷².

Высшим органом самоуправления и «последней инстанцией» Болшевской коммуны являлось общее собрание её членов. В качестве исполнительного органа служила так называемая «активная комиссия», состоящая из 5 человек⁷³. Существовали и другие комиссии, например, выборная, которая «направлялась в тюрьмы и выбирала новых членов»⁷⁴, а также конфликтная⁷⁵. О «власти» общего собрания в одной из уже цитировавшихся публикаций (1930 г.) отмечается, что «заведующий не имел и не имеет права провести то или иное мероприятие без утверждения его общим собранием»⁷⁶.

Однако, уже через год, в ходе процесса индустриализации, система управления трудкоммун ОГПУ и аналогичных учреждений в других союзных республиках, подверглась фундаментальной реорганизации. В частности, была упразднена должность заведующе-

⁶⁶ Погребинская. – С.95. В юбилейном письме коммунаров Г.Г. Ягоде, опубликованном в репрезентативном издании «Болшевы» (там же. – с.7), эти слова писателя были обобщены таким образом: «Раньше раздевали, теперь начинаете одевать».

⁶⁷ Матвеев. – С.38.

⁶⁸ См.: Автономов. – С.41.

⁶⁹ См.: Бесс. – С.92.

⁷⁰ Koerber – С.91.

⁷¹ Koerber – С.91.

⁷² См.: там же. – С.96.

⁷³ См.: Матвеев. – С.39.

⁷⁴ Koerber. – С. 91–92.

⁷⁵ См.: Матвеев. – С.39.

⁷⁶ Автономов. – С.37.

го. В России во главе коммун отныне стоял управляющий, а в Украине – начальник. Данные должности занимали уже не педагоги, а, как правило, чекисты. Из литературы и архивных документов известны следующие имена управляющих Болшевской коммуны: М.М. Кузнецов (1931–34 гг.), С.П. Богословский (1935 г., весна 1937 г.), А.А. Бобринский (1936 г.), С.Н. Жаворонков (осень 1937 – 1938 гг.). В связи с вышеупомянутыми структурно-организационными изменениями в 1934 году вопросы снабжения коммун переходили в компетенцию Административно-хозяйственного управления (АХУ) НКВД СССР под руководством И.М. Островского, а с 15 октября 1936 г. С.Б. Жуковского⁷⁷. Как следует из писем (январь–октябрь 1934 г.) Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), именно Островский был адресатом, обратившимся с просьбой о посещении Болшевской коммуны группами иностранцев по линии Общества⁷⁸. 15 октября 1936 г. обязанности Островского в АХУ НКВД СССР стал исполнять С.Б. Жуковский⁷⁹.

Что касается побегов или самовольных отлучек воспитанников, то в Болшевской коммуне, как и в макаренковских учреждениях, их случаи были редким явлением, несмотря на отсутствие ограждения и охраны. Спустя несколько месяцев после открытия коммуны прекратились и кражи. Как и прежде в колонии им. М. Горького, ребятам вручались ключи от всех складов (а именно, уже в декабре 1924 г.⁸⁰), каждый чувствовал себя хозяином своего учреждения.

Нарушения общего порядка коммуны строго преследовались. Исключение из коллектива применяли как крайнюю меру. Данное наказание практиковалось и в «Дзержинке» – иногда и в более строгой форме: «без денег, без вещей». Об этом Макаренко говорил в своих выступлениях, стенограммы которых пока что полностью не публиковались⁸¹. Поэтому подобные случаи, подтверждённые бывшими коммунарами-дзержинцами, до сих пор остаются практически неизвестными.

Кроме исключения из коллектива, в Болшево применялись и другие санкции. Например, член немецкой компартии, педагог и юрист Гуго Якоби (г. Веймар; 1877–1933), посетивший коммуну в августе 1926 г. в рамках трёхмесячной ознакомительной поездки по советским исправительным учреждениям, сообщает об использовании в учреждении ОГПУ таких мер наказания, «которые были связаны с определённым поступком: денежный штраф в случае повреждения общественного имущества или его замена; отмена отпуска в случае пропуска работы без уважительной причины; уборка помещения в случае его загрязнения; крайняя мера – заключение под стражу сроком на неделю в одну из московских тюрем»⁸². Такой срок заключения подтверждает член рейхстага, социал-демократ, адвокат Курт Розенфельд (1887–1943), который тоже был в Болшево в 1926 году⁸³. В. Райх сообщает другое – об «одном или двух днях ареста». В своей статье он пишет: «Наказанному был передан адрес соответствующей тюрьмы в Москве. Без всякого сопровождения он ехал туда и, проведя там 1–2 дня, с радостью возвращался домой»⁸⁴. Также и в колонии им. М. Горького существовал широкий спектр наказаний, которые назначались либо заведующим, либо постановлением товарищеского суда, однако до «заключения» дело не доходило. Из собственных рассказов Макаренко известна практика «домашнего ареста» в рабочем кабинете заведующего (с возможностью чтения книг), применявшаяся уже в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского.

Живую картину атмосферы Болшевской коммуны представляет немецкий педагог-социалист, руководитель сельского воспитательного дома в Валькерсмиле близ Мельзунгена Кассельского округа Минна Шпехт (1879–1961) в своём «Московском дневнике», обнаруженном в 1988 году восточногерманским педагогом-историком Кристиной Лост в фондах Центрального госархива ГДР, возвращённых из СССР. Весной 1927 г. во

⁷⁷ См.: *Петров/Скоркин*. – С.192, 328.

⁷⁸ См.: ГАРФ, 5283-8-198, лл.28, 34, 49, 76, 77, 99, 101, 102, 133, 134, 147, 154, 159, 167, 175.

⁷⁹ Siehe: *Петров/Скоркин*. – С.192.

⁸⁰ См.: *Матвеев*. – С.38.

⁸¹ См., напр.: Российский гос. архив литературы и искусства (РГАЛИ), 332-1-183, л.65.

⁸² *Jacobi H. Sowjetrussische Fürsorgeerziehung (Советско-российское исправительное воспитание) // Das werdende Zeitalter. – 1927. – № 9/10. – С.230–238 (ссылки как на: Jakobi) (здесь – с.233–234).*

⁸³ См.: *Rosenfeld K. Ein russisches Jugendgefängnis (Русская тюрьма для несовершеннолетних) // Das neue Rußland. – 1927. – № 1–2. – С.29–30 (ссылки как на: Rosenfeld) (здесь – с.30).*

⁸⁴ *Reich. – С.201.*

время поездки в столицу СССР, сопровождая своего наставника, видного философа Леонарда Нельсона (1882–1927), она побывала в Болшево. О коммуны, которую М. Шпехт называет «школой», можно прочесть такую запись (датированную в дневнике 14 мая):

«Вчера (в действительности: позавчера. – Г.Х.) в школе ГПУ. Жуткий холод. Туда мы ехали в открытой машине целый час по пустому шоссе: Н. (Нельсон. – Г.Х.), (...) представитель ГПУ и я. Человек из ГПУ, около 30 лет, украинец, стройный, с небольшой лысой головой, красивым лицом, с весёлыми блестящими глазами и решительным ртом с хорошими зубами, задние зубы – золотые.

Когда мы были на улице, то зашли сначала в домик, в котором зимой 1922 года жил Ленин. Сегодня он находится в заброшенном состоянии – холостяцкое жилище заведующего, конечно же, совсем без женской руки и ухода. Всё в грязи, в беспорядке, холодно, мерзко, внешне неудобно. Пара стаканов была протёрта грязной тряпкой; нам предложили хлеб, масло, сыр и сковородку с яйцами; каждый что-то быстро ел и курил. Затем мы вышли, чтобы посмотреть на колонию. Всё выглядит примитивно, простецки, создано лишь для грубой работы, так примитивно, неотёсанно, как и молодые преступники, которых здесь перевоспитают в советских граждан – в столярной, сапожной мастерских и в кузнице. Они работают под заказ. Они получают зарплату, кредит на одежду и тому подобное. Таким образом, они сами зарабатывают себе на пропитание, работая до 5 часов пополудни. 108 учеников. Совершенно без надзора полиции. Всё открыто. Никакого забора. Только возможность работать, достойно работать и общаться с воспитателями. Если они хотят, то могут уйти. Им дают увольнительную в Москву. Им не запрещают пить. Они курят, лишь кокаин запрещён. Им предоставлена сексуальная свобода. Они сами управляют коммуной. Они получают во всех отношениях доверие. Они добросовестно работают (сдельщина). Они смеялись и весело разговаривали с руководителем и человеком из ГПУ. Заведующий – бледный, серьёзный, почти нежный человек (бывший военный врач)⁸⁵. Он лишь хочет попытаться показать этим людям лучший путь к работе. Школа была основана Дзержинским – она любимое дитя ГПУ. Ей всего два года. О результатах ещё ничего нельзя сказать, на её собраниях царит строгий и гордый тон. Они не церемонятся. Нам не удалось с ними поговорить. От этого наше впечатление пострадало, как, впрочем, и от холода и значительной продолжительности нашего посещения. Подобные заведения не „посещают“, это не соответствует отношению к подобной работе. В 8 часов вечера мы вернулись»⁸⁶.

Нельсон же, включивший в свой «Отчёт о поездке в Россию 1927 года» (посмертно изданный маленьким тиражом) выше цитированный отрывок из «Московского дневника» М. Шпехт, характеризует коммуны как «лучшую школу, которую мне до сих пор довелось увидеть, школу для опасных преступников, прибывших из тюрьмы и с каторги». Впрочем, «человеком из ГПУ» учёный был прямо-таки очарован⁸⁷.

В книге отзывов Болшевской коммуны (от которой, однако – в отличие от книги откликов посетителей харьковской «Дзержинки» – сохранились лишь иностранные записи, переведённые на русский) Нельсон сделал следующую восторженную запись (датированную: 12.V.1927), подписанную также и Минной Шпехт: «Мы очень рады убедиться в том, что по инициативе вождей пролетарской революции и под защитой их – в России проводится тот педагогический эксперимент, который тщетно предлагался до сих пор мыслителями-педагогами буржуазным правительствам.

Мы не сомневаемся в том, что все возлагаемые на этот опыт надежды увенчаются успехом, если будут продолжать проводить этот опыт с тем же доверием и мужеством, которыми сопровождалось начало его»⁸⁸.

Симпатичный «человек из ГПУ» с золотыми зубами, для которого было важно лично сопровождать иностранных гостей до Болшево, несомненно, был Погребинский. Ува-

⁸⁵ Слова «(бывший военный врач)» – дополнение Л. Нельсона.

⁸⁶ Bundesarchiv Berlin (Федеральный архив Берлин), 90 Ne 1, лл.18 об. –19 об.

⁸⁷ См.: Nelson L. Bericht über die Rußlandreise 1927. Als Manuskript vervielfältigt (25 num. Ex.). – Frankfurt (M.), Mai 1972. – С.68. Бросается в глаза, что Минна Шпехт в «Московском дневнике» ничего не указала о своём визите в Болшевскую коммуны в рамках международной учительской делегации, в которую она входила двумя годами ранее. Это можно объяснить тем, что в своё время она не принимала участие в экскурсии делегатов в Болшево.

⁸⁸ Цит. по: Гладыш. – С.105.

жительное отношение чекиста к двум немецким педагогам подтверждает факт, что фотография последних как гостей коммуны была включена в его книгу «Трудовая коммуна ОГПУ»⁸⁹.

Всё же вернёмся к воспитанникам в Большево. Срок пребывания в Большево составлял 2–3 года, но многие оставались и после его окончания, даже обзаводясь семьями. Так воспитательное учреждение, каким коммуна была вначале, стала производственным предприятием с общежитиями для малосемейных.

Основная задача коммуны – дать бывшим правонарушителям «необходимую квалификацию, выровнять их»⁹⁰. При этом школа играла скорее второстепенную роль. В первое время школьные занятия велись ежедневно лишь по 2 часа⁹¹. В одной из публикаций о коммуне (1930 г.) идёт речь о том, что «обучение для всех малограмотных членов коммуны обязательно»⁹². Очевидно, здесь имеются в виду вечерние уроки, где коммунары учились после рабочего дня. По всей вероятности, занятия в Большево на некоторое время прекратились. Во всяком случае, Минна Шпехт весной 1927 г. ничего не сообщила об уроках в коммуне, вместо этого она подчеркнула, что воспитанники работали целый день, а Макаренко, защищая необходимость серьёзной школьной работы в только что открытой «Дзержинке», летом 1928 г. писал: «В Болшевской коммуне ГПУ под Москвой школа совсем уничтожена, а рабочее время подростков доведено до 8 часов»⁹³. В январе 1930 г. для болшевцев был открыт техникум с четырьмя отделениями, соответствующими специфике производства⁹⁴. В том же году 27 коммунаров посетили различные вузы страны⁹⁵. Для подготовки к учёбе колонисты-горьковцы с 1923 года посещали рабфаки в Киеве и Харькове, а в сентябре 1930 г. Макаренко удалось договориться об открытии в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского рабфака Харьковского машиностроительного института.

В коммуне существовала активная кружковая деятельность. Работали хоровой (уже с 1924 г.), духовой, струнный, джазовый и (с 1937 г.) симфонический оркестры, драматический и литературный кружки, радиокружок и многие спортивные секции, в том числе футбольная, хоккейная и акробатическая. Следует отметить, что струнный оркестр болшевцев (под руководством арестованного в 1918 г. как сына эмигранта опытного музыканта, бывшего князя А.С. Чагадаева⁹⁶) до 1930 года дважды занимал первые места на всесоюзных конкурсах⁹⁷. Однако, клубная работа коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, которую высоко оценивал прежде всего в своих публикациях её тогдашний руководитель В.Н. Терский, ориентировалась в значительной степени на личные пристрастия Макаренко (литература, театр, духовая музыка) и страдала, как критически отмечал ещё в 1936 году тот же автор, отсутствием «подлинной самодеятельности»⁹⁸. Ещё в 1927 году комиссия

⁸⁹ См.: *Погребинский*. – С.77. На данной фотографии с подписью: «Нельсон, его сотрудница Шпект (!) и иностранцы, посетившие коммуны», помимо двух гостей из Германии и руководителя коммуны (Богословского), изображены ещё четверо аккуратно одетых человек (среди них, очевидно, переводчица), а также пятеро «советских лиц» в фуражках. Относительно иностранных «сопосетителей», о которых *Шпехт* и *Нельсон* почему-то ничего не упоминают, в книге отзывов болшевской коммуны от того же дня (12/V – 1927) говорится: «представители ЦК профсоюза конфекционной промышленности Бельгии», прибывшие на VIII Всесоюзный Съезд работников её советской партнёрской организации (см. *Гладыш*. – С.105). То, что *Погребинский* отсутствует на этой фотографии, можно собственно объяснить лишь тем, что к тому моменту он уже покинул коммуны.

⁹⁰ *Матвеев*. – С.40.

⁹¹ См.: там же.

⁹² *Автономов*. – С.39.

⁹³ ПС. – Т.1. – С.97.

⁹⁴ См.: *Автономов*. – С.39.

⁹⁵ См.: *Bergmann F.* „Republik der Strolche“. Die „Dzershinski-Kommune“ der GPU (Республика Шкид. «Коммуна им. Дзержинского» ГПУ) // *Moskauer Rundschau*. – 1931. – № 7, 15.02. – С.3 (ссылки как на: *Bergmann*).

⁹⁶ См.: *Гладыш*. – С.145–148.

⁹⁷ См.: *Автономов*. – С.39.

⁹⁸ См.: *Терский*. Улучшить работу наших кружков // *Дзержинец* (Харьков). – 1936. – № 6. – С.2. Не раз повторяемые Макаренко реплики относительно того, что духовой оркестр его коммуны является «одним из лучших в Харькове и на Украине», вполне очевидно основаны на том, что музыкальный коллектив в марте 1931 года принял участие в Харьковской музыкальной олимпиаде и

Харьковского горсовета после проверки колонии им. М. Горького выразила недовольство по поводу того, что там вообще отсутствует какая-либо детская инициативная кружковая работа⁹⁹.

Совершенно очевидно, что комсомольская ячейка в Болшевской коммуне была организована лишь в конце 1925 года. Во всяком случае, в появившемся осенью того же года материале секретаря Московской организации РКСМ Матвеева о существовании подобной группы ничего не сказано; там только говорится, что «комсомол среди коммуны очень популярен. Целью большинства является добиться того, чтобы стать комсомольцем».¹⁰⁰ При этом политические знания воспитанников были скорее рудиментарны. Так, американский журналист Уильям Ресвик, который в апреле 1925 г. был самым первым зарубежным гостем в Болшево (его запись открывает книгу отзывов коммуны¹⁰¹), пишет: «Когда я сидел в вагоне и обменивался с ребятами рукопожатиями и желал им всего доброго на прощание, я спросил некоторых из них об их политических взглядах. К моему удивлению оказалось, что лишь только один из всех знал, что Первое Мая – это революционный праздник, но и он не знал, почему и в связи с чем.

Остальные ребята знали только то, что это был какой-то праздник, но для них оставалось неясным, был ли это религиозный праздник или нет. Брагинский (Погребинский. – Г.Х.) объяснил, что Дзержинский и его товарищи не заботятся о проведении пропаганды среди молодых людей, потому что они предпочли бы, чтобы те самостоятельно формировали свои политические взгляды, поскольку они стоят на собственных ногах в духовном плане».¹⁰² В одной из статей о Болшевской коммуне, опубликованной в 1932 году в еженедельнике «Moskauer Rundschau», подчёркивалось, что девочки проявляли большую активность в политработе. Несмотря на то, что они составляли лишь 10 процентов коммунаров, их доля в комсомольцах достигала 40 процентов¹⁰³.

Рост числа членов комсомольской ячейки отставал от роста общей численности учреждения. Так, в 1925 году из 32 воспитанников 18 были комсомольцами, в 1931 г. из 1 598 человек – только 84, а в 1935 г. лишь 131 комсомолец на 3 100 коммунаров¹⁰⁴. То же видно по кандидатам в члены партии: в 1928 г. – всего 3, в 1931 г. – 14, в 1935 г. – 24¹⁰⁵. Такое необычное снижение политической активности можно объяснить, как с полным правом констатирует мой марбургский коллега З. Вайтц, главным образом, одновременным «развитием семейного элемента»¹⁰⁶, т.е. ростом числа семейных коммунаров: от одного в 1925 г. и 2 в 1926 г. до 290 в 1931 г. и, наконец – 1 036 в 1935 г.¹⁰⁷ Для сравнения: в 1932 году по случаю пятилетнего юбилея коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, когда там было 342 воспитанника, председатель её правления А.О. Бронева, по-видимому, будучи в курсе «мелкобуржуазной» ситуации в Болшево, с гордостью писал: «Сейчас коммуна насчитывает в своих рядах 8 кандидатов партии, 182 комсомольца и 110 пионеров. Таким образом, коммуну можно считать комсомольско-пионерской»¹⁰⁸.

Член компартии Г. Якоби, который посетил болшевское учреждение в 1926 году, т.е. ещё до его «одомашнивания», восторженно сообщает, что там «индивидуалистическое воспитание освободило пространство для коллективистского воспитания, где вместо семейственности появился новый образ мыслей коммуны, когда не случайность кровного родства сближает живущих там, а сознательная и радостная совместная жизнь духовно и

был рекомендован к Первой Всеукраинской олимпиаде (апрель/май т.г.), однако, так и не приняв в ней участия. См.: Музыка мас (Харків). – 1931. – № 7–8. – С.22–23, 29–30.

⁹⁹ См.: Забота, контроль, вмешательство. Шесть отчётов об инспекторских и других проверках колонии им. М. Горького (1922–1928 г.г. Сост.: Г. Хиллиг. – Марбург, 1994. – С.15.

¹⁰⁰ См.: Матвеев. – С.39.

¹⁰¹ См.: Гладыш. – С.102.

¹⁰² См.: Reswick.

¹⁰³ См.: Bergmann.

¹⁰⁴ См.: Болшевцы. – С.438а.

¹⁰⁵ См.: там же. – С.436а.

¹⁰⁶ Weitz. – С.289.

¹⁰⁷ Болшевцы. – С.516а.

¹⁰⁸ Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского. – Х., 1932 (ссылки как на: Второе рождение). – С.10.

морально связанных между собой людей, которые совместно трудятся»¹⁰⁹. В другом месте отчёта Якоби о Болшево говорится: «Основой этой воспитательной работы является общественно обусловленная продуктивная деятельность. Не морализаторство, и тем более уж не диктаторские приказы и запреты обуславливают изменения, но направленность воли и сила устремления к значимой и осознанной в качестве полезной цели, к достижению которой ведут самостоятельное планирование, самостоятельная деятельность и критика действительности. Благодаря этому пробуждается самодеятельность и рождается самоответственность.

Предпосылкой для подобного воспитания является, конечно, тот факт, что взрослые, которые здесь работают, покидают трон величия, превосходства и авторитарности, ставят себя наравне с подростками и видят в них одинаково мыслящих, равноценных товарищей и солидарных с ними друзей, а не объекты для воспитания, послушные и подчинённые»¹¹⁰.

В таком же хвалебном тоне сделана запись Якоби в книге отзывов коммуны: «Только пролетарское государство может себе позволить перенесение целей истинной человечности из области „серой“ теории в область практических правовых отношений.

Кто в этом сомневается – пусть тот поучится у России умению организовать в общественном направлении антиобщественные элементы. Эта чрезвычайно трудная задача решена блестяще в трудкоммуне ГПУ»¹¹¹.

Пиком истории болшевского учреждения стало его десятилетие, которое почему-то было отмечено лишь в 1935 году. Правда, сначала подготовка к юбилею сконцентрировалась на 1934 год. Так, в служебной записке зампреду ОГПУ Г.Г. Ягоде от 8 июля того же года полномочный представитель ОГПУ по Горьковскому краю М.С. Погребинский предложил «сделать значок для Коммуны к 10-летию» и приложил его образец. «Это имело бы большое воспитательное значение, если его выдавать не всем»¹¹².

Помимо такого предложения иногороднего почитателя коммуны появился проект тематической книги в московском издательстве ОГИЗ (горьковская серия «История фабрик и заводов»). Примером, очевидно, послужил сборник к пятилетию Харьковской коммуны «Второе рождение» (1932 г.; переиздание: Марбург, 1970 г.), составленный и подготовленный к печати бригадой «Комсомольской правды». Для реализации книжного проекта о Болшевской коммуне её руководители привлекли знаменитого в то время писателя-драматурга В.М. Киршона, у которого 7 декабря 1933 г. было проведено совещание с представителями данного учреждения, зафиксированное стенограммой¹¹³. Эта первая попытка издания книги о болшевцах тогда не увенчалась успехом¹¹⁴.

В связи с юбилеем в приказе НКВД СССР за подписью наркома Ягоды от 7 июня 1935 г. говорилось: «Лучшим доказательством жизненности наших большевистских методов перевоспитания человека является наша Болшевская Трудовая Коммуна, превратившаяся из небольшой опытной мастерской – в огромную фабрику переделки человека, празднующую на днях свой 10-летний юбилей»¹¹⁵. В другом приказе наркома от 10 июня 1935 г. речь идёт о том, что 29 членов коммуны, рождённых между 1903 и 1911 годами, попадали под амнистию – с них была снята судимость¹¹⁶.

Погребинский – Горький – Макаренко

¹⁰⁹ Jacobi. – С.235.

¹¹⁰ Там же. – С.236–237 (курсив в подлиннике. – Г.Х.).

¹¹¹ Цит. по: Гладыш. – С.103.

¹¹² Цит. по: там же. – С.54–55.

¹¹³ См.: ГАРФ, 7952-3-4, лл.1–27.

¹¹⁴ Материалы этого издательского проекта, сохранившиеся в ГАРФ, цитирует, кроме С. Гладыш, также и итальянская историк Дорена Кароли в своей монографии: *Caroli D. L'enfance abandonnée et délinquante dans la Russie soviétique (1917–1937). Préface de Jutta Scherrer.* – Paris, 2004. – С.318–322.

¹¹⁵ Архив МВД Украины, 45-1-3, л.198.

¹¹⁶ См.: Гладыш. – С.331.

О Ф.Г. Мелихове, бывшем народном учителе¹¹⁷, в книге «Болшевы» говорится, что он «всегда мечтал о педагогических опытах большого размаха»¹¹⁸. Во всяком случае, его краткосрочная, но весьма успешная деятельность в коммуне им. Розы Люксембург в 1924 году побудила Погребинского перевести часть воспитанников и воспитателей этого учреждения под Москву, где они впоследствии составили ядро будущей трудкоммун ОGPU № 1.

Удалось ли Мелихову в Болшево осуществить свои мечты – неизвестно. Он не оставил ни воспоминаний, ни литературных произведений, как это сделал Макаренко. Между тем, М.С. Погребинский стал автором двух книг о Болшевской коммуне. Поэтому данное учреждение обычно ассоциируется с именем чекиста, а фамилия Мелихова его современникам вообще не была известна, так что мы даже не знаем, как он выглядел.

В противоположность Мелихову, портрет его заместителя с дней основания коммуны – «беспартийного врача», человека «с психологическим чутьём»¹¹⁹ – Сергея Петровича Богословского, «которого Погребинский знал ещё по Сибири как самоотверженного работника, активного борца с сыпным тифом»¹²⁰, включён в издание «Болшевы»¹²¹. Его воспоминания сохранились в виде стенограмм бесед с ним от декабря 1933 г. и апреля 1934 г., проведённых в рамках вышеупомянутого киршонского проекта книги о коммуне¹²². По всей очевидности Богословский заменил Мелихова в начале 1927 г., когда последнему было поручено заниматься организацией Трудкоммун ОGPU № 2 (впоследствии он возглавил её)¹²³. Что касается руководителя коммуны, которого Минна Шпехт охарактеризовала как «бледного, серьёзного, почти нежного человека (бывшего военного врача)», то речь, конечно, идёт о Богословском.

Уже упоминавшаяся первая из книг Погребинского – «Трудовая коммуна ОGPU» с предисловием М. Горького – вышла в свет в августе 1928 г., другая – «Фабрика людей» – в следующем году. Под названием «Растёт хорошее дело» горьковское предисловие было напечатано в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК Советов» от 8 июля 1928 г. – т.е. в тот же день, когда писатель посещал Куряжскую колонию его имени. Вполне можно предположить, что эту публикацию в центральном правительственном органе – как ранее и длинную статью в «Правде» о первом визите Горького в Болшевскую коммуну¹²⁴ – читал, и очень внимательно, Макаренко; так он узнал о тесной связи писателя с чекистом и вообще с данным учреждением. Впрочем, предисловие к книге Погребинского «Трудовая коммуна ОGPU» позднее было включено в собрание «Публицистических статей» 1927–1931 гг. М. Горького (М., 1931 г., 2-е изд. 1933 г.).

Здесь писатель, которому макаренковский опыт в колонии и коммуне на тот момент был известен лишь из его переписки с «завколом» и воспитанниками, о только что посещённом Болшевском учреждении заметил: «Мне кажется, что среди всех попыток перевоспитания юных „правонарушителей“, столь дерзкого и настолько успешного опыта ещё не было и что такого рода смелые опыты возможны только в Советском Союзе»¹²⁵.

Судя по личному письму Макаренко (декабрь 1930 г.) к члену правления коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, педагог наверняка читал одну из книг Погребинского¹²⁶. Его фамилия включена в предварительный список прототипов персонажей «Педагогической по-

¹¹⁷ См.: Российский госархив политической истории (РГАСПИ), 558-11-719, л.85; ГАРФ, 7952-3-4, л.60.

¹¹⁸ Болшевы. – С.51.

¹¹⁹ Rosenfeld. – С.29.

¹²⁰ Ватова Е. Болшевская трудовая коммуна и её организатор // Юность. – 1966. – № 3. – С.91–93 (ссылки как на: Ватова) (здесь – с.92).

¹²¹ Болшевы. – Между с.64 и 65; см. также: Альманах (приложение): портрет с подписью «4. Сергей Петрович Богословский, управляющий коммуной с 1932 по 1937 год (sic!)», а также 2 групповых снимка «5. Сидят слева направо: С.П. Богословский, А.М. Николаев, Б.Л. Северов, стоят в центре: коммунары А.Н. Погодин», «26. С.П. Богословский (второй слева) принимает иностранных гостей», в т.ч. (второй справа) немецкого писателя О.М. Графа; Гладыш. – С.63: фотография «С.П. Богословский, М.С. Погребинский, А.М. Горький и Г.Г. Ягода среди болшевцев».

¹²² См.: ГАРФ, 7952-3-4, лл.1–27, 52–134.

¹²³ См.: Болшевы. – С.33; Диковский; см. также: Гладыш. – С.364 («3-я [!] Трудкоммуна ОGPU»).

¹²⁴ См.: Рыклин Г. В чекистских лапах // Правда. – 1928. – № 132, 09.06.. – С.2.

¹²⁵ Горький. – С.22.

¹²⁶ См.: ПС. – Т.1. – С.119–135 (здесь – с.127).

эмы» (составленный в начале 30-х годов). Под заголовком «Сферы» там перечислены 58 лиц, практически всех их автор знал лично. Фамилии Погребинского и Горького (и именно в таком порядке) здесь стоят рядом¹²⁷. Вероятно предположить, что Макаренко через последнего мог познакомиться с чекистом. Правда, попытка встретиться с ним осенью 1929 г. в Москве, где завкоммуной после назначения П.О. Барбарова политруком «Дзержинки» пытался возглавить какое-нибудь другое детучреждение, не увенчалась успехом. В письме к Г.С. Салько от 20 сентября 1929 г. об этом говорится: «Я ходил по начальствам. К сожалению, нет в Москве Погребинского, и поэтому по линии ГПУ ничего сделать не удалось»¹²⁸. По свидетельству сына чекиста в разговорах с Р.Д. Позамантир, Макаренко и Погребинский неоднократно встречались¹²⁹.

Как уже было сказано, Горький очень высоко ценил деятельность Погребинского в Болшево и в других трудкоммунах ОГПУ. В цикле очерков «По Союзу Советов» он называет его, как и Макаренко, «ликвидатором беспризорности»¹³⁰. Пролетарский писатель, в 1929 году посетивший Соловецкий лагерь вместе с Погребинским, характеризует его как «человека неисчерпаемой энергии и превосходного знатока мира „социально опасных“». (...) Он носит рыжую каракулевую шапку кубанских горцев, и „социально опасные“ зовут его „Кубанка“. Он говорит с ними на „блатном“ языке тем же грубовато дружеским и шутивым тоном, как и они с ним»¹³¹.

В заключительном очерке, посвящённом также и Болшевской коммуне, Горький возвращается к деятельности Макаренко в колонии горьковцев и коммуне дзержинцев, уже подробно описанном во втором очерке: «Это один из фактов, которые требуют всестороннего и пристального, смею сказать, научного наблюдения, изучения. Такого же изучения требуют трудкоммуны „беспризорных“. И там и тут совершается процесс коренного изменения психики людей, анархизированных своим прошлым; социально опасные превращаются в социально полезных, профессиональные „правонарушители“ – в квалифицированных рабочих и сознательных революционеров»¹³².

Погребинский в январе 1933 г., в то время – полпред ОГПУ по Башкирской АССР, находился в гостях у Горького в Сорренто и «уговаривал его окончательно перебраться в СССР»¹³³ – в мае того же года после 12-летней эмиграции писатель вернулся на родину. Тесные отношения между ним и чекистом можно проследить также и из того, что последний сопровождал Горького в его путешествиях не только на Соловки, но также и в летний лагерь детской колонии под Сталинградом, совхоз «Гигант» (1929 г.) и в г. Горький (1934 г.). Как видно из описания коллекций фотодокументов московского Музея А.М. Горького, писателя во время всех его посещений Болшевской коммуны (8 июня, 2 июля 1928 г., 26 июня 1931 г., 1 июля 1932 г.) сопровождает Погребинский¹³⁴. С другой стороны, как рассказывает вдова чекиста, «мы с мужем часто бывали на зимней квартире Горького у Никитских ворот и на летней его даче (...)»¹³⁵.

Наверное благодаря Горькому с чекистом смогли познакомиться и другие писатели из его окружения, в том числе А. Фадеев, А. Толстой, Вс. Иванов, В. Киршон и Л. Сейфуллина, с которыми он встречался и состоял в переписке¹³⁶. Так, в одном из писем Фадеева к Горькому можно прочесть:

¹²⁷ См.: РГАЛИ, 332-4-1, л.9.

¹²⁸ «Ты научила меня плакать...». Переписка А.С. Макаренко с женой (1917–1939). В двух томах. Сост. и ком. Г. Хиллига и С. Невской. Т.2. – М., 1995. – С.8.

¹²⁹ Раиса Позамантир в беседе с автором (г. Королёв, 26.05.2004 г.).

¹³⁰ Горький М. По Союзу Советов // Наши достижения. – 1929. – № 2. – С.14–38 (здесь – с.21).

¹³¹ Там же. – № 5. – С.25–36 (здесь – с.30–31).

¹³² Там же. – № 6. – С.3–22 (здесь – с.22).

¹³³ Петров/Скоркин. – С.344.

¹³⁴ См.: А.М. Горький и его современники: Фотодокументы. Описание. – М., 1997. – С.213–214, 227–228, 296, 314–315.

¹³⁵ Погребинская. – С.94.

¹³⁶ Кроме Киршона, который 29.08.1937 г. был арестован по обвинению в «троцкистской деятельности», 21.01.1938 г. приговорён к смерти и 28.07. того же года расстрелян, эти литераторы названы у Е. Ватовой (с. 92). На основании дружбы Киршона с генеральным секретарём РАПП Авербахом и наркомом внутренних дел СССР Ягодой, выбора кандидатуры драматурга для издания юбилейной книги о большевцах, а также тесных связей между Фадеевым и другими рап-

«Я живу сейчас на даче под Уфой – много пишу (самому пока что нравится то, что пишу, а это даёт хорошее настроение), катаюсь верхом и на лыжах, пью кумыс. Кругом дремучие снега и целыми днями солнце. Пестует меня Мотя Погребинский, – Вы его знаете, – человек, которого я очень люблю... Он человек незаурядный, талантливый и очень добр – в самом конкретном и не пошлом смысле, т.е. бескорыстно добр. Работа его с „ворами“ и беспризорниками – лучшее подтверждение этого»¹³⁷.

Когда Горький в октябре 1928 г. узнал от одного из воспитанников об уходе Макаренко из Куряжской колонии, он сразу обратился к Погребинскому с просьбой похлопотать за него (педагог, видимо, ничего не знал об этом). 8 ноября того же года чекист ответил, что он проверит возможности «использования» Макаренко во вновь организовываемой коммуне на Украине или в одной из действующих коммун ОГПУ или Наркомтруда РСФСР¹³⁸. Из этого следует, что Горький беспокоился о будущем «завкола» ещё до его письма от 22 ноября 1928 г., в котором тот сообщил своему шефу о «гибели» Куряжской колонии¹³⁹. Впрочем, 29 декабря 1928 г. в письме писателю Погребинский возвращался к теме «использования» педагога: «Я уже Вам сообщил, что Макаренко работает в коммуне Дзержинского; что же касается Вашей коммуны (колонии. – Г.Х.), то я бессилён что-либо сделать, так как это зависит от украинского Наркомпроса. Я полагаю, что если Вы снесётесь с руководящими лицами, то кое-что выйдет. Я вполне понимаю и разделяю Ваши чаяния. Они вполне законны: коммуну построить трудно, а загубить можно в два счёта»¹⁴⁰. Между тем, Горький уже обращался к «руководящему лицу» – председателю ГПУ Укр. ССР В.А. Балицкому. Об этом следует из письма от 5 декабря 1928 года, адресованного П.П. Крючкову – его московскому секретарю¹⁴¹. Однако приложенное к данному посланию – письмо Балицкому, который в 1937 году пал жертвой террора, до сих пор не удалось обнаружить.

В переписке Макаренко с Горьким нет даже упоминания о Болшевской коммуне. Не исключено, что они всё же беседовали о ней во время своих встреч (июль 1928 г. в Куряже, сентябрь 1929 г. или позже в Москве). Но вероятнее всего, Макаренко, зная из очерков «По Союзу Советов» и газетных публикаций о высокой оценке писателем деятельности подмосковной коммуны, решил не высказывать критические замечания в её адрес.

Подобный случай, но только в отношении знаменитой «Республики Шкид», имел место в 1927 году, когда Горький рекомендовал Макаренко прочитать эту «интереснейшую книгу» и сообщить ему о своих впечатлениях, на что последний вообще не отреагировал. Лишь спустя десять лет, уже после смерти «шефа», педагог-писатель выступил с резкой критикой системы воспитания, изображённой в данной книге.

Отклик Макаренко на большевский опыт

С деятельностью 1-ой трудкоммун ОГПУ-НКВД СССР Макаренко был хорошо знаком не только из публикаций. Так, во время летнего похода в Москву (в 1929 г.) он вместе с дзержинцами посетил и Болшево. В «Перевернутых страницах», включённых в юбилейный сборник «Второе рождение» (1932 г.), он пишет (правда, советским читателям данный текст стал снова доступен лишь в 1983 году в восьмитомном собрании «Педагогических сочинений» А.С. Макаренко):

«Июль 28. Посещение коммунарами детской (!) коммуны в Болшеве. Перед этим где только коммунары не были! Излазили всю Москву, успели даже на лодках покататься по Москве-реке, а в Болшеве их поразило настоящее производство, настоящее промышленное богатство. Болшево – это старший брат: ребята там старше и дело у них серьёзней. У них множество машин, строится новая пятиэтажная фабрика. При виде благодати

повскими писателями, наверняка можно исходить из того, что Киришон также принадлежал к кругу друзей Погребинского.

¹³⁷ Цит. по: *Ватова*. – С.92. В цитате ошибочно написано: «небескорыстно добр».

¹³⁸ Архив А.М. Горького Российской академии наук (РАН), ПГ, КГ-ОД, 2-31-2.

¹³⁹ См.: ПС. – Т.1. – С.247–249.

¹⁴⁰ Архив А.М. Горького, ПГ, КГ-ОД, 2-31-3, л.1.

¹⁴¹ См.: там же, ПГ рл, 21а-1-148.

притихли коммунары и... позавидовали. С того дня начали наши коммунары мечтать о заводе, но как до него было далеко!»¹⁴².

Кстати, двумя месяцами позже в поисках нового для своей работы детучреждения под Москвой Макаренко опять был в районе Болшевской коммуны. 21 сентября 1929 г. он сообщает жене об осмотре «небольшой коммуны для трудных, всего на 100 человек возле ст. „Болшево“ Северной ж.д. — это возле той самой станции, возле которой коммуна ГПУ, только с другой стороны»¹⁴³.

К Болшево со своим «настоящим производством» Макаренко также приступает и в брошюре «Беспризорность и борьба с ней», вышедшей из печати на украинском языке весной 1931 года под именем его жены (Г.С. Салько). Здесь в связи с «открытием трудовых коммун» можно прочесть: «Коммуны эти отличаются от учреждений наробраза тем, что при них организовано настоящее производство, например, в Москве — фабрика коньков, где для воспитанников введена более строгая дисциплина, нежели в детском доме. Постепенно расширяя своё производство, привлекая к его интересам детей, приучая их иметь собственный бюджет и карманные деньги, такая коммуна одновременно бдительно следит за поведением коммунара, за организацией его быта, даёт ему новые культурные и политические наставления. Наряду с созданием крепкого ядра юношей расширяется и самоуправление, в дальнейшем дисциплина становится традицией целого коллектива, и поэтому „врастание“ новых коммунаров происходит уже легче, и они скорее приходят к нормальному социальному самосознанию»¹⁴⁴.

Также и в «Педагогической поэме» Макаренко упоминает Болшевскую коммуны. В двух отдельных изданиях третьей части данного произведения, вышедших в 1936 году, есть фрагмент, который, однако, отсутствует во всех других его изданиях:

«До нас уже доходили рассказы о болшевской коммуне, кое-что мы и читали о ней и о Погребинском. Нашлись пацаны, бывавшие в Болшево. Они говорили:

— Не колония, а коммуна! Не так, как в наробразе, а сами хозяева, как у нас, честное слово!..»¹⁴⁵

Однако в «Марше 30 года» (Москва, 1932 г.), одна из глав которого посвящена описанию поездки дзержинцев в столицу, о посещении Болшевской коммуны вообще не упоминается. А в «Опыте методики работы детской трудовой колонии» Макаренко даже утверждает, что для организации производства у Харьковской коммуны «не было образцов»¹⁴⁶.

Чем можно объяснить столь противоречивую оценку опыта Болшевской коммуны?

Восторженный отзыв о ней относится к концу 1931 г., когда Макаренко ещё руководил харьковским учреждением. Данный материал, «Перевернутые страницы», по всей вероятности, готовился для какого-нибудь издания «Дзержинки», посвящённого открытию завода электроинструментов (07.01.1932 г.), когда, наконец, сбылись мечты коммунаров о собственной фабрике. В пользу этого свидетельствует то, что хроника событий 1932 года, в отличие от четырёх предыдущих лет, ограничивается лишь констатацией голых фактов, в ней отсутствует характерное для Макаренко эмоционально-художественное их описание и обобщение.

Вскоре после запуска завода коммуна им. Ф.Э. Дзержинского была реорганизована. Макаренко стал выполнять обязанности начальника педагогической части, а также «помощника» начальника коммуны. Из-за превращения этого воспитательного учреждения в сложный, бурно развивающийся промышленный комплекс, в августе 1932 г. Макаренко решил окончательно покинуть коммуны. Тогда, работая над вёрсткой «Марша», он, видимо, пришёл к выводу, что о Болшево и его «промышленном богатстве» лучше не упоминать.

В тот же период (осень 1932 г.) Макаренко приступил к подготовке «Опыта методики». Из предисловия следует, что Харьковская коммуна для него уже является делом прошлым. Здесь он представляет пример «Дзержинки» как своё собственное достижение,

¹⁴² Второе рождение. — С.19–20.

¹⁴³ Цит. по: «Ты научила меня плакать...». — Т.2. — С.11.

¹⁴⁴ *Makarenko A. Gesammelte Werke. Marburger Ausgabe* (ссылки как на: GW). — Bd.1. — Ravensburg, 1976. — С.105 (перевод из укр. яз.); см. также: PS. — Т.5. — С.312.

¹⁴⁵ Год XVIII. Альманах восьмой. — М., 1935. — С.301.

¹⁴⁶ ПС. — Т.1. — С.188.

не имеющее аналогов. После неблагоприятных для Макаренко событий последних месяцев, «ссылка» на практику подмосковной коммуны представляется ему неуместной.

Когда 12 июня 1935 г. в стране широко отмечался 10-летний юбилей коммуны в Болшево, Макаренко вновь обратился к опыту «старшего брата». Последние главы «Педагогической поэмы», где, как известно, речь идёт о коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, были написаны летом 1935 г. в Киеве, когда он приступил к работе в отделе трудколоний НКВД УССР. Тогда ему уже ничто не мешало представить болшевское учреждение как образец для «Дзержинки». Он сравнивает коммуну им. Г.Г. Ягоды со своими украинскими учреждениями и пишет, что там дело поставлено «как у нас». В этом есть подтверждение достоинств собственной работы и удовлетворение тем, что его достижения так же важны, как и опыт уже тогда широко чествовавшейся Болшевской коммуны.

При этом коммуна им. Ф.Э. Дзержинского ГПУ УССР, вместе с Первой и Второй трудкоммунами ОГПУ, ещё годом ранее удостоилась содержательного фоторепортажа, и именно в следующем порядке: Харьков, Люберцы, Болшево. Данный репортаж увидел свет в 1934 году накануне десятой годовщины основания Болшевской коммуны в апрельском выпуске широкоформатного ежемесячника «СССР на стройке»¹⁴⁷, вышедшего в Москве в четырёх изданиях (на русском, английском, французском и немецком языках). Однако до сих пор не удалось найти подтверждения тому, что Макаренко о данной публикации в одной из многочисленных горьковских периодик вообще было известно.

Книга «Болшевцы» и последствия

Вышеупомянутый сборник «Болшевцы. Очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягода (!) трудкоммуны НКВД», написанный группой из 19 начинающих писателей, вышел в свет под редакцией и с предисловием М. Горького летом 1936 г. Сразу же после смерти писателя его предисловие было опубликовано в газете «Правда» от 20 июня 1936 г. под названием «Неопубликованное письмо (!) А.М. Горького». Дословно там можно прочесть, что «вместе с книгами А. Макаренко „Педагогическая поэма“ и Иды Авербах „От преступления к труду“ эта книга („Болшевцы“. – Г.Х.) вносит в нашу литературу замечательный рассказ о работе „инженеров душ“, которые воспитывают тысячи людей в трудкоммунах, в концлагерях, в колониях беспризорных детей»¹⁴⁸. Для пояснения: И.Л. Авербах, чей труд, прославляющий принудительные работы в Гулаге, поставлен в один ряд с действительно выдающимся произведением мировой педагогики – родная сестра литературного критика Л.Л. Авербаха и... супруга Ягоды.

В целом позитивная рецензия Макаренко на данную книгу была опубликована в «Литературной газете» 27 августа 1936 г. Ранее вышли два отзыва – в «Известиях» от 4 августа и в англоязычной газете «Moscow Daily News» от 16 августа¹⁴⁹.

Используя оценки Горького о высокой значимости его работы (в письме от 30 января 1933 г.¹⁵⁰), Макаренко в своей статье в том же тоне отзывается о деятельности Болшевской коммуны: «К сожалению, по причинам абсолютно странным, десятилетний педагогический опыт чекистов, блестящий опыт мирового значения, до последнего дня игнорируется педагогической литературой. Я не знаю ни одной книги, посвящённой анализу выводов из этого опыта»¹⁵¹.

Одновременно Макаренко отмечал недостатки книги в художественном отношении. «Очень слабо, сравнительно с коммунарами, сделаны фигуры руководителей ком-

¹⁴⁷ См.: СССР на стройке (Москва). – 1934. – , № 4. Репортаж о коммуне им. Ф.Э. Дзержинского переиздан в кн.: Hillig, G. (Hrsg.) Makarenko in Deutschland. Texte und Berichte. – Braunschweig, 1967. – С.92–100.

¹⁴⁸ Болшевцы. – С.10. К названным выше двум книгам Горький обращается также и в письме от 17.11.1935 г. к начинающим писателям А. Вишневскому и М. Пинчевскому по поводу написанного ими сценария фильма о правонарушителях. Здесь он рекомендует побывать в Болшевской коммуне, а также «ознакомиться с диссертацией (!) Иды Авербах, посвящённой вопросу о перевоспитании правонарушителей, и „Педагогической поэмой“ Антона Макаренко». (Архив А.М. Горького, ПГ-рл 8-23- 1.

¹⁴⁹ См.: СС. – т.13. – Равенсбург, 1976. – С.49.

¹⁵⁰ Здесь М. Горький пишет: «Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Ваш имеет мировое значение, на мой взгляд» (ПС. – Т.1. – С.255).

¹⁵¹ СС. – Т.7. – Равенсбург, 1976. – С.204–207 (здесь – с.206).

муны. Мелихова и Богословского почти невозможно отличить одного от другого. (...) Обе эти фигуры получились несколько пассивными и бесстрастными, это не соответствует их действительному значению в истории болшевской коммуны. Несколько живее изображён Погребинский, но и в его изображении преобладают высказывания над показом. (...) Можно прямо сказать: создатель болшевской коммуны тов. Погребинский в книге не показан во весь рост»¹⁵².

В заключение своей рецензии Макаренко пришёл к положительным выводам, указывая на необходимость издать данный сборник также и на иностранных языках: «(...) сделана очень хорошая, очень важная и полезная книга. Сделана любовно, талантливо. За границей книга должна произвести ещё большее впечатление, чем у нас, в ней замечательно уверенно звучит наша философия человека, в ней хорошо показаны корни пролетарского гуманизма»¹⁵³. Примером такого «зарубежного издания» для Макаренко, безусловно, служил помпезный сборник под редакцией М. Горького, Л.Л. Авербаха и чекиста С.Г. Фирина (1934 г.) «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина. История строительства 1931–1934 гг.». В августе 1933 г. строительство этого водного пути, проложенного заключёнными Гулага, являлось целью «спецэкскурсии» почти двух сотен советских литераторов, в том числе пролетарского писателя. Известно, что вождь лично прочёл данную публикацию и высказал следующее мнение: «Это замечательная книга нашей эпохи»¹⁵⁴. Вскоре был опубликован и её англоязычный вариант.

«Болшевцы» и заключительная третья часть «Педагогической поэмы» увидели свет почти одновременно. Потому неудивительно, что в рецензиях на книгу о трудкоммуне, которые появились в течение последующих месяцев, обращается внимание и на макаренковское произведение. Так, литературный критик М. Серебрянский в горьковском журнале «Литературная учёба» указывает на «вышедшую совсем недавно замечательную „Педагогическую поэму“ А. Макаренко, книгу большого литературно-общественного значения»¹⁵⁵.

Уже через месяц после публикации макаренковской рецензии «шеф» Болшевской коммуны Г.Г. Ягода был снят с поста наркома внутренних дел СССР; на данной должности его заменил Н.И. Ежов. Арест наркома связи СССР Ягоды произошёл 28 марта 1937 г., но официально его отстранили от должности лишь 3 апреля¹⁵⁶. В ходе возникшей в связи с этим 4-дневной (!) дискуссии актива Первой трудкоммуны НКВД, о которой подробно сообщала только что основанная многотиражная газета «Болшевец», помощник управляющего Э.П. Каминский, один из «образцовых коммунаров» Болшево (а в 1925 году задержанный как член «банды фальшивомонетчиков», «осуждённый на 10 лет тюрьмы» и спустя два года принятый в коммуну)¹⁵⁷, 10 апреля заявил: «Имя преступника Ягода (!) лежит чёрным пятном на коммуне. Нужно просить ЦИК СССР снять с неё это гнусное имя!»¹⁵⁸. 11 мая 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило об исключении из состава членов ЦИК СССР Ягоды и снятии его имени с Болшевской трудкоммуны¹⁵⁹. На третьем московском процессе против «блока правых и троцкистов» (март 1938 г.) Ягода, как известно, был приговорён к высшей мере наказания (ВМН) и расстрелян. В результате, представляющий опасность газетный материал «Болшевцы», как и рецензировавшийся экземпляр книги, Макаренко сам или его последователи исключили как из личного архива, так и из библиотеки педагога-писателя. Таким образом, для советских макаренковедов рецензия оставалась неизвестной. И только в 1986 году, спустя десять лет после её пе-

¹⁵² Там же. – С.207.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Цит. по: ГАРФ, 7952-3-4, л.137.

¹⁵⁵ *Серебрянский М.* «Болшевцы» // Литературная учёба. – 1936. – № 11. – С.132–139 (здесь – с.132).

¹⁵⁶ См.: Петров/Скоркин. – С.459.

¹⁵⁷ Koerber. – С. 95f.

¹⁵⁸ Глубже самокритику. На собрании актива коммуны // Болшевец. – 1937. – № 3, 15.04. – С.2.

¹⁵⁹ См.: Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. Сост.: В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М., 2004. – С.163.

репечатки в «Марбургском издании» Собрания сочинений А. Макаренко¹⁶⁰, текст был вновь, хотя и без упоминания фамилии Ягоды, опубликован в СССР¹⁶¹.

Выдвинутая на упоминавшемся выше заседании актива Болшевской коммуны от середины апреля 1937 г. критика и самокритика касалась также практикуемой там педагогики, которая в свете произошедших «перемен в стране» больше не может рассматриваться как отвечающая духу времени. Вот что среди прочего заявлял бессменный руководитель данного учреждения С.П. Богословский:

« — Тов. Каминский (...) правильно говорил о многообразии „воспитательных теорий“, существовавших самостоятельно у Ягода (!), Шанина (начальника Транспортного отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР. — Г.Х.), Погребинского и Островского. У каждого из них была на этот счёт своя „теория“, а мы, руководители, и, в первую очередь, я, как человек, который много лет ведёт воспитательную работу и имеет опыт в ней, — мы слепо смотрели на это, слепо принимали их и шарахались от одной такой „теории“ к другой. Мы слепо выполняли всё, что говорил Ягода. И моя вина в том, что я за 12 лет ни разу не поставил себе вопроса (разъяснил себе. — Г.Х.) о том, что жизнь идёт вперёд, всё изменяется, страна идёт вперёд, а мы не замечали этих изменений, прятались в скорлупу. Мы жили старыми традициями, и это привело в тупик, из которого теперь все вместе ищем выхода. Совсем недавно т. Жуковский поставил передо мной вопрос, почему в коммуне в отношении отдельных членов коммуны, которые совершили уголовные преступления, не применяются меры пресечения, как это делается в отношении остальных граждан, уличённых в преступлениях? Почему дело идёт на конфликтную комиссию, а не в нарсуд?»¹⁶². Это развитие Болшевской коммуны прокомментировал ещё в 1990 году З. Вайтц: «Всё более авторитарный сталинский режим не мог больше сочетать в себе всё ещё достойное для подражания — вопреки всем внешним вмешательствам — воспитательное учреждение с „новыми“ репрессивными мерами»¹⁶³.

О трудном положении Макаренко после ареста Ягоды свидетельствуют два его высказывания. Так, 21 апреля 1937 г. во время прений по лекции «Художественная литература о воспитании безнадзорных детей» один из слушателей поинтересовался его мнением о книге «Болшевцы». Как видно из стенограммы выступления, ответ Макаренко был уклончивым: «Я не имел в виду говорить о ней, потому что там иные дети и совершенно другие задачи воспитания»¹⁶⁴. Правда, болшевцы — в отличие от дзержинцев — являлись правонарушителями, а не беспризорниками, и по возрасту были немного старше, чем воспитанники в макаренковских учреждениях. На этой же встрече на вопрос о фильме «Путёвка в жизнь» оратор ответил: «„Путёвка в жизнь“ — страшная вещь. (...) между тем, ничего общего между „Путёвкой в жизнь“ и „Педагогической поэмой“ — нет»¹⁶⁵. Такое утверждение, конечно, не имеет под собой никакой почвы, а учитывая тот факт, что за полгода до этого в Англии был опубликован перевод первой части «Педагогической поэмы» под названием фильма „Road to Life“, показанного в своё время с большим успехом во всём мире, и что эта книга после второй мировой войны стала известна за пределами Советского Союза, также в Германии, как «Путёвка в жизнь», такое высказывание кажется прямо-таки гротескным и объясняется, в сущности, только актуальной угрозой Макаренко вследствие того, что он в публике предполагал «шпионы». Примечательно, как составители семитомного собрания «Сочинений» Макаренко обращались с этим высказыванием: первую фразу — «„Путёвка в жизнь“ — страшная вещь» — вообще исключили (лишь в восьмитомном собрании «Педагогических сочинений» она была восстановлена), а вторую препарировали по идеологическим канонам отечественной педагогики 1940–50-х годов (в восьмитомнике эта фраза вновь дана по семитомнику): «„Путёвка в жизнь“ и „Педагогическая поэма“ объединяют советские принципы отношения к человеку, а методы воспитания в этих произведениях разные»¹⁶⁶. Такая редакторская правка, как мы сегодня знаем,

¹⁶⁰ См.: GW. — Bd.7. — Ravensburg. — 1976. — С.204–207.

¹⁶¹ См.: ПС. — Т.7. — С.9–11.

¹⁶² На активе коммуны. 3-й и 4-й дня прений // Болшевец. — 1937. — № 4, 17.04. — С.2.

¹⁶³ Weitz. — С.278–279.

¹⁶⁴ Институт мировой литературы (ИМЛИ) РАН. Рукописный отдел, 114-1-2, л.26.

¹⁶⁵ Там же, л.21.

¹⁶⁶ С. — Т.5. — С.379; ПС. — Т.7. — С.43.

принадлежала или Г.С. Макаренко, или одному из её помощников при подготовке к публикации творческого наследия мужа.

11 мая 1937 г., после встречи «беспартийного актива» писательского дома в Лаврушинском переулке (Москва), где также проживал Макаренко, у редактора отдела литературы и критики газеты «Правда» И.Г. Лежнёва, который в своей статье к пятилетию ликвидации РАППа назвал «Педагогическую поэму» одной из лучших книг новейшей советской литературы¹⁶⁷, Макаренко отметил в дневнике: «Лежнёв роздал темы, мне почему-то (sic!) тыкнул „Болшевцев“, „напишите про эту кормушку“. Не знаю, что буду писать»¹⁶⁸.

18 мая газета «Болшевец» информирует о необходимости издания нового сборника об истории коммун – «согласие на написание такой книги силами коммунаров т. Жуковский (вновь назначенный начальник АХУ НКВД СССР. – Г.Х.) уже дал». В связи с этим говорится, что «о роли же партии и советской общественности в „Болшевцах“ нет ни слова. В книге „вершителями судеб“ являются Ягода, Погребинский, Островский, т.е. люди, которые никогда не были подлинными организаторами и руководителями коллектива коммунаров. Это были „меценаты“, искавшие среди членов коммуны самообытных талантов, способных потом рекламировать широкой публике своих покровителей»¹⁶⁹. То, что проект издания такой книги не мог быть реализован, пожалуй, также связано со взлётом и падением его наставника С.Б. Жуковского, который уже 1 июля 1937 г. был переведён на другую должность, а с 8 января 1938 г. занял пост замнаркома внутренних дел СССР. Его арестовали 23 октября того же года в должности директора одного провинциального промышленного комбината, 24 января 1940 г. приговорили к смерти и на следующий день казнили¹⁷⁰.

Отрицательную оценку сборник «Болшевцы» получил и в редакционной статье, появившейся в конце июля 1937 г. в седьмом номере журнала «Красная новь», куда были также включены первые главы макаренковской «Книги для родителей». В ней утверждалось, что этот сборник представляет собой «беззастенчивую рекламу Ягоде», которую сочинили приспешники «троцкистов» в духе кампании «вредительской деятельности по срыву и саботажу общественно-литературных начинаний, мероприятий и мыслей Горького»¹⁷¹. В результате ареста Ягоды первое, а также вышедшее в том же 1936 г. второе издание «Болшевцев» были изъяты из книжных магазинов и библиотек. После изнурительных и безрезультатных поисков в фондах книжных хранилищ СССР в 1974 году мне удалось обнаружить «репрессированный» сборник в Нью-Йоркской публичной библиотеке (The New York Public Library). Кстати, подобная же участь постигла и книги Погребинского. С первой из них – «Трудовая коммуна ОГПУ» – я смог, наконец, познакомиться в рамках работы с данной книгой в Российской государственной библиотеке (РГБ, бывшая «Ленинка»). То же самое относится и к вышеупомянутому выпуску журнала «СССР на стройке» с фоторепортажем о трёх трудкоммунах. В то время как немецкоязычное издание во время войны было перемещено из фондов Прусской государственной библиотеки в Марбург (!) и таким образом без проблем стало доступным, ещё в 1984 году наша университетская библиотека на мой запрос русскоязычного варианта получила из Ленинской библиотеки следующий ответ: «Мы не имеем возможности выполнить ваш заказ по следующей причине: издание по международному абонементу не (!) высылается, не (!) микрофильмируется». В отличие от вышеупомянутых книг, которым во «времена молчания» удалось сохраниться в соответствующих «спецфондах», периодика Болшевской коммуны за годы правления Ягоды, кажется, словно сквозь землю провалилась. Это касается «За Коммуну» – производственно-бытового журнала Первой Трудовой Коммуны О.Г.П.У., и газеты «Коммунар» – шестидневника 1-ой и 2-ой трудовых коммун ОГПУ (НКВД СССР). К сожалению, их не сохранили ни в РГБ, ни в Российской книжной палате.

Выводы из самоубийства популярного чекиста

¹⁶⁷ См.: Лежнёв И. О литературе и её кадрах // Правда. – 1937. – № 112, 23.04. – С.2.

¹⁶⁸ Дневник А.С. Макаренко (записная книжка № 12) // РГАЛИ, 332-5-15, л.2.

¹⁶⁹ Журис.

¹⁷⁰ См.: Петров/Скоркин. – С.192–193.

¹⁷¹ О троцкистско-авербаховском вредительстве в литературе // Красная новь. – 1937. – № 7. – С.229–239 (здесь – с.235).

Погребинский, который с июля 1933 г. работал в Горьком полномочным представителем ОГПУ по Горьковскому краю (с июля 1934 г. – начальником УНКВД Горьковского края, а с февраля 1937 г. – начальником УНКВД Горьковской области)¹⁷², узнав об аресте своего бывшего «хозяина» и других чекистов из его окружения, в том числе Островского (29.03.1937 г.)¹⁷³, 4 апреля покончил жизнь самоубийством – застрелившись в служебном кабинете¹⁷⁴. Как впоследствии стало известно, Погребинский во время допроса Ягоды был назван им членом антисоветского «блока правых и троцкистов»¹⁷⁵. По свидетельству Р.А. Медведева, Погребинский в предсмертном письме сообщил, что он не желает далее «соучаствовать в творимых беззакониях»¹⁷⁶.

Нижегородскому историку-краеведу И.В. Берельковскому, который в начале девяностых занимался изучением горьковского периода деятельности Погребинского¹⁷⁷, удалось найти в Государственном общественно-политическом архиве Нижегородской области некоторые документы о реакции местных партийных органов на смерть популярного чекиста. Следующие факты, характеризующие положение на месте, заслуживают особого внимания.

5 апреля 1937 г. в связи с самоубийством Погребинского (члена ВКП(б) с ноября 1919 г., делегата XVII съезда 1934 г. – «съезда расстрелянных», до смерти – члена бюро Обкома партии) состоялось внеочередное экстренное заседание бюро Горьковского обкома ВКП(б) с единственным вопросом повестки дня: «О самоубийстве т. (!) Погребинского М.С.». На этом заседании постановили:

«1. Бюро Обкома партии считает позорным и недостойным советского гражданина, тем более члена партии, поступок Погребинского. Совершив самоубийство, Погребинский показал себя малодушным человеком.

Бюро Обкома в самой резкой форме осуждает этот поступок Погребинского.

2. Ввиду того, что в оставленных записках Погребинский связывает своё самоубийство с отрешением от должности Нар. Комиссара Связи Ягоды, просить центральные следственные органы провести следствие по этому делу».

Партийные деятели, не проявившие «политической бдительности» и участвовавшие в похоронах чекиста, получили в конце мая 1937 г. на Городской партконференции партийные взыскания. На V областной партконференции 5–11 июня 1937 г. все партийные и советские руководители отмежевались от Погребинского, обвиняя его во вражеской деятельности. Так, т. Гей (уполномоченный Комиссии Советского Контроля при СНК СССР по Горьковской обл.) заявил: «Во главе областного отделения НКВД стоял бандит Погребинский, а это, конечно, не способствовало успешной борьбе и разоблачению шпионов, диверсантов, вредителей и т.д.».

Тов. Соколов (секретарь Партколлегии Комитета партийного контроля) на той же конференции выступил с такими словами: «По моему, Обком партии, в том числе и я, просмотрели этого врага (...). Погребинский застрелился, оставил письмо, в котором он связывает своё самоубийство с отрешением от должности и преданием суду Ягоды (...). Здесь дело не в малодушии, а этот акт самоубийства был актом, направленным к тому, чтобы скрыть от партии правду, не дать возможности эту правду рассказать и тем самым не помочь партии (...)».

Из заключительного слова т. Прамнэк Э.К. (первый секретарь Обкома партии): «Я вам сказал, что Погребинский участник шайки Ягоды (...). Давайте исходить из того, что Погребинский сволочь, что Погребинский враг, что Погребинский мерзавец. (...)»

Мы не знаем ещё, в чём дело Ягоды, но допускали, что у Погребинского были кое-какие грешки, связанные с Ягодой. (...)»

¹⁷² См.: *Петров/Скоркин*. – С.344.

¹⁷³ См.: там же. – С.328.

¹⁷⁴ См.: там же. – С.344.

¹⁷⁵ См.: Забвению не подлежит. Незвестные страницы нижегородской истории (1918–1984 гг.). – Нижний Новгород, 1994. – С.238–248.

¹⁷⁶ См.: *Медведев Р.А.* К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. 2-е изд. – Нью-Йорк, 1974. – С.417.

¹⁷⁷ См.: *Берельковский И.В.* «Ликвидатор беспризорности» (М.С. Погребинский. – Г.Х.) // Педагогическое обозрение (Нижний Новгород). – 1995. – № 1. – С.95–100 (здесь – с.98–99).

А мы же знаем, что Погребинский был „царь“ воров и всех „урков“ и всякой такой братвы из лагерей, которых он перевоспитывал, переделывал. (...)

Эта братва, которая его поддерживала – воры, бандиты, „урки“ распустили слух, что Погребинского хоронят без музыки. У нас не было уверенности, что не соберутся тысячи людей и не будет скандала, (...) эксцессов и безобразий. Больше того, до нас дошли слухи, что эти „урки“ хотели вырыть тело из земли. Мы должны были даже пост поставить. Вы, что думаете, Погребинский – это иголочка, которую можно спрятать в городе? Погребинский пользовался популярностью, прошли даже слухи, что Погребинского затравили»¹⁷⁸. Обо всех этих высказываниях в отчётах о вышеупомянутых конференциях, опубликованных в органе обкома и горсовета ВКП(б) «Горьковская коммуна», разумеется, ничего не отмечено.

Резюме Берельковского в письме к автору данной работы: «Самоубийство М.С. Погребинского стало сигналом к массовым репрессиям в области: преследованию подверглись из числа руководящих работников около 1000 человек. Были уничтожены почти все члены бюро Обкома ВКП(б), работавшие с ним».

Репрессированная коммуна

Глава с этим заголовком в книге С. Гладыш начинается такими словами: «Узнав о самоубийстве Погребинского, Алексей Погодин, который руководил Нижегородской коммуной, мчится в Горький. Берёт на себя организацию похорон (прекрасно понимая, что за этим последует). Склоните головы, господа, перед Поступком: жёны отрекаются от мужей, дети – от родителей, а ученик не позволяет очернить память учителя. Погодина немедленно арестовали. (Не дожидаясь предъявления обвинения, Алексей Николаевич нашёл способ покончить с собой в тюрьме.) С этого момента Трудкоммуна № 1 могла считать себя приговорённой. Начались аресты»¹⁷⁹.

Кем был этот мужественный человек? А.Н. Погодин (г.р. 1897¹⁸⁰; как «Зам. Управл. Т/К» к десятилетию болшевского учреждения награждён часами с надписью «Стойкому организатору и строителю Трудкоммуны от НКВД»¹⁸¹) являлся многолетним руководителем клуба – «общим любимцем коммуны», как говорится в очерке журнала «Огонёк», посвящённом торжественному открытию новой фабрики спортивной обуви болшевцев (июнь 1931 г.). Далее о Погодине здесь можно прочесть: «За спиной у него большое уголовное прошлое, он был большим специалистом по взлому несгораемых касс. Теперь – плотник, лучший активист-общественник. Советская власть помогла ему стать не только порядочным человеком, но, безусловно, и полезным членом общества и государства. Погодин – лучший пример для молодых членов коммуны в их новой жизни»¹⁸². В 1934 году «Лёша», который получил 10 лет и сидел в Бутырке, в 1928 году был лично приглашён Погребинским вступить в коммуны. Новые задачи и перспективы, стоящие перед ним, помогли ему отвлечься от тюремной летаргии»¹⁸³.

По данным спецвыпуска альманаха «Болшево» о трудкоммуне, 27 ноября 1937 г. в Костино был арестован «Богословский Сергей Петрович (1895), руководитель ТК»¹⁸⁴. В связи с первым книжным проектом он и Погребинский в декабре 1933 года были названы Погодиным «упряжными лошадками» коммуны¹⁸⁵, а ещё полутора годами позже НКВД СССР в приказе наркома Ягоды «О десятилетии Болшевской коммуны» заслуги этого опытного сотрудника были отмечены следующим образом: «Празднуя наши успехи, наши достижения за 10 лет, нельзя не отметить крупнейшие заслуги бессменного руководителя-воспитателя, всегда скромного на словах, но проделавшего гигантскую работу, – лю-

¹⁷⁸ См.: ГОПАНО, 2-1-2575, т.1, л.33; 2878, л.6 об.; 4493, л.9; 3-4-1, лл.258, 289, 349, 351; 21, л.3; 17, лл.123, 168, 172, 180; 22, л.6.

¹⁷⁹ Гладыш. – С.168.

¹⁸⁰ См.: Альманах. – С.34.

¹⁸¹ См.: Гладыш. – С.324.

¹⁸² Казанов. Первая трудовая имени ОГПУ // Огонёк. – 1931. – № 21. – С.11–12 (здесь – с.11).

¹⁸³ См.: Альманах. – С.36–37.

¹⁸⁴ Там же. – С.152; также в книге С. Гладыш (с.169).

¹⁸⁵ См. ГАРФ, 7952-3-4, л.27.

бимого всеми коммунарами Сергея Петровича Богословского»¹⁸⁶. Более того, в отличие от всех остальных награждённых болшеуцев, «управляющий Трудкоммуной» Богословский был удостоен не серебряных или золотых часов, а автомобиля¹⁸⁷. Вспомним: в связи с пятилетием «Дзержинки» (в 1932 г.) начальник её педагогической части Макаренко получил в качестве награды от украинских чекистов не машину, а лишь золотые часы. Однако, в отличие от Богословского, он не был репрессирован. Впрочем, это относится и к Ф.Г. Мелихову, который «успел» в марте 1934 г. умереть своей смертью¹⁸⁸. Нарком внутренних дел СССР, признавая его заслуги в организации болшевского учреждения, через год включил имя вдовы педагога в списки награждённых лиц. Там можно прочесть: «Жене б. Управляющего трудкоммуны (!) т. Мелихова выдать денежную премию в сумме 2000 рублей»¹⁸⁹.

Одновременно с Богословским был арестован Б.Л. Северов (г.р. 1900; к десятилетию болшевцев награждён «Знаком почётного чекиста»¹⁹⁰). В их делах имеются «липовые» ордера на арест, помеченные 27 ноября 1937 г., но в действительности их задержание (в квартире первого) состоялось ещё 4 ноября¹⁹¹. В этом же месяце арестовали и начальника внутренней (невооружённой) охраны коммуны В.В. Штейермана (награждён часами с надписью «Стойкому строителю Трудкоммуны от НКВД»¹⁹²). Бросается в глаза, что первых арестованных осудили последними. По всей вероятности, их показания использовались для вынесения приговоров всем остальным подсудимым, в том числе и Ягоде.

По С. Гладыш: «в 1937 году за три дня (!) арестовали более 400 человек из Болшевской коммуны. Многие – расстреляны»¹⁹³, согласно появившейся одновременно документации, 71 человек – только на расположенных в окрестностях Москвы местах казни НКВД, на Бутовском полигоне¹⁹⁴.

Среди жертв находилось почти всё руководство коммуны, в том числе начальники предприятий и их заместители, в большинстве бывшие правонарушители. Сам Богословский предстал перед судом 9 февраля 1938 г., одновременно с Северовым и Штейерманом¹⁹⁵, тогда как бывший управляющий, а позже «зав. производственным магазином ТК»¹⁹⁶ А.А. Бобринский (г.р. 1905¹⁹⁷; к десятилетию коммуны, как «Зав. жил. Сектором», награждён «грамотой – от НКВД и ценным подарком в размере 100 рублей»¹⁹⁸) и «экономист ТК»¹⁹⁹ Э.П. Каминский (г.р. 1904²⁰⁰; как «Пом. Управл. Т/К» этот бывший «фальшивомонетчик» награждён часами с надписью «Стойкому организатору и строителю Трудкоммуны от НКВД»²⁰¹), а также большинство других лиц, были осуждены ещё 30 декабря 1937 г. и через два дня в Бутово расстреляны. Немногие уцелевшие болшеуцы вместе с краоведами г. Калининграда (Королёва) после распада Советского Союза начали составлять «расстрельные списки» коммуны²⁰².

В 1993 году дочь Северова Марианна Борисовна могла ознакомиться с делом отца. Несколько мест из этого документа-ужаса с комментариями Марианны Борисовны

¹⁸⁶ Цит. по: Гладыш. – С.323.

¹⁸⁷ Там же. – С.324.

¹⁸⁸ См.: Совецание с тов. Богословским от 02.04.1934 г.: «(...) Мелихов, которого мы на днях похоронили» (ГАРФ, 7952-3-4, л.60).

¹⁸⁹ Цит. по: Гладыш. – С.330.

¹⁹⁰ См.: там же. – С.324.

¹⁹¹ См.: Альманах. – С.148, 150.

¹⁹² См.: там же. – С.325.

¹⁹³ См.: Гладыш. – С.168.

¹⁹⁴ См.: Бутовский полигон. В родном краю. Документы, свидетельства, судьбы. – Москва, 2004. – С.119.

¹⁹⁵ См.: Альманах. – С.152–154.

¹⁹⁶ См.: там же. – С.152.

¹⁹⁷ См.: Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Кн.2. – Москва, 1998. – С.93.

¹⁹⁸ См.: Гладыш. – С.329.

¹⁹⁹ См.: Альманах. – С.153.

²⁰⁰ См.: там же; Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Кн.3. – Москва, 1998. – С.89.

²⁰¹ См.: Гладыш. – С.324.

²⁰² См.: Альманах. – С.152–154; также в книге С. Гладыш (с.168–171).

опубликовал журналист А.С. Балакин в альманахе «Болшево»²⁰³. В протоколе допроса Северова от 4–5 декабря 1937 г. речь идёт о «контрреволюционной антисоветской организации», целью которой якобы была «смена руководства ВКП(б) и Советского Правительства, свержение Советской власти, восстановление капитализма в СССР», а также «террористические акты против руководства партии и правительства, в первую очередь Сталина, Ворошилова, Молотова, Жданова, Ежова. В Болшевской коммуне террористическую группу возглавляли Погодин и нач. охраны Штейерман». «Основное у Северова – преданность Погребинскому, который и завербовал Северова. В Болшеве глава – Богословский. В состав организации вербовались уголовники». Северова самого называли «ядром организации». Суд под председательством В.В. Ульриха («заседание закрытое, без участия защиты и свидетелей, с применением закона от 1/XII-34 г. (введён сразу же после убийства Кирова. – Г.Х.), т.е. без права апелляции, приговор приводится в исполнение немедленно») состоялся 9 февраля 1938 г. – «начат в 18 часов, окончен в 18 часов 15 минут». Приговор – расстрел – «приведён в исполнение (в ночь, надо думать. – Г.Х.) на 10 февраля 1938 г.». Необходимо добавить, что ответственные лица по болшевским делам – С.Ф. Реденс (начальник УНКВД Московской области²⁰⁴) и М.И. Персиц (следователь) – в январе 1940 г., в рамках «кампании» по ликвидации последствий «ежовщины», сами были приговорены к ВМН и расстреляны²⁰⁵.

После уничтожения руководства Болшевской коммуны к 20-ой годовщине Октябрьской революции в газете данного учреждения вышла объёмная статья нового управляющего коммуной С.Н. Жаворонкова под заголовком «Будущее коммуны». В ней речь идёт о следующей ретроспективе: «Говоря о коммуне, как о своеобразной человеческой лаборатории, нужно прямо заявить: с тех пор, как руководство коммуной взял на себя враг народа Ягода и его приспешники Погребинский и Островский, на определённый период времени, до момента разоблачения этих предателей, она перестала быть местом переделки правонарушителей; её стала рассматривать эта свора, как очаг больших накоплений, и, естественно, партийно-политической работе с людьми не оставалось места. Парторганизацию отстранили от руководства жизнью коммуны, коммуна среди всей советской действительности стала, если так можно выразиться, замкнутой кастой, росла в людях, количественно, но эти люди, и то не все, здесь ничего, кроме относительной квалификации, получить не могли»²⁰⁶.

С 1 января 1939 года Болшевская, Люберецкая и Харьковская трудкоммуны НКВД как «производственно-воспитательные базы для правонарушителей» были ликвидированы, перепрофилированы и переименованы. Так, первая была передана в ведение Наркомлегпрома СССР в качестве «Комбината по производству спортивного инвентаря», в состав которого входили: «а) Спорт-обувная ф-ка, б) Спорт-деревообделочная ф-ка, в) Спорт-трикотажная ф-ка, г) Спорт-механический завод»²⁰⁷. «Дзержинка» была реорганизована в промышленный комплекс, подчинённый всесоюзному центру и переименована в Харьковский комбинат НКВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского²⁰⁸.

Предварительный итог

Спустя почти десять лет после встречи Макаренко и дзержинцев с Первой коммуной ОГПУ и знакомства с соседним детдомом, педагог-писатель вместе с женой вновь посетили Болшево – но на этот раз с целью поиска не воспитательного учреждения, а... дачи. В письмах Льву Салько супруги рисуют идиллический образ этого места, не упоминая «старшего брата» бывшей коммуны им. Ф.Э. Дзержинского.

В письме Г.С. Макаренко сыну от 6 марта 1939 г. можно прочесть: «Мы ездили в Болшево снимать дачу и сняли. Решили с отцом, что надо её закрепить за собой, а то ещё неизвестно, что нам предложат в дачтресте. Если будет что-нибудь действительно хорошее, тогда подумаем, как быть. Завтра отнесу заявление в дачтрест. Дача в Болшево

²⁰³ Балакин А.С. Письма из прошлого // Альманах. – С.145–152.

²⁰⁴ См.: Петров/Скоркин. – С.357–358.

²⁰⁵ См.: там же. – С.358; Альманах. – С.150.

²⁰⁶ Будущее коммуны // Болшевец. – 1937. – № 65, 05.11. – С.1.

²⁰⁷ Цит. по: Альманах. – С.8; Гладыш. – С.171–172.

²⁰⁸ См.: Дзержинец (Харьков). – 1939. – № 4, 20.01. – С.2.

очень уютная, с прекрасной верандой. Много зелени вокруг. Четыре очень уютные комнаты, не проходные. Дорога с вокзала будет очень хороша летом. (...) Река совсем близко – в пяти минутах ходьбы. Места там очень красивые и живописные. Дача совсем культурная. На реке лодки и лодочная пристань. Говорят, прекрасное катание. Отцу там очень понравилось, и он уверен, что летом там будет прекрасно»²⁰⁹.

А через неделю (13 марта 1939 г., в его 51-летний день рождения и за три недели до внезапной смерти) «глава семьи» сам сообщает пасынку об этом событии: «Дачу в Болшеве наняли. Очень милое место, почти на самой Клязьме. От станции идти минут двадцать пять без особого напряжения. Четыре комнаты и веранда, маленький садик и очень живописные окрестности»²¹⁰.

Возвращаясь к теме данной книги, следует отметить, что невыясненным остаётся вопрос о том, какие связи существовали между макаренковскими учреждениями на Украине и подмосковной коммуной. Как это можно истолковать? Параллелизм? Взаимопроникновение и конкуренция сходных идей? Восприятие и обогащение уже имевшегося опыта?.. Пока не «открыты» дополнительные источники из секретных архивов ФСБ Российской Федерации и Украины об истории Болшевской и Харьковской коммун, окончательный и исчерпывающий ответ на эти вопросы дать нельзя.

И всё-таки здесь прослеживается определённая тенденция, которую также приходится облечь в форму вопроса: способствовало ли стремление Макаренко доказать уникальность своего воспитательного эксперимента, причём в литературно удачной, постоянной форме, забвению опыта Болшевской коммуны?

В истории пенитенциарной педагогики СССР сияет лишь имя Макаренко...

После распада Советского Союза существует угроза того, что и оно уйдёт в забвение. Авторам цитируемой выше документации об одном из мест казни НКВД деятельность Макаренко была, очевидно, ещё не известна. В отношении Болшевской коммуны там значится: из-за расстрелов в Бутово и в других местах «был прерван уникальный, не имеющий аналогов в мировой педагогической практике опыт по спасению молодёжи с трудной судьбой и возвращению её к достойной трудовой жизни»²¹¹.

Болшевская коммуна – «старший брат» макаренковской «Дзержинки». К 80-летию основания Первой трудкоммун ОGPU / Гётц Хиллиг // Беспризорник. Журнал для неравнодушных людей (Москва). – 2006. – № 1. – С. 19–36.

²⁰⁹ Цит. по: «Береги себя!!!» Переписка Г.С. и А.С. Макаренко с сыном (1927 – 1939 гг.). Состав.: С. Невская и Г. Хиллиг. – Марбург, 2001. – С.244–245.

²¹⁰ Там же. – С.248.

²¹¹ Бутовский полигон. В родном краю. Документы, свидетельства, судьбы. – Москва, 2004. – С.117.

ЮБИЛЕЙНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ ИЗ МАРБУРГА

Гётц ХИЛЛИГ

Начало совместной работы и плодотворного сотрудничества между основанной в 1968 году лабораторией «Макаренко-реферат» Марбургского университета (ФРГ) и московским журналом-долгожителем «Педагогика» пришлось уже на период перестройки; однако, это всё ещё было время конфронтации – инерция «холодной войны» оставалась. Как и другие научно-исследовательские учреждения в Западной Германии, которые осмеливались разрабатывать «советские темы», марбуржцев обвиняли в различных «прегрешениях».

На то были две основные причины. Во-первых, ещё в 1973 году наша лаборатория опубликовала воспоминания родного брата «выдающегося советского педагога» А.С. Макаренко – Виталия Семёновича, бывшего белогвардейца, существование которого в СССР упорно умалчивалось. Мы нашли его в 1970 году во Франции в одном из домов для престарелых благодаря подсказке чешского макаренковеда Либора Пеха. И эти, вышедшие в Марбурге сначала в немецком переводе, а затем в 1985 году в русском оригинале, воспоминания отчётливо показали, что опубликованная до тех пор советская биографическая литература об А.С. Макаренко подчищена, она не соответствовала реальности. В последний год существования СССР этот важный и ставший к тому времени общепризнанный источник, связанный с детством и юностью педагога-писателя, был опубликован в аутентичном виде и в «Советской педагогике» (№№ 6–7 за 1991 г.).

Второй смертный грех «буржуазных» исследователей из Марбургского университета (кстати, старинной и почтенной альма-матер Ломоносова, писателя Пастернака и психолога Рубинштейна) состоял в том, что в 1976 году мы начали публиковать рассчитанное на 20 томов двуязычное Марбургское издание «Собраний сочинений» А. Макаренко (редакционная коллегия: З. Вайтц, И. Виль, Л. Фрёзе, Г. Хиллиг). Необходимость нового издания трудов педагога-писателя выявилась в ходе сопоставительного анализа опубликованных АПН РСФСР/СССР, начиная с 1946 года, избранных собраний сочинений А.С. Макаренко на основе сохранившихся в советских архивах оригиналов рукописей. В ходе этой проделанной мной работы выяснилось, что бывшее в течение долгого времени определяющим и переведённое на многие языки, в том числе и на немецкий (в ГДР), издание под названием «Сочинения» в 7-ми томах (М., 1950–52; 2-е изд. – 1957–58) не соответствовало источниковедческим нормам и требованиям текстологии. Публикация здесь отдельных произведений А.С. Макаренко и разделов из них для составителей и цензоров семитомника, очевидно, оказалась несвоевременной. Кроме того, я установил наличие многочисленных редакторских вторжений в смысл и стилистику текстов, их изменений и сокращений и даже произвольных «дополнений». Это касается, прежде всего, стенограммы выступлений Макаренко, которые, как известно, являются особенно существенными в педагогическом отношении.

Ввиду того, что советская научная педагогика не планировала в обозримом будущем выпустить в свет полное академическое издание трудов А.С. Макаренко, Марбургская лаборатория с начала 70-х годов приступила к подготовке собственного, удовлетворяющего научным требованиям и стремящегося к полноте собрания сочинений педагога-писателя. Программу издания, опубликованную в бюллетене лаборатории, я в ноябре 1974 г. во время командировки предложил в Москве заинтересованным коллегам. Реакция АПН СССР последовала незамедлительно. Уже 4 марта 1975 г. её Президиум, как сообщил наш журнал-юбиляр в № 5 за тот же год, постановил начать подготовку «полного собрания сочинений Макаренко в 9–10 томах». Однако, вместо объявленного полного собрания трудов в свет вышло лишь ещё одно издание избранных произведений Макаренко, на этот раз в 8 томах – «Педагогические сочинения» (М., 1983–86). При этом ни в постановлении Президиума Академии, ни в восьмитомнике не содержалось никаких ссылок на Марбургское издание.

Вместе с тем, макаренковеды АПН не просто «позаимствовали» из нашего издания многие статьи А.С. Макаренко, которые были обнаружены мной в процессе система-

тического просмотра соответствующих периодических изданий 20–30-х годов и до тех пор не были известны советским исследователям; «академические» макаренковеды ещё и воспользовались многочисленными результатами открытий и исследований марбургских коллег, нескромно включив их от своего имени в комментарии восьмитомника.

И этого оказалось мало. На Всесоюзной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения А.С. Макаренко и проходившей в конце февраля 1988 г. в ещё закрытом для иностранцев городе Полтаве, три начинающих учёных из Минска имели наглость сделать замечание, что тщательный анализ уже вышедших в свет томов Марбургского издания якобы «отчётливо показал, что западногерманским исследователям не удалось открыть что-то новое», а «опубликованные тексты были заимствованы из 7-томного советского издания»!..

Всё же в юбилейном году началась постепенная нормализация отношений советских исследователей со своими западными коллегами. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации в газетах и журналах, в том числе и впервые в «Советской педагогике». В № 5 за 1988 г. была опубликована пространная статья Т.Ф. Яркой, посвящённая восприятию Макаренко на Западе – на примере ФРГ и США. В этом материале подробно цитировались многие публикации марбургских макаренковедов, их партнёров, правда, с критическими оговорками. Но в № 10 там впервые вышла одна из моих статей под названием «20 лет лаборатории по изучению наследия А.С. Макаренко», а по поводу 50-летия со дня смерти педагога-писателя в № 4 за 1989 г. «Советская педагогика» опубликовала материал моего наставника, старейшины западногерманского макаренковедения Леонхарда Фрёзе «Достояние советской и мировой науки».

Идея опубликования подобных статей в авторитетном журнале принадлежала покойному Валентину Кумарину (умер в 2002 г.), которого я знал лично с 1970 года. В начале марта 1988 г. в Москве (непосредственно после юбилейных торжеств, в которых я участвовал благодаря ему без официального приглашения) он сообщил мне – с просьбой держать всё в строгом секрете, – что «Советская педагогика» намеревается в будущем опубликовать и статьи западных учёных, и я должен быть первым. Во время нашей беседы Кумарин спросил, нет ли у меня рукописей статей о Макаренко на русском языке. Я ответил утвердительно, и он предложил мне пойти на очередной «субботник» в редакцию журнала в здании АПН СССР и показать мои рукописи сотруднику по фамилии Борисенков. Тот взял мои тексты, быстро их просмотрел и принял решение опубликовать выше-названную статью. Так началось интенсивное сотрудничество московского журнала и марбургской лаборатории. Через год Валентин Кумарин и Владимир Борисенков были среди участников 6-го, организованного нашей лабораторией, международного макаренковедческого симпозиума в замке Рауйшольцхаузен под Марбургом.

Мой материал о деятельности «Макаренко-реферата» действительно стал первой публикацией некоммуниста с Запада в журнале «Советская педагогика». Как В. Кумарин сообщил мне позднее, для этого ему потребовалось получить согласие из сектора науки ЦК КПСС. Вплоть до выхода статьи в конце октября 1988 г. намерения обоих «заговорщиков» на самом деле были неизвестны начальствующим тогда макаренковедам СССР, составителям восьмитомника Л.Ю. Гордину и А.А. Фролову.

Дальнейшее читателям «Педагогике», наверное, известно: с тех пор журнал регулярно публиковал мои статьи об исследованиях белых пятен из жизни и деятельности А.С. Макаренко, об истории Болшевской коммуны, а также о kibбуцном воспитании, правда, поначалу вместе с «контр-тезисами» крупных местных специалистов. Так появились пространные статьи В.А. Ширяева к моему материалу «А.С. Макаренко и НКВД» (№ 9 за 1990 г.) и Г.А. Созиновой к тексту «О судьбе „дипломной работы“ А.С. Макаренко» (№ 7–8 за 1992 г.). Однако с 1995 года от такой практики редакция всё-таки справедливо отказалась. Впрочем, хотелось бы особо подчеркнуть, что московский журнал-юбиляр во все времена корректно публиковал мои материалы.

Хотелось бы также добавить, что в процессе «примирения» московских макаренковедов с их марбургскими коллегами большое значение имели работы высоко эрудированного сотрудника редакции журнала, к сожалению, уже умершего В.И. Малинина. Именно он в № 11 за 1989 г. журнала «Советская педагогика» опубликовал весьма благоприятную, обстоятельную и крепко аргументированную рецензию, под названием «Продолжим диалог», на мою русскоязычную книгу «Легенды смутного времени: о хождении

Юбилейное приветствие из Марбурга

по мукам Макаренко-писателя, о внезапной кончине Макаренко-человека и чудесном рождении Макаренко-педагога» (Марбург, 1989). Выступление В.И. Малинина по-новому оценило труды сотрудников марбургской лаборатории, которых в СССР прежде называли не иначе как «фальсификаторами наследия А.С. Макаренко». Оно заканчивалось словами: «Зарубежное серьёзное макаренковедение – это реальность, с которой следует считаться. Так что работать надо». Не менее значимым было «Необходимое послесловие» Малинина к моей статье «А.С. Макаренко и Н.К. Крупская (возвращаясь к полузабытому спору 60-х гг.)». Безвременная кончина В.И. Малинина в 2000 году означала не только большую утрату для редакции «моего» журнала, но и для всего международного макаренковедения в целом.

Такова история наших позитивно развивающихся отношений с «Педагогикой». По случаю юбилея мы, марбуржцы, желаем интереснейшему журналу больших успехов и в будущем.

[Журналу «Педагогика» – 70 лет] Юбилейное приветствие из Марбурга / Гётц Хиллиг // Педагогика. – 2007. – № 8. – С. 54–56.

Матеріал нашого автора Гьотца Хілліга – рецензія на найновішу публікацію відомого макаренкознавця Анатолія Фролова. Мова про перший том зібрання творів А.С. Макаренка. Марбурзький макаренкознавець цінує досягнення свого нижньоновгородського колеги, але одночасно робить закиди щодо численних запозичень із зарубіжних (німецьких, а також українських) досліджень без посилань на відповідні джерела.

Материал нашего автора Гётца Хиллига – рецензия на новейшую публикацию известного макаренковедом Анатолия Фролова. Речь идёт о первом томе собрания сочинений А.С. Макаренко. Марбургский макаренковед ценит достижения своего нижегородского коллеги, но одновременно упрекает в многочисленных заимствованиях из зарубежных (немецких, а также украинских) исследований без ссылки на соответствующие источники.

The paper of our author Goetz Hillig is a review of the most recent publication of the well-known Makarenko expert Anatoliy Frolov from Nizniy Novgorod. It is about the first volume of a new collection of Makarenko's works. While Hillig, the Makarenko specialist from the University of Marburg, points out and appreciates Frolov's achievements, he also identifies numerous passages whose foreign (German and Ukrainian) sources have not been properly cited.

ЕТО ДИВИТЕЛЬНО, КОЛЛЕГА ФРОЛОВ!

К изданию нового собрания сочинений А.С. Макаренко

Гётц Хиллиг

Осенью 2007-го года, т.е. через пять лет после опубликования в Украине исторического двухтомника "Полтавська трудова колонія ім. М. Горького в документах і матеріалах", в России из печати вышел первый том нового собрания сочинений замечательного советского педагога и писателя Антона Семёновича Макаренко (1888 – 1939):

Макаренко А.С.

Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 1. Деловые и личные письма, статьи 1921 – 1928 гг.

Сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. – Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2007. – 361 с. Тираж 300 экз.

Сборник содержит авторские материалы заведующего трудовой колонией им. М. Горького. Составители: Фролов Анатолий Аркадьевич, Илалтдинова Елена Юрьевна.

А.А. Фролов (д-р пед. наук) – самый деятельный макаренковед в (пост)советской России. С 1964 г. он выступал как автор многочисленных научных работ о Макаренко, являлся составителем собраний его трудов. Сделать однозначный вывод о конкретном участии Е.Ю. Илалтдиновой (канд. пед. наук, науч. сотрудник исследовательской лаборатории "Воспитательная педагогика А.С. Макаренко" Нижегородского педуниверситета) в подготовке книги весьма трудно, поскольку все дополнения, включённые в тексты А.С. Макаренко, а также в цитаты из высказываний других авторов в комментариях, подписаны только "А.Ф."

Издание нижегородских учёных даже с учётом скромного тиража на первый взгляд производит впечатление довольно солидного исследования. Формат и оформление книги выдержаны в стиле предыдущего труда А.А. Фролова "А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939 – 2005 гг., критический анализ)", Н. Новгород, 2006, который внёс заметный вклад в историографию мирового макаренковедения. Как и эта крупная работа, "учебная книга" возрождает деловой интерес к опыту педагога-новатора.

Во Введении к новому сборнику составители уведомляют: "Публикуемая первая часть содержит в основном малоизвестные или неизвестные ранее работы А.С. Макаренко, относящиеся к первым годам его педагогического опыта" (с. 18). Помимо того, что будущий "выдающийся советский педагог" – а это определение бакинского учёного Б. Комаровского ("Советская педагогика", № 3 за 1941 г.) стало затем своего рода каноническим – ещё до начала своей деятельности в полтавской колонии уже мог оглядываться на многолетний опыт учителя и руководителя общеобразовательных школ в Полтавской и Хер-

сонской губерниях, нужно отметить: из содержащихся в новом издании 147-ми источников лишь пять включены в собрание сочинений А.С. Макаренко впервые – три архивных документа (с. 226 с некорректной ссылкой "ПОГА" вместо "ХОГА", с. 229–30, 238) и два печатных материала (с. 232, 289). Отдельные источники, также преподнесённые в результате ссылок на архивные шифры в комментариях как "публикуемые впервые", ранее всё-таки уже издавались. Относительно документа под названием "Отчётная ведомость Полтавской трудовой колонии для дефективных детей им. М. Горького за ноябрь 1922 г." (с. 47–48), помещённого в новом томе, следовало бы пояснить, что перед нами – не авторский текст "завкола" Макаренко, а сообщение его заместителя В.И. Ермоленко. Эту же ошибку можно встретить и в 1-ом томе "Педагогических сочинений" (М., 1983 г., с. 13–14).

В нижегородском издании предпринята попытка представить авторские материалы педагога-писателя в строго хронологической последовательности. Но это не всегда удаётся. Иногда такого рода сдвиги связаны с неправильным прочтением дат при их расшифровке (например, на с. 102: 10 вместо 20 февраля 1924 г.; с. 109: 18 июня вместо 18 июля 1924 г.; 13 вместо 19 января 1925 г.), в других случаях – с недостаточным изучением источников. Так, первая педагогическая публикация А.С. Макаренко "Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького" в № 2 (6–7) за 1923 г. местного журнала "Новими стежками", судя по тексту, была написана 7 марта, по выходным данным соответствующего выпуска (перепечатаны в т. 13 Марбургского издания; 1976 г., с. 1) – вышла в свет лишь 20 апреля 1923 г.; однако в "Школе жизни..." этот материал почему-то включён перед письмом А.П. Сугак от 24 марта т.г. И докладная записка "завкола Горького" о создании "крупного воспитательного предприятия" с датой "8/VIII 25", которая в аутентичном виде с факсимиле оригинала впервые была опубликована в № 5 (1985 г.) марбургской серии "Опускула Макаренкиана" (макаренковедческие работы), в новом сборнике, как и ранее в 1-ом томе "Педагогических сочинений", была помещена с примечанием "Ориентировочно датируется: конец августа – начало сентября 1925 г.". Впрочем, без ссылки на публикацию марбургской лаборатории "Макаренко-реферат", хотя соответствующий комментарий к данному документу А.А. Фроловым интенсивно использовался, и одно из его многочисленных заимствований из моих исследований (на с. 163) корректно прокомментировано: "даётся по "Опускуле макаренкиане", № 5, с. 123".

Новое собрание сочинений А.С. Макаренко, "задуманное в нескольких частях" в виде сборников, было выразительно названо составителями "учебной книгой". В силу этого особое внимание они уделили научному аппарату. Соответствующие – порой достаточно обширные – комментарии "даются не в конце книги, как это обычно делается, а сразу за каждым текстом А.С. Макаренко" (с. 19). Комментарий выделяется жирным шрифтом, а также разрядкой строчек, благодаря чему, однако, сам макаренковский документ как бы отступает на задний план и в центре внимания оказываются интерпретации Фролова.

В большинстве случаев комментарии содержат корректные данные об источнике, по которому приведена публикация. При этом учёный ссылается на московский восьми-томник "Педагогических сочинений" (1983 – 86), свои отдельные публикации (Киев, 1985; Нижний Новгород, 1992), пять выпусков серии "Опускула Макаренкиана" (№ 5, 1985; 11, 1990; 14, 1994; 18, 1996; 25, 2003), вышеупомянутый полтавский двухтомник (2002) и др. Впрочем, Фролов использовал ещё одну марбургскую публикацию – сб. "Украиника. Педагогическая деятельность А.С. Макаренко в зеркале украиноязычной прессы (1924 – 1937 гг.)" (1982; факсимиле и в пер. на нем. яз.), при этом на неё так и не сославшись.

Во Введении к 1-ой части "учебной книги" самокритично подчёркивается, что "новое издание предназначено для нового, современного специалиста-педагога. Обращение к последнему из макаренковских произведений (1983 – 1986) и сборнику (1988, 1990 [из серии "В помощь изучающим проблемы коммунистического воспитания" под ред. А.А. Фролова. – Г.Х.]) сейчас малоэффективно: в них отсутствуют открытые в последние годы авторские материалы А.С. Макаренко; устарели комментарии к его работам. Необходимо ввести в научно-практический оборот результаты проведённых в последние десятилетия отечественных и зарубежных макаренковедческих исследований" (с. 17–18). Этими словами нижегородский учёный готовит своих преданных читателей к неожиданному для них открытию; оказывается, большая часть авторских текстов А.С. Макаренко и комментариев, включённых в данную книгу, обязана своим появлением на свет результатам иссле-

дований его недавнего оппонента Г. Хиллига. После 25-ти лет "заимствований" находок марбуржцев такой поворот в творчестве видного специалиста достоин одобрения.

Относительно текстологического подхода в "учебной книге" написано следующее: "В комментариях лишь иногда говорится о проведённой составителями работе над текстами публикуемых материалов, их сверке с полноценными источниками, уточнении дат. Устранены сделанные ранее купюры, в текст внесены дополнения, уточнения и исправления. Введённые в текст составителями при редактировании отдельные слова даны в квадратных скобках. Сокращения некоторых мест отмечены отточиями. Перевод текстов с украинского языка не оговаривается" (с. 20). Три из тех методических приёмов, которые изложены в данной цитате, требуют комментария:

а) "Устранены сделанные ранее купюры...". Такое высказывание создаёт впечатление, что составителям удалось устранить все купюры, сделанные при публикациях соответствующих источников в прежних изданиях, в первую очередь – в восьмитомнике. Относительно редакторского "обрезания" макаренковских текстов, опубликованных в этом издании АПН СССР, в вышеупомянутом фроловском труде "А.С. Макаренко в СССР, России и мире" говорится (см. с. 178): "Особенно жёстким было редактирование вышедших в 1983 – 1984 гг. 1-го и 4-го томов: исключение отдельных работ, купюры, сокращение комментариев, их трансформирование в духе "современных педагогических требований" и традиций 7-томника" – под этим подразумевается собрание работ А.С. Макаренко под заголовком "Сочинения", изданное АПН РСФСР (М., 1950 – 1952, 2-ое изд. 1957 – 1958), которое до 1970-х годов являлось самым обширным собранием трудов педагога-писателя. Именно на основе этого издания в течение долгого времени складывалось и представление о Макаренко-педагоге. Однако, далеко не все подобного рода сокращения в нижегородской "учебной книге" были исправлены (см. с. 25, 43, 63, 114). Так, оставались в неизменённом виде отдельные места, которые в предыдущих изданиях не были отмечены отточиями (см. с. 25, 43, 63, 114).

б) "Сокращения некоторых мест отмечены отточиями". Почти во всех случаях речь здесь идёт не о сокращениях, целенаправленно совершённых нижегородскими составителями, а о сделанных ранее купюрах, которые они, очевидно, не могли ликвидировать, потому что у них не было доступа к "полноценным источникам" соответствующих документов (с. 23, 89, 98, 120, 138).

в) "Перевод текстов с украинского языка не оговаривается". Это предполагает, что включённые в «учебную книгу» переводы украиноязычных документов на русский язык оговорены в комментариях; но в рассматриваемом издании такое не всегда имеет место. Ещё более релевантными являются факты использования переводов из различных публикаций без указания соответствующего источника. Например, в следующих документах речь идёт об анонимном заимствовании переводов Марбургской лаборатории: "В Инспектуру охраны детства НКП" от 20 июля 1924 г. (с. 113–15), "Список персонала Полтавской трудовой колонии им. М. Горького на 1 сентября 1924 г." (с. 116–18), "В Главсоцвос. 8 апреля 1925 г." (с. 139), "В Окрисполком, 20 сентября 1925 г. (с. 178–79). Они представляют собой прямые заимствования из моего трёхязычного издания (1996 г.) "Страдания "украинизированного" завкола. Деловые письма А.С. Макаренко на украинском языке (1924 – 1925 г.г.)".

Некоторые из документов, представленных в "учебной книге" со ссылками на архивные источники – вовсе не подлинники, а машинописные копии из макаренковского фонда Центрального госархива литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ СССР – в настоящее время Российский госархив литературы и искусства). В 1948 году по требованию Главного архивного управления СССР эти копии были переданы ЦГАЛИ СССР Центральным госархивом Октябрьской революции Украинской ССР (ЦГАОР УССР, сейчас ЦГАВО Украины), Госархивами Полтавской (ГАПО) и Харьковской областей (ГАХО), а в ЦГАЛИ СССР зарегистрированы под шифром ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52. К счастью, в украинских архивах ещё остались подлинники большинства этих документов, которые мне удалось обнаружить.

Помимо таких, с позволения сказать, "second hand"-документов, рассматриваемое издание содержит иногда источники со ссылками на фонды украинских госархивов. Но и тут речь идёт о текстах, которые уже были опубликованы – на этот раз в упомянутом вы-

ше двухтомнике полтавских коллег на основе сохранившихся в ГАПО (шифр фонда: 8805) машинописных копий из ЦГАОР УССР.

Кроме ссылок на источники и объяснений к отдельным фразам соответствующего текста, научный аппарат нижегородского издания содержит, точно в соответствии с традицией марбургской лаборатории, поисковые данные касательно подлинности документа и способа его воспроизведения. При этом указаны резолюции и пометки о его отправлении, получении, регистрации и т.п., которые составители "учебной книги" – в большинстве случаев с соответствующими ссылками – почерпнули из макаренковских сборников их марбургских и полтавских коллег, не обременяя себя собственными исследованиями в этой области.

Ввиду того, что А.А. Фролов в 1990-х годах поддерживал интенсивное сотрудничество с моим коллегой Зигфридом Вайтцем, одним из основателей марбургской лаборатории, не понятно, почему в комментариях к центральным документам нижегородского сборника "Очерк работы Полтавской колонии им. Горького" на с. 173, где составители ссылаются на полтавский двухтомник как на источник переиздания данного документа, не указывается, что макаренковский "Очерк" в аутентичном виде был уже напечатан в ФРГ ещё в 1992 году З. Вайтцем в серии "Макаренко-Архив" (№ 3) на русском и немецком языках. Возможно, эта марбургская публикация Фролову известна не была. Во Введении к сборнику говорится, что данный очерк "впервые печатается в отечественном издании с восстановлением сделанных купюр" (с. 18). "В отечественном издании" – это, очевидно, значит: в российском издании, а не в украинском (или немецком).

В примечаниях, включённых в научный аппарат, нижегородские учёные дают информацию к пониманию тех или иных авторских текстов А.С. Макаренко. Среди них можно найти удачные пояснения к отдельным терминам и событиям 1920-х годов, к процессу формирования макаренковской лексики и т.д., но здесь присутствуют и неточные объяснения, напр., "Главсоцвос – Главное управление социального воспитания и политехнического образования" (с. 29); официальное же название данного ключевого структурного подразделения украинского Наркомпроса звучит так: "Главный комитет (с осени 1924 г.: Управление) социального воспитания". О политехническом же образовании в документах НКП УССР 1920-х годов речь вообще не ведётся.

Реорганизацию и переименование этого подразделения при новом наркоме просвещения А.Я. Шумском сам Макаренко, очевидно, не замечал. Об этом свидетельствует название адресата его писем вплоть до времени переезда в Куряж, т.е. до той поры, пока колония им. М. Горького под Полтавой как "опытно-показательное учреждение республиканского значения" находилась в ведении Наркомпроса УССР. Поэтому не удивительно, что (пост)советское макаренковедение не обратило никакого внимания на реорганизацию Главсоцвоса в Упрсоцвос, а В.А. Арнаут, адресат не раз цитировавшегося письма Макаренко (середина июля 1928 г.) – очевидно на основании соответствующей пометки на документе вдовы педагога, – был упомянут в качестве "заведующего Главным управлением (!) социального воспитания НКП УССР", что, к сожалению, перешло и в новое издание (с. 291). Впрочем, ещё более некорректным представляется комментарий к публикации письма Макаренко (с. 292): "Письмо адресовано В.А. Арнауту, заведующему Главсоцвосом НКП Украины в 1927 – 1928 гг. (1881 – 1938)". После запятой совершенно очевидно следуют ошибочные сведения, которые к тому же введены задним числом.

В научном аппарате нижегородского сборника можно найти и противоречащие друг другу высказывания. Так, на с. 53 процитирована запись из "Книги посетителей" колонии им. М. Горького, а на с. 235 говорится: "В колонии не было книги посетителей; их отзывы включались в Дневник колонии; он не сохранился". Это замечание соответствует словам бывшей воспитательницы полтавской колонии Н.Т. Поповиченко в беседе с Фроловым, которые учёный цитирует в своей книге "Организация воспитательного процесса в практике А.С. Макаренко" (Горький, 1976, с. 19). Здесь опубликованы отзывы посетителей полтавской колонии. Как мне рассказывал Фролов, из этих ценных источников Поповиченко во время её деятельности в колонии изъяла рукописные копии, которые затем предоставила ему.

В комментариях к текстам нового сборника можно найти немало случаев ничем не объяснимых заимствований из моих публикаций. В первую очередь это касается попытки объяснения архивного контекста макаренковских документов: приведение дополнитель-

ных источников, необходимых для более точного понимания соответствующего текста, в том числе и реакции адресата на него. Это новый в макаренковедении подход. Поэтому не удивительно, что нижегородские учёные здесь его широко применяли, иногда опять же без ссылок на источники. Вынужден указать на несколько наиболее "смелых" заимствований моих исследовательских результатов.

1) В документе "Отчётная ведомость о состоянии Полтавской трудовой колонии имени М. Горького за март 1923 года" в графе "Физическое воспитание" "Заведующий учреждением А. Макаренко" впервые сообщает следующее: "военная гимнастика по программе всеобуча". В полтавском сборнике (ч. I, с. 182), как и в "Педагогической поэме" (гл. "Сортовые семена"), ошибочно говорится о "всеобуче". Фролов комментирует данное высказывание таким образом: "Программа всеобщего военного обучения (в объёме 96 часов) введена в действие на Украине в октябре 1922 г. В РСФСР начала применяться в 1918 г." (с. 77). Однако это – не вывод нижегородского макаренковеда, а моя находка, о которой я впервые (со ссылками на ж. "Красный спорт", 1922, № 1, с. 16) рассказал в соответствующем комментарии к 3-му тому Марбургского издания (1982, с. 306).

2) В комментарий к письму А.С. Макаренко от 15 июля 1924 г., в котором "завкол" обращается в Главсоцвос НКП УССР "с просьбой ходатайствовать о командировании на рабфак 9 воспитанников колонии", включён подробный обзор о дальнейшей проработке и о решении данного вопроса (с. 112–113). При этом А.А. Фролов заимствует архивный контекст данного документа из марбургского сборника "Страдания "украинизированного" завкола" (с. 175–176), не указывая этот источник. Н.Н. Тарасевич же в своём комментарии к соответствующему документу в полтавском двухтомнике (ч. II, с. 118–119) достойно оценивает мои исследования процесса принятия колонистов в харьковские рабфаки и указывает на некорректные данные у Фролова.

3) 24 февраля 1928 г. "завкол" Макаренко обратился к "товарищу Н.И. Бухарину", члену всесоюзной комиссии по приёму возвращающегося на родину А.М. Горького, с просьбой выделить колонии, названной в его честь, дополнительно как минимум 30 000 рублей, мотивируя своё обращение следующим образом: "В нашей нищете принять Горького нам неловко...". В подлиннике этого письма с необычным обращением "Дорогой и многоуважаемый Николай Иванович", который хранится в ЦГАВО Украины, фамилия Бухарина стёрта, но чешский макаренковед Либор Пеха (1926–2001), познакомившись с документом ещё в 1960-х годах, смог прочитать её. Об этом я сообщал в статье "Макаренко и власть" (Педагогика, № 6 за 2002 г., с. 66–79). А.А. Фролов "восстановил" адресат письма без ссылок на находку Либора Пехи и моё сообщение о ней.

4) Я уже указывал на то обстоятельство, что А.А. Фролов активно использовал выпуск № 11 серии "Опускула Макаренкиана". Это академическое издание переписки А.С. Макаренко с М. Горьким, под редакцией автора данной статьи и С.С. Невской (Марбург, 1990). При публикации макаренковских писем в "учебной книге" составители ссылаются лишь на 1-ый том "Педагогических сочинений" (М., 1983) – также по поводу мест из эпистолярного наследия, которые не включены в этот восьмитомник. Среди других беззастенчивых заимствований из академического издания переписки (на с. 156, 193, 194, 197) в "учебной книге" воспроизводится (на с. 185–186) и следующее размышление педагога об "общей неудаче коллективных хозяйств", сделанное ещё до "сплошной коллективизации" сельского хозяйства в СССР. В (пост)советские издания трудов А.С. Макаренко до тех пор оно не было включено. 10 февраля 1926 г. "завкол" написал Горькому:

"Дело в том, что нужно признать общую неудачу коллективных хозяйств. Сельскохозяйственные коммуны и артели, начинающие работу всегда шикарно, с полным инвентарём и всегда с кредитом, очень скоро начинают трещать, а потом лопаются с большими или маленькими скандалами. Их губят, с одной стороны, несвязанность коллективных и личных интересов, с другой стороны – отсутствие новых организационных форм хозяйствования. Коллективное хозяйство, так легко решаемое экономически, совершенно не исследовано психологически. Слишком легкомысленно думать, что стоит в распоряжение 200 человек передать тысячу десятин, как дело сразу станет на рельсы и останется только радоваться. Вот у нас в колонии десяток интеллигентов, поставивших себе целью создать крепкую коммуну колонистов, уже шестой год сидит на этом деле, и ещё далеко до того, чтобы кричать "ура". А ведь мы копаемся в каждой мелочи. Если бы нам время и свободный от заботы дух, мы могли бы написать целые тома о законах коллектива. Нам

Это удивительно, коллега Фролов!

вот просто видно, что коллективизация прежде всего требует педагогического внимания и при этом очень осторожного, пристального и настойчивого, требует большого отбора форм и средств".

В качестве вывода из анализа нижегородской "учебной книги" следует, к сожалению, констатировать, что даже спустя почти двадцать лет после преодоления конфронтации между Востоком и Западом далеко не все признанные "мастера" постсоветского макаренковедения способны адекватно оценить результаты своей деятельности и корректно признать достижения коллег, в том числе и зарубежных.

Этот печальный итог является тем более удивительным, если вспомнить, что А.А. Фролов в своей монографии "А.С. Макаренко в СССР, России и мире", вышедшей из печати всего лишь годом ранее, нарисовал дифференцированную картину исследовательской работы марбургских коллег. Так, в ней можно прочесть (на с. 138–39):

"В деятельности лаборатории "Макаренко-реферат" ведущее место заняло исследование генезиса макаренковских идей и опыта. Развернулась капитальная текстологическая работа, в ходе которой стали устраняться ранее сделанные в изданиях его сочинений купюры, восстанавливаться изменённые формулировки. В научный оборот введены некоторые неизвестные ранее авторские материалы А.С. Макаренко, многообразные новые макаренковедческие источники, биографические сведения.

Деятельность лаборатории "Макаренко-реферат" постепенно стала оказывать огромное влияние на макаренковедческую работу в разных странах, прежде всего в Польше, Чехословакии, Венгрии, Италии, СССР. Проведённые лабораторией исследования вели к освобождению от разного рода догматических утверждений, побуждали к рассмотрению макаренковских трудов и опыта как социально-культурного явления большого масштаба, во всей его сложности и противоречивости, конкретности и динамичном развитии".

К сожалению, прежний Фролов сейчас вновь взял верх над теперешним.

Стаття надійшла в редакцію 26.02.08

Это удивительно, коллега Фролов! К изданию нового собрания сочинений А.С. Макаренко / Гётц Хиллиг // Постметодика. – 2008. – № 1. – С. 40–45.

МАКАРЕНКО НУЖНО ПЕРЕИЗДАТЬ

Г. Хиллиг

Лаборатория "Макаренко-реферат" Марбургского университета (ФРГ), основанная в 1968 г., неоднократно выступала с инициативой подготовить и издать полное собрание сочинений А.С. Макаренко. Впоследствии эта цель, конкретизированная в направлении подготовки именно академического издания, была заявлена в Уставе Международной Макаренковской ассоциации, созданной в 1991 г. в Полтаве.

Первые попытки сбора и систематизации опубликованных в разное время и в различных местах работ А.С. Макаренко принадлежат вдове педагога-писателя – Галине Стахивне. Она сумела вовлечь в это дело его московских коллег по Союзу советских писателей (ССП) и друзей, в том числе бывших "горьковцев" и "дзержинцев". Весной 1941 г. Комиссия по увековечению памяти А.С. Макаренко, созданная Президиумом ССП, приняла решение издать его труды – сначала полное собрание сочинений (в "Гослитиздате"), а затем избранные произведения (в "Учпедгизе"). Осуществлению этих планов помешала война. Тем не менее, в начале 1940-х гг. отдельными книгами вышли три издания лекций (М., 1940; Махачкала, 1941; Сталинград, 1941), прочитанных Макаренко в 1937 г. по радио и впервые опубликованных в 1940 г. периодическими изданиями "Известия" и "Учительская газета", а также сборник стенограмм выступлений (Чкалов, 1941), опубликованных ранее в "Учительской газете".

Впервые творчество А.С. Макаренко наиболее ёмко было представлено в "Избранных педагогических произведениях" (редакторы – члены Академии педагогических наук РСФСР Е.Н. Медынский и И.Ф. Свядковский, сост. – И.Ф. Козлов; М., 1946; нем. перевод: *Ausgewählte pädagogische Werke*, Bukarest, 1951). Данное однотомное издание преимущественно содержит уже опубликованные тексты, к тому же в сокращённом виде. Новые материалы увидели свет в книге "Педагогические сочинения", изданной Е.Н. Медынским и составленной А.Г. Тер-Гевондяном (М., 1948). Однако, несмотря на подзаголовок "Неопубликованные произведения, статьи и стенограммы выступлений", в сборнике можно встретить и уже ранее опубликованные работы. "Избранные педагогические сочинения", вышедшие в 1949 г. в 4-х томах в качестве приложения к журналу "Советская педагогика" (сост. И.С. Петрухин, под ред. И.А. Каирова и Г.С. Макаренко; 4-й том переведён на нем. язык: *Ausgewählte pädagogische Schriften*; Berlin–DDR, 1952), также представляют собой преимущественно переиздания.

К десятой годовщине со дня смерти Макаренко АПН РСФСР выпустила семитомное собрание его работ – "Сочинения", под редакцией И.А. Каирова (гл. ред.), Г.С. Макаренко и Е.Н. Медынского (М., 1950–1952). Тексты были подготовлены к печати вдовой педагога-писателя, а также В.Е. Гмурманом и М.Д. Виноградовой – сотрудниками Лаборатории по изучению педагогического наследия А.С. Макаренко, созданной ещё в 1943 г. при кафедре педагогики (зав. И.А. Каиров) Московского государственного пединститута им. В.И. Ленина, а через год переведённой в НИИ теории и истории педагогики только что основанной АПН. Руководила лабораторией Г.С. Макаренко, которая совместно с Гмурманом решала все вопросы по содержанию и структуре томов.

Семитомник, в котором материал размещён по темам, а внутри них – в хронологической последовательности, должен был, согласно примечанию редакции к первому тому, содержать "все художественные и педагогические произведения, рассказы, очерки, статьи и другие материалы, опубликованные в печати, а также ряд произведений и материалов, до сего времени не опубликованных". Работы, впервые включённые в собрание сочинений, представляют собой публицистические и литературные труды, напечатанные ещё при жизни педагога-писателя в советских газетах и журналах (т. 6 и 7), а также ранее не опубликованные киносценарии (т. 6), наброски и варианты к вышедшим произведениям художественной литературы (т. 1, 3 и 4) и письма (т. 7).

Издание "Сочинений" А.С. Макаренко было переведено на чешский (Прага, 1952–1955), украинский (Киев, 1953–1956), польский (Варшава, 1955–1957), венгерский (Будапешт, 1955–1956), частично на китайский (т. 5; Пекин, 1956), немецкий (т. 5 и 7; Берлин, 1956–1958), грузинский (т. 1; Тбилиси, 1957), словацкий (т. 6 и 7; Братислава, 1957–1958)

и румынский языки (т. 6 и 7; Бухарест, 1958–1959), а вышедшее в 1957–1958 гг. второе, несколько изменённое издание семитомника послужило основой для переводов на немецкий (Берлин, 1961–1964), японский (Токио, 1964–1965), частично на китайский (т. 5; Пекин, 1958) и грузинский языки (т. 1–4, Тбилиси, 1959–1973).

Томы 5 и 7 второго издания "Сочинений" были пополнены найденными незадолго до этого работами Макаренко, а также стенограммами выступлений, письмами и составленными им документами, относящимися к его деятельности в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. В отличие от первоначального варианта семитомника, в его переиздание, безусловно по политическим соображениям, не вошли — или напечатаны в сокращённом виде — публицистические работы 1936–1938 гг. (т. 5 и 7). Содержащиеся там хвалебные высказывания в адрес И.В. Сталина для составителей и цензоров второго издания, очевидно, уже не отвечали духу времени.

Вышедший большим тиражом семитомник (изд. 1-е — 50000 экз., 2-е — 175000 экз.) до 1970-х гг. являлся самым обширным собранием трудов А.С. Макаренко. На нём базировались все последующие сборники и отдельные издания, а также все переводы, сделанные в Советском Союзе и за рубежом. Именно на основе этого издания в течение долгого времени складывалось и представление о Макаренко-педагоге. Однако оно не соответствовало исторической правде, источниковедческим нормам и требованиям текстологии.

В ходе работы над текстами семитомника, проведённой специалистами Марбургской лаборатории путём сравнения первоначальных изданий с последующими, а также привлечения сохранившихся в советских архивах оригиналов произведений педагога-писателя, были выявлены многочисленные отклонения от авторских рукописей. Оказалось также, что неоднократно использовались подвергшиеся значительной редакторской правке тексты более ранних изданий, главным образом подготовленных И.Ф. Козловым "Избранных педагогических произведений" (1946). Марбуржцы установили также и наличие многочисленных редакторских вторжений в смысл и стилистику текстов, их изменений и сокращений и даже произвольных "дополнений". Это касается, прежде всего, стенограмм публичных выступлений, которые, как известно, являются особенно существенными в педагогическом отношении.

Отметим, кроме того, что в семитомник включены далеко не все опубликованные ранее произведения, как изначально задумывалось. Причины этого различны: одни работы вышли в свет в малоизвестных периодических изданиях, в отношении других не удалось установить авторство или же их содержание и тон показались неприемлемыми. Отдельные тексты из наследия Макаренко, намеченные в редакционном плане издания, так и не вошли в него: повесть "Пути поколения", пьесы "Ньютоновы кольца" и "Забота о человеке". Всё вышеуказанное относится и к сборникам трудов педагога-писателя, выпущенных в республиках Советского Союза и за рубежом, которые к тому же содержат изменения, возникшие в процессе перевода и, частично, в ходе редакционной работы.

После 1958 г. в СССР был издан целый ряд ранее неизвестных материалов, дополняющих семитомник. Речь идёт о литературных и педагогических фрагментах работ Макаренко, о документах, относящихся к его деятельности в колонии и коммуне, о стенограммах выступлений, письмах и выдержках из записных книжек, опубликованных в различных сборниках, педагогических и литературных изданиях.

В 1971 г. в серии "Библиотека отечественной классики" (издательство "Правда") вышло пятитомное "Собрание сочинений" педагога-писателя (под общ. ред. А. Терновского). Здесь переписка Макаренко с Горьким под ред. В.Ю. Троицкого представлена, как совершенно верно подчёркивается в комментарии, "более полно, чем в VII томе Сочинений А.С. Макаренко, АПН РСФСР, 1958 г." (т. 5, с. 506). Впрочем, составители последующих научно-педагогических собраний макаренковских трудов на данное массовое издание своих коллег-литературоведов (тираж — 375000 экз.) не обратили никакого внимания. В 1977 г., т.е. почти через 20 лет после выхода из печати второго издания семитомника, в АПН СССР были опубликованы "Избранные педагогические сочинения" А.С. Макаренко в двух томах (сост. Л.Ю. Гордин, коммент. Л.Ю. Гордина и А.А. Фролова). В этот сборник вошли без изменений тексты из семитомника, однако имена Сталина и Молотова были полностью изъяты.

Ввиду того, что советская научная педагогика не планировала в обозримом будущем выпустить в свет полное Академическое издание трудов А.С. Макаренко, Марбургская лаборатория с начала 1970-х гг. приступила к подготовке собственного, удовлетворяющего научным требованиям и стремящегося к полноте собрания сочинений педагога-писателя.

Марбургское издание, рассчитанное на 20 томов (ред. коллегия: З. Вайтц, И. Виль, Л. Фрёзе, Г. Хиллиг), должно было включить в себя все доступные тогда работы педагога-писателя с сохранением близкой к подлиннику формы текста, а именно: его оригиналы с параллельным переводом на немецкий язык и обстоятельными комментариями. Деление издания на два "отдела" (1-й – "Прижизненные публикации", 2-й – "Наследие") было вызвано трудностями доступа к архивным источникам, в том числе из-за юридических и административных барьеров.

В 1-м отделе Марбургского издания составители обратились к варианту прижизненной публикации (на русском, украинском, французском или английском языках) и дали его факсимиле. Впервые были включены несколько ранее неизвестных материалов. Тексты печатались в строго хронологической последовательности. К сожалению, удалось издать лишь 8 томов 1-го отдела: тома 1–5, 7, 9, 13 (Равенсбург, 1976–1979, Штутгарт, 1982).

Всего же 1-й отдел должен был охватывать 13 томов. Тома 1, 7 и 9 представляют собой собрание небольших публикаций периодов 1923–1931, 1932–1936 и 1937 гг.; том 2 содержит "Марш 30 года", тома 3–5 – "Педагогическую поэму". В томе 13 (1976) помещался "Хронологический указатель работ Макаренко, вышедших из печати при его жизни (1923–1939)".

О реакции наших коллег из АПН СССР на публикацию программы Марбургского издания и об успешном использовании последнего в целях "усовершенствования" своего собрания "Педагогических сочинений" А.С. Макаренко в восьми томах (М., 1983–1986) я уже рассказывал читателям журнала "Педагогика" в моём "Юбилейном приветствии из Марбурга" (№ 8 за 2007 г.). Следует добавить, что в редколлекцию восьмитомника (тираж – 50000 экз.) вошли: зам. министра просвещения СССР М.И. Кондаков (гл. ред.), директор Института воспитания АПН СССР В.М. Коротов, писатель С.В. Михайлов и зам. директора издательства АПН СССР В.С. Хелемендик. Составителями издания были А.А. Фролов (по всем томам), Л.Ю. Гордин и М.Д. Виноградова.

В основу структуры восьмитомника положен хронологический принцип расположения материалов, который, однако, строго не соблюдался. Согласно примечанию редакции к первому тому "Педагогических сочинений", в данном издании "с большой полнотой представлены письма, материалы к биографии А.С. Макаренко, документы его педагогической практики". Из-за фрагментарности содержания восьмитомника редакторы немецкого варианта предисловия к первому тому "Педагогических сочинений" (Берлин, 1988; всего в ГДР до 1989 г. вышли только первые 3 тома) посчитали необходимым сообщить: "К материалам, которые не включены в данное издание, принадлежат высказывания Макаренко на педагогические темы, опубликованные в двадцатые и тридцатые годы в газетах, обширный материал его записных книжек (1929–1939), конспекты и отрывки из прочитанных им книг, а также материалы для будущих литературных произведений".

Под редакцией известного макаренковед А.А. Фролова, по его собственным словам, "основного составителя и комментатора нового, более полного собрания педагогических сочинений А.С. Макаренко в 8 томах", параллельно с публикацией данного издания вышел однотомник работ А.С. Макаренко под названием "Теория и практика коммунистического воспитания" (Киев, 1985). Также на Украине, но уже в постсоветский период, под редакцией И.А. Зязюна был выпущен двухтомник документов и материалов о Полтавской трудовой колонии им. М. Горького (Полтава, 2002), в котором в оригинальном виде воспроизведены многочисленные, ранее не публиковавшиеся документы. Авторы-составители сборника – преподаватели-макаренковеды Полтавского педуниверситета Л.В. Крамущенко, И.Ф. Кривonos, Н.Н. Тарасевич и историк А.П. Ермак. Новые макаренковские источники были помещены в сборнике "Полтавская трудовая колония им. М. Горького. Полемика, документы, портреты (1920–1926 гг.)" под редакцией автора данной статьи (Марбург, 2003). Вышедшая в 2006 г. в Москве книга С.С. Невской "Воспитание гражданина в педагогике А.С. Макаренко" во второй части содержит обстоятельную "До-

кументальную хронику жизни и деятельности" Макаренко. Кроме уже известных и восстановленных по архивам материалов, в том числе деловой и личной переписки и статей, здесь впервые опубликованы многие страницы из дневника московского периода педагога-писателя.

Весной 1989 г. представительная делегация учёных из СССР впервые приняла участие в одном из очередных международных макаренковедческих симпозиумов, которые Марбургская лаборатория организовывала регулярно с 1966 г. Эта без преувеличения историческая встреча советских и западных специалистов открыла возможность делового сотрудничества также и в издании макаренковских работ. Результат – публикация под редакцией автора данного материала и С.С. Невской четырёх сборников без каких-либо поправок и купюр. Среди них – двуязычное академическое издание переписки А.С. Макаренко с М. Горьким (Марбург, 1990) и двухтомник переписки педагога-писателя с женой (М., 1994–1995). В основу последнего положена открытая в 1992 г., т.е. через 30 лет после смерти Г.С. Макаренко, часть макаренковского наследия, о существовании которой не знали даже специалисты.

Вышеназванные эпистолярные публикации представляют собой, по широко распространённому в международном макаренковедении мнению, "первые кирпичики" фундамента академического издания Полного собрания сочинений А.С. Макаренко. В чём же должно заключаться главное отличие будущего академического издания от предшествующих ему "отечественных" и "зарубежных" собраний сочинений А.С. Макаренко?

Все архивные документы и опубликованные материалы должны быть размещены по темам, а внутри них – в хронологической последовательности и (что на фоне практики советской печати являет собой, несомненно, новизну) в аутентичном виде. То же относится и к публикациям А.С. Макаренко в советских периодических изданиях на английском и французском языках. Археографическая подготовка источников максимально должна будет при этом соответствовать действующим "Правилам издания исторических документов в СССР" (М., 1990) или тем, которые придут им на смену. Особого внимания потребует исследование и изложение текста "Педагогической поэмы" – на основе всех прижизненных изданий и сохранившихся рукописей, а также стенограмм макаренковских выступлений, каждого из которых, в результате их интенсивной переработки Галиной Стахивной Макаренко и её помощниками, сегодня сохранилось от двух до пяти различных вариантов. Подробный раздел комментариев должен включать в себя все необходимые данные относительно документов, а также разъяснения для лучшего восприятия соответствующих текстов.

Макаренко нужно переиздать. / Г. Хиллиг // Педагогика. – 2008. – № 4. – С. 73–77.

ГЁТЦ ХИЛЛИГ

АНТОН МАКАРЕНКО CONTRA НАТАЛЬЯ ГИРЕЙ

Настоящая статья прислана в редакцию из Германии и предназначалась автором для публикации к 100-летию со дня рождения Натальи Максимовны Султан-Гирей (22 августа 2010 г.). Полагая представленный в статье документальный материал в значительной степени сенсационным, мы представляем статью под новой для нашего журнала рубрикой.

В статье рассматривается малоизвестный аспект биографии посмертно канонизированного в качестве «ведущего советского педагога» Антона Семёновича Макаренко (1888–1939), который в феврале 1937 г., после многолетней успешной работы на Украине в должности руководителя учреждений по перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей и беспризорников, переехал в Москву, где стал заниматься «вольным писательством». Здесь, в столице Советского Союза, Макаренко составляет рецензию на произведение начинающей писательницы из Ленинграда Натальи Гирей, которая в итоге привела к разрушительным последствиям в судьбе молодой женщины. Данный случай, проигнорированный макаренковедами СССР, также наглядно иллюстрирует проявление Большого террора и его влияние на советскую литературную среду тех лет.

Идентификация «жертвы» Макаренко, её происхождения и трагической судьбы потребовали многолетних поисков, анализа, сопоставления и оценки соответствующих источников. В ходе этого изыскания, на которое автор настоящей статьи нарочно обращает внимание читателя, выяснилось, что противоречащие друг другу данные найденных к этому времени многочисленных автобиографических свидетельств оказались весьма полезными для их составителя. Чтобы стать известной писательницей, Н. Гирей было необходимо скрыть следы её «неудобного» национального и социального происхождения, для чего пришлось многократно менять весьма «тёмную» биографию. Впрочем, соответствующие факты можно обнаружить и в отношении аналогично мотивированного «неудобного» А. Макаренко касательно его якобы пролетарского происхождения.

1

15 июля 1937 г. в органе Союза советских писателей СССР (ССП) «Литературная газета» появляется статья А. Макаренко «Вредная повесть»¹ (заглавие, очевидно, принадлежит редакции²) – рецензия на произведение Натальи Гирей «Шестьдесят восьмая параллель», которое было опубликовано в двух выпусках (№№ 4– 5 за 1937 г.) ленинградского журнала «Литературный современник».

В повести Гирей шла речь о строительстве нового города на Севере («Хибины», в действительности – Хибиногорск, находящийся на Кольском полуострове, который примерно в середине декабря 1934 г., после убийства Кирова, был переименован в Кировск), о «перековке» сосланных туда «кулаков» и других «врагов народа» посредством тяжёлого труда, точнее говоря: принудительного труда. Главный персонаж повести – Олесь Шовкошитный, молодой парень, «кулацкий сынок», «полный идей национальной украинской романтики»³.

Повесть заметили, она попала в центр внимания участников расширенного заседания правления Ленинградского отделения (ЛО) ССП 15 апреля 1937 г. по вопросу о творчестве молодых авторов. Как видно из стенограммы данного мероприятия, выступающие приветствовали Н. Гирей как образец «нового типа молодого поколения писате-

¹ Факсим.: Макаренко А. Собрание сочинений. Марбургское издание (ссылки как на СС). Т. 9. – Равенсбург, 1978. С. 93– 96.

² Рукопись данной статьи до сих пор найти не удалось. Формулировка «вредная повесть» в опубликованной версии отсутствует.

³ Государственный госархив литературы и искусства (РГАЛИ), 1517– 1– 236, л. 30 об.

лей, воспитанного нашим временем»⁴ (Р. Д. Мессер, редактор журнала, которая представляла автора). Н. Г. Свирин – пушкинист, литературный критик и только что назначенный секретарь «Ленсоюза» – называл повесть Н. Гирей «и талантливой, и таковой, что будет производить впечатление, что её писал не начинающий автор, а профессионал. Это сказывается в языке, в умении построить диалог, в обрисовке круга людей и в построении сюжета. Мне хочется подчеркнуть, что вещь сюжетно очень острая, и поэтому вещь такая, которую трудно бросить, начав её читать. Это большое достоинство, товарищи»⁵. На заседании присутствовала и Наталья Гирей, рассказавшая об истории книги, над которой она работала три года⁶. Решающий импульс к написанию этой повести Н. Гирей, по её словам, получила от ленинградского писателя М. Ф. Чумандрин, ранее опубликовавшего близкое по тематике произведение⁷, который назначил ей встречу для беседы и «открыл целый мир, как люди живут, и как это создаётся»⁸.

В заметке «Литгазеты» от 20 апреля 1937 г. о заседании правления ЛО ССП автор, Б. Рест (ленинградский корреспондент газеты⁹), отмечает: говоря о творчестве пяти начинающих литераторов, «писатели обратили внимание, что молодые авторы пришли в литературу не помимо литкружков и „литуниверситетов“, они пришли „из жизни“, полные творческих сил, свежих впечатлений и острых наблюдений». Как видно из этой публикации, «Н. Гирей – в недавнем прошлом техпроп в Хибинах» – была принята кандидатом в члены Союза писателей¹⁰.

Но вскоре произошёл внезапный поворот не только в судьбе повести, но и в жизни её автора и некоторых ленинградских деятелей культуры. В рецензии А. Макаренко, написанной сразу после возвращения из Украины, где он проводил свой первый писательский отпуск (июнь 1937 г.), дана неожиданно жёсткая и негативная оценка: «То, что написано на 150 страницах этой повести, оставляет у читателей впечатление тяжёлое.

Книга сделана настолько неудачно, с таким нарушением законов перспективы, с таким преобладанием вражеских тонов и вражеских слов, с таким завуалированным советским горизонтом, с такими подозрительными сравнениями и с такой холодностью, что при всём моём желании быть снисходительным к молодому автору я не могу быть снисходительным»¹¹.

После такой недружелюбной рецензии повесть Н. Гирей вновь подверглась обсуждению на специально созданном заседании ленинградских писателей и издательских работников (26.07.1937 г.) и в конечном счёте была признана враждебной. Именно так – «Враждебная книга» – озаглавлена заметка Л. Вича (псевдоним Л. Герасимовича) в «Литгазете» от 31 июля 1937 г. (архив Ленинградского отделения Союза писателей, фонды которого могли бы дать более ясную картину, к сожалению, не сохранился). На упомянутом совещании ссылками на рецензента Макаренко подчёркивалось: он «убедительно доказал, что повесть Н. Гирей – дурно пахнущее произведение, клеветнически искажающее советскую действительность». Тем самым, сообщалось далее в материале, стало возможным вскрыть истинное «фашистско-кулацкое нутро произведения»¹². Как видно из рукописи заметки Л. Вича, один из выступающих на заседании от 26 июля заявил: «Наш большевистский Север Н. Гирей по существу отдала кулакам»¹³. Ярлыки вроде «дурно

⁴ Там же, л. 30.

⁵ Там же, л. 38–38 об.

⁶ Там же, лл. 40, 42 об.; см. также: *Друзин В.* Удача молодого автора. Роман Натальи Гирей «Шестьдесят восьмая параллель» // Лит. Ленинград. 1937. № 93. 23.04. С. 3.

⁷ Имеется в виду повесть *М. Ф. Чумандрин* «Белый камень» о переделке человеческой психики и сознания на соцстройке Хибин (М.–Л, 1932).

⁸ РГАЛИ, 1517–1–236, л. 42.

⁹ См.: «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938: Документы / Сост.: *Д. Л. Бабиченко*. – М., 1997. С. 283.

¹⁰ *Рест Б.* Плоды равнодушия. От нашего ленинградского корреспондента // Лит. газета. 1937, № 21, 20.04. С. 1.

¹¹ *Макаренко А. С.* Педагогические сочинения (ссылки как на: ПС). Т. 7. – М., 1986. С. 64.

¹² *Вич Л.* Враждебная книга. Письмо из Ленинграда // Лит. Газета. 1937. № 41, 05.08. С. 6. Здесь название повести Гирей ошибочно приведено как «62 параллель».

¹³ РГАЛИ, 634–1–513, л. 85.

пахнувший» и «фашистско-кулацкий» в то время неизбежно влекли за собой арест, лагерь или иные репрессивные меры.

Сравнение публикации в «Литгазете» с принятой за основу рукописью заметки Герасимовича о ходе заседания, датированной 27 июля, всё же показывает, что столь негативное резкое название – «Враждебная книга» – исходит от редакции, которая не только сильно сократила текст своего ленинградского корреспондента, но и «усилила» политико-идеологические оценки: «дурно пахнущее произведение, клеветнически искажающее советскую действительность» – ничего подобного этим словам в рукописи заметки нет.

Через неделю Л. Вич сообщил читателям о том, что 2 августа правление Ленинградской писательской организации подробно занималось «вопросом Н. Гирей» и «признало ошибочным приём её в кандидаты Союза на основе бесспорно вредной повести». Отзыв Макаренко на повесть Н. Гирей на страницах «Литгазеты» правление «единодушно признало правильным»¹⁴. Тут же последовали жёсткие кадровые решения и появились первые жертвы. Ответственный редактор журнала «Литературный современник», писатель М. Э. Козаков, выступавший 15 апреля за принятие Гирей в Союз писателей, о сообщении которого на заседании 26 июля в рукописи материала Л. Герасимовича можно прочитать: оно «свидетельствовало о том, что политический смысл повести Н. Гирей им [Козаковым. – Г. Х.] до сих пор не понят»¹⁵, 3 августа был отстранён от должности¹⁶, а вскоре исключён уже и из президиума Ленинградской организации Союза писателей¹⁷.

Но на этом «дело» не закончилось. Во второй заметке, которая вышла 5 августа в «Литгазете», Л. Вич раскритиковал также и Р. Мессер за её «рекламную» статью о повести Натальи Гирей, вышедшую в № 6 «Литературного современника»¹⁸. Этот материал, составленный ещё в марте того же года (как свидетельствовала Мессер в начале августа 1937 г.)¹⁹, был охарактеризован как «яркий пример двурушничества и беспринципности в литературе»²⁰. На сей раз в обстоятельном послании ответственному редактору «Литгазеты» Р. Мессер этот упрёк решительно отвергла²¹. О негативных последствиях для неё за поддержку Н. Гирей до сих пор ничего неизвестно.

Следующая отрицательная оценка повести Натальи Гирей появилась в сентябрьском номере за 1937 год авторитетного ленинградского литературного журнала «Звезда». Её автором был сотрудник местного филиала Государственного издательства художественной литературы (Ленгослитиздата) Н. В. Лесючевский²², который, согласно рукописи заметки Герасимовича, уже на заседании от 26 июля выступил с уничтожающей критикой политического содержания повести и упрекнул редакцию «Литературного современника» в «политической близорукости»²³. Вскоре после этого Лесючевский был назначен директором Ленгослитиздата²⁴, сменив на этом посту М. А. Орлова²⁵.

По словам литературоведа Е. Г. Эткинда, «заслуги» Лесючевского «перед родной литературой велики: он – автор доносов, на основании которых с 1937 по 1953 год были

¹⁴ Вич. Л. У ленинградских писателей // Лит. газета. 1937, № 42. 05.08. С. 5.

¹⁵ РГАЛИ, 634– 1– 513, л. 85.

¹⁶ См.: там же, 1517– 1– 237, л. 1.

¹⁷ В биографическом обозрении в книге фонда Козакова (РГАЛИ, ф. 1517) написано (с. 1): «с 1934– 1937, член президиума Ленинградского отделения ССП; с 1933– 1937, зам., а затем ответственный редактор журнала „Литературный современник“».

¹⁸ Мессер Р. Роман Натальи Гирей // Лит. современник. 1937, № 6. С. 254– 264. Этот номер сдан в производство и подписан к печати 25.04.1937 г.

¹⁹ См.: РГАЛИ, 634– 1– 615, л. 48.

²⁰ Вич Л. У ленинградских писателей (см. прим. 14).

²¹ См.: РГАЛИ, 634– 1– 615, лл. 48– 50.

²² Лесючевский Н. Враждебная повесть // Звезда (Ленинград). 1937. № 9. С. 195–199. Подписано к печати 08.10.1937 г., т. е. данное сентябрьское издание журнала вышло лишь в октябре того же года.

²³ РГАЛИ, 634–1– 513, л. 84.

²⁴ Уже в новой должности Лесючевский 28.09.1937 г. принимал участие в «Совместном совещании Секретариата Правления ССП с редакторами издательств и журналов о подготовке к XX-летию Октябрьской революции». См. стенограмму этого мероприятия: РГАЛИ, 631– 1– 223 (здесь: лл. 16– 20).

²⁵ См.: Весь Ленинград на 1935. Л., 1935. С. 62.

арестованы и уничтожены писатели»²⁶. Как председатель правления издательства «Советский писатель», Лесючевский в 1958 году активно участвовал в подготовке решения ССП об исключении Нобелевского лауреата Б. Пастернака из своих рядов²⁷.

В статье, опубликованной в журнале «Звезда», Лесючевский безоговорочно соглашается с оценкой, данной в рецензии Макаренко. Из этой публикации также следует, что повесть «68-я параллель» была удостоена второй премии в конкурсе на лучшее произведение по Ленинградской области. Ленгослитиздат же, во главе с Орловым, планировал в рамках серии публикаций, приуроченных к двадцатой годовщине Октябрьской революции, выпустить повесть отдельной книгой. Заключение Лесючевского: «Политическая вредность, враждебность повести „Шестьдесят восьмая параллель“ очевидна.

Как же могло случиться, что её опубликовал советский журнал? Более того: почему некоторые критики и работники журнала и издательства подняли повесть на щит? Ведь ещё до опубликования повести бывший врид [временно исполняющий должность. — Г. Х.] редактора (!) „Литературного Современника“ М. Козаков на многих собраниях и заседаниях рекламировал повесть как выдающееся произведение, как „открытие“ журналом замечательного автора. [...] ротозейство, политическая близорукость и слепота ещё находят себе место в литературной и издательской среде. История с повестью Гирей — печальный и суровый урок.

Надо сделать из него все выводы для искоренения в нашей среде идиотской болезни — беспечности».

Суммируя всё это, можно сделать вывод: из-за рецензии Макаренко Наталью Гирей перестали упоминать как советского литератора. Так, в аннотации к процитированной выше стенограмме заседания по вопросу о творчестве пяти молодых писателей, хранящейся в Центральном госархиве литературы и искусства СССР (ныне Российский госархив литературы и искусства, РГАЛИ), упомянуты лишь четыре из них, а вместо имени пятого, как было принято в советское время при соответствующих устранениях, поставили обыкновенное дополнение «и др.», т. е. фамилия Гирей там отсутствует.

Поэтому неудивительно, что в советском макаренковедении вплоть до перестройки эта тема оставалась под запретом. В тексте отзыва и в комментариях семитомника «Сочинений» А. С. Макаренко (т. 7, Москва, 1952; 2-е изд., 1958) нет никакого упоминания об авторе, произведение которого разбирает и оценивает критик, в то время как в последнем советском собрании трудов Макаренко (восьмитомник «Педагогических сочинений»; т. 7, Москва, 1986) — после аутентичной публикации этой статьи в рамках Марбургского издания его «Собрания сочинений» (т. 9, Равенсбург/ФРГ, 1978) — имя Н. Гирей в тексте рецензии было восстановлено, но в комментариях она не упоминается.

Там, в отличие от характера комментариев других текстов, включённых в данное издание АПН СССР, совершенно неожиданно заключается: «Сложная и ответственная тема перевоспитания, указывает А. С. Макаренко, требует особенной чёткости идейно-нравственной позиции, высокого художественного мастерства в реализации замысла произведения»²⁸.

Примечательно, что находящаяся в РГАЛИ папка с газетными вырезками, собранными педагогом-писателем, содержит страницу «Литгазеты» от 31 июля 1937 г. со статьёй Л. Вича «Враждебная книга» с подчёркиваниями²⁹, свидетельствующими о том, что Макаренко следил за развитием событий вокруг Н. Гирей.

Подобной безапелляционной критике — «легкомысленное отношение к важнейшим и ответственным темам нашей жизни и борьбы, попытка подменить серьёзную работу скороспелым лубком» — Макаренко немногим позже подверг и новое произведение другого автора. Речь идёт о «Закономерности» Николая Вирты — романе известного советского писателя о борьбе с «троцкизмом» — совпавшим по времени с требованием Сталина, высказанном на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП (б), определить свою позицию по отношению к «троцкистам и другим двурушникам». В рецензии Макаренко гово-

²⁶ Эткин Е. Записки незаговорщика. Лондон, 1957. С. 185. О связи Лесючевского с «органами» см. также: <http://lit.1september.ru/articlef.php?ID=200204508>

²⁷ См.: Континент (Париж). 1995. № 1. С. 198—202.

²⁸ ПС. Т. 7. М., 1986. С. 301.

²⁹ РГАЛИ, 332—1—83, л. 38.

рится: «Мы уже хорошо знаем, что такое троцкисты [...]. В интересах повышения нашей бдительности недопустимо подменять это знание легкомысленной и безответственной выдумкой, изображающей врага народа как глупого и безответственного чудака»³⁰.

Произведение Н. Вирты по Макаренко – «закономерная неудача»; он так и назвал свою рецензию, написанную, согласно записи в дневнике, 8 августа 1937 г.³¹, т. е. уже зная о последствиях своего отзыва на повесть Н. Гирей, и опубликованную через два дня в «Литгазете»³². В отличие от произведения Гирей, речь здесь шла не о первой, а о второй книге автора. В наследии Макаренко сохранился более терпимый первоначальный вариант рецензии на роман «Закономерность» («Слепым полётом»)³³, что позволяет сделать вывод: педагог-писатель сначала хотел сделать не столь атакующий отзыв, однако затем передумал. Примечательно то, что первоначальную версию он не уничтожил.

Вышедший перед этим роман Н. Вирты «Одиночество» (журнальный вариант – осень 1935 г., книжное издание – начало 1937 г.) имел большой успех. В феврале 1937 г. сам Сталин настойчиво призывал советских писателей «написать рецензию» на эту «книжку Вирты», «роман о врагах». Рекомендацию вождя, высказанную по телефону В. П. Ставскому, последний, наиболее активный из трёх ответственных секретарей правления ССП, передал своим коллегам на IV пленуме правления Союза. Разработанный автором сценический вариант романа под названием «Земля» был принят к постановке престижным МХАТом, о чём 8 мая 1937 г. поспешила сообщить главная газета страны «Правда»³⁴. Об успехе «первенца» Н. Вирты, как следует из рецензии, Макаренко было известно. Знал ли он также и о протекции Сталина, о чём 20 марта – когда сам «критик» отсутствовал в Москве, ещё раз задержавшись на Украине, чтобы уладить служебные дела³⁵, – информировала «Литгазета» в рамках публикации стенограммы доклада Ставского³⁶, этого, на основании данных источников, установить невозможно. Но о том, что Сталин протежирует Вирте, он, конечно же, знал. В московском доме «Советский писатель», в котором жили и Вирта, и Макаренко, об этом судачили даже на лестничных площадках. Поэтому нельзя исключать и того, что именно соседи по квартире ввели Макаренко и его подругу в курс дела.

В записной книжке педагога-писателя имеются две пометки, касающиеся Вирты, который был не только его соседом по дому, но и председателем домоуправления № 2 города Москвы по Лаврушинскому переулку, где секретарём являлся Макаренко³⁷. В это новое здание ССП он с семьёй въехал вместе с группой привилегированных «советских писателей», отмеченных особым доверием партии и правительства. По пометкам можно судить, во-первых, о лично неприязненном отношении Макаренко к Вирте; во-вторых, о том, что написанию рецензии предшествовал обмен мнениями с коллегами-писателями о книге и её авторе. Обратимся к записям А. С. Макаренко:

«Вирта. Он прозрачен. Его „Закономерность“ страшно прозрачна и бесталанна. Он сам тоже прозрачен. И прозрачен его кабинет за 30 000 и торговля из-за рубля с плотником.

Но в таком случае, почему слава, и МХАТ, и молниеносные пьесы, и чем всё это может кончиться» (май 1937 г.)³⁸.

«Вечером [...] собрался „беспартийный актив“ – Паустовский, Файко, Финн, Финк, Славин. [...] Говорили много о нашем неумении разбираться в литературных явлениях. В своё время перехвалили „Ненависть“ Шухова и „Человек меняет кожу“ [Бруно Ясенского –

³⁰ ПС. Т. 7. С. 66– 71 (здесь: С. 71).

³¹ См.: РГАЛИ, 332– 5– 15, л. 6.

³² Факсим.: СС. Т. 9. С. 97– 102; также в ПС. Т. 7. С. 66– 71.

³³ РГАЛИ, 332– 4– 119.

³⁴ Постановка пьесы Н. Вирты «Земля» на сцене МХАТ // Правда. 1937. № 125. С. 4.

³⁵ См.: Хиллиг Г. Макаренко в год «Большого террора». Марбург, 1998. С. 13–15.

³⁶ См.: Решительно улучшить работу Союза писателей. Из сообщения тов. В. Ставского на IV пленуме правления Союза писателей СССР // Лит. газета. 1937. № 15. С. 2.

³⁷ См.: протокол № 1 заседания данного правления от 15.02.1937 г. с подписями Вирты и Макаренко; РГАЛИ, 332– 4– 432, л. 1.

³⁸ Зап. кн. № 8, запись № 916 (Архив лаборатории «Макаренко-реферат» Марбургского университета).

Г. Х.], теперь уже захвалили Вирту» (Дневник, 11 мая 1937 г.)³⁹. Кстати, в тот же день из партии был исключён писатель польского происхождения Ясенский, который переехал в СССР в 1929 году⁴⁰. Немного позже его арестовали, приговорили к смерти и расстреляли. Шухов также предстал перед судом и в августе 1937 г. был осуждён на два года лишения свободы⁴¹.

Впрочем, критика Макаренко в адрес романа Н. Вирты осталась вроде без последствий, если не считать реплики в «Правде» (ноябрь 1938 г.), связанной с книжным изданием этого произведения, где вышедшая в «Литгазете» рецензия была квалифицирована как «разнос», учинённый «в печальной памяти РАППовском духе [...] неким горе-критиком» — имя Макаренко, правда, при этом не упоминается⁴². Вирта был достойно оценён властью и получил в 1939 году высшую награду — орден Ленина, а в 1941 году за свой, высоко оценённый вождём народов, роман «Одиночество» — Сталинскую премию второй степени. Впрочем, в последнем письме Сталину М. Горький 1 мая 1936 г. критично характеризует данное произведение как «роман очень странный»⁴³.

После случая с Гирей Макаренко стал осторожнее. Могло показаться, что он старался избегать резких оценок чьей-то работы. А за начинающего автора Виктора Панова, который так же, как и Наталья Гирей, оказался из-за критики в печати в опасном положении, он даже вступился. Но это было сделано не бескорыстно. Речь идёт о статье поэтессы А. Адалис «Об одном толстом журнале» (т. е. «Красная новь» за 1937 г.), опубликованной в газете «Известия» (5 февраля 1938 г.), и отклике Макаренко на неё в «Комсомольской правде» (12 февраля)⁴⁴. Защищая В. Панова и его повесть «На севере», педагог-писатель попутно отклонял острую критику на собственную «Книгу для родителей», вышедшую в «Красной нови»⁴⁵. В этой связи примечательно, что Макаренко в своём календаре на 8 февраля наметил встречу с Пановым⁴⁶. А чуть позже, на заседании президиума правления ССП от 26 марта, на котором присутствовали и Адалис и Макаренко, уже писатель М. Ю. Левидов назвал статью «Об одном толстом журнале» «очень плохой, безобразной»⁴⁷.

2

Вернёмся к Наталье Гирей. После безуспешных попыток что-либо выяснить о её судьбе в Союзе писателей Санкт-Петербурга и местной организации «Мемориал» я в 1996 году узнал, что в бывшем архиве КГБ Управления Федеральной Службы Безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области хранится «уголовное дело» писательницы. Двумя годами позже я получил архивную справку с надписью на деле «П-72072», где значилось: «Сарач-Ивановская-Гирей Наталья Моисеевна, 22 августа 1910

³⁹ РГАЛИ, 332– 5– 15, л. 2.

⁴⁰ См.: В парткоме Союза писателей. Ясенский и Киршон исключены из партии // Лит. газета. 1937. № 26. 15.05. С. 1.

⁴¹ Летом 1937 г. газеты написали об И. Шухове как о дебошире-пьянице, садистски избивавшем свою жену. Именно за это его и судили; см. Приговор по делу И. Шухова // Лит. газета. № 43. 10.08. С. 4.

⁴² *Ровинский Л.* Закономерность // Правда. 1938. № 321. 21.11. С. 3. В письме из Кисловодска к жене от 23.11.1938 г. Макаренко пишет: «Огорчён в „Правде“ статьёй о „Закономерности“ Вирты. И самый роман, и Вирта объявляются „высокоталантливыми“. Дичь, дальше которой идти нельзя, такая дичь может положить конец всякой охоте писать и всякой литературе». В кн.: «Ты научила меня плакать...»: Переписка А. С. Макаренко с женой (1927– 1939). В 2 т. Т. 2 / Сост. и коммент. Г. Хиллига и С. Невской. М., 1995. С. 267.

⁴³ Центральный госархив олитической истории (ЦГАСПИ), 558–11– 720, лл. 110– 111 об. (здесь: л. 111).

⁴⁴ *Макаренко А., Караваева А., Эрлих А.* Клевета на молодого писателя // Комсомольская правда. 1938. № 35. С. 3. По свидетельству *В. Е. Гмурмана* в беседе с автором (в 1973 г.), эту неизвестную советским макаренковедам статью писал Макаренко сам.

⁴⁵ См.: *Хиллиг Г.* Нелёгкий путь к коммунизму. Как А. С. Макаренко стал «беспартийным большевиком» // *Ф. Патаки, Г. Хиллиг.* Самоуправление или конформизм? К вопросу идейно-политического становления А. С. Макаренко / предисловие Ф. Науменко. Марбург, 1987. С. 23– 74 (здесь: С. 65– 66).

⁴⁶ См.: РГАЛИ, 332– 5– 55, л. 11.

⁴⁷ РГАЛИ, 631– 15– 260, л. 238.

года рождения, уроженка г. Санкт-Петербурга, русская, гр-ка СССР, беспартийная, из дворян, студентка Ленинградского 1-го Энергетического техникума, литератор, проживала по адресу: г. Ленинград, ул. Павловская [ныне Мончегорская. – Г. Х.], дом 10, кв. 34».

Мой киевский коллега А. А. Абаринов получил возможность ознакомиться с уголовным делом, хранящимся на Литейном пр., 4⁴⁸, в котором имеется следующая дополнительная информация о личности задержанной: «дочь дворянина и помещика»; «состав семьи: не замужем. Отец: Сарач – Моисей Маркович – в Днепро[петро]вске или Мелитополе, точно не знаю. Мать умерла в 1924 г. Брат: Андрей Сарач – студент технологического института. Адрес кв. не знаю» (Протокол допроса от 1 апреля 1938 г.).

Указанная в архивной справке фамилия «Ивановская» всплывает только однажды, а именно в анкете арестованной от того же дня (она стоит на третьем месте в качестве завершающей тройную (!) фамилию – Сарач-Гирей-Ивановская, вставленная чьей-то рукой).

Н. М. Сарач-Гирей была арестована 1 апреля 1938 г. Главным управлением Госбезопасности УНКВД Ленинградской области. О причине ареста сообщалось следующее: Сарач-Гирей «достаточно изобличается в том, что является участницей антисоветской группы и ведёт контрреволюционную работу»⁴⁹. Поэтому принято решение: «[...] привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58–10 и 58–11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей в Лентюрьме УГБ»⁵⁰. Здесь она провела полгода.

На допросах Н. Гирей, в противовес показаниям трёх свидетелей, всё отрицала. В обвинительном заключении от 25 сентября 1938 г. говорится: «Следствием установлено, что Сарач-Гирей среди окружающих лиц вела антисоветскую агитацию, распространяла клеветнические измышления о руководителях ВКП (б) и советского правительства по основным хозяйственно-политическим вопросам. Выражала сожаление о расстреле участников троцкистского правого центра [речь идёт о подсудимых третьего московского процесса против «блока правых и троцкистов» Бухарине, Рыкове и др. – Г. Х.]. ВИНОВНОЙ СЕБЯ НЕ ПРИЗНАЛА»⁵¹.

В показаниях трёх свидетелей бросается в глаза, что их фразы о знакомстве с Сарач-Гирей выглядят слишком общими и неубедительными. То же можно сказать и об описании соответствующих событий. Например, о том, что Гирей якобы являлась участницей антисоветской группы, однако по данному делу проходит она одна. К тому же протокол допроса, который уместился на одной страничке, содержит в себе однозначное высказывание, подтверждённое подписью самой подозреваемой: «никакой антисоветской деятельности я не вела, и никаких политических единомышленников из контрреволюционеров у меня нет»⁵².

В целом, складывается впечатление, что к аресту Сарач-Гирей в Управлении НКВД не подготовились: со свидетелями поработали слабо, не нашли существенных аргументов для изобличения её как врага народа. Тогда за что же её всё-таки арестовали?

Уголовное дело содержит документ, проливающий свет на бытовые условия, в которых находилась Н. Гирей. Вот выписка из протокола ареста и обыска в комнате, где она жила. «Опечатано: комната площадь 10 кв. м., имущество: стол, матрац, два стула, три платья женские. Рукописи. Наброски и черновики и все материалы к повести „68-я параллель“»⁵³. Вспомним: арест Н. Гирей и обыск её скромного жилища были совершены только в 1938 году и не стоят в непосредственной связи с рецензией А. Макаренко, после которой против неё была развязана политическая кампания. Впрочем, фамилия педагога-

⁴⁸ Отрывки из уголовного дела Сарач-Гирей опубликованы в: *Абаринов А., Хиллиг Г.* Вредный рецензент А. Макаренко // Постметодика (Полтава). 2004. № 2–3. С. 113–119.

⁴⁹ Архив Управления ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской обл. (Архив Упр. ФСБ по С.-П. и Лен. обл.), № П-72072, л. 1.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, л. 23 (так выделено в подлиннике).

⁵² Архив Упр. ФСБ по С.-П. и Лен. обл.), № П-72072, л. 1.

⁵³ Там же, л. 3.

писателя в деле Гирей также не упоминается⁵⁴. Здесь сыграли свою роль ещё и иные факторы.

Всё же – что побудило Макаренко написать такую рецензию? Будучи специалистом по «перевоспитанию», правда, несовершеннолетних правонарушителей, он был в известном смысле предрасположен к теме, обсуждавшейся в повести Н. Гирей. Так, выходявшие в свет в СССР в середине 30-х годов издания, прославлявшие ГУЛАГ, и соответствующие рецензии на них неоднократно ссылаются и на «Педагогическую поэму».

Однако почему Макаренко вмешался в дела ленинградских литераторов? Находящаяся там писательская организация сохраняла определённую самостоятельность по отношению к головной организации в Москве. Такие авторы, как Анна Ахматова, Ольга Форш, Михаил Зощенко, все беспартийные, бросались в глаза своими в высшей степени самобытными произведениями, опубликованными в литературных журналах и в издательстве своего города. Это могло побудить верхушку большевистской партии повлиять на эту организацию путём смены руководящих кадров в ней самой и в её печатных органах. После убийства Кирова, как значится в недатированной заметке, адресованной в правление ССП (фамилия автора документа позже была уничтожена специально), 27 членов Ленинградского отделения, «оказавшихся врагами народа», были арестованы⁵⁵. И в списке фамилий пяти секретарей этой организации с 1932 года, вышедшем из-под пера В. П. Ставского в мае 1938 г., значилось, что якобы «один вредитель сменял другого на протяжении этих лет»⁵⁶.

А. С. Макаренко, как ни грубо это звучит, была отведена роль одного из «загонщиков» в охоте на питерских писателей в год Большого террора. В опубликованной в «Литгазете» рецензии нет ни единого слова критики в адрес «Ленсоюза». Это даже было совершенно и не нужно, потому что к тому моменту главу ЛО ССП уже сместили со своего поста (см. далее по тексту). Весь огонь критики Макаренко направлен на молодую писательницу и редакцию журнала, которая опубликовала её повесть, в следующих пафосных выражениях: «до каких пор мы будем печатать что попало, до каких степеней может доходить у нас редакторская небрежность, литературная и художественная всеядность?»⁵⁷

Можно предположить, что статья Макаренко заказная. Помимо цели – укрощения строптивых ленинградских литераторов, московского писателя прямо или косвенно всегда что-то побуждало включиться в схватку одной из соперничающих группировок за руководство Всесоюзным ССП. В борьбе против В. Р. Ставского его противники объединились вокруг А. А. Фадеева. Так, в письме писательниц В. А. Герасимовой (жены последнего) и А. А. Караваевой члену Политбюро ВКП (б) А. А. Андрееву от 2 марта 1938 г. речь идёт о «желании В. Ставского и близких ему людей [...] сохранить своё руководящее положение»⁵⁸, в то время как литературный критик О. С. Войтинская в середине марта того же года проинформировала сталинского наместника в Ленинграде А. А. Жданова о «пресловутой борьбе Ставского против Фадеева, попытке Ставского уличить всех критикующих его во всех смертных грехах»⁵⁹. Та же Войтинская сообщила на втором заседании трёхдневного совещания писателей в ЦК ВКП (б) (26, 27 марта и 8 апреля 1938 г.), проходившем под председательством Андреева и Жданова, о разговоре со Ставским в конце декабря 1937 г., когда тот её спросил напрямую: «Ты, собственно, за кого – за меня или за Фадеева?»⁶⁰

Последнему Макаренко ещё со времени своего переезда из Украины в столицу СССР чувствовал себя особенным образом обязанным. Пожалуй, именно благодаря Фадееву перед новоиспечённым москвичом открылись возможности добывать своими публикациями необходимые средства к жизни. Фадеев защищал Макаренко также и от поли-

⁵⁴ См.: письмо Прокуратуры С.-Петербурга № 13–563–2000 от 20.11.2000 г. к А. А. Абаринову, где говорится: «При просмотре архивного уголовного дела в отношении САРАЧ-ГИРЕЙ, в протоколах допроса и др. документах упоминаний А. С. Макаренко не обнаружено».

⁵⁵ См.: РГАЛИ, 634–1–615, л. 63.

⁵⁶ «Счастье литературы» (см. прим. 9). С. 283.

⁵⁷ СС.Т. 9. С. 93.

⁵⁸ Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 гг.: Сб. документов. Сост. Д. И. Бабиченко. М., 1994. С. 27–29 (здесь: с. 27).

⁵⁹ Там же, с. 29–33 (здесь: с. 32).

⁶⁰ РГАСПИ, 5–1–302, л. 66.

тических упрёков. Так, например, в начале 1938 г., когда борьба со Ставским за руководящий пост во Всесоюзном ССП разгорелась с крайней остротой, именно Фадеев предложил кандидатуру беспартийного Макаренко на должность директора Гослитиздательства. В ответ на это Ставский указал своему сопернику на то, что из Киева, бывшего места работы педагога-писателя, ему были присланы документы, которые открывали, как там говорилось, «контрреволюционное прошлое» Макаренко. Фадеев, кстати, откровенно сообщил об этом в первый день совещания писателей в ЦК ВКП (б) (26 марта 1938 г.⁶¹) и занял по этой проблеме следующую позицию: «А всё почему?

Потому что Макаренко – самостоятельный человек, любил говорить правду прямо в глаза руководству Союза»⁶². А прозаик Л. М. Леонов на следующий день совещания, 27 марта 1938 г., продолжил фадеевскую критику Ставского, указав на то, что тот в разосланном им циркуляре «рекламировал вредную книгу Нат. Гирей „68-я параллель“»⁶³, – при этом он обратился к заголовку рецензии Макаренко и подхватил её мотивы⁶⁴.

В день открытия совещания в ЦК Ставский объявил: из 101 члена правления Союза советских писателей, избранных в 1934 г. на учредительном съезде, «30 взяты органами НКВД»⁶⁵. Данные о числе «врагов народа» среди литераторов, состоящих в ССП, содержатся в объёмном письме секретаря партийного комитета Союза Д. А. Марченко, направленном 11 февраля 1938 г. Сталину, а также Молотову, Андрееву, Жданову, Ежову и Маленкову. В этом документе его автор хочет «обратить внимание на некоторые отрицательные моменты, свидетельствующие о неблагополучии и тревожности положения в результате двадцати месяцев полномочного руководства Ставским литературой после смерти Горького и ухода Щербакова [«оргсекретаря» ССП. – Г. Х.]. За это время, – как значится далее в письме, которое сохранилось в бывшем Центральном партийном архиве Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС вместе с протоколами трёх заседаний совещания в ЦК⁶⁶ и, по всей вероятности, послужило поводом созыва этого особо важного мероприятия, – НКВД – в большинстве случаев без участия Союза Писателей – разоблачил много сотен мерзавцев среди писателей – не будет преувеличением определить число их в 30–35% всего состава Союза Писателей. Ряд писательских организаций (в нац. республиках, Ленинградская [sic!] и др.) оказались ещё в большей степени засорёнными враждебными элементами»⁶⁷. На третьем заседании совещания в ЦК (8 апреля 1938 г.) Ставский, на вопрос Жданова, назвал количество членов ССП – 2 300 человек⁶⁸, что означало: приблизительно 700–800 из них до начала 1938 г. были арестованы.

Самого Ставского секретарь парткома характеризовал как «чуждого, если не враждебного партии человека»⁶⁹. Из суждений Марченко о «Ленсоюзе» явствует: «После разоблачения многочисленной гореловской банды в Ленинграде [под этим названием имеются в виду сторонники секретаря ЛО ССП А. Е. Горелова⁷⁰. – Г. Х.] Ставский (вместе с Вс. Вишневским) провёл на собрании ленинградских писателей новое руководство с

⁶¹ На титульных листах стенограмм протоколов первых двух заседаний совещания писателей (РГАСПИ, 17–120–301, –302 первое из них ошибочно датировано 25 марта.

⁶² РГАСПИ, 17–120–301, лл. 27–28.

⁶³ Там же, 5–1–302, л. 97.

⁶⁴ Преследование писателей в широком объёме инициировано, как известно, ещё за год до Большого террора, а именно – летом 1936 г., в связи с первым московским процессом против «троцкистско-зиновьевского террористического центра».

⁶⁵ РГАСПИ, 17–120–301, л. 7.

⁶⁶ Там же, 5–1–304, лл. 2–14. В архивном описании (там же, л. 1) соответствующее письмо ошибочно отнесено к И. А. Марченко (Гос. институт театрального искусства). О Д. А. Марченко см.: «Счастье литературы» (см. прим. 9). С. 227, 302.

⁶⁷ РГАСПИ, 17–120–304, л. 2.

⁶⁸ Там же, 5–1–302, л. 107.

⁶⁹ Там же, 304, л. 2.

⁷⁰ О снятии Горелова и общественной изоляции его заместителя рассказывал М. Ф. Чумандрин на общем собрании московских писателей в начале апреля 1937 г.: «У нас первым секретарём ССП был Горелов, который оказался врагом народа. Он изолирован соответствующими органами. Что касается второго секретаря Союза, то за пять минут до отъезда на вокзал – мы проголосовали за исключение его из партии, это Беспамятных, который активно покрывал врагов народа [...]»; РГАЛИ, 631–15–215, лл. 8–14 (здесь: л. 11).

Н. Свириным во главе. Свирин вскоре был разоблачён как троцкистский двурушник»⁷¹. Вспомним: именно Свирин – которого назначили на должность секретаря Ленинградской писательской организации на её же пленуме 20 марта 1937 г.⁷² и уже через три месяца сместили⁷³, а также исключили из состава редакции Академического собрания сочинений А. С. Пушкина⁷⁴ – на заседании 15 апреля 1937 г. осыпал повесть Н. Гирей похвалами. Пост Свирина в конце июня того же года временно получил авторитетный писатель Н. С. Тихонов⁷⁵, но уже в октябре на эту должность назначен А. И. Шабанов⁷⁶, который на заседании 2 августа присоединился к осуждению молодой писательницы: «Редакцией журнала допущена серьёзная политическая ошибка. Помещение повести Н. Гирей на страницах „Лит. современника“ ничем нельзя оправдать»⁷⁷. Но его время на вершине ленинградского писательского «Олимпа» также было сочтено. В конце февраля 1938 г. его как «врага народа»⁷⁸, «арестованного органами НКВД», исключили из правления ЛО ССП и из числа членов Союза⁷⁹.

3

Дебют Макаренко в кругу столичных писателей состоялся на их общем собрании по вопросу «Итоги пленума ЦК ВКП (б) и работа ССП» в начале апреля 1937 г., а именно в ходе обсуждения вводного доклада Ставского⁸⁰. Макаренковская речь была воспринята собранием неоднозначно⁸¹. Однако не случайно в майском номере влиятельного журнала «Октябрь», одного из органов Союза писателей, опубликовавшем отчёт об апрельском совещании, были помещены только две речи – Фадеева «Учиться у жизни» и Макаренко «Больше коллективности».

В своём выступлении Макаренко говорил о возможности улучшения качества работы правления ССП. Посему он требовал, чтобы существовал «настоящий, специальный, прекрасно организованный американский учёт» работы писателей⁸². «Такой настоящий учёт, такой совершенный учёт по последнему слову техники» должен быть в президиуме правления. В этой связи Макаренко помимо Ставского называет также и Фадеева.

Напомним, что собрание московских литераторов состоялось через месяц после завершения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б), решения которого предопределили «основные направления» Большого террора. Поэтому одной из основных задач апрельского собрания писателей была не только поддержка требования Сталина в отношении «троцкистов и других двурушников», но и подготовка «ягнят для заклания» из своей родной литературной среды. Здесь конкретно назывались возможные кандидаты для занятия мест «на жертвенном алтаре». Вскоре все они, по хорошо отработанному сценарию, были подвергнуты позорному публичному шельмованию в печати и вслед за тем арестованы. И два года спустя этих хорошо известных тогда писателей уже не было в живых.

5 апреля 1937 г., до макаренковского выступления, на общемосковском собрании резко критиковалась работа секции драматургов ССП. Её «фактического руководителя» В. М. Киршона упрекали в том, что он «подменял коллективное руководство своеобраз-

⁷¹ РГАСПИ, 5–1–304, л. 10.

⁷² См.: РГАЛИ, 634–1–615, лл. 65–73.

⁷³ См.: там же: 631–15–158, л. 70 с об.

⁷⁴ См.: там же: 612–1–2787, лл. 92–93.

⁷⁵ См.: РГАЛИ, 631–15–176, лл. 6–7.

⁷⁶ См.: там же, лл. 1, 27–31.

⁷⁷ См.: *Вич Л. У ленинградских писателей* (см. прим. 14).

⁷⁸ См.: *Счастье литературы* (см. прим. 9). С. 283.

⁷⁹ См.: РГАЛИ, 631–15–319, л. 19.

⁸⁰ См.: *Лит. газета*, 1937. № 18.06.04. С. 1.

⁸¹ Распространённой в макаренковедении является позитивная оценка В. Г. Финка, соседа Макаренко по дому писателей; см. его мемуары «Литературные воспоминания» (М., 1960. С. 226). Но есть и другие участники заседания, как В. В. Вересаев и К. Г. Паустовский, которые оценили речь Макаренко как «маразм» (В. Г. Бейлинсон в письме к автору, 2008 г.).

⁸² СС. Т. 9. С. 75; во всех советских собраниях трудов А. С. Макаренко слово «американский» вычеркнуто – см., напр.: ПС. Т. 7. С. 23.

ным единоначалием»⁸³. Макаренко стал свидетелем выпадов в адрес «главдраматурга» со стороны И. Л. Прута, в чьей речи он «почувствовал кулацкий запах», а «драмсекцию» назвал «драматургическим хутором», чем вызвал у слушателей смех и аплодисменты⁸⁴.

Спустя несколько недель (в конце мая 1937 г.) педагог-писатель намёком сообщает об этом событии в письме своему харьковскому другу Константину Кононенко: «Киршона ругать не с кем»⁸⁵. Следует отметить, что и данное письмо показывает беспомощность Макаренко в незнакомой ему литературной среде столицы. Так он подчёркивает: «Без Кости никакого понятия не имею о конъюнктуре рынка, без чего органически жить не могу». Безусловно, это было связано с тем, что после снятия Ягоды с поста Наркома связи СССР, о чём сообщили газеты 4 апреля 1937 г.⁸⁶, не только Киршону, но также и многим другим литераторам, в том числе и бывшему руководителю РАППа Л. Л. Авербаху, вменялась в вину их поддержка наркомом. Тут же в ССП бывшие рапповцы начали делиться на сторонников и противников Авербаха.

А между тем, забытый ныне Киршон был тогда популярным драматургом, пьесы которого ставились часто и охотно. Как «бывший соратник троцкиста Авербаха», 11 мая 1937 г. он был исключён из партии⁸⁷, 29 августа арестован, 21 апреля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в «участии в контрреволюционной террористической организации» приговорён к высшей мере наказания (ВМН) и 28 июля 1938 г. – расстрелян⁸⁸. На уже многократно упоминавшемся совещании в ЦК в марте-апреле 1938 г. Фадеев обвинил Ставского в том, что он «не проявил бдительности» по отношению к Киршону, и когда уже было известно, что арестован Авербах, тот «выступает, берёт Киршона под защиту и называет его своим другом»⁸⁹.

В курс дела относительно «конъюнктуры» литературного рынка Макаренко ввёл, вне сомнения, Фадеев. Оказалось, что после участия в общемосковском собрании писателей и публикации его речи Макаренко обрёл карьерный вес, а его «рыночная стоимость» ощутимо возросла. Это было как нельзя кстати, так как всё ощутимо подорожало. К тому же жизнь его супруги (Галины Стахиевны) на широкую ногу в новой столичной квартире с домработницей и кухаркой (что, впрочем, было заведено Г. С. уже в Киеве), требовала твёрдого дохода единственного кормильца семьи.

Значимость Макаренко выросла не только в семейном быту, но и политически. После переезда в столицу он жил, «держа нос по ветру», всячески стараясь уловить политическую струю, о чём свидетельствуют его панегирики в честь партии и «нашего чудесного рулевого – гениального Сталина» по поводу выборов в Верховный Совет СССР осенью 1937 г. Как «приезжий», он не был тогда замечен в тесных связях с московскими коллегами и не входил в разнообразные враждебные группировки, что и уберегало его от ареста.

Одновременно усилилось влияние Макаренко в аппарате правления Союза писателей. Как видно из протокола счётной комиссии общего собрания московских прозаиков 16 ноября 1937 г. под председательством И. М. Касаткина, в число действительных членов только что организованного Бюро секции прозаиков прошли пятеро. Тайным голосованием 80 лиц, участвовавших в выборах, Макаренко прошёл третьим по числу голосов из 27 кандидатов. Первые места заняли Федин и Касаткин⁹⁰. Показательно, что фамилия

⁸³ См.: Общественное собрание писателей // Лит. газета. 1937. № 18. 06.04. С. 3–4 (здесь: С. 3).

⁸⁴ См.: СС. Т. 9. С. 73.

⁸⁵ Свидетельства искренней дружбы. Воспоминания К. С. Кононенко об А. С. Макаренко. / Издатель: Г. Хиллиг, В. Марочко. Марбург, 1997. С. 23.

⁸⁶ Постановление президиума ЦИКа СССР, опубликованное в газетах «Правда» и «За коммунистическое просвещение» (а не в «Известиях» и «Литгазете»), гласит так: «Об отрешении от должности народного комиссара связи СССР Г. Г. Ягода. Ввиду обнаруженных должностных преступлений уголовного характера народного комиссара связи СССР Г. Г. Ягода, президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР постановляет: 1. Отрешить от должности народного комиссара связи Г. Г. Ягода. 2. Передать дело Г. Г. Ягода следственным органам. Москва. Кремль, 3 апреля 1937 г.».

⁸⁷ См.: В парткоме Союза писателей. Ясенский и Киршон исключены из партии // Лит. газета. 1937. № 26. 15.05. С. 1; Киршон и Кобельников исключены из партии // Там же. № 28. 26.05. С. 5.

⁸⁸ Информация общества «Мемориал»; письмо к автору от 09.11.1998 г.

⁸⁹ РГАСПИ, 17–120–301, л. 29.

⁹⁰ РГАЛИ, 631–15–232, лл. 4, 39–41; см. также: Лит. газета. 1937. № 63. С. 6.

Ставского, который в ноябре 1937 г. благоразумно снял свою кандидатуру с голосования⁹¹, отсутствует в заметке о дополнительно избранных членах бюро секции прозаиков⁹².

То, что выполнение руководящих функций в Союзе писателей в то время не означало автоматическую защиту от преследований, показывает пример Касаткина, единственного «партийца» среди 5 членов бюро ССП, избранных в ноябре 1937 г. Когда 25 марта 1938 г. на заседании секции прозаиков открытым голосованием были доизбраны ещё 4 члена бюро, среди них и проваленный на тайном голосовании Фадеев, имя Касаткина в списке ранее избранных членов уже не упоминалось⁹³. Последняя публикация писателя – «Старый Левон», была в «Правде» от 25 декабря 1937 г. По сведениям московского «Мемориала» этот автор, охарактеризованный секретарём парткома Союза писателей Марченко в вышеупомянутом письме к Сталину как «безобидный»⁹⁴, был арестован 31 января 1938 г., Военной коллегией Верховного суда СССР 21 апреля того же года по обвинению в «участии в контрреволюционной террористической организации» приговорён к ВМН и в тот же день расстрелян⁹⁵.

«Ценность» Макаренко на литературном рынке явственно устанавливается из изученных мной в фонде редакции «Литгазеты» «ведомостей на выдачу гонорара авторам статей». Его первый гонорар начинающего публициста здесь составлял только 30 рублей (за статью «Писатели – активные деятели советской демократии», 10.03.1937 г.); с апреля 1937 г., после выступления на общемосковском собрании писателей, гонорар увеличился (пропорционально официальному весу Макаренко) до 150–500 рублей за статью⁹⁶. Такие деньги тогда получали лишь несколько обласканных властью писателей страны – Фадеев, Шолохов, Пастернак, А. Н. Толстой. Общая сумма его гонораров за публикации только в «Литгазете» и лишь за 1937 год – среди них рецензии на произведения Н. Гирей (450 руб.) и Н. Вирты (500 руб.) – составила около 4 000 рублей.

Главным журналом для писателя Макаренко стала в 1937 году «Красная новь», где уже с июльского номера начали печатать «Книгу для родителей» (гл. 1– 4). Первоначально это произведение должно было быть опубликовано в издаваемом Горьким «Альманахе», периодическом издании под названием «Год шестнадцатый» [и т. д. – после Октябрьской революции. – Г. Х.], в котором ранее – в 1934–36 годах – уже была опубликована «Педагогическая поэма».

Почему «Книга для родителей» не вышла «в миленьком моём альманахе», как называл его педагог-писатель в одном из своих писем в редакцию⁹⁷, а была опубликована в журнале «Красная новь»? Причиной такой «измены», вероятно, послужило знакомство Макаренко с двумя членами редколлегии «Красной нови», которые два года спустя рекомендуют его кандидатом в члены ВКП (б) – А. А. Фадеевым и В. В. Ермиловым. Эти бывшие рапповцы, вместе с их ленинградскими коллегами Ю. Н. Либединским и Чумандриним (покровителем Гирей), уже к моменту 1-го Пленума Оргкомитета ССП (осень 1932 г.) твёрдо заняли партийные позиции⁹⁸.

В своё время Фадеева и Ермилова включили в редколлегию «Альманаха», созданную ещё Горьким, однако её распустили летом 1937 г. Тот факт, что решение о месте публикации «Книги для родителей» было принято, так сказать, в последний момент, свидетельствует следующее: в июньском номере журнала в анонсе на второе полугодие 1937 г. макаренковское произведение отсутствовало⁹⁹. Интересная деталь: «Красная новь» в тексте журнальной версии «Книги» была охарактеризована автором как «мой уважаемый шеф»¹⁰⁰. Через год это периодическое издание опубликовало также новую повесть Макаренко «Флаги на башнях».

⁹¹ См.: РГАЛИ, 631–15–232, л. 1.

⁹² См.: РГАЛИ, 631–15–232, л. 1; 279, лл. 66–67.

⁹³ Там же, л. 1.

⁹⁴ РГАСПИ, 17–120–304, л. 4.

⁹⁵ См.: письмо общества «Мемориал» от 09.11.1998 г. к автору.

⁹⁶ См.: РГАЛИ, 634–1–428, л. 6; 429, лл. 38, 60; 430, лл. 7 об., 8, 40 об.; 432, лл. 2, 8 об., 28, 36; 433, лл. 16, 17 об., 36.

⁹⁷ РГАЛИ, 622–1–8, л. 22.

⁹⁸ См.: «Счастье литературы» (см. прим. 9), с. 218–219.

⁹⁹ Красная новь. 1937. № 6. 4-я с. обл.

¹⁰⁰ Там же. № 9. С. 105.

Но вернёмся к «делу» Н. Сарач-Гирей. Составляя 1 апреля 1938 г. анкету арестованной, сотрудник Лентюрьмы НКВД Ефимов в графе 20 пишет, что на вопрос, состояла ли Н. Гирей под судом и следствием, последняя дала отрицательный ответ: «Не судилась»¹⁰¹. Зато оперуполномоченный IV отдела УГБ сержант ГБ Михайлов, который допросил Н. Гирей в качестве обвиняемой в этот же день, записал в протоколе допроса: «В 1931 г. была арестована ОГПУ. Под арестом находилась 5–6 месяцев. Освобождена без последствий»¹⁰².

Знакомство с методами работы ОГПУ-НКВД позволяет прийти к выводу, что в 1931 году на свободу без постановления о прекращении следствия, без суда, без применения реабилитации или амнистии, вышла Н. Сарач-Гирей-Ивановская – новоиспечённый агент ОГПУ, впоследствии переданная в том же качестве в НКВД. По всей вероятности, она была запущена в окружение коллег с одной целью – следить и информировать. Некоторые данные в уголовном деле Сарач-Гирей, как, например, «незнание» того, где находится её отец, по какому адресу проживает в Ленинграде её брат, – всё это косвенно подтверждает такое предположение.

Факт реабилитации Н. Гирей не в середине 1950-х (сразу же после смерти Сталина), а лишь 17 августа 1989 г. – ещё один аргумент, свидетельствующий об агентурной деятельности студентки. Она была реабилитирована «на основании статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. „О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х годов и начала 50-х годов“». Этим Указом были реабилитированы те, кого заставляли доносить, и те, кто, несмотря на сотрудничество с органами, были репрессированы.

В уголовном деле НКВД СССР № 23686 по ленинградскому писателю Б. И. Эрлиху¹⁰³, обвиняемому в принадлежности к «контрреволюционной троцкистской организации» и проведении «активной террористической и вредительской работы», задержанный согласно протоколу допроса от 9 ноября 1937 года заявил, что он был «завербован в 1932 году в городе Ленинграде Чумандриным Михаилом Фёдоровичем, бывшим членом Союза советских писателей». Далее в протоколе перечисляются традиционные для НКВД того времени «признания». В частности, Эрлих заявил следователям: «я знал от Чумандрина, что наша контрреволюционная организация была связана с японской разведкой». По странному стечению обстоятельств объявленный контрреволюционером Эрлих незадолго перед тем в соавторстве с Чумандриным и другими литераторами написал отчёт об общем собрании ленинградских писателей по поводу второго «Московского процесса», который был опубликован 19 января 1937 г. под заголовком «Никакой пощады!» на страницах газеты «Литературный Ленинград»¹⁰⁴.

Однако, в то время как Эрлих 19 ноября 1937 г. был приговорён к ВМН и расстрелян, о репрессиях в отношении известного писателя Чумандрина и его (временном?) исключении из ССП до сих пор нет никаких сведений. Он ещё участвовал в советско-финской войне и умер от болезни в 1940 году; в феврале 1941 г. в Ленинградском Доме писателя состоялся вечер памяти М. Ф. Чумандрина, а его детям по ходатайству Союза писателей была назначена пенсия¹⁰⁵. Если считать высказывания Эрлиха на допросе достоверными, то тот факт, что карьера Чумандрина не оборвалась внезапно, можно объяснить лишь тем, что и он был секретным сотрудником «органов» или имел там хороших знакомых, прикрывавших его.

Как говорится в «Выписке из протокола Особого совещания при Народном комиссаре Внутренних Дел СССР от 8 октября 1938 г.», включённой в уголовное дело Сарач-Гирей Натальи Моисеевны, она получила приговор в тот же день – «за к[онтр-

¹⁰¹ Архив Упр. ФСБ по С.-П. и Лен. обл., № П-72072, л. 8 об.

¹⁰² Там же, л. 10 об.

¹⁰³ <http://esenin.ru/forum/viewtopic.php?t=131&postdays=0&postorder=asc&start=480&sid=b8842fc1f89da3f0e76142834700c194>

¹⁰⁴ См.: Никакой пощады! На общем собрании ленинградских писателей // Лит. Ленинград. 1937. № 5. 17.01. С. 1.

¹⁰⁵ См.: РГАЛИ, 3141– 1– 61.

]р[еволюционную] агитацию заключить в исправтрудлагерь, сроком на пять лет, считая срок с 1/IV-38 г.»¹⁰⁶. Согласно вышецитированной архивной справке, срок наказания она «отбывала в УСОЛЬЛАГЕ НКВД (УСОЛЬские ЛАГеря) ст. Соликамск, ж. д. им. Кагановича [Пермская область. – Г. Х.]. Сведений о дальнейшей судьбе в материалах дела не имеется».

5

Дополнительные данные о молодой писательнице содержит личное дело «Сарач Натальи Моисеевны», сохранившееся в архиве Санкт-Петербургского энергетического техникума, которое петербургский макаренковед З. Ш. Тененбойм по моей подсказке нашёл в 2008 году и сумел его просмотреть. Речь идёт о документах относительно зачисления Сарач в это учебное заведение¹⁰⁷, а именно: письмо редакции журнала «Литературный современник» от 7 февраля 1937 г., содержащее рекомендацию принять автора на вечернее отделение подготовительного курса; справка о том, «что она действительно проживает в доме № 8, кв. 5 по ул. 3 Июля»¹⁰⁸; а также недатированная автобиография того времени, которая заслуживает особого внимания исследователя. Данный рукописный текст гласит:

«Автобиография

Н. М. Сарач

Ул. 3 июля № 8, кв. 5

Родилась в 1910 г. в Ленинграде. Отец военный врач. Детство до 15 лет провела на юге Украины и Кубани.

В 1927 окончила школу II ступени (IX групп). По окончании школы до момента смерти отца находилась на его иждивении (до 1931 г.). С 1931 г. работала в системе Западно-Сибирского ОГИЗа в городе Новосибирске, сперва продавщицей в книжном магазине, потом в самом издательстве, и с осени 1932 г. по декабрь 1933 г. в газете «Новосибирский рабочий». С января 1934 г. работала в городе Кировске, первое время литературным сотрудником в газете «Хибинский рабочий». А с 1935 г. в системе треста «Апатит» по курсовой части в качестве преподавателя математики в кружках техминимума и на стахановских курсах при ЦЭС и ЖДВ по декабрь 1936 г. Последнее время работала над своей книгой.

Н. Сарач».

Кроме уже упомянутых документов, в личном деле Н. М. Сарач из архива Санкт-Петербургского энергетического техникума сохраняются и следующие бумаги: свидетельство об образовании (справки о посещении ею средней школы в Ленинграде от 15 июля 1927 г. – она окончила полный курс I и II ступени 15-й единой трудовой школы, одного из престижных учебных заведений города на Неве, «причём обнаружила достаточные познание и развитие по всем обязательным предметам курса») и о предыдущей трудовой деятельности, а кроме этого, подтверждение о зачислении её в Ленинградский энергетический техникум от 14 февраля 1937 г.; заявление с просьбой о включении её в число студентов 1 курса от 27 июля того же года, а также подписанное зам. директора по учебной работе данного техникума распоряжение от 26 апреля 1938 г. об отчислении «за непосещение занятий» – это производит впечатление: о причине отсутствия на занятиях, т. е. об аресте студентки 1 апреля преподавательская общественность не была информирована; однако также не исключено, что такая запись была сделана специально, чтобы «своевременное» отчисление избавило техникум от ответственности. В личном деле имеется, кроме того, и студенческий билет от 31 марта 1938 г. с фотографией, который Н. М. Сарач уже не мог быть выдан.

Впрочем, фамилия «Гирей» в вышеупомянутых документах нигде не значится. Совершенно очевидно, что речь идёт о псевдониме, который начинающая писательница Н. Сарач взяла только в связи с публикацией её повести весной 1937 г. Известная из цитированной архивной справки, а также из анкеты арестованной фамилия Сарач-

¹⁰⁶ Архив Упр. ФСБ по С.-П. и Лен. обл., № П-72072.

¹⁰⁷ Архив С.-Петербургского энергетического техникума, оп. 1, ед. хр. 139–144.

¹⁰⁸ В момент ареста (01.04.1938 г.) Н. Сарач жила на Павловской ул., д. 10.

Ивановская появляется в личном деле только однажды, а именно – в справке о посещении школы от 15 июля 1927 г.

Рекомендательное письмо редакции от 7 февраля 1937 г. даёт нам кроме всего прочего понять, что книга, над которой молодой автор тогда работала и за которую она от журнала, начиная с того же месяца, «получала ежемесячное жалование по 30 р. в счёт платы за свою литературную работу», первоначально должна была называться «Паныч с фольварка»¹⁰⁹. По вышеупомянутой автобиографии (начало 1937 г.), Н. Сарач как дочь военного врача провела «детство до 15 лет на юге Украины и Кубани». Так что она была знакома с местами, откуда происходил главный герой её романа.

В автобиографии также повествуется о том, что Н. Сарач с момента окончания школы в 1927 году до смерти своего отца «находилась на его иждивении (до 1931 г.)». В вышецитированном уголовном деле, однако, значится, что отец Натальи ещё был жив до её ареста (в 1938 г.). В 1931–1933 гг. она, согласно автобиографии, работала в системе Западно-Сибирского ОГИЗа в Новосибирске, сначала продавщицей в книжном магазине, потом в самом издательстве и с осени 1932 г. – в редакции газеты «Новосибирский рабочий»; после чего переехала в г. Хибиногорск (Кировск) Ленинградской (с 1938 г. – Мурманской) области, где она с начала 1934 г. работала литературным сотрудником в редакции газеты «Хибиногорский рабочий», затем преподавателем русского языка и математики на стахановских курсах и курсах малограмотных, а впоследствии – в Управлении Железнодорожной ветки Северного горно-химического треста «Апатит». В соответствующих справках имеется стандартная формулировка, согласно которой она «за время своей работы проявила себя как хороший и добросовестный работник». Побуждение к изучению энергетики она получила, очевидно, на основе её деятельности в системе треста «Апатит».

6

В личном фонде писателя С. А. Семёнова (1893–1942), который тогда же в Ленгослитиздате был ответственным за работу с начинающими литераторами (и участвовал в вышеупомянутом расширенном заседании правления ЛО ССП по вопросу о творчестве молодых авторов 15 апреля 1937 г.), З. Ш. Тененбойму удалось обнаружить некоторые документы о Н. Гирей за 1937 год, в том числе автобиографию, а также четыре письма и почтовые открытки к писателю. Эти материалы из личного архива Семёнова, хранящегося в Рукописном отделе Российской Национальной библиотеки Санкт-Петербурга¹¹⁰, несомненно имеют отношение к планам Ленгослитиздата включить повесть «68-я параллель» в серию книг, приуроченных к двадцатой годовщине Октябрьской революции.

В автобиографии, датированной «23 V» (1937 г.)¹¹¹, говорится: «Родилась и выросла на Кубани. Отец военный врач, с 17 по 23 год служил в Красной Армии. По долгу службы ему приходилось много разъезжать. Мы в эти годы исколесили весь юго-запад Украины. Иногда мы с матерью оставались у кого-нибудь из бесчисленных родственников. Приходили, уходили белые, Петлюра, Махно, снова приходили красные. Отец возвращался. Родственники добрили и не попрекали больше нас, что мы всю семью в опасность ставим. После нескольких дней отдыха и благополучия мы укладывали вещи и ехали дальше».

В 1924 году отец демобилизовался и осел в Новороссийске. Работал курортным врачом. Но недолго было наше оседлое житие. Началась снова кочёвка. По линии Курорта. С 1924 года по 1929 г. объехали весь берег Чёрного моря¹¹².

В 1929 году осенью отец по советам друзей решил перебраться в большой город. Надо было мне „давать образование“. До этого я училась кое-как, урывками, однако успе-

¹⁰⁹ В опубликованной версии это название – подзаголовок повести.

¹¹⁰ РО РНБ СПб., ф. 685.

¹¹¹ См. некорректную архивную надпись на конверте: «Арх. Семёнова, С. А. [ф. 685] [ед. хр.] 643. / Гирей Наталья Максимовна. Автобиография её. 23 мая [1938]. 4 лл.».

¹¹² Как следует из письма Архива администрации г. Новороссийска к Г. Г. Ульшиной (Ростов-на-Дону) от 12.02.2010 г., «информации о деятельности Максима (!) Ивановского „по линии курорта“, о жизни его семьи в Новороссийске в архивах не выявлено, так как довоенные документы здравоохранения не сохранились из-за условий военного времени».

ла кончить 9-летку». О том, что это было в 1927 году, и именно в Ленинграде, автор данного биографического текста сознательно умалчивает. Вместо этого указана Москва.

«Перебрались в Москву в середине зимы. Мать умерла ещё в 1928¹¹³ году. Среди зимы поступать учиться было некуда. И я „вела хозяйство“, а фактически эту зиму ничего не делала и читала запоем. Большой город не понравился. Я боялась автомобилей и трамваев, и перейти улицу было мучением.

Отец в непривычном климате стал прихварывать. Поступила я на работу, штемпелевать какие-то карточки. Но работа была нудная, скучная. Это были не весёлые южные „приработки“ вроде сбора и упаковки фруктов, или карауления бахчей, а служба изо дня в день.

Зимой 1930–31 года отец умер, и я осталась одна-одинёшенька в чужой Москве. Знакомые, выразив сочувствие, перестали обращать на меня внимание. По вечерам я чувствовала себя совсем потерянной и ходила на все лекции о „дальних странах“. Кажется, вспыхнет на экране вместе с плёнкой о чужих краях моё кочевое детство, когда я была „дочкой“, а не затерянным никому не нужным человеком.

На одной из лекций приехали новосибирские писатели, и не помню уже как, но я сообразила, что Сибирь – это замечательная страна, и там можно найти дело поинтересней штемпелевания карточек. Взяла адреса, к счастью одна из школьных подруг оказалась в Новосибирске замужем за работником исполкома. Списавшись с ними, я приехала в Новосибирск. Сперва работала в магазине „Культовары“, потом в краевом издательстве, потом в газете. Квалификации не было. Платили мало»¹¹⁴.

По поводу выдумок Н. Сарач-Гирей следующее высказывание в её автобиографии заслуживает внимания: «В 1933 году я попала в Хибиногорск (теперь Кировск). Тут моя газетная карьера кончилась в три недели. Редактор нашёл, что у меня „чересчур живая фантазия“, а очерки „должны быть точной копией“. Кроме того, сотрудник городской газеты, который мечтает написать книгу – это нечто вроде неприлич[ное]»¹¹⁵.

Неподписанная автобиография Н. Гирей из наследия писателя Семёнова заканчивается словами: «С 1933 года работала в Кировске (б. Хибиногорск). Сперва (очень маленькое время) я работала в газете „Кировский рабочий“. Потом перепробовала пять или шесть работ, пока (с осени 1934 г.) не поступила на ЦЭС, где и работала по линии техпропаганды до 1937 года. В настоящее время учусь в Первом Ленинградском Энергетическом техникуме».

Первое из писем С. А. Семёнову с подписью «Н. Г.» датировано «22/VII» (1937 г.). В нём молодой литератор по-деловому сообщает писателю о состоянии своей рукописи для запланированного книжного издания. О выходе из печати неделю назад рецензии Макаренко там ничего не упоминается. В тот момент Н. Сарач-Гирей о роковой публикации, очевидно, ещё не знала.

От содержания и тона этого письма отличаются два других документа из наследия С. А. Семёнова – почтовая открытка от 13-го и письмо от 21 сентября 1937 г., т. е. спустя полтора месяца после заседания 2 августа по «вопросу Н. Гирей». На открытке без обратного адреса дословно говорится следующее:

«Сергей Александрович! Возьмите меня отсюда. Здесь самый воздух пропитан болью и человеческим горем. Я уже не думаю о радостной книге, я хочу только как-то внутренне выжить. Меня положили с пропойцами и тому подобное. У меня отняли право на моё человеческое горе. Возьмите меня. Мне хочется учиться, ходить по улицам, видеть мир. Лежишь, книг нет, мысли вертятся. Самое лучшее, если нельзя учиться, чтоб разрешили мне съездить в Москву к крестной. Два дня я поживу в атмосфере, где со мною будут ласковы. Здесь лучше, чем у Елены Ивановны¹¹⁶, но всё-таки очень уныло. Н. Гирей».

21 сентября она повторяет свою просьбу о помощи. На конверте данного письма написан обратный адрес: «Из психиатр. больн. Корпус № 12. Гирей Н. М.»¹¹⁷. В этом

¹¹³ Последняя цифра не ясна.

¹¹⁴ Последние две фразы Н. Г. зачеркнула.

¹¹⁵ Текст этого абзаца автором бы накрест перечёркнут.

¹¹⁶ Речь идёт, очевидно, об отделении больницы, которое возглавляла врач Елена Иванова.

¹¹⁷ Надпись на обороте конверта карандашом: «Н. Гирей, Павловская, 10, кв. 34. Гирей 6– 61– 57». Имеется в виду справочный телефон психбольницы, или у Н. Г. (возможно, в коммунальной квартире) был телефон.

письме говорится: «Я, правда, теперь причислена к полоумным, но всё-таки достаточно соображаю – быть запертой целые дни с 16 истеричками-алкоголичками, не имея ни книг под рукой, ни чем развлечься. [...] Пишу огрызком карандаша. Если хотите сохранить во мне хоть кусочек не измученного, не истерзанного до конца, возьмите меня как можно скорей отсюда».

С. А. Семёнов, очевидно, помогал Н. Сарач-Гирей. Это можно заключить из её почтовой открытки писателю от 01.10.1937 г. из санатория «Орлино» (Варшавская ж. д., ст. Строганово), где дословно говорится следующее:

«Дорогие Сергей Александрович и Наталия Георгиевна! Благодарю Вас ещё раз за всё внимание и заботы, которые от Вас видела. Здесь гуляю, ем, пью, отсыпаюсь. Чувствую себя неважно. Доктор запретил и думать о работе на этот месяц. Читаю исключительно „лёгкие“ книги. Катаюсь на лодках. Стараюсь ни о чём не думать, но, увы, это не так просто. В санатории ко мне очень внимательны. Палата маленькая, на двоих. Соседка тихая. Здесь развлекают кино и концертами, но мне приятнее всего гуляние, когда тихо и воздух.

Сердечный привет. Н. Гирей».

Согласно процитированным документам из наследия С. А. Семёнова, Наталья Гирей в середине сентября 1937 г. оказалась в психиатрической больнице. Вероятно, после того как она узнала о заседании правления Ленинградской писательской организации от 2 августа по «вопросу Н. Гирей», у неё появились признаки серьёзных психических отклонений. Тем не менее, за этим могли также стоять и меры, предпринятые С. А. Семёновым для предотвращения преследований писательницы. Какие-либо достоверные данные о заключении Н. Сарач-Гирей в августе или в сентябре в застенки НКВД – отсутствуют, не говоря уже о том, что из психбольниц для подсудимых в лечебно-оздоровительные учреждения статуса комфортного санатория «Орлино» в СССР в 30-е гг. люди обычно не попадали. Это, судя по всему, происходит благодаря С. А. Семёнову. Примечательно и то, что супруги Семёновы не боялись вести переписку с общественно клеймённым человеком¹¹⁸.

Установлено: осенью 1937 г. молодая писательница была включена в число студентов первого курса 1-го Ленинградского энергетического техникума. Характерно для Н. Сарач-Гирей то, что во всех своих автобиографиях, имеющих в наследии С. А. Семёнова, она ни разу не называла своего отчества.

В недатированной машинописной записке и. о. зав. сектором начинающего автора (фамилии и подписи нет) секретарю парткома Ленгослитиздата речь идёт о том, что «в секторе начинающего автора возник ряд сомнений по поводу личности Н. Гирей». Здесь упомянут известный в то время в культурной среде Ленинграда Д. И. Выгодский – переводчик художественной литературы с немецкого и испанского языков, член правления ЛО ССП¹¹⁹, редактор Ленгослитиздата – игравший в жизни молодой писательницы, очевидно, немаловажную роль. В этой служебной записке сообщается:

«Сомнения эти основываются на следующем:

1. Имеется две карточки на Гирей. Одна, заполненная и, по-видимому, со слов тов. Выгодского, указывает фамилию автора – Гирей-Ивановская Наталья *Дмитриевна*, дочь врача, причём указано, что образование незаконченное *высшее*. Вторая карточка, заполненная лично Гирей, даёт иные сведения: Сарач (Гирей) Наталья *Максимовна*, дочь военного командира, образование *среднее*¹²⁰.

2. Консультант сектора тов. Наумова утверждает, что она и поэтесса Р. Карельская знали Гирей по ленинградскому университету, причём Гирей носила фамилию Ивановская. Гирей категорически отрицает как факт обучения в ленинградском университете, [так и] факт ношения фамилии Ивановской.

¹¹⁸ Писатель С. А. Семёнов, очевидно на основании вышеупомянутой почтовой открытки Н. Гирей от 13.09.1937 г., уже раньше позаботился о переводе своей подопечной в санаторий. Это следует из точной датировки пребывания «Сарач Натальи Моисеевны» в психбольнице (ныне Городская психиатрическая больница № 3 им. И. И. Скворцова-Степанова) с 11 по 21 сент. 1937 г., о котором узнал З. Ш. Тененбойм в телефонном разговоре с работником архива больницы в ноябре 2009 г.

¹¹⁹ См.: РГАЛИ, 631–15–319, лл. 3, 6.

¹²⁰ Курсивы от меня. – Г. Х.

3. По имеющимся у нас сведениям, в паспорте Гирей указано место рождения – Ленинград, а в прилагаемой автобиографии местом рождения указана Кубань.

Ставя Вас в известность о наших сомнениях, прошу обеспечить возможность уточнения неясных мест в биографии Гирей».

Карандашное дополнение: «Со слов Выгодского. Гирей якобы рассказывала ей (Выгодской), что Гирей уехала в Кировск в качестве жены секретаря парткома (Таничева)¹²¹, прототипа «единственного „положительного“ персонажа повести»¹²² – секретаря парткома Ганичева. Несомненно, речь идёт об А. А. Таничеве («год рождения: 1899, национальность: великоросс., родной язык: русский, социальное положение: крестьянин»), который, как видно из его «Учётной карточки» ЦК ВКП (б), заполненной в 1933 году, в 1920 году стал член партии и с октября 1930 по февраль 1932 года был секретарём Горкома ВКП (б) г. Хибиногорск, а затем перешёл на должность директора «Нивагрэс»¹²³ (место работы: населённый пункт Нивастрой на реке Ниве в Карельской АССР¹²⁴). И это могло бы означать (по интерпретации З. Ш. Тененбойма), что Н. Гирей, которая в действительности приехала в Хибиногорск лишь в 1933-м или в начале 1934 года, выдаёт себя за «первую леди» Кировска!

На обороте данного документа: составленная С. А. Семёновым «Краткая биография писательницы Натальи Максимовны Гирей» – проект ответа секретарю парторганизации Ленгослитиздата (черновой автограф), которая в отличие от подобных ранее известных свидетельств содержит подробную информацию о происхождении и детстве последней. В нём говорится:

«Родилась в селе Мысхако, 6 кил. от Новороссийска (считает это место избою), в августе 22, в 1910 г. Крещена в Ленинграде в [1]911 в ноябре. Мать в 1912 г. вышла замуж за Ивановского (воен. врача).

В 1914 г. все вместе жили в Полоцке, уже во время войны.

В 1917 г. Ивановского выбрали в С.Р.К. и С.Д. [Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. – Г. Х.] в Могилёве¹²⁵.

Уншлихт¹²⁶ и Шапошников¹²⁷ хорошо знали Ивановского. По словам Гирей, с 1917 по 1924 год он служил у красных, в 1924 г. Ивановский демобилизовался.

С 1924 г. жили все вместе в Новоросс[ийске] до конца 1926 г., [отец] был врачом по курортн[ой] линии.

С 1927 по 1929 г. жили в Ялте, отец по-прежнему работ[ал] в курортн[ом] Упр[авлении]; похоронили в это время мать. Н. Г. посыл[али] (в 1929 г.) в Ленинград для поступл[ения] в Лен. Универс. Не поступила. Не выдержала приемн[ых экзаменов]. После этого „болталась“ месяц – затем уехала в Ялту. Всего была в Ленинграде около 2½ мес.¹²⁸».

После смерти отца (9 сентября 1931 г.) она («Ивановская»!) «уехала в Новосибирск, поступила на работу в книжный магазин – продавщицей (1 год), затем в издательство (Сибирск. Краевое) офсетчицей (2 пол), затем в газету «Новосиб. Рабоч.» – была около года (с ноября 1932 г. до осени 1933 г.). В декабре 1933 г. приехала в Ленинград (сидела у Выгодских, Выгодские уговорили ехать в Кировск – уехала).

Отец – военный врач (ромб.)¹²⁹».

¹²¹ РО РНБ СПб., 685–643.

¹²² Лим А. Враждебная повесть // Красная газета (Ленинград). 1937. № 172. 28.07. С. 3.

¹²³ Центральный госархив историко-политических документов (ЦГАИПД). СПб., 9088–1–3068, л. 58 с. об. (Сообщение Г. Г. Ульшиной в письме к автору от 8.04.2010 г.).

¹²⁴ Письмо Е. Н. Шталя (Кировск) к автору от 20.04.2020 г.

¹²⁵ По сообщению Госархива Могилёвской области в письме к автору от 02.07.2009 г., «сведений о составе рабоче-крестьянского Совета г. Могилёва в 1917 году, о семьях Сарач и Ивановского» в этом архиве не имеется.

¹²⁶ Уншлихт И. С. (1879–1938), сов. гос. и парт. деятель, был арестован в мае 1937 г. и казнён 28.07.1938 г.

¹²⁷ Шапошников Б. М. (1882–1945), сов. воен. и гос. деятель, воен. теоретик, Маршал Советского Союза.

¹²⁸ Здесь Н. Гирей замалчивает тот факт, что в 1926–27 гг. она училась в 15-й ленинградской школе, а значит – жила в Ленинграде.

¹²⁹ РО РНБ СПб., 685–261.

Согласно автобиографии для техникума, Наталья в 1927 г. окончила полный курс единой трудовой школы именно в Ленинграде, что подтверждается подлинником аттестата и упоминается в протоколе допроса от 1 апреля 1938 г. В декабре 1932 г. она была в Новосибирске, в январе 1933 г. – в Хибиногорске. То есть туда попала не из Ленинграда, а из Новосибирска. Из-за такого противоречия З. Ш. Тененбойм в письме ко мне выразил следующее предположение: не была ли Н. Сарач в Хибиногорск из Новосибирска сослана? Вспомним запись в протоколе допроса от 1 апреля 1938 г., о которой позднее она также «забывала» упомянуть во всех своих автобиографиях: «В 1931 г. была арестована ОГПУ. Под арестом находилась 5–6 месяцев. Освобождена без последствий»...

Выводы из процитированного документа сектора начинающего автора Ленгослит-издата: при упоминании о скончавшемся в 1931 году военном, а потом курортном враче Ивановском – речь идёт об *отчине* Натальи. Кроме того, у начинающей писательницы военный врач превратился в красного командира генеральского ранга. В упомянутом «уголовном» деле 1938 года значится, что отец (очевидно *родной отец* Моисей Сарач) во времена ареста дочери был ещё жив. Сведений об отчине здесь нет.

7

Автобиографическая «метаморфоза» Н. Сарач-Гирей определилась в 1937 году, в пору её вхождения в писательскую среду. Причина изменения отчества и умолчания о судьбе родного отца не установлена, хотя всё же можно предположить, что с середины 1930-х гг. в СССР решающее значение приобретает анкетная чистота и набирает силу государственный антисемитизм. Наталья всячески старается скрыть своё происхождение.

Цитированный выше протокол допроса от 1 апреля 1938 г. содержит по пункту «Социальное происхождение» подписанное Н. М. Сарач-Гирей заявление «дочь дворянина и помещика». При этом речь может идти о некорректной передаче данных из анкеты арестованного с подписью Н. М. Сарач того же дня, где говорится: «из дворян». В действительности же отец не был дворянином, дворянкой была мать. И она также, на что может указывать отчество, была не еврейского, а караимского происхождения.

Это явствует из документов личного дела студента Юридического факультета Императорского С.-Петербургского университета Моисея Мордхаевича (Марковича) Сарача, её отца, которые З. Ш. Тененбойм нашёл в материалах данного вуза за 1908–09 учебный год. Они сохранились в Центральном Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ф. 14, оп. 3, д. 52598).

М. М. Сарач происходит из Евпатории, одного из центров караимской жизни Крыма. Здесь в 1882 году он родился в семье Евпаторийского купца караимского вероисповедания Мордхая (Марка) Симовича Сарача и его жены Тотешь, ур[ожденной] Туршу (?)¹³⁰. Как и его отец, Моисей Маркович был Евпаторийским купцом караимского вероисповедания¹³¹. Обучаясь в Московской частной гимназии Ф. Креймана¹³², которая имела репутацию строгого учебного заведения, он с 1 мая по 3 июня 1908 г. подвергся испытанию на аттестат зрелости в Евпаторийской мужской гимназии¹³³ и в августе того же года поступил в Петербургский университет¹³⁴. В справочнике «Весь С.-Петербург на 1908 г.» Сарач Моисей Маркович был зарегистрирован как «куп[ец]» по адресу «Звенигородская, 22. Тлф. 1629»¹³⁵.

В 1906 году в Евангелическо-лютеранском приходе Св. Анны в С.-Петербурге были обвенчаны сын «покойного личного почётного гражданина» Моисей Сарач «с девицею Ольгой Шабуневич», дочерью Действительного статского советника Александра Адамовича Шабуневича (Помощника Управления эксплуатационного отдела Департамента железных дорог¹³⁶) и его жены Анны Степановны ур. Самохваловой, родившейся в 1887 году

¹³⁰ См.: ЦГИА СПб, 14–3–52598, док. №№ 23, 24, 28.

¹³¹ См.: там же, док. №№ 10, 11.

¹³² См.: там же, док. № 23.

¹³³ См.: там же, док. № 10.

¹³⁴ См.: там же, док. №№ 4, 13.

¹³⁵ Весь С.-Петербург на 1908 г. Отдел III: Алфавитный указатель жителей, с. 670, кол. 2.

¹³⁶ См.: Весь С.-Петербург на 1905 до 1910 г.

в Киеве, лютеранского вероисповедания, члена прихода Св. Анны¹³⁷. «Оба первоначальные»¹³⁸. Как видно из документов дела благородной девицы С.-Петербургского училища Ордена Св. Екатерины Ольги Шабуневич (за 1898–1900 гг.), которое З. Ш. Тененбойм нашёл в ноябре 2009 года в Центральном государственном историческом архиве города на Неве, её отец – Надворный Советник А. А. Шабуневич – на тот момент был Начальником Коммерческого отдела Департамента железных дорог. Как «постоянное место жительства» семьи Шабуневич в документах данного дела указан адрес: С.-Петербург, Ямская ул., д. 27, кв. 9¹³⁹. На основании «промыслового свидетельства на промышленное предприятие V разряда», выданного Евпаторийской Городской Управой, М. М. Сарач «вместе с членами своего семейства» («жена Ольга Александровна, 20 л.») в конце 1907 г. был «записан в Евпаторийское Купечество второй гильдии на 1908 г. Посему Сарач с означенными членами семейства [...] имеет право по 31 декабря 1908 г. пользоваться Купеческим званием второй гильдии и всеми преимуществами, присвоенными по закону, купечеству этой гильдии 29 дек. 1907 г.»¹⁴⁰. В книгах «Весь С.-Петербург» на 1908 до 1911 гг. Ольга не упомянута, а М. М. Сарач был зарегистрирован по адресу Звенигородская, 22, т. е. он проживал вместе с женой у её родителей. В этой семье 9 августа (по новому стилю – 22 августа) 1910 г. родилась Наталья Сарач. В документах личного дела студента Моисея Сарача это событие упомянуто¹⁴¹, но там отсутствуют данные о месте рождения Натальи. Её крестины состоялись 21 ноября (4 декабря) 1910 г. в С.-Петербурге, а именно в Екатерининской церкви при петербургском Училище правоведения. Это следует из метрической церковной книги¹⁴². Бросается в глаза, что в изданиях «Весь С.-Петербург» на 1910 и 1911 гг. также числится лишь М. М. Сарач (без названия профессии, но с указанием того же адреса и телефона, что и в аналогичном справочнике за 1908 год)¹⁴³. Причиной этого, безусловно, было то обстоятельство, что семейный союз Моисея Марковича и Ольги Александровны просуществовал лишь короткое время. Ещё 9 февраля 1911 г. С.-Петербургская Евангелическо-Лютеранская Консистория – «на основании 374 статьи 2 п. Устава о духовных делах иностранных вероисповеданий (часть I, том XI Свода Законов Империи, издания 1896 г.)» – постановила, что брак подлежит расторжению; мужу, «на основании статьи 375 того же Устава, вступление в новый брак воспрещается». В обоснование этого решения говорится: «ответчик [М. М. Сарач. – Г. Х.] фактически покинул жену свою и категорически отказывается продолжать с ней супружескую жизнь». По желанию матери ребёнка было решено оставить с ней. При этом Консистория указывала «на то обстоятельство, что таковому в его нежном возрасте, во всяком случае, необходимы заботы о нём матери, и что только последняя располагает средствами, необходимыми для воспитания ребёнка и попечения о нём»¹⁴⁴. На документе имеется пометка «Перевод с немецкого». Поэтому не исключено, что мать или бабушка Наташи по национальности была немкой.

19 апреля 1912 г. ректор С.-Петербургского университета выдал студенту Юридического факультета М. М. Сарачу свидетельство «в том, что со стороны Университетского начальства не встречается препятствий к вступлению его, Сарача, во второй законный брак с дев. Евдокией Андреевн[ой] Галуновой при наличии условий, необходимых для вступления в брак (Св. Зак. Гражд. Т. X, ч. I, ст.ст. 1–33)»¹⁴⁵, т. е. «если таковой будет разрешён духовным начальством»¹⁴⁶. Е. А. Галунова, род. в 1888 году, была также евангелическо-лютеранского вероисповедания.

Этот новый семейный союз был заключён 8 января 1913 г.¹⁴⁷, и справочник «Весь С.-Петербург» на упомянутый год уже содержит следующую запись: «Сарач Евд. Андр.

¹³⁷ См.: ЦГИА СПб. 14–3–52598, док. № 28.

¹³⁸ Там же, 19–127–2407.

¹³⁹ Там же, 3–1–3377.

¹⁴⁰ Там же, 14–3–52598, док. № 29.

¹⁴¹ См.: там же, док. № 28.

¹⁴² См.: там же, 19–127–2407.

¹⁴³ См.: Весь С.-Петербург на 1908 г., с. 670, кол. 2.

¹⁴⁴ ЦГИА СПб. 14–3–52598, док. № 36.

¹⁴⁵ Там же, док. № 38.

¹⁴⁶ Там же, док. № 36.

¹⁴⁷ См.: там же, док. № 25–26.

Каменноостр. пр. 38. Т. 21376»¹⁴⁸. Через год в данной квартире зарегистрирован и «Сарач Моис. Марк.» – без указания профессии¹⁴⁹ (он в то время ещё был студентом). Как «совершенно неспособного к военной службе»¹⁵⁰ Евпаторийское Уездное воинское присутствие его ещё в 1903 году освободило «навсегда» от службы. В январе 1915 г., «как не внёсший плату»¹⁵¹, он был уволен из студентов¹⁵², а через два месяца вновь принят в Петроградский университет¹⁵³. Однако уже в мае 1915 г. он просил декана Юридического факультета о выдаче выпускного свидетельства¹⁵⁴. Из этого можно заключить, что данный факультет М. М. Сарач не окончил, по крайней мере, на то время.

В указанной квартире на Каменноостровском проспекте семья Сарач-Голуновой жила ещё в 1917 году¹⁵⁵. Там же, наверное, появился и упоминаемый в протоколе допроса Н. М. Сарач-Гирей от 1 апреля 1938 г. её «брат Андрей Сарач». Позже эта семья, по всем данным, переселилась на Украину. Возможно, это было, как и у многих других состоятельных петроградцев, бегство от эпидемии Испанского гриппа, который в 1919 году свирепствовал в столице.

О дальнейшей судьбе этой семьи некоторые данные по просьбе З. Ш. Тененбойма сумела выяснить директор Музея истории С.-Петербургского Государственного Технологического института (ТУ) О. В. Щербинина в октябре 2009 г. из дела студента Ленинградского Химико-технологического института им. Ленсовета А. М. Сарача¹⁵⁶. Оттуда узнаём, что Андрей Моисеевич, род. в 1914 году в г. Евпатории быв. Таврич. губернии; «национальность: караим, подданство: СССР»; в 1929 году в г. Мелитополе окончил трудшкола, с 1929 г. по 1931 г. «в сельхозе [сельском хозяйстве. – Г. Х.]» работал слесарем, с 1931 г. по 1933 г. учился в ФЗУ при депо ст. Мелитополь и до 1934 г. работал слесарем на одном из заводов; с 1934 г. по 1935 г. учился на рабфаке ЛХТИ и после этого на Технологическом факультете данного вуза (окончил в 1940 г.). В качестве адреса студент в 1935 г. называет две квартиры: в Днепропетровске (I Чечелевка, д. 42, кв. 2 – «постоянное местожительство семьи») и Ленинграде (Плеханова, д. 6, кв. 9). В аттестате 1939 г. отмечено: «Б/п, успеваемость средняя, недостаточно дисциплинирован. Не внушает политического доверия». В этом же документе говорится о родителях А. М. Сарача: «Отец с 1916 г. по 1921 г. занимался юридической практикой. С 1921 г. работал юрисконсультантом в Днепропетровске. В 1938 г. арестован органами НКВД. Мать работает педагогом в средней школе на ст. Божедаровка» (ж. д. линия Верховцево – Кривой Рог). Впрочем, в анкетах данного дела студент не даёт никакой информации о сестре.

О судьбе отца Натальи и Андрея Сарач свидетельствует «Наукове видання „Реабілітовані історією“. Дніпропетровська область». Книга друга. Дніпропетровськ, 2000 р., стр. 827. Здесь говорится (перевод с укр. языка): «САРАЧ Моисей Маркович, 1882 р., г. Евпатория, еврей (!), юрисконсульт треста „Трубоцеталь“. 15.10.1938 р. обвинён в участии в повстанческой организации, расстрелян. Реабилитирован 01.09.1989 г.».

Об отчине Натальи минимум необходимых сведений по моей просьбе смогла раздобыть Наталья Высоцкая в феврале 2010 г. в Госархиве Автономной республики Крым (ГААРК; Симферополь) из фонда «Курортный трест (куртрест) общегосударственного значения (Южного берега Крыма) Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, г. Ялта». Врач Люциан (!) Романович Ивановский – род. в 1876 году в Ленинграде, высшее образование (выпускник Военно-медицинской академии в 1900 г.), беспартийный¹⁵⁷, женат на Ольге Александровне Шабуневич, «имена и время рождения детей, адрес их: Наталия 1909 (!) года»¹⁵⁸, на службе этого управления (треста) состоял с октября 1926 г. по март 1930 г. «в следующих должностях:

¹⁴⁸ См.: Весь С.-Петербург на 1913 г., с. 563, кол. 1.

¹⁴⁹ Весь Петроград на 1914 г., с. 586, кол. 3.

¹⁵⁰ ЦГИА СПб. 14–3–52598, док. №№ 27, 31.

¹⁵¹ Там же, док. № 5.

¹⁵² См.: там же, док. №№ 5, 13.

¹⁵³ См.: там же, док. № 13.

¹⁵⁴ См.: там же, док. № 12.

¹⁵⁵ Весь Петроград на 1917 г., с. 608, кол. 1.

¹⁵⁶ Музей истории СПбГТИ (ТУ) и архив, дело № 271. 1935/36 уч. г.

¹⁵⁷ ГААРК, р. 2758–1–111, л. 285 об.

¹⁵⁸ Там же, л. 255 с об.

1) С 20-го октября 1926 года – главврач Медуправления Крымкурупра, а с 1-го января 1927 года – главврач курортов Южного берега Крыма, состоя одновременно с 1-го мая 1927 года по 8-ое марта 1928 года – в должности директора Центральной поликлиники Южкрымкурупра в Ялте, с возложением на него с 8-го марта 1928 года обязанностей главсанврача курортов.

2) С 17-го мая 1928 года по 10-е марта 1930 года в должности главсанврача курортов Южного берега Крыма с совмещением обязанностей главврача курортов.

Освобождён от занимаемой должности, согласно его заявления»¹⁵⁹.

По всей вероятности Л. Р. Ивановский вынужден был уйти с работы по причине болезни. Однако о месте его смерти в сентябре 1931 г. до сих пор точно ничего не известно. Возможно, это была Москва.

В «Списке по службе врача Ивановского Люциана Романовича», составленном 17.11.1926 г., кроме приведённых выше данных, особенный интерес представляют следующие сведения: до 1 марта 1917 г. (до Февральской революции) он работал «начальником госпиталя № 4 РОКК [Российское общество Красного Креста]», а «с 1917 года в Ставке Главковерха [Верховного главнокомандующего]»; а на вопрос «Служил ли в Красной Армии, и с какого времени и на каких должностях» Ивановский отвечает: «Со дня основания Военно-санит. инспектором при Военном совете и Военно-санитарным инспектором Реввоенсовета Республики». Под Революционным военным советом Республики (с августа 1923 г. – СССР) имеется в виду коллегиальный орган высшей военной власти. Вспоминаем: Наталья Сарач в беседе с С. А. Семёновым (1937 год) подчеркнула, что И. С. Уншлихт «хорошо знал Ивановского»; с 1923 года Уншлихт был членом, а с 1925 по 1930 гг. заместителем председателя Реввоенсовета СССР. В графе «Фамилия, имя и отчество ближайших родственников (отца, матери, братьев, сестёр), адрес их» списка по службе 1926 года Ивановский написал: «Мать – Мария Петровна. Брат – Роман Романович».

Сёстры – Мария, Елена находятся в Польше, но где не знаю, сведений не имею», а в «Трудовом списке» Л. Р. Ивановского («врача со стажем 18 лет»), составленном в 1930 году, в графе «Национальность» написано «поляк»¹⁶⁰.

По всей вероятности, это явилось причиной того, почему Н. Сарач-Гирей как падчерица поляка – представителя одного из национальных меньшинств СССР, которые в году Большого террора подвергались репрессиям, в беседе с другими начинающими писательницами в 1937 году «категорически отрицала [...] факт ношения [очевидно в 1929 году. – Г. Х.] фамилии Ивановской», а также изменила отчество «Люциановна» на «Дмитриевна».

8

Вернёмся к роковому для Натальи 1938 году. Вышеупомянутый писатель и переводчик Д. И. Выгодский был арестован 14 февраля того же года – сразу же после заседания секретариата ЛО ССП, в котором он как член правления участвовал, а именно совместно с женой Э. И. Выгодской, детской писательницей, переведённой на заседании из кандидатов в члены ССП¹⁶¹. Выгодский был 23 июля 1940 г. обвинён в совершении преступлений по ст. 58–8 УК РСФСР (террористические акты), 58–10 (антисоветская агитация и пропаганда) и 58–11 (организационная деятельность, направленная к совершенно контрреволюционного преступления), приговорён к 5 годам ИТЛ; умер в 1943 году в Карагандинском ИТЛ¹⁶². З. Ш. Тененбойм в письме ко мне высказал предположение: не исключено, что обвинённая по ст. 58–10 и 58–11 УК Наталья Гирей 1 апреля 1938 г. была арестована в порядке продолжения «дела» Выгодского, «за связь с врагом народа»...

Арест Н. Гирей обязывал руководство «Ленсоюза» предпринять меры против тех двух активистов из своих рядов, которые были ответственны за принятие в апреле 1937 г.

¹⁵⁹ Там же, л. 282.

¹⁶⁰ Там же, л. 285 об.

¹⁶¹ См.: РГАЛИ, 631–15–319, лл. 6–7 (здесь: л. 6).

¹⁶² См.: Распятие: Писатели – жертвы политических репрессий / Авт.-сост. З. Л. Дичаров. Ист.-мемор. комис. Союза писателей Санкт-Петербурга – Северо-Запад. Т. 1: Тайное становится явным. – СПб., 1993. С. 127–128.

начинающей писательницы в кандидаты на членство в ССП. Соответствующие документы мне удалось обнаружить среди копий материалов Ленинградского отделения, которые сохранились в РГАЛИ (фонд Союза советских писателей). Они также подтверждают, что Н. Гирей, несмотря на жёстко отрицательную оценку её повести А. Макаренко, до ареста была полноправным кандидатом в члены ССП. Следовательно, арест не был инициативой Союза писателей.

Вот два протокола заседаний секретариата «Ленсоюза». В них, в частности, удостоверяется:

1. Заседание от 13 марта 1938 г.

«Слушали: О т. Гирей.

Постановили: Просить т. Семёнова С. А. связаться с администрацией Гос. Университета от имени Союза Писателей и просить о выдаче стипендии т. Гирей»¹⁶³.

2. Заседание от 14 апреля 1938 г.

«Слушали: Об исключении Гирей из Союза Писателей.

Постановили: Исключить Гирей из Союза Писателей, как арестованную органами НКВД.

На след. заседании Правления вызвать т.т. Козакова и Мессер для обсуждения рекомендации Гирей в Союз»¹⁶⁴.

Протокол соответствующего заседания правления ЛО ССП всё ещё не удалось обнаружить, поэтому пока неизвестно, какие меры были приняты в отношении этих лиц. Во всяком случае, они не были репрессированы и всё ещё могли продолжать заниматься своей писательской и редакторской работой. Известно, что Козаков после войны выступал как автор-драматург сценических постановок произведений Макаренко (!), а Мессер в 1950 году получила степень кандидата филологических наук¹⁶⁵.

О первых этапах пребывания Н. М. Сарач-Гирей в застенках НКВД Пермской (Молотовской) области информирует архивная справка № 346730 от 17.11.2009 г., полученная ростовской писательницей Галиной Ульшиной¹⁶⁶ из архива Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний (ГУФСИН) по Пермскому краю, г. Соликамск (через Ростовское УФСБ). В этой справке, составленной на основании архивной карточки № 26975, говорится следующее: «Сарач-Гирей Наталия Моисеевна, 1910 года рождения, русская, электромонтажница, уроженка г. Ленинграда. Осуждена 08.10.1938 г. О[собым] С[овещанием] НКВД СССР за контрреволюционную агитацию сроком на 5 лет. Начало срока 01.04.1938 г. Конец срока 01.04.1943 г. В Усольлаг прибыла 20.11.1938 г., в Комендантский Отдельный Лагерный пункт (КОЛП) Соликамского района Молотовской области (ныне Пермского края) прибыла 29.04.1939 г., в пересыльный пункт Соликамского района [...] прибыла 16.05.1939 г., убыла 31.10.1939 г. в Соликамскую тюрьму [...]».

Дополнительная информация о Сарач-Гирей включена в другую архивную справку (№ 90 от 21.01.2010 г.), которую Г. Г. Ульшина получила из УФСБ по Пермскому краю. В этом документе, составленном на основании архивного уголовного дела № 8794, ф. 643/2, оп. 1, карточки № 26975, хранящемся в Пермском госархиве новейшей истории, о Н. М. Сарач-Гирей говорится следующее: «уроженка г. Новороссийска, русская, образование среднее, служащая, беспартийная, социальное происхождение – из дворян, дочь Казачьего есаула (!), отец служил в белой армии, в 1920 году расстрелян красными». Таким образом осуждённая несомненно стремилась скрыть своё караимское происхождение.

Как свидетельствует Книга памяти жертв политических репрессий Пермской области «Годы террора», Н. Сарач-Гирей во время отбывания наказания получила «второй срок»: она вновь была приговорена за «контрреволюционную агитацию», в этот раз на десять лет. В пермской книге указано: «Сарач-Гирей Наталья Максимовна, р. 1910, г. Новороссийск, Краснодарский край. Русская. Арестована 25.07.1939. Место ареста: ОЛП

¹⁶³ РГАЛИ, 631–15–319, л. 10.

¹⁶⁴ Там же, лл. 12–16 (здесь: л. 16). Постановление секретариата «об исключении Гирей» было подтверждено на заседании правления ЛО ССП совместно с активом от 23.04.1938 г.; см.: РГАЛИ, 631–15–319, л. 18.

¹⁶⁵ См.: там же, 631–24–206, л. 28.

¹⁶⁶ Как сообщает Г. Г. Ульшина в письме к автору от 23.09.2009 г., она собирает материал для романа, в основу которого ляжет жизнь Н. М. Сарач.

Селянка Усольлага НКВД. Осуждена 05.11.1939. Обвинение: КРА. Приговор: 10 лет лишения свободы»¹⁶⁷. И вновь репрессированная представлялась не Натальей Моисеевной, а Натальей Максимовной, и родилась не в Ленинграде, а в Новороссийске.

О вынесении приговора «десять лет лишения свободы» в вышеупомянутой второй архивной справке более подробно говорится: «1 октября 1939 года осуждена Постоянной сессией по уголовным делам Пермского областного суда в г. Соликамске по рассмотрению дел Усольлага НКВД. Обвинялась в том, что, отбывая наказание в Усольлаге НКВД, проводила среди заключённых контрреволюционную агитацию, клеветала на советскую власть, восхваляла фашистский строй в Германии, срывала выполнение производственного плана, систематически отказывалась от работы. Суд, считая, что Сарач-Гирей Н. М. является особо опасным элементом в лагерной жизни, приговорил подвергнуть её по ст. 58–10 ч. 2 к высшей мере наказания – расстрелу.

5 ноября 1939 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР переqualificировала преступление Сарач-Гирей Наталии Максимовны на ст. 58-10 ч.1. УК РСФСР и определила меру наказания 10 лет тюремного заключения с поражением в правах 5 лет.

В связи с тем, что Верховный суд в своём решении не указал начало отбывания срока, 7 апреля 1948 года Молотовской областной суд вынес определение: начало срока осуждённой Сарач-Гирей Н. М. исчислять с момента вынесения приговора 1.10.1939 года. Копия указанного дела была выслана в тюрьму г. Владимира». В этом застенке она на тот момент (апрель 1948 г.) очевидно, находилась – возможно, и до конца срока тюремного заключения (01.10.1949 г.). Однако до сих пор мы не точно знаем, когда Сарач-Гирей освободили из заключения. После этого она могла быть сравнительно свободной – но бывшие заключённые, как известно, «поражались в правах», т. е. им не разрешили выехать за черту оседлости.

Между тем, в сведениях, записанных в электронном справочнике «Жертвы политического террора в СССР», значится: «Сарач-Султан-Гирей Наталья Максимовна, родилась в 1910 г., Краснодарский край, арестована в 1950 г.»¹⁶⁸. Источник: «Книга памяти Республики Киргизия».

Подробности об этом «третьем сроке» долго не были известны. Но в конце декабря 2009 г. Галина Ульшина на свой запрос в УФСБ России по Ростовской области получила ответ, в котором данное управление информирует, что «по сведениям, полученным из ГИАЦ МВД России, значится:

«Султан (Сарач-Гирей) Наталья Максимовна, 1912 (1910) года рождения, уроженка ст. Новороссийская, была осуждена [...] 28.11.1950 года Судебной коллегией Исык-Кульского облсуда Киргизской ССР по ст. 58–10 ч. 2 УК к 10 годам лишения свободы.

Освобождена 09.07.1956 года по Определению Молотовского облсуда от 04.07.1956 года в соответствии с указом от 14.07.1954 года из мест лишения свободы Молотовской области. Постановлением ПВС Киргизской ССР от 15.02.1990 года приговор 28.11.50 отменён за отсутствием состава преступления. Архивный номер 9884-СУ КГБ Киргизская ССР». Как видно из письма УФСБ России по Ростовской области № 115/6/13-У1277 от 01.02.2010 г. к Г. Г. Ульшиной, в адрес данного управления «поступил ответ из УГСНБ Кыргызстана следующего содержания:

«По материалам архивного уголовного дела Сарач-Султан-Гирей Наталья Максимовна, 1910 г. р., уроженка ст. Новороссийская, Краснодарского края, по национальности черкешенка (!), беспартийная, образование высшее, преподавала английский язык в школе, разведена (!), детей нет. Имеет две судимости: первый раз судима в 1938 году ОС при НКВД СССР по ст. 58–10 ч. 2 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы; в 1939 году Пермским областным судом за антисоветскую агитацию в местах лишения свободы по ст. 58–10 ч. 2 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет.

07.09.1950 года арестована по признакам ст. 58–10 ч. 1 УК РСФСР. До ареста проживала в совхозе „Тамчи“ Исык-Кульской области, Киргизской ССР. Работала сторожем на Рыбачинском лесосплавном комбинате.

¹⁶⁷ <http://politarchive.perm.ru/book/375.htm>

¹⁶⁸ Курсив от меня. – Г. Х.

23. [28.?]11.1950 года решением Судебной коллегии по уголовным делам Иссык-Кульского областного суда приговорена к 25 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет.

08.02.1955 года решением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Киргизской ССР приговор изменён, и мера наказания снижена до 10 лет ИТЛ. 15.02.1990 года Постановлением Президиума Верховного суда Киргизской ССР дело в отношении Сарач-Султан-Гирей Н. М. производством прекращено за отсутствием состава преступления». Как говорится в пермской архивной справке от 21.01.2010 г., «Сарач-Гирей была реабилитирована 22 декабря 1992 года».

9

В Ростове-на-Дону Н. М. Сарач жила с 1976 года¹⁶⁹, в очень бедных условиях – первые годы летом в угольном сарайчике, зимой в уголке, где стояла её кровать; позднее – в маленькой комнатке коммунальной квартиры. Преподавая английский и немецкий языки, она договаривалась с родителями своих учеников об условиях: у одних обедала, у других раз в неделю принимала ванну. Позже она вела практику по английскому языку у студентов медицинского института – африканцев, арабов. Много работала в библиотеках¹⁷⁰.

Как свидетельствует А. Н. Крахалев (директор издательства «АКРА» и автор проекта по изданию произведения Н. Султан-Гирей «Дитя века») в телефонном разговоре с З. Ш. Тененбоймом (30.10.2008 г.), в заключении Наталья написала «с десятков книг», а после распада СССР успела опубликовать в названном издательстве (также под фамилией «Султан-Гирей») два своих исторических романа, действие которых разворачивается в Италии: «Рубикон» (о Цезаре, 1993) и «Флорентийский изгнанник» (о Данте; 1996)¹⁷¹. В 1995 году в возрасте 85 лет Наталья Султан-Гирей была принята в Союз российских писателей¹⁷².

На основании справки о захоронении Н. М. Султан-Гирей 12 сентября 2001 г. (выданной О. А. Лукьянченко администрацией Северного кладбища г. Ростова-на-Дону 26.04.2010 г.), можно сделать вывод, что показания некоторых достоверных свидетелей (В. В. Безбожного, И. И. Бобовича, Галины Цой) в беседах с Г. Г. Ульшиной о том, что писательница умерла 8 сентября 2001 г.¹⁷³ на 92-м году жизни, соответствуют действительности, а дата смерти 9 августа 2001 г., включённая в книгу «Дон литературный» (гл. редактор и составитель Г. Губанов; Ростов, 2006, стр. 400–401), ошибочная.

После кончины писательницы в ростовском журнале «Донское слово» были опубликованы несколько глав из её обширного художественного произведения автобиографического характера «Дитя века».

Сообщение А. Н. Крахалева, запись в электронном справочнике «Biografija.ru» (2006–2008)¹⁷⁴ и краткая биографическая справка о Н. Султан-Гирей в справочнике «Культура Дона в лицах», Ростовское книжное издательство (Ростиздат), 1997, позволяют сделать вывод, что эти новые биографические данные были составлены и отобраны самой писательницей. Предстоит проверить, что в них вымысел, а что правда:

¹⁶⁹ Раньше, после освобождения из ГУЛАГа, Наталья жила у родственников в Батайске Ростовской области (информация Г. Г. Ульшиной в письмах к автору от 27 и 29.09.2009 г.).

¹⁷⁰ Информация Г. Г. Ульшиной в письмах к автору от 29.09, 04.10.2009 г.

¹⁷¹ Рукопись третьего исторического романа Н. Султан-Гирей «Митридат», которую она, очевидно, представила для публикации в одно из московских издательств, хранится в РГАЛИ (631–1–9). По крайней мере ещё одна рукопись повести ростовской писательницы, как сообщает Г. Г. Ульшина в письме к автору от 08.11.2009 г., в Ленинграде была передана в один из журналов, но опубликована, по всей вероятности, под чужой фамилией.

¹⁷² Информация Г. Г. Ульшиной в письме к автору от 18.10.2009 г. Во время первой встречи с председателем Ростовского отделения СРП Н. М. Егоровым Наталья Максимовна Султан-Гирей так объясняла своё происхождение: «Султан-Гирей – мусульмане. А бабушка моя – итальянка, а мама – француженка. Обе католички»; см. книгу Егорова «Мастера: воспоминания о писателях и художниках» (Ростов-на-Дону, 2005. С. 126).

¹⁷³ Информация Г. Г. Ульшиной в письме к автору от 27.04.2010 г.

¹⁷⁴ http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=122344

1. «Родилась 22 августа 1910 г.¹⁷⁵ в Генуе, Италия (!)».
2. «У неё прекрасное образование. Говорит на итальянском, французском, английском и испанском языках»¹⁷⁶; «окончила (!) ф-т языково-материальной культуры ЛГУ»¹⁷⁷.
3. «Только за то, что родом она происходила из известной семьи, Наталья Максимовна Султан-Гирей шесть лет провела в лагерях ГУЛАГа».

В журнале «Донское слово» (главный редактор: А. Крахалев) были опубликованы пять частей из произведения «Дитя века» с подзаголовком «Повесть о моей современнице». Эти весьма объёмистые публикации 2006–2007 гг.¹⁷⁸ подтверждают вышеупомянутое высказывание А. Н. Крахалева в телефонном разговоре с З. Ш. Тененбоймом о том, что данное произведение ориентировано в значительной степени на автобиографию Н. Султан-Гирей. Так, «современница» тоже родилась в 1910 году, важнейшие события повести происходят в Крыму, месте происхождения родного отца писательницы, его предков и родни; главная героиня повести росла при матери и отчине – Люциане Ромуальдовиче («Люцик»), красном командире в генеральской должности (в повести, однако, отец не рано ушёл от жены, а – что является более героическим поступком – погиб в мировую войну). Бросаются в глаза также совпадения возраста и причины неожиданной смерти действительной и литературной матери, нерегулярное обучение дочери в школе, смерть отчима и прочее. Однако самое приметное – точное совпадение весьма редкой фамилии: мать писательницы – Ольга Шабуневич, а в повести мать главной героини зовут Ольга («Олечка»), но фамилия итальянская; зато отчим имеет фамилию Шабуневич.

Примечательна также и трансформация происхождения «современницы», которая в повести носит имя Валерия. Её дед и бабушка (по материнской линии) в своё время выехали в Италию, где она и родилась (в Генуе). Отец Валерии изображён весьма положительным «русским офицером», выпускником элитарного петербургского пажееского корпуса¹⁷⁹, «князем»¹⁸⁰, «красавцем»¹⁸¹. Зовут его Селим-бей, из чего следует, что Валерия из крымских татар и «княжна»¹⁸². Возвращение матери с девочкой в Россию (о котором упомянуто сразу же в начале произведения) датировано временем, когда дочери «двух лет не было»¹⁸³ – больше чем через год после крестин будущей писательницы, которые, как это показано выше, состоялись ещё в год её рождения в С.-Петербурге.

Нерусское происхождение матери сохранено в повести, где она фигурирует как «иностранка»¹⁸⁴; в то же время здесь есть лишь беглое, безразличное или нелестное упоминание о караимах¹⁸⁵. На их месте в произведении «Дитя века» – крымские татары. Так что по автору и содержанию повести Валерия предстаёт перед читателем как: «Азиатка! Настоящая татарка!»¹⁸⁶, «татарская девушка»¹⁸⁷, которая «ненавидела в себе эту дику азиатскую кровь, не сознавая, что именно это Чингисханово наследие предаёт ей и жизнестойкость, и отважность»¹⁸⁸.

Впрочем, выбор писательского псевдонима «Гирей» в 1937 году, отмеченном российским национализмом, должен рассматриваться в значении «декараимизации» происхождения отца Н. Сарач. И спустя полвека, в «главной книге её жизни», как говорится в «Слове редактора» в связи с публикацией первой части повести «Дитя века»¹⁸⁹, Наталья

¹⁷⁵ В справочнике «Biografija.ru» опечатка: родилась «22.02 (!).1910».

¹⁷⁶ Культура Дона в лицах. С. 112.

¹⁷⁷ А. Н. Крахалев в телефонном разговоре с З. Ш. Тененбоймом (30.11.2008 г.).

¹⁷⁸ Донское слово. 2006. № 1. С. 9–55; 2006. № 2. С. 33–58; 2006. № 3. С. 89–128; 2007. № 1 (4). С. 39–63; 2007. № 2 (5) (подпис. к печати 02.10.2007 г.). С. 30–57.

¹⁷⁹ Там же. 2006. № 1. С. 9.

¹⁸⁰ Там же. 2006. № 2. С. 58.

¹⁸¹ Там же. 2007. № 4. С. 43.

¹⁸² Там же. 2006. № 2. С. 57.

¹⁸³ Там же. 2006. № 1. С. 9.

¹⁸⁴ Там же. 2006. № 1. С. 9.

¹⁸⁵ См. там же. 2007. № 4. С. 39.

¹⁸⁶ Там же. 2006. № 1. С. 54.

¹⁸⁷ Там же. 2007. № 4. С. 43.

¹⁸⁸ Там же. 2007. № 2. С. 56.

¹⁸⁹ Там же. 2006. № 1. С. 2.

поднимает эту престижность на невыносимую высоту. Теперь она Султан-Гирей, прямой потомок рода Чингисхана¹⁹⁰.

Имя «Гирей» известно давно. Это могущественная династия крымских ханов (XV–XVIII вв.), потомки которой после присоединения Крыма к Российской империи имели немалые заслуги перед ней и соответствующие высшей знати привилегии. Только после развала Советского Союза Н. Султан-Гирей призналась в своём происхождении и стала членом Ростовской караимской национально-культурной общины, что удостоверял его многолетний председатель И. И. Бобович¹⁹¹. Интересная деталь: в беседе с приятельницей Н. М. Султан-Гирей Галиной Цой, русской женщиной, Бобович утверждал, что «Н. М. приняла караизм как вероучение»¹⁹².

В противоположность «Слову редактора», произведение «Дитя века», по всей вероятности, является не «последним романом»¹⁹³ писательницы. Необходимо исходить из того, что эта повесть была задумана и даже в значительной степени написана ещё при советской власти – иначе трансформацию национального происхождения главной героини повести по линии отца едва ли можно объяснить.

Предположение о раннем начале работы над этим произведением косвенно подтверждается авторскими данными при публикации его первых глав: вместо «Наталья Султан-Гирей» – под этим именем с 1993 года выходили в свет книги писательницы; под ним же она представлена в колонке редактора в соответствующем издании «Донского слова», а также в легенде к её портретной фотографии на первой странице публикации – там, как и в оглавлении данного номера журнала, исходя, по всей вероятности, из авторской рукописи, создателем повести значится «Наталья Гирей»¹⁹⁴. При публикации последующих частей эта «ошибка» была устранена.

Выбор фамилии Гирей позволяет, на мой взгляд, сделать вывод о том, что автор произведения «Дитя века» при работе над ним сначала намеревалась придерживаться использованного ей ещё в 1937 году псевдонима «Наталья Гирей» и таким образом сознательно обращается к истокам своей писательской деятельности.

Данный анализ опубликованных частей повести «Дитя века», проведённый совместно с В. Г. Бейлинсоном (Франкфурт-на-Майне), позволяют без сомнения сделать вывод о том, что Наталья Гирей и Наталья Султан-Гирей являются одним и тем же лицом. Эта гипотеза получила своё развитие в ходе переписки автора настоящей статьи с З. Ш. Тененбоймом. Наше предположение до недавнего времени ставилось А. Н. Крахалевым под сомнение: в имеющейся у него полной рукописи «Дитя века» объёмом почти в тысячу страниц нет упоминания ни о караимах, ни о произведении «68-я параллель».

Об этой своей первой публикации ростовская писательница, по всей вероятности, никогда не упоминала. Однако в материале, датированном мартом 2009 г., «Краткий биографический очерк Сарач Натальи Максимовны (литературный псевдоним Султан-Гирей)», составленном для меня И. И. Бобовичем, речь идёт и о повести «68-я параллель». Указание на данное произведение последний в ноябре 2008 г. получил от моей симферопольской соратницы Натальи Высоцкой как ответ на вопрос о причине интереса «этого немца Хиллига» к писательнице.

«Краткий биографический очерк» представляет собой компиляцию бесед писательницы с ростовской журналисткой Е. Г. Джичовой¹⁹⁵, дополненную информацией из опубликованных частей повести «Дитя века» (полная рукопись этого произведения неизвестна также и Бобовичу). О том, что к такому конгломерату сведений необходимо отнестись с предельным вниманием и сомнением, наводит на мысль следующий отрывок из очерка:

¹⁹⁰ См. там же. 2007. № 4. С. 46. Редактор В. Безбожный, с которым Н. Султан-Гирей готовила свои вышеупомянутые два романа к публикации, в беседе с Г. Г. Ульшиной в ноябре 2009 г. рассказывал, что писательница считала себя потомком Чингисхана в 37 колоне.

¹⁹¹ В телефонном разговоре с Н. С. Высоцкой (Симферополь) в ноябре 2008 г.

¹⁹² Г. Г. Ульшина в письме к автору от 24.02.2010 г.

¹⁹³ Донское слово. 2006. № 1. С. 2.

¹⁹⁴ Там же. С. 8.

¹⁹⁵ Данные газетные материалы мне любезно открыла Г. Г. Ульшина (см. Е. Джичова. Дитя века. К 90-летию писательницы Н. Султан-Гирей, Ростов-н/Д, Наше время. 2000. 25 сент.).

«[...] в 1926 г. она окончила Ленинградский университет – Романо-германское отделение, стажировалась в Кембридже. После окончания, в 16 лет, она первое время работала, где придётся. В этот период она стала замечать, как исчезают бесследно её знакомые. Явно их арестовывали за принадлежность к богатым сословиям до революции.

Наталья поняла, что ей нужно немедленно убираться. Чтобы избежать этого, она нанялась разнорабочей в геологическую экспедицию. Позже она обратилась в Облоно и попросила направление на Север в Мурманский округ. Это был 1927 г., когда ей было 17 лет. Там она прожила несколько лет и преподавала английский язык. В Мурманске началась её литературная деятельность, и её первая повесть „68-я параллель“ была опубликована в 1927 г. в журнале „Литературный современник“. В 1928 г. в журнале „Наш современник“ появились её первые рассказы».

Согласно вышеупомянутым данным, подтверждённым документально, Наталья Сарач-Ивановская окончила в Ленинграде полный курс I-й и II ступени единой трудовой школы, однако не в 1926, а в 1927 году, а в университете или иных вузах она никогда не училась. Утверждение «биографа» о том, что выпускница Ленинградского университета в 1926 году «стажировалась в Кембридже», следует также отнести к области фантастики. Как и подавляющее число граждан СССР, она никогда не покидала своей родины. То обстоятельство, что советских людей арестовывали «за принадлежность к богатым сословиям до революции», подходит скорее к первым годам советской власти и ко времени Большого террора, чем ко второй половине 1920-х гг. На Севере Наталья иностранных языков не преподавала, а если бы и преподавала, то это был никак не английский, а, скорее всего, немецкий – иностранный язык, который являлся одним из её школьных предметов и широко преподавался в СССР вплоть до конца Второй мировой войны. Её первая повесть «68-я параллель» действительно публиковалась в журнале «Литературный современник», как указано выше, но не в 1927, а в 1937 году. Данное ленинградское издание начало выходить лишь с 1933-го, а московский «Наш современник» – с 1956 года. О том, что в этом или в другом печатном издании «появились её первые рассказы», до сих пор ничего не известно.

Как следует из «Краткого биографического очерка», Наталье Сарач (именно с такой фамилией) – по совету редакции московской газеты «Караимские вести», которая выходит с 1994 года – в 1996 году удалось связаться с только что организованной Ростовской караимской общиной под председательством И. И. Бобовича. Последний, принимая соответствующие данные по поводу фамилии отца героини из повести «Дитя века» за чистую монету, в своём очерке пишет: «Отец её – Сарач Селим-бей – принадлежал к богатому старинному караимскому (!) роду».

Особо следует упомянуть высказывания Бобовича о периоде, когда Наталья Гирей была репрессирована – 1938 г. и последующие. Что же могло послужить причиной того, что она не сообщила правдивые сведения о своём аресте, троекратном осуждении и отбывании срока в трудовых лагерях и тюрьмах? По всей вероятности, ей не хотелось, чтобы общественность узнала о роли А. С. Макаренко в клеветнической кампании против неё в 1937 году – не в последнюю очередь из-за его канонизации к началу 1940-х гг. как выдающегося советского педагога. Она, без сомнения, знала об авторе разгромной рецензии ещё до осуждения и направления в ГУЛАГ. Не меньшим поводом к молчанию послужила и надежда на будущую карьеру писательницы, в которую она твёрдо верила, и сама обстановка в стране, вынуждавшая молчать.

Как же она описывает этот трагический период её жизни в беседах с третьими лицами и, по всей вероятности, также в произведении «Дитя века»? Она причисляет себя к прославленным жителям города на Неве, которые стойко переносят блокаду, и «отодвигает» свой арест на 12 лет – уже на послевоенное время. Вот как об этом сказано в очерке: в конце 1930-х годов, «в Ленинграде, она выходит замуж за военного лётчика – корейца Цоя. В 1941 г. начинается война и муж её уходит на фронт. Эвакуироваться она не стала, потому что не могла оставить больную тётю, которую очень любила и которая была не транспортабельна для переезда. Так началась её тяжёлая блокадная жизнь. Тётя вскоре умерла, и она осталась одна, испытывая все тяготы блокадного города. В 1944 г., после прорыва блокады, её эвакуировали в военный госпиталь в Сибири».

И далее говорится в очерке Бобовича: «После окончания войны в 1945 г., она тут же вернулась в Ленинград, где вскоре её нашёл муж. Так как муж был военнослужащим,

его направили служить на границу в посёлок Рыбачий около озера Иссык-Куль, и там [в Киргизской ССР] они стали жить. Как-то раз у них собрались лётчики, друзья мужа. Немного выпили и стали говорить, что наши самолёты – летучие гробы, а вот американские самолёты намного лучше. Одна из жён лётчиков донесла, и всех мужчин арестовали, а через три дня взяли и её. Наталью обвинили в стремлении подбить военных лётчиков на измену и её приговорили к высшей мере наказания. Однако обнаружилось, что Наталья ждёт ребёнка, и ей расстрел заменили 25 годами лагерей. Позже ребёнок родился мёртвым, и возвращать прежний приговор не стали. Это был 1950 год, и ей было 40 лет».

Что касается меры наказания, то здесь есть значительный перегиб. В 1950 году начинающая писательница, согласно вышеупомянутым данным, была осуждена к лагерям, а не к смерти. Кроме того, не известно ни одного случая, чтобы представитель репрессированного национального корейского меньшинства во второй половине 1930-х годов мог стать в Красной армии боевым лётчиком, офицером. Конечно, не исключено, что представитель одной из тех национальностей, которые во время сталинского террора были подвергнуты репрессии, получил свою подготовку лётчика ещё в более ранний период.

Ключ к решению «корейской загадки» удалось найти Г. Г. Ульшиной. В письме от 8 ноября 2009 г. она мне писала: «Приятельница Натальи Максимовны, Галина Цой (!), вспоминала рассказ Н. М. о том, что муж-лётчик в компании друзей высказался о сыне Сталина таким образом: „Васька Сталин сделал себе погоны на наших крыльях“. После чего был донос на всех присутствующих и арест. Сама же Н. М. шла по другой статье – как предатель Родины. Причина была в том, что Н. М. действительно помогла денщику своего отчима перейти советско-китайскую границу. Причём перебежчик убил двух пограничников, но перешёл границу. Она сама говорила так: „Я сидела за дело“». В другом письме Г. Г. Ульшиной (от 24.11.2009 г.) речь идёт о том, что лётчик Цой Сик был не законным мужем Н. М. Сарач, а гражданским, скорее её возлюбленным.

Более полное представление об отношении этих двух людей я получил в связи с вышеупомянутым сообщением УГСНБ Кыргызстана от января 2010 г., адресованным УФСБ России по Ростовской области. Об этой новости Галина Ульшина меня информировала в письме от 06.02.2010 г.

В данном сообщении из Кыргызстана говорится, что «по материалам архивного дела Цой Сик, 1898 года, уроженец г. Каним (Корея) – по национальности кореец, исключён из рядов ВКП (б) в 1937 году за контрреволюционную деятельность, лётчик, директор совхоза им. Баумана, Каракольского р-на Киргизской ССР.

Состав семьи – жена Цой Ядвига Фоминична, 1899 г. р.; дочь Цой Тереза (дата рождения не указана). На момент ареста проживали: г. Ленинград, Петроградская сторона, корп. 20, кв. 23.

Арестован в августе 1937 года по признакам преступления, предусмотренным ст. 58–6 ч. 2 УК РСФСР (шпионаж в пользу Японии).

26.09.1938 года решением Тройки НКВД Киргизской ССР приговорён к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества. Приговор приведён в исполнение 02.10.1938 года. Место захоронения неизвестно.

13.06.1989 года Постановлением Военной прокуратуры ТУРКВО – Цой Сик реабилитирован посмертно».

Дополнительные данные об обвинении Цой Сика содержатся в «Выписке из протокола № 12 Заседания тройки Н.К.В.Д. Киргизской ССР от 25 сентября 1938 г.», который Г. Г. Ульшина получила в феврале 2010 г. Здесь говорится:

«СЛУШАЛИ: 20. Дело № 2351–3–0 дело УГБ НКВД по обвинению Цой Сик, 1898 г. р., кореец, род. город Каним (Корея), служащий, исключён из рядов ВКП (б) в связи с арестом, гражданин СССР.

С 18 по 21 год неоднократно нарушал границу из Китая в СССР и обратно. Обвиняется в том, что в 1937 году на райпартсобрании выступил на защиту врагов народа: Троцкого, Зиновьева. Работая директором совхоза, окружил себя чуждым элементом, проводил вредительство, уничтожая скот, вёл к/р агитацию. Содержится в тюрьме города Фрунзе.

ПОСТАНОВИЛИ: Цой Сик РАССТРЕЛЯТЬ, имущество конфисковать».

В письме от 09.02.2010 г. Галина Ульшина цитированные выше документы из Кыргызстана поясняет таким образом: данные о лётчике Цой Сике она «нашла в архивах Качинского высшего военного авиационного училища – он там, в музее, в списках по базе № 4813, проходит как выпускник 1926 года лётного авиаучилища, с комментарием: качинец-интернационалист. Это же училище заканчивал и Василий Сталин – по воспоминаниям именно в его полку Цой Сик и воевал». По рассказам вышеупомянутой Галины Цой, много лет знавшей Н. М. Султан-Гирей, она «познакомилась с Цой Сиком в Ленинграде, когда он пролечивался в госпитале, и у них началась любовь. Предварительно она написала ему на фронт [очевидно в Испанию. – Г. Х.] письмо – раньше так было принято, чтобы девушки через газеты поддерживали письмами бойцов, а его фото в составе эскадрильи было напечатано в газете. [...] у них завязался роман в письмах – а потом и свидания в Ленинграде».

На момент ареста Цой Сик, очевидно, был в гостях со своей женой, с которой он, по свидетельству Галины Цой, тогда уже находился в состоянии фактического развода. Рецензия Макаренко в конце июля 1937 г. и арест Цоя в августе того же года, несомненно, явились двойным ударом для Н. М. Сарач. В результате она попала в психбольницу. Вспомним, что 13.09.1937 г. Наталья писала С. А. Семёнову: «У меня отняли право на моё человеческое горе»...

В письме от 10.02.2010 г. Галина Ульшина мне писала: «Очевидно одно: любовь к корейскому герою-лётчику Цою она пронесла через всю жизнь. Это отмечают многие свидетели: и соседи, и литераторы, и Галина Цой».

Вернёмся всё же к цитированному выше «Краткому биографическому очерку Сарач Натальи Максимовны (литературный псевдоним Султан-Гирей)». Здесь о пребывании писательницы в учреждениях ГУЛАГа Бобович пишет: «Её направили на Сахалин, мыс Лазарева, на строительство подводного канала. Но, пока её везли, выяснилось, что канал уже не нужен, и её направили на лесозаготовки. Так началась её лагерная жизнь.

Практика властей была такова – нигде осуждённых на одном месте более полутора лет не держали, ибо человек, осмотревшись с обстановкой, мог убежать. В 1953 году, после смерти Сталина, статью об антисоветской пропаганде отменили, прошло ещё три года, и в 1956 году она вышла на свободу. Так она прожила в лагерях 6 лет [в действительности почти 18 лет: с 1938 по 1949 гг. и с 1950 по 1956 гг. – Г. Х.]. Будучи в заключении, дух литератора, писателя у неё оставался. В конце срока заключения она некоторое время [работала] на швейной фабрике в Хабаровске».

По утверждению И. И. Бобовича, Наталья Сарач обладала феноменальной памятью. Поэтому после освобождения ей удалось воспроизвести на бумаге все задуманные ещё в ГУЛАГе произведения, и «благодаря её таланту и памяти, весь сочинённый текст ложился в голову страница за страницей. Это был компьютер в её мозгу». И если о качестве произведений Н. Сарач существуют разные мнения, то её упорство и выдержка на пути к исполнению мечты стать писательницей, без всякого сомнения, заслуживают уважения.

Выявленные на сегодняшний день источники, на мой взгляд, позволяют решить загадку о месте рождения Натальи Сарач-Ивановской-Султан-Гирей следующим образом: это был не Ленинград (С.-Петербург), где будущую писательницу крестили по канонам евангелическо-лютеранской церкви в соответствии с религиозным происхождением её матери, а село на Кубани, судя по всему: Мысхако, неподалёку от Новороссийска – вероятно, поместье семьи её отца-караима (Моисея Сарача). Последний уже вскоре после рождения ребёнка развёлся со своей женой и начал новые отношения с другой женщиной; второй брак заключила также и мать Натальи (Ольга Шабуневич-Сарач-Ивановская). Вполне очевидно, что мать не хотела показывать караимское происхождение первого мужа. Позднее последовала примеру матери и сама начинающая писательница (Гирей, Султан-Гирей), объявив отчима родным отцом и перенеся место своего рождения в далёкую Геную.

Что же всё-таки побудило Макаренко написать рецензии на произведения Натальи Гирей и Николая Вирты? В истории с Гирей можно сделать предположение, что именно Фадеев склонил Макаренко к ознакомлению с повестью ленинградской писательницы, к

тому же Олимпиада Витальевна Макаренко, племянница педагога-писателя, которая до лета 1938 г. жила в его семье, рассказывала мне, что между ними существовали «близкие отношения»: «Фадеев почти каждый день бывал у нас».

Но такого ещё не было летом 1937 г., когда появились обе макаренковские рецензии. Как явствует из корреспонденции Фадеева¹⁹⁶, его записных книжек¹⁹⁷ и тогдашних сообщений прессы, после санаторно-курортного лечения в Ялте (в апреле-мае) он в конце июня поехал в составе делегации советских писателей на Второй международный конгресс писателей в защиту культуры через Париж в испанскую Валенсию и, наконец, снова в Париж, о чём Макаренко (брат которого, бывший «белогвардеец», живший в то время во французской столице¹⁹⁸) мог только мечтать. В Москву Фадеев вернулся лишь 23 августа того же года¹⁹⁹.

Макаренко, в свою очередь, уже в начале июня, то есть раньше Фадеева, уехал вместе с семьёй для работы над «Книгой для родителей» в украинскую деревню (Высшая Дубечня на Десне), где не было телефонного сообщения, в результате чего он стал практически недоступен для своих московских коллег. Об этом свидетельствует и следующая запись в дневнике Макаренко: «8–29 июня. Дубечня. Написал от 6 до 12 листа включительно – 7 печатных листов КДР. Работалось хорошо. Никто не мешал»²⁰⁰. По этой причине он ничего не знал об активной позиции Центрального союза писателей в связи с проводившимся тогда закрытым процессом над Тухачевским, Уборевичем, Якиром и другими крупными военачальниками, обвиняемыми в шпионаже и заговоре. В коллективном «письме» 44-х писателей от 11 июня 1937 г., опубликованном через четыре дня в «Литгазете», выражалось требование немедленно расстрелять всех обвиняемых (что и было приведено в исполнение 12 июня). В подписях под этим документом 31-м идёт Б. Пастернак, а 34-м значится Макаренко²⁰¹. Впоследствии стало известно, что некоторые фамилии были добавлены к этому списку помимо (в их числе – Макаренко) или даже против воли самого «подписанта» (например, Пастернак)²⁰².

Тот факт, что Макаренко в конце июня 1937 г. не был в Москве, не исключает того обстоятельства, что после возвращения из Украины он в ССП мог получить «заказ» Фадеева на разгромную рецензию повести Н. Гирей – и попутно – соответствующих изданий «Литературного современника», в которые она была включена. Дело в том, что Фадеев, будучи членом Правления ЛенССП и одним из ответственных секретарей Правления ССП СССР, 25–26 июня, т. е. до своего отбытия в Испанию, задержался в городе на Неве для участия в собрании ленинградских литераторов²⁰³. Следовательно, Фадеев, по всей вероятности, собирался на месте получить представление о положении дел местной организации²⁰⁴.

В Ленинграде Фадеев узнал о «протекции» Н. Гирей. Критическая рецензия на её повесть в авторитетной «Литгазете», сделанная таким специалистом по «перевоспитанию», как Макаренко, могла дать Фадееву и его ленинградским сторонникам хороший повод для кадровой перетряски в среде литераторов бывшей столицы. Примечательно, что

¹⁹⁶ См.: «Счастье литературы» (см. прим. 9). С. 229.

¹⁹⁷ См.: РГАЛИ, 1628–1–402.

¹⁹⁸ См. Воспоминания брата Виталия Семёновича Макаренко, о котором советское макаренковедение умалчивало: Макаренко В. Мой брат Антон Семёнович: Воспоминания, письма. Марбург, 1985.

¹⁹⁹ См.: Никулина Н. И. А. А. Фадеев: Семинарий. Ленинград, 1958. С. 77–78.

²⁰⁰ ПС. Т. 5. М., 1985. С. 320. См. также письмо А. С. Макаренко от 17.06.1937 г. ответственному секретарю «Литгазеты» В. А. Регину, где говорится: «Работаю много над „Книгой для родителей“, работать, правда, никто не мешает, кроме блох, мошек и прочих некультурных созданий» (РГАЛИ, 1433–2–94, л. 1 с об.).

²⁰¹ См.: Лит. газета. 1937. № 32. 15.06. С. 1.

²⁰² См.: Hillig G. Der schwierige Weg zum Kommunismus. Makarenkos Entwicklung zu einem «parteilosen Bolschewiken». В: тот же (Hg.). Hundert Jahre Anton Makarenko. Neue Studien zur Biographie. – Bremen, 1988. С. 208–242 (здесь: С. 227).

²⁰³ См.: Никулина Н. И. (см. прим. 197); С. 77. В письме к Фадееву от 29.05.1938 г. Ставский, в связи с предстоящим приездом Фадеева в Ленинград, напоминает последнему о его ответственности как члена правления местной писательской организации в условиях «крайне тревожного положения дел».

²⁰⁴ См.: «Счастье литературы» (см. прим. 9). С. 283–284.

в письме Ставского к Фадееву через год (29 мая 1938 г.) значится следующее: «Как тебе известно, в Ленинграде большая группа крупных писателей-беспартийных. Коммунистов-писателей в Ленинграде немного, они в общем слабые»²⁰⁵.

Таким образом, напрашивается предположение, что написание статьи «Вредная повесть» было совершено, во-первых, в рамках перетряхивания руководства Ленинградской писательской организации с целью усиления центральной вертикали власти над литераторами, инициированного, скорее всего, Фадеевым, который торопился взять под контроль республиканские и крупные областные отделения Союза писателей СССР. И во-вторых, хроника событий лета 1937 г. свидетельствует ещё и о том, что согласие на написание данной рецензии также было очень нужно и самому Макаренко – для самозащиты, для демонстрации обществу своей активной позиции борца с уклонистами. Последнее сказалось и на его оценке нового произведения Вирты, посвящённого борьбе с «троцкизмом», как «закономерной неудачи» – оценки, сделать которую Макаренко также подвигли обстоятельства.

Одной из причин написания обеих рецензий могло стать событие, о котором Макаренко узнал, вернувшись из Украины – исключение из состава членов Центрального Комитета на июньском пленуме ЦК ВКП (б) (23–29.06.) и из большевистской партии своего кумира и многолетнего покровителя В. А. Балицкого.

Именно он, будучи председателем ГПУ и наркомом внутренних дел УССР, в 1927 году пригласил Макаренко для создания и руководства Харьковской коммуны им. Ф. Э. Дзержинского и перевёл его в 1935 г. в Киев. А примерно 22 марта 1937 г. педагог по личной просьбе был принят наркомом на длительную «аудиенцию». Разговор проходил в исторически важный момент: спустя две с половиной недели после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б), в работе которого участвовал и Балицкий (с XVII съезда Всероссийской партии (1934 г.) он был членом ЦК, а 3 марта выступал с речью о «недостатках» в работе по «разоблачению троцкистов на Украине»)²⁰⁶ – за несколько дней до ареста наркома связи СССР Г. Г. Ягоды, теперь уже бывшего начальника Балицкого.

Между Макаренко и Балицким, экс-соратником Дзержинского, были наилучшие отношения²⁰⁷. Осенью 1936 г., после доноса на Макаренко (со стороны его бывшего начальника в отделе трудколоний НКВД УССР), что тот якобы был членом «контрреволюционной троцкистской террористической организации», Балицкий вычеркнул имя Макаренко из протокола допроса доносчика...²⁰⁸ А 11 мая 1937 г. именно Балицкого освободили от обязанностей наркома внутренних дел УССР, и 7 июля во время командировки, в служебном вагоне, он был арестован²⁰⁹.

Жена Макаренко, узнав в Москве о судьбе Балицкого «по своим каналам» (от родственника, служившего в НКВД), с присущим ей неумолимым упорством склоняет мужа к «изменению курса на 180°». Во всяком случае, примечательно, что с тех дней Макаренко избегает всякой похвалы в адрес чекистов как образцовых во всём, что касается порядка и дисциплины, как это было присуще его прежним публичным выступлениям. Кроме того, бросается в глаза, что в статье «Макаренко Антон Семёнович» в томе 27 Большой Советской Энциклопедии (подписан к печати 1 октября 1937 г.) ничего не упоминается о работе педагога-писателя в органах ГПУ-НКВД. В этом тексте, в основе которого лежат сведения, отобранные, конечно же, самим Макаренко, о его деятельности в годы советской власти сказано лишь следующее: «В 1920 организовал под Полтавой трудовую колонию им. М. Горького, которой руководил 8 лет. Затем вёл руководящую работу по организации других детских трудовых коммун и колоний на Украине»²¹⁰.

С лета 1937 года Макаренко вообще ничего не говорит общественности о своей деятельности в отделе трудколоний НКВД УССР. Этой же линии поведения в 40-е годы

²⁰⁵ См.: там же. С. 283.

²⁰⁶ См.: Вопросы истории. 1994. № 12. С. 22.

²⁰⁷ См.: Хиллиг Г. А. Макаренко и В. Балицкий. Два соратника на службе украинского ГПУ // Постметодика. 2005. № 6. С. 40–42.

²⁰⁸ См.: Абаринов А., Хиллиг Г. Испытание властью. Киевский период Макаренко (1935–1937 гг.). Марбург, 2000. С. 133.

²⁰⁹ См.: Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. ЧК – ГПУ – НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ, 1997. С. 67–68, 437.

²¹⁰ См.: БСЭ. Т. 37. М., 1938. С. 729.

придерживалась и его вдова, когда писала предисловия и послесловия к сочинениям А. С. Макаренко, а также его первый биограф Е. Н. Медынский в своих книгах, написанных в 1940-х гг. Да и во всей литературе о Макаренко до 1949 года нет никаких указаний на его полуторагодичную деятельность в органах НКВД под руководством Балицкого в Киеве... В выступлениях последних лет своей жизни Макаренко, как правило, избегал даже упоминаний о том, что и коммуна им. Ф. Э. Дзержинского находилась в ведении ГПУ-НКВД.

27 ноября 1937 г. Балицкий в Москве «в особом порядке» приговорён к ВМН. В тот же день приговор привели в исполнение²¹¹. Ягода же, возглавлявший с июля 1934 по сентябрь 1936 гг. НКВД СССР, предстал перед судом лишь в ходе третьего «Московского процесса» в марте 1938 г.

В конце концов можно сделать следующее заключение: чтобы выжить, «новоиспечённый» москвич Макаренко вступил – или, скорее, должен был вступить – на тернистую тропу с непредсказуемыми последствиями.

Гётц Хиллиг / Антон Макаренко contra Наталья Гирей // Ковчег. Литературно-художественный журнал (Ростов-на-Дону). – XXVIII. – 2010. – № 3. – С. 187–224.

²¹¹ См.: Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД 1934–1941: Справочник / Под ред. Н. Г. Охотина и А. В. Рогинского. М., 1999. С. 99–100.

СЕМЬ СМЕРТЕЙ А.С. МАКАРЕНКО: домыслы и факты

Г. Хиллиг

А.С. Макаренко умер 1 апреля 1939 г., на станции Голицыно Белорусско-Балтийской железной дороги, направляясь из пригородного Дома творчества Литфонда Союза советских писателей СССР по служебным и личным делам в Москву. После многолетней успешной работы в должности руководителя учреждений по перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей и беспризорников на Украине, а последнее время в Киеве, Макаренко в феврале 1937 г. переехал в столицу СССР, где отныне, правда, уже менее успешно, стал заниматься «вольным писательством».

Сообщение о кончине педагога-писателя на станции Голицыно можно найти уже в трудах его первого биографа Е.Н. Медынского (1944, 1949 гг.)¹, и эта версия никогда не подвергалась сомнению. Однако подробности внезапной смерти (за три недели до этого ему исполнился 51 год) до сегодняшнего дня оставались не до конца выясненными. Это обстоятельство и привело к тому, что по поводу смерти Макаренко появились различные домыслы и, прежде всего, среди его бывших воспитанников. Они, очевидно, просто не хотели поверить в то, что человек, который был для них как отец, мог так внезапно без видимой причины умереть.

В этой статье автор попытается рассмотреть все известные до сих пор сведения о событиях 1 апреля 1939 г. и дать им некоторую оценку. Мысль написать такой материал возникла после прочтения статьи польского эмигранта Г. Геринга-Друзинского «Семь смертей Максима Горького», вышедшей в Париже в 1954 году на польском языке, а в 1980 году, также в Париже, уже в переводе на русский язык в журнале «Континент».

а) Источники

Речь здесь идёт о семи версиях, две из которых (№№ 1 и 6) были уже опубликованы.

Версия № 1. Московский литературовед Е.З. Балабанович в своей книге «А.С. Макаренко» (1951 г.) пишет:

«1 апреля 1939 года Макаренко возвращался в Москву из подмосковной дачной местности Голицыно. В руках у него был сценарий, который он вёз на кинофабрику. Макаренко вошёл в вагон пригородного поезда, сел на скамейку и сейчас же упал. Успев сказать только: „Я писатель Макаренко“, – Антон Семёнович скончался от разрыва сердечной мышцы».²

Версия № 2. Валентина Владимировна Коваль, бывшая воспитанница колонии им. М. Горького, сообщила в 1986 году в беседе с харьковским макаренковедом Н.Н. Оксой: в годы Великой Отечественной войны она ушла добровольцем на фронт и на фронтовых дорогах случайно встретила военного корреспондента – поэта Джека Альтаузена. Узнав, что Коваль – бывшая воспитанница Антона Семёновича, он сообщил ей отдельные подробности, предшествовавшие смерти Макаренко, свидетелем которых он был:

«Направляясь в дом отдыха „Писатель“, он встретился у самой ст. Голицыно с А.С. Макаренко, направлявшимся вместе с женой Галиной Стахивной к московскому поезду. Галина Стахивна, не задерживаясь, пошла к поезду, а А.С. Макаренко задержался. Между ними (Макаренко и Альтаузен. – Г.Х.) завязался оживлённый разговор о делах Союза писателей. Взглянув на часы, А.С. Макаренко заторопился, заявив, что „жена устроит ему очередной скандал, если он опоздает“, и быстро направился к поезду. Почти тут же Д. Альтаузен услышал громкие возгласы – „Человеку плохо!“».

¹ Медынский Е.Н. А.С. Макаренко. Жизнь, деятельность, педагогическая система. – М., 1944, с.48; тот же, Антон Семёнович Макаренко. Жизнь и педагогическое творчество. – М./Л., 1949, с. 51.

² Балабанович Е. А.С. Макаренко. Очерк жизни и творчества. – М., 1951, с.196.

Версия № 3. Бывшие воспитанники сообщили чешскому макаренковеду Либору Пехе во время его командировки в СССР в 1964 году, что А.С. и Г.С. Макаренко в Москву ехали вместе. Они очень торопились, чтобы не опоздать на поезд. Занятое им в вагоне место Антон Семёнович хотел уступить одному из пассажиров, несмотря на энергичные протесты жены. Во время этой ссоры А.С. Макаренко внезапно умер от сердечной недостаточности.

Версия № 4. С.А. Калабалин, любимец Макаренко из колонистов-горьковцев, руководивший в разные периоды несколькими учреждениями для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей, во время посещения Болгарии в 1966 году рассказывал проф. Найдену Чакарову, что слышал следующее: в тот момент, когда Макаренко садился в московский поезд, он был убит ножом одним из бывших его воспитанников, считавшим, что Макаренко однажды несправедливо с ним обошёлся.

Версия № 5. Г.В. Гасилов, бывший сотрудник Наркомпроса РСФСР при А.С. Бубнове, друживший с Макаренко, рассказывал в 1982 году в беседе с автором этой статьи о «технике смерти А.С. Макаренко» (так Гасилов выразился):

«Он опаздывал к поезду. Транспорта из Дома творчества не было в этот день. Идёт на дорогу, чтобы поймать какую-нибудь машину. Машина подъезжает к вокзалу, а поезд уже подходит. Чтобы успеть, он бежит, впрыгивает, чуть ли не в последний вагон. И через пять минут у него приступ. Станция Голицыно – первая остановка. Он уже без сознания. Акт составил милиционер. Сначала думает, что он пьян. Потом пришла карета скорой помощи, и всё выяснилось».

На вопрос, откуда у него такая информация, Гасилов ответил: «Из документов. Милицейский протокол тоже видел. Был в этом отделении. Там, в протоколе, было указано, что Макаренко в состоянии опьянения был. Сотрудники в Доме творчества в Рузе (sic!) мне сообщили некоторые детали. За два дня до смерти я был у него. Он с радостью говорил о том, что подал заявление о вступлении в партию (это было в Москве). Галина Стахивна должна была больше заботиться о нём в то время».³

Версия № 6. С.И. Фонская, директор дома Литфонда «Писатель», пишет в своей книге «Дом в Голицыне», вышедшей в 1967 году: Макаренко с женой находились в марте 1939 г. в этом «доме творчества». 1 апреля – стоял мороз, четыре градуса; сейчас же после завтрака Макаренко пошёл один к московскому поезду. Вскоре С.И. Фонской сообщила по телефону о внезапной смерти Макаренко. Дословно она пишет:

«Я на ходу надела пальто и – бегом на вокзал. Поезд был под парами. На площадке вагона стоял дежурный. Военный.

– Сюда, ко мне.

Я вошла в вагон. На лавке с левой стороны лежал Антон Семёнович. В вагоне, кроме меня и дежурного, никого не было.

Дежурный сказал:

– Возьмите документы.

Я растерялась.

– Расстегните пальто (покойнику. – Г.Х.).

Дрожащими руками достала я из левого кармана чёрный бумажник. В нём был железнодорожный билет, вызов в Союз писателей, паспорт и два письма.

Дежурный коротко приложил руку к козырьку, сказал:

– Сразу, лёгкая смерть... Поезд сейчас отправят. В этом вагоне никого не будет...

Сообщите в Москву начальству, а жене скажите: припадок сердечный в вагоне...

Мне было холодно, страшно. Я несла документы. Грекло солнце... Вспомнила слова Горького к нему: „Удивительный вы человечище, как раз такой, в котором Русь нуждается“.

Я позвонила в Москву, к телефону подошла секретарь Блинникова.

– Так зло не шутят на первое апреля, – сказала она.

³ Запись беседы с Г.В. Гасиловым. 07 и 21.12.1982 г. Архив лаборатории «Макаренко-реферат» Марбургского университета.

Я не выдержала и заплакала.

С крыш падала капель. Пришла из Литфонда машина. Галина Стахиевна, я и ещё два человека поехали в Москву».⁴

Версия № 7. В 1986 году Н.Н. Оксе удалось прочитать в Центральном госархиве литературы и искусства СССР (сейчас – Российский госархив литературы и искусства) в Москве протокол, никогда до этого в макаренковедении не упоминавшийся. Данный документ, «Акт. 1939 г. апреля 1-го дня», написанный чёрным карандашом на вырванных из конторской книги листах бумаги, гласит:

«Я л/уп ЖДМ ст. Голицыно Выдрин, в присутствии Чибизова Г.Т. и Хондратьева Н.Н. составили настоящий акт о нижеследующем: с/г числа в 10 ч. 30 минут в п. № 134 на ст. Голицыно зашёл гр-н Макаренко Антон Семёнович, который почувствовал себя плохо и прилёг на лавочку. Тут же к пассажиру Макаренко А.С. был вызван врач посёлка Голицыно, но спустя пять минут гр-н Макаренко, до прихода врача, умер. В 10-43 прибыл врач Столярова, которая констатировала смерть у пас. Макаренко».

Затем следует скрупулёзный, включающий 50 пунктов, перечень обнаруженных при умершем предметов и документов. Акт заканчивается словами: «Больше ничего не обнаружено. Труп Макаренко направлен п. 134 в Москву. Опись обнаруженных вещей составлена в присутствии директора дома отдыха „Писатель“ Фокиной (sic!)». Кроме милиционера и вышеупомянутых понятых акт подписала также и С.И. Фонская⁵.

б) Оценка источников

Прежде чем перейти к подробному разбору этих версий, нужно упомянуть, что их источники неодинаковы по своей достоверности. Некоторые из них получены из вторых или третьих рук, поэтому, возможно, не всегда заслуживают доверия.

Сначала следует сказать, что отличающаяся от всех остальных версия № 4 является плодом фантазии: убийство Макаренко расследовалось бы не только железнодорожной милицией, но и угрозыском. Кроме того, Макаренко был настолько известен, что о таком происшествии обязательно сообщили бы по радио и в газетах. Вспомним: «Вечерняя Москва» в тот же день, т.е. 1 апреля, опубликовала сообщение о его внезапной кончине.

Если не принимать во внимание первую редакцию книги Медынского (1944 г.), в которой в общих чертах говорится, что Макаренко «умер внезапно, на вокзале», во всех приведённых здесь версиях речь идёт о том, что он скончался уже после того, как сел в московский поезд и занял место на лавке, и когда Макаренко умер, поезд ещё стоял на станции. В этом все версии сходятся, лишь только Гасилов (№ 5) свидетельствует, что Макаренко «впрыгивает чуть не в последний вагон». Однако ничего нельзя сказать в отношении того, была ли с ним в тот момент Галина Стахиевна или нет. С нею, бывшей сотрудницей Наркомпроса УССР, которая в сер. 1920-х гг. какое-то время была его начальницей, они жили вместе с 1929 года, а в 1935 году официально заключили брак.

В двух версиях (№№ 2 и 3) речь идёт о возвращении Макаренко в Москву вместе с женой, т.е. в момент его смерти она была рядом с ним. У Балабановича (№ 1) этот вопрос остаётся открытым, в то же время в двух других версиях (№№ 5 и 6) прямо говорится о том, что Макаренко отправился к поезду один, и в акте милиции (№ 7) его жена даже не упоминается. Не исключено, конечно, что они вместе отправились на станцию (№ 2), а затем сели в разные вагоны. Однако, принимая во внимание остальные свидетельства, такое предположение кажется маловероятным. Да и сама Галина Стахиевна, пережив супруга на 23 года, сообщала племяннице Антона Семёновича, Олимпиаде Витальевне Макаренко, что 1 апреля она не пошла с ним к поезду. «На вокзал он шёл один, в вагоне был один. Прямо этим поездом привезли его в Москву, в морг, оттуда – в Союз писателей. Не домой».⁶

О том факте, что Макаренко в Голицыне был вместе с женой, до Фонской (№ 6) писала ещё М. Луппол, сотрудница возглавляемой Галиной Стахиевной лаборатории по

⁴ Фонская С.И. Дом в Голицыне. Рассказы о писателях. – М., 1967, с.83–90, здесь: с.87–89.

⁵ РГАЛИ, 332-4-357.

⁶ Из письма к автору этой статьи, 1988 г.

изучению педагогического наследия Макаренко АПН РСФСР, в своей книге «А.С. Макаренко» (1948 г.)⁷. Также и бывший коммунар-дзержинец В.И. Ключник, в то время слушатель Академии бронетанковых войск, сообщает в одном из своих писем львовскому макаренковеду Ф.И. Науменко, что за два дня до смерти Антона Семёновича он встречался в Голицыне с обоими супругами. Макаренко «жаловался, что чувствует себя довольно плохо, собирался в ближайшие дни домой, спешил с окончанием срочных дел».

При оценке этой информации надо учесть, что Вася Ключник ещё в коммуне дружил с Лёвой Салько, единственным ребёнком Галины Стахиевны от первого брака, которого она боготворила. Поэтому не удивительно, что Вася, как свидетельствует московский учёный-педагог М.Д. Виноградова, бывшая сотрудница макаренковской лаборатории, в своих неопубликованных воспоминаниях, «очень внимательно и нежно относился к Галине Стахиевне»⁸, и, можно дополнить, вообще стремился скрывать деликатные моменты её жизни. По свидетельству московского макаренковеда В.Е. Гмурмана, также сотрудника лаборатории по изучению педагогического наследия Макаренко, Галина Стахиевна после смерти мужа – «в эти трудные минуты большой внутренней близости» – «разрешила Ключнику называть её „мамой“». Позже и Семён (Калабалин. – Г.Х.), «видимый ревностью», тоже добился такого права, но больше (из бывших воспитанников. – Г.Х.) никто»⁹.

А.С. Макаренко 1 апреля не имел намерения возвратиться окончательно в Москву. Это подтверждается размером его багажа. Фонская (№ 6) пишет, что в момент прибытия в Голицыно «в руках у него был небольшой чемоданчик», а в поезде, как это явствует из акта (№ 7), – только «чёрный портфель» (п.47). Если не считать «носовых платков 7 штук» (п.43), одежды у Макаренко с собой не было.

Как следует из его письма другу – писателю А.О. Авдеенко – от 13.03.1939 г., Макаренко запланировал своё пребывание в Голицыне с 15 марта «на месяц».¹⁰ 27 марта Галина Стахиевна, уже находясь в Доме творчества, информировала сына (который после защиты диплома авиаинженера уехал отдыхать в санаторий в Кисловодск) о том, что она ещё в Москве заболела и поэтому отъезд в Голицыно откладывался – лишь 18 марта супругам удалось выехать.¹¹

Гасилов (№ 5) тоже утверждал, что за два дня до смерти Антона Семёновича он был у него в Голицыне и застал там его одного – с Галиной Стахиевной он познакомился только лишь после смерти Макаренко. Конечно, можно предположить, что оба эти свидетеля (Ключник и Гасилов) встретились с Макаренко в Голицыне 30 марта в разное время дня и поэтому, возможно, один из них Галину Стахиевну не застал. Однако, исходя из других источников, это можно исключить.

Так, из цитированного выше письма Г.С. Макаренко от 27.03.1939 г. к сыну, несомненно, явствует, что Вася Ключник был в Голицыне раньше, чем он об этом писал Ф.И. Науменко. В то время, когда Галина Стахиевна заболела, Макаренко находился в Харькове, Вася «сидел» в комнате Лёвы в макаренковской квартире и ждал приезда своего друга. О том дне, когда он был в Голицыне в гостях (26 марта), в письме Г.С. Макаренко говорится: «мы с ним гуляли много, а отец кончал сценарий».¹² К этому вопросу я ещё вернусь.

Виктор Финк, московский сосед Макаренко по писательскому дому в Лаврушинском переулке, в своих «Литературных воспоминаниях» подтверждает, что о смерти Макаренко в Союз писателей сообщила Фонская.¹³

⁷ Луппол М. А.С. Макаренко. Краткая биография, К 60-летию со дня рождения. – Красноярск, 1948, с.36.

⁸ Архив лаборатории «Макаренко-реферат»

⁹ Гмурман В.Е. Из бесед о нём... // «Народное образование». – 1963, № 2.

¹⁰ Серия «Неизвестный Макаренко», вып.9. Составитель и автор очерка С.С. Невская. – М., 1998, с.98.

¹¹ «Береги себя!!!» Переписка Г.С. и А.С. Макаренко с сыном (1927–1939 гг.). Составители: С. Невская и Г. Хиллиг. – Марбург, 2001 (серия „Opuscula Makarenkiana“, Nr.24), с.248–250, здесь: с.248.

¹² Там же, с.249.

¹³ Финк В. Литературные воспоминания. – М., 1967.

То обстоятельство, о котором говорит Гасилов, что сначала Макаренко приняли за пьяного, в акте, правда, не упоминается, однако это и не исключено. Возможно, что данную деталь Гасилов узнал от сотрудников дома отдыха в Голицыне.

Версия № 3, сообщающая о ссоре между Галиной Стахивной и Макаренко, объясняется неблагоприятным мнением, сложившимся у большинства бывших воспитанников о его жене. Это даёт, скорее, представление об отношении колонистов и коммунаров к Галине Стахивне, чем о её предполагаемой вине в смерти мужа.

Н.В. Назаренко, бывший горьковец и дзержинец, рассказывает в своих неопубликованных воспоминаниях о том, как он и ещё трое воспитанников – все они были курсантами подмосковного военно-технического училища – узнав вечером 1 апреля по радио о смерти Макаренко, поехали на следующее утро в город. В квартире Макаренко в Лаврушинском уже были В.И. Ключник и ещё несколько человек. Галина Стахивна, как свидетельствует Назаренко, «убитая горем, лежала в постели, подниматься ей врач запретил».¹⁴ Лев Салько тогда же ещё находился в Кисловодске. Олимпиада Витальевна с лета 1938 года уже не жила с А.С. и Г.С. Макаренко; она училась в Харьковском пединституте иностранных языков, но 2 апреля, как и Лев Салько, Семён Калабалин и другие бывшие воспитанники, поехала в Москву и встретила в квартире дяди Галину Стахивну и Васю Ключника.

«Так что всю подготовку похорон мы, коммунары, взяли на себя» – пишет Назаренко. Несколько мальчиков и девочек в эти дни были с больной Галиной Стахивной и «не оставляли её ни на одну минуту. Нужно было посматривать и за кабинетом Макаренко, потому что были любители „порыться“ в архиве Антона Семёновича, а наша обязанность – сохранить его для будущего поколения». Из-за болезни Галина Стахивна не смогла принять участие в траурном митинге 4 апреля в зале заседаний Дома писателей, где 2 апреля был установлен гроб с телом Макаренко, а также и в похоронах на Новодевичьем кладбище.

Но можно ли считать достоверной до сих пор самую распространённую версию № 1 (Балабанович), согласно которой последними словами умирающего якобы были: «Я писатель Макаренко»? При этом, по всей вероятности, речь идёт о выдумке Галины Стахивны, которая, как известно, снабдила Балабановича и других биографов мужа отчасти достоверными, но также и сфабрикованными источниками. Акт милиции (№ 7) не был известен всем вышеупомянутым авторам; в макаренковский фонд ЦГАЛИ вместе с другими «деликатными» материалами, которые вдова держала у себя, он поступил лишь после её смерти. Слова о «писателе Макаренко» следует, очевидно, рассматривать как стилизацию содержащихся в акте высказываний о «пассажира» и «гражданине» Макаренко.

в) Причины поездки

Вспомним: Фонская (№ 6) упоминает о том, что у Макаренко, когда он собирался ехать 1 апреля в Москву, с собой был вызов в Союз писателей. Он ей рассказывал за завтраком: «Еду в Москву, в Союз. „Флаги на башнях“ должны, что ли разбирать. А мне ещё домой нужно заехать». Перечень найденных при нём вещей содержит 4 «отношения», датированных 26.II., 10., 14., и 15.III.39 г. без данных об их отправителях и содержаниях – п.п.15, 16, 22, 23.

По описи вещей и документов, обнаруженных железнодорожной милицией у Макаренко в тот день, можно предположить, что у него были в Москве и кое-какие личные дела. Он собирался, например, отправить письма (п.30), а также, по всей вероятности, получить в Литфонде деньги по бюллетеню, предоставленному им с 1 марта 1939 г.¹⁵, и положить их на сберкнижки (две на имя А.С. Макаренко у него были с собой, с остатком 12 руб. 93 коп. и 12 руб. 98 коп – п.п.4, 5¹⁶, а также немного наличных денег: 133 руб., п.9). Как видно из письма директора Литфонда СССР к А.С. Макаренко от 26 февраля 1939 г., в то время «расчёты по бюллетеням производились бухгалтерией ЛФ ежедневно (за исключением выходных дней) от 3-х час дня до 4 ½ час дня».¹⁷ Однако для чего ему нужны

¹⁴ Архив лаборатории «Макаренко-реферат».

¹⁵ См.: РГАЛИ, 332-1-50, лл.7–8.

¹⁶ РГАЛИ, 332-4-355, лл.8, 13.

¹⁷ Там же, 332-1-50, лл.7–8.

были в тот день все личные документы – паспорт (п.1), членский билет Союза писателей (п.10), орденская книжка (п.3), да ещё и паспорт жены (п.2), – этот вопрос пока остаётся открытым. Впрочем, 1 апреля 1939 г. у него с собой не было сберкнижек жены, на которых находилось значительно больше, чем у него, денег: на них Макаренко откладывал большинство своих писательских гонораров и авансов.

Со времени публикации книги М. Луппол (1948 г.), в макаренковедении причиной поездки Антона Семёновича в Москву в тот день считается его участие в заседании киностудии «Союздетфильм», на котором должен был обсуждаться написанный им сценарий. Здесь, очевидно, речь идёт о законченной в Голицыне рукописи с условным названием «Командировка» (см. отмеченные в акте милиции «десятки п-л, печатанных на машинке», п.36). Как говорится в комментарии к публикации этого произведения в «Сочинениях» А.С. Макаренко, одобренный киностудией сценарий 29 марта 1939 г. был принят к постановке. 1 апреля Макаренко, якобы, собирался высказать свои соображения по поводу отдельных замечаний, сделанных рецензентами сценария.¹⁸ Однако, исходя из очень малого промежутка времени между окончанием работы над сценарием (26 марта) и несостоявшейся поездкой в Москву (1 апреля), похоже, что Макаренко хотел свою только что законченную рукопись лично передать в киностудию.

В акте (п.20) упоминается и «рекомендация от 11/III-39 г.». Имеется в виду, без сомнения, бумага, полученная Макаренко от своего бывшего воспитанника И.П. Сопина из Харькова, члена партии с 1930 года¹⁹, в связи с подачей Антоном Семёновичем заявления от 15 февраля о приёме кандидатом в члены ВКП(б). На основании этого можно предположить, что в Москве Макаренко хотел зайти также и в партком Союза писателей, чтобы отдать эту рекомендацию. Правда, заседание парткома, в котором, согласно протоколу данного мероприятия, принимал участие и сам Макаренко, состоялось ещё 16 марта. Именно там ему задавали вопросы о его прошлом и о родственниках, живущих за границей (в т.ч. о связи с родным братом Виталием, эмигрировавшим в 1920 году).²⁰ А общее партийное собрание Московской организации Союза писателей, на котором окончательно должно было быть рассмотрено заявление Макаренко, назначалось на 4 апреля. Об этом упоминается и в некрологе Президиума Союза советских писателей, опубликованном в «Литературной газете» от 5 апреля.

Калабагин во время посещения соцстран Восточной Европы в 1966 году в г. Оломоуц сообщил Л. Пехе, что Макаренко получил вызов в Союз, это и было настоящей причиной его запланированной поездки в Москву 1 апреля 1939 г. На основании вышеупомянутых высказываний это всё же исключено – не говоря уже о том, что такую информацию Калабагин мог получить лишь из вторых рук, т.к. в то время он ещё находился в Виннице, а сам Макаренко в письмах к Калабагину ни словом не упоминает о своём намерении вступить в партию. К тому же не нужно забывать странное свидетельство этого «поверенного» в делах Макаренко во время посещения им Болгарии (версия № 4)...

В 2004 году М.Д. Виноградова в беседе с автором данной статьи, пожалуй, назвала настоящую причину отъезда Макаренко в Москву 1 апреля 1939 г.: в этот день он должен был читать лекцию для слушателей столичного Литературного института. Данные сведения она получила от одного из учащихся соответствующего курса института, слушатели которого напрасно ждали приезда своего лектора и сообщили об этом руководству учебного заведения. Лекция Макаренко, очевидно, имела отношение к поддержке деятельности института Союзом писателей. Так, его Секретариат в постановлении от 21 июня 1937 г. установил подробную рабочую программу «братской помощи» для Литературного института.²¹

г) Причина смерти

Вскрытие показало – об этом пишет и Балабанович (№ 1), – что Макаренко скончался от разрыва сердечной мышцы. Как сказала О.В. Макаренко в 1971 году в беседе со

¹⁸ Макаренко А.С. Сочинения в семи томах. 2-е изд. – М., 1957–58, т.6, с.446.

¹⁹ РГАЛИ, 332-1-47, л.1

²⁰ Институт мировой литературы им. А.М. Горького. Отдел рукописей, 114-1-5, л.5.

²¹ См. РГАЛИ, 631-15-165, л.59.

мной и моим коллегой З. Вайтцем, его сердце «было буквально разорвано на две части» – такого обследовавший его патологоанатом М.Б. Ценцилер ещё никогда не видел.²²

Известно, что у Макаренко было больное сердце. Как свидетельствует Виталий Семёнович, определённую роль в этом сыграла и наследственность по линии матери.²³ В молодости с Макаренко были случаи «беспричинной» потери сознания. В начале января 1935 г., ещё в Харькове, состояние его здоровья резко ухудшилось: у него был тяжёлый сердечный приступ с потерей сознания, после чего Антона Семёновича в марте того же года положили на обследование и лечение в Одесском кардиологическом институте. А 5 августа 1938 г., уже в Москве, прямо на улице, в Лаврушинском переулке, он (как видно из его переписки) вновь упал в обморок. О подобном случае, произошедшем в Киеве 18 ноября 1936 г., свидетельствует записная книжка Макаренко.²⁴

Тревожное состояние здоровья послужило причиной того, что в последние месяцы жизни врачи запретили Макаренко работать. Однако он составил для себя убийственную программу писательской работы и заключал всё новые и новые договоры с редакциями издательств и журналов, чтобы получить авансы. Рентгенологическое обследование в Кисловодском санатории им. Горького 1 ноября 1938 г. показало, что его сердце «незначительно увеличено».²⁵ Поэтому, очевидно, он и считал себя в безопасности.

Особенно, конечно, вредило состоянию его здоровья курение. Вышеупомянутый Назаренко рассказывает о своём последнем посещении Макаренко в феврале или марте 1939 г. В этот день его пришли навестить и другие бывшие воспитанники. Поздоровавшись, Макаренко сразу же угостил своих гостей папиросами. Сам он тоже курил. Вот фрагмент из воспоминаний Назаренко:

« – Вредное это дело куренье, а я курю очень много. Мне не хватает четырёх пачек, иногда бывают дни, когда я выкуриваю 120 папирос. Понимаю, что нехорошо, но ничего не могу сделать для того, чтобы бросить курить или хотя бы сократить количество выкуриваемых папирос, – говорил нам Макаренко, а сам разминал очередную папиросу».

Так что нет ничего удивительного в том, что среди вещей, обнаруженных у Макаренко после его смерти, оказались и – как описано в акте милиции – «две пачки папирос, открытые обе, начатые, т.е. неполные», а также «три коробки спичек» (№ 7, п.п.49, 50).

Во время моего пребывания в Москве в связи с пятидесятой годовщиной со дня смерти Макаренко, до меня дошли рассказы о том, что в событиях 1 апреля 1939 г. якобы сыграли роль также и политические моменты. Так, писатель Михаил Роцин в интервью, данном по моей просьбе корреспонденту печатного агентства «Новости» В.И. Пылеву, утверждал, что «смерть в 1939 году спасла его, наверное, от тогдашних репрессий. Мы напали на источники, которые, возможно, помогут найти ордер на его арест».²⁶ В данном случае, скорее всего, имеется в виду свидетельство учёного-педагога Э.И. Монозона, работавшего в конце 1930-х гг. I зам. начальника управления начальных школ Наркомпроса РСФСР, высказанное им в беседе с редактором «Учительской газеты» Б.В. Волковым. Последний рассказал мне, что Макаренко в феврале–марте 1939 г. хлопотал о месте директора одной из школ г. Москвы: он «приходил к нам, просил себе школу, был очень увлечён всем этим. Но нам было жаль его: ордер на его арест был, можно сказать, подписан». Сведения о том, что Макаренко ещё летом или осенью 1938 года предпринимал безуспешные попытки возглавить московскую школу, подтверждаются и другими свидетелями. Однако для утверждения того, что в начале 1939 года его ждал неминуемый арест, до сих пор нет конкретных и однозначных доказательств.

Вместе с непосильной физической нагрузкой сыграли, без всякого сомнения, определённую роль во внезапной кончине Макаренко и психические факторы. В то время его брак с Галиной Стахивной, о чём можно судить по различным источникам, стал только формальностью и он даже решил развестись с ней. Согласно свидетельству О.В. Макаренко в беседе с автором этой статьи в 1987 году, Галина Стахивна призналась жене

²² Запись беседы с О.В. Макаренко. 11.09.1971 г. Архив лаборатории «Макаренко-реферат».

²³ См.: Макаренко В. Мой брат Антон Семёнович. Воспоминания, письма. – Марбург, 1985 (серия „Opuscula Makarenkiana“, Nr.3), с.26, 48.

²⁴ Архив лаборатории «Макаренко-реферат».

²⁵ РГАЛИ, 332-1-50, л.3.

²⁶ Интервью для ж. „Sowjetunion heute“ № 3 за 1988 г. В опубликованной там версии (с.56–57) это место опущено. Архив лаборатории «Макаренко-реферат».

своего двоюродного брата: «Знаешь, Катя, если бы Тося (А.С. Макаренко. – Г.Х.) не умер, он бы меня бросил».

Здесь уместно упомянуть о возобновлении переписки Макаренко с женщиной, которой он в 1920-е годы – до знакомства с Галиной Стахивной – писал пылкие любовные письма. Эта женщина, Ольга Петровна Ракович, после девятилетнего перерыва в переписке поздравила Макаренко с днём рождения (13 марта 1939 г.). Неожидаемое письмо из далёкой Полтавы вызвало у него эмоциональный подъём. Макаренко отвечает сразу же, он пишет: «Для меня приятно было прочитать, что Вы одна», признаётся ей в своём одиночестве и покинутости: «В руках у меня нет такого дела, которое я готов защищать до последней капли крови». Кроме того, он уверяет её в своей любви и преданности: «... я искренне Вас почитаю и горячо Вам предан душой».²⁷ Следующее письмо Ольге Петровне Макаренко написал 28 марта и сам отослал его – как свидетельствует штамп одного из московских почтовых отделений на конверте – 29-ого²⁸, в свой последний приезд в столицу для чтения доклада на совещании учителей Ярославской железной дороги, которое стало его последним публичным выступлением. Вероятно, ему было важно, чтобы его жена ничего не узнала об этой возобновившейся связи.

Однако есть другое событие, имевшее более тяжёлые последствия и влияние на состояние здоровья Антона Семёновича...

Вернёмся ещё раз к воспоминаниям В.В. Коваль о том, что Макаренко на станцию Голицыно шёл на поезд вместе «с женой». Об этом бывшей воспитаннице поведал поэт Джек Альтаузен (№ 2). Постсоветское макаренковедение, за исключением моего соратника Н.Н. Оксы из Мелитополя, до сегодняшнего дня не хочет принимать к сведению, что к тому времени вместо официальной жены Галины Стахивны фактически у Макаренко уже была гражданская жена Роза Липовна Берлин, долгое время занимавшая пост Председателя Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних НКП УССР (в «Педагогической поэме» – Джуринская), а в 1930-е годы работавшая директором средней школы № 30 Таганского района г. Москвы²⁹. В списке «друзей» и «врагов» колонии им. М. Горького, составленном для работы над «Педагогической поэмой» в начале 1930-х гг., Роза Липовна занимает среди «друзей» второе место. Макаренко был с ней очень дружен, и «в последние дни своей жизни», как сообщает Л.Т. Коваль, муж Валентины Владимировны, в беседе с Н.Н. Оксой: «Антон Семёнович связал свою жизнь с Розой Липовной». Именно с нею Макаренко отдыхал несколько дней в Голицыне, и именно она 1 апреля 1939 г. сопровождала Антона Семёновича на ж.д. станцию; при этом Альтаузен вполне мог принять её за его жену. Галина Стахивна после «очередного скандала» в доме отдыха Литфонда, получив неофициальный развод, уехала в город ещё в марте. Вот почему Р.Л. Берлин, как явствует из её письма к Л.Т. Ковалю (по свидетельству Н.Н. Оксы, видевшего это письмо), предполагала себя виновной в смерти Макаренко...

Цитированное выше показание Фонской о ситуации в Доме творчества после кончины А.С. Макаренко: «Пришла из Литфонда машина. Галина Стахивна, я и ещё два человека поехали в Москву», на основании свидетельства супругов Коваль придётся отклонить – оно выдуманно для защиты чести вдовы «выдающегося советского педагога и талантливого писателя» (так называли Макаренко в СССР). Его жена вернулась в Москву раньше – она хорошо понимала, что с приездом в Голицыно своей бывшей коллеги по работе в Наркомпросе УССР совместная жизнь с Антоном Семёновичем закончилась.

[...]

д) Результаты исследования

На основании рассмотренных здесь свидетельств можно следующим образом восстановить последовательность событий, приведших 1 апреля 1939 г. к внезапной смерти педагога-писателя.

А.С. Макаренко приехал 18 марта со своей женой, Галиной Стахивной, в Дом творчества «Писатель» в подмосковное Голицыно. Здесь он находился около двух недель, сначала с женой, а затем с другой спутницей – давней подругой, Розой Липовой

²⁷ Архив лаборатории „Макаренко-реферат».

²⁸ Там же.

²⁹ См.: *Нестеров В.* Директор. // «Средняя школа». – 1936, № 11, с.39–45.

Берлин. 1 апреля утром он хотел поехать по служебным и личным делам на день в город. На вокзал его провожала Роза Липовна. Он упал, потеряв сознание, сразу же после того, как сел в поезд. Дежурный милиционер станции Голицыно увидел лежащего на скамейке человека в бессознательном состоянии и принял его, пожалуй, за пьяного. Вызванный из посёлка врач, приехавший в 10 ч. 43 мин., установила смерть «пассажира Макаренко». Поезд задержали, и по телефону сообщили о случившемся директору Дома творчества С.И. Фонскую, которая тут же побежала на станцию. Там её повели в вагон, освобождённый от пассажиров, и она помогала железнодорожной милиции при описи документов и вещей, обнаруженных у умершего. После заполнения соответствующих документов поезд с телом Макаренко отправился в Москву.

Кончина выдающегося педагога и известного писателя Антона Макаренко вызывает в памяти воспоминания о смерти другого выдающегося педагога и великого писателя, который в 1910 году также умер в одиночестве, на железнодорожной станции – Льва Толстого.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гётц ХИЛЛИГ (г.р. 1938), доктор философских наук, приват-доцент, руководитель лаборатории «Макаренко-реферат» Марбургского университета (ФРГ), вице-президент Международной макаренковской ассоциации, иностранный член Национальной академии педагогических наук Украины (с 1996 г.) и Российской академии образования (с 2004 г.). Автор около 250 публикаций о Макаренко.

Семь смертей А.С. Макаренко: домыслы и факты / Г. Хиллиг // Мировое признание педагогического наследия А.С. Макаренко. Сб. научных трудов российских и зарубежных макаренковедов. Вступление: С.С. Невская. «Народное образование». – Москва, 2010. – С. 142–151.

**ТВОРЧЕСКО-КОММЕРЧЕСКИЙ АЛЬЯНС –
ОДНА ИЗ ДВИЖУЩИХ СИЛ
КАНОНИЗАЦИИ А.С. МАКАРЕНКО¹**

Гётц Хиллиг

В апрельском номере журнала «Красная новь» за 1941 год были опубликованы три рассказа, посвящённые «светлой памяти Антона Семёновича Макаренко». Автор – И. Чумак – производит впечатление бывшего воспитанника колонии им. М. Горького. Эта публикация, появившаяся накануне войны, даже многим макаренковедам неизвестна. Думается, что и читателям журнала «Народное образование» будет интересно узнать, о чём идёт речь в данных рассказах. Представляю второй из них, который впоследствии сыграл особую роль в отношении к педагогу Макаренко.

И. Чумак
ВЕСНА

В тот год весна была особенно солнечной, дружной. У подножья холодных гор, как сахар, искрился дымный Харьков; в вечернее время там загорались огни, и свет их мерцал над горизонтом огромным багровым созвездием.

По утрам мы раскрывали окна и, вдыхая весеннюю свежесть, долго глядели в тёплую и синюю даль. На сердце становилось легко и просторно.

Хотелось уехать – не всё ли равно куда, – в Крым, во Владивосток, лишь бы уехать. Колония дорога для нас была только зимой. Зимой мы её берегли и любили, но пригрело весеннее солнце, и всё мгновенно забылось. Дело шло к лету, а летом каждый кусок ночевать пустит...

В последних числах апреля нас не осталось в колонии и половины. Ребята убегали каждую ночь. О[б] их побеге узнавали по пустым койкам. В общежитиях становилось всё тише и тише, и вскоре несколько комнат совсем опустело.

Грустно взирал на этот весенний развал колонии руководитель колонистов Антон. Он похудел, ссутулился, и взгляд его, такой хороший и добрый, стал угрюмым и злым. Антон перестал бывать среди нас, едва смеркалось, он закрывал кабинет и молча уходил к себе на квартиру. Наверное, он знал, что удержать нас в колонии было уже невозможно, и на всё махнул рукой.

Позже всех собиралась бежать наша группа – уже взрослые ребята, на плечах которых держалось всё хозяйство колонии. Мы ухаживали за лошадьми, пахали, сеяли и несли внутреннюю охрану зданий. Но нас также тянуло на «волю».

Мы решили бежать в ночь на пятое мая. Но четвёртого, в полдень, к нам в общежитие неожиданно пришёл Антон. Он пришёл с обидой в сердце, лицо его пылало от гнева. Молча опустившись на пустую кровать, он обвёл нас хмурым взглядом, закурил, хотя был некурящим. Дым лениво обволакивал его, и была в этом медленном струении дыма какая-то лёгкая грусть, горькое чувство разлуки.

– Так, значит, ребята, – наконец сказал Антон, сбивая ногтем пепел с папиросы, – и вы бежите?

Мы почувствовали, что к глазам у нас подступили слёзы.

Антон встал, кинул через наши головы потухшую папиросу и добавил:

– Ну что ж – бегите. Никого не держу. Бегите!

Он ещё хотел что-то сказать, но ничего не сказал, только обвёл нас грустным взглядом и вышел.

– Неужели теперь всё пропало? – проговорил кто-то из нас.

– Ерунда, – спокойно ответил самый старший из нас, Лёнька Викторов. – Бежать, мы – бежим. Надо только проследить за Антоном... как бы он чего не подстроил.

¹ Пересмотренный вариант выступления автора на международной макаренковской конференции в октябре 1997 г. в Варшаве.

Мы на цыпочках вышли из общежития и направились во двор – следить за Антоном. Мы видели, как он зашёл к себе на квартиру, распахнул окно и долго стоял возле него в тяжёлом раздумье. Затем вдруг вздрогнул, отошёл в сторону и исчез за белоснежной занавеской. Прошёл добрый час, пока мы снова увидели Антона. Он вышел на крыльцо, невесть зачем неся с собой голубой чемодан и портрет Максима Горького в красной раме. И ушёл по пыльному шляху, убегающему в сторону бора, на дальний и синий Харьков.

Мы долго глядели Антону вслед, охваченные тревогой. Сомнения не было: он уходил совсем. Он уходил совсем, не прощаясь и не оглядываясь назад, оставляя колонию на произвол судьбы, бросая всё, что столько лет так роднило его с нами, с нашей жизнью... угрюмый и злой, родной Антон.

Мы вострепнулись и, подчиняясь смутному чувству тревоги, выскочили за ворота. От Антона мы могли ожидать всего, но того, что он надумал в этот час, мы не ждали. Ведь мы расставались с колонией не надолго, по первому морозцу мы возвращались обратно, словно в родной дом, где всегда находили Антона, как и прежде хлопотавшего о тепле и уюте для нашего брата. Что же будет с нами, если мы вернёмся и вдруг не увидим его? Как будет жить колония без Антона, без нашего дорогого Антона Семёновича?

Тень большого облака стремительно убегала по шляху, освобождая дорогу солнцу. Не помня себя, мы бросились следом за ней. Мы побежали на шлях, за Антоном, и земля загудела от наших ног, дорожная пыль поднялась в воздух и застыла над бором белёсой завесой.

– Антон! Антон Семёныч, куда же ты, куда же ты уходишь?

Не знаю, слышал ли он наш топот и крики, но назад он оглянулся только тогда, когда мы подбежали к нему вплотную. Антон замедлил шаг и, посмотрев на нас сумрачно-строгим и удивлённым взглядом, поставил чемодан на землю.

Мы окружили его.

– Антон Семёныч, – звенящими голосами разом заговорили ребята, – уходишь?

– Да, ухожу, – ответил Антон, вытирая платком вспотевшее лицо.

– Совсем?

– Конечно. Не одному же мне оставаться в колонии. – Антон поднял чемодан и шагнул вперёд.

Нет, Антон Семёныч, не уходи, не уходи, – закричали мы, преграждая ему дорогу. – Клянёмся тебе, не убежим, только вернись...

Антон опять опустил чемодан на дорогу и задумался. Он думал долго, полузакрыв глаза и скрестив на груди свои тяжёлые руки. Потом взглянул на нас и, печально усмехнувшись, спросил:

– В самом деле клянётесь?

– Клянёмся!

– Все!

– Все до одного!

– Ну, если так, – идёте назад, – улыбнулся Антон и позволил взять себя под руки.

И мы повели его по той же пыльной дороге назад, в колонию, которая ещё никогда не была такой дорогой для нас, как в эти минуты.

(«Красная новь». – 1941. – № 4. – С.142–143)

Эта публикация И. Чумака вызвала бурную реакцию в кругу друзей и последователей Макаренко. Как же так? Если верить этому Чумаку, то рушатся все представления о колонии им. М. Горького в пору её расцвета.

Как следует из материалов макаренковского фонда (№ 332) Российского госархива литературы и искусства (РГАЛИ), редакция авторитетного тогда журнала «Красная новь» в 1940 году получила отрицательную внутреннюю рецензию на рукописи рассказов (Л. Озерницкий, «Кривое зеркало Чумака»), которые, тем не менее, всё же были изданы; а после её опубликования запротестовала и Комиссия Союза советских писателей (ССП) СССР по увековечению памяти А.С. Макаренко, организованная сразу же после его смерти. За подписями Ермилова В.В., Колбановского В.Н., Бобунова А.Г. и Макаренко Г.С. – вдовы педагога-писателя, эта комиссия где-то в начале мая 1941 г. отправила письмо в редакцию журнала «Красная новь», в котором среди прочего отмечено: в рассказах И. Чумака «немало неточностей и искажений. Они производят такое впечатление, что ав-

тор их никогда в колонии им. Горького не был и А.С. Макаренко не видел. И главное – автор не понял самой сущности воспитательной работы А.С. Макаренко, не понял основного в облике этого выдающегося советского педагога». И в другом письме (за подписью Бобунова) уже автору рассказов можно прочесть, что старые колонисты и соратники Антона Семёновича, живущие в Москве, «единодушно утверждают, что совсем не знают Вас по колонии, не помнят такой фамилии и утверждают, что бывший колонист-горьковец, настоящий горьковец, никогда не напишет так о колонии, как написали Вы».

Несмотря на данное свидетельство, необходимо исходить из того, что автор рассказов действительно был воспитанником А.С. Макаренко в Куряже, но под другой фамилией – Чумаченко. Это видно из его личного письма к Галине Стахивне Макаренко, направленного 25 марта 1941 г. вместе с машинописным текстом «Антоновские яблоки», на которое, как видно из повторного письма от 10 мая 1941 г., ответа так и не получил. В восьмитомнике «Педагогических сочинений А.С. Макаренко (т.8, М., 1986, с.143) фамилия этого воспитанника (октябрь 1927 г.) ошибочно указана как «Чуманенко». Впрочем, когда Чумак в 1948 году стал членом ССП СССР, в одной из анкет он написал своё имя как: «Чумаков Илья Васильевич». Возможно, что Илья при поступлении в колонию им. М. Горького – по всей вероятности это было в 1927 году – «украинизировал» свою фамилию, став Чумаченко.

И.В. Чумаков (1912–1967) после войны работал в Ставрополе в качестве писателя местного значения. В 1960-е годы он занимал должность зав. отделом «Ставропольской правды» и вместе с прочей партийной и советской номенклатурой проживал в отдельном доме современной постройки. Как сообщает Маргарита Воронова из Ставропольской Краевой Научной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова, «Куряжанские рассказы» И. Чумака включены в его книги «Прапор» (1963), «Живая россыпь» (1967), «Марьины колодцы» (1972) и «В плотных тучах закат» (1999). Впрочем, о литературской карьере этого бывшего куряжанина всемирному макаренковскому товариществу, если не считать С.С. Невскую (Москва), З.Ш. Тененбойма (Санкт-Петербург) и А.А. Фролова (Н. Новгород), до сих пор ничего не было известно.

Небольшие подробности из рассказов Чумака свидетельствуют о незнании их автором личности Макаренко. Например, того, что заведующий колонией, который, как известно, регулярно потреблял по несколько пачек папирос в день, был некурящим, что воспитанники обращались к нему на «ты» (что также не соответствует действительности, что у него в квартире висел портрет Горького «в красной раме», как и «голубой чемодан»... Однако можно возразить, что Чумаков / Чумаченко / Чумак уже к 1941 году вовсе был «настоящим литератором» и вполне мог всё «перемешать в доме Облонских» на свой писательский лад.

Впрочем, против рассказов И. Чумака, опубликованных в журнале «Красная новь», выступили и бывшие воспитанники А.С. Макаренко. Поднявшись на защиту педагогического наследия своего любимого отца, они намеревались написать опровержение клеветы в самый авторитетный печатный орган страны – газету «Правда». К этой акции были привлечены бывшие соратники и ученики Макаренко не только в Москве, Ленинграде, Харькове и Киеве, но даже и на Дальнем Востоке, где под руководством врача Николая Шершнёва, бывшего горьковца, макаренковское братство занималось построением светлого будущего в Комсомольске-на-Амуре.

Одним из самых активных участников развернувшейся кампании был беспартийный, опальный агроном-экономист, которого Макаренко в одном из своих выступлений назвал «бухгалтером» коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. Именно он в 1933 году случайно нашёл чемодан с рукописью нового варианта «Педагогической поэмы» и, таким образом, стал его первым читателем.

Речь идёт не только о коллеге Макаренко по коммуне – начальнике финансовой части, но и о его «первом друге» в годы террора и всеобщего страха, о Константине Семёновиче Кононенко, который не прервал своих близких отношений с семьёй педагога-писателя и после его смерти. С определённой уверенностью можно утверждать: эти отношения впоследствии переросли во взаимовыгодное творческо-коммерческое сотрудничество с Галиной Стахивной Макаренко. Судя по всем архивным данным, без активного участия Кононенко в пропаганде наследия Макаренко не было бы ускорения в возведении последнего в ранг непогрешимого классика педагогики.

Кононенко! Кто он? В советских биографических справочниках о нём нет информации.

К.С. Кононенко родился в 1889 году в уездном городке Рыльск Курской губернии. Как и А.С. Макаренко, он происходил из семьи железнодорожников. Отец Кононенко – начальник маленькой железнодорожной станции возле Харькова, мать – домохозяйка. У них, кроме Константина, было ещё шестеро детей, но двое из них умерли ещё младенцами. Все четверо сыновей стали членами РСДРП (меньшевиков). В 1930-е годы они, а также сестра их, были репрессированы.

Будучи учеником классической гимназии, Константин пристал к местной организации меньшевиков (1905 г.). По окончании гимназии (1909 г.) студент медицинского факультета Харьковского университета; вскоре оставил учёбу из-за отсутствия материальных средств. Возобновил её в 1912 году, но уже на агрономическом отделении естественного факультета того же вуза, который окончил в 1916 году. Затем был мобилизован в армию, однако вместо отправки на фронт его сослали в Царицын, в составе штрафного воинского подразделения, отказавшегося воевать.

В начале 1917 года, после освобождения из ссылки, Кононенко оказался в Киеве, где был зачислен в школу прапорщиков при Киевском военном округе. В этом же году он женился на Елене Трифимовской (дочери офицера), с которой познакомился ещё в Харькове, где она училась на юридическом факультете университета. В 1918 году у них родился сын Олег.

Февральская революция, легализовавшая деятельность политических партий, создала условия для демократизации общественной жизни. На Украине возникла Центральная рада (парламент), членом которой стал и Кононенко. Летом 1917 года его избрали гласным городской думы, где он возглавлял украинскую подкомиссию по вопросам народного образования. В 1918 году, как известно, Центральная рада провозгласила Украину независимым государством, что вызвало гнев большевиков. Накануне штурма г. Киева красногвардейскими отрядами Кононенко тайно переехал в Харьков, прекратив свою политическую деятельность, выйдя из состава партии меньшевиков.

В конце гражданской войны Кононенко работал в кооперативных организациях, занимался научно-педагогической деятельностью в Харьковском институте народного хозяйства, Зооветеринарном институте, Дергачевском зооветеринарном техникуме.

В 1920-е годы в Харькове, тогдашней столице Украины, Кононенко возглавлял различные хозяйственные ведомства в системе Наркомзема и Наркомфина УССР. В декабре 1920 г. его пригласили руководителем подотдела обобществления отдела сельского хозяйства Наркомзема. По его инициативе в этом же году возникло Всеукраинское агрономическое общество, просуществовавшее до 1925 года. Он был организатором Всеукраинского союза сельскохозяйственных товариществ («Сільський Господар»), содействовал становлению Всеукраинского кооперативного банка. Кононенко являлся членом Всеукраинского кооперативного совета (Вукорада), в состав которого входил также видный большевик В.П. Затонский, близкий друг Г.С. Салько, будущей жены Макаренко. В январе 1926 г. Кононенко зачислили сотрудником ревизионной комиссии Украинского сельскохозяйственного банка, а ровно через год избрали членом его правления. На этой должности он находился вплоть до ареста 20 января 1930 г.

Кононенко обвинили в том, что он являлся «контрреволюционным агентом мирового капитала и внутренней буржуазии-кулачества», который, якобы, стремился восстановить капиталистический строй и буржуазно-демократическую республику. В следственном изоляторе его допрашивал начальник второго отдела экономического управления ГПУ УССР – А.О. Броневой (впоследствии он станет председателем правления коммуны им. Ф.Э. Дзержинского и, таким образом, начальником Макаренко).

Судебное заседание состоялось 1 июня 1930 г. в Харькове. По делу о так называемой «Контрреволюционной вредительской организации в сельском хозяйстве УССР» проходило 29 человек, в том числе и Кононенко. Их обвинили во вредительской деятельности и саботаже коллективизации сельского хозяйства. Чрезвычайная сессия Верховного суда УССР приговорила Кононенко к восьми годам лишения свободы, но вместо тюремного заключения его направили отбывать срок в трудовую коммуну ГПУ УССР им. В.А. Балицкого в селе Ладан возле г. Прилуки. Здесь он работал экономистом планового отдела, конечно же, под присмотром этого управления.

17 октября 1931 г. Кононенко обратился в Верховный суд республики с просьбой о пересмотре его дела, ссылаясь на ухудшение здоровья. Заявление отправили в ГПУ, Броневою. Тот, в свою очередь, 26 января 1932 г. обратился к заместителю председателя ГПУ УССР К.М. Карлсону. В ГПУ пересмотрели материалы судебного процесса 1 июня 1930 г. и решили привлечь осуждённых к работе в различных предприятиях и учреждениях их системы.

В коммуны им. Ф.Э. Дзержинского Кононенко поступил на работу в марте 1932 года. Есть все основания полагать, что его направил туда всё тот же Броневою. Именно здесь состоялась первая встреча Кононенко с Макаренко. В течение трёх лет они совместно работали в «Дзержинке», где стали друзьями. И в эти годы педагог добился зачисления на рабфак коммуны сына репрессированного экономиста; благодаря этому у Олега появился шанс стать студентом вуза.

Работая все эти годы в коммуне, Кононенко находился под негласным надзором ГПУ/НКВД; 7 января 1935 г. по решению секретариата ВУЦИКа он амнистирован. Летом того же года Макаренко, как известно, перевели в Отдел трудколоний НКВД УССР в Киев, ставший с января 1934 г. столицей республики.

Обстоятельства сложились таким образом, что и Кононенко оказался в Киеве. Дело в том, что в марте 1936 г. Броневою был назначен вторым заместителем Наркомздрава УССР. Он предложил Кононенко должность заведующего сельскохозяйственным сектором Управления вспомогательных предприятий Народного комиссариата охраны здоровья, на которую агроном-финансист согласился. Но в феврале 1937 г. пути друзей вновь разошлись: Макаренко переехал в Москву, а Кононенко возвратился в Харьков. Они неоднократно встречались и вели оживлённую переписку. Эта переписка продолжалась и после смерти педагога-писателя, но уже с вдовой, которой Константин и Елена Кононенко всячески помогали преодолеть депрессию и включиться в общественную деятельность. Как следует из другой моей статьи «Семь смертей А.С. Макаренко», фактической гражданской женой педагога-писателя в последние дни его жизни была уже не Галина Стахивна, а другая женщина – Роза Липовна Берлин. Именно с ней Макаренко отдыхал в Голицыно. Галина Стахивна после очередного скандала в доме Литфонда, получив неофициальный развод, уехала в город ещё в марте. Ситуацию уточняют и бывшие воспитанники, которые в дни траура в московской квартире видели апатично лежащую в двуспальной кровати Галину Стахивну. Видимо, в сложившейся ситуации она не могла найти решения: какова её роль и как себя вести.

К своей кровати Г.С. Макаренко была прикована, как видно из переписки К.С. и Е.Ф. Кононенко с ней, ещё в июне 1939 г., т.е. почти три месяца после разрыва брачных уз в Голицыно. И могла бы лежать ещё там, если бы не супруги Кононенко. 23 июня Елена Фёдоровна написала Галине Стахивне: «... хотя ты лежишь в постели, но ведёшь себя молодцом». О ситуации в московской штаб-квартире на Лаврушинском харьковские друзья Макаренко узнали от актёра А.Г. Крамова после его поездки в столицу. В том же письме Елена Кононенко от своего и имени мужа серьёзно напоминает Галине о её личном и общественном долге: «... твоё здоровье и доброе состояние нужно Лёве (т.е. сыну. – Г.Х.), да и литературное наследство Антона требует к себе внимательного отношения близкого человека». Результат этого наставнического письма теперь хорошо известен. Галина Стахивна выпорхнула из постели, оформила в городском суде документы подтверждающие, что она действительно единственная наследница педагога-писателя, а также связалась с комиссией Союза советских писателей СССР по увековечению памяти А.С. Макаренко, где стала секретарём, и развернула бурную деятельность по канонизации юридического мужа.

В финансово-организационных делах, – а денежно-деловой интерес был главным для бедной вдовы, – верным, умелым и очень энергичным помощником ей стал Константин Кононенко. В то время, когда Галина Стахивна начинала редакторскую деятельность при подготовке произведений мужа для публикации, основываясь исключительно на своём видении и понимании тех или иных проблем педагогики, культуры, социологии, истории и политики, Кононенко сосредоточил свои усилия на выявлении и сохранении архивных материалов и решении вопросов о гонорарах, связанных с распространением работ его друга. При этом он вёл обширную переписку с различными национальными издательствами и институтами, от адыгейцев до якутов, которые собирались издавать педагогиче-

ские и художественные произведения А.С. Макаренко. Кононенко умело и всегда оперативно инструктировал Галину Стахивну об авторских правах и вытекающих из них финансовых выгодах, а от издательств неумолимо требовал исправной выплаты гонораров, непосредственно вдове или ему как её личному агенту. Об этом свидетельствуют не только переписка, но и копии доверенностей в макаренковском фонде РГАЛИ.

Важнейшей заслугой Кононенко было то, что он стремился найти неизвестные архивные материалы, в том числе стенограммы выступлений А.С. Макаренко; принял меры к их сохранению и переправке в Москву. Об этом он регулярно информировал Галину Стахивну, а она, как секретарь комиссии ССП, на одном из её последних заседаний рекомендовала кооптировать в состав комиссии харьковского «макаренковеда» К.С. Кононенко.

Важным фактом является и то, что Кононенко написал свои воспоминания о дружбе с Макаренко. Мне известны три варианта, разных по форме и происхождению. Наиболее обширный из них, «Забыть его нельзя», подготовлен для основанного М. Горьким «Альманаха» и написан, как следует из переписки, в начале февраля 1940 г. в течение двух недель. Известно, что именно в этом издании в своё время появилась не только «Педагогическая поэма», но и макаренковская статья «Максим Горький в моей жизни». Выпуск «Альманаха», посвящённого А.С. Макаренко, очевидно из-за начавшейся войны не состоялся.

По иронии судьбы, Кононенко стал первой жертвой редакторского деспотизма Галины Стахивны. Воспоминания экономиста она переработала по-своему. В тех местах, где автор не упоминал о ней, рассказывал о событиях, где её и в близко не было, Галина Стахивна решительно «исправляла» и включила в текст, конечно от имени Кононенко, всё, что ей нужно о себе. Здесь, как позже и в работе с текстами мужа бывшего, она была полной хозяйкой. Но при этом необходимо отметить, что автор сам в одном из его писем относительно рукописи статьи для «Альманаха» дал особое разрешение Галине Стахивне «делать с ней, что найдёшь нужным», в том числе и сократить слишком «интимные» места. К счастью, сохранился не только продукт её сверх интенсивного «творчества» (речь идёт об отдельных страницах, которые составляют до одной трети объёма текста), – остатки данного материала каким-то образом попали в ту часть наследия Макаренко, которая после смерти вдовы (в 1962 г.) была передана в тогдашний ЦГАЛИ СССР. Сохранился и полный экземпляр авторского варианта этого уникального источника. Все три варианта воспоминаний, а также переписка между творческо-коммерческой парой, насколько она сохранилась, в 1997 году были опубликованы мною совместно с киевским историком Василием Марочко в двадцатом выпуске марбургской серии «Опускула макаренкиана» (1997 г.) под названием «Свидетельства искренней дружбы: воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко». В.И. Марочко по поручению АН УССР в 1989 г., в период перестройки, в рамках начавшейся тогда реабилитации приговорённых в 1930 году по уголовному делу «Контрреволюционная вредительская организация в сельском хозяйстве», возбуждённому по инициативе Генеральной прокуратуры этой советской республики, экспертно доказал их невиновность.

Начавшаяся война прервала связь между Москвой и Харьковом. Напрасны были попытки Галины Стахивны получить информацию о своём компаньоне. Дальнейшая судьба агронома-финансиста ей не была известна. Об этом свидетельствует запись в одной из послевоенных записных книжек вдовы Макаренко: «Кто знает о Кононенко? Нужно спрашивать Калабалина, Терского, Татаринова...».

Константин Кононенко с семьёй эмигрировал в Германию, а потом в США, где умер в 1964 году. Сын Олег, который окончил Харьковский университет (в 1939 г.), в Америке стал профессором химии. Когда я в 1990 году его нашёл (данные Олега Кононенко включены в справочник «Men and women in American science»), он был уже пенсионером. Олег Кононенко помогал мне приоткрыть некоторые страницы биографии его отца и дружбы с Макаренко, передал документы и материалы их семейного архива и давал необходимые пояснения при чтении рукописных писем родителей. Он умер в 1998 году.

В эмиграции Константин Кононенко никогда не упоминал о своей деятельности в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского и о личном знакомстве с педагогом-писателем. Проживая после войны в Мюнхене, он стал свидетелем, что пропаганда наследия Макаренко, для

организации которой он столько сделал, вышла за пределы Советского Союза, но молчал. Почему?

В послевоенные годы в Мюнхене работал и учёный Г.Г. Ващенко, который знал Макаренко ещё в Полтаве как заведующего колонией им. М. Горького и развернул активную кампанию порочащую цель и достоинство «выдающегося советского педагога», его опыт. Как известно, к тому времени официальная педагогическая наука СССР создала образ педагога-новатора сталинской эпохи, а всё, что препятствовало его канонизации, Галина Стахивна, её сторонники решительно устраняли. На выпады Ващенко против Макаренко, как и на усилия московских пропагандистов идеализировать педагога-писателя, Кононенко не отреагировал.

В этом материале о малоизвестном аспекте канонизации А.С. Макаренко я хотел напомнить о личности, схожей с ним по духу, которая стала жертвой сталинских репрессий и эмигрантом, и таким образом обладала полным набором качеств «врага народа» и «антисоветчика», будучи фигурой, о которой в советское время было принято умалчивать. Обстоятельство дружбы с опальным интеллектуалом проливает свет и на личность самого Макаренко, характеризуя его как действительно великого гуманиста.

Творческо-коммерческий альянс – одна из движущих сил канонизации А.С. Макаренко / Г. Хиллиг // Мировое признание педагогического наследия А.С. Макаренко. Сб. научных трудов российских и зарубежных макаренковедов. Вступление: С.С. Невская. «Народное образование». – Москва, 2010. – С. 127–133.

НА ПУТЯХ К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ А. С. МАКАРЕНКО

Г. Хиллис

Разработка научной биографии А.С. Макаренко является одной из острых потребностей макаренковедения. Данная задача требует широкого использования не только историко-биографической литературы, архивных материалов и публикаций о педагоге-писателе и его деятельности, воспоминаний соратников и очевидцев, но также и релевантных источников о правительственных и партийных решениях по вопросам народного образования и литературной политики во время его жизни. Решающее значение при этом имеет систематическая оценка произведений Макаренко ввиду степени их соответствия истинности. Сюда же включены многие неточности и преувеличения.

Касательно последнего, необходимо учесть ещё один важный момент: в процессе анализа советских собраний макаренковских сочинений выяснилось, что официальные издания АПН РСФСР (СССР) в семи и восьми томах (с 1950 по 1986 гг.) не соответствуют нормам источниковедения и требованиям текстологии. Так, сотрудники марбургской лаборатории «Макаренко-реферат» обнаружили многочисленные редакторские вторжения в смысл и стилистику авторских текстов, их изменение, сокращение и даже произвольные вставки. В значительной мере это касается особенно важных в педагогическом отношении стенограмм выступлений А.С. Макаренко: подлинник частично искажается в угоду конъюнктурной политической идеологии.

Это побудило автора данного материала к подготовке издания стенограмм всех известных на сегодняшний день публичных выступлений А.С. Макаренко в период с 1936 по 1939 гг. Речь идёт о 22 документах, которые впервые печатаются в аутентичном виде, а именно – на основе соответствующих стенограмм из наследия педагога-писателя. Книга выходит в свет в III квартале 2011 г. в Елецком государственном университете им. И.А. Бунина.

В ходе работы над этим изданием удалось раскрыть большое количество новых релевантных биографических фактов, которые в виде примечаний вошли в комментарии к елецкому сборнику. В настоящей публикации читатели журнала «Постметодика» имеют возможность ознакомиться с собранием особенно важных из тех примечаний, с помощью которых удаётся создать панораму определённых макаренковских подлогов, намёков, умолчаний, а также проследить путь к их поправкам.

1. Выступление в Высшем коммунистическом институте просвещения в Москве ([начало августа 1936 г.]). Российский госархив литературы и искусства (ссылки как на: РГАЛИ), 332-4-188, лл.34–38.

Прим. 2: *«Возьмём теперешнюю школу. Хотя бы советскую образцовую школу № 2 им. Ворошилова. Там ведь нет коллектива. Ссоры, сплетни, разговоры»*. Макаренко 11.02.1936 г. «на собрании учащихся VII–X классов 2-й образцовой московской школы им. К.Е. Ворошилова» выступил о «Педагогической поэме» («ПП») (Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. Изд. 2-е, переработ. Л., 1961, с.114).

Прим. 5: *«Я объезжал Киевскую область, в[о] многих детских домах мне пришлось снять железные решётки на окнах»*. Речь идёт о деятельности Макаренко в ОТК НКВД УССР в Киеве (см. док. № 2, прим.9).

Прим. 6: *Болшевская коммуна* – организованная в 1924 г. трудкоммуна № 1 ОГПУ (НКВД СССР) им. Ягоды, в 1920/30-х гг. всемирно известное учреждение для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей, «старший брат» макаренковской «Дзержинки»; см. также док. № 5, прим.29, 38.

Прим. 10: *«В коммуне им. Дзержинского настоящая десятилетка»*. Такая полная средняя школа в «Дзержинке» была организована лишь с начала 1934/35 уч. года – вместо рабфака Харьковского машиностроительного института при коммуне, который работал с 1930 по 1934 гг. и являлся гордостью Макаренко. Как следует из документа «О школьном комбинате коммуны им. Ф.Э. Дзержинского», составленного начальником её

педагогической части Макаренко, по всей вероятности, летом 1934 г. (см.: *Макаренко А.С. Педагогические сочинения* в восьми томах [ПС]. Т. 1. М., 1983, с. 204, 358), с начала нового уч. года старшие классы общеобразовательной школы были открыты в составе «школьного комбината», включавшего, кроме семилетки (кл. III–VII), оптико-механическое и индустриальное отделения техникума и старший концентр десятилетки в составе VIII, IX и X кл. О десятилетке «Дзержинки» Макаренко упоминает также в статье «Справа партії. (Дело партии)» (газ. «Юний піонер», 1936 г., № 10, 12.09, с.2). Умалчивание о существовании рабфака при коммуне в настоящем и всех других выступлениях педагога-писателя 1936–1939 гг. можно толковать как реакцию на изменение политики СССР по поводу среднего образования в середине 1930-х гг., в связи с чем рабфаки были упразднены (Российская педагогическая энциклопедия в двух томах. Т.2. М., 1999 [РПЭ 2], с.236–37, здесь – с.237).

Прим.11: «*Вот я был в 25-й образцовой школе. Там на каждом шагу можно слышать: „мой папа нарком“, „мой папа комкор“, „мой папа редактор“*». Данная школа была расположена в центре столицы (организована в 1931 г. из школ №№ 38 и 68). В середине 1930-х гг. школа № 25 олицетворяла собой всё то, чем должна была являться советская школа. Сталин выбрал это учебное заведение для своего младшего сына Василия и дочери Светланы, т.к. школа славилась отменным порядком и дисциплиной (см. сб.: «Иосиф Сталин в объятиях семьи: из личного архива». М., 1993, с.45–48). Там дети вождя учились вместе с детьми высших руководителей СССР: Молотова, Бубнова и проч., а также авиаконструктора А.Н. Туполева, учёного-энциклопедиста О.Ю. Шмидта. По оценке американского учёного Ларри Ю. Холмса, «обширные фонды, квалифицированные учителя и общественная известность превратили школу № 25 в учреждение, которое символизировало и узаконивало сталинское образование, сталинизм и СССР» (см.: *Holmes L.E. Stalin's School. Moscow's Model School No. 25. 1931–1937. Pittsburgh, 1999*). Достоин обсуждения факт, что и Макаренко после переезда с семьёй в Москву определил в эту школу свою племянницу Олимпиаду, о чём она рассказывала составителю данного издания в 1970 г. Не исключено, что педагог-писатель посетил две вышеупомянутые столичные образцовые школы в 1936 г., чтобы найти адекватное учебное заведение для опекаемой.

Прим. 13: «*Чекиста возьмите за образец, а не Песталоцци*». Примечательна редакция этой фразы в публикации данного выступления в сб. «А.С. Макаренко». Кн.7, Львов, 1969, с.142–47: «И в нашем творчестве мы должны брать в образец большевика, а не Песталоцци».

2. Встреча с читателями Московского завода «Шарикоподшипник» им. Л.М. Кагановича (25.10.1936 г.). РГАЛИ, 613-1-871.

Прим. 3: «*Поэтому написанная мною книга пролежала 5 лет, пока я решился – под большим нажимом и после энергичных требований А.М. Горького – отдать её в печать*». Рукопись первого варианта «ПП» Макаренко весной/летом 1933 г. переработал при финансовой поддержке Горького (5.000 руб.), которая дала ему возможность провести отпуск в Гаграх в доме отдыха Литфонда ССП СССР; см.: Переписка А.С. Макаренко с М. Горьким. Академ. издание. Под ред. Г. Хиллига при участии С.С. Невской. Марбург, 1990; OPUSCULA MAKARENKIANA (OM), Nr.11 (Переписка), с.171. Переработанную рукопись педагог в сентябре того же года в Москве передал писателю для публикации.

Прим. 6: «*[...] в своей книге ни разу не упомянул слова „педология“*». Данное высказывание не совсем верно, потому что в 1-й части «ПП» (гл. «Шарин на расправе») содержится критическое замечание о педологии. Однако в другом месте (2-я часть, гл. «Осень») речь идёт о редакторском изменении авторского текста, которое было проведено после постановления ЦК ВКП(б) от 04.07.1936 г. Имеется в виду дискуссия между инспектором Наркомпроса Джуринской и завколом Макаренко: « – Не читаете педагогической литературы? Вы серьёзно говорите? / – Не читаю вот уже три года. / – Но как же вам не стыдно? А вообще читаете? / – Вообще читаю. И не стыдно, имейте в виду. И очень сочувствую тем, которые читают педагогическую литературу». Во всех советских изданиях «ПП», начиная с 1937 г. и оканчивая 1984 г. (ПС 3, с.254), вместо «педагогическая» литература говорится «педологическая» (см.: *Makarenko A., Gesammelte Werke. Marburger Ausgabe [GW]. Bd.4. Stuttgart, 1982, с.143, 273*).

Прим. 9: «[...] мы, согласно постановлению ЦК партии и СНК, принимали от Наробраза некоторые колонии для правонарушителей». Отдел трудколоний (ОТК) НКВД УССР, где Макаренко занял пост помощника начальника и начальника отделения учебно-воспитательной работы, был организован летом 1935 г. В его подчинении находились 12 трудколоний, переданных – согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31.05.1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» – в управление НКВД из Наркомпроса, а также 19 приёмников-распределителей для несовершеннолетних. Трудкоммуны НКВД УССР им. Дзержинского и им. Балицкого были переведены в распоряжение ОТК лишь в январе 1936 г. – за исключением их промышленных подразделений, которые остались в ведении Админхозуправления (АХУ) НКВД. На Украине в ведение Отдела не входили трудколонии из системы ГУЛАГа, отличавшиеся закрытостью, суровым бытом и жёсткими порядками. Почти все подобные гулаговские учреждения были сосредоточены в «братских республиках» – в России и Казахстане (см.: Абаринов А., Хиллиг Г. Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935–1937 гг.). Марбург, 2000; ОМ, №22 [Абаринов/Хиллиг], с.27).

Прим. 10: «Мне самому пришлось принять такую колонию, которая была целиком во власти педологов, т.е. наиболее образованных, прекрасных, с их точки зрения, педагогов, – это одна киевская колония». Речь идёт о трудовой колонии НКВД УССР № 6 в Броварах под Киевом, которой Макаренко руководил с октября 1936 г. по январь 1937 г. по совместительству, работая в ОТК.

Прим. 11: «И вот они живут и живут, потому что мы их не изолируем, а наказываем так, как это рекомендовано постановлением ЦК партии». В п.7 постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31.05.1935 г. говорится: «Обязать наркомпросы союзных республик разработать правила внутреннего распорядка в детских домах, определив в них как меры поощрения за хорошее поведение воспитанников, так и меры наказания за совершаемые проступки» («Правда», 1935 г., № 149, 31.05, с.3).

Прим. 12: «Вот, например, 7 апреля прошлого года был издан закон, что все несовершеннолетние, совершившие преступления, отдаются под суд и судятся по всем законам обычного нашего советского уголовного права». По постановлению ЦИК и СНК СССР от 07.04.1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» ответственность по некоторым видам преступлений начиналась с 12 лет.

Прим. 14: «Идя навстречу нужде многих родителей, я написал вторую книгу, которая печатается сейчас в Москве. Она так и называется – „Книга для родителей“».

Это заявление не соответствовало действительности – «КдР» в тот момент ещё не была закончена, что также следует из дальнейшего выступления докладчика.

Прим. 24: «Только в 1914 г., через 9 лет, уже после смерти отца, я смог поступить в педагогический институт [...]». Это не соответствует фактам: отец педагога-писателя С.Г. Макаренко умер 27.02.1916 г., т.е. на втором году учёбы А.С. в Полтавском учительском институте.

Прим. 25: «С 1917 г. я опять учительствовал в той же школе, что и раньше, но я был уже директором школы. Это вагонный завод в Крюкове». Здесь Макаренко имеет в виду ж.д. училище, которым он руководил с 1917 по 1919 г. Крюковские мастерские лишь в советское время были реорганизованы в вагонный завод.

Прим. 26: «Я в этой школе был до Деникина. Во время Деникина мне пришлось оттуда уйти». Занятие Крюкова деникинской Добровольческой армией произошло 10.08.1919 г. (Рад. енциклопедія історії України, т.2. Київ, 1970, с.501).

Прим. 27: «Я пошёл в народную школу в Полтаве учителем». Приглашение «на должность заведующего городским низшим начальным училищем им. князя Куракина», датированное «7/IX 1919 г.», Макаренко получил в Крюкове, когда ещё работал на посту «инспектора Соединённого железнодорожного училища на ст. Крюков Юж.ж.д.» (РГАЛИ, 332-4-360, л.1). Полтава была захвачена деникинской армией уже 29.07.1919 г.; таким образом, он в сентябре того же года переехал из «белого» Крюкова в «белую» Полтаву. Утверждение докладчика, что он в этом городе работал не заведующим, а учителем одного из городских училищ, можно проследить также и по его анкетам, начиная с 1923 г.

Прим. 28: «В Киеве строится образцовая колония, которая должна быть чем-то вроде коммуны им. Дзержинского. Мы ходатайствуем, чтобы ей дали имя Павла Пет-

ровича Постышева». Постышев П.П. (1887–1939), с 1933 по 1937 г. – секретарь ЦК ВКП(б) Украины.

Прим. 29: «[...] они [дзержинцы] государству дают ежегодно 8 миллионов чистой прибыли». Точных данных о «чистой прибыли» от производства «Дзержинки» во время деятельности Макаренко не имеется. Однако в документе «Всесоюзная регистрация (перепись) предприятий социалистической промышленности на 1/1 1936 г.» по поводу «Трудкоммуны им. „Дзержинского“ (Харьков)», предприятия «фото-плёночное и электросверлилки», упоминается следующий заработанный в 1935 году доход: 15.400.200 рублей (Держ. архів Харківської області [ДАХО], Р-4511-1-16., л.3 с об.).

Прим. 32: «*Воспитывают они (чекисты) не только детей, но и взрослых. Я пока этим педагогическим миром вполне удовлетворён*». Как свидетельствует фотография Макаренко вместе с сотрудниками библиотеки «Шарикоподшипника» (опубликованная в многотиражке «За советский подшипник», 1936, № 199, 03.11, с.4), он в Москве носил форму помначотдела НКВД, которую для «операдминсостава» ГУЛАГа и ОТК повсеместно ввели приказом наркома Ягоды лишь 25 июня 1936 г. (Абаринов/Хиллиг, с.162–64).

Прим. 33: «*Особенно меня стали ругать в 1930 г., когда я в „Дзержинке“ возился, возился с воспитателями, а потом взял и в один день снял всех*». См. Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского, Харьков. Харьков, 1932 (Вт.р.), с.24: «[1930 год]. Октябрь 16. «Уничтожение в коммуне должностей воспитателей. Коммунары уже настолько выросли и настолько выросло их самоуправление, что они уже могли в дальнейшем сами вести коммуну». Данное место из хроники «Перевернутые страницы» в семи-томнике «Сочинений» АПН РСФСР (С) изменено таким образом: «[...] что они уже могли в дальнейшем сами поддерживать в коммуне установленный порядок и дисциплину». (С 2 [1951], с.410). Ответственный редактор В.Е. Гмурман в беседе с составителем данного издания (в 1973 г.) обосновывал «уточнение» текста тем, что теперешние советские читатели уже не в состоянии понимать значение макаренковской формулы: «сами вести коммуну».

Прим. 34: «За это меня тоже начали покарывать – как это вы работаете без педагогов, где же руководящая роль педагогов?» О «ведущей роли педагогов» речь идёт в постановлении ЦК ВКП(б) от 25.08.1931 г. «О начальной и средней школе», опубликованном в «Правде» от 05.09 того же года (№ 245, с.1). Здесь «снижение роли учителя» осуждается как «левый уклон».

Прим. 35: «*И сейчас новую большую колонию на 1.000 чел. я думаю организовать без единого воспитателя. Я организую там комсомольскую организацию. Кое-кого из старых комсомольцев я уже перетащил*». Об упомянутом здесь проекте организации новой колонии НКВД УССР им. Постышева (см. Прим. 28) до сих пор ничего неизвестно. По всей вероятности, после снятия секретаря ЦК ВКП(б) Украины Постышева и наркома внутренних дел УССР Балицкого с их должностей (летом 1937 г.) ОТК НКВД от таких планов отказался.

Прим. 36: «*Я в своей книге говорю, что некоторые детали человеческой личности можно штамповать на штампах. На меня педагоги страшно кричат за это место – как можно человека штамповать?*» Аналогии между процессами воспитания и производства, содержащиеся в 3-й части «ПП» (гл. «У подошвы Олимпа»), были раскритикованы некоторыми рецензентами. Поэтому настоящее высказывание из изданий данного произведения, вышедших в 1937 г., исключено, однако в посмертные издания оно вновь включено (см.: GW 5, с.308).

Прим. 41: «*Я не мог бы дать слова Калины Ивановича, если бы я не записывал некоторые его фразы*». Записные книжки Макаренко 1920-х годов, в которых зафиксированы «слова Калины Ивановича», к сожалению, не сохранились.

3. Диспут в Московском областном педагогическом институте (27.10.1936 г.). Институт мировой литературы РАН. Рукописный отдел (ИМЛИ), 114-1-6.

Прим. 3: «*Я получил высшее педагогическое образование [...]*». Данное замечание не соответствует действительности. Полтавский учительский институт, который Макаренко окончил в 1917 г., по положению об учительских институтах от 31.05.1872 г. был учреждением среднего педагогического образования. В советское время юридически это означало «неполное высшее» образование.

Прим. 6: «[...] и добиваюсь за такие преступления 3 лет тюрьмы». В феврале 1928 г. за избиения воспитанников к трём годам лишения свободы был приговорён «завкол» А.И. Остапченко, который находился в подчинении зав. Управлением детскими учреждениями Харьковского округа Макаренко. Последний выступал перед общественностью и на суде в качестве защитника Остапченко.

Прим. 8: «Затем т. Макаренко критикует ответы и [на. – Г.Х.] вопросы читателей, помещённые в журнале „Коммунистическое просвещение“ (август 1936)». Речь идёт о материале, опубликованном в № 4 (с.126–27) за 1936 г. этого журнала Наркомпроса РСФСР: «Вопрос т. Немченко и др.: Какие вы рекомендуете меры для исправления недисциплинированных учеников». Данная «консультация», которая в общей сложности включает 10 пунктов, касательно определённой Макаренко проблемы выглядит следующим образом: «7) Когда приходится с ребёнком или подростком проводить беседу о нарушении им правил внутреннего распорядка школы, о совершении им недопустимого для школьника поступка – надо вести эту беседу спокойным, ровным тоном. Ребёнок должен чувствовать, что учитель даже при применении мер воздействия делает это не из чувства злобы, не рассматривает это как акт мести, а исключительно как обязанность, которую учитель выполняет в интересах ребёнка. Недопустимо, чтобы учитель выносил порицание ребёнку с чувством отвращения к нему, обнаруживал презрение к этому ребёнку. Особенно недопустимо применять какие-либо меры воздействия в возбуждённом виде, выражать их в бранной форме. Нельзя допускать преувеличения поступка ребёнка, выражать сомнение в возможности исправления. Отрицательно реагируя на поступок ученика, учитель не должен оскорблять самолюбие ученика, а наоборот, подчёркивать своё положительное отношение к личности ученика и тем стимулировать его не совершать больше отрицательных поступков».

Прим. 16: «[...] выпала из поля зрения автора и школьная жизнь [...]». В колонии им. Горького занятия проводились по комплексному методу (см. док. № 7, прим. 6). После ликвидации в 1931 г. всех экспериментальных форм обучения Макаренко решил в «ПП» отказаться от описания работы в школе колонии.

5. Лекция «Художественная литература о воспитании безнадзорных детей», прочитанная в Политехническом музее в Москве (21.04.1937 г.). ИМЛИ, 114-1-2.

Прим. 3: «*Рефлексология*, направление в рус. психологии нач. 20 в. Создателем и признанным лидером её был В.М. Бехтерев (1857–1927; „Основы рефлексологии“, 1920). Становление рефлексологич. учения происходило под влиянием идей И.М. Сеченова о рефлекторной природе психики, а также развития физиологии» (РПЭ 2, с.259). Бехтерев – последователь учения И.П. Павлова о безусловных и условных рефлексах (лат. reflexus – отражение).

Имеется в виду наука о внешних проявлениях душевного, психического состояния в движениях, действиях, поступках, поведении, образе жизни. Виды рефлексов отличаются степенью сложности, скорости и длительности реакции. Отсюда – по Бехтереву – задачи рефлексологии: фиксация и изучение актов движений, поведения; типология таких актов по признаку частоты и силы внешнего воздействия, вызвавших определённый тип актов.

Судьба рефлексологии оказалась весьма драматичной. Использование её базовых начал оказалось плодотворным и эффективным как в науке (физиология, медицина, педагогика, социальная психология и др.), так и в искусстве (творчество писателей-экзистенциалистов; система Станиславского в театре; фильмы Чаплина и мн. др.). Но эпигонство, грубейшая вульгаризация, слепой механический, зачастую своевольно-чиновничий подход к сложному, многоаспектному учению в Советском Союзе с 1930-х годов дискредитировали рефлексологию. Её «поправили» с позиции сталинско-лысенковского «диалектического материализма» и вычеркнули из науки безусловные рефлексы. С разгромом биологической науки (1948 г. и далее) рефлексология в СССР прекратила своё существование.

Прим. 12: «[...] как педагогический труд, эта книга („Республика Шкид“) неудачна, причём даже причины самой неудачи можно вскрыть по книге». Горький, который весьма положительно отзывался о «Республике Шкид» (альманах «Круг», № 6, М., 1927), при этом отмечал, что её значение «не может быть преувеличено», рекомендовал прочитать

эту книгу и написать рецензию некоторым своим корреспондентам, в т.ч. и Макаренко в письме от 28.03.1927 г. (см.: Переписка, с.47). В следующем его письме (от 25.02.1928 г.) Макаренко не откликнулся на эту просьбу, лишь через 9 лет, уже после смерти «пролетарского писателя», он негативно оценивал «Республику Шкид» – после данного выступления (21.04.1937 г.) также и в статье «Детство и литература» (написанной 06 и 08.05 и опубликованной 05.07.1937 г. в «Правде»).

Прим. 14: *«Есть ещё одна книга, которую вы, вероятно, мало читали, это „Утро“ Микитенко. Написан только 1-й том, книга не окончена»*. Микитенко И.К. (1897–1938; репрессирован), сов. укр. писатель – автор романа «Ранок» (кн.1; перевод на рус. яз.: «Утро», 1933). Он 28.01.1932 г. посетил «Дзержинку» и записал в «книге отзывов» (перевод с укр. яз.): «Коммуна имени Феликса Дзержинского произвела на меня такое светлое, радостное, незабываемое впечатление, какое не часто бывает в жизни. Растут прекрасные, крепкие, способные и преданные строители социализма. Очень жалею, что не был знаком с коммуной раньше [...]» (*Нежинский Н.П.* А.С. Макаренко и педагогика школы. Киев, 1976, с.89). В связи с работой над второй книгой своего романа Микитенко вновь приезжал в «Дзержинку» – июнь 1934 г. Вторая книга в свет не вышла.

Прим. 15: *«Я как раз эту коммуны знаю [...]»*. Действие романа «Утро» происходит в трудкоммуне № 2 им. Балицкого под Прилуками, которая с января 1936 г. подчинялась Отделу трудколоний НКВД УССР (см.: док. № 2, прим. 9).

Прим. 17: *«[...] когда в 1931 г. коммуна за одну неделю увеличила свой состав со 150 до 350 чел.»* Такой набор в коммуны им. Дзержинского в 150 (а не 200) чел. проводился в связи с расширением производства осенью 1931 г. (Вт.р., с.37).

Прим. 20: *«За 17 лет работы в детском коллективе, в конце концов это был один коллектив [...]»*. Срок своей работы в колонии и коммуне (1920–1935 гг.) Макаренко здесь и в других выступлениях продлевал на один или два года – по всей вероятности, с целью умолчать о своей деятельности в аппарате НКВД УССР (до февраля 1937 г.). Этого же метода придерживалась и вдова в её предисловиях к изданиям произведений А.С. Макаренко, а также первый биограф Е.Н. Мединский в своих монографиях, написанных в 1940-х гг. Здесь – а вместе с тем и в литературе о Макаренко до 1949 г. – отсутствует какое-либо указание на жизнь и службу педагога-писателя в Киеве.

Прим. 21: *«[...] колония Горького, которая целиком перебежала в коммуны Дзержинского после моего перехода»*. Это не соответствует действительности. Общее число колонистов-горьковцев в 1927/28 г. – прикл. 400 чел. В момент открытия коммуны им. Дзержинского в декабре 1927 г. первая партия воспитанников из колонии им. Горького насчитывала всего 60 чел. – 50 мальчиков и 10 девочек (Вт.р., с.15). Позже к этой партии добавлялись только отдельные колонисты-горьковцы.

Прим. 23: *«[...] это не только моя работа, а работа многих людей, и в особенности чекистов Украины»*. Это последняя ссылка Макаренко на заслуги сотрудников НКВД УССР в ликвидации преступности и беспризорности среди подростков. Через месяц, на июньском (23.–29.06.1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), нарком внутренних дел УССР В.А. Балицкий, его многолетний покровитель, был исключён из состава членов ЦК, а 7 июля (во время командировки) арестован (*Шаловал Ю., Пристойко В., Золотарьов В.* ЧК – ГПУ – НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ, 1997, с.67, 437).

Прим. 27: В сентябре 1936 г. в лондонском издательстве S. Nott в переводе на английский язык вышла 1-я часть «ПП», под заглавием «Road to Life» (GW 13, с.51). Мнение, что это решение издательства было принято из коммерческих соображений с желанием повторить всемирный успех фильма «Путёвка в жизнь», соответствует действительности; см. публикацию английского историка Дж. Данстэна (John Dunstan): „Der Weg ins Leben“ oder wie Makarenko in England bekanntgemacht wurde. Vom „Buch zum Film“ zum „Film zum Buch“ / Stand und Perspektiven der Makarenko-Forschung. Materialien des 6. internationalen Symposions (18. April – 2. Mai 1989). Hrsg. v. G. Hillig u. S. Weitz. München, 1994, с.256–77.

Прим. 28: *«Я получил несколько отзывов английских газет, и все они почти написаны так: кто видел „Путёвку в жизнь“ и перечувствовал то глубокое переживание, которое она вызывает, тот должен прочесть „Педагогическую поэму“ – она дополняет „Путёвку в жизнь“»*. В «Лит. газете» от 15.03.1937 г. (№ 14, с.3) помещены отрывки из рецензий на английское издание 1-й части «ПП»: „Manchester Guardian“, „The Times Literary Supplement“, „Daily Worker“, „The Christian Science Monitor“, „The Granta“, „Monthly Re-

view of the USSR Trade Delegation in Great Britain”, “The new English Weekly”, “Reynolds News”.

Прим. 29: «„Путёвка в жизнь“ – страшная вещь». [...] между тем ничего общего между «Путёвкой в жизнь» и «Педагогической поэмой» нет». Непонятное для теперешних читателей обстоятельство: как это Макаренко столь категорично отмежевывается от фильма «Путёвка в жизнь»? Такой демарш, по всей вероятности, можно объяснить арестом организатора трудкоммун ОГПУ-НКВД СССР, бывшего наркома внутренних дел СССР Г.Г. Ягоды, о котором «Правда» сообщила 03.05.1937 г., т.е. за три недели до данного выступления. Интерес в этом отношении представляют слова Макаренко о предстоящем мероприятии через год (!), во время его выступления на московском Станкозаводе им. С. Орджоникидзе (09.05.1938 г.; док. № 11): «До сих пор мне приходилось разговаривать с педагогами, главным образом, и случайными читателями в Политехническом музее и т.д.». Таким образом, причиной цитированного выше довольно странного высказывания Макаренко о фильме «Путёвка в жизнь» после ареста многолетнего госпопечителя Болшевской коммуны мог быть страх перед неизвестной ему публикой в московском музее.

Примечательно, как составители семитомника «Сочинений» Макаренко обращались с выше цитированным высказыванием «„Путёвка в жизнь“ – страшная вещь. [...] между тем ничего общего между „Путёвкой в жизнь“ и „Педагогической поэмой“ нет». Первую фразу вообще исключили (лишь в восьмитомнике «Педагогических сочинений» она – по всей вероятности по ошибке – была восстановлена), а вторую препариовали по идеологическим канонам отечественной педагогики 1940–50-х гг. (в восьмитомнике эта фраза вновь дана по семитомнику): «„Путёвка в жизнь“ и „Педагогическая поэма“ объединяют советские принципы отношения к человеку, а методы воспитания в этих произведениях разные»; см.: С 5 (1951), с.359; С 5 (1958), с.379; ПС 7, с.43.

Прим. 36: «[...] до 40 лет мне было просто некогда жениться, а сейчас – женат [...]». «Макаренко (Салько) Галина Стахивна – жена педагога-писателя, его соратник в педагогической, литературной и общественной деятельности с осени 1929 г.» (ПС 7, с.300, пр.18). Как видно из их переписки, оба уже годом раньше считали себя мужем и женой. Регистрация брака состоялась лишь в сентябре 1935 г. в Киеве.

Прим. 38: «„Каково ваше мнение о книге «Болшевцы»?“ Я не имел в виду говорить о ней, потому что там иные дети и совершенно другие задачи воспитания». 27.08.1936 г. «Лит. газета» (№ 48, с.3) опубликовала подробную рецензию Макаренко на сборник «Болшевцы. Очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягода (!) трудкоммун НКВД» (под ред. М. Горького, К. Горбунова и М. Лузгина; М., 1936). В своём отзыве педагог-писатель считает, что «сделана очень хорошая, очень важная и полезная книга, сделана любовно, талантливо. За границей книга должна произвести ещё большее впечатление, чем у нас, в ней замечательно уверенно звучит наша философия человека, в ней хорошо показаны корни пролетарского гуманизма» (GW 7. Ravensburg, 1976, с.236). Предложение Макаренко о переводе сборника на иностранные языки не было осуществлено. Уже через месяц после публикации рецензии Ягоду сняли с поста Наркома внутренних дел СССР и книгу изъяли из продажи и библиотек.

6. Лекция в Московском доме учителя (22.05.1937 г.). РГАЛИ, 332-4-151.

Прим. 2: «Они (чекисты) замечательно культурны, большей частью с высшим образованием». Это не соответствует фактам. У большинства сотрудников ГПУ-НКВД было лишь начальное школьное или домашнее образование. Из чекистов в окружении Макаренко во время его работы в коммуне им. Дзержинского и в ОТК НКВД УССР только у В.А. Балицкого было неполное высшее образование.

Прим. 3: *Лейц (Leitz)* – немецкая фирма (основ. в 1849 г.), специализирующаяся на выпуске оптических систем и приборов точной механики. До 1945 г. крупнейший в мире изготовитель микроскопов, фотоаппаратов, проекционной аппаратуры, биноклей и др. Мировую известность фирме принесло семейство фотоаппаратов «ЛЕЙКА» (1924 г.) – первых в мире плёночных малоформатных аппаратов.

Прим. 6: *Терский В.Н.* (1898–1965) – соратник Макаренко с 1925 г., организатор клубной работы в колонии и коммуне. Автор многих публикаций о макаренковском опыте, в т.ч. книги «Клубные занятия и игры в практике А.С. Макаренко» (М., 1959).

В документе «Характеристики на работников учебно-воспитательной части Коммуны (2 апреля 1935 г.)», автором которого по всей вероятности являлся начальник педагогической части «Дзержинки» Макаренко А.С., говорится: «Терский Виктор Николаевич (1898 г.р., обр. среднее, в коммуне с 1928 г.). Тов. Терский преподаёт рисование и черчение в неполной средней школе. Одновременно с этим является руководителем кружков при клубе коммуны. К работе в школе относится добросовестно. Умеет заинтересовать ребят. Особенно ценным тов. Терский является во внешкольной работе. Он – организатор целого ряда кружков, выставок, походов, игр „развлечений“, ребусов, стензадач, стенных газет и пр. Работа его в художественном и драматическом кружке даёт очень большие результаты. Ребята охотно работают под его руководством. В общественной жизни коммуны активен, проявляет большую инициативу и исполнительность». (ДАХО, р.4511-1-11, л.44.)

Прим. 10: «В 1935 г. принимал одну колонию для трудных детей». Здесь и в дальнейшем имеется в виду трудовая колония в Броварах под Киевом, руководство которой Макаренко временно осуществлял лишь в октябре 1936 г. по совместительству, работая в ОТК (см. док. № 2, прим. 10). С помощью изменения даты руководства Броварской колонией педагог-писатель, очевидно, хотел скрыть свою тогдашнюю деятельность в центре НКВД УССР.

Прим. 12: «Второй случай: на пароходе из Батуми в Ялту. На верхней палубе, во время завтрака. Консервной банкой». Как видно из док. № 21, «один довольно взрослый коммунар консервной коробкой во время завтрака другому, более молодому коммунару до крови расшиб голову. Это было сделано в присутствии команды и пассажиров». Решением общего собрания коммунаров «злодей» был ссажен с парохода – «без денег и вещей».

Прим. 15: «Немецкая делегация. Пример с фотоаппаратом. За ½ часа – 30 минут». Как видно из док. № 14, речь идёт о случае промышленного шпионажа, имевшем место в «Дзержинке»: коммунары у одного из членов «фашистской» делегации «увидели „Лейку“ последнего выпуска с какими-то приспособлениями, какие у нас не делали. За 40 минут они разобрали „Лейку“, обмерили и сделали чертежи этих приспособлений, сфотографировали их и безукоризненно собрали фотоаппарат.

7. Цикл лекций «Проблемы школьного советского воспитания», прочитанных в Наркомпросе РСФСР

Лекция первая: «Методы воспитания» (10.01.1938 г.). РГАЛИ, 332-4-168.

Прим. 6: *Комплексный метод преподавания* – «способ построения содержания образования и организации процесса обучения на основе единого связующего стержня (напр., области детских интересов и склонностей, знакомства с определённым кругом жизненных явлений, изучения родного края, выполнения практич. заданий)» – применялся в советской школе в 1922–31 гг., т.е. до восстановления предметной системы преподавания (см.: РПЭ 1. 1993, с.459–60).

Прим. 12: «У него (Энгельса) есть прекрасная статья о необходимости военизации в школе». Имеется в виду статья Ф. Энгельса «Может ли Европа разоружаться?» Том XVI сочинений Маркса и Энгельса (ч. II), в который был включён перевод этого материала, вышел в свет в 1936 г.

Прим. 13: «Я, например, не совсем согласен, что можно школы называть *неполной средней школой*». Неполная средняя школа (НСШ) – в 1934–58 гг. в СССР тип общеобразовательной школы в составе 1–7-го классов, дававшей неполное среднее образование. С 1932/33 уч.г. в крупных городах, столицах союзных и автономных республик был введён 10-летний срок обучения; так полные средние школы (ПСШ) становились «десятилетками». Фактически до смерти Сталина параллельно с ПСШ существовали НСШ; эти «семилетки» предназначались для сельского населения СССР.

9. Цикл лекций «Проблемы школьного советского воспитания», прочитанных в Наркомпросе РСФСР

Лекция третья: «Педагогика индивидуального действия» (16.01.1938 г.). РГАЛИ, 332-4-171.

Прим. 2: «Я называю эту логику логикой параллельного педагогического действия. Мне очень трудно объяснить, так как я никогда не писал об этом, поэтому не искал и не находил формулировок». В противоположность к этому утверждению, о данном новаторском методе речь идёт уже в макаренковском материале «Методика организации воспитательного процесса», написанном в 1935 г. и опубликованном в качестве служебного издания НКВД УССР (см. ПС 1, с.267–69; Абарин/Хиллиг, с.70–73).

Прим. 4: «[...] и там (в коммуне им. Дзержинского) бывает много наших и иностранных делегаций. В 1935 г. только „Интурист“ чествовал [нас] за 1.000-ную делегацию». О таком огромном числе зарубежных посетителей «Дзержинки» до сих пор из имеющихся источников ничего не было известно. Внимания заслуживает поразительное преобразование данной цифры в советских изданиях трудов педагога-писателя: «2000-ю» (Макаренко А.С. Избранные педагогические произведения. Статьи, лекции, выступления. М., 1946, с.115; Макаренко А.С. Избранные педагогические сочинения. В 4-х книгах. Кн.4. М., 1949, с.67), «200-ю» (С 5 [1951], с.169; С 5 [1958], с.172; ПС 4, с.167). В макаренковской хронике «Перевернутые страницы. (Вехи, события, факты)» (дек. 1932 г.) говорится о том, что «за время существования трудкоммун им. Ф.Э. Дзержинского последнюю посетило 214 делегаций», в т. ч. 127 зарубежных (Вт.р., с.31).

Иностранные делегации и туристы приезжали в коммуну не только через акционерное общество «Интурист» (осн. в 1929 г.), но также через профсоюзы и Отдел приёма иностранцев Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС, осн. в 1925 г.). Как видно из письма харьковского филиала этой организации (Всеукраїнське товариство культурного зв'язку з закордоном) в Правление ВОКСа в Москве от 28.12.1932 г., коммуна лишь в этом году была включена в перечень объектов украинской столицы для показа иностранным делегациям (см.: Госархив Российской Федерации, 5283-8-118, л.107). Там она представлена следующим образом:

«Детская коммуна им. Дзержинского

Белгородское шоссе, 3 клм. от площади Дзержинского, трамвай №№ 5, 12, 19.

350 детей (258 мальчиков, 92 девочки). При коммуне электроинструментальный завод и 3-х летний рабфак с техническим уклоном, по окончании которого воспитанники имеют возможность поступить в ВТУЗы. Основана в декабре 1927 г. на средства работников Г.П.У. Первоначально объединяла 60 детей – бывших беспризорных. Перевоспитание беспризорных с самого начала существования коммуны проводится на основах внедрения трудовых навыков. Для этого при коммуне сначала были организованы мебельные мастерские, которые затем были заменены небольшим заводом электросверликов типа „Петравец“, намечено производство фотоаппаратов типа „Лейка“ (с 1 июля 1933 г.).

Коммуна существует на основах самоуправления (совет командиров), широко развито социалистическое соревнование» (там же, л.110). Из содержания данного материала можно сделать вывод о том, что его автором был начальник педагогической части «Дзержинки» Макаренко А.С.

Прим. 9: «[...] я выпустил 2.000 чел. [...]». Об общем числе выпускников колонии и коммуны по 1932 г. в незавершённом произведении «Опыт методики работы детской трудовой колонии» говорится: «Все[го] же передо мной прошло за двенадцать лет около двух тысяч пятисот молодых людей [...]» (ПС 1, с.167). Однако в рукописи данной работы речь идёт о 2 000 чел.

Прим. 13: Коган С.Б. – с декабря 1929 г./января 1930 г. зав. производством коммуны им. Дзержинского. Вызывает удивление: фамилия этого важнейшего для развития коммуны деятеля, как и его предшественника Кропачёва, почему-то не упомянута в хронике «Перевернутые страницы» (см. Прим. 4).

10. Цикл лекций «Проблемы школьного советского воспитания», прочитанных в Наркомпросе РСФСР

Лекция четвёртая: «Трудовое воспитание, отношения, стиль, тон в коллективе» (20.01.1938 г.). РГАЛИ, 332-4-172.

Прим. 8. «В коммуне мы совершили 6 походов». Под руководством Макаренко было четыре похода (московский – июль 1929 г., крымский – июль–август 1930 г., кавказский

– июль–сентябрь 1931 г. и волжско-черноморский – июнь–август 1933 г.) и два лагеря (около Бердянска – август 1932 г. и около Славяногорска (сейчас Святогорск), на берегу Дона – июль–сентябрь 1934 г.).

12. Беседа с начинающими писателями на тему «Как создаётся художественное произведение» (11.07.1938 г.). РГАЛИ, 332-4-174.

Прим. 5: «*Один бухгалтер (далеко не литературный критик) донёс о существовании „Педагогической поэмы“ А.М. (Горькому), который вызвал меня телеграммой в Москву*». В переработанном варианте выступления этот эпизод передан более подробно и точно: «[...] один из моих приятелей, начальник финансовой части коммуны, в какой-то служебной папке нашёл несколько страниц „Педагогической поэмы“, прочитал их и заинтересовался. Он настойчиво потребовал от меня, чтобы я дал ему почитать книгу, которая в то время не имела даже названия. Я не особенно сопротивлялся, в самом деле, пусть читает! Я был очень удивлён его читательскими восторгами, но они не вскружили мне головы. Я думал: провинциальный читатель, да ещё бухгалтер, что он там понимает в литературе. Неожиданно я получил письмо, а потом и телеграмму от Алексея Максимовича с требованием немедленно представить книгу. Делать было нечего, я собрался в Москву и повёз с собой названную уже „Педагогическую поэму“» (ПС 7, с.179). Здесь говорится о Кононенко Константине Сергеевиче (1889–1964), репрессированном экономисте, работавшем с марта 1932 г. в коммуне им. Дзержинского начальником финансовой части. См.: Свидетельства искренней дружбы: воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренке. Издатели: Г. Хиллиг, В. Марочко. Марбург, 1997 (ОМ, № 20).

Прим. 6: «*В Союзе писателей Украины председатель этого союза, враг народа [...]*». Речь идёт об А.Г. Сенченко. Под заголовком «У Спілці радянських письменників УСРР» (В Союзе советских писателей УССР) 17.11.1936 г. украинская «Литгазета» сообщила: «Освобождён от поста председателя Союза писателей УССР А.Г. Сенченко» (см.: Абаринов/Хиллиг, с.176).

Прим. 7: «*[Председатель ССП Украины] требовал от писателей – не сидеть на месте, ездить, путешествовать, собирать впечатления. Было много сторонников этого мнения*». Имеется в виду «новый тип писателя, активного участника социалистического строительства». При этом речь идёт о требовании не Союза писателей УССР 2-й половины 1930-х гг., а Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) конца 1920-х – начала 1930-х гг. – ввиду «роста промышленной продукции, обгоняющего предложения пятилетки, неслыханного темпа коллективизации деревни, создания новых гигантов индустрии, социалистического соревнования, непрерывного производства, культурного подъёма» (из передовой статьи «Современные задачи пролетарской литературы» / «Печать и революция», 1929, № 9, с.4). Однако в то время Макаренко работал не на вершинах всесоюзной теории культуры, а в глубинах украинской педагогической практики – почему он и не был осведомлён о требованиях к «новому типу» советского писателя.

Прим. 8: «*С 1915 года по сегодняшний день я веду записную книжку, и это дело организовано у меня очень хорошо (солидно). У меня большая книжка [...]*». Данная «большая книжка», а также записные книжки до 1929 г. не сохранились.

Прим. 9: «*Когда стали „Педагогическую поэму“ печатать, больше 10 печатных листов печатать не разрешили. Три четверти материала было выброшено*». Это утверждение преувеличено. Как показывает сравнение 1-й ч. «ПП», напечатанной в альманахе «Год XVII», с книжными изданиями, текст для первой публикации действительно был значительно сокращён. Так, в альманахе за недостатком места не напечатаны следующие 6 глав: «„Подвижники Соцвоса“», «Сражение на Ракитном озере», «На педагогических ухабах», «Чернильницы по-соседски», «„Наш – лучший“», «Шарин на расправе». Однако общий объём глав и отдельных мест, не включённых в альманах, составляет, как говорится в письме Макаренко Горькому от 07.03.1934 г., лишь «около 4-х печатных листов» (Переписка, с.78).

Прим. 11: «*Не совсем достигнута насыщенность у наших северных авторов*». Здесь Макаренко, по всей вероятности, имеет в виду писателя М.М. Пришвина (1873–1954), который родился в Орловской губернии, но своей поэтической родиной называл Север.

Прим. 17: «Сейчас я задумал роман из эпохи Владимира Мономаха, с которым я живу, когда читаю книги о нём, вместе с ним живу в Переславле, в Киеве, живу его жизнью». О том, что педагог-писатель действительно начинал писать такое произведение, до сих пор не найдено документальных подтверждений.

Прим. 18: «Я кончил 3 класса городского училища». Как видно из аттестата (1904 г.), Макаренко «обучался с 1901 года по 1904 год и окончил полный курс учения в Кременчугском 4-классном городском училище» (Лисенко П.Г. і Убийзовк І.С. Антон Семёнович Макаренко у документах, фотографіях, ілюстраціях. Київ, 1969 [Лис./Уб.], л.5).

Прим. 19: «В высшей начальной школе был один год, затем учился на педагогических курсах, кончил это училище [...]». В «высшей начальной школе» Макаренко никогда не учился. По свидетельству (1905 г.) он в течение 1904–05 уч. г. являлся «слушателем Педагогических курсов при Кременчугском городском 4-х классном училище» и «удостоен звания учителя начальных училищ с правом преподавания в сельских двухклассных училищах Министерства Народного Просвещения и обучения церковного пения» (Лис./Уб, л.6).

Прим. 20: «[...] учительствовал 13 лет [...]». В действительности Макаренко работал 12 лет учителем и руководителем школ (1905–14 и 1917–20 гг.). В 1914–17 гг. он проходил курсы повышения квалификации (Полтавский учительский институт), о чём в настоящем докладе почему-то не упоминает.

Прим. 21: «[...] получал жалование 40 р. в месяц [...]». Это имеет отношение к работе Макаренко учителем ж.д. училища в Крюкове (1905–11 гг.). См. также док. № 21, прим. 2.

Прим. 22: Из способа написания в данной версии стенограммы – ряд точек вместо фамилии выступающего – можно заключить, что соответствующее лицо в момент печатания документа уже было арестовано.

13. Лекция о воспитании детей, прочитанная в редакции журнала «Общественница» (22.07.1938 г.). РГАПИ, 332-4-175, лл.1–44.

Прим. 3: Вставка Г.С. Макаренко в С 4 (1951), с.459 (начало нового абзаца) [без слов «и великому Сталину» также в: С 4 (1957), с.460; ПС 4, с.214]: «Полная возможность такого чистого счастья, необходимость его, обязательность завоёвана нашей революцией и обеспечена советским строем. В единстве нашего народа, в верности партии и великому Сталину – счастье наших людей. Надо быть честным, партийным в своих мыслях и действиях человеком, потому что [...]».

Прим. 4: «Эррио приезжал в Союз, приехал и к нам в коммуны». Как видно из сообщений печати, французский политический деятель, бывший премьер-министр Эдуар Эррио (Herriot; 1872–1957) посещал коммуны им. Дзержинского 28.08.1933 г. Поездка Эррио в СССР была предпринята во время голода на Украине – с целью показать мировой общественности, что как такового массового вымирания населения не существует. Следов голода во время своего пребывания на Украине Эррио не заметил, что и нашло отражение в его книге о поездке на Восток «Orient» (Paris, 1934). Вывод заграничной прессы был однозначен – гостю во время его пребывания в Советском Союзе показали «потёмкинские деревни».

Прим. 5: «– Всё бы хорошо, – сказал он (Эррио), – но с одним я не согласен: как вы допускаете, что нормальные, хорошие дети воспитываются рядом с ворами, фальшивомонетчиками и шпионами?». Беседа гостя с Макаренко нашла отражение в отчёте спецкорреспондента газ. «Известия ЦИК» (1933, № 213, 29.08, с.1), а также в мемуарах Эррио «Orient» (с.176–77). В последних говорится: «Несовершеннолетние преступники вместе с беспризорниками: разве это сочетание не опасно? „Нет, – отвечает мне начальник учебной части. – Наша дисциплина не позволяет никакого уклона; мы опасаемся изоляции детей с преступными наклонностями; мы подходили к воспитаннику так, как будто бы он ранее и не был осуждён; мы хотим, чтобы он забыл своё прошлое, как это делаем и мы; мы проектируем интересы воспитанника в его будущее. Когда мы сталкиваемся с психологическим случаем, то направляем такого человека в другое учреждение [...]».

Прим. 6: «У меня дочери нет, но племянница у меня жила и воспитывалась». В семье педагога-писателя с 1935 г. по 1938 г. в Харькове, Киеве и Москве проживала его родная племянница Олимпиада Витальевна Макаренко (1920–2001).

Прим. 8: *Любимова*. Обнаружить данные об этом лице, которое единственное из всех участников прений упомянуто в стенограмме, не удалось. На основании того, что в советских изданиях трудов Макаренко её фамилия обозначена лишь инициалом – «тов. Л.», можно предположить, что она (руководитель мероприятия?), была репрессирована (хотя в московском обществе «Мемориал» нет сведений об этом).

14. Доклад «Основы политического воспитания в советской школе» в Московском педагогическом училище ([лето 1938 г.]). РГАПИ, 332-4-181.

Прим. 4: «Вот цель воспитания у нас и может быть так сформулирована – воспитание борца-коллективиста». «Борец-коллективист» – такую формулу использовала Н.К. Крупская в своём докладе на I Всероссийском съезде по всеобучу (22.02.1931 г.), опубликованном под загл. «Борьба за качество школьной работы» (М.-Л., 1931). Там говорится: «Мы растим в нашей школе борцов и строителей социализма, борцов со старым строем, покоившимся на эксплуатации, борцов со старыми предрассудками и всяческим дурманом, борцов-коллективистов, умеющих сознательно относиться к окружающей жизни, понимающих, что кругом делается, и принимающих сообща, организованно непосредственное участие в социалистической стройке».

Прим. 7: «*Благодаря несогласию с украинским Наркомпросом мне пришлось уйти из колонии им. Горького*». Главный упрек НКП УССР в адрес зав. колонией Макаренко относился к «военизации» данного воспитательного учреждения, а также к самовластию членов его совета командиров и в связи с этим превышению их полномочий, например, применению физических наказаний.

Прим. 8: «[...] *когда я перешёл в коммуну им. Дзержинского, туда в течение месяца перебежали все воспитанники коммуны [колонии. – Г.Х.] им. Горького*». См. док. № 5, прим.21.

Прим. 9: «[...] *прокурор Харьковского округа привлёк меня к ответственности за развал колонии им. Горького. И только письмо А.М. Горького защитило меня от уголовной ответственности*». Подтверждения этого события до сих пор нет.

Прим. 16: «*К нам приехала немецкая делегация. Мне позвонили по телефону, чтобы я был осторожен, т.к. эта делегация была явно фашистская. [...] И всё показал, кроме секретных цехов [...]*». В связи с реорганизацией структуры управления «Дзержинки» (весной 1932 г.) её производственная часть – «секретные цехи» – была передана в ведомственное подчинение АХУ НКВД УССР (см. док. № 2, прим.9). Это касалось электроинструментального и фотоаппаратного заводов коммуны.

15. Встреча с учителями начальных и средних школ Ленинграда и Ленинградской области в Областном доме учителя (16.10.1938 г.). Рукописный отдел Росс. национ. библиотеки С.-Петербург, Р1-17-408, пост. 1947 г., № 1; также: РГАПИ, 332-4-177.

Прим. 6: Один из слушателей: «*А.С. Макаренко говорил мне, что когда он написал эту книжку, он не считал её художественным произведением и забросил на чердак, и только потом кто-то из его друзей её оттуда вытащил*». Речь идёт о начальнике финансовой части коммуны им. Дзержинского К.С. Кононенко (см. док. № 12, прим.5).

Прим. 8: «*Что касается единственного ребёнка, то у педагогов это тоже редкое явление (смех), и если даже он единственный, то опасность плохого воспитания не так велика, ибо отец или мать – педагог*». Критика Макаренко в отношении семей, имеющих только одного ребёнка, и его требование об увеличении членов столь малых семей с целью образования коллектива, была отвергнута в статье литературного критика К. Лавровой, вышедшей в июле 1938 г.: «[...] предлагаемая писателем панацея направлена, как нам кажется, против воображаемого зла»; задача же была напротив, «искать пути организации подлинно социалистической семьи, независимо от числа детей» (ж. «Книга и пролет. революция», 1938 г., № 5–6, с.190).

Прим. 9: «*Значит, со стороны „Книги для родителей“ я если и боюсь вас, то не очень, а вот со стороны „Педагогической поэмы“ и других моих писаний, я боюсь, что вы будете меня ругать*». Вполне очевидно, что опасения докладчика связаны с вышедшим в конце 1937 г. / начале 1938 г. в журнале «Октябрь» романом «Честь», против которого в первую очередь выступил с тремя публикациями в июне 1938 г. литературный кри-

тик К. Малахов. Так, в «Правде» (1938 г., № 155, 07.06, с.4) он обвинял Макаренко в «искажении русской истории» и «амнистировании шовинизма».

Прим. 17: «*И я, дав слово Алексею Максимовичу писать только правду [...]*». Такое обещание Макаренко А.М. Горькому в действительности связано не с данным эпизодом (удар Задорову), а с изначально запланированным включением истории о коммуне им. Дзержинского в качестве 3-ей части в «ПП». Дословно в письме писателю от 07.03.1934 г. говорится: «Для окончания „Поэмы“ здесь нет хорошей правды, врать не хочу, окончить же 28-м годом тоже как будто неудобно». (Переписка, с.79).

Прим. 18: «*Поднимается ли у нас в нашей педагогической теории вопрос о таком «пустяке», как школьный центр? – Не поднимается, и мы совершенно не знакомы с этим вопросом [...]*». О «школьном центре» в таком смысле действительно речь не идёт в соответствующих законах и распоряжениях о советской школе.

Прим. 19: «И так я „играл“ 16 лет, и не в этом только случае, а во многих случаях, в ту самую пресловутую военизацию, за которую меня в своё время «ели», – в этих командиров, в эти салюты и т.д.». Используемая в колонии им. Горького военизация была остро раскритикована на Всероссийской конференции работников детских домов в Москве (ноябрь 1927 г.), а также в Харькове (март 1928 г.) на специальном заседании Украинского научно-исследовательского института педагогики (УНДІП), посвящённом обсуждению воспитательных планов, составленных Макаренко для коммуны им. Дзержинского.

Прим. 22: «*[...] и буду и дальше считать на месте директора [...]*». Здесь речь идёт о первом публичном заявлении Макаренко о вступлении в должность директора одной из средних школ г. Москвы. После обнародования разгромной критики на произведение «Флаги на башнях» («ФНБ») (декабрь 1938 г. / январь 1939 г.) Макаренко хлопотал о такой должности, которую он намеревался занять к началу нового 1939/40 уч. года.

Прим. 25: «*У меня был такой помощник – Тимофей Денисович Татаринов*». Воспитатель-учитель колонии им. Горького с лета 1925 г. Руководил работой школы и в первые годы деятельности коммуны им. Дзержинского. В документе «Характеристики на работников учебно-воспитательной части Коммуны (2 апреля 1935 г.)» (см. док. № 6, прим.6) говорится: «Татаринов Тимофей Денисович (1894 г.р., обр. высшее, в уч.-восп. части с 1934 г.). Т[ов]. Татаринов Т.Д. преподаватель химии рабфака. Лучший педагогический работник в Коммуне. Добросовестный. Знающий. Умеющий обращаться с коммунарами. Старый работник с беспризорными. Пользуется авторитетом среди коммунаров и среди преподавателей. Принимает участие в общественной работе. Никогда не считается со временем. Предан Коммуне. Неоднократно был премирован денежными и благодарностями. Награждён грамотой Харьковским Облсполкомом за ликвидацию беспризорности». (ДАХО, р.4511-1-11, л.45.)

Прим. 27: «*Какие у меня были дети? Приходят родители – отец и мать, похожие даже на ответственных [работников], приходят такие нежные и ласковые. „Нельзя ли как-нибудь нашего сына взять?“ – „Почему вы хотите его к нам поместить?“ – „Да, знаете, не ночует дома, матери грубит, украл радиоаппарат, продал облигации“ и т.д. И вот, когда возьмёшь [его], то говоришь: „Я возьму, но чтобы вас и близко не было, и машины вашей чтобы не было, и чтобы бензина вашего не было слышно!“ (Смех.)*». Согласно другой версии данного эпизода (см. док. № 20), здесь речь шла о сыне чекиста: «Приезжает с ромбом муж с женой без ромба (смех)».

Прим. 32: «*Года три я думаю писать большую книгу о коммунистическом воспитании, уже не художественную книгу, а самую настоящую учительскую*». До сих пор мы не располагаем, сколько-нибудь достаточной информацией о том, что Макаренко в то время вновь хотел вернуться к своему намерению написать методику коммунистического воспитания и для достижения этой цели ожидал финансового обеспечения.

16. Обсуждение повести «Флаги на башнях» в Ленинградском дворце культуры им. С.М. Кирова (18.10.1938 г.). РГАЛИ, 332-4-179, лл.1-15.

Прим. 2: «До колонии я в школе был преподавателем истории». См.: ПС 7, с.310, пр.3: «А.С. Макаренко говорит, вероятно, о своей работе в школе в 1917–1920 гг. в Крюкове и Полтаве. В дореволюционной школе он преподавал преимущественно русский язык, русскую литературу, черчение и рисование». Как свидетельствует преподаватель истории Полтавского учительского института В.Н. Тарасов, любимый предмет Макаренко

во время учёбы там же была «гражданская история – всеобщая и русская». После окончания этого заведения он собирался изучать историю в Московском университете (Известия АПН РСФСР, вып.38, М., 1952, с.150). Очевидно, он полагал, что действовавшие в царской России правила приёма в вузы будут пересмотрены после Февральской революции. Однако, распоряжением Временного правительства (циркуляр Министерства просвещения от 13.06.1917 г.) выпускникам учительских институтов предоставлялось право поступления в университет только после сдачи дополнительных экзаменов по латинскому и одному из новых иностранных языков (Журн. мин. нар. просв., ч.70, 1917, отд. I, с.69–70).

Своим «любимым предметом» Макаренко называет историю также и в ходатайстве о повышении квалификации в Москве (август 1922 г.). В приложении «Вместо коллоквиума» он написал: «Почти на память знаю Ключевского и Покровского. Несколько раз прочитывал Соловьёва. Хорошо знаком с монографиями Костомарова и Павлова-Сильванского. Нерусскую историю знаю по трудам Виппера, Аландского, Петрушевского, Кареева. Вообще говоря, вся литература по истории, имеющаяся на русском языке, мне известна» (ПС 1, с.9–10). Поэтому не удивительно, что приibl. 75% книг из личной библиотеки педагога-писателя в Кременчугском музее А.С. Макаренко относятся к предмету история.

Прим. 3: За расплывчатыми формулировками Макаренко – нужно было бы «писать педагогику завтрашнего дня» – по всей вероятности, скрывается его досада на ликвидацию мастерских в школах РСФСР. См. комментарии в ПС 7, с.310, пр.4: «Имеются в виду встречи и беседы А.С. Макаренко с И.А. Каириым, тогда заведующим кафедрой педагоги Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. (См.: *Каири И.А. Незабываемое.* – Учительская газета, 1978, 28 марта.) Основным пунктом расхождений, вызвавшим отказ А.С. Макаренко от участия в подготовке учебника педагогики, был, очевидно, вопрос о трудовом воспитании школьников, их участии в производительном труде, без чего он не мыслил полноценного коммунистического воспитания. В тот период преподавание труда в школе и организация производственного труда учащихся были отменены (приказ Наркомпроса РСФСР „Об отмене преподавания труда в школе“ от 4 марта 1937 г.). А.С. Макаренко и в те годы продолжал отстаивать воспитательное значение общественно полезного, производственного труда детей и подростков». Каири, «в 1937–48 зав. кафедрой педагоги МГУ», действительно был «одним из организаторов коллективной разработки учебника педагогики для вузов (изд. 1939, среди авторов *Е.Н. Медынский, Н.К. Гончаров, К.И. Львов* и др. [...])» (РПЭ 1, с.409). А имя М.В. Ломоносова Московскому университету было присвоено лишь после смерти Макаренко – в 1940 г. (там же, с.596).

17. Доклад на совещании в Научно-практическом институте спецшкол и детдомов Наркомпроса РСФСР (20.10.1938 г.). РГАЛИ, 332-4-180, лл.1–45.

Прим. 2: *«Мне пришлось в 1933 году выделить около 100 коммунаров на очень тяжёлую, трудную, нервную, специальную работу по поручению правительства Украины, когда мои коммунары работали в течение нескольких месяцев в труднейших условиях вне коммуны».* Эта «специальная работа» была связана с подготовкой визита французского политического деятеля Э. Эррио в СССР (август 1933 г.; см. док. № 13, прим.4). Коммунары-дзержинцы помогали НКВД УССР очищать от беспризорников улицы, по которым планировался маршрут гостя (Одесса – Киев – Харьков). Приведённое здесь высказывание докладчика – это единственное, хотя косвенное и затемнённое признание Макаренко о катастрофических последствиях голода на Украине. О том, как коммунары реагировали на данное поручение, есть воспоминания коммунаров, а также педагогов «Дзержинки».

Прим. 18: *«Я провёл 8 походов».* В действительности было четыре похода и два лагеря (см. док. № 10., прим.8).

Прим. 20: *«Работая 4 часа в день на производстве, воспитанники коммуны им. Дзержинского окупали учителей, театры, походы, костюмы, своё содержание и ещё дали чистой прибыли государству 5 миллионов рублей».* О «чистой прибыли» от производства «Дзержинки» см. док. № 2, прим.29.

Прим. 24: *«За 16 лет я не имел у себя в штате заведующего учебной частью».* Как видно из постановления СНК УССР «Типовые штаты опытных детских учреждений Народного Комиссариата Просвещения по Отделу Социального воспитания», опубликован-

ного в «Собрании узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Украины» (1924, № 26–27, с.544–51, здесь: с.544), «Труд. Колония в Полтаве на 120 чел.» (как и другие соответствующие учреждения с большим числом воспитанников) кроме заведующего (Макаренко) должна была иметь и должность «пом. заведующ.». Учебная часть при этом вообще не выделяется.

Прим. 30: «Я эту книгу (о чудаках и дураках) заканчиваю, и скоро она выйдет из печати». Это типичное макаренковское преувеличение. Рукопись такой книги, не считая отдельных записей, в наследии педагога-писателя не сохранилась.

18. Встреча с учителями Фрунзенского района г. Москвы (08.02.1939 г.). РГАЛИ, 332-4-183.

Прим. 1: «*Первые 16 лет я работал в нормальной школе, в заводской школе*». С 1905 по 1914 и с 1917 по 1919 г. (в целом 11 лет) Макаренко работал не в заводской, а в железнодорожной школе.

Прим. 3: «*Но за последние годы 1932, 1933–1935-й [...] многие родители начали обращаться к нам с просьбой принять их детей*». Здесь речь идёт о детях привилегированных лиц, в первую очередь чекистов.

Прим. 5: «*В 1935 г. мне поручили ликвидировать беспризорность и безнадзорность на Украине*». Имеется в виду второстепенная должность Макаренко в ОТК НКВД УССР в Киеве; см. док. № 2, прим.9.

Прим. 6: «*Второй том „КдР“ сейчас закончен и сдан в печать*». В анкете о творческих планах писателей, опубликованной в «Лит. газете» от 10.02.1939 г. (№ 8, с.4), Макаренко сообщает, что он продолжает писать «КдР», второй том которой он «должен закончить [...] к 1 мая: таковы мои обязательства перед редакцией журнала „Красная новь“». Однако второй том и следующие тома этого произведения Макаренко так и не написал.

Прим. 7: «*Во втором томе говорится о политико-моральном воспитании ребёнка в семье и, конечно, в школе, поскольку семью от школы отделять нельзя*». Такова реакция автора на упрек рецензентов «КдР», что в данном произведении игнорируется ведущая роль школы в педагогическом процессе (см. док. № 2, прим.34).

Прим. 8: «*Тов. Молотов будет докладывать на партийном съезде о необходимости коммунистического воспитания, о том, что только на базе коммунистического воспитания может быть построен коммунизм*». Имеются в виду тезисы доклада председателя СНК СССР В.М. Молотова «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 г.г.)» на XVIII съезде ВКП(б) (10–21.03.1939 г.), одобренные в основном Политбюро ЦК партии (опубликованы 30.01.1939 г. в «Правде», № 29, с.1–2). Экземпляр отдельного издания тезисов находится в личной библиотеке педагога-писателя (Музей А.С. Макаренко, Кременчуг).

Прим. 9: «*У меня был заместителем Дидоренко [Татаринов – Г.С.М.] и в колонии им. Горького, и в коммуне им. Дзержинского*». Здесь Макаренко перепутал двух своих близких ему по духу сотрудников: Дидоренко С.А. – чекист, завхоз коммуны им. Дзержинского, и Татаринов Т.Д. (см. док. № 15, прим.25).

Прим. 12: «*Надо сказать, что я со своими ребятами совершил 8 походов*». В действительности было четыре похода и два лагеря (см. док. № 10, прим.8).

Прим. 16: «*Я считаю, что труд для ребят полезен и необходим. Я при этом ссылаюсь на Маркса, который говорил, что дети с четырнадцатилетнего возраста могут принимать участие в общественно-полезном труде*» Здесь докладчик ссылается на следующее положение К. Маркса из «Инструкции» I конгрессу Интернационала (Международное товарищество рабочих) в Женеве в 1866 г.: «При разумном общественном строе каждый ребёнок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый трудоспособный человек [...]» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т.16, с.197). Однако, как в этом, так и в последующих своих выступлениях, Макаренко «поправляет» Маркса, повышая возрастной ценз «производительного работника» до 14 лет. Докладчик, вероятно, знал о дискуссии Ленина с Крупской по поводу производительности труда и политехнического образования школьников при разработке 2-й программы РСДРП. Победила ленинская позиция – «не ранее 14 лет...». Во всех советских собраниях сочинений педагога-писателя слова К. Маркса восстановлены без комментария.

Следует ещё отметить, что за два года до настоящего доклада (04.03.1937 г.) было принято постановление Наркомпроса РСФСР «Об отмене преподавания труда в школе», где речь шла о ликвидации мастерских в общеобразовательных школах этой республики (см. также док. № 16, прим.3).

Прим. 23: «*По случаю награждения меня орденом [...]*». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31.01.1939 г. «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы» 172 писателя награждены орденами, среди них: 21 чел. – «орденом Ленина», 49 (в т.ч. и Макаренко) орденом «Трудового красного знамени» и 102 – орденом «Знак почёта» («Правда», 1939, № 31, 01.02, с.2).

19. Речь на юбилее школы № 1 Ярославской железной дороги в Москве (18.02.1939 г.). РГАЛИ, 332-4-185.

Прим. 2: «*Среди вас я вижу и моего учителя – Александра Константиновича Волнина*». Волнин – директор Полтавского учительского института во время обучения там Макаренко в 1914–17 гг. Автор статьи «Антон Семёнович Макаренко в учительском институте» (в кн.: Учебно-воспитательная работа в детских домах. Бюллетень 2–3, М., 1941, с.117–24). Как видно из неопубликованной части этих воспоминаний, в связи с украинизацией института после Февральской революции Волнин в конце 1916/17 уч. г. был вынужден покинуть полтавское заведение и переселиться в Новосибирск, где также стал директором учительского института (см.: РГАЛИ, 332-4-455, л.8). В 1950-х гг. – преподаватель пед. института в г. Кирове. Заслуженный учитель РСФСР (ПС 4, с.384, пр.2).

Прим. 3: «*У него (Волнина) я заимствовал главное положение моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему*». Вариант этой фразы, которую газ. «Харьковский пролетарий» от 02.10.1927 г. привела как «важнейший лозунг в колонии» им. Горького, сам Макаренко цитирует в письме «пролетарскому писателю» от 18.04.1928 г. (Переписка, с.55, 156). Необходимо отметить, что вышеупомянутые слова из доклада, прочитанного педагогом-писателем в Москве, были произнесены в присутствии адресата (Волнина); однако тремя неделями позже, на выступлении в далёком Харькове, Макаренко, говоря о своей «основной педагогической вере», ссылается на Горького (см. док. № 21, прим.39) – такое понятие существует в макаренковедении до наших дней.

Достоин упоминания и то обстоятельство, что Волнин в своих написанных в 1940 г. воспоминаниях макаренковские слова обобщает таким образом: «Жизненные ценности не всегда поддаются точному измерению [...]. Так и мне трудно измерить и трудно... рассказать, как много сделали для меня и для других мои учителя. Они были работниками Полтавского учительского института перед самой революцией. В то время, разумеется, они не могли быть большевиками и открыто воспитывать большевистские характеры. Но из *их* рук много вышло большевиков, и многие из них положили головы на фронтах гражданской войны. Это потому, что они были всегда *настоящими людьми*, и *они воспитывали* в нас лучшие человеческие стремления. В моём же педагогическом развитии *они создали* самые главные принципы и навыки духа. У *них* я заимствовал главные положения моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему» (РГАЛИ, 332-4-455, л.9; курсивом выделены различия – Г.Х.). Достоверность данного высказывания автор пытался подчеркнуть с помощью следующего примечания: «Эти слова [...] приводятся по тексту речи, отпечатанному на пишущей машинке, за собственноручной подписью Антона Семёновича» (там же).

20. Публичная лекция в Московском гос. университете на тему «О коммунистическом воспитании и поведении» (01.03.1939 г.). РГАЛИ, 332-4-186.

Прим. 11: «*Легко сказать – „от каждого по способности, каждому по потребности“*». Цитата из Нового завета (Послания апостолов), а также из программы Первого интернационала.

Прим. 13: «*Первые не поверили критики. Они сказали: Макаренко рассказывает сказки*». Имеется в виду первый отклик на повесть «ФНБ», опубликованный в ленинградском журнале «Лит. современник» (1938, № 12, с.226–27) – пародия А. Флита «А. Мака-

ренко. Детки в сиропе. (Фрагменты медового романа)»; см. также статью лит. критика Ф. Левина «Четвёртая повесть А. Макаренко» (Лит. критик, 1938, № 12, с.13843).

Прим. 14: «*Другой критик добавил: это мечта Макаренко*». Речь идёт о подробной статье М. Лоскутова «Два писателя», напечатанной в «Лит. газете» (1938, № 69, 15.12, с.5). Проводя сравнительный анализ «ПП» с «ФНБ», рецензент доказывает, что эти произведения принадлежат как бы двум разным авторам. По мнению Лоскутова, книга «ФНБ» является «творческим перевоплощением некоей авторской мечты».

Прим. 17: «*Я в позапрошлом году поехал с товарищем по Волге. Хороший друг*». О такой трёхнедельной поездке Макаренко с товарищем в 1937 году исследователям ничего не известно. По всей вероятности здесь подразумевается волжско-черноморский поход коммунаров-дзержинцев летом 1933 г., в котором участвовал и начальник финансовой части К.С. Кононенко (о нём см. док. № 12, прим.5). В своих воспоминаниях «Забыть его нельзя» он пишет: «Наша дружба всё крепла. Особенно она упрочилась во время летней поездки коммуны по Волге и на Кавказ. В долгие вечера и ночи, лёжа рядом на полках вагона, сидя на палубе парохода, мы вели с ним нескончаемые беседы» (Свидетельства искренней дружбы: Воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко. Марбург, 1997, ОМ № 20, с.8). С помощью намеренного изменения даты этой поездки (с 1933 г. на 1937 г.) Макаренко, очевидно, хотел отвлечь слушателей от того обстоятельства, что данный поход состоялся во время голода на Украине и в южных областях России.

Прим. 18: «*Блаженны... Радуйтесь и веселитесь*». См. Евангелие (канонический перевод на рус. яз.): «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика награда ваша на небесах». Лука 6, 22–23.

Прим. 19: «*[...] посмотрите на птиц небесных, они ничего не делают, а живут*». См. Матф. 6, 26: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?»

Прим. 22: «*У вас это тоже, наверное, бывает. Встаёт вопрос: а для чего жить? А какая цель жизни? И потом такая сентенция: везде материя. Материя, материя и материя. Живём, а потом умрём и сгниём*».

Я с ним возился, возился – не за что взять. А тут приехал товарищ и замечательно сказал: „Материя, говоришь?“ – „Да“. – „И музыка Чайковского тоже материя?“ – „Да“. – „Ну, что же, с такой материей и жить можно. Материя хорошая. Никакой другой материи не хочу, и духа другого не хочу“. И убедил человека». См.: Ницше (Nietzsche) Фридрих (1844–1900): «Так говорил Заратустра», из гл. «О старых и новых скрижалях»: «К чему жить? Всё – суета! Жить – это молотить солому; жить – это сжигать себя и всё-таки не согреться». – / Эта старая болтовня всё ещё слывет за „мудрость“; за то, что стара она и пахнет затхлым, ещё более уважают её. Даже плесень облагораживает ... / ... Много ребяческого в старых книгах мудрости. / И кто всегда „молотит солому“, какое право имеет он хулить молотьбу! Таким глупцам следовало бы завязывать рот! / Они садятся за стол и ничего не приносят с собой, даже здорового голода; и вот хулят они: „всё – суета!“ / Но хорошо есть и хорошо пить, о, братья мои, это, поистине, не суетное искусство! Разбейте, разбейте скрижали тех, кто никогда не радуется!»

См. также письмо Макаренко от 15.08.1938 г. бывшему коммунару-дзержинцу Фёдору Борисову, инженеру, по словам педагога-писателя, «без сомнения самому способному» из выпускников рабфака коммуны 1933 г. (ПС 1, с.195). Здесь говорится: «Рассуждения о том, что мы – материя, – рассуждения лишние. Никто ещё не знает, что такое материя, но можно уже предчувствовать, что материя очень сложная штука. А если даже и материя, так почему это плохо? Какое ты имеешь право презирать материю? Материя – это прямо замечательная штука, богатая возможностями и красотой. И я хочу жить в материи, которая в моём ощущении всё-таки представляется богатой и великолепной моей личностью. / Самое главное, Фёдор, надо уметь видеть прелесть сегодняшнего и завтрашнего дня и жить этой прелестью. В этом и заключается мудрость жизни и, если хочешь, её цель. Только один человек видит прелесть жизни в куске хлеба или водке, а другой находит более сложные и богатые прелести – в работе, красоте, борьбе, в росте человеческой материи. Уже и сейчас материя, выраженная в музыке Бетховена или Чайковского, в великих изобретениях, в технике, – очень высокая штука, такая высокая, что я не променял бы её на вечность» (ПС 8, с.87).

Прим. 23: *«Сейчас последний прекрасный закон о точном прибытии на работу. Многим кажется, что этот закон требует напряжения, что это жестоко»*. См. С 5 (1951), с.496; С 5 (1958), с.538: «А.С. Макаренко имеет в виду постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. „О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле“. В постановлении сказано: „Государство требует и рабочий класс поддерживает это требование, чтобы установленная законом продолжительность рабочего дня соблюдалась в точности и без всяких нарушений, чтобы там, где установлен восьмичасовой, семичасовой или шестичасовой рабочий день, работа производилась согласно закону, полных восемь, семь или шесть часов“ (см. сборник „Трудовое законодательство“. М., „Профиздат“, 1946. стр.87)». Указанное постановление явилось прологом к введению серии жестоких законов и подзаконных актов (1939 – май 1941 г.), резко ухудшающих положение трудящихся в СССР.

Прим. 26: *«Даже Маркс считает, что дети с 14 лет должны принимать участие в производительном труде»*. См. док. № 18, прим.16.

Прим. 27: *«„Флаги на башнях“ – здесь нет ничего выдуманного, там описана только правда»*. Это типичная для макаренковских публичных выступлений 1936–39 гг. неискренность. См. также комментарий в ПС 4, с.395, пр.11: «А.С. Макаренко подчёркивает реализм этой книги („Флаги на башнях“), его соответствие жизненной правде. Это не означает, что в этом произведении нет художественного вымысла, типизации».

Прим. 29: *«Требования нашей партии – большие требования к человеку и коллективу»*. Здесь оратор публично отмежевывается от своей генеральной установки на неразрывное единство требования и уважения к человеку и, конечно, к коллективу в его макаренковском значении.

См. дикий и бессмысленный комментарий в ПС 4, с.395, пр.12: «А.С. Макаренко руководствовался марксистско-ленинским учением об объективных законах воспитания и его социальной, классовой природой». Никогда Макаренко таким положением не руководствовался. Только требование без уважения – это не марксизм-ленинизм, а сталинщина с её крепостническим самодержавием, всевластием работодателя-государства.

21. Доклад в Харьковском гос. педагогическом институте (09.03.1939 г.). РГАЛИ, 332-4-187.

Прим. 1: *«Я сын рабочего, маляра, железнодорожника, который на вагонном заводе проработал 47 лет»*. Симеон Григорьевич Макаренко, отец педагога-писателя, работал в ремонтных мастерских Южной ж.д. Последнее его место работы, Крюковские мастерские, лишь в советское время были реорганизованы в вагонный завод.

Прим. 2: *«Это было такое низкое образование, что мне могли доверить только должность помощника учителя в низшей начальной школе, с жалованьем 25 рублей в месяц»*. В действительности Макаренко 01.09.1905 г. был назначен учителем (а не помощником учителя) двухклассного ж.д. училища в Крюкове. О величине его заработной платы см. опровержение В.С. Макаренко (в письме от 03.02.1975 г. составителю данного издания): «Это ложь: он получал 47 р. 50 к., плюс 12 билетов бесплатных (6 на Южн. ж.д. и 6 по всей Империи), плюс бесплатно 2 тонны угля в год, плюс керосин, плюс бесплатную медицинскую помощь вплоть до больницы, плюс бесплатную баню и пр. И т.д., и т.д.». Зарплату в размере 47 рублей 50 копеек брат А.С. Макаренко Виталий уже упоминал в своих воспоминаниях 1973 г. Подтверждение этой суммы содержится в воспоминаниях учителя Л.Т. Степанченко «Антон Семёнович Макаренко в моей жизни» (Кривой Рог, 1963), где сказано: «[...] ж.д. школы были почему-то в особо привилегированных условиях: рядовой учитель здесь получал около пятидесяти рублей, плюс бесплатные билеты на проезд по второму классу». (Хиллиг Г., Он родился и вырос в России. Вместо некролога. Марбург, 1987, ОМ № 8, с.ХХ–ХХI).

Прим. 3: *«Вот 16 лет, с 1920 по 1936 г., я вёл один коллектив: колонию им. Горького и коммуны им. Дзержинского»*. См. док. № 5, прим.20.

Прим. 4: *«[...] там (в коммуне) уже было пятьдесят моих бывших горьковцев. А вслед за мной очень много, ещё сотня горьковцев тоже перешли в коммуну им. Дзержинского»*. По поводу числа переселенцев из колонии в коммуну см. док. № 5, прим.21.

Прим. 5: «*Ни одного письма учительского по поводу этой книги («Марш 1930 года»), ни одной критической заметки*». На самом деле известна одна рецензия на данное произведение: журн. «Худож. литература», 1933, № 4, с.31–32 (Л. Гессен).

Прим. 6: «*[...] Алексей Максимович Горький, который, живя в Сорренто, ухитрился получить (я ему не посылал и он не знал, что я её (книгу „Марш 1930 года“) написал [...])*». Вопреки этому предположению оратора, Горький всё же был в курсе дела. Уже в июне 1931 г. издательство по настоянию «пролетарского писателя» выслало ему рукопись «Марша». Ознакомившись с этим произведением, Горький неоднократно обращался к председателю Госиздата А.В. Халатову с просьбой ускорить его публикацию (см.: Архив А.М. Горького, т.10, кн.1. М., 1964, с.254). Макаренко, очевидно, не знал о таких усилиях своего покровителя.

Прим. 7: В письме от 17.12.1932 г. Горький писал: «Дорогой Антон Семёнович – вчера прочитал Вашу книжку „Марш 30-го года“. Читал – с волнением и радостью. Вы очень хорошо изобразили коммуны и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренне поздравляю с этой книгой. Вероятно, немножко напишу о ней». (Переписка, с.72–73.) Экземпляр книги с отдельными подчёркиваниями и правками рукой Горького находится в личной библиотеке писателя (Музей А.М. Горького в Москве).

Прим. 8: «*Сейчас я сдал в печать второй том („КДР“) [...]*». См. док. № 18, прим.6.

Прим. 10: «*[...] Макаренко не литератор и не художник, а мастер-фактограф*». Имеется в виду статья Ф. Левина «Четвёртая повесть А. Макаренко» (см. док. № 20, прим.13), где рецензент пришёл к заключению: «Макаренко обнаруживает неумение создавать характеры, не говоря уже о типизации их. Он силён лишь как рассказчик о действительных событиях и людях и слаб как художник – творец синтетических образов» (с.154).

Прим. 13: «*Последние семь лет коммуна им. Дзержинского жила на хозрасчёте – это совсем не пустяк*». Переход цехов на хозрасчёт коммуна начала лишь с 06.07.1932 г. (Вт.р., с.30), т.е. в связи с передачей «секретных цехов» её производства в АХУ НКВД УССР (см. док. № 2, прим.9).

Прим. 27: «*Как можно руководить 1200 детей, если нет картотеки! Это некультурно, так руководят десятилеткой только на какой-нибудь Новой Гвинее. У нас должны быть картотека, учёт*». С таким требованием по поводу эффективного руководства писателей Макаренко уже выступал на их общемосковском собрании в апреле 1937 г.: «Нам нужен настоящий, специальный, прекрасно организованный американский учёт нашей работы, наших недостатков, наших тем, наших ошибок. Это, конечно, не бухгалтерский учёт. На таком учёте должны работать хорошие писательские кадры. Такой настоящий учёт, такой совершенный учёт по последнему слову техники должен быть в президиуме правления [...]». (GW 9. Ravensburg, 1978, с.75).

Прим. 33: «*Я вообще сторонник не только трудового воспитания, а [но. – Г.Х.] и производственного воспитания, и Маркс прямо об этом говорит, что все дети с 14 лет должны принимать участие в производстве*». См. док. № 18, прим.16.

Прим. 35: «*Я с ним (Горьким) встретился основательно один раз, когда он приехал ко мне в колонию Горького. Жил у меня три дня*». Это Макаренко утверждает также в статье «Максим Горький в моей жизни» (1936 г.): «*[...] прожил в ней три дня [...]*». В колонию его имени Горький прибыл 08.07.1928 г. Но уже на следующий день из Куряжа он отправился в коммуны им. Дзержинского.

Прим. 36: «*Два раза был у него [...]*». У Горького в Москве Макаренко был 21.09.1933 г. (передача рукописи «ПП») и во второй половине апреля 1934 г. (консультация по поводу пьесы «Мажор»); см.: Переписка, с.172, 176.

Прим. 37: «*[...] один раз в поезде приезжал вместе с ним [...]*». 21.09.1934 г. Макаренко встречался с Горьким на его даче в Горках под Москвой, а с 23 по 25.09 сопровождал его в поездке в Тессели, Крым; см.: Переписка, с.179.

Прим. 38: «*[...] и ещё где-то один раз в Одессе видел, когда он ехал из Италии через Турцию*». 17.05.1933 г. Горький прибыл из Италии в Одессу – окончательное его возвращение в СССР; см.: Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Вып.4, М., 1960, с.295.

Прим. 39: *«Самое важное, что я нашёл в нём (Горьком), – это большая вера в человека и большая требовательность к человеку. / Я считаю, что в этом смысле Горький – один из лучших педагогов, ибо он предъявляет максимальные требования к человеку, максимальное уважение. Это и моя основная педагогическая вера»*. См. док. № 19, прим.3.

Прим. 40: *«[...] расстрел в нашей стране вовсе не значит, что тот человек, которого расстреляли, почему-либо неисправим; наверное с ним ещё можно возиться, но коллективный опыт, коллективное требование, коллективный гнев – вот что нас прежде всего интересует. Мы уничтожаем таких врагов, хотя возможно, что они как-нибудь могли прожить, и, уничтожая их, мы усиливаем наше требование к человеку и наше уважение к коллективу и наши надежды, и нашу ненависть к врагам»*.

Данное высказывание в советских изданиях трудов педагога-писателя в таком виде никогда не публиковалось. Для его оценки следует обратить внимание на то, что Макаренко эти чересчур острые слова сказал в присутствии неизвестной ему публики.

22. Выступление «Из опыта работы» на совещании учителей Ярославской железной дороги в Москве (29.03.1939 г.). РГАЛИ, 332-4-188, лл.16–33.

Прим. 1: *«Мне в Полтаве предложили заниматься в здании Групп совнархоза [Губсовнархоза. – Г.Х.]»*. Летом 1920 г. Макаренко временно работал в аппарате Полтавского губотдела наробраза заведующим секцией детских колоний (Центральный державный архив вищих органів влади України, 166-1-950, л.43). Губнаробраз находился в здании Губсовнархоза.

Прим. 2: *«Приходя туда, я всегда находил там грязные канцелярские столы, окурки на полу и, как правило, воздух, состоящий главным образом из никотина и дыма. Обстановка была ужасная. Заниматься в таких условиях было очень трудно, и, разумеется, я готов был удрать куда угодно, даже к правонарушителям»*. Первый редактор стенограммы данного выступления А.Г. Тер-Гевондян, сотрудник макаренковской лаборатории при Институте теории и истории педагогики АПН РСФСР, дополнил в конце 1940-х годов соответствующее место высказывания докладчика таким образом: *«Заниматься с детьми в таких условиях [...]»* (РГАЛИ, 332-4-188, лл.1, 16, 24). Так он закладывал основы для традиции советского макаренковедения: великий педагог до момента его перевода в колонию якобы работал учителем в одной из школ Полтавы.

Прим. 3: *«Вот в 1936 году этот мой опыт закончился более или менее насильственно, не по моему желанию, не по моей вине»*. О стремлении Макаренко (в своих выступлениях московских лет) продлить срок работы в коммуне им. Дзержинского см. док. № 5, прим.20.

Прим. 8: *«Я теперь буду бороться за идею, что в нашей советской школе должно быть производство»*. К «еретическим» планам восстановления производительного труда школьников Макаренко возвращался и в предыдущих выступлениях (см. док. № 18, прим.16; № 20, прим.26; № 21, прим.33). В настоящем докладе в присутствии уже известной ему публики эти мысли были уточнены и усилены: *«в нашей советской школе должно быть производство»*.

Прим. 9: *«Коммуна Дзержинского существовала восемь лет»*. «Дзержинка» работала и после 1935 г., когда Макаренко ушёл из коммуны. С начала 1939 г. эта «производственно-воспитательная база для правонарушителей» НКВД УССР была реорганизована в промышленный комплекс и переименована в Харьковский комбинат НКВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского; см. многотиражку «Дзержинец» (Харьков), 1939, № 4. 20.01, с.2.

Прим. 10: *«[...] последние семь лет она (коммуна) покрывала содержание завода, общежития, всего быта, пищи, одежды, школы целиком и 5 млн. рублей давала государству чистой прибыли»*. О доходе производства коммуны им. Дзержинского см. док. № 2, прим.29; № 17, прим.20.

Прим. 11: *«Человек-творец»* – настоящая формулировка восходит к известному выражению римского историка Гая Саллюстия (Gaius Sallustius; 86–35 до н.э.) «Всякий человек есть творец своей судьбы». Затем это выражение использовалось и в трактовке «человек – творец своего счастья» и в более широком плане «человек-творец».

Прим. 18: *«Только на 16-м году я нашёл у Энгельса место, где было написано, что в школе должна быть проведена правильная военизация»*. См. док. № 7, прим.12.

Прим. 19: «Я в Кисловодске 7 ноября 1938 г. наблюдал, как одна школа строилась на демонстрацию, причём это не было злым умыслом, просто они не могли построиться». С конца октября до конца ноября 1938 г. Макаренко лечился в Кисловодске (санаторий Курортно-санаторного управления им. М. Горького).

Прим. 24: «Последние 5 лет мне присылали школьников, которые в школе дошли, что называется, до ручки, и мне отдавали этих ребят в качестве братьев [бариннов. – Г.Х.]. / Эти дети, конечно, тяжелее беспризорных. У беспризорного все дороги сходятся на коммуне, на мне и на учительском коллективе. У этого – папа и мама. А у папы иногда автомобиль, ромб, патефон и деньги». Имеются в виду руководящие сотрудники ГПУ/НКВД УССР.

Прим. 25: «Действие на семью через учеников я мог усилить, когда у меня была военизированная школа. [...] Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я со всей бригадой обходил квартиры». Такое обращение к собственному опыту является плодом фантазии докладчика. А.Г. Тер-Гевондян на основании произвольной вставки Г.С. Макаренко в первую фразу («[...] военизированная школа в Крюкове; РГАПИ, 332-4-188, л.21.) «уточнил» данное сообщение следующим образом: «Действие на семью через учеников можно усилить. Я работал в Крюковской железнодорожной школе. Ученики жили в семьях. Я организовал бригады учащихся по территориальному признаку. Все руководители бригад каждое утро отдавали рапорт о том, что делается во дворах, как ведут себя ученики, члены бригад. Приказом я периодически назначал смотр, на смотре присутствовали, кроме меня, старосты классов. Я приходил во двор, бригада была выстроена, и я с членами бригады обходил квартиры, где жили ученики моей школы»; С 5 (1951), с.318. Именно в таком виде данный эпизод включён во все советские издания трудов педагога-писателя. Впрочем, этот способ контроля за учащимися, их семьями, считается изобретением именно Макаренко и по сей день используется некоторыми школьными администраторами, причём не только (пост)советскими.

На путях к научной биографии А.С. Макаренко / Г. Хиллиг // Постметодика. – 2011. № 1. – С. 23–26; № 2. – С. 54–57; № 3. – С. 53–56; № 4. – С. 13–17; № 5. – С.53–58.

Странные выдумки об А.С. Макаренко

Гётц Хиллиг, приват-доцент истории педагогики Марбургского университета (Германия), вице-президент Международной макаренковской ассоциации, иностранный член АПН Украины и Российской академии образования, доктор философских наук

«Триумф макаренковской системы преподавания длился до конца 80-х. Во времена гласности на педагога навесили ярлык идеолога сталинского образования. С тех пор вспоминать о нём стали значительно реже. Исследователей его творчества также стало значительно меньше. Что говорить, если главным биографом Макаренко сейчас считается немец, доктор философских наук Гётц Хиллиг».

В декабре 2005 г., в электронных поисках новых материалов об А.С. Макаренко, я случайно обнаружил публикацию Георгия Дедулина «Макаренко. Новые факты из жизни известного педагога». Статья вышла в online-версии сумской общественно-политической газеты «Панорама», № 40, 2003 г.

Речь идёт о беседе корреспондента «Панорамы» с заведующим кафедрой педагогического творчества Сумского педуниверситета им. А.С. Макаренко Николаем Лазаревым, который поведал «шесть неизвестных историй о великом педагоге». Здесь представлен целый букет недостоверных сведений, потому считаю своим долгом их высветить и разобрать, – тем более, что автор косвенно ссылается на меня, как на «главного биографа Макаренко». Признаюсь, за мой почти 50-летний опыт изучения жизни и деятельности классика мировой педагогики (каким считается Макаренко на Западе до настоящих дней!), подобного я ещё не встречал.

Опубликовать своевременно реплику на «шесть неизвестных историй о великом педагоге» в одном из украинских печатных органов, к сожалению, не удалось. Т.к. подобные представленным сумским журналистом «новые факты» истории в постсоветских публикациях можно встретить и до настоящего дня, считаю уместным обширную публику, заинтересованную результатами историко-биографического макаренковедения, познакомить с выдумками с родины педагога-писателя и моим ответом.

Уже во введении к своему «собранию легенд» журналист Дедулин утверждает, что «Антон Макаренко не был известен при жизни». Однако это абсолютно не так! После громкого успеха «Педагогической поэмы», которая вышла в середине 1930-х годов в 3 частях, у себя на родине Макаренко стал широко известен как писатель. После переезда в Москву (1937 г.) он предстаёт перед нами и как блестящий педагогический оратор. Правда, в то время советские учёные-педагоги и учителя пока не обращали на него сколько-нибудь серьёзного внимания. Но вернёмся к «шести историям».

«История первая. Рождение

Мало кому известно, при каких обстоятельствах 13 марта 1888 года в городе Белополье в 45 километрах от Сум родился Антон Макаренко. Оказывается, за два месяца до родов его мать пошла к колодцу за водой, но, подняв два ведра, поскользнулась и сильно упала. Шестого марта Татьяну Михайловну доставили в больницу. Через неделю родился Антон».

Как свидетельствует брат педагога-писателя Виталий Макаренко, Антон «появился на свет божий приблизительно на 3 недели раньше срока. ... Произошло это так. Накануне, 29 февраля, была тёплая солнечная погода, была оттепель, но ночью ударил мороз и пошёл снег, образовалась гололедица. Рано утром 1 марта (ст. ст.) мама пошла к колодцу за водой, поскользнулась и упала. К 10 ч. у мамы появились страшные боли и к 12 ч. появился на свет А.»¹. Именно дома, а не в больнице.

¹ Макаренко В. Мой брат Антон Семёнович. Воспоминания. Письма. (Редактор и автор комментариев: Г. Хиллиг). – Марбург, 1985. – С.4.

«История вторая. Любовь»

После отличного окончания учительского института в Полтаве и работы в нескольких полтавских школах в 1920 году Макаренко вернулся домой в Белопополье. Там он познакомился с выпускницей *Смольного института благородных девиц* Елизаветой Григорович. Между двумя молодыми людьми завязался роман. Проблема была только в том, что Елизавета была замужем. К тому же за священником. ... Влюблённые бежали. Антон забрал Елизавету ночью. На поезде добрались до Полтавы, где собирались устроиться на работу учителями. Елизавете предложили работу начальницы колонии для беспризорных и несовершеннолетних правонарушителей под Харьковом. Антону же, не имеющему высшего образования, – место завхоза. Когда в сентябре 1920 г. влюблённые приехали в Ковалёвку, им пришлось поменяться должностями – Елизавета испугалась малолетних бандитов».

С Елизаветой Григорович педагог познакомился не в родном Белопополье, а в посаде Крюков на Днепре, куда был переведён его отец в 1901 г. и где сам Антон работал с 1905 г. учителем. В Белопополье и вообще на Сумщину Макаренко никогда не возвращался. С Елизаветой Григорович он познакомился не в 1920 году, а 14-ю годами раньше². Елизавета окончила не дворянский Смольный институт благородных девиц в Петрограде, а (в педагогических кругах весьма авторитетный) Киевский Фрёбелевский институт. Будущая колония им. М. Горького сначала находилась не в Ковалёвке под Харьковом, а в Трибах под Полтавой. Так как у Елизаветы было более высокое образование, чем у Антона, ей действительно предложили пост заведующего (не начальницы) колонией. О том, что для Макаренко якобы было зарезервировано «место завхоза», я с удивлением прочитал впервые.

«История третья. Как появились „ФЭДы”

Когда Антон Семёнович уже некоторое время работал в коммуне Дзержинского, у него появилась идея создать завод, и он решил посоветоваться с ребятами. „Давайте будем делать пулемёты”, – предложил один мальчик. „Хорошая идея, – ответил Макаренко, и продолжил: – Но ведь у нас столько девочек. Они не смогут носить тяжёлые детали”. Когда все замолчали, из толпы вдруг возник фотограф и начал снимать. „А что если мы будем делать фотоаппараты?” – предложил другой мальчик – и попал в точку. Макаренко уже вёл переговоры с немецкой фирмой, у которой они впоследствии выкупили права на производство фотоаппаратов „ФЭД” и „ФЭД-1”».

Наименование „ФЭД-1” – это ошибка. „ФД-1” являлась маркой электродрели, которую завод коммуны производил по образцам аналогичного продукта американской фирмы „Black & Decker” – ещё до начала изготовления малоформатных фотоаппаратов „ФЭД” (по аналогу немецкой камеры „Leica”). О предложении в коммуне «делать пулемёты» в макаренковедении до сих пор ничего не было известно. Это же относится к невероятному утверждению, что Макаренко «вёл переговоры с немецкой фирмой». Решение о том, чтобы в «Дзержинке» производить электроинструменты и фотоаппараты, принимало ГПУ УССР – „хозяин” коммуны. Её заводы изготавливали их без лицензии. Впрочем, это относится и ко многим другим ценным инструментам, механизмам западного производства, которые во время пятилеток были нужны стране и в СССР выпускались нелегально.

По поводу технической реконструкции «ФЭДа» Макаренко в Московском педагогическом училище летом 1938 г. (в докладе «Основы политического воспитания в советской школе») рассказывал следующую историю, которая – независимо от её правдивости – подтверждает факт нелегального производства данного фотоаппарата (впрочем, в советских собраниях сочинений А.С. Макаренко она отсутствует): «К нам приехала немецкая делегация. Мне позвонили по телефону, чтобы я был осторожен, т.к. эта делегация была явна фашистская. Я собрал бригадиров и сказал им, что делегация подозрительная. На другой день подъехала машина, в ней было чел. 20. Дежурный бригадир встретил и пригласил гостей и тут же шепнул мне: „Задержите их в

² См.: там же. – С.39–43 (гл. «Антон находит друга»).

цехах минут на сорок, потом объясню". И всё показал, кроме секретных цехов, и вообще был осторожен. Через сорок минут вывел их на улицу к машине, при мне подходит коммунар и говорит немцам: „Возьмите вашу «Лейку», спасибо". Оказывается, они приехали что-нибудь у нас узнать, но когда они вышли из машины, коммунары увидели „Лейку" последнего выпуска с какими-то приспособлениями, какого у нас не делали. За 40 минут они разобрали „Лейку", сняли с неё чертежи, зафотографировали и собрали её – это способность ориентировки. Ведь, это было очень трудно сделать. Надо было увидеть „Лейку", [и] не только её взять, надо было собрать специалистов-сборщиков и ничего не испортить – это нужно было [сделать] так, что[бы] ничего не было заметно, потому что это дипломатическое дело. И это была не боязнь, а представление о чести своего коллектива»³.

Впрочем: в связи с реорганизацией структуры управления «Дзержинки» весной 1932 г. её производственная часть – «секретные цехи» – была передана в ведомственное подчинение Админхозуправления (АХУ) НКВД УССР. Это касалось электроинструментального и фотоаппаратного заводов коммуны.

«История четвёртая. Братские связи

Когда Антону было восемь, в семье появился ещё один сын – Виталий. По словам знакомых, они сильно отличались друг от друга: Антон был слабым, а Виталий спортивным и сильным. Закончив Академию Генерального штаба, он стал офицером царской армии. Во время гражданской войны Виталий служил в белогвардейской армии Деникина и был командиром полка. В 1922 году он эмигрировал в Париж. ... Виталий Семёнович проработал чиновником в Париже. Только в начале 80-х Гётц Хиллиг нашёл его в городке Йер, неподалёку от Тулона, где тот жил в доме престарелых».

Начало и конец этой «истории» основываются на достоверных «новых фактах» из рассказов сумского профессора. Однако сотрудники марбургской лаборатории «Макаренко-реферат» (ФРГ) нашли Виталия Семёновича не в начале 80-х, а ещё в 1970 году. Виталий не учился в Академии Генштаба в Петрограде – офицерскую подготовку (в течение шести месяцев) он получил в родном Чугуевском военном училище⁴. И во Франции, куда попал (после пребывания в Турции и Болгарии) в 1923 году, наш эмигрант отнюдь не «проработал чиновником в Париже», а был чернорабочим на металлургическом заводе и в судоремонтной мастерской, а также музыкантом на юге страны и позднее (с 1930 г. – действительно в Париже!) фотографом в собственном фотоателье⁵. В.С. Макаренко умер в г. Йер в 1983 году. Его воспоминания о проведённых вместе с братом годах детства и юности, опубликованные в Марбурге (в 1985 г.), во время перестройки вышли также и в СССР – перевод на украинский язык в Киеве⁶ и переиздание русского подлинника в Москве⁷.

«История пятая. Макаренко и ученики

Судя по воспоминаниям учеников, Макаренко был очень строгим человеком. Улыбался редко, шутил тоже. Многие его даже боялись. Несмотря на это, рукоприкладством он никогда не занимался. Кроме одного раза... Когда Антон Семёнович работал в колонии для беспризорных и несовершеннолетних правонарушителей в Ковалёвке под Харьковом, у него часто возникали проблемы с учениками. „У каждого в кармане нож, заставить их делать что-либо было невозможно“. Бить их он не хотел, но во всём есть предел. Когда здоровенный парень по фамилии Задоров в очередной раз нахамил, щуплый Мака-

³ Российский госархив литературы и искусства (РГАЛИ), 332-4-181, л.9.

⁴ См.: Макаренко В. Мой брат Антон Семёнович. – С.56.

⁵ См.: Летопись жизни братьев Макаренко с 1919 года. В кн.: На разных берегах... Судьба братьев Макаренко. (Составление и комментарии Г. Хиллига). – М., 1997. – С.352–353.

⁶ Макаренко В. Мій брат Антон Семёнович // Радянська (Рідна) школа. – 1991. – № 4. – С.90–93; № 5. – С.86–88; № 6. – 91–94; № 7. – С.92–94; № 9. – С.85–88, 96; № 10. – С.90–94; № 11. – С.94–96; № 12. – С.8695.

⁷ Макаренко В.С. Мой брат Антон Семёнович // Советская педагогика. – 1991. – № 6. – С.99–112; № 7. С.91–104.

ренко со всей силы его ударил. Ученик упал и *потерял сознание*“, – рассказывает Николай Лазарев.

Интересно и то, как Макаренко старался воспитать в своих учениках культуру употребления алкоголя. Он ведь понимал, что они всё равно будут пить, но решил научить их это делать культурно. *„Когда у кого-то был день рождения, Макаренко пил вместе с ними. На столе расстилали белую скатерть, готовили хорошую закуску. Затем Антон наливал всем по четверть стопки водки и говорил тост. Кроме того, учил он, как долго нужно ждать перед тем, как налить следующую стопку“*, – говорит Николай Лазарев».

Несмотря на то, что эти «ученики» в действительности были воспитанниками (в связи с чем заслуги Макаренко следует искать отнюдь не в области образования или преподавания, – как утверждает г-н Дедулин в выше цитированном введении, а в сфере воспитания), необходимо констатировать, что и сообщение сумского профессора о рукоприкладстве Макаренко относится к разряду мифов. То, что Лазарев здесь рассказывал несведущему журналисту (или что последний высосал из пальца), противоречит не только изложению этого всемирно известного эпизода с воспитанником «Задоровым» из «Педагогической поэмы», но и историческим фактам.⁸

Во 2-ой главе первой части «Педагогической поэмы» говорится: «В одно зимнее утро я предложил Задорову пойти нарубить дров для кухни. Услышал обычно задорно-весёлый ответ:

– Иди сам наруби, много вас тут!

Это впервые ко мне обратились на „ты“.

В состоянии гнева и обиды, доведённый до отчаяния и остервенения всеми предшествующими месяцами, я размахнулся и ударил Задорова по щеке. Ударил сильно, он не удержался на ногах и повалился на печку. Я ударил второй раз, схватил его за шиворот, приподнял и ударил третий раз.

Я вдруг увидел, что он страшно испугался. Бледный, с трясущимися руками, он поспешил надеть фуражку, потом снял её и снова надел. Я, вероятно, ещё бил бы его, но он тихо и со стоном прошептал:

– Простите, Антон Семёнович...»⁹. О том, что «Задоров» при этом потерял сознание, я впервые прочитал в сумской газете. Правда, этот единственный случай с одним из воспитанников относится к начальной стадии становления колонии.

О своём стремлении воспитать в колонистах-горьковцах культуру пить Макаренко действительно рассказал в одном из публичных выступлений, а именно в одном из лекториев Московского университета (01.03.1939 г.). Во время моего посещения родины Макаренко (Сумы, Белополье в 2000 г.) при встрече с учёными-педагогами и краоведами я обратился к этому макаренковскому «уметь пить»; настоящая тема, в отличие от приведённой выше истории о «Лейке», включена в последнее советское собрание трудов педагога-писателя. В тексте выступления можно прочитать:

«И мы всё знаем, товарищи педагоги, что у нас дети живут до 18 лет, потом выходят в жизнь, а в жизни они будут пить водку. Мы считаем это нормальным. Пусть он пьёт после 18 лет, я за него не отвечаю. А я не мог так поступить. Потому что главной моей задачей было не образование, а воспитание.

Что я делал? Я пришёл к выводу, что я должен был научить их пить водку. Я их приглашал к себе домой, завхоз покупал водку, я ставил на стол закуску, приборы, клал салфетки, ножи, вилки, всё очень культурно, я собирал 8–10 человек отъявленных пьяниц в 11 часов вечера, когда уже все легли спать, и говорил им: „Строгий секрет, никто не должен знать о нашем пире. Никто“. – „Будьте покойны“. Они уже перепуганы этой обстановкой. А я говорю: „Буду учить вас пить водку и дам вам следующий совет. Вот три правила: на голодный желудок не пей; второе правило: выпьешь – закусывай. Повторите. И третье правило: знай, когда нужно остановиться, на какой рюмке, чтобы не потерять лицо человека“. Это, говорят, хорошие правила»¹⁰.

⁸ См.: Хиллис Г. Колония им. М. Горького – лаборатория и сцена Макаренко-воспитателя // Постметодика (Полтава). – 2003. – № 2(48). – С.4–26 (здесь: с.26).

⁹ Макаренко А.С. Педагогическая поэма. (Составитель, автор вступительной статьи, примеч., коммент. С. Невская). – М., 2003. С.24.

¹⁰ РГАЛИ, 332-1-30, лл.48–49; Макаренко А.С., Педагогические сочинения. Т.4. – М., 1984, с.335.

Однако бывшие воспитанники и сотрудники Макаренко, в том числе политрук колонии Л. Коваль, свидетельствовали о том, что подобные мероприятия никогда не проводились. Здесь мы имеем дело с хорошей придумкой педагога Макаренко. В своём выступлении перед преподавателями Сумского педуниверситета, в числе которых был и уважаемый Н. Лазарев, я указывал на данный факт.

«История шестая. Сердце»

... В 1939 году на 52-м году жизни он скоропостижно скончался, когда ехал на поезде из Москвы на дачу в подмосковное Голицыно. Антон Семёнович решил помочь старушке, которая несла тяжёлые сумки, и сердце не выдержало. Последними словами, которые он успел сказать, были: «Я писатель Антон Макаренко»¹¹.

У Макаренко действительно было больное сердце, что и стало причиной его ранней смерти. Но он умер в вагоне пригородного поезда не из Москвы в Голицыно, а на обратном пути в Москву. В Голицыно он отдыхал не на даче (о которой мечтал), а в Доме творчества Союза советских писателей СССР. То, что он помогал старушке нести «тяжёлые сумки» и что его последние слова были: «Я писатель Антон Макаренко», относится к многочисленным выдумкам о смерти педагога-писателя¹¹. Это видно из акта о смерти «пассажира Макаренко», факсимиле которого впервые было показано в московском телевизионном фильме «Семейные тайны Антона Макаренко» (2005 г.).

Этот документ – «Акт. 1939 г. апреля 1-го дня», – написанный карандашом на листах бумаги, вырванных из конторской книги, гласит: «Я, л/уп ЖДМ ст. Голицыно Выдрин, в присутствии Чибизова Г.Т. и Кондратьева Н.Н. составили настоящий акт о нижеследующем. С/г числа в 10 ч. 30 минут в п. № 134 на ст. Голицыно зашёл гр-н Макаренко Антон Семёнович, который почувствовал себя плохо и прилёг на лавочку. Тут же к пассажиру Макаренко А.С. был вызван врач посёлка Голицыно, но спустя пять минут гр-н Макаренко, до прихода врача, умер. В 10-43 прибыл врач Столярова, которая констатировал смерть у пас. Макаренко»¹². Последних слов у него не было – А.С. Макаренко умер в одиночестве и не узнанным...Однако легенду о его последних словах не так легко умертвить. См. название одной из новейших публикаций о нём: «Я – писатель Макаренко»¹³.

Странные выдумки об А.С. Макаренко / Гётц Хиллиг // Макаренко. Альманах № 2 / 2011. Под ред. С.С. Невской (Народное образование). – С. 150–153.

¹¹ См.: Хиллиг Г. Легенды смутного времени (1938–1941 г.г.): о хождении по мукам Макаренко-писателя, о внезапной кончине Макаренко-человека и о чудесном возрождении Макаренко-педагога. – Марбург, 1989. – С.69–86 (гл. «Семь смертей А.С. Макаренко. Выдумки и факты о событиях 1 апреля 1939 г.»).

¹² РГАЛИ, 332-4-357.

¹³ Гетманец М.Ф., Гетманец И.О. «Я – писатель Макаренко». Монография. – Харьков, 2011.

КАК ГОРЬКИЙ РЕДАКТИРОВАЛ МАКАРЕНКО

Работа «пролетарского писателя» над текстом «Педагогической поэмы»

Как известно, А. С. Макаренко посвятил «Педагогическую поэму» своему «шефу, другу и учителю Максиму Горькому». И это было не лишено оснований, так как, не будь многолетней поддержки со стороны писателя, как моральной, так и финансовой, автор вряд ли сумел бы завершить данную работу. Затем Горький стал и первым редактором «Поэмы», которая вышла в 1934–1936 гг. тремя отдельными частями в литературном альманахе «Год XVII» (№№ 3, 5) и, соответственно, «Год XVIII» (№ 8), основателем и главным составителем которого он был.

В статье представлены правки Горького к тексту «Педагогической поэмы» и дана оценка их значения для литературного качества произведения.

Материалом для настоящего исследования послужили неравнозначные источники. Причина в том, что для первых двух частей «Поэмы» не сохранились соответствующие первоначальные редакции с изменениями «пролетарского писателя», а для анализа части 3 мог быть использован отредактированный Горьким авторский машинописный экземпляр. В частях же 1 и 2 предпринимается попытка выявить эти изменения с помощью сравнительного анализа первых печатных версий, а также направленного авторского машинописного экземпляра части 2.

Сказанным выше объясняется «обратная» последовательность рассмотрения частей «Поэмы» – от 3-й к 1-й.

В представленной документации привлечены для сравнения два советских и одно постсоветское издание: «Сочинения», 2-е изд., т. 1 (Москва, 1957; ссылки как на: С 1), «Педагогические сочинения», т. 3 (М., 1984; ПС 3) и «Педагогическая поэма», составленная С. С. Невской (М., 2003; ПП). Что касается последнего, которое понимается как «литературно-художественное издание», речь идёт о компиляции фрагментов из различных вообще не подтверждённых печатных и архивных источников, причём «восстановленный текст дан курсивом».

Часть 3

В Архиве А. М. Горького хранится вышеупомянутый авторский машинописный экземпляр части 3 «Поэмы» с редакционными изменениями «пролетарского писателя», сделанными при первом прочтении. Речь при этом идёт о «кое-каких мелких поправках» – так писал он Макаренко в письме от 8 октября 1935 г.¹

Этими поправками уже в 50-е гг. занимались некоторые советские авторы (Н. А. Сундуков, Н. А. Морозова, В. А. Максимова, Е. В. Окулова, Я. Е. Донской)². Они провели отбор редакторских вмешательств, представлявшихся им значимыми в языковом и стилистическом отношении. При этом Сундуков, излагая эти изменения, воздерживался от всякого комментирования, а другие вышеупомянутые исследователи оценивали их сплошь положительно, характеризуя как обоснованные и улучшающие качество текста.

Точное исследование авторских машинописных экземпляров части 3, хранящихся в московских архивах, которое автор предпринял в рамках издания «Педагогической по-

¹ Переписка А. С. Макаренко с М. Горьким. Академ. издание. Под ред. Г. Хиллига при участии С. С. Невской. Марбург, 1990; Opuscula Makarenkiana, Nr. 11 (ссылки как на: Переписка), 95.

² Сундуков Н. А. Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким и его работа над текстом «Педагогической поэмы» // Известия АПН РСФСР. Вып. 38. М., 1952. С. 151–268 (здесь: С. 220–225) (ссылки как на: Сунд.); Морозова Н. А. О некоторых особенностях языка и стиля «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко // Вестник Ленингр. университета. Л., 1954, № 12. С. 87–105 (Мор.); Максимова В. А. Как Горький редактировал рукописи. Изд. 2-е. М., 1955 (здесь: С. 36–66) (Макс.); Окулова Е. В. О художественных особенностях романа А. С. Макаренко «Педагогическая поэма». Киров, 1957 (Ок.); Донской Я. Е. А. М. Горький в Харькове. Харьков, 1960 (здесь: С. 85–87) (Дон.).

эмы» внутри марбургского двуязычного собрания сочинений А. Макаренко «Gesammelte Werke» (тт. 3– 5, Stuttgart, 1982; ссылки как на: GW 3– 5), выявило, однако, что изменения, сделанные Горьким, являются не только языковыми и стилистическими, но имеют и содержательный характер. Кроме того, они примерно лишь на треть могут быть оценены как обоснованные и удачные. Вдобавок удалось установить, что несколько сокращений, приписывавшихся Горькому, были делом рук самого Макаренко.

В авторских машинописных экземплярах 3-й части «Поэмы», хранящихся в московских архивах, речь идёт о двух экземплярах первой редакции, от руки откорректированной Макаренко и в отдельных местах сокращённой, а также об экземпляре более поздней редакции, по пагинации отличающейся от прежних. Два из этих авторских машинописных экземпляров хранятся в фонде А. С. Макаренко Российского госархива литературы и искусства (РГАЛИ); до сих пор они не были охарактеризованы в советском и постсоветском макаренковедении: 1. Не совсем полный экземпляр первой редакции (332–1–10); 2. Экземпляр нового варианта текста для вышедшего в 1936 г. первого книжного издания части 3 (332–1–5) с рукописными изменениями Макаренко (в том числе он перенёс большинство исправлений, осуществлённых Горьким), а также ответственного редактора этого издания Р. А. Ковнатор и других редакторов.

Уже упомянутый полный экземпляр первой редакции, содержащийся в Архиве А. М. Горького (Пав-пГ 29–2–3; ссылки как на: Маш. 3), имеет на первой странице следующий штамп: «Госуд. Издательство „Художественная Литература“. Редакция альманаха „Год XVIII“» и содержит наряду с исправлениями и пометками рукой Горького, сделанными красным или синим карандашом, также многочисленные пометки, сделанные другой рукой, простым или зелёным карандашом. Очень вероятно, что они принадлежат Е. М. Коростелёвой, ответственному редактору «Альманаха». Анализ в конце концов опубликованного там текста части 3 «Поэмы» показывает, что были предприняты ещё многочисленные стилистические изменения вслед за просмотром авторского машинописного экземпляра Горьким. Из его письма Коростелёвой от 29 октября 1935 г., в котором он благодарит её «за работу по чтению и правке рукописи Макаренко», можно сделать вывод, что те отчасти радикальные вмешательства, которые, впрочем, были отменены в книжных изданиях, вышедших после смерти Горького, встретили принципиальное согласие «пролетарского писателя». В его письме ответственному редактору «Альманаха» говорится:

«Меня так утомляет чтение рукописи, что я всё хуже вижу ошибки авторов. / Я очень рад, что Вы так удачно почистили высокоценную работу Макаренко и усердно прошу Вас исправить нелепости текста, отмеченные Вами. Сам я, не имея рукопись пред глазами, мог [бы] только выбросить подчёркнутое Вашей рукою, а это едва ли правильно»³.

Кроме исправлений, касающихся пунктуации, орфографии, а также опечаток, в тексте части 3 речь идёт о 78 местах, которые изменил Горький; сверх того, имеются четыре места, вызвавшие его недовольство, но не изменённые. Эти исправления распределяются почти по всей рукописи. Никаких возражений не последовало с его стороны только по поводу глав 7 («Триста семьдесят третья бис»), 8 («Гопак») и 14 («Эпилог»). Гл. 8 содержит, как известно, встречу горьковцев с воспитанниками Куряжской колонии, сцену, которую Горький, как он писал Макаренко 8 октября 1935 г., прочитал «с большим волнением»⁴, при этом он, вероятно, мог и забыть об исправлениях.

За исключением одиннадцати случаев – они отмечены в последующей документации знаком * – Макаренко перенёс горьковские изменения в упомянутый авторский машинописный экземпляр книжного издания 3-й части «Поэмы», два из них, правда, не вполне точно⁵. Применительно к изменениям, не включённым им, можно исходить из того, что это произошло с намерением в девяти случаях, – здесь речь идёт о более существенных вмешательствах стилистического и содержательного свойства – в то время как Макаренко

³ Архив А. М. Горького, ПГ-рл 20–9–1/2.

⁴ Переписка, 95.

⁵ Маш. 3, 6: «что ему нужно делать и как делать, для чего делать» (так же и в: GW 5, 7; С 1, 419) вместо: «что ему нужно делать, как делать, для чего делать»; Маш., 304: «оркестр духовых инструментов белого металла» (так же и в: GW 5, 230) вместо: «оркестр духовых инструментов из белого металла» (так же и в: С 1, 619).

ко, вероятно, не принял во внимание два исправления, которые следует оценивать как улучшающие качество текста⁶. Если отвлечься от этих мест с исправлениями Горького, общим числом одиннадцать, исчезнувших в ходе обширных сокращений текста, которые последовали для первого однотомного издания «Поэмы» (1937), то можно констатировать, что горьковские исправления в рамках издания этой работы для «Сочинений» (т. 1, 1950) были учтены почти полностью⁷; кроме того, там изменили одно из мест, вызвавшее критику Горького⁸.

Ниже документированы исправления, предпринятые Горьким, в соответствии со следующими категориями: 1. Грамматика, 2. Стиль и 3. Содержание. При этом речь идёт о 66 случаях, в том числе 41 представлен впервые. Менее существенные изменения оставлены без внимания.

Грамматические изменения

Здесь можно привести одно оправданное, более того, необходимое изменение⁹:

(Маш. 3, 243) Может быть, мы ещё <будем> *решим* обжаловать. (См. также: GW 5, 185; С 1, 581; ПС 3, 407; ПП, 599.)

Стилистические изменения

Обоснованные исправления

Из многочисленных стилистических изменений только часть может считаться обоснованными и улучшающими качество текста. В трёх случаях украинизмы были заменены соответствующими русскими выражениями (№№ 3 «головами», 12 «пёр», 13 «нанесение»).

1. (Маш. 3, 2 – Сунд., 220) <После завтра> *Через день* я должен был приступить к приёму куряжской колонии [...]. (См. также: GW 5, 3; С 1, 415; ПС 3, 232; ПП, 424.)

2. (Маш. 3, 5) * [...] Коваль, глядя на неё, гордился коротко: / – Нашей работы! / Оля *тоже* гордилась щедрым подарком, который колония имени Горького оставляла луначарцам в виде упорядоченного имения на полном полевом шестипольи [...]. (См. также: GW 5, 6; С 1, 418; ПС 3, 294; ПП, 426.)

3. (Маш. 3, 7 – Сунд., 221) [...] и выходят оттуда гвозди ревматически кривые, <с *исковерканными* головами, с *испорченными ржавыми остриями*> *ржавые, с исковерканными шляпками, с испорченными остриями*, часто согнувшиеся вдвое, втрое [...]. (См. также: GW 5, 8; С 1, 419; ПС 3, 295; ПП, 428.)

4. (Маш. 3, 8 – Сунд., 221) Мой глаз в то время был уже достаточно набит, и я умел с первого взгляда, по внешним признакам, по неуловимым гримасам физиономии, по голосу, по походке, ещё по каким-то мельчайшим завиткам личности, может быть, даже по запаху, сравнительно точно предсказывать, какая продукция может получиться в каждом отдельном случае *из этого сырья*. (См. также: GW 5, 8–9; С 1, 421; ПС 3, 295; ПП, 428.)

5. (Маш. 3, 14 – Сунд., 221) Его тусклые глаза, вечно испачканные слизью <*болячками*> *жёлтого цвета*, вызывают крепкое отвращение. (См. также: GW 5, 13; С 1, 425; ПС 3, 298; ПП, 432.)

⁶ Маш. 3, 5: «Оля тоже гордилась» вместо: «Оля гордилась» (так в: GW 5, 6; С 1, 418); Маш. 3, 226: «[...] Наш садовник Мизяк» вместо: «[...] и наш садовник Мизяк» (так в: GW 5, 172; С 1, 569).

⁷ Кроме изменений, указанных в прим. 6, в С 1 четыре другие поправки также не были учтены, а именно следующие менее обоснованные исправления: №№ 6, 7, 18 и 23.

⁸ Маш. 3, 291 (Горький высказывал претензии по поводу выделенной части следующего предложения): «Аркадий прожил в колонии больше года, *и за это время несомненно эволюционировал в худшую сторону*». (В GW 5, 271, в неизменённом виде). С 1, 610: «и за это время несомненно эволюционировал, но направление этой эволюции всегда оставалось сомнительным».

⁹ Слова и места в тексте, зачёркнутые или исправленные Горьким, в настоящей работе обозначены в угловых скобках.

6. (Маш. 3, 30) К колонии он относился с глубокой и серьёзной уверенностью в том, что колония вещь полезная, крепко сбита и *<прилаженная> налаженная*. (См. также: GW 5, 25; С 1, 436; ПС 3, 306; ПП, 442.)

7. (Маш. 3, 107) – Жизнь, она была где? Я ж говорю: за столом, та в нужнике, та *<на> в кровати*. [...]. (См. также: GW 5, 84; ПП, 497.)

8. (Маш. 3, 123) Выходило так, что в одном этом здании я помещаю *<всех четырёхсот> все четыре сотни* воспитанников. (См. также: GW 5, 94; С 1, 499; ПС 3, 351; ПП, 509.)

9. (Маш. 3, 203) Однако многие проблемы в области этого вопроса очень запутаны, и *<мне приходилось в Куряже> в Куряже приходилось* решать их почти без помощи со стороны. (См. также: GW 5, 154; С 1, 554; ПС 3, 388; ПП, 568.)

10. (Маш. 3, 221) Педагогические мыслители были убеждены, что деньги дьявола, недаром же они слышали в «Фаусте»: / Люди гибнут за металл. / *<Сатана там правит бал>*. (См. также: GW 5, 169; С 1, 566; ПС 3, 396–397; ПП, 582.)

11. (Маш. 3, 224) Лапоть бережно обнёс по рядам *<открытые> развёрнутые* письма Горького. (См. также: GW 5, 171; С 1, 568; ПС 3, 398; ПП, 586.)

12. (Маш. 3, 226 – Сунд., 223) Из недр монастырской горы, из глубин бесчисленных келий выходил на поверхность последний чад прошлого, и его немедленно подхватывал летний услужливый ветер и *<пёр> уносил* куда-то далеко, на какие-то свалки истории. (См. также: GW 5, 172; С 1, 569; ПС 3, 398–399; ПП, 587.)

13. (Маш. 3, 230) [...] прекрасно понимают, что такое домашний арест за *<нанесение> принос* грязи в жилое помещение. (См. также: GW 5, 175; С 1, 572; ПС 3, 400; ПП, 590.)

14. (Маш. 3, 239) Постели, правда, резали глаза ослепительной наготой простынь, но я уже не хотел надоедать старику *<одеяльными ранами> одеялами*. (См. также: GW 5, 182; С 1, 578; ПС 3, 405; ПП, 596.)

15. (Маш. 3, 265) Девочка, рано, почти в детстве, начавшая жить половой жизнью, не только отстала, и физически и духовно она несёт на себе глубокую травму, очень сложную и болезненную. (См. также: GW 5, 202; С 1, 593; ПС 3, 415; ПП, 615–616.)

16. (Маш. 3, 306 – Сунд., 222; Макс., 49) Они [дисциплина и бытовой порядок. – Г. Х.] сделались традицией коллектива, в которой он разбирается уже лучше меня и за которой наблюдает не по случаю, не по поводу скандалов и истерик, а ежеминутно, в порядке *<обыкновенного инстинкта> требований коллективного инстинкта*, я бы сказал. (См. также: GW 5, 231; С 1, 620; ПС 3, 434; ПП, 611–612.)

Менее обоснованные исправления

Большинство стилистических исправлений не улучшает качество текста, а во многих случаях приходится говорить даже о произвольном вмешательстве. Наряду с субъективным ощущением стиля, свойственным Горькому, важнейшую роль играло при этом, вероятно, и его требование о сохранении определённого языкового уровня.

Для начала следует назвать некоторые повторы, очевидно, ощущавшиеся Горьким как огрехи, но сознательно допущенные автором:

1. (Маш. 3, 19) – Что такое? *<Говори,> пожалуйста, говори...* (См. также: GW 5, 17; С 1, 429; ПС 3, 301; ПП, 435.)

2. (Маш. 3, 26) – Что случилось, Любовь Савельевна? / – Я вчера был в Куряже. Ужас! Я не могу выносить таких впечатлений. Вы знаете... я была в тюрьме, на фронте, я никогда так не страдала, как сейчас. / Да зачем вы так *<, Любовь Савельевна>?..* (См. также: GW 5, 22; С 1, 433; ПС 3, 504; ПП, 439.)

3. (Маш. 3, 195) – Выбрались? / – Ого! – засмеялся Таранец. / – Они все в разных отрядах? / – Да, по одному в разных отрядах. / *<– Здорово! Выбрались>*. (См. также: GW

5, 148; С 1, 550; ПС 3, 385; ПП, 562.) Особенно многочисленными являются изменения типичных для Макаренко словосочетаний и образов, из-за чего пропадает их колорит.

4. (Маш. 3, 2 – Сунд., 220– 221) В колонии и страхи, и надежды, и нервы, и сияющие глаза, и лошади, и возы, и *<расходившиеся, как буря¹⁰> бурные* волны мелочей, забытых *<нота-бене> «нота-бене»¹¹* и затерявшихся верёвок, – всё сплелось в такой *<сложный> сложнейший* узел [...]. (См. также: GW 5, 3; С 1, 415; ПС 3, 292; ПП, 424.)

5. (Маш. 3, 3) Представители коммуны уже мелькали между *<сплцами>* частями колониcтской машины [...]. (См. также: GW 5, 5; С 1, 417; ПС 3, 293; ПП, 425.)

6. (Маш. 3, 5) * Она забирала за живое культурой, энергией, бодрой верой, и Коваль, глядя на неё, гордился *<коротко>*: / Нашей работы! (См. также: GW 5, 6; С 1, 418; ПС 3, 294; ПП, 426.)

7. (Маш. 3, 5) * И теперь, когда многое нужно было бросить, а многое вырвать из общей гармонии и втиснуть в тесноту *<жарких>* товарных вагонов [...]. (См. также: GW 5, 6; С 1, 418; ПС 3, 294; ПП, 426.)

8. (Маш. 3, 6) Нет, это сотня этических напряжений, сотня *<завитой энергии>* музыкально настроенных энергий, сотня благодарных дождей, которых сама природа, эта напыщенная самодурная баба, и та ожидает с нетерпением и радостью. (См. также: GW 5, 7; С 1, 419; ПС 3, 294; ПП, 427.)

9. (Маш. 3, 14 – Сунд., 221) [...] тяжёлый отёкший нос слишком перевешивает все *<прочие предметы> другие части лица*. (См. также: GW 5, 13; С 1, 425; ПС 3, 298; ПП, 432.)

10. (Маш. 3, 90 – Сунд., 223) Никто не подошёл к Мише Овчаренко, который возле самой соборной паперти *<был оборудован наново. У Миши разложены>* разложил на ступенях паперти новые, вчера купленные лопаты, грабли, метлы. (См. также: GW 5, 71: [...] который стоял возле самой соборной паперти, и где у Миши [...]; С 1, 477; ПС 3, 335; ПП, 486.)

11. (Маш. 3, 186) В душу мою вдруг налезло много всяких мыслей, соображений, образов, торжественных хоралов и танцевальных *<нетерпеливых>* ритмов. (См. также: GW 5, 141: Душа моя образами, торжественными хоралами и танцевальными ритмами.; С 1, 543; ПС 3, 380; ПП, 556.)

12. (Маш. 3, 226) Последние припадки лени теперь легко уже сбрасывались *<с пацаньих плеч, как никому не нужная шелуха>*. (См. также: GW 5, 172; С 1, 569; ПС 3, 398; ПП, 586– 587.)

13. (Маш. 3, 226 – Сунд., 223) В нашем дворе стало светло и просторно, прибавилось неба, и зелёные украшения и привольные дали горизонта расположились вокруг нас *<как гирлянды> широчайшей рамой*. (См. также: GW 5, 172; С 1, 569; ПС 3, 399; ПП, 587.)

14. (Маш. 3, 239) Взвод барабанщиков *<прокатил по стенам и крышам и>* закатил далеко к горизонтам четыре такта частой гулкой дробы приветствия. (См. также: GW 5, 182; С 1, 578; ПС 3, 405; ПП, 597.)

15. (Маш. 3, 259) Но он [Дарвин. – Г. Х.] был бы ещё более великим, если бы наблюдал нас, заведующих колониями. Он бы увидел совершенно исключительные формы приспособления, мимикрии, защитной окраски, поедания слабейших, естественного отбора и прочих явлений *<настоящей>* биологии. (См. также: GW 5, 197; ПП, 611.)

16. (Маш. 3, 304 – Сунд., 225; Дон., 87) Дзержинцы появились на людях в хороших суконных костюмах, *<освежённых> украшенных* широкими белыми воротниками, у них был *<хор инструментов белого металла> оркестр духовых инструментов из белого*

¹⁰ Вероятно, должно быть: «как в бурю». Горький сделал здесь неполное исправление: «бурные как буря» (так же и у Сунд., 221).

¹¹ Также и в других местах Горький заключил отдельные слова в кавычки: «вековую» (Маш. 3, 206; GW 5, 156; С 1, 556; ПС 3, 389; ПП, 571), «неохристианство» (Маш. 3, 207; GW 5, 158), «табу» – дополнено следующим примечанием: «Табу – запрещение» (Маш. 3, 222; GW 5, 169; С 1, 567; ПС 3, 397; ПП, 682).

металла, и на их трубах стояли знаки знаменитой пражской фабрики. (См. также: GW 5, 230; С 1, 619; ПС 3, 434; ПП, 649.)

17. (Маш. 3, 323 – Сунд., 225; Ок., 19) И тогда, увидев, что пожар в полном разгаре, что все рубиконы далеко назад, что терять всё равно нечего, что всё уже потеряно, я *<швырнул в синедрион последним горящим поленом>* сказал: [...]. (См. также: GW 5, 244; С 1, 632; ПС 3, 443; ПП, 662.)

К другим едва ли обоснованным стилистическим изменениям относятся вмешательства в разговорный стиль выражения, в общем и целом предпочитавшийся Макаренко и характерный для стиля сказа. В двух случаях, существенных с точки зрения педагогики (№№ 18, 22), эти вмешательства вызывают изменение смысла.

18. (Маш. 3, 2) * Разбавляя наш коллектив, они [новенькие. – Г. Х.] мешали сохранить горьковскую колонию в полной чистоте силы и *<пружинности¹²>* гибкости. (См. также: GW 5, 4; С 1, 416; ПС 3, 292; ПП, 424.)

19. (Маш. 3, 7 – Сунд., 221) *<Кто не знает>* Немногие знают, что такое гвозди, бывшие в употреблении! (См. также: GW 5, 8; С 1, 419; ПС 3, 295; ПП, 428.)

20. (Маш. 3, 66) – [...] Приходите, для вас же, гады, интересно, у вас новая жизнь начинается, а вы, как *<мокрушки>* мокрицы, разлазьтесь. (См. также: GW 5, 52; С 1, 460–461; ПС 3, 323; ПП, 469.)

21. (Маш. 3, 119– 120) Сам староста имел бороду седую, бороды остальных очевидно располагались по табелю о рангах, начиная от беловато-серой до *<чисто>* глубоко чёрной. (См. также: GW 5, 291; ПП, 507.)

22. (Маш. 3, 205) Нарушителей было очень много, возиться с ними было делом сложным, требующим много времени и неэффективным, ибо всякая мера взыскания только тогда производит полезное действие, когда она *<выпячивает>* *выталкивает* человека из общих рядов и поддерживается несомненным приговором общественного мнения. (См. также: GW 5, 155–156; С 1, 555; ПС 3, 389; ПП, 570.)

23. (Маш. 3, 221) * Так он и не понял, этот профессор. *<Что я мог сделать?>* (См. также: GW 5, 168; С 1, 566; ПС 3, 396; ПП, 583.)

24. (Маш. 3, 235) * – Мистерия труда? *<М-может быть. Но>* зачем это так усложнять. [...] (См. также: GW 5, 194; С 1, 589; ПС 3, 413; ПП, 608.)

25. (Маш. 3, 246) * – Мы будем жаловаться. Значит, если человек умирает... / – Умирайте без музыки. / – Вы будете отвечать. / Есть, отвечать. / – Хорошо. / – *Ничего хорошего!* (См. также: GW 5, 200– 201; ПП, 614– 615.)

26. (Маш. 3, 264) *<Второе достижение>* Вторым достижением было кино. (См. также: GW 5, 201; С 1, 592; ПС 3, 415; ПП, 615.)

27. (Маш. 3, 309 – Ок., 20) А мне уже не нужно было с разгону *<ахаться>* биться головой о стену, чтобы убеждать начальство в необходимости и пользе носового платка. (См. также: GW 5, 234; С 1, 622; ПС 3, 436; ПП, 652.)

Едва ли понятны следующие четыре небольших изменения:

28. (Маш. 3, 57) Ни *<до того>* раньше, ни после того в своей жизни я нигде не видел таких мощных защитных приспособлений, какие были приделаны к окнам, дверям и другими отверстиям в квартирах воспитателей в Куряже. (См. также: GW 5, 45; С 1, 454; ПС 3, 319; ПП, 461.)

29. (Маш. 3, 90 – Сунд., 223) В руках *<у>* Миши новенький блокнот, тоже вчера купленный. (См. также: GW 5, 71; С 1, 477– 478; ПС 3, 335; ПП, 486.)

30. (Маш. 3, 106) – Первым я сюда приехал, *<у>* последним уеду. [...] (См. также: GW 5, 83; С 1, 489; ПС 3, 344; ПП, 497.)

¹² Это опечатка. Должно быть: пружинистости.

31. (Маш. 3, 210). Следовательно, затруднения не в вопросе, что нужно сделать, <а> но как сделать. А это вопрос педагогической техники¹³. (См. также: GW 5, 160; С 1, 558; ПС 3, 390; ПП, 574.)

Наконец, здесь следует привести ещё одно вмешательство, которое наряду со стилистическими улучшениями («привычка... свойственна людям», «работали») содержит и менее обоснованные исправления:

32. (Маш. 3, 203) Привычка рассказывать о труде, только как о приятном переживании, как о блаженстве и горнем полёте, *<существует преимущественно у людей> свойственна людям*, которые сами никогда не *<работают> работали* и предаются слюнотечению *<в таком же порядке>*, вероятно, по той же причине, как *<павловские собаки> собаки И. П. Павлова* предаются слюнотечению, если им показать кусок мяса. (См. также: GW 5, 154; ПП, 567.)

Содержательные изменения

Здесь следует назвать прежде всего несколько небольших вмешательств, более или менее меняющих смысл, часть которых вела к ослаблению или, соответственно, усилению отдельных высказываний. Поводом для этих изменений могли быть, в частности, возражения стилистического свойства, в одном случае (№ 2) была опечатка, по видимому, не распознанная Горьким («галоши» вместо «гамаш»).

1. (Маш. 3, 2 – Сунд., 220– 221) [...] всё сплелось в такой сложный узел, что *<никакой уверенности у меня не было в способности> я не верил в способность* хлопцев развязать его успешно. (См. также: GW 5, 3; С 1, 415; ПС 3, 292; ПП, 424.)

2. (Маш. 3, 35) Несколько нестриженных, грязных фигур лениво двинулись к машинам, волоча по земле длинные истоптанные *<галоши штанов> штанины* [...]. (См. также: GW 5, 28; С 1, 439; ПС 3, 308; ПП, 445.)

3. (Маш. 3, 90 – Сунд., 223; Дон., 86) * Эти *<мерзавцы> черти* даже не учли того обстоятельства, что для них приготовлен был очень жирный и вкусный суп, а на хлеб положены кубики масла. (См. также: GW 5, 71; С 1, 477; ПС 3, 335; ПП, 486.)

4. (Маш. 3, 106 – Ок., 10– 11) А на берегу луга девчата плетут венки, и Наташа Петренко *<трогает меня до слёз сказочной прелестью девушки в васильковом венчике> в васильковом венчике трогает меня до слёз сказочной прелестью*. (См. также: GW 5, 83; С 1, 489; ПС 3, 343; ПП, 496.)

5. (Маш. 3, 191) Остроумный Алёшка Волков, разобравшись в бесконечной ярмарке всяких вещей, расставленных вокруг собора, прежде всего вытащил на поверхность единственное наше трюмо, и его в первую очередь приладили два пацана на *<алтарном>* возвышении. (См. также: GW 5, 145; С 1, 546– 547; ПС 3, 382– 383; ПП, 559.)

6. (Маш. 3, 205 – Сунд., 223) Менее опытный человек утешил бы себя такими соображениями: ребята не привыкли к трудовому усилию, *<у них нет ухватки, умения> не имеют «ухватки», не умеют* работать, у них нет привычки равняться по трудовому усилию товарищей, нет той трудовой гордости, которая всегда отличает коллективиста [...]. (См. также: GW 5, 156; С 1, 555– 556; ПС 3, 389; ПП, 570.)

7. (Маш. 3, 210) Я соображал так: теории особенной и не нужно, мы все прекрасно знаем, какого нам *<нужно> следует* воспитать человека, это знает каждый грамотный сознательный рабочий и хорошо знает каждый член партии. (См. также: GW 5, 159–160; С. 1, 558¹⁴; ПС 3, 390; ПП, 574.)

¹³ Более адекватной была бы следующая поправка: «[...] а как сделать. Но это вопрос педагогической техники».

¹⁴ В С 1 было перенято исправление Горького «следует» вместо «нужно», хотя там более не содержалась вышеупомянутая составляющая часть предложения «теории особенной и не нужно».

8. (Маш. 3, 258) * Над нами <ещё> стоял чиновник из финотдела, существо ещё более древней формации, бесславно протащившее свою историю через века и поколения [...]. (См. также: GW 5, 196; ПП, 610.)

9. (Маш. 3, 306 – Сунд., 225) Нельзя описать совершенно исключительное впечатление счастья, которое <можно испытать> испытываешь в детском обществе, выросшем вместе с вами, доверяющем вам до конца, идущем с вами вперёд. (См. также: GW 5, 231; С 1, 620; ПС 3, 434; ПП, 650.)

10. (Маш. 3, 323 – Сунд., 225) Я, наконец, обозлился и <нечаянно> сгоряча вылил в огонь <полное> ведро керосина. (См. также: GW 5, 244; С 1, 632; ПС 3, 443; ПП, 661.)

Особой содержательной значимостью характеризуются нижеследующие вмешательства, в которых Горький предпринимает попытки идеологически выровнять высказывания Макаренко в соответствии со своей собственной точкой зрения:

11. (Маш. 3, 6) Был момент, когда я даже согрешил и подумал: для счастливых людей не нужно никакой власти, её заменит вот такой радостный, такой новый, такой человеческий инстинкт, когда каждый человек точно будет знать, что ему нужно делать <и>, как делать, для чего делать. (См. также: GW 5, 7; С 1, 419; ПС 3, 294– 295; ПП, 427.)

12. (Маш. 3, 8 – Сунд., 221; Макс., 48– 49) И новенькие! [...] Я то и дело пересматривал их состав и раскладывал его на кучки, классифицируя с точки зрения социально-человеческой ценности. (См. также: GW 5, 8; С 1, 421; ПС 3, 295; ПП, 428.)

13. (Маш. 3, 107 – Сунд., 223) Калина Иванович вспоминает разные случаи жизни, а я способен ощущать только его сегодняшнюю старость, и обижаться за неё <перед... мирозданием¹⁵>. (См. также: GW 5, 84; С 1, 490; ПС 3, 344; ПП, 497.)¹⁶

14. (Маш. 3, 107 – Сунд., 223) – Жалко, мало пожил при большевиках, – продолжал Калина Иванович. – Они, <паразиты> черти, все по-своему, и грубияны, конечно, а я не люблю, если человек грубиян. [...]. (См. также: GW 5, 84; С 1, 490; ПС 3, 344; ПП, 498.)¹⁷

15. (Маш. 3, 203 – Сунд., 223; Орл., 20) [...] очень многие работы только потому и возможны, что человек <умеет страдать> привык страдать и терпеть. (См. также: GW 5, 154; С 1, 554; ПС 3, 388; ПП, 568.)

16. (Маш. 3, 265) <Почему-то,> чёрт его знает, <у нас не> когда у нас установится на таких девочек [девочек с ранним половым опытом. – Г. Х.] здоровый простой взгляд. (См. также: GW 5, 202; ПП, 616.)

17. (Маш. 3, 306) * Как ни трудно было мне<, как ни туманно было впереди>, моя жизнь в это время была счастливой жизнью. (См. также: GW 5, 231; С 1, 620; ПС 3, 434; ПП, 650.)

Изменения, ошибочно приписанные Горькому

Как уже упоминалось, в советских работах приводились и комментировались также восходившие якобы к Горькому удаления целых пассажей в части 3 «Поэмы». Сравнение

¹⁵ В новом варианте машинописного экземпляра (РГАЛИ, 332– 1– 5, 107) данное место исправлено таким образом: «на... мироздание».

¹⁶ Применение слова «мироздание» в значении «творение, Вселенная» Горький критиковал и в другом месте, не сохранившемся в С 1 (Маш. 3, 55), изменений, однако, не последовало: «За его спиной я вижу белоснежные крылья безответственности, позволяющие человеку грациозно парить над миром и безнаказанно действовать голосовыми связками, которые по трагическому недосмотру мироздания в стандартном порядке вставляются в каждую глотку». (См. также GW 5, 43– 44.)

¹⁷ Двумя годами ранее соответствующая связь ругательства «паразиты», типичного для слога Калины Ивановича, со словом «большевики» в 1-й части «Поэмы» не подверглась критике со стороны Горького, который тогда только переселился из Италии в Советский Союз: «Ничего из этих паразитов большевиков не выйдет (...)». Она сохранилась только в первом издании. (См. GW 3, 273.) Сундуков, сообщивший о вышеупомянутом исправлении, при этом, правда, не цитирует первую часть данного высказывания, из которой явствует, кто подразумевается под словом «они».

двух «первичных» авторских машинописных экземпляров показывает, однако, что эти сокращения принадлежат не Горькому, а Макаренко. Соответствующие места были уже вычеркнуты им (чернилами), прежде чем Горький прочитал их и, в какой-то мере соглашаясь, ещё раз перечеркнул (цветным карандашом).

При этом речь идёт о следующих четырёх местах, из которых три уже приведены в кандидатской диссертации Морозовой¹⁸ и по одной в вышеназванных работах Сундукова и Донского.

1. (Маш. 3, 67–68 – после фразы: Подобные неясные случаи встречались и в истории и разрешались всегда с большим трудом.)

Я вспомнил одно событие, взволновавшее Европу в начале XIX века, которое сильно походило на инцидент возле дверей кухни в Куряже в первой половине XX века. Вековое расстояние – признак не существенный. Известный законодатель морали Наполеон, тогда ещё даже не император, почувствовал, что ему мешает работать и творить принц Ангиенский, какой-то там потомок какого-то венценосца. Принц проживал в нескольких часах езды от французской границы на территории Германии. Дело было решено очень просто. Военный отряд французов перешёл через границу, захватил принца, организовал немедленно военный суд, и принц не успел проснуться, как уже был расстрелян с отданием воинских почестей и прочими украшениями. Кто его знает, как к этому событию отнёсся Наполеон в то время, но несколько после события, будучи уже в доме отдыха на острове Святой Елены, Наполеон, обсудив всё происшествие, в общем и целом пришёл к такому заключению:

– Это могло быть преступлением, но это не было ошибкой.

Сравнив эти два случая, я отметил, что если сам Наполеон мог отделаться от неприятности только при помощи сомнительного афоризма, то для меня положение является гораздо более затруднительным. Поэтому я осторожно повёл среднюю линию, которая всегда отличается тем, что человек задаёт вопросы, а отвечать должны другие:

– Какое же ты имел право бить его?

В окончательной редакции Макаренко сократил это место следующим образом: «Я осторожно повёл среднюю линию: / – Какое же ты имел право бить его?» (Мор. Дисс., 155. См. также: GW 5, 53; С 1, 462; ПС 3, 324; ПП, 469–470.)

2. (Маш. 3, 118 – после фразы: Ваня поднял глаза, молча кивнул головой и побежал в пионерскую комнату.) (См. также: GW 5, 92; С 1, 497; ПС 3, 349; ПП, 505.)

А я набрал в лёгкие воздуха и бесстрашно нырнул в самые глубины беспризорной куряжской жизни. Холодные привычные волны заботы потащили меня вниз, туда, где с илистого дна растут древние, как мир, проблемы человеческого поведения. На длинных, предлинных их стеблях качаются среди водяных пустынь красивые бледные цветы – прекрасные слова и мысли великих людей и великих педагогов (Дон., 86–87).

3. (Маш. 3, 197 – после фразы: Ошарашенные командой, куряжане еле успели оглянуться и упереться руками в доски столов, чтобы встать, как были вторично ошарашены громом нашего энергичного оркестра.) (См. также: GW 5, 150; С 1, 551; ПС 3, 385; ПП, 564.)

Целые очереди движений, естественных, подражательных, испуганных, добросовестных, – разных движений затолпились у них в дверях сознания, и насилие духовные их милиционеры навели в этих очередях сносный порядок (Сунд., 223; Мор. Дисс., 157–158.)

4. (Маш. 3, 284 – после фразы: И круги эти [мыслящие педагогические круги Наркомпроса Украины. – Г. Х.] были как будто не широкие, и люди там были как будто понятные, а всё же как-то так получалось, что спасения для меня не было.) (См. также: GW 5, 217; С 1, 607; ПС 3, 425; ПП, 635.)

¹⁸ Морозова Н. А. «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко. Дисс. на соиск. учён. степ. канд. филолог. наук, Л., 1953 (ссылки как на: Мор. дисс.).

Я в то время обладал великим терпением и умел в течение месяцев молчаливо отбрасывать в сторону разные неприятные впечатления жизни, мешавшие работать. Но и моему терпению ставился предел. Я научился даже нервничать (Мор. Дисс., 156.)

Место, названное в последнюю очередь, – и тем самым также мнимую мотивацию Горького в пользу его вычёркивания – Морозова интерпретирует как текст, в котором «Макаренко рассказывает о тяжёлом душевном состоянии, которое создалось у него в результате борьбы с „олимпийцами“; говорить о своей слабости, усталости невозможно Макаренко, человеку волевому и выдержанному, поэтому Горький и исключает самопризнания автора, как нехарактерные для такого человека, как Макаренко, да ещё в период, когда были достигнуты большие успехи в воспитательной работе»¹⁹.

Эти высказывания, содержащиеся в диссертации Морозовой, цитировал чешский макаренковед Л. Пеха на II международном макаренковедческом симпозиуме (Фалькенштейн/ФРГ, 1971). Пеха заявил по данному поводу: «С точки зрения педагогической и биографической интерпретации этих текстов важно учесть, что Горький вычеркнул те места, где в книге Макаренко сильно проявлялись депрессивные состояния, вызванные изнурительной борьбой с его противниками на „Олимпе“»²⁰.

Часть 2

Существует экземпляр авторского машинописного варианта части 2 «Поэмы» (РГАЛИ, 332–1–9; ссылки как на: Маш. 2). Украинские карандашные пометки между строками указывают на основу перевода для украиноязычного издания двух первых частей, вышедшего в 1935 г.

После основательно затянувшегося завершения 2-й части (конец августа 1934 г.) Макаренко послал три авторских машинописных экземпляра одновременно Горькому, в издательства «Художественная литература» в Москве и «Советская литература» в Киеве / Харькове. Уже 10 сентября 1934 г. Горький подробно и дифференцированно сформулировал в письме Макаренко мнение о 2-й части, причём он призвал его «местами сократить, а кое-где дополнить рукопись»²¹. Вслед за тем Макаренко поехал в Москву, чтобы в редакции «Альманаха» предпринять соответствующие исправления авторского машинописного экземпляра, сделав в особенности обширные сокращения, а также одно дополнение. Как Макаренко письменно информировал Горького 18 сентября, он «постарался вычеркнуть всё то, что бросается в глаза»²².

В сохранившемся авторском машинописном экземпляре, как и в украинском издании, сокращения, инициированные Горьким, не были реализованы. На основании обстоятельств совокупности работ по набору и печати – соответствующее издание «Альманаха» (ссылки как на: Альм. 5) ушло в производство уже 10 августа 1934 г.²³ – а также полученных выше представлений о свойственном Горькому способе правки, небольшие редакционные изменения в тексте издания части 2 в «Альманахе» могут быть с большой вероятностью приписаны «пролетарскому писателю».

В целом речь идёт о 19 такого рода исправлениях, которые распределяются по главам 1, 2, 5, 6, 8, 9, 11, а также 14–17. Гл. 10 («Свадьба»), которую особенно хвалил Горький²⁴, что характерно, оказалась не затронутой ими.

Стилистические изменения

Обоснованные исправления

¹⁹ Мор. Дисс., 156.

²⁰ Pecha L. Neue Aspekte zu einer Biographie Makarenkos / A. S. Makarenko und die sowjetische Pädagogik seiner Zeit. Marburg, 1972, 133–140 (здесь: 137).

²¹ Переписка, 85.

²² Там же, 86.

²³ См.: GW 13, 31.

²⁴ См.: Переписка, 84.

В качестве обоснованных можно охарактеризовать следующие пять исправлений. С той оговоркой, что № 2 имеет явный политический оттенок. Последние три понятны только из более широкого контекста.

1. (Маш. 2, 9; Альм. 5, 12) Задоров прищурил один глаз и улыбался *<во все лопатки>*. (См. также: GW 4, 11; С 1, 242; ПС 3, 170; ПП, 235.)

2. (Маш. 2, 105; Альм. 5, 75) Он [кнур. – Г. Х.] не обманул наших ожиданий и скоро был помещён в особняке рядом с папашей под именем Петра Васильевича, названный так в честь молодого Трепке, *<уехавшего> убравшегося* с деникинской армией. (См. также: GW 4, 90; С 1, 314; ПП, 316.)

3. (Маш. 2, 200; Альм. 5, 140) Чайкин *<ещё раз>* попытался поправить очки [...]. (См. также: GW 4, 170; С 1, 381; ПС 3, 268; ПП, 394.)

4. (Маш. 2, 202; Альм. 5, 142) Я в глубине души обрадовался: хорошо ещё, что она [Брегель. – Г. Х.] ничего не знает об обучении наших барабанщиков. *<Ведь там такая же картина>*. (См. также: GW 4, 173; С 1, 383; ПС 3, 270; ПП, 396.)

5. (Маш. 2, 219; Альм. 5, 155) Пролетев *<вёрст> километров* шесть от города по песчаной скучной дороге [...]. (См. также: GW 4, 189; С 1, 398; ПС 3, 280; ПП, 410.)

Менее обоснованные исправления

Другие стилистические исправления не способствуют улучшению качества текста. Некоторые из них, как и в части 3, касаются образов, типичных для Макаренко:

1. (Маш. 2, 6; Альм. 5, 9) На общих собраниях коммунаров, в совете командиров, просто в беседах старших колонистов и в комсомольских речах, даже в щебете пацанов очень часто можно было услышать название этой суммы [шесть тысяч рублей. – Г. Х.], и во всех этих случаях она представлялась абсолютно недостижимой по своей величине *< – прямо небоскрёбно-американской>*. (См. также: Укр. 1935, 283; GW 4, 8; С 1, 240; ПС 3, 168; ПП, 232.)

2. (Маш. 2, 25; Альм. 5, 22) *<Бурун героически упрямо не допускал к себе ни одного сомнения в собственных способностях>*, и, наконец, наступило такое время, когда Бурун оказался впереди товарищей, когда их талантливо схваченные огоньки знания сделались чересчур скромными по сравнению с *<солидным костром эрудиции>* солидной эрудицией Буруна *<, в котором он наворотил целые стволы своей воли, терпения и до ажура доведённой точности>*. (См. также: Укр. 1935, 302– 303; GW 4, 24; С 1, 254; ПС 3, 178– 179; ПП, 248.)

3. (Маш. 2, 25; Альм. 5, 22) Маруся обладала счастливой памятью, была умница и собой исключительно хороша: на смуглом *<тонком>* лице *<, как заря в грозовой вечер, горел>* глубокий румянец, большие чёрные глаза всегда играли *<и искорками, и>* огнями и молниями, а над ними с побеждающей неожиданностью *<спокойно смотрел чистый умный девичий лоб>* – спокойный, чистый, умный лоб. (См. также: Укр. 1935, 304; GW 4, 25; С 1, 255; ПС 3, 179; ПП, 249.)

4. (Маш. 2, 139; Альм. 5, 100) И для меня и для каждого колониста ясно было, что колонию положили на плаху и занесли над нею *<непобедимый сверкающий>* тяжёлый топор, чтобы оттяпать ей голову. / Сами рабфаковцы имели такой вид, будто их *<украшили и>* приготовили для того, чтобы принести в жертву *<всесильному богу жизни, богу рабфака и многим богам необходимости и судьбы>* «многим богам необходимости и судьбы». (См. также: Укр. 1935, 425; GW 4, 121; С 1, 343; ПС 3, 241; ПП, 344.)

5. (Маш. 2, 197; Альм. 5, 139) Я представил себе *<эту содрогаящуюся на месте>* силу коллектива колонистов и вдруг понял, в чём дело: ну, конечно, как я мог так долго думать! Всё дело в остановке. Не может быть так допущена остановка в жизни коллектива. / Я обрадовался по-детски: какая прелесть! Какая чудесная захватывающая диалектика *<, как светлеет кругом, и как закружились в моей голове мысли>*! (См. также: Укр. 1935, 494; GW 4, 121; С 1, 379– 380; ПС 3, 267; ПП, 292.)

Другие изменения подобного рода касаются прежде всего мест с разговорной или характерной для стиля сказа манерой выражения:

6. (Маш. 2, 69; Альм. 5, 53) – Какое же это воспитание? *<Меня обмошенничали с этим ремонтом,>* Мебель растащили из кабинета, что это такое, а? [...] (См. также: Укр. 1935, 350; GW 4, 64; С 1, 290; ПС 3, 204; ПП, 286.)

7. (Маш. 2, 77; Альм. 5, 57) *<Подобные сарказмы>* Споры эти мне всегда помогали, ибо до конца проясняли положение: нужно положиться на собственный здравый смысл и на здравый смысл жизни. (См. также: Укр. 1935, 359; GW 4, 68; С 1, 295; ПС 3, 207–208; ПП, 292.)

8. (Маш. 2, 107; Альм. 5, 77) – Есть такие права? Ах, вы *<мать вашу>*... (См. также: Укр. 1935, 392; GW 4, 93; С 1, 317; ПС 3, 223; ПП, 318.)

9. (Маш. 2, 186; Альм. 5, 131) Несмотря на страдания Ковалёва, Назаренко нас во всяком случае не затруднял в ежедневной работе *< – наоборот>*. (См. также: Укр. 1935, 473; GW 4, 160; ПП, 383.)

10. (Маш. 2, 203; Альм. 5, 142) Черниговка *<, действительно девушка красива,>* с удивлением рассматривала наше общество, голоногое, голорукое, а в некоторых частях голопузое. (См. также: Укр. 1935, 491; GW 4, 173; С 1, 384; ПС 3, 270; ПП, 397.)

11. (Маш. 2, 218; Альм. 5, 154) – Значит, там [в Куряже. – Г. Х.] нужно весь персонал выгнать. / – Нет, зачем же... там есть отличные работники. / – *<Нет, там ничего, ни одного...>* Я в таких случаях сторонник полной асептики. / – Ну хорошо, выгоняйте, выгоняйте!.. (См. также: Укр. 1935, 506; GW 4, 187; С 1, 397; ПС 3, 279; ПП, 409.)

Содержательные изменения

Определяются три содержательных изменения, из которых только одно (№ 3) можно в соответствии с контекстом охарактеризовать как обоснованное.

1. (Маш. 2, 115; Альм. 5, 82) Я люблю молотьбу. *<Я на току наслаждаюсь, как на лучшем симфоническом концерте.>* Особенно хороша молотьба к вечеру. (См. также: Укр. 1935, 400; GW 4, 99; С 1, 322; ПС 3, 227; ПП, 324.)

2. (Маш. 2, 197; Альм. 5, 138–139) В таком коллективе неясность личных путей не могла определять кризиса. Ведь личные пути всегда неясны. И что такое ясный личный путь? Это отрешение от коллектива, это концентрированное мещанство: такая ранняя, такая скучная забота о будущем куске хлеба, об этой самой хвалёной квалификации. И какой квалификации? Столяра, сапожника, мельника. Нет, я крепко верю, что для мальчика в шестнадцать лет нашей советской жизни самой дорогой квалификацией является квалификация *борца и* человека. (См. также: Укр. 1935, 484; GW 4, 168, 282, прим. 5; С 1, 379; ПС 3, 267; ПП, 391–392.)

3. (Маш. 2, 230; Альм. 5, 164) И в шапке у него депеша: / «Харьков Наркомпрос Джуринской. / Настоячиво просим передать Куряж нам возможно скоро обеспечить по-севную смета дополнительно. / *<Совет командиров>* Общее собрание колонистов. / Макаренко». (См. также: Укр. 1935, 519; GW 4, 200; С 1, 408; ПС 3, 287; ПП, 419.)

Часть 1

До сих пор не удалось найти ни рукописи, ни авторского машинописного экземпляра части 1 «Поэмы», за исключением отдельной главы («На педагогических ухабах»). Правда, в РГАЛИ хранится корректурная гранка первого книжного издания (1934 г.; 332–1–3), содержащая и исправления автора.

Макаренко возобновил работу над «Поэмой» после трёхлетнего перерыва весной 1933 г. и 21 сентября того же года лично представил в Москве Горькому рукопись, ещё не готовую к печати, чтобы попросить у него совета для дальнейшей работы над своей книгой. Из этой обширной рукописи, очень положительно воспринятой Горьким, уже в январе 1934 г. (с указанием 1933 г.) вышла первая серия глав, будущая часть 1. Текст был, однако, сильно сокращён – в целом на шесть глав, а также на несколько разделов, что видно

из сравнения редакции, опубликованной в «Альманахе», с изданиями, вышедшими позже. Произошло это «по недоразумению», как указывает Горький в письме Макаренко от 14 марта 1934 г.²⁵

Наряду с этими обширными сокращениями для первой публикации предпринимались также менее масштабные грамматические, стилистические и содержательные исправления, выполненные – такой вывод можно сделать на основе уже имеющихся заключений – рукой Горького. В отличие от исправлений, сделанных им в частях 2 и 3 «Поэмы», этих изменений, следует отметить, не было в позднейших изданиях. Здесь они документированы впервые.

«Отфильтровать» эти исправления стало возможным благодаря сравнению редакции в «Альманахе» (ссылки как на: Альм. 3) с уже упомянутой гранкой книжного издания (Гр.). При этом касательно некоторых мест книги могло быть оценено украиноязычное издание двух первых частей (Укр. 1935); хотя текст части 1 этого издания следует редакции в «Альманахе», но с гл. 10 («Подвижники соцвоса»), т. е. первой не содержащейся там главы, при переводе на украинский привлекался и авторский машинописный экземпляр.

В целом поддаются установлению 26 исправлений, которые могут быть приписаны Горькому. Они распределяются по 15-ти из 24 глав части 1 в редакции «Альманаха». Некоторые изменения содержатся соответственно в следующих главах: 2 («Неславное начало колонии им. Горького»), 3 («Характеристика первичных потребностей»), 5 («Дела государственного значения»), 10 («Триумфальная сеялка»), 12 («Взрывы»), 15 («Игра в фанты»), 20 («Хожение Семёна по мукам») и 21 («Командирская педагогика»). Основой для сравнения с «Альманахом» послужили: в 23 случаях гранка русского книжного издания, а в трёх случаях – украинское издание.

Грамматические изменения

Здесь можно привести два обоснованных исправления, второе из которых должно быть охарактеризовано одновременно и как стилистическое вмешательство.

1. (Гр., 28; Альм. 3, 100) Нужно, однако, сказать, что открытое сопротивление и хулиганство по отношению к воспитательскому персоналу в колонии никогда не *<возрожда-лось> возрождались*. (См. также: GW 3, 54; С 1, 62; ПС 3, 42; ПП, 58.)

2. (Гр., 108; Альм. 3, 213) Пётр Иванович принёс в колонию целый комплекс счастливых особенностей. У него было как раз то, что нам нужно: молодость, прекрасная ухватка, чертовская выносливость, серьёзность и бодрость, и не было ничего такого, *<что> чего* нам не нужно: никакого намёка на педагогические предрассудки, никакой позы по отношению к воспитанникам, никакого семейного шкурничества. (См. также: GW 3, 238; С 1, 226; ПС 3, 158–159; ПП, 220.)

Стилистические изменения

Обоснованные исправления

Как обоснованные и улучшающие качество текста можно охарактеризовать следующие исправления:

1. (Гр., 8; Альм. 3, 64) Лидия Петровна была очень молода – девочка. Она недавно окончила гимназию и ещё не остыла от *<материнской заботы> семейного уюта*. (См. также: GW 3, 9; С 1, 19; ПП, 20.)

2. (Гр., 19; Альм. 3, 84) Но только один раз поиски наши увенчались успехом: в *<полуверсте> полукилометре* от дороги мы наткнулись на группу людей, притаившихся в лесном сугробе. (См. также: GW 3, 33; С 1, 42; ПС 3, 28; ПП, 40.)

3. (Гр., 70; Альм. 3, 152) Когда я *<повернул> пошёл* в лес, Сорока влетел в спальню: [...]. (См. также: GW 3, 152; С 1, 147; ПС 3, 103; ПП, 148.)

4. (Гр., 90; Укр. 1935, 222; Альм. 3, 184) Унтермарковку Артемий начал с торжественными и *чрезвычайно* специальными разговорами, вспоминал по этому поводу все ун-

²⁵ Переписка, 80.

термарковские печки – и хорошие, сложенные им, и никуда негодные, сложенные другими печниками. (См. также: GW 3, 197; С 1, 190; ПС 3, 133; ПП, 185.)

5. (Гр., 92; Альм. 3, 187) Недели через две я позвал Семёна в *кабинет* и сказал просто: [...]. (См. также: GW 3, 200; С 1, 193; ПС 3, 135; ПП, 188.)

6. (Гр., 96; Укр. 1935, 235; Альм. 3, 194) Каждый сводный отряд составлялся на неделю, следовательно, и отдельный колонист на вторую неделю *обычно* получал участие в новом сводном, на новой работе, под командой нового комсводотряда. (См. также: GW 3, 210; С 1, 202; ПС 3, 142; ПП, 196.)

Менее обоснованные исправления

Другие стилистические изменения не способствовали улучшению качества текста. При этом в большинстве случаев и здесь идёт речь о вмешательстве в образы, типичные для Макаренки.

1. (Гр., 7; Альм. 3, 61) В лесу поляна гектаров в сорок. В одном из её углов поставлено пять *геометрически* правильных кирпичных коробок, составляющих все вместе правильный четырёхугольник. (См. также: GW 3, 5; С 1, 15; ПС 3, 10; ПП, 17.)

2. (Гр., 11; Альм. 3, 72) Экономка с большим старушечьим вкусом и уютом расположилась в своей комнатке, приспособила свои коробки и другие вместилища к разным кладовочкам < , *уголкам и местечкам* >, самой природой назначенным для такого дела [...]. (См. также: GW 3, 19; С 1, 28–29; ПС 3, 19; ПП, 28.)

3. (Гр., 20; Альм. 3, 86) Иногда стуки топора *вдруг* прерываются, мы теряем направление и терпеливо ждём. (См. также: GW 3, 36; С 1, 44; ПП, 42.)

4. (Гр., 24; Альм. 3, 94) Просто был прекрасный *тёплый* весенний день, наполненный запахами подсыхающей земли и солнца. (См. также: GW 3, 46; С 1, 54; ПС 3, 37; ПП, 51.)

5. (Гр., 42; Альм. 3, 116) Два–три крупных дома были всё-таки приведены в приличный вид *уже* к концу лета, но в них нельзя было жить, потому что они стояли без стёкол. (См. также: GW 3, 86; С 1, 87; ПС 3, 60; ПП, 84–85.)

6. (Укр. 1935, 112; Альм. 3, 122) [...] в запряжке имея высокого, худощавого Рыжего и приземистую кривоногую Бандитку, как совершенно незаслуженно окрестил Антон *старую* вороную кобылу. (См. также: GW 3, 93; С 1, 87; ПС 3, 64; ПП, 93.)

7. (Гр., 68; Альм. 3, 146) Гончаровка, в которой жило большею частью *настоящее* трудовое крестьянство, была ещё далеко от нашей жизни. (См. также: GW 3, 146; С 1, 141; ПС 3, 98; ПП, 142.)

8. (Гр., 92; Укр. 1935, 226; Альм. 3, 187) Карабанов машинально взял револьвер в руки, дико посмотрел на него, быстрым движением сунул в карман и, ничего *больше* не сказав, вышел из комнаты. (См. также: GW 3, 201; С 1, 193; ПС 3, 135; ПП, 188.)

9. (Гр., 97; Укр. 1935, 238; Альм. 3, 196) Наше старшее поколение в это время *уже* подходило к рабфаку и к комсомолу, уже начинало понимать вкус в утончённой вежливости и в интересной беседе. (См. также: GW 3, 213; С 1, 205; ПС 3, 144; ПП, 198–199.)

Прочие изменения касаются прежде всего мест с разговорной или характерной для стиля сказа манерой выражения. В двух случаях (№№ 10, 13) при этом оказался утрачен планировавшийся юмористический эффект.

10. (Гр., 19; Альм. 3, 84) У Калины Ивановича, кроме трубки, не нашлось никаких ценностей. Это обстоятельство вызвало у грабителей *справедливый* гнев: они треснули Калину Ивановичу по голове, он свалился в снег и пролежал в нём, пока грабители не скрылись. (См. также: GW 3, 23; С 1, 43; ПС 3, 29; ПП, 41.)

11. (Укр. 1935, 111; Альм. 3, 121) Осенью мы всё-таки сеяли жито *в новой* во второй колонии. (См. также: GW 3, 92; С 1, 92; ПС 3, 63; ПП, 89.)

12. (Гр., 49; Альм. 3, 129) <Вновь прибывшие> Новые колонисты были антисемитами просто потому, что нашли безобидные объекты для своих хулиганских инстинктов, старшие же имели больше возможности издеваться и куражиться над евреями. (См. также: GW 3, 101; С 1, 101; ПС 3, 70; ПП, 105.)

13. (Гр., 68; Укр. 1935, 168; Альм. 3, 146) [...] сыновья их представляли собой нечто вне конкурса на рынке женихов и очаровательных кавалеров, потому что ни у кого не было таких пригнанных пиджаков, таких новых тёмно-зелёных фуражек и таких <начищенных> сапог, украшенных зимой и летом блестящими великолепными галошами. (См. также: GW 3, 146; С 1, 141; ПС 3, 98; ПП, 142.)

14. (Гр., 89; Укр. 1935, 221; Альм. 3, 183) Вы можете быть с ними сухи до последней степени, требовательны до придирчивости, вы можете не замечать их, если они торчат у вас под рукой, можете даже безразлично относиться к их симпатии, но если вы блещете работой, знанием, удачей, <то спокойно> не оглядывайтесь: они все на нашей стороне, и они не выдадут. (См. также: GW 3, 196; С 1, 189; ПС 3, 132; ПП, 184–185.)

15. (Гр., 92; Укр. 1935, 227; Альм. 3, 188) – Ты чудак, Семён. С деньгами всегда риск. В колонию доставить пачку денег без риска нельзя. Но я думаю <так>: если ты будешь возить деньги, то риска меньше. [...]. (См. также: GW 3, 202; С 1, 195; ПС 3, 137; ПП, 190.)

Содержательные изменения

В 1-й части можно установить три содержательных изменения. В двух из этих мест (№№ 1, 3) высказывание, о котором идёт речь, удачно усиливает или обобщает соответствующее место.

1. (Гр., 52; Укр. 1935, 129; Альм. 3, 135) «[...] Сколько книг, сколько бумаги, сколько славы? А в то же время пустое место, ничего нет, с одним хулиганом нельзя управиться, нет ни метода, ни инструмента, ни логики, ни принципов, просто ничего нет. Какое-то вековое шарлатанство». (См. также: GW 3, 109; С 1, 107–108; ПС 3, 74; ПП, 111.)

2. (Укр. 1935, 146; Альм. 3, 136) [Врач] лениво говорит записывающему фельдшеру: / – Сыпной. В <тифозный> больничный городок. (См. также: GW 3, 125; С 1, 121; ПС 3, 84; ПП, 124.)

3. (Гр., 96; Укр. 1935, 236; Альм. 3, 194) Командир постоянного отряда отправлялся на работу простым рядовым участником сводного отряда, и во время работы подчинялся временному комсводотряду, часто члену своего <же> постоянного отряда. / Это создавало очень сложную цепь зависимостей <в колонии>, и в этой цепи уже не мог выделиться и стать над коллективом отдельный колонист. (См. также: GW 3, 210; С 1, 203; ПС 3, 142; ПП, 197.)

Выводы

Оценка представленного здесь исходного материала показала, что конкретное участие Горького в формировании текста «Педагогической поэмы» слишком высоко оценивалось советскими авторами. Не соответствует действительности утверждение Морозовой о том, что Горький «затачивал предложения, придавая им меткий лаконизм, и бескомпромиссно удалял из языка автора жаргонные выражения»²⁶ или что он учил Макаренко «точности, чистоте, ясности языка»²⁷. Наряду с вполне обоснованными и удачными исправлениями имеются и многочисленные едва ли обоснованные вмешательства в стиль и содержание, причём действия эти отнюдь не характеризовались последовательностью.

Отсюда явствует, что для академического издания «Педагогической поэмы», ещё ждущего своего часа, горьковские исправления не могут быть переняты без критики. А

²⁶ Цит. по: Pecha L. (см. прим. 20), 137.

²⁷ Морозова Н. А. «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко. Автореферат диссертации. Л., 1953, 7.

ведь именно это до сих пор имело место в советских и постсоветских изданиях данного произведения.

Как Горький редактировал Макаренко. Работа «пролетарского писателя» над текстом «Педагогической поэмы» / Гётц Хиллиг // Ковчег. – XXXVII. – 2012 – № 4 – С. 224–240.

А.С. Макаренко в Горьком

Хиллиг Г.

A.S. Makarenko's Visits to Gorky

Hillig G.

Annotation. A.S. Makarenko visited the town of Gorky (Nizhny Novgorod) twice: the first time he was here as a teacher in 1933, and then as a writer in 1937. His visit in the summer of 1933 is quite well-known in Makarenko studies – as the head of the pedagogical department of the Kharkov “Dzerzhinka” he accompanied the communards in their Volga and Black Sea trip. However, it is still little known about his second visit in connection with the elections to the Supreme Soviet of the USSR in December of 1937. On the basis of published and archival materials the article attempts to shed light on both visits of the teacher-writer to the famous city on the Volga.

Город Горький (Нижний Новгород) А.С. Макаренко посетил дважды: первый раз он был здесь как педагог в 1933, а второй раз как писатель в 1937 году. Его визит летом 1933 г. в макаренковедении общеизвестен – тогда он как начальник педагогической части «Дзержинки» сопровождал коммунаров в их волжско-черноморском походе (Горький, Сталинград, Новороссийск, Сочи, Севастополь). А о втором визите в связи с выборами в Верховный Совет СССР в декабре 1937 г. до сих пор мало кто знает.

1. Предлагаю Вашему вниманию материал о пребывании харьковских коммунаров в Горьком, о чём 4 июля 1933 г. сообщила своим читателям местная газета «Горьковская коммуна» в статье, которую привожу в оригинале:

«ЛЮДИ С НАДЁЖНОЙ ПУТЁВКОЙ В ЖИЗНЬ»

Три дня город Горький видел несколько необычных гостей. Их встречали как экскурсантов на предприятиях, провожали во время прогулок, восторженно приветствовали как физкультурников на стадионе „Динамо“. И всех, кто так или иначе с ними сталкивался, поражали выдержка, дисциплинированность, внешний вид и удивительная организованность коллективов.

Кто они? Учащиеся, рабочие? И то и другое. Эти 400 гостей Горького – бывшие беспризорники – теперь коммунары Харьковской трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, организованной в 1927 году по решению коллегии ОГПУ [ГПУ. – Г.Х.] Украины.

История Харьковской коммуны – это вторая, более сильная и увлекательная часть фильма „Путёвка в жизнь“.

Четыре часа коммунары занимаются учёбой и 4 часа работают на производстве. В коммуне свой рабфак, свой завод электрических сверлилок, освободивший страну от их импорта. К Октябрьским торжествам должен быть закончен завод фотоаппаратов. В коммуне 180 комсомольцев и 110 пионеров.

В Горьком коммунары были проездом, направляясь в отпуск, по Волге. 2 июля на стадионе „Динамо“ состоялась их встреча с трудящимися города. С приветствием коммунарам выступил ПП [Полномочный представитель. – Г.Х.] ОГПУ по Горьковскому краю т. Решетов. Футбольная команда коммунаров провела матч с первой командой „Динамо“.

Замечу, что первые два абзаца этого газетного материала воспроизводятся во втором издании книги ленинградского литературоведа Н.А. Морозовой «А.С. Макаренко Семинарий» [1; 108]. В последнем абзаце речь идёт о полномочном представителе ОГПУ И.Ф. Решетове, который как помощник начальника Транспортного – 6-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР позже был репрессирован. Его арестовали 8 июня 1937 г., а 30 октября 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР в своём приговоре обвинила его в том, что он „состоял членом контрреволюционной террористической организации правых“, и приговорила его к высшей мере наказания. Решетов был расстрелян в тот же день. Его реабилитировали в 1957 году [2]. Судьба этого чекиста, по всей вероятности, и явилась причиной сокращения текста указанной статьи в

работе Морозовой. Первое издание её «Семинария» вышло в свет в том же 1957 году, однако без перепечатки фрагмента газетного материала.

У Морозовой можно прочитать и следующее сообщение: «Июнь, 30 – июль, 3. Коммунары в Горьком. Посещение автозавода и Балахнинского бумажного комбината». Киевский макареновед Н.П. Нежинский, кроме того, пишет о том, что в Горьком на пароходе состоялась встреча коммунаров-дзержинцев с А.А. Ждановым – секретарём местного обкома партии [3; 165], который через год стал секретарём ЦК и одновременно Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), главным идеологом СССР.

Дополнительные источники (к примеру, местные архивные материалы, записи или письма самого Макаренко или кого-либо из его воспитанников) о пребывании коммунаров-дзержинцев в Горьком летом 1933 года до сих пор не найдены.

Приведённый выше газетный материал не содержит никаких данных об его авторе, но у Морозовой указано «Собственный корреспондент». Особенно бросается в глаза необычайно критическое отношение автора статьи к успешному фильму «Путёвка в жизнь» и тот факт, что приветствовал коммунаров горьковский лидер ОГПУ, а не секретарь местного обкома ВКП(б). Принимая во внимание эти обстоятельства, а также другие особенности содержания и стиля настоящей статьи, вполне можно допустить, что её автором был человек из среды чекистов – А.С. Макаренко.

2. По поручению газетных, журнальных и издательских редакций осенью 1937 г. Макаренко активно участвовал в качестве агитатора-журналиста в предвыборной кампании кандидатов в Верховный Совет СССР в соответствии с новой «сталинской» конституцией; постановлением ЦИКа СССР данное мероприятие официально начиналось 12 октября. У Макаренко, таким образом, была возможность всенародно продемонстрировать свою лояльность и верность вождю и делу партии, которой он не преминул воспользоваться. В этой связи до сих пор были известны семь опубликованных материалов Макаренко, включённых в первое издание его Сочинений (т. 7, Москва, 1952 г.) и перепечатанных – в факсимильной форме прижизненных публикаций – в «Марбургском издании» Собрания сочинений (т. 9, Равенсбург/ФРГ, 1978 г.).

Особо стоит упомянуть две статьи, посвящённые собраниям жителей Сталинского избирательного округа столицы; они были напечатаны в «Известиях» от 21 октября и «Литературной газете» от 26 октября 1937 г. Характерно, что обе эти публикации не вошли ни в решительно десталинизированное второе издание Сочинений Макаренко (Москва, 1957–58 гг.), ни в его Педагогические сочинения (Москва, 1983–86 гг.). Речь идёт о статьях «Наше знамя!» и «За дорогое будущее, к которому ведёт Сталин». В них говорится о «чувстве благодарности к Коммунистической партии, неразрывном с чувством благодарности к товарищу Сталину», «одному из величайших гениев человеческой истории, обладающему невиданным ещё в мире авторитетом...». Как мне сообщила Е.Ю. Илалтинова [4], один из составителей нижегородского Научно-методического издания «Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания», две вышеупомянутые статьи войдут в 6-ю часть данного собрания трудов А.С. Макаренко, которая должна выйти из печати во время проведения настоящей конференции.

Восьмая публикация педагога-писателя в связи с выборами – статья «Великая школа» за подписью «А. Макаренко. Горький. (По телефону)». Её вырезка, с неверной ссылкой на источник («Правда», 1937 г., № 349), находится в наследии заслуженного архивариуса-макареноведа Е.С. Долгина в фонде бывшего АПН СССР [5], что никем из моих как советских, так и нынешних, постсоветских коллег не было замечено. В своё время вместе с другими политически сомнительными документами Долгин получил этот газетный материал от Галины Стахивны Макаренко из личного архива её супруга. Речь идёт о репортаже в связи с выборами на одном из участков г. Горького, где кандидатами в депутаты Верховного Совета были Ежов, Ю.М. Каганович и лётчик Чкалов. Упоминание наркома внутренних дел, без сомнения, явилось причиной того, что Галина Стахивна исключила данную статью из официального наследия мужа.

В процессе проверки статьи «Великая школа» мне удалось обнаружить ещё один неизвестный материал Макаренко в «Правде», датированный 13 декабря 1937 г., который был опубликован без подписи автора, анонимно. Вот этот текст:

«За сталинского наркома товарища Н.И. Ежова

ГОРЬКИЙ, 12 декабря. (Корр. „Правды“). К шести часам утра в каждом избирательном участке города Горького собралось от 250 до 400 человек.

В участковой избирательной комиссии № 81 Горьковского-Ленинского избирательного округа, по которому баллотируются кандидат в депутаты Совета Союза товарищ Н.И. Ежов и кандидат в депутаты Совета Национальностей по Горьковскому округу (РСФСР) тов. В.П. Чкалов, первые бюллетени получили 54-летний рабочий завода „Красное Сормово“, проработавший на заводе 38 лет, тов. Гуреев Алексей Тимофеевич и его жена Анна Михайловна Гуреева.

Алексей Тимофеевич радостно взволнован:

– Долго ждал я этого торжественного дня – говорит он. – Сегодня ночью совсем не спал, думал о прошлом, о настоящем, о том, кто нас вывел на светлый путь, думал о кандидатах, за которых я буду голосовать: о лучшем ученике товарища Сталина – Николае Ивановиче Ежове, о сталинском соколе – товарище Чкалове.

Первый раз я голосовал в 1917 году, при выборах в Учредительное собрание. Голосовал я тогда за список большевиков. Проголосовал правильно!

Я не могу подобрать слов, чтобы выразить благодарность большевикам. Из 54 лет моей жизни 38 прошли в Сормове. На моих глазах выросло, преобразилось Сормово, город у нас чистый, культурный. Вот, дворец, в котором мы голосуем, – красота какая! – тоже дан нам большевиками.

Вчера я слушал по радио речь товарища Сталина и думал: какой простой и родной нам этот человек, как он умело ведёт нас к победам.

Старый рабочий Алексей Тимофеевич Гуреев выразил чувства всех избирателей Горьковского-Ленинского избирательного округа, всего советского народа».

Макаренковская публикация в «Правде» от 14 декабря 1937 г. – как и выше приведённая статья – была использована в факсимильной форме в моей работе «Макаренко в год „Большого террора“» (Марбург, 1998 г.) [6; 72, 75]. Как мне сообщила госпожа Илалтдинова [7], статья «Великая школа» также войдёт в 6-ю часть нижегородского собрания трудов А.С. Макаренко. В данном газетном материале, среди прочего, сообщается:

«Выборы – это великая школа, раньше всего политическая, затем школа вежливости, внимательности, заботы, такта, любви к людям. Молодёжь, комсомольцы, студенты в трудных случаях стараются давать пояснения избирателям...

Выборы в Горьком проходили в величественно-радостном, торжественном настроении.

Имена Николая Ивановича Ежова, Валерия Павловича Чкалова и Юлия Моисеевича Кагановича, которых выбрал город Горький, звучат как знак единства народа с партией Ленина-Сталина, как залог будущих наших побед».

Факт, что Макаренко осенью 1937 г. принимал участие в мероприятиях вокруг выборов не только в столице, но и в провинции, находит подтверждение в его дневнике, где – после четырёхмесячного пропуска в записях (!) [8] – можно прочесть следующее: «13 декабря 1937. Возвратился из Горького. Моей корреспонденции в „Правде“ нет. Написал заметку о выборах в Горьком и передал в „Литературную газету“...» [9]. Этот материал там не был опубликован.

Как показала дискуссия на 7-м международном макаренковедческом симпозиуме в 1998 году в Оберрайфенберге (ФРГ), тот факт, что педагог-писатель в декабре 1937 г. на несколько дней уезжал в город на Волге, вообще не был известен даже в кругах нижегородских макаренковедов, в частности, и автору книги «А.С. Макаренко: московский период творчества (1937–1939 гг.). Хроника дел и мыслей» (Нижний Новгород, 1997 г.) А.А. Фролову, занимающему, как известно, в нём и в постсоветское время одну из ведущих позиций.

На основе газетных публикаций вырисовывается следующая хроника событий: 10 декабря, т.е. непосредственно перед выборами, Макаренко выступал на общем собрании московских литераторов, которое состоялось в Доме советского писателя. Участники встречи единогласно приняли письмо «великому вождю народов СССР, вождю трудящихся всего мира Иосифу Виссарионовичу Сталину» [10]. Этой же ночью педагог-

писатель едет поездом на два дня в г. Горький, где описывает атмосферу выборов и передаёт по телефону две корреспонденции в редакцию «Правды». По возвращении в столицу 13 декабря Макаренко не смог их найти в газете, потому что первый материал с названием «За сталинского наркома товарища Н.И. Ежова» был опубликован в тот же день без подписи автора [11], а второй – «Великая школа», вышел из печати только на следующий день (и не в № 349, как написано от руки на газетной вырезке из наследия Долгина, а в № 342) [12].

Возникает вопрос: где наш «спецкор» провёл ночь до начала выборов? В 1937 году в Горьком было достаточно много гостиниц, но Макаренко, по всей вероятности, избрал самую престижную – «Центральная» (гостиница № 2 гостиничного треста г. Горького), расположенную в тихом Свердловском районе. Именно там всегда останавливались гости, приезжающие в г. Горький из Москвы и других городов. Прекрасный вид на Волгу, представший его взору, воодушевлял к творчеству, но находящийся вблизи нижегородский Кремль, где восседало местное правительство, настойчиво напоминал педагогу-писателю о цели его визита.

Ещё вызывает интерес, почему центральный орган ВКП(б) «Правда» в город на Волге послала именно беспартийного Макаренко, тем более, что 29 сентября 1937 г. газета опубликовала подробный очерк его соседа по дому писателей в Лаврушинском переулке Константина Финна «Город Горький»; поэтому логичнее было бы поручить сделать репортаж о выборах там как раз ему. Но после выдвижения Ежова кандидатом в Совет Союзов от Горьковской области редакция, вероятно, решила направить туда Макаренко как специалиста, сведущего в делах НКВД. Однако при этом нельзя оставить без внимания и такой факт, кстати, тоже неизвестный нижегородским макаренковедам: на общем собрании московских прозаиков 16 ноября 1937 г. в число действительных членов только что организованного Бюро секции прозаиков Союза Советских писателей прошли пятеро. Тайным голосованием 80 лиц, участвовавших в выборах, Макаренко прошёл третьим по числу голосов из 27 кандидатов [13].

В результате такой активной общественно-политической деятельности Макаренко удалось пережить опасную для него «жаркую осень» обильной сталинско-ежовской жатвы 1937 г. Можно даже сказать, из неё он вышел более закалённым и стойким, искушённым в борьбе за личное существование.

Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Цель моего маленького выступления – осветить всего два визита нашего кумира в славный город Горький. При этом удалось установить авторство А.С. Макаренко в случае ещё двух газетных материалов, в результате чего общее число известных на данный момент прижизненных публикаций педагога-писателя увеличивается до 138. Следовательно, я не могу согласиться с одним комментарием уважаемого Анатолия Аркадьевича в его приглашении на вашу встречу, где он пишет мне (я цитирую): «Прошу учесть: конференция посвящается не Макаренко „вообще“, а его педагогике. Наша лаборатория старается делать именно это. Вопросы биографии и идейно-политические считаем достаточно ясными» (конец цитаты) [14]. Комментарии здесь, как говорят, излишни.

Литература

- [1] Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. Изд.2-е. – Ленинград, 1961.
- [2] http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B2_%D0%98%D0%BB%D1%8C%D1%8F_%D0%A4%D1%91%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87#.D0.92.D0.A7.D0.9A-.D0.9E.D0.93.D0.9F.D0.A3-.D0.9D.D0.9A.D0.92.D0.94.
- [3] Ніжинський М.П. Життя і педагогічна діяльність А.С. Макаренка. (Творчий шлях). Видання друге, перероблене і доповнене. – Київ, 1967.
- [4] Письмо Е.Ю. Илалтдиновой к автору от 16.01.2013 г.
- [5] Научный архив РАО, 131–66.
- [6] Хиллиг Г. Макаренко в год «Большого террора». – Марбург, 1998.
- [7] Письмо Е.Ю. Илалтдиновой к автору от 21.01.2013 г.
- [8] В дневнике А.С. Макаренко, между записями от 14 августа и 13 декабря 1937 г., находятся четыре с половиной пустых страницы. – РГАЛИ, 332-5-15, лл.6 об. – 7.
- [9] РГАЛИ, 332-5-15, л.7.
- [10] См.: „Литературная газета“, 1937, № 67, с.3.
- [11] За сталинского наркома товарища Н.И. Ежова. // „Правда“, 1937, № 341, 13.12., с.3.

А.С. Макаренко в Горьком

[12] *Макаренко А.* Великая школа. // Там же, № 342, 14.12., с.3.

[13] РГАЛИ, 631– 15– 232, лл. 4, 39– 41; см. также: „Литературная газета“. 1937. № 63., с.6.

[14] Письмо А.А. *Фролова* к автору от 12.12.2012 г.

А.С. Макаренко в Горьком / Хиллиг Г. // Педагогика А.С. Макаренко: воспитание и жизнь (достижения и проблемы). Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения А.С. Макаренко. Нижний Новгород, 28–29 марта 2013 г. // Нижний Новгород, 2013. – Стр. 56–61.

№ 54 (Полтава, 2013)

Від редакції "ПМ": Постійний німецький автор "Постметодики" Гьотц Хілліг, відзначаючи 2013 року четвертий ювілей – 125-річчя від дня народження А. С. Макаренка (13 березня), своє особисте 75-річчя (15 лютого), 50-річчя його першої публікації про А. С. Макаренка (навесні) і 45-річчя заснування лабораторії "Макаренко-реферат" Марбурзького університету (9 лютого), надіслав у "ПМ" три архіваційні матеріали. Нам приємно опублікувати ці нові праці Г. Хілліга.

УДК 371.4(477.53)

В УКРАИНУ, К АНТОНУ МАКАРЕНКО...

40 лет исследований на родине кумира*

Г. Хиллиг

Автор проводит самоанализ сорока лет исследований в советское и постсоветское время в Украине жизни и деятельности А. С. Макаренко, раскрывая проблемы командировок иностранного учёного, возможности работы в государственных библиотеках и архивах и особенности сотрудничества с издателями и исследователями в советский и постсоветский период в России и Украине. Доклад подготовлен к Международной научно-практической конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения А. С. Макаренко в Полтаве.

Ключевые слова: А. С. Макаренко, Г. Г. Ващенко, Н. Н. Миронов, О. К. Кононенко, государственные библиотеки и архивы Украины, Полтава, Ковалёвка, Харьков, Киев, Львов, марбургские макаренковеды, советское макаренковедение, "Опускула Макаренкиана", Л. Пеха, А. А. Абаринов, Ф. И. Науменко, Н. Д. Ярмаченко, В. И. Марочко, Н. Н. Окса, С. Ф. Клепко, В. Ф. Моргун.

Хілліг Г. В Україну, до Антона Макаренка ... 40 років досліджень на батьківщині кумира Автор проводить самоаналіз сорока років досліджень за радянського і пострадянського часу в Україні життя й діяльності А. С. Макаренка, розкриваючи проблеми відряджень іноземного вченого, можливості роботи в державних бібліотеках та архівах, особливості співпраці з видавцями й дослідниками в радянський і пострадянський період у Росії та Україні. Доповідь підготовлено до Міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 125-річчю від дня народження А. С. Макаренка в Полтаві.

Ключові слова: А. С. Макаренко, Г. Г. Ващенко, М. М. Миронов, О. К. Кононенко, державні бібліотеки та архіви України, Полтава, Ковалівка, Харків, Київ, марбурзькі макаренкознавці, радянське макаренкознавство, "Опускула Макаренкіана", Л. Пеха, О. О. Абаринов, Ф. І. Науменко, М. Д. Ярмаченко, В. І. Марочко, М. М. Окса, С. Ф. Клепко, В. Ф. Моргун.

Hillig G. To the Ukraine, to Anton Makarenko ... 40 Years of Research at Home Idol

The author is conducting self-analysis of forty-year long research on A. S. Makarenko's life and activities, which has been carried out in Soviet and post-Soviet Ukraine; focusing on the problems of mission trips of a foreign scientist, the ability to work in scholarly libraries and archives, and cooperation with publishers and researchers. The report was to be pre-sented at the International Scientific Practical Conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of Anton Makarenko in the town of Poltava.

Key words: A. S. Makarenko, G. G. Vashenko, M. M. Mironov, O. K. Kononenko, State Library and Archives of Ukraine, Poltava, Kovalivka, Kharkov, Kyiv, Lviv, Marburg Makarenko researchers, "Opuscula Makarenkiana", Makarenko study in the USSR, L. Peha, O. O. Abarinov, F. I. Naumenko, M. D. Yarmachenko, V. I. Marochko, M. M. Oksa, S. F. Klepko, V. F. Morgun.

Позвольте мне как зарубежному макаренковеду рассказать вам немного о моём особом отношении к Украине. Мой рассказ будет состоять из трёх разделов.

1. КОМАНДИРОВКИ

Более молодые участники конференции совсем не знают о том, что до распада СССР иностранцам нельзя было беспрепятственно ездить по всей социалистической стране и посещать то место, которое хочешь, – это относилось и к Советской Украине. Важным условием поездки в некий пункт было отсутствие у него статуса закрытой территории – вследствие находящихся на ней военных объектов; кстати, в России много таких территорий сохранилось до сих пор. Как макаренковед, меня, конечно, привлекали Кременчуг, Полтава, Харьков и Киев. Однако два первых города были закрыты для ино-

странцев из-за находившихся там закрытых военных производств, и таким образом я в первые 20 лет моих регулярных поездок в Советский Союз не мог посещать Полтаву, а также и Ковалёвку. Во время моего пребывания в Харькове и в Киеве я, конечно же, не мог удержаться от разглядывания расписания поездов в Кременчуг и Полтаву на главных вокзалах этих двух городов. Но тем дело и заканчивалось...

Для поездок в СССР выдавались визы не в страну в целом, а исключительно в фигурировавшие в моём запросе «открытые» города, где ещё до выдачи визы для меня бронировалась, как правило, очень дорогая гостиница ведомства Интурист. Те же места, где такого зарезервированного для иностранцев отеля не было, оставались недоступны. Это, конечно же, обеспечивало полный контроль за соблюдением заявленного маршрута поездки и соответственно за моим местонахождением. Переночевать, к примеру, в менее дорогой гостинице, в общежитии или просто у коллег – всё это было исключено. Такое стало возможным только после «перестройки» и, конечно же, способствовало как облегчению всех процедур, связанных с организацией командировки в бывший СССР, так и, что немаловажно, существенному сокращению расходов на неё.

Так как мы, марбургские макаренковеды, оценивались советскими коллегами в их публикациях в высшей степени критически и даже назывались «фальсификаторами», нас не приглашали выступать на конференциях в СССР, не только на Всесоюзных, но даже на областных научно-практических в Полтаве в 1986 и 1988 годах. Мы были персонами нон грата. В силу этих обстоятельств я смог впервые побывать в Вашем городе, а также в Ковалёвке, только в декабре 1988 г.

2. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ БИБЛИОТЕКИ И АРХИВЫ

С 1971 года я регулярно работал в государственных библиотеках и архивах Москвы и Украины. В качестве целей поездки, которые я указывал в советское время в моих запросах на получение визы – неизменно фигурировало желание работать в крупных библиотеках Москвы, Киева и Харькова. Именно внутри этого треугольника и совершались мои многочисленные путешествия. В соответствующих библиотеках (в «Ленинке» в Москве, в Национальной научной библиотеке в Киеве и в научной библиотеке им. Короленко в Харькове) все открытые фонды мне были доступны; недоступными оставались только засекреченные. В «открытую» литературу, помимо книг и журналов, входили также центральные и местные газеты. Зная места проживания и деятельности Макаренко в соответствующие периоды его жизни, я систематически изучал соответствующую периодику и, двигаясь по этому пути, сумел открыть для общественности многочисленные материалы, которые были оставлены без внимания советскими исследователями, в том числе и некоторые написанные самим Макаренко статьи. В особенности это относилось к украиноязычной периодике. Своими находками я поделился в моих публикациях о колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, а украиноязычные вдобавок переиздал в факсимильной форме с сопутствующим их переводом на немецкий язык в сборнике под названием «Ucrainica. Педагогическая деятельность А. С. Макаренко в свете украиноязычной прессы (1924–1937 гг.)». Marburg, 1982). Из 61-й публикации, включённой в этот сборник, в советской печати о Макаренко ранее были упомянуты только 8.

Особый интерес среди открытий представляли четыре статьи Г. Г. Ващенко из периода 1926–1928 гг. Будучи доцентом Полтавского института народного образования, тот был восхищён успешным экспериментом перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в колонии им. М. Горького и всячески превозносил опыт Макаренко. Но в годы войны, находясь на оккупированной фашистами Украине, Ващенко отрёкся от образа и наследия своего прежде уважаемого коллеги, к тому времени уже канонизированного в качества классика советской педагогики. Позже, в Мюнхенский период своей жизни, он продолжал осуждать Макаренко и даже клеветать на него. Интерес к личности и творчеству Ващенко до сегодняшних дней ограничивается его вкладом в национальное и религиозное воспитание. После развала СССР Ващенко, как известно, возвеличен до «главбога» на вершинах нового «педагогического Олимпа» его родной земли, где он почти занял место Макаренко и Сухомлинского. При этом его бравурные высказывания о колонии им. М. Горького, переизданные в сборнике «Ucrainica», так и остаются без должного внимания. Об амбивалентных отношениях Григорий Ващенко – Антон Макаренко см. мою брошюру (в соавторстве с мелитопольским макаренковедом-педагогом Николаем Николае-

вичем Оксой и полтавским макаренковедом-психологом Владимиром Фёдоровичем Моргуном) «Г. Ващенко – педагог от Бога». – Мелитополь, 2000.

В отношении же отсутствовавших в каталогах и, следовательно, недоступных или уничтоженных (на основе соответствующих решений ЦК ВКП(б)) фондов библиотек я в советские времена, конечно же, не мог получить никакой информации. Это стало возможным только в последние 20 лет. В это время открылись для доступа закрытые публикации, в том числе и печатные органы неболшевицких партий, существовавшие в 1917 – 1922 гг. Последние я мог использовать в своих публикациях о деятельности Макаренко в качестве заведующего городским низшим начальным училищем им. князя Куракина в Полтаве, а также заведующего колонией в Ковалёвке, которая была названа позже именем Горького.

Что же касается работы в советских государственных архивах, то мой моравский коллега Либор Пеха (который имел право проводить в них изыскания ещё до меня) во время своей исследовательской командировки в Марбург в 1969 году указал мне на одну особенность: по общей теме «Макаренко» в советских архивах сначала предлагаются для ознакомления произвольно выбранные хранителями документы, а затем каждый отобранный архивным начальством документ последовательно – один за другим – выдаётся на руки для исследований. Зная наименования некоторых соответствующих архивных материалов из советской литературы о Макаренко, я мог сразу же, в самом начале моих командировок в СССР, напрямую заказывать их в архивах по соответствующим шифрам и тем самым постепенно просматривать большую часть соответствующих фондов. Впрочем, для меня как иностранца доступ к генеральным каталогам библиотек и архивов в советское время был закрыт. Я работал с ними только в последние 20 лет.

После того, как мы, «марбужцы», нашли во Франции скрытого по известным причинам для советских макаренковедов брата педагога-писателя, бывшего белогвардейца Виталия Семёновича Макаренко, и опубликовали его воспоминания о совместно прожитых годах детства и юности, мой особый интерес, конечно же, вызывал Кременчуг и Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко в бывшем родительском доме братьев в Крюкове. Директор музея, Пётр Георгиевич Лысенко, с которым я переписывался ещё с 70-х годов, во время моего первого посещения этого города в начале 90-х годов охотно показал мне известные по рассказам Виталия Семёновича улицы и площади, где находились квартиры главных действующих лиц его воспоминаний, а также кладбище Крюкова, где сотрудникам музея на основе начертанного В. С. Макаренко детального плана удалось установить местонахождение могилы умершего в 1916 году С. Г. Макаренко – отца Антона и Виталия. После публикации данного плана в Марбурге в 1973 году в эту же могилу были перенесены останки их матери (умерла в 1931 г. в Харькове). Содержимое фондов Крюковского музея я мог исследовать под зорким оком Петра Георгиевича во время своих визитов в Кременчуг, и в моих соответствующих публикациях я цитировал свои музейные находки.

В 1923 году декретом Совнаркома УССР был взят курс на «украинизацию» учебно-воспитательных учреждений республики, поэтому с лета 1924 г. А. С. Макаренко был обязан вести делопроизводство колонии на украинском языке. Деловые письма, которые «завкол» Макаренко адресовал местному и республиканскому руководству с июля 1924 по октябрь 1925 гг., хранятся в госархивах Киева и Полтавы – бывшем Центральном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства УССР и архиве Полтавской области (ГАПО). Мне удалось найти 24 соответствующих текста в фондах этих архивов; работа в них велась более десяти лет. Начиная с 1986 года, пять писем были опубликованы – в СССР, а потом в СНГ. Известные мне документы я включил в трёхязычное издание (оригинал плюс перевод на русский и немецкий языки): Страдания «украинизированного» завкола. Деловые письма А. С. Макаренко на украинском языке (1924–1925 гг.). – Марбург. 1996 (*Opuscula Makarenkiana*, Nr.18).

Нельзя не упомянуть также и об особенностях документов о Макаренко, хранящихся в ГАПО. Основными источниками для двухтомника документов и материалов о Полтавской трудовой колонии им. М. Горького (1920–1926 гг.), который вышел в свет непосредственно к международному семинару «А. С. Макаренко и мировая педагогика» (г. Полтава, 9–10 апреля 2002 г.), стали именно эти материалы. Кроме оригинальных документов и газет из фондов данного архива, речь идёт также о сохранившихся там

фотокопиях материалов, полученных в конце 80-х годов из Центрального госархива Октябрьской революции УССР, а именно по заказу организованной в 1985 году Лаборатории по изучению и пропаганде педагогического наследия А. С. Макаренко при Полтавском пединституте в связи с созданием в селе Ковалёвка музея-заповедника. Анализ опубликованных в двухтомнике источников показал, что лишь 39 (из 128) архивных документов подлинные – то есть речь идёт об оригиналах только в 30 % случаев. На это я обратил внимание в вышедшей в «Постметодике» рецензии.

Особенно богатыми оказались фонды Госархива Харьковской области (ГАХО), посвящённые истории колонии им. М. Горького во время её пребывания в Куряже – пригороде тогдашней столицы Украинской ССР. Уже во время моих первых посещений этого города мне удалось обнаружить многочисленные документы, не замеченные советскими макаренковедом, в том числе и архивные материалы и газетные публикации на тему совершённого по экономическим и педагогическим мотивам переезда полтавской колонии на новое место, известного из «Педагогической поэмы» под названием «Завоевание Куряжа». Соответствующие тексты были опубликованы мной в двуязычном издании: В Харьков или в Запорожье? Сборник документов о переводе колонии им. Горького из Полтавы на новое место («Завоевание Куряжа») 1925 – 1926 гг. – Марбург, 1985 (*Opuscula Makarenkiana*, Nr.5).

Как выяснилось, особой научной ценностью являются фонды документов, хранимых в ГАХО, об основанной в 1927 году и возглавляемой А. С. Макаренко до 1932 года коммуне им. Ф. Э. Дзержинского ГПУ-НКВД УССР. Обнаружить их было нелегко, так как, наряду с уже известными фондами, они размещались в госархиве под неизвестным ранее довоенным названием этого учреждения «Харьковский комбинат НКВД СССР им. Ф. Э. Дзержинского, 1934–1941 гг.». Обнаруженные фонды, в первую очередь, включают материалы о продукции заводов коммуны, но вместе с тем здесь фигурируют также списки и характеристики сотрудников других её подразделений, в том числе лиц, отбывающих в этом учреждении срок наказания, а также материалы о работе секретных и мобилизационных частей коммуны, занимающихся укреплением обороноспособности страны и «чистой» руководящего аппарата «Дзержинки» «не только от социально чуждых, но и враждебных элементов». Эти источники позволяют получить представление об обстановке в коммуне и вообще в стране в последние годы работы педагога-писателя в Украине. За информацию о недавно открытом фонде о коммуне им. Ф. Э. Дзержинского я выражаю благодарность Н. Н. Оксе.

К материалам о Макаренко из ведомственного архива МВД Украины имел доступ мой киевский коллега Александр Александрович Абаринов, руководитель отдела учреждений для несовершеннолетних правонарушителей данного министерства и соавтор моей публикации под названием «Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935–1937 гг.)». – Marburg. 2000 (*Opuscula Makarenkiana*, Nr.22). Без нашей совместной продуктивной работы эта книга, в которой впервые детально описывается замалчиваемая ранее деятельность педагога-писателя в центральном аппарате НКВД Украинской ССР, вряд ли была бы возможна. Приведённые в ней архивные подлинники автобиографии, личного листка по учёту кадров, рапорта А. С. Макаренко, относящихся к этому периоду, стали сенсационным открытием для большинства исследователей биографии выдающегося педагога-писателя.

3. ИЗДАТЕЛИ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ

С 1972 года я состоял в интенсивной исследовательской переписке с Фёдором Ивановичем Науменко – доцентом кафедры педагогики Львовского университета и издателем серии «А. С. Макаренко», старейшиной советского макаренковедения. В последующие годы я многократно бывал у него в гостях. Во время моих поездок во Львов, где я, само собой, жил в гостинице «Интурист», я мог прийти к Науменко домой и обсудить с ним многочисленные актуальные проблемы макаренковедения. Наше научное общение продолжалось и в ходе переписки. Особенность её состояла в том, что те вопросы, на которые Науменко не мог ответить самостоятельно, он адресовал компетентным лицам, при этом, скорее всего, не обременяя их информацией, что эти вопросы исходят не от него самого. Полученные ответы он впоследствии вставлял в свои собственноручные письма ко мне, избавляя тем самым своих советских собеседников от опасности пресле-

дования по закону за «разглашение тайн иностранцам». Свидетельством аутентичности копий соответствующих писем очевидцев служит совпадение с ксерокопиями, которые я по моей просьбе получил от него во время своего первого визита во Львов. Таким образом, мы могли сразу же в начале нашей переписки прояснить адресованный соответствующим лицам вопрос о том, кто принадлежал к упомянутым в «Педагогической поэме» «первым шести» воспитанникам колонии им. М. Горького, и как впоследствии сложилась их судьба. В своих публикациях я снова и снова ссылался на соответствующие подробные высказывания воспитанников Макаренко, которые в то время уже находились в преклонном возрасте и жили в разных концах СССР.

В дополнение к этому Фёдор Иванович передал мне ещё и некоторые документы для использования в наших Марбургских публикациях. Особое значение имел микрофильм стенографического отчёта исторического заседания 14 марта 1928 г. Украинского научно-исследовательского института педагогики (УНИИП), посвящённого дискуссиям по вопросу о педагогической концепции, которую выработал Макаренко для руководимой им харьковской коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. В данном заседании участвовали не только теоретики и практики от педагогики, но также и представители ГПУ УССР и сотрудники коммуны. Науменко не мог опубликовать микрофильм этого дотоле неизвестного документа в книгах своей серии «А. С. Макаренко». Поэтому я позже включил этот важный текст в изданную мной книгу под названием «На вершине „Олимпа“». Подборка документов о конфликте Макаренко с представителями украинского „соцвоса“ (февраль – март 1928 г.)». – Marburg. 1991 (Opuscula Makarenkiana, Nr.12).

В 1983-м году Марбургский университет за заслуги перед макаренковедением и за исследования по истории педагогики Украины присвоил Ф. И. Науменко звание почётного доктора философии. Так как сам учёный по состоянию здоровья не мог приехать в Марбург, я передал ему свидетельство во время моего следующего визита во Львов.

В ответ на мою просьбу Фёдор Иванович написал предисловие к подготовленной мною совместно с венгерским макаренковедом-психологом Ференцем Патаки публикации «Самоутверждение или конформизм? К вопросу идейно-политического становления А. С. Макаренко» (Марбург. 1987. – Opuscula Makarenkiana, Nr.6). Здесь можно прочесть: «Наше советское макаренковедение в известной мере все ещё „варится в своём соку“. Оно не уделяет достаточного научного внимания тем работам, которые публикуются за границей. Эти работы оцениваются лишь как свидетельства распространения идей великого педагога. Если они были созданы в социалистических странах или же выходили из-под пера авторов-марксистов, то – независимо от их качества – мы встречаем такие работы обычно с благосклонностью. Если же они написаны в западных странах, авторам в большинстве случаев приклеиваются определённые ярлыки, и серьёзная, объективная и деловая дискуссия подменяется общими оценочными суждениями.

Конечно, наши симпатии на стороне близких нам по духу авторов, но всё же научная истина и объективность требуют, чтобы каждое деловое слово получило деловую оценку, где бы оно ни было высказано. Неоспоримым является тот факт, что как в социалистических, так и в западных странах достигнуты результаты, которые обойти молчанием не только невозможно, но и недостойно, если иметь ввиду интересы науки и её моральные основания. Наше отечественное макаренковедение нуждается в широких и деловых дискуссиях, причём с международным горизонтом, по всем основным вопросам жизни и творчества А. С. Макаренко. В этой связи мне кажется, что необходимо всегда ясно и честно называть источники, используемые в нашей литературе о А. С. Макаренко, как это требуют научные стандарты.

В последнее время в общественной и духовной жизни страны всё более энергично прокладывают себе дорогу тенденции гласности и исторической правдивости. Вот почему мне кажется отрядным – именно накануне столетия со дня рождения нашего Антона Семёновича – бросить взгляд „за наши ограды“, непредвзято приняв к сведению труды из области заграничного макаренковедения». Ф. И. Науменко умер в 1991 году.

В начале же своей переписки с Науменко я обращался к нему как к издателю серии «А. С. Макаренко». В одном из своих писем ко мне Фёдор Иванович между прочим сообщил о том, что наш коллега Михаил Федосеевич Гетманец, профессор-филолог Харьковского педагогического университета, убедил его в серьёзности ведущихся в Марбурге исследований. Я многократно встречался с Гетманцем во время своих поездок в

Харьков в советское и постсоветское время. В ответ на мою просьбу он написал предисловие к одной из моих публикаций: исследованию на тему «Макаренко в год „Большого террора“». – Марбург. 1998 (Opuscula Makarenkiana, Nr. 21).

Информацию ещё об одном живом свидетеле событий 20-х и 30-х гг. XX века, происходивших в педагогических кругах Киева, я получил от тогдашнего директора НИИ педагогики УССР, действительного члена АПН СССР, первого президента Международной макаренковской ассоциации (ММА) Николая Дмитриевича Ярмаченко. Речь идёт о бывшем члене научпедкома Главсоцвоса НКП УССР Николае Николаевиче Миронове, участнике вышеупомянутого заседания УНИИПа от 14 марта 1928 г., с которым я познакомился в 1991 году в Киеве (сразу же после основания в Полтаве ММА). К нему я многократно приезжал в последующие годы. Обладавший феноменальной памятью, Н. Н. Миронов точно называл имена и фамилии известных мне из архивных документов и тогдашней прессы чиновников педагогического ведомства Украины, попавших в поле деятельности Макаренко, расставлял события и действующих лиц по порядку во временной последовательности и характеризовал их. Благодаря полученным от Н. Н. Миронова сведениям, которые я привожу в своих публикациях, мне удалось пойти дальше и обнаружить новые архивные документы и публикации и использовать их в исследованиях.

В 1990-м году я сумел установить связь ещё с одним важным свидетелем, который в 1951 году вместе с родителями переехал из Мюнхена в США, где они поселились под Нью-Йорком (г. Бунтон, штат Нью-Джерси). Речь идёт об Олеге Кононенко, сыне Константина Семёновича Кононенко, которого Макаренко в годы террора и всеобщего страха называет своим лучшим другом. К. С. Кононенко подвергся репрессиям за «саботаж коллективизации сельского хозяйства», в 1932 году его направили для «перевоспитания» в коммуну им. Дзержинского, где он работал начальником финансовой части.

Сын Кононенко Олег, который окончил рабфак «Дзержинки» и Харьковский университет ещё в 1939 году, в Америке стал профессором химии. Когда я его нашёл (данные об Олеге Кононенко включены в справочник «Men and women in American science»), он был уже пенсионером. Олег Кононенко, у которого я дважды был в гостях в Америке, помог мне приоткрыть некоторые страницы биографии его отца и дружбы с Макаренко, передал документы и материалы их семейного архива и дал необходимые пояснения при чтении рукописных писем родителей к Макаренко. Олег умер в 1998 году.

Три варианта воспоминаний Кононенко о Макаренко в 1997 году были мной опубликованы совместно с киевском историком Василием Ивановичем Марочко в 20-м выпуске марбургской серии «Опускула макаренкиана» под названием «Свидетельства искренней дружбы: воспоминания К. С. Кононенко о А. С. Макаренко». В 1989 году, в период перестройки, В. И. Марочко выполнял поручение АН УССР в рамках начавшейся тогда реабилитации приговорённых в 1930 году по уголовному делу «Контрреволюционная вредительская организация в сельском хозяйстве Украины». Среди репрессированных оказался и К. С. Кононенко, родственников которого разыскивал В. Марочко. Он уже переписывался с Олегом Кононенко.

После того, как я с помощью О. К. Кононенко разыскал В. И. Марочко, началось наше более чем 20-летнее плодотворное научное сотрудничество. Отталкиваясь от историко-биографического направления макаренковедения, мы совместно работали над проектом, посвящённым репрессиям педагогов Украинской ССР, результатом которого стал выход книги на украинском языке: Марочко Василь, Хілліг Гьотц. Репресовані педагоги України: жертви політичного терору (1929–1941). – Київ, 2003.

В 1991 году Киевский журнал «Радянська (Рідна) школа» (главный редактор: Иван Степанович Щербатенко) начал публикацию моей, переведённой сотрудником редакции с русского на украинский язык, статьи, а также Воспоминаний В. С. Макаренко – переводчиком в данном случае был сам главред. Этот (в то время ведущий в постсоветской Украине) научно-педагогический журнал, очевидно, хотел опередить публикацию русскоязычного оригинала Воспоминаний в Московском журнале «Педагогика», что ему и удалось. Это напомнило мне об одном фрагменте в письме Макаренко к Горькому от 14 июня 1934 г., где по поводу второй части «Педагогической поэмы» сказано следующее: «Вероятно, украинский перевод выйдет раньше, так как [издательство] „Радянська література“ спешит обогнать Москву, справедливо рассчитывая, что читатель будет читать по-украински только в том случае, если рядом нет лучшего».

В 1999 году украиноязычный журнал Полтавского областного института постдипломного педагогического образования им. М. В. Остроградского «Постметодика» (главный редактор: Сергей Фёдорович Клепко) начал перепечатку моих статей в русскоязычном оригинале. Этому в 1996 году предшествовало присвоение мне почётного звания Иностранного члена АПН Украины. В 2001 году я был введён в состав редколлегии данного журнала. Русскоязычные публикации (с резюме на украинском, русском и английском языках) во времена возобновившейся украинизации всех сфер образования в постсоветской Украине свидетельствуют об устремлениях редакционной коллегии этого журнала и даже о мужестве Клепко: сделать мои тексты доступными и для тех заинтересованных читателей, которые не сильны в украинском языке, а также для читателей за пределами Украины.

Вспоминая о былом, сожалею лишь об одном, что не написал научной биографии А. С. Макаренко; но надеюсь: это сделают другие, имея наши многочисленные труды о педагоге, писателе, человеке-гуманисте.

Матеріал надійшов у редакцію 30.12.2012

В Украину, к Антону Макаренко... 40 лет исследований на родине кумира /
Г. Хиллиг // Постметодика. – 2013. – № 1. – С. 6–11.

Гётц Хиллиг

ВНОВЬ ОКРЫВАЯ МАКАРЕНКО-ОРАТОРА

Слово на презентации в Елецком университете книги А. С. Макаренко
«Публичные выступления (1936 – 1939 гг.). Аутентичное издание».
(Сост., автор комм.: Гётц Хиллиг. Елец, 2012. – 502 с.)

УДК 371.4(477.53)

Г. Хиллиг

Описана история подготовки книги «А. С. Макаренко. Публичные выступления (1936–1939 гг.)», в которой впервые в аутентичном виде представлены 22 документа – стенограммы всех известных на сегодняшний день публичных выступлений А. С. Макаренко, раскрывающих принципы его педагогической системы.

Ключевые слова: А. С. Макаренко, прижизненные публикации, лекции, выступления, стенограммы, лаборатория "Макаренко-реферат", Марбургский университет, Л. Фрёзе, "Опускула Макаренкиана".

Хилліг Г. Знову відкриваючи Макаренко-оратора. Слово на презентації у Єлецькому університеті 26 грудня 2012 р. книги "А. С. Макаренко. Публічні виступи (1936–1939 рр.)"

Описано історію підготовки книги «А. С. Макаренко. Публічні виступи (1936–1939 рр.)», у якій вперше в автентичному вигляді представлено 22 документи – стенограми всіх відомих на цей час публічних виступів А. С. Макаренка, що розкривають принципи його педагогічної системи.

Ключові слова: А. С. Макаренко, прижиттєві публікації, лекції, виступи, стенограми, лабораторія "Макаренко-реферат", Марбурзький університет, Л. Фрєзе, "Опускула Макаренкіана".

Hillig G. Reopening Makarenko-speaker. Word at the Presentation at the University of Eletsck December 26, 2012 of the Book «A. S. Makarenko. Public Speaking (1936–1939)»

This paper describes the history of the preparation of the book "A. S. Makarenko. Public Speaking (1936–1939)", which was first presented in authentic form of 22 documents, such as transcripts of all known at this time Makarenko's public speaking, those reveal the principles of his educational system.

Key words: A. S. Makarenko, lifetime publications, lectures, speeches, transcripts, laboratory "Makarenko-Referat", University of Marburg, L. Froese, "Opuscula Makarenkiana".

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Я очень рад сегодня представить первый плод сотрудничества Елецкого и Марбургского университетов – вузов писателей Бунина и Пастернака. Речь идёт об аутентичном издании публичных выступлений классика мировой педагогики Антона Семёновича Макаренко в период с 1936 по 1939 гг. В связи с тем, что ему самому не удалось систематически изложить свой многолетний педагогический опыт в бумажном варианте, такое достоверное издание стенограмм его выступлений являлось важной задачей макаренковедения.

Публикация соответствующих лекций и выступлений имеет давнюю традицию. Первое собрание данных материалов под названием «Воспитание детей в семье и школе» издано в г. Чкалов в 1941 году – через два года после смерти педагога и непосредственно после нападения фашистского вермахта на территорию Советского Союза; но первый научный сборник макаренковских педагогических сочинений уже после окончания Великой Отечественной войны вышел из печати в Москве в 1946 г. Речь идёт об «Избранных педагогических произведениях» под общей редакцией известного учёного Е. Н. Медынского (Действительного члена Академии педагогических наук РСФСР) и И. Ф. Свадковского.

В предисловии к данному сборнику Медынский пишет: «Все лекции и выступления А.С. Макаренко для этого издания подготовлены вновь к печати по стенограммам. В отдельных немногочисленных случаях поэтому встречаются разночтения с опубликованным текстом стенограмм, не изменяющие, однако, смысла (а тем более принципиальных положений Макаренко). Эта или литературная правка стилистического характера, или вы-

пуски нескольких строк вследствие явной неточности или неясности стенографический записки (поскольку сам Антон Семёнович стенограммы выправить не успел); иногда выпущены фразы и абзацы, так сказать, текущего характера, понятные в устном выступлении после доклада на недавно происходившей педагогической конференции, но утратившие значение по прошествии многих лет».

Такое описание и обоснование редакторского вмешательства в тексты макаренковских выступлений в предисловиях и в научном аппарате более поздних официозных собраний трудов А. С. Макаренко АПН РСФСР (СССР) в семи и восьми томах («Сочинения», М., 1950–52; 2-е изд., 1957–58; «Педагогические сочинения», 1983–86) почти полностью отсутствуют. Однако это не значит, что тексты в данных изданиях воспроизводятся достаточно корректно (кроме как, по словам Менжинского, «в отдельных немногочисленных случаях»). Проверка стенограмм всех известных на сегодняшний день публичных выступлений Макаренко показала, что в 22 документах, которые в настоящем издании впервые печатаются в аутентичном виде, содержится около трёх тысяч (повторяю: около трёх тысяч!) изменений, касающихся стилистики и содержания, в большинстве значительных.

Как я пришёл к такому выводу? Для этого нужно начать издалека.

Темой «Макаренко» я начинал заниматься ещё будучи студентом Франкфуртского университета. На основании двух первых публикаций, конечно, на немецком языке, я в 1965 году получил приглашение ведущего представителя раннего этапа западногерманской интерпретации наследия Макаренко профессора Леонхарда Фрёзе приступить к работе в Марбургской Альма-матер.

Л. Фрёзе, как и другие авторы, причём не только в ФРГ, не знал ещё тогда, что «канонизация» Макаренко в период сталинизма была связана с сокращениями и искажениями его оригинальной концепции коллективного воспитания, а также его биографии. Раскрытие таких «деформаций» в Марбургском университете привело в 1968 году к основанию лаборатории «Макаренко-реферат», а именно в рамках Научно-исследовательского центра сравнительной педагогики, руководимого Леонхардом Фрёзе.

На основе многолетних исследований, в ходе которых мне удалось обнаружить до тех пор неизвестные публикации А. С. Макаренко, с 1976 года выходили из печати «Собрания сочинений» А. Макаренко, рассчитанные на 20 томов. Данное Марбургское издание включает в себя оригиналы текстов педагога-писателя с параллельным переводом на немецкий язык и обстоятельным научным аппаратом. По первому его отделу (прижизненные публикации), открывающему доступ к первоначальному тексту работ (факсимильное воспроизведение русского, украинского, французского или английского оригинала), до 1982 года изданы 8 томов. Второй отдел должен был охватить наследие Макаренко, в том числе и его выступления. Однако до этого не дошло.

Такой ход событий предопределил одно из направлений развития в области макаренковедения в Марбурге в 1974 году. Тогда же я в две колонки составил обзор текстов выступлений педагога по их публикации в семитомнике и в других советских изданиях. Этот двухтомник «Рабочих материалов» с просьбой высказать своё критическое мнение я послал 10 видным коллегам-макаренковедам на Западе и Востоке, а именно О. Анвайлеру (Бохум/ФРГ), В. Гмурману (Москва), В. Кумарину (Москва), А. Левину (Варшава), П. Лысенко (Кременчуг), Н. Нежинскому (Киев), Л. Пеху (Брно/ЧССР), А. Пискунову (Москва), И. Рюттенауэр (Мюнстер/ФРГ) и Н. Чакърову (София). Издания трудов А. С. Макаренко для данного проекта наша университетская библиотека без проблем получила из московской Библиотеки им. Ленина по межбиблиотечному абоненту.

Проспект Марбургского издания, включённый в вышедший из печати в начале ноября 1974 г. бюллетень лаборатории «Макаренко-реферат», непосредственно разошёлся по рукам интересующихся коллег, в том числе и в Москве. Как видно из архивных материалов и публикаций, реакция АПН СССР была очень быстрой; 16 января 1975 г. начинающий московский макаренковед Е. С. Долгин написал адресованную директору НИИ общей педагогики А. И. Пискунову «Докладную записку по поводу издания наследия А.С. Макаренко», где считается «целесообразным», между прочим (*я цитирую*), «к 100-летию со дня рождения А.С. Макаренко, которое исполнится в 1988 году, подготовить и выпустить полное академическое собрание сочинений А. С. Макаренко» (*конец цитаты*). И уже 4 марта 1975 г., спустя четыре месяца после публикации проспекта Марбургского изда-

ния, Президиум АПН СССР принял постановление, предусматривающее издание «полного собрания сочинений Макаренко в 9–10 томах». В обоих случаях, впрочем, нигде не упоминается о нашем проекте. Однако вместо полного издания опять-таки были опубликованы избранные труды, на этот раз в 8 томах. Речь идёт об уже упомянутых «Педагогических сочинениях» А. С. Макаренко (Москва, 1983–86). Это было ещё во время конфронтации между советскими и западногерманскими макаренковедами.

Возможность изучить стенограммы выступлений А. С. Макаренко, которые хранятся в московских госархивах, я получил уже в конце 1970-х годов, а именно на основании соответственного соглашения между Германским научно-исследовательским обществом ФРГ и Академией наук СССР. Во время многочисленных командировок в Москву я мог проверить данные источники. Результаты этого анализа я включил в один экземпляр вышеупомянутого двухтомника «Рабочих материалов», который, таким образом, стал фундаментом для дальнейшего исследования стенограмм, в том числе и для подготовки представленного сегодня аутентичного издания. Тексты четырёх выступлений, предназначенные для второго отдела Марбургского издания, в середине 1980-х годов были опубликованы в рамках нашей серии «Опускула Макаренкиана».

В заключение я желаю вам увлекательного чтения этого первого плода сотрудничества наших двух университетов. Пусть данная книга в педагогических лекциях и семинарах внесёт свой вклад в активизирование интереса к выдающемуся, а у вас и у нас, к сожалению, немного забытому классику мировой педагогики А.С. Макаренко.

Благодарю вас за внимание и терпение.

Матеріал надійшов у редакцію 25 грудня 2012 р.

Вновь открывая Макаренко-оратора. Слово на презентации в Елецком университете книги А. С. Макаренко «Публичные выступления (1936 – 1939 гг.). Аутентичное издание». (Сост., автор комм.: Гётц Хиллиг. Елец, 2012. – 502 с.) // Постметодика. – 2013. – № 1. – С. 12–13.

**Как Макаренко добрался до Америки
Об истории брошюры «Дети в стране социализма»**

Г. Хиллиг

УДК 371.4(477.53)

В статье на основании до сих пор не использовавшихся московских архивных материалов разрабатывается вопрос об истории брошюры А. С. Макаренко "Дети в стране социализма" – буклета, составленного педагогом-писателем для советского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке в 1939–1940 гг. за несколько недель до его внезапной кончины. Освещаются не только происхождение макаренковской брошюры, но и особенности советской пропаганды того времени.

Ключевые слова: Всемирная выставка в Нью-Йорке в 1939–1940 гг., А. С. Макаренко, брошюра, советская пропаганда, Государственный архив Российской Федерации, "Makarenko-Materialien I".

Хилліг Г. Як Макаренко дістався Америки: про історію брошури "Діти в країні соціалізму"

У статті на підставі досі не використуваних московських архівних матеріалів розробляється питання про історію брошури А. С. Макаренка "Діти в країні соціалізму" – буклету, укладеного педагогом-письменником для радянського павільйону на Всесвітній виставці в Нью-Йорку в 1939–1940 рр. за кілька тижнів до його раптової смерті. Висвітлюються не тільки походження макаренківської брошури, а й особливості тогочасної радянської пропаганди.

Ключові слова: Всесвітня виставка в Нью-Йорку в 1939–1940 рр., А. С. Макаренко, брошура, радянська пропаганда, Державний архів Російської Федерації, "Makarenko-Materialien I".

Hillig G. As Makarenko Came to America: About the History of the Booklet "Children in the Land of Socialism"

Based on Moscow archival materials never used before, the paper deals with background of the booklet "Children in the land of Socialism" compiled by A. S. Makarenko a few weeks before his sudden death for the Soviet pavilion at the 1939–1940 World's Fair in New York City. It tells of not only the origin of Makarenko's booklet, but also the features of Soviet propaganda at that time.

Keywords: World's Fair in New York in 1939–1940, A. S. Makarenko, booklet, Soviet propaganda, State Archive of the Russian Federation, "Makarenko-Materialien I".

«Я очень хорошо Вас понимаю. И у меня самое страстное, самое заповедное желание побывать в каком-нибудь „Никарагуа“, погулять по „Огненной земле“, прокатиться в машине через Америку. Я только в Сибири не хочу быть – не нравится. Я потому и завидую англичанам, что они могут, не выправляя заграничного паспорта, сесть на пароход, как мы на речной трамвай, и съездить в Австралию или Канаду. Шикарно. И когда прогредит всемирная Революция, я обязательно буду путешествовать»¹.

Это выдержка из письма, которое А.С. Макаренко отправил 8 ноября 1938 г. из Кисловодска московскому кинорежиссёру и сценаристу Маргарите Александровне Барской (1903–1939), с ней он очень дружил. Его мечта «прокатиться в машине через Америку», как известно, не сбылась. Тем не менее, в феврале 1939 г., за несколько недель до его внезапной кончины, у него появилась возможность составить буклет для советского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке в 1939–1940 гг., а таким образом и для широкой американской публики. Он, разумеется, в этой брошюре написал не об оригинальной концепции перевоспитания, созданной им и практикуемой в Украине в учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей (колония им. М. Горького) и беспризорников (коммуна им. Ф.Э. Дзержинского), а о хорошей жизни детей в Советском Союзе. Хотя Макаренко, полный гордости, и пишет, что он «со своей детской коммуной совершил семь больших походов по СССР», тот, чьим именем названо последнее упомянутое учреждение и его тесная связь с ГПУ/НКВД УССР, к числу задач которого принадлежала и борьба с детской беспризорностью, в тексте книжки благоразумно не упоминаются.

¹ Архив лаборатории «Макаренко-реферат» Марбургского университета.

Исследовать появление макаренковской брошюры стало возможно на основе документов о Нью-Йоркской выставке из Госархива Российской Федерации (ГАРФ, ф.5673); они впервые анализируются в настоящей статье. Предложения по темам, которые должны были рассматриваться в советских публикациях по случаю Всемирной выставки, были представлены на рассмотрение осенью 1938 г. двумя советскими институтами в Нью-Йорке. Так, в одном письме редакции журнала «Soviet Russia Today» от 28 сентября 1938 г. Джоэлу Шубину, руководителю Советской секции Нью-Йоркской Всемирной выставки по адресу: «Красная площадь, 3, Москва, СССР», среди прочего было написано: «As to the problems of interest to the readers of our magazine, I am sending a summary herewith of a questionnaire. (Что касается проблем, интересных читателям нашего журнала, в настоящем письме высылаю вопросник.) / [...] I would say that judging by the letters we get, the question of living standards is one of the most important to Americans. [...] ([...] Я бы сказал, что, судя по письмам, которые мы получаем, вопрос уровня жизни является одним из самых важных для американцев. [...]) / A great many questions are asked about family life, and the results of the abortion laws. [...] (Очень много вопросов задаётся о семейной жизни, а также результатах законов об абортax)»².

А в письме корпорации «The American Russian Institute for Cultural Relations (Американский Русский Институт культурных отношений)» от 4 октября 1938 г., также в советскую секцию Всемирной выставки в Москве, впервые речь идёт о серии соответствующих брошюр: «The following is a list of subjects in which people in the country seem to be particularly interested. I believe that almost all of them traitly fairly easily in small booklets, especially if you are able to have them illustrated. (Ниже представлен список предметов, в которых люди в стране особенно заинтересованы. Я думаю, что почти все из них достаточно легко могут быть реализованы в маленьких буклетах, особенно если вы можете их проиллюстрировать)». Упомянутый перечень охватывал к тому моменту 22 темы³.

К некоторым из них в недатированном, составленном примерно в ноябре 1938 г. документе («Замечания к буклетам»), есть следующие указания авторам:

«[...]»

2. *Советская демократия*. Показать демократизм не только в управлении государством, но и в профсоюзах, колхозах, кооперации, в выборах редколлегий стенгазет (тайным голосованием), словом во всех областях советской жизни. Многие американцы думают: „у них (в СССР) на предприятиях есть хозяин (директор) и профсоюз – совсем как у нас“. Поэтому: показать демократизм на производстве, сочетание единоначалия с производственными совещаниями и критикой действий директора.

[...]»

4. *Еврейская автономная область*. Многие американцы говорят: „Советская власть много делает евреям, и зато уничтожает их религию“. Иметь это в виду и рассказать об отделении церкви от государства, о свободе совести.

[...]»

9. *Женщины в СССР*. За границей враги советской власти (в частности леди Астор) вопят, что женщины в СССР слишком много работают, что их используют на самой тяжёлой мужской работе. Поэтому непременно указать, на каких производствах запрещён женский труд, какие приняты меры для оздоровления женского (и детского) труда, как считаются на предприятиях со здоровьем женщины-работницы»⁴.

Инициатива включить изображения в брошюры «подхвачена» в одном документе от 26 ноября 1938 г.: «Сюжеты для подбора фотоиллюстраций к буклетам». Касательно переданной в конце концов Макаренко темы «Как живётся детям в СССР» приведены следующие сюжеты: «1. Ясли, 2. Пионерский лагерь, 3. Дворец Пионеров, 4. Детская железная дорога на ст. Отдых, 5. Школа, 6. Музыкальная школа, 7. Детский стадион, 8. Артек, 9. Дети дома»⁵. Англоязычная публикация „Children in the land of socialism“ (Moscow, 1939) содержит следующие четыре изображения: „View of the “Artek” Pioneer Camp (Crimean A.S.S.R.)“ (Вид на пионерский лагерь «Артек» (Крымская АССР); стр. 7), „In the Art

² ГАРФ, 5673-1-88, л. 127.

³ Там же, лл. 124–125.

⁴ Там же, лл. 60–69.

⁵ Там же, лл. 89–107 (здесь: л. 102).

Studio of the Odessa Pioneer Hall" (В художественной мастерской Одесского дворца пионеров; стр.11), „Juvenile technical education center. Young naturalists on the experimental farm (Kuibyshev)" (Юношеский технический образовательный центр. Юные натуралисты на опытном хозяйстве (Куйбышев); стр.15), „Happy childhood (photomontage)" (Счастливое детство (фотомонтаж); стр.19).

Персональное распределение предложенных тем впервые можно найти в документе от 7 октября 1938 г. «БРОШЮРЫ – БУКЛЕТЫ». Он, среди прочего, содержит следующие данные: «Женщина в СССР – Крупская», «Как живётся детям в Советском Союзе – Писатель К.И. Чуковский»⁶. Дополнительные рассуждения по этому поводу содержатся в документе под названием «Положение с буклетами» от 2 января 1939 г. В начале документа значится: «Требуется специальное постановление, чтобы получить буклеты от следующих авторов: 1) К. Ворошилов – Красная Армия, 2) М. Калинин – Советская демократия». Необходимость специального постановления, несомненно, связана с высоким рангом обоих политических деятелей. На это указывает и список «подбор кандидатов» для ряда предложенных им тем под заголовком «Отказали писать». Особенно интересны следующие отказы: «М. Шолохов – Новая и старая деревня, А. Толстой – Советская литература, В. Вильямс – СССР – страна самого передового в мире земледелия, Н. Булганин – Строительство городов в СССР, Т. Лысенко – Положение людей науки в СССР, Крупская – Женщина в СССР, Коккинаки – Герои Советского Союза и их рекорды»⁷.

В приложении «БРОШЮРЫ – БУКЛЕТЫ» к письму Комиссара Советской части Всемирной выставки в Нью-Йорке 1939, Москва, Красная площадь, № 3, Г.А. Тихомирова, датированном 25 января 1939 г., направленном в «ЦК ВКП(б), тов. ЖДАНОВУ», неожиданным образом в списке из 72 авторов трое из вышеперечисленных личностей, уже отказавшихся писать, были представлены заново, на первых позициях и с указанием в каждом случае всех их официальных регалий: «Женщина в СССР – Зам. Народного комиссара Просвещения РСФСР, член Президиума Верховного Совета СССР, орденосеиц Н.К. Крупская», «Новая и старая деревня – Депутат Верховного Совета СССР, писатель М.А. Шолохов», «Положение людей науки в СССР – Президент Академии с.х. наук им. Ленина, зам. Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР, орденосеиц академик Т.Д. Лысенко»⁸. Это можно объяснить лишь тем, что от этих видных авторов в письме к главному идеологу СССР Жданову не хотели отказаться.. Касательно упоминания Крупской можно заметить, что в «Правде» от 5 декабря 1937 г. вышла её статья «Женщина в стране социализма». Далее в списке от 25 января упоминается имя известного детского писателя К.И. Чуковского как создателя текста «Как живётся детям в Советском Союзе», а также трёх возможных авторов по теме «Советское кино»: «Кинорежиссёр-орденосеиц В.И. ПУДОВКИН или: Кинорежиссёр С.М. ЭЙЗЕНШТЕЙН или: Залужный артист РСФСР, депутат Верховного Совета РСФСР, орденосеиц киноактёр Н. ЧЕРКАСОВ».

Из сопроводительного письма Тихомирова следует: «В своё время в Отделе печати ЦК ВКП(б) нами был согласован список тем и авторов 72 небольших иллюстрированных брошюр (каждая размером не более 10 страниц на пишущей машинке), освещающих различные стороны социалистического строительства в СССР и предназначенных для распространения на Нью-Йоркской выставке.

К настоящему моменту нам представили брошюры: [названы 15 тем; Г.Х.].

Так как до открытия выставки осталось всего три месяца, в течение которых необходимо брошюры получить, отредактировать, перевести на английский язык, отпечатать большим тиражом и доставить в Америку, – мы просим Вас дать соответствующие указания товарищам о написании ими брошюр, согласно прилагаемого списка»⁹.

Предназначавшаяся в начале для Чуковского тема «Как живётся детям в Советском Союзе» в конце концов была передана Макаренко. Первое упоминание об этом находится в «Списке брошюр» от 5 марта 1939 г. Почему произошла данная перемена, документы из соответствующего архивного дела понять не позволяют. Однако можно исходить из того, что это предложил сам Чуковский, с которым Макаренко был в дружеских

⁶ Там же, лл. 119–123.

⁷ Там же, лл. 13–17.

⁸ Там же, лл. 28–28 об., 44–50.

⁹ Там же, л. 27.

отношениях. Как следует из записных книжек педагога-писателя, последний в тот момент испытывал острую нужду в средствах. Гонорар за рукопись брошюры, но ни в коем случае не призрачная возможность путешествия за океан, сыграл решающую роль в том, что Макаренко согласился на работу над такой всеобъемлющей темой.

Упомянутый в письме Тихомирова большой тираж запланированных брошюр можно соотнести с расчётами американской партнёрской организации середины января 1939 г.: „Estimate on the printing of 70 booklets. / 100.000 copies of each [...] 187.013,- \$ (Расчёт на печать 70 буклетов. / 100.000 экземпляров каждая [...]: 187.013,- \$)“¹⁰. В основе данных расчётов, по всей видимости, лежало предложение Московского Комитета от 14.XI-38 г. «по организации работы в связи с изданием буклетов для выставки в Нью-Йорке»: «Всю редакционную работу, т.е. все процессы, связанные с заказом рукописи, организацией рукописи и иллюстраций к ней, редактированием её, утверждением её в вышестоящих инстанциях, переводом её и утверждением переводов сосредоточить в Пресс-бюро Советского Павильона выставки в Нью-Йорке»¹¹.

Составленная Макаренко брошюра под названием „Children in the land of socialism“ не содержит каких-либо данных о размере тиража, а также месте и дате её производства. В качестве издательства на титульном листе обозначено: „Foreign Languages Publishing House. Moscow 1939 (Издательство иностранных языков. Москва, 1939)“. Издание было зарегистрировано в национальной библиографии «Книжная летопись», 1939, № 36, 6/VIII.

Для советских читателей было создано приложение (тираж: 5 640 экз.) под названием «Словарь к Children in the land of socialism», которое содержало следующее редакторское предисловие: «Настоящая серия очерков по различным отраслям жизни СССР предназначается для использования в качестве учебных пособий по английскому языку, как в учебных заведениях, так и в кружках иностранных языков на предприятиях и в учреждениях. По своему уровню эти книжки пригодны для аналитического или курсорного чтения на средних и старших семестрах языковых вузов и на последнем курсе остальных вузов. Ввиду того, что у учащихся этих ступеней предполагается знание элементарного курса английской грамматики и элементарного словаря, к каждой книжке приложен алфавитный словарь лишь наиболее трудных слов и оборотов, а также краткий комментарий. Значение слов указано, как правило, только в соответствии с данным контекстом. [...]».

В советских собраниях трудов А.С. Макаренко текст англоязычного буклета давался в переводе на русский. В комментарии издания «Сочинений» (т.7, 1952) сообщается: «Работа „Дети в стране социализма“ была написана А.С. Макаренко в начале 1939 г. для советского раздела международной выставки в Нью-Йорке. Издана в том же году на английском языке отдельной брошюрой. В переводе на русский язык публикуется впервые»¹². Сопоставление этой версии и англоязычной публикации показывает, что московское издание по сравнению с текстом нью-йоркского буклета имеет небольшие сокращения и изменения. Последний был переиздан в соответствии с оригиналом в 1969 г. в рамках марбургского сборника „Makarenko-Materialien I“¹³.

Среди документов, хранящихся в ГАРФе, находится также авторская машинопись с небольшими редакторскими (рукописными) изменениями макаренковского текста в объёме 8 листов под названием: «А.С. Макаренко. Писатель-орденоносец. ПОЛОЖЕНИЕ ДЕТЕЙ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ»¹⁴. Орден Трудового красного знамени был вручён Макаренко 31 января 1939 г. за его заслуги в области советской литературы. Это, а также хронология событий последних два месяца перед его смертью позволяют сделать вывод о том, что статья была написана в феврале 1939 г.

В одном из документов («Ведомость гонорара по буклетам № 6», приблизительно от апреля 1939 г.) упомянуто два человека, которые редактировали машинопись Макаренко¹⁵. Одним из них был член «Редколлегии по буклетам» К.К. Омельченко¹⁶, впоследствии прославившийся как цензор. В 1946 г. Сталин назначил его «уполномоченным Сов-

¹⁰ Там же, л. 22.

¹¹ Там же, л. 108.

¹² Макаренко А.С. Сочинения. Т.7. – М., 1952. С. 506.

¹³ Makarenko-Materialien I. – Marburg, 1969. С. 54–58.

¹⁴ ГАРФ, 5673-1-91, лл. 187–195.

¹⁵ Там же, 5673-1-99, л. 77.

¹⁶ Там же, 5673-1-88, л. 42.

наркома СССР по охране военных и государственных тайн в печати»¹⁷. «За редактирование буклета А.С. Макаренко „Положение детей в Советском Союзе“» оба специалиста-редактора получили по 100 рублей¹⁸.

На каждый буклет вначале было ассигновано по 1.900 рублей, распределявшихся следующим образом: авторский гонорар – 1.500 рублей, 200 рублей – редактору и 200 – рецензенту¹⁹. Однако на практике авторские гонорары распределялись по-разному, вероятно в соответствии с репутацией авторов. Так, в одном из документов, который датирован мартом 1939 г., за работы двух известных еврейских советских писателей зарегистрированы перерасходы в размере 1.100 рублей («уплачено» 3.000) и 800 рублей («уплачено» 2.700) соответственно. Это касается рукописей Д. Бергельсона – «Еврейская автономная область» и С. Маршака – «Детское творчество в СССР»²⁰. В отношении этих двух авторов речь идёт о наибольших для того времени расходах на 61 рукопись буклетов. Для текста Макаренко было при этом отмечено 1.000 рублей²¹ – достаточно средняя сумма. Согласно «Ведомости гонорара по буклетам № 6», уже после смерти педагога-писателя, его вдове Г.С. Макаренко «за буклет А.С. Макаренко „Положение детей в СССР“» было выплачено 800 рублей²², тогда как Бергельсону, согласно Ведомости № 2, «за брошюру „Еврейская автономная область“» – 2.000 рублей²³.

Оригинальные рукописи брошюр находятся в ГАРФе в 6 делах под заголовком «Статья для буклетов. Русский текст. 1938 и 1939 гг.» Наряду с машинописью Макаренко там среди прочего также находятся тексты Бергельсона («Еврейская автономная область»)²⁴ и профессора С.М. Эйзенштейна («Советское кино»)²⁵. Последний содержит авторское примечание: «В прессбюро Советской части выставки в Нью-Йорке. Прошу непременно прислать перевод для ознакомления»²⁶. Обсуждаемая здесь проблема адекватности переводов «обошла» С. Маршака, так как он, будучи опытным переводчиком с английского языка, сдал рукопись не на русском, а сразу на английском: „Children and art in the U.S.S.R.“ (Дети и искусство в СССР)²⁷.

В предыдущих делах не упомянуто две, по всей видимости, обнаруженные лишь в последний момент рукописи: «Вышинский – Падение преступности в СССР»²⁸ и «Пичугина – Женщина в СССР»²⁹. Первый автор – печально известный Прокурор СССР, а второй – П.Н. Пичугина – Депутат Верховного Совета СССР 1 созыва 1937–1946 гг., работница московского 1-го Подшипникового завода им. Л.М. Кагановича. Осенью 1937 г. Макаренко опубликовал её детальный портрет в журнале «Октябрь»³⁰. Таким образом, она выполнила задание, первоначально предназначавшееся Н.К. Крупской. В испанском переводе текст П. Пичугиной совместно с текстом А. Макаренко вышел в 1941 г. в Гаване в общей брошюре под названием «La mujer y el niño en la Unión Soviética» / «Los niños en el país del socialismo». Таким образом, любитель Нового света Макаренко не попал ни в Никарагуа, ни на Огненную землю, но, по крайней мере, «побывал» в США и на Кубе.

Как Макаренко добрался до Америки. Об истории брошюры «Дети в стране социализма» / Г. Хиллиг // Постметодика. – 2013. – № 1. – С. 14–18.

¹⁷ См.: Постановление ЦК ВКП(б) «О цензурском контроле над информацией, направляемой из СССР иностранным корреспондентам (15.02.1946). РГАСПИ, 17-163-1479, лл. 158–159.

¹⁸ ГАРФ, 5673-1-99, л. 77.

¹⁹ ГАРФ, 5673-1-88, лл. 2–4 (здесь – л. 2).

²⁰ Там же, лл. 3, 4.

²¹ Там же, л. 3.

²² ГАРФ, 5673-1-99, л. 76.

²³ Там же, л. 94.

²⁴ ГАРФ, 5673-1-89, лл. 117–140.

²⁵ ГАРФ, 5673-1-90, лл. 1–44.

²⁶ Там же, л. 44.

²⁷ ГАРФ, 5673-1-93, лл. 179–192.

²⁸ ГАРФ, 5673-1-94, лл. 135–166.

²⁹ ГАРФ, 5673-1-94, лл. 283–361.

³⁰ Макаренко А. Прасковья Никитишна [Никитична. – Г.Х.] Пичугина // Октябрь, 1937, № 12. С. 41–60.

**А. С. МАКАРЕНКО – УЧАСТНИК ПРАЗДНОВАНИЯ 300-ЛЕТИЯ
ЦАРСТВОВАНИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ, ПРОХОДИВШЕГО В ФЕВРАЛЕ 1913 г.
В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ УЧИЛИЩЕ НА СТАНЦИИ ДОЛИНСКАЯ**

Г. Хиллиг

Автор исследует корреспонденцию "Вестника Южных железных дорог" за 1913 г. (до сих пор не принимавшегося в макаренковедении во внимание) о праздновании 21 февраля 1913 г. 300-летия царствования Дома Романовых в ж.д. училище станции Долинская, где А. С. Макаренко с 1911 по 1914 год работал учителем, и на основании литературы о деятельности педагога на ст. Долинской формулирует гипотезу, что упоминаемым в информации преподавателем, прокомментировавшим "важнейшие события последнего трёхсотлетия русской истории", был не кто иной, как любитель истории Макаренко.

Ключевые слова: А. С. Макаренко, "Вестник Южных железных дорог", станция Долинская, 300-летие царствования Дома Романовых.

Хилліг Г. А. С. Макаренко – учасник святкування 300-річчя царствування Дому Романових у лютому 1913 р. в залізничному училищі на станції Долинська

Автор досліджує кореспонденцію "Вісника Південних залізниць" за 1913 р. (що досі у макаренкознавстві не брався до уваги) про святкування 21 лютого 1913 р. 300-річчя царствування Дому Романових в залізничному училищі на станції Долинська, де Макаренко з 1911 по 1914 рр. працював учителем, і на основі літератури про діяльність А. С. Макаренка на ст. Долинській формулює гіпотезу, що згаданим в інформації викладачем, котрий прокоментував "щонайважливіші події останнього трьохсотріччя російської історії", був не хто інший, як поціновувач історії Макаренко.

Ключові слова: А. С. Макаренко, "Вісник Південних залізниць", станція Долинська, 300річчя царствування Дому Романових.

Hillig G. A. S. Makarenko – Member of Celebration of the 300th Anniversary of the Romanov Dynasty, which Took Place in February 1913 in the Railway School at the Dolinskaya Station. The author explores the mail of "Bulletin of the Southern Railways" of 1913 (does not taken into account in Makarenko-studying till this time) about the celebration of the 300-th anniversary of the reign of the Romanov dynasty on February 21, 1913 in the railway school at the Dolinskaya station, where A.S. Makarenko worked as a teacher during 1911-1914 years. On the basis of the literature about A.S. Makarenko's activities at the Dolinskaya station, it is possible to assume that the teacher commented on "the most important events of the last three hundred years of the Russian history" was none other but history lover Makarenko.

Key words: A. S. Makarenko, "Bulletin of the Southern Railways", Dolinskaya station, the 300-th anniversary of the reign of the Romanov dynasty.

До 1920 года, т.е. до начала своей успешной деятельности в области перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных в полтавской колонии им. М. Горького, А.С. Макаренко (1888–1939) 12 лет занимал должности учителя и руководителя общеобразовательных школ. После окончания с отличием Кременчугского городского училища в 1904 году и одногодичных педагогических курсов при этом же учебном заведении по подготовке учителей начальных школ он удостоился звания учителя начальных училищ «с правом преподавания в сельских двухклассных училищах Министерства Народного Просвещения и обучения церковному пению». Как сын железнодорожника Макаренко решил работать в системе училищ Южных железных дорог (Ю.ж.д.). Осенью 1905 г. он получил место учителя двухклассного ж.д. училища на станции Крюков, где преподавал русский язык, черчение и рисование.

О жизни Макаренко-учителя на станциях Ю.ж.д. известно сравнительно немного. Особенно мало информации о его деятельности на ст. Долинская Херсонской губернии, где педагог в течение трёх лет, с осени 1911 по осень 1914 года (т.е. после шести лет деятельности в Крюкове и до поступления в Полтавский учительский институт), работал в двухклассном ж.д. училище.

Литературовед М.Ф. Гетманец в своё время свидетельствовал в беседе с автором этих строк: в 1970-х годах он получил информацию о том, что архив Управления Ю.ж.д. по-прежнему находится в своём административном здании возле главного вокзала в Харькове, однако он совсем не обработан, не приведён в порядок. Копии документов вышеуказанного Управления хранятся и в фондах Российского исторического архива в Санкт-Петербурге, но они до настоящего времени не были изучены макаренковедами.

Некоторая информация о станциях Ю.ж.д. и о состоянии там «школьного дела» публиковалась в «Вестнике Южных ж.д.» («часть неофициальная»), экземпляры которого находятся ныне в Научной библиотеке им. В.Г. Короленко в Харькове и в Российской гос. библиотеке (бывшей «Ленинке») в Москве. Однако до настоящего времени (пост)советские макаренковеды ещё не использовали в своих трудах этот по-своему уникальный для исследования «Вестник».

У А.С. Макаренко есть рассказ о событии, произошедшем на ст. Долинская в декабре 1913 г., два варианта которого были опубликованы в августе 1937 г. в газетах «Красная звезда» («О человеческих чувствах») и «Ленинградская правда» («Из истории героизма»); они включены в советские и постсоветские собрания произведений педагога-писателя. Очерки о его деятельности в Долинском ж.д. училище в своё время обнародованы современниками Антона Семёновича, в том числе М.Л. Лановенко («Ранній період педагогічної діяльності А.С. Макаренка», ж. «Радянська школа», 1945, № 5–6, с.54–59), Л. Степанченко («Каким я его знал. Из воспоминаний об А.С. Макаренко», ж. «Народное образование», 1964, № 12, с.87–90) и Виталием Макаренко – в его книге «Мой брат Антон Семёнович. Воспоминания, письма» (Марбург, 1985; Opuscula Makarenkiana, Nr.5, с.50–53). Эти три содержательные воспоминания в переводе на немецкий язык включены в сборник лаборатории «Макаренко-реферат» Марбургского университета «Makarenko-Materialien III. Quellen zur Biographie des jungen Makarenko (1888–1920)» [Материалы о Макаренко, кн.3. Источники к биографии молодого Макаренко (1888–1920 гг.). Под ред. Г. Хиллига]. Marburg, 1973.

Виталий Семёнович вспоминает: «Трудно представить себе дыру более глухую, чем Долинская. Расположенная на полпути между Кременчугом и Николаевом, эта станция находилась среди голой степи, вдали от культурных центров. Станция была небольшая, при ней оборотное депо, церковь, училище, 3–4 небольших лавчонки и с сотню небольших домишек – это всё. Ни клуба, ни кинематографа и ни одного книжного магазина. А кругом, насколько глаз хватит – голая степень».

Половина учеников была „с линии“, т.е. это были дети начальников станций, дорожных мастеров, десятников, телеграфистов, сторожей, будочников и рабочих, живших на линии Знаменка-Николаев. Поэтому при училище было создано общежитие для таких учеников. А[нтон] получил место учителя и одновременно надзирателя в общежитии, за что получал добавочные 10 рублей в месяц. Он поместился в небольшой комнате при здании общежития.

За 3 года, которые А. провёл в Долинской, я приезжал к нему раз 10».

В приведённой ниже информации из «Вестника Ю.ж.д. за 1913 год» (№ 10 от 9 марта. Часть неофициальная, с.153–154; рубрика «Наши корреспонденты») речь идёт о праздновании 300-летия царствования Дома Романовых в ж.д. училище на станции Долинская. В данной небольшой по объёму корреспонденции упоминается, что 21 февраля 1913 г. во время празднования в здании училища один из преподавателей прокомментировал «важнейшие события последнего трёхсотлетия русской истории, путём чтения стихотворений, чтения [текста] патриотических песен». На основании вышеупомянутого свидетельства Лановенко, где среди всего прочего речь идёт о сообщении Макаренко на тему развития патриотизма на уроках русского языка путём чтения и заучивания наизусть соответствующих произведений известных русских писателей, можно предположить, что этим «преподавателем» был никто иной как любитель истории А.С. Макаренко.

Заметка в «Вестнике» подписана «К.». Без всякого сомнения, это аббревиатура фамилии Компанцева М.Г., который был заведующим Долинским ж.д. училищем и другом Макаренко.

«Ст. Долинская. 20 и 21 февраля в Долинском железнодорожном училище совершилось празднование трёхсотлетия царствования ДОМА РОМАНОВЫХ. В здании учили-

ща, в присутствии Почётного Блюстителя училища, учащихся и учащихся, начальников отделов служб и родителей учащихся была отслужена панихида по всем *в Бозе Почивающим Членам Царствующего Дома Романовых*. Вечером того же числа учащие и учащиеся присутствовали на всенощном бдении в местном железнодорожном храме.

21 февраля учащие и учащиеся с Почётным Блюстителем присутствовали в храме на Литургии и Молебне, после чего в здании училища состоялся торжественный акт в присутствии администрации училища, представителей железнодорожных служб, чиновников других ведомств и родителей учащихся.

Учащимся и всем присутствующим был прочитан Почётным Блюстителем текст посланной Начальнику дороги телеграммы о выражении верноподданнейших чувств *Государю Императору*, покрытый криками „ура“ за здоровье *Его Императорского Величества* и звуками ученического оркестра и хора, исполнивших «Народный гимн».

Затем учащиеся были ознакомлены с главнейшими событиями последнего трёхсотлетия русской истории, путём чтения стихотворений, чтения [текста] патриотических песен, с пояснением преподавателя.

По окончании акта учащиеся, проникнутые чувством патриотического восторга, были отпущены [домой] на дни масленицы.

Здание училища и общежития украшались национальными флагами, [а] вечером 21 февраля были иллюмин[ир]ованы.

К.»

Статья надійшла в редакцію 25.05.2013

А.С. Макаренко – участник празднования 300-летия царствования Дома Романовых, проходившего в феврале 1913 года в железнодорожном училище на станции Долинская / Г. Хиллиг // Постметодика. – 2013. – № 3. – С. 59–60.

**ВМЕСТО ПАРИЖА – В СТАЛИНГРАД
К 80-ЛЕТИЮ ВОЛЖСКО-ЧЕРНОМОРСКОГО ПОХОДА
КОММУНАРОВ-ДЗЕРЖИНЦЕВ***

Г. Хиллиг

Сопоставляется путешествие коммунаров-дзержинцев на пароходе в Сталинград с планом их несостоявшегося путешествия в Париж. На основе уже известных и вновь открытых источников автор освещает жизнедеятельность индустриализированной коммуны ГПУ/НКВД им. Ф. Э. Дзержинского в период голода в Украине и в южных областях России.

Ключевые слова: А. С. Макаренко, коммуна ГПУ/НКВД им. Ф. Э. Дзержинского, голод в Украине и южных областях России 1932–1933 гг., волжско-черноморский поход коммунаров-дзержинцев летом 1933 г.

Хіллiг Г. Замість Парижа – у Сталінград. До 80-річчя волзько-чорноморського походу комунарів-дзержинців.

Зіставлено подорож комунарів-дзержинців на пароплавi в Сталінград із планом їх нереалізованої подорожі у Париж. На основі відомих і заново відкритих джерел висвітлено життєдіяльність індустріалізованої комуни ДПУ/НКВС ім. Ф. Е. Дзержинського у період голоду в Україні і південних областях Росії.

Ключові слова: А. С. Макаренко, комуна ДПУ/НКВС ім. Ф. Е. Дзержинського, голод в Україні і південних областях Росії 1932–1933 рр., волзько-чорноморський похід комунарів-дзержинців улітку 1933 р.

Hillig G. Instead of Paris – to Stalingrad. To the 80th anniversary of the Volga and Black Sea trip of Dzerzhinsky Communards.

The journey on the steamship of Dzerzhinsky Communards to Stalingrad compares with their cancelled travel plan to Paris. On the basis of known and newly discovered sources the author illuminates the livelihoods of industrialized communes of GPU/NKVD n/a Dzerzhinsky during the famine in Ukraine and the southern regions of Russia.

Keywords: A. S. Makarenko, commune of GPU/NKVD named after F. E. Dzerzhinsky, famine in the Ukraine and southern regions of Russia in 1932–1933th, Volga-Black Sea communards' steamship on summer 1933.

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

В данном выступлении я хочу сопоставить два путешествия коммунаров-дзержинцев на пароходе – одно лишь запланированное, другое – действительно реализованное.

1. С середины июля до середины сентября 1931 г. А.С. Макаренко сопровождал харьковских коммунаров в их летнем походе по Кавказу: Владикавказ, Баку, Тифлис; от Батуми до Сочи на теплоходе «Абхазия», лагеря под Сочи, дальнейшее путешествие совершалось на борту «Армении». По приглашению местного ГПУ коммунары останавливались в Одессе. Во время последнего этапа этого похода заведующий коммуной Макаренко запланировал на следующий год путешествие вместе с воспитанниками по Европе. Главной целью этого рейса должен был стать Париж, где с 1930 года жил его брат Виталий (1895–1983), бывший офицер Российской, потом Добровольческой армии.

Вероятно, Антон Семёнович хотел показать Франции, в том числе и брату, насколько эффективно работает введённая по инициативе Виталия система военизированного воспитания.

Мысль об этой заграничной поездке у Макаренко возникла, очевидно, в связи с экскурсиями советских рабочих-ударников вокруг Европы на теплоходах «Украина» (в 1929 г.) и «Абхазия» (в 1930 г.) [1]. Как мне рассказывали бывшие коммунары, поездка во Францию была предметом постоянных мечтаний Антона Семёновича.

О том, что такое путешествие действительно было запланировано, мы знаем из цикла очерков Макаренко «ФД-1» (написаны весной 1932 г.), где упоминается о «кружке пацанов», которые поставили спектакль «Дзержинцы в Европе», но в первую очередь из письма Антона Семёновича от 15 сентября 1931 г. к жене, Галине Стахивевне Салько («Лисичке»), находящейся в то время на лечении в санатории. Данный информативный документ в сокращённом виде включён в соответствующую 2-ю часть авторитетного нижегородского Научно-методического издания сочинений Макаренко «Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания» (2008 г.). Никаких упоминаний о брате Антона Семёновича в письме нет. Также не упоминают о нём в своих комментариях и нижегородские коллеги. Как видно из переписки с женой, Макаренко получал письма от брата и отвечал на них, по крайней мере, до осени 1929 г. Тогда же Галина Стахивевна, член партии большевиков с декабря 1917 г., настоятельно потребовала от мужа немедленного прекращения переписки с братом-«белогвардейцем», что он исполнил [2, с.197–98].

Я цитирую отрывок из вышеупомянутого письма А.С. Макаренко «Лисичке»:

«Зато выясняются хорошие перспективы насчёт будущей нашей заграничной поездки. За эту поездку уже высказываются три члена Правления, хотя решаться вопрос будет, конечно, не нашим Правлением.

И как раз Лисичка написала, что она хочет поплавать на пароходе. Чего Тебе лучше. Ты даже представить себе не можешь, как это будет хорошо. Теперь на пароход грузится две тысячи пассажиров, представляешь, сколько там толпы, грязи и всякого пота, тела и вони. Мы же на полтора месяца зафрахтуем „Армению“, капитан „Армении“ сам готов об этом хлопотать, а на „Армении“ 400 спальных мест. Пароход повезёт только 400 пассажиров. Считай, что там будет 300 коммунаров, человек 10 бывших коммунаров, человек 30 персонала, одна Лисичка, человек 70 иных пассажиров, изъявивших желание принять участие в нашем путешествии, это, конечно, будут большею частью чекисты. Коммунары уже и места распределили: каюты первого класса персоналу, второго класса рабфаковцам и третьего класса молодым коммунарам. Ну, ясно, мы с Тобой получим двухместную каюту первого класса. На переходе только специальный и машинный персонал будет от Совторгфлота, а остальные все наши, наши повара, наши уборщики, наши хозяйственники. Продукты на всю дорогу, чтобы не тратить валюты, мы берём свои – на пароходе есть холодильники. Капитан „Армении“ как раз оборудовал и снабжал в Ленинграде „Украину“ для её рейса с ударниками и говорит, что в заграничное плавание даются продукты самые лучшие, чтобы не краснеть перед Европами.

Ехать на пароходе, на котором только коммуна, это совершенно особое удовольствие. Без всяких виз мы будем иметь право заходить во все порты, можем сходить во все порты, можем сходить на берег, только ночевать нельзя. А на что нам ночевать? Лучше всего ночевать в нашей каюте, правда же, Лисичка.

Заходить будем в такие порты: Константинополь, Афины, Геную, Лондон и Гамбург. Может быть, к тому времени, говорил капитан, будет разрешено заходить и в Марсель[3]. Марш коммунаров с красным знаменем по Парижу, это, оказывается, не такая уже далёкая мечта.

[...]

Такая поездка будет иметь огромное политическое значение – не только покажем Европе коммуны беспризорных, но ещё покажем и дрессированную Лисичку – это достижение, так достижение» [4, с.157–58].

По воспоминаниям С.А. Калабалина (в беседе с моравским макаренковедом Либром Пехой), путешествие по Европе так и не состоялось «из-за страшного голода» на Украине и в южных областях России [5, с.79–80]. Об этой катастрофе с миллионами жертв зарубежная пресса сообщала своим читателям подробно, в СССР же эта тема, как известно, до перестройки принадлежала к числу табуированных. Чтобы советский пароход полный чекистов и их воспитанников путешествовал в Средиземном и Атлантическом морях во время голода в стране, об этом нечего было и думать. Таким образом, вместо Европы коммунары летом 1932 г. оказались в лагере около Бердянска.

2. О путешествии по Волге Макаренко рассказывал во время своей публичной лекции в Московском гос. университете на тему «О коммунистическом воспитании и поведении» 1 марта 1939 г. В стенограмме данного выступления можно прочесть:

«Я в позапрошлом году поехал с товарищем по Волге. Хороший друг. Но он меня всю дорогу, 20 дней, эксплуатировал. Заказать постель – он не мог, пойти на пристань что-нибудь купить – не мог. Пошёл купить раз огурцов – купил гнилых. Кипятку достать, билеты купить, машину найти – ничего не мог. И я на него, как робот, работал всё это время. Он эксплуатировал меня и спокойно жил на моём труде» [6, с.431].

О такой трёхнедельной поездке Макаренко с неприспособленным к жизни товарищем в 1937 году исследователям ничего не известно. По всей вероятности здесь подразумевается волжско-черноморский поход коммунаров-дзержинцев летом 1933 г., в котором участвовал и Константин Кононенко (1889–1964), репрессированный экономист, работавший с марта 1932 г. в коммуне им. Дзержинского начальником финансовой части. В своих воспоминаниях «Забыть его нельзя» (1940 г.) он пишет:

«Наша дружба всё крепла. Особенно она упрочилась во время летней поездки коммуны по Волге и на Кавказ. В долгие вечера и ночи, лёжа рядом на полках вагона, сидя на палубе парохода, мы вели с ним нескончаемые беседы. Он был исключительно интересный собеседник. Сколько тонкого чутья было у него в оценке человека, общественных отношений, как красочно он воспринимал природу. Нам никогда не хватало времени, чтобы наговориться вволю. Из поездки мы вернулись друзьями» [7, с.8].

В письме к своей «милрой, родной Лисичке» от 8 сентября 1933 г. Макаренко пишет, что Кононенко «теперь мой первый друг» [8, с.199].

С помощью намеренного изменения даты этой поездки (с 1933 г. на 1937 г.) Макаренко, очевидно, хотел отвлечь слушателей от того обстоятельства, что данный поход состоялся в то время, когда голод в СССР достиг своей кульминации, распространился до берегов Волги.

О волжско-черноморском походе харьковских коммунаров существует подробный документ: «Приказ № 66 по коммуне имени Дзержинского. 28 июня 1933 года», выписка из которого впервые была опубликована во втором издании «Сочинений» Макаренко (т.7, Москва, 1958). В комментарии к публикации полного текста приказа в издании «Школа жизни, труда, воспитания» (ч.3, Нижний Новгород, 2009) составители совершенно верно пишут, что данный документ за подписью председателя правления коммуны А.О. Броневго был «подготовлен и составлен с участием А.С. Макаренко и других заинтересованных лиц» [9, с.105]. В приказе сказано:

«В результате полугодичной работы коммунары-дзержинцы под испытанным партийно-чекистским руководством на основе ШЕСТИ исторических условий товарища СТАЛИНА [10] выполнили 67% годового плана, выпустив 7668 электросверлилок. Рабфак коммуны, охвативший 338 человек, 25 июня успешно закончил испытания после учебного года.

В соответствии с указаниями председателя ГПУ УССР товарища В.А. БАЛИЦКОГО, трудкоммуне имени Дзержинского с 1 июля представляется полуторамесячный отпуск, во время которого перед коммунрой стоит задача – создать все необходимые предпосылки для здорового культурного отдыха, добиваясь максимального улучшения состояния здоровья коммунаров и изучения ряда крупнейших социалистических предприятий.

Посещение ряда городов Союза должно проходить в обстановке сближения с чекистскими коллективами, внимание всего состава коммуны должно быть приковано к лучшим достижениям передовых предприятий, к изучению их опыта в области освоения производственной техники, улучшения партийной и комсомольской работы. Это обязывает весь состав коммунаров на все время движения и отдыха к величайшей выдержке, сохранению коммунарской дисциплины, максимальной физической закалке и внимательно-му изучению всех объектов показа.

Приказываю:

1. Колонне коммунаров-дзержинцев в составе 10 взводов 28 июня отбыть в летний поход по маршруту: Харьков – Горький – Сталинград – Новороссийск – Сочи – Севастополь – Харьков.

Маршрут Горький – Сталинград – пароходом по реке Волге, маршрут Новороссийск – Сочи – пароходом по Чёрному морю.

2. Из г. Харькова отбыть 28-го июня поездом № 32 в 17 час. 40 мин. по маршруту Харьков – Горький.

3. С 11-го июля по 13-е августа произвести лагерную стоянку в Сочи, после чего отбыть пароходом до Севастополя и, посетив крейсер „Червона Украина“, 15 августа прибыть в г. Харьков.

4. Поход провести в военном строю, в составе оркестра и 10-ти взводов при знамёнах.

Во время похода осмотреть: Горьковский автозавод, Балахнинскую бумфабрику, музей в Ульяновске, Сталинградский тракторный завод, цементные заводы в Новороссийске. Стоянку в Сочи использовать для местных горных и краеведческих экскурсий [11].

5. Непосредственное командирование колонной и руководство коммунарским коллективом с момента отправления в поход до возвращения возлагаю на тов. Макаренко (с апреля 1932 г. начальник педагогической части «Дзержинки». – Г.Х.), с полной ответственностью за состояние коммуны, довольствие, дисциплину и распорядок, устанавливаемый настоящим приказом и моими личными указаниями.

6. Командировать на полтора месяца следующий состав обслуживающего персонала:

а) Педагогов – т.т. ТАТАРИНОВА, САЛЬКО, РУБАНА.

Начальника хозяйственной части – т. ДИДОРЕНКО.

Инструктора физкультуры – т. СМОЛА.

Военрука – т. ДОБРОДИЦКОГО.

Инструктора – т. ПУТРЯ.

Капельмейстера – т. ЛЕВШАКОВА.

Врача – т. ШЕРШНЕВА.

Медсестру, санитарку, пом. кладовщика и библиотекаршу.

Культработника – т. ЛЕВИНА.

б) В Сочи с 11-го июля 16 человек кухонного персонала, шофёра, кладовщика и агента.

7. Заведование учреждениями Коммуны в Харькове, общее наблюдение за строительством и ремонтом, подготовка к новому учебному году возлагается на Пом. Начальника Коммуны тов. ТЕПЕРА.

8. Обязать тов. МАКАРЕНКО регулярно сообщать о походе телеграфной информацией из установленных 13-ти пунктов, каждые 5 дней с места стоянки и 10-ти дневными письмами.

9. Изменение плана или маршрута разрешить производить только с санкции Правления, за подписями моей или тов. БУКШПАНА (секретаря правления коммуны. – Г.Х.).

10. Следование с Коммуной кого-либо сверх количества, установленного настоящим приказом, допускается только с моего письменного разрешения по особому списку» [12, лл.39–41].

В приложении к данному приказу (за подписью начальника коммуны Судакова [13]) сказано:

«Убывая, согласно приказа Председателя Правления тов. БРОНЕВОГО, совместно с Коммуной в отпуск, выражаю надежду [что] весь состав коммунаров под руководством тов. МАКАРЕНКО выполнит объявленный выше приказ, доказав, какой железной, коммунарской дисциплиной может быть скован весь коллектив в исключительных по своему характеру и задачам походе.

Желаю коммунарам максимального укрепления сил и здоровья, культурного отдыха и накопления творческого опыта в результате посещения крупных социалистическихстроек, как в области овладения техникой, организации производства, так и в области постановки массовой партийно-комсомольской работы.

День 28 июля коммунарскому коллективу распределить так:

Встать в 7 часов. Немедленно в обычном порядке произвести уборку Коммуны, сдать тумбочки в тихий клуб, и тихий клуб запереть и запечатать. Ровно в десять часов утра закончить приготовления и выдать усиленно завтрак-обед.

В 12 часов коммунарскому строю выступить в поход со знамёнами в чехлах. Грузовым машинам перебросить колонну коммунаров к парку и приступить к перевозке вещей коммунаров. От каждого взвода выделить по 5 коммунаров для перевозки вещей. Старшими по обозу назначаются дежурный командир КОВАЛЕНКО и тов. КРАВЧЕНКО».

Далее в приказе начальника коммуны речь идёт о том, что «всего в походе до Сочи: коммунаров – 365, командированных и отпускных – 28, всего 393 человек» [14, лл.39–41]. Из этого документа также следует, что беспартийная тройка Макаренко и Кононенко с женой и с ними 31 коммунар были назначены в 4 взвод, а партийка Г.С. Салько, ещё одна женщина по фамилии Цыбань и 31 коммунарка – в 3 взвод. Такое положение давало начальникам педагогической и финансовой частей «Дзержинки» возможность «в долгие вечера и ночи, лёжа рядом на полках вагона, сидя на палубе парохода», откровенно вести «нескончаемые беседы», что скрепляло их совместную идейную позицию и дружбу.

Нижегородские издатели в своих комментариях к данному документу состав взводов коммуны в походе не сообщают. Но они пишут (без ссылки на источники), что «в отпуске за свой счёт» среди других был и «Кононенко – пом. глав. инженера». Таким образом, они, по-моему, отказываются корректно рассказать о том, что Кононенко был не просто какой-то «помощник», а начальник финансовой части «Дзержинки».

Благодарю вас за внимание и терпение.

Примечания:

[1] См.: Корабль ударников. – М.–Л., 1931.

[2] На разных берегах... О том, как братья Макаренко в 1930-х годах пытались восстановить контакт друг с другом / Г. Хиллиг // Народное образование. – 2006. – № 6. – С.194–200.

[3] Это относится к ожидаемой победе левитов на выборах парламента во Франции в мае 1932 г.

[4] «Ты научила меня плакать...». Переписка А.С. Макаренко с женой (1927–1939). В двух томах. Т.2. Сост. и коммент. Г. Хиллига и С. Невской. – М., 1995.

[5] См.: *Pecha L. Makarenko a súčasna kolektívni výchova* [Макаренко и современное коллективное воспитание]. – Praha, 1968.

[6] *Макаренко А.С. Публичные выступления (1936–1939 гг.)*. Аутентичное издание. Составитель, автор комм.: Г. Хиллиг – Елец, 2012.

[7] Свидетельства искренней дружбы: Воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко. Издатель: Г. Хиллиг, В. Марочко. – Марбург, 1997. *Opuscula Makarenkiana* № 20.

[8] «Ты научила меня плакать...». Т.2. – М., 1995.

[9] Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Ч.3. Сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Ипалтдинова. – Нижний Новгород, 2009.

[10] См. комментарий в издании «Школа жизни...». Ч.3. – С.105: «Говорится, видимо, о шести задачах, которые решались при выполнении первого 5-летнего плана развития народного хозяйства СССР (*Сталин И.В.* Сочинения, т.13. – М., 1951, с.172–173)».

[11] См. комментарий в издании «Школа жизни...». Ч.3. – С.105: «Поход прошёл в соответствии с намеченным планом. По Волге коммунары плыли на зафрахтованном пароходе».

[12] РГАЛИ, 332-2-4.

[13] В издании «Школа жизни...». Ч.3. – С.105, ошибочно сказано: «Из приказа зам. нач. коммуны И.Я. Тепера».

[14] РГАЛИ, 332-2-4.

Стаття надійшла в редакцію 19.08.2013

Вместо Парижа – в Сталинград. К 80-летию волжско-черноморского похода коммунаров-дзержинцев / Г. Хиллиг // Постметодика. – 2013. – № 3. – С. 61–64.

**ПО СЛЕДАМ НЕОБЫКНОВЕННОЙ ДРУЖБЫ:
АНТОН МАКАРЕНКО – МАРГАРИТА БАРСКАЯ**

Одной из малоизвестных глав историко-биографического макаренковедения являются отношения педагога-писателя с кинорежиссёром, сценаристом, актрисой, теоретиком кино, педагогом Маргаритой Александровной Барской (1903–1939).

Что касается биографии Барской, то богатый материал на эту тему представлен в Интернете племянником Маргариты Александровны инженером Дмитрием Анатольевичем Барским (Москва)^{*}, в чьём распоряжении был целый чемодан с её литературным наследием. В данной статье я широко использую документы этого несистематизированного и некаталогизированного архива, свидетельствующие о дружбе и сотрудничестве двух замечательных людей – Макаренко и Барской. За эту неоценимую помощь, без которой невозможно было бы выполнить настоящую работу, я приношу Дмитрию Анатольевичу мою глубокую благодарность.

Дополнительную важную информацию об отдельных фактах биографии М. А. Барской я почерпнул в киноведческом материале Н. Милосердовой «Грудью на ветер: о Маре Барской, которая так любила жить, творить и бороться»[†]; другие до сих пор не известные аспекты портрета Барской, а также некоторые вопросы, связанные с деятельностью Антона Семёновича, я смог прояснить как макаренковед.

Для исследователей и пропагандистов творчества Макаренко архив Барской имеет, без преувеличения, огромное значение, хотя документы (оригиналы и машинописные копии), относящиеся к 1937–39 гг., по большей части представляют собой лишь фрагменты. Заботясь о своей посмертной репутации, Барская материалы упомянутого периода сохраняла не полностью, а лишь те страницы, которые казались ей релевантными, особенно если они касались непосредственно её личности.

1. Жизненный путь М. А. Барской до её знакомства с А. С. Макаренко

Маргарита *Михайловна* Барская появилась на свет в Баку, в семье шляпницы (точных данных об отце нет), имела двух младших сестёр – Анну и Евгению. Как вспоминала Евгения Михайловна Барская, отчество старшая сестра поменяла, когда получала паспорт: Александровна, по её мнению, «лучше звучало, чем Михайловна». О своих родителях младшая сестра сообщает: «Мама разошлась с отцом, когда Маре было 5 лет, Нюре – 3 и мне – 1 год. [...] Мама одна воспитывала нас».

В недатированной автобиографии Маргариты Александровны, обнаруженной в вышеупомянутом чемодане (предположительно 1934 г.; машинописная копия, напечатанная под копирку), можно прочесть, почему она выбрала свою профессию: «[...] и так как её [матери. – Г. Х.] торговля шляпами не давала достаточных средств к существованию, она дополнительно „подкреплялась“ сдачей внаём комнат – части нашей квартиры. Как-то получалось так, что нашими жильцами были исключительно приезжающие в Баку на гастроли крупные актёры. Вероятно, эта среда людей от искусства и сыграла ту роль, что с самых ранних лет я ни о чём другом не думала, как о работе в искусстве».

а) Театр и кино

У Маргариты рано проявились актёрские способности. После окончания в 1922 г. Государственной Азербайджанской (русской) драматической студии она получила при-

^{*} <http://alya-aleksej.narod.ru/index/0-7>.

[†] СК-новости. 2008. № 10 (10.11.08), стр.12–14. См. также: «Возвращение Маргариты Барской» (2010) <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/1222/>;
<http://www.kino-teatr.ru/kino/acter/sov/29161/bio/>

глашение в передвижной гастрольный театр «Красный факел», находившийся в то время в Баку, и вскоре заняла в нём ведущее положение. Большинство сыгранных ею ролей были детскими, что и определило её дальнейшее желание работать в детском кино.

Год спустя Барская оставила «Красный факел» и уехала в Одессу, где поступила в труппу Госдрамы. После одного из выступлений она заключила договор с Одесской киностудией, где познакомилась с одним из родоначальников российского кинематографа П. И. Чардыниным, стала его ученицей, а затем женой. Снялась в нескольких фильмах украинских кинематографистов.

В 1929 г., после развода с Чардыниным, переехала в Москву, где организовала детскую секцию при Ассоциации революционных работников кинематографии (АРРК) и была избрана её председателем. Затем работала на киностудии «Межрабпом-Русь» (позднее – «Союздетфильм»).

В начале 1930-х гг. по своему сценарию Маргарита Барская создаёт первый советский детский звуковой фильм «Рванные башмаки», вышедший на экраны страны в декабре 1933 г. Поскольку действие фильма происходит в Германии накануне прихода к власти фашистов, в качестве консультанта фильма, как знаток Германии, был приглашён известный политический деятель и журналист Карл Радек. Это знакомство вскоре стало весьма близким и сыграло в судьбе Маргариты Александровны роковую роль.

«Рванные башмаки» вошли в золотой фонд советской и мировой киноклассики. Фильм обошёл экраны многих стран, получил высокую оценку М. Горького и Р. Роллана. «Нью-Йорк таймс» предсказала его создательнице большое будущее в кинематографе. Имя Маргариты Барской стало широко известным.

б) Фильм «Отец и сын»

У режиссёра Барской масса творческих планов, однако реализовать их ей упорно не дают: на подходе 1937 год. И нет уже Горького, на чью поддержку она могла бы опереться. Наконец ей удаётся снять по своему сценарию фильм «Отец и сын». Впервые в истории «отечественного кино» в острой форме была затронута актуальнейшая проблема воспитания детей в советской семье и школе. Здесь нашёл отражение стоявший тогда на повестке дня злободневный вопрос о влиянии улицы на подростков. Первый публичный показ картины планировался к 20-летию юбилею Октябрьской революции.

В основе сюжета фильма – конфликт между отцом и сыном. Отец – крупный партийный деятель, награждённый орденом Ленина. Из-за своей большой занятости он не уделяет сыну должного внимания, а матери у мальчика нет. Он тяжело переживает отсутствие отцовской любви, уходит из дома, попадает в мир беспризорников и уголовников. Такая тема могла бы стать вполне пригодной и для Макаренко. Примечательно, что созданную в то же время «Книгу для родителей» он поначалу назвал, как известный роман Тургенева, – «Отцы и дети»: это явствует из подписанного Макаренко 9 июля 1936 г. договора с редакцией альманаха «Год XIX». Весьма возможно, что, узнав из прессы о проекте нового фильма Барской, педагог-писатель придумал другое название – «Книга для родителей».

Только что законченную картину «Отец и сын» в присутствии сценариста-кинорежиссёра жёстко раскритиковали на общих собраниях коллектива студии «Союздетфильм» (10–16 мая 1937 г.). В личном архиве Барской сохранились стенограммы этих мероприятий. Помимо неё самой, под уничтожающий огонь критики попали Карл Радек и кинематографист Афанасий Милькин. Как свидетельствует его внук актёр Афанасий Мамедов, Милькин некоторое время состоял в гражданском браке с Маргаритой Александровной.

Приведу несколько высказываний участников этих собраний, которые в истинном свете раскрывают ситуацию, сложившуюся к моменту знакомства Барской с Макаренко.

«Я думаю, что достаточно и нескольких примеров для того, чтобы было ясно, что картина эта порочна в своей основе, порочна своей неправдоподобностью, своей клеветой на советских детей, порочна клеветой на отношение людей к своим детям, порочна клеветой на воспитание наших детей. Это – кривое зеркало от начала до конца».

«Я возвращаюсь к первой сцене. Не поклёп ли это на нашу советскую действительность? Не нашли другого места показать, что человек уснул, как партийное собрание! Если бы это было случайностью! Но это повторяется от начала до конца. И это уже не случайность, когда партийное собрание превращают в посмешище».

«Мне кажется, что в данной картине взяты советские формы и вложено несоветское содержание – целиком и полностью получился пасквиль на советскую действительность. Всё содержание от начала до конца я считаю не советским. Картина вредная. И я стою на той точке зрения, что эту картину выпускать нельзя. Она не детская, она вредная для детей и не менее вредная для взрослых».

«Меня интересует вопрос, каким образом художник, живущий в Москве и зажёгшийся темой о советских ребятах, о школе, мог так поставить картину, какая мысль заставила художника так поставить картину? Если бы эта картина попала к фашистам, они бы сделали блестящее орудие агитации против нас. (Голоса: правильно.)»

«Мы увидели, что это – совершенно неприкрытый, обнажённый троцкистский пасквиль на нашу советскую действительность. В этом пасквили нет ни грамма искусства».

«И меня интересует, где корни разлада с советской действительностью? Я думаю, что это кроется в имевшейся связи с врагами народа Милькиным, Карлом Радеком, что нам всем известно. Я прихожу к выводу, что Барская не случайно увидела в картине советскую действительность глазами наших врагов».

«Я не имею права враждебно относиться к Барской, но я отношусь к ней осторожно».

Разрешите мне поставить перед Барской один вопрос: я думаю, что, когда Барская написала свой сценарий, она читала его в узком кругу. Из кого состоял этот круг, кто сказал, что это хороший или плохой сценарий, кто помог сделать этот сценарий?

Я уверен, что у вас был круг людей, которым вы могли поверить свои творческие замыслы, и здесь называют такую фамилию, как Радек».

«Я к тебе [к Барской. – Г. Х.] отрицательно категорически не отношусь. Но каждый из нас имеет товарищей и с товарищами советуется [...]. А ты показывала товарищам? Я читаю в сценарии страшные вещи. Это завуалированная нехорошая хохма. В сценарии написано: „действительный залог настоящего времени“. Быть может, за хребтом Кавказа укрылся от твоих пашей, от их всевидящего глаза, от их всеслышащих очей [ушей. – Г. Х.]. Это меня настораживает. Я тебе говорю совершенно откровенно, что мне кажется, что здесь хохма Радека» [показатель интеллекта горе-критика – цитату из Лермонтова он выдал за «хохму Радека». – Г. Х.]

«Эта картина – очень большая неудача. (Голос с места: только неудача?) Это вредная картина, которую, мы считаем, не нужно выпускать на экран».

«Хочу сказать несколько слов о картине [...].

Детская среда показана как фон, который отягчает всю картину и делает её чужой нашему мировоззрению.

Общественно-политическая жизнь совершенно отсутствует.

Партийная среда представлена так, что это позор».

«Теперь давайте вернёмся к картине, как в ней дана Москва как теперешняя столица всего нашего Союза. Я утверждаю, что нет, Москва взята и выбрана в деталях как грязная, неудобная, некрасивая, не похожая на нашу Москву. Возьмите сцену у Каменного моста – лужа, грязь [...].

Школа дана в картине мрачная [...]. Московские квартиры в новых домах грязные, ужасно неправдоподобные, которые можно, может, было найти в старое время. В квартирах всё грязно, неудобно, противно».

«Когда я сегодня ехал сюда на собрание, то думал, как можно расценить эту картину. Создаётся такое впечатление, что человек [Барская. – Г. Х.] как будто взял себе в помощники нашего врага, и тот подсказал ему сюжет – вот, мол, возьми папу-орденоносца и у него мерзавца-сына. Так, товарищи, может выглядеть вредительство на идеологическом фронте, и это вполне невозможная вещь там, где нет политической грамотности, чуткости, там [туда. – Г.Х.] может проникнуть враг и предложить такую вещь».

«Всё это подготавливает (!) зрителя к высказыванию полного неудовлетворения нашей действительностью. Это просто какой-то пасквиль на нашу советскую действительность! Я считаю, что картина, безусловно, подлежит запрету, и если её нужно показывать, то где-нибудь в другом месте, чтобы сделать соответствующие выводы. Об этой картине, пожалуй, придётся подумать больше, чем над эйзенштейновской [имеется в виду фильм С. И. Эйзенштейна «Бежин луг», который после дискуссии на студии «Мосфильм» в начале 1937 г., ещё до его выхода на экран, по идеологическим соображениям был запрещён. – Г. Х.], потому что это – прямо вредная картина и за неё прямо надо привлечь к судебной ответственности и сценаристов, и многих других, в том числе и дирекцию, которая давала премии за неё. Я считаю, что тут дело связано прямо с судебными органами».

Д. А. Барский так комментирует решения, принятые на собраниях сотрудников студии «Союздетфильм»: когда требовали принять очередную резолюцию «смерть врагам народа», Маргарита поднимает руку «против», прекрасно сознавая, что подписывает себе приговор. Конечно, за этим последовал вызов на Лубянку, где она держалась исключительно достойно, категорически отказываясь кого-либо оговорить или что-либо подписать. Казалось бы, судьба Барской решена, но произошло чудо: её отпустили. Однако её творческая жизнь подошла к концу.

Как пишет историк Никита Петров в опубликованной им биографии Абакумова, Радек не был расстрелян или замучен непосильным трудом в каменоломнях или на стройках ГУЛАГа, как это предполагали разные авторы. Его арестовали 16 сентября 1936 г. по обвинению в участии в «Параллельном антисоветском троцкистском центре», и в феврале 1937 г. на 2-м московском показательном процессе, направленном против этого вымышленного «центра», он был приговорён к 10 годам тюремного заключения. Однако по поручению Сталина новый глава НКВД СССР Берия организовал подготовку убийства Радека. Эта задача была реализована 19 мая 1939 г. в тюрьме Верхнеуральска, где приговорённый отбывал наказание: сокамерник, бывший начальник НКВД Чечено-Ингушской АССР, «сильно ударил его головой о пол камеры».

По свидетельству Афанасия Мамедова, Милькина «забрали прямо в квартире Радека». О его дальнейшей судьбе можно узнать из «Книги памяти Республики Коми», составленной Обществом «Мемориал»: арестован 8 апреля 1937 г., осуждён Особым совещанием («тройки») НКВД 28 мая 1937 г. по обвинению в контрреволюционной террористической деятельности на 5 лет Воркутлага; умер в лагере 1 сентября 1939 г.

После вышеупомянутых событий картина «Отец и сын» была закрыта и отправлена в спецхран, до нас дошли лишь её отдельные фрагменты.

Свои чувства Маргарита отразила в дневниковой записи, которую цитирует Барский: «В нормальное время я чаще стремилась изолироваться от людей, а теперь я чувствую себя, как в стеклянной банке. Кругом всё видно, совсем рядом со мной, но это прозрачная стенка». В этот момент поддержку Маргарите оказал друживший с ней Антон Семёнович Макаренко – он предложил ей сотрудничество.

2. Сценарий фильма «Флаги на башнях»

Познакомились Макаренко с Барской в Ялте, где Антон Семёнович находился вместе с женой Галиной Стахивной с середины мая 1938 г. В одном из писем В. И. Адуевой, опубликованном в книге В. В. Конецкого «Эхо» (СПб, 1998), об этом событии можно прочесть: «Новая страница её [Барской. – Г. Х.] жизни: она поехала отдыхать в Крым и там познакомилась с Макаренко. Несмотря на его суровый вид на фотографиях – он был мужчина, а пройти мимо неё безразлично было невозможно. Это было серьёзное чувство с обеих сторон».

Как следует из архивных дел комиссии Правления Литфонда Союза советских писателей (ССП) СССР относительно дома отдыха в Ялте, заявление «МАКАРЕНКО А.С. – чл. ССП» о «двух путёвках в комнате № 4 с 15/V на 1 мес. за наличный расчёт» 21 марта 1938 г. было удовлетворено. Соответствующего заявления Барской в делах нет. Где она разместилась – неизвестно.

Как видно из деловых записей дневника Макаренко, сделанных в Ялте, он «написал последние шесть листов „Флаги на башнях“» и 27 мая послал рукопись для журнального и книжного изданий в Москву. Первого июня Макаренко записал: «„Флаги на башнях“ в общем получились ничего, есть хорошие главы, и есть, кажется, колорит. Здесь для сценария читает рукопись М. А. Барская и хвалит». Кто был инициатором их сотрудничества, неизвестно.

Во всех известных на данный момент текстах А. С. Макаренко имя сценариста-режиссёра впервые упоминается в цитированной выше записи. В середине 1930-х гг. – в то самое время, когда Эйзенштейн вынашивал замысел фильма «Бежин луг», – у Барской возникла идея создать киноленту о знаменитом «пионере-герое № 1 в СССР» Павлике Морозове, который, как известно, донёс на своего отца-«кулака» как «саботажника коллективизации сельского хозяйства» и был за это убит родственниками. Не исключено, что замысел Барской побудил Макаренко включить в завершающую третью часть романа «Флаги на башнях», написанную в Ялте, эпизод с разоблачением группы воспитанников при дежурном бригадире Рыжикове и нескольких сотрудников завода «колонии им. Первого Мая», которых позже арестовывает НКВД как «врагов» за саботаж промышленности и дезорганизацию работы завода-детучреждения. Потерпев фиаско с фильмом «Отец и сын», Барская за очень короткое время выработала «новое безопасное мировоззрение» и, как ей казалось, сумела подчинить педагога-писателя своему «правильному» идейно-политическому влиянию – или же, скорее всего, Макаренко поддался её женскому обаянию. Конечно, немалую роль тут сыграл и липкий страх, укоренившийся в стране после только что пережитого «года Большого террора».

Кроме окончания романа «Флаги на башнях», задачей Макаренко в то время было написать к 20 мая «сценарий на школьную тему» для Одесской киностудии «Украинфильм». Ещё 16 февраля 1938 г. он заключил договор под данный проект и получил аванс – пять тысяч рублей. Но в письме директору Одесской киностудии А. Ромицыну 8 июня 1938 г. Макаренко предлагает сценарий по своему новому роману, сделанный, как он пишет, «московским режиссёром и сценаристом М. А. Барской, с моей помощью, конечно, [...] по моему мнению, очень хороший. Это настоящая советская идиллия на юношеском материале, поданная на темах борьбы за человека, борьбы с врагом, на теме мобилизации готовности всего нашего общества. Сценарий уже готов и находится в стадии последней правки текста. По своей теме эта работа гораздо ближе стоит к темам сегодняшнего дня, а по качеству и свежести красок она гораздо лучше сделана, чем моя работа о школе».

Дальше Макаренко в этом же послании пишет:

«Теперь о „но“... „Но“ заключается в том, что я не представляю себе, чтобы „Флаги на башнях“ (могли) быть поставлены не т. Барской, а другим режиссёром. Здесь вопрос не только в авторском праве т. Барской, но и в моём непременном желании работать вместе с нею – больше всего я боюсь „развесистой клюквы“, а у т. Барской я нашёл удивительное понимание материала.

Вот теперь и решайте. Насколько мне известно, т. Барская ещё не прикреплена ГУКом [Государственным управлением кинематографистов. – Г. Х.] к определённой студии. Сама она, кажется, предпочитает Ленинград. Во всяком случае, моё желание, чтобы фильм делать в Одессе, может иметь решающее значение и для т. Барской.

Прошу Вас сообщить Ваши соображения по всем этим вопросам.

В случае Вашего согласия и реальных согласований вопроса о постановщике, сценарий я Вам вышлю. В противном случае придётся возвратить аванс и договор ликвидировать».

Через три дня, 9 июня, Макаренко запишет в дневнике: «Ромицын из Одесской студии прислал телеграмму – требует сценарий. Думал, думал и сценарий даже не начал. Ответил письмом, в котором предлагаю сценарий „Флаги на башнях“ с непременным ре-

жиссёрством Барской. Просил ответить в Москву. / [...] / Сценарий по „Флагам на башнях“ идёт хорошо, сегодня, вероятно, будет закончен».

Из дневника Макаренко: «11 июня, Ялта. / Завтра уезжаю. Сценарий закончил и перепечатал в чистовку до сцены „Соломон Давыдович у диаграммы“. Ромицын снова телеграммой требует сценарий».

Там же: «24 июня, Москва. / [...] / Сценарий ещё не кончен. Мне он сейчас не нравится. Из Одессы ни звука».

Письмо Макаренко А. Ромицыну

«Москва, 1 июля 1938 г.

Уважаемый товарищ Ромицын!

Сценарий „Флаги на башнях“ я Вам выслал, о чём и сообщил телеграммой. А что к нему прибавить? Я не вполне понимаю, что происходит у Вас в кинематографии, не понимаю, почему ограничены темы, почему так узко разумеется содержание интересов нашего общества. Если рассмотреть темы с точки зрения интересов обороны, что вполне правильно, то при помощи какой логики можно исключить темы о воспитании? Неужели воспитание нашей молодёжи не имеет никакого отношения к обороне? Как видите, я много не понимаю.

Сценарий, который я Вам послал, всё-таки ближе стоит к современной теме, чем тот „школьный“, который мы намечали по договору. В самом сценарии возможны какие угодно поправки и переделки, роман для этого даёт большой простор.

Что касается вопросов о режиссёре, то спорить, очевидно, не приходится. У т. Барской я нашёл понимание темы и чувство той воспитательной концепции, которая представлена в сценарии. Мне казалось, что это может обеспечить успех работе. Какие-то обстоятельства, находящиеся также в сферах выше моего понимания, не позволяют вместе сделать работу. Ничего не поделаешь, возможно, что у Вас есть более подходящий режиссёр.

Во всяком случае, если „Флаги на башнях“ будете снимать, мне придётся принять более близкое участие, чем это обыкновенно принято, так как вся композиция деталей в сценарии не выдумана, а взята из жизни.

Очень прошу Вас сообщить, как пойдут дальше дела.

Привет. А. Макаренко

Лаврушинский, 17/19, кв.14».

Интересная деталь: в письмах к А. Ромицыну педагог-писатель не упоминает о том, что Барская в 1920-х гг. работала на Одесской киностудии. Данный факт, возможно, объясняется тем, что Макаренко тогда ещё ничего не знал о таком этапе деятельности своего нового товарища или целенаправленно хотел это скрыть.

Из дневника Макаренко 3 июля 1938 г.: «Одесса ответила в том смысле, что сценарий присылайте, а Барская не в их власти. / Сценарий закончен и сегодня отправлен. Полная уверенность в том, что ничего из этого сценария не выйдет».

Пятого августа 1938 г. резко ухудшилось состояние здоровья Макаренко – он на улице упал в обморок. С 25 августа до 25 сентября лечился в доме отдыха Литфонда в подмосковном Переделкино. «Ввиду болезни» ему были выделены Литфондом две путёвки, но находилась ли рядом с ним Галина Стахивна – неизвестно.

В дневниковой записи от 26 сентября он упоминает «главные события за этот месяц», в том числе: «Получил из Одессы письмо с отказом от сценария „Флаги на башнях“ по тематическим соображениям. Предлагают написать второй сценарий на другую тему».

Макаренковские письма к А. Ромицыну – на основании машинописных копий, напечатанные под копирку, из ЦГАЛИ СССР (теперь РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства) – включены в последнее советское издание «Педагогических сочинений» А. С. Макаренко (т. 8), однако там фамилия Барской приведена без комментариев. А дневник педагога-писателя находился в той части его наследия, которая сначала хранилась у его вдовы. Хотя часть этих «деликатных» материалов после смерти Г. С. Макаренко в 1962 г. и попала в ЦГАЛИ СССР, однако, согласно её завещанию, в те-

чение 30 лет они оставались закрытыми. Сейчас они вновь включены в наследие мужа (РГАЛИ, ф. 332, опись 5). Там же (опись 4) хранился и экземпляр вышеупомянутого окончательного варианта сценария «Флаги на башнях», но без титульного листа с фамилиями авторов – А. С. Макаренко и М. А. Барской. Таким образом, вдове писателя удалось ликвидировать следы сотрудничества и дружбы этих двух людей, а при этом и очистить биографию будущего «выдающегося советского педагога» от связи с «враждебным элементом».

3. Вновь в Москве – между любовью и обязательствами

С возвращением в столицу для Антона Семёновича и Маргариты Александровны начинается период наиболее интенсивного общения, для Макаренко он был отмечен ещё и обязательствами перед редакциями литературных журналов и издательств. Об этом свидетельствуют и некоторые записи и письма из наследия сценариста-кинорежиссёра.

Например, надпись на титульном листе книги «Педагогическая поэма», которую Макаренко подарил Барской: «Маргарита Александровна. Этот кусок моей жизни далеко не самый счастливый. Судите в таком случае, как неизмеримо может быть счастье. А. Макаренко. 29/VI 38».

Или недатированное письмо Барской к Макаренко:

«Извините, Антон Семёнович, что я нарушаю этим письмом Ваше рабочее одиночество. Но мне хочется переслать Вам детские записки, которые Вас заинтересовали.

Оказывается, у меня их гораздо меньше, чем я думала, но мне кажется, что и они интересны. Я посылаю Вам весь конверт. Я выступала по радио и обратилась к детям с вопросом, что они хотели бы видеть на экране. Нашёлся доброволец, который собрал записочки и отправил их мне.

Мой запас благодарности к Вам всё увеличивается. Сейчас прочла „Книгу для родителей“. К сожалению, мне удалось достать только 8 и 9 номера [1937 г.] „Красной нови“. Сутки я терпела, думала, что достану и 7 номер [в него включены гл. 1–4. – Г. Х.], что[бы] начать по порядку, но не вытерпела и рада. Прочла всё подряд и прожила хороший, богатый чувствами и мыслями, день».

Ещё один недатированный фрагмент письма Барской к Макаренко того же периода:

«Я никак не могу утерпеть, чтоб не сказать Вам, что очень нравятся мне Ваши книги, но Вы сами тоже. Вы очень красивый человек. Говорю Вам это в таком смысле, как Горький говорил Станиславскому. В глаза такие вещи можно говорить только, когда очень много между людьми переговорено и нарощено личное общение. Но я, когда читаю Ваши книги, то так именно отношусь к Вам лично, как если б у меня был большой опыт разговоров с Вами. И я считаю, что надо Вам говорить, и Вы должны знать, какими энтузиастами делаются люди, держа Ваши книги в руках. Конечно, не все. Напротив, но я-то принадлежу как раз к тем, которые, прочтя какую-нибудь Вашу книгу, уже считают себя Вашим знакомым и другом и всегда будут интересоваться тем, что Вы делаете, да что [над чем. – Г. Х.] работаете, да как люди отнесутся к Вашей работе. И будет очень приятно видеть, как шипят Ваши враги или попросту слабые люди, которым не под силу бремя и взыскания, которые Вы на них накладываете Вашими книгами, что я сама так думаю, но сдел[ать] ничего не могут».

Вот Вам сразу же пример и два вида реакции. Я, когда читала, то сильно ёжилась. По правде говоря, книга – здоровый обвинительный акт мне самой. Сначала я покручивала головой и притворялась, что это как бы и не ко мне относится. У меня, мол, и детей своих нет и пр. Но, конечно же, мне не отвертеться. Я сдалась, заплакала, созналась и тут же, закусивши удила, как все южане, скорые на действия, принялась исправляться у себя дома как могу, и топорно.

Эта книга рождает в человеке желание во что бы то ни стало быть самому чище и лучше. [...]».

То, что Барская в письмах и дневниках сделала свои первые упоминания об изданных большими тиражами произведениях Макаренко «Педагогическая поэма» и «Книга

для родителей» только летом 1938 г., после своего возвращения из Ялты, – это, по меньшей мере, достойно упоминания. Ведь она как сценарист и кинорежиссёр могла бы обратить на них внимание значительно раньше. Замечу, однако, что и Макаренко, который в своих сочинениях, выступлениях, записных книжках и письмах обычно откликался на педагогическую беллетристику коллег по перу и фильмы, созданные на основе этих произведений, со своей стороны не заметил успешную и высоко ценимую его «шефом, другом и учителем» М. Горьким картину Барской «Рванные башмаки».

И, наконец, короткое письмо Макаренко без даты, которое по содержанию и календарю можно датировать 1 августа 1938 г.:

«Маргарита Александровна.

Это ничего, что я Вас не застал, Вы не придавайте этому значения – главное в жизни, как Вам известно, не в таких случаях. Тем не менее, очень хотел на Вас посмотреть – на душе моторошно после вчерашнего.

За мной гонятся и нагоняют тучи всяких дел, скоро я начну хохотать, как это делал Соломон Давидович. Сейчас только из районной милиции – тоже навязал себе заботу. Душа моя скорбит смертельно, но дела на это плюют. Иду писать роман [„Пути поколения“. – Г. Х.]. „Молодая Гвардия“ звонит каждый день и кричит, что без моего романа они погибнут. Видите, как это важно: мой роман!

Красавица! Очень прошу, очень... улыбайтесь – у Вас это так замечательно выходит.

Целую Ваши руки. А.»

Фраза «на душе моторошно после вчерашнего», по всей вероятности, связана с первым и единственным визитом Маргариты Александровны в московскую квартиру Антона Семёновича и Галины Стахивны (см. далее гл. 5). «Моторошно» (украинизм) – чувство страха, тревоги, когда становится не по себе. В данном случае имеется в виду: «на душе *неспокойно* после вчерашнего».

Неприятную встречу двух женщин-соперниц можно датировать воскресеньем 31 июля 1938 г. Вспомним: через пять дней резко ухудшилось состояние здоровья Макаренко – он на улице упал в обморок.

4. Из письма Барской Сталину (09.09.1938 г.)

Будучи не допущенной к работе в кино и пребывая из-за этого в отчаянии, 9 сентября 1938 г. (когда Макаренко находился в Переделкино) Маргарита Александровна обращается с длинным письмом к «дорогому тов. Сталину». Черновик данного послания опубликован в цитированном выше материале Н. Милосердовой. Ей, а также автору настоящего очерка текст «чистовика» этого письма не известен, потому что его копию, напечатанную под копирку, Маргарита Александровна прилагала к своему последующему посланию к Сталину (см. далее гл. 7). В настоящем письме о сложной ситуации М. А. Барской в 1936–38 гг. и о необыкновенной поддержке, которую она получила от Макаренко, можно прочесть следующее:

«Описывать почти двухлетнюю медленную пытку незачем. Ссылаться на прессу, признание моей творческой деятельности и роли в создании детского кино не только у нас, но и за границей, я тоже уже не в состоянии. У меня целая телега этой бумаги: и нашей, и заграничной. И я себе об эту бумагу разбиваю голову не хуже, чем об камень.

Я прошу: ПРОСМОТРЕТЬ МОЮ РАБОТУ [здесь и далее все выделения принадлежат Барской].

1. Картину „Рванные башмаки“ (первую детскую звуковую), за которую Горький, Роллан, Барбюс, Каганович и мировая пресса называли меня мастером, о которой не только Горький сказал, что «такими картинками мы будем бить врага – фашизм». Эта картина дала основание „Правде“ и „Известиям“ развернуть кампанию за детский кинофильм.

2. Картину „Отец и сын“ (последнюю работу). Пусть даже в таком искромсанном виде, в какой её привели враги. Пусть даже такую.

Я прошу по ним судить, заслуживаю ли я работы в том деле, в котором работаю 10 лет чистыми руками.

В кинематографии всего я работаю 15 лет. Режиссёрскую работу начала постановкой первой специальной школьной ленты, тогда у нас их специально ещё не делали, а клеили из старых кусков. Она в своё время тоже была признана „вехой“.

За это время, что я бьюсь за отнятое у меня право работать, я не сидела сложа руки. В ужасной атмосфере я пыталась работой же, а не только ссылками на уже прошлую работу, вернуть это право: я написала сценарий, совместно с писателем Макаренко. Мой сценарный стаж больше режиссёрского. По моим сценариям поставлены три картины, я состою в Союзе писателей, но ни это, ни авторитет писателя Макаренко, хотевшего со мной работать, ничего не значат. Сценарий, на котором была и моя фамилия, отклонили. Протесты Макаренко ни к чему не привели. С ним готовы заключить любое количество договоров, как с писателем, только без меня».

Своё письмо М. А. Барская закончила так:

«Р. С. Обвинение, которое мне предъявляли тогда: я была знакома с Радеком и, „может быть“, под его влиянием „сделала троцкистскую картину“.

Радека я, действительно, знала, но никакой контрреволюционной картины ни под чьим влиянием не делала».

5. Письмо М. А. Барской к Г. С. Макаренко (конец сентября / начало октября 1938 г.)

В дневнике Барской есть загадочная запись, которую по содержанию можно назвать черновиком письма Маргариты Александровны к Галине Стахивне Макаренко. В данном тексте (машинописный оригинал с рукописной правкой и дополнением) без даты, обращения и приветствия имеется описание московской квартиры семьи Макаренко в доме ССП СССР в Лаврушинском переулке и распределение комнат на её членов: муж, жена, «сын» (сын Галины Стахивны от первого брака) и «дочь» (дочь брата мужа, бывшего «белогвардейца», т. е. племянница Антона Семёновича), а также информация о том, что «безработной» жене в этой квартире помогали по хозяйству две прислуги.

В данной записи упоминается и предстоящая командировка Антона Семёновича в Сибирь, что позволяет датировать время составления этого текста. «Литературная газета» 26 октября 1938 г. информировала об организации при Президиуме ССП комиссий в помощь писателям, живущим в различных областях СССР. Председателем комиссии, которая должна была шефствовать над писателями Иркутска, назначили Макаренко. Впрочем, никаких сведений о его деятельности на посту председателя иркутской комиссии до сих пор не известно.

Планировавшаяся Макаренко осенью 1938 г. поездка в Комсомольск-на-Амуре к его бывшим воспитанникам была связана с работой этой комиссии ССП. Уже 6 октября он сообщил в письме В. Г. Зайцеву: «[...] у меня предстоит командировка в Иркутск, а там уже и к вам недалеко».

Данный черновик письма, который до сих пор не был известен исследователям, приводится здесь без сокращений и содержит неожиданную, подробную характеристику жены Макаренко Галины Стахивны. Именно М. Барская – чрезвычайно талантливая и тонкая натура – разглядела семейную и личную драму Антона Макаренко. Вот этот текст: «С виду как будто так: что Вы удовлетворяетесь очень скромными потребностями и что готовы лишиться себя даже необходимого в пользу других. Напр[имер] – в пользу детей. Но на самом деле это не так: Вы-то себя ничего не лишили. Вам отдельная комната не так нужна, как ему. А сыну тоже нужна больше, чем Вам, и вот Вы лишаете его ради сына, и как бы ему говорите, „ну ничего, зато и я с тобой вместе“. Но дело в том, что эта постоянная совместность может устраивать Вас, а не его.

Вы, вероятно, даже не представляете себе, что Ваш муж не имеет никакой возможности когда-нибудь побыть одному в комнате. Вы можете побыть потому, что Вы целый день дома, дети не бывают часами, и у них есть отдельные комнаты – у дочери столовая, у сына отдельная, а вот он, Ваш муж, человек, который целый день утомительно и беспрерывно на людях, он, который так много и больше всех вас работает – он не имеет первой потребности всякого человека: побыть несколько минут одному в замкнутом пространстве, просто посидеть наедине с собой, никем не наблюдаемым, даже просто по-

молчать, я уж не говорю – работать. И Вы даже не понимаете, что ему это нужно. Вы думаете, что всегда Ваше общество ему не в тягость.

Вы его любите, Вы целый день без него, Вы рады, когда он приходит, и хотите быть с ним всё оставшееся до сна время, так как у Вас свежие силы человека с незагруженным днём. Это ли не эгоизм, это ли не бестактность и нечуткость! Наиболее страшная потому, что Вы человек „близкий“ и любящий. Если бы кто-нибудь из посторонних людей посмел бы так посягать на силу Вашего мужа, он, конечно, сумел бы оборониться и просто заявить своё минимальное право ни на какой на комфорт, а просто на профилактический бытовой минимум, но он не только никогда не скажет Вам об этом, он даже будет стараться не допускать себя до мысленного упрёка по Вашему адресу. Вы приучили его к мысли, что Вы слабы, нуждаетесь в постоянной поддержке и сосредоточенном на Вас внимании, и выходит таким образом, что он ещё чувствует себя виноватым, что вот из-за большой общественной занятости он ещё не уделяет Вам достаточно времени и внимания. И он привык именно так думать, и поэтому он постоянно стремится, как виноватый перед Вами, а Вас как чем-то обездоленную – компенсировать. И Вы незаметно, постоянно привыкли не считаться с ним ради себя. Хотя Вы крепко убеждены, что Вы внимательная, самоотверженная жена и тактичный товарищ. Только огромная дисциплина чувств и полное отсутствие эгоизма у этого человека позволяют ему любить Вас, а Вам так злоупотреблять его любовью. Другой бы сам никогда этого не простил, даже если бы был внешне сдержан.

Эта мелкая сеть бытового эгоизма близких людей по крупинкам набирается в целые горы. Если эгоист не умен и груб, то окружающие прекрасно знают, что он эгоист, и осуждают его, даже если не всегда протестуют. Если же такой эгоист умен, да ещё если это женщина, да ещё если эту женщину любят и она умеет быть обаятельной, то всё устроивается таким тонким образом, что её стараются даже мысленно не обвинять, а находят беспрестанные основания для её именно таких исключительных нужд и прав. И даже не замечают, что создаётся род особой диктатуры, наиболее трудной для человека – диктатуры над душой, над мыслями.

Должна Вам сказать, что снаружи всё выглядит очень хорошо, сердечно, любовно и семейно. Но это только для поверхностного наблюдателя или при кратковременном общении. Но мне было достаточно побыть с Вами обоими месяц и теперь побыть у Вас один раз в доме, чтоб сказать уже окончательно, что всё, положительно всё, от тона, неуловимых мелочей, иногда приказания, отданного молчанием, всё говорит о том, что в этой семье – женщина, мать, тётка, хозяйка – умный эгоистический диктатор.

И всё то, что выглядит мило и привлекательно в Вас: ум, культура, доброжелательный взгляд на людей, спокойный оптимизм к жизни, уже не могут заслонить того, о чём говорено раньше, и даже наоборот, – эти качества ставить в вину, а что касается оптимизма, то и о нём думаешь, что это оптимизм человека, который, в конце концов, всегда был защищён от жизненных бурь, оптимизм избалованного существа, которому спокойнее и приятнее думать, что всё в жизни устроивается к лучшему, а не к худшему. Это оптимизм человека, который никогда кровно не пережил бессмысленной, несправедливой гибели прекрасного. Не видел этого своими глазами, не окунул в такую кровь свои руки, и который никогда не способен на длительную, в неизвестности, молчаливую, не рассчитывающую никогда ни на какую благодарность, – самоотверженность ради дела или человека. Самоотверженность, принятая на себя, просто выполняется как долг и не ощущается как жертва.

И любопытно, что оптимизм такого происхождения обычно очень хрупок и односторонен. Вернее, двусторонен. Один оптимизм для всего мира и всех людей, а для своих людей и дел – особо.

Вряд ли Вы сохраните такой оптимизм в том случае, когда Вам только покажутся тучи, угрожающие Вашему благополучию. Я склонна думать, что Вы даже допустите излишнюю нервозность, сгустите краски и опасения.

Пожалуй, прочтя это, Вы скажете, что слишком много общих выводов и обвинений, а конкретных примеров нет. Извольте ещё один: Вы очень много волнуетесь, что муж Ваш огорчён отсутствием денег. Вы очень страдаете, что он переутомляется работой, на Ваших глазах Ваше беспокойство усилено его недавней болезнью, которая его ослабила.

Вы очень настаиваете, чтоб он работал поменьше, и уговариваете его не работать ради денег. Но... ничего не делается, чтоб сократить расходы.

Вы держите две прислуги, хотя Вы целый день дома, у Вас прекрасное воспитание. Вы хозяйка, и в доме взрослая 18-летняя девушка. Вы не даёте себе труда удержать страсть к внезапным тратам, без которых можно обойтись (эта страсть присуща большинству женщин, и мне в том числе, но ради любимого человека можно ею управлять).

И, скажем, в данном случае: Вы много озабочены, где достать денег на поездку в Иркутск, и тем, что это будет очень много стоить, но Вам совершенно не приходит в голову просто и твёрдо сказать: „Милый друг, я останусь дома, в этой поездке не столько удовольствий, сколько забот, и без меня ты поедешь и сделаешь свои дела гораздо скорее и легче, так как тебе не придётся заботиться дополнительно о моём комфорте. От этих забот ты, мой милый, не сможешь отказаться из-за любви ко мне, но я хочу и решила твёрдо тебя от них избавить“.

А может, он от Вас ждёт этой заботы, этой догадливости? Подумайте только, ведь тогда сразу отпадает необходимость ломать голову о деньгах и, несомненно, потом брать спешную работу, чтоб восстановить нарушенный бюджет.

Вы считаете вполне естественным, что дочь надо отправить на отдых после учёбы.

Что сына нужно отправить на отдых после работы.

Что Вам будет приятно посмотреть на сибирские пейзажи из окна вагона, а что в Москве оставаться Вам скучно.

Что ж Вы огорчаетесь, что этот человек ломает голову, где достать денег.

Будете страдать и даже плакать, когда он засядет опять за стол и будет писать сверхскоростными темпами роман или десяток не нужных ему статей, а Вы будете экономить на редакции.

Неужели Вы не видите, Вы, человек образованный, с тонким литературным чутьём и вкусом, любящий талант Вашего мужа, неужели Вы не видите, что на его последней работе [роман «Флаги на башнях». – Г. Х.] лежат следы спешки?

То, что я говорю Вам, я в своё время поняла и в себе самой, и в людях, мне близких, разобралась. Тряпки – для жён, а не для мужей – [мне] стали нравиться прошлогодние платья.

Ему по натуре – легче всё давать, труднее – отказывать».

Поскольку в наследии Барской отсутствует машинописная копия с «чистовика» этого письма, можно, пожалуй, сделать вывод, что оно не было перепечатано и отправлено.

6. Запись Барской о Макаренко

(из дневника, без даты, приблизительно октябрь 1938 г.)

Данную запись о беседах Барской с Макаренко по поводу его стремления вернуться к педагогической деятельности можно датировать началом или концом октября 1938 г. – до или после его командировки в Ленинград. Там же, во время встречи с учителями начальных и средних школ в Областном доме учителя города на Неве (16.10.1938 г.), он впервые выступал по поводу своего заявления о вступлении в должность директора одной из школ Москвы. Не последней причиной для данного шага, без сомнения, была постоянная нужда в деньгах в семье писателя.

В записи упоминаются два бывших воспитанника Макаренко: «Лёва» – Л. М. Салько, сын Галины Стахиевны от первого брака, инженер в Центральном научно-исследовательском авиационном институте, и «тяжёлый бомбардировщик» – по всей вероятности, В. И. Ключник, выпускник Военной академии имени Сталина, близкий друг Макаренко. Вот этот текст:

«Макаренко – настоящий подлинный мастер, крупнейший мастер. Писатель он очень талантливый, но педагог он просто гениальный. По-моему, у нас либо этого не понимают, либо он не попал в орбиту настоящего внимания, либо ему не вполне доверяют. А жаль. Макаренко настолько талантлив, что он может сделать всё, что захочет. Например, скажу такую дикость – он мог бы воспитать ярых белогвардейцев, если б поставил

бы себе это задачей, мог воспитать так же, как он воспитал настоящих большевиков. На эту воспитанную им молодёжь Советская власть может положиться. Я знаю уже двух: Лёву и этого „тяжёлого бомбардировщика“, остальных легко представить. Вот, это умение сделать, что хочешь, и есть настоящее мастерство. А всякий мастер прежде всего хочет наиболее широкой арены для своей деятельности. Конечно, Макаренко по-настоящему может быть увлечён теми возможностями, которые даёт революция. Не случайно, что он проявился в советской системе. В капиталистической системе он никогда не поднялся бы до таких высот, потому что мастер, творческий человек, которым он является, может творчески расти и дышать только при том, что ворочает большими масштабами под высокими лозунгами. А какой идейный кругозор мог бы он иметь, скажем, в Америке, даже если б ему отпустили миллионы и дали бы делать, что он хочет? Пожалуй, ему хватило бы увлечения на десяток лет, а потом бы он заикс, потому что той или иной дорогой, но та часть мира идёт к фашизму, значит, к отсутствию перспектив. К перманентному разрешению и насилию, т. е. антиподы Макаренко.

Если б зависело от меня, я бы доверила ему всё воспитание детей в школах, сначала в Москве, а потом, когда бы он наладил, и во всём Союзе. Он единственный человек, который поставил [бы] это дело так, как надо. Но для этого нужно, чтоб ему поверили настолько, чтоб хоть год не „давали им руководить“ всяким наркомпросовским крысам.

Макаренко – такой человек, которому надо оказать полное доверие, и он даст пышнейший цвет, оплатит тысячекратной пользой. Дело с образованием детей у нас поставлено механически, но ещё туда-сюда – сносно, но дело с воспитанием – просто плохо. А принимая во внимание, что дети в такие периоды, как теперь переживает страна, особенно нуждаются в *правильной* системе, то я просто не могу спокойно думать, что Макаренко сидит в Союзе писателей и делает бесконечную грудку нелепой работы, которую он пытается наполнить своей добросовестностью и смыслом, и что ему не удаётся, потому что перевоспитывать писателей гораздо труднее, чем воспитывать детей, даже 50 миллионов детей. И вот он занимается этим, вместо того, чтоб двинуть его на его природную работу, без которой он тоскует. Я уже избегаю с ним говорить на эту тему, потому что он при всём его самообладании плакал опять прошлый раз, как стал говорить о работе.

Хотя он говорит, что ему уже дети не нужны, но как он оживился, когда ему предложили *только* одну школу. Что для него это? Чепуха. Но он предпочитает идти на это, чем спокойно сидеть, писать книги и статьи и получать гонорар, т. е. делать то, что делают многие члены Союза. Он старается скрыть, что его волнует – согласятся ли на его условия. А условия он поставил такие: 2 тысячи жалования и 2 года не вмешиваться в его дела. Он обещал регулярно делать отчёты в Наркомпрос через несколько месяцев, но сказал, что распорядок школы и штаты будут целиком зависеть от него. Я его спросила, зачем ему столько денег. Он сказал, что он действительно хочет не думать о нуждах семьи, чтоб с головой на ночь и на день уйти в школу. Я ему говорю, что можно прожить меньше, чем на 2 тыс. А он прищурился и говорит: „Конечно, можно. Может статься, что я семью посажу на пятьсот, семьсот рублей из этих двух тысяч, а остальное будет идти на ту же школу. Я же знаю по опыту, что денег у них на школу не выпросишь. Иной раз я большое предприятие [мероприятие. – Г. Х.] смогу провести, если вовремя затратю сто или пятьсот рублей, а тут пока начнёшь выклянчивать у Наркомпроса, то дети успеют вырасти. В особенности в первый организационный период“. Тут он увлёкся и стал рассказывать, что бы он сделал. У меня дух захватило. Он предполагает проникновение через школу в быт всего квартала города. Он говорит, что „у меня все родители и не родители-пьяницы будут на учёте, через год максимум – всё население этого района, которому принадлежит школа, узнать будет нельзя. Во дворах будет чистота. Родители будут в школу бегать не только по поводу детей, но и вообще по всем поводам. Школа сделается *очагом культурных сил* района; люди, живущие в этом районе, будут честнее на своих службах работать и т. п. и т. д.“. А главное, что он это действительно может сделать. Он может даже педагогов заставить работать не так, как они работают теперь.

О боже, что сделать, чтоб Сталин о нём узнал так, как надо?

А главное что? Понятно, что поколение, сидящее сейчас на школьных скамьях, должно вместе с букварём изучать винтовку и всасывать дисциплину как материнское молоко. У нас это уже поняли и делают – эти военные школы. Конечно, это лучше, чем

ординарные школы, существовавшие до сих пор. Они вообще почти не выдерживают критики. Но сделать всё-таки по-настоящему мог бы Макаренко как никто. Я считаю, что в этих военных школах распорядок является следствием тех методов, которые пропагандировал М[акаренко] в „Пед[агогической] п[оэме]“, хотя об этом никто не говорит, но дело не в этом. Я вижу, что ему тяжело, сил у него много, организационный зуд колоссальный, а на писательском подножном корму ему скучно. С каким беспокойством он сказал – ну они, наверное, не согласятся. Правда, у меня сердце сжимается от страха – он может умереть, но он будет счастлив, а теперь он мучается».

В глаза бросаются первые два предложения этой записи: «Макаренко – настоящий подлинный мастер, крупнейший мастер. Писатель он очень талантливый, но педагог он просто гениальный». И так, Барская называет Макаренко гениальным педагогом ещё при его жизни, будучи его современницей. После громкого успеха «Педагогической поэмы», которая вышла в середине 1930-х гг. в трёх частях, Макаренко стал широко известен именно как писатель. Тогда никто даже не задумывался о педагогической гениальности Антона Семёновича, да и он сам в последние годы жизни считал себя только писателем. В то время советские учёные-педагоги ещё не обращали на него сколько-нибудь серьёзного внимания. Барская первой дала верную оценку Макаренко уже при его жизни.

7. Письмо Барской Сталину (10.10.1938 г.)

В этом документе из вышеупомянутого чемодана (машинописная копия, напечатанная под копирку, без подписи) фамилия Макаренко не упоминается, но его незримое присутствие ощущается в мужественных действиях и чертах характера Барской. В письме речь идёт о новом начальнике Главного управления кинопромышленности, председателе Комитета по делам кинематографии при СНК СССР С. С. Дукельском. Вот текст письма:

«Д[орогой] т. Сталин,
я написала Вам письмо (копию прилагаю). Письмо это было переслано из Вашего секретариата в секретариат Дукельского.

Дукельский сам разговаривать со мной не пожелал, а разговаривал со мной его зам. Курьянов.

В результате разговора Курьянов сказал следующее, что мои претензии на работу имеют основание, что он видел мою картину „Рв[анные] баш[маки]“ и что картина хорошая, что моё увольнение было неправильным. Но т[ак] к[ак] это сделало прежнее руководство, то они за это не отвечают. Что положение моё „щекотливое“, как он выразился, но что работы они мне дать не могут под предлогом, что у них режиссёров больше, чем нужно.

Я стала предлагать конкретные и нужные сейчас производству формы работы. Всё было отклонено, хотя сами предложения были названы правильными, нужными и полезными.

Второй разговор с Дубровским (зам. Курьянова). Так, как он разговаривал со мной, можно разговаривать только с человеком, объявленным вне закона. Ему было поручено от меня отделаться, кое-ка[к] соблюдая декорум.

Это ему оказалось не по силам, он запутался и в конце разговора сделал признание: „Если на нас надавит высшая инстанция, то мы сделаем для вас исключение и работу дадим, а если нет, то ничего сделать не можем“. Это после того, как он в разговоре несколько раз в разных формах сказал, что считает меня работником высокого уровня.

Что же делать, т. Сталин, когда приходится опять обращаться к Вам. Мне не к кому больше обращаться, да я и не верю больше в помощь, кроме как от Вас.

10/X – 38 г.»

8. Помощь Литфонда Барской

Как кандидат в члены ССП, М. А. Барская имела право на получение материальной поддержки в форме медицинского и санитарно-курортного обслуживания и оказания бытовых услуг. Но ответы на её просьбы о приобретении путёвок не слишком радовали. В протоколах комиссии Правления Литфонда между октябрём 1938 г. и апрелем 1939 г. на повестке дня стояли три соответствующих заявления сценариста-режиссёра, которые

свидетельствуют о трудном положении в последний год её жизни. Так, на заседании от 10 октября 1938 г. говорится: «БАРСКАЯ М., канд. ССП. / Путёвку в санаторий для нервно-больных за счёт Литфонда. / Постановило: При наличии мест предоставить путёвки в нервный санаторий на 1 м-ц за наличный расчёт». А 1 ноября 1938 г. можно прочитать: «Об отсрочке уплаты задолженности до 1.1.1939 г. / Постановило: Уплату задолженности отсрочить до 1.1.1939 г.». И наконец 10 апреля 1939 г. говорится: «БАРСКАЯ М. А., чл. (!) ССП, в Д[ом] Т[ворчеств]а Голицыно для взрослой сестры на 1 м-ц по писательской стоимости в кредит. / Постановило: Для больной сестры т. Барской предоставить путёвку в Подмосковский Д/отд. на 1 месяц по писательской стоимости как ссуду под личное обязательство т. БАРСКОЙ, М. А., сроком на 6 месяцев».

9. Из переписки Барской с Макаренко в ноябре 1938 г.

С конца октября до конца ноября 1938 г. Макаренко лечился в Кисловодске, для чего Литфонд 1 сентября «ему и жене» выдал путёвки. Но на этот раз писатель ездил один.

В наследии Барской находятся два соответствующих письма этого периода – одно Маргариты Александровны (машинописная копия, напечатанная под копирку) и одно Антона Семёновича (машинописный оригинал), кроме того, две телеграммы (подлинники) последнего. Эти четыре документа здесь впервые приводятся полностью. Из второго послания литературовед Е. Балабанович в своей монографии «Антон Семёнович Макаренко. Человек и писатель» (М., 1963) цитировал короткий отрывок, ссылаясь на экземпляр данного документа, который хранился у Е. М. Барской. При этом автор книги называет адресатом письма «одну знакомую» Макаренко.

То обстоятельство, что в частном наследии Барской ни одного из упомянутых в этих четырёх письмах и телеграммах дополнительных документов не обнаружено, подтверждает мою версию о проведённой самой Маргаритой Александровной «чистке» личного архива.

а) Письмо без даты (начало ноября 1938 г.)

«Здравствуйте, Антон Семёнович!

Если бы Вы знали, какое внутренне затруднение испытываю я в связи с получением Вашего письма и телеграмм.

Откровенно: я даже не знаю, как Вам писать и о чём. Дело не в том, что, как Вы пишете, Вы „врываешься в мою жизнь сейчас, когда мне не до этого“, а дело гораздо хуже обстоит: мне кажется, что я сама не знаю, „до чего“ же мне сейчас. Для меня сейчас „распалась связь времени“, а потому, верно, распались какие-то душевные скрепы, без которых человеку невозможно испытывать нормальные чувства любви, благодарность, нежность и пр., т. е. всё то хорошее и человеческое, без чего человек не человек.

Мне неприятно обнажать перед Вами внутреннюю жизнь. Но я понимаю, что если на Ваше, такое сердечное, искреннее, полное подкупающего чувства письмо, что если на такое письмо нельзя ответить тем же, то надо, по крайней мере, быть правдивой, чтоб не обидеть Вас холодностью, которой Вы не заслуживаете.

Если б я могла испытывать грусть, то мне было бы очень грустно. Грустно потому, что на такие письма, как Ваше, надо, чтобы в жизни было так, чтоб ответить тем же, и тогда счастливый конец. Либо надо написать: я не люблю Вас так, как Вы бы этого хотели, и полюбить Вас таким чувством, как Вы этого заслуживаете, я тоже не смогу. Я это знаю.

Первого я не могу написать потому, что ни Вам, ни мне не нужна ложь, даже филантропическая, в лучшем значении этого слова. А второе мне как-то боязно писать (хотя я уже написала).

Нехорошо самой на душе хлопать таким безнадёжным молотком по лучшему, что есть в человеке. Тем более, когда я думаю, что я не заслуживаю Вашего самоотверженного и полноценного чувства, раз сама не способна на такое.

Кажется, что из всех чувств я способна только на эгоистические – мне было бы жаль лишиться Вашей дружбы. Обычно принято думать, что настоящей дружбы между мужчиной и женщиной не может быть, потому, мол-де, что всему помеха – любовь, а это, мол-де, значит, что дружба „не бескорыстна“.

Я всю жизнь считала, что самая чистейшая, бескорыстная, лучшая дружба – это как раз такая, которая происходит от любви, но, правда, от такой любви, в которую человек вкладывает всё лучшее, что в нём накопилось за жизнь. Мне не хочется длинно философствовать на эту тему, а то Вы, чего доброго, заподозрите меня в пошлом манёвре: предлагаю дружбу вместо любви. Это действительно пошлость. Объяснить точно не могу, почему, но так думаю. Я ничего не предлагаю и ничего не могу подправлять или предугадывать.

Я Вам верю. Я сама рада, что могу сказать Вам это. Я особенно дорожу и сознаю значение доверия. Особенно теперь, когда вероломство во всём и всюду наделало такие страшные разрушения. Мы все по разным причинам, в той или иной степени, больны этим – боязнь верить собственным глазам и ушам, а не то что словам.

Я же верю гораздо большему, чем Ваши слова, я верю в способность Вашей натуры к подлинному чувству, которое облагораживает и освежает сердце. Вам вовсе не так постоянно уверять меня в том, что Ваше чувство – настоящее и подлинное, а не ферлакурская [устар., от франц. *faire la cour* – ухаживать за женщиной; ферлакур – пове-са, повелас, ухажёр. – Г. Х.] затея. Если бы я думала что-либо в этом роде, то я бы Вас, конечно, не прокляла, но у меня хватило бы слов, чтоб отшутиться, и во всяком случае, у меня не появилась бы та серьёзность, и внимательность, и желание говорить на тему, где неизбежно скажешь такие серьёзные слова, как „Ваше чувство“.

Но я думаю, что нам с Вами никогда не следует больше говорить на эту тему. Я вообще считаю, что эта тема – для чувств, мыслей и поведения, а не для разговоров. Это письмо я пишу Вам потому, что я ни в коем случае не чувствую призыва ни к какому „вампиризму“, т. е. ко всей этой мелкой и нечистой игре на железах внутренней секреции, которую почему-то принято считать „женственностью“.

Написала же ещё потому, что считаю действительно нужным быть правильной с Вами, что достойно и Вас, и меня. Люди мы взрослые, испорченные, но хорошие.

И ещё потому, что у меня не хватит мужества сказать Вам это, скажу же, когда Вы придёте ко мне по приезду. Я, конечно же, знаю, что Вы приедете в том счастливо-агрессивном сердечном состоянии, которое я сама в себе люблю. И которое считаю особенно привлекательным мужским даром. И намечали Вы там, наверно, что хотели. А мне хочется встретить Вас приветливо и дружелюбно. А в то же время я и боюсь, что это и окажется впоследствии недобросовестно (или Вы так подумаете).

Тут, в Москве, мы с Вами виделись почти каждый день, и я отлично понимаю, что мешала Вам мечтать и поливала душем из сухарей всё, что Вы приносили ко мне, и что вообще-то между людьми совсем сухарного душа не заслуживает, а наоборот. Но что же делать, когда я не могу?

А там за месяц я Вам не помешаю, и за отсутствием такового охладительного аппарата, как я, и [благодаря] Вашей вполне нормальной мужской психике (которую я ничуть не осуждаю) Вы приедете таким, что я буду чувствовать себя с Вами противоречиво и трудно, и испорчу Вам настроение в первые дни приезда в Москву. А мне вот как раз-то этого не хочется. А хочется так, чтоб и настроения не испортить, но чтоб и полная ясность была (вот как в этом письме). И как это сделать, я не знаю, и думаю, что написала плохо и не так, и жалею, что в отношениях людей нет такого же точного прибора, как тормоза. Одним словом, чтоб при любом безрадостном и плохом положении было всё-таки получше, а не похуже.

Прочла и совершенно не понимаю: достигла, чего хочу или нет. Судить себя по этому письму с Вашей точки зрения – не в состоянии. Вы сами разберётесь, и никто за Вас этого сделать не может.

У меня спокойная душа, я уверена, что я не катастрофа в Вашей жизни. Может быть даже, что Вы после этого письма проснётесь на другой день и с удовольствием скажете себе: выздоровел! А если скажете это с грустью, то это будет значить, что Вы принадлежите к той части человечества, которая больше дорожит возможностью для себя испытать чувство самому, чем удовольствие от чувства к себе.

Я, например, принадлежу к этой части и горжусь этим.

Самое главное в этом – каким окажетесь Вы, а тут ничего надумывать и подделывать не надо. И от этого и зависит, какие будут у нас с Вами отношения.

Мне, во всяком случае, больше охотно, чтоб отношения наши с Вами были лёгкими без притворства. А я последнее время, перед Вашим отъездом, уже не могла этого. И, не видя никакой другой возможности, сказала Вам, чтоб Вы уезжали. Поэтому не думайте, что Вы были не деликатны и „врывались“, как Вы говорили перед отъездом и как пишете. Если и было „врывательство“, то оно было проникнуто искренним желанием сделать для меня всё лучшее и было дружеским, и за это я не могу Вас винить, а наоборот – очень благодарна (не для вежливого словца). Но получились всё-таки чёртовы противоречия, которые всё изменили.

Всех благ Вам.

Маргарита.

1938 г.»

б) Письмо от 08.11.1938 г.

«Кисловодск, 8/XI-38

Дорогая Маргарита Александровна!

С праздником, с праздником!

Замечательным праздничным подарком могло бы быть Ваше письмо, а в нём для этого много прелестных строчек, но потом Вы прибавили и много гадостей, пакостей, зловредных, пасквильных. Не могу не рычать и не ругаться. Не хочу вдаваться в частности, но возмущаюсь вообще искажением перспективы. В своих педагогических доводах я всегда настаивал на необходимости воспитывать способность ориентировки. Как же обидно у своих друзей вместо этой способности наблюдать зияющий провал! Да ещё у каких друзей? У таких умных, талантливых и широких, как Вы. Для ориентировки нужен прежде всего вкус, и у Вас его до чёрта, почему же всё-таки Вы пишете: ... „и не очень безобразная смерть“. Какая чушь, простите! Разве о смерти можно думать в порядке плана? Мы, люди, имеем неумеренный аппетит к пошлости: нам хочется всегда счастья, благополучия, тишины, душевного покоя, нам не нравится, когда болит зуб или когда болит душа. Только в литературе мы наслаждаемся человеческими ценностями. А если такая ценность свалилась на нашу живую голову, мы начинаем скулить. Вы одарены ценностью в совершенно избыточном порядке: у Вас личность, требование к жизни, страсть и нетерпение, философски потревоженные корни, столкновения, удачи и неудачи, очарования, разочарования, талант и блеск, а Вы недовольны. Вам пришлось подмести комнату, между нами говоря – единственная работа, которая меня привлекает. Я очень жалею, что я не служу подметальщиком на вокзале.

Ну, довольно мудрости. Поверьте, ничего не может быть пошлее, чем жизнь в санатории. Это пошлость, доведённая до гениальной отвратительности. Влезать в ванну, в которую в день влезает 30 человек, а ванна помещается среди 200 таких же ванн – это полное уничтожение человека. Каждая „личность“ при этом топорщится и пищит: „Почему температура 34, когда нужно 35°“, каждая личность уверена, что ошибка даже на 1° колеблет вселенную, а обслуживающий персонал со скукой пропускает в сутки несколько тысяч таких личностей, и где-нибудь в Москве, в каком-нибудь Курупре [Курортном управлении. – Г. Х.] сидит такой мелкий, облезлый и полуживой человечешко и выписывает: „средний процент отрицательного действия нарзана по наблюдению в 5 000 000 случаев равняется...“

Видите, какая похабщина, а люди стремятся к ней и платят за неё деньги. И к таким паскудным вещам они стремятся всегда, растеривая лучшие свои божественные атрибуты. В этом, и только в этом, заключается кризис человечества. И поэтому так высок подвиг, но ещё выше его та сложная, невиданная глазу, будничная симфония, которая выпадает на долю отдельных людей в хорошие минуты. Я, кажется, уже имел честь рекомендовать Вам „Голод“ Гамсуна. Это самая замечательная книга, в особенности, если не придирается к отдельным местам.

Я, параллельно с Вами, увлекаюсь мемуарами. Прочитал Бюлова, германского рейхсканцлера. Он замечательно характеризует Николая II – „человек равнодушный“. Теперь читаю дневник цензора Никитенко – есть места чарующие.

Ваши четыре „жадности“ очень мне нравятся – страшно мне нравятся. Они замечательно показывают, какой Вы здоровый и жизнерадостный Человек, просто завидую. Я очень хорошо Вас понимаю. И у меня самое страстное, самое заповедное желание побы-

вать в каком-нибудь „Никарагуа“, погулять по „Огненной земле“, прокатиться в машине через Америку. Я только в Сибири не хочу быть – не нравится. Я потому и завидую англичанам, что они могут, не выправляя заграничного паспорта, сесть на пароход, как мы на речной трамвай, и съездить в Австралию или Канаду. Шикарно. И когда прогремит всемирная Революция, я обязательно буду путешествовать.

Я живу, во-первых, скучно, во-вторых, обидно. Пять раз нужно спускаться в столовую! А вообще... не знаю, как мне не нравится. Гулять не хожу, потому что все ходят. Здесь много моих почитателей, но я должен их разочаровать, так как они меня наблюдают только в „жвачном“ состоянии. А им, естественно, хотелось бы видеть меня за минуту до самоубийства. Они правы.

Спасибо, что вспоминаете Пушкина. Никитенко иногда пишет о нём недружелюбно. Пушкин был-таки вредный человек. Это очень хорошо.

От всего сердца, старого, опытного, мудрого сердца, желаю Вам хорошего святого беспокойства и насильственной улыбки.

И пусть Вас никто никогда не жалеет, – признак большого к Вам уважения. Самый лучший букет – нежность безжалостности.

Ваш А.»

В чемодане Барской есть фотография, вырезанная из неизвестной газеты, с изображением шикарного автомобиля, мчащегося по шоссе через необъятные «заграничные просторы». Можно предположить, что, глядя на эту фотографию, Маргарита Александровна мечтала о том, как она, «когда прогремит всемирная Революция», будет сопровождать Макаренко в его поездке по Америке именно на такой машине. Вероятно, Барская придавала большое значение этой идее, почему и сохранила газетную вырезку вместе с приведённым выше письмом.

в) Телеграмма от 15.11.1938 г.

«МОСКВА ГЕРЦЕНА 47 КВ.25
МАРГАРИТЕ БАРСКОЙ

КИСЛОВОДСКА 1/41 26/81 46 16 15 20

ЕЩЕ РАЗ ПРОВЕРЬТЕ ЗАКОНЫ ПРЕКРАСНОГО И ВЫ УВИДИТЕ КАК МЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ЖИВЕМ А МЕЛОЧИ НУЖНО ЛЮБИТЬ ДАЖЕ НЕПРИЯТНЫЕ ЗАКАЗЫВАЮ ВАМ МИЛЛИОНЫ УЛЫБОК САМОГО СРОЧНОГО ИЗГОТОВЛЕНИЯ БОЛЬШЕ ПИШИТЕ РАССКАЗОВ И КРЕПКО СПИТЕ СЧАСТЬЕ ОТ ВАС В НЕСКОЛЬКИХ ПЕРЕХОДАХ = ВАШ ДРУГ»

г) Телеграмма от 26.11.1938 г.

«МОСКВА ГЕРЦЕНА 47 КВ.25
МАРГАРИТЕ БАРСКОЙ

КИСЛОВОДСКА 1/41 20 26 11 5

ВАШЕ ПИСЬМО ВЕРХ ИЗЯЩЕСТВА НИЗКО КЛАНЯЮСЬ БЛАГОДАРИЮ ПРИЕЗЖАЮ ПЕРВОГО БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ = ВАШ ДРУГ»

10. Макаренко в опасности

Мотив «врага», ставший едва ли не главным в третьей части романа «Флаги на башнях», звучит и в статье «О коммунистической этике», написанной в конце января 1939 г., но опубликованной лишь после смерти Антона Семёновича. Эта статья содержит суждения Макаренко по поводу «чисток» предшествовавших лет, в частности такие: «В последние годы мы имели много случаев убедиться в том, что некоторые люди, которые особенно многословно декларировали свою революционность, оказались тайными врагами революции». Далее Макаренко требует принять меры для обнаружения «вредительства» именно в области педагогики, и в этой связи он пишет:

«Эффективность враждебного вмешательства в области народного воспитания может быть очень большой, и здесь её труднее обнаружить. Вредительство на заводе

или в шахте рано или поздно обнаруживается в явлениях материального характера, которые можно всегда точно назвать и квалифицировать. Вредительство в области воспитания может быть скрыто надолго, так как результаты воспитания появляются очень медленно и всегда в более или менее спорных формах».

К вопросу об «уничтожении врагов» Макаренко вернулся ещё раз во время выступления перед харьковскими студентами 9 марта 1939 г. На вопрос одного из слушателей: «Если неисправимых нет, то как вы смотрите на высшую меру наказания – расстрел?» – он отвечает вначале уклончиво, ссылаясь на поучительный пример о «высшей мере наказания» в коммуне им. Дзержинского – исключение из коллектива. Затем переходит к существу вопроса – о ликвидации действительных или мнимых политических противников – и совершенно неожиданно, пугающе хладнокровно приносит в жертву идеологии коллектива жизнь «врага», т. е. отдельного человека.

В стенограмме этого выступления есть такие строки: «И, конечно, и расстрел в нашей стране совсем не значит, что тот человек, которого расстреляли, почему-либо неправым, наверное, с ним ещё можно возиться, но коллективный опыт, коллективное требование, коллективный гнев – вот что нас, прежде всего, интересует».

Мы уничтожаем таких врагов, хотя возможно, они как-нибудь могли прожить, и, уничтожая их, мы усиливаем наше требование к человеку, и наше уважение к коллективу, и наши надежды, и нашу ненависть к врагам». Это расплывчатое заявление Макаренко показывает, что он против расстрела, но вынужден говорить так, как было принято в то время. Иначе было нельзя.

По свидетельству академика АПН СССР Э. И. Моносзона, «ордер на арест Антона Семёновича незадолго до его кончины уже был подписан». В определённой степени это подтверждала и вдова Макаренко. Людям, которым Галина Стахивна доверяла, она неоднократно рассказывала, что муж «ежедневно ждал ареста. И всякий раз, когда раздавался стук за дверью даже сухой ветки, вздрагивал и думал о том, что за ним пришли».

Впрочем, атмосфера страха и ощущение неотвратимо приближающейся опасности особенно наглядно проявились в поведении Макаренко в 1938 г. по отношению к его любимому воспитаннику С. А. Калабалину, который до своего кратковременного ареста работал в трудколонию украинских чекистов. Поскольку прежний защитник педагога-писателя, бывший нарком внутренних дел УССР Балицкий, к тому времени уже был репрессирован, Макаренко наивно посоветовал Калабалину «обратиться с письмом к т. Ежову», а затем, видимо испугавшись последствий переписки, замолчал на несколько месяцев, не реагируя ни на какие просьбы «сына» ответить хотя бы строчкой письма. Наконец, доведённый до отчаяния Калабалин с горечью вынужден был констатировать: «Итак, Вы не пишете. Объяснения в голову лезут самые жуткие. Думается мне, что Вы решили прекратить всякое общение с человеком, задержанным органами НКВД».

11. Из записей М. А. Барской (декабрь 1938 – январь 1939 г.)

В архиве Барской есть записи, которые – на основе хронологии событий в жизни Макаренко – можно датировать концом 1938 – началом 1939 г.

В «Правде» от 1 февраля был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 января, согласно которому 172 писателя были награждены орденами «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы», среди них 21 человек – орденом Ленина, 49 (в том числе и Макаренко) – орденом «Трудового Красного знамени» и 102 – орденом «Знак почёта». Поздравляли Макаренко с высокой наградой многие друзья. Можно предположить, что среди них была и Барская, хотя в наследии педагога-писателя ни письма, ни телеграммы сценаристки не сохранилось. Второго февраля 1939 г. Макаренко пишет Калабалину: «Орден всех взволновал, думаю, что теперь и работать станет легче».

Высокая награда воодушевила Макаренко и идейно-политически – 15 февраля 1939 г. он подал заявление в парторганизацию ССП с просьбой принять его «в число кандидатов в члены в ВКП (б)».

Вот тексты из наследия Барской (машинописные копии, напечатанные под копирку), которые можно рассматривать как написанные в период до награждения Макаренко орденом:

а) Запись

«У Макаренко нужно учиться любовно смотреть на людей.

Он радуется в человеке всему хорошему, начиная от внешности, маленькой повадки, до больших душевных качеств.

Для [У. – Г. Х.] Макаренко та же особенность и умение, что и у Горького – порадовать читателя словом, тем, КАК сказана та или иная мысль (хоть тут и тени формалистического гурманства словом нет). И хорошо ещё в этом то, что у Горького эти неожиданные и волнующие сочетания слов сделаны из старых, всем известных слов; и у Макаренко из всех известных слов сделаны неожиданные и новые сочетания. Но у Горького словарь общеупотребительный человека предыдущего поколения, а у Макаренко это общеупотребительный словарь человека революции, сегодняшнего. Поэтому от его сочетаний в словах то и дело то усмехнёшься, то взволнуешься, и всегда весело, что так ново, скупое и точно определено явление всеми известными словами.

У него есть внезапные, тоненькие и колкие, как иголки, штрихи, [он] несколькими словами обрисует какую-нибудь повадку, присущую человеку, и сразу создаётся внешний образ. Если мне придётся работать с актёром, то вместо того, чтоб долго рассказывать ему, какой человек, какие у него манеры, какой ему присущ ритм, то вместо всего этого достаточно будет ему сказать, например, так: что он как бы „стал таинственный человек“, и сразу актёру станет понятно, как такой человек думает, молчит и говорит.

Кажется, никто из наших писателей не пишет так откровенно от своего лица и никто так много не употребляет местоимение „я“. Но в этом нет ни йоты никакого человеческого яканья или писательской навязчивости (что, например, раздражает у Тургенева). Просто у Макаренко это потому, что он органически, всеми порами, сплетён с жизнью и с людьми, которых он описывает. Не умею найти сравнения, но, например, так: стоит прекрасное сильное дерево, корни оно глубоко запустило в землю, боками этих корней оно чувствует и червяка в земле, и крота, который угнездился под каким-ниб[удь] коленом. Ствол его обнимается воздухом, под корой личинки, на коре мох с северной стороны. Крона вонзилась в воздух, листья, как котят, ласкаются с ветром. На них и свет, и тени при поворотах. На ветвях птицы в гнёздах, на цветах мошки, от солнца выступает смола и пахнет. Он всеми проявлениями жизни окружён и на всё отвечает. В дупле у него белка вывела детёнышей.

Разве можно сказать, что этот дуб „ячествует“, так показывая жизнь через себя самого? Конечно, нет. Потому что жизнь со всеми её проявлениями больше этого дуба, а он только отчётливо хорошо её преломляет в самом себе, будучи сам её частью [два предыдущих абзаца зачёркнуты. – Г. Х.].

Вспомнила, как однажды я в 14 лет очень долго сидела и смотрела на какое-то милое дерево, и вдруг физическое понимание целой Вселенной мне стало доступно. Не какой-то неуютной бесконечности, а вселенской жизни с её химией, математикой, гармонией и яростным стремлением и плавным покоем красоты, и, главное, себя в этот момент почувствовала как бесконечно малую, но совершенно неотъемлемую частицу этой Вселенной, ничуть не менее равноправную, чем какое-нибудь из солнц, лист на дереве, на который так долго смотрела.

Вероятно, такое сознательное и непрерывное понимание этого, и состояние у человека сообщает ему такую и силу и скромность. Нет. Не то думаю.

Так, когда человек непрерывно ощущает свою органическую связанность со всеми явлениями жизни и в то время понимает соотношение масштабов, он полон достоинства и права так говорить „я“, как говорит [...].»

б) Запись «Диалог Макаренко – Барская»

«Он. Я решил отказаться от блаженства. Несмотря на то, что только теперь понял, насколько оно может быть велико. Несмотря на то, что впервые в жизни поверил в возможность его для себя. (Опирался я на палочку, стоял прямо и свободно. Говорил спокойным точным голосом.)

Она. ?

Он. Это невозможно. Совершенно невозможно, эшеленца. А урывать крадучись, – это не достойно вас. А всё, что будет совершаться недостойного вас, для меня нестерпимо.

Она. Что вы намерены делать?

Он. Сделать над собой усилие такое громадное, какое мне ещё никогда не приходилось делать. Потому что вы сами понимаете, вернее – вы совсем не в состоянии понять, что значит – отказаться от вас. Вы даже не можете представить, что это значит... Такому, как я (вы это понимаете – та-ко-му, как я, поверить в существование ваше и возможность...). Так вот. Это...

Пауза.

Она. Хорошо. Я ничего не буду делать, чтоб помешать вам в вашем намерении отказать от меня. Не буду ни возражать и... никакими другими способами. Но я не буду и помогать вам. Справляйтесь сами, как можете.

Он. Вы думаете... что я не смогу?

Она. Да. Думаю, что на этот раз... в вашей жизни вы не сможете сделать то, что хотите и что правильно».

в) Запись «Диалог с Макаренко»

«Он хотел объяснить, „за что он её любит“ (а перед этим [был] разговор, что любят всегда „за что-нибудь“, а не „просто так“).

...умные и пленительные движения рук. Очень плавно протягивается рука к предмету, чувствуется, что кисть и кожа очень мягки, а движение точно направленное, уверенное. Когда у женщины так движутся руки, как у вас, её нельзя не полюбить. Эти движения так же талантливы, красивы, умны и свободны, как Уланова.

...когда я думаю о вашем уме, о радости общения с вами, вспоминаю ваше выражение лица, игру мысли в глазах, то в это же время я помню и вижу вот эту линию (он проводит по воздуху, не касаясь бедра), она неотделима от вас. Она неповторима, она только ваша, у неё такое же особенное выражение, как в ваших интонациях.

Я лежу в постели, закидываю руки за голову, чтоб [было] удобнее не шевелиться, и смотрю, смотрю в кресло, где он сидел и откуда смотрел на меня издали.

„Если б даже вы не были тем, что вы есть, то всё равно вы достойны любви самой возвышенной только за то, что умеете так царственно лежать“.

„Если [бы] вы не были так умны и красивы, [то я бы. – Г. Х.] и не любил вас так“.

„Вы знаете, как мне там скучно. Они всё ходят [и] говорят разное, а я всё думаю: какие они скучные, и как всё не интересно. Вот если б об этом самом с ней говорить, как бы всё стало умно, весело, интересно, повернулось бы совершенно новой стороной, дало бы толчок мыслям... А кто умеет так подарить хорошо выраженной мыслью как вы!

Скучно без вас“.

г) Запись

«Макаренко. Не умею объяснить, но это „я“ убивает ханжество, которое всегда есть в общепринятом журналистском „мы“.

Помню, Милькин мне всё объяснял, что нескромно писать статью от первого местоимения. Надо говорить „мы“ из скромности.

– Да как же, говорю, ведь статья подписывается именем одного человека, и манера излагать – его индивидуальная, и все знают, что он от себя говорит, так зачем же писать „мы“, почему же это скромнее?

Из желанья скромности получается какой-то „Мы, Николай Второй“, с одной стороны, а с другой – как бы какое-то прикрытие, вроде того, что журналист говорит читателю: ты только попробуй со мной не согласиться, нас-то ведь много, мы тебе зададим. И боится и грозит.

Всё, что рассказано, и то, как рассказано о семье Веткиных [персонаж „Книги для родителей“. – Г. Х.] – удивительно прекрасно. Большого оптимистического случая в жизни

я не слыхала. Получаешь уверенность, что человечество обязательно будет и сумеет быть счастливым.

И сама история до того мила и хороша, что её просто хочется снимать [последнее слово зачёркнуто, но восстановлено. – Г. Х.] [...]». д) Запись

«„Если ты не совершил дел, достойных быть описанными, напиши, по крайней мере, достойное быть прочитанным“. Казанова.

Возможен вариант: „Если ты не написал достойного прочтения, соверши, по крайней мере, описания“. Я считаю, что для нашего времени последнее доступнее. Совершать легче, чем писать хорошо.

Как Володя подарил мне подошву [подушку? – Г. Х.]. Потом собачку и медведя.

Скарабей и портсигар декабриста.

Скелетик, подаренный Натану.

Материя в розах, как куплена и для чего.

Громадные коробки монпансье – „сосунчики“.

Флакон духов, подаренный в Ялте. Душилась редко, целый год, бессознательно, тогда, когда его долго не было, скучала. Смерть. В[о] флаконе осталась одна треть, запах пережил человека. Через год опять в Ялте, вспомнить разговор у балюстрады».

1

2. Письмо М. А. Барской матери (приблизительно февраль 1939 г.)

Настоящее письмо (машинописная копия, напечатанная под копирку) подтверждает намерение Макаренко стать директором одной из московских школ и таким образом создать солидный базис для будущего финансирования «буржуйского» хозяйства его семьи. После обнародования разгромной критики на роман «Флаги на башнях» (декабрь 1938 г. / январь 1939 г.) Макаренко в управлении начальных школ Наркомпроса РСФСР хлопотал о такой должности, которую он намеревался занять к началу нового 1939/40 учебного года. То обстоятельство, что он пригласил сестру Маргариты Александровны работать с ним в школе, доказывает близкую связь между двумя творческими людьми. Вот письмо М. А. Барской к матери:

«Мамочка!

Пишу вдогонку. Хочу тебя порадовать и успокоить. Скоро Женька не будет ездить на машине, а будет работать в школе у Антона Семёновича. Во вторник Антон Сем[енович] обедал у нас. Женьке удалось приехать к 3 час[ам]. Мария Николаевна [вероятно, кухарка или домработница М. А. Барской – Г. Х.] превзошла себя – приготовила обед-сюрприз: белки, фаршир[ованные] икрой, желтки запечены в тесте, рыба, фарш[ированная] грибами, луковый суп, мясо в мадере. В общем, обед французский.

Антон Семён[ович] мечтал вслух, какой будет школа. Женька слушала, как зачарованная, но подавала реплики, а потом Ант[он] Сем[енович] сказал:

– Евген[ия] Мих[айловна], пойдёмте со мной работать.

Ж[енька]:

– Я пойду хоть дворником.

Ант[он] Сем[енович]:

– Зачем же дворником? У вас есть очень нужные для школы специальности, вы библиотекарь, шофёр, немного художник. А главное, у вас глаза горят, такие люди мне и нужны. Надеюсь, у вас нет педагогического образования?

Женька:

– Нет, а почему „надеюсь“?

Ант[он] Сем[енович]:

– Если [бы] оно у вас было, пришлось бы перевоспитывать вас, чтоб вы правильно воспитывали детей. Скажите, со скольких лет ваш сын чистит зубы и стелет свою постель?

Женя:

– С трёх, когда его уводили в детский сад, постель перестилалась, но он этого не знал.

Ант[он] Сем[енович]:

– Вы очень нужны школе. Значит, договорились?

Ж[еня]:

– Иду с радостью по первому вашему зову.

Это будет скоро, как только начнутся школьные каникулы, Антон Сем[енович] возьмёт школу, и Женя ему сразу понадобится – у неё энергии на десятерых.

Ты знаешь, мамочка, у меня так хорошо стало на душе, как давно не было. Не важно, что Женя будет делать в школе. Вероятнее всего, заведовать библиотекой, важно, что она будет работать у Ант[она] С[еменовича], это её счастье. Видишь, как хорошо всё складывается. Не беспокойся ни о чём. Лечись, отдыхай, моя необыкновенная мама.

Целую,

Мара.

Клавдия Ив[ановна] принесла кофточки, органди [франц. *organdi* – очень тонкая жёсткая прозрачная матовая шёлковая ткань. – Г. Х.] сделана хорошо, кружевная тоже. Отдала ей голубую, и сарафан, и твою в чёрно-белых горохах.

Женя дала Юре ещё сто рублей».

13. Дата и причина смерти Макаренко – некролог

Орденоносец Макаренко умер 1 апреля 1939 г. на станции Голицыно Белорусско-Балтийской железной дороги, направляясь из пригородного Дома творчества Литфонда «Писатель», где он пребывал с 18 марта со своей женой, по служебным и личным делам на день в Москву. Согласно акту о смерти «пассажира [!] Макаренко А. С.» 01.04.1939 г., составленному на станции Голицыно врачом, он в первой половине дня скончался в вагоне готового к отходу пригородного поезда.

Вскрытие показало, что Макаренко скончался от разрыва сердечной мышцы. Как рассказывала в 1971 году автору этого очерка Олимпиада Витальевна Макаренко, племянница педагога-писателя, его сердце «было буквально разорвано на две части» – тако-го обследовавший его патологоанатом М. Б. Ценцилер ещё никогда не видел. Известно, что у Макаренко было больное сердце. Как свидетельствует его брат Виталий Семёнович, определённую роль в этом сыграла и наследственность по линии матери.

Газета «Вечерняя Москва» 1 апреля 1939 г. опубликовала заметку «Умер писатель А. С. Макаренко».

В макаренковедении причиной поездки Антона Семёновича в Москву в тот день считается его участие в заседании кинофабрики «Союздетфильм», на котором должен был обсуждаться написанный им сценарий. Здесь, очевидно, речь идёт о законченной в Голицыне рукописи с условным названием «Командировка». Как говорится в комментарии к публикации этого произведения в «Сочинениях» А. С. Макаренко (т. 6), одобренный кинофабрикой сценарий 29 марта 1939 г. был принят к постановке; 1 апреля Макаренко якобы собирался высказать свои соображения по поводу отдельных замечаний, сделанных рецензентами сценария.

Однако, исходя из очень малого промежутка времени между окончанием работы над сценарием (26 марта) и несостоявшейся поездкой в Москву (1 апреля), похоже, что Макаренко хотел лично передать в кинофабрику свою только что законченную рукопись.

Можно, пожалуй, предположить, что М. А. Барская читала и правила первый вариант макаренковского сценария. Но после печального опыта с «Флагами на башнях» педагог-писатель, очевидно, отказался от афиширования фамилии своей коллеги.

В комиссию ССП для подготовки похорон Макаренко вошла и М. А. Барская. Второго апреля 1939 г. гроб с телом покойного был установлен в конференц-зале ССП, а 5 апреля «Литературная газета» посвятила две страницы памяти писателя-орденоносца. Экземпляр этого номера газеты находится в архиве Маргариты Александровны, что мож-

но считать ещё одним подтверждением того, насколько ей был дорог педагог-писатель и Человек Макаренко. В этот же день состоялось заседание оргкомиссии ССП под председательством секретаря Президиума А. А. Фадеева, на котором было решено создать Комиссию по увековечению памяти А. С. Макаренко и по приведению в порядок его литературного наследия. В комиссию вошли: Г. С. Макаренко (секретарь комиссии), писатели В. Финк (председатель комиссии), В. Ермилов, Вс. Вишневский, редактор ГИХЛ Ю. Лукин и бывшие воспитанники А. Тубин и В. Камардинов.

Второго апреля газеты «Правда» и «Известия» публикуют некролог Президиума ССП (этот же некролог на следующий день появился и в «Учительской газете»). Четвёртого апреля состоялись похороны на Новодевичьем кладбище. Гроб с телом Макаренко несли бывшие воспитанники А. Тубин и С. Калабалин, а также писатели А. Фадеев и Вс. Вишневский.

Вот текст некролога:

«ПАМЯТИ А. С. МАКАРЕНКО

Умер Антон Семёнович Макаренко.

Он был автором одного из наиболее замечательных, вдохновенных литературных памятников нашего времени. Его „Педагогическая поэма“ переведена на все главные языки мира и принадлежит к числу любимых книг всего передового человечества. Эпоха социализма, величественная сталинская эпоха, во весь свой голос говорит в этой мудрой и страстной книге о любви к человеку, о мужестве, о силе социалистического гуманизма, воспитывающей и переделывающей людей. Великий Горький считал „Педагогическую поэму“ одним из самых значительных произведений в литературе.

А. С. Макаренко являлся лучшим представителем нового типа писателя – писателя социалистической эпохи, и в „Педагогической поэме“ он рассказывал о деле своей жизни, которая вся без остатка отдана была народу, делу коммунистического воспитания молодёжи. Каждая строчка его произведений была им завоёвана, за каждым словом стояла вся его жизнь, вся его героическая работа. Он поистине писал кровью своего сердца, прекрасного сердца патриота, борца, педагога-художника. До конца своих дней он соединял художественную работу с педагогической, он был передовиком, новатором, подлинным революционером и в той, и в другой области.

Его произведения и его педагогическая система проникнуты мыслью о том, что вся наша действительность, вся жизнь страны победившего социализма наполнена факторами громадной воспитательной силы, и что советская педагогика должна быть основана на принципах коммунистической морали. Как истинный новатор, А. С. Макаренко дрался за свои идеи с рутинёрами. Уже самое имя его было ненавистно бюрократам от педагогики, за спиной которых нередко скрывались вредители. Но рутинёры не могли снизить громадного значения страстных произведений А. С. Макаренко.

Незадолго до смерти он подал заявление о вступлении в партию. Приём Антона Семёновича в число кандидатов в члены ВКП (б) стоял на повестке партийного собрания 4 апреля с. г.

Жизнь свою Антон Семёнович прожил как непартийный большевик. Для него литература была практической работой по формированию новой личности. Быть может, именно поэтому А[нтон] С[еменович] был связан с читательской массой больше, чем какой бы то ни было другой писатель. Со всех концов Союза к нему писали и лично приезжали люди, которым нужен был совет большого и чуткого человека.

Последнее время писатель работал ежедневно чуть ли не круглые сутки, стремясь скорее рассказать читателю всё то, что казалось ему нужным, полезным для дела коммунистического воспитания. Он работал над второй частью своей книги „Для родителей“ – произведения, ставшего настольной книгой матерей, отцов, воспитателей в нашей стране...

Недавно он пережил радость: правительство наградило его орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в области литературы. Наш народ умеет ценить людей, до конца преданных ему.

Антон Семёнович Макаренко принадлежал к типу общественных деятелей сталинской эпохи – он был ясным и определённым во всей жизни и работе, он страстно любил народ и страстно ненавидел врагов народа.

Память об Антоне Семёновиче Макаренко – это светлая память об одном из наиболее достойных представителей советской социалистической литературы.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ».

14. Помощь Литфонда вдове писателя-орденоносца

В апреле 1939 г., т. е. непосредственно после смерти А. С. Макаренко, комиссия Правления Литфонда оказала вдове покойного обширную помощь. Так, на заседании от 10 апреля, когда на повестке дня стоял пункт «О помощи семье умершего писателя-орденоносца А. С. Макаренко», постановили:

«Согласно письму директора Гослитиздата т. Лозовского выдать вдове писателя Макаренко А. С. 8.000 руб. (восемь тысяч рублей) и считать письмо Гослитиздата от 5-го апреля 1939 г. как гарантию возврата Литфонду этой суммы.

Утвердить ранее выданные 2.000 руб. как пособие семье Макаренко в связи с его смертью.

Списать задолженность по возвратной ссуде за покойным А. С. Макаренко в сумме 2.000 руб.

Поручить Юрчасти Литфонда (т. Шафрову) помочь вдове т. Макаренко в оформлении её наследственных прав».

А 20 апреля комиссия решила судьбу «заявлений о путёвках в санатории», в том числе внесла следующий пункт: «Письмо писателей за подписями т.т. Финка, Ермилова и Вишневского о предоставлении санаторной путёвки вдове А. С. Макаренко – Г. С. Макаренко». Постановили: «Предоставить путёвку в санаторий, согласно мед. показаний за счёт ЛФ».

15. Дата и причина смерти Барской – некролог

Причина смерти М. А. Барской в публикациях: самоубийство, а дата – 1937–1939 гг.

Н. Милосердова пишет: «Оказывается, никто не знает дня, когда она покончила [с собой]». Исследовательница продолжает свидетельствовать: это «случилось 23 июля 1939 года. [...] информация абсолютно достоверна, получена из Центрального Управления архивов ЗАГС г. Москвы. [...] выбросилась с пятого этажа из окна своей квартиры на улице Герцена и несколько часов мучительно умирала. [...] По другой версии, она бросилась в пролёт лестницы на „Союздетфильме“ [...]». М. А. Барская похоронена на Новом Донском кладбище.

В архивном фонде «Правление ССП ССР. Секция драматургии ССП. 1939 г.» находится машинописный некролог с рукописной датой «Июль 1939 г.». Вот этот текст, который до сих пор не был известен исследователям:

«Маргарита Барская

Покойная М. А. Барская широко известна и детскому, и взрослому зрителю СССР своей картиной „Рваные башмаки“. Поставленный в 1933 г., этот фильм и на сегодняшний день остаётся одной из лучших детских кинокартин. С большой теплотой показано в ней безрадостное детство зарубежных пролетарских ребят, даны запоминающиеся живые образы маленьких друзей и помощников взрослых в революционной борьбе. Крупным достоинством этого фильма была умелая тонкая работа М. Барской с детьми, исполнявшими главные роли.

Следующая постановка М. Барской – „Отец и Сын“ имела ряд существенных ошибок и политического, и художественного характера, и на экраны фильм выпущен не был. М. Барская стойко перенесла эту творческую неудачу и, „засучив рукава“ (как она писала об этом в одном из №№ журнала „Искусство Кино“ за 1936 г.), принялась за новые работы. Она писала сценарии коротких фильмов для детей, стремясь через детские занятия и игры передать на экране темп и дыхание советской действительности. Её последний сценарий – „Красная Армия“.

М. Барская была талантливым сценаристом и режиссёром. М. Барская была подлинным энтузиастом детской кинематографии.

Бюро Секции драматургов ССП».

Последняя строчка данного текста зачёркнута; далее ручкой пояснение: «Некролог не посылать в печ[ать] (подпись)». Этим объясняется то обстоятельство, что о смерти М. А. Барской в советской печати ничего не было опубликовано.

О причинах, толкнувших Маргариту Александровну на самоубийство, по-моему, нельзя сказать что-либо окончательно. Арест как «врагов народа» близких ей людей Радека и Милькина и прекращение всех отношений с кинофабрикой «Союздетфильм» привели сценариста-режиссёра к полной творческой и общественной изоляции – её заявление о путёвке в психоневрологический санаторий можно истолковать только таким образом. Как видно из представленных здесь материалов, единственной надеждой на спасе-

ние для Барской оставался – как она надеялась – Сталин, а реальной опорой среди писателей – Макаренко.

О том, какое значение в жизни М. А. Барской имели отношения с Макаренко, можно судить по единственной записи такого рода из её архива, сделанной после безвременной кончины Антона Семёновича. Данный текст ещё раз подчёркивает личный характер их отношений. Вот эта запись:

«Есть люди, с которыми не вяжется представление о смерти. Это люди громадного творческого жизненного наполнения. Таким был Макаренко. Сказать о таком человеке „был“ – это нестерпимо больно.

Чтобы почувствовать горечь потери, надо знать и ценить то, чем обладаешь в полную меру, когда оно есть.

„Голова выпила кровь из сердца“, но в голове кровь сердца.

Стрекозёл

У него тоже маленькая, лёгкая рука. Эти люди с такими руками, какая у них чувствительная нежная хватка...

Я ему сказала, что „Поэма“ может меня организовать и наладить душу в любой мрачный момент. Если я иногда летела в пропасть, чуть не [в] безнадёжность, стоило открыться на любом месте, и я буквально заново хотела жить и делать. Он при этом схватил книгу с полки и говорит:

– Ну в чём же дело, давайте сейчас прочтём что-нибудь, раз это единственное действенное лекарство.

А я ему ответила:

– Что я, с ума сошла, что ли? Когда вы здесь живой, вы на меня тратите столько же таланта, как на „Поэму“, и результаты вполне хороши. Я говорю о том времени, когда я вас не знала, и теперь только в том одном случае, когда вы надолго уехали, и мне смертная скука стала в какой-то день. Не от того, что вас сию минуту нет, а от того, что нам с вами вот и придётся друг друга в какой-то мере всегда лишаться».

Таков был трагический финал этой необыкновенной истории дружбы двух незаурядных личностей – как прерванный полёт, как оборванная на высокой ноте песня...

* * *

В 1993 году, в процессе подготовки двухтомника академического издания переписки А. С. Макаренко с женой («Ты научила меня плакать...»: Московский издательский центр «Витязь», 1994–95, серия «Неизвестный Макаренко», составители: Г. Хиллиг и С. Невская), директор РГАЛИ рассказала моей коллеге Светлане Сергеевне Невской, что некая женщина в 1960-е годы хотела продать архиву большое количество писем Антона Семёновича 1938–1939 гг. к некой прекрасной даме (возможно, «Маргарите»), но дирекция тогдашнего ЦГАЛИ СССР не приняла это предложение, так как рецензент не счёл их ценными. Имя рецензента директор вспомнить не смогла. По её словам, письма Макаренко были очень романтичными, но она не помнила фамилию адресата.

Помнила только, что их приносила родная сестра получателя писем. А получателем этого «клада», вне всякого сомнения, была М. Барская. Но где сейчас находится этот «клад»?..

По следам необыкновенной дружбы: Антон Макаренко – Маргарита Барская / Гётц Хиллиг // Ковчег. – XXXVIII. – 2013 – № 4 – С. 143–172.

Від редакції "ПМ": У 2013 р. науково-методичний журнал "Постметодика" святкує 20-річчя від часу свого заснування (див. "ПМ" № 1, 2013). У зв'язку із цим у журнал надходять привітання. У цьому номері друкуємо одне із них.

МАКАРЕНКО НУЖНО ИССЛЕДОВАТЬ И СОХРАНИТЬ – ЭТО НАША ОБЩАЯ ЗАДАЧА

Г. Хиллиг

В поздравлении с 20-летним юбилеем научно-методического журнала "Постметодика" иностранный член Национальной академии педагогических наук Украины и Российской академии образования, руководитель лаборатории Марбургского университета (ФРГ) "Макаренко-реферат", вице-президент Международной макаренковской ассоциации, доктор филос. наук Гётц Хиллиг делится воспоминаниями о многолетнем плодотворном сотрудничестве с коллективом журнала, оценивает вклад издания в современную методику образования, акцентирует на задании издателей и макаренковедов по исследованию и сохранению наследия А. С. Макаренко.

Ключевые слова: А. С. Макаренко, "Постметодика".

Хіллїг Г. Макаренко потрібно дослідити і зберегти – це наше спільне завдання

У вітанні з 20-річним ювілеєм науково-методичного журналу "Постметодика" іноземний член Національної академії педагогічних наук України і Російської академії освіти, керівник лабораторії Марбурзького університету "Макаренко-реферат" (ФРН), віце-президент Міжнародної макаренківської асоціації, доктор філос. наук Гьотц Хіллїг ділиться спогадами про багаторічну плідну співпрацю з колективом журналу, оцінює вклад видання в сучасну методику освіти, наголошує на завданні видавців та макаренкознавців дослідити і зберегти спадок А. С. Макаренко.

Ключові слова: А. С. Макаренко, "Постметодика".

Hillig G. Makarenko Needs to Be Researched and Saved – This Is Our Common Task In his message to the 20th anniversary of the scientific and methodical journal "Postmethods" foreign member of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine and the Russian Academy of Education, Head of Laboratory of the Marburg University " Makarenko-Referat " (Germany) , Vice President of the International Makarenko Association, Ph. Dr. Goetz Hillig shares recollection about fruitful cooperation with the team of the journal, evaluates its contribution to the modern methods of education, focuses on the task of publishers and experts in Makarenko's heritage research and preservation.

Keywords: A. S. Makarenko, "Postmethods".

Шановні колеги, дорогі друзі!

С 20-летним юбилеем Вас поздравляет человек, который иногда на своём любимом коньке «Макаренко» показывается на страницах Вашего необыкновенного журнала – в рубрике «Ретрометодика» или «Читальный зал». Моему заграничному (немецкому) коньку в этом ярме очень хорошо, потому что он всегда под внимательным присмотром. В конюшне «Постметодика» коньку «Макаренко» в любое время обеспечено хорошее отношение.

Имею в виду обращение с моими рукописями, их публикации в Вашем журнале. Я сам уже точно не помню, как нашёл «Постметодику». Информацию, по всей вероятности, я в 1998 году получил от члена редколлегии Владимира Моргуна. Ранее, сразу же после перестройки, мне удалось опубликовать некоторые из моих макаренковедческих материалов в киевском периодическом издании «Радянська (Рідна) школа», конечно, на рідній мові. Полтавский журнал открыл мне возможность, прямо в сердце педагогической мысли и практики в Украине – там, где в течение 12 лет прожил и проработал А.С. Макаренко, родной язык которого, как известно, был русский, – опубликовать мои русскоязычные статьи. Примечательно также и то, что я мог цитировать фрагменты украиноязычных источников в оригинале, без их перевода на русский язык. Этим шансом я воспользовался в двух моих первых публикациях в Вашем журнале – «Двенадцать мгновений судьбы. Малоизвестные страницы жизни и деятельности А.С. Макаренко (июнь – октябрь 1936 г.)», ПМ 1999, № 1, и «Григорий Ващенко и Антон Макаренко. Взаимоотношения двух полтавских педагогов», ПМ 2000, № 1–2. Это было начало плодотворного сотрудничества.

По следам необыкновенной дружбы: Макаренко – Барская

«Постметодика» – это современная методика преподавания, образования и воспитания, зорко стоящая «на посту» украинской педагогической мысли. Я рад за Вас. Так держать!

Уважаемые сотоварищи по редколлегии, дорогие и любимые члены редакции, дорогой Сергей! Желаю Вам крепкого здоровья, а это очень важно, творческих сил и успехов, всего хорошего!

Ваш соратник (по-прежнему в седле своего любимого конька «Макаренко»)

Гётц Хиллиг

17 мая 2013 г., г. Марбург, Германия

Макаренко нужно исследовать и сохранить – это наша общая задача / Гётц Хиллиг // Постметодика – 2013 – № 4 – С. 64.

ГЁТЦ ХИЛЛИГ

ОБ ОДНОЙ ЗАБЫТОЙ СТЕНОГРАММЕ

В середине октября 1938 года Антон Семёнович Макаренко выступал с лекциями в городе на Неве. Одна из них проходила в Областном доме учителя. Аудиторию составили учителя начальных и средних школ Ленинграда и Лениниградской области. Вступительное слово, посвящённое характеристике творчества педагога-писателя, произнёс известный литературовед Цезарь Самойлович Вольпе (1904–1941).

Стенографический отчёт об этой встрече был впервые опубликован в «Учительской газете» от 15 и 18.12.1940.г. и перепечатан во всех советских и постсоветских собраниях сочинений А.С. Макаренко. Однако в этих публикациях текст лекции был в той или иной мере сокращён и изменён, а «вступительное слово тов. Вольпе о творчестве Антона Семёновича Макаренко» во всех этих изданиях отсутствует. Причиной, скорее всего, явились цензурные соображения, поскольку Ц.С. Вольпе считался фигурой политической неблагонадёжной.

В 1929–1933 годах он был главным редактором ленинградского журнала «Звезда». В 1933 году на свой страх и риск, несмотря на цензурный запрет, напечатал в № 5 «Путешествие в Армению» Осипа Мандельштама, за что был уволен. Брат Цезаря Самойловича Абрам был репрессирован.

О дате и обстоятельствах смерти Ц.С. Вольпе до сих пор нет точных сведений. И всё же можно отталкиваться от того, что он «погиб в возрасте тридцати семи лет осенью 1941 г. при переправе через Ладожское озеро из блокадного Ленинграда». (Из предисловия к сборнику работ Ц.С. Вольпе «Искусство непохожести», М., Советский писатель, 1991. Составитель: Фредерика Львовна Николаевская-Вольпе). «Проконсультировавшись у московских и петербургских историков, я выяснил, что судно, на котором эвакуировался Ц.С. Вольпе, разбомбили немецкие самолёты, и оно затонуло вместе с пассажирами». (Виктор Снитковский, Бостон.)

Стенограмма, в которой воспроизводится «вступительное слово тов. Вольпе», впервые была опубликована в составленном мною сборнике: *Макаренко А.С. Публичные выступления (1936–1939 гг.)*, Елец, 2012, стр. 292–296, однако без информации об авторе данной речи. На след этого лица меня навёл петербургский макаренковед Зиновий Тененбойм в январе 2014 г.

То обстоятельство, что встречи с Макаренко было поручено провести не педагогам, а литературоведам, несомненно, связано с тем, что Антон Семёнович во второй половине 30-х годов был известен прежде всего как писатель; «классиком советской педагогики» он стал только в послевоенные годы.

Привожу начальную часть стенографического отчёта, содержащую выступление Ц.С. Вольпе:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: т. ГОРЕЛОВА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. *Товарищи, разрешите вечер, посвящённый творчеству Антона Семёновича Макаренко, считать открытым. (Апл.)*

Все вы с увлечением читали такие замечательные произведения Антона Семёновича, как «Педагогическая поэма», «Книга для родителей», «Флаги на башнях», поднимающие целый ряд крупных для учителя вопросов в области воспитания детворы.

Мы обратились к Антону Семёновичу с просьбой приехать в Ленинград; он дал согласие и приехал.

Порядок сегодняшнего нашего вечера намечается следующий:

1) вступительное слово тов. Вольпе о творчестве Антона Семёновича Макаренко;

2) выступление Антона Семёновича Макаренко;

3) выступления учителей и студентов, желающих побеседовать о творчестве А.С. Макаренко, и

4) заключительное слово А.С. Макаренко.

Нет возражений против такого порядка дня? (Нет.) Тогда разрешите предоставить слово тов. Вольпе.

ВОЛЬПЕ. Товарищи, я не буду поднимать тех педагогических вопросов, которые стоят в связи с книгами А.С. Макаренко. Я думаю, что товарищи сегодня на всех этих проблемах будут подробно останавливаться и спорить по существу этих вопросов. В мою задачу входит – охарактеризовать литературный смысл этих работ.

Я хотел бы начать со следующего.

Существуют книги, по отношению к которым нам безразлично, что представляет собою писатель. Когда мы читаем эти книги, нас никак не беспокоит ни физиономия писателя, ни что он думает, ни его вкусы и пристрастия. Книги А.С. Макаренко относятся к противоположному типу книг. Может быть потому, что он сам является героем своей первой книжки, а может быть потому, что он сам в этой области работает, но для нас прежде всего возникает вопрос о писателе. Это очень существенно, потому что от этого зависит в известной степени и восприятие его книг.

В «Книге для родителей» автор выступает, например, с определёнными предложениями, с определёнными формулами, имеющими обязательный характер, с выводами из целого ряда наблюдений в виде небольших новелл. В «Книге для родителей» есть разные эпизоды, часть этой книги посвящена вопросу об однополой семье; причём из этого рассказа вытекает очень категорическое предложение – ни в коем случае нельзя, чтобы в семье был один ребёнок. Если вы не можете произвести ещё ребёнка, найдите себе второго ребёнка. Есть ли это точка зрения, которую отстаивает А.С. Макаренко? – Нет, это говорится больше с провокационной целью.

Ещё один факт. – Там есть эпизод, посвящённый уходу отца из семьи. Отец бросает семью, посылая затем ей деньги. Деньги эти унижают человеческое достоинство матери, возбуждают неуважение к ней со стороны детей. В конце концов она бросает отцу эти деньги в лицо, и, когда он спрашивает: «Как это понимать?» – она говорит: «Понимайте это как пощёчину».

Вывод из этой новеллы, казалось бы, такой, что отцы ни в коем случае не должны бросать свою семью и, если вы женились, то на всю жизнь оставайтесь в этой семье. И тут же опять встаёт вопрос – что же, это есть точка зрения А.С. Макаренко? – Мне кажется, при обсуждении этого приходится иметь в виду одну особую форму книжек, при которой писатель, возмущённый такой постановкой вопроса, противопоставляет ей свою собственную. Можно принять эти простые рецепты за истину, и тогда очень нетрудно против них и выступать. Но, мне кажется, вопрос здесь сложнее.

Второй вопрос, который возникает с темой книги, связан с тем, что «Книга для родителей» не отвечает всем вопросам, которые этой темой раскрываются. Правда, писатель пишет, что будет ещё второй том. Но мне Антон Семёнович говорил, что он предполагает выпустить четыре тома: I т. – коллектив и семья, II т. – нравственное воспитание, III т. – вопросы интернационального [профессионального. – Г.Х.] воспитания и IV т. – вопросы эстетического воспитания в широком плане.

Таким образом, если подходить к этой книжке с точки зрения того, все ли вопросы там разрешены из числа стоящих в семейном коллективе, – то надо сказать, что не все разрешены. В критической литературе делали нападения на неё и по этой линии.

Форма этой книжки такова: она представляет собой небольшие новеллы с постскриптумами, написанными статейным языком. После живого беллетристического рассказа выводы, преподнесённые статейным языком, режут слух, привыкший к свободному изложению. Вот почему некоторые родители и читатели склонны обвинять А.С. Макаренко в менторском тоне. Я думаю, что это вытекает из самого принципа композиции. Может быть, он откажется от этого принципа композиции, а может быть, он эти резюме так и оставит, потому что они в этой книге являются очень органической [органичной. – Г.Х.] частью, и вообще, когда мы имеем дело с раз-

ным планом литературы, лучше всего пользоваться разным языком. Есть масса классических примеров, когда язык служил лучшим средством композиции (возьмём, скажем, «Мёртвые души», где два языка Гоголя создают два движения вещи).

Затем, мне кажется, потому что книжка преследует такую очень точную задачу, все отступления в новеллах производят впечатление некоторых длиннот. Скажем, когда рассказывается о библиотекаре, то идёт подробное описание книг и как они себя чувствуют. По контексту эти куски могли бы и не быть. И вот эти куски являются наиболее уязвимой стороной в плане литературной конструкции.

«Книга для родителей» также написана от первого лица и также представляет нам писателя, выступающего с определённой программой.

Исключением из этой струи книжек его повесть «Честь». Это повесть, которая разрослась в роман, и я думаю, что это – наиболее слабое произведение Антона Семёновича. Там есть очень хорошие куски, но вся вещь в целом написана в той манере, которая совершенно не даёт возможности представить нам автора. А так как эта книга претендует всё-таки на постановку проблемы чести, как представляли себе, что такое честь, до Октября, как всё это трансформировалось во время Октябрьской революции, то читатель ждёт прямых ответов на поставленный вопрос, произведение должно на эту тему ответить. Но так как само развитие действия не связано с этой темой, то писателю приходится заставлять героев разговаривать на эти темы. Это делает вещь неподвижной, и те сильные стороны, которые существуют в произведениях Макаренко, в этой вещи пропали. Вот почему данное произведение разительно отличается от всех остальных. Там есть, конечно, замечательные куски. Например, там дан замечательный портрет Теплова, но, потому что тема чести не центральная для этого материала, – если брать события с точки зрения их идейного смысла, – потому что тема чести не разрешена в этом произведении – именно поэтому данное произведение можно выделить из тех вещей, о которых мы говорим, и это произведение, в котором личность писателя Макаренко в наименьшей степени получила отражение.

Обращаясь теперь к двум другим произведениям А.С. Макаренко: первая книжка – «Педагогическая поэма» и вторая – «Флаги на башнях». Первая рисует жизнь и быт колонии им. Горького, вторая – колонии [коммуны. – Г.Х.] им. Дзержинского. События, развивающиеся по второй книжке, относятся к периоду с 1928 по 1936 г., после чего А.С. Макаренко был назначен руководителем по борьбе с безнадзорностью и из колонии им. Дзержинского ушёл.

Первая книжка, я бы сказал, гораздо драматичнее по сюжетному развитию и по самому характеру материала, потому что там вы ощущаете, что стоит вопрос о существовании колонии; там имели место такие трагические эпизоды, которые заставили ставить вопрос о существовании колонии, и можно думать, что дело может рухнуть.

Во второй книжке этого нет. Вторая книжка – это уже работа на готовом опыте. А.С. Макаренко перешёл работать в колонию [коммуну. – Г.Х.] им. Дзержинского, переведя туда некоторое количество колонистов колонии им. Горького; остальные тоже стали к нему переключиваться, и переключалось около 75%¹. Так что это было продолжение работы, и в этом смысле это благополучный коллектив, коллектив, в котором есть отдельные сложные драматические события и отдельные сложные задачи, но в общем – коллектив этот совершенно уверенно идёт к выполнению намеченной задачи, задачи построения завода, который выпускает советские «Лейки»², фотографические аппараты. Задача эта произведением решается. Читается оно с необычайным интересом и отличается теми же свойствами, как и «Педагогическая поэма».

Если говорить о том, что представляют собой эти вещи как художественные произведения, то я бы сказал, что они относятся к тому виду художественной литературы, которая появилась у нас в самые последние годы. Это книги новых писателей, выросших уже в советской действительности, и советская действительность характеризуется ими прежде всего.

Здесь я хотел бы сделать такое маленькое отступление.

¹ Названный здесь процент переселенцев из Куряжа в новую коммуну далёк от действительности.

² «Лейка» – первый в мире плёночный малоформатный аппарат немецкой фирмы Лейц (Leitz).

Несколько времени [Некоторое время. – Г.Х.] тому назад в «Правде» была статья, в которой была подвергнута жёсткой критике опера Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Она была охарактеризована, как «Сумбур вместо музыки»³. Смысл этой критики очень важен в истории наших литературных споров. Критика эта имела огромное значение и для самого Шостаковича. После этого он написал пятую симфонию – одно из замечательных произведений нашей эпохи, которое обе столицы нашего Союза слушали с необычайным энтузиазмом. И вот, характеризуя «Леди Макбет», статья в «Правде», собственно говоря, характеризовала определённый путь в современном искусстве. Шостакович тогда полагал, что задача революции в области искусства есть задача революции в области изобразительных средств. Следовательно, задача композитора-новатора в том, чтобы разложить классическую гармонию. Именно в этом он видел революцию форм. Если бы повезли «Леди Макбет» за границу, то так называемые «левые» художники с удовольствием бы её слушали и говорили: «Да, это очень интересно, но ведь это то, что есть и у нас. У нас делают то же». «Правда» боролась за то направление нашего искусства, которое придало бы нашим художникам настоящее отличительное лицо, которое сделало бы художников художниками Советского Союза. И когда у нас встал вопрос о народности искусства, то это была борьба не только за доступность и популярность искусства. Конечно, очень хорошо, когда писатель пишет просто. Но дело не только в популярности искусства, а дело в каких-то отличительных признаках, которые за границей невозможны, аналогичных которым за границей произвести не могут.

Я позволю себе проиллюстрировать это одним примером.

Во время происходившего у нас кинофестиваля одна критика [критик. – Г.Х.] мне рассказывала, как в Нью-Йорке она смотрела «Чапаева»⁴. Это совпало со временем обострения кризиса в Америке, и поэтому кинематографы были, как правило, совершенно пусты, и только в двух кинематографах на Бродвее, главной улице Нью-Йорка, стояли огромные очереди, билеты можно было достать [только] за 3 дня. Там шёл «Чапаев». «Чапаев» шёл так, как он был выпущен, т.е. на русском языке, а внизу были сделаны надписи на английском языке для американцев. И вот она рассказывает, что когда Чапаева спрашивают: «Ты за какой Интернационал – за Второй или за Третий?», и он, не желая провалиться, говорит: «Я за тот, в котором Ленин», – то весь зал начинает со страшной силой аплодировать. А как удивительно слышать в американском кинотеатре аплодисменты! Они аплодировали тому, чего они сами произвести не могут – социалистическому содержанию советского искусства.

Ещё один пример, относящийся к этому же факту.

Маршак мне рассказывал, что одна маленькая девочка ходила смотреть «Чапаева» 17 раз. Ей говорят: «Пора и честь знать. Ты и книжку прочла, и фильм смотрела не один раз. Что же ты ходишь?» Она посмотрела на спрашивающих и говорит: «Знаете, я надеюсь, что он всё-таки выплывет!» (Смех, аплодисменты.)

Это небольшой факт, но он имеет принципиальное значение: он показывает, что сила этой картины исключительно велика – зритель не может говорить, что люди, делающие такое дело, могут погибнуть. И это есть тоже содержание нашего искусства. И вот, когда мы говорим о народности советского искусства, мы говорим именно об этой стороне, которая отражает лицо советского искусства. И у нас есть такие книги. Они написаны по большей части людьми, которые сделали большое дело в истории нашего строительства.

Я бы назвал 3 книжки: первая – «Чапаев» Фурманова, которая построена на материале личной работы Фурманова в чапаевской дивизии; вторая – «Как закалялась сталь» Островского и третья – «Педагогическая поэма» А.С. Макаренки, потому что эта книга также есть результат огромного дела, о котором читаешь с совершенным удивлением и о котором потом, я думаю, с полным основанием, будут складывать легенды.

³ Статья вышла 28.01.1936 г.

⁴ Речь идёт о фильме «Чапаев» (реж. Г. и С. Васильевы; 1934 г.), снятом по одноимённой повести Д. Фурманова.

Эти книжки написаны часто не профессионалами. А.С. Макаренко говорил мне, что когда он написал эту книжку, он не считал её художественным произведением и забросил на чердак, и только потом кто-то из его друзей её оттуда вытащил⁵.

Я должен сказать, что если говорить о книжках А.С. Макаренко, то следует отметить, что в литературном плане они обладают огромным достоинством – мы обнаруживаем в них необычайное умение автора видеть человека насквозь. В нескольких словах писатель даёт такое представление о герое своего произведения, что вы потом ни с кем его не смешаете. Это есть и в «Педагогической поэме» и во «Флагах на башнях».

Следующее большое достоинство произведений А.С. Макаренко – необычно живой диалог. Благодаря этому умению, писатель Макаренко и создал вещи, которыми наша художественная литература с полным основанием гордится и которые она отмечает как наиболее важные симптоматические явления, характеризующие становление стиля нашей народной литературы.

Разрешите мне на этом своё краткое вступительное слово закончить. (Апл.)

Об одной забытой стенограмме. / Гётц Хиллиг // Ковчег. – XLIII. – 2014 – № 2 – С. 234–238.

⁵ Имеется в виду начальник финансовой части коммуны им. Дзержинского К.С. Кононенко.

ПРИЛОЖЕНИЕ • ДОДАТОК

Список научных публикаций Г. Хиллига, вышедших в Украине (1990 – 2013) •

Список наукових публікацій Г. Хілліга, що вийшли в Україні (1990 – 2013)

1. А.С. Макаренко, його прибічники й опоненти. Доктор Хілліг розповідає... (Інтерв'ю взяв П. Ігнатенко). // Радянська освіта (Київ), 1990, 10.04., с.4.
2. Поппряпини на образі "видатного педагога". Деякі результати історикобіографічного макаренкознавства. // Радянська школа (Київ), 1991, № 3, с.86–94.
3. (Ред.:) Віталій Макаренко. Мій брат Антон Семенович. (Переклад на укр. І.С. Щербатенка). // Радянська (Рідна) школа, 1991, № 4, с.90–93; № 5, с.86–88; № 6, с.91–94; № 7, с.92–94; № 9, с.85–88, 96; № 10, с.90–94; № 11, с.94–96; № 12, с.86–95.
4. Таємниця дипломної роботи. "Автобіографічна фантазія" А.С. Макаренка чи "біла пляма" макаренкознавства? (Дискусія між Г. Хілігом та В. Моргуном). // Освіта (Київ), 1991, № 68, 17.09., с.2; також – под заглавием "Автобіографічна фантазія", або "Біла пляма" макаренкознавства – в газ.: Комсомолец Полтавщины (Полтава), 1991, № 111, 24.09., с.3.
5. Лабораторія "Макаренко-реферат" при Марбурзькому університеті. // Золоті ворота (Київ), вип.2, 1992, с.36–42.
6. (Совместно со С. Невской:) Ні Сталін, ні Ленін, ні Гегель. Метаморфози любовного листа Антона Макаренка, 1927-й рік. // Освіта (Київ), 1994, № 67–68, 12.10., с.12.
7. "Галі сниться, що у неї в гостях Сталін...". Роздуми і коментарі до дискусійної теми "Макаренко і Сталін". // Рідна школа (Київ), 1994, № 10, с.2–7.
8. Макаренко і сталінізм. Роздуми та коментарі до дискусійної теми. // Основа. Освітнянський часопис (Львів), 1994, № 18–19 (листопад), с.5.
9. (Совместно с В. Марочко; ред.:) "Я звертаюсь до суспільства" [Письмо А.С. Макаренко в редакцию газеты "Харьковский пролетарий", январь 1928 г.]. // Освіта, 1995, № 21, 17.05., с.5.
10. "Мазепинець" Ващенко про "яничара" Макаренка: взаємини відомих українських педагогів. // Рідна школа, 1995, № 6, с.69–74.
11. (Ред.:) "Ти навчила мене плакати..." Листування Антона Макаренка з дружиною – Галиною Салько (1927–1939). // Рідна школа, 1995, № 9, с.53–62.
12. (Совместно с В. Марочко:) Олександр Попів. Ким він був насправді? // Рідна школа, 1996, № 11–12, с.21–28.
13. Макаренко і сталінізм. // Директор школи. Газета для керівників шкіл (Київ), 1998, № 6 (лютий), с.3.
14. Двенадцать мгновений судьбы. Малоизвестные страницы жизни и деятельности А.С. Макаренко (июнь – октябрь 1936 г.). // Постметодика (Полтава), 1999, № 1, с.14–31.
15. (Совместно с В. Марочко и В. Моргуном:) Педагог Макаренко – "шеф" разведчиков [?] [К статье "Антон Макаренко – 'батька' шпионов" А. Текило и А. Келеберды в киевской газете «Вечерние Вести» 26.03.1999 г.]. // Бизнес недели (Полтава), 1999, № 23, 24.06., с.26.
16. (Совместно с В. Марочко:) Педагог Макаренко – "шеф" розвідників? // Радянське Прибужжя (Миколаїв), 1999, № 62, 10.06., с.6; також (совместно с В. Марочко и В. Моргуном) в жур.: Імідж. Науково-практичний освітньо-популярний часопис (Полтава), 1999, № 1, с.5–8.
17. Григорий Ващенко и Антон Макаренко. Взаимоотношения двух полтавских педагогов. // Постметодика, 2000, № 1, с.49–56; № 2, с.33–43.
18. (Совместно с Н. Оксой и В. Моргуном:) «Г. Ващенко – педагог от Бога». // Мелитополь: Мелитопольский гос. пед. университет. Кафедра педагогики, 2000, 76 с. (Opuscula paedagogica melitopolitensia, № 1).
19. Деякі штрихи до портрету Григорія Ващенко. // Шлях освіти (Київ), 2000, № 3, с.52–55.
20. А.С. Макаренко и Болшевская коммуна. // Постметодика, 2001, № 1, с.49–56; № 2, с.33–43.
21. Воспитание в кибуще. Малоизвестный опыт формирования «нового человека». // Постметодика, 2001, № 3, с.47–49; № 4, с.49–56.
22. (Совместно с Н. Оксой:) Заснування колонії імені М. Горького. // Шлях освіти, 2002, № 3, с.43–48.
23. Макаренко и власть. // А.С. Макаренко и мировая педагогика: материалы междунар. семинара 8–10 апреля 2002 г. – Полтава: Пед. ун-т, 2002, С.5–10; також в журн.: Імідж сучасного педагога (Полтава), 2002, № 4–5, с.9–13.
24. (Совместно со С. Невской; ред.:) «Макаренко – педагог, а не писатель!» (Переписка А.С. Макаренко с читательницей Т.В. Турчаниновой). // Імідж сучасного педагога, 2002, № 6–7, с.31–34; 2003, № 2, с.9–11.
25. (Совместно с Н. Оксой:) К истории возникновения колонии им. М. Горького. // Культура народов Причерноморья (Симферополь), № 38, (февраль 2003), с.87–93.

Приложение

26. Лиха беда начало. Марбургские размышления в связи с полтавской макаренковедческой публикацией. // Постметодика, 2003, № 1, с.32–39.
27. Развитие и кризис киббуцного движения. // Мелитополь, 2003, 69 с. (*Opuscula paedagogica melitopolitensia*, № 10).
28. Колония им. М. Горького – лаборатория и сцена Макаренко-воспитателя. // Постметодика, 2003, № 2, с.4–26.
29. Нас познакомил Макаренко. Мои воспоминания о Либоре Пехе. // Постметодика, 2003, № 4, с.45–46.
30. О мифе «дипломной работы» выпускника Полтавского учительского института А.С. Макаренко. // Постметодика, 2003, № 5–6, с.77–79.
31. А.М. Мизерникий – первый «шеф» заведующего колонией А.С. Макаренко. // *Історична пам'ять* (Полтава), 2003, № 1–2, с.95–105.
32. (Совместно с В. Марочко:) Репресовані педагоги України: Жертви політичного терору (1929–1941). // Київ: Видавництво Науковий світ, 2003, 304 с.
33. (Совместно с А. Абариновым:) Вредный рецензент А. Макаренко. // Постметодика, 2004, № 2–3, с.113–119.
34. Возвращение из Эрец-Израэл: рождение и гибель сельхозкоммун Войо-Нова (1928–1935 гг.). // В кн. И. Декел-Хен, Г. Хиллиг, В поисках Рая: о еврейском землеустройстве в Крыму. Ред. коллегия, Н. Высоцкая и др. Симферополь: Издат. центр БЕЦ «Хесед Шимон», 2004 (серия «*Judaica Simferopolitana*, vol.1), с.37–118.
35. А.С. Макаренко и В.А. Балицкий. Два соратника на службе украинского ГПУ. // Постметодика, 2005, № 6, с.41–43.
36. «В Викерсдорфе нет, по крайней мере, ни царя, ни бога, ни казармы...» Два неизвестных свидетельства из Украины о Свободной школьной общине (1924/25 гг.). // Постметодика, 2006, № 1, с.44–48.
37. Возвращаясь к теме: А.С. Макаренко и Болшевская коммуна. // Постметодика, 2006, № 5, с.44–55.
38. Это удивительно, коллега Фролов! К изданию нового собрания сочинений А.С. Макаренко // Постметодика, 2008, № 1, с.40–45.
39. Предисловие к статье В.Г. Бейлинсона «Макаренко и Сталин: новый взгляд. Записи бесед с очевидцами (1954–1974)» // Постметодика, 2010, № 1, с.54.
40. Москва contra Ленинград. Возвращаясь к теме: Антон Макаренко и Наталья Гирей. // Постметодика, 2010, № 3, с.52–64; № 4, с.29–44.
41. На путях к научной биографии А.С. Макаренко. // Постметодика, 2011, № 1, с.23–26; № 2, с.54–57; № 3, с.53–56; № 4, с.13–17; № 5, с.53–58.
42. В Украину, к Антону Макаренко... 40 лет исследований на родине кумира. // Постметодика, 2013, № 1, с.6–11.
43. Вновь открывая Макаренко-оратора. Слово на презентации в Елецком университете книги «А.С. Макаренко. Публичные выступления (1936–1939 гг.)». // Постметодика, 2013, № 1, с.12–13.
44. Как Макаренко добрался до Америки. Об истории брошюры «Дети в стране социализма». // Постметодика, 2013, № 1, с.14–18.
45. А.С. Макаренко – участник празднования 300-летия царствования Дома Романовых, проходившего в феврале 1913 года в железнодорожном училище на станции Долинская. // Постметодика, 2013, № 3, с.59–60.
46. Вместо Парижа – в Сталинград. К 80-летию волжско-черноморского похода коммунаров-дзержинцев. // Постметодика, 2013, № 3, с.61–64.
47. Макаренко нужно исследовать и сохранить – эта наша общая задача. // Постметодика, 2013, № 4, с.64.

АВТОБИОГРАФИЯ • АВТОБІОГРАФІЯ

Гётц ХИЛЛИГ (Hillig), (1938–2019), родился в г. Хемниц (Кемниц, Chemnitz). В 1965 г. окончил Франкфуртский университет (специальности: германистика, география, педагогика). Д-р философских наук, приват-доцент истории педагогики. Руководитель лаборатории «Макаренко-реферат» педагогического факультета Марбургского университета (ФРГ; осн. в 1968 г.) – в 1998–2003 гг. Президент, в 1991–1998 гг. и с 2003 г. Вице-президент Международной макаренковской ассоциации (осн. в 1991 г. в Полтаве); Иностранный член НАПН Украины (с 1996 г.) и РАО (с 2004 г.).

Составитель 8 томов двуязычного «Марбургского издания» Собрания сочинений педагога-писателя Макаренко, а также 25 выпусков международной серии «*Opuscula Makarenkiana*». Имеет монографии и большое число печатных работ в авторитетных журналах Германии, России и Украины.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН • ПОКАЖЧИК ІМЕН

!!! Номера страниц в указателе сдвинулись !!!!

- Абакумов В.С. 267, 723
 Абаринов А.А. 284–390, 434, 528, 591, 592, 619, 641, 642, 648, 649, 693, 757
 Абашкина Н.В. 159, 233
 Абчук 358
 Авдеенко А.О. 624
 Авербах И.Л. 129, 244, 245, 336, 560
 Авербах Л.Л. 128, 129, 132, 181, 240, 241, 244, 557, 560, 561, 563, 596
 Автономов А. 542, 544, 547, 549, 552, 553
 Агранов Я.С. 267
 Агранова В. 267
 Адалис А.Е. 171, 172, 182, 260, 591
 Адамович С.И. 355, 380–381
 Адлер (Adler) Г. 331
 Адуева В.И. 723
 Азаров Ю.П. 198, 208, 216, 233
 Азеф Е.Ф. 389
 Аландский П.И. 654
 Алексеевич Г.А. 190, 191
 Алмазов А.М. 451, 455, 476
 Алтарёв П.В. 291, 321
 Альтгаузен Д. 621–622, 629
 Анвайлер (Anweiler) О. 69, 72, 189, 191, 192, 194, 195, 216, 513, 702
 Ангаров А.И. 240
 Андреев А.А. 240, 271, 282, 593, 594
 Андреев Л.Н. 298, 299, 386, 389
 Аникин Н. 264
 Антонец М.Я. 233
 Арагон (Aragon) Л. 21
 Аракчеев А.А. 280, 489, 495
 Аралов С.И. 530
 Аркин Е.А. 170
 Арнаутов В.А. 484, 577
 Архангельский П.П. 65
 Асеев П.Н. 403
 Астахова Н. 182
 Астор 541, 705
 Афиногенов А.Н. 181, 241, 327
 Ахматов (Ахманицкий) Л.С. 127, 131, 132, 213, 235, 258, 263, 308, 316, 317, 319, 330, 332, 348, 352–353, 354, 365, 372, 377, 429–430, 528
 Ахматова А. 43, 132
 Аш (Ash) Ш. 446
 Ашравян З.А. 336
 Бабель И.Э. 237, 263
 Бабич И. 375
 Бабиченко Д.Л. 240, 586, 593
 Багинский 553
 Бакич(-Шестакова) Е.Д. 471–473
 Балабан 382
 Балабанович Е.З. 39, 40, 64, 110, 111, 139, 143, 146, 152, 153, 161, 163, 181, 184, 190, 199, 203, 209, 211, 249, 252, 253, 255, 256, 282, 313, 344, 412, 413, 414, 415, 419, 423–424, 425, 433, 434, 439, 446, 447, 460, 536, 621, 624, 626, 627, 734
 Балакин А.С. 541, 567
 Балицкая Л.А. 382
 Балицкая Н.А. 126, 210, 291, 424, 430, 526–527
 Балицкий В.А. 87, 120, 125, 126, 127, 131, 133, 151–152, 210, 213, 216, 235, 236, 237, 262, 263, 265, 267, 283, 291, 292, 294, 296, 304, 309, 321, 322, 329, 331, 332, 333, 347, 348, 354, 366, 372, 377, 380, 382, 383, 384–385, 424, 425, 430, 526–530, 557, 558, 619, 620, 645, 646, 715, 738, 757
 Баранов С.П. 162
 Бараш Б.Л. 69
 Барбаров Р.О. 120, 422, 556
 Барбюс (Barbusse) А. 727
 Барская А.М. 719
 Барская Е.М. 719, 742
 Барская М.А. 704, 719–746
 Барский Д.И. 719, 722
 Барсук Е.С. 296
 Баилова Т.С. 479
 Батова Е. 555, 557
 Бауманн (Baumann) У. 194
 Бачинский 120
 Безбожный В.В. 611, 613
 Безрук К.М. 211, 212, 232, 256–257, 385, 431, 432
 Бейлинсон В.Г. 233, 527, 529, 595, 614, 757
 Бейст 280
 Белковский К.И. 71, 442, 502, 503, 516, 519, 520
 Белоус В.М. 63, 69
 Беллерате (Bellerate) Б.М. 34, 179
 Белоконь (Білоконь) С.Б. 213, 263
 Белоусов С.Н. 50
 Белых Г. 337
 Бельский Я. 544
 Бенами 498
 Бергельсон Д.Р. 282, 708, 709
 Бергманн (Bergmann) 552, 553
 Бердов Г.В. 265, 288
 Берельковский И.В. 245, 270, 564, 565
 Берия Л.П. 267, 276, 530, 723
 Берлин Р.Л. 450, 456, 483, 487–496, 629, 630, 636
 Берман А.М. 381
 Берман В.С. 331, 354, 355, 364, 365, 382
 Бернфельд (Bernfeld) З. 19, 501, 508
 Бесс (Bess) 546, 548, 549
 Бесчамятников 594
 Бетховен (Beethoven) Л. ван 294, 331, 658
 Бехтерев В.М. 644
 Бехгейм (Bechheim) М. 28
 Бизе (Bizet) Ж. 331
 Биндюк 442, 502, 519
 Бирюков 363
 Блат 120
 Блинникова 623
 Блонский П.П. 49, 188
 Блохманн (Blochmann) Э. 72
 Бобович И.И. 611, 613, 614, 615, 617
 Бобринский А.А. 549, 567
 Бобрицкая В. 282
 Бобунов А.Г. 46, 66, 369, 371, 633

- Бойм А. 114, 214, 430
 Богданов А.А. 311
 Богословский С.П. 543, 548, 549, 552, 555, 562, 566, 567
 Богуславский 108
 Бонзак (Bohnsack) Ф. 72
 Большеменников А.П. 281
 Бондаренко Л. 541
 Бондаренко О.П. 403
 Бондарь Б.А. 363, 380
 Борисенков В. 13, 571
 Борискина К.Т. 332, 333
 Борисов Ф.С. 107, 111, 658
 Борок И.О. 324
 Бочачер М. 94, 173, 228, 304
 Бочачер Ф.М. 304
 Брежнев Л.И. 342
 Брейслер М.М. (И.М.) 233, 349
 Бронево́й А.О. 120, 126, 127, 223, 283, 284, 292, 313–314, 308, 315, 327, 387, 424–425, 427, 541, 554, 635, 715, 717
 Брун (Bruhn) 397
 Бруховецкий Ф.Ф. 206
 Брюнелли С.Л. 251
 Бубнов А.С. 81, 115, 193, 251, 254, 326, 622, 640
 Буксвайлер (Buchswiler) М. 357
 Букшпан М.М. 120, 126, 133, 213, 263, 265, 271, 290, 314, 354, 546, 716
 Букшпан Т.И. 271, 290, 332
 Булгаков М.А. 117, 307, 326, 327, 337
 Булгакова Е. 326
 Булганин Н.А. 706
 Бунин И.А. 701
 Бурлаки Я.И. 233
 Буряк И.Д. 443
 Бутвин В.Д. 440, 441, 476
 Бухарин Н.И. 210, 254, 281, 386, 388, 423, 424, 425, 446, 505, 578, 592
 Бухка (Buchka) 504
 Буш (Busch) А. 88
 Буш (Busch) Ф.В. 88
 Быблюк (Bybluk) М. 92, 97
 Быковец (Биковець) М.Н. (Марчук, Марусик М., Невірна Х., Ясум) 82–84, 87, 451, 479–487
 Былов (Bülow) Б. 736
 Вайтс (Weitz) З. 18, 28, 33, 73, 74, 137, 184, 218, 435, 457, 502, 504, 509, 510, 512, 514, 515, 519, 553, 562, 570, 576, 582, 627, 645
 Ваксберг (Waksberg) А. 267, 282
 Вакуленко Н.А. 89, 92
 Вальден (Walden) Г. 544, 547
 Васильев Г.М. 235, 314, 383
 Васильевы Г. и С. 752
 Васкович Г. 94, 496
 Ващенко Г.Г. 220, 224–225, 391–409, 457, 498, 513, 514, 637, 693, 695, 748, 755, 756
 Ващенко О.Г. 392, 403
 Ведмицкий А.Н. 88, 94
 Вейс (Weiß) Е. 517
 Вейсберг Г.П. 69
 Венер (Wehner) М. 255
 Вересаев В.В. 595
 Веселов А.Н. 59
 Весич В.А. 493
 Ветров Б. 343
 Ветров И. 233
 Ветухов М.А. 224
 Вигдорова Ф.Д. 65, 70, 347
 Виктор 472
 Виль (Wiehl) И. 18, 28, 73, 95, 137, 159160, 207, 218, 570, 582
 Вильямс В.Р. 706
 Винекен (Wyneken) Г. 97
 Винклер (Winkler) М. 504, 508, 515, 516, 517
 Виноградов А.К. 282
 Виноградова М.Д. 44, 78, 161, 183, 346, 488, 580, 582, 624, 627
 Винтман А. 66
 Виппер Р.Ю. 654
 Вирта Н.Е. 229, 254, 258–259, 260, 262, 279, 383, 589, 590–591, 597, 617
 Вислов И. 47, 66
 Виткуп Б.А. 495
 Виттиг (Wittig) Х.Э. 153
 Вич Л. см. Герасимович Г.
 Вишневский А. 245, 560
 Вишневский В.В. 45, 46, 66, 235, 240, 383, 594, 743, 744, 745
 Владимир Мономах 650
 Воевода М.И. 296–297, 308
 Войтинская О.С. 282, 593
 Волков Б.В. 30, 75, 93, 197, 206, 215, 268, 628
 Волкштейн 314
 Волнин А.К. 80–81, 91, 92, 142, 474, 524, 656
 Волченко И. 330
 Вольпе А.С. 749
 Вольпе Ц.С. 292, 749–753
 Вольский Е.Н. 227
 Вормсер-Мигот (Wormser-Migot) 33, 184
 Воронова М. 633
 Ворошилов К.Е. 241, 310, 311–312, 337, 567, 706
 Восленский М. 130
 Врубель М.А. 294
 Вугман И. 52, 67
 Выгодская Э.И. 608
 Выгодский Д.И. 603, 608
 Высоцкая Н.С. 13, 507, 613, 614, 757
 Вышинский А.Я. 129, 244–245, 709
 Гаврилов М.С. 452
 Гай Саллуст (Gaius Sallustius) 661
 Гайдамакина Т. 414, 417
 Галей М.Т. 196
 Гамсун (Hamsun) К. 445, 736
 Ганелин Ш.И. 66
 Ганенко Е.П. 468–471
 Гаррос (Garros) В. 266
 Гасилов Г.В. 116, 120, 161, 195, 622, 625
 Гаченко Е.П. 468
 Гегель (Hegel) Г.В.Ф. 199, 210, 755
 Гей 546
 Гельмонт А.М. 62, 63
 Герасимова В.А. 223, 282

- Герасимович В.А. (Вич) 147, 257–258, 587, 589
 Герлениг-Друзинский (Hering-Drusinskij) Г. 621
 Гёте (Goethe) И.В. 422
 Гетманец М.Ф. 75, 139, 145, 152, 153, 161, 218, 231–232, 252, 307, 390, 698, 711
 Гизюбель (Giesübel) Б. 504
 Гизеке (Giesecke) Х. 500, 501, 504, 510, 511, 514, 515
 Гирей (Султан-Гирей, -Ивановская) Н.М. 124, 149, 231, 257–258, 259, 260 585-620, 758
 Гитлер (Hitler) А. 63, 244, 249, 336, 431, 543
 Гладков Ф.В. 229, 274, 275
 Гладстон (Gladstone) У.Ю. 275
 Гладыш С.Я. 541, 543, 545, 547, 552, 554, 555, 565, 566, 567, 568
 Глинка М.И. 321
 Гмурман В.Е. 16, 20, 61, 66, 68, 69, 76, 102, 103, 105, 129, 163, 182, 183, 250, 247, 253, 260, 251, 261, 320, 351, 352, 392, 533, 580, 591, 624, 642, 702
 Гоголь Н.В. 39, 750
 Голант Е.Я. 66
 Голован Я. 411
 Головченко И.Х. 265, 288-289
 Голубев 331
 Гольдес 58
 Гончаров В.А. 254
 Гончаров Н.К. 59, 64, 68, 70, 654
 Горбунов К. 541, 646
 Гордин Л.Ю. 20, 44, 136, 137, 139, 152, 161, 163-164, 181, 182, 183, 190, 572, 582
 Горелова А.Е. 594, 750
 Горонович Б.Ф. 39, 40, 141, 293-494
 Горький А.М. 14, 21, 22, 27, 28, 30, 39, 46, 71, 76, 80, 83, 84, 85, 86, 93, 107, 126, 128-129, 131, 135-138, 141, 142, 146, 169, 190, 192, 203, 208, 212, 225, 227, 233, 236, 237, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 250, 286, 290, 292, 298, 303, 304, 305306, 309, 311, 312, 315, 308, 327, 328331, 334-337, 344, 348, 350, 357, 363, 384, 386, 422-423, 424, 430, 433, 444, 445, 446, 447, 497, 505, 541, 543, 544, 548, 554, 555, 556, 557, 558, 560, 561, 563, 578, 583, 591, 594, 597, 621, 631, 636, 640, 644, 646, 649, 650, 652, 659, 669-687, 699, 720, 726, 727, 739, 744
 Граф (Graf) О.М. 555
 Григорович Д.И. 40, 141, 165
 Григорович Е.Ф. 40, 42, 106, 113, 119, 132, 141, 144, 202, 413, 415, 521, 664
 Григорьев Г. 144
 Григорьев Н.А. 156, 190, 496
 Гримм (Grimm) Р. 504
 Гринько Г.Ф. 157, 440, 461, 475
 Гротхоф (Groothoff) Х.Г. 72
 Груздев П.Н. 66
 Грушевский М.С. 88
 Грушевский Н.Д. 263, 267, 354
 Губанов Г. 612
 Гулак-Артёмовский С.С. 331
 Гуно (Gounod) Ш. 331
 Гунчик И. 218
 Гуреев А.Т. 690
 Гуреева А.М. 690
 Гюнтер-Шелльхаймер (Günther-Schellheimer) Э. 138, 159, 207, 390, 411, 533
 Даденков Н.Ф. 161
 Данстэн (Dunstan) Д. 20, 152, 153, 645
 Данте Алигьери (Dante Alighieri) 611
 Данцкер 375
 Данюшевский И.И. 48, 63
 Дедулин Г. 663, 666
 Декель-Хен (Dekel-Chen) И. 757
 Демьян Бедный 274
 Деникин А.И. 132, 140, 144, 296, 393, 412, 413, 414, 456, 484, 498, 642
 Джичоева Е.Г. 614
 Дзержинский Ф.Э. 267, 367, 393, 527, 541, 542, 619
 Дзубинский С. 65
 Дидоренко С.А. 292, 318, 319, 331, 354, 355, 381, 655, 716
 Диковский С. 543, 546, 548
 Димара (Дымарь) М.В. 88
 Диц (Dietz) Э. 411
 Дичаров З.Л. 609
 Дмитриев (Dmitrieff) А. 261, 533
 Дмитриенко Ю. (Руденко Ю.Д.) 208, 233
 Добродицкий 716
 Доброжинский 313
 Добролюбов 48
 Долгин Е.С. 136, 137, 183, 190, 267, 269, 690, 691
 Донская Я.Е. 670
 Достоевский Ф.М. 298-299, 445
 Драганов С.И. 319
 Драгонов П.П. 316
 Дридзо В.С. 195, 196
 Друзин В. 586
 Дубровский 733
 Дукельский С.С. 733
 Дусавицкий Г. 332
 Дьюи (Dewey) Ч. 392
 Дюжен В.М. 158, 188, 211, 408, 426, 514
 Евстигнеев-Беляков А.Ф. 164-165, 170
 Егоров Н.М. 612
 Ежов Н.И. 132, 134, 148, 213, 237, 240, 241, 256, 265, 267, 269-270, 271, 275, 277, 433, 530, 561, 567, 594, 691, 692, 738
 Езерницкая О.М. 290
 Езерницкий М. 290
 Ерёгина Т. 13
 Ермак (Эрмак) А.П. 449, 450, 457, 583
 Ермилов В.В. 15, 46, 62-63, 65, 68, 69, 176, 250, 251, 281, 597, 633, 743, 745
 Ермоленко В.И. 455, 574
 Ермолов 493
 Есипов Б.П. 59, 60, 64, 66, 68, 70
 Ефимов 598
 Ефремов С.А. 158
 Ефремов Ф.М. 542, 543
 Жавороников С.Н. 549, 567
 Жан Поль (Jean Paul) 517

- Жаречная С. 182
 Жданов А.А. 240, 252, 271, 282, 326, 593, 594, 689, 706
 Жданов Н. 172, 182
 Жебровский В.Ю. 251
 Железнов В.Я. 145
 Жуковский С.Б. 550, 562, 563
 Жураковский Г.Е. 59, 69, 506
 Журис И. 543, 563
 Зайденовурм 471
 Зайка С. 311
 Зайцев В.Г. 355, 728
 Зайцева М.В. 251
 Закова И. 390
 Залкинд А.В. 191
 Залужный А.С. 219-220, 345, 395, 405, 446, 483, 507
 Затонов Р. 442, 519, 520, 521
 Затонский В.П. 105, 223, 262, 263, 290, 326, 329, 331, 336, 385, 424, 461, 463, 465, 537, 635
 Затонский Д.В. 290, 433
 Захаров Н.И. 298
 Захаршевская Е.В. 247, 290, 375, 376
 Захаршевский В.П. 109, 210, 241, 290, 375
 Зелинский К. 183
 Зигрист (Sigrist) Г.Е. 546-547
 Зильберштейн А.И. 60, 201, 210, 310, 311
 Зиновьев Г.Е. 193, 211, 233, 311, 355, 365, 423, 446, 616
 Золотарьев В. 526, 619, 645
 Зорге (Sorge) Р. 431
 Зоря Е. 356, 361
 Зоценко М. 592
 Зубайраев А. 68
 Зубенко А.С. 457
 Зуев А.Н. 272
 Зырянова Н. 66, 67
 Зюнкель (Sünkel) В. 35-36, 186, 208, 499, 500, 506, 507, 510
 Зязюн И.А. 233, 266, 449, 464, 521, 582, 583
 И. А. 322
 И. С. 65
 Иваненко О.Д. 474
 Иванов 442
 Иванов В.В. 274, 557
 Иванов Ф.Г. 444
 Ивановский Л.Р. 604, 607, 608
 Ивахненко 296
 Ивинская О. 247
 Игнатенко (Игнатенко) П. 755
 Илалтдинова Е.Ю. 573-579, 689, 690, 692, 718
 Ильф И. 238
 Ингулов С.Б. 271
 Кавтаридзе С.И. 530
 Каганович Л.М. 240, 271, 465, 727
 Каганович Ю.М. 269-270, 690, 691
 Казанова (Casanova) Д.Д. 740
 Казнов 566
 Каиров И.А. 16, 50, 60, 62, 64, 66, 69, 118, 162, 580, 654
 Калабакин С.А. 15, 45, 46, 47, 48, 65, 66, 67, 100, 103, 107, 108, 162, 216, 224, 277-278, 289, 292, 300, 346, 519, 536, 544, 621, 624, 625, 627, 637, 715, 738, 739, 744
 Калабалина Г.К. 162
 Калабалина Е. 100, 108
 Калашников А.Г. 49
 Калинин М.И. 188, 311, 543, 706
 Камардинов В. 40, 743
 Каменев Л.Б. 193, 233, 311, 355
 Каменев С.А. 251, 254
 Каменецкий 355
 Каминский Э.П. 561, 562, 567
 Кандыба 213
 Канторович В.Я. 243, 305, 306, 336
 Канторович С.И. 213
 Караваева А.А. 45, 47, 172, 182, 260, 282, 591
 Карасик З. 130
 Кареев Н.И. 654
 Карельская Р. 603
 Карлсон К.М. 131, 223, 235, 261, 267, 262, 291, 316, 329, 380, 382, 383, 384, 385, 635
 Кароли (Caroli) Д. 554-555
 Карпенчук С.Г. 233
 Касаткин И.М. 272, 596, 597
 Кастерниц И.К. 468
 Катериночкин Н. 53, 67
 Катунин Ю. 13
 Катаев И.И. 266
 Кацнельсон З.Б. 308, 310, 311, 322, 348
 Кашинцев 387
 Квятковский М. 92
 Келеберда А. 431, 433, 434, 756
 Кербер (Koerber) Л. фон 71, 545-547, 548, 549, 561
 Керженцев П.М. 240, 252, 307
 Кершенштейнер (Kerschensteiner) Г. 396
 Кидыба А.С. 264, 265, 365
 Кин В. 229, 383
 Кингслей С. 327
 Кинитц (Kienitz) В. 138
 Кириленко И.У. 379
 Кириченко С.Т. 483, 494
 Киров С.М. 146, 256, 296, 567, 593
 Кирпотин В. 181
 Кирст К. 42
 Киришон В.М. 181, 240, 241, 245, 554, 557, 590, 595, 596
 Клейн (Klein) Ф. 504
 Клепо С.Ф. 13, 693, 700, 748
 Клеточкина П. 331
 Ключевский В.О. 326
 Ключник В.И. 119, 624, 625, 731
 Князева Т.С. 195
 Кобельников 241, 596
 Ковалёв Л.Т. 210
 Ковалёв М. 382
 Коваленко 326, 717
 Коваль В.В. 266, 621, 629
 Коваль Л.Т. 266, 320, 398, 406, 422, 433, 446, 464, 465, 483, 496, 504, 505, 512, 520, 521, 528, 629, 667
 Ковнатор З. 253-255, 371

- Ковнатор Р.А. 232, 253-255, 274, 307, 344, 371, 670
 Козаков М.Э. 587, 588, 609
 Козельский Б.В. 263, 321
 Козлов И.Ф. 16, 17, 60, 64, 162, 163-164, 580, 581
 Козырь И. 100
 Койнаш П. 396
 Коккинаки В.К. 706
 Колбановский В.Н. 15, 46, 48-49, 57, 60, 62, 65, 66, 68, 172-174, 176, 182, 228, 251, 280, 304, 307, 633
 Коломийцев В.И. 93, 426, 535
 Коломийченко А.Е. 247
 Колос И.Г. 442, 443, 519
 Колчак А.В. 475
 Колянзин В.Ф. 248
 Комаровский В.В. 62, 63, 574
 Компанцев М.Г. 41, 43, 143, 152, 419, 433, 712
 Кондаков М.И. 11, 582
 Кондратьев Н.Н. 668
 Конецкий В.В. 723
 Конисевич Л.В. 332, 532
 Кононенко Е. 225
 Кононенко (Трофимовская) Е.Ф. 222, 298, 306, 309, 312, 634, 636, 717
 Кононенко К.С. 87, 108, 169, 177, 181, 210, 221-227, 239, 257, 277, 285, 290, 298, 304, 306, 307, 309, 312, 317, 321, 376, 387, 427, 434, 596, 634-637, 649, 652, 657, 699, 717, 753
 Кононенко О.К. 222, 227, 301, 304, 387, 427, 634, 637, 693, 699
 Константинов Н.А. 59
 Копиленко О.И. 360
 Копязин В.Ф. 254
 Кораленко Л.Е. 488
 Кореневская (Korenewskaja) Н. 266
 Корнейчук О.Е. 379
 Королёв В.В. 194
 Короленко В.Г. 311, 416, 440, 444, 505
 Короленко С.В. 416
 Коростелёва Е.М. 168, 252, 288, 303, 304, 305, 307, 325, 326, 341, 343, 348, 349, 670
 Коротов В.М. 161, 163, 194, 582
 Корчак (KorczaK) Я. 508, 516
 Косиор С.В. 329, 331
 Костецкая В. 40-41
 Костомаров Н.И. 654
 Кот (Cot) П. 262, 537
 Котельников М.Н. 435, 450, 451, 474-479, 481, 483
 Кравченко 717
 Краковский И.М. 296
 Крамов А.Г. 327, 636
 Крамущенко Л.В. 449, 450, 583
 Красавина А. 332
 Крауклис Я.К. 151, 212, 264, 364, 365
 Крафт А.Н. 542
 Крахалев А.Н. 611, 612, 614
 Крейман Ф. 605
 Кривонос И.Ф. 398, 449, 450, 457, 583
 Кропачёва М. 47, 66
 Крупенина М.В. 49, 188
 Крупская Н.К. 49, 59, 60, 61, 68, 70, 114, 115, 145, 188-197, 277, 351, 508, 512-513, 542, 572, 651, 656, 706, 709
 Крымов Ю. 229
 Крюгер-Потрац (Krüger-Potratz) М. 4570, 255, 402, 471
 Крючков П.П. 234, 240, 290, 311, 335, 369, 370, 381, 558
 Кубраков Г.М. 110
 Кудряшов С. 390
 Кузнецов М.М. 549
 Кузьменко 382
 Кузьмич В. 357
 Кулинич Н.М. 398
 Кульчицкий С. 460
 Кумарин В.В. 29-30, 36-37, 74, 97-98, 99-121, 151, 153, 161, 213, 233, 263, 280, 320, 365, 385, 389, 422, 428, 433, 434, 435-436, 500, 535, 571, 702
 Куриловская О.П. 476
 Курьянов 733
 Куфаев В.И. 48, 63, 66, 176
 Кушнир А. 13
 Лаврова К. 177, 182, 652
 Лагузен (Lahusen) Т. 266
 Лазарев Н. 663, 666, 667
 Лангман А.Я. 547
 Лановенко М.Л. 711, 712
 Лапинова М.Е. 376
 Ларина Л.И. 247
 Лафарг (Lafargue) П. 145
 Лебедева Т.Л. 99, 101, 119-120, 225, 285, 288, 301, 411, 535
 Лебедь А.И. 40
 Левин 716
 Левин (Lewin) А. 87, 702
 Левин Ф. 119, 228, 657, 659
 Левицкий А.А. 81, 393
 Левицов М.Ю. 591
 Левшаков В.Т. 716
 Лежнёв И.Г. 246, 270, 563
 Лезин (Lézine) И. 33, 184
 Лейзерман 382
 Лейц (Leitz) 646, 752
 Лемперт Л.З. 463
 Ленин В.И. 49, 50, 59, 61, 62, 64, 67, 115, 122, 129, 145, 146, 178, 188, 193, 195, 198, 199, 209, 210, 269, 275, 311, 351, 373, 386, 389, 446, 449, 505, 530, 541, 542, 551, 656, 720, 739, 753, 755
 Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) 537
 Леонов Л.М. 350, 584
 Леонхард (Leonhard) С. 181
 Леплевский И.М. 265, 267
 Лермонтов М.Ю. 311, 722
 Лесовик (Лисовик) А.Г. 461, 469, 470, 471
 Лесючевский Н.В. 258, 588
 Либединский Ю.Н. 597
 Лим А. 603
 Линднер (Lindner) В. 517
 Литвин М.И. 467
 Литвинов М.М. 451, 541

- Литц (Lietz) Г. 97
 Лобер 58
 Логинова Е.Н. 274
 Лозовский А. (Дридзо С.А.) 281, 282, 744
 Ломброзо (Lombroso) Ч. 345
 Ломоносов М.В. 53, 570
 Ломпшер (Lompscher) Ф. 138
 Лондон Д.В. 482
 Лондон Н.С. 462
 Лосев В. 326
 Лоскутов М. 657
 Лост (Lost) К. 190, 550
 Лотоцкий О. 94
 Лузгин М. 336, 541, 646
 Лукин Ю.Б. 15, 46, 47, 743
 Лукьяненко Л. 67
 Лукьянченко О.А. 13, 611
 Луначарский А.В. 49, 188, 440, 505, 508
 Лунин С. 327
 Луппол И.К. 383
 Луппол (Луппол-Бобровская) М.Е. 383, 624, 626
 Лысенко (Лисенко) П.Г. 65, 130, 131, 193, 194, 195, 255, 278, 328, 650, 696, 703
 Лысенко Т.Д. 46, 61, 210, 221, 706
 Львов К.И. 654
 Львова Ю. 233
 Люсогорский Ф.В. 92
 Любощиц С. 67
 Любченко П.П. 331
 Люци А. 327
 Лялин Н. 49-54, 59, 60, 66, 67, 68, 69
 Магура Е.С. 88, 427,
 Макаренко В.С. 9, 10-11, 29-31, 32-44, 62, 73, 80, 87, 88, 92, 94, 105, 111, 112-113, 117-118, 120, 131, 132, 140-141, 142, 143, 152, 165, 181, 184-185, 231, 260-261, 270, 296, 298, 385, 413, 419-420, 421, 425, 426, 433, 435, 527, 531-540, 570, 626, 659, 664, 665-666, 695, 696, 699, 712, 713-714, 743, 755
 Макаренко (Рогаль-Левицкая, Салько) Г.С. 13, 15, 16, 19, 20, 22, 47, 54, 55, 56, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 68, 69, 74, 77, 83, 93, 99-115, 116, 117, 122, 129, 130, 136, 146, 159, 162, 163, 167, 182, 190, 191, 187, 198-199, 200-198, 206, 209-210, 212, 219, 224-226, 233, 233, 234, 235, 236, 250, 253, 254, 255, 256-257, 261, 262, 263, 265, 267, 268, 269, 280, 285, 290, 293, 294-295, 304, 308, 312, 320, 321, 322, 323, 327, 329, 333, 343, 351, 356, 357, 362, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 379, 383, 386, 410-411, 412, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 432, 434, 435, 446, 447, 453, 478, 483, 489, 495, 512, 513, 519, 532, 534, 535, 536, 538, 556, 558, 562-563, 568, 580, 583, 590, 596, 622, 624, 625, 626, 628, 630, 646, 651, 662, 690, 708, 714, 716, 717, 723, 724, 726, 727, 728, 729-731, 738, 743, 745, 746, 755
 Макаренко О.В. 29, 92, 93, 105, 107, 112, 119-120, 167, 186, 223, 227, 247, 248, 253, 293, 301, 368, 369, 370, 371, 375, 378, 383, 537, 624, 625, 627, 628, 633-637, 651, 728, 730, 743
 Макаренко С.Г. 30, 36, 98, 139-140, 141, 181, 642, 659
 Макаренко Т.М. 119, 536, 664
 Максименко Л.В. 252, 307
 Максимов В. 13
 Максимова В.А. 670
 Малахов К. 87, 323, 652
 Маленков Г.М. 535
 Малинин В.И. 162, 189, 195, 196, 199, 208, 210, 233, 572
 Малышкин 478
 Малышкин А.Г. 248
 Мамедов А. 721, 723
 Мандельштам О.Э. 749
 Мануильский М. 55, 67
 Маргулин Н.С. 479
 Марков В.Н. 62, 69
 Маркс (Marx) К. 56. 129, 145, 164, 275, 280 351, 352, 373, 496, 519, 647, 655-656, 658, 659
 Маро (Левитина М.И.) 422, 433, 480, 491, 511
 Марочко В.И. 221-227, 239-240, 285, 290, 390, 411, 432, 434, 649, 693, 699, 717-718, 755, 756, 757
 Марченко Д.А. 594
 Марченко И.А. 594
 Маршак С.Я. 295, 322, 708, 709, 753
 «Марфуша» (Марфа Петровна) 98, 109, 294-295, 371, 376
 Маслов П.П. 145
 Матвеев Д. 541, 543, 544, 549, 550, 552, 553
 Махно Н.И. 601
 Матурин 332
 Маяковский В.В. 267
 Мёбус (Möbus) Г. 71, 153
 Медведев Р.А. 132, 245, 564
 Медынский Е.Н. 16, 59, 60, 62, 64, 66, 68, 69, 134, 139, 148, 162, 184, 211, 256, 373, 412, 619, 621, 645, 654, 702
 Меликов Ф.Г. 541, 542, 543, 555, 566
 Менжинская В.Р. 194
 Менжинская Л.Р. 194, 475, 476, 478
 Мессер Р.Д. 586, 587-588, 609
 Мехлис Л.З. 265
 Мизерницкий А.М. 416, 439, 456, 459-468, 471, 484, 757
 Микитенко И.К. 240, 272-273, 356, 361, 379, 644-645
 Микке Н. 390
 Миллер Т.А. 323, 518
 Милосердова Н. 719, 727, 745
 Милькин А. 721, 723, 741, 745
 Мильчаков Л.С. 527
 Милютина М.С. 39, 81
 Миронов Н.Н. 189, 190, 439, 462, 481, 482, 693, 698-699, Михайлов Л. 493-494
 Михайлов С.В. 582, 598
 Михайловский Н.К. 145
 Михальков С.В. 11
 Мичурин И.В. 61
 Мищенко В. 348

- Молодцов И. 191
 Молотов В.М. 20, 150, 240, 241, 249, 255, 265, 271, 311, 337, 433, 567, 582, 584, 594, 640, 655
 Моносзон Э.И. 115, 161, 215, 628, 738
 Моргун В.Ф. 233, 432, 434, 523, 693, 695, 748, 755, 756
 Морозов В. 433
 Морозов П.Т. 723
 Морозова Н.А. 66, 70, 89, 100, 102, 152, 182, 184, 207, 268, 270, 309, 333, 338, 351, 374, 384, 412, 413, 414, 415, 420, 421, 444, 447, 529, 670, 687, 688, 689, 692
 Москаленко И.П. 316
 Мостославский А. 152
 Мурин Ю. 266
 Муссолини (Mussolini) Б. 249
 Назаренко Н.В. 93, 376, 625, 627, Накоряков Н.Н. 169, 250, 260, 276
 Накулина Н.Н. 618
 Наполеон (Napoléon) 213
 Настайнчик (Nastainchyk) В. 72, 153
 Науменко Ф.И. 38, 42, 64, 69, 75, 92, 94, 120-121, 159, 206, 212, 247, 264, 310, 351, 352, 365, 385, 414, 447, 458, 502, 503, 519, 520, 591, 624, 625, 693, 697-698
 Наумов Б.Н. 233
 Наумов В.П. 561
 Невская С.С. 87, 135-138, 159, 161-163, 181, 183, 192, 196, 198-199, 204, 205-207, 211, 218, 234, 243, 245, 253, 286, 292, 302, 309, 327, 344, 390, 410, 433, 434, 447, 519, 534, 535, 556, 578, 590, 583, 624, 625, 630, 633, 638, 641, 667, 668, 669, 717, 746, 755, 756
 Невский В. 326
 Негинский С. 67
 Негрель (Négre) Д. 13
 Нежинский (Ніжинський) Н.П. 81, 85, 92, 102, 118, 161, 184, 193, 233, 281, 287, 349, 365, 374, 375, 412, 414, 416, 449, 644, 692, 703
 Некрасов В. 245
 Нельсон (Nelson) Л. 196, 551, 552
 Немченко 61, 643
 Нестеров В. 629
 Нецель (Nezel) И. 507
 Никитенко А.В. 736
 Никитин А.И. 240
 Николаев А.М. 291, 555
 Николаевская-Вольпе Ф.Л. 749
 Николай II 736, 740
 Николай Угодник 389
 Никутина 618
 Ницше (Nietzsche) Ф. 199, 460, 658
 Новиков А. 233
 Новиков Г. 519
 Новиков Л. 28
 Нооль (Nohl) X. 71, 72, 508
 Носков 324, 333
 Нотт (Nott) С. 645
 Образцова Л.В. 207, 218, 351, 390
 Овидий (Ovidius) 164
 Овчинников 296
 Огий (Огий-Чернуха) Н.А. 212, 213, 264, 267, 380, 382
 Огородников И.Т. 64, 70
 Озерницкий Л. 632
 Окса Н.Н. 42, 92, 120, 121, 151, 159, 161, 212, 218, 233, 264, 266, 276, 287, 288, 297, 298, 299, 310, 311, 320, 351, 365, 383, 390, 396, 397, 398, 411, 412418, 439-448, 464, 465, 488, 505, 513, 520, 521, 621, 623, 629, 693, 695, 697, 756
 Октябрьский 380
 Окулова Е.В. 670
 Олещко Н. (Кононенко К.С.) 224
 Ольшанский Б. 405, 457
 «Оля-немка» 98, 108, 109, 295
 Омельченко К.К. 708
 Опалихин В.М. 162
 Оратовский Б.И. 296, 297
 Орлов М.А. 588
 Осипенко П. 328
 Осипов В.О. 266
 Осовский Г.М. 332, 349
 Ососков А.В. 153, 209
 Остапченко А.И. 61, 485, 643
 Остерман 104, 105, 113
 Островский Н.А. 338, 753
 Островский И.М. 550, 562, 563, 567
 Остроменцкая Н.Ф. 189, 190, 512,, 513, 516, 517, 520, 545
 Охотин Н.Г. 167, 168, 169, 181, 229, 341, 343, 430, 526, 542, 620
 Павлов А. 138
 Павлов И.П. 644
 Павлов-Сильванский Н.П. 654
 Падовский Н. 547
 Панкрухин А.Ф. 382
 Панов В. 172, 173, 260, 591
 Пантелеев Л. 337
 Панфёров Ф.И. 237, 247, 271
 Панч П.И. 379
 Паперная Г.А. 161, 233
 Пасика Т.С. 496
 Пастернак Б.Л. 247, 248, 570, 588, 597, 701
 Пастушок В. 411
 Патаки (Pataki) Ф. 210, 247, 433, 591, 698
 Паустовский К.Г. 259, 590, 595
 Первенцев А.А. 271
 Первомайский Л.С. 327
 Перепёлкин А.С. 291, 317
 Персиц М.И. 567
 Песталоцци (Pestalozzi) И.Г. 19, 22, 50, 58, 72, 129, 171, 351-352, 373, 404, 405, 429, 501, 517, 521, 640
 Петлюра С.В. 158, 601
 Пётр I 305
 Петрикаш (Petrikás) А. 284
 Петров Е. 238
 Петров И.В. 526, 529
 Петров Н.В. 105, 246, 247, 327, 343, 378, 524, 542, 550, 557, 561, 563, 564, 567, 620, 723
 Петровский Г.И. 331, 440, 530
 Петрухин И.С. 10, 580
 Петрушевский Д.М. 654

- Пеха (Pecha) Л. 31, 36, 41, 80, 87, 88, 92, 94, 109, 110, 184, 186-187, 201, 206, 285286, 333, 419, 423, 434, 446, 465, 473, 519, 536, 570, 578, 621, 627, 680, 693, 695, 703, 715, 717, 757
- Печерникова И.А. 69
- Пиаже (Piaget) Ж. 396
- Пик (Pieck) В. 331
- Пильняк Б.А. 263
- Пинкевич А.П. 49, 188, 251
- Пинкус С.Ф. 127, 131, 236, 265, 354, 365, 376, 377-378, 383, 384, 385, 387
- Пинчевский М. 245, 560
- Пирогов 48
- Пискунов А.И. 703
- Письменная Ф.В. 328
- Письменный Я.В. 127, 156, 157, 327329
- Пистрак М.М. 43, 114, 188, 196, 350351
- Пихоцкая Е. 257, 431, 432
- Пихоя Р.Г. 246
- Пичугина П.Н. 709
- Плаггенборг (Plaggenborg) С. 255
- Плетниченко В.И. 330
- Плеханов Г.В. 326
- Плиш 442
- Плотникова 562
- Погодин А.Н. 555, 565, 566, 567
- Погребинская А.Б. 542, 547, 548, 557
- Погребинский М.С. 132, 243, 244, 245, 541, 542, 543, 544, 547, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 562, 563, 564-565, 567
- Подвойский Н.И. 116
- Позамантир Р.Д. 541, 542, 543, 547, 556
- Покровский М.Н. 326, 463, 498
- Поликсенова Г.М. 325, 337, 376
- Полянкер Г. 358, 361
- Попов А.И. 86, 156, 157, 158, 159, 219220, 396, 405, 446, 756
- Попов В.И. 479
- Попов Н.Н. 331, 426
- Поповиченко В.С. 81, 86
- Поповиченко Н.Т. 455, 577
- Поскрёбышев А.Н. 266
- Постышев П.П. 131, 304, 331, 335, 336, 465, 642, 643
- Потёмкин В.П. 67, 118
- Потоцкий А. 94
- Прамнэк Э.К. 565
- Пристайко В. 526, 619, 645
- Пришвин М.М. 650
- Приходько Е.С. 215
- Прокофьев С.С. 307, 337
- Прокш (Proksch) 397
- Протасов Н. 66
- Протопопов В.Н. 493
- Проценко В. 66, 68
- Прут И.Л. 239, 595-596
- Пудовкин В.И. 707
- Пурь 715
- Пушкин А.С. 119, 318, 321, 445, 586, 595, 737
- Пфляймер Д. 177, 182
- Пфляймер Н. 177, 182
- Пшенов 442
- Пылев В.И. 75, 628
- Пятаков Г.Л. 233
- Рабинович Л. 321
- Рабичев 241
- Радек К. 233, 720, 721, 722, 723, 727, 745
- Разумова Л.Н. 206-207
- Райх (Reich) В. 546, 547, 550
- Райхштейн Я.И. 265, 377-378
- Ракович О.П. 92, 202, 629
- Раковский Х.Г. 440
- Рапцуняк А.Н. 316
- Раскин Л.Е. 50, 54, 67
- Регинин В. 248
- Реденс С.Ф. 567
- Резвик (Rezwick) У. 548, 553
- Резник Я.Б. 56, 58, 69
- Репинин В.А. 618
- Рест Б. 586
- Решетов И.Ф. 688, 689
- Реферт В.Д. 265
- Ривес С.М. 50, 56, 62, 63, 66, 69, 114, 162
- Римский-Корсаков Н.А. 119, 322
- Риттершпорн (Rittersporn) Г. 390
- Ровинский Л. 260
- Рогинский А.Б. 526, 542, 620
- Родин А.М. 252
- Роженко С.С. 159
- Рожков Н.А. 326
- Розенберг 397
- Розенфельд (Rosenfeld) К. 550, 555
- Розинский М. 590
- Розовский (Розовський) М. 315
- Ройтенберг Е.О. 45, 48, 65, 66, 331, 333, 380, 381-382
- Роллан (Rolland) Р. 433, 447, 720, 727
- Романов С.Г. 67
- Ромицын А. 724-725
- Роот В.М. 207
- Рошал М. 68
- Рощин М. 75, 130, 628
- Рубинштейн С.Л. 61, 69, 570
- Руденко В.А. 382
- Руденко Ю.Д. 208, 233
- Русова С. 394
- Руссо (Rousseau) Ж.Ж. 21, 58, 171, 351, 373, 517
- Руставели Ш. 222, 274-276
- Рыбников 470, 471, 473
- Рыков А.И. 281, 592
- Рыктин Г. 556
- Рюттенауэр (Rüttenauer) И. 28, 72, 94, 129, 133, 138, 159, 181, 182, 207, 392, 504, 703
- Ряппо Я.П. 481, 494
- Савников 107
- Савченко Т. 220
- Савченко Х.Д. 404-405
- Саллюстий (Sallustius) Г. 495
- Салько Л.М. 103-104, 109-110, 111, 112, 113, 117, 167, 201, 233, 234, 253, 293, 287, 288, 301, 303, 304, 307, 308, 313, 315, 322, 323, 326, 330, 333, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 356, 357, 368-372, 372, 373, 375, 376, 410-411, 432, 568, 624, 625, 636, 728, 731

- Салько М.В. 104, 105, 369, 428, 462
 Самодуров П. 67
 Сарач А. 591
 Сарач А.М. 606
 Сарач Е.А. 606
 Сарач М.М. 604, 605, 607
 Сарач М.С. 605
 Сарач (Сарач-Гирей-Ивановская) Н.М. см. Гирей Н.М.
 Сарач Т. 605
 Сарач-Голунова Е.А. 606
 Сарач-Султан-Гирей 610, 611
 Сарычева М.В. 63
 Свадковский И.Ф. 16, 63, 161-162, 164, 264, 580, 702
 Сватко А.С. 96
 Свирин Н.Г. 586, 594-595
 Северов Б.Л. 546, 555, 566, 567
 Северова М.Б. 567
 Сейфуллина Л.Н. 567
 Семёнов С.А. 600, 601-602, 603, 608, 609, 616
 Семёнова 325
 Семёнова Н.Г. 602
 Сенченко А.Г. 356, 360, 361, 379, 644
 Сенченко И.Е. 356
 Серафимович А.С. 229, 274, 275
 Серебранский М. 561
 Сероштан А.И. 375
 Сеченов И.М. 464
 Сим П. 356
 Сирияченко Н. 253
 Сичилиана де Кумис (Siciliana de Cumis), Н. 9, 11
 Сковорцов-Степанов И.И. 505
 Скопина Л.А. 327
 Скоркин К.В. 526, 529, 542, 550, 557, 561, 563, 564, 567, 620
 Скоропадский П.П. 81, 144
 Скрыпник Н.А. (Скипник М.О.) 85, 192, 426, 465
 Славин Л.И. 259, 590
 Славковая И. 233
 Смирнов 301
 Смирнова Е.Е. 49
 Смирнова Л.Н. 70
 Смола 716
 Снитковский В. 749
 Соболев Л. 45
 Советов С. 174, 182
 Созинова Г.А. 523, 572
 Соколов 565
 Соколов Б. 327
 Соколов Н.А. 68
 Соколов П. 233
 Соколов В.И. 192
 Сокольников Г.Я. 193, 233
 Соколянский И.А. 82, 156, 157, 158, 219-220, 396, 405, 444, 446, 451, 462, 467, 475, 478, 479, 481, 483, 490, 493
 Соловьёв С.М. 654
 Сопин И.П. 626
 Сорока М.П. 443
 Сосновский Л.С. 306
 Спасский В. 52, 66, 67
 Ставский В.П. 228, 237, 238, 239, 240, 245, 249, 259, 266, 272, 275, 279, 282, 350, 589, 590, 593, 594, 595, 596, 597, 618
 Сталин В.И. 17, 615, 640
 Сталин И.В. 20, 50, 59, 61, 62, 63, 64, 117, 118, 122-125, 130, 139, 140, 146-147, 149-150, 151, 152, 174, 178, 188, 193, 193, 208-216, 221, 222, 224, 226, 234, 237, 239, 240, 247, 252, 255, 256, 257, 259, 264, 265, 266, 267, 269, 271, 275, 276, 283, 307, 311, 318, 334, 336, 337, 338, 360, 355, 363, 364, 365, 366, 367, 373, 385, 386, 388, 423, 425, 426, 427, 428, 429, 431-433, 446, 466, 500, 530, 543, 561, 562, 567, 581, 589, 591, 594, 596, 597, 598, 616, 617, 640, 651, 689, 690, 708, 718, 727-728, 732-733, 745, 755, 756, 757
 Сталина С.В. 640
 Стан 182
 Станиславский К.С. 726
 Стаханов А.Г. 272, 388
 Стебловский В. 445
 Степаненко Н. 10, 12
 Степанов И. 65
 Степанченко Л.Т. 37, 39, 112, 659, 711
 Стецкий А.И. 263, 350
 Столярова 623, 668
 Стрижевский Л.И. 151, 213, 264-265, 365
 Стотыка А. 218
 Стороженко Н.П. 60, 174-176, 182
 Стрельбицкий С.Д. 452
 Субоцкий Л.М. 249, 273
 Сувойчик В. 52, 67
 Сугак А.П. 574
 Судаков И.П. 716
 Султан-Гирей (-Ивановская) см. Гирей Н.М.
 Сундуков Н.А. 66, 136, 163, 670
 Сухомлинский В.А. 114, 695
 Сухорский С.Ф. 75, 159, 233
 Талалаевский 332
 Тамашин Л.Г. 241
 Таничев А.А. 603
 Тарасевич Н.Н. 445, 447, 449, 450, 577578, 583
 Тарасов В.Н. 88, 94, 653
 Татаринов Т.Д. 85, 93, 106, 224, 637, 653, 655, 716
 Татаринова 106
 Текило А. 431, 433, 434, 756
 Тененбойм З.Ш. 599, 600, 603, 604, 605, 606, 609, 611, 612, 614, 633, 749
 Тепер И.Я. 716, 718
 Тер-Гевондян А.Г. 16, 40, 60, 64, 69, 163, 416, 580, 661, 662
 Терещенко Р. 442
 Терский В.Н. 106, 211, 224, 330, 422, 427, 553, 637, 646-647
 Тимирязев К.А. 61
 Титович М. 207
 Титович С. 233
 Тихомиров Г.А. 706, 707
 Тихонов Н.С. 388, 595
 Тихонов П.К. 319, 331

- Ткаченко А.В. 449
 Ткачук И. 363
 Товмач 442
 Токарев Ю.И. 95, 138, 159, 390, 411
 Толстой А.Н. 388, 445, 557, 597, 706
 Толстой Л.Н. 350, 630
 Толстой П.А. 305
 Тренёв К.А. 229, 240, 383
 Трепке В. 455
 Трепке Э. 455
 Трифонов 116
 Троицкий В.Ю. 582
 Троцкий Л.Д. 158, 211, 212, 255, 357, 364, 365, 389, 423, 426, 446, 563, 594, 596, 616, 619, 727
 Тубин А. 45, 65, 175, 743, 744
 Туган-Барановский М.И. 145
 Тумаев В. 390, 411
 Тумаева Л. 390, 411
 Туполев А.Н. 640
 Тургенев И.С. 341, 721, 739
 Турчанинова Т.В. 108, 110, 206-207, 214, 302, 327, 430, 756
 Тухачевский М.Н. 110, 247, 618
 Тюркин П.А. 115, 193, 277
 Тюрменко Я. 327
 Убийвовк И.С. 65, 130, 131, 328, 650
 Уборевич И.П. 618
 Уланова Г.С. 740
 Ульрих В.В. 567
 Ульшина Г.Г. 601, 603, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 617
 Ульянов И.Н. 59
 Уншлихт И.С. 604, 608
 Уралова Е. 49, 62
 Устинов Г.П. 292
 Ушинский К.Д. 50
 Фадеев А.А. 45, 69, 115-116, 120, 152, 169, 179, 213, 214, 228-230, 239, 240, 248, 250, 262, 263, 265, 272, 282, 304, 350, 433, 557, 593-594, 596, 597, 618, 743, 744
 Файко А.М. 259, 590
 Файфель (Feifel) Э. 72
 Фалькевич 491
 Фельдман А. 218
 Федин К.А. 272, 596
 Фере Н.Э. 104, 114, 192, 426, 434, 450
 Фефер И. 357, 358, 359, 361
 Фиалковский З.Е. 445, 470, 478
 Филин И. 181, 183
 Финк В.Г. 15, 45, 46, 47, 69, 105, 238, 259, 262, 537, 590, 595, 625, 743, 745
 Финн К.Я. 259, 270, 590, 691
 Фирин С.Г. 128, 129, 241, 242, 243, 304, 561
 Фонская С.И. 622-623, 624, 625, 626, 629, 630
 Фрадкин Ф.А. 159, 347
 Франко И.Я. 485
 Фрёзе (Froese) Л. 18, 71-72, 73, 97, 132, 194-195, 460, 504, 570, 571, 582, 701, 702
 Фридман С.М. 471
 Фролов А.А. 20, 38, 44, 70-72, 130, 131, 161, 182, 188, 190, 191, 231, 250, 253, 261, 262, 270, 273, 276, 277, 342, 347, 350, 353, 390, 392, 450, 474, 502, 528, 533, 534, 571, 573-579, 582, 583, 633, 691, 692, 718, 757
 Фуесс (Fuess) 406-407
 Фурманов Д.А. 271, 327, 752, 753
 Хабибулова Э.А. 159
 Хазенцаль Г. 218
 Хаймпель (Heimpel) Э. 71, 72
 Халявко Я.Т. 443
 Хан Е. 411
 Хандрос Б. 75, 139, 216, 277, 469
 Хардер (Harder) Х.-Б. 23, 70, 94
 Хаустов В.Н. 561
 Хашковец (Haškovec) Й. 69
 Хвостов В.М. 74
 Хеделер (Hedeler) В. 255, 282, 390
 Хелемендик В.С. 582
 Хенек (Henek) Т. 194
 Хилтунен В. 75, 216
 Хильдермайер (Hildermeier) М. 43, 152
 Хлевнюк О.В. 255, 265, 312
 Хлыновская (v. Hlynosvskij) В. 28
 Хольфелдер (Hohlfelder) А. 397
 Холмс (Holms) Л.Ю. 640
 Холодюк А. 138
 Хоменко О. 408, 409
 Хондратьев Н.Н. 623
 Хрусталёва В.А. 66, 70
 Хрущёв Н.С. 265
 Цалов 38, 43, 32, 37, 137, 420
 Цезарь (Caesar) Г.Ю. 611
 Ценцилер М.Б. 627, 743
 Цехановский 375
 Циклис С.М. 297, 298, 319
 Цой Г. 613, 616
 Цой Сик 616
 Цой Тереза 616
 Цой Ядвига 616
 Цуканов П. 67
 Цуканова О. 411
 Цыбан 717
 Цыбульский Г.М. 300, 331
 Цыбулько Л.Ф. 43, 152, 153
 Чабан М.Я. 416, 440
 Чавдеров С.Х. 66
 Чагадаев А.С. 552
 Чайковский П.И. 321, 658
 Чакаров (Чакъров) Н.Н. 38, 622, 703
 Чапаев В.И. 755
 Чаплин (Chaplin) Ч. 644
 Чардинын П.И. 720
 Червоный С.Л. 379
 Чериковер Л.З. 547
 Черкасов Н.К. 707
 Черняк М. 447
 Четвертина С. 93, 138
 Четунцова Н.И. 15, 46, 58, 65, 68, 271
 Чехов А.П. 80, 142, 327
 Чибизов Г.Г. 623, 668
 Чирский Р.А. 265, 365
 Чкалов В.П. 269-270, 690, 691
 Чубаров Л.А. 29, 186
 Чубарь В.Я. 465
 Чуковский К.И. 105, 111, 180, 183, 706, 707

- Чумаков (Чумаченко, Чумак) И.В. 631633
 Чумандрин М.Ф. 586, 594, 597, 598, 599
 Шабанов А.И. 595
 Шабуневич А.А. 605
 Шабуневич А.С. 605
 Шабуневич М.М. 606
 Шабуневич Н. 606
 Шабуневич О.А. 605, 606, 612
 Шагинян М.С. 281
 Шаевич Х. 147, 209, 356-357, 358, 359, 361
 Шаляпин Ф.И. 294
 Шаплык 442
 Шаповал Ю.И. 118, 471, 526, 529, 619, 645
 Шапошников Б.М. 604
 Шафров 745
 Шацкий С.Т. 49, 60-61, 114, 188, 392
 Швед 103
 Шевченко Т.Г. 88, 485
 Шекспир (Shakespeare) В. 445
 Шелест П.Е. 298
 Шенталинский В.А. 237, 247, 263
 Шеррер (Scherrer) Ю. 555
 Шершнёв Н.Ф. 248, 254, 270, 379-381, 634, 716
 Шестаков А.В. 326
 Шестаков И.А. 92
 Шестаков Н. 327
 Шиллер (Schiller) Э. 93, 137
 Шимбирёв П.Н. 50, 53-54, 55, 59, 64, 65, 67, 68, 69, 70, 254-255
 Ширяев В.А. 287, 349, 357, 386, 572
 Ширяева К. 218
 Шишкин А.С. 300
 Шкловский В.Б. 171, 173, 182, 272, 276, 277, 279
 Шлейпер Я.Л. 382
 Шмидт О.Ю. 640
 Шолохов М.А. 116, 117-118, 213, 214, 228, 248, 263, 265, 267, 283, 433, 597, 706
 Шольц (Scholz) Б.Э. 23, 70, 94
 Шостакович Д.Д. 252, 300, 337, 752
 Шоу (Shaw) Д.Б. 541
 Шпехт (Specht) М. 196, 550, 551, 552
 Шпигель-Вайтц (Spiegel-Weitz) Р. 502
 Шталь Е.Н. 603
 Штейерман В.В. 566, 567
 Шубин Д. 705
 Шульгин В.Н. 49, 305, 471
 Шульман Н.М. 50, 63
 Шумский А.Я. 440, 463
 Шухов И.П. 259
 Щербаков А.С. 255, 350, 369, 370, 594
 Щербатенко И.С. 699, 755
 Эйзенштейн С.М. 707, 722, 723
 Эллерсик (Ellersieck) К. 397
 Энгельс (Engels) Ф. 62, 164, 275, 280281, 496, 519, 647, 656, 661
 Эрет (Ehret) Й. 130
 Эрлих А. 172, 182, 260, 591
 Эрлих Б.И. 598, 599
 Эррио (Herriot) Э. 262, 527, 651, 654
 Эткинд Е.Г. 258, 588
 Ювель Б.М. 364
 Ягода Г.Г. 128, 129, 130, 131, 132, 133, 126-127, 236, 237, 243, 245, 246, 267, 281, 291, 361, 373, 384, 429-430, 529, 541, 542, 548, 554, 555, 557, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 596, 619, 620, 642, 645
 Якир И.Э. 247, 331, 424, 526, 618
 Якоби (Jakobi) Г. 550, 554
 Яковлев 490
 Яковлева Р.И. 152, 386, 433
 Янковский А.И. 320
 Яновская Л. 326, 433
 Яновский (коммунар) 215, 363
 Яновский Ю.И. 327, 353, 354
 Яркина Т.Ф. 571
 Ярмаченко Н.Д. 9, 11, 95, 103, 214, 233, 310, 454, 693, 698, 780
 Ясенский Б. 241, 259, 590, 596
 Яценко И.И. 363

Гётц ХИЛЛИГ (1938–2019)

Д-р философ. наук, приват-доцент истории педагогики Марбургского университета, руководитель лаборатории «Макаренко-реферат» (осн. в 1968 г.) – в 1998–2003 гг. президент, в 1991–1998 гг. и с 2003 г. вице-президент Международной макаренковской ассоциации (осн. в 1991 г. в Полтаве); Иностранный член НАПН Украины (с 1996 г.) и РАО (с 2004 г.). Автор около 250 публикаций о Макаренко.